Р. Штильмарк

НАСЛЕДНИК ИЗ КАЛЬКУТТЫ

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1989

Р2
Ш 91

Ш $\frac{4702010201-3}{М352(64)-89}$ 94—89

ISBN 5—635—00364—8

© *Послесловие.* Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма 1989 г.

Вступление

ДЖЕНТЛЬМЕН И СЛУГА

Горькая услада воспоминаний...
Альфред де Мюсс

Два человека осторожно шли каменистою тропою в небольшой бухте между скалами. Высокий горбоносый джентльмен в темно-зеленом плаще и треугольной шляпе шагал впереди. Из-под шляпы блестела серебром косица парика, туго перехваченная черной лентой, чтобы не растрепал ветер. Морские сапоги с поднятыми отворотами не мешали упругой поступи человека. Эту походку вырабатывал не паркет гостиных, а шаткий настил корабельной палубы.

Спутник человека в плаще, красивый юноша в кафтане грума, нес за ним подзорную трубу в черном футляре и охотничье ружье. Ствол ружья был из лучшей стали — «букетного дамаска»; гладко отполированный приклад украшали перламутровые инкрустации. Ремня и даже ременных ушек — антабок — у этого ружья не имелось: владельцу не было нужды таскать свое охотничье снаряжение на собственных плечах — он не выходил на охоту без оруженосца.

Полукружие открытой бухты окаймляли серые гранитные утесы. Рыбаки прозвали ее бухтой Старого Короля: зубчатая вершина срединного утеса напоминала корону. Над серо-зеленой, пахнущей йодом, водой низко носились чайки. Утро выдалось пасмурное, накрапывал дождь. Летом такая погода была обычной здесь, в северной Англии, на побережье Ирландского моря.

Первый выстрел отозвался эхом в пустынных скалах. Потревоженная стая чаек взмыла ввысь и с пронзительно резкими криками разлетелась врассыпную. Отдельными маленькими стайками птицы понеслись к соседним утесам и там, на другой стороне бухты, вновь стали снижаться. Джентльмен, очевидно, промахнулся: ни одна подстреленная птица не трепетала на вспененной воде.

— Ружье перезаряжено, ваша милость! — Молоденький грум протянул своему хозяину ружье, готовое

к новому выстрелу; стрелок и его спутник уже достигли вершины невысокого утеса и смотрели вниз.— Птицы сейчас успокоятся и опять слетятся.

— Охота не бывает для меня удачной, если я промахнулся с первого выстрела,— отвечал джентльмен.— Пожалуй, наша прогулка нынче вообще бесполезна: ни одного паруса не видно на горизонте. Вероятно, и наш «Орион» отстаивается где-нибудь на якоре. Но все же я побуду здесь, послежу за горизонтом. Оставь ружье у себя, Антони. Подай подзорную трубу и подожди меня внизу, у лошадей.

Грум вручил господину футляр с раздвижной трубой и стал спускаться на тропу. Шорох осыпающихся из-под его ног камешков и шелест кустарника вскоре стихли внизу. Джентльмен остался на утесе один.

Под скалами беспокойно ворочалось море. Туча с океана, медлительно разрастаясь, кутала изломы побережья. Очертания дальних мысов и мелких островов постепенно скрывались в полосе дождя и тумана. Из-под этой низкой пелены возникали ряды бурых морских валов; берег раскрывал им навстречу каменные объятия заливов и бухт. Неторопливо взмахивая косматыми гривами, волны таранили подножие утеса.

Стоявшему на вершине человеку с подзорной трубой казалось, что сам утес, словно корабль, движется навстречу океанским валам, рассекая их каменной грудью, как форштевнем судна. Порывы ветра рассеивали в воздухе тончайшую пыль соленых брызг, и она оседала на его жестких, курчавых бакенбардах. Не отрываясь глядел он на прибой и считал «девятые» валы, самые крупные и гривастые.

Разбившись об утес, волна откатывалась и до тех пор волочила за собою назад, в море, валуны и гравий, пока новый кипящий вал не подхватывал эти камни, чтобы опять швырнуть их к подножию скалы...

Мысли человека уже далеки от этой бухты, от серых утесов и чаек с пронзительными голосами; ничего не различает он вокруг, кроме сердитых косматых гребней. Под ним уже не скала! Ему вспоминается давно погибший корабль...

Снова, как встарь, стоит он, широко расставив ноги, у бушприта накренившегося, словно летящего по волнам судна. Ветер свистит в снастях, наполняя чуть зарифленные паруса... Воды теплого моря фосфоресцируют за бортом. Над мачтами, среди глубокой черноты ночного

неба, он видит не трехзвездный пояс Ориона, а мерцающее золото Южного Креста. Он верил всегда, что среди светил этих двух красивейших созвездий северного и южного небосвода находится и его счастливая звезда, звезда его удачи!

Все дальше и дальше от английских берегов уносит человека призрачный корабль его воспоминаний...

* * *

...Третий месяц шхуна находится в плавании. После нескольких коротких остановок в незначительных портах и укромных бухтах западного побережья Африки шхуна обогнула мыс Доброй Надежды и, посетив южную часть Мадагаскара, углубилась в воды Индийского океана.

Капитан шхуны, одноглазый испанец Бернардито Луис эль Горра, набрал добрых молодцов для дальнего рейса. Сорок шесть матросов, татуированных с ног до головы, понюхавших пороху и знающих толк в погоде; старик боцман, прозванный за свирепость Бобом Акулой; помощник капитана Джакомо Грелли, заслуживший в абордажных схватках кличку Леопард Грелли, и, наконец, сам Бернардито, Одноглазый Дьявол,— таков был экипаж «Черной стрелы».

Уже больше двух недель прошло с того раннего утра, когда скалистое побережье с Игольным мысом[1], где в голубой беспредельности вечно спорят друг с другом воды двух океанов, растаяло на юго-западе за кормой шхуны, но еще ни одно неохраняемое торговое судно не повстречалось со шхуной в просторах Индийского океана.

— Кровь и гром! — ругался на баке Рыжий Пью, швырнув на палубу оловянную кружку. — Какого, спрашивается, дьявола затащил нас Бернардито на своей посудине в эту акулью преисподнюю? Испанские дублоны звенят, по-моему, не хуже, чем индийские рупии!

— Вот уже третий месяц я плаваю с вами,-но еще ни один фартинг не западал за подкладку моих карманов! — подхватил собеседник Рыжего Пью, тощий верзила с золотой серьгой в ухе, прозванный командой Джекобом Скелетом.— Где же они, эти веселые жел-

[1] Мыс Игольный — самая южная оконечность Африканского материка.

гые кружочки и красивые радужные бумажки? С чем я появлюсь в таверне «Соленый пудель», где сам господь бог получает свой пунш только за наличные? Я спрашиваю, где наша звонкая радость?

День близился к концу. Солнце стояло еще высоко, но скрывалось в туманном мареве. С утра капитан уменьшил порции воды и вина, выдаваемые команде. Томимые жаждой, матросы работали вяло и хмуро. Влажный горячий воздух расслаблял людей. Легкий бриз от берегов Мадагаскара наполнял паруса, но это дуновение было таким теплым, что и оно не освежало разгоряченных лиц и тел.

— Сядем, Джекоб. Здесь, под шлюпкой, прохладнее. Через полчаса начинается наша вахта, а горло сухое, точно я изжевал и проглотил библию. Топор и виселица! Когда Черный Вудро был нашим боцманом, у него всегда находилась для меня лишняя пинта сухого арагонского.

— Потише, Пью! Говорят, капитан не любит, когда поминают Вудро или Джузеппе.

— Здесь нас никто не слышит.

— Скажи мне, Пью, верно ли толкуют ребята, что Вудро и Джузеппе протянули лапу за кожаным мешком Бернардито?

Рыжий Пью размазал жирной ладонью капли пота на медном лбу.

— Если бы эти старые волки остались в нашей стае, мы сейчас не болтались бы в этой индийской лоханке, как сухая пробка, и ни в чем не терпели бы нужды. Но, Джекоб, насчет кожаного мешка Бернардито я советую тебе до поры до времени помалкивать. У Бернардито длинные руки, и он умеет быстро спускать курок... Я-то больше года хожу на «Стреле» и видел этот мешок своими глазами, но разрази меня гром, если я сболтну о нем хоть словечко! А между тем я даже смотрел однажды в окно капитанской каюты, когда Одноглазый развязывал свой мешок...

Дуновение ветра качнуло шхуну, и в борт сильнее плеснула волна. Рыжий Пью умолк и огляделся вокруг.

— Послушай, Пью, вчера вечером Леопард Грелли, помощник капитана, подозвал меня потолковать кое о чем,— тихо сказал Джекоб.— Сдается мне, что и он недолюбливает Одноглазого. Грелли говорит, что Вудро и Джузеппе были настоящими парнями... Расскажи-ка мне, Пью, за что Бернардито высадил их на берег?

— В точности этого не знает никто, но кое-что я тебе открою. Только смотри держи язык за зубами, не то и Леопард не поможет: пошлет нас Бернардито на дно к индийскому черту, да еще, пожалуй, рты позашивает! Одноглазый не знает пощады!

— Пусть мне придется всю жизнь пить козье молоко вместо джина, если я проболтаюсь!

— Так вот, Джекоб, перед началом этого рейса наша «Стрела» угодила в облаву...

— Об этом я слыхал. Ребята хвастают, будто «Стрела» подралась чуть ли не с целой эскадрой.

— Что? Хвастают? Ну, Скелет, ты, видно, еще не знаешь Одноглазого! Правда, с ним надо всегда держать ухо востро, потому что он и спит с пальцем на собачке, но уж моряк он — какого не сыщешь ни в одном королевском флоте, клянусь утробой!

— Отчего ж вы удрали?

— Отчего удрали? Хотел бы я посмотреть, как вот такой храбрец вроде тебя, Джекоб, подрался бы на нашей посудине с британским фрегатом и французским двухпалубным бригом! Эх, и славное было дело! Только туман нас тогда и выручил. С дыркой в корме мы все-таки убрались от француза в узкую каталонскую бухту... Бернардито славно одурачил всех гончих собак от Крита до Гибралтара! Две недели они искали нас старательнее, чем трезвый матрос перед прилавком ищет затерявшийся в карманах пенс, но в зубах у них Одноглазый оставил только выдранный клок шерсти да еще напоследок выдержал бой в проклятой бухте со сторожевым испанским корветом.

Воспоминания вызвали у Рыжего Пью прилив гордости. Повествуя, он размахивал руками перед лицом Джекоба. Тот невозмутимо сопел трубкой. Рассказчик заложил за щеку порцию жевательного табаку с бетелем[1] и продолжал:

— Вот тогда капитан и надумал совсем покинуть доброе Средиземное море и идти сюда, в индийские воды. А штурман Джузеппе Лорано и боцман Вудро Крейг не соглашались. Бернардито готовился ночью проскочить Гибралтар, а Вудро и Джузеппе стали подговаривать команду против него. У нас на шхуне было чем поживиться! В трюмах лежала неплохая добыча с

[1] Бетель — ост-индское перечное растение. Его листья, пряного вкуса, жуют.

греческого судна... И вот, когда «Стрела» бросила якорь в каталонской бухте и мы начали штопать корму, Бернардито собрал нас всех ночью на юте и сказал: «Добычу делить не будем!»

— И с таким капитаном ты ходишь больше года! Сакраменто! Да я бы...

— Погоди ты, храбрец! Капитан сказал, что товар нужно продать в Португалии, на эти деньги подлатать шхуну, купить припасы и оснастить «Стрелу» в дальний рейс.

— Ну, а вы что же?

— Да, видишь, спорить с ним открыто еще никто не пробовал. Но в ту ночь Джузеппе Лорано и Черный Вудро задумали прикончить его тайком. А штурвальный Фернандо Диас, которого Бернардито когда-то спас от виселицы, раскрыл капитану их заговор. Бернардито хотел зарезать обоих, но ему помешал помощник, Леопард Грелли. Полночь уже близилась, а главари все еще бранились в капитанской каюте. Тут-то неожиданно и подкрался этот испанский сторожевой корвет. Началась жаркая потасовка при свете факелов...

— Испанец атаковал вас с кормы?

— Да, и капитан послал Вудро и Джузеппе в самую кашу, защищать кормовую брешь; он приказал Фернандо Диасу не спускать глаз с обоих, а к штурвалу поставил меня вместо Фернандо. Драка была волчья! Не скоро забудут испанцы «Черную стрелу»!.. Мы выскочили из бухты, но Вудро оторвало обе ступни, Джузеппе продырявило бок, а Фернандо заработал две раны. Меня тоже порядком оглушило залпом картечи.

— Эх, меня тогда не было с вами!.. Так чем же кончилось дело с теми двумя?

— Чем кончилось? Шли мы в темноте. До рассвета осталось немного, а нужно было еще проскочить форты Гибралтара и сторожевые суда. На борту было четверо раненых: Вудро, Джузеппе, Фернандо и еще мулат Энрико Рой. Капитан решил высадить раненых на берег, потому что на судне они все погибли бы: наш лекарь еще в прошлом бою достался рыбам. Леопард хотел выделить раненым их долю добычи, но капитан в этом отказал.

— Да будь я мертвецом — и то спросил бы с него свою долю!

— Возможно, с мертвецом он был бы сговорчивее,

но живым отказал. Впрочем, среди раненых в сознании были только Фернандо и мулат Энрико. Джузеппе Лорано и Вудро Крейг лежали без памяти. Бернардито велел отнести раненого Фернандо Диаса к себе в каюту, вон в ту, около рубки, видишь? Ветер приподнял занавеску в окне каюты, и я видел, как Одноглазый высыпал из мешка алмазы в замшевых футлярах, выбрал самый большой и один поменьше и дал их Диасу. Я слышал, как Бернардито сказал: «Вот этот голубой алмаз с желтым пятнышком отвези в Грецию моей матери, чтобы она не терпела нужды, если я погибну, а второй камень возьми себе, Фернандо, и делай с ним, что хочешь!» Потом всех троих снесли в шлюпку, на весла сел мулат Энрико Рой, у него рана была не тяжелая...

— Постой! Энрико Рой был, как говорят, дружком Леопарда?

— Грелли держал его при себе вместо слуги, что ли. Он был обжора и лентяй, этот Энрико, скажу я тебе. Так вот, Грелли пошептался с ним, пока Одноглазый толковал с Фернандо, дал мулату пригоршню монет, и в кромешной тьме шлюпка пошла к испанскому берегу. Спаслись раненые или погибли, никто не знает. А нам повезло: утром, в тумане, шхуна проскочила пролив. Потом мы скрывались у берегов Португалии, чинились на Азорских, снаряжались в поход на марокканском побережье, где ты перебрался к нам с турецкой посудины, и вот плаваем третий месяц, а что толку?

Стайка летучих рыб пронеслась на круглых, похожих на кружевные воротнички, крылышках над морской зыбью и с плеском снова погрузилась в пучину.

— Гроб и падаль! Смотри, Джекоб: вон его одноглазая светлость высунулся из каюты. Лихорадка свалила его с ног. Он пожелтел, как луидор, и сутками валяется на койке, пока мы до крови натираем себе ладони снастями. Того и гляди, сам дождется холщового мешка и груза на грудь, а продолжает упрямиться, дьявол, не хочет уходить из этих проклятых вод, где зной — как в кузнечном горне... Но что это на горизонте? Ад и дьявол! Да там пожар!

В ту же минуту крик дозорного: «Пожар на горизонте, слева по корме!» — поднял на ноги всю команду. Полуголые, разукрашенные диковинными татуировками на руках и груди, в невообразимых головных уборах из

обрывков материи, пальмовых листьев и даже из книжных страниц с библейскими текстами, матросы «Черной стрелы» высыпали на палубу.

На командном мостике показался Леопард Грелли с подзорной трубой. Лишь одного капитана Бернардито тропическая лихорадка приковала к его висячей койке. Временами почти теряя сознание от внутреннего жара, он, захлебываясь, глотал холодную воду, а через четверть часа содрогался от озноба, выстукивал зубами и с головой укутывался в шерстяные одеяла.

Леопард подал команду, и матросы, подгоняемые свистом боцмана, бросились к снастям. Шхуна, разворачиваясь под парусами, ложилась на обратный курс. Когда маневр поворота был закончен, шхуна двинулась короткими галсами к огню на горизонте и вскоре заметно приблизилась к месту пожара. Между тем над горизонтом росла черная туча, а столбик барометра в каюте капитана упал так низко, как Леопарду Грелли еще никогда не случалось видеть. Ветер стих, и паруса шхуны беспомощно обвисли. В быстро сгустившихся сумерках отчетливо и зловеще полыхал вдали пожар. Не один, а целых три гигантских костра поднимали к небу почти отвесные столбы пламени, искр и дыма. Очевидно, горели корабли недавно встреченного каравана.

Вскоре команда «Черной стрелы» отчетливо разглядела на фоне зарева два корабля, отделившихся, по-видимому, от каравана и развернувшихся навстречу шхуне. Ближайший из них, небольшая бригантина, находился от шхуны всего в пяти-шести кабельтовых[1]. Другой корабль, с оснасткой военного корвета, виднелся в полумиле[2] позади первого.

Даже издали было заметно, что мачты корвета[3] по-

---

[1] Кабельтов — морская мера длины: 185,2 метра.

[2] Морская миля — 1852 метра.

[3] О типах парусных кораблей, встречающихся в романе, можно найти сведения в морском словаре Лукашевича. Кратко: бриг — двухмачтовое судно, торговое или военное; военный бриг вооружен двадцатью—тридцатью пушками; шхуна — торговое судно с числом мачт от двух до пяти, с косой парусной оснасткой; фрегат — быстроходный, обычно трехмачтовый боевой корабль, на один класс ниже линейных кораблей; корвет — небольшой трехмачтовый корабль с хорошей маневренностью, служил обычно для крейсерских целей и связи; каравелла — небольшое судно, тип которого менялся с развитием парусного флота; бригантина — обычно двухмачтовое небольшое судно, часто употреблялось средиземноморскими пиратами.

вреждены в бою, а паруса бригантины изодраны и потрепаны. В тишине вечера доносился глухой гром артиллерийской канонады. Наступивший предгрозовой штиль заставил оба пострадавших судна, так же как и шхуну Бернардито, лечь в мертвый дрейф. Далекое зарево отбрасывало неподвижные черные тени трех кораблей на поверхность океана, а на луну уже надвинулась грозовая туча.

— Леопард чует добычу! — шепнул Пью своему дружку Джекобу.—Будь я проклят, если он не ухитрится найти поживу и в чужой драке. Готовься к делу, старый кашалот! Наконец-то мы дождались настоящей работы!

Капитан Бернардито Луис эль Горра был опытным, отчаянно храбрым и беспощадно жестоким в бою пиратом. Быть может, во времена Кортеса или Писарро он вписал бы свое имя в кровавые страницы истории завоевания Мексики, Бразилии или Перу, но он родился в том веке, когда белые пятна на глобусе исчезали с быстротой тающего весной снега, а ост-индские, южноафриканские и прочие торговые компании, утвердив свою власть над захваченными заокеанскими владениями, разбойничали в них под сенью государственных законов своих стран.

Бернардито нашел, что превращение крови и пота колониальных рабов в золото — дело кляузное и не очень почтенное. Прибыльнее и проще извлекать это золото непосредственно из купеческих карманов! Его шхуна с горсточкой отчаянных головорезов, которые никогда не заглядывали в будущее дальше чем на два ближайших часа, причинила в водах Средиземного и соседних морей такой ущерб купеческим судам, что за поимку корсара Бернардито одновременно взялись английские, французские, испанские и турецкие власти, не считая частных мореходных компаний и одиночных морских охотников за призами.

От всех своих многочисленных преследователей, которые, несомненно, изловили бы смелого пирата, если бы могли действовать согласно друг с другом, Бернардито ловко ускользал и теперь, проскочив под самым носом шаривших рядом военных судов, вел свою шхуну в дальний индийский рейс.

Но в этот раз боги удачи, казалось, лишили одноглазого капитана своих милостей. Еще перед началом

рейса он впервые за свою богатую событиями жизнь обнаружил на судне заговор против себя. Кто-то действовал среди команды осторожно и настойчиво. Обезвредив заговорщиков, капитан потерял самого преданного матроса — Фернандо Диаса. Бернардито догадывался, что тайной пружиной неудавшегося заговора был не кто иной, как его помощник Леопард Грелли, человек, принятый на борт «Черной стрелы» года три назад. Теперь, пользуясь болезнью капитана, Джакомо Грелли, по-видимому, выжидал только удобного случая, чтобы самому стать главарем шайки и капитаном «Стрелы».

Очнувшись в своей каюте от тяжелого забытья, Бернардито приподнялся на локте. В каюте никого не было. За окном виднелась лишь спина матроса у штурвального колеса.

Бернардито нажал кнопку в стене. Из открывшегося тайничка он вынул кожаный мешок и выложил на одеяло более двух десятков замшевых футляров с драгоценными камнями. Пересчитав их, он убрал камни в мешок, закрыл тайник и позвал своего слугу. Никто не откликнулся.

— Грязные канальи! — пробормотал Бернардито сквозь зубы. — Педро! Где ты, Педро, сын свиньи и монаха! Ну погоди, я научу тебя орать «сакраменто»!

Но и великан Педро, телохранитель и слуга капитана, торчал на палубе, силясь разглядеть подробности сражения. Штурвальный тоже следил не за курсом, а глазел в сторону.

— Я приучу вас к порядку на корабле! — со злобой произнес Бернардито.

Он дотянулся до пистолета, висевшего у него в изголовье, и, не целясь, сбил выстрелом плетеный соломенный щиток с головы штурвального. На звук выстрела в каюту вбежал Леопард Грелли. Вместе с Педро он помог Одноглазому выбраться из каюты и подняться на мостик.

Выбранившись, капитан подкрепил себя глотком неразведенного ямайского рома и взял у Грелли трубу. От его единственного, но зоркого глаза не ускользнула ни одна подробность. События развернувшегося вдали боя, еще не понятые всей остальной командой, были им быстро разгаданы. Он догадался, что суда, замыкавшие англо-голландский караван, подверглись внезапному нападению двух вражеских — очевидно, французских или

испанских — корветов, подкравшихся к ним под покровом низких предгрозовых туч.

Однако пушки сторожевых судов каравана успели открыть огонь и поджечь один из нападавших корветов. В завязавшейся затем артиллерийской дуэли запылали и два купеческих судна. Наконец уцелевшему корвету противника удалось все же отрезать от каравана одну английскую бригантину, которой пришлось изменить курс и спасаться бегством. Двигалась она как раз навстречу пиратской шхуне.

Потрепанный корвет, выйдя из боя, пустился преследовать добычу, но потерял скорость из-за поврежденных парусов. Когда мертвый предгрозовой штиль остановил оба судна, бригантина оказалась чуть ли не под боком у «Черной стрелы», но корвет далеко отстал от своей жертвы.

— Каррамба! Проваляйся я еще час — и добыча, которая сама идет нам в руки, была бы потеряна! — заорал Бернардито.— Где были твои глаза, Грелли? Чего ждет чертов боцман, помесь старой обезьяны с кашалотом! Эй, люди! Спустить обе шлюпки! Посадить в каждую по двенадцать чертей — через полчаса они должны быть на бригантине. Грелли и Акула поведут эти шлюпки в бой. Остальным — убрать паруса и хорошенько закрепить пушки на палубе! Близится шторм, сто залпов боцману в поясницу! Торопитесь, дети горя!

Через несколько минут две шлюпки с вооруженными до зубов пиратами отвалили от шхуны и полетели к бригантине.

В это время Бернардито разглядел в трубу, что на корвете тоже спускают на воду три шлюпки. Очевидно, и капитан корвета решил атаковать бригантину. Но преимущество было на стороне людей Бернардито. Шлюпки «Черной стрелы», следуя в кильватере друг другу, уже прошли половину расстояния до бригантины.

Предгрозовой штиль, ровно катящиеся валы океанской мертвой зыби и далекое зарево, светившее нападающим, благоприятствовали атаке. Между тем шлюпки корвета еще только отвалили от борта своего корабля.

На бригантине, носившей имя «Офейра», заметили опасность, надвигавшуюся сразу с двух сторон. Две небольшие пушки, носовая и кормовая, составляли все вооружение этого корабля, пустившегося в далекое плавание под надежным конвоем. Когда шлюпка Грелли

приблизилась к бригантине на один кабельтов, грянул орудийный выстрел и чугунное ядро зарылось в воду позади шлюпки.

Грелли повернул к центру правого борта судна, а боцман Боб Акула приготовился атаковать бригантину слева. Обе шлюпки оказались вне обстрела корабельных пушек; залп из ружей и пистолетов, произведенный защитниками бригантины, убил одного и ранил двух матросов Леопарда Грелли. У самого Леопарда пулей сорвало шляпу.

Вот и борт корабля! Абордажные крючья вонзились в дерево обшивки. По свисающим снастям порванного в бою такелажа[1] пираты Грелли мигом очутились на палубе. В то же мгновение через левый фальшборт, орудуя крючьями и веревочными лестницами, на «Офейру» ворвалась шайка Боба Акулы. В короткой схватке первыми пали капитан и другие офицеры «Офейры». Команда, лишившись начальников, разбежалась под натиском свирепых головорезов. Матросы искали спасения в тайниках судна, ломились в запертые двери, падали под выстрелами и ударами ножей.

Тем временем три шлюпки с корвета приближались к захваченному пиратами судну. Робкий рассвет уже позволял различить, что их командир одет в форму французского офицера.

Грелли, стоя на мостике «Офейры», готовил пиратов к новому бою. По его приказанию они перетащили обе пушки на правый борт бригантины и зарядили их картечью. Когда ближайшая шлюпка французов подошла на полкабельтова, не ожидая встретить бортового пушечного огня, грянул залп, точно накрывший цель. Шлюпка мгновенно затонула. Повторный залп произвел страшное опустошение на второй шлюпке: стоявший на корме офицер и половина матросов были убиты.

Экипажу третьей шлюпки осталось лишь подобрать из воды раненых товарищей и отступить под градом ружейных и пистолетных пуль, которыми пираты осыпали французов.

Грелли и боцман с пистолетами в руках преградили своим матросам доступ к дверям кают и салона: нужно было сначала отбуксировать «Офейру» к шхуне, так как французы — противник, несомненно, более сильный,

---

[1] Такелаж — совокупность всех снастей, служащих для управления парусами.

чем кучка пиратов, овладевших бригантиной,— могли возобновить нападение.

Но буксировать бригантину с помощью шлюпок уже не было нужды: подувший утренний ветер принес первые капли грозового ливня и вместе с тем наполнил паруса бригантины. Матросы бросились к реям, сам Грелли взялся за штурвал, наступив на спину убитому штурвальному. Через четверть часа бригантина под торжествующие крики пиратов, забывших и о корвете и о надвигающейся грозе, была пришвартована к грязному борту «Черной стрелы».

Морские разбойники, отбросив все предосторожности, ринулись с топорами к трюмам и каютам захваченного корабля...

Кают на бригантине было две: небольшая верхняя, рядом с помещением капитана, и просторная нижняя, расположенная в соседстве с маленьким, уютно обставленным салоном. «Офейра», очевидно, была оборудована для богатых пассажиров.

В верхней каюте, взломанной Бобом Акулой, не оказалось никого, зато нашлось много дорогой посуды, объемистых чемоданов и мужского платья. В помещении салона пираты нашли только четырех раненых матросов-индусов, которые тут же и были добиты.

Но когда Грелли, Рыжий Пью и Джекоб Скелет ударами топоров высадили дверь нижней каюты, из глубины ее грянул пистолетный выстрел. Пуля, оцарапав плечо Грелли, угодила в грудь Джекобу Скелету. Загораживая вход, он ничком свалился внутрь каюты.

Грелли выстрелил из двух пистолетов сразу и, переступив через труп, бросился в глубину каюты, наполнившейся едким пороховым дымом.

Навстречу пирату шагнул небольшого роста старик в завитом парике и старомодном камзоле с кружевным жабо и широкими брабантскими[1] манжетами. Старик отбросил дымящийся пистолет и, выхватив из ножен шпагу, направил ее в грудь пирату. Грелли был бы неминуемо проколот насквозь, если бы Рыжий Пью с порога каюты не разрядил своего тяжелого пистолета в голову старика. Старый джентльмен рухнул на пол.

[1] Брабант — в XVIII веке провинция в Нидерландах, славился производством ручных кружев; изделия брабантских кружевниц ценятся и поныне.

Подхватив его шпагу, Грелли отдернул ею парчовую занавеску, отделявшую заднюю часть каюты, и... замер в изумлении: на кружевном покрывале постели лежала без чувств красивая молодая девушка. Преграждая доступ к ее ложу, у постели стоял высокий молодой человек с орлиным носом и короткими бачками у висков. Он спокойно поднял пистолет и спустил курок, но выстрела не последовало. Оружие дало осечку, и это снова спасло Грелли жизнь.

Ударом шпаги Грелли пронзил молодому джентльмену плечо. Тот, отступив на шаг, сохранил равновесие и, схватив отказавший пистолет за ствол, нанес пирату сильный удар рукоятью по голове. Грелли пошатнулся и упал на руки подоспевшим ему на помощь разбойникам «Черной стрелы».

— Ради бога, прекратите сопротивление, мистер Райленд,— раздался голос, исходивший, казалось, из-под кровати. И действительно, под складками полога, у ног высокого защитника юной леди, показалась голова пожилого лысого толстяка, нашедшего прибежище под кроватью, к великому удивлению не только пиратов, но и самого молодого джентльмена.— Умоляю вас, прекратите бесполезное сражение, дражайший сэр Фредрик!

— Ваше поведение недостойно джентльмена, мистер Томас Мортон! — гневно крикнул молодой человек, названный сэром Фредриком Райлендом.

Из плеча его сочилась кровь, но он выхватил шпагу и бросился на пиратов. Однако Грелли успел уже оправиться. Кто-то сунул ему в руку заряженный пистолет. Выстрел сотряс стены каюты. Грелли увидел, как лицо джентльмена побелело и как он упал под ноги пиратам. Полдюжины подручных Леопарда, топча тело упавшего, кинулись к бесчувственной девушке, мгновенно завернули ее в одеяло и потащили в каюту Грелли на «Черной стреле». Туда же пираты поволокли насмерть перепуганного лысого толстяка...

Грелли, шатаясь, вышел вслед за пиратами. На мокрой палубе он ухватился за леерную стойку и оглядел горизонт. С севера надвигалась черная стена урагана. Ветер уже рвал снасти, и страшный ливень низвергался на крыши палубных надстроек бригантины. Швартовы удерживали ее у борта пиратской шхуны. Со шхуны на бригантину был уже перекинут узкий трапик.

В море, всего на расстоянии мили, виднелся фран-

цузский корвет. На нем спешно убирали последние паруса...

* * *

...К джентльмену с подзорной трубой, стоявшему на вершине утеса в бухте Старого Короля, снова подошел его слуга. Пораженный странным выражением лица своего хозяина, грум не сразу решился окликнуть его. Наконец он заговорил тихо и почтительно. Джентльмен вздрогнул и обернулся к юноше.

— Это ты, Антони? — пробормотал он, словно пробудившись от сна. Усилием воли он вернул себя от воспоминаний к действительности.

— Сэр Фредрик Райленд,— обратился к нему грум,— дома вас давно ждут к завтраку. Вы собирались нынче посетить верфь мистера Паттерсона. Лошади оседланы, милорд...

Часть I

В ДОБРОМ СТАРОМ БУЛЬТОНЕ

Глава первая

РУКОПИСЬ МИСТЕРА МОРТОНА

Se non e vero, e ben trovato[1]

Старотальянская поговорка

1

Эндрью Лоусон, сдававший «респектабельным приезжим» свой небольшой домик в порту, стоял в палисаднике и обрезал садовыми ножницами кусты жасмина. Старый пудель, заросший курчавой шерстью до самого кончика носа, лежал около куртины, искоса поглядывая на хозяина. Июльское солнце только что поднялось над островерхими крышами Бультона.

Скрип шагов на посыпанной морской галькой дорожке потревожил сладко задремавшего пуделя. Собака заворчала на незнакомого человека в одежде уличного торговца, остановившегося перед куртиной. За спиной у него висел небольшой дорожный мешок, в руках была палка.

— Могу ли я видеть мистера Лоусона? — с легким иностранным акцентом спросил пришелец.

Но наружность его ничем не изобличала в нем чужеземца.

— Чем могу быть вам полезен? Мне еще трудновато держаться на ногах: я был болен и только сегодня встал с постели.

— Мне необходимо переговорить с глазу на глаз по чрезвычайно важному делу. Оно требует, чтобы наша встреча осталась в глубокой тайне...

Лоусон насупил седые брови:

— Я старый человек и не хотел бы вмешиваться ни в какие тайные дела. Кто вас направил ко мне, откуда вы сами?

— Меня зовут Роджерс. Я торговец. Торговец небогатый. Вчера я был у главы здешней юридической конторы, мистера Уильяма Томпсона. Он посоветовал обратиться к вам за нужными справками... Вы, мистер

---

[1] Если это и неправда, то хорошо выдумано.

Лоусон, были оценщиком драгоценных камней в бультонской фирме покойного Натаниэля Гарди, не правда ли?

— Да, но с тех пор прошло почти четыре года. В конце 1768 года контора закрылась. Что же вам угодно от меня, мистер Роджерс? Вы можете говорить спокойно: кроме этого пуделя, здесь подслушивать некому!

— Мистер Лоусон, меня интересуют именно события шестьдесят восьмого года. Скажите, вела ли фирма Гарди торговлю драгоценностями со странами материка?

— Да, такие коммерческие операции были для нас обычными, но велись они главным образом через нашу контору в Портсмуте. Почему вас интересуют дела давно закрытой фирмы?

— Видите ли, я разыскиваю следы одного камня, похищенного в 1768 году у... у моих друзей. Эти поиски привели меня в Бультон. Я подозреваю, что похитители обосновались здесь. Одного из них я даже видел... Скажите, не проходил ли через ваши руки грубо шлифованный алмаз голубой воды размером... вот с этот галечник? Здесь, на нижней грани алмаза, было небольшое желтоватое пятнышко. Он мог стоить около четырех тысяч гиней. Вы не припомните такого камня?

Лоусон задумался и пристально поглядел на незнакомца:

— Этот алмаз я видел и оценивал. Если бы не пятно, он стоил бы дороже. Да, такой камень действительно прошел через мои руки, но его дальнейшая судьба осталась мне неизвестной. Приобрела ли его фирма, я не знаю.

Вспышка радости, озарившая было темные глаза незнакомца, погасла.

— В чьих руках находился тогда алмаз? — спросил он быстро.

— Этого я не имею права вам открыть.

— О черт! Но если я сам назову вам имя, вы подтвердите мою правоту? Вам предложил этот камень нынешний владелец портовой таверны «Чрево кита» мистер Вудро Крейг, не так ли?

Лоусон пожал плечами.

— Послушайте, мистер Лоусон, я открою вам больше того, что сказал. Сначала был украден голубой ал-

маз, а затем похитители овладели целым сокровищем из двадцати с лишним драгоценных камней! Вместе они стоили сказочные деньги — шестьдесят тысяч фунтов стерлингов! Быть может, открыв следы алмаза, я отыщу и другие. Имейте ко мне хоть немного доверия, скажите мне, что я не ошибаюсь: камень предлагал для продажи Вудро Крейг, не правда ли? Или... быть может, это сделал некий... скрытый сообщник Крейга? О, я знаю, кто является его сообщником! Это одно важное лицо в городе! Имя его — сэр...

— Эх, Роджерс, теперь послушайте-ка меня, старика. Одной ногой я уже стою в могиле и лучше других знаю, сколько грязи и крови прилипает к блестящим граням алмазов и бриллиантов. Тот камень давно прошел через мои руки, я не хочу тревожить прошлое и вмешивать живых в старые тайны. Пусть камень спокойно лежит себе на дне какого-нибудь сундука. Вам я тоже советую: забудьте его. Счастья вам этот камень не принесет!

— Мистер Лоусон, не боитесь ли вы бросить тень на имя ваших прежних хозяев? Уверяю вас, оно останется незапятнанным. Скажите, неужели у покойного владельца фирмы не осталось наследников, которые дали бы вам право открыть мне все, что было известно фирме об этом камне?

— У мистера Гарди осталась дочь. К ней вы можете обратиться. Живет она в двенадцати милях от Бультона, в поместье Ченсфильд, и теперь ее имя леди Эмили Райленд.

На лбу у незнакомца выступил пот. Он отер его платком. При этом Лоусон разглядел, что на левой руке незнакомца нет безымянного пальца.

— Заклинаю вас именем бога,— сказал торговец тихо,— молчите о нашей беседе. Одно неосторожное слово погубит и вас и меня!

2

Глава крупнейшей в Бультоне юридической конторы «Томпсон и сын», королевский адвокат и ученый сарджент[1] мистер Уильям Томпсон сидел в своем домашнем кабинете и внимательно изучал разложенные

---

[1] Сарджент — высшая юридическая степень в Англии, доктор прав.

на столе бумаги. Он так углубился в свои занятия, что не замечал, как его старый слуга время от времени подходил к столу и щипчиками снимал нагар с двух свечей, горевших в массивном шандале.

Бумаги, лежавшие перед доктором прав, могли поведать любопытному историю возникновения и деятельности «Северобританской коммерческой компании». Эта фирма с недавних пор стала важнейшим клиентом юридической конторы «Томпсон и сын». Документы свидетельствовали о безупречном и блестящем состоянии дел компании. Коммерческий директор фирмы мистер Ральф Норвард издавна поддерживал с мистером Томпсоном дружеские отношения.

Адвокат знал, что инициатором и главным владельцем фирмы является важное новое лицо в городе: сэр Фредрик Джонатан Райленд. Этот титулованный дворянин только четыре года назад обосновался в Бультоне. Наделенный, по-видимому, недюжинной энергией и предприимчивостью, он недавно унаследовал родовое поместье Ченсфильд и титул виконта, но был явно не склонен ограничивать свои занятия одними традиционными дворянскими утехами — войной, охотой и злословием. Он сумел увлечь своими замыслами почтенного, всеми уважаемого коммерсанта Норварда.

На деньги, вложенные в дело сэром Фредриком Райлендом, был пущен большой канатный завод, построена фабрика корабельной парусины, куплена и расширена «Бультонская суконная мануфактура», приобретены первые три корабля.

Помещенный в эти предприятия капитал уже через четыре года принес доход и позволил сэру Фредрику расширить свое небольшое земельное владение на севере Англии. На вновь приобретенных землях он начал новое доходное дело — тонкорунное овцеводство.

Все три корабля, совершая дальние рейсы, продолжали умножать доходы фирмы, а обширные цехи новых мануфактур уже поставляли тонкие сукна для офицерских мундиров королевской армии, грубую ткань для заокеанских колонистов, корабельные снасти и парусину. Выпущенные фирмой в весьма ограниченном количестве акции стояли высоко, и недавняя биржевая паника 1771—1772 годов не поколебала репутации «Северобританской компании».

Старый слуга отвлек своего господина от чтения бумаг.

— Мистер Сэмюэль Ленди и мистер Роберт Паттерсон,— доложил он, приоткрыв дверь.

Вытерев фуляровым платком вспотевшую от трудов лысину, мистер Томпсон снял с круглой подставки старомодный парик внушительных размеров, с длинными буклями, без косицы. Перед зеркалом мистер Томпсон водрузил парик на голову, отчего она сразу стала непомерно большой по сравнению с тщедушной фигурой. Это мощное украшение на голове придавало мистеру Уильяму сходство со львом, точнее с тем курчавым домашним животным, которого тщеславные владельцы делают с помощью ножниц похожим на царя зверей.

Обоих джентльменов, прибывших для традиционной партии в карты, мистер Томпсон застал в гостиной в обществе своего сына Ричарда, совладельца конторы.

Раскрытый карточный стол с не стертыми еще записями результатов последнего крибеджа[1] на зеленом сукне, цветными мелками и круглыми щеточками, двумя нераспечатанными колодами карт и тяжелым бронзовым подсвечником посередине ожидал партнеров. Рядом, на маленьком столике у жарко пылающего камина, подогревался пунш в поместительном сосуде, напоминавшем бочонок с крышкой. В комнате уже распространялся соблазнительный аромат душистых специй. У столика хлопотал слуга, расставляя холодную говядину, сыр, устрицы и бисквиты.

Место отсутствующего друга дома, пастора Редлинга, занял за карточным столом мистер Томпсон-младший, двадцативосьмилетний джентльмен с очень аккуратной прической из собственных волос, как у Чарльза Грандисона, героя знаменитого романа... Все четыре джентльмена хранили за игрой молчание. Они презирали обычные присказки и словечки, сопровождающие карточную игру в менее избранном кругу, и изъяснялись жестами и любезными улыбками.

Но когда бочонок с крышкой наполовину опустел, а лица партнеров почти сравнялись с цветом напитка, беседа завязалась. От событий европейской войны, только что закончившейся разделом Речи Посполитой между Россией и Пруссией, господа перешли на темы отечественной политики.

— Трудное время! Опасность растет, и нужны сильные руки, чтобы спасти кровные интересы Англии,—

[1] Крибедж — карточная игра, распространенная в XVIII веке.

говорил банкир мистер Сэмюэль Ленди, человек лет пятидесяти пяти, в длиннополом, старинного покроя платье.— Мир колеблется, мы живем на вулкане. Америка — уже почти утраченная нами колония. Ее деятели, все эти Адамсы, Джефферсоны и Франклины, ведут открыто враждебную нам политику, и столкновение с драконом американской революции неизбежно. Это тем опаснее, что население Франции волнуется, ее нищие крестьяне бунтуют, города восстают, а Париж сделался столицей безбожных и возмутительных учений. Русская царица Екатерина с каждым годом расширяет свои владения и на юг и на запад. Флот ее уже разгромил могущество турок. Древняя Порта обречена. Это опасно... — Отхлебнув изрядный глоток, он продолжал: — Мировой котел кипит. Сейчас Англии нужны твердые, цепкие руки. Нужно успеть выхватить из этого котла самые жирные куски, пока их не схватили другие. Я не вижу твердости в действиях нашего правительства. Иногда приходится быть волком в овечьей шкуре, но нельзя быть овцой в шкуре волка. Это позор! Я говорю: нельзя дальше потакать американским колонистам. Мы можем окончательно потерять Америку.

Сын адвоката мистер Ричард Томпсон слушал старого банкира с плохо скрытым негодованием.

— Я нахожу,— произнес он решительно,— что наша политика в колониях воистину волчья. Колонисты в Америке сами желают быть хозяевами своей страны, которую наше правительство, лорды Бьютт и Гренвиль, стремятся связать по рукам и ногам.

Мистер Ленди нахмурился и только было хотел веско возразить горячему противнику лордов Бьютта и Гренвиля, как новое лицо вошло в гостиную. Это был опоздавший к партии в пикет викарий бультонского собора преподобный мистер Томас Редлинг. Свое опоздание господин викарий объяснил тем, что участвовал в семейном празднике у почетного прихожанина.

— Приятнейший день провел я сегодня у лорда Фредрика Райленда в его загородном доме! Два года назад господь благословил молодую чету прекрасным первенцем. Это мой крестник, я нарек его Чарльзом. Сегодня супруги Райленд праздновали день рождения своего дитяти... Дорогой мой мистер Уильям! Сэр Фредрик просил передать вам пожелание доброго здоровья.

К удивлению пастора, хозяин довольно сухо принял его слова:

— Интересы «Северобританской компании», принадлежащей на девять десятых мистеру Райленду, я защищаю уже в течение трех лет, но эта деловая сторона пока не побудила ни меня, ни моего знатного клиента к личному знакомству. Отношения с компанией я поддерживаю через ее коммерческого директора, моего друга мистера Норварда.

С этими словами мистер Томпсон поднял бокал, сощурил веки и стал рассматривать сквозь налитое в сосуд вино пламя углей в камине. Пастор Редлинг поперхнулся и умолк. Наступило неловкое молчание.

— Мистер Томпсон! — заговорил судостроитель Паттерсон, до сих пор молчавший.— Здесь собрались старые друзья вашего дома. Быть может, вы наконец поведаете нам о тех подводных рифах между вами и сэром Фредриком, которые так заметны вашим друзьям?

— Мистер Паттерсон удивительно точно предвосхитил мою мысль! — воскликнул Ленди.— Появление лорда Райленда в нашем городе вызвало много толков благодаря трагическим обстоятельствам, омрачившим его переезд из Индии в Европу. О них, помнится, писали газеты, но очень скупо.

— Я знаю его не первый год, джентльмены,— продолжал Паттерсон.— Моя верфь выстроила для компании две шхуны: «Глорию» и «Доротею», и бриг «Орион», а ныне работает над четвертым заказом. Это будет лучший корабль, когда-либо выходивший из английских верфей. Сотрудничать с этим джентльменом приятно: у него смелая натура и широкий размах. Однако сознаюсь: и для меня этот замкнутый человек и его молчаливая супруга с ее печальным взглядом — до сих пор наполовину загадка!

— Дорогой мистер Паттерсон, и вы, мой старый друг Сэмюэль,— несколько патетически произнес мистер Томпсон,— я охотно исполню ваше желание, но для этого я должен просить разрешения Ричарда огласить одну подробность, известную пока лишь нам, родителям Ричарда.

При этом Томпсон-старший бросил вопрошающий взгляд на своего наследника. Тот утвердительно кивнул и добавил:

— Я надеюсь на честь наших друзей, отец. Эта семейная тайна не должна стать достоянием молвы...

Джентльмены склонили головы в знак согласия, а господин викарий даже возвел руки горé. Впрочем, ему,

как священнику, эта интимная подробность была уже известна. Он знал, что сэр Фредрик Райленд отбил невесту у мистера Ричарда, но как и при каких обстоятельствах совершилось это прискорбное событие, ему самому не терпелось послушать.

— В таком случае, джентльмены, вы сейчас услышите одну из удивительных современных трагедий. Она сделала бы честь Друри-Лейнскому театру,[1] попадись она в старину под перо Марлоу или Шекспира. Разрешите огласить вам интересный документ, врученный мне для сохранения. Автор, предоставив документ в мое распоряжение, разрешил его огласку в тех пределах, какие я сам счел бы уместными.

С этими словами королевский адвокат направился в свой кабинет и вернулся с тетрадью, переплетенной в коричневую тисненую кожу. Надев очки, старый джентльмен приступил к чтению.

«Возлюбленной моей дочери Мери от ее отца, Томаса Мортона, атерни[2] калькуттской нотариальной конторы «Ноэль-Абрагамс и Мохандас Маджарами».

Моя дорогая дочь!

Тетрадь эта содержит подлинные путевые записки, начатые мною в Калькутте и оконченные в Бультоне сего декабря 20-го дня года 1768-го. С неустанной мыслью о тебе и горячими молитвами о ниспослании мне радости скорее обнять мою любимую дочь приступал я перед отъездом к этим запискам и потом продолжал их в пути, глотая слезы отчаяния и горя. Сохрани эту тетрадь, где запечатлены обстоятельства гибели нашего судна, а также подробности нашего пленения и спасения. Волею всевышнего лишь я и два моих спутника пережили эти грозные события. Имена же бесчисленных погибших ты, господи, веси! In sanct martyris sanguis — est salus, tuus, Britannia![3]

Томас Мортон, солиситор[4]»

---

[1] Театр Друри-Лейн — самый известный в Лондоне, с классическим репертуаром.

[2] Атерни — член английской корпорации юристов.

[3] «В крови святых мучеников — суть спасение твое, Британия!» (лат.)

[4] Солиситор — низшее юридическое звание в старой Англии.

Калькутта, 19 февраля 1768 года.

Решение мое оставить Калькутту и переехать навсегда в Европу побудило моих шефов, мистера Заломона Ноэль-Абрагамса и мистера Маджарами, поручить мне два дела в Англии, по исполнении которых я могу считать себя свободным от службы и жить уже без деловых забот на свои сбережения и небольшую пенсию. Я горячо надеюсь найти себе кров в родном Портсмуте, оставленном мною ровно сорок лет назад, когда я был десятилетним мальчиком. Там, в Портсмуте, ждет меня дочь Мери, отправленная в Англию двенадцать лет назад, когда я лишился своей незабвенной супруги, племянницы мистера Маджарами.

Оба порученных мне дела связаны с конторой «Уильям Томпсон и сын» в Бультоне, имеющей репутацию одной из самых солидных юридических контор в метрополии.

Первое поручение касается введения в наследство эсквайра Фредрика Джонатана Райленда, клиента нашей калькуттской конторы.

Дальние предки мистера Райленда были выходцами из Нидерландов, состоя по женской линии в родстве с Оранским домом. При Вильгельме III Оранском[1] мистер Френсис Райленд получил за свои заслуги перед английским престолом титул виконта и небольшое бультонское поместье Ченсфильд.

Сын первого виконта Ченсфильда, Генри Райленд, поддавшись уговорам своего знатного соседа маркиза Блендхилла, яростного сторонника партии тори, принял участие в заговоре против короля Георга I и, лишенный пэрского достоинства, окончил свои дни в ченсфильдской ссылке. До недавнего времени поместьем Ченсфильд владел сын опального сэра Генри — сэр Эдуард Райленд. Младший его брат, офицер королевских войск Уильям Майкл Райленд, уехал в Индию, в Калькутту, где у него в 1742 году родился сын Фредрик Джонатан.

Мистер Фредрик рано лишился своих родителей, и опекуном его стал мой отец, служивший юристом той же нотариальной конторы, куда впоследствии поступил и я. По окончании английского колледжа в Мадрасе

---

[1] Вильгельм III Оранский — король Англии, правил страной с 1688 года по 1702 год.

молодой мистер Райленд совершил несколько морских экспедиций в качестве младшего помощника капитана, обнаружив хорошие познания в астрономии и навигации.

В 1763 году мистер Фредрик Райленд уехал в Европу и навестил в Лондоне своего дядю, сэра Эдуарда, виконта Ченсфильда, владевшего бультонским поместьем. Бездетный вдовец, сэр Эдуард, возненавидевший Ченсфильд — место ссылки своего отца, жил в британской столице, ведя довольно рассеянный образ жизни, беспечно предоставив управление поместьем мистеру Монтегю Уэнту. Запущенное поместье давало мало дохода. Сэр Эдуард принял племянника довольно холодно, и тот вернулся в 1767 году назад в Индию, где увлекся научными занятиями и провел несколько месяцев с исследовательскими целями в индийских джунглях.

В конце 1767 года мистер Эдуард скончался. Племянник его, сэр Фредрик Райленд, унаследовал небольшой капитал и разоренное бультонское поместье. К нему должен перейти и титул виконта Ченсфильда, если права на него, весьма мало интересовавшие сэра Эдуарда, не безнадежно утрачены.

Бультонская контора «Томпсон и сын», клиентом коей состоял сэр Эдуард, обратилась к нашей для розыска наследника. Бумаги сэра Фредрика хранились у моих шефов, и, учитывая мое желание навсегда вернуться в Англию, они выдали мне доверенность на производство всех формальностей, связанных с введением сэра Фредрика в права наследства.

Второе поручение моих шефов заключается в ликвидации дел и имущества небольшой бенгальской торговой фирмы «Гарди и Демюрье», по решению единственного ее владельца, мистера Натаниэля Гарди. Мистер Гарди родился в Бультоне, но бóльшую часть жизни провел в Индии, где вместе с французским инженером месье Демюрье приобрел серебряный рудник в Бенгалии. От брака мистера Гарди с дочерью его компаньона родилась в 1749 году девочка, окрещенная по католическому обряду. По настоянию матери, она воспитывалась в одном из аббатств во Франции, где и прожила до восемнадцати лет. В 1767 году она совершила путешествие в Калькутту к родителям, но уже не застала в живых своей матери. Лишившись супруги, а также своего компаньона, мистер Гарди, подобно мне, ощутил глубокую тоску по доброй старой Англии. Он продал рудник и решил закрыть свои небольшие кон-

торы в Бультоне и Портсмуте. Все предварительные хлопоты по его делам приняла на себя наша контора, поручив их мне.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мистер Гарди со своей единственной дочерью Эмилией, так же как и наследник сэра Эдуарда мистер Фредрик Райленд, будущий виконт Ченсфильд, деятельно готовятся к дальнему пути. Приготовления их, равно как и мои, уже близятся к концу. Большой караван судов выходит в море из Калькутты в начале марта. Мною уже куплены две каюты на английской бригантине «Офейра»: одна предназначена для мистера Райленда и меня, вторая — для мистера Гарди и мисс Эмили. Мистер Гарди — сама доброта. Он очень любезен и называет меня своим гувернером. Увидеть его дочь мне еще не представилось случая.

Порт Калькутта, 3 марта 1768 года.

Итак, оба трюма «Офейры» приняли последние тонны груза. Бригантина доставит в Европу весьма ценные товары — дорогие краски для тканей, благородные металлы в слитках, самоцветные камни для ювелиров Голландии, шелка для отечественных модниц и лекарственные средства для аптекарей Европы. Бо́льшая и самая ценная часть груза — серебро в слитках и прекрасные самоцветы — принадлежит мистеру Гарди.

Пассажиры уже заняли свои места в каютах. Бригантина так мала, что нам придется обходиться услугами команды — собственную прислугу негде поместить. Мисс Эмили, дочь мистера Гарди, поистине очаровательная молодая леди! Кажется, того же мнения придерживается и мистер Райленд. Впрочем, мой клиент неразговорчив и не особенно учтив со мною.

Завтра на рассвете мы снимаемся с якоря. Другие суда нашего каравана грузятся неподалеку. Вооруженные конвойные суда уже ожидают на океанском рейде. Караван состоит из восьми торговых и четырех охраняющих кораблей. Вооружены и торговые суда — на нашей бригантине я видел две медные пушки. Да хранит нас всевышний в дальнем пути!

Бенгальский залив. Борт «Офейры», 5 марта.

Сегодня мы простились с устьем священного Ганга. Второй день мы находимся в плавании, и величавая дельта реки, низменное побережье с пышной зеленью и

массивными пагодами уже исчезают на горизонте. Океан спокоен, путешествие идет пока очень приятно. Караван держит курс на Мадрас.

Впереди движется стопушечный трехпалубный корабль «Хемпшир», прибывший в наши воды из Вест-Индии. Он направляется в Плимут — значит, до конца рейса мы пойдем под его надежной охраной. Два легких фрегата защищают фланги каравана, один корвет замыкает строй судов. Наша бригантина следует в хвосте каравана, под охраной пушек корвета.

Весь вчерашний день я провел на палубе в беседе с мистером Гарди, о котором навсегда сохраню самые приятные воспоминания. Мой собеседник обрадовал меня известием, что глава бультонской юридической конторы господин Томпсон-старший и сам мистер Гарди — не только земляки, но и школьные товарищи. Между ними существует даже дальнее родство. В течение последних тридцати лет старики поддерживали переписку, находясь в разных частях земного шара. В ней приняли участие и дети, после того как мистер Гарди прислал старому другу свой акварельный портрет, на котором он изображен вместе с дочерью. Вскоре отец и дочь получили в ответ изображение мистера Уильяма Томпсона с его сыном Ричардом. Молодые люди понравились друг другу на расстоянии, и родители считают их помолвку, официально еще не оглашенную из-за различия вероисповеданий, делом окончательно решенным. Предстоящий брак Ричарда с мисс Эмили — тоже одна из причин, побудивших мистера Гарди поторопиться с отъездом в Англию.

Молодой Фредрик Райленд вчера ухитрился достать из воды и преподнести мисс Эмили последний цветок лотоса в устье Ганга. Пока мы беседовали с мистером Гарди, сэр Фредрик и наш любезный капитан посвящали мисс Эмили в тайны мореходного искусства. Сэр Фредрик Райленд очень спокойный, уверенный в себе человек. Держится он с большим достоинством. Лицо его приветливо, черты отличаются благородством. У него красивый орлиный нос, темные волосы...»

— Здесь, в этом месте, тетрадь несколько пострадала. В ней много подмоченных страниц, кое-где строчки почти смыты,— прервал чтение мистер Томпсон.

— Мне кажется, что пострадал всего лишь услужливый панегирик мистеру Райленду. Мне эта потеря не представляется невознаградимой,— брюзгливо произнес

мистер Ленди.— Просим вас читать дальше, где текст отчетливее.

Мистер Томпсон продолжал:

— «...носит короткие баки. На корабле почти нет таких работ, с которыми он не мог бы справиться. В то же время его ученость и знание индийских народов с их таинственным магическим искусством делают его неоценимым собеседником, когда он изволит нарушать свою необщительность.

Бенгальский залив, 17 марта.

Двое суток мы простояли на рейде в Мадрасе, не сходя на берег: в городе свирепствует оспа. Приближаемся к берегам Цейлона. Нас задерживают сложные маневры с большим количеством судов. Поэтому мы двигаемся несколько медленнее, чем одиночные корабли.

Порт Коломбо, Цейлон, 25 марта.

Плавание идет благополучно. Миновали пролив и любуемся сказочными красотами Цейлона.

Если бы я владел пером, как поэт, то посвятил бы Цейлону большую поэму. Меня всегда удивляло, почему люди селятся в пустынях и среди скал, когда есть такие райские места на свете, как Цейлон, где население не отличается особенной плотностью.

Борт «Офейры», безбрежный океан, 3 апреля.

Ровно месяц, как мы с сэром Фредриком делим эту каюту, но я знаю его так же мало, как в день нашего знакомства.

Впрочем, в присутствии мисс Гарди он не только блистательно учтив, но и становится весьма щедрым на рассказы и остроумные шутки. С наступлением темноты он развлекал вчера отца и дочь объяснениями искусства кораблевождения по небесным светилам. Лицо мисс Гарди с большими, выразительными глазами, устремленными во время его объяснений к звездному небу, было так прекрасно, что в голосе сэра Фредрика появились новые, несвойственные ему мягкие нотки. Молодая леди слушала как зачарованная, и это вдохновляло рассказчика. Она сама много путешествовала, и вопросы, которые она задавала, свидетельствовали о ее наблюдательности и живом уме.

Борт «Офейры», 6 апреля.

Если бы не календарь, где я вечерами зачеркиваю

дни, то я утратил бы счет совершенно одинаковым суткам. Они начинаются и кончаются однообразным перезвоном корабельных склянок; эти звуки сопровождают все события нашей корабельной жизни.

Сегодня на западе исчезли очертания Мальдивских островов. Попутный ветер благоприятствует плаванию, и скорость движения удвоилась. Теперь мы делаем в среднем пять-шесть узлов[1], что составляет в сутки до ста сорока миль. Мистер Райленд находит, что это хороший ход для большого каравана. Своего соседа я почти не вижу в каюте. Он проводит целые дни на палубе или в нижней каюте, в обществе мистера и мисс Гарди. Судя по взглядам, которыми мисс Эмили встречает каждое его появление, я боюсь, как бы мистеру Ричарду Томпсону не пришлось впоследствии жалеть о своем отсутствии на борту в эти дни!

Борт «Офейры», 10 апреля.

Кругом открытое море. Через несколько суток бросим якорь у острова Иль де Франс, или, как его еще называют, острова Маврикия. Мы уже на широте южной оконечности Мадагаскара. Очень сильная жара.

Борт «Офейры», 12 апреля.

Дни эти кажутся мне бесконечными, но мисс Эмили в моем присутствии пожаловалась отцу, что время летит со сказочной быстротой. Бедный мистер Ричард!

Борт «Офейры», 16 апреля.

Вчера у острова Маврикия пополнили запас пресной воды. Ее доставили в бочках с помощью шлюпок. Суда стояли несколько часов на открытом рейде, в миле от холмистого острова. Сэр Фредрик и мисс Гарди побывали на берегу и посетили французского губернатора острова. Ночь была душная, с каким-то горячим маревом испарений, и звезды мерцали необыкновенно сильно. Сэр Фредрик говорит, что это предвещает непогоду. Мисс Гарди задержала вечером, при расставании с ним, свою руку в его руке. О моя молодость, как ты далека!

Борт «Офейры», 18 апреля, вечером.

По предсказанию капитана, близится шторм; барометр падает. Духота нестерпима. Дует горячий северо-

---

[1] Узел — мера скорости судна; равна одной миле (1852 м) в час.

восточный ветер. Мистер Райленд называет его бейдевиндом по отношению к нашему курсу. От острова Маврикия и еще каких-то небольших островов того же архипелага нас отделяют уже триста миль. Держим курс на южную оконечность Африки; приближаемся к водам Мадагаскара. Час назад на горизонте замечены паруса двух неизвестных кораблей. Скоро они пропали из виду, так как видимость уменьшилась из-за туч. Утром, далеко на севере, прошла какая-то встречная шхуна. Флаг ее различить не удалось.

Мисс Эмили взволнована и не замечает никого и ничего вокруг. По-видимому, ее отношение к мистеру Ричарду было наивной, почерпнутой из модных чувствительных книг «возвышенной склонностью». Встреча же с мистером Райлендом впервые разбудила в ее сердце настоящую женскую любовь. Это понимает и сам мистер Гарди, который очень смущен и сбит с толку неожиданными обстоятельствами, угрожающими спутать все его давно взлелеянные планы. Но разве нынче дети нашего плачевного века поступают согласно помыслам родителей? Впрочем, мистер Гарди не может не отдавать должное уму, талантам и безупречному поведению сэра Райленда. Да и следует ли забывать, что он все же «сэр», а может быть, и «милорд»[1] и имеет блестящую будущность на родине своих предков!

Покамест же дай бог нам всем благополучно перенести штормы и прочие трудности пути и ступить здоровыми на землю нашей родины...»

— Дальнейший текст на протяжении нескольких страниц очень неразборчив,— поднял на слушателей глаза мистер Томпсон.— Но так как именно последующие страницы, покрытые кляксами и помарками, содержат описание наиболее драматических событий этого несчастного плавания, я приложу все усилия, чтобы все же прочитать вам эти места, ибо они делают честь лучшим чувствам автора... Френсис, добавьте еще свечей!

Борт французского военного корвета «Бургундия», 24 апреля 1768 года.

О моя возлюбленная дочь! Перо не в силах описать

---

[1] Сэр — в соединении с именем — титул английского дворянина, рыцаря или баронета. Слово «сэр» служит также как обращение нижестоящих лиц к вышестоящим, в частности, детей к отцу. Милорд — обращение к лицам, имеющим лордское достоинство (бароны, виконты, графы и герцоги).

все ужасы, пережитые твоим несчастным отцом за эти злополучные дни! Руки дрожат, и я с трудом держу плохо очиненное перо. Но я собрался с силами, чтобы запечатлеть в этой тетради страшную картину гибели нашего корабля. Боже, помилуй мою скорбящую душу и прости мне мои тяжкие прегрешения, вольные и невольные. Наверно, чистые молитвы моей дочери спасли мне жизнь, которую я отныне готов посвятить молитве за вечное упокоение погибших друзей! Амень!

Вечером 18 апреля, усыпленный мерным покачиванием судна и невыносимым зноем, я крепко уснул в каюте. В это время к хвосту нашего каравана подкрались французские призонеры[1] и пытались отрезать два наших торговых судна.

Однако сопровождавший нас корвет развернулся бортом к одному из вражеских кораблей и дал по нему залп ядрами и брандскугелями из всех своих бортовых пушек. Этот страшный залп показался мне сквозь сон оглушительным раскатом грома и заставил мигом вскочить с постели.

Когда спросонок, ничего еще не понимая, я выбежал на палубу, то увидел пороховой дым и объятый пламенем корабль противника; он шел прямо на нас! Ночь озарялась огнем пожара и поминутными вспышками пушечных залпов. Смелым маневром «Офейра» увернулась от смертоносного сближения. Тогда горящий корабль, как зверь в предсмертном прыжке, двинулся на корвет, охранявший тыл каравана и причинивший врагу столь тяжелый ущерб. Пылающий корабль с разгона протаранил ему корму; мачты и такелаж, охваченные огнем, при ударе обрушились на корвет, и он тоже вспыхнул подобно факелу.

Между тем второй из нападавших кораблей, французский корвет «Бургундия», успел подбить и поджечь охранявший нас легкий фрегат и, пустившись наперерез «Офейре», стал осыпать ее пушечными ядрами, отсекая нас от каравана. Ядра со свистом проносились над палубой, рвали паруса и ломали реи.

Вдруг у фальшборта упала с шипением чугунная бомба, начиненная порохом. Она вертелась, как волчок, и короткий фитиль, раздуваемый ветром, ярко тлел в темноте. Команда бросилась бежать. В эту минуту чья-то высокая фигура метнулась к бомбе. Ударив по ней

[1] Призонеры — «охотники за призами», то есть корабли, занимающиеся охотой за торговыми судами других стран.

орудийным банником, человек загнал бомбу в промежуток между двумя кнехтами и остановил ее вращение. Затем он наклонился, схватил страшный предмет руками и, перенеся через фальшборт, выбросил бомбу в море. Дружный вздох облегчения вырвался у всех. Когда человек повернулся к нам, я узнал в нем сэра Фредрика Райленда, опоясанного перевязью шпаги. Сэр Фредрик спокойно отыскал на палубе брошенный им пистолет, сунул его за пояс и отошел в сторону.

Наша бригантина, поставив все уцелевшие паруса, стала уходить из-под обстрела в темноту ночи, рассчитывая вернуться затем под охрану пушек «Хемпшира», лишенного сейчас возможности маневрировать из-за тесно сбившихся вокруг него кораблей каравана. Они в беспорядке жались к его бортам, словно цыплята к наседке при нападении коршуна. Вражеский корвет «Бургундия», мачты которого были сильно повреждены в бою, пустился нас преследовать, но стал быстро отставать. Казалось, мы спасены.

Тут я заметил и мистера Гарди, тоже вооруженного пистолетом и шпагой; он поддерживал под руку мисс Эмили, вышедшую из своей каюты, чтобы помочь перевязать раненых. Мисс Эмили с тревогой искала кого-то глазами на палубе и успокоилась, лишь когда увидела сэра Фредрика. Он, в свою очередь, сбежал с мостика, где беседовал с офицерами, и, прижимая ее руку к губам, просил девушку удалиться в каюту, пока опасность не миновала окончательно.

Мистер Гарди рассказал ей про эпизод с бомбой. Она побледнела и, казалось, едва устояла на ногах, но овладела собою и одна пошла к маленькому салону, где корабельный цирюльник, исполнявший также обязанности лекаря, уже возился с ранеными.

Вдруг впереди по курсу, словно зловещий призрак, вырос силуэт длинной черной шхуны. Наступило полное безветрие, корабли стояли неподвижно, вдали еще пылал пожар и раздавались орудийные выстрелы,— это сами собою стреляли раскаленные пушки, оставшиеся заряженными на брошенных горящих судах.

Со шхуны спустили две шлюпки. Они быстро полетели к нам.

«Пираты! — мелькнуло у меня в мозгу.— Мы попали в засаду!»

Объятый ужасом, я бросился в нижнюю каюту. Оставаться одному в верхней каюте было слишком опасно.

Я бежал, прижав к груди кожаный мешок с моими сбережениями и документами, и — признаюсь тебе, дочка,— решил спрятаться под широкую кровать мисс Эмили, скрытую за занавеской.

Вскоре в каюту вошли мисс Гарди и сэр Фредрик Райленд, и я оказался невольным слушателем их краткого объяснения. Очень скоро слова «Эмили!», «Фред!» потонули во вздохах и поцелуях.

Когда дверь каюты снова приоткрылась и впустила отца, голова девушки лежала у джентльмена на груди, и джентльмен прижимал эту голову к губам. При виде отца сэр Фредрик выпустил девушку из объятий и за руку подвел ее к мистеру Гарди.

«Сэр,— взволнованно заговорил молодой человек,— сэр, мы с Эмили навсегда полюбили друг друга. Позвольте мне идти сражаться за наше общее будущее, ибо иначе мне придется искать в этом бою только смерти!»

«Да благословит вас бог, дети!» — отвечал старый Гарди.

Мисс Эмили сняла с груди и повесила на шею сэру Фредрику старинный золотой католический образок, и молодой человек, еще раз прижав к груди будущую жену свою, поспешил на палубу, где уже грянул первый выстрел нашей корабельной пушки. Снедаемый тревогой и страхом, я неподвижно лежал в своем тесном убежище, прислушиваясь к залпам, звериному крику злобных исчадий ада и к шуму рукопашной схватки, закипевшей над нашими головами. В наступившей затем тишине в дверь каюты тихо постучали. Вошел сэр Фредрик, камзол его был залит кровью, лицо почернело от порохового дыма.

Вместе с мистером Гарди они заперли дверь, перезарядили пистолеты и попробовали шпаги. Добрый мистер Гарди осведомился о моей участи, и сэр Фредрик Райленд выразил предположение, что я укрылся где-нибудь в трюме.

Судно наше, находившееся уже во власти пиратов, куда-то двигалось. Мисс Эмили, упав на свою постель за занавеской, горячо молилась. Тем временем наверху опять возобновились выстрелы, и мистер Райленд объяснил, что началось сражение между пиратами и экипажами французских шлюпок. Бой этот был коротким— пираты заставили французов отступить.

Вскоре сквозь окно каюты спутники мои увидели

приближающийся борт пиратской шхуны. Дикие, торжествующие крики раздались над нами. Я ощутил толчок и услышал топот ног по всему кораблю.

От ужаса я был близок к обмороку и уже не питал никакой надежды! Дверь затрещала, и озверелые лица грабителей появились в дверях. Мисс Эмили вскрикнула и лишилась чувств, сэр Фредрик Райленд заслонил ее своим телом, а мистер Гарди выстрелил навстречу нападающим. Он сразил одну из этих бестий, но в тот же миг сам пал мертвым под их выстрелами...»

— По-видимому,—прервал чтение мистер Томпсон,— при описании этой драматической сцены к автору вернулось чувство самообладания. Здесь, в тетради, вырвано несколько страниц, переписанных автором, очевидно, наново, так как все дальнейшее начертано довольно твердой рукой и достаточно разборчиво. Даже цвет чернил стал темнее и отчетливее. Мне уже не нужно так отчаянно напрягать зрение. Френсис, вы можете убрать лишние свечи. Итак, я продолжаю... «Мистер Фредрик сражался, как лев, и каюта наполнилась мертвыми телами. Я выбрался из-под кровати и, воодушевленный примером такого мужества, схватил шпагу и бросился ему на помощь. Мы вытеснили нападавших из каюты и забаррикадировали дверь. Нас оставили в покое, так как французский корвет успел подойти к месту боя и открыть огонь по шхуне и пришвартованной к ней бригантине.

Оба судна загорелись от брандскугелей и бомб корвета, пираты бросались в воду и гибли под выстрелами. Заслуженная кара постигла всех негодяев до единого, ни одного французы не оставили в живых.

Когда пламя забушевало уже рядом с нашей каютой, мы вышли из нашего убежища и стали подавать сигналы. Последняя шлюпка французов как раз готовилась отвалить.

Сэр Фредрик вынес бесчувственную Эмили из каюты, я же спас самые необходимые документы, деньги, не забыв и эту тетрадь. Через десять минут нас доставили на борт корвета «Бургундия», где отвели небольшое помещение на корме, скупо освещенное одним иллюминатором, расположенным над самой ватерлинией. Здесь мы положили мисс Эмили, еще не очнувшуюся от обморока, и вернулись на палубу, откуда экипаж корвета наблюдал за гибелью пиратской шхуны и нашей «Офейры». Наш маленький покинутый корабль стал

могилой мистера Гарди: тело его, равно как и тела убитых пиратов и французов, поглотили морские волны.

Тем временем разразился тропический ливень; ветер, крепчая с каждой минутой, достиг небывалой силы, и в океане разбушевался шторм, подобного которому я никогда не видывал. Судно вставало на дыбы и вдруг летело куда-то в пропасть. Сэр Фредрик привязал бесчувственную мисс Эмили к койке, иначе и ее швыряло бы о стены с такою же силой, как швыряло нас. Наконец, вцепившись в свою подвесную койку, я кое-как забрался в нее и вскоре впал в забытье.

Проснувшись, или, скорее, очнувшись, я услыхал бред мисс Эмили и тихий голос сэра Фредрика. Шторм еще бушевал, хотя я проспал, как оказалось, почти целые сутки. При свете дня океан казался еще страшнее, чем ночью.

Шторм утих только к вечеру 20 апреля, и капитан «Бургундии» пригласил нас к себе. Он учтиво осведомился, удобно ли наше помещение, и расспросил о нашем звании, состоянии и целях плавания. Вместе с капитаном мы вышли на палубу. Корвет представлял собою жалкое зрелище: это был уже не корабль, а лишь остов корабля, с обломками мачт, без рангоута[1], без единой шлюпки. Для облегчения судна капитану пришлось пожертвовать несколькими пушками.

Французский моряк объяснил, что корвет способен лишь с трудом двигаться по курсу. Капитан намеревался достичь побережья Африки или Мадагаскара с помощью запасного паруса и мачты, которую можно собрать из обломков. Он дал нам понять, что мы получим свободу лишь после внесения нашими родственниками довольно значительной выкупной суммы. Он предупредил нас также о недостатке запасов продовольствия на корвете.

Положение наше чрезвычайно тяжелое. Единственная надежда — это бесконечное милосердие всевышнего!

Вернувшись в каюту, мы застали мисс Эмили в прежнем состоянии. Она в бреду звала сэра Фредрика, не узнавая его самого. По-прежнему он занимал место сиделки у ее ложа. Корабельный врач нашел у мисс Гарди горячку, дал ей лекарство и обещал навещать.

---

[1] Рангоут — совокупность всех деревянных приспособлений для крепления к ним посредством такелажа парусной оснастки корабля. К рангоуту относятся: мачты, стеньги, реи и т. п.

Однако добрый медик не заметил, что на лице у нее появились красные пятна и зловещая сыпь.

Борт «Бургундии», 26 апреля.

Нам предоставлено право свободно передвигаться по всему судну. Матросы соорудили подобие двух мачт и поставили кливер и грот. Судно даже при свежем ветре делает не более четырех узлов. Нас кормят отвратительной бурдой из подмоченного риса. Запаса пресной воды должно хватить на десять-двенадцать суток. Дисциплина среди команды заметно падает. Но самое страшное — это болезнь мисс Гарди. Я уже не сомневаюсь, что она больна оспой. Скоро эту страшную новость нельзя будет держать в тайне от капитана. Боже, что станется с нами!

Борт «Бургундии», 28 апреля.

Наступила влажная тропическая жара. Мисс Эмили не поправляется, но сознание временами возвращается к ней. Ей уже известна судьба ее несчастного отца. Боюсь, что вскоре нам всем придется разделить с ним ту же бездонную могилу.

Борт «Бургундии», 30 апреля.

На борту вспыхнула эпидемия оспы. Я уверен, что кто-то из матросов-индусов принес ее на борт «Офейры» в Мадрасе, а мисс Эмили заразилась ею, когда перевязывала раненых. Теперь заболело несколько человек из экипажа. Ни мне, ни сэру Фредрику оспа не страшна — я перенес ее в детстве, и следы ее остались на лице. Сэр Фредрик тоже болел оспой в Индии и, вероятно, излечился с помощью средств, неизвестных нашей европейской медицине, самодовольной и невежественной. Черты его лица остались не обезображенными.

Мисс Гарди страдает терпеливо и молча. Нас покинули все, и появляться на палубе нам теперь запрещено под страхом смерти. Один раз в день приносят скудную пищу и бросают в каюту через окошечко в дверях, как диким животным.

Над кораблем поднят флаг бедствия. Часть команды намерена бежать с корабля и занята сооружением плота. Плот уже спущен на воду. На корвете останутся капитан, несколько уцелевших офицеров и кучка пре-

данных им матросов. Завтра утром непокорная часть команды покинет судно.

Все эти новости с горечью сообщил нам врач. Он продолжает навещать мисс Эмили и пока не затронут гибельной болезнью.

Над мачтой развевается желтый флаг, означающий, что корабль — во власти самого грозного корсара: черной индийской оспы.

Борт фрегата «Крестоносец», 3 мая 1768 года.

Благодарение богу, мы спасены! Но какой страшной ценой!

Третьего дня, поздним вечером, по уходе врача дверь нашей каюты забыли запереть. Сэр Фредрик тихо выбрался в коридор и проник на палубу. Его орлиные глаза даже при лунном свете разглядели на горизонте парус. Через минуту он прокрался на корму, под которой на волнах покачивался привязанный плот. Инструменты, служившие для его постройки, еще валялись на палубе. Тут же находились два длинных весла.

Захватив с собой пилу и топор, сэр Фредрик спустился по канату на плот.

Судно лежало в дрейфе, океан был спокоен, ветер почти не надувал безжизненных парусов. Сэр Фредрик увидел, что плот состоит из четырех частей, скрепленных друг с другом дощатым настилом. Распилив обвязку настила, можно было отделить длинный узкий плотик, управлять которым смогли бы без труда два человека.

Сэр Фредрик принялся пилить. К счастью, никто не обратил внимания на этот звук за кормой; матросы, вероятно, полагали, что плотники кончают свою работу.

Доска была вскоре перепилена, плотик стал разворачиваться и оказался отделенным от остальной части сооружения. Сэр Райленд зацепил плотик багром, быстро обрубил весла до нужного ему размера, вбил в бревна два толстых корабельных гвоздя в качестве уключин и одним взмахом топора разрубил швартов, удерживавший весь плот. Перескочив на свой плотик, он, стоя во весь рост и действуя одним веслом, стал направлять свое суденышко вдоль левого борта корабля к иллюминатору нашей каюты. Обо всех этих приготовлениях я, разумеется, ничего не знал, но сильно

тревожился из-за столь продолжительного отсутствия нашего спутника.

Каково же было мое изумление, когда в иллюминатор просунулась рука с концом каната и голос сэра Фредрика Райленда приказал мне удержать канат. Я помог сэру Фредрику забраться в каюту и стал вместе с ним спешно собирать самые необходимые предметы, документы и одежду. Наконец он предложил мне первому спускаться на плот.

Прошептав молитву, я полез в узкое отверстие иллюминатора и с трудом ступил на шаткое сооружение. Затем из иллюминатора показалась голова спеленатой, подобно ребенку, мисс Гарди. Я осторожно принял ее на руки и положил на настил. Сэр Фредрик бросил мне связку одеял и еще раз вернулся в каюту.

В этот момент до нас донеслись злобные крики и выстрелы. Возгласы: «Предательство!», «Смерть офицерам!», «Плот обрублен офицерами!», «К восстанию!»— перемежались с глухими ударами, стонами, выстрелами.

Сэр Фредрик тихо спрыгнул на плотик. Я взял одно весло, сэр Фредрик — другое, и мы принялись с силой грести, удаляясь от корабля, охваченного безумием бунта. Вскоре до нас долетели крики: «Огонь на корабле!» Обернувшись назад, мы увидели на корме корабля длинный язык пламени.

В этот же момент с корабля заметили наше бегство.

«Гребите быстрее!» — крикнул мне мистер Райленд, и мы снова налегли на весла.

С грохотом распахнулся один из пушечных портов левого борта.

Канонир с дымящимся фитилем показался за орудием. Выстрел грянул, и ядро, не долетев до нашего суденышка, с шипением ушло в воду.

Внезапно все небо озарилось словно багровой молнией. Я выронил свое весло и ничком упал на плотик. Послышался взрыв, от которого, казалось, небо разверзлось и океан расступился, как в священном писании. На несколько мгновений я потерял сознание, оглушенный ужасным сотрясением воздуха. Затем вокруг со свистом стали падать в воду обломки дерева и куски металла; клочья черного праха оседали подобно туче. Взглянув в сторону корвета, я увидел лишь задранный кверху нос корабля, быстро погружающийся в кипящий водоворот.

«Очевидно, кто-то из офицеров решил ценою собст-

венной жизни положить конец недостойному поведению бунтовщиков,— сказал мистер Райленд и, обнажив голову, сотворил короткую молитву по мужественному врагу, взорвавшему крюйт-камеру[1] непокорного корабля.— С корвета я видел вдали парус. Будем надеяться, что нас заметят».

И действительно, в первых проблесках рассвета мы увидели в трех милях большой фрегат, двигавшийся к нам. На ровной глади моря плавали обломки погибшего корабля и качался плот. Ни одного человека, ни одного уцелевшего члена экипажа не было видно!

Взмахами белой простыни мы обратили на себя внимание. С фрегата спустили шлюпки. Через несколько минут нас окликнул по-английски мичман с первой шлюпки. Мы назвали наши имена. Каково же было мое удивление, когда этот молодой человек, услыхав мое скромное имя, испустил радостный возглас и чуть не прыгнул в воду, чтобы скорее добраться до нашего плота.

«Мистер Мортон, сэр Фредрик Райленд,— кричал юноша, охваченный энтузиазмом,— скорее на борт нашего корабля! Ура, ребята!»

Гребцы, к которым относилось последнее восклицание, подвели шлюпку, но сэр Фредрик предложил им отплыть на некоторое расстояние и потребовал врача для освидетельствования важного, опасного груза. Юноша дал команду, шлюпка полетела к фрегату, и вскоре юный мичман вернулся с врачом на борту. Полный джентльмен в парике и с лорнетом спросил нас, какой груз нужно осмотреть, но, взглянув на лежащее, укрытое одеялами тело больной, догадался, в чем дело.

Мистер Райленд, перейдя на французский язык, чтобы не быть понятым командой, объяснил, что больную оспой необходимо положить на корабле в отдельное помещение, где мы, ее спутники, сможем оказать ей помощь, разделяя ее карантин. Почтенный доктор, пробормотав нечто неопределенное, удалился на фрегат.

Там долго совещались. Эти минуты ожидания были ужасны, и мне ясно представилась картина гибели на жалком плотике среди океана. С тревогой я наблюдал, как одна из спущенных шлюпок подошла к большому плоту и подожгла сооружение мятежных матросов.

---

[1] Крюйт-камера — место хранения огнестрельных припасов на корабле.

Очевидно, таково было приказание командира фрегата.

Наконец шлюпка с нашим другом мичманом снова приблизилась. Мичман держал в руках буксирный канат.

Шлюпка прибуксировала наш плотик к трапу корабля. Уже через десять минут мисс Гарди лежала на койке, а мы удобно поместились в другой части больничной каюты, разделенной перегородкой на две половины. Прислуживать нам остался матрос фрегата, негр Сэм, с обезображенным оспой лицом.

Наш юный спаситель подошел вскоре к дверям и рассказал нам, каким образом фрегат «Крестоносец» оказался в этих водах и откуда ему, мичману королевского флота мистеру Эдуарду Уэнту, известны наши имена.

Оказалось, что фрегат, направлявшийся в индийские воды в качестве британского морского охотника за призами, встретил у берегов Мадагаскара наш поредевший караван и пустился на розыски «Офейры» и пиратов. Ураган далеко отклонил и его от взятого курса. Потеряв надежду найти исчезнувший корабль, фрегат взял направление на Капштадт[1]. В этот момент с корабля заметили взрыв, и он подоспел к месту крушения «Бургундии».

Судьбе было угодно, чтобы на фрегате совершал свое первое плавание в качестве мичмана мистер Эдуард Уэнт, сын мистера Монтегю Уэнта, управляющего бультонским поместьем Ченсфильд. Эдуард Уэнт окончил мореходные классы в Портсмуте, моем родном городе, где воспитывалась у своей тетки моя дорогая Мери. И что же оказалось? Оказалось, что этот сорванец, этот восемнадцатилетний мистер Уэнт, самонадеянный мичманок, носит в своем бумажнике миниатюрный портрет моей Мери и склонен уже считать меня своим будущим тестем! О, моя маленькая шалунья, дай бог мне благополучно вернуться домой, в наш старый Портсмут, и я постараюсь исторгнуть из твоей милой головки всякую мысль о мичманах и морских офицерах!

Борт фрегата «Крестоносец», 17 мая.

Фрегат приближается к африканским берегам. Мисс

[1] Капштадт — главный город Капской колонии, на юге Африки; колония основана голландцами в 1601 году. С 1795 года Капская земля занята англичанами.

Эмили оправилась от своей болезни, но как она переменилась! Лицо ее потеряло нежный румянец, несколько небольших рубцов осталось на висках и на подбородке, глаза утратили сияющий блеск, волосы — свою пышность, но она, конечно, остается привлекательной молодой леди. Через две-три недели кончится наш карантин, мы сможем выходить на палубу.

Мисс Гарди глубоко удручена горем: потеря отца, так и не увидевшего родной Бультон, болезнь, ужасные переживания — все эти жестокие удары судьбы она переносит стойко. Но прежнюю жизнерадостную Эмили трудно узнать в этой подавленной женщине.

Борт фрегата «Крестоносец», 22 мая. Порт Капштадт.

О радость! Мы следуем в Англию на «Крестоносце!»

В Капштадте, куда прибыли 20 мая, мы застали весь состав нашего каравана, который будет следовать к берегам Англии в сопровождении нашего фрегата.

Жаль, что карантин удерживает нас в каюте: в Капштадте у меня имеются дальние родственники и старые друзья.

Мисс Эмили подолгу беседует с сэром Фредриком и выглядит уже несколько лучше. Благодаря соблюдению карантина зараза не проникла на корабль, и к 1 июня врач разрешил нам появиться в кают-компании.

Пока единственным моим развлечением служит эта тетрадка, которая поможет сохранить в памяти подробности трагических переживаний, выпавших мне уже на закате моих лет.

Атлантический океан, борт «Крестоносца», 1 июня 1768 года.

Уже пятые сутки находимся в плавании. Прошли в виду пустынного острова Святой Елены.

Сегодня мы были представлены командиру и офицерам корабля. С большим достоинством сэр Фредрик поблагодарил джентльменов за помощь и просил принять от себя лично чек на пятьсот фунтов для украшения судна и раздачи наград членам экипажа. Когда команда узнала об этом, мистер Райленд стал любимцем на корабле, а знание морского дела увеличило его популярность настолько, что старший офицер «Кресто-

носца» мистер Дональд Блеквуд шутливо предложил ему купить офицерский патент и принять командование судном. Сэр Фредрик отвечал, что если бы судьба сделала его судовладельцем, то он доверил бы свой лучший корабль мистеру Блеквуду.

Мисс Эмили держится замкнуто и мало показывается в обществе. Вероятно, причиной этому служит, в частности, и столь ощутимая для всякой дамы перемена во внешности. Слезы навернулись у нее на глазах, когда ей представился, с изъявлениями восторга по адресу сэра Фредрика, юный мистер Уэнт, сын старого служащего дома Райлендов...

Теперь у нас уже отдельные каюты, со всеми удобствами.

Порт Плимут, борт «Крестоносца», 2 авг. 1768 года.

Записываю эти строки дрожащей рукой в каюте, сквозь иллюминатор которой мне виден военный порт моей родины. Слышу грохот якорных цепей и команду: «На месте!»

Да здравствует старая Англия!

Боже! Храни нашего короля!

Бультон, 20 декабря 1768 года.

Чтобы закончить эту тетрадь, приписываю еще несколько строк. Поручения, полученные мною от конторы «Ноэль-Абрагамс и Мохандас Маджарами», целиком выполнены.

Мистер Райленд вступил в права наследства и уже поселился в своем поместье Ченсфильд близ Бультона. Лишь с большими хлопотами он добился прав на восстановление виконтского титула, столь легкомысленно утраченных его недальновидными предками. Эти хлопоты стоили немалых затрат, но у сэра Фредрика — весьма широкие планы. Со временем он надеется вернуть своему опальному роду даже пэрские права и открыть себе дорогу в самые высокие сферы. Бог ему в помощь в этих начинаниях!

С искренним прискорбием он узнал о недавней смерти отца мичмана Эдуарда, достойного мистера Монтегю Уэнта, управляющего поместьем Ченсфильд. Сэр Фредрик предложил занять эту должность мне. Глубоко удовлетворенный оказанной честью, я принял

предложение и с 1 января 1769 года приступаю к обязанностям управляющего поместьем.

Мисс Эмили до окончания траура живет в Бультоне, в частном пансионе Эндрью Лоусона, бывшего служащего своего отца.

Она взяла себе в услужение негра Сэмюэля Гопкинса, помогавшего нам во время путешествия на «Крестоносце»; этот черный слуга необыкновенно привязался к мисс Эмили.

Все дела, связанные с закрытием фирмы мистера Гарди, исполнены мною строго по желанию этого добрейшего из моих клиентов. Небольшой капитал, оставшийся после ликвидации обеих английских контор фирмы Гарди, положен в «Бультонс-банк» на имя мисс Эмили.

Свадьба сэра Фредрика и мисс Эмили назначена на весну будущего, 1769 года. По желанию мисс Гарди венчание будет происходить за границей, во Франции или Италии.

На этом я заканчиваю свои записки. Свою дочь я прижал к сердцу еще в Портсмуте, где сейчас она заканчивает свое образование. Мери переедет тотчас по окончании частного пансиона ко мне в Ченсфильд. Записки эти будут сохраняться в конторе мистера Томпсона до совершеннолетия дочери.

Аминь».

Мистер Томпсон-старший закрыл тетрадь.

Первым прервал молчание Паттерсон, владелец верфи.

— Мне кажется, что мистер Уильям и мистер Ричард должны пожать благородную руку сэра Фредрика Райленда и предать забвению непреднамеренную обиду. Она представляется мне ничтожной в свете только что открывшейся нам истины,— сказал судостроитель торжественно.

— Я присоединяюсь к этому мнению,— заявил Ленди.

— Отец, я готов согласиться с джентльменами,— проговорил Ричард, глубоко тронутый прослушанной эпопеей.— Мне кажется, что после всего пережитого этими людьми разделить их было бы грешно и мелочные уколы самолюбия не должны влиять на наше отношение к этой чете.

Пастор Редлинг с удовлетворением качал головой, Только старый Уильям Томпсон, откинувшись на спинку кресла, молча рассматривал тисненую кожу пере-

плета рукописи и не поднимал глаз на собеседников.

Едва джентльмены успели высказать свое суждение, раздался стук молотка у входной двери. Старый слуга, впустив кого-то в переднюю, появился на пороге гостиной.

— Ваш вчерашний посетитель явился снова,— доложил он хозяину.

Уильям Томпсон, решивший было, что это его супруга вернулась с заседания дамского комитета, в недоумении вышел в приемную вслед за слугою. Перед ним стоял невысокий человек, одетый в обычное платье уличных торговцев-разносчиков. Свою шляпу он держал в левой руке. Безымянный палец на этой руке отсутствовал.

— Что вам угодно, мистер Роджерс? — спросил хозяин довольно сурово.— Сейчас не совсем обычное время для деловых встреч.

— Приношу глубокие извинения,— прошептал незнакомец, отвешивая поклон,— но ваша помощь и совет нужны мне немедленно. Прошу вас еще раз уделить мне несколько минут. Сегодня утром я беседовал с Эндрью Лоусоном и с точностью установил, что стою на верном пути. Как только вы дадите мне обещанные дополнительные сведения о катастрофе «Черной стрелы», я временно покину Бультон. Мне небезопасно оставаться здесь...

Мистер Томпсон пригласил посетителя в свой кабинет и приказал слуге предупредить гостей, что он занят с клиентом, прибывшим по срочному делу.

Джентльмены откланялись, и вскоре шум их экипажей замер вдали на бультонских мостовых.

Глава вторая

ЛЮДИ, НУЖНЫЕ КОРОЛЕВСТВУ

1

На бультонской корабельной верфи заканчивался рабочий день, но грохот кузнечных молотов, удары топоров, шарканье пил и рубанков — весь этот шум, заглушающий здесь человеческий голос, еще раздавался в доках. Изредка над колыбелью кораблей проносились

чайки. Испуганные гулом и лязгом, они торопились подняться выше, где ветер резвеивал чад разогретой смолы и дым кузнечных горнов.

Окруженные лебедками, блоками, строительными лесами и стремянками, высились на наклонных помостах корпуса морских кораблей. С одного из них уже убирали леса; лишь узкие мостки еще опоясывали высокие борта судна. Несколько трапов поднималось от мостков к фальшборту, другие вели вниз, к килю.

Спуск этого корабля, самого крупного из заложенных на верфи, был назначен на завтра. Пожилой корабельный мастер Джекоб Гарвей, коренастый человек с огненно-рыжими бакенбардами, в низко нахлобученной на лоб фуражке с длинным козырьком, проверял последние приготовления к спуску. Он держал в зубах короткую трубку и негромко отдавал приказания, не разжимая зубов и выпуская клубы дыма вслед за каждым словом команды.

Уже были смазаны китовым жиром ходовые доски настила, по которым судно соскальзывает с помоста в воду. Корпус корабля удерживали на месте только мощные бревенчатые упоры.

Остов судна напоминал туловище неведомого морского животного: под обшивкой угадывался «скелет» с чудовищными ребрами-шпангоутами; высокий острый нос и плавно выгнутые линии бортов придавали корпусу сходство с диковинной рыбой, а круглая корма походила на голову кита.

Корабль не имел еще ни мачт, ни палубных надстроек — все это предстояло поставить на плаву,— но в стройных линиях длинного корпуса опытный глаз мог уже угадать отличные мореходные качества будущего «пенителя океанов».

Владелец верфи мистер Паттерсон, сопровождавший своего заказчика, сэра Фредрика Райленда, шагал по горам стружки, щепы и опилок, лавируя между штабелями бревен и бухтами канатов. Закончив осмотр корабля, они уже собирались уходить с верфи. Вдруг совсем близко кто-то громко вскрикнул от боли. Хозяин и заказчик обернулись. Несколько плотников, побросав топоры и долота, бегом бросились к противоположному борту.

— Гарвей, узнайте, что там произошло,— приказал хозяин.

— Плотник Паткинс отрубил себе три пальца на

левой руке, сэр,— доложил мастер, лишь на мгновение вынув трубку изо рта.

— Это весьма досадно, Гарвей: плотник этот очень нужен нам сейчас. Сможет ли он завтра продолжать работу?

— Нет, сэр, нужен врач...

— Хорошо, я вызову доктора Грейсвелла, этого чудака из госпиталя святого Христофора. Пошлите за доктором моих лошадей. Грейсвелл должен поставить его на ноги, хотя бы на один завтрашний день. Кстати, оштрафуйте вон тех двух молодцов, чтобы впредь не бросали инструментов и не смотрели по десяти минут на человека, которому перевязывают царапину. Гарвей, плату доктору вы удержите из жалованья Паткинса. А к следующей неделе найдите на его место другого опытного плотника. Мистер Райленд, прошу вас к себе в кабинет.

Усадив гостя за свой рабочий стол в кабинете, где все стены были уставлены и увешаны моделями, чертежами и рисунками кораблей, мистер Паттерсон принялся расхаживать из угла в угол. Гость молча рассматривал модель парусного брига, стоявшую на дубовой подставке.

— Любуетесь моделью своего «Ориона»? — спросил судостроитель.— «Окрыленный» будет еще лучшим кораблем. Он уже причинил нам с Гарвеем немало хлопот! Корабль большой, пятимачтовый, вытянутый в длину, с двухъярусными батарейными палубами. Борты опоясаны слоем каменного дуба в пол-ярда[1] толщиной! Они непроницаемы для пушечных ядер; им мало опасен даже огонь зажигательных бомб. Корабль будет вооружен тридцатью шестью тяжелыми каронадами и таким же количеством средних морских пушек, стреляющих двадцатифунтовыми ядрами. При водоизмещении в три тысячи тонн «Окрыленный» разовьет ход до пятнадцати узлов на полной оснастке и при хорошем ветре. Мне еще никогда не приходилось выполнять столь сложные и противоречивые требования заказчика. Легко сказать: при таком ходе и такой вооруженности трюмы «Окрыленного» должны вместить груз по меньшей мере двух торговых шхун! Выполняя этот заказ с такой тщательностью, с какой еще ни одно судно не строилось на нашей верфи, я скорее руководствуюсь чувст-

[1] Ярд — английская мера длины, равен 3 футам — 0,91 метра.

вом личной симпатии к заказчику, нежели соображениями выгоды. Расходы столь велики, что постройка «Окрыленного» не обещает мне особенной прибыли...

Мистер Райленд выразил свою признательность легким поклоном, но по-прежнему сохранял молчание.

— Четвертый год, сэр, мы успешно сотрудничаем,— продолжал владелец верфи.— Корабли, построенные мною, благополучно плавают под вашим флагом. Они доставили и для моей верфи несколько ценных грузов, подчас даже, так сказать, в обход некоторых таможенных формальностей. Мне кажется, сэр, что для нас наступила пора стать более откровенными друг с другом. Мореходные и боевые качества «Окрыленного» не оставляют сомнений; подобное судно может служить только капером[1], сударь!..

— Не вижу причин, почему вам понадобилось такое большое предисловие, чтобы высказать очевидную истину, мистер Паттерсон!

Лицо сэра Фредрика сохраняло самое невозмутимое выражение.

— Очевидную истину? — воскликнул пораженный владелец верфи.— С каких это пор знатный английский дворянин и землевладелец, отец прекрасного и почтенного семейства, считает для себя естественным переменить образ жизни помещика и делового человека на неверный, хотя и заманчивый жребий «пенителя морей» — корсара? Ибо капер — не что иное, как корсар, узаконенный правительством!

— Во-первых, каперство поощряется британским законом и дает крупную прибыль королевской казне. Во-вторых, почему вы полагаете, что владелец корабля-капера непременно должен сам пуститься в погоню за призами?

— О, мистер Райленд, недавно мне представилась возможность прослушать несколько страниц вашей изумительной биографии, запечатленной в тетради Мортона. Человек с вашим знанием моря, вашей отвагой и мужеством, владея «Окрыленным», не усидит дома!

Сэр Фредрик Райленд рассмеялся.

---

[1] Каперы — частные корабли, занимавшиеся с разрешения правительства «охотой» за кораблями враждебных или даже нейтральных стран. Владельцы каперов наживали огромные богатства, послужившие основой миллионных фамильных состояний многих крупных капиталистов современности.

— Не могу же я, в самом деле, быть одновременно капитаном всех кораблей моей компании, управляющим всеми предприятиями, добрым хозяином имения и вдобавок командиром своего капера! Впрочем,— добавил он улыбаясь,— я не отказываюсь от мысли совершить когда-нибудь и самостоятельный рейс на «Окрыленном». Приглашаю вас разделить тогда со мной и риск и удачу, если только миссис Паттерсон не удержит вас около себя.

Паттерсон задумался. Ему представились дальние моря, штормы, пороховой дым сражений, окутывающий мачты «Окрыленного», груды золота в трюмах... Риск и удача, хм! Решительный мужчина этот виконт Ченсфильд, черт возьми!

— Разосланы ли приглашения всем гостям нашего маленького праздника — спуска на воду нового корабля? — спросил Райленд.

— Все именитые люди города и графства охотно приняли приглашение. Даже леди Стенфорд.

— Леди Эллен Стенфорд? Мы с ней соседи по имениям, но мне до сих пор не представлялось случая лично с ней познакомиться.

— О, леди Стенфорд не только очаровательная, но и весьма дальновидная дама. Она овдовела два года назад и недавно, говорят, дала согласие молодому мистеру Ричарду Томпсону объявить об их помолвке.

— Вот как? — Сэр Фредрик слушал собеседника весьма внимательно.— Что же побуждает знатную, состоятельную вдову к этому мезальянсу[1]?

— Вероятно, убедительное красноречие мистера Ричарда. Впрочем, это весьма достойный молодой человек и, кстати, сын моего старого друга, мистера Томпсона, доктора прав.

— Что ж, я буду рад познакомиться с этой леди на борту «Окрыленного». Я слышал, что она поощряла деловые начинания своего покойного супруга, сэра Джорджа Стенфорда, и, кроме того...

— Доктор Рандольф Грейсвелл, врач госпиталя святого Христофора,— прервал виконта корабельный мастер Джекоб Гарвей, входя в кабинет. Вслед за ним вошел невысокий человек в очках, щуря близорукие, добрые глаза.

---

[1] Мезальянс — в буржуазно-дворянском обществе неравный в социальном отношении брак.

Джентльмены раскланялись, и мистер Райленд направился к своему гигу[1].

«Рандольф Грейсвелл, — вспоминал он. — От кого же мне случалось уже слышать это имя? Кажется, это было очень, очень давно...»

2

Почтенный бультонский банкир мистер Сэмюэль Ленди, тяжело припадая на подагрическую ногу, поднимался по ступеням серого здания, где помещалась юридическая контора «Томпсон и сын». Коляска, запряженная парой раскормленных лошадей, осталась ждать у подъезда.

Тяжело дыша и прихрамывая, джентльмен прошел коридор, скупо освещенный единственным стрельчатым окном, и, отдышавшись, открыл дверь в тесную комнату.

Два клерка, не поднимая глаз на вошедшего, скрипели гусиными перьями, макая их в огромные чернильницы. Третий сосредоточенно занимался извлечением мухи из подобного же сосуда. Высокие шкафы, доверху наполненные пожелтевшими свитками документов и стопами бумаг, от одного вида которых на сердце делалось тоскливо, толстые фолианты с кожаными корешками, лежащие на полу, столы, покрытые пыльным сукном, испещренные кляксами черного, красного и зеленого цветов,— все это оставляло весьма узкий проход к двери, что вела в соседние апартаменты.

Мистер Ленди одолел этот проход и оказался в следующей, большой и грязной комнате. Узрев посетителя, целая дюжина сидевших здесь клерков разного возраста сразу схватилась за перья с видом неутомимого трудолюбия.

В конце комнаты, за нагромождением шкафов, столов и бумаг, виднелось небольшое пространство, отделенное деревянным барьером и предназначенное для посетителей. К их услугам стояли две черные скамьи с высокими прямыми спинками. Тут же, перед массивной дверью, восседал за высокой конторкой, заложив перо за ухо, очень тощий клерк в черном фраке. На двери, полускрытой портьерой, красовались две медные дощечки. На верхней значилось: «Уильям Томпсон,

---

[1] Гиг — тип легкой двуколки.

королевский адвокат, доктор прав». Нижняя дощечка возвещала, что за этой же дверью священнодействует также и баристер[1] Ричард Томпсон.

Оказавшись за барьером, мистер Ленди увидел себя в обществе пожилой женщины, державшей за руки двух мальчиков. Тощий клерк впустил женщину и ее сыновей в кабинет главы конторы и принял из рук мистера Ленди его карточку. Узнав в посетителе почтенного друга обоих принципалов, клерк согнулся в неуклюжем поклоне и пригласил мистера Ленди проследовать в кабинет.

Мистер Томпсон-старший сидел в высоком кресле за старинным голландским бюро. Тяжелая портьера с бахромой и кистями отделяла дальнюю часть кабинета, где мистер Ленди увидел пустующий стол и жесткое кресло, на котором спала кошка, воспользовавшаяся отсутствием младшего совладельца конторы.

Шкафы, внушающие благоговение своими размерами, были заперты и прикрыты занавесями. К услугам клиентов стояло несколько стульев, обитых бахромой. Мраморная фигура бога коммерции Меркурия в крылатых сандалиях и с жезлом в руке дополняла обстановку.

Владелец конторы пригласил гостя присесть и продолжал разговор с женщиной, державшей за руки мальчиков.

— Так что же вам угодно от меня, миссис Бингль?— спросил он.

— Милорд,— отвечала та, глядя на адвоката с почти молитвенным благоговением,— я пришла попросить вашего совета. Мой покойный муж служил мастером в «Северобританской компании». Когда для бультонской мануфактуры выстроили новое здание и туда стали переносить станки, с потолка упала какая-то балка. Моего Джона придавило насмерть...

— Постойте, постойте, миссис Бингль, я знаю об этом прискорбном случае!.. Эта... как ее... балка сломала новый ткацкий станок, новую машину! Вероятно, тут не обошлось без злого умысла, и сам господь покарал вашего мужа!

— Но, сэр, несчастье произошло поздно вечером, уже в темноте. Усталых людей заставили после двенадцати часов труда еще переносить в цех эти изделия

---

[1] Баристер — среднее адвокатское звание в Англии.

Вельзевула, эти богопротивные, мерзкие станки...

— Если вдова мастера рассуждает столь безнравственно, то чего же ожидать от остальных фабричных! Вы забываете бога, миссис Бингль!.. Что повелел нам всевышний в бесконечной мудрости своей, я спрашиваю вас, миссис Бингль?

Женщина испуганно всхлипнула и вытерла глаза концом своей шали:

— Он повелел нам трудиться, милорд.

Голос юриста смягчился:

— Да, миссис Бингль, от зари дотемна и в поте лица своего, вот так, как тружусь я уже более сорока лет... Поэтому не сетуйте на хозяина, который дает вам возможность трудиться по божьей воле, не сетуйте на вашего кормильца. Итак, вы лишились мужа, который пострадал, вероятно, как жертва собственного злого умысла против имущества хозяев?

— Сэр, видит бог, мой Джон был совсем не виноват в поломке машины, хотя и впрямь многие у нас только о том и толкуют, как бы поскорее поломать проклятые станки. Ведь от них и пошли все наши несчастья! Вот в Спитфильде, сказывают, мастеровые давно разбили и машины и даже стены проклятой фабрики...

— И были за это повешены! Упаси вас боже, миссис Бингль, повторять эти безнравственные рассуждения. Неблагодарные мастеровые забывают, что своим куском хлеба они обязаны только предпринимателю. Ведь благодаря вашему хозяину, почтенному мистеру Райленду, неимущие жители нашего дорогого Бультона имеют постоянную работу в новых цехах. Я подавлен людской неблагодарностью! Разве так пристало говорить вдове цехового мастера? Зачем вы пришли ко мне с подобными мыслями и речами?

— Но, милорд, я погибаю с детьми от нужды! Пожалейте нас, ваша милость! У нас нет хлеба, мы задолжали лавочнику, управляющий грозит завтра выгнать нас из дому. Смилуйтесь над нашими несчастьями, добрый сэр! Ведь мальчики мои еще такие юные, совсем дети!

— Ваши мальчики находятся передо мною, и я не нахожу их столь юными. Вероятно, они ленятся, если нужда ваша так велика при двух больших сыновьях. Как их зовут и каковы их занятия?

— Поклонитесь милорду, дети! Подойдите ближе к

господину адвокату. Вот, сэр, это мой старший, Джордж, четырнадцати лет, а это — Томас, ему еще только девять.

— Они оба, конечно, давно работают в цехах? — спросил мистер Томпсон, взглянув на красные, потрескавшиеся пальцы младшего мальчика.

— Они уволены, милорд: Том — после несчастья с их отцом, а Джордж — еще раньше. Я стираю белье на соседей, и это пока наш единственный заработок.

— Что они делали на фабрике, и за что их уволили?

— Том не имел никаких замечаний, сэр, никаких! Он у меня прилежный мальчик. Уже три года он разбирал шерсть в суконном цехе. Но когда нашего отца задавило и сломался этот прокля... этот новый станок... Тому отказали в выплате жалованья: мистер Норвард приказал покрыть стоимость сломанной машины за счет нашей семьи. Тогда Томми... ведь ему только девять лет... немного дерзко поспорил, и его прогнали...

— А ваш старший сын, чем он сейчас занят?

— О сэр, Джорджи разбил мое материнское сердце! Его уволили с фабрики еще в прошлом году, он теперь... иногда зарабатывает в порту на погрузке кораблей и приносит в неделю не больше двух-трех шиллингов!

— За что же его выгнали с фабрики, где он имел верный заработок?

— Он хотел... Он очень хотел учиться рисовать, милорд... Старший мастер невзлюбил его...

— Позвольте, не этот ли молодой человек в прошлом году нарисовал ткацкий станок в виде чудовища пожирающего людей?

— Он самый, милорд...

— Я помню, миссис Бингль, о, я все помню. Значит это и есть тот сорванец, который нарисовал на стене цеха ужасную, безнравственную карикатуру на мистера Норварда и новые машины? И его выгнали с позором? Поделом ему, поделом! В таком возрасте — и такое легкомыслие, такие вредные затеи! Чего же вы для них хотите?

— Милорд, помогите мне испросить прощение у мистера Норварда, чтобы он приказал выплатить нам хоть часть заработка моего покойного Джона... Добрый милорд, замолвите словечко, чтобы сыновей моих опять взяли на фабрику, иначе мы умрем с голоду, милорд!

— Вы сами знаете, что ваши требования к мистеру

Райленду и мистеру Норварду незаконны. О выплате вам жалованья мистера Джона Бингля, вашего покойного супруга, не может быть и речи; по его недосмотру или умыслу пострадал фабричный станок. Возвращать в столь смутное время на фабрику ваших сыновей тоже, вероятно, не следует, ибо они показали себя дерзкими и непочтительными...

Женщина закрыла руками лицо, и казалось, что она вот-вот упадет от изнеможения и горя. Мистер Томпсон продолжал уже менее сухим и строгим голосом:

— Но я всегда сочувствую человеческому горю и.. .готов оказать вам услугу, какие редко оказываю: я дам вам рекомендацию к владельцу бультонской верфи и лично попрошу его принять в доки ваших сыновей. Сейчас мы с мистером Ленди отправляемся на верфь, и я увижу там самого мистера Паттерсона. А вы возьмите эту записку и завтра явитесь с ней к владельцу верфи или корабельному мастеру Гарвею.

Произнеся эти слова, он взял листок с бювара и написал на нем несколько строк. Женщина, бережно спрятав листок за корсаж и низко поклонившись ученому мужу, удалилась вместе с мальчишками. Мистер Томпсон устало откинулся в кресле.

— Вот такие ходатаи целыми днями отвлекают меня от серьезных дел! Но я привык помогать своим ближним и трачу на это много сил и здоровья... Дженкинс! — крикнул он тощему клерку.— Я сегодня больше никого не принимаю. Мы уезжаем в доки, на спуск нового корабля.

— Я догадываюсь, что мистер Райленд уже отправился за леди Стенфорд, — сказал Ленди. — Она ведь тоже приглашена. Но сейчас еще только полдень, а спуск назначен на два часа дня. Не выпить ли нам пива в «Белом медведе»?

Джентльмены вышли на улицу и уселись в просторной коляске мистера Ленди. В полупустом зале гостиницы «Белый медведь» их встретил сам хозяин.

— Как дела, Гопкинс? — приветствовал его мистер Томпсон, усаживаясь за столик в глубине зала.

— Не особенно блестящие, сэр! «Чрево кита» находится ближе к порту. Все моряки и корабельные пассажиры идут в «Чрево». Я потерял много клиентов, с тех пор как этот грязный кабак с девками...

— Не ворчите, Гопкинс! Старожилы города остались верными «Белому медведю». Кроме того, у вас

останавливается почта, и все пассажиры дилижанса попадают к вам.

— Это верно, мистер Томпсон. Чем могу служить вам и мистеру Ленди?

Сделав заказ, старый адвокат обратился к своему собеседнику:

— Кстати, мистер Ленди, вы когда-нибудь бывали в «Чреве кита»? Его хозяин, Вудро Крейг, очень быстро разбогател. Что представляет собою его заведение?

Ленди пожал плечами:

— Обыкновенная портовая таверна с номерами... На днях мне довелось там ужинать с сэром Фредриком Райлендом.

— С сэром Фредриком Райлендом? Вот как? — удивился адвокат, вспомнив реплики мистера Ленди во время недавнего чтения рукописи Мортона.— Значит, в течение двух последних недель вы успели ближе познакомиться с этим джентльменом?

Мистер Ленди молча кивнул.

— А я,— продолжал адвокат,— был неожиданно осчастливлен приездом его супруги. Не далее как вчера она посетила мой дом вместе с мисс Мери, дочерью Томаса Мортона. Дамы попросили у меня рукопись, которую я читал вам. Она красивая особа, эта леди Эмили Райленд, и держится подкупающе просто.

Адвокат вспомнил о юношеской любви своего сына и задумался. Нынешний выбор Ричарда не радовал старика: в своей будущей семье молодой барристер вряд ли мог сохранить главенство...

Подкрепившись, оба почтенных джентльмена покинули гостиницу. Пара серых лошадей понесла коляску к порту и вскоре остановилась перед воротами в высоком деревянном заборе, отделявшем территорию верфи от городской окраины.

3

Две длинные гирлянды из зеленых веток и живых цветов перекрещивали могучий корпус корабля, возвышавшийся над помостом. Увитый зеленью форштевень был украшен двумя искусно вырезанными из дерева лебедиными крыльями, распростертыми в плавном полете.

На небольшом временном мостике в центре палубы, под натянутой на случай дождя парусиной, стоял с мед-

ным рупором в руке владелец «Окрыленного». Ветерок развевал складки его плаща, грудь камзола наискось пересекала шитая золотом перевязь шпаги, голова была непокрыта. Ранняя седина поблескивала в его густых темных, слегка курчавых волосах, заботливо уложенных парикмахером. Пренебрегая модой, он на этот раз был без своего пудреного парика с косичкой. Он стоял в центре судна один, эффектно выделяясь на голубом фоне неба.

Поодаль от помоста, с которого должен был соскользнуть на воду корабль, на дощатом возвышении собрались гости, рассматривая с любопытством доки, корабль и одинокую фигуру человека на мостике. Вокруг места, отведенного для гостей, толпились празднично одетые рабочие, пришедшие с женами и детьми.

Люди, занятые приготовлениями к спуску, во главе с мастером Гарвеем хлопотали у днища и бортов «Окрыленного». Голубая лента, которую предстояло разорвать кораблю, трепетала в порывах ветерка у самой воды. Оркестр из двенадцати музыкантов расположился на причальной стенке и настраивал трубы и литавры; глухо гудели удары в большой барабан.

На носу и на корме судна, около якорных кабестанов[1], выстроились двумя группами по шесть человек матросы в синих шапочках, белых блузах и черных штанах. Четырехлапые якоря блистали свежей краской. Якорные цепи уходили в черные гнезда корабельных клюзов[2]. Пахло смолой, дегтем, пенькой, свежим деревом; люди вдыхали этот вечный, везде одинаковый и всегда волнующий запах морской пристани. Все вокруг было прибрано и подметено заботливой рукой. Толпа зрителей сдержанно гудела.

Сэр Фредрик, стоя на мостике, взглянул на большую луковицу карманных часов. Они показывали ровно два.

— К спуску приготовьсь! — скомандовал он в рупор.

Говор и смех в толпе смолкли. Зрители замерли в ожидании.

К деревянным упорам, удерживавшим корабль, приблизились люди с топорами. Мистер Гарвей махнул рукой, и топоры врубились в дерево. Полетели щепки.

---

[1] Кабестан — приспособление для подъема якоря на корабле.

[2] Клюз — отверстие в борту судна для выпуска якорной цепи.

Бревна звенели, как туго натянутые струны. Слышалось потрескивание. Корпус судна, чуть вздрагивая, стал оседать.

В этот миг у крайнего спереди упора произошла какая-то заминка. Поскользнувшись на густо смазанном жиром настиле, один из рабочих упал. Не видя его, плотники продолжали дружно рубить бревна. Раздался сильный треск; подрубленные опоры стали ломаться; плотники с топорами в руках успели соскочить с помоста. Крайнее бревно, около которого еще силился вскочить на ноги упавший человек, лопнуло, как спичка, и огромная махина плавно двинулась всей своей тяжестью вперед, подмяв под себя несчастного. Невольный крик вырвался у зрителей, но корабль, все ускоряя свой ход по настилу, уже летел вниз, навстречу звукам оркестра. Затрепетал в воздухе голубой шелк разорванной ленты; большая бутылка с шампанским, метко брошенная рукой матроса, стоявшего наготове около ленточки, со звоном разбилась о стройный форштевень судна. Высоко взлетели столбы брызг; мелкие щепки, стружки, ветки, цветы всплыли на вспененной поверхности моря, и корпус «Окрыленного» закачался на легкой волне.

На задымившихся, сразу почерневших досках настила среди растертого горячего жира алело еле заметное пятно. Доктор Грейсвелл, находившийся среди гостей, сделал движение, чтобы поспешить на помощь, но, увидев всю бесполезность такой попытки, остался на месте.

Пастор Редлинг, осенив крестом опустевший док и судно, где уже гремели якорные цепи, прочел короткую молитву. Рабочие поливали из парусиновых шлангов настил, остужая его холодной водой и смывая следы крови.

Тем временем с «Окрыленного», подтянутого канатами к причальной стенке, бросили второй якорь. Матросы спустили на причал широкий трап. Почетные гости, сопровождаемые мистером Паттерсоном, вступили на палубу, где слуги уже накрывали столы под тентом.

На берегу, вдоль причальной стенки, на длинных столах, сколоченных из досок, хозяин выставил для строителей корабля несколько бочонков рома и пива. Искоса поглядывая на опустевший док, ставший безымянной могилой их товарища, рабочие взялись за оло-

вянные кружки. «Кровавое крещение»,— говорили они своим женам, понижая голос и озираясь на корабль, где гремел оркестр, сновали слуги и шумное, нарядное общество за столом уже отдавало честь искусству поваров и виноделов.

Неприятное событие, чуть не омрачившее праздник, было предано забвению, и вскоре веселые тосты и винные пары окончательно изгладили следы его из памяти пировавших джентльменов.

Лишь за другими, дощатыми столами время от времени какой-нибудь Том или Джек, с мутными от вина глазами поднимал кружку за беднягу Майка, да в убогой каморке рабочего поселка, прижавшись к мужской шерстяной куртке, рыдала старуха, узнавшая, что ей никогда больше не услышать веселого оклика с порога: «Здравствуй, мать!»

4

— Где же он назначил тебе свидание, Камилла?.. Да перестань плакать, я уже давно не сержусь на тебя.

Всхлипнув и вытерев слезы платочком, молоденькая горничная леди Эмили Райленд подняла заплаканные глаза на свою госпожу.

Легкий кабриолет с запряженным в него гнедым иноходцем катился по дороге в Бультон. Лошадью правил рябой негр в красном кафтане. На кожаной подушке сиденья, подобрав длинные юбки с оборками, рюшами и воланами, покачивались две молодые дамы. Рядом с негром сидел старый Эндрью Лоусон, бывший оценщик конторы Гарди.

— Мадам,— отвечала по-французски заплаканная горничная,— я обещаю вам, что это никогда не повторится. Я никак не предполагала, что мое легкомыслие поведет к таким серьезным последствиям. Вначале этот человек совсем не казался мне обманщиком, и лишь потом я поняла, что это какой-то опасный тайный агент. Свидание назначено там же, где я встретилась с ним в первый раз,— вон в той роще, за поворотом дороги, на поляне, окруженной кустарником. Прошлый раз мы сидели там на скамеечке, мадам.

— Хорошо, Камилла, что ты сказала мне правду, хоть и с опозданием. Теперь сойди с экипажа, ступай на поляну и жди своего друга как ни в чем не бывало. Эндрью, вы пока останетесь на опушке у лошадей;

потом я позову вас. Сэм,— обратилась дама к негру,— а вы идите вслед за Камиллой, скройтесь в кустарнике возле скамьи и обязательно задержите незнакомца, если он вздумает улизнуть. Я хочу сама поговорить с ним. Лошадь и кабриолет нужно спрятать, чтобы с дороги их не было видно. Я останусь здесь, у этого дерева. Когда он должен прийти, Камилла?

— В четыре часа, мадам.

— Сейчас половина четвертого. У нас есть время приготовиться к встрече. Иди, Камилла, и не делай такого несчастного лица!

Однако не успела Камилла скрыться за кустами, как в листве дерева, под которым заняла свою стратегическую позицию леди Райленд, что-то сильно зашумело, и, ломая мелкие ветки, с дерева спустился незнакомый человек.

Негр подскочил было к незнакомцу, но тот уже склонился перед дамой в почтительном поклоне и заговорил с легким чужестранным акцентом:

— Леди Райленд, ваши военные приготовления к моей встрече напрасны. Я не имею намерения избегать беседы с вами. Позвольте мне без промедления сказать вам несколько слов наедине.

— Говорите, что заставило вас шпионить за мной и расспрашивать обо мне прислугу? — С этими словами леди Райленд пошла по тропинке к небольшой полянке в глубине рощи.

Незнакомец последовал за нею. Леди Эмили опустилась на деревянную скамью. Ее собеседник заговорил, стоя перед дамой с непокрытой головой.

— Я вижу, леди Райленд, что старый Лоусон уже нарушил свое обещание оставить в тайне мое посещение!

— Да, больной старик пешком приплелся в Ченсфильд и рассказал мне все. Камилла тоже нашла в себе мужество признаться, что неделю назад она встретилась здесь с человеком, который выпытывал у нее подробности о хозяевах дома. Чего вы добиваетесь этими низкими средствами?

— Вы знаете, что́ именно привело меня в Бультон, и должны понять, почему я искал помощника среди ваших слуг. Не мог же я, ничего о вас не зная, ожидать сочувствия от... леди Райленд! Но после всего, что я услышал от Камиллы, я готов открыть вам свое настоящее имя. Я не Роджерс и не англичанин.

— Напрасно было бы вам и пытаться выдавать себя за англичанина: наружность и акцент выдают в вас итальянца или испанца.

— Леди Райленд, я пришел на свидание и счел невыгодным изменять внешность. Если меня принуждает необходимость, я умею принять вид заправского англичанина. Тем не менее вы правы. Я действительно испанец, Фернандо Диас. Родом из Толедо. В прошлом плавал на пиратском судне штурвальным. Я страшусь произнести перед вами имя моего прежнего капитана, ибо оно вам хорошо известно.

— Вы говорите о бесчеловечном Бернардито Луисе? — тихо спросила дама.

— Да, синьора. Но Бернардито был тигром, а не гиеной. Он не пятнал себя убийством стариков и пленением женщин...

— Но он не мешал творить эти злодеяния людям своей шайки!

— Синьора, я вижу, что к Бернардито, который все же имел понятие о чести, вы относитесь строже, чем к другому лицу, чьи руки по самые локти обагрены кровью невинных.

Леди Эмили вздрогнула. Стиснув кружева своего воротника, она встала со скамьи.

— Говорите по-испански,— произнесла она побелевшими губами.— Я понимаю язык вашей родины. Чего вы хотите от меня?

— Синьора, вы являетесь наследницей покойного мистера Гарди. Прикажите старому служащему вашего отца открыть мне, в чьих руках он видел похищенный камень.

— Сначала скажите, синьор Фернандо, у кого он был похищен?

— Этот камень вручил мне сам Бернардито, чтобы я отвез его в Грецию, старой синьоре Эстрелле Луис, его матери. Я поклялся, что любой ценой доставлю старухе подарок сына. Другой камень, меньших размеров, капитан подарил мне. Два моих врага, штурман Джузеппе Лорано и боцман Вудро Крейг, в смертельной схватке отняли у меня оба камня. Это было на испанском берегу, перед выходом «Черной стрелы» в ее последний рейс... Только через полгода, весь израненный, я добрался до Греции. К матери Бернардито я явился с пустыми руками и с вестью о гибели шхуны. Эта весть догнала меня еще в Марселе — все моряки

говорили тогда о прибытии в Гибралтар британского фрегата «Крестоносец». Этот фрегат подобрал спасенных с корвета «Бургундия», утопившего шхуну Бернардито... Я нашел старуху в жестокой нужде и вдобавок с внуком на руках. Оказалось, что мальчик родился, когда его отец, Бернардито, уже ушел в море. Мать ребенка, красавица гречанка, умерла во время родов. Старуха выходила ребенка и теперь в нищете живет с маленьким Диего в Пирее. Но я дал себе клятву, что найду похитителей, и вот недавно их следы отыскались. Точнее говоря, я отыскал Вудро Крейга; о втором похитителе, Джузеппе Лорано, ничего не слышно. Мой камень достался при дележе, очевидно, ему, а большой алмаз взял себе Крейг. Старый Лоусон сказал мне, что видел этот камень в Бультоне и оценил его в четыре тысячи гиней. Теперь умоляю вас, откройте, кто предлагал фирме вашего отца эту драгоценность.

— Позовите Лоусона...— приказала леди Райленд.— Эндрью,— обратилась она к старику, когда тот предстал перед нею,— прошу вас рассказать мистеру Роджерсу все, что вам известно об алмазе.

Старик взирал на испанца с нескрываемым удивлением.

— Ни за что не узнать в вас моего посетителя! — воскликнул он.— Вы, мистер Роджерс, помолодели лет на двадцать! Отроду не видывал таких чудес! — Заметив нетерпеливый жест испанца, старик вздохнул: — Что же сказать вам о том камне? В общем, вы идете по правильному следу. Действительно, поздней осенью 1768 года камень был принесен в нашу контору бывшим моряком Вудро Крейгом. Но контора не приобрела этого камня, так как трудно было предположить, чтобы столь ценный алмаз мог попасть к простому матросу или хотя бы боцману честным путем.

— А известно ли вам что-нибудь о дальнейшей судьбе этой драгоценности?

— Я не должен бы говорить об этом, но... через некоторое время меня пригласил к себе домой один скупщик драгоценностей и показал тот же камень.

— Как звали этого скупщика?

— Его имя Джеффри Мак-Райль. Он и сейчас живет в Бультоне.

— Я знаю Мак-Райля! Раньше он был моряком, а потом занялся торговлей разными ценностями. Через него Бернардито не раз продавал награбленные това-

ры. Для чего же он вызвал вас, мистер Лоусон?

— Он спросил меня, стоит ли отдать за этот камень три тысячи гиней. Я ответил, что такая цена ниже стоящей на целую тысячу гиней.

— Что же произошло потом?

— А потом бывший бездомный моряк Вудро Крейг купил дом, винный погреб с виноградником и таверну «Чрево кита» около порта. Поэтому я полагаю, что именно он продал Мак-Райлю камень.

— Так вот кто овладел камнем! Спасибо, Лоусон, теперь я знаю достаточно. Спасибо и вам, синьора. Но прошу вас не забывать, что вы рискуете навлечь на себя крупные неприятности, если не сохраните в тайне нашу беседу.

— Я уже четыре года живу в опасности.

— Не понимаю, что заставляет вас молчать, но, в конце концов, это не мое дело. Я преследую только свои цели и не собираюсь вмешиваться в чужую игру. После того как на первом свидании Камилла рассказала об отношениях между вами и вашим мужем, я твердо решил явиться к вам и поговорить. А сегодня, ожидая Камиллу, я увидел вас и понял, что откладывать нечего! Синьора, теперь мои подозрения подтверждаются, и, быть может, мне придется столкнуться в моей тайной борьбе...

— Почему вы замолчали, Фернандо?

— Тише! Сюда идут!

Леди Эмили обернулась и увидела молодого офицера с перевязанной рукой и хорошенькую, очень молодую девушку. Они шли, держась за руки, к поляне, не замечая ни кабриолета, ни людей в роще.

Фернандо раздвинул кусты орешника позади скамейки и помог леди Райленд спрятаться. Сам он уселся на скамейке. Молодые люди, увидев, что скамейка занята, замялись, постояли на полянке и направились к дороге. Вскоре они скрылись за поворотом.

— Вы знаете этих людей, синьора?

— Это мои добрые друзья. Молодой офицер — мистер Эдуард Уэнт, сын бывшего управляющего поместьем. После ранения, полученного этой весной, он гостит у своей матери, в Ченсфильде. Юная леди — его невеста, Мери Мортон. Я доверяю ей. Она и не подозревает, чьим орудием стал ее отец!

— Я читал у мистера Томпсона лживую рукопись

Мортона и понял из нее, что игра ведется гораздо крупнее, чем я мог предполагать сначала...

— Фернандо! Мое отсутствие может быть замечено, я должна спешить. Итак, вы хотели сказать, что в вашей тайной войне за похищенные сокровища вам, быть может, предстоит столкновение с... убийцей Бернардито Луиса?

— Вы угадали, синьора. Во-первых, не годится, чтобы добыча всей стаи досталась одному. Кроме того, почему старая мать и маленький ребенок капитана Бернардито должны оставаться нагими и нищими на чужбине, когда враги Бернардито, овладев его деньгами, купаются в роскоши? Я обязан сдержать клятву, данную капитану, и вы можете мне поверить: если бы камень вернулся в мои руки, я отвез бы его в Грецию, старой синьоре.

— Стойте! На всякий случай я взяла с собой деньги. Вот здесь, в этом кошельке, сто соверенов. Возьмите их и отвезите или отошлите старухе и ее несчастному внуку... Если вам снова необходимо будет поговорить со мной или передать записку, можете прийти к негру-садовнику или известить Мери Мортон. Прощайте, синьор.

Фернандо Диас низко склонился перед молодой женщиной. Протянутую ему на прощанье тонкую руку он поцеловал так, как только в ранней юности целовал выточенные из кости пальцы пресвятой девы в старинной часовне Толедо.

5

— Дорогой сэр Фредрик! — говорил вечером охмелевший кораблестроитель мистер Паттерсон, когда кареты и коляски увезли с верфи последних гостей, участников пирушки после спуска «Окрыленного».— Я восхищен вами! Я убежден, что именно такие люди, как вы, и нужны сейчас нашему королевству. И не я один восхищен! Сегодня вы одержали еще одну почетную победу: леди Стенфорд за столом без конца расспрашивала мою жену о вас и восторгалась вашей энергией. Вот моя рука в знак дружбы и расположения! Окажите мне честь вашим доверием и скажите, какие надежды возлагаете вы и ваша фирма на «Окрыленного»?

— Мистер Паттерсон, вы когда-нибудь наблюдали плавучий айсберг, ледяную гору в океане?

— Н-н-нет, но я... не совсем понимаю, не... улавливаю связи...

— Я хочу пояснить вам, мистер Паттерсон, что подводная часть такой ледяной горы, невидимая глазу, всегда в пять-шесть раз больше ее надводной, видимой части...

— Великолепно сказано, сэр! Кажется, я начинаю угадывать смысл этих слов, хотя... еще не представляю себе всего замысла. Но ваша фирма, сэр... Ее репутация, ее бумаги, вся ее коммерческая деятельность... Я не могу предположить в этом... ничего... «подводного!»

— Слушайте, Паттерсон, я не деревенский лавочник, чтобы всю жизнь откладывать по фартингу в женин чулок! Моя фирма с фабриками и торговыми кораблями, поместье и фермы — все это со временем будет приносить немалый доход, но это дело... слишком медленное. А мне золото нужно сразу, понимаете, Паттерсон, сразу и... много! Стесняться и оглядываться нечего! В мире щедро рассеяны невероятные, сказочные богатства. Иногда их приходится искать в природе, а чаще — просто вырывать из чужих, слабых или неумелых рук, особенно цветных! Вырывать, чтобы прибирать к своим. Как говорят: «Кто смел, тот и съел». Вот зачем мне нужен «Окрыленный» и другие суда с добрыми экипажами. Поверьте, я не останусь с ними в накладе!

— Мистер Райленд, разрешите сделать одно серьезное предложение!

— Я всегда охотно принимаю дельные предложения.

— Так вот, предлагаю вам уже с этого дня разделить, как вы изволили вчера выразиться, и риск и удачу со мной!

— Игра... требует ставок, мистер Паттерсон.

— Мои свободные средства к вашим услугам. Я хотел бы, чтобы ваши широкие замыслы стали нашими замыслами и осуществлялись сообща.

— Что ж, благодарю за доверие и полагаю, что вы не раскаетесь. Мне нужны добрые компаньоны. Но должен предупредить откровенно: нервы нам понадобятся крепкие! Пусть дети наши уже не будут иметь забот. Пусть они займут кресла в парламенте, наденут мантии судей и епископов, станут министрами, лордами, графами, черт побери! А наше дело — подвести золотой фундамент под стены их будущих дворцов.

Для этого хороши любые средства, лишь бы быстро давали чистоган!

— Но, сэр, на пути к... столь быстрому обогащению могут возникнуть... опасные препятствия. Законы, например...

— Ха, законы! Они нужны, чтобы держать в узде простолюдинов. Ни Кортес, ни Писарро[1] не заботились о законах, а захватывали целые страны со всеми богатствами, и потомки не осуждают их. Кто они были? Просто решительные ребята... Времена святош и старинных добродетельных рыцарей миновали давно. Все, что становится поперек дороги — буква ли закона, чужая ли воля,— надо сметать или умело обходить.

— Сэр Фредрик, я уже высказал свое убеждение, что именно такие люди сейчас и необходимы стране. Во мне вы нашли единомышленника! Вы могли убедиться, что я тоже не склонен к излишней осторожности. Ведь когда некоторые таможенные формальности становились нам поперек дороги, мы всегда находили способ, чтобы, так сказать, не спотыкаться...

— Отлично! Перейдем к делу. Какую сумму вы готовы вложить для начала в первые операции?

Паттерсон долго прикидывал что-то в уме и в раздумье отвечал, глядя мимо собеседника:

— Пожалуй, тысяч шесть можно бы вложить... Но каковы, сэр, ваши ближайшие планы?

— Об этом я сообщу вам после возвращения из плавания моего брига «Орион». Я уже в течение двух недель жду его со дня на день. От капитана Брентлея я ожидаю важных подробностей об одном неизвестном острове, координаты которого я сообщил капитану перед отплытием. Быть может, эти подробности откроют мне, я хочу сказать — нам, довольно заманчивые перспективы. В недалеком будущем солидную выгоду сулит мне одна экспедиция в глубь Африки. Обе мои шхуны — «Глория» и «Доротея» — уже там, у африканских берегов...

— Черное дерево? Слоновая кость? Не так ли, сэр Фредрик? — Паттерсон смотрел на собеседника с любопытством и жадностью.

— Нет, мистер Паттерсон, черная кость, простите

[1] Кортес (1485—1547) — испанский завоеватель Мексики; Писарро — (1475—1541) — испанский завоеватель Перу. Оба прославились неслыханными зверствами над населением покоренных стран.

мне эту шутку! Черная кость, точнее — черные руки! Хлопковым и сахарным плантаторам нужны руки, черные руки в железных браслетах. Миллионы черных рук требуют американские колонии, мистер Роберт!

— О, я понял вас, сэр! Очень, очень разумное помещение капитала!.. Как только «Орион» вернется, мы поставим его в док, оборудуем на нем батарейные палубы и оснастим корабль заново. Работа над ним пойдет днем и ночью. О! Колонии и плантации с нашей помощью будут получать много этих черных рук, украшенных железными браслетами!

И две белые руки, украшенные золотыми перстнями, соединились в крепком, долгом пожатии.

6

Джеффри Мак-Райль, полнеющий брюнет с розовыми щеками и холеными усиками (он сохранил их в память о неудавшейся военной карьере) вернулся после спуска «Окрыленного» в свою холостую квартиру, которую делил с моряком Джозефом Лорном. Большую часть своего времени Лорн проводил в море, и потому домик на Гарденрод почти круглый год находился в распоряжении одного Мак-Райля. Квартиру эту он снимал у вдовы-немки Гертруды Таубе, боготворившей своего постояльца. Она ухаживала за ним так, как только сентиментальная немка способна ухаживать за избалованным мужчиной.

Чистенькая, свежеокрашенная решетка отделяла от улицы уютный одноэтажный домик, приветливо глядевший на прохожих четырьмя окнами фасада. Окна завешивались гардинами и шторами; фрау Таубе собственноручно два раза в год красила эти занавеси в... кофейной гуще. Вокруг домика росли яблони и груши, под окнами красовались две цветочные клумбы, похожие на кондитерские торты и распространявшие по вечерам одуряющий запах цветов табака. В глубине двора, среди каштанов и грабов, виднелся крошечный флигель самой хозяйки. Вместе с Джеффри в доме жил его слуга, мулат Энрико Рой, приводивший хозяйку в отчаяние своими чересчур холостяцкими привычками, отсутствием уважительности и способностью к круглосуточному ничегонеделанию. Здоровый сон был его главным времяпрепровождением.

Хозяин долго стучал в запертую дверь своего жи-

лища. Наконец он полез в глубокий карман своего камзола и извлек ключ. Отомкнув входную дверь, хозяин застал своего слугу храпящим на огромной ковровой тахте. Комната с этим восточным ложем служила в квартире Мак-Райля и будуаром и кабинетом. Довольно бесцеремонный пинок ногой сбросил Роя с тахты.

— Убирайся к дьяволу, животное! — коротко приказал хозяин. — Сейчас я буду принимать здесь гостей.

Мулат потянулся так, что кости в его суставах затрещали. Он широко зевнул, почесал голову и сплюнул. Эти изящные манипуляции не показались хозяину необычными.

— Послушай, Мак,— обратился слуга к господину с фамильярностью, не совсем принятой для лиц его звания,— какого черта ты все еще болтаешься в Бультоне? Я слышал, что Джакомо давно гонит тебя в Голландию на подмогу Джузеппе, по делам этого старого дурака Ленди.

— Во-первых, не суй своего носа в дела, которых ты не понимаешь. Во-вторых, готовь дорожный сундук, потому что на днях я уеду. В-третьих, сколько раз нужно долбить в твою глиняную башку, чтобы ты выбросил из нее слово «Джакомо», а говорил бы...

— Ладно, виноват, обмолвился! Значит, ты, Мак, поедешь в Амстердам? Ах, рыбья кость тебе в глотку, славно же ты гульнешь в голландских трактирах! А что делать мне?

— Валяться на этой тахте и строить куры фрау Таубе, пока не придет «Орион». Тогда сэр Фредрик найдет тебе занятие. Из Голландии я скоро вернусь вместе с Джузеппе Лорано, и тогда...

— Эй, Мак, вот ты и сам проговорился: сказал «Джузеппе Лорано»!..

— А, черт! Я хочу сказать, что после моего возвращения из Голландии в обществе мистера Джозефа Лорна нам, возможно, придется совершить небольшую воскресную прогулочку по делам высокорожденного наследственного виконта Ченсфильда, сэра Фредрика Джонатана Райленда.

— Какую прогулочку? Куда?

— Совсем недалеко: маленький пикник к берегам Африки, Америки и в индийские воды.

— Опять чертовы индийские воды! Не повезло тог-

да одноглазому Бернардито с этой индийской экспедицией!

— Зато повезло кое-кому другому!..

— Зачем же мне тащиться вместе с вами?

— Как зачем? Не могу же я пускаться в путь без преданного и высоконравственного слуги! Довольно болтать! Проваливай в свою дыру, живо! Идут Райленд и банкир Ленди... Добро пожаловать, господа! Энрико Рой, вы свободны... Мистер Ленди, могу вас обрадовать, что от Джозефа Лорна получены сегодня из Амстердама хорошие вести по интересующему вас делу.

— О, нынче день сплошных удач! Какую же сумму наличными предлагают ему ростовщики?

— В английских деньгах от пятидесяти до шестидесяти тысяч фунтов[1] за двадцать шесть камешков.

— Мистер Райленд, как вы находите эту цену за ваши фамильные драгоценности?

— Неплохая цена, особенно если принять во внимание одновременную продажу большого числа бриллиантов и негласный характер этой операции.

— Вы мой спаситель, сэр Фредрик! Я никогда не забуду этой услуги в тяжелую для меня минуту. Вы приносите в жертву фамильные бриллианты, чтобы поддержать «Бультонс-банк» в самый критический момент. Поверьте, что отныне интересы «Северобританской компании» станут на первое место при всех операциях «Бультонс-банка». Когда же я смогу получить эти деньги, вырученные за продажу камней?

Фредрик Райленд вопрошающе взглянул на Мак-Райля. Ленди переводил взгляд с одного на другого.

— Полагаю, что недели через две Мак-Райль и Джозеф Лорн уже доставят вам всю эту сумму полностью. Можете готовить вексель на шестьдесят тысяч, мистер Ленди.

Банкир с чувством пожал руку мистеру Райленду.

— Теперь, когда с делами покончено, мы, может быть, проведем остаток вечера в «Чреве кита»? — предложил Мак-Райль.

---

[1] Английская денежная система отличалась сложностью. Плату за некоторые виды товаров и услуг было принято вносить в гинеях, другие предметы оплачивались в фунтах стерлингов. Кроме того, имели хождение кроны, полукроны и т. д. Фунт стерлингов равен 20 шиллингам, шиллинг — 12 пенсам, ¼ пенса — фартингу; гинея — 21 шиллингу, соверен — золотая монета достоинством в один фунт стерлингов.

Однако банкир, сославшись на усталость, уже встал, чтобы ехать домой. Мак-Райль вышел проводить обоих гостей и наблюдал с крыльца, как джентльмены занимали места в просторной коляске владельца банка.

В порту замигал маяк, и прозрачная летняя ночь зажгла над городом свои неяркие звезды.

Мак-Райль вернулся в дом. Мулат уже снова спал, раскинувшись на циновке в отведенной ему каморке.

— Животное! — процедил Мак-Райль и со свечой в руке отправился в свой кабинет.

Здесь было душно и еще держался крепкий запах сигары Райленда. Мак-Райль чихнул, отворил окно и выглянул в садик. Свет его свечи упал на пышный куст акации, покрытый тоненькими зелеными стручками. Мак-Райль вспомнил, как в детстве он мастерил себе свистульки из этих стручков, и вздохнул.

— Надо покончить с делами, найти себе жену, уехать в Америку и растить детей... Вам пора подумать о вашей старости, мальчик Джеффри! — разговаривал сам с собою постоялец фрау Таубе; при этом он уже успел стащить с себя лиловый камзол и развязать широкий узел своего галстука.

Почему-то подобные мысли всегда посещали Мак-Райля перед сном. Он долго плескался у умывальника, втирал какие-то благовония в холеную кожу щек, а затем внимательно осмотрел свой парик, бережно распяленный на специальной подставке, и расчесал гребеночкой несколько локонов.

Напоследок, когда ночной туалет мистера Мак-Райля был окончательно завершен, джентльмен вставил свечу в ночник, снял нагар и забрался в постель. Фрау Таубе приучила его спать на перине; он погрузился в нее, как в морскую пучину, и уже блаженно прикрыл веки, как вдруг почувствовал холодную струю ночного воздуха из открытого окна.

— Рой! — крикнул он в полутьму. — Грязная свинья!.. Обязательно скажу Джакомо, чтобы убрал от меня это животное; пусть пристраивает его куда хочет или берет к себе! Рой, скотина!

Попытки дозваться мулата были тщетны, Мак-Райль знал это по долголетнему опыту.

Чертыхнувшись, он наклонился за ночными туфлями, но не успел еще надеть их, как услышал шорох в кустах акации под окном. Подняв голову, он увидел че-

ловека в полумаске, одним прыжком вскочившего из садика на подоконник.

В следующее мгновение удар свинцовой перчатки в грудь сбросил Мак-Райля с постели. Незнакомец придавил его к полу и приставил к горлу нож.

— Я пришел за своим камнем, Мак-Райль, — послышался свистящий шепот. — Ты отдашь мне мой камень, или я перережу тебе горло, собака!

В комнате царил полумрак. От свечи, мерцавшей в ночнике, падал слабый свет, колеблемый ветром из окна. При каждом дуновении по стенам и потолку метались смутные тени.

Мак-Райль шевельнулся.

— Пусти! — прóхрипел он. — Кто ты и какой камень требуешь?

— Голубой алмаз с желтым пятнышком на нижней грани. Я знаю, камень у тебя. Ты взял его у Черного Вудро за три тысячи гиней. Говори, отдашь ты мне камень?

— Камень я давно продал. Он не стоил таких денег! Кто ты?

— Если ты продал мой камень, отдай четыре тысячи гиней, которые ты выручил за него.

— Что ты, это же груда золота! Во всем доме у меня нет и десятой доли такой суммы!

— Слушай меня, Мак-Райль! Я пришел либо взять камень или деньги, либо убить тебя. Даю тебе одну минуту. Я буду считать до шестидесяти. Вставай, зажги вторую свечу и не вздумай хитрить! На счете «шестьдесят» я размозжу тебе череп, если камень или деньги не будут у меня в руках.

Незнакомец в полумаске поднял Мак-Райля и поставил его на ноги. Затем он отскочил к окну, задернул занавеску и, наведя в лоб Мак-Райлю пистолет, взвел курок.

— Один... два... три... Когда я тебя убью, я перерою весь дом и все равно найду... десять... твой мулат спит, его умел будить один Бернардито... двадцать.

— Стой! Ты из людей Бернардито?

— Тридцать... Торопись, скупщик, пощады не жди...

— Послушай! Я был другом Бернардито!

— Сорок... ты обманывал и его, скупщик...

— Повторяю тебе, у меня нет ни камня, ни денег!

— Пятьдесят... Значит, ты живешь последние секунды, Лисица-Мак!.. Пятьдесят один...

— Постой, я достану камень, он в другой комнате!

— Тебе чертовски не повезло, Мак-Райль, в другую комнату я тебя не выпущу... пятьдесят два...

Мак-Райль наклонился над плиткой паркета в углу и топнул ногой.

— Да стой же!

— Пятьдесят пять... Ты почти труп, Джеффри Мак-Райль!.. Пятьдесят шесть...

— Брось мне нож, проклятый пират! Я должен поднять паркетную плитку!

— Пятьдесят семь...

Незнакомец швырнул Мак-Райлю перочинный ножик с ночного столика. Тот поймал его на лету.

— Пятьдесят восемь...

Мак-Райль поддел ножом дощечку паркета и отшвырнул ее в сторону.

— Пятьдесят девять!

Из-под дощечки появился сверток, обмотанный тряпкой. Мак-Райль швырнул его под ноги незнакомцу.

— Повежливее, Мак! Разверни сверток и покажи камень. За обман — смерть без пощады!

Руки плохо повиновались скупщику. Когда тряпка отлетела в сторону, незнакомец увидел маленький футляр из замши. Мак-Райль расстегнул его.

В жалком свете ночника и второй свечи, зажженной Мак-Райлем, из футляра выглянула как бы огромная твердая капля утренней росы. Но едва лишь рука Мак-Райля с камнем чуть повернулась, в прозрачной глубине этой капли вдруг вспыхнула зеленая искра. В следующее мгновение от едва заметных движений руки, державшей алмаз, грани чудесного камня стали испускать в свете двух свечей то красные, то синие, то оранжевые лучи.

Два человека, как завороженные, глядели на волшебную игру алмаза.

Первым опомнился Мак-Райль. Зажав камень в кулак, он наклонил голову и, как бык, ринулся на человека в полумаске.

Неуловимо быстрым движением свинцовой перчатки, надетой на левую руку, тот ударил атакующего в лицо, снизу вверх.

Падая на колени, Мак-Райль вцепился в руку, нанесшую удар. Он ощутил, что одно гнездо свинчатки было пустым — на руке у незнакомца не хватало безымянного пальца... Потом в мозгу Мак-Райля разом

вспыхнули все искры и лучи бриллианта: теряя сознание от нового удара, он выпустил руку незнакомца и тяжело грохнулся на пол.

В ту же ночь из Бультона в Шербур отошел пакетбот[1]. На борту в числе немногих пассажиров находился бедно одетый испанец. Завернувшись в плащ, он сидел среди ящиков и мешков, сваленных на корме суденышка, и, казалось, один не страдал от морской болезни, жестоко мучившей остальных путешественников. Руки его в черных перчатках опирались на палку. Свой дорожный мешок он положил себе под ноги.

На груди у пассажира под плащом и грубой курткой висел маленький кожаный мешочек. Время от времени он бережно ощупывал его рукой. Измученные болезнью соседи не обращали на него никакого внимания.

На рассвете, когда ветер стал свежее и пакетбот то и дело зарывался носом в пенистые воды, навстречу, шумя парусами, прошел большой торговый бриг. Испанец вгляделся в красивые очертания брига и с трудом разобрал на носу надпись, выведенную крупными белыми буквами: «Орион. Порт Бультон».

В Шербуре, не теряя времени, испанец пересел на французское судно, отправлявшееся в греко-турецкий порт Пирей.

Глава третья

ОСТРОВИТЯНЕ

1

Заря ясного летнего дня сообщает любому ландшафту несколько идиллический оттенок. Смягчает она и суровость пейзажа английского севера, где небо редко очищается от туч, а холмы и долины — от скучной пелены дождя и тумана. Известно, что в окрестностях Бультона, где расположено поместье Ченсфильд, легко схватить ревматизм и трудно отделаться от сплина[2].

Но в конце июля, уже в преддверии сереньких осен-

---

[1] Пакетбот — небольшое судно, перевозящее почту.

[2] Сплин — хандра, тоскливое настроение. Раньше считался специфической английской болезнью, вызываемой климатом Британских островов.

них дождей, здесь бывают удивительные дни — ясные и светлые, превращающие Ченсфильд в прелестнейший уголок.

В такой погожий июльский денек, почти на рассвете, когда пушистые облака уплывающего ввысь тумана были еще розовыми, леди Эмили Райленд шла по берегу длинного узкого озера, окруженного парковой зеленью. На светло-сером платье и голубоватой шали оседали росинки; свежий солоноватый ветерок с океана играл концами шали, а в глазах молодой женщины отражались солнечные блики, игравшие на воде.

Проворные белки, цокая и щелкая, перескакивали с дерева на дерево; дятел усердно стучал где-то вверху. Совсем близко от леди Райленд на дорожку выскочила лань. Не испугавшись владелицы поместья, животное осторожно спустилось к берегу и наклонилось к самой воде. Леди Эмили остановилась, чтобы не спугнуть зверя.

Внезапно лань вздрогнула, метнулась в сторону и в два прыжка исчезла в кустах парка. Кто-то быстро бежал по дорожке на другом берегу озера. Леди Эмили узнала Антони, молодого грума сэра Фредрика. Досадуя на нарушенный покой, молодая женщина направилась к дальней беседке в самом запущенном и глухом углу парка. Здесь она углубилась в чтение рукописи, полученной ею два дня назад у мистера Уильяма Томпсона.

Все ставни старинного дома Райлендов были еще наглухо заперты, когда Антони, потревожив свою госпожу на ее ранней прогулке, прибежал наконец к заднему крыльцу дома.

Юноша постучал в одно из нижних окон. Камердинер впустил его. Поднявшись во второй этаж, Антони оказался передь дверью верхнего кабинета. Сначала он постучал робко, потом погромче. Наконец дверь отворилась. Сэр Фредрик, в халате и без парика, впустил юношу и положил ему руку на плечо, не давая пройти в глубь кабинета.

— Сэр, — торопливо сообщил Антони, запыхавшийся от быстрого бега, — паруса «Ориона» показались на горизонте. Часа через два судно войдет в порт. Я разглядел его в вашу подзорную трубу, милорд! Третьего дня, когда вы поднимались со мною на скалу в бухте Старого Короля, был шторм, а нынче безоблачный день и даль видна чуть ли не до самой Ирландии!

— Тише, Антони! А не ошибся ли ты?

— Я узнаю «Орион» среди тысячи других кораблей, милорд! Ведь на нем мы прибыли сюда из Италии...

— Хорошо, мальчик! Вот тебе гинея за усердие... Теперь ступай отдыхать. Или у тебя есть еще новости?

— Сэр! Моя сестра... Я хочу сказать, сэр, что Доротея вскоре перестанет быть няней Чарли, и тогда...

— Ступай, Антони, и никогда не тревожься за судьбу своей сестры, — прервал юношу хозяин дома.

Выпроводив его, мистер Райленд прошел в комнату, смежную с кабинетом. Это была его личная спальня, расположенная по соседству с комнатами его супруги, но отделенная от них стеной с наглухо забитой дверью.

В своей опочивальне владелец поместья подошел к молодой черноглазой женщине, державшей на руках спящего кудрявого ребенка. Женщина сидела у постели сэра Райленда. Голос Антони испугал ее, и она в смущении прижалась к изголовью.

Владелец поместья успокоил ее тихими, ласковыми словами. Осторожно, чтобы не потревожить ребенка, он поцеловал ее в розовые губы, с нежностью коснулся сжатого кулачка мальчика и вернулся в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь. Затем он позвонил камердинеру, совершил с его помощью утренний туалет, надел синий камзол, похожий на офицерский морской мундир, и, взглянув на себя в зеркало, остался доволен своей внешностью.

Надушенный, в тщательно завитом и напудренном парике и маленькой треугольной шляпе, он вышел в коридор и в дальнем конце его постучал в дверь покоя своей жены. В приоткрывшуюся дверь выглянула Камилла, горничная леди Эмили.

Услыхав, что леди вышла на прогулку, владелец поместья, казалось, несколько встревожился. Пройдя через парк и миновав горбатый мостик, перекинутый над самой узкой частью озера, он поспешил к излюбленной беседке своей жены. С большой осторожностью он подошел к кустам, окружавшим маленькое сооружение, похожее на индийское бунгало[1]. Увидев в окне беседки склоненную голову жены, виконт тихонько отступил назад, в чащу, быстро вышел из парка, и через несколь-

---

[1] Бунгало — легкая индийская постройка с верандой, обычно загородная.

ко минут маленький гиг, запряженный гнедой кобылой, вынес его из ворот усадьбы на дорогу, ведущую к городу и порту.

Усадьба вновь словно замерла. Но вот задымили трубы кухонных очагов, слуги вынесли из гостиной большой ковер и принялись палками выбивать из него пыль. Дворня просыпалась. В доме одна за другой открывались ставни. Вышла в сад черноглазая Доротея с маленьким Чарли на руках и присела с ним на краю солнечной лужайки.

Помощник садовника, высокий негр с обезображенным оспой лицом, обошел оранжерею и, присев у задней стены, примыкавшей к усадебной изгороди, закурил большую черную трубку.

С наслаждением затянувшись, он внимательно огляделся и заметил, что прямо через луг к усадьбе пробирается человек в одежде матроса. Негр перебрался через изгородь и поманил матроса к себе. Они обменялись несколькими фразами. Матрос сжал в кулаке монету, перешедшую из черной руки в белую, и, весело посвистывая, пустился в обратный путь.

— Что вам нужно, Сэм? — спросила негра госпожа Райленд, когда помощник садовника с осторожностью приблизился к окну ее беседки. — Не Роджерс ли, наш вчерашний знакомый, появился снова в Ченсфильде?

— Нет, приходил портовый матрос. Два часа назад бриг «Орион» показался на горизонте. Сейчас он, вероятно, уже на бультонском рейде.

Кровь отлила от лица молодой женщины. Комкая в руках кружевной платочек, леди Райленд торопливо направилась к домику управляющего поместьем.

Негр незаметно вернулся в оранжерею.

2

На океанском бриге «Орион» убирали паруса. Не входя в гавань, судно бросило якорь на рейде, ожидая прибытия портовых чиновников.

Гребной двенадцативесельный катер отвалил от причального пирса и полетел к бригу. Три человека стояли на корме. Двое из них, таможенные чиновники в морских мундирах, с трудом удерживали равновесие. Третий, высокий горбоносый джентльмен в плаще, накинутом поверх синего камзола, стоял неподвижно, пристально вглядываясь в очертания корабля.

Катер подвалил к носовому трапу корабля. Матросы разом осушили весла. На рейде стояла такая тишина, что было слышно, как падают капли с поднятых над водою весел.

Три джентльмена, встреченные капитаном, поднялись на палубу, блиставшую безупречной чистотой.

— Поздравляю вас, капитан Брентлей, с благополучным возвращением на родину!

— Рад приветствовать вас на вашем корабле, мистер Райленд, — ответил капитан, обменявшись рукопожатием с владельцем «Ориона».

В сопровождении капитана и боцмана Ольсена, огромного норвежца с седыми баками, чиновники уже собирались было приступить к проверке грузов и просмотру документов, но повар-китаец пригласил всех гостей в капитанскую каюту.

Здесь джентльменов ждал накрытый стол. Рядом с приборами, блистающими золотом и серебром, стояли накрахмаленные салфетки. Огромная рыба с устрашающей мордой, бутылки с сухими испанскими винами, паштет из дичи, блюдо устриц, спаржа под острым соусом, редкие фрукты в серебряной вазе, горьковатое миндальное печенье и сыр четырех сортов — вся эта благодать несколько смягчила постное, должностное выражение лиц обоих чиновников.

Когда наконец все встали из-за опустошенного стола, таможенные чиновники, утирая огромными платками красные, залоснившиеся лица, направились к трюмам. Они выразили готовность удовольствоваться присутствием в трюмах одного боцмана и любезно оставили капитана в обществе мистера Райленда.

Безгласный китаец мгновенно сменил скатерть и сервировал на столе кофе с французским коньяком и ликерами из погребов славного монастыря святого Бенедикта. Капитан разложил между рюмками карту последнего рейса «Ориона».

— Все ваши пожелания, сэр, мне, благодарение богу, удалось выполнить. Рейс оказался на редкость удачным. Как вы, должно быть, припоминаете, мы вышли в плавание двадцать месяцев назад, в конце семидесятого года, направляясь в Чили...

— Мистер Брентлей, я регулярно получал ваши отчеты по почте и знаю все, что произошло на корабле, за исключением событий последних четырех месяцев. Почему вы перестали посылать доклады?

— Почта не пришла бы в Бультон раньше нас, сударь. Полный отчет вы найдете в корабельном журнале, деньги и чеки находятся здесь, в этом шкафу, а сейчас я расскажу все вкратце.

— Остров, Брентлей! Сначала про остров! Нашли вы его по моим координатам?

— Да, сэр, этот остров я нашел, но разрешите мне рассказать по порядку... Выйдя из Мельбурна...

— Стойте! Человек на островке жив?

— Да, сэр, он жив, но опоздай мы недели на две, самое большее на месяц, и ему бы уже несдобровать. Он терпел страшную нужду. Теперь он обеспечен всем необходимым и просил передать письмо...

— Мне?

— Нет, он просил вручить его мисс Гарди. Я хочу сказать, леди Райленд, сэр.

— Вы передали ему запечатанный пакет?

— Да, сэр, пакет перешел из моих собственных рук в его руки.

— Поручал ли он что-нибудь сказать мне, капитан?

— Нет, сэр.

— Дайте мне письмо для леди Райленд.

— Сэр, человек на острове поставил обязательным условием, чтобы письмо было отдано прямо в руки леди. Я обещал...

— Капитан Брентлей!

— Я не могу нарушить свое слово, сэр!

— Хорошо... Пусть пакет пока останется у вас. Вы сами доставите его ко мне домой. Сегодня, в шесть вечера, я жду вас к обеду. Письмо вы передадите в моем присутствии, капитан!

— Слушаю, сэр, и готов исполнить любое приказание, не идущее вразрез с моей совестью.

— Капитан Брентлей! Уж не полагаете ли вы, что я намеревался поссорить вас с вашей чувствительной совестью?

— Нет, сэр, но мне показалось...

— Выбирайте впредь ваши выражения, капитан. Боюсь, что в море вы несколько отвыкли от общества, мистер Брентлей!

— Возможно, сэр. Примите глубокие извинения за мою ошибку.

— Карта острова?

— Она здесь, среди этих бумаг.

— Координаты оказались точны?

— Нет, сэр. Долгота была указана вами неверно; широта почти совпала с вашими данными, но по долготе остров оказался западнее на полтора градуса.

— Вероятно, приборы на моем корабле тогда утратили точность, и я ошибся в вычислениях... Хорошо, Брентлей, я весьма доволен, и вы получите вашу премию. Сегодня, отправляясь ко мне, возьмите с собою двух человек для охраны и доставьте мне кассу, журнал, карту и документы, относящиеся к острову. Не забудьте письма! Вы расскажете мне подробнее обо всем плавании.

— С радостью, сэр.

— Чиновники, я вижу, уже окончили осмотр. Полагаю, что ваше гостеприимство сделало их сговорчивее. Я тоже принял для этого кое-какие предварительные меры. Узнайте результаты.

Капитан вышел и через минуту вернулся в каюту:

— Сэр, судну разрешено беспрепятственно войти в гавань. Чиновники уже собираются возвратиться на берег.

— Я отправляюсь вместе с ними. До вечера, мистер Брентлей!

8

Когда катер подвалил к причальной стенке пирса, сэр Фредрик увидел своего кучера, державшего под уздцы лошадь, впряженную в гиг. Рядом стоял кабриолет, в котором сидела леди Эмили Райленд с дочерью управляющего поместьем, хорошенькой Мери Мортон. Едва катер коснулся пирса, молодая дама нетерпеливо выскочила из кабриолета и одна пошла навстречу прибывшим с «Ориона». Оба чиновника почтительно ее приветствовали. Они поторопились пройти вперед и оставили леди наедине с супругом.

Слабый ветерок раздувал пушистые волосы женщины. Стоя на пирсе против сэра Фредрика, она упрямо и строго смотрела ему в глаза.

— Что за пылкие поступки? — спросил он недовольным тоном, отводя взгляд в сторону. — Вам не следовало приезжать сюда. Прошу вас соблюдать общеизвестные условности, миссис Райленд.

— А я прошу вас не называть меня этим именем, когда нас никто не слышит. Отвечайте мне прямо: он жив?

По лицу ее собеседника прошла судорога. Желваки заходили под скулами. Стиснув зубы, он молчал.

— Не доводите меня до отчаяния! Или вы страшитесь сказать мне правду? Я вынесу все и немедленных мер принимать не стану. Но — слышите вы! — еще минута молчания, и я брошусь сейчас вниз головой с этого пирса!

— Он... жив, — процедил собеседник.

— Доказательства! Где доказательства, что вы не лжете мне так же, как лжете всегда всему миру?

— Сегодня вечером, дома, капитан Брентлей вручит вам его письмо. Дайте мне слово, что без меня вы его не вскроете.

— Нет, такого слова я вам не дам.

— Тогда письмо будет уничтожено раньше, чем вы его прочтете.

— Берегитесь довести меня до отчаяния...

— Чего мне опасаться? «Орион» — быстрое судно, и я еще не отвык от моря, каррамба! — произнес он свирепея.

— Наконец-то я снова узнаю вас! Я уже привыкла видеть вас в маске джентльмена. Слава богу, теперь вы заговорили своим настоящим языком. Хорошо, я прочту письмо в вашем присутствии.

— Этого мало: я тоже должен прочесть его.

— Что ж, Фред знает, в чьих руках я нахожусь, и, вероятно, догадывается о возможном круге читателей своего письма. Я вынуждена согласиться. Но если вы обманули меня, то, клянусь, ни «Орион», ни силы самого ада, которые вам покровительствуют, не спасут вас от заслуженной участи! Пропустите меня вперед! Не прикасайтесь ко мне, я дойду до коляски одна!

4

В кабинет сэра Фредрика проследовали только четыре участника торжественного обеда, сервированного в столовой на два десятка персон и продлившегося часа два. Хозяин дома плотно прикрыл дверь кабинета, когда леди Райленд, капитан Брентлей и мистер Томас Мортон разместились в креслах у стола.

Капитан Брентлей достал из-за обшлага своей широкой манжеты небольшой пакет, запечатанный сургучом. Три его собеседника молча склонились над паке-

гом. Сургуч хранил оттиск старинного золотого католического образка, использованного автором письма вместо печатки.

Леди Эмили приняла письмо дрожащей рукой и поцеловала оттиск на сургуче.

От капитана это движение, впрочем, ускользнуло. Пригубливая вино из узкого венецианского стакана и покуривая длинную пеньковую трубку, поставленную меж колен, капитан Брентлей начал повествование о плавании.

Сумерки уже сгущались, когда он завершил описание всех грузовых операций и рейсов «Ориона» между портами Америки, Африки, Индии и Австралии за два года. Штормы, подводные рифы, корсары, суда вражеских стран и заразные болезни — все эти препятствия и опасности не помешали опытному моряку доставить в Англию тысячу гиней чистой выручки и полные трюмы товаров, принятых на борт в Индии и Австралии.

Пока хозяин судна слушал рассказ капитана, два матроса, прибывшие с ним в Ченсфильд, восседая на кухне среди слуг мистера Райленда, тоже поражали воображение слушателей подробностями о плавании. Заработок команды за этот рейс был таков, рассказывали они, что на прилавке таверны «Чрево кита» нынче с самого утра звенит золото, и много веселых ночей предстоит в Бультоне морякам «Ориона»!

Капитан Брентлей закончил свой доклад описанием поисков неведомого острова в Индийском океане. Координаты этого острова капитан получил от владельца судна перед самым отплытием из Бультона, в ноябре 1770 года, и обязался сохранить их в глубокой тайне.

Остров этот, как пояснил тогда сэр Фредрик, был им случайно открыт в годы ранней молодости. По заданию виконта капитан Брентлей должен был обследовать эту неведомую землю и вручить пакет единственному обитателю острова, если бы тот оказался жив; в случае же, если бы экспедиция не обнаружила островитянина, пакет подлежал возвращению в руки владельца Ченсфильда. Капитан Брентлей получил также строгое указание, чтобы ни один член экипажа не вступал в общение с островитянином.

Все эти поручения капитан выполнил в точности. Крейсируя в указанных ему водах, он обнаружил на

четвертые сутки непрерывных поисков неизвестный, от сутствовавший на мореходных картах остров. Его внешние очертания соответствовали полученному капи таном описанию.

«Орион» приблизился к нему ночью. С корабля сразу заметили сигнальный огонь, зажженный на голой вершине горы — на самой высокой точке острова. Ра но утром островитянин, одетый в звериные шкуры, пы тался подплыть к бригу в утлой пироге, но был преду прежден с капитанского мостика, чтобы он под стра хом смерти не приближался к судну. Несмотря на столь негостеприимную встречу, островитянин показал, дви гаясь на своей пироге впереди корабля, вход в един ственную большую и очень удобную для стоянки судов бухту, о существовании которой капитан тоже был предварительно осведомлен.

Введя корабль в бухту, капитан вечером сел в шлюпку и отправился на берег, где его ожидал остро витянин. Оставив гребцов в шлюпке и пояснив им, как ему было приказано, что этот островитянин — заболев ший проказой пассажир, высаженный сюда с какого-то шедшего мимо судна, капитан углубился в лес, следуя за этим странным отшельником.

Зная, что моря и океаны полны всевозможных за гадок и тайн, вникать в которые далеко не всегда бы вает целесообразным, капитан не удивился, услышав чистую английскую речь своего необычайного спутни ка, и не задал ему никаких излишних вопросов.

Достигнув хижины островитянина, капитан вручил ему пакет от сэра Фредрика Райленда, а также пись менные принадлежности для составления ответа. Ока залось, что этот таинственный анахорет находился уже на краю гибели: у него вышло из строя единственное ружье, кончились запасы и унесло в море сплетенную им сеть для ловли рыбы.

Отшельник рассказал далее, что этот безымянный остров, в отличие от других небольших островов Ин дийского океана с их бедным животным миром, изоби лует крупными хищными зверями. В ответ на недоу менный вопрос Брентлея, откуда на далеком острове по явились звери с материка, островитянин пояснил, что еще лет пятьдесят назад в водах острова разбился сво его рода «Ноев ковчег» — арабское судно, имевшее на борту живой груз для королевских зверинцев Франции и Испании. Следы этого судна, экипаж которого погиб,

островитянин обнаружил среди скал северного побережья острова.

Дикие свиньи уничтожили огород островитянина. Он давно износил европейское платье и одевался в козьи шкуры. У него не заживала нога, раненная на охоте за горным козлом, и не было никаких лекарств.

Утром следующего дня капитан прибыл за ответом и получил от островитянина пакет, запечатанный сургучом. Теперь, через одиннадцать недель после получения пакета, капитан Брентлей смог наконец вручить его адресату.

Капитан закончил свой рассказ сообщением, что перед отплытием с острова матросы свезли на двух шлюпках и выгрузили на берегу все, в чем так нуждался островной житель и оба его товарища.

— Оба товарища? — с недоумением переспросил владелец поместья. — Разве он не единственный человек на острове?

— Он ничего не говорил о своих спутниках, но сама обстановка хижины навела на мысль, что в ней живут по меньшей мере три человека, а не один.

Хозяин дома нахмурился. Леди Эмили смотрела на него с нескрываемым злорадством.

— Эти люди так до конца и не обнаружили себя?— спросил он отрывисто.

— Нет, перед отплытием «Ориона» на вершине прибрежного мыса открыто показались все три островитянина. Они дружелюбно махали нам на прощание и долго кричали вслед кораблю, посылая проклятия одному страшному пирату по кличке «Леопард». Вероятно, он и высадил их на этом острове. Впрочем, ведь вы и сами, сэр, должны были слышать о нем: он ходил помощником на «Черной стреле» и погиб, можно сказать, на ваших глазах.

— А смогли вы различить внешность этих людей?

— Несомненно, они тоже европейцы. Один из них был огромного роста. Больше ничего рассмотреть не удалось.

Владелец поместья с трудом удержался от проклятия. Злой, озадаченный, он встал, давая понять, что беседа окончена.

— Капитан, — сказал он глухим голосом, — вы отвечаете головой вашей за то, чтобы ни координаты острова, ни сведения об островитянах не пошли дальше этого кабинета. Комната для вас приготовлена под ле-

вой башней, но утром вы должны вернуться на корабль. Он станет в док на ремонт. Нужно спешно готовить его в дальний рейс. На этот раз вместе с вами на остров отправлюсь я. Через месяц мы должны выйти в море. Сократите команду до минимума. Человек пять-шесть матросов и офицеров вы примете дополнительно по моему указанию. Оружие на корабль доставлю сам. Попутные грузы берите только до африканских портов. В обратный рейс бриг будет грузиться на острове. Все приготовления к плаванию держать в тайне. Вы свободны, капитан Брентлей!

5

Капитан удалился. Вошел камердинер, отнес в угол трубку, которую курил добрый моряк, и прибавил угля в камин, топившийся несмотря на летнее время. Владелец дома движением бровей услал слугу из кабинета и присел к письменному столу, молча вертя в руках карту острова.

Томас Мортон, плотный маленький человек с большой лысиной, в золотых очках, сгорбившись сидел в кресле, глядя вниз на пламя камина. У самого камина, прижав к груди запечатанный пакет, неподвижная, как статуя, стояла леди Эмили. Одни зрачки ее потемневших глаз с отраженным в них пламенем углей, казалось, искрились огоньками гнева и скрытого торжества.

— Отдайте пакет, Эмили, — хрипло произнес хозяин, — пусть мистер Мортон прочтет его вслух.

— Это будет не ранее, чем «Орион» подготовится к своему плаванию на остров. И прочтете вы письмо только в каюте «Ориона», которая будет приготовлена на этот рейс для меня. Я отправлюсь на остров вместе с вами. Надеюсь, вы хорошо меня поняли?

— Это невозможно. Вы сами знаете, что это невозможно. Я гарантирую вам сохранение его жизни. Вы не можете, не должны участвовать в этом плавании.

— В таком случае, письмо, как ни дорого оно мне, полетит сейчас в огонь камина, и вы не узнаете, кто из экипажа «Черной стрелы» слал проклятия Леопарду Грелли и готовится сейчас к страшной расплате с ним.

— Молчите, Эмили! Если игра Леопарда будет проиграна, вы не увидите живым вашего друга!

— Еще одна угроза — и письмо летит в огонь!

Хозяин поместья отвернулся и задумался. Несколько минут прошло в молчании. Наконец женщина услышала хорошо знакомый ей глуховатый, горловой смешок:

— Ну что ж, синьора, видно, в вас самой сидит дьявол! Спорить с вами бесполезно, это я знаю. Но на упрямых пашут землю, говорят. Может быть, поданная вами мысль и недурна, ибо присутствие ваше на борту сделает кое-кого сговорчивее... Что ж, придадим нашей экспедиции характер семейной увеселительной прогулки. В пути мы задержимся только в устьях Масляных рек[1] — там у меня есть небольшое дельце... Обязуетесь ли вы, леди, свято соблюдать наше главное условие? Помните, что от этого зависит его и ваша жизнь!

— Свои обещания я не намерена нарушать.

— Идет, синьора! У нас есть время обдумать состав остальных участников плавания. Быть может, там, у цели пути, нам понадобятся услуги кое-каких должностных лиц, а? Кроме того, путешествие может заинтересовать моих новых компаньонов... Нет, вы подали, ей-богу, недурную мысль, леди! Даю вам согласие проделать вместе с вами еще одно морское путешествие, вдобавок в весьма приятном маленьком обществе. Вероятно, это плавание будет комфортабельнее предыдущего... Но не забывайте, синьора: в случае малейшей хитрости с вашей стороны я не остановлюсь перед тем, чтобы пустить ко дну и бриг и все очаровательное общество на нем. А теперь давайте нам письмо! Мортон, возьмите у леди пакет!

Мортон, казалось, безучастно сидел в кресле, уставившись вниз. Но у него дрожали веки, и парик сполз на потный лоб.

Леди Райленд бросила на него презрительный взгляд.

— Он получит письмо в моей каюте на «Орионе». Не раньше! — сказала она. — Только перед отплытием на остров вы и ваш сообщник Мортон услышите, что пишет мне человек, чье благородное имя вы с такой сатанинской хитростью присвоили себе, пират и работорговец Джакомо Грелли!

---

[1] Масляными реками в XVIII веке называли четырнадцать рукавов дельты африканской реки Нигер.

В опустевший после ухода гостей кабинет вошел Антони.

— Милорд, вас давно ожидает внизу какой-то человек, — доложил он.

— Приведи его.

Перед владельцем Ченсфильда появился мулат Энрико Рой. Сапоги его были в пыли.

— Мистер Райленд, я уже три часа дожидаюсь внизу, чтобы сообщить вам важную весть. В Бультоне появился Фернандо Диас! Нынче ночью он ограбил и изувечил Мак-Райля. Ехать в Голландию Мак не сможет — он весь избит!

— Антони, лошадей! — крикнул хозяин.

Через десять минут три всадника во весь опор неслись к Бультону. Взмыленные лошади, пройдя галопом двенадцать миль, остановились перед таверной «Чрево кита».

6

Появляясь в небесах над Англией, июльское солнышко шлет земле как бы ласковый, благодатный привет. Но несколькими часами раньше то же самое солнце плывет над пенными гребнями Индийского океана, как огромный беспощадный огненно-красный шар, ничем не напоминая приветливое светило. На затерянных в океане клочках суши оно дотла сжигает травы, иссушает ручьи, накаляет потрескавшуюся почву и навевает детям земли страшные легенды о карающей небесной колеснице.

Но и здесь, на пустынном острове в отдаленных африканских водах Индийского океана, первые утренние лучи солнца еще осторожны и ласковы...

В девственных лесах пронзительно кричали попугаи. Маленькие пестрые колибри перелетали в просветах чащи. Суетливая стая обезьян промчалась по вершинам, раскачиваясь на лианах, спугивая пернатых и роняя на землю плоды, листья и ветки. Черные тела крокодилов, словно каменные, застыли на песчаной отмели в бухте. Розовые пеликаны, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, заканчивали на озере ночной лов рыбы.

Целое семейство диких свиней пробиралось к ручью на водопой, но вдруг стремительно повернуло обратно и с топотом бросилось назад, в гущу колючих

зарослей; неподалеку раздался грозный, наводящий ужас рык. Это голодный лев, по-видимому, неудачно охотившийся ночью, подкрался к водопою, высматривая себе добычу на завтрак.

На мягких могучих лапах, низко опустив гривастую голову, зверь неторопливо пробирался сквозь чащу. Он был вполне уверен в своем могуществе, не опасался встретить здесь достойного соперника и великолепно знал, что прочих обитателей чащи могут спасти от его клыков только очень быстрые ноги или очень глубокие и тесные норы.

Внезапно из густых зарослей бамбука грянул выстрел.

Лев сделал чудовищный прыжок и, ломая высокие стволы бамбука, бросился на неведомого врага. Еще два выстрела грохнули подряд. Целая поросль молодого бамбука вдруг повалилась под тяжестью грузного тела. Короткое предсмертное рычание — и двухметровое тело зверя вытянулось и замерло. На подвернутых под тело лапах в последний раз высунулись и скрылись когти, подобные кривым турецким ятаганам.

В чаще, где таились охотники, раздались громкие голоса.

— Крупный экземпляр! — произнес, подходя к убитому льву, высокий человек в матросских башмаках, грубых парусиновых штанах и прочной шерстяной куртке. — Такого льва мне еще никогда не приходилось видеть. И, видимо, это последний на нашем острове. Вместе с молодыми это уже седьмой за четыре года.

Следом за первым охотником из зарослей выбрался гигант с черной кудрявой бородкой. За его кожаным поясом торчал широкий матросский нож. Третий охотник, в широкополом испанском сомбреро, нагнулся над зверем.

— Смотрите, вот ваша пуля, — обратился он к первому охотнику. — Она пробила льву сердце. Отличный выстрел!

— Удивительно, как душа такого сильного и большого зверя могла сразу покинуть тело через такую маленькую дырку, — сказал второй охотник, указывая на сочившуюся под лопаткой небольшую ранку. — Я вырежу сердце льва и съем его — пусть в меня перейдет его сила.

— Силы у тебя и так достаточно, Педро, — смеясь, заметил человек в сомбреро. — Лучше попробуй-ка мозг животного, чтобы в тебя перешли его ум и хитрость.

— Сильный и храбрый не нуждается в хитрости,— возразил первый. — Хитрость и коварство нужны трусам...

— Однако, синьоры, — заметил охотник в сомбреро, — сегодняшняя охота не обогатила нам кухни. Теперь пора возвращаться, и, правду сказать, живой козел на мушке обрадовал бы меня больше, чем мертвый лев у ног! Мистер Фред, это ваш трофей. Оставайтесь в его обществе, чтобы шакалы не испортили шкуру, а мы с Педро позаботимся о завтраке. Придется потревожить запасы, которые оставил нам капитан «Ориона». Идем, Педро, и устроим мистеру Фреду торжественный завтрак. А вы снимите эту шкуру, мистер Фред, выделайте ее и сделайте лучшим украшением вашего будущего дома на родине. На ней будут играть ваши дети и...

— ...и я буду рассказывать им, как мы спаслись с этого острова на корабле, названия которого пока никто из нас еще предугадать не может. Но в конце концов он непременно придет за нами, и тогда каждого из нас будет ожидать такая судьба, какую он приготовил себе своей прошлой жизнью, — прервал охотник в куртке разглагольствования своего товарища.

— Вы, очевидно, хотите сказать, мистер Фред, что вас ожидает дом в Ченсфильде, а нас с Педро — виселица в Ньюгейте[1], не так ли?

— Я не слишком люблю такие шутки, синьор! Будем надеяться, что судьба... пожелает исправить хотя бы часть ее несправедливостей к вам! — серьезным тоном произнес первый охотник. — Я сдержу свое обещание не открывать вашего имени командованию судна, которое рано или поздно примет нас троих на борт. И уж во всяком случае не тот я человек, кто помог бы ньюгейтскому палачу подвести к петле... Бернардито Луиса. От души желаю, чтобы судьба отвратила от вас эту угрозу, капитан.

— Сэр Фредрик Райленд! — произнес человек в сомбреро, и в тоне его вместе с нотами насмешки за-

---

[1] Ньюгейтская тюрьма — одна из старых лондонских тюрем, где казнили уголовных преступников.

звучала признательность, — имея дело в течение десятилетий с одними негодяями, я не мог надеяться, что напоследок бог сделает меня спутником истинно благородного джентльмена! Нет, Педро, оставайся с сэром Фредриком, помоги ему снять шкуру с этого льва и притащи ее домой. С кухней я постараюсь управиться один.

В последних числах августа 1772 года из порта Бультон вышел в дальнее плавание, взяв направление на юг, вооруженный океанский бриг «Орион».

Корабль этот, принадлежащий главному владельцу «Северобританской коммерческой компании» сэру Фредрику Джонатану Райленду, шел под командованием капитана Гая Брентлея и трех его помощников — лейтенанта Эдуарда Уэнта, мистера Джозефа Лорна и мистера Джеффри Мак-Райля.

По судовым документам, на борту брига находились следующие пассажиры: владелец судна сэр Фредрик Райленд с супругой леди Эмили и малолетним сыном Чарльзом; управляющий поместьем Ченсфильд мистер Томас Мортон с дочерью Мери; младший совладелец юридической конторы «Томпсон и сын» адвокат Ричард Томпсон; владелец бультонской судостроительной верфи мистер Роберт Паттерсон; вдова покойного эсквайра Джорджа Стенфорда, леди Эллен Стенфорд; бультонский викарий преподобный Томас Редлинг; судовой врач доктор медицины мистер Рандольф Грейсвелл и, наконец, слуги упомянутых пассажиров.

Как сообщил в первом сентябрьском номере бультонский еженедельник «Монитор», цели плавания мистера Райленда и его спутников — исследовательские и миссионерские.

Бриг направляется в африканские воды Индийского океана.

На рассвете 29 сентября «Орион» бросил якорь у марокканского побережья Берберии[1]. В пути от Бультона до Марокко бриг, по деловым соображениям владельца, сделал заход в устье Темзы и простоял неделю в Лондонском порту.

---

[1] Берберия — общее название нескольких прибрежных стран северо-западной Африки, омываемых Средиземным морем и Атлантическим океаном. Берберийские пираты некогда наводили ужас на мореплавателей.

Глава четвертая

КРЕСТНИКИ НЕПТУНА

1

На низком потолке каюты, окрашенном лаковой краской, двигались зеленоватые световые пятна. Отблески солнечных лучей, дробившихся в гребнях волн, проникали в каюту через иллюминатор и веселыми зайчиками плясали на стенах и потолке.

Все общество на «Орионе» закончило обед и разошлось по своим каютам. Судно держалось недалеко от берегов Африки. Сухой восточный ветер, казалось, доносил до самого океана знойное дыхание Сахары.

Убаюканная слабой бортовой качкой, леди Эмили задремала, откинувшись на спинку легкого кресла. Крошечная слезинка повисла на ее длинных ресницах. На коленях у нее лежало письмо, конверт со сломанными сургучными печатями упал к ногам. Она не проснулась, когда раздался слабый стук в дверь каюты. Затем дверь тихонько приоткрылась.

Мистер Ричард Томпсон заглянул внутрь каюты и, заметив отдыхающую в кресле даму, уже хотел было удалиться, но невольно залюбовался ею и замер на месте. Юношеское ли чувство к прежней нареченной шевельнулось в нем, или его просто тронул печальный вид молодой леди, похожей в этой спокойной позе на уставшего ребенка, застигнутого сном, только мистер Ричард испытывал живейшую потребность поцеловать руку этой спящей красавицы. Склонившись к ней, мистер Томпсон увидел на полу распечатанный конверт, а на коленях леди — листок со строчками письма.

Тут профессиональное любопытство победило — увы! — джентльменскую скромность молодого адвоката, ибо при виде конверта он сразу вспомнил следующий маленький эпизод. Незадолго перед отплытием из Бультона, когда пассажиры «Ориона» уже разместились по своим каютам, он, обследуя корабль и выбирая себе укромное местечко для послеобеденного отдыха, решил забраться в одну из шлюпок левого борта, приветливо освещенного осенним солнышком. Устроив себе из пледа и плаща весьма уютное гнездышко в шлюпке, мистер Томпсон уже готовился погрузиться в сон, как вдруг услышал на палубе негромкий, но очень резкий

разговор. Выдавать свое присутствие было поздно, и мистер Ричард слышал, как сэр Фредрик Райленд строго потребовал от своей супруги выдачи какого-то важного письма. Леди не соглашалась, тот настаивал довольно грубо. Наконец они удалились в каюту леди, а через несколько минут туда же был приглашен мистер Мортон. Сначала несколько сконфуженный своей ролью невольного соглядатая семейной размолвки, мистер Томпсон впоследствии совершенно позабыл об этом эпизоде; но теперь, увидев пакет со сломанными печатями, он не удержался от соблазна взглянуть на подпись.

Брови его в недоумении поднялись, и, еще более заинтересованный, он прочитал через плечо леди Райленд все письмо. Пробежав его до конца, мистер Томпсон отступил и удалился из каюты так же тихо, как и вошел в нее. Лишь закрывая дверь, он нечаянно щелкнул запором.

Эмили вздрогнула, мгновенно пробудилась и поспешно прикрыла письмо книгой, совершенно не подозревая, в какое глубочайшее душевное смятение приведен господин адвокат.

Убедившись в том, что испугавший ее звук был случайным, молодая женщина извлекла письмо.

«Моя дорогая Эмили, — перечитывала она хорошо знакомые ей строки, — с тех пор как я очнулся на острове и прочел оставленную вами записку, до самого нынешнего дня, когда после четырехлетнего перерыва я смог снова получить от вас письмо, доставленное капитаном Брентлеем, не было ни одного часа, чтобы я не терзался мыслями о вас и вашем положении. Тяжелая борьба, которую вы ведете в полном одиночестве, восхищает меня, и вся моя жизнь, если ей суждено еще продлиться, целиком принадлежит вам.

Вы просите сообщить мое решение в ответ на условия, поставленные мне бесчестным пиратом Джакомо Грелли. Что ж, я вынужден вновь принять их и не делать в течение новых трех лет попыток покинуть остров и разоблачить злодея, укравшего мое имя. Пока человек этот держит вас в своей власти, у меня не остается иного выбора, но его преступления громко взывают к небесам и приближают час расплаты.

Мой атерни Мортон, ставший сообщником Джакомо Грелли, неизбежно разделит и будущую судьбу пирата. Дневник Мортона, переписанный под диктовку

Грелли, как всякое лжесвидетельство, не выдержит испытания светом правды. Заранее сожалею о его дочери, милой Мери. Быть может, мне удастся помочь этой молодой особе устроить ее будущность после свершения правосудия над ее преступным отцом.

Всегда находящийся мысленно около вас, преданный вам до последнего вздоха, ваш *Фредрик Джонатан Райленд,* виконт Ченсфильд.

10 мая 1772 года. Безымянный остров в Индийском океане.

P. S. За отсутствием бумаги я не мог вести дневник. Описание моих приключений я пришлю, когда появится полная уверенность, что вы окажетесь их единственной читательницей, ибо леса и ущелья этого острова хранят не только нашу тайну».

Леди Эмили поцеловала строки письма, смахнула слезинку с ресниц, вложила письмо в конверт и спрятала на груди. Затем она достала тетрадь в тисненом кожаном переплете и вновь принялась ее внимательно перечитывать.

2

Выскочив на палубу, Ричард Томпсон стремительно бросился к своей каюте. Он делил ее с мистером Паттерсоном и теперь торопился отыскать соседа, однако в каюте никого не оказалось.

Навстречу адвокату на палубе попался мистер Мортон. Отступив, словно перед дьяволом, Ричард с необычайной резвостью взлетел по ступенькам на спардек.

Часть пассажиров наблюдала отсюда за узкой полоской Африканского материка на востоке. Не обнаружив и среди них своего соседа, адвокат в растерянности остановился у перил. Ветер растрепал его волосы и освежил разгоряченное лицо. Несколько успокоенный величавой картиной океана, он спустился вниз.

В надежде встретить Паттерсона в обществе леди Стенфорд и не решив еще, следует ли открыть удивительную тайну в присутствии своей невесты, чьи быстро возраставшие симпатии к лжевиконту уже начинали тревожить адвоката, он постучал в дверь ее каюты.

За дверью послышался шорох. Решив, что Бетси, горничная леди Стенфорд, занята уборкой каюты, и намереваясь узнать у нее о местонахождении ее гос-

пожи, Ричард сильнее нажал на дверь. Язычок замка выскочил из своего паза, дверь подалась, и мистер Томпсон, споткнувшись о порог, чуть не упал внутрь каюты.

Здесь царил полумрак, но то, что он успел разглядеть, было невероятно!

Находившаяся в каюте Эллен торопливо освободилась из объятий владельца «Ориона»... В следующее мгновение кавалер прекрасной леди шагнул вперед, и бедный мистер Ричард ощутил прикосновение двух железных рук, приподнявших его на воздух; затем его с силой вышвырнули из каюты. Ударившись головой о противоположную стенку узкого прохода, он свалился у порога.

Дверь каюты с треском захлопнулась, но адвокат не успел даже подняться, как она снова распахнулась и выпустила владельца корабля. Мнимый мистер Райленд наклонился над поверженным адвокатом, сгреб его в охапку и бегом пустился с ним в свою каюту, расположенную поблизости от места рокового происшествия.

В просторном салоне, убранном с восточной роскошью, владелец, не дав своей жертве отдышаться, достал из-за спинки широкого дивана две шпаги и молча сунул одну из них Ричарду.

Сам он прошел в угол и, сбросив персидский халат, остался в кружевной рубашке и заправленных в чулки панталонах. Талию его охватывал широкий шелковый пояс, какие в Испании носят тореадоры. В этом бретерском[1] наряде он попробовал шпагу. Гибкий стальной клинок со свистом прочертил воздух во всех направлениях.

Мистер Томпсон, тяжело дыша, сидел на диване и наблюдал за приготовлениями соперника. Шпага, сунутая ему хозяином корабля, осталась зажатой между коленями. Пошевелившись, он уронил шпагу на пол и не сделал даже движения, чтобы поднять ее.

— Будете ли вы драться или вы намерены тратить время на приглашение секундантов? — прошипел ему противник. — А может быть, вы вообще не склонны требовать удовлетворения? Тогда вы дадите мне честное слово, что...

Мистер Томпсон был плохим бойцом. Он еще не дер-

[1] Бретёр — забияка-дуэлянт, задира.

жал в руке пистолета и некогда вызывал смех товарищей своими неумелыми выпадами рапирой в гимнастическом зале колледжа. Но, будучи плохим фехтовальщиком, Ричард Томпсон не был трусом. Он попросту не успел еще прийти в себя от растерянности и безграничного удивления всеми своими нынешними открытиями.

Слова противника дошли наконец до его сознания и вернули ему самообладание. Он резко поднялся, наступив ногой на оброненную шпагу.

— Требовать удовлетворения,— сказал он твердо,— или давать честное слово я мог бы, имея дело с джентльменом, а не с наглым самозванцем, присвоившим себе чужое имя.

Пораженный соперник Ричарда опешил, но мгновенно овладел собой. Отбросив шпагу, он кинулся на адвоката. Ричард нанес ему встречный удар ногой. Через мгновение два сцепившихся в жестокой схватке тела покатились на ковер.

В тот же миг дверь каюты распахнулась, и на пороге появился пастор Редлинг вместе с судостроителем, мистером Паттерсоном.

3

Эллен Стенфорд, медлительная леди с надменной осанкой, происходила из старинного, но обедневшего дворянского рода Грэхэм. Предки ее участвовали в крестовых походах. Но уже дед леди Эллен потерял право на титул и проиграл в карты остатки фамильного состояния. Отец леди окончательно лишился всех наследственных привилегий, заслуженных рыцарскими основателями рода, и всю жизнь именовался просто мистером Грэхэмом.

Красивая, наделенная болезненным честолюбием, леди Эллен с детства мечтала о громких титулах, прекрасно разбиралась во всех тонкостях геральдики и генеалогии[1] древнейших дворянских родов Англии. Листая пожелтевшие страницы семейной хроники, она с волнением видела своих предков в блеске королевских турниров, в дыму сражений. Она читала, как гра-

[1] Геральдика — гербоведение, дисциплина, изучающая гербы и отличительные знаки царствующих домов и дворянских родов. Генеалогия — история рода, изучение родословных документов.

фы Грэхэм самозабвенно истребляли друг друга во славу Алой или Белой Розы[1], как, желая подняться ближе к трону, они частенько поднимались на эшафот или делили с королями в походах пусть не всегда сладость побед, зато непременно сладость пиршественной чаши!..

В 1768 году, достигнув двадцати двух лет, мисс Эллен вышла замуж за младшего отпрыска рода Стенфордов, пленившись звучностью его старинной фамилии, аристократическими манерами и успехом в ежегодном стипль-чейзе[2], где Джордж Стенфорд на огненно-рыжей кобыле завоевал кубок и звание лучшего наездника графства. Тайные надежды леди на переход к Джорджу наследственных прав и имущества рода не оправдались. Овдовев через два года и оставшись бездетной, леди Стенфорд оказалась владелицей лишь маленького разоренного имения близ Бультона и ничтожного капитала, о путях к преумножению коего она раздумывала, сидя в кабинете мужа, увешанном копиями фамильных портретов и изображениями родовитых скаковых лошадей.

Дела вдовствующей леди находились на грани полного упадка, когда владелец судостроительной верфи мистер Паттерсон посоветовал ей приобрести выгодный городской земельный участок. Леди Эллен вначале оскорбилась, затем согласилась, и на ее участке скоро выросли большие жилые дома, похожие на солдатские казармы и принявшие в свои угрюмые стены сотни семейств ремесленников, мелких служащих и рабочих верфи.

Управление домами было поручено мистеру Гемфри Чейзвику, совмещавшему эту должность с обязанностями педагога и руководителя школы-пансионата для мальчиков.

С увлечением занявшись этими весьма прозаическими коммерческими операциями, леди Стенфорд не оставила, однако, своей мечты о титулах и богатстве. Держалась она с достоинством, водила знакомство с немногими. Однако годы шли, а долгожданный принц не появлялся!

---

[1] Война Алой и Белой Розы — кровопролитная распря между сторонниками двух царствующих в Англии родов: Йорков и Ланкастеров (1455—1485). В этой распре феодальные роды Англии почти поголовно истребили друг друга.

[2] Стипль-чейз — скачка с препятствиями.

Ей было двадцать шесть лет, когда Ричард, младший владелец адвокатской конторы «Томпсон и сын», после непродолжительного знакомства на деловой почве пылко предложил ей руку и сердце. Леди Эллен сначала рассмеялась: Ричард Томпсон не мог похвалиться ни звучностью имени, ни наследственными владениями. Но, зрело поразмыслив, леди Эллен смирила свою аристократическую гордыню, тем более, что молодой адвокат имел уже репутацию одного из лучших юристов графства и был единственным наследником почтенного состояния.

«Что ж, — размышляла она, — времена меняются, и все эти банкиры, адвокаты и фабриканты все больше входят в моду». И хотя партия представлялась ей не блестящей и сердце сохраняло полное равнодушие к особе мистера Ричарда, молодая вдова не спешила с отказом, позволяя Ричарду вволю тратиться на подарки и развлекать ее остроумными рассказами.

Но, впервые увидев при спуске «Окрыленного» своего соседа, виконта Ченсфильда, леди Стенфорд сразу почувствовала в нем не только властного человека, но и решительного единомышленника. Знакомство их, начавшееся на борту «Окрыленного», уже через несколько недель успело превратиться в дружбу. В ответ на холодное обращение леди Эмили, Эллен Стенфорд стала почти открыто третировать владелицу Ченсфильда, доставляя этим, по-видимому, явное удовольствие ее супругу. Со своей стороны, наследник титула и поместья Ченсфильд, восхищенный аристократической фамилией, манерами и пренебрежительно-резким обращением с окружающими своей новой приятельницы, стал мысленно отводить ей весьма важное место в своих планах на будущее. Мистер Паттерсон помог ему в этом, и леди Стенфорд, собрав для начала около трех тысяч фунтов, подобно Паттерсону вложила их в негласные предприятия, подготовляемые главой «Северобританской компании». Таким образом, последний обрел в лице честолюбивой леди еще одного компаньона.

Полностью посвященная в предстоящие дела своих друзей и нимало не смущаясь избранными ими путями к богатству, леди Стенфорд согласилась и на приглашение Райленда и Паттерсона участвовать в плавании на «Орионе». Так как руководитель этой таинственной экспедиции нуждался в услугах юриста, полуофициаль-

ный жених леди Стенфорд, мистер Ричард Томпсон, тоже оказался в числе пассажиров брига.

Он весьма охотно оставил бультонскую контору под единоличным управлением своего отца, рассчитывая провести несколько многообещающих месяцев на комфортабельном судне, в обществе приятных джентльменов и прелестных леди.

Неожиданные открытия, сделанные адвокатом в каютах леди Эмили и леди Стенфорд, спутали теперь все карты в начатой игре и поставили некоторых партнеров в самое затруднительное положение!

Оставшись одна в каюте, леди Стенфорд оделась с помощью своей горничной и села у иллюминатора. Под ним играли и плескались зеленоватые волны.

Презрительная улыбка бродила на губах у дамы, и в уме ее складывались убийственно-саркастические фразы, предназначенные для ушей несчастного адвоката. Уже темнело, когда до слуха дамы донесся нерешительный стук в дверь. Бетси, задремавшая было за своей занавеской, где она обычно находилась, пока леди не отсылала горничную в ее чуланчик, впустила в каюту мистера Паттерсона. Он был несколько взволнован, в коротких словах объяснил, что явился по поручению мистера Ричарда Томпсона, и удалился весьма поспешно, оставив на столе небольшой сверток.

Леди Эллен разорвала бумагу упаковки и вынула из пакета принесенный ей предмет. Это было обручальное кольцо с ее именем. Кольцами она обменялась с Ричардом перед самым отплытием «Ориона».

4

Когда ошеломленный пастор Редлинг и мистер Паттерсон, переступив порог салона, разглядели на полу сцену единоборства двух достопочтенных бультонских джентльменов, они бросились разнимать дерущихся и успели вовремя вырвать из рук Грелли его полузадушенную жертву. Пока пастор Редлинг, брызгая водой в лицо мистера Томпсона, приводил его в чувство, Паттерсон отвел владельца судна в угол каюты.

— Ради бога, сэр Фредрик, объясните, что произошло между вами? — спрашивал он тревожно, заметив валявшиеся на полу шпаги. — Что случилось?

В эту минуту из носа мистера Томпсона хлынула

кровь, помутневшие, с остановившимися зрачками глаза его закрылись, лицо из синего стало бледным, по телу прошла судорога. Испуганный Паттерсон бросился на помощь.

Грелли запер дверь, убрал шпаги и тоже подошел к дивану, куда друзья положили пострадавшего. Смоченным в водке полотенцем Грелли сам обтер кровь с лица и шеи своего врага.

Дыхание Ричарда стало ровнее. Он открыл глаза и увидел трех человек, хлопотавших у его ложа. Адвокат приподнялся на локте.

— Помните, Томпсон, — быстро проговорил Грелли, — ваша жизнь была в моих руках, и я сохранил вам ее. Будьте и вы джентльменом.

— Идите к черту! — пробормотал адвокат. — Господа! — продолжал он, восстановив в памяти все происшедшее. — Этот человек не тот, за кого выдает себя. Это похититель женщины и злодей, присвоивший себе чужое имя! Позовите капитана, офицеров, врача! Этого человека, — он указал на Грелли, — нужно арестовать и предать в руки закона.

Грелли захохотал:

— Закон остался за бортом этого корабля, на котором вы все находитесь в моей власти. Я уничтожу тебя, бумажная крыса, сующая нос в чужие дела! Если понадобится, я потоплю «Орион» со всеми, кто находится на нем.

— Топить корабли с невинными жертвами — привычное занятие пирата Джакомо Грелли! — презрительно сказал адвокат.

— Успокойтесь, мистер Ричард, — умоляющим голосом произнес священник. — Успокойтесь и опомнитесь!

— Рассудок Ричарда Томпсона помутила оскорбленная ревность, — пролепетал перепуганный Паттерсон. — Вероятно, та невольная и... невинная дань восхищения... которую некая дама... как и все мы... неизменно приносит сэру Фредрику...

— Молчите, Паттерсон! Не смейте упоминать имя этой дамы рядом с моим! Ступайте за капитаном, господа! Мы должны немедленно арестовать пирата.

— Да, ступайте за капитаном, Паттерсон! — злобно прохрипел Грелли, заметив колебания своего компаньона. — Судно ремонтировалось в вашем доке, и вы

не хуже моего знаете, что стоит мне из этой каюты подать тайный сигнал одним нажатием кнопки — и в пороховом погребе корабля вспыхнет подготовленный фитиль. Правда, вы не знаете, кто это выполнит из числа моих людей на корабле, но вам известно, что моя шлюпка успеет отвалить прежде, чем мачты «Ориона» скроются под водой. И вас не будет с нами на этой шлюпке, господин Паттерсон, нарушитель нашего договора! Вместе с господином адвокатом вы достанетесь в пищу акулам, а я с моими людьми через день высажусь на африканском берегу, а через полгода вернусь в Бультон. Вам должно быть ясно, что я не рискую ничем, кроме потери корабля. Выполняйте желание мистера Томпсона, ступайте за капитаном, это поможет мне быстрее покончить со всем этим клубком змей на бриге!

— Стойте, стойте, дорогой сэр Фредрик! — воскликнул Паттерсон, бледный и, по-видимому, весьма ясно осознавший грозящую ему участь. — И вы, мистер Ричард, не горячитесь. Придите в себя, джентльмены! Опомнитесь, ссора завела вас слишком далеко! Здесь не зал канцлерского суда, здесь нет ни шерифов, ни констеблей. Мы живем одной большой дружной семьей на борту, и все недоразумения должны решаться на семейном совете. Присядем к столу, попросим хозяина достать со льда бутылочку и спокойно выслушаем друг друга. Не так ли, достопочтенный мистер Редлинг?

Растерянный пастор недоуменно молчал, силясь осознать происшедшее.

— Рад слышать слова, достойные рассудительного джентльмена, — меняя тон, сказал хозяин. — Худой мир лучше доброй ссоры. Садитесь, синьоры, и помогите мистеру Томпсону привести себя в порядок.

С этими миролюбивыми словами Грелли скрылся за занавеской и через несколько минут предстал перед собравшимися в своем обычном платье, причесанный и умытый. Оправившийся тем временем мистер Ричард сумрачно сидел за столиком под пристальными, предостерегающими взглядами Паттерсона.

Вызванный слуга отправился за Мортоном. На столе появилось вино и стаканы...

«Семейный совет» в каюте Грелли продлился два часа. После начала совещания джентльмены пригласи-

ли леди Эмили. Она пробыла в каюте недолго и вышла с заплаканными глазами. При ней не осталось ни письма, ни тетради в тисненом переплете.

Когда джентльмены разошлись, над морем уже спускалась ночь. Паттерсон по дороге в свою каюту заглянул к леди Стенфорд, чтобы выполнить поручение, возложенное на него Ричардом. Из всех намерений Ричарда, вначале столь решительных и пылких, лишь это единственное — возвращение кольца — оказалось выполнимым.

После «семейного совета» адвокат почувствовал себя так, как, вероятно, чувствует себя муха, угодившая в банку с жидким клеем. В каюте он повалился на свою постель и, тупо уставившись на пламя свечи, лежал с открытыми глазами до тех пор, пока Паттерсон не потушил ее.

5

Еще одна участница плавания на «Орионе» была втайне подавлена горем и находилась в состоянии полнейшей растерянности.

У колыбели спящего мальчика в чисто прибранной каюте, освещенной лампадкой, молилась перед распятием молодая черноглазая женщина. Когда в тишине наступающей ночи прозвенели три коротких сдвоенных удара корабельных склянок, ребенок пошевелился, приоткрыл сонные, такие же черные, как у женщины, глаза и, почмокав губами, снова уснул.

Женщина слышала, как на палубе, почти под самым окном каюты, остановились, тихо разговаривая друг с другом, леди Райленд и молоденькая мисс Мери Мортон.

Северо-восточный ветер заставил капитана делать сложные маневры; судно двигалось галсами по пять-шесть миль вдоль атлантического побережья Африки, отклоняясь от основного курса то на восток, то на запад: рулевая цепь скрежетала, и звонкий голос Эдуарда Уэнта, отдававшего приказания вахтенным, доносился с мостика.

— Курс?

— Зюйд-зюйд-ост, брали три румба вправо, — отвечал штурвальный.

— Так держать!

— Есть так держать, господин лейтенант!

Через несколько минут молодой офицер подошел к беседовавшим дамам.

— Противный ветер отклоняет нас к югу, — сказал он.

— А разве курс наш не лежит прямо на юг? — удивились обе леди.

— Нет, мистер Райленд приказал следовать к берегам острова Фернандо-По, в Гвинейском заливе. Там он рассчитывает получить сведения об африканской экспедиции двух своих кораблей. Но встречный ветер мешает... Завтра мы пересечем экватор, потом развернемся на четыре-пять румбов и пойдем курсом на восток. Если ветер не переменится, придется повторить такие маневры несколько раз.

— Скажите, мистер Уэнт, надолго ли эти маневры и стоянка в Гвинейском заливе задержат наше плавание? — с беспокойством спросила старшая леди.

— Трудно сказать. Быть может, недели на две, если не больше. Зато вы уже завтра увидите обряд крещения новичков, когда мы будем пересекать экватор.

— Это я уже не раз наблюдала на других кораблях. Меня тоже «крестили» соленой водой, когда мне было десять лет.

— Вы бывалая путешественница, леди Райленд! Наверно, вы ожидаете сейчас восхода звезд? Правда, что Южный Крест — любимое созвездие вашего супруга?

— Да, мистер Уэнт, он верит, что находится под покровительством созвездий Южного Креста и Ориона... Смотрите, какие-то птицы пролетели там, за кормой!

Обе женщины подошли к самому борту. За кормой расходились две длинные полосы, и в них светились зеленоватые искры, точно тысячи светлячков жили в водах океана. Неслышно шевеля упругими длинными крыльями, пронеслись над бортом корабля две большие белые птицы.

— Альбатросы, — вздохнул лейтенант. — Мелькнут и исчезнут, как обманчивый призрак счастья!

Поэтическая меланхолия лейтенанта рассмешила леди Эмили.

— О, мистер Уэнт, — сказала она, — у вас нет препятствий для настоящего, совсем не призрачного счастья. Оно всегда лежит на очень простой дороге, его не встретишь на путях необычных!

И, оставив свою юную спутницу в обществе лейтенанта любоваться четырьмя звездами Южного Креста над океаном, леди Эмили поспешила к себе.

Проходя мимо одной из кают, она услышала свое имя, произнесенное тихо, с мольбой и волнением. У чуть приоткрытой двери, спрятавшись за кисеей занавески, стояла Доротея Ченни.

— Умоляю вас, синьора, выслушайте меня! Я ведь ни в чем не виновата перед вами!

— Приходите ко мне в каюту, — так же тихо ответила леди Эмили. — Против вас в моем сердце нет никакого зла...

— Сядьте, Дороти, и успокойтесь, — приветливо встретила она молодую женщину, когда та, войдя через несколько минут в каюту, сделала движение, чтобы упасть на колени.

— О синьора, я совсем перестала понимать, что творится кругом! С тех пор, как Джакомо привез нас из Италии, у меня на сердце лежит большая тяжесть, но я ждала лучшего и верила тому, что Джакомо говорил мне. Теперь я совсем перестала понимать, что он замыслил.

— Едва ли я способна утешить вас, Доротея. Вы связали свою жизнь с низким негодяем.

— Синьора, раньше, в Италии, когда он был простым моряком, а я едва умела писать, мы любили друг друга. Я была счастлива, когда он приходил в маленький рыбачий домик, где мы жили с матерью. Потом он ушел в море на шхуне Бернардито и привозил мне такие подарки, что все девушки на нашей улице умирали от зависти! Когда в Сорренто узнали, что Бернардито и Джакомо утонули на «Черной стреле» в далеких водах, ко мне сватались рыбаки-соседи, но я не верила в смерть Джакомо и ждала его больше года. И он пришел за мной, пришел ночью, когда вся наша деревушка близ Сорренто спала. Он был одет, как знатный синьор, и приказал называть его другим именем. Я долго не могла даже запомнить это имя и просто звала его «Фредерико».

«Я увезу их — и Доротею и Антони, — сказал он моей матери, — в другую страну, но никто не должен знать моего прошлого. Одно неосторожное слово погубит нас...». И мы приехали в Англию на его собственном большом корабле и поселились в предместье Буль-

тона. Джакомо часто навещал нас и был со мною ласков и добр. Моего брата Антони, которому тогда исполнилось тринадцать лет, он сделал грумом и перевез в свой дом в Ченсфильде, а я одна осталась в бультонском предместье и каждый вечер ждала Фредерико. Он повторял, что любит нас, но я-то чувствовала, что мы нужны ему для чего-то; а вот для чего — не понимала!.. Антони по-прежнему оставался в Ченсфильде, а меня Джакомо увез в Париж, когда я сказала ему, что скоро стану матерью. Он тогда так обрадовался!..

Я уже раньше знала, что у него есть жена в замке, но он говорил мне, что вы — не настоящая жена. В Париже Джакомо объявил мне, что если у нас родится сын, то ради счастья ребенка нужно будет выдавать его перед людьми за сына женщины в замке, то есть за вашего сына, леди. А мне приказал называться только кормилицей собственного мальчика! Я не смела противоречить Джакомо... Ему нельзя противоречить, леди!.. Вскоре я родила Чарльза. Перед этим вы тоже приехали в Париж, и после моих родов мы втроем вернулись на пакетботе в Англию. Я поняла: поездка во Францию должна была скрыть от слуг, что не жена его, а я произвела на свет ребенка.

После того как пастор Томас крестил в замке моего Чарльза, я проплакала много ночей: ведь патер и все люди называли вас его матерью, и так было записано в бумагах Чарли. А я — я только кормилица...

Джакомо больше собственной жизни любит нашего мальчика. Он так много забавляется с ним и раньше так хорошо говорил мне про будущее нашего сына! Он хочет, чтобы мальчик был большим лордом, епископом или министром, и люди кланялись бы ему, сыну английского виконта, а не пирата Джакомо Грелли!

— Довольно, Доротея, — устало произнесла леди Эмили. — Все эти подробности я знаю так же хорошо, как и вы. Мне тяжело и неприятно вспоминать их. Какая новая забота привела вас ко мне?

— Я вас понимаю, синьора! Я давно поняла, что вы ненавидите Джакомо, а он боится вас. Но вы никогда не делали зла ни мне, ни моему бедному ребенку, и втайне я жалела вас... Когда я узнала, что у вас и у меня одна вера и видела вас на коленях перед ма-

донной, я еще больше стала жалеть вас. Меня тревожит, что Джакомо переменил и веру вместе с именем.

— Доротея, я уже просила вас: расскажите о ваших последних горестях! Старое я знаю и ничем не могу помочь вам.

— Синьора! Когда «Орион» прибыл в Бультон, Джакомо сказал мне, что мы пойдем в плавание к дальнему острову и вернемся уже без вас.

— Без меня? Какая же судьба ожидает меня в этом плавании?

— Этого он не говорил мне, но обещал, что после возвращения с острова он женится на мне и Чарли будет говорить мне «мама».

— Так почему же вы решили открыть мне эту тайну?

Лицо Доротеи стало злым. Она положила подбородок на сжатые кулаки и зашептала со страстью и волнением:

— Я вижу, что он обманывает не только вас, но и меня. Леди Стенфорд... эта злая, гордая леди — вот кто должен стать виконтессой Ченсфильд...

— Откуда вы это знаете?

— Ночью я подслушала их... Он целовал ее и называл... будущей леди Райленд...

— Так послушайте мой совет, Доротея. Я не могу открыть вам причин, почему вынуждена молчать и даже помогать вашему Джакомо держать в заблуждении целый город, но есть высшая справедливость, и она не допустит, чтобы этот обман продолжался долго. Знайте, что Джакомо Грелли рано или поздно будет передан в руки палача. Но ребенок ни в чем не виноват. И если вы хотите, Доротея, чтобы он вырос честным человеком, то бегите с вашим ребенком из-под крова Джакомо Грелли.

— Господь с вами, синьора! Нет, вы совсем не знаете Джакомо! Да он отыщет меня на дне вот этого океана! Я боюсь его, синьора... и... я... тоже привыкла мечтать о великом будущем моего Чарли.... А какая судьба ждет моего бедного мальчика, если я останусь с ним одна, в нищете?!

— Тогда вы напрасно пришли ко мне за советом. Ступайте к Джакомо Грелли, просите у него снова места кормилицы в его доме, когда ваш сын будет поручен заботам леди Эллен... или решайтесь скорее и

бегите прямо с этого корабля. У меня есть деньги. Я помогу вам.

— Боже мой, как это страшно! Я сейчас ничего не отвечу, но буду помнить ваш совет и доброту ко мне. Прощайте, синьора, я теперь пойду к моему малютке.

Когда Доротея удалилась, леди Эмили послышался слабый шорох за стенкой каюты. Не обратив на это никакого внимания, взволнованная беседой, она еще раз вышла на палубу.

На горизонте ярко сиял Южный Крест.

Капитан Брентлей, принявший ночную «собачью» вахту, стоял на мостике. Ветер шевелил плюмаж на большой треугольной шляпе капитана. Опираясь на рукоять шпаги, он пристально глядел вперед. От всей его крупной, мужественной фигуры так и веяло прямотой и храбростью.

Он не заметил леди Эмили, а она вдруг вспомнила слова Доротеи, что корабль с той же командой, с тем же капитаном, но уже без нее должен вернуться в Англию. Что ее ждет впереди? Какой новый предательский удар готовит в темноте пиратская рука Джакомо Грелли? После сегодняшнего «семейного совета» она ясно понимала, что союзников у нее нет и помощи ей ждать неоткуда, пока не будет достигнута долгожданная цель плавания.

А там? Что ждет ее там, где справедливость должна скрестить шпагу с преступлением?

Между тем из узкого чуланчика, граничащего с каютой леди Эмили и обычно запертого, так как он предназначался для багажа леди Стенфорд и для ночлега ее горничной Бетси, с большой осторожностью выбралась полная немолодая особа. Она была в чепце и белой ночной кофточке.

Оглядевшись по сторонам и заметив идущую с палубы леди Эмили, Бетси, несмотря на свою полноту, весьма проворно юркнула в коридор и через минуту скрылась в каюте леди Стенфорд.

Не смутившись присутствием здесь в столь неурочный час мистера Райленда, эта достойнейшая из камеристок попросила свою госпожу за занавеску и там шепталась с ней несколько минут. Затем, получив приказание отправляться спать, она возвратилась к себе довольно шумно, заперлась в чуланчике, развязала кошелек, хранимый в изголовье под матрацем, и опустила туда новенькую серебряную монету.

6

Перед полуднем 16 октября на «Орионе» грянул холостой пушечный выстрел и зазвонил корабельный колокол.

В кают-компанию, где пассажиры еще сидели за ленчем, вошел вахтенный офицер, второй помощник капитана мистер Джеффри Мак-Райль, и пригласил все общество на палубу. Экипаж приготовился отметить переход через экватор.

Корабль выглядел празднично. Все медные части, поручни и украшения, надраенные до нестерпимого для глаза блеска, казалось, плавились в лучах экваториального солнца.

Флажки и вымпелы развевались на реях. Доски свежеокрашенной палубы, вымытые и просушенные, были покрыты ковровыми дорожками. Большой ковер из кают-компании устилал середину свободного пространства на баке. Гости уселись на приготовленных для них скамьях. Вся команда в праздничной одежде разместилась вдоль бортов.

На ковре, под балдахином из портьер, восседал «Нептун». Мочальная борода свисала до самого ковра. Мантию морского бога украшали перламутровые раковины и различные эмблемы.

Бог важно потрясал трезубцем. Два сенегальских негра, обнаженных до пояса, стояли позади трона, помахивая над головой царя океанов опахалами из пальмовых ветвей.

— Я вижу какой-то корабль. Позвать ко мне его капитана! — с важностью произнесло морское божество.

Две хвостатые русалки (в ответственной роли морских гонцов пассажиры сразу узнали корабельных юнг) кинулись на мостик за капитаном.

Гай Брентлей в полной парадной форме, со всеми регалиями, почтительно подошел к трону.

— Что за судно приближается к экватору в моем океане? — обратился «Нептун» к капитану.

— Бриг «Орион», ваше морское величество, под командованием капитана Брентлея.

— Я знаю этого капитана и его славный корабль! Привести к моему трону всех пассажиров и членов экипажа, кто впервые пересекает экватор!

Два матроса уже приготовились к встрече процес-

сии. Они стояли у противоположных бортов, держа в руках парусиновые шланги от пожарных помп. Навстречу друг другу ударили две сильные водяные струи. Не сталкиваясь в воздухе, они образовали водяную арку, под которую «Нептун» и повел всех гостей.

Едва лишь само божество и первая пара — леди Стенфорд с Паттерсоном — «пересекли экватор», матросы опустили шланги ниже. Струи воды столкнулись в воздухе. Брызги посыпались на головы и спины проходящих. С мокрыми головами и плечами пассажиры и слуги спешили скорее миновать соленую купель.

Но настоящее веселье началось, когда «экватор» пришлось «пересекать» молодым матросам. Преследуемые струями воды, матросы заметались по палубе под дружный хохот команды. Когда мокрые до нитки «крестники» спаслись наконец от водяных струй, их поставили лицом к воде: новичкам приказали разглядеть в волнах... полосу экватора! Пока матросы вглядывались в море, к ним сзади подкрался сам «Нептун» и опрокинул за шиворот новичкам два ведра холодной воды.

Вскоре обрызганные пассажиры и мокрые матросы оказались перед столами, накрытыми на палубе. Сюда же перешли с кормы все «бывалые» мореплаватели, не участвовавшие в нынешней церемонии. На баке остались только хозяин корабля и Доротея с ребенком на руках. «Нептун» поспешил им навстречу. Грелли взял ребенка из рук женщины и нежно прижал его к своей груди. С сыном на руках он шел под высоко поднятыми струями водяной арки. «Нептун» осторожно брызнул на мальчика горстью соленой океанской воды. Команда крикнула «ура», третий помощник капитана Джозеф Лорн махнул рукой, и пушечный салют смешался с песней моряков «Ориона», сочиненной Эдуардом Уэнтом:

Если гаснет в черном небе
Свет луны
И встает косматый гребень
Злой волны,

Значит, бог всех океанов
И морей

Осерчал на капитанов
Кораблей.

Наш старик от рулевого
Колеса
Поднимает взгляд сурово
В небеса.

Мы для бурь и непогоды
Рождены,
Нам неведомые воды
Не страшны!

Снова ясным станет грозный
Небосклон
И заблещет многозвездный
Орион!

Снова плыть мы завтра будем
В бирюзе,
Рассмеемся и забудем
О грозе!

«Нептун», снявший бороду и мантию, оказался боцманом Ольсеном. Он уселся во главе стола, предназначенного для команды.

Капитан Брентлей с миссис Эмили и Грелли с леди Стенфорд заняли свои места за столом, вынесенным на открытый воздух. Следом за ними расселись офицеры и пассажиры.

Капитан подал знак. За столом наступила тишина. Пастор Редлинг стоя прочел молитву. Снова грянул пушечный залп, чаши и бокалы зазвенели после первого тоста, и на корабле начался пир до самого вечера.

Когда четверка лучших матросских танцоров грянула на палубе джигу, у пирующих заблестели глаза и разгладились морщины забот. И лишь одна «кормилица» Чарльза, Доротея, принимая вновь ребенка на руки, почувствовала на себе пристальный, недобрый взгляд Грелли. Сразу позабыв и праздник и веселье, она укрылась в своей каюте и горько разрыдалась, припав лицом к белому, кружевному пологу над колыбелью своего мальчика.

Глава пятая

ЛЕОПАРД И ШАКАЛЫ

1

В последнее воскресенье октября, на рассвете, палуба «Ориона» была полна людей; ни одного матроса не осталось в кубрике, ни одного пассажира — в каютах: прочертив из-за встречных ветров довольно сложный зигзаг в экваториальных водах, бриг подходил наконец к проливу, отделяющему остров Фернандо-По от побережья Гвинеи.

Солнце, окутанное прозрачной дымкой, поднималось из-за фиолетовых далей Африканского материка. В мареве испарений чуть виднелась на востоке коническая вершина вулкана Камерун, окруженная горными цепями. Даже без подзорных труб можно было разглядеть африканское побережье с его причудливыми рыжеватыми скалами и яркой зеленью тропических лесов. Слева по курсу судна медленно вырастали очертания гористого острова Фернандо-По. Корабль двигался вперед все осторожнее...

Когда барашки волн заискрились в утренних лучах, «Орион» подошел к заливу Санта-Изабель на острове, у склонов высокой горы с тем же названием. Капитан Брентлей имел приказание поставить здесь судно на якорь.

На берегу залива, среди пышной зелени масличных пальм, приютилось несколько домиков европейской постройки, принадлежавших португальской торговой фактории и каким-то забытым миссионерским семьям. Главы и родоначальники этих семей — португальские католические миссионеры и английские баптисты — переселились сюда еще в прошлом столетии и, отрезанные от родины тысячами миль океана, были вскоре совершенно позабыты как церковью, так и торговыми компаниями. Эти миссионеры уже давно покоились на крошечном христианском кладбище у подножия Пико ди Санта-Изабель, а их потомки смешались с островными аборигенами, разводили маниоку, маис и бананы, пили пальмовое вино, торговали с островитянами и, по традиции отцов, проповедовали им христианство, без особого, впрочем, успеха...

Владелец «Ориона» жадно всматривался с капи-

танского мостика в морскую даль. Он ловил в подзорную трубу каждый изгиб островного берега, но, по-видимому, остался недоволен своими наблюдениями, нахмурился, сердито захлопнул трубу и отрывисто приказал Брентлею поторопиться.

Команда скатывала паруса, еще влажные от ночной сырости.

Цепь носового якоря, гремя, побежала из клюза. Через минуту и кормовой якорь с плеском ушел в зеленоватую морскую воду, прозрачную до каменистого дна.

Вдруг вдали, среди нагромождения береговых скал и утесов, показался будто бы крошечный шарик ваты. Звук пушечного выстрела, пугая птиц, гулко прокатился над водой и отдался эхом в лесистых горах. Грелли и Брентлей навели по дымку выстрела свои подзорные трубы и лишь теперь смогли различить вдали небольшую шхуну, искусно спрятанную среди скал. Над шхуной взвился флаг; капитан Брентлей пристальнее вгляделся в очертания далекого судна... и поздравил владельца «Ориона» со счастливой встречей: перед ними, всего в нескольких милях, находился другой корабль компании — шхуна «Глория».

С «Ориона» грянул ответный выстрел. На гротмачте брига в знак приветствия заполоскался личный вымпел владельца. Капитан Брентлей с Уэнтом отправились на берег, к ближайшей постройке, рядом с которой торчал шест-флагшток и расхаживал босой оборванец в соломенной шляпе, с ружьем на плече.

Грелли, Паттерсон, Мак-Райль и Лорн уселись в капитанской каюте «Ориона» и с нетерпением ожидали прибытия капитана «Глории».

Тем временем на палубу «Ориона» вышла Дороти Ченни, ведя за руку маленького наследника Ченсфильда.

Неуверенно переступая крепкими, толстыми ножками и цепляясь за руку и юбку матери, ребенок перебрался через порог и засеменил по нагретым доскам палубного настила. Мать вынесла на палубу плетеное кресло для себя и игрушечного медведя для Чарли. Но вокруг происходили слишком интересные вещи, чтобы стоило заниматься обычными игрушками! Плюшевый медведь с задранными лапами сиротливо остался лежать на палубе, а Чарли, как завороженный, глядел на воду.

К бригу уже успели подплыть две лодки с тузем-

цами. На лодках горами лежали громадные морские раковины, коралловые бусы и ожерелья, страусовые перья, «пилы» и «мечи», некогда вооружавшие головы опасных хищных рыб, кокосовые орехи, небольшие слоновые бивни, золотистые ананасы и дыни, бананы и финики. Выкрикивая непонятные гортанные слова, голые чернокожие предлагали свои товары пассажирам брига.

Туземная ладья, управляемая одним гребцом, была уже у кормового трапа корабля. Доротея подвела ребенка к трапу. Рослый туземец с курчавыми волосами, собранными на затылке в пучок, удерживаемый гребнем из рыбьей кости, стал передавать ей из лодки сочные плоды.

Внезапно какая-то тень заслонила от Доротеи солнце.

Подняв голову, она увидела перед собою мулата Энрико Роя, пристально наблюдавшего за ее торгом с островитянином.

Желая поближе рассмотреть чудесные перламутровые раковины, Доротея хотела спуститься в лодку, но мулат осторожно удержал ее и молча покачал головой, давая понять, что сходить с трапа ей не следует.

Доротея с мальчиком вернулась со своими покупками на прежнее место, и лишь теперь молодая женщина обратила внимание, что и мулат Рой выбрал себе местечко поближе от ее кресла, под уголком парусинового тента.

Леди Эмили, Мери Мортон, Ричард Томпсон и пастор Редлинг попросили боцмана спустить для них шлюпку и пригласили Доротею совершить в их обществе поездку на берег. Обрадованная женщина, схватив сына на руки, заторопилась вниз. Обе леди уже сидели в шлюпке.

Однако, едва Доротея приблизилась к трапу, перед нею снова выросла фигура Энрико Роя. Мулат преградил ей дорогу.

— Мисс Дороти, — шепнул он, — хозяин не разрешил вам сходить с корабля! Сударыни, — обратился он к дамам в шлюпке, — мисс Доротея сказала, чтобы вы отправлялись на берег без нее. Но леди Стенфорд просит подождать ее. Сейчас она выйдет из своей каюты. Вот и миледи, господа!

2

— Итак, мистер Паттерсон, сейчас мы с вами услышим, каковы первые результаты экспедиции, подготовленной мною полгода назад, — говорил Грелли, глядя из окна капитанской каюты на быстро приближающуюся шлюпку с «Глории». — Шхуна «Доротея» должна была тоже прибыть в эти воды, ее капитану было приказано торопиться к африканскому побережью с грузом из Южной Америки. Вот и капитан «Глории». Привет, мистер Вильсон!

Капитан «Глории», маленький, толстый моряк с простуженным голосом, пожал руку Грелли, глядя на него снизу вверх и часто моргая белесыми ресницами. Воротник его довольно грязного мундира подпирал лоснящиеся от пота щеки, покрытые рыжей щетиной. Раскрасневшееся лицо было так густо усыпано веснушками, что казалось, будто кисть неосторожного маляра обрызгала лицо мистера Вильсона раствором желтой краски.

— Знакомьтесь с джентльменами, Вильсон. Мистер Паттерсон — мой компаньон и участвует в расходах. Джозеф Лорн — помощник капитана. С мистером Мак-Райлем вы знакомы... Можете говорить совершенно свободно.

Капитан достал роговую табакерку и взял добрую понюшку. Оглушительно чихнув, моряк заговорил срывающимся голосом, переходившим то в простуженный бас, то в полузадушенный шепот.

— Джентльмены, я позволю себе выразить надежду, что никому из вас не придется жалеть о деньгах, вложенных в эту исключительную экспедицию. Да, исключительную, ибо, господа, ни одно европейское судно не посещало устья реки Куарры[1] уже по меньшей мере в течение столетия.

— К черту историю, Вильсон, здесь не заседание Королевского географического общества. Где вторая шхуна? Что успели разведать? Как идут дела с... вербовкой?

— Но, сэр, вы не даете мне даже рта открыть! — обиженно забасил и захрипел моряк. — Ей-богу, эта экспедиция могла бы прославить нас перед учеными мужами всей Европы, если бы она преследовала... несколько иные цели. И, черт побери, если мы с мистером О'Хи-

[1] Куарра — туземное название нижнего течения реки Нигер, третьей по величине реки в Африке.

ри не рисковали угодить на жертвенный алтарь какому-нибудь африканскому божеству.

— Ладно, капитан, не сердитесь! — Грелли подал глазами знак. На столе капитанской каюты, словно на столике фокусника, с удивительной быстротой появились бутылки и стаканы. — Промочите горло и, ради бога, не испытывайте терпения этих джентльменов слишком длинным рассказом.

Капитан Вильсон «промочил горло» двумя стаканчиками виски, и морщина обиды изгладилась с его увлажненного чела.

— Итак, господа, мы с капитаном «Доротеи» года полтора назад, во время рейса к Золотому Берегу, приняли к себе на службу бывшего агента одной прогоревшей бостонской работорговой фирмы, некоего мистера Сайреса Эрвина О'Хири, американца ирландского происхождения, большого мастака в торговле «черным деревом». Этот мистер О'Хири незадолго до нашего с ним знакомства побывал в таких местечках Гвинеи, в которых уже давно не бывали белые торговцы и которые сулят для предприимчивых джентльменов немалые выгоды, правда связанные и с немалым риском...

Бультонский судостроитель мистер Паттерсон слушал Вильсона как завороженный. Грелли хмурился и нетерпеливо притопывал каблуком, словно желая пришпорить рассказчика.

— Царство Эдо, страна Великого Бенина[1], негритянское царство в низовьях могучей Куарры, — вот тот сундучок, к которому мистер О'Хири предложил подобрать... ключик!

— Признаться, мне эти слова не объясняют ничего, — разочарованно проговорил Паттерсон. — Чем оно так интересно для нас, это царство Эдо?

— Еще несколько минут терпения, сэр! Принятый нами на службу мистер О'Хири разработал смелый план, как наилучшим образом использовать главное,

---

[1] Бенин — одно из наиболее могущественных и культурных негритянских государств, некогда существовавших на территории нынешней Нигерии. Оно успешно сопротивлялось колониальному захвату до конца XIX века, когда заранее подготовленные английские войска, спровоцировав нападение бенинцев на британских парламентеров, вторглись в бенинские владения и предали их огню и мечу. Город Бенин и дворец оббы подверглись варварскому разрушению. При этом были уничтожены или разграблены высокие художественные ценности Бенина.

можно сказать, природное богатство здешних мест, то есть черное население. Оно весьма многочисленно и, я бы сказал, чертовски искусно во многих полезных ремеслах, джентльмены, не говоря уж о том, что племена эдо — на редкость рослый и здоровый народ... Свой план мистер О'Хири изложил уже в Англии мистеру Райленду и...

— И вот мы здесь, Вильсон, но пока что знаем о ходе экспедиции не больше, чем при отъезде из Бультона!

Паттерсон изо всех сил стремился вникнуть в смысл повествования. Его терзали сомнения. Он опасался попасть впросак и быть одураченным. Недоверие и жадность бродили в нем, как солод и ячмень в молодом пиве.

— Что же особенного представляет собой этот план О'Хири? Почему он связан с риском? Если он так выгоден, как нам пытаются внушить, то почему такой план не пришел в голову еще кому-нибудь другому?

Чувства, обуревавшие судостроителя, весьма ясно отражались на его физиономии. Грелли без особого труда разгадал сомнения своего компаньона. Он подмигнул Вильсону.

— Видите ли, — доверительно заговорил капитан «Глории», — здесь торговля черным товаром — не такое простое дело, как вы, по-видимому, представляете себе, мистер Паттерсон. Устье Куарры — это не Золотой Берег, не страна Ашанти, не Дагомея[1]. Там людские запасы уже сильно истощены, цены на негров возросли и выгода работорговли все уменьшается, здесь же, в нижнем течении Куарры, европейцев не было давно. Их пугает тяжелый климат, трудности, плавания, а главное — могущество здешних негритянских государств, прежде всего — государства Эдо, или Бенина, как его называют по главному городу.

Паттерсон удивленно вскинул брови:

— Могущество? О каком могуществе вы говорите? Речь идет о грязных голых неграх, не так ли?

— Гм! Грязными и голыми вы видели их на невольничьих рынках... У себя дома они искусные литейщи-

---

[1] Золотой Берег, Ашанти, Дагомея — негритянские области на побережье Гвинейского залива, откуда европейские работорговцы в XVIII веке вывозили сотнями тысяч коренных жителей — негров — в рабство, преимущественно в Вест-Индию и Северную Америку.

ки, ткачи, строители и земледельцы. Правитель Бенина, обба, как его называют, живет, по словам О'Хири, в настоящем дворце. В Бенине много воинов, оборотливые купцы и сильная каста жрецов... Тут, в низовьях Куарры, есть немало больших негритянских поселений разных черных племен, но самое сильное из них — Бенин, или Эдо. Еще лет двести назад португальцы и голландцы были не редкими гостями в Бенине, основали здесь фактории и неплохо заработали на торговле чернокожими. Но, увы, правители Бенина скоро поняли, что в результате своего гостеприимства они рискуют... остаться без подданных. Поэтому они, черт их побери, закрыли доступ европейцам. Ослушникам, а также белым пленникам грозит казнь на жертвенном алтаре. По рассказам О'Хири, тамошние жрецы очень любят устраивать человеческие жертвоприношения — это помогает держать черную паству, так сказать, «в страхе божием»...

Паттерсона передернуло.

— Все это напоминает сказку для детей! — пробормотал он еще более недоверчиво. — Если же это хоть отдаленно похоже на правду, то... какого черта было тащиться сюда, в эти проклятые места?

— А вот теперь и послушайте, что еще в Бультоне предложил мне О'Хири, — вмешался Грелли. — Когда ему удалось пробраться из Дагомеи в Бенин, то оказалось, что это негритянское царство ослаблено непрерывными усобицами феодалов и жрецов между собою и верховным правителем — оббой. Город Бенин, окруженный рвом и стеной, пострадал в этих войнах — О'Хири видел поврежденный дворец оббы. Из-за раздоров страна находится в упадке, и этим можно выгодно воспользоваться, как правильно сообразил наш мистер О'Хири. Ему удалось вступить в тайные сношения с враждебным царю чернокожим вельможей, по имени Эзомо-Ишан. В своей борьбе против оббы этот Эзомо-Ишан, негритянский феодал или жрец, нуждается в партии огнестрельного оружия. О'Хири получил от него обещание: в обмен на партию оружия и кое-какие нехитрые подарки пропустить под охраной его воинов два наших легких судна в низовья Куарры и уступить нам полтысячи своих чернокожих подданных. В подчинении Эзомо-Ишана имеется до пяти тысяч войска да тысяч десять собственных рабов. Эта команда, так сказать, обезопасит тыл нашей экспедиции от всяких ка-

верз со стороны бенинского оббы и любых других царьков-правителей племен йоруба, нупэ, хаусса и всех прочих... Вам ясна ситуация, мистер Паттерсон?

— Н-е-нет, не вполне... Ведь требуется партия оружия? И где гарантии, что этот Эзомо-Ишан не готовит нам просто ловушку?

— Партия оружия находится на «Глории», капитан которой сидит перед нами. Остальные товары — на шхуне «Доротея»: там порох, табак, ямайский ром и безделушки. Где сейчас «Доротея», Вильсон?

— Хорошо спрятана неподалеку от Гато, покинутой португальской фактории в устье Куарры. Чернокожих поблизости от судна нет — для негров на эту местность предусмотрительно наложено табу[1]... Мы ожидали только вашего прибытия, мистер Райленд: у нас все готово к обмену товара на чернокожих...

— Отлично! Надо действовать немедленно, чтобы никакие чужие крысы не зачуяли поживы для себя. Что касается гарантий за сохранность наших шкур, мистер Паттерсон, то вынужден огорчить вас — они не вполне надежны. Всякий выигрыш берется ценою риска. Чем риск крупнее — тем выигрыш больше... Теперь к делу, джентльмены... Бриг «Орион» на две недели задержится здесь, в уютной бухте Фернандо-По. В течение этих двух недель нам с вами, господа, предстоит проделать всю операцию. Присутствие мое на «Орионе» сейчас не нужно. Леди Стенфорд не выпустит из своего поля зрения пастора Редлинга и здешних миссионеров. Рой будет наблюдать за Доротеей, младшего Томпсона я поручаю вашим заботам, Джеффри Мак-Райль. Среди команды, Мак, вы можете полагаться на Иензена и Каррачиолу. А нам с вами, господа Паттерсон и Лорн, придется совершить веселую экскурсию, сначала на полтораста миль до устья Куарры, а затем, вероятно, мы поднимемся вверх по этой интересной речке... Я не намерен покупать полтысячи «котов в мешке», я хочу сам посмотреть на мой товар, который пойдет в Америку... Джентльмены на бриге, разумеется, не должны догадаться ни о чем: им придется объяснить, что мы не могли упустить случая поохотиться на

[1] Табу — религиозный запрет, налагаемый обычно жрецами на какой-либо предмет, действие, вид пищи, слово и т. д. По верованиям первобытных народов, нарушение табу влечет небесную кару.

слонов и бегемотов, не так ли? Вильсон, немедленно готовьте «Глорию» к отплытию. Быстрая доставка — душа торговли, господа!

Грелли был необычайно возбужден. У него блестели глаза от азарта и раздувались ноздри горбатого носа. Возбуждение охватило и Паттерсона.

«Пират! Настоящий отчаянный пират! — думал Паттерсон, поглядывая на своего компаньона. — Но какая энергия, страсть, бесцеремонность в средствах! Человек этот рожден, чтобы подчинять себе других. Нет, он жизненно необходим обществу! Пожертвовать им, кем бы он ни был на самом деле, ради какой-то старомодной справедливости, просто вредно для всей нашей коммерции! А лично для меня — это почти губительно! Негодяй так быстро завладел моими средствами и так глубоко втянул в свои дела, что, случись с ним какая-нибудь беда, все мои денежки вместе с заманчивыми надеждами уйдут в неведомые воды. Ибо этот человек не будет ожидать, пока шериф положит руку ему на плечо! На своем дьявольском «Окрыленном», который я сам помог ему создать, он примет бой со всем британским флотом. Какая польза в том, что он в конце концов очутится на дне? Вместе с ним туда же погрузятся и мои шесть тысяч фунтов!»

Два дня спустя, под вечер, шхуна «Глория» осторожно подошла к устью Куарры. Величественная река спокойно катила в океан свои желтоватые волны. По четырнадцати рукавам Масляных рек они врывались в зеленую морскую гладь, и мутно-коричневые полосы пресной речной воды на протяжении многих миль резко отделялись от вод океана.

Туземный лоцман, посланец негритянского вельможи Эзомо-Ишана, уже стоял на капитанском мостике. Это был татуированный негр из племени кру. Он указывал путь к одному из пустынных рукавов дельты... С наступлением темноты из этого рукава навстречу шхуне вышла большая туземная ладья с двадцатью гребцами. Под покровом тропической ночи ладья приблизилась к шхуне, взяла ее на буксир и бесшумно повела «Глорию» к дельте... Весь экипаж шхуны с карабинами наготове притаился у фальшборта. Джозеф Лорн, держа в каждой руке по пистолету, наблюдал за туземцами в ладье.

Паттерсон слонялся по палубе, мучительно ожидая дальнейших событий. Тихие всплески весел, однослож-

ные слова команд, произносимых шепотом, отдаленные крики каких-то ночных птиц на берегу — все эти звуки казались ему зловещими. Где-то далеко на берегу мерцали огоньки — должно быть, туземные рыбаки разводили костры, но судостроителю мерещились за этими слабыми огоньками злобные враги, в чью ловушку он неминуемо должен был угодить... Грелли тихо окликнул с мостика своего компаньона.

— Вон там, — указал он рукой направление на самый западный из рукавов дельты, — совсем недалеко, в сотне миль от нас, находится столица Эдо — Великий Бенин. Небось какой-нибудь ученый-географ позавидовал бы вам, мистер Паттерсон! Быть в такой близости от заповедного царства! Может, и вы втайне мечтаете предстать завтра перед лицом его царского величества — оббы? Клянусь всеми богами Эдо, он приготовил бы вам веселую встречу!

Паттерсон хотел выругаться и не успел: с мостика, к ужасу мирного бультонского джентльмена, внезапно раздался отвратительный, захлебывающийся хохот. Это негр-лоцман весьма искусно воспроизвел ночной крик гиены. Не успел Паттерсон опомниться, как с берега, уже близкого, раздался ответный хохот гиены. Это был сигнал затаившихся в береговой засаде тайных охранителей экспедиции. Он означал, что вверх по реке путь свободен.

Утром судно поднялось уже на десять миль вверх по реке. В болотистой низменности, где суша зелеными языками вдавалась в широко разлившуюся водную гладь, среди зарослей мангровых лесов и непроходимой чащи ярко-зеленых прибрежных папоротников, хвощей и тростников гнездились тысячи птиц. Казалось, что корабль достиг столицы царства пернатых. Пеликаны, аисты, цапли, чайки, фламинго, бакланы, множество крылатых хищников тучами носились в воздухе, плавали у берегов или неподвижно стояли у самой воды. Путешественники разглядели, как с зеленой косы бросился с берега в воду, спугнув каких-то белых птиц, крупный гиппопотам. Грузное животное, окунувшись в воду, долго не показывалось вовсе. Затем из воды вынырнула только огромная, похожая на гитару голова с розовыми ноздрями и выпуклыми полузакрытыми глазами. Гиппопотам зевнул, широко раскрыв чудовищную пасть, и не обратил никакого внимания на

судно, проплывавшее от него на расстоянии полукабельтова.

Наконец в подзорные трубы, переходившие из рук в руки, путешественники увидели деревни, раскинувшиеся по обеим сторонам реки, в глуши бесчисленных протоков Куарры.

Среди круглых тростниковых хижин с желтыми кровлями из маисовой соломы виднелись и довольно сложные сооружения из глины и камня. Несколько полуразрушенных домиков европейской постройки, очевидно, принадлежали когда-то португальской фактории и миссионерам. Поселки терялись в густой, непривычно яркой для глаз европейцев прибрежной зелени. Позади поселков виднелись небольшие клочки возделанной земли — поля с весенними всходами маиса, ямса и маниоки[1]. На песчаных участках у берега масличные пальмы поднимали к небу свои вечнозеленые кроны. Около пальм у хижин кучами валялась скорлупа от орехов.

3

Судно двигалось в чернильной темноте влажной тропической ночи. На носу и на корме корабля горели фонари. Их свет выхватывал из мрака несколько ярдов черной, как омут, воды, фигуру матроса, промерявшего шестом глубину фарватера, и призрачные рои ночных мотыльков, круживших около огней.

Крупные, яркие, словно мохнатые, звезды величаво и загадочно мерцали в иссиня-черной мгле. Где-то на берегу кричала выпь. Вой шакалов то доносился ближе, то пропадал вдали. Откуда-то из глубины чащи ему вторили гиены. Царил глубокий мрак, луна еще не вставала. Влажная духота напоминала воздух в оранжерее.

Паттерсона охватила жуть. Он достал сигару и хотел закурить, но вспомнил, что огня у него нет. В темноте он сделал несколько шагов и почти наткнулся на Грелли и Джозефа Лорна. Они разговаривали вполголоса, стоя у грот-мачты, и не слышали шагов судостроителя.

---

[1] Маис — одна из разновидностей кукурузы; ямс — клубневидное растение, напоминает картофель; маниока — тропическая сельскохозяйственная культура, из клубневидных корней которой приготовляют крупу тапиоку.

Трубка в руках Грелли чертила в темноте огненные зигзаги и рассыпала искры. Паттерсон прислушался к словам лжевиконта.

— Кой черт! Мне достался от этих олухов Райлендов забытый титул и нищее поместье. Милордом меня величали только собственные слуги! А соседи на первых порах и «сэром»-то называли меня сквозь зубы! Ничего, они еще поползут на брюхе перед виконтом Ченсфильдом, когда я стану пэром Англии, черт меня побери совсем! Это даст власть, это откроет дорогу в правительство, к сундукам этих торгашей и промышленников.

— Не высоко ли метишь, Джакомо? Смотри не сорвись, — услышал Паттерсон голос Лорна. — Ты рановато сбросил со счетов т о г о, на острове. Он готов к отчаянной войне с тобой.

— Чепуха, Джузеппе. Или я сделаю его сговорчивым, или... весь экипаж будет охотиться за «прокаженным» на острове. Такая война не может быть слишком долгой.

— Он знает остров лучше, чем ты свой Ченсфильд.

— Допустим, неделю, месяц они продержатся, ухлопают у меня пару матросов. Все равно я сверну им шеи, и тогда... можно будет вздохнуть свободнее и уже не опасаться разоблачения! Говорю тебе: мне нужно пэрское кресло, каррамба!

— Хватит с тебя и твоего виконтства. Ведь ты — уже лорд, черт возьми! По мне — все это чепуха! Лорды, пэры... Не понимаю я твоих планов, Давай потолкуем лучше о деле. Какого черта ты затащил сюда Паттерсона? Ты хочешь послать его в Америку?

— Паттерсона я сначала хотел послать с вами в Америку, но, пожалуй, на острове он будет мне нужнее. Руководить экспедицией в Америку придется Мак-Райлю и тебе, мой старый Джузеппе. Я не могу доверить продажу товара моим капитанам. Они неплохие моряки, но там понадобится хватка торговца. Мои условия: выручить по сорок фунтов за голову. Если сумеете поднять цену — излишки тебе и Маку. Я давно знаю Мак-Райля. Это ловкая лиса, он ухитрялся обманывать даже Бернардито. Тебе придется смотреть ему на пальцы, Джузеппе! Деньги ты доставишь мне в Бультон и сдашь в банк Ленди. Пять процентов от всей доставленной суммы я отдам тебе. Идет?

— Это собачья задача, Джакомо.

— Не называй меня прежним именем, Джузеппе. Почему ты колеблешься?

— Во-первых, у нас еще нет на борту чернокожих; мы делим шкуру неубитого медведя, сидя в его берлоге и находясь у него в лапах. Во-вторых, сдается мне, что ты назначил слишком высокую оптовую цену. Сахарным плантаторам на Ямайке или на Кубе дешевле брать малайцев с тихоокеанских островов.

— Негры стоят дороже! Они легко привыкают к работе и не так быстро дохнут, как индейцы или малайцы. У Мака есть приятели-перекупщики на невольничьих рынках Луизианы и Виргинии. Там обеспечен хороший сбыт всей партии. Ты продашь их по полсотне соверенов за штуку, слышишь?

— Женщины и подростки идут дешевле, хозяин.

— Плантаторы берут всех. Там, где растет хлопок, и пятилетний детеныш — работник. Тебя ли мне учить, Джузеппе? У красивых матерей ты отберешь грудных детей и продашь красавиц втрое дороже, на них покупатели есть во всех частях света. А детвору ты отдашь некрасивым самкам и сбудешь их плантаторам со всеми детенышами: на больших плантациях их охотно берут с приплодом на вырост. Но цены не сбивай! Если, сверх ожидания, мелочь не найдет сбыта, лучше утопи ее, только не спускай за бесценок — это вредит торговле. Пока у нас еще нет своего укромного местечка, возиться с мелочью невыгодно. Потом-то я устрою на нашем острове целый питомник... Мы заведем там свои плантации и одновременно будем разводить товар для продажи, потому что ловля чернокожих или покупка их у князьков, чем дальше, тем становится труднее и дороже.

Следующего вопроса Лорна Паттерсон не разобрал, но понял, что речь идет о нем самом. Грелли размышлял несколько минут, пока Лорн раскуривал трубку. Вспышка огня озарила густые брови Лорна, бронзовое немолодое лицо, жесткие волосы и белый шрам, наискось пересекающий лоб этого моряка.

Наконец Грелли заговорил:

— Видишь ли, Паттерсон не из нашего теста, но он тоже делец. Со временем он привыкнет. Сейчас я тащу его с собой, чтобы он просто пригляделся к делу. Может быть, его верфь войдет когда-нибудь в мою компанию, но пока мне это не нужно. Дело в том, что в сво-

ей игре он поставил на меня, и, черт побери, на моем номере он должен выиграть. Мне нужны союзники! Посмотрел бы ты, как он отстегал этого молокососа Томпсона!

Сообщники помолчали. Паттерсон боялся вздохнуть и пошевелиться.

— Послушай, Джакомо, меня не было в Бультоне, когда Фернандо обстриг Мак-Райля. Как случилось, что твои люди проглядели это?

— Я понадеялся на Вудро Крейга. Но Фернандо ловко маскировался и не попался на глаза ни одному шпиону Вудро. Сначала Фернандо снимал номер в «Белом медведе» с каким-то проповедником Элиотом Меджерсоном. Потом он поселился в частном доме под именем Роджерса. Овладев алмазом, он ускользнул... Скажи, Джузеппе, а ты знал, что камень находится у Мака?

— Вудро говорил, что он по дешевке сбыл камень Мак-Райлю, но я не очень-то верил...

— Почему большой камень достался тогда Вудро, а не тебе? — помолчав, спросил Грелли.

— Когда Бернардито нас высадил, мы с Вудро никуда не годились. Я очнулся уже на берегу. Утром всех нас приютил один рыбак. Вудро был совсем плох, у него картечью перебило кости на обеих ногах. Кое-как мы дотащились до какой-то бухты, где стояло французское судно. Ночью, на берегу, мы втроем — Вудро, Рой и я — решили покончить с Фернандо Диасом. Вудро притворился, что потерял сознание, а мы с Роем прикинулись спящими. Фернандо все время держался настороже, но тут задремал. Вудро стал его душить, Рой помогал. Фернандо уже хрипел, но тут Вудро нащупал у него на груди мешочек с двумя камнями и сорвал его. Пока мы рассматривали камни, Фернандо очнулся. Завязалась драка. Фернандо оглушил Роя, а мне рассек лоб ножом. Я выстрелил из пистолета почти в упор, пуля сорвала ему палец на левой руке, но преследовать его мы не смогли, Фернандо ушел живым. Утром французское судно приняло нас на борт, и корабельный врач отрезал Вудро обе ступни. На корабле мы бросили жребий: голубой алмаз достался пополам Вудро и Рою, а малый алмаз — мне. Вудро напоил Роя, и тот уступил ему свою половину «голубого камня» за несколько старинных испанских дублонов. Расстались мы в Марселе... Свой камень я продал и долечивался

в Италии. А потом ты, Джакомо, начал собирать нас в Бультон. Первым обосновался там Вудро...

— Да, я встретил его в Плимуте, когда прибыл на «Крестоносце» в Англию, и тогда же посоветовал ему держаться поближе ко мне. В Бультоне он купил таверну, и мы с ним начали разыскивать своих: Мак-Райля, тебя, мой Джузеппе, Роя... Этот еще в Марселе попал в тюрьму, пришлось его выручать...

— Послушай, но как же Фернандо разнюхал, что Вудро продал камень Маку?

— Это меня и встревожило! Я стал опасаться, что Фернандо нащупал след всей партии камней, которую мы тогда решили продать голландским ростовщикам. Но, как видишь, все обошлось: ты благополучно сбыл партию. Однако Диас что-то знает... Какая-то бестия предала нас... Я подозреваю, что контора Томпсона ведет двойную игру со мной. Вудро, например, божится, что «Роджерс», то есть переодетый Фернандо, дважды посещал квартиру старого Томпсона.

— Зачем же ты взял его сына с собой в это плавание?

— Мне удобнее наблюдать за ним на борту. Юрист в экспедиции нужен, притом юрист с хорошей репутацией. Не беспокойся, он станет у меня ручным, как собачонка, или же никогда не вернется в Бультон. С его помощью мне будет легче разделаться с Эмили и с тем, на острове, если...

Грелли понизил голос до шепота, и Паттерсон не смог разобрать конца фразы. Ему стало страшно. Словно в ответ на его невеселые мысли, где-то совсем близко завыла и захохотала, захлебываясь бабьим, истерическим рыданием, полосатая гиена.

Владелец бультонской верфи ощупью добрался до каюты и, заткнув уши, съежился в плетеной качалке.

4

На рассвете «Глория» оказалась в нескольких милях от места стоянки «Доротеи». Ветер усилился, и еще до наступления полудня обе шхуны, некогда выстроенные в одном доке, снова стали борт о борт в экзотических водах Куарры.

Грелли, Паттерсон, капитан Вильсон и Джозеф Лорн отправились завтракать к капитану «Доротеи».

Долговязый, болезненного вида капитан Хетчинсон сообщил гостям последние новости:

— Все идет хорошо, господа. Вы прибыли в самый раз. Наш сиятельный черномазый клиент Эзомо-Ишан с нетерпением ожидает оружия. Вчера от него были посланцы. Партия черного товара должна спуститься вниз по Куарре на трех больших плотах. Как обстоит дело с обещанным ему оружием?

— Оно находится в трюме «Глории». Одновременно с погрузкой негров на борт обеих шхун мы перенесем оружие на плоты и передадим их нашему почтенному Эзомо-Ишану перед тем, как шхуна выйдет в открытое море... Сколько на каждом плоту... штук?

— Около двухсот. «Глория» примет триста пятьдесят, а «Доротея» — двести пятьдесят. Дополнительно можем принять еще штук двести. Будет тесновато, но создавать комфорт этим пассажирам компания не обязывалась! — Мистер Хетчинсон хихикнул.

Лицо Грелли светилось торжеством:

— Когда первый выстрел попадает в цель, охота всегда бывает удачной! Покамест шестьсот штук... Из них дойдут до Америки штук пятьсот. За вычетом расходов я считаю обеспеченными десять-двенадцать, даже пятнадцать тысяч фунтов выручки чистоганом! Мистер Хетчинсон, когда вы ожидаете прибытия плотов сюда, к месту стоянки «Доротеи»?

— Ждем через неделю, но готовы к погрузке хоть завтра. О'Хири с ребятами сам поднялся вверх по реке и принимал партию в Локодже, за триста или четыреста миль отсюда. Сейчас они, вероятно, уже в пути, в сопровождении наших ребят на шлюпках. Идти, конечно, им приходится с осторожностью, главным образом, ночью. Впрочем, ближе к устью река достаточно широка, груз не бросается в глаза с берегов.

— Превосходно, джентльмены! Мистер Паттерсон, нам придется поработать, чтобы довести операцию до конца. Бенинских воинов оббы, слава богу, не видно. Эзомо-Ишан провел нас сюда весьма осмотрительно. Обстановка благоприятна, но действовать нужно не медля ни минуты — не забывайте, где мы находимся! Вильсон, сейчас же приготовьте шлюпку! Мы с мистером Паттерсоном и Лорном выйдем на ней навстречу плотам. До заката успеем отдохнуть.

Вечером два сенегальских негра снесли в большую шлюпку ружья, снаряжение и припасы. Экипаж обеих

шхун, собравшийся на корме «Глории» и «Доротеи», провожал охотников.

Оставляя на реке, озаренной последними лучами заката, две длинные расходящиеся борозды, шлюпка быстро пошла вверх по течению. Следы ее долго держались на оранжевой, зеркально-тихой глади реки.

В царившем кругом безмолвии было слышно, как мелкая волна, поднятая четырьмя парами весел, заплескалась у бортов «Глории» и достигла наконец берега, где, чуть потревоженные ею, качнулись и зашелестели листья царственно прекрасных белых лотосов.

В шлюпке было восемь человек. Грелли, в высоких сапогах и просторной блузе, заправленной в шаровары, стоял на носу, уперев руки в бока. Двуствольный штуцер крупного калибра, работы славного лондонского оружейника, лежал перед ним на носовой банке. Пара пистолетов торчала из-за пояса.

Упираясь коленями в шлюпочный борт, юный Антони готовил заряды для своего господина. На подостланном куске парусины Антони разложил полые медные трубки диаметром около полудюйма и длиною дюйма в три. Юноша набирал порох небольшой меркой и пересыпал его в одну половину трубки. Заткнув отверстие толстым промасленным пыжом из верблюжьей шерсти, он в другую половинку трубки всыпал дробь или вкладывал пулю и тоже забивал пыжом. Таким образом снаряженный патрон вставлялся в гнездо кожаного пояса.

На охоте Антони с изумительной быстротой успевал перезаряжать хозяйское ружье, и Грелли поэтому решил взять юношу в эту поездку.

На корме сидел мистер Паттерсон, в плаще и широкополой шляпе, купленной им еще в Марокко. В руках он держал ружье и полагал, что имеет весьма воинственный вид.

Рядом с ним, высоко подняв колени, правил рулем и курил трубку сумрачный Джозеф Лорн. Приглядевшись к нему пристальнее, Паттерсон убедился, что мистер Лорн — конечно, не «Джозеф», а Джузеппе: черные глаза, смуглая кожа, чуть курчавые, сильно поседевшие жесткие волосы выдавали в этом человеке южанина, итальянца.

Сидя в затылок друг другу, четыре гребца наклонялись и двигались как один человек. На передних банках гребли два матроса-европейца. Позади них, орудуя

веслами с такой легкостью, точно они были сделаны из тростника, сидели два негра-сенегальца, принятые на борт «Ориона» в Марокко, — существа неутомимые, молчаливые и свирепые. Когда коричневые от загара шеи матросов уже покрылись испариной и дыхание их участилось, кожа негров оставалась такой же матово лоснящейся, какой была в начале пути.

Первую ночь экспедиция двигалась почти безостановочно. Только в самые жаркие часы следующего дня Грелли разрешил короткий отдых в мангровых зарослях у берега. Лодка шла то у самого берега, маскируясь кустами, то пересекала фарватер, сокращая расстояние на перекатах. К концу первых суток между шхунами и шлюпкой легло уже двадцать пять — тридцать миль.

Пришлось позаботиться о первом ночлеге на берегу. По знаку Грелли гребцы подвели шлюпку к песчаной косе. С этого места открывался широкий вид на верхнее течение реки. Однако шесть длинных, неподвижно вытянувшихся на песке крокодилов не проявили никакого желания потесниться или уступить свое место путешественникам.

Грелли прицелился в ближайшего из пистолета, но один из негров испустил предостерегающий крик и, бросив весла, вцепился руками в борта. Паттерсону тоже показалось не особенно желательным тревожить этих животных, и он попросил выбрать другое место для стоянки. Пришлось подняться еще на одну милю выше, где в пределы суши вдавалась небольшая заводь, заросшая водяными растениями и окруженная причудливым мангровым лесом. За мангровыми деревьями, уходившими корнями в воду, простиралась з' леная, поросшая папоротниками болотистая полян которая, сужаясь, переходила в едва заметную тро

Местность здесь была слегка холмистой, на гор зонте виднелись невысокие горы, до самых вершин п крытые лесом. С ближайших к воде деревьев можно бы ло обозревать реку на милю вверх и вниз по течению.

Лодка вошла в заводь и едва не застряла среди гигантских плоских листьев водяных растений, способных выдерживать на себе тяжесть пятилетнего ребенка. Края этих листьев загибались вверх, образуя как бы гофрированный борт вокруг всего листа. Ближе к берегу, среди высоких тростников и осоки, покачивались на потревоженной воде цветы белых лилий. Наконец пут-

ники добрались до вязкого берега, согнав с него десяток змей, убравшихся в густую осоку.

Поодаль, словно лесной царь, виднелось исполинское дерево бомбакс[1]. Оно разрослось на невысоком холме и вместе со своими побегами издали казалось целой фантастической рощей.

Когда путешественники вышли на сушу, они разглядели на болотистой почве поляны и вдоль илистого русла пересохшего ручейка много следов животных — кабанов, коз и буйволов. Лодка, по-видимому, пристала к месту водопоя диких обитателей чащи.

Для ночлега Грелли выбрал исполинский бомбакс. Это дерево оказалось толщиною в четыре обхвата, возвышаясь метров на двадцать над землей. Ветви толщиною с человеческое тело простирались во все стороны, образуя шатер тени на сорок метров в поперечнике. К стволу и побегам ветвей тянулись с земли лианы, покрытые нежными, маленькими цветами. Казалось, что огромное дерево, подобно многорукому лесному старцу, опирается на множество узловатых палок.

Паттерсон, вконец измученный бессонной предыдущей ночью, жарой и путешествием в шлюпке, едва ступив на траву, бросил на нее плащ и одеяло и, растянувшись на них, мгновенно заснул, пока остальные хлопотали над устройством лагеря.

Взобравшись с топором на дерево, матросы устроили для Грелли и Паттерсона небольшой помост. Всем остальным они приготовили места для ночлега на нижних ветвях дерева, в сплетениях лиан.

Окончив приготовление воздушной спальной, Грелли и матросы спрятали шлюпку в зарослях, перенесли из нее припасы и оружие на дерево и затем безуспешно попытались разбудить разоспавшегося Паттерсона. Он промычал что-то невнятное и, укрыв плащом голову от москитов, перевернулся на другой бок.

В стороне, у песчаного подножия холма, затрещал костер. Вскоре ужин поспел, но и запахи, распространяемые кухней, не смогли разбудить Паттерсона. Наконец, оставив Антони караулить лагерь и спящего джентльмена, Грелли, Лорн, оба сенегальца и матросы взяли ружья и отправились на охоту.

Солнце стояло уже низко над рекой и лесами. Воздух загудел от мириадов насекомых. Становилось очень

[1] Бомбакс — дерево типа баобаба.

сыро. Измученный Паттерсон спал с открытым ртом и раскинутыми руками. Антони защитил его сеткой от москитов и оглянулся.

Никогда еще он не был в таком лесу. Среди густо разросшихся хвощей высились пальмы раффии, похожие на огромные папоротники. Дальше от реки вздымались из лесных зарослей прямые, как мачты, тонкие и гладкие, будто отшлифованные, стволы красного и копалового деревьев. Их драгоценная древесина, твердая, как камень, по-видимому, шла на поделки туземцев, потому что ближе к воде виднелось несколько свежих пней.

В глубине леса могучие кроны деревьев переплетались между собою. Ни одного сучка не было на стволах этих деревьев до самой вершины. Лес казался ненастоящим и населенным такими же сказочными животными, какими были эти сказочные деревья.

Становилось все холоднее. Юноша уже начал было дремать, но изо всех сил боролся со сном, помня наставления Грелли.

Чтобы стряхнуть дремоту, Антони решил изготовить смоляной факел, как советовал ему хозяин. Намотав на палку пучок пакли, он густо напитал его смолой из бадьи, найденной в шлюпочной корме; она предназначалась для осмолки бортов. Готовый факел Антони положил на ветвь дерева, выбранную им для ночлега; затем он пошевелил костер и подбросил в огонь свежих ветвей.

Больше делать было решительно нечего, и Антони уселся около спящего, обхватив колени руками. Глаза слипались, мысли текли медленнее, повторялись и расплывались. Наконец голова юноши склонилась, и дремота одолела его. Теперь на поляне у заводи спало уже два человека.

Так прошло больше часа. Выпала сильная роса, лесную чащу окутал мрак, и только красные угли костра, чуть потрескивая, тлели в темноте да по черным обгорелым головешкам перебегали синие язычки.

Внезапно Антони вздрогнул и сразу отрезвел от сна. Далеко, не ближе чем в двух милях, послышался глухой выстрел, затем треск, будто сломалось и упало дерево. В полной темноте юноша взвел курок и ощупал замок своего ружья.

По какому-то необъяснимому предчувствию опасности Паттерсон, которого не могли до того разбудить ни

толчки, ни окрики, тоже мгновенно пробудился и сел, озираясь вокруг. В тот же момент до него и Антони донесся сильный треск ветвей и сучьев. Где-то близко со свистом ломались и падали стволы мелких деревьев, чавкала вода в болотцах. Земля загудела от грозного топота, и на поляну вылетело какое-то громадное животное.

В отуманенном сознании Паттерсона этот миг ярко запечатлелся на всю его жизнь. Прямо перед ним в мерцающем свете костра возникла из расступившейся чащи леса тупая, опущенная к земле уродливая морда с крошечными, широко расставленными глазами и торчащим на носу рогом. В следующий миг рядом с Паттерсоном сверкнул длинный язык огня и ухнул выстрел. Это Антони почти в упор послал заряд в голову носорога. Огромный зверь взметнулся на бегу вверх, вскинул голову и свалился на бок, не добежав до берега. Земля дрогнула от падения тяжелого тела, а юный стрелок, охваченный страхом и не успев даже разобрать результаты своего удачного выстрела, уронил ружье и опрометью бросился бежать к лесу.

Навстречу ему по звериной тропе, тяжело дыша, шел Грелли и остальные охотники. Когда они приблизились к туше убитого носорога, Паттерсон, шатаясь, встал на ноги и с чувством пожал руку шестнадцатилетнему груму из Ченсфильда.

Охотники осмотрели носорога. Голова его, вся в складках и буграх, была залита кровью, пуля юноши развороти́ла зверю мозг. Два рога на морде были тверды, как слоновая кость, и походили на уродливые лишаи или наросты на дереве. Толстая складчатая кожа была почти непроницаема для пуль. Выстрел Антони оказался необычайно удачным: промедли он еще мгновение — и Паттерсон был бы неминуемо раздавлен грузным животным.

Узкий серп ущербной луны показался над рекой. На воде задрожала длинная серебряная дорога. Тишина объяла леса и воды. Одни цикады неумолчно звенели.

Грелли, обняв юношу за плечи, повел его к дереву. Охотники взобрались на помост, и лишь теперь Паттерсон смог оценить эту предосторожность.

Влажный туман и ядовитые испарения поднимались от прибрежных тростников и гигантских папоротников. Трава у берега шелестела, и казалось, что она кишит

змеями. В свете луны туша носорога отчетливо выделялась на земле.

Внезапно от зарослей вылетели на поляну легкие серые тени. Трудно было представить себе, что этих животных носят ноги, а не крылья, так воздушно легка была их скользящая, крадущаяся поступь. Издав короткий, захлебывающийся вой, они в одно мгновение пронеслись по поляне и скрылись подобно привидениям: это были шакалы, зачуявшие добычу. Вскоре их вой и плач раздались с двух сторон, и уже две стаи этих трусливых хищников появились из леса. Они подняли грызню у тела носорога, и через полчаса их было десятка два на поляне.

Еще две крадущиеся, более крупные тени вышли из чащи. Они плелись к туше носорога с низко опущенными головами, поджимая куцые хвосты.

Паттерсон, сидя на помосте рядом с Грелли, наблюдал с содроганием, как оба хищника принялись раздирать внутренности убитого зверя. Это были полосатые гиены. Их отвратительные головы со злыми круглыми, близко посаженными глазами походили и на собачьи и на свиные. Подняв измазанную в крови морду, одна из гиен потянула воздух. Шерсть поднялась у нее на загривке. Шакалы тоже насторожились и вдруг стремительно пустились наутек. За ними последовали и гиены.

В следующее мгновение хриплое мяуканье раздалось в лесной чаще.

Какое-то длинное гибкое тело скользнуло с ближайшего дерева к туше, и Паттерсон отчетливо разглядел крупного леопарда, вскочившего на спину носорога. Хвост пятнистого хищника извивался и бил по коже носорога, как хлыст. Леопард поднял голову и зарычал. Грелли положил ствол своего тяжелого ружья на сплетение ветвей, прицелился и выстрелил.

Сноп огня ослепил Паттерсона. Помост сильно тряхнуло, послышался отчаянный крик. В тот же миг вспыхнул смоляной факел Антони, и Паттерсон, нагнувшись, разглядел под деревом извивающееся тело леопарда; зверь терзал на земле, под деревом, одного из сенегальцев. Оказалось, что леопард, раненный пулей Грелли, метнулся после выстрела к дереву с людьми. Прыгнув на негра, который устроился на одной из нижних ветвей, леопард не удержался и падая, увлек свою жертву вниз.

Антони, низко наклонившись со своей ветви, размахивал горящим факелом. Грелли выстрелил из второго ствола, но промахнулся. Антони, не ожидавший выстрела, вздрогнул, сделал неверное движение и, сорвавшись с ветви, упал к корням дерева, рядом с хищником. Факел покатился в сторону, горящая смола потекла по земле.

Бросив истерзанного негра, леопард отпрянул в сторону от полыхающего огня. Залитый кровью негр вскочил на ноги и побежал. Едва лишь Антони успел приподняться, хищник ринулся на юношу и повалил его.

Грелли мгновенно спрыгнул с помоста. В руке у него сверкнул кинжал. Он нанес удар прямо под лопатку зверя и, навалившись на хищника, оттащил его от тела юноши. Кинжал, погруженный по самую рукоять между ребрами зверя, так и остался в ране.

Животное уже издыхало, но Грелли, измазанный в крови и сам похожий на дикого зверя из лесной чащи, продолжал душить леопарда своими железными руками. Хвост леопарда еще раз судорожно ударил по земле, лапы его сделали несколько конвульсивных движений, изодравших одежду Грелли в клочья, и зверь затих.

Антони, почувствовав свободу, сел. На лбу, груди и плечах юноши леопард целыми полосами содрал кожу. Глубокая рана, нанесенная зубами зверя, зияла на левой руке.

Грелли пытался подняться, но зашатался и упал на колени. Его руки и грудь тоже должны были навеки сохранить следы единоборства с грозным хищником, название которого так много лет было неразрывно связано с именем Грелли.

Никто из участников экспедиции уже не смог заснуть до утра. Израненного юношу Грелли заботливо перевязал и уложил на помосте рядом с собою. Джозеф Лорн перевязал самого Грелли.

Сенегалец Али спустился с дерева, взял головню из костра и, осмотрев убитого зверя, опалил ему усы.

— Иначе дух этого леопарда будет всю жизнь тревожить тебя по ночам, — пояснил он Грелли.

«Ну, для синьора Джакомо это еще небольшая беда!» — подумал Паттерсон.

На небе уже исчезли мелкие звезды, только редкие светила утренних созвездий еще мигали в глубокой синеве; над рекой быстро разлилась оранжевая африкан-

ская заря, птицы загомонили, и ветерок зашелестел в кронах леса. Рассвет длился несколько минут — и безоблачный день пришел на смену ночным страхам и мраку.

Бледный Паттерсон спустился с дерева совершенно уверенный, что Грелли скомандует возвращение на «Глорию». Но глава экспедиции еще спал на своем помосте рядом с забинтованным Антони. Паттерсон с нетерпением ожидал, когда проснется Грелли; судостроителю хотелось поскорее вернуться к шхунам, туда, где были мягкие постели и не было ни носорогов, ни леопардов.

Однако пробуждение руководителя экспедиции принесло почтенному бультонскому джентльмену горькое разочарование.

5

Грелли был страшен, когда, спустившись с дерева, он предстал перед остальными охотниками, уже сидевшими у костра за завтраком.

Один глаз его почти закрылся от кровоподтека. Кровь запеклась в волосах. Повязки на теле сбились в сторону, обнажив глубокие рубцы и царапины. Здоровый глаз сердито сверкал из-под жестких бровей. Он пнул ногой убитого леопарда и пошел к ручью умыться.

Завтрак прошел в молчании. Матросы нарезали ломтями мясо носорога и изжарили его. Оно оказалось сочным и напоминало свинину. Затем, к большому огорчению Паттерсона, Грелли приказал побыстрее собираться в дальнейший путь.

У Антони начался жар. Грелли приказал уложить юношу на корме, на связке одеял. Вдоль борта была развешена свежеснятая леопардовая шкура. Молча гребцы заняли свои места. Джозеф Лорн заменил на веслах тяжело раненного негра-сенегальца, который к утру потерял сознание. Его оставили лежать в кустах на месте первого ночлега экспедиции. Перед тем как сесть в шлюпку, Джозеф Лорн вернулся к этим кустам. Через минуту оттуда раздался негромкий пистолетный выстрел... и мистер Лорн вышел из кустарника. Путешествие продолжалось.

Следующая ночь, проведенная на берегу, прошла без приключений. Привал устроили в устье каменистой долины, где путники раскинули палатку, поддерживая

рядом с нею огонек костра. Грелли, опасавшийся лихорадки, приказал всем своим спутникам каждый вечер выпивать стакан виски с хиной. На привале путешественников настигла первая тропическая гроза. Она смутила даже самого начальника партии: небо беспрерывно полосовали белые, оранжевые и ярко-красные молнии, а тропический ливень чуть не смыл палатку...

Еще трое суток шлюпка поднималась вверх по Куарре. Экспедиция миновала несколько больших негритянских селений. Мимо них шлюпка кралась ночью, по середине реки. Изредка попадались встречные туземные ладьи. Можно было разобрать в трубу, что они гружены глиняными сосудами, очевидно, с пальмовым маслом. На старицах и в болотах близ главного русла охотники поднимали много уток и чибисов. В лесах ворковали голуби. Однажды во время вечернего привала, углубившись в лес и перевалив через гряду холмов, путники пересекли слоновью тропу и услышали вдали трубный рев вожака слоновьего стада.

Антони уже поправился и участвовал в небольших охотничьих вылазках. Во время одной из них он наткнулся на высокое сооружение термитов и показал его остальным охотникам. Термитник — жилище африканских крылатых муравьев — оказался раза в два выше человеческого роста, напоминал формой утес или пористую скалу, словно высеченную из окаменевшей губки.

Вечером, на четвертые сутки плавания, путники заметили недалеко от берега полоски красноватой возделанной земли и небольшой поселок. Десятка два круглых конусообразных хижин окружали небольшую площадку с длинным строением посередине. Поселок был обнесен колючей изгородью. Загон для скота, где паслись козы, охраняли два подростка. У болотистой речки, впадавшей в Куарру, лежали в грязи буйволы. На прибрежной поляне бродили три-четыре стреноженные лошади, походившие на берберийских. Скота было мало. Губительная болезнь, разносимая ядовитой мухой цеце, уничтожала здешний домашний скот. Выживали только самые устойчивые особи, поколения которых выработали невосприимчивость к укусу мухи.

Лодка подошла к берегу поздно вечером и осталась незамеченной. Все население поселка уже закончило дневные работы и мирно отдыхало в хижинах.

Грелли оживился, даже повеселел. «Дичь», о кото-

рой так много думал работорговец, была перед ним. Правда, открытый разбой был опасен, но близость кораблей, готовых к приему «товара», мирный вид поселка и расчет на внезапность нападения побуждали пирата отважиться на эту охоту, обещавшую большой барыш.

У него было мало людей. Антони еще молод и слаб после ранений, Паттерсон — не боец и вдобавок совершенно «раскис»; оставалось всего пятеро, из которых один — негр.

Тем не менее, еще не имея никакого плана, Грелли старательно укрыл шлюпку в кустах, замаскировал место привала под раскидистым деревом пальмы раффии в лесу и не разрешил разводить огонь. Оставив Антони и Паттерсона караулить лодку, Грелли и его спутники с оружием в руках подкрались к опушке. Тихо, чтобы не встревожить собак, охотники за людьми взобрались на высокое дерево, откуда хорошо просматривался поселок.

Судя по всему, здесь жили люди из довольно бедного лесного племени. Было их, вероятно, не более двухсот человек; значит, взрослых мужчин — десятков пять или шесть. Дневная жизнь уже замерла, семьи погружались в сон. Лишь перед одной хижиной две женщины толкли что-то в большой деревянной долбленой ступе. К спине одной из женщин был привязан ребенок. Наконец и они скрылись. Все затихло, и только две темные тени — два сторожа, вооруженных дубинками, — неслышно двигались вдоль плетеной изгороди внутри крааля...

Пока Грелли обдумывал способ нападения, Джозеф Лорн осматривал местность. Вдруг он заметил, что в ближних кустах к ним кто-то крадется. Вглядевшись, он узнал Антони. Через минуту юноша был у дерева и тихо вымолвил:

— Плоты!

Грелли, приказав остальным не покидать засады, неслышно спрыгнул с дерева и отправился вместе с мальчиком к реке. В надвигающихся сумерках он с берега ясно разглядел в подзорную трубу плоты, сопровождаемые шлюпками. На этом расстоянии вся флотилия казалась неподвижной.

— Антони, — проговорил Грелли, не отрывая глаз от окуляра, — возьми лодку, надо встретить плоты как можно выше по течению. Паттерсон поможет тебе

грести. Передай О'Хири, чтобы плоты спустились еще на десяток миль пониже и там причалили к берегу. Их сопровождает десяток лодок. Пусть О'Хири высадится здесь с вооруженными людьми. Скажи О'Хири, что на берегу есть работа... Приведи шлюпки к этому берегу, покажи, где можно незаметно высадиться, и веди ребят прямо к нашей засаде. Сигнал — крик выпи. Паттерсон пусть караулит шлюпки. Как только ты приведешь ко мне О'Хири с людьми, возвращайся к Паттерсону.

Антони бегом бросился к кустарнику. Вдвоем с Паттерсоном они оттолкнули лодку от берега и вывели на фарватер реки. Грелли вернулся к засаде. В лесу уже царил мрак. С северо-запада надвигались грозовые тучи. Повеяло прохладой. Первые зарницы полыхнули над горизонтом. Громовые раскаты, приближаясь, делались все оглушительнее. Так прошел час.

Вдали протяжно заухала выпь. Грелли соскочил с дерева, приложил руки к губам и мастерски издал такой же крик.

Первые редкие капли дождя застучали по тугим пальмовым листьям, и вскоре тропический ливень прямыми, как водопад, струями обрушился на охотников. В кромешной тьме леса, непрерывно озаряемой вспышками молний, Грелли столкнулся под деревом с широкоплечим американцем. Человек протянул ему жесткую, крепкую, как доска, ладонь.

— С приездом, О'Хири! — приветствовал Грелли начальника своей экспедиционной партии. — Все ли благополучно? Сколько вооруженных парней с вами?

— Двадцать. Остальные спустились с плотами ниже. Что вы тут затеваете, мистер Райленд? Проклятая погода!

В коротких словах Грелли объяснил американцу задачу. О'Хири взобрался на дерево вместе со своим патроном и при частых вспышках молнии разглядел поселок. Взглянув на них, Грелли различил разбойничьи лица, заросшие бородами до самых глаз; во тьме холодно поблескивали ружейные стволы, кинжалы и серебряные насечки пистолетных рукояток. О'Хири тронул хозяина за плечо.

— Строение посреди поселка — это храм предков и жилище жреца или старейшины рода, — сказал он. — Вон на столбе висит эроро — ритуальный колокол под деревянным идолом. Идол — это бог Олокун, покровитель морей и рек. Колоколом жрец созывает жителей.

Полагаю, что через него нам и следует действовать. У меня есть негр-переводчик из племени йоруба, понимает по-английски. Хитрейшая бестия, тоже из жрецов, но был изгнан своим племенем за какие-то проделки. Субъект этот теперь готов мстить чернокожим братьям до конца дней своих. Вот, не угодно ли взглянуть на эту черную свинью с ожерельем?

Грелли увидел жирного сутулого старика с короткими пухлыми руками и втянутой в плечи головой. Лоб его охватывал серебряный обруч. Собранные в пучок курчавые волосы были намазаны жиром и заткнуты под обруч. Негр был в тунике, достигавшей ему до колен и перехваченной на плече медной пряжкой. На плечах у него болталась пятнистая шкура пантеры, шею украшало ожерелье из зубов этого зверя. Обут он был в сандалии, в отличие от босых жителей этой местности. Выражение лица, злобное и лукавое, делало его похожим на гиену.

— Зовется Урикон. Служит мне давно отменной собакой по черной дичи. Сейчас я с ним потолкую. Нука, любезный Урикон, поднимись к нам и поклонись хозяину.

Взобравшись на дерево с ловкостью обезьяны, бывший жрец угодливо поцеловал руку Грелли своими толстыми красными губами.

Ливень между тем прекратился, но все небо оставалось обложенным тяжелыми тучами. Стало холоднее. Рассвет был уже недалек. Нужно было действовать быстрее. Пошептавшись с Уриконом, О'Хири посвятил Грелли в свой план и пошел расставлять людей вокруг изгороди. В их обязанность входило убивать каждого туземца, кто попытался бы искать спасения бегством. О'Хири и Грелли считали, что от поселка и его населения не должно остаться после облавы никаких следов.

Вскоре стрелки стояли вдоль всей изгороди.

О'Хири, Урикон и Грелли с его четырьмя охотниками направились прямо к жилищу жреца в середине поселка.

— Мистер Райленд, Урикон спрашивает, не заметили ли вы каких-нибудь свежих охотничьих трофеев у жителей поселка? — осведомился О'Хири.

— Несколько слоновых бивней... Сложены у двух или трех хижин...

— Хорошо! Вы увидите презабавнейшее представление. Это лучший трюк нашего Урикона.

В темноте, под неистовый лай собак, охотники подошли к центру поселка. Внезапно перед ними выросли воинственные фигуры двух сторожей, которых Грелли заприметил еще с дерева. Дубинами они преградили путь охотникам, но Урикон выступил вперед и властно приказал сторожам пасть ниц перед богами грозы, посланцами разгневанных небес.

— Ступайте к колоколу, созывайте жителей на площадь; так приказываю я, жрец богов.

Растерянные сторожа повиновались и, сопровождаемые сенегальцем Али, направились к столбу с колоколом.

Подойдя к жилищу жреца, О'Хири поднял плетеную циновку, прикрывавшую вход, и, пропустив внутрь Урикона и Грелли, вошел в хижину последним, держа за спиною пистолет.

Светильник, наполненный жиром, освещал хижину. На подстилке из звериных шкур спал старик негр, завернувшись в старое шерстяное одеяло. В углу, на подставке, стояла деревянная голова, служившая опорой слоновому бивню, покрытому искусной резьбой. Это был «алтарь предков». Урикон тронул старика за плечо и завыл тонким, пронзительным голосом, сопровождая свои завывания уродливыми корчами, как бесноватый.

Старик вскочил, дико озираясь на пришельцев.

— Вставай, о жрец, и внемли нам, посланцам бога рек и морей Олокуна! — вопил Урикон на межплеменном языке бини. — Внемли нам, вестникам великого горя! Собери свое племя, о жрец, ибо мы пришли возвестить ему скорбь!

Одновременно снаружи, у столба, врытого рядом с хижиной, зазвучали мерные, унылые звуки колокола — эроро.

Поселок ожил. Из-под циновок многих жилищ уже выглядывали головы мужчин. Детский плач раздавался по всему краалю.

Урикон вывел жреца на улицу.

— Кричи громче, о жрец, собирай свой народ, всех, до последнего младенца!

У столба Урикон повторил свои кривляния. Глядя на него, Грелли подумал, что он и впрямь одержим бесом.

— Великая беда, о жители! — исступленно вопил Урикон. — Послушайте своего жреца, который не уберег вас от несчастья! Люди вашего племени убили свя-

щенного слона, сына царя богов Олокуна. У хижины убийцы стоят его священные бивни! Посланцы Олокуна, боги грозы, сами пришли к вам за искупительной жертвой!

Испуганный жрец племени в тон голосу Урикона повторил ту же весть. Теперь у столба в свете разведенного костра кривлялись и плясали уже два жреца.

Во время этого сеанса Урикон успел вполголоса предупредить своего коллегу:

— Знай, жрец, если хоть один человек ускользнет от посланцев богов, великие несчастья падут на твою голову!

Чернокожие люди подходили к огню костра с понурыми головами. Испуганные женщины с детьми на руках и за спинами становились поодаль. За ними прятались голые ребятишки с вытаращенными от любопытства и страха глазами.

— Люди! Приведите сюда ваших охотников за слонами, — приказал Урикон; и, обращаясь к О'Хири и Грелли, Урикон добавил шепотом: — Отводите мужчин-охотников в загон для скота и вяжите. Это самые сильные люди племени.

Вперед один за другим выступали хорошо сложенные, стройные люди. Матросы О'Хири отводили пленников в загон для скота. Здесь пленникам связывали руки и укладывали лицами вниз. Вскоре на мокрой от дождя земле лежали, крепко связанные сыромятными ремнями из буйволовой кожи, человек тридцать. Эта участь постигла и обоих сторожей, у которых сенегалец отобрал дубины.

Цепь стрелков вокруг крааля поредела, так как не пришлось сделать ни одного выстрела: никто из жителей поселка и не пытался спастись бегством от небесных посланцев.

Внезапно катастрофический раскат грома, грохнувший почти одновременно с оранжевой вспышкой молнии, потряс, казалось, землю и воды. Сухое высокое дерево на краю поселка треснуло сверху донизу, словно расколотое топором. Разваливаясь пополам, оно вспыхнуло ярким белым пламенем.

— На колени! — заорал Урикон. — Кто-то из вас замыслил скрыться от карающего бога! Удержите его, удержите, иначе никто не останется в живых!

Но бежать никто и не помышлял. Охваченные ужасом люди племени повалились на колени, положили ла-

дони на землю и уткнули лица в траву между кистями рук.

Грелли, О'Хири и матросы тут же на площади связали руки остальным мужчинам и приказали женщинам нести или вести детей следом за связанными главами семейств. Все племя, как один человек, оказалось за прочной изгородью загона. Вооруженные охотники окружили загон, где нарастал отчаянный плач детей. Стали причитать и женщины. Напуганный скот сгрудился в самом дальнем конце загона.

Грелли с матросами обошли все хижины. Лишь в одной из них они нашли несколько насмерть перепуганных женщин и немедленно присоединили их к остальным пленникам.

Начинался рассвет, багровый и зловещий.

Отобрав десятка три молодых мужчин, О'Хири заставил их под охраной матросов валить деревья на берегу болотистой речки за поселком. Женщины и дети обрубали сучья.

Четыре пары буйволов, подгоняемые погонщиками из числа пленников, оттаскивали бревна к берегу и спускали их на воду лесной речки.

Еще одна группа пленников, под руководством Лорна, вязала плот. К обеду он был готов. Сделанный из бревен, перевитых гибкими растениями, плот свободно мог вместить всех пленников и даже часть скота, запас продовольствия и все слоновые бивни.

Со шлюпок доставили длинные, тридцатиметровые корабельные канаты с приделанными к ним ошейниками, свисавшими через каждые полметра.

Эти канаты с подвесками матросы положили на землю и стали попарно подводить к ним мужчин племени. Под их подбородками защелкнулись металлические застежки ошейников. Люди были «запряжены». В таком же порядке матросы О'Хири «запрягали» все остальные пары. Работа эта велась с поразительной быстротой и сноровкой.

Скоро свободных гнезд на канате не осталось, и четверо матросов, вооруженных пистолетами и ременными бичами, повели первую партию «товара» к берегу Куарры. Только тогда мужчины племени поняли, что они обмануты. Поднялся вой и крик. Однако плети и пистолетные выстрелы быстро восстановили порядок.

Следующее общее ярмо, рассчитанное тоже на ше-

стьдесят пленников, охватило шеи взрослых подростков, женщин и девушек.

В последний канат запрягли сорок женщин и пожилых мужчин, которые показались Грелли еще пригодными в дело. Конец каната со свободными ошейниками, звякая, потащился по земле.

В загоне остались только жрец племени, восемь старух и стариков с беззубыми ртами и глубоко запавшими глазами.

Принесли заступы. Грелли сам вывел стариков из загона и, проводив их до края недавно засеянного маисового поля, приказал им копать длинную, неглубокую яму. Старый жрец, скрестив руки на груди, не взял заступа. Остальные неторопливо принялись рыть.

Не успела еще последняя партия пленников скрыться из виду, как на поле была вырыта яма локтя в два глубиной. Грелли уже вынул из-за пояса пистолет, но обернулся, услышав громкий оклик. Паттерсон, возбужденный и взволнованный, бежал к нему.

— Поразительно, сэр Фредрик! — воскликнул он, подходя к компаньону. — Сто шестьдесят человек! Пятьдесят шесть мужчин, восемьдесят женщин, двадцать четыре подростка и, сверх того, штук двадцать младенцев и маленьких ребятишек! И все это без единого выстрела, гуманно, быстро и безболезненно! Совладать с леопардом было труднее, не правда ли?

Грелли, не ответив, поднял пистолет. Прогремел первый выстрел, и старый жрец с пулей в переносице упал возле готовой могилы. Одна негритянка со сморщенной грудью, испуганная выстрелом, бросила заступ и всплеснула руками.

Загремели выстрелы матросов. Ударами кованых матросских сапог тела жертв были сброшены в яму.

Оторопевший Паттерсон в смущении побрел назад.

Через пять минут поле приняло свой обычный вид и опустело. Лишь свеженасыпанная могила на поле напоминала о пришельцах да столбы пламени подымались над хижинами крааля.

О'Хири велел пригнать на берег часть скота. Оставшиеся козы и буйволицы с блеянием и ревом носились по загону, среди пылающих изгородей и хижин.

Когда солнце склонилось к закату, от деревни остались только груды тлеющих головешек, покрытых серым пеплом. Едкий запах дыма, тлеющей шерсти, горелого мяса долго держался в воздухе.

В наступившей темноте из кустарника выползла на пожарище раненая собака с перебитой спиной. Тяжело волоча задние ноги, дряхлая сука втянула ноздрями воздух, пахнущий гарью, и, задрав голову к луне, завыла пронзительно, высоко и горестно.

6

Матросы спустили плот вниз по лесной речке к месту привала экспедиции на Куарре. Здесь их уже ждали прикованные к канату невольники. Грелли, О'Хири и Лорн внимательно осмотрели «товар» перед погрузкой, пересортировали его и даже прикинули будущую выручку. Наконец невольников погрузили на плот вместе со скотом. «Охотники» расселись по шлюпкам, и флотилия тронулась в путь.

Одна шлюпка шла под самым берегом. О'Хири осматривал с нее прибрежные заросли — искал плоты ушедшей вперед партии. Рядом с ним сидел бледный Антони, потрясенный всем виденным. События этого дня навсегда остались в его памяти черным и страшным пятном...

Перед рассветом следующего дня новый плот присоединился к трем остальным, и вся партия без промедления двинулась вниз по реке.

Края плотов были огорожены плетнями из ветвей и хвороста. С берега невозможно было разглядеть груз, и казалось, что на плотах везут только скот, привязанный к небольшим колышкам.

Еще две короткие остановки понадобились для того, чтобы напоить скот и накормить невольников; каждому в сутки давалась горсть риса, иногда добавляли и кусок вареного мяса.

Среди невольников, купленных у Эзомо-Ишана, было несколько воинственных суданских туарегов, сухих, жилистых и необычайно жестоких. О'Хири сделал их надсмотрщиками. Старшим над ними был поставлен Урикон. Свирепые, вооруженные длинными кожаными бичами, туареги-надсмотрщики наводили на связанных пленников еще больший ужас, чем сами работорговцы.

Восьмого ноября под сильным грозовым ливнем трюмы «Глории» и «Доротеи» освободились от груза, доставленного для Эзомо-Ишана: деревянные продолговатые ящики со старыми кремневыми мушкетами, бочонки пороха и рома и несколько легких ящиков с дешевыми безделушками перекочевали на опустевшие плоты. Затем те же трюмы приняли живой груз с четырех плотов. Паттерсон отшатнулся, заглянув через люк в эти наполненные трюмы...

На другой же день обе шхуны с еще мокрыми от ливня парусами, гулко хлопавшими на ветру, миновали устье Куарры, вышли в море и взяли курс на остров Фернандо-По. В водах острова были высажены на шлюпках Грелли, мистер Паттерсон и Антони. Они вернулись на «Орион». Хозяин корабля, еще не сменив своего экспедиционного костюма на мундир, который он обычно носил на бриге, пригласил к себе пастора Редлинга.

— Мой дорогой пастор, — обратился он к священнику самым задушевным и прочувствованным тоном, — я скорблю о том мраке языческих заблуждений, в коем погрязли несчастные души здешних туземцев. Сюда изредка заходят корабли, здесь трудятся миссионеры, с которыми вы познакомились за время нашего отсутствия. Вы посетовали, что на этом острове еще нет христианского храма. Я хочу, чтобы после нашего посещения он был здесь воздвигнут. Прошу вас сейчас же договориться о подробностях со здешними деятелями, ибо уже через два часа мы поднимем якоря. Вероятно, среди этих миссионеров вы найдете сильного верой христианина-проповедника, который сможет стать священником будущего скромного храма. В ином случае придется призвать пастыря из Европы. Не откажите принять от меня эту тысячу фунтов на устройство церкви для обращения язычников к истинному богу. Благоволите распоряжаться этими деньгами всецело по вашему усмотрению, ибо я знаю, что передаю их в достойнейшие руки!

Пастор Редлинг с поклоном принял подписанный чек и молча осенил зиждителя широким знамением креста...

Через несколько часов бухта Санта-Изабель снова опустела: два корабля уже пенили волны, унося живой груз к невольничьим рынкам Америки, а третье судно — бриг «Орион» — на всех парусах летело к далекому острову в Индийском океане.

Глава шестая

ПОСТОЯЛЕЦ МИССИС БИНГЛЬ

Ребенка скорее создать, чем машину,
Чулки драгоценнее жизни людской,
И виселиц ряд оживляет картину,
Свободы расцвет знаменуя собой...

Не странно ль, что, если является в гости
К нам голод и слышится вопль бедняка,
За ломку машины ломаются кости
И ценятся жизни дешевле чулка.

Байрон

«Клянусь, что никогда ни одному лицу или лицам на свете не открою имен тех, кто участвует в этом тайном комитете, их действий, собраний, потайных мест, одеяния, черт лица, наружного вида или всего того, что может повести к их раскрытию... под угрозой изъятия из мира первым встретившим меня братом...

Да поможет мне бог и благословит меня сохранить мою клятву ненарушимой».

Клятва английских луддитов[1].

1

Старый слуга Френсис опустил шторы, задернул занавески на окнах и принес свечи в кабинет мистера Уильяма Томпсона.

Невеселый сочельник выдался в этом году! Где-то в неведомых водах, под чужими небесами, находится сын Ричард, а с ним и два верных друга дома. Может быть, им сейчас грозит опасность? Или среди чудес южных морей они подымают стаканы за удачу и недосуг им даже вспомнить об оставшихся на родине? А может быть, и они сейчас с грустью думают о зимних сумерках, тяжелых хлопьях снега, пустующем столе для пикета и старых друзьях у камелька?

Миссис Томпсон, известная всему Бультону дама-благотворительница, пришла в кабинет супруга, чтобы

---

[1] «Братство луддитов» — тайная революционная организация английских рабочих в конце XVIII — начале XIX века. Названа по имени Нэдда Лудда, мифического предводителя братства. Члены братства неправильно думали, что страдания рабочих при капитализме происходят от введения машин, и ставили своей задачей разрушение машин новых капиталистических предприятий.

рассеять его раздумье и пригласить к заботливо накрытому рождественскому столу.

— Уильям, — сказала она мужу, — сегодня нам будет грустно за праздничным столом. Так хочется, чтобы сегодняшний сочельник был настоящим христианским рождеством, как в добрые старые времена! Пошлите, сэр, слугу на улицу и велите привести какого-нибудь маленького бедного мальчика, чтобы посадить его за этот стол. Я уж давно не видела детей в нашем доме!

Сам мистер Томпсон вышел на поиски «святочного мальчика». Искать пришлось недолго. Достигнув ближайшего перекрестка, он заметил перед освещенным окном лавки немца-колбасника маленькую фигурку мальчика, созерцавшего рождественских поросят и окорока, украшенные кружевной бумагой. Как во всех почтенных святочных рассказах, мальчик был бедно одет, ежился от холода, дул на озябшие пальцы и не сводил глаз с поросенка в бумажном уборе.

Юный джентльмен едва не дал стрекача от мистера Томпсона, но, по-видимому, тоже вспомнил святочные традиции и последовал за адвокатом.

— Вот здесь сними свою куртку, мальчик, и скажи этой доброй леди, как тебя зовут, — сказал мистер Томпсон своему гостю, входя в переднюю.

— Мое имя Томас Бингль, сэр,— отвечал «святочный мальчик», — мама дала мне полшиллинга на сладости и велела скорее возвращаться домой. У нас нынче тоже будет праздничное угощение.

— Томас Бингль? Скажи, Томас, не ты ли вместе с твоей матерью был у меня однажды летом в конторе? Ты меня узнаешь, Том?

— Да, сэр.

— Вероятно, мой совет и моя помощь пошли на пользу этому семейству. Знаешь, Дэзи, в свое время я снабдил мать этого мальчика рекомендательным письмом к Паттерсону. Вероятно, ты работаешь на верфи, Том?

— Нет, сэр.

— Еще один прибор к столу! Дэзи, сведи мальчика к умывальнику. Френсис, зажгите праздничные свечи. Садись за стол, Томас, и скажи мне, чем же ты сейчас занимаешься.

— Я учусь в школе мистера Гемфри Чейзвика, сэр.

— Это весьма похвально, но откуда же у миссис Бингль берутся средства на твое образование, Томас?

Она жаловалась мне на нужду... Впрочем, я не хочу отвлекать тебя от жареного гуся! Я припоминаю, что у тебя есть старший брат. Дела вашего семейства, очевидно, улучшились? Вовремя поданный мною совет...

— Благодарю вас, сэр.

— Дэзи, теперь приготовь своему гостю пакет. Он отнесет его домой, другим членам семьи. Расскажи мне, Томас, как поживает миссис Бингль.

— Сэр, когда мама привела нас в доки мистера Паттерсона, Джорджа поставили на разгрузку леса, а меня — убирать стружки и опилки. Там, на верфи, их были целые горы. Я возил их на тачке и отбирал мелочь от больших обрезков. Большие продают на дрова подороже, а мелочь покупают бедняки. Там работает много других мальчиков. Мы с Джорджем приходили в доки к шести часам утра, а в девять вечера возвращались домой. Мне казалось, что это длится целый год, а прошло не больше месяца. Потом к нашей соседке тете Полли — знаете, к той старухе, у которой раздавило сына при спуске нового корабля, — приехала леди...

— Очевидно, из твоего комитета, Дэзи. Продолжай, мальчик.

— Нет, эта леди была не из комитета. Леди из комитета всегда долго говорят о спасении души, дают несколько пенсов и обещают прислать поношенное платье. А это была красивая, молодая, очень добрая леди. Когда тетка Полли рассказала ей о гибели своего сына Майка, молодая леди заплакала. Потом через несколько дней наш управляющий, мистер Чейзвик, позвал тетю Полли и сказал, что ей пойдет пенсия, а за квартиру уплачено вперед за целый год.

— И тогда твоя мать тоже обратилась к этой леди?

— Да, сэр, моя мама разузнала, кто была эта дама, и сама пошла к ней со мной — далеко, за двенадцать миль от города. Леди говорила с мамой в парковой беседке, и с тех пор у нас все переменилось. Меня отдали в школу мистера Чейзвика, и я уже умею писать и решать задачи. Джорджа взял в обучение мистер Барлет, старший чертежник на верфи. Теперь Джордж научился здорово рисовать корабли и уже зарабатывает деньги чертежами, ему ведь пятнадцать! Мистер Барлет говорит, что, если Джордж и дальше будет учиться, из него выйдет настоящий художник... А когда мама сдаст нашу вторую комнату какому-нибудь тихому жильцу, тогда мы заживем совсем хорошо.

— А ты не узнал, как зовут эту даму? Видно, она очень богата, если может обеспечить благополучие двух семейств сразу? Дэзи, кто бы это мог быть из здешних благотворительниц?

— Не знаю, Уильям, и впервые слышу об этой таинственной особе...

— Я знаю ее имя, сэр! Она помогла и нашему старому Паткинсу, который оттяпал себе топором пальцы на левой руке. Он теперь живет у нее в Ченсфильде домашним столяром... Ее зовут леди Эмили Райленд, и... она самая красивая леди в целом графстве!..

2

Прошли праздничные дни. Мистер Уильям Томпсон давно позабыл и маленького гостя, и рождественского гуся. С каждым днем у старого адвоката все больше забот. Прежде он всегда радовался, когда красногорожий почтальон слезал с дилижанса перед дверью конторы, втаскивал наверх потертый кожаный мешок и выкладывал на столе Дженкинса, старшего клерка, пачку газет, журналов, запечатанных пакетов и конвертов с деловыми и дружескими письмами. Теперь не то! Торопливые письма, хлопотные, неприятные дела, тревожные вести... Будто сама река времени изменила течение, стала быстрее, мутнее: видно, и ее заставили крутить фабричные колеса! А он, доктор прав и королевский адвокат, уже сделался стар для этого водоворота...

Январским вечером, когда в желтом свете фонарей, висящих над каменными арками ворот, тихо реяли сухие снежинки, мистер Уильям Томпсон пешком возвращался из конторы домой. Как любил он прежде эту привычную, неторопливую прогулку! Сколько славных судейских речей он обдумал на этих знакомых узких улицах!.. На ходу так хорошо слагались плавные фразы, вспоминались ораторы древности, Цицерон... Ох, у Цицерона не было тех забот, которые ныне выпадают на долю юриста! При Цицероне чернь было легче держать в повиновении, чем этих, нынешних... Римская чернь бездельничала, довольствуясь крохами с патрицианского стола, жила «хлебом и зрелищами», а эти... эти создают все богатства нации: их руки должны быть проворны, а головы — покорны! Самое опасное — если они сами поймут свою силу, ибо их много, целые толпы. Собран-

ные воедино на фабриках, они легко могут сговориться... Это страшно!

...Вон за городом виден багровый отсвет. Это дальний отблеск огней над рудником.

День и ночь скрипучий ворот поднимает там из-под земли огромные плетеные корзины с черным земляным углем. Над рудником всегда стоит грязно-белое, с красным отблеском облако. Это — пар, новая стихия, рожденная слиянием двух древних стихий — огня и воды. Огненные машины, громоздкие и неуклюжие, похожие на грозных идолов древности, пыхтят и тяжко вздыхают; качаются тяжелые коромысла над паровым цилиндром, и с каждым вздохом машины в небо взлетает новое облачко пара... А под землей, в ходах и штольнях бультонской шахты, живут люди, живут при тусклых свечах целыми семьями, с детьми и женами, редко-редко поднимаясь на свет божий. Это не преступники, не колодники, это просто крестьяне, «выгороженные» со своего клочка земли, или иные обездоленные бедняки. У них на шее железные обручи; на обручах выгравирована фамилия гордого владельца угольных копей — сэра Гарри Хартли графа Эльсвика. В газетах пишут, что в парламенте теперь как раз обсуждается прошение рудокопов о снятии этих шейных обручей...[1]

А вон там, вдоль реки Кельсекс, на дальних окраинах Бультона, где теряется нескончаемая Соборная улица, громоздятся новые фабрики мистера Райленда — суконные, хлопчатобумажные, канатные...

Старый адвокат вспомнил, как совсем недавно в сопровождении управляющего «Северобританской компании» мистера Ральфа Норварда он осматривал эти фабрики, уже работающие и еще строящиеся... Мистеру Томпсону запомнились дети — маленькие, тщедушные фигурки, иные в деревянных башмаках, иные — на высоких колодках, чтобы детские ручонки могли дотягиваться до станков... Одна маленькая, пяти-шестилетняя девочка потеряла колодку и споткнулась. Мастер сердито схватил колодку и ударил девочку по голове... А женщины-работницы!.. Худые, ко всему равнодушные, с землистыми лицами, с тощими, уродливыми руками... Приданок к машинам, что ж поделаешь!

[1] Закон о снятии шейных обручей с рудокопов был принят парламентом в 1775 году, но на многих английских копях, в том числе на соляных, работа в обручах и кандалах местами продолжалась до конца XVIII века.

Сотнями умирают эти женщины и ребятишки от фабричной горячки, похожей на тюремный тиф. Вот так и проходит их жизнь с самого детства и до... койки в Доме общественного призрения, где супруга адвоката миссис Дэзи Томпсон жертвует пенсы на деревянные гробы... Что и говорить, это все грустно для страны, для нации, но...

...Но зато за один лишь прошлый, 1772 год (мистер Томпсон уже успел подвести этот итог отечественной коммерции), новые фабрики в Англии дали более десяти миллионов фунтов годового оборота! Сколько выгод связано с этой цифрой для британских юристов вроде мистера Томпсона, сколько жалоб, споров, петиций — для британского парламента!..

Ведь эти тени с бескровными лицами, эти фабричные рабочие, они пожаловались-таки парламенту! Море скорби и нищеты не всегда остается покойным, иногда оно волнуется и бьется о каменные берега!..

Ответом на все петиции был недавний билль о правах предпринимателей,.. Разумеется, парламент оказал поддержку не простолюдинам, а столпам нации, предпринимателям: он узаконил труд детей с пятилетнего возраста... Да и как могло быть иначе? Фабриканты вводят новые машины, новые станки, и уже не прежний опытный ткач, прядильщик, сучильщик, а пара детских рук у станка вырабатывает пряжу и ткань в десять раз больше прежнего и... в десять раз дешевле!

В памяти мистера Томпсона еще свежо то время, когда его страна, его богатеющая Англия, стала ввозить из своих американских колоний новое волокно — хлопок. Прекрасная вещь, если дать ей хорошую обработку. И ум человеческий, неистощимый на выдумку, быстро нашел новые способы, чтобы дешевле и лучше обрабатывать это волокно. Не угодно ли? Какой-то обыкновенный английский плотник, по имени Харгривс, взял да выдумал прядильный станок и назвал его «Дженни», по имени своей белокурой дочурки. Давно ли это было? Да нет еще и десяти лет, а уж по всей Англии крутятся эти прялки, и уже придуманы новые ткацкие станки, чтобы и ткачество не отставало от прядения. Разумеется, число новых фабрик с машинами будет год от года расти — спрос на товар велик, а работа на станках дешева... Но вот куда же деваться прежним добрым мастерам и подмастерьям, отцам семейств и вековечным труженикам?

Это... не совсем ясно! Хм! Если подумаешь, то действительно их положение становится...

Размышления адвоката были прерваны отчаянной руганью с высоты козел... Мистер Томпсон, оказавшийся в своих раздумьях как раз на середине улицы, еле-еле успел увернуться из-под копыт. Толстый кучер осыпал рассеянного джентльмена проклятиями, но седок... дружеским жестом откинул меховую полость, приглашая несколько сконфуженного адвоката занять место на сиденье: оказалось, что мистер Уильям Томпсон едва не угодил под коляску бультонского банкира мистера Сэмюэля Ленди!

Старые друзья вместе доехали до адвокатского дома. В пути бультонский юрист оправился от испуга и предложил мистеру Ленди провести нынешний вечер в дружеской беседе. У господина адвоката было о чем потолковать с надежным другом дома!

Оба джентльмена, хозяин и гость, уселись в креслах старинного кабинета. Кофе и ликер стояли на круглом столике. Пламя свечей рождало рубиновые искорки на маслянистой поверхности разлитого в рюмки ликера. В камине громко трещали дрова; они то вспыхивали, рассыпая искры, то покрывались серым пеплом тления, но углы кабинета оставались в полумраке, и оттуда, из зеленоватого сумрака, доносилось цвирканье неугомонного сверчка, одного из старожилов этого покоя.

— Свежие новости? — спросил банкир, указывая на распечатанные конверты писем. — Где сейчас находится бриг?

— Письма отправлены двенадцатого ноября и помечены так: «Гринвичский меридиан, десять градусов южной широты, Гвинейский залив». Встречный военный корабль, фрегат «Крестоносец», доставил их в Плимут очень быстро. Ричард пишет, что «Орион» зайдет с грузом в Капштадт и затем отправится дальше. Возможно, что сочельник они праздновали уже на острове Райленда. Паттерсон описывает, как он едва спасся в Африке от носорогов и леопардов. Вероятно, страшно преувеличивает!.. Гораздо более удивительные вещи происходят на самом судне. Ричард пишет о них, правда, очень скупо, но из его письма ясно, что между ним и Райлендом возникла вражда. Он намекает на какие-то темные дела главы новой компании.

— Неужели Ричард, пребывая в обществе леди Стен-

форд, находит время, чтобы заниматься и делами компании?

— Сэмюэль, я доверяю вам то, что пока скрыто даже от моей жены. Ричард расторг в пути свою помолвку с леди Эллен...

— Боже мой! Какие же причины?

— Понимаете, Сэмюэль, этот Райленд вторично встал между моим сыном и его избранницей. Правда, я не могу сказать, чтобы симпатизировал новому выбору Ричарда, но тем не менее его помолвка уже стала известной в городе. И вот в пути Ричард сделал открытие, не оставляющее, увы, никаких неясностей насчет отношений между Эллен и Фредриком Райлендом.

— Позвольте! Да ведь они знакомы всего полгода!

— И тем не менее факт бесспорен. Ричард в том уверен!

— Какие сенсационные вести! А... леди Эмили?

— Видите ли, Мортон пишет мне, чтобы я, с соблюдением особых предосторожностей, начал готовить бракоразводный процесс. Следовательно, дело серьезно.

— Уильям, старая поговорка гласит: «Пока суп варится, он всегда горячее, чем поданный к столу». Может быть, по возвращении все уладится? Вообще это плавание — странная затея для такого делового джентльмена, как Фредрик Райленд.

— Ричард пишет о нем вещи еще более странные. Из его намеков следует, что Райленд не является даже законным наследником Ченсфильда!

— Ну, это уже слепая оскорбленная ревность! Она сделала вашего сына явно пристрастным.

— Возможно. Для меня законность вступления Райленда в права наследства не оставляет сомнений. Тем не менее Ричард прямо советует мне прекратить всякие отношения с «Северобританской компанией» и ее главой.

— Чепуха! Райленд — крупный делец, быть может, не всегда разборчивый в средствах, но человек широкого размаха. Я связан с ним серьезными делами. Читали вы в последнем номере «Монитора», как возросли дивиденды компании и какой масштаб принимают заокеанские торговые операции? Кроме того, Райленд подарил городу крупные суммы на благоустройство и церкви — на богоугодные дела.

— Все это так. Но где источники этих средств? Он расходует по меньшей мере в полтора раза больше суммы дивидендов, опубликованных в «Мониторе». За сло-

вами Ричарда что-то кроется, я убежден в этом!

Ленди хотел возразить, но махнул рукой и вздохнул. Мистер Уильям продолжал:

— Помните, Ленди, тот уютный летний вечер, когда я огласил в узком кругу друзей подробности спасения Райленда? Так вот, рукопись Мортона, по-видимому, умалчивает о существенных подробностях этих событий. Я обязался хранить в тайне один эпизод, случившийся как раз накануне этого вечера, но дела так осложнились, что я обязан быть вполне откровенным с вами. В этот день ко мне явился незнакомец. Он назвал себя Роджерсом...

Старый Ленди, весь обратившись в слух, не произносил ни слова. В настороженной тишине только сухо потрескивали дрова да сверчок время от времени подавал из угла свой голосок. Мистер Томпсон перешел на полушепот.

— Человек этот искал следы похищенных драгоценностей и больше всего интересовался обстоятельствами гибели «Черной стрелы» и спасения Райленда. Роджерс высказал предположение, что Райленд убил капитана Бернардито Луиса и овладел сокровищем этого пирата — драгоценными камнями, оцененными в шестьдесят тысяч фунтов стерлингов!

Замолчал даже сверчок. Только Френсис шаркал в столовой подагрическими ногами в войлочных туфлях.

— Скажите, мистер Томпсон, — многозначительно спросил банкир,—вам известен агент Райленда, бывший моряк Джеффри Мак-Райль?

— Я слышал это имя минувшим летом... Какая-то история о нападении бандита на его квартиру...

— А вы не поставили эту историю в связь с вашим загадочным посетителем Роджерсом?

— Нет, это не приходило мне в голову.

— Так ведь именно ваш Роджерс и был тем самым бандитом... Он ограбил Мак-Райля и чуть не убил его.

— Боже мой!

— Удар несомненно был нацелен в Райленда. И, быть может, именно вы, Уильям, косвенно помогли нанести этот удар по интересам вашего важнейшего клиента.

— Но, Ленди, если подозрения Роджерса справедливы, то он, вероятно, искал свою долю добычи в сокровище Бернардито. Мой уважаемый клиент, овладевший ворованными драгоценностями, сам навлек на себя риск встретить других претендентов на это краденое богатство.

— Ваш Роджерс — просто ловкий бандит! Ему понадобилась ваша помощь, чтобы найти способ обокрасть сэра Фредрика.

— Послушайте, Ленди, с каких пор сами вы превратились в такого горячего защитника Райленда? Чем вас околдовал этот человек? Что за поветрие охватило умы самых почтенных старожилов Бультона? Паттерсон стал его компаньоном. Вы вступили с ним, по вашим словам, в серьезные деловые отношения. Леди Стенфорд вверила ему все свои свободные средства. «Монитор» его превозносит, и поговаривают, что редактор даже стал акционером компании. Бультонский мэр принял от Райленда крупную сумму для нужд города. Портовые и таможенные власти оказывают ему широкую поддержку. Государственные контролеры сукон что-то подозрительно легко ставят пломбы на изделия «Бультонской мануфактуры». Даже церковь... Вы слышали, какие похвалы воздались жертователю во время последней проповеди в соборе? Наконец, сотни мелких держателей акций... Нет, это даже не поветрие, это какая-то дьявольская паутина, черт побери! Но я могу смело утверждать, что деловые отношения с этим клиентом не лишили меня независимости. Мне выгодно вести дела компании, но я могу в любую минуту прекратить их, как того желает мой сын. Почему вы молчите, Сэмюэль?

— Уильям! Откровенность за откровенность! Лучше вам узнать правду, прежде чем следовать бредовым советам вашего ослепленного сына... Вам в точности известно, что главные средства моего банка составляют вклады Паттерсона, еще нескольких фабрикантов, ваши собственные, наконец средства страхового общества...

— Боже мой, к чему это предисловие? Дела банка я знаю лучше, чем свои! Не пугайте меня, Ленди!

— Так послушайте, Уильям. Во время летней паники на бирже я скупил на крупную сумму падавшие в цене бумаги — и просчитался... Подошли срочные платежи, я нуждался в немедленном займе. Я метался, как в лихорадке, ибо при малейшем признаке беспокойства вкладчиков я должен был бы объявить себя банкротом. Я тщательно скрывал положение дел даже от ближайших друзей, но Мак-Райль знал о моем просчете, ибо часть бумаг я купил через него. Он-то и познакомил меня с мистером Райлендом, и мы быстро нашли с этим джентльменом общий язык. И вот в самый критический для «Бультонс-банка» момент Райленд бегло проверил мой

баланс и пошел на крупный риск, ссудив меня под вексель шестьюдесятью тысячами фунтов, правда под высокие проценты.

— Дальше, Ленди, дальше!

— Я вывернулся с платежами и ожил. Банк выстоял благодаря этой поддержке. Но, дорогой мой Уильям, эти шестьдесят тысяч были... не в денежных купюрах. Это были крупные бриллианты, которые агенты Райленда негласно продали в Голландии от моего имени. Райленд предложил мне камни и услуги агентов, с тем чтобы его имя не упоминалось при продаже камней. Что мне оставалось делать? Мог ли я тогда задумываться о происхождении этих камней? Да и можно ли считать несовместимым с джентльменской честью присвоение средств мертвого пирата?

Мистер Томпсон тяжело дышал.

— У меня дрожат колени, — простонал он. — Сэмюэль, вы не должны сердиться, но я буду вынужден перевести свои вклады...

— Уильям, это, увы, невозможно. После того как банк устоял, я вложил, по настойчивому совету Паттерсона, все новые вклады в бумаги «Северобританской компании» и жду от них быстрого оборота. Свободных денег, чтобы вернуть такой крупный вклад, как ваш, у меня нет. Теперь судьба — и моя и ваша — всецело связана с процветанием компании Райленда.

— Боже мой! Значит, любой удар по репутации этой фирмы или пятно на имени ее владельца...

— ...сделает нас нищими, мой старый друг! Наше благополучие — в чужих руках, Уильям!

В глубоком молчании, воцарившемся в кабинете, из затемненного угла вновь, еще явственнее, чем прежде, зазвучало редкое, сухое и будто насмешливое: цвирк! цвирк! цвирк!

И вдруг среди этой тягостной тишины старый Френсис, поправляющий оконную штору, испуганно всплеснул руками и опрокинул фарфоровую вазу.

— Мистер Уильям, смотрите в окно... На Соборной улице горят новые фабрики мистера Райленда!

Оба старых джентльмена бросились к окну. Над городскими крышами полыхало багровое зарево. Даже сквозь двойные стекла в кабинет проникал отдаленный звук набата и дважды донесся нестройный звук ружейных залпов.

3

Вниз по Соборной улице, начинавшейся у Ольдпорт-сквера и терявшейся под конец в дымной неразберихе окраинных трущоб, двигалась серая, молчаливая толпа мужчин, женщин и детей, одетых в рабочие блузы и передники. Многие шли с непокрытыми головами. У иных на плечах виднелись ломы и молоты, кое-где над плечом идущего в толпе колыхался и ружейный ствол. Издали вся процессия походила на погребальную.

Почти третью часть толпы составляли дети. В неуклюжих деревянных башмаках они тяжело шагали, держась за руки старших товарищей. Некоторые, самые юные, по извечной детской привычке, еще хватались за юбки женщин, бредущих в лохмотьях, с каменными, суровыми лицами. Сбывалось предчувствие бультонского адвоката: море скорби и отчаяния выплеснулось на городскую улицу и билось о ее каменные берега!

Над первой шеренгой колыхался плакат, написанный черной краской по белой полосе холста:

«ПРОЧЬ МАШИНЫ!»

У некоторых участников процессии на груди были прикреплены дощечки с надписями: «Я искалечен машиной», «Машина работает — я голодаю».

Когда процессия, миновав два-три перекрестка, стала приближаться к окраине, высокий человек в плаще, похожий на пуританского[1] проповедника кромвельских времен, затянул диким голосом песню, подхваченную всей толпой. Мотив звучал, как церковный хорал, однообразно и торжественно.

Прохожие на улицах останавливались и провожали процессию то сочувственными, то испуганными взглядами. На самой окраине демонстрантов все чаще встречали приветственные возгласы из окон и с тротуаров.

Процессия приближалась к длинной глухой ограде, за которой виднелись кирпичные здания цехов «Бультонской мануфактуры» и соседнего с нею канатного завода. В глубине, вдоль северной границы всего промыш-

[1] Пуритане — в период английской буржуазной революции XVII века приверженцы религиозно-политических группировок буржуазии, выступавших против королевского абсолютизма и официальной английской церкви. Пуританизм — суровая, часто показная нравственность.

ленного участка, протекала речка; незамерзшая вода ее с маслянистыми пятнами на поверхности чернела среди заснеженных берегов. Две баржи стояли у причала. На самом берегу высилось здание красильной. Выше по течению речку перегораживала плотина. Вода недовольно шумела в отводном рукаве, встречая позеленевшие склизкие лопасти больших деревянных колес, укрепленных меж кирпичных стен. Эти колеса, со скрипом ворочаясь, двигали громоздкие рычаги передаточных механизмов и крутили станки в мастерских и цехах «Бультонской мануфактуры». Впрочем, большая часть колес находилась сейчас в покое. Вода лишь чуть-чуть покачивала их и с бульканьем бежала под лопасти...

Приводы, машины, станки... Плохо стало при них настоящему рабочему человеку! Хозяин не хочет платить ему, если эту работу выполняет машина. К ней можно приставить семилетнего парнишку или девчонку, и они отлично будут помогать машине по шестнадцать часов в сутки за жалкий фартинг и десяток тумаков в придачу.

Стыдно сказать! господа в парламенте разрешили брать на фабрики детей с пятилетнего возраста... И все это наделали чертовы машины!

Толпа глухо шумела, подходя к главным воротам. Здесь, у этих знакомых, ненавистных ворот, шествие остановилось. Обширный двор и цехи всех фабрик были как вымершие. С неба падали снежинки, постепенно превращавшие двор в ровную нехоженую целину. Ворота были заперты изнутри.

Во дворе перед воротами расхаживали толстый констебль и два его помощника.

Люди забарабанили в чугунные ворота. Констебль вышел из калитки на улицу и обратился к рабочим. Вместо общепринятых слов человеческой речи он издал несколько лающих звуков, означавших, что народу следует разойтись по домам и что на фабрику их сегодня не пустят.

Из фабричной конторы спешил к воротам маленький человек в парике с косицей. В руках он держал лорнет и тетрадь с какими-то списками.

— Старший приказчик хозяина, — зашептали в толпе, — тот, кто хочет заменить наши руки железными машинами!

Высоким, тонким голосом, приложив лорнет к глазам, приказчик закричал собравшимся:

— Что за сборище? Если вы решили работать, приходите утром, по одному. Скопом я вас не пущу. А сейчас будьте благоразумны, расходитесь по домам!

Внезапно перед воротами выросла фигура человека, похожего на кромвелевского проповедника. Снежинки падали на его седые всклокоченные волосы.

— Люди! — закричал он пронзительно. — Не слушайте изверга! Это он вместо божьих душ ставит в цехи железные машины, эти порождения сатаны. Они питаются человеческой кровью. Жертвы их неисчислимы. Следом за машинами крадутся голод, нищета, увечье. Сокрушим изделия Вельзевула! Вперед, храбрецы, вперед, братья, за мной!

Пока оратор с жаром обращался к толпе, небольшой смуглый человек в сопровождении нескольких ловких мальчишек быстро перелез через ограду и отолкнул приказчика от ворот. Человек одним ударом лома отодвинул тяжелый засов. Констебль и его помощники были сбиты с ног толпой, ринувшейся в ворота. Несколько клерков и мастеров выскочили было из конторы на помощь констеблю и старшему приказчику, но в нерешительности остановились на полдороге. Приказчик, потерявший лорнет и тетрадь, благоразумно ретировался за их спины и теперь криками побуждал их к наступательным действиям. Помощник констебля вынырнул из толпы, вскочил на верховую лошадь и помчался галопом вверх по Соборной улице.

Люди взламывали двери цехов. Звенели выбитые стекла, сыпалась штукатурка, трещали двери. Послышались удары по металлу и треск разрываемых тканей, еще натянутых на станочные рамы. Машины, ящики, двери, даже скамьи и табуреты — все разлеталось под ударами молотов.

Тем временем смуглый человек, открывший ворота, ловко взобрался на чердак суконного цеха и, склонившись над грудой тряпья, высек огонь. Вскоре из чердачных окон вырвались красные языки огня с чадным, черным дымом.

В этот миг пара взмыленных храпящих лошадей внесла в ворота легкий желтый шарабан. Не дожидаясь, пока кучер перехватит вожжи и остановит экипаж, седок соскочил на землю. Глазам его представились испуганные клерки, прижавшиеся к стене конторы, и объятые яростью женщины и дети во дворе.

— Норвард! Управляющий! Смерть ему, смерть! — послышались крики.

Вообразив, что перед ним только эти слабые противники, Норвард ринулся со шпагой в толпу и, нанося направо и налево свистящие удары по головам, ворвался в дверь кирпичной пристройки прядильного цеха, откуда доносился треск ломаемых машин. Здесь суровые, молчаливые люди били молотами по рычагам и кривошипам передаточных механизмов. Увидев их, Норвард стал пятиться к двери. Перед ним выросла фигура длинноволосого проповедника. Управляющий выхватил пистолет... Рабочие подались вперед, прикрывая своего вожака. В дюйме от головы Норварда просвистел топор. Пронзительно завизжав, управляющий на четвереньках, с обезьяньей ловкостью выскочил из пристройки.

Очутившись снова во дворе, он увидел толпу женщин, бегущих из суконного цеха, уже охваченного пламенем. По соседству пылал канатный завод. Три конные упряжки пожарной команды, подминая и расталкивая встречных, влетели в открытые ворота, а за оградой уже заблистали штыки и мундиры королевских драгун. Солдаты окружили весь участок и хватали разбегавшихся рабочих. Норвард осыпал их бранью и проклятиями.

В глубине двора, у здания красильной, группа самых непримиримых разрушителей еще продолжала размахивать молотами. Заметив их, офицер подал команду своим стрелкам. Щелкнули курки. Грянул залп. Снег окрасился кровью. Отчаянно вскрикнули женщины, кто-то застонал... Солдаты перезаряжали ружья. Несколько драгун бросились преследовать последнюю группу рабочих; отстреливаясь из охотничьих ружей, они отходили к реке. Их вожак показал рукой на баржу у причала. Взбежав на нее, человек десять-двенадцать кинулись с баржи в ледяную воду. Вслед им раздался повторный ружейный залп, но беглецы уже достигли противоположного берега и скрылись в ночном мраке.

Во дворе валялись части исковерканных машин, ломы, топоры, охотничьи ружья, шляпы, обрывки холста, тлеющая пряжа. Громко стонали раненые. Драгуны повели к воротам хмурую толпу арестованных — по неумолимому королевскому закону[1] этих людей ждала виселица...

---

[1] Королевский закон 1769 года карал смертной казнью за разрушение цехов и машин.

Смуглый человек, успевший поджечь несколько строений «Бультонской мануфактуры», услыхал первый залп, сидя под стропилами красильного цеха. Пора было и ему подумать о спасении! Он быстро сорвал с себя тлевшую куртку и передник ремесленника. Под ними оказался нарядный камзол, перехваченный поясом с дорогим испанским кинжалом и тяжелым пистолетом. Из-за пазухи он достал бархатный берет и прикрыл им свои волнистые волосы, а на левую руку надел свинцовую перчатку.

Констебль уже взбирался на чердак, где ремесленник только что закончил свое превращение в нарядного джентльмена. Три помощника констебля стояли внизу, под стремянной лестницей.

Едва полицейский, нагнувшись, полез в темноте под стропила, переодетый человек нанес ему удар рукоятью пистолета. Тело полицейского неподвижно растянулось на чердачном полу. Человек в камзоле высунулся в окно.

— Спешите сюда, — крикнул он вниз, — здесь еще кто-то прячется!

Трое полицейских заторопились наверх. Как только последний из них взобрался по лестнице, человек в камзоле соскочил вниз и, оттолкнув лестницу, подошел прямо к Норварду.

— Сэр, — указал он пистолетом на покинутый чердак, — пошлите туда солдат. Там еще прячутся эти разбойники.

Пока Норвард распоряжался, незнакомец спокойно вышел из ворот, властно раздвинул цепь солдат и уже на улице обернулся. По чердачному окну залпами стреляли солдаты...

Незнакомец завернул в переулок и заметил во дворе какого-то дома несколько оседланных лошадей под охраной солдата. Беглец подошел к коновязи и резко приказал солдату подвести его коня.

— Вашего коня? Вы ошиблись, я вас не знаю, ваша честь!

В следующее мгновение солдат лежал на земле, сбитый с ног ударом свинцовой перчатки. Незнакомец выбрал коня, подтянул спущенную подпругу и взнуздал лошадь. Выехав на темную боковую улицу, он погнал коня галопом и скакал несколько миль до гостиницы «Белый медведь». Сдав во дворе лошадь, как знатный путешественник, незнакомец не зашел в гостиницу, а отправился дальше пешком и добрался до противополож-

ной окраины города. Он постучал в окно первого этажа большого кирпичного дома на Чарджент-стрит.

— Это вы, мистер Ханслоу? — спросил его женский голос. — О, какой на вас сегодня красивый камзол!

— Скажите, миссис Бингль, когда возвращается из школы ваш Томас?

— В субботу он приходит в полдень, а утром в понедельник опять уходит в пансион мистера Чейзвика на целую неделю. Завтра суббота, он придет. Зачем он вам понадобился, сэр?

— Хочу дать ему одно поручение. Я прошу, отпустите его завтра со мной на весь день. Кстати, если утром явится один старик, разбудите меня, пожалуйста!

4

Постоялец миссис Бингль не успел проспать и трех часов, как среди ночи раздался стук в наружную дверь.

Мистер Ханслоу, по-видимому, привык спать с чуткостью лесного зверя: он сразу вскочил с постели и облачился в темноте с необычайной быстротой. Только вместо нарядного камзола он надел поношенный, выцветший и латаный костюм старьевщика и торопливо обмотал тряпкой кисть левой руки.

— Проснитесь, мистер Ханслоу! — крикнула хозяйка не совсем довольным тоном. — Старик, которого вы ожидали, уже явился... Сейчас пять часов утра, — добавила она укоризненно.

— Нет, меня ты не ждал, Ханслоу! — произнес уже в комнате жильца чей-то осипший голос. Вошедший прикрыл дверь и тяжело опустился на стул. — Зажги-ка свет, мистер Ханслоу, да принеси мне поесть и переодеться.

— Как, это вы, Меджерсон? — удивился хозяин. Он зажег свечу и поставил ее на стол. — В хорошеньком же, однако, виде! Как вы пробрались по улицам незамеченным? Нет ли погони?

— Да, мне, конечно, не следовало идти к тебе, Ханслоу, но ищеек я обманул; кажется, хвоста за мной нет. Рассвет занимается, я не мог оставаться дольше на улице в этом наряде. Кроме того, я голоден и страшно озяб.

Хозяин поставил перед гостем тарелку с холодной бараниной и налил из фляжки стакан тодди[1]. Кастрю-

[1] Тодди — шотландский напиток: водка, подслащенная сахаром и разбавленная кипятком.

лю с горячей водой для этого напитка он вытащил из полупотухшего камина. Гость с жадностью принялся за еду.

Перед хозяином комнаты сидел изможденный, худой старик с длинными седыми волосами, падавшими на плечи. Впалые щеки были покрыты глубокими морщинами, две резкие борозды спускались от носа к подбородку. Глазницы Меджерсона были необычайно глубоки, и в суровом взгляде, горевшем из-под густых, нависших бровей, чудилась непреклонная решимость борца.

— Куда вы скрылись вчера, Меджерсон? Я видел, как вы с ребятами переправились вплавь через речонку.

— Благодарение богу, с одним делом покончено! Ты, Ханслоу, хорошо помог нам вчера расправиться с извергами: проклятые машины преданы огню, и честным труженикам теперь станет легче. Люди будут спокойно трудиться в лоне семьи или в общих цехах; свои изделия, плоды искусного ремесла, они смогут продавать по прежним ценам; малые дети тружеников снова предадутся младенческим забавам и играм, ибо отцы и матери смогут сами кормить ребятишек, не продавая их безбожным фабрикантам... В Бультоне умолк шум машин, значит, в Бультоне высохнут детские слезы! Ты сделал вчера доброе дело, друг Ханслоу, бог наградит тебя за помощь беднякам. Скажи, хочешь ли ты помогать нам и впредь?

— Как, разве вы, Меджерсон, намерены остаться здесь, в Бультоне? Это слишком опасно. Если вас схватят, то...

— ...еще раз осудят на смерть, хочешь ты сказать? Судьба моя — бороться со злом и защищать обездоленных. Во имя сего благого дела я приму другой облик, какой подскажет мне разум, и снова, препоясавшись мечом господним, буду сражаться с мучителями народа. Аминь!

Суровый фанатизм Меджерсона, непреклонная воля и страстная ненависть, прозвучавшая в его словах, поразили мистера Ханслоу. Он глядел на собеседника с уважением.

— Откуда вы родом, Меджерсон, и давно ли вы ведете эту вашу... войну со злом? — спросил он тихо.

Меджерсон пристально поглядел в глаза хозяину:

— Об этом не следует спрашивать, Ханслоу, но... ты честен с нами, я знаю... Родом я из Ланкашира. Мне пятьдесят лет, и двадцать из них я отдал борьбе за правду. Меня еще помнят в Ланкашире. Там бедняки оказа-

ли мне честь: я был выбран в первый стачечный комитет еще четырнадцать лет назад. За это меня приговорили к смерти, но рабочие напали на полицейский возок и вырвали нас, пятерых осужденных, из рук палачей. Потом я перебрался в Спитфильд, близ Лондона. Почти десять лет мы боролись там за наши права, за свободу детей, проданных в фабричное рабство, за уничтожение главного зла — машин. В нас стреляли солдаты — мы не сдавались. Многих схватили и повесили — мы продолжали сопротивляться и уничтожать машины. Наконец мы были побеждены, но я снова спасся от неминуемой петли и ушел сюда, в Бультон, чтобы бороться дальше. Ненависть моя к палачам, к богачам неправедным священна и неистощима. Я спрашиваю тебя: хочешь ли ты и впредь помогать нашему правому делу?

— Что же вы намерены еще затеять здесь, мистер Меджерсон?

— Пока в Северном графстве не сгорит последняя фабричная прялка, я не покину своих братьев по этой священной войне.

— Хм! Прялки меня, правду говоря, не слишком интересуют, пусть себе крутятся! Мне нужно сделать кое-кого сговорчивым. У нас, то есть у меня и у вашего братства, есть общий враг, мистер Меджерсон. Зовут его, как вы догадываетесь...

— ...Фредрик Джонатан Райленд, виконт Ченсфильд, сын Вельзевула! Самое имя его проклято: он хочет машинами заменить всех людей на своих гнусных фабриках. Райленд — продавец человеческого мяса. Но его машины вчера сгинули в огненной геенне...

— Можете не сомневаться, мистер Меджерсон, что он построит новые, и очень быстро. Нет, нужно нанести ему еще один удар, такой, от которого ни он, ни его друзья уж никогда бы не смогли оправиться. Бультонская верфь строит ему корабли. Вот ее и нужно уничтожить. Это убьет насмерть всю компанию Райленда и... заставит его отдать то, что принадлежит другим по праву.

В глазах Меджерсона, скрытых нависшими бровями, зажглись огни. Взгляд его стал похожим на тлеющий костер в глубокой пещере, видимый ночью сквозь кусты.

— Райленд и Паттерсон — оба они заслужили ненависть и проклятие рабочих людей, — проговорил он торжественно. — Да будет так: братство луддитов бла-

гословляет тебя на этот шаг, и оно поможет тебе так же, как ты вчера помог братству, синьор Фернандо Диас!

Мнимый мистер Ханслоу переменился в лице и быстро прикрыл рот своему гостю:

— Тише, сакраменто! Откуда, синьор, вы знаете мое настоящее имя?

— Оно давно известно братству, и потому я еще в прошлый твой приезд не случайно оказался с тобой в одном гостиничном номере... У нас есть незримые союзники и тайные уши... Нам известна и цель твоей борьбы с этим Райлендом: ты ищешь драгоценности пиратского главаря... Эта цель чужда нашему братству, но ты молод, смел и честен, и мы готовы видеть в тебе союзника. Помни одно: к предателям мы беспощадны...

— Что ж, коли так — ударим по рукам, синьор Меджерсон! Теперь вы должны переменить платье. На всякий случай я приобрел кое-что из гардероба покойного мастера Джона Бингля. Наденьте-ка этот темный фрак; вероятно, покойный супруг нашей домохозяйки надевал его по большим праздникам, идя в церковь... Сейчас я займусь вашей прической. Недаром я два года был бродячим актером. Волосы мы вам подстрижем... Вот так! Теперь вы — почтенный клерк какой-нибудь шотландской фирмы. Посмотрите на себя в зеркало. Пусть теперь кто-нибудь узнает в вас Элиота Меджерсона, черт побери!

— Ты действительно превратил меня в клерка, Фернандо Диас. Что ж, это, видно, перст божий! На время я сохраню обличие клерка и нынче же «приеду» дилижансом из Эдинбурга в гостиницу «Белый медведь». Там я сниму номер, пока не найду себе более удобное пристанище.

— Как мы будем держать с вами тайную связь, мистер Меджерсон?

— Уже не Меджерсон, Фернандо! Меджерсона ты превратил в клерка Арчибальда Стейболда. Запомни: Арчибальд Стейболд, гостиница «Белый медведь». А связь с тобой будем поддерживать по-старому. Ты не забыл тумбу для афиш на Гарденрод? Присматривайся, как и раньше, к объявлениям цирка... Сообщай о своих планах. На самый крайний случай, если придется спасаться бегством, ты найдешь приют и помощь у «ирландских братьев». Где их искать в Бультоне, тебе известно... А теперь прощай, брат Фернандо!

5

Миссис Бингль, впустившая в свое жилище Элиота Меджерсона и выпустившая шотландского клерка Арчибальда Стейболда, несказанно удивилась разительному различию во внешности и костюме этих двух джентльменов. Без особого труда она опознала на клерке Стейболде под меховым плащом, еще вчера служившим ее жильцу, фрак и панталоны покойного мужа. Добрая женщина уже собралась было к своей соседке, тете Полли, чтобы с должной серьезностью обсудить это удивительное превращение весьма сомнительного оборванца в респектабельного господина, как новый стук раздался у входных дверей, но на этот раз слабый и нерешительный.

Перед изумленной миссис Бингль опять предстала фигура старика, но сгорбленного, хилого и ничем не похожего на предыдущего посетителя.

— Могу ли я видеть мистера Ханслоу? — спросил гость слабым, старческим голосом.

Миссис Бингль видела, как старик вошел в комнату ее жильца, с трудом таща за собою два небольших ящика и клетку, прикрытую цветным платком. Уже через несколько минут жилец миссис Бингль выпустил своего второго гостя из комнаты. Уходя, тот задержался в дверях и сказал с порога:

— Микси любит орехи и фрукты, но ест также молоко и белый хлеб. В холод одевайте ее в шерстяную курточку, она привыкла к здешней зиме. А за моим плащом и шляпой пришлите мальчика, я живу недалеко. Но это совсем старые, поношенные вещи, мистер Ханслоу!

Снедаемая любопытством, миссис Бингль приникла к замочной скважине в дверях жильца. То, что она увидела, окончательно поразило ее.

Вместо солидного мистера Ханслоу, всегда носившего парик с косицей, высокую шляпу и два теплых жилета, на стуле перед зеркалом сидел красивый молодой человек, чернобровый, с косыми баками и волнистыми, коротко подстриженными волосами. Расстегнутый воротник рубашки обнажал сильную, загорелую шею. Перед ним стояли на столе две миски с какими-то жидкостями и целая коробка с мазями, красками, волосами и бородами. В руке он держал тоненькую палочку и сидел, как художник перед мольбертом, всматриваясь в зеркало и чуть прикасаясь палочкой к своему лицу.

При этих манипуляциях миссис Бингль впервые заметила, что на левой руке ее жильца нет четвертого пальца.

Новые толчки в дверь заставили миссис Бингль покинуть свой наблюдательный пост. Если бы она не сделала этого, то ей пришлось бы пережить сильный испуг, так как мистер Ханслоу немедленно подскочил к окну, проверил, открывается ли оно, сунул за пояс нож, подхватил под мышку плащ и стал у подоконника, держа в каждой руке по пистолету.

Но приготовлений этих миссис Бингль не видела, а сам жилец, услышав в комнате хозяйки веселый голос Бингля-младшего, отложил боевые доспехи и, усевшись опять перед зеркалом, возобновил свои занятия с кисточкой.

— Томас, — крикнул он мальчику, сунув ему в дверную щель записку, — сбегай-ка по этому адресу и принеси мне плащ и шляпу.

Не прошло и получаса, как мальчик вернулся со свертком, Ханслоу все еще сидел у зеркала. Голову и лицо он прикрывал полотенцем, так что мальчик видел одни глаза постояльца.

— Послушай, Томас, — заговорил Ханслоу, — хотел бы ты недельку отдохнуть от своих школьных занятий, если это разрешат мама и мистер Чейзвик?

— Да, мистер Ханслоу, очень хотел бы.

— Так вот, я хочу предложить тебе нетрудную интересную работу на одну или две недели.

— Ах, работу... Такую же, как на верфи Паттерсона, или полегче?

— Что? Ты знаешь, какие работы производятся на верфи? Разве ты бывал там?

— Конечно, знаю. На этой верфи я работал целый месяц, а сейчас мой брат Джордж учится и работает там в конторе.

— Да ты просто находка для меня, Томас! Нет, твоя работа будет, наверно, совсем не похожей на все, что ты в своей жизни делал. Скажи, ты когда-нибудь видел шарманку?

— Ну, конечно, видел. Дядюшка Поттер, тот самый старик, от которого я сейчас принес вещи, ходил раньше с шарманкой по дворам, а мы бегали за ним. Какая у него была умная обезьяна! Ее звали Микси... Раньше с ним ходил один мальчишка, Томми Вуд, но он поступил юнгой на корабль, и с тех пор дядюшка Поттер

сидит дома. Ему одному не под силу таскать шарманку по дворам.

— Так вот, одну или две недели ты будешь делать то же, что когда-то делал Томми Вуд. Если я останусь доволен тобою, то дам тебе двадцать шиллингов, большой перочинный нож, и, главное, ты получишь в полную собственность музыкальный ящик старого Поттера и обезьянку Микси. Что ж ты молчишь? Не веришь? Тогда посмотри-ка сюда! — и Фернандо сдернул с клетки покрывавший ее цветной платок.

Глаза у Томаса стали круглыми, как пуговицы на его курточке. От безграничного изумления он забыл даже обрадоваться. Потом он бросился на колени перед клеткой и пытался сквозь прутья погладить маленькую мартышку в зеленом платьице, печально сгорбившуюся в глубине клетки.

— Дай ей конфету, — сказал Фернандо, вынимая из кармана лакомство.

Мартышка протянула мальчику маленькую коричневую ручку, так похожую на человеческую, что Фернандо испытал какое-то чувство неловкости перед этим разумным существом, посаженным в клетку. Однако зверек потянулся к Томасу не за конфеткой: вид обрадованного, взволнованного мальчика, по-видимому, возбудил в обезьянке какие-то сильные ответные чувства. Она заметалась по клетке и закричала. Томас открыл дверцу. Зверек сразу вскочил мальчику на плечо и с человеческой нежностью обнял своего освободителя за шею. Том не выдержал; он обхватил обезьянку обеими руками и, прижавшись к ней лицом, засмеялся и заплакал от сладкой радости, жалости и волнения.

— Я вижу, что ты доволен, Том, и я сам рад доставить тебе удовольствие, — снова заговорил Фернандо, и голос чуть-чуть изменил ему. — Я потом все объясню; как себя держать, о чем разговаривать с людьми и чего им не надо говорить. Если тебя спросят, давно ли ты меня знаешь, ты скажешь, что очень давно. Скажи, как вы называли дедушку Поттера?

— Томми Вуд и все ребята говорили ему «дядюшка Метью».

— Дядюшка Метью! Очень хорошо. Меня, видишь ли, тоже зовут Метью, поэтому на улице ты и меня будешь звать дядюшкой Метью. Теперь посмотри-ка на меня!

Перед мальчиком как живой стоял старый дядюшка

Поттер, с его насупленными бровями, седыми баками и сгорбленной фигурой, в зеленом выцветшем плаще и черной шляпе.

От удивления мальчик разинул рот. Обезьянка соскочила на пол и перепрыгнула на кровать. Мальчик бросился ловить зверька и ловко надел ему ошейник и курточку. Привлеченная шумом, в комнату вошла миссис Бингль.

— До свиданья, мама! — крикнул Томас. — Мы сейчас уходим на бультонскую дорогу с дядюшкой Метью!

Миссис Бингль, онемев от изумления, смотрела, как старик взвалил шарманку на спину; мальчик взял под мышку клетку, укутанную платком, и «ящик с сюрпризами». Уходя, мистер Ханслоу, превращенный в старого Метью Поттера, сказал хозяйке:

— Миссис Бингль, все, что вы сегодня видели, возможно, несколько удивляет вас, но я очень прошу не придавать этому никакого значения и никому об этом не рассказывать.

Когда жилец и его помощник удалились, миссис Бингль осталась стоять со скрещенными на животе руками перед захлопнувшейся дверью; честная женщина разрывалась от жестокой борьбы между тягостным обетом молчания и страстным желанием поделиться с соседками своими удивительными открытиями.

6

Ранним утром 1 февраля на бультонском шоссе шагал старый шарманщик, сопровождаемый мальчиком с обезьянкой. Они не заходили ни в один из дворов и шли по обочине почтового тракта.

Скупое февральское солнце перед полуднем стало чуть пригревать землю. Снег на дороге почернел; в колеях, оставленных дилижансами, стояла вода.

— Том, все, что я рассказал тебе сейчас про пирата Бернардито Луиса, не пересказывай никому, — сказал шарманщик своему юному спутнику.

— Что вы, дядюшка Метью, никто не услышит от меня ни словечка! Скажите, сколько же теперь лет сыну Бернардито?

— Ему пятый год. Я совсем недавно его видел.

— Да ну? Каков же он собой?

— Обыкновенный мальчик... Умеешь ли ты писать, а?

— Конечно, умею. И считать и решать задачи про купцов и встречные дилижансы.

— Молодец! А что делает на верфи твой брат Джордж?

— Он работает рисовальщиком и чертежником. Только знаешь что, дядюшка Метью? Джордж очень умный, он читает запрещенные книги и хочет стать «сыном свободы».

— Вот как! Я в его годы подумывал о другом!.. Так слушай, Том, я скажу тебе адрес сына и матери капитана Бернардито. Но если ты кому-нибудь проболтаешься, то ночью сам Бернардито придет за тобой и зашьет тебе рот, слышишь?

— Слышу, — ответил мальчик упавшим голосом.

— Если мы с тобой расстанемся и ты услышишь, что я погиб, то напиши синьоре Эстрелле и маленькому Диего письмо. Запоминай адрес: «Греция, порт Пирей, предместье, дом купца Георгия Каридаса». Напиши им, что их друг из Толедо умер. А теперь скажи мне, какие предместья встречаются на этой дороге?

— Вон та нарядная дача — это усадьба леди Стенфорд. Ей принадлежит дом, где мы живем. Дальше будет Ченсфильд, потом поместье, которое называется Уольвсвуд, а дальше я не знаю.

— Так вот, кто бы тебя ни спросил, куда ты идешь, говори — в Уольвсвуд, понял?

— Ладно. Но по дороге хорошо бы заглянуть в Ченсфильд! Вон за парком уже видны две башенки на большом доме. Там живет одна очень красивая и добрая леди. Дядюшка Метью, давайте покажем ей нашу Микси!

— Как, Том, ты, оказывается, знаешь и эту леди? — воскликнул шарманщик. — Да ты какой-то всезнайка! К ней-то мы и идем, потому что нам нужно вручить ей маленький сверток. Ей ты можешь сыграть хоть все четыре песенки, что играет наша шарманка... Но там, в Ченсфильде, эта прекрасная леди живет не одна! Там, в том же старом доме, есть темная щель кровожадного паука, чью хитрейшую паутину я должен разорвать... если сам не запутаюсь в ней, — добавил он вполголоса.

Усталый мальчик замолчал, недоверчиво и испуганно косясь на приближающийся парк и дом, где в глухой щели будто бы прячется от солнца и плетет свою сеть неведомый, сказочно страшный паук...

День уже перевалил на вторую половину, когда оба

путника, не передохнув в Ченсфильде, уже брели в обратный путь.

— Нам чертовски не повезло, мой мальчик, — бормотал шарманщик. — Паук затащил нашу прекрасную леди в индийские воды на своем проклятом корабле! Боюсь, что она может не вернуться из этого плавания... Что ж, придется нам еще сегодня добраться до конторы старого мистера Томпсона и оставить ему сверток, адресованный леди Райленд. Нам с тобой, Том, слишком опасно держать этот сверток при себе, ибо он стоит дороже, чем любой дом по этому унылому шоссе...

По дороге в Бультон ехал какой-то добродушный фермер. Он сперва обдал наших путников грязью из-под колес своей легкой повозки, а затем сжалился над ними, уныло бредущими, мокрыми от дождя. Под вечер возница высадил голодных и полузамерзших странников перед высокой дверью дома, где помещалась юридическая контора «Томпсон и сын».

Глава седьмая

КЛИНОК И КОЛЬЧУГА

1

В субботу, в первый день февраля, на бультонском внешнем рейде раздался пушечный выстрел, оповестивший портовых чиновников о прибытии судна.

Выпавший с утра снег таял, но сырой, холодный ветер нагонял с моря новые тучи. Прибой ревел у портового мола, и даже в гавани волны сильно качали две шлюпки с прибывшего американского корабля. Борясь с волной, они приближались к причалу.

На первой из них среди других пассажиров сидел высокий путешественник в индейской куртке, расшитой красными узорами. Из-под войлочной шляпы с загнутыми полями выбилась на его лоб седоватая прядь, прикрывшая косой шрам над переносицей. На поясе висел нож в узорчатых ножнах и два крупнокалиберных пистолета. Путешественник не спускал глаз с двух кожаных мешков, обшитых ременными полосками. Они лежали на дне шлюпки вместе с большим черным саквояжем пассажира. На мешках сидели два его спутника в матросских плащах.

Группа встречающих на берегу ждала прихода шлюпок. В стороне, заложив руки в карманы, стояли с видом глубочайшего безразличия двое портовых зевак. Когда гребцы первой шлюпки пришвартовались к причалу, эта парочка удалилась за штабель ящиков.

Оба субъекта стали наблюдать из-за прикрытия за высадкой пассажиров.

Таможенный чиновник пригласил прибывших в длинное серое здание на берегу. Он грубо толкнул одного из матросов, вытаскивавших на берег тяжелые мешки, но путешественник в индейской куртке отвел чиновника в сторону и сказал ему вполголоса несколько слов, упомянув имя сэра Фредрика Райленда. Лицо чиновника расплылось в улыбке. Он почтительно похлопал рукой увесистые мешки и удалился, оставив путешественника, матросов и их груз на опустевшем пирсе.

На зевак, укрывшихся за штабелем, слова путешественника оказали магическое действие. Один из них с поклоном подошел к приезжим, другой побежал за извозчиком. Очень скоро багаж был погружен в коляску, приезжий занял место на сиденье, а его матросы стали на подножках экипажа. Оба неожиданных помощника остались следить за высадкой пассажиров второй шлюпки.

На улице Портового Маяка экипаж остановился перед каменной аркой двухэтажного дома. Над аркой красовалась вывеска с изображением очень бурного моря и тупомордого кита в продольном разрезе, позволявшем созерцать внутренности животного. В области его желудка бесстрашный живописец поместил стол с бутылками и двух пирующих матросов.

Дым от десятков трубок синими полосами вился под низким потолком таверны. На столиках гремели кости, звякали монеты. Кружки с элем[1] опоражнивались тем быстрее, чем ближе день подходил к вечеру. Когда входная дверь открывалась, с улицы врывался в зал густой клуб холодного февральского воздуха. Морозный пар смешивался с табачным дымом, и свет закопченной люстры еле пробивался сквозь эти облака.

За высокой буфетной стойкой, среди бутылок, оловянных кружек и тарелок с закусками, стоял хозяин

---

[1] Эль — крепкое английское пиво, светлое и густое.

таверны, человек, известный морякам всех пяти частей света.

Рукава его блузы были закатаны и обнажали сильные волосатые руки с тяжелыми, как гири, кулаками. На груди висела серебряная боцманская дудка. Коротко постриженная борода иссиня-черного цвета обрамляла бледное, без единого пятнышка румянца лицо. Глаза глядели холодно и властно из-под тяжелых век. У стойки, справа от хозяина, всегда виднелась пара черных костылей.

Уже пятый год шел с тех пор, как боцман Вудро Крейг потерял в морском бою ступни обеих ног и стал за стойку в купленном им небольшом трактире. Прежний хозяин этого заведения еле сводил концы с концами, но у Крейга дело пошло. Через год после перехода к новому хозяину трактир «Чрево кита» стал самым известным на западном побережье Англии. Бультонцы осведомлялись здесь о времени прихода любых кораблей; купцы обменивались новостями из всех стран мира. Моряки при помощи смазливых девиц спускали за два-три дня все, что зарабатывали в течение месяцев океанских рейсов. Капитаны вербовали здесь экипажи, а судовладельцы находили капитанов для кораблей.

В душных номерах верхнего этажа, куда вино и блюда подавались молчаливыми исполнительными слугами-неграми, совершались всевозможные сделки между купцами, моряками и владельцами судов. Нередко эти совещания кончались пиром далеко за полночь. Подчас это бывали совсем особые сделки, когда один из договаривающихся развязывал мешок с золотом, а его партнеры прятали за пазуху оружие и выходили из таверны, низко опустив поля своих шляп и прикрыв подбородки плащами...

На этот раз сам хозяин таверны, знаменитый и таинственный Вудро Крейг, выбрался из-за стойки, чтобы встретить путешественника в индейской куртке и его спутников. Матросы, прибывшие с этим моряком, сразу нашли множество собеседников в общем зале; тяжеленные мешки быстро очутились в самой нарядной из верхних комнат, куда Вудро проводил и путешественника. Дверь за ними захлопнулась, и приезжий сбросил свою широкополую шляпу, накрывшую сразу чуть ли не половину стола.

— Ты вернулся вовремя, Джузеппе, — говорил хо-

зяин таверны. — У нас в Бультоне стало неспокойно с тех пор, как Фернандо нанес Мак-Райлю свой визит. Райленд приказал взять под наблюдение всех приезжающих. Ты видел моих ребят в порту? Хлопот у нас прибавилось. Раньше мои люди работали на одного Райленда, теперь же у меня целое сыскное бюро. Три десятка частных агентов, понимаешь? Для полиции я ловлю воров и фальшивомонетчиков; для ревнивцев слежу за их женами; для предпринимателей нахожу соглядатаев; приходится выполнять и особые частные поручения... Это прибыльно! А нынче ночью меня вызвал сам полковник Хауэрстон. Ты слышал о нем?

— О полковнике Хауэрстоне? Начальнике тайной канцелярии при военном министре? Разве полковник сейчас в Бультоне?

— Прибыл нынче ночью с двумя офицерами штаба; остановился в «Белом медведе». Они давно ловят какого-то опасного проповедника. Он появился здесь недавно, чтобы сеять смуту среди рабочих. Зовут его Элиот Меджерсон. В Бультоне он стал главою тайного братства разрушителей машин, и полковник Хауэрстон всего на несколько часов опоздал к пожару «Бультонской мануфактуры».

— Как, разве сгорела «Большая мануфактура»?

— Не далее как вчера. Весь Бультон поднят на ноги. Хауэрстон просил меня помочь изловить Меджерсона и его «братьев луддитов». У Меджерсона есть помощник, кажется, не из здешних, очень ловкий парень. Я пустил по их следу моего компаньона Линса и самую опытную из ищеек — Куницу Френка. Помнишь его?

— Бывшего картежного шулера? Помню! Скажи, Вудро, удалось тебе узнать что-нибудь новое о Фернандо? Райленд требует, чтобы Фернандо Диас был уничтожен любой ценой.

— Он исчез из Бультона и, по-видимому, из Англии.

— Фернандо, несомненно, имел здесь сообщников. Он охотился за Леопардом Грелли и должен появиться снова. Кто мог знать, что камень был у Мака?

— Об этом мог догадаться Лоусон, бывший оценщик. Только он и видел алмаз в руках Мака.

— Ты не пробовал прощупать этого Лоусона?

— Это нелегко: он живет в порту и знает всех моих людей в лицо. Я советую тебе, Джузеппе, поселиться у него на несколько дней. Он сдает свой домик приезжим. Под видом чужеземца ты, быть может, что-нибудь и

выведаешь у него. Отправляйся к нему сегодня же, в этом наряде... Теперь рассказывай, какие новости привезты от Леопарда.

— Он выручил хорошие деньги за партию негров. Мы с Джеффри продали их в Америке, более шестисот душ... Вот они! — И моряк указал на мешки. — Сегодня я доставлю эти мешочки в банк Ленди. «Глория» и «Доротея» пошли теперь в Южную Африку ловить кафров и зулусов. Леопард не любит проторенных дорог к Золотому Берегу или Гамбии; на африканском юге он возьмет негров дешевле, и это даст ему еще тысяч двадцать. Леопарду нужны деньги, он замышляет крупные дела. Будут строиться кирпичный и литейный заводы, новая суконная, новая хлопчатобумажная фабрика; «Бультонская мануфактура» должна вырасти вдвое. Да, вероятно, и верфь Паттерсона Грелли приберет к рукам так же, как и банк Ленди...

— Что ж, в добрый час! Как поживает его леди?

— Она вряд ли вернется в Ченсфильд. Там, наверно, вскоре появится другая леди, более покладистая.

— Как же он думает разделаться с первой?

— Или она получит развод, или... в море нередки несчастные случаи! Кстати, Джакомо велел тебе не спускать глаз с конторы Томпсона.

— Я наблюдаю за ней в четыре глаза. Удалось купить адвокатского кучера Флетчера и старшего клерка конторы Дженкинса. С этим Дженкинсом, боцманом Бутби и капитаном Блеквудом я набираю матросню для «Окрыленного». Ты, Джузеппе, идешь на «Окрыленном» первым помощником. Можешь сегодня познакомиться здесь с твоим будущим капитаном, которого Джакомо сманил с «Крестоносца». Толковый моряк, но боюсь, что он набит честностью, как фаршированный желудок гречневой кашей. Тебе придется заняться его воспитанием. Нынче вы должны подписать ваши контракты в конторе Томпсона; там в шесть вечера ты найдешь управляющего компанией мистера Норварда и нового капитана — Блеквуда. Эх, поплавал бы и я с вами, да проклятые костыли держат меня во «Чреве китовом», как пророка Иону...[1]

---

[1] Иона — один из легендарных библейских пророков. В библии о нем рассказывается, что за ослушание бога он был брошен в море и проглочен китом, провел три дня и три ночи в его чреве, вымолил себе прощение и был изрыгнут китом на берег.

Сообщив все это, хозяин таверны заковылял на своих костылях вниз. В большом зале царило в этот день необычное оживление. Как только хозяин занял место у стойки, матросы в одиночку и целыми группами стали подходить к этому алтарю таверны. Вудро коротко отвечал на приветствия, всматривался в стоящих перед ним и записывал некоторые имена в засаленную синюю книжку. Всем, кто удостаивался чести попасть на страничку этой книжки, открывался новый кредит. Остальные смотрели на них с завистью.

После полудня в таверну явился новый капитан «Окрыленного», мистер Блеквуд. В отдельном номере он беседовал с каждым из членов будущего экипажа. Одним из первых к нему подошел худой человек с запавшими глазами и землистым цветом лица. Капитан бросил взгляд на его бумаги.

«Джемс Кольгрев, рисовальщик и гравер», — прочел моряк. Он с сомнением взглянул на впалые щеки и худые руки гравера.

— Вы давно оставили свою профессию, Кольгрев? — осведомился капитан.

— Да, сэр, уже четыре года... Два последних года я плаваю матросом.

— Что же побудило вас к этому?

— Ах, сэр, это печальная история. Она разбила сердце моей матери. Мистер Крейг хорошо знает мою судьбу.

Вудро Крейг действительно хорошо знал историю этого человека. Нужда и лишения заставили молодого мастера принять один частный заказ на изготовление некоего брачного документа. Заказ был выполнен, причем гравер Кольгрев столь успешно конкурировал с государственными органами, что изготовленный документ вполне удовлетворил и заказчика, и британские власти. Через некоторое время Кольгрев попытал свои силы на поприще конкуренции с денежным печатным станком и при первой же довольно наивной попытке угодил за решетку бультонской крепости-тюрьмы. Смехотворность попытки, семнадцатилетний возраст злодея и вмешательство важного заступника побудили судью вынести очень мягкий приговор; через два года Кольгрев оказался на свободе и явился в порт, чтобы предложить свои услуги любому капитану, который согласился бы увезти его подальше от Англии. Вудро Крейг узнал в порту бывшего гравера и, памятуя о документе, определил Кольг-

рева матросом на каботажное судно. Теперь Вудро почел за благо перевести Кольгрева в состав экипажа «Окрыленного».

Боцман капера Джон Бутби и старший клерк конторы Томпсона тощий мистер Дженкинс протягивали морякам листы контрактов и большое перо. Не все моряки умели подписывать свое имя, многие ставили крестики и кружочки, и тогда за них расписывался Дженкинс. Затем он скрипучим голосом читал слова контракта вслух, и моряк, не пытаясь вникать в туманные юридические формулы, отправлялся с узелком под мышкой в доки Паттерсона.

Когда вечерние огни города приветливо замигали в туманном воздухе, весь экипаж «Окрыленного», насчитывавший более трехсот человек, был уже на борту, а капитан Блеквуд отправился подписывать свой контракт в контору Томпсона.

2

Миссис Бингль собрала в узелок свежевыглаженное белье своего давнишнего клиента Эндрью Лоусона; повесив на двери замок, она направилась в порт, к его домику.

Около дома она заметила коляску. Мистер Лоусон встречал нового постояльца. Прибыл он, вероятно, издалека. На приезжем был необычайный кожаный костюм, украшенный бахромой и индейским узором. Багаж его заключался в большом черном саквояже. Прачка подождала у калитки, пока суматоха в доме уляжется. Когда пустой кэб отъехал, миссис Бингль постучала в окно. Сначала в комнате залаял пудель, потом открылась задняя дверь. Слуга хозяина выглянул во двор.

— Мистер Лоусон занят, — сказал он. — Присядьте, миссис Бингль, и расскажите, что новенького слышно в городе.

— Ох, Грегори, вы не поверите, какие удивительные вещи произошли нынче у меня на глазах! Вы знаете, несколько дней назад у меня тоже поселился постоялец, очень спокойный одинокий жилец, из приезжих...

Плотина молчания, слишком долго сдерживавшая стихию женского красноречия, наконец прорвалась, и первой жертвой хлынувшего потока оказался Грегори. Миссис Бингль повествовала вдохновенно. Лицо ее рас-

краснелось, а в глазах зажглись искры. Она не просто рассказывала — она изображала в лицах все, чему была свидетельницей в комнате своего жильца...

В соседнем помещении мистер Лоусон беседовал с новым постояльцем. Услышав голос миссис Бингль, Лоусон прервал беседу и покинул комнату приезжего, чтобы расплатиться с прачкой. Приезжий давно уже прислушивался к художественному повествованию за стеной. Вслед за Лоусоном он шагнул в кухню, где ораторствовала прачка. В этот миг миссис Бингль изображала с помощью узла с бельем и стула, как ее жилец, превращенный в шарманщика, покидал квартиру с юным Томасом.

Новый постоялец Лоусона осведомился, не является ли миссис Бингль прачкой, присовокупив, что весьма нуждается в услугах такого рода. Миссис Бингль сделала нечто вроде реверанса, и приезжий пригласил ее в свою комнату. Он вручил ей несколько пар превосходного голландского белья, извлеченного из черного саквояжа, и уплатил вперед столь щедро, что прачка рассыпалась в изъявлениях благодарности. Приезжий сделал комплимент тонкости ее манер и выразил предположение, что миссис ввергнута в свое нынешнее скромное состояние несомненно лишь в силу неожиданных жизненных невзгод.

Разумеется, уже через четверть часа приезжий был посвящен в биографию мастера Джона Бингля и его супруги подробнее, чем в дела своих ближайших родственников.

Гибель мастера, вмешательство леди Эмили Райленд в судьбу вдовы и ее детей, сочельник у мистера Томпсона и, наконец, все события последней ночи были изложены приезжему столь же вдохновенно, как и предыдущему слушателю. Когда повествование дошло до ночного возвращения в нарядном камзоле ее жильца, мистера Ханслоу, глаза приезжего приняли сонное и безучастное выражение. Обставляя свой рассказ все более красочными деталями, миссис Бингль передала свои впечатления от предрассветного визита угрюмого старика, который вышел из квартиры в другом платье и оставил в комнате жильца не только обледенелую куртку, но даже часть своих волос. Наконец разговорчивая особа поведала усталому слушателю о необычайной трансформации самого мистера Ханслоу сначала в красавца перед зеркалом, а затем — в старого шарманщика.

— И еще я забыла сказать, что мистер Ханслоу впервые снял перед зеркалом свою перчатку с левой руки, и я увидела его кисть: на ней одного пальца не хватает, а в перчатке этот палец просто набит ватой!

— Куда же он повел вашего мальчика? — спросил приезжий сонным голосом.

— Этого я не знаю, сэр.

Голова приезжего стала клониться на грудь. Он взглянул на свою собеседницу помутневшим взором.

— Простите, миссис Бингль, — сказал он, — вы доставили мне большое удовольствие своим рассказом, но я чувствую сильное утомление. Я охотно послушаю вас еще раз, когда вы принесете белье. До свидания!

Мистер Лоусон, зашедший к постояльцу, застал его уже спящим в кресле. Посетовав на женскую болтливость, утомившую гостя сильнее, чем все проделанное морское путешествие, старик прикрыл дверь.

Тем временем Грегори успел запереть калитку за прачкой. Веки постояльца слегка приоткрылись. Он посмотрел в окно и подождал, пока фигура миссис Бингль совсем скроется из виду. Тогда он встал и позвал хозяина.

— Какая досада! — воскликнул он. — Эта болтливая баба так заговорила меня, что я забыл отдать ей еще смену белья! Я пойду сейчас по делам и кстати занесу ей сверток. Далеко ли она живет отсюда?

— Чарджент-стрит, против Дома общественного призрения, в нижнем этаже. Это совсем близко. Разрешите записать ваше имя в книгу жильцов, сэр.

Постоялец протянул ему свой морской патент.

«Джозеф Лорн», — прочел хозяин. Имя это было ему совершенно незнакомо.

3

Выйдя из калитки, Джозеф Лорн посмотрел на часы. Был шестой час. Ровно к шести Норвард и капитан Блеквуд ждали его в конторе Томпсона. Моряк подозвал кэб и вскоре очутился перед дверью «Чрева кита». Беседа с Крейгом на заднем дворе таверны отняла у Лорна всего несколько минут, и кэб со своим седоком покатился дальше по плохо освещенным улицам.

Не прошло и получаса, как во двор Дома общественного призрения, крадучись, пробрался человек с карабином. Выбрав щель в заборе, выходившую прямо на одно из окон противоположного дома, человек просунул ствол карабина в щель и положил приклад на упор из двух палок. Запахнув полы плаща, стрелок неподвижно замер в своей засаде. Одновременно другой человек тихо вошел в подъезд, где жила миссис Бингль, и, спрятавшись за дверью чулана в темном углу под лестницей, высвободил из ножен кинжал. Едва эти приготовления были закончены, два других агента постучали в дверь квартиры. Узнав у хозяйки, что мистера Ханслоу нет дома, они бесцеремонно втолкнули миссис Бингль в его комнату; тут под угрозой пистолетных дул они предложили вдове не подавать жильцу никакого знака и спокойно открыть ему дверь, как только он вернется домой.

— Ваш постоялец — государственный преступник, а мы — представители полиции, — сказал ей старший из обоих гостей, рыжеусый человек в низко надвинутой шляпе. — Только помощь в его поимке смягчит вашу собственную участь как соучастницы Роджерса-Ханслоу.

Миссис Бингль вскрикнула и едва не лишилась чувств.

— Не вздумайте падать в обморок, — предостерег ее тот же агент. — Вы должны впустить его в дом и запереть дверь. Остальное предоставьте нам.

Убедившись, что вдова уже полумертва от страха, незнакомец в низкой шляпе обратился к своему спутнику:

— Помните, Френк, нашу задачу: передать полковнику Хауэрстону только труп этого Ханслоу. Безногий предупредил, чтобы ни под каким видом этот человек не попал в руки властей живым.

— Об этом не тревожьтесь, мистер Линс, — отвечал рыжеусому его товарищ.

4

— Капитан Дональд Блеквуд, извольте скрепить контракт подписью. Итак, с нынешнего дня вы уже не старший офицер фрегата «Крестоносец», а капитан капера «Окрыленный». Разрешите вас поздравить и пожелать...

— Я не опоздал, господа? Сейчас, вероятно, ровно шесть часов?

— Садитесь, мистер Джозеф Лорн... Теперь как раз ваша очередь подписывать... Благодарю вас, джентльмены, и желаю вам удачи!

Старый мистер Томпсон отложил в сторону бумаги, подписанные офицерами «Окрыленного».

— Познакомьтесь с вашим первым помощником, капитан Блеквуд, — сказал Норвард, управляющий компанией, — Мистер Джозеф Лорн только сегодня утром прибыл из Америки — и уже снова на корабль! Такова жизнь моряка. Сегодня ночью мы с капитаном Блеквудом на месяц уезжаем в Лондон, чтобы получить в адмиралтействе каперский патент для «Окрыленного» и покончить с делами мистера Блеквуда на «Крестоносце». Два места в почтовой карете уже заказаны, вечером я буду ожидать вас, мистер Блеквуд, в гостинице «Белый медведь». А вам, мистер Джозеф Лорн, придется наблюдать за всем, что происходит в доках, пока корабль не покинет причал. На днях моряки с «Окрыленного» охраняли доки и предотвратили довольно подозрительную попытку поджечь верфь. Мятеж в Бультоне назревал давно, но до сих пор нам удавалось с помощью людей мистера Крейга вовремя распознавать планы рабочих создать комитет и разгромить цехи, как это не раз делали восставшие ткачи Спитфильда. Новые машины вызывают их гнев, ибо опытных мужчин-мастеровых мы теперь оставляем в цехах вдвое, втрое меньше прежнего, заменяя их бабьем и ребятней. Это выгодно и помогает легко избавляться от недовольных и смутьянов. Но у бунтовщиков недавно появился опытный вожак, который научил наших ремесленников правильным тайным действиям, или, как говорят, конспирации. Так вот, пока мятеж рабочих Бультона еще не тлеет под пеплом первого разгрома и пока еще не изловлен вождь луддитов Элиот Меджерсон, вам нельзя дремать, мистер Джозеф Лорн! До свиданья, мистер Томпсон!

Моряки и управляющий вышли из кабинета. Контора была пуста. Мистер Томпсон отпустил уже всех своих клерков, кроме одного писца в передней, но в общей зале моряки заметили довольно странную группу, ожидавшую перед дверью кабинета: мальчишка на скамье кормил орехами небольшую мартышку в платьице, старый шарманщик дремал, откинувшись на спинку

скамьи. Шарманка стояла рядом, и старик придерживал ее левой рукой. На ней не хватало безымянного пальца...

Лорн шел последним. При взгляде на шарманщика он резко остановился от неожиданности, и бродячий музыкант поднял на него глаза. Два взгляда встретились, смертельная ненависть сверкнула в обоих... Не успел еще Лорн опомниться, как шарманщик одним движением сорвался с места и распахнул дверь кабинета, откуда только что вышли офицеры. Очутившись за дверью, он с силой захлопнул ее, дважды повернул ключ в замке и накинул крючок.

Кошачьим прыжком шарманщик отпрыгнул в глубь кабинета, где Уильям Томпсон, стоя на корточках перед шкафом, укладывал на полку подписанные контракты. В дверь уже сыпались сильные удары. Джозеф Лорн изо всех сил налегал на нее снаружи.

Норвард и Блеквуд даже не заметили, что Лорн отстал. Они не обратили внимания на его отсутствие и при посадке в экипажи. Под окнами адвоката уже застучали подковы и заскрипели по снегу железные шины. Дверь кабинета сотрясалась от толчков и ударов.

— Боже мой, это вы, мистер Роджерс! — пролепетал испуганный адвокат, когда незнакомец, так неожиданно очутившийся в его кабинете, сбросил плащ и шляпу.

— Тише, мистер Томпсон! Оставляю вам сверток для леди Эмили Райленд. Никому не показывайте его, слышите? В нем письмо и драгоценность в четыре тысячи гиней... Вероятно, миссис Бингль проболталась и выдала меня... Молчите о пакете, чтобы Джузеппе Лорано сейчас ничего не заметил!

Удары в дверь становились все оглушительнее. Из приемной прибежал писец и стал помогать моряку. Вдвоем они высадили наконец массивную дверь.

Мистер Томпсон растерянно глядел на распахнутое окно своего кабинета. Морозный зимний воздух врывался в комнату.

Джозеф Лорн бросился к окну и выглянул с высоты второго этажа. Он увидел внизу свежие следы конских подков и колес, а в глубине улицы — темную фигуру бегущего человека, завернувшего в ту же минуту за угол.

Моряк отскочил от окна и ринулся назад, в общую комнату, где за барьером еще сидел бледный, растерян-

ный мальчуган. Он выпустил из рук цепочку от ошейника обезьяны, и зверек, скорчившись на спинке скамьи, с любопытством осматривал обстановку канцелярии. Джозеф Лорн схватил мальчика за руку, чтобы подвергнуть допросу. В этот миг обезьяна, словно и ей передалось царившее среди людей волнение, сделала огромный скачок и очутилась на шкафу, под которым Томас Бингль силился освободиться из рук моряка.

Мистер Уильям Томпсон вбежал в канцелярию в тот момент, когда со шкафа прямо на Лорна обрушился пыльный гипсовый бюст Цицерона. Столкнув бюст, разлетевшийся вдребезги, обезьяна перескочила на люстру и, сильно раскачиваясь, повисла на одной руке. Она держалась за обод люстры и прицеливалась, куда бы прыгнуть дальше.

Ушибленный в плечо, Джозеф Лорн выпустил из рук мальчишку, в ярости схватил большой кусок отколовшегося гипса и запустил им в обезьяну. Снаряд угодил не в животное, а в качающуюся люстру. Зазвенел разбитый абажур, горящее масло полилось на стол. Сукно и папки на столе затлели. Обезьяна перескочила на полку. В комнате сделалось темно, но Микси схватила с полки какие-то документы и швырнула их в горящую на столе жидкость. Бумаги вспыхнули ярким пламенем и, словно факел, осветили метавшихся по комнате людей. Мистер Томпсон, клерк и Джозеф Лорн бросились тушить огонь. Им удалось заглушить пламя, набросив на него ковер и сорванные портьеры. В этой суматохе Томас Бингль ухватил наконец цепочку зверька и опрометью выбежал с ним на улицу.

Когда он приплелся домой, тетя Полли, их соседка, открыла дверь. Мальчик не узнал квартиры. Все вещи в комнате были перерыты, белье из комода валялось на полу, а сама миссис Бингль стояла посреди этого хаоса, прижав руки к подбородку и неподвижно уставившись в одну точку. Увидев обезьяну в руках мальчика, она закричала диким голосом, взмахнула руками, словно защищаясь от привидения, и, как сноп, повалилась на кучу хлама, разбросанного на полу.

Поздним вечером старый бультонский банкир мистер Сэмюэль Ленди заперся в подвале своего банка, где в прохладном сумраке стояли шесть грузных, как слоны, металлических шкафов. Вдвоем с казначеем банка ми-

стер Ленди при свечах еще раз пересчитал золото и ассигнации, высыпанные из двух кожаных мешков.

— Ровно десять тысяч фунтов золотом и на четырнадцать тысяч ассигнациями, — сказал казначей. — Все ли они идут на текущий счет мистера Райленда?

— Нет, по его распоряжению пять процентов этой суммы зачисляется на счет мистера Джозефа Лорна, — отвечал хозяин. — Этот вклад — первые результаты экспедиции «Ориона». О, заокеанские экспедиции Райленда, по-видимому, обещают многое впереди!

Мистер Ленди подсчитал что-то в своем блокноте, вздохнул и, захлопнув дверь денежного шкафа, отправился на покой.

Шотландец клерк мистер Арчибальд Стейболд за короткий срок успел надоесть всей прислуге «Белого медведя». Постоялец был сумрачен, не отличался щедростью и постоянно изъявлял желание «покинуть этот вертеп порока». В течение двух суток он сидел в одиночестве, запершись в своем тесном номере, не принимая никаких гостей и не делая никому визитов. Только один раз этот угрюмый жилец велел трактирному слуге окликнуть на улице и позвать в номер какого-то юношу, которого постоялец заметил из своего окна. Старый клерк быстро надел меховой плащ и вместе с юношей покинул гостиницу.

В сопровождении своего юного спутника, которому на вид можно было дать лет пятнадцать, мистер Стейболд отправился в сторону порта. Узкими окраинными уличками они вышли к предместью, пересекли пустырь, покрытый снегом и мусором, и спустились по крутой тропинке к самому морю, где прибой ворочал каменные кругляки.

Старик с привычной осторожностью огляделся по сторонам и обнял юношу за плечи:

— Здесь один бог слышит нас с тобою, мой сын! Я рад, что судьба привела тебя под мое окошко и я снова могу побеседовать с тобою.

— Мне нельзя отлучаться надолго, учитель: я послан из конторы в город за покупками и должен скорее принести джентльменам их заказы... Но я, конечно, тоже очень рад снова видеть вас, мистер Меджерсон...

— Тс-сс! У меня теперь другое имя.

— Могу ли я быть чем-нибудь полезен вам и... делу свободы? — добавил юноша, краснея и смущаясь.

— О мой Джордж, в нашей борьбе важна всякая помощь! Если собрать все наши слабые усилия и соединить в одно, мы можем сдвинуть горы... Прочел ли ты книги, что я тебе дал?

— Да, мой учитель, я их прочел и хорошенько спрятал. Их никто не видел у меня.

— Ты поступил разумно, ибо книги эти запрещенные. Они учат справедливой жизни и любви к ближнему; в руках борцов за правду они клинок, который пробьет кольчугу зла! Возмужав, ты, Джордж, должен будешь взять в руки этот клинок, потому что разум твой ясен и душа чиста. Ты — сын людей труда, не так ли?

— Да, моего отца задавило на фабрике, а мы с братом Томом погибали на верфи, пока нам не помогли добрые люди... Учитель, я очень хочу скорее вступить в ваше братство.

— Ты, мой сын, еще слишком юн, чтобы брать на себя столь тяжкую клятву. Но со временем, когда ты на деле докажешь свою готовность к жертве ради равенства всех людей, ты станешь не только членом братства, но, быть может, и его вожаком, заменив того, чей час пробьет!

— Испытайте меня, учитель!

— Одно поручение я дам тебе сейчас же: подыщи мне в городе небольшую квартиру поближе к окраине, где живут рабочие верфи и мануфактур.

— Это я исполню с радостью. А мне вы дозволите приходить к вам?

— Да, мой сын, там мы будем часто видеться.

— Но это же слишком легкое поручение! Доверьте мне что-нибудь трудное, опасное.

— Сын мой, коли хочешь знать, опасно даже говорить со мной, опасно стоять рядом со мной здесь, у этих шумных волн. Но у меня есть для тебя и еще одно, настоящее, трудное поручение. В борьбе за правду и свободу оно немаловажно.

— В борьбе за правду и свободу!.. Мне кажется, я сумею умереть за это!

— Жизнь — это высший божий дар, и отдавать ее нужно подороже. Не погибель, а победа — вот наша цель... Так вот, поручаю тебе: неторопливо, настойчиво, терпеливо собирай все, что сможешь узнать о... злейшем враге тружеников Бультона, о владельце «Северобританской коммерческой компании». Его окружает какая-то важная тайна. Братству нужно проникнуть в нее, что-

бы успешно бороться с этим слугою дьявола. Имя этого человека...

— Я знаю. Это виконт Ченсфильд!

5

Полковник Хауэрстон отложил томик Стерна, набил трубку и пустил колечко дыма в угол комнаты.

В гостинице «Белый медведь» наступила тишина. Ночной почтовый дилижанс, оттрубив под окном полковника, уже двинулся дальше и, вероятно, катился теперь по заснеженному тракту. Замерли и шаги слуг в коридоре; из нижнего этажа более не доносился стук посуды, и лишь беспокойный сосед полковника, занимавший небольшой номер рядом с просторным покоем Хауэрстона, еще брюзжал и копошился за стеной. Этот ворчливый клерк какой-то шотландской фирмы бранил слугу и проклинал офицера-моряка, занявшего вместе с управляющим «Северобританской компании» два последних свободных места в дилижансе.

— Ни одного дня не останусь больше в вашем вертепе! — негодовал старик. — Я немедленно покину это блудилище, где хозяин-безбожник нарочно устраивает все так, чтобы жилец не мог вовремя уехать! Пусть он не воображает, что, продержав меня здесь лишние сутки, он выманит еще денег за постой!

— Хэллоу, мистер Стейболд! — крикнул полковник, которому надоела брань за стеной. — Что привело вас в такое негодование? Зайдите ко мне и остудите свою злость глотком недурного хереса!

Стейболд, в длиннополом меховом плаще, вошел в номер полковника, продолжая изливать свою досаду. Хозяин пригласил его к столу и придвинул стакан. За вином между соседями завязалась беседа, и негодование старого клерка несколько улеглось. Он сухо поблагодарил полковника и ушел к себе, отказавшись, по дружескому совету Хауэрстона, от своего намерения покинуть гостиницу.

Полковник уже собирался раздеться и потушить свечу, как денщик принес письмо, только что доставленное посыльным от Вудро Крейга.

Хауэрстон пробежал листок, накинул халат вместо уже снятого мундира и спустился в первый этаж, где квартировали сопровождавшие его офицеры. Одного из них, капитана Бредда, полковник застал за составлени-

ем донесения министру. Офицер поднял на своего начальника усталые глаза и, уловив скрытое торжество и радость в лице Хауэрстона, спросил:

— Уж не получены ли новые вести о Меджерсоне, господин полковник?

— Я недаром обратил внимание на своего соседа! — отвечал тот. — Сейчас я получил подробности допроса этой дуры Бингль. Ее жилец Ханслоу, агент Меджерсона, пока ускользнул. Но не далее как вчера утром этот самый Ханслоу помог Меджерсону изменить свою внешность и превратиться в шотландского клерка. Так вот: мой сосед и друг шотландский клерк Арчибальд Стейболд — не кто иной, как вожак луддитов Элиот Меджерсон! Вы немедленно установите за ним строжайшую слежку, мы накроем одним ударом всю его шайку!

Ранним утром следующего дня из ворот бультонской верфи торопливо вышел юноша лет пятнадцати в чистой куртке и синем суконном берете с пряжкой. Выпустивший его стражник ухмыльнулся, глядя вслед юноше, столь непосредственно выражалась на его лице радость свободе и возможности провести воскресный день дома.

Неподалеку от ворот юношу окликнул уличный разносчик, предлагавший прохожим пирожки и булки.

— Куда вы так спешите, молодой человек? Не купите ли вы себе что-нибудь на завтрак? Вы нигде не найдете товара лучше и свежее, чем мой!

Юноша сдвинул берет на затылок, рассыпав по плечам золотистые кудри. Сунув руки в карманы куртки, он в раздумье остановился перед лотком.

— Вот эти слоеные пирожки стоят по три пенса. Присядьте-ка на тумбу и попробуйте пирожок. Как вас зовут, и что вы делаете на верфи?

— Меня зовут Джордж Бингль. Я служу чертежником в конторе.

— Я узнал тебя, Джордж, по сходству с твоим братом, — понижая голос, сказал разносчик. — Послушай, что я тебе скажу: у тебя дома несчастье.

Юноша вздрогнул, пирожок выпал из его рук.

— Ты не пугайся, твоя мать и брат здоровы. У них жил постоялец, по имени Ханслоу. Вчера вечером пришла полиция, перерыла весь дом и напугала твою мать. Они теперь по всему городу ищут вашего жильца.

— А кто же он такой, этот Ханслоу?

Разносчик наклонился к уху мальчика:

— Он друг твоего брата Тома и скрывается от полиции, потому что он... сын свободы, понял?

— Ханслоу — сын свободы? Он был вместе с луддитами, да?

— Ты угадал! Ханслоу во всем доверился Тому, и Том хочет помочь ему бежать из Бультона...

— Слушайте, а где сейчас Ханслоу?

— Он спрятался. Вчера его чуть-чуть не поймали. Его ищут, и пока он должен на месяц скрыться из Бультона. Но он обязательно вернется.

— Как же помочь ему?

— Помоги ему тайком увидеться с Томом и никому не говори о нашем разговоре.

— Что же передать Тому?

— Скажи ему, чтобы через четыре недели, в четверг, накануне первого марта, он один пришел сюда, вон в тот сад за домиком, к одиннадцати-двенадцати часам вечера. Ханслоу встретит его.

— Ладно! Даю слово! Сегодня же передам об этом Тому, а больше никому не скажу ни звука.

Был уже полдень третьего февраля, когда сосед полковника Хауэрстона зашевелился в своей комнате. Совершив не спеша свой туалет, мнимый мистер Стейболд вышел из гостиницы. Он шел медленно, читая вывески и афиши, как человек, которому решительно некуда спешить. В руках он держал последний номер «Монитора». На углу улицы Святого Якова и Гарденрод начинался небольшой бульварчик. Меджерсон уселся на скамье и развернул журнал. Он увидел, что человек в сером плаще, шедший от самой гостиницы по другой стороне улицы, отвернувшись, рассматривает что-то в окне.

«Шотландский клерк» пошел вниз по бульвару, ускоряя шаги. Серый плащ тоже быстрее замелькал в толпе. Старик неожиданно завернул в знакомый ему проходной двор, вышел на Гарденрод и, убедившись, что он обманул наблюдателя, приблизился к тумбе для афиш, построенной в виде гриба с конической шляпкой. Обойдя тумбу кругом, он нашел афишу местного цирка. В левом верхнем углу этой афиши синим карандашом было начертано несколько значков и цифр.

Этими иероглифами Фернандо извещал своего соратника о крайней опасности. Они означали, что Меджер-

сон раскрыт, взят под наблюдение и должен, не теряя ни часа, спасаться бегством.

Вождь луддитов окликнул кэб и с предельной скоростью, на какую только была способна извозчичья кляча, покатил по безлюдным переулкам. Остановив экипаж у ворот какого-то дома, он пересек двор, перелез через забор и вышел на другую улицу. Окончательно убедившись, что наблюдатель отстал, старик снова взял извозчика и поехал на окраину города, откуда начиналось загородное шоссе. Пешком он добрался до крайних домиков на берегу. Перед домом сушилась рыбацкая сеть. Это был тайный знак, по которому Меджерсон понял, что здесь, в последнем и наиболее тщательно скрытом убежище братьев, все обстоит благополучно. Пристанище это Меджерсон берег на случай крайней опасности.

Старый рыбак-ирландец встретил Меджерсона на заднем дворе. Они молча пожали друг другу руки, и рыбак проводил гостя в крошечную каморку за печью, настолько незаметную, что даже при тщательном обыске было очень трудно обнаружить этот тайничок.

Здесь Меджерсон осмотрел свои карманы, проверив, на месте ли деньги и документы. Убедившись, что, выходя из гостиницы, он не оставил в комнате ничего ценного и важного, Меджерсон скрючился в своей темной норе и проспал до самого вечера. Вечером он услышал голоса в доме. Сын хозяина, крепкий детина лет двадцати трех, вернулся из города. Оба рыбака и старуха, молчаливая, как и ее супруг, позвали Меджерсона ужинать. Ставни на окнах были закрыты. На простом некрашеном столе горела свеча и стояли миски с вареными бобами и свининой.

Меджерсон попросил старика принести спрятанные припасы. Подняв половицу в углу, ирландец вытащил из-под пола плоский, довольно тяжелый ящик.

— Отнеси это в тот садик у порта и спрячь в условленном тайнике. Когда Ханслоу вернется, он найдет там этот ящик; вещь эта окажет ему добрую услугу. Это подарок ему от нас за помощь. А мне придется пока перебраться в Ирландию, в Бельфаст. Там меня спрячут ваши «дубовые сердца»[1].

Глубокой ночью, когда над морем опустился туман

[1] «Дубовые сердца» — одна из тайных крестьянских революционных организаций XVIII века в Ирландии.

от берега отвалил небольшой рыбацкий баркас. Под сложенной на корме сетью самый внимательный глаз не смог бы различить человека. Управляемый старым рыбаком и его сыном, баркас взял курс к берегам Ирландии.

6

Накануне 1 марта, когда все ученики пансиона мистера Чейзвика уже лежали в постелях, Томас Бингль, укрывшись с головой одеялом и затаив дыхание, ожидал ночного обхода. Дортуар[1], где спали мальчики, находился во втором этаже.

В одиннадцатом часу вечера раздались шаги на скрипучей лестнице. В дортуар вошла миссис Чейзвик, сухопарая длинноносая особа с плоской грудью. Очки ее в тонкой стальной оправе, казалось, вот-вот должны сползти с острого кончика носа. В руках у нее была свеча в бумажном колпаке. Она прошла по проходу между восемнадцатью кроватями, притронулась к двумтрем скрюченным под одеялами фигурам и, постояв у дверей, удалилась в нижние комнаты. Там рядом с двумя классными помещениями находилась квартира самого мистера Чейзвика.

Едва шаги миссис, внушавшей ученикам больше страха, чем сам педагог, утихли в глубине дома, Томас Бингль поспешно натянул под одеялом свою одежду.

По скрипучим ступеням лестницы и шатким половицам нижнего коридора мальчик пробрался в одних шерстяных носках, держа башмаки в руке.

Внизу Томас присел на корточки перед дверью каморки, где хранилась верхняя одежда учеников. Мальчик всунул в дверной замок маленький крючок, свитый из железной проволоки, и, орудуя этим прибором, открыл дверь. Отыскав свою куртку, подбитую ватой, и напялив шапочку с пристегнутыми наушниками, мальчик добрался до дверей в кухню. Выйти наружу Томас мог лишь через квартиру мистера Чейзвика или через кухню. В тесном кухонном чулане спала кухарка, а рядом с выходом, у задней калитки, жил в отдельной пристройке сторож.

На цыпочках мальчик миновал темную кухню и на-

---

[1] Дортуар — спальное помещение в закрытых учебных заведениях.

щупал в сенях дверной крючок. Дверь скрипнула, и Томас Бингль очутился на дворе. Соборные куранты вдали дважды отзвонили свою мелодию, затем колокол ударил один раз: отбил половину двенадцатого ночи. Во дворе мальчик обулся. Озираясь на окошко сторожа, он выскочил за калитку и бегом припустил по темным задворкам и закоулкам к верфи.

На территории доков было темно, но вдоль длинного забора горели на редких столбах фонари, озаряя верхний край дощатой ограды, утыканной железными шипами. По углам забора стояли часовые. У ворот прохаживался стражник. Патруль из четырех солдат со старинными алебардами вышел из ворот и отправился в обход, освещая талый снег ручным фонарем, прикрытым от ветра жестяным щитком.

В темном садике одного из ближайших к верфи домов мальчика ожидал его друг, Метью Ханслоу.

— Ты пришел, Том! Молодчина! Я уж начал тревожиться... Ты нужен мне нынче для важного дела!

— Что я должен делать здесь, дядюшка Метью?

— Не торопись. Подождем, пока патрульные вернутся с обхода. Сейчас я объясню тебе нашу задачу... Скажи, ты хорошо знаешь это место?

— Еще бы не знать! За этим забором — доки мистера Паттерсона... Вон крыша кузницы, рядом с нею — чаны со смолою, дальше — склад с инструментами, а за ним — помосты, где заложены корабли...

— Том, а ты знаешь, для кого Паттерсон строит эти корабли?

— Для сэра Фредрика Райленда... Он главный заказчик. Джордж говорит, что на кораблях будут возить рабов в Америку.

— Да, корабли эти понесут в мир много зла... Они нужны Паттерсону и Райленду для разбоя в море, для торговли живыми душами людскими... Фредрик Райленд, ченсфильдский паук, — мой злейший враг, но он враг и всем простым добрым людям... Ты лучше меня знаешь, Том, сколько их погибло на этой верфи! Помнишь беднягу Майка, раздавленного, когда спускали «Окрыленного»? А сколько калек вроде беспалого Паткинса выкинул на улицу мистер Паттерсон! Сколько бедных ребятишек вроде тебя страдает на этой проклятой верфи!.. Том, я намерен спалить ее, спалить всю к черту, как «Бультонскую мануфактуру»!.. Хочешь помочь мне?

— Да!

— Видишь этот ящик? Он довольно тяжел. В нем — часовой механизм с колесцовым замком[1] и... крепкая начинка. Надо пробраться на верфь и спрятать наш гостинец под днище корабля, заложенного в среднем доке. Рядом положишь вот эту бутылку... Потом прикрой ящик и бутылку стружками, просунь под них руку и поверни вот этот рычажок на ящике. Если там затикает, как в часах, то скорее беги сюда, ко мне. Если не затикает, встряхни ящик, только легонько... Скажи, в школе никто не заметил, как ты ушел?

— Нет, никто.

— И ты сможешь незаметно вернуться?

— Попробую.

— Молодчина, Том! И еще: знаешь ли ты корабль «Окрыленный»?

— Знаю. Он сейчас стоит на причале, под самой верфью... Только... на нем уже есть команда.

— Да, ее-то и берегись. Смотри, чтоб тебя не заметили с этого корабля... Вон обход возвращается, теперь пора!.. Здесь, в заборе, я вынул доску. Лезь в дыру. Я просуну тебе ящик и сам буду дожидаться тебя здесь. Сквозь щель я буду следить за тобой. Когда пойдешь назад, держи направление вот на этот фонарь, дыра в заборе чуть правее его... Постарайся никому не угодить в лапы... А уж коли схватят... я тебя выручу! Только... ты не забыл адрес сына Бернардито?

— Нет, не забыл. Давайте ящик, дядюшка Метью...

Мальчик прополз в отверстие, проделанное в заборе. Фернандо просунул ящик, и Том, закряхтев, потащил его в темноту, где на фоне серого ночного неба слабо вырисовывались силуэты лебедок и строящихся кораблей. Припав ухом к щели в заборе, испанец не слышал ничего, кроме шороха ветра в голых ветвях садика. Где-то на причале, вероятно на борту «Окрыленного», раздался перезвон корабельных склянок, и соборные часы, словно в ответ, пробили полночь.

Фернандо стоял у забора, прижавшись к столбу. Ближайший фонарь качался над забором в полусотне шагов, и тень от столба прикрывала фигуру испанца. Патруль, обойдя верфь, снова вернулся к воротам.

[1] Колесцовый замóк — тип пистолетного и ружейного замка; действовал по принципу современных зажигалок. Был общеупотребителен в XVII веке. Мог быть использован для «адской машины».

Солдаты ушли погреться в караулку. Где-то лаяла собака. Минуты текли томительно медленно. Кругом стояла тишина, и редкие, далекие звуки собачьего лая не нарушали, а словно подчеркивали эту глухую ночную тишь.

Внезапно во мраке, где над причалом вздымались мачты «Окрыленного», раздался окрик. Фернандо силился сквозь щель вглядеться в темноту. Он попытался кинжалом раздвинуть доски; крепкое дерево не поддавалось. Свет фонарей замелькал среди высоких помостов с кораблями. Послышался топот кованых сапог. Испанец уперся коленом в бревно, ухватился за шипы забора и, подтянувшись на руках, взглянул поверх ограды. Он увидел мальчишку, стремительно бежавшего к забору. Но мальчик ошибся в темноте и спешил, спотыкаясь, прямо на фонарь!

За мальчиком тяжело бежал моряк в широкополой шляпе и индейской куртке; он держал в руках длинный карабин. Преследователь был еще далеко от мальчика, но тот заметался перед забором, не будучи в силах разыскать спасительную дыру.

Фернандо колебался лишь мгновение. Одним прыжком он очутился внизу, под забором, на той стороне. Мальчишка отпрянул, но, узнав испанца, бросился к нему. Фернандо успел подхватить мальчика; он вскинул его на верхний край забора, и Томас Бингль, перемахнув через острые шипы, в полубеспамятстве скатился в садик и опрометью пустился бежать по задворкам.

Его спаситель выстрелил из пистолета навстречу приближающемуся врагу. Тот опустился на одно колено и вскинул карабин, в то время как испанец, ухватившись за железные шипы, напрягся, чтобы перескочить через них. В тот миг в глубине верфи что-то ухнуло и глухо прокатилось по всей округе. Багровый сноп поднялся к небесам, и десятки огненных змей заструились в темноте ночи, озаряя ее вспышками, искрами и жадными языками пламени. Порывистый ветер подхватил летящие искры.

Первый мартовский рассвет еще не занимался над Бультоном, когда лондонский дилижанс приблизился к городу.

Норвард откинул занавеску от окна кареты и пристально всматривался во тьму, где влево от дороги тем-

нели заснеженные деревья и строения Ченсфильда. Остальные пассажиры дилижанса мирно похрапывали на тряских сиденьях.

Вдруг встревоженный крик кучера разбудил всех пассажиров.

— В Бультоне опять пожар! Горит либо в порту, либо рядом с портом!

— Гоните лошадей! — свирепо проговорил Норвард, вглядываясь в неподвижное зарево, охватившее полгоризонта.

Тяжелая карета покатилась быстрее. Кучер поминутно стегал бичом по конским спинам, и вскоре под железными шипами дилижанса загремели камни бультонских мостовых.

Норвард и Блеквуд, предчувствуя грозную беду, выскочили из кареты при виде первого извозчичьего кэба.

— В порт! — крикнул Норвард.

Заря уже занималась, когда мокрая лошадь, тяжело раздувая бока, рысью примчала кэб к порту. Пламя гигантского пожара, полыхавшего рядом с портовыми строениями, превратило ночь в багровый, страшный день. В море дрожали отсветы пламени.

— Верфь Паттерсона! О черт! К верфи!

Но подъехать к верфи оказалось невозможным.

У ворот стояла густая толпа зевак, с трудом сдерживаемая цепью полицейских. Трое прибывших, оставив экипаж, бросились к воротам. Полицейские расступились, и Норвард с Блеквудом вбежали во двор. Огненный шторм бушевал над верфью. Стапели пылали. Струи воды от пожарных помп подымались не выше чем до половины огненных смерчей и фонтанов.

Кучка людей толпилась в стороне, у забора. Под самым забором лежал, широко раскинув руки, человек с простреленной головой. Над ним, опершись на карабин, склонился Джозеф Лорн, без шляпы, в обгорелой одежде. Голова его была обмотана окровавленной тряпкой.

Когда Норвард подошел к этой группе, он ясно различил в багровом отсвете пожара, что на левой руке убитого не хватает безымянного пальца. Труп лежал вниз лицом; косо срезанные баки курчавились у висков.

Норвард обвел взглядом верфь. За огненным шквалом нельзя было различить ни причального пирса, ни

берега. От нестерпимого жара захватывало дыхание и слезились глаза. Ветер гнал в море тучи искр, и они гасли в свинцовых водах.

— Корабль? — задыхаясь, спросил Норвард, трогая Лорна за плечо.

Вместо ответа Лорн показал рукой в море. Взглянув туда, Норвард и Блеквуд не смогли различить ничего, кроме полыхающего пламени.

В следующий миг резкий порыв ветра отмахнул стену багрового дыма в сторону; далеко на горизонте все трое разглядели силуэт корабля, озаренного отсветом пожара.

Через два часа, когда верфь Паттерсона представляла собой огромную груду тлеющих углей, на «Окрыленном» ожидали прибытия капитана и его помощника Джозефа Лорна. Их шлюпка качалась на мелкой волне у причальной стенки в порту. Блеквуд и Джозеф Лорн, пожав руку Норварду, уже стояли в шлюпке.

Норвард в молчании смотрел ей вслед, пока шлюпка не скрылась за корпусом корабля. С далекого рейда донеслись звуки выбираемых якорных цепей. Вымпел взлетел над грот-мачтой.

Корабль ожил, развернулся, и паруса, словно лепестки белых цветов, один за другим стали распускаться на реях. Наконец, освещенная первыми лучами солнца, белая громада корабля, покинув свою догорающую колыбель, тронулась в путь, навстречу неведомой и неверной судьбе.

Глава восьмая

КОСТЕР НА ВЕТРУ

1

Декабрьские грозовые ливни мыли палубу «Ориона». Океанские волны длиною в полгоризонта катились навстречу бригу, переламывались с шипением и плеском и с размаху ударяли в борт.

Корабль стонал. В его глубоких, темных недрах все скрипело: дерево терлось о дерево, булькала вода, набиравшаяся в трюмах. Мачты звенели под многотонным грузом влажных парусов. С брезентовых курток команды текла вода; у матросов, вязавших на вет-

ру узлы снастей, обламывались ногти. Но по-прежнему лейтенант Уэнт ежедневно отмечал на карте десятки миль, пройденных по курсу, к одинокому острову; и по-прежнему бриг «Орион», зарываясь по самый бушприт в ревущую воду, шел вперед под многозвездными небесами или под лучами летнего декабрьского солнца, от которых мокрая палуба начинала парить, а в каютах сразу делалось жарко.

Приближался сочельник. В кают-компании Доротея, Паттерсон и доктор Грейсвелл готовили рождественский стол. Помещение украсили коврами. Ветка омелы[1], сорванная для рождественского праздника еще в далекой родной Англии, стояла в серебряной вазе посреди стола.

Ричард Томпсон редко показывался на палубе. С молодым адвокатом произошла разительная перемена после памятного ему «семейного совета» в каюте Грелли. С того дня состояние глубокой подавленности не покидало Ричарда.

Теперь вся прежняя жизнь казалась адвокату удивительно простой, чистой и безмятежной. Как изменилось все за такой короткий срок! С неумолимой ясностью Ричард понял, какую катастрофу он вызвал бы своими разоблачениями, не сулившими притом никакого успеха благодаря железной защите, созданной его противником. С тех пор Ричард стал лишь несколько внимательнее приглядываться к экипажу корабля, стараясь распознать среди матросов и офицеров тайных приближенных Грелли.

После стоянки на острове Фернандо-По владелец «Ориона» сам нес вахту на мостике, заменив Джеффри Мак-Райля. На место выбывшего Джозефа Лорна Грелли назначил некоего итальянца, Джиованни Каррачиолу, принятого на бриг в качестве второго штурмана. Этого широкоплечего разговорчивого субъекта Вудро Крейг рекомендовал судовладельцу как «надежного и ловкого малого». Два матроса всегда находились поблизости от Грелли. Один из них — Энрико Рой, развязный субъект, не боявшийся на бриге никого, кроме Грелли. Другой, молчаливый и медлительный датчанин Оге Иензен, выделялся среди экипажа своим атлетическим телосложением, исключительной физической си-

[1] Омела — род вечнозеленых кустарников; служила в Англии XVIII века традиционным украшением рождественского стола.

лой и туповатой исполнительностью. Однажды марсовый матрос Дик Миллс замахнулся на Йенсена железной штангой толщиною в полдюйма. Датчанин вырвал штангу, злобно согнул ее, связал в виде двойного узла и швырнул Миллсу под ноги. Когда боцман показал этот узел пассажирам «Ориона», никто не хотел поверить, что он завязан человеческими руками.

Грелли знал, что этот великан у себя на родине убил в драке четырех человек сразу и бежал от правосудия. Кроме ножа, Оге носил при себе гирьку на железной цепочке. В его руках это оружие было грознее шпаги. Такова была свита владельца «Ориона».

...Лежа на своей узкой корабельной койке, мистер Томпсон-младший смотрел сквозь иллюминатор на разлохмаченную воду. По стеклу ползли дождевые капли; когда гребень волны обрушивался на борт, иллюминатор заливало водой, и в каюте делалось на миг еще темнее. Надоедливо скрипели доски переборок. Из кают-компании доносились голоса.

Адвокат услышал, как сошедший с мостика Грелли обратился к доктору Грейсвеллу:

— Ба! Ваши приготовления к празднику просто великолепны! Остается только положить на место подарки.

— Ваш наследник уже спрашивал меня, что же принесет ему Санта-Клаус.

— Всей команде нужен отдых и хотя бы маленькое развлечение, — заметил Грелли нарочито громко. — Люди утомлены. Рейс нелегкий.

— Когда же мы достигнем цели плавания?

— По расчетам Брентлея, около Нового года. Сочельник мы отпразднуем завтра в открытом море, а наступление 1773 года отметим, вероятно, уже на острове.

Рождество! Люди с непокрытыми головами теснятся в кают-компании. Звуки маленьких клавикордов разносятся по кораблю. Торжественно звучит рождественский хорал: «О блаженная, радостная, благодатная пора!» Священник в черном облачении с белыми ленточками, ниспадающими на грудь, держит в руках библию. Серебряный крест на его груди отражает огни свечей. Священник читает слова хорала, а команда поет их, куплет за куплетом.

Леди Эмили в длинном бархатном платье сидит за инструментом. Ее горничная Камилла переворачивает страницы нот. Матросы сосредоточенны и серьезны.

Каждый вспоминает детство, родные могилы, меньших братьев...

Но не падают за окном снега, не дрожит в воздухе звон соборного колокола. Штормовой ветер свистит в снастях, шипят пенные гребни за бортом, и пол качается под ногами поющих.

...В кубрике убрали подвесные койки и накрыли столы. Свечи озарили низкое помещение в его немудреном праздничном убранстве. Юнги разносили блюда. Дамы разливали вино и пригубливали оловянные кружки.

Капитан Брентлей, знавший исстари, как мало интересовали хозяина нужды экипажа, еще в Бультоне удивлялся приготовлениям к этому рейсу. Были взяты запасы лучшего продовольствия, медикаментов, вин; людям обещали после рейса щедрое вознаграждение сверх жалованья. Грелли мягко обращался с командой, и его плетеная треххвостка, прежде частенько гулявшая по матросским спинам, за весь рейс ни разу не появилась на свет божий.

Затянутая в шелковое платье, леди Эллен Стенфорд, всегда глубоко равнодушная к «простолюдинам», изображала на празднике «добрую фею» корабля. Наливая кружки матросам, она шутила с ними, расспрашивала о семьях, но красивые серо-зеленые глаза ее оставались при этом холодными и презрительными.

Раздав команде подарки, дамы вместе с офицерами вернулись в салон. Началась «семейная» часть празднества.

Антони ввел за руку в салон маленького Чарли. В темно-синем колете[1] фламандского бархата поверх нежно-голубой шелковой рубашки, в атласных туфельках с золотыми пряжками и белой горностаевой шапочке на льняных кудряшках мальчик походил на сказочного принца старинных шотландских легенд.

Ребенок, приведенный из полутемной каюты, жмурился от яркого света. Корабль качнуло, и маленький принц, не удержавшись на ногах, как мягкий шарик, покатился по ковру. Отец подхватил его на руки. Черты мальчика были тоньше и красивее отцовских, но сходство их было разительно.

Из-за шелкового занавеса вышел Ольсен, старый боцман, одетый Санта-Клаусом. Он извлек из мешка

[1] Колет — безрукавная короткая курточка.

великолепные подарки маленькому принцу и его «пажу» — Антони Ченни.

Пастор Редлинг еще в Капштадте купил для своего крестника толстую книгу с цветными картинками. На них были изображены звери и птицы, деревья, корабли, созвездия, горы, храмы, замки, большие города, воины и жители дальних стран в их красочных одеждах. Книгу эту можно было перелистывать много раз и всегда обнаруживать в ней что-нибудь новое, прежде не замеченное.

Леди Стенфорд надела на шею мальчику овальный золотой медальон с двумя внутренними миниатюрами на эмали, заказанными ею проездом в Лондоне итальянскому мастеру. Одна миниатюра изображала Чарльза на третьем году жизни. На другой стороне медальона помещался портрет его отца. Подписи гласили: «Чарльз Френсис Райленд, рожденный 5 июля 1770 года» и «Сэр Фредрик Джонатан Райленд, виконт Ченсфильд, рожденный 13 ноября 1738 года». Только под лупой можно было разглядеть подпись, сделанную искусным художником вдоль овального края медальона: «Исполнил в Лондоне 19 сентября 1772 года мастер Виченце Антонио Кардозо из Милана».

Длиннобородый Санта-Клаус, опорожнив свой мешок, удалился. Антони был осчастливлен охотничьим ружьем с гравированной надписью: «Охотнику за носорогами».

— Теперь моя очередь сделать маленький подарок сыну, — сказал судовладелец.

Услышав эти слова, адвокат Томас Мортон достал из красной сафьяновой папки большую топографическую карту, пачку документов и подал все это хозяину.

— Господа! — обратился руководитель экспедиции к присутствующим. — Много лет назад я открыл в водах Индийского океана необитаемый и неисследованный остров. По указанным мною координатам Брентлей весной нынешнего года отыскал, обмерил и обследовал эту землю. Форма острова несколько напоминает череп хищного зверя. В юго-западной части острова есть огнедышащая гора. Кратер ее дымится; подземные толчки наблюдаются, но признаков недавних извержений не обнаружили ни я, ни капитан Брентлей. Остров отныне включен в заокеанские владения Британии. Губернатором острова морской министр назначил меня. Его величество король, по докладу министра, предоставил роду

виконтов Ченсфильд преимущественные и льготные права на приобретение островных земель в личное владение. При участии юристов, мистера Мортона и мистера Томпсона, три месяца назад в Лондоне был совершен юридический акт — приобретение мною всех удобных земель на острове и передача прав на владение ими моему сыну Чарльзу. На картах Британской империи вновь открытый остров будет отныне называться именем своего первого владельца — Чарльза Райленда, наследника титула виконтов Ченсфильд. Цель экспедиции «Ориона», остров Чарльза, — вот мой рождественский подарок наследнику!

В салоне загремели рукоплескания.

— Взгляни на свои владения, мой мальчик, — ласково произнес глава экспедиции, водя рукою по разостланной карте.

Ребенок сразу бросил новые игрушки и обеими руками потянулся к пестрой карте на столе.

2

Еще пять суток «Орион» боролся с волнами, преодолевая последние сотни миль до острова. Вечером 29 декабря Грелли, стоявший на вахте, увидел впереди по курсу корабля белый бурун.

— Подводный риф справа по носу! — раздался окрик матроса с высоты марсовой рей.

В подзорную трубу владелец «Ориона» успел разглядеть, что бурун, в отличие от катящихся гребней, пенится на одном месте, словно море там непрестанно вскипает от глубоко скрытого в его недрах огня.

— Убавить паруса! — приказал Грелли.

Капитан Брентлей уже спешил на мостик. Грелли молча указал ему на бурун.

Капитан, в свою очередь, кивнул налево. Там, совсем близко от судна, в глубокой ложбине между двумя волнами, мелькнул и скрылся второй риф, еще опаснее замеченного. Вскоре новый бурун показался прямо по курсу.

— Свистать всех наверх! Зарифить паруса! — загремел голос Брентлея.

Шумя парусами, «Орион» пролетел мимо предательской подводной скалы. Вершина ее, с колыхающейся бородой из водорослей, походила на голову злого морского великана. Паттерсон, выглянувший на палубу в

эту минуту, схватился за сердце, но матросы уже карабкались по вантам... Ход корабля упал до двух узлов. Брентлей указал кораблевладельцу отметки, сделанные им во время прошлого рейса.

— Смотрите, мистер Райленд, в мае я прошел восточнее и нанес на карту всего два рифа. На этот раз мы попали в гряду подводных скал... До острова, вероятно, остается не более восьмидесяти миль...

Наступила темнота. От лунного серпа пролегла серебряная дорожка к судну. Лот показал глубину около двухсот ярдов, и два якоря с грохотом ушли на дно. Дул ровный, теплый пассат. Волны зыбились плавно и величаво. Часа через два после полуночи Грелли поднялся на мостик и долго вглядывался в тьму.

— Соберите команду на правой батарейной палубе и пригласите туда пассажиров,— приказал он Каррачиоле.

Через несколько минут на тесном пространстве батарейной палубы сгрудились все сто человек команды. Пассажиры уселись на пустых бочонках из-под пороха. Корабельный фонарь освещал медные стволы пушек, сводчатый потолок, лица собравшихся и артиллерийское снаряжение, развешанное по стенкам. Грелли стал на орудийный лафет.

— Друзья мои! — сказал он. — Наш корабль близок к цели плавания. До берегов острова Чарльза остается менее сотни миль. На этом острове вскоре возникнут плантации, и земли его обогатят новых колонистов. Есть ли среди вас охотники начать здесь новую жизнь? Я готов всемерно помогать моим колонистам как губернатор новой земли.

По толпе прошел ропот. Матросы переглядывались. Несколько пожилых моряков несмело подняли руки.

— Хорошо, я уверен, что колонисты найдут здесь свое счастье. Но, друзья мои, на острове сейчас имеется несколько обитателей. Один из них — пассажир французского судна, потерпевшего кораблекрушение в водах острова. У этого человека предполагалась проказа. Не исключено, что подозрение неосновательно и что человек этот может быть возвращен обществу. Кроме него, на острове замечено еще несколько жителей. Возможно, что это преступники, высаженные на необитаемую землю. Поэтому до тех пор, пока назначенные мною лица не убедятся, что общение с островитянами безопасно для нашего экипажа, ни один человек под страхом смерти не должен сходить на землю острова. За малейшую по-

пытку сношений с островитянами я застрелю любого ослушника. С первыми лучами солнца мы тронемся в опасный путь между рифами. Отдых — в бухте Корсара на острове Чарльза!

Сереющий рассвет заглянул через пушечные порты[1] на батарейную палубу. Желтый свет фонаря померк в утренних лучах, и не успел еще Грелли сойти с лафета, как с высоты марсовой реи раздался возглас:

— Земля!

В первых рассветных лучах, будто вырастая из синих волн океана, показалась далеко на горизонте остроконечная вершина, похожая на узкое розовое облако. Нежно-лиловые пятна оттеняли склоны пика. Черными морщинками змеились полоски ущелий и теснин. Земля у подножия горы была еще скрыта за горизонтом.

Матросы налегли на оба кабестана. Четырехлапые якоря, словно мокрые тела морских животных, показались из воды. Грелли в сером плаще и большой треуголке, в морском мундире и ботфортах замер на мостике, не отрывая глаз от подзорной трубы.

В течение двух часов «Орион» лавировал в проходах между подводными скалами. Положив карту на нактоуз[2], Уэнт отмечал рифы и делал записи в корабельном журнале. Наконец буруны остались за кормою брига.

Очертания соседних с пиком холмов уже стали различимы простым глазом. Показался дымок над кратером вулкана, еле видимый на фоне облаков. К трем часам пополудни весь остров с его скалистыми берегами, темной щетиной вековых лесов, обрывистыми ущельями и зелеными склонами долин, как искусный макет, выполненный рукой кропотливого мастера, открылся взорам путешественников. Стал слышен глухой, однообразный грохот прибоя...

Вот показались и два выдвинувшихся в море мыса, что служили как бы природной защитой подступов к бухте, получившей от пионеров этой земли название «Бухта Корсара». К бухте вел пролив, образованный скалистыми берегами обоих мысов. Этот естественный канал сужался местами до двухсот метров. От кораблеводителя требовалось немалое искусство, чтобы про-

---

[1] Пушечные порты — отверстия, бойницы в корабельном борту для пушечных стволов.

[2] Нактоуз — деревянный шкафчик, на верхней части которого устанавливается судовой компас.

вести судно в бухту, тем более что при океанском отливе в устье канала обнажались торчащие зубья острых подводных скал.

Ветер гнал в пролив мелкую волну. На трех полуспущенных парусах «Орион» в шестом часу вечера вошел в горловину канала.

Скалы с мелкими хвойными деревьями в расселинах, орлы, покинувшие свои гнезда и парящие над мачтами, темная полоса у подножия скал, обозначавшая высоту прилива, узкие теснины и горные ручьи, мутные от дождевых потоков, напоминали некоторые бухты адриатического побережья.

Сузившийся пролив изогнулся влево... Маневр парусами и рулем... Спицы штурвала замелькали быстрее... Справа осталась песчаная отмель...

Просторная бухта с плавной линией берегов, окаймленных кружевом пены, приняла корабль в свои зеленоватые воды. Густой лес стоял стеной за песчаной полосой побережья. Высоко над лесистыми предгорьями и альпийскими лугами царила над островом вершина скалистого пика. Горная речка, вырывшая в течение тысячелетий глубокую теснину, впадала в бухту несколькими рукавами.

Мягкий и величавый ландшафт издали скорее напоминал Грецию или Италию, чем африканский остров. Только яркая зелень прибрежных зарослей у речки, экзотическая пышность лесной чащи, исполинские стволы деревьев и внезапно налетевший грозовой шквал, скрывший бухту и окрестности, напомнили людям на корабле, что они находятся на границе субтропического пояса. Шквал миновал так же неожиданно, как и налетел...

От сильного всплеска брошенных якорей, грома якорных цепей и отрывисто-резких команд стаи птиц испуганно взметнулись над утесами. Пассажиры и матросы молча столпились на палубе. Даже черный Нерон, собака, развлекавшая команду в пути, перестала лаять на потревоженных птиц... Грелли обводил взором свои новые владения. В этот миг из дверей кают-компании вышла с непокрытой головой леди Эмили. Матросы, привыкшие видеть ее в скромных платьях, без всяких украшений, ахнули от неожиданности. В ослепительном платье из белого атласа, с жемчугами на шее и усыпанной мелкими алмазами сеткой в волосах, она прошла в носовую часть палубы. Не глядя ни на кого вок-

руг, она легко поднялась на массивное основание бушприта[1]. Волосы ее, убранные в красивую прическу, падали на плечи, румянец волнения горел на щеках. Она была так хороша, что казалась ожившей греческой богиней — покровительницей корабля, сошедшей в ослепительно белом хитоне на оберегаемое ею судно.

Ричард Томпсон смотрел на нее с тревогой и восхищением. Он один понимал, что происходило сейчас в душе молодой женщины!

Остальные путешественники столпились на палубе. Стояла торжественная, напряженная тишина, словно все затихло, чтобы люди на корабле могли внять голосам неизвестных жителей этой земли.

Но и на острове все так же молчало. Нигде не виднелось ни лодки, ни плота. Побережье казалось безлюдным. Лишь на дальнем берегу Грелли различил растянутую на кольях рыболовную сеть. Ни один звук, ни одно движение не выдавало присутствия островитян.

Уже начинало смеркаться. Фиолетовые тени поползли из лощин и ущелий. Белые полосы тумана повисли над долиной и ручьем; высокий пик, розовевший в последнем солнечном луче, померк и сделался синим, а над зубчатой стеной дальнего леса замерцала первая бледная звезда.

Грелли окликнул с мостика Томаса Мортона. Тот, заметно взволнованный, стоял на спардеке[2].

— Мистер Мортон, подымитесь ко мне. Передайте леди, чтобы она немедленно ушла с палубы. Пусть подождет меня в своей каюте... Постойте! Чем вы объясняете молчание на острове?

— Может быть, покинут обитателями?

— Нет, они здесь. Сеть... На песке видны свежие тропинки. Сдается мне, что этот молчаливый прием означает объявление нам войны.

— Быть может, из глубины острова они еще не успели заметить судно?

— Не болтайте чепухи! Послушайте, кто же, в конце концов, по-вашему, двое спутников... этого... Не может ли один из них быть все-таки одноглазым Бернардито Луисом?

— Что вы, сэр, мертвые не воскресают! Я своими

---

[1] Бушприт — наклонный брус, выступающий с носа корабля; служит для выноса вперед носовых парусов.

[2] Спардек — палуба надстройки морского судна.

глазами наблюдал, как Бернардито плыл, спасаясь от французов, и как после вашего выстрела он пошел ко дну с пулей между лопатками. От него до песчаной косы было не менее сотни футов!

— Да, он, конечно, мертв... Очевидно, спаслись двое из команды. Так вот, Мортон, готовьтесь к высадке. Я опасаюсь засады и первым пошлю на берег вас. Дорогу к хижине вам объяснит Брентлей.

— Боже мой, сэр! Прошу вас, ради создателя...

— Молчать! Пока ступайте к леди и проводите ее в каюту. Но через полчаса вы должны быть на берегу!

3

— Она! Нет никакого сомнения: это она! — Человек в рваной шерстяной фуфайке отвел наконец сощуренный глаз от окуляра подзорной трубы, положенной на сплетения ветвей в густых прибрежных кустах. — Понимаете, Бернардито, он привез ее сюда! Вот чем Грелли хочет сделать меня сговорчивым. Ах, негодяй!

— Не нужно горячиться, мистер Фред, — сказал, всматриваясь в трубу, другой человек, с черной повязкой на глазу. — Наш час настал, но, чтобы справиться с Леопардом, нужен хороший запас хладнокровия. Да, кажется, вы правы: белое платье около бушприта — это действительно мисс Гарди. На мостике я узнаю капитана Брентлея, а рядом с ним красуется мой дорогой помощник синьор Джакомо Грелли! Осторожнее, он глядит сейчас в нашу сторону. Эй, Педро!

— Я здесь, капитан Бернардито!

— Не дыми своей трубкой. Стой за деревом не шевелясь. Такой верзила виден дальше, чем Эддистонский маяк, а у Леопарда острое зрение. Об одном я жалею, мистер Фред: зачем вы помешали доброму Педро снять его пулей с капитанского мостика! Педро — великолепный стрелок, и он держал Леопарда на мушке минут десять, пока судно проходило самым узким местом пролива. Если бы вы не остановили его руку, у виконта Ченсфильда сейчас не было бы двойника!

— Убийство из-за угла — разбойничий прием борьбы, Бернардито! Как ни бесчестны поступки Грелли, он все же сохранил мне жизнь, когда она целиком была в его руках, — сказал первый охотник, вновь приникнув к окуляру трубы.

— Этим вы всецело обязаны мужеству мисс Гарди, а не великодушию Грелли. Вы еще видите ее на палубе?

— Да, она стоит на прежнем месте и, кажется, смотрит сюда. Милая! Она, должно быть, встревожена нашим молчанием. А я даже не могу подать знак и успокоить ее!

— Заметное белое платье надето нарочно для вас, мистер Фред. Ах, счастливец, скоро вы прижмете к сердцу свою бесстрашную подругу!

— Удалось ли ей устоять, Бернардито, выдержать борьбу до конца? Пятый год она в его руках. Сколько пришлось ей вытерпеть! Лишь бы только судьбам нашим суждено было соединиться!

— Мистер Фред, а ведь присутствие нашей леди на борту отчасти разрешает сомнения. Леопард не взял бы ее с собою, если бы намеревался попросту уничтожить вас. Значит, он прибыл для переговоров. Он, конечно, не догадывается, кто делит с вами одиночество на острове, иначе держался бы поосторожнее.

— Бернардито, я больше не вижу белого платья. В трубе уже все сливается. Проклятая темень!

— Зато мы можем выбраться из кустов! Слышите? С борта спустили шлюпку. Кажется, наступают решительные события.

Начинался прилив. Волны накатывали на светлую полосу песка, превратившуюся в узенькую каемку на границе между лесом и водами бухты.

Три островитянина, осторожно раздвигая сучья, вышли из кустарника. На его темном фоне они по-прежнему оставались невидимыми с корабля. Судно стояло в полумиле от берега, на середине бухты. На мачтах горели топ-огни, но окна кают и все иллюминаторы были прикрыты темными занавесками. Палуба была затемнена, и лишь над самой водой свисали с носа и кормы сильные фонари. Они освещали вокруг судна небольшое пространство воды: предосторожность против незваных ночных гостей.

— Я слышу плеск весел, — сказал охотник в вязаной фуфайке.

Его одноглазый собеседник размышлял вслух:

— Шлюпка держит к устью речки... Вот что, джентльмены: нам с мистером Фредом нельзя обнаруживать себя преждевременно. Фреду нужно вообще соблюдать большую осторожность, чтобы не угодить в ловушку. А

мое присутствие на острове — это такой сюрприз для Леопарда, что открыть его нужно с толком! Прием гостей придется поручить Педро. Ну, Педро, ты у нас превратишься в дипломата. Ступай к месту высадки, окликни их и веди по тропе в хижину. Мистер Фред будет следовать за вами по пятам и сам решит, выходить ли ему к гостям или держаться в отдалении. А я буду наблюдать за берегом: как бы не появилась новая шлюпка и вы не угодили бы в засаду... Держись вдоль опушки, парламентер Педро, и торопись: они уже высаживаются!

Чернобородый великан, согнувшись и держа в руке длинноствольное ружье, выступил вперед и пошел навстречу одинокой фигуре, только что покинувшей шлюпку. Человек этот в растерянности стоял на светлой полосе песка, не решаясь сделать и шагу в сторону зарослей на берегу.

— Эдак вы простоите здесь всю ночь, мистер Мортон! — раздался грубый голос другого человека, оставшегося в шлюпке. Это был гребец, доставивший к берегу посланца Грелли. — Хозяин приказал высадить вас и возвращаться на корабль. Когда лодка вам понадобится, кричите погромче. Часовые на борту услышат. Будьте здоровы, мистер Мортон!

— Ба, мистер Фред! Оказывается, к нам пожаловал ваш бывший калькуттский атерни, — прошептал Бернардито. — А шлюпка уходит! Видите, я был прав: Грелли начинает с дипломатических переговоров. Разумеется, за ними нужно ожидать тайного предательства. Однако чертовски темно! И луны не будет!

— Кто здесь? — прозвучал бас Педро, шагнувшего от опушки к берегу, как только затих плеск весел.

— Посланец с корабля «Орион», прибывший с письмом к жителям острова, — ответил дрожащий старческий голос.

— Ступайте вперед! — приказал Педро.

Но тот, словно привязанный, оставался на месте.

— Друзья мои, я стар, плохо вижу и не могу идти в такой темноте.

Охотник в шерстяной фуфайке, оставив Вернардито одного, тоже приблизился к посланцу Грелли.

— Возьми этого человека под руку, Педро, и помоги ему следовать за мной, — раздался его спокойный голос. — Узнаете ли вы меня, Мортон?

В этот миг тишину ночи прорезал короткий женский

крик с корабля. Резко прозвенев над водой, он отозвался эхом в долине. Мортон почувствовал, как вздрогнул подошедший к нему человек.

— Что вы сделали с нею, проклятые?! — услышал посланец грозный шепот над самым ухом.

Сильные руки схватили Мортона за плечи. Он узнал склонившееся к нему бородатое лицо, съежился и попятился назад, но оступился на мокром песке. Лепеча бессвязные слова, Мортон судорожно уцепился за сапоги островитянина.

Задраенный иллюминатор был завешен черным платьем владелицы каюты: руководитель экспедиции отдал строгий приказ затемнить все окна, выходящие на палубу.

Обхватив руками колено и положив на него подбородок, Грелли сидел в кресле, приняв позу духа зла Мефистофеля. Леди Эмили слушала его стоя, всем своим видом подчеркивая нерасположение к продолжительному разговору.

Грелли, притворяясь, что не замечает ни напряженной позы, ни нетерпеливых движений собеседницы, взглянул ей в глаза и произнес тихим, задушевным тоном:

— Вы удивительно хороши сегодня, мисс Гарди!

— К вашим угрозам я привыкла, но комплименты ваши для меня невыносимы. Что вам угодно?

— Эмили, нам нужно побеседовать спокойно. По-моему, вы должны быть заинтересованы в этой беседе.

— Ради бога, говорите скорее и оставьте меня одну!

— Вы несправедливы, мисс Гарди! Разве я когда-нибудь докучал вам своим присутствием? Разве вы не пользовались неограниченной свободой? Вы даже злоупотребляли ею против меня. Поверьте мне, Эмили, за эти годы я привык находиться под одним кровом с вами, и наша близкая разлука... печалит меня! Я возвращаю вас вашему жениху, как прелестный нежный цветок, во всей его утренней свежести и чистоте. Вам не в чем упрекнуть меня, мисс Гарди!

— Молчите, убийца! Я ненавижу и презираю вас, слышите? Вы пришли торговаться, лицемерный барышник, и в этой торговле я должна послужить вам разменной монетой! Говорите прямо, торгаш, каковы ваши требования к Фреду Райленду и ко мне?

Грелли закурил сигару.

— Я хочу, чтобы вы помогли склонить вашего избранника к благоразумию. Мортон отправился к нему с письмом. Я хочу надеяться, ваш островитянин найдет условия возвращения ему свободы весьма умеренными и примет их. Если же нет, то последнюю попытку образумить его придется предпринять вам. Вы напишете письмо и объясните ему последствия упорства. Вы их знаете: я объявлю облаву на прокаженных. У меня пушки, сотня матросов и некоторый опыт в таких делах. А их трое... Чем кончится эта схватка, вам, надеюсь, ясно?

— Нет, Грелли, вы ошибаетесь, у них есть четвертый союзник — правота! Они найдут способы открыть глаза всем вашим сообщникам, и, уверяю вас, в наш лагерь перешли бы многие!

— Эмили, допустите на миг невозможное: эти трое выдерживают неравную войну и возвращаются в Ченсфильд, пусть настоящий Райленд восстанавливает в Англии свои права... Но что ждет вас при подобном обороте событий? Вы же опорочены навеки! Может быть, официальный суд вас и оправдает, но леди и джентльмены будут на улице показывать на вас пальцами и приговаривать: вон бывшая жена и сообщница пирата и злодея Грелли! Если тот человек женится на вас, перед вами обоими закроются все двери. Для всего мира вы останетесь матерью Чарльза, ребенка Грелли! Английское общество оттолкнет вас, как пособницу пирата. Смотрите трезво на вещи, Эмили. У вас только один путь к счастью с любимым: потребовать, чтобы он принял мои условия. Этим вы спасете ему жизнь, а для себя добьетесь свободы и счастья!

Собеседница Грелли закрыла лицо руками и опустилась на стул. Лже-Райленд злорадно усмехнулся.

— Прочтите мне письмо, которое повез Мортон, — произнесла Эмили. У нее дрожали губы.

Грелли достал из кармана черновик своего послания. Он посмотрел на склоненную голову собеседницы, на глаза, полные слез, и, приблизив листок к свече, стал сухо читать:

ЖИТЕЛЮ ОСТРОВА

Мои условия:

1. Вы поставите свою подпись под документом, который исклю-

чит возможность каких-либо дальнейших претензий на известные вам права.

2. Под новым именем вы навсегда поселитесь вне пределов Великобритании.

3. Вы сделаете все возможное, чтобы передать в мои руки обоих ваших спутников.

В случае согласия вы получите место на корабле и вместе с известной вам особой покинете его в любом порту между островом и Бультоном. Согласие сигнализируйте завтра, 31 декабря, с наступлением темноты, огнем костра на берегу.

Ф. Д. Райленд.

30 декабря 1772 года.

Плечи Эмили затряслись от рыданий.

Грелли приписал своему красноречию эту вспышку горестных чувств девушки. Но она внезапно выпрямилась, вырвала записку из рук пирата, швырнула ее на пол и закричала ему прямо в лицо.

— Зачем вы оставили меня в живых? Прощу ли я себе когда-нибудь, что стала в руках негодяя орудием против благородного человека? Чтобы спасти меня, он должен отказаться от своего имени и родины? Нет, нет, нет! Я умру, но не навлеку на него этот позор!

— Мисс Гарди, значит, четыре года вы сохраняли его жизнь только для того, чтобы сегодня вынести ему смертный приговор?

— Будьте вы прокляты! О, убийца, убийца! Я сейчас же выдам всем людям на корабле, кто вы такой!

Она метнулась к дверям. Грелли не успел ее удержать и ринулся следом за нею в темный коридор. Дверь на палубу от толчка распахнулась. Около фальшборта, задумавшись, стоял, Каррачиола. Грелли схватил руку девушки, силясь увлечь ее назад в коридор. Каррачиола поспешил ему на помощь, но двое сильных мужчин не сразу смогли оторвать другую руку от дверного косяка. Наконец они почти волоком потащили Эмили в коридор, и лишь ее короткий крик боли и отчаяния успел прозвучать в глухой ночи.

4

— Рассказывайте, Мортон!

— Дайте мне глоток воды с вином, сэр! Благодарю вас! О боже мой, боже мой!

Из открытого окна в каюту Грелли врывалась све-

жая струя утреннего воздуха. Она колыхала синие волны табачного дыма под потолком.

Грелли, сняв мундир, полулежал на своей великолепной, но сейчас грубо смятой постели. Его ботфорты пачкали светло-коричневый шелк полога, складки которого были схвачены под потолком в виде красивого узла с большой кокетливой виньеткой рококо[1]. Солнечные лучи из окна освещали каюту и очень злую физиономию ее хозяина.

— Да говорите же наконец! Прежде всего, сколько их?

— Я видел двоих, но они совещались еще с кем-то, очевидно, третьим.

— Вы разговаривали с тем лично?

— Да, сэр.

— И объяснили ему состав участников экспедиции, численность команды, наше вооружение?

— Да, сэр.

— Что же он поручил передать мне?

Вместо ответа Мортон достал записку. Это было послание самого Грелли островитянам, но текст письма был резко перечеркнут карандашом наискось, и на чистом обороте листка тем же карандашом было выведено несколько строк.

Грелли отвернулся к окну и прочел:

Пирату Джакомо Грелли, по кличке Леопард

Мои условия:

Немедленно высадить на берег мисс Эмили Гарди и убираться со своим кораблем ко всем чертям.

Фредрик Джонатан Райленд, виконт Ченсфильд, от имени и с полного согласия всего населения острова.

Грелли вскочил со своего ложа. Обрывки записки разлетелись по полу. Накинув халат, он прошел в носовую часть и дернул ручку запертой двери в каюту мисс Эмили. Горничная Камилла впустила его. В каюте, кроме Камиллы, находились Паттерсон и Бетси, горничная леди Стенфорд. По их лицам было видно, что они провели ночь без сна. Эмили, укрытая пледом, лежала на своей постели за занавеской.

---

[1] Рококо — архитектурный и декоративный стиль, получивший развитие во Франции в середине XVIII века. Отличается грациозной и прихотливой орнаментацией. Основной мотив орнамента рококо — завиток, напоминающий раковину.

— Убирайтесь все вон! — коротко приказал судовладелец. — Каррачиола! Позови Иензена и Роя. А вы поторапливайтесь!

Перепуганная Камилла, прыткая Бетси и оторопевший Паттерсон, еще никогда не видевший главу экспедиции в подобном состоянии, ретировались чрезвычайно поспешно. Хозяин «Ориона» отдернул занавеску. Эмили, отвернувшись к стенке, лежала с открытыми глазами. Грелли наклонился над девушкой. Выражение его лица было бы способно устрашить целую шайку пиратов.

— Послушай, ты! Я буду держать тебя в трюмном карцере. Там кричи сколько хочешь. Ты будешь объявлена буйно помешанной, на тебя наденут смирительную рубашку. В карцере я по капле выпью твою кровь, а потом продам тебя работорговцам. Уже нынче я начну охоту за островитянами: все они будут перебиты до вечера. Оге, Рой, Каррачиола! Заткните ей глотку и несите, куда я велел.

Через несколько минут три бандита спеленали Эмили пледом, как ребенка. Оге Иензен взвалил легкую ношу на плечо и пошел с нею по трапу в глубокий кормовой трюм. В самом дальнем и темном углу трюма находился еще один люк. Рой дернул за кольцо, и люк открылся. По железным ступенькам короткой лестницы Оге спустил свою ношу в черную дыру. Рой последовал за Иензеном в тесный колодец. Фонарь озарил окованную железом дверь с большим висячим замком.

Рой отомкнул его и вошел в тесный, сырой карцер. На полу стояли мутные лужи. Их черная, глянцевитая поверхность чуть колыхалась, когда судно покачивалось на якорных цепях. Стены карцера хранили обильные следы засохшей крови. На полу валялись ржавые кандалы. Сбросив ношу на пол, Иензен и Рой вышли и повесили замок на место. Наверху за ними упала тяжелая дверь люка.

Когда Эмили пошевелилась на полу и высвободила руку, две огромные крысы с писком заметались по камере и исчезли в подполье. В то же мгновение глухой, могучий удар справа сотряс корпус корабля. Вся камера задрожала, металл зазвенел, и дверь затряслась на своих петлях и запорах. Корабль качнуло, и лужи на полу залили плед, окутывавший ноги девушки. Через минуту новый удар, теперь с левой стороны, до глубины сотряс корабль. Он закачался сильнее. Эмили вско-

чила на ноги, но едва не упала, когда гул и грохот повторились с обеих сторон сразу. Девушка поняла, что батареи «Ориона» открыли огонь по острову.

— Вот и ответ Грелли! Странно, в прошлый раз я не заметил на «Орионе» таких батарей. Смотрите, что делается с птицами, мистер Фред! Они поднялись со всех утесов. На палубе звучит колокол или гонг; очевидно, с его помощью Грелли управляет залповым огнем. Стреляют бомбами. Ого, два шлюпочных десанта... Нет, кажется, три! Ну, держитесь, мистер Фред: война!

— Бернардито, я боюсь только за нее. Наш ответ привел злодея в бешенство.

— Дорого бы я дал, чтобы видеть выражение его лица при докладе Мортона... Целят сюда! Берегитесь!

В кусты упала бомба. Три человека пригнулись к земле. Сильный взрыв разметал камни и повалил деревце. Черный столб дыма вместе с обрывками вывороченных корней взлетел в небо.

— Ну, кажется, это последний залп. Они прикрывали огнем высадку своих десантов. Смотрите, одна шлюпка держит сюда, а две пошли в пролив. Грелли хочет занять прибрежные скалы в проливе. Это неплохой маневр: он боится быть запертым в проливе. Если бы он знал, что у нас всего по три десятка зарядов и только два порядочных ружья, то действовал бы смелее. Вон в проливе люди уже высадились и карабкаются по склонам. А на третьей лодке я вижу Мортона и какого-то волосатого гориллу на веслах. Кажется, этот гребец стоит двух Педро, а?

Фредрик Райленд с тревогой глядел на приближающуюся шлюпку. Она уткнулась в песок, и пассажир высадился. Озираясь по сторонам, он направился к пышному тутовому дереву, росшему в двухстах шагах от берега. Островитяне еще ночью приказали Мортону положить ответ Грелли в дупло этого дерева. Исполнив эту задачу, Мортон заковылял к лодке и весьма торопливо отбыл к кораблю.

— Педро, принеси-ка нам сюда новое послание Леопарда!

Бернардито сунул за щеку накрошенный лист бетеля, перемешанный с табачной пылью.

— И табак кончается! Набейте трубку этими остатками, мистер Фред, и растянитесь на мху. Вероятно, но-

чью спать не придется... Вот и Педро с письмом. Читайте вслух, мистер Фред.

Виконт Ченсфильд увидел на печати оттиск собственного фамильного герба и, вскрыв конверт с изображением корабля под созвездием Ориона, прочел:

— «Господа, с огорчением вынужден известить мистера островитянина и его друзей, что известная особа, весьма близко принявшая к сердцу его отказ от предложенных умеренных условий, одета сейчас в смирительную рубашку и находится в карцере для буйно помешанных...»

— А, каррамба! — вырвалось у Бернардито Луиса.

— Они с самой ночи пытают ее, Бернардито! Вероятно, она отказывается поддержать его требования! Зачем я помешал убить его!

— Это я вам давно говорил. Дочитывайте до конца, сэр Фредрик!

— «В своем безумии, — читал дальше виконт, — она угрожает самоубийством и намерена в полночь удавиться на рукаве смирительной рубашки, если перед полуночью не будет зажжен ваш костер на берегу. Приветственный салют уже дал вам некоторое представление о дальнейших последствиях упорства. В случае благоприятного решения вы будете доставлены на борт и после свершения необходимых формальностей получите свободу. Ваша доставка на корабль будет произведена в тайне от экипажа, не считая надежных часовых.

Томас Мортон.
31 декабря».

Вы понимаете, Бернардито? Он угрожает убить ее уже этой ночью, а потом приняться за нас. Не попытаться ли открыть глаза его экипажу? Брентлей кажется мне честным человеком. Наверно, найдутся матросы...

— Нет, мистер Фред, это, увы, невозможно. Пока лагерь врага не расколот, нам не удастся вступить в переговоры ни с людьми на корабле, ни с десантными группами, а времени для размышлений — всего несколько часов. Предлагаю вам другой выход: зажгите костер.

— То есть принять его условия? Согласиться на отказ от отцовского имени, отчизны! Согласиться на то, чтобы Эмили сделалась женой бродяги!

— Нет, мистер Фред, пока я предлагаю вам только зажечь костер и отправиться на корабль.

— Но Грелли на корабле либо просто задушит и меня и ее, либо мне придется пойти на все, что он мне продиктует.

— Видите ли, внезапная смерть официальной жены и уничтожение таинственного островного жителя — это для него крайние меры: он не остановится перед ними, но ему все-таки очень хотелось бы избежать этого, чтобы не осложнять своего положения перед экипажем, пассажирами и властями. Грелли хочет заставить вас сейчас капитулировать, а впоследствии он, разумеется, постарается убрать вас обоих. Но против этого я приму свои меры... В войне с Грелли я не останусь безучастным зрителем и буду действовать одновременно с вами.

— Объясните мне яснее свои намерения, мой друг Бернардито!

— Видите ли, мистер Фред, если вы окажетесь вынужденным подписать капитуляцию и подтвердить перед пассажирами «Ориона» все хитросплетения, какие измыслят Грелли и Мортон, то я надеюсь, что это будет только временным отступлением, а не окончательным поражением. Сейчас нужно спасти девушку и обезопасить вас обоих на ближайшее будущее от какого-нибудь тайного маневра. Это я намерен сделать.

Бернардито поднял записку Мортона, брошенную на курчавые завитки лесного мха, и медленно перечел вслух ее заключительные строки:

— «Ваша доставка на корабль будет произведена в тайне от экипажа, не считая надежных часовых...» Понимаете? Итак, мистер Фред, как только совсем стемнеет, зажгите костер, отправляйтесь на корабль и действуйте там, как подскажет благоразумие. Объясните Грелли, что мы отказались следовать с вами из страха перед правосудием. Скажите, что нас двое. Педро Гомеца вы назовите, а меня именуйте Бобом Акулой. Так звали нашего боцмана на «Черной стреле». Он был тоже пожилым, высоким брюнетом, как и я, только с обоими глазами... Ни под каким видом не выдавайте никому подземного тайника в горах! Вести от меня вы будете находить на нашем старом месте, под серым камнем.

Помолчав, Бернардито пососал пустую трубку, сплюнул и положил руку на колено собеседнику.

— Попытка моя опасная, и, может быть, мы в последний раз беседуем с вами, — договорил он, глядя в сторону. — Если я погибну, то и ваши шансы будут очень близкими к нулю: мы оба пойдем нынче на крупный риск. Проигрыш равнозначен гибели, а удача вернет нам жизнь и свободу.

— Что вы задумали, Бернардито?

— Мистер Фред, пираты заранее никогда не выдают того, что задумано. Это сулит неудачу. Желаю вам счастья!

— А вам, Бернардито, ни пуха ни пера! Но не проливайте напрасно крови!

— Кровь, по-нашему, самый дешевый сок в этом проклятом мире, господин виконт! Передайте мисс Гарди, что я решил и перед нею искупить старую вину.

— Какую вину, Бернардито?

— Отца ее убили все-таки мои молодцы. Сегодня этот грех снимется с меня живого или мертвого. Прощайте, Фред!

И двое бородатых мужчин в лесной чаще крепко обняли друг друга.

5

Барометр предсказывал сильную бурю, и к вечеру Скалистый пик окутался облаками. С юга надвинулась темная туча. Она опустилась низко над островом, оставляя клубящиеся клочки на вершинах холмов и даже на реях корабля.

Пассажиры брига весь день бродили по палубе, вглядываясь в спокойный ландшафт острова. Стало известно, что островитяне уклоняются от переговоров. Доктор Грейсвелл недоумевал, почему его не посылают освидетельствовать предполагаемых больных на острове, но мистер Мортон объяснил, что островитян, по-видимому, много; показываются они только в масках, настроены воинственно и враждебно, хорошо вооружены и хотят занять пролив, чтобы отрезать кораблю отступление в открытое море.

Много толков среди пассажиров и команды вызвал ночной крик женщины на корабле. Леди Стенфорд объяснила, что кричала ее горничная Бетси от страха перед леди Эмили Райленд, у которой открылось внезапное буйное помешательство. Все объясняли эту неожиданную болезнь молодой виконтессы волнением и

страшными рассказами о злобных прокаженных на острове. Передавали, что в припадке безумия леди Эмили ночью выбежала из каюты и набросилась с ножом на Каррачиолу и Бетси; с помощью других пассажиров они лишь с трудом надели на Эмили смирительную рубашку. Днем удрученный мистер Райленд рассказал Брентлею, что припадки не повторялись, но из предосторожности больную приходится держать в запертой каюте, где при ней безотлучно находятся негр Сэм, Ричард Томпсон и Камилла.

На самом деле и Ричард, и негр, и француженка-горничная, арестованные еще на рассвете в своих постелях, сидели взаперти в темных чуланах на корабле, менее страшных и глухих, чем нижний трюмный карцер, но все же весьма похожих на тюремные камеры.

Ни один из арестованных не знал, чему приписать свое внезапное заключение; негр и Камилла с беспокойством вспоминали о тайных событиях в ченсфильдской роще, а Ричард догадывался, что Эмили «вышла из повиновения» и начала бунт, пресеченный пиратом решительными и бесчеловечными мерами. Днем мулат Рой принес пищу затворщикам. Разумеется, и от него Ричард ничего не смог добиться.

Вечером начался сильный прилив. Пришлось даже потравить якорные цепи, ибо судно заметно поднималось. Полоска берега вновь сузилась до тоненькой ниточки желтого песка. Стояла тягостная влажная жара. Вдали сильнее задымил кратер огнедышащей горы, и дважды пассажиры «Ориона» слышали слабый подземный гул.

Окликнув на палубе Каррачиолу, Грелли велел ему спуститься в трюм.

— Приготовь все, что я велел, и позови Оге, — сказал он тихо. — Когда все будет готово, возвращайся сам на палубу и наблюдай за берегом. Я припугну гордячку.

Вместе с Оге хозяин «Ориона» спустился в чрево корабля, в карцер. Фонарь в руках Грелли осветил широко раскрытые, полные отчаяния глаза узницы. Она сидела на пледе, подобрав под юбку ноги.

— Я пришел предложить тебе свободу, — сказал судовладелец. — Напиши островитянину о своем положении, проси спасти тебя. Твоя судьба в его руках. Вот чернильница, перо и бумага. Пиши ему всю правду. Пощады тебе не будет.

Когда Грелли протянул девушке бумагу, перо и ее любимую чернильницу, подарок покойной матери, Эмили страшным напряжением воли уняла дрожь, сотрясавшую ее тело, и взяла поданные ей предметы. Потом, зажмурившись, она изо всей силы швырнула фарфоровую чернильницу под ноги своему мучителю. Маленький сосуд разлетелся вдребезги. Грелли от ярости зарычал:

— В кандалы ее, Оге!

Гигант поднял кандалы с пола. Грубые железные кольца охватили запястья и щиколотки девушки. Датчанин заклепал молотом эти кольца-браслеты. Цепи были так тяжелы, что Эмили почти лишилась возможности двигаться в них.

— Дай мне плеть!

Крик ужаса бессильно замер в этом глухом, как монастырское подземелье, колодце.

Грелли замахнулся плетью, но в этот миг чьи-то шаги загремели на железных ступеньках люка.

— Хозяин! — раздался голос Каррачиолы. — На берегу горит большой костер.

Когда шлюпка, присланная с корабля, приняла на борт охотника в фуфайке, оба других островитянина осторожно вышли из прибрежных кустов.

— Отсюда, с этой отмели, до корабля будет не более четверти мили. Придется добираться вплавь. Направление — на кормовой фонарь. Эх, Педро, жаль, что у нас нет пистолетов! Придется воевать без пороху! Крокодилов, должно быть, разогнали пушки «Ориона», а от акул будем обороняться ножами. Ну, бородатый мальчик, с богом!

Два человека бесшумно вошли в воду. Прилив достиг полной силы. Пройдя покрытую водой полосу песка и очутившись наконец по грудь в молочно-теплой воде, они пустились вплавь.

Педро был до пояса обнажен, Бернардито плыл в черной рубашке. У обоих за поясом были кинжалы. Они плыли ровно, рядом, ни разу не плеснув и не поднимая брызг.

— Отдохнем, — сказал Бернардито на середине пути и перевернулся на спину. — Старайся разглядеть, где часовые на борту. Мистер Фред уже на корабле, и шлюпка осталась у носового трапа. Ее мы и должны захватить. Главное — бесшумно подняться на корабль. Ага, пошел дождь! Нам это на руку: должно быть, свя-

той Христофор заботится о нас. Акул тоже не видно. Вперед, Педро!

До корабля оставалось не более ста ярдов. Теплый летний дождь полил сильнее, поверхность бухты покрылась частой рябью и пузырьками.

— Часового я вижу над носовым трапом. — Второй — на корме, — шепнул Педро.

Пловцы достигли освещенного фонарями пространства у бортов судна. Только под самой кормой падала на воду черная тень.

Бернардито поправил пояс с кинжалом, набрал воздуха в легкие и кивнул. По этому знаку оба исчезли и вскоре вынырнули в полосе тени.

Отдышавшись, Бернардито указал своему спутнику на левую якорную цепь, а сам приблизился к правой. Их осторожные, удивительно слаженные движения могли бы со стороны показаться упражнениями цирковых гимнастов. На правую цепь, за которую ухватился Бернардито, падала тень шлюпки, подвешенной на кормовых шлюпбалках. Одноглазый пловец услышал сквозь плеск дождя, что левая цепь тихонько заколебалась. Темная фигура Педро уже взбиралась на корабль. Бернардито подтянулся на руках и тоже стал карабкаться наверх.

Когда он достиг борта, почти рядом с ним вспыхнул огонек. У самого борта, прислонив ружье к стенке, часовой спокойно раскуривал трубку. Бернардито узнал его сразу. Это был мулат Энрико Рой, некогда прислуживавший Грелли на «Черной стреле».

Одним прыжком Бернардито очутился на палубе. В слабом свете, падавшем из занавешенного окна чьей-то каюты, перед Роем предстала фигура его прежнего грозного капитана, с мокрой бородой и длинными волосами, спадающими до плеч, с черной повязкой на лице. Единственный глаз этого привидения сверкал, как уголь, а в руке матово серебрился кинжал. Рой попятился от страшного призрака, вынырнувшего из морских недр, но в тот же миг сильные пальцы Педро схватили мулата сзади и сдавили ему горло.

— Стой, отпусти его, Педро! Энрико Рой, ты всегда был плохим матросом и негодным часовым. Не вздумай кричать, или тебя задушат на месте. Повинуйся мне беспрекословно. Показывай, где сын Джакомо Грелли. Веди нас к его каюте. Педро, держи его крепче, я пойду сзади вас. Вперед!

Шатаясь под тяжестью руки, державшей его за шиворот, Рой, согнувшись, заковылял в носовую часть. За ними крался Бернардито, держа ружье мулата наготове.

Два окна большой каюты пропускали на палубу сильный свет через щели бархатных штор. До слуха Бернардито долетели из этой каюты голоса мистера Фреда и Грелли. В каюте двигались тени нескольких человек. В этот миг где-то во внутренних помещениях судна захлопали двери, послышались голоса и шаги, словно только что окончился какой-то прием или совещание, с которого много людей расходились по кораблю. Нужно было спешить! Нагнувшись, все трое проскользнули через освещенную полосу и остановились под окном с закрытой створкой жалюзи. За окном было тихо, свет в каюте погашен.

— Кто находится при ребенке?

— Доротея, кормилица.

— Постучи и скажи, чтобы она открыла окно.

Рой повиновался. За окном послышался шорох. Женский голос спрашивал, кто стучит. Бернардито прижал острие клинка к животу мулата. Тот отозвался на голос женщины, и задвижка окна щелкнула.

— Педро, прыгай внутрь и делай все быстро, — шепнул одноглазый своему спутнику.

Женщина выглянула из окна, придерживая воротник сорочки. На одно мгновение взгляд ее упал на лицо Бернардито, и в глазах женщины мелькнул испуг, но Педро уже зажал ей рот и мгновенно вскочил в каюту. Шум борьбы раздавался там недолго. Послышался треск разрываемой простыни, потом всхлипнул ребенок, и все стихло. Педро показался из окна с большим свертком в руках. Бернардито принял сверток на руки, и в этот миг Рой сделал порывистое движение в сторону. Он не успел пробежать и двух шагов, как Педро догнал его и взмахнул ножом. Мулат упал, даже не застонав.

— Теперь — на другой борт, к трапу! Иди вперед, оглуши часового. Быстрей!

Со свертком в руках Бернардито остался в тени носовой шлюпки. Внутри мягкого узла что-то шевелилось и кряхтело.

Фигура часового неподвижно темнела у борта. Вдруг он резко качнулся назад. Раздался короткий вопль и сильный всплеск. Бернардито кинулся вперед. У трапа Педро уже снимал швартов, удерживающий

шлюпку. Едва Бернардито успел прыгнуть вниз и положить свой большой сверток на носу лодки, как Педро с силой оттолкнул ее от трапа. Бернардито подхватил из рук Педро второе ружье, еще потное от рук только что державшего его часового, и две пары весел без плеска опустились на воду.

6

В нарядной каюте Грелли горели все свечи в стенных и настольных шандалах. Каюта была полна людьми. Последней вошла леди Стенфорд, блистающая изысканным нарядом и осыпанная бриллиантами от макушки волос до пряжки на шелковых туфельках. У стола стоял хозяин корабля и высокий мужчина, свежевыбритый и одетый в кафтан из гардероба Ричарда Томпсона. Отсутствовала только леди Эмили Райленд. Хозяин жестом попросил тишины.

— Господа! — сказал он. — Кажется, мы все в сборе. Капитан Брентлей, удостоверяете ли вы, что этот человек и есть тот самый островитянин, которого в мае этого года вы видели здесь, на этой земле?

— Да, мистер Райленд, это именно он.

— Отлично. Ваше имя, сэр?

— Вам оно известно.

Грелли нахмурился:

— Простите, но мы условились, что вы будете давать в присутствии этих леди и джентльменов только ясные и недвусмысленные ответы. Итак, ваше имя?

— Альфред Мюррей.

— Вы англичанин?

— Я уроженец штата Виргиния в Северной Америке.

— Ваши занятия?

— Бывший хлопковый плантатор и купец.

— У вас имеется на родине какое-нибудь имущество?

— Я лишился его.

— Можно ли узнать, по какой причине?

— После неурожая я продал плантацию с намерением поискать счастья в других землях. Французское судно «Иль де Франс», на котором я, посетив сначала Индию, плыл с товарами в Европу, разбилось на подводных рифах в ста милях от этого острова. Из всех людей на корабле спасся я один. Течением меня прибило к этому острову.

— Когда это произошло?

— Пять лет назад, в 1767 году.

Ричард Томпсон слушал островитянина с напряженным вниманием. Из своего заточения в карцере он был освобожден за час до этого собрания и едва успел привести в порядок собственный туалет, а также снабдить и островитянина приличествующим случаю костюмом.

— Разрешите мне задать вопрос господину островитянину, — обратился он к режиссеру комедии, которая с такой гладкостью разыгрывалась перед слушателями. — Каким образом, мистер Мюррей, состоялось ваше знакомство с мисс Гарди, ныне леди Райленд?

— Господа, — остановил глава экспедиции островитянина, уже собравшегося ответить адвокату, — сейчас я беседую с господином Мюрреем не как частное лицо, а как губернатор острова. Впрочем, поскольку вопрос уже задан, потрудитесь ответить господину адвокату.

Мистер Альфред Мюррей встретил направленный на него в упор взгляд Ричарда Томпсона. Мюррей помолчал, посмотрел на Грелли, а затем поднял глаза на небольшой портрет, висевший на стене и изображавший леди Эмили с розой в волосах. Не отрываясь от портрета, он заговорил ровным, замученным голосом:

— Леди Эмили я встретил на корабле, когда она возвращалась из Европы в Индию к своему отцу. Затем мы поддерживали наше знакомство и дружбу с нею уже в Калькутте. Она стала моей невестой. Через полгода после моей высадки на остров, в марте 1768 года, сюда зашла пиратская шхуна «Черная стрела». Ее капитан высадил здесь двух провинившихся пиратов. Помощник этого капитана, некто Джакомо Грелли, согласился на мою просьбу переслать в Америку мое письмо, в котором я просил своего дядю о присылке за мной спасательной экспедиции, ибо, разумеется, не счел возможным покинуть остров на пиратском судне. О том, как письмо попало к мисс Гарди, вам может рассказать ее нынешний супруг.

Мюррей отвернулся от портрета и снова взглянул на Томпсона. Тот потупился и больше не вмешивался в ход допроса. Он решил, что подлинный виконт Ченсфильд побежден.

— Действительно, — воскликнул Грелли, — обстоятельства вручения мне письма мистера Мюррея были необычными! Пиратская шхуна «Черная стрела», как

вы знаете, была уничтожена французским корветом «Бургундия», принявшим на борт и нас, троих спасенных с «Офейры». Французский моряк, убивший в схватке пирата Джакомо Грелли, показал мне письмо, найденное в кармане убитого. Выяснилось, что Эмили некогда была невестой автора этого письма, мистера Мюррея, которого считала погибшим после известия о катастрофе «Иль де Франс». Впоследствии я поручил капитану Брентлею принять меры к спасению Альфреда Мюррея. Но мне требовалось время, чтобы выяснить причины пребывания Мюррея на острове. Этой весной я получил о нем вполне удовлетворительные справки, подтверждающие его нынешнее повествование о себе. — Грелли обвел присутствующих надменным взглядом. — Я решил присоединить этот остров к британским владениям и вместе с тем помочь мистеру Мюррею. Остальное вы знаете. Мистер Мюррей намеревается следовать с нами до Капштадта... Простите, еще один вопрос! Будучи губернатором этого острова, я обязан обезопасить его от пиратов, проживших так долго вместе с вами. Так как из страха перед правосудием они отказались явиться на корабль добровольно, они сами поставили себя вне закона. Назовите, пожалуйста, их имена, мистер Мюррей.

— Одного из них зовут Педро Великаном, другого — Бобом Акулой.

— Так-так. Значит, Великан и Акула... Ну что же, завтра этот Педро и этот... как его... Боб будут висеть на реях грот-мачты. Вы, господа, свободны. Только господ Томпсона, Мортона, Паттерсона и пастора Редлинга я попрошу остаться здесь на несколько минут для совершения некоторых юридических формальностей.

У стола с разложенными бумагами сидел Мортон. Он с поклоном протянул островитянину несколько документов, которые тот подписал один за другим. Затем юристы Мортон и Томпсон скрепили документы своими подписями. Последним к столу подошел священник и тоже засвидетельствовал подлинность бумаг и свое участие в этом юридическом акте.

В глазах Грелли прыгали зеленые искры. Чувство торжества кипело и пенилось в нем, как игристое вино. Сражение, которое он готовил больше четырех лет, было выиграно за двадцать четыре часа!

— Теперь, мистер Мюррей, меня ждут другие неотложные дела. К вашей старой знакомой, леди Эмили,

проводит вас мистер Паттерсон. Со вчерашнего дня она, к сожалению, занемогла и не покидает каюты. До новогодней встречи через час, господа!

Мистер Мюррей вышел вслед за Паттерсоном. Внутренние помещения корабля были освещены. У дверей каюты Эмили островитянин постоял несколько мгновений, чтобы унять бешеное биение сердца. Паттерсон, не смея взглянуть ему в глаза, тихонько постучал и приоткрыл дверь в каюту. Увидев ее обитательницу, Паттерсон вздрогнул: прекрасное лицо ее, бледное и осунувшееся, светилось сейчас надеждой и неуверенной, еще сдерживаемой радостью, но от виска к маленькому розовому уху курчавилась, отливая серебром, прядка седых волос, которой нынешним утром еще не было и в помине!

Онемев от неожиданности, с захолонувшим сердцем, Паттерсон попятился из каюты, пропуская островитянина вперед. Тот переступил через порог... Почти вытолкнув Паттерсона в коридор, он захлопнул дверь и протянул руки к девушке, бросившейся ему навстречу.

— Фред! — задыхаясь, простонала она каким-то чужим, не своим голосом и упала ему на грудь.

Прижав ее к себе, он почувствовал, что тело ее тяжелеет в его объятиях и сползает на пол. Она упала бы к его ногам, если бы он бережно не подхватил ее на руки.

Паттерсон, прислушиваясь, постоял несколько минут у дверей. У него трясся подбородок. Он отошел от порога на цыпочках и побрел к себе, шумно сморкаясь и пряча лицо в платок.

С высоко поднятой головой Грелли шел по коридору в каюту леди Стенфорд. Голос леди уже ответил ему, и дверь гостеприимно распахнулась, как вдруг до его слуха донесся заглушенный вопль с палубы и сильный всплеск за правым бортом. Прислушавшись, стоя на пороге, он уловил как будто звяканье уключин и быстро удаляющиеся всплески весел. Он прикрыл дверь каюты и вернулся в коридор. У выхода на палубу горел сильный фонарь. Выглянув наружу, Грелли оказался на фоне освещенного прямоугольника дверного проема. В тот же миг с воды грянул выстрел, и пуля, отщепив кусок дерева от фальшборта, на излете ударила Грелли в пах и застряла под кожей живота. Второй выстрел ранил его в плечо. Хозяин острова, цепляясь за двер-

ной косяк, сполз на темную мокрую палубу. Приподнявшись на колени, он добрался до перил и с трудом различил на воде шлюпку, уходившую к берегу на двух парах весел.

Вслед шлюпке раздались два выстрела с мостика, и пули булькнули где-то у кормы суденышка. Стрелял Эдуард Уэнт, только что принявший вахту от Ольсена. Свисток боцманской дудки вызвал на палубу всех вахтенных, которые перед прибытием шлюпки с островитянином были, по приказанию Грелли, отправлены в кубрик.

Грелли, в залитом кровью мундире, встал на ноги, но левая рука его беспомощно свисала. От боли в животе он сгибался и не мог смотреть вперед. Теперь выстрелы гремели вдоль всего борта. Стреляли матросы и офицеры.

— Батарея, к бою! — услышал Грелли команду Уэнта и почти одновременно с нею стук открываемых орудийных портов.

Сгоряча пересиливая тупую, быстро нарастающую боль, Грелли сделал несколько шагов по палубе. Он хотел добраться до носовой батареи, но вдруг наткнулся на чье-то тело, ничком распростертое на палубе. Человек был мертв. Повернув голову убитого, Грелли увидел в свете фонаря, принесенного боцманом, остекленевшие глаза Роя. В них застыл ужас.

— Смотрите, — раздался с мостика голос Уэнта,— течение уносит какой-то предмет!

Каррачиола перегнулся через правый борт. При вспышках выстрелов он разглядел на воде треуголку часового. Самого матроса не оказалось на палубе.

Одновременно Грелли заметил распахнутое окно каюты Доротеи. Из глубины помещения доносились заглушенные жалобные стоны. Со скрученными назад руками и обвязанной одеялом головой, вся оплетенная обрывками простыни, на полу каюты билась Доротея Ченши, пытаясь освободиться. В каюте все было перевернуто вверх дном. Колыбелька Чарльза с разорванным надвое пологом и раскиданными подушками была пуста. Маленький виконт Ченсфильд исчез!

На батарее раздался удар колокола, и первый орудийный залп сотряс борта. Ядра взрыли водяные столбы вокруг шлюпки, уже приближавшейся к берегу.

— Не стрелять! — завопил Грелли диким, страшным голосом. — В погоню! Они похитили моего сына!

Голос его захлебнулся на штормовом ветру. Он уже не различал очертаний шлюпки; только сноп красных искр взвился на дальнем берегу. Это резкий порыв вихря разметал остатки костра, одиноко догоравшего у самой воды.

Глава девятая

ПАСЫНОК СВЯТОЙ МАДДАЛЕНЫ

1

Мгла и крутящийся вихрь царили над островом. Выше прибрежных мысов поднимались черные водяные горы. В скалах рушились свисающие глыбы и осыпались песчаники.

Ветер выл и ревел, врываясь в ущелья. Сплошная стена ливня, низвергаясь на голые гранитные утесы, разбивалась в мелкую водяную пыль. Облака этих рассеянных брызг наполняли все ущелье, от ложа ручья до зубчатого гребня, подобно клубящемуся дыму. Ручей превратился в коричневый поток и бесновался в каменном ложе. Вековые платаны и кедры, вырванные ураганом, обрушивались в поток, и он с яростью швырял эти деревья о скалы, обламывая пышные кроны и превращая могучие стволы в щепы. Глыбы камня с грохотом ворочались на дне потока.

В глубокой горной пещере Бернардито Луис и Педро Гомец прислушивались к вою бури. Они только что покончили с трапезой и сидели на деревянных чурбаках у грубо сколоченного стола. Огонек горящего в растопленном жире фитилька, мигая, освещал личико кудрявого ребенка, спавшего возле стола, на связке звериных шкур. Ребенок, съежившись, лежал под нарядным одеяльцем из голубого атласа.

— Пожалуй, нынешняя буря не слабее той, что прибила тогда «Черную стрелу» к подводной гряде! Не завалило бы лавиной выход из пещеры... Если камни обрушатся, мы с тобой, Педро, живьем окажемся в просторной могиле.

— Я захватил железную мотыгу и лопату, капитан. Припасов нам хватит недели на две. За это время мы откопали бы себе другой выход отсюда. Ложись отдохнуть, капитан Бернардито!

— Я не могу спать. Отдыхай сам, мой друг Педро... Какой красивый ребенок у Грелли! И смотри, он похож на него, как тигренок на тигра.

— Да, вплоть до родинки над ключицей. Дай-ка мне еще раз взглянуть на медальон.

Бернардито вынул из кармана своей кожаной куртки медальон, снятый с шеи мальчика и завернутый в тряпку. Оба пирата долго рассматривали миниатюры на эмали.

— Воображаю, какой переполох на «Орионе»! Что-то делает сейчас наш мистер Фред? — сказал Педро.

— Вероятно, целуется со своей милой. Она славная девушка.

— Не задушил бы Грелли их обоих!

— Ну нет, об этом-то я позаботился. Куда ты положил мое письмо?

— Туда, куда ты велел: в пустую колыбельку.

— Значит, о мистере Фреде ты можешь не тревожиться, Педро. Грелли оставит и его и мисс Гарди в покое. Только, вероятно, им не разрешат сходить с корабля. А вот за нами они начнут охоту по всему острову, как только утихнут буря и ливень.

Ребенок пошевелился и открыл черные глаза. Вместо привычных предметов и людей он увидел два склонившихся над ним бородатых лица и захныкал. Однако, пробудившись окончательно, он произнес не то обычное слово, что всегда первым приходит на уста всем просыпающимся ребятам его возраста. Сморщив рожицу в плаксивую гримаску, ребенок проговорил:

— Дороти!

Выражение его лица было при этом таким же, с каким все дети зовут мать. Мужчины переглянулись... Мистер Фред весной прочел своим друзьям письмо Эмили, доставленное на остров капитаном Брентлеем, и тайна рождения Чарльза была им известна.

— Гнусное животное! — процедил Бернардито. — Он даже ребенка приучил к притворству. Родную мать бедный мальчишка зовет, как служанку. Жаль, что я промахнулся вчера ночью! Впрочем, кажется, мой второй выстрел все же зацепил его.

Ребенок расплакался, испуганный сверкающим глазом пирата. Бернардито поставил мальчика к себе на колени:

— Тебе придется привыкать к этому логову, сынок! Дороти придет, когда кончится буря. Она велела тебе не плакать, умыться и поесть. Потом я расскажу тебе длинную интересную сказку. Слышишь, как воет ветер?

— Это шторм, — произнес сын мореплавателя.

— Педро, этого мальца нужно беречь, как зеницу ока: от его здравия зависит судьба многих людей! Как развлечь его, чтобы он не хныкал?

— Когда я увязывал сверток, мне попалась какая-то толстая книга. Она валялась на полу в каюте, и, кажется, я запихал ее в сверток. Посмотри, капитан, может быть, она цела, если не выпала по дороге.

Бернардито пошел в угол пещеры, куда пираты бросили весь разворошенный узел с пожитками похищенного ребенка.

— Педро, ты не только велик, но и мудр! — воскликнул бывший главарь пиратов, извлекая из размотанного свертка толстую книгу со множеством картинок. На книге имелась дарственная надпись от пастора Редлинга. — Недаром сверток показался мне тяжеловатым. Сам-то ты умеешь читать по-английски?

— Нет, капитан.

— Когда-то я был силен в книжной грамоте, но теперь наполовину позабыл эту премудрость. Давно я не держал в руках книги! Чарли, ты любишь смотреть картинки?

— Я люблю смотреть картинки вместе с моим отцом.

— А скажи мне, Чарли, есть у тебя мама?

— Моя мама — леди Эмили...

— Врешь, сынок. Твоя мама Дороти, как ты ее называешь. А как зовут твоего отца?

— Сэр Фредрик Райленд.

— Вот как! Ну, а как же зовут тебя самого?

— Сэр Чарльз Френсис Райленд, виконт Ченсфильд.

— Слыхал, Педро? Это звучнее, чем Карло Грелли! Ты умный мальчик, Чарли, но боюсь, что вырастешь ты не сиятельным виконтом. Мы станем с тобою друзьями, Чарли; что значит для нас с тобой разница в какие-то полсотни лет! Я научу тебя многим интересным вещам. Ты станешь у нас...

Глухой нарастающий гул потряс пещеру. Затрещали камни в стенах, и с шумом посыпалась оседающая земля.

Бернардито вскочил, прижимая к себе ребенка. Согнувшись, он бросился в глубину пещеры, когда огромная глыба, составляющая бо́льшую часть свода, стала грузно и мягко оседать. Она погребла под собою весь угол со сложенными вещами и почти половину остального пространства пещеры. Фитилек светильника погас, и люди очутились в душном, непроглядном мраке.

2

Доктор Грейсвелл менял раненому перевязки. Грелли молча терпел, стиснув зубы. Тело больного сотрясал озноб; бред и явь перемешивались в его разгоряченном лихорадкой мозгу. Раны были серьезные. Когда рассвело, врач, уже при дневном свете, извлек обе пули из тела Грелли.

Разыгравшийся ночью шторм к полудню достиг силы урагана. Укрытый в надежной бухте «Орион» все же раскачало так, что одна якорная цепь лопнула. Казалось, что в хлещущем ливне нет отдельных струй; будто низвергался на остров огромный водопад. Объятые страхом пассажиры корабля с ночи не покидали своих кают. Шепотом передавались подробности тайного нападения пиратов, ранения сэра Фредрика и неудачной погони за похитителями.

Судовладелец сам напутствовал с борта группу матросов, посланных вдогонку пиратской шлюпке, как только умолкли залпы по ней. Раненый, с бессильно свисающей рукой и перекошенным от боли и злобы лицом, хозяин острова требовал доставить ему отрубленные головы пиратов. Лишь только шлюпка с матросами отвалила от трапа, судовладелец стал терять силы. Он не мог держаться на ногах, но приказал вести себя в каюту Доротеи.

«Кормилицу» он застал в руках Каррачиолы; она билась и кричала, порываясь броситься в море. С растрепанными волосами, в белой ночной одежде, она неистовствовала.

Увидев Грелли, женщина вырвалась из рук Каррачиолы:

— Где ребенок? Где Чарли? Его унесли у меня! Верни мне сына, Джакомо... Верни его, или я прокляну день, когда не отважилась покинуть твой корабль!.. Мне говорили: беги отсюда, спасайся от забывшего бога Джакомо!.. Зачем я не сделала этого, зачем вовремя не ушла от тебя с моим ребенком!

— А ты, изменница, только сейчас надумала сказать мне, что тебя учили бежать с корабля? Я повешу тебя на одной рее с пиратами, как только поймаю их! Погодите, Великан и Акула, ваши матери пожалеют, что родили вас на свет! А с той, что подговаривала тебя убежать, и с ее дружком я сейчас расправлюсь так, что...

Тут взгляд его упал на пакет, оставленный похитителями в пустой колыбели. Он разорвал обертку, прочел короткое письмо пиратов и сразу обмяк и утих. Каррачиола попятился, увидев лицо судовладельца. Оно исказилось судорогой страха и стало восковым.

— Стой, Каррачиола! Черт с ними, с теми двумя, оставь их. Отнесите меня в каюту капитана, не в мою, слышите? Ты и Оге все время будьте около меня. Ступай за Оге... Нет, погоди! Погляди, нет ли там еще чего-нибудь.

Убедившись, что, кроме письма, пираты ничего больше не оставили в разворошенной колыбели, Грелли велел поднести свечу поближе и еще раз перечитал карандашные строки, написанные по-испански:

Джакомо Грелли!

Ты больше не Леопард. Своим вероломством ты заслужил смерть. Если вздумаешь причинить зло Райленду и Эмили, я пришлю тебе голову твоего сына, зажаренного живьем. Верни этим людям то, что ты отнял у них, а за моими камнями я приду сам и сыщу тебя даже на дне преисподней.

Бернардито.

Грелли протянул записку к пламени свечи и с суеверным страхом растоптал на полу серые пушинки пепла.

Когда Оге Иензен и Каррачиола перенесли хозяина в каюту, с берега вернулись матросы. Они прибыли на бриг с пустыми руками, приведя на буксире лишь пустую шлюпку, брошенную пиратами на песке отмели. Брентлей ожидал, что неудача десанта вызовет новый гнев хозяина, но, войдя вместе с Уэнтом в свою каюту, где врач осматривал раненого, капитан застал его уже без сознания.

О повторении десанта нечего было и думать из-за налетевшего шторма. Всю ночь больной бредил и метался. Днем, после операции, он то утихал, то сквернословил и божился. К вечеру ему стало хуже.

Так прошли первые сутки после ранения Леопарда. В море бушевали смерчи и вихри. У дверей капитанской каюты, где лежал раненый, бессменно оставался Каррачиола. Гигант Оге неподвижно сидел в темном углу каюты; он сосредоточенно и тупо смотрел на руки врача, прикладывавшего больному примочки и менявшего перевязки.

3

Каюту, которую прежде занимали вдвоем Джозеф Лорн и Джеффри Мак-Райль, Брентлей предоставил мистеру Альфреду Мюррею.

Вечером 1 января Ричард Томпсон снова явился навестить нового пассажира и застал его в глубоком сне. Адвокат тихонько уселся в плетеное кресло и стал рассматривать лицо спящего...

Еще в полночь, едва узнав о похищении ребенка, бультонский стряпчий понял, что островитяне повели военные действия против Грелли по отчаянно смелому плану. Адвокат теперь не сомневался, что Мюррей был одним из исполнителей этого плана и должен был усыпить бдительность Грелли мнимой капитуляцией.

...Спящий не шевелился. Широкая грудь вздымалась спокойно и ровно. Лицо, освещенное висячей лампой, было мужественным, но выражало крайнюю усталость. Она сквозила в чертах вокруг горько сжатого рта, в тенях и морщинках у глаз. Это не было утомление физическими невзгодами и трудом, это была глубокая усталость души, страдавшей под непосильным бременем ненависти, тяжких обязательств, мучительных раздумий и неразрешимых противоречий. Тоска по душевному покою — вот что было написано на лице спящего.

Дверь скрипнула. Эмили тихо переступила порог. Ураган и ливень уже ослабевали, но море еще волновалось, судно вздрагивало и раскачивалось. Ступая с осторожностью по узкому коврику, Эмили при наклоне судна пошатнулась и ухватилась за руку Ричарда. Волосы девушки коснулись лица адвоката, и вид серебристой прядки над виском поразил его еще больше, чем Паттерсона.

— Боже мой, что они сделали с вами! Проклятие злодею! Но теперь, мисс Эмили, когда вы соединились с любимым человеком, вас ждет мирное счастье. Грелли обещает развод. Как только ваш друг восстановит свои права, вы...

Девушка засмеялась невесело. Она осторожно защитила от света глаза спящего и заговорила тихо, чтобы не потревожить его:

— Мирное счастье, говорите вы, мистер Томпсон! Вы напрасно утешаете меня. Я ведь хорошо понимаю, что это невозможно. Грелли прав: английское общество никогда не простило бы мне моего мнимого брака. Даже

если Фреду удастся выйти победителем из борьбы с Грелли, моя и его судьба останется очень печальной. Общество отвернется от человека, который отважится назвать своей женой пособницу разоблаченного бандита. Ведь люди не знают... Я устала за все эти годы. Конечно, я хочу хоть немного простого счастья, но Фреду никогда не придется упрекнуть меня в том, что ради моего счастья отказался от родины... Нет, о браке с Фредом я должна забыть, — договорила она шепотом и смахнула слезинку.

Спящий по-прежнему не шевелился.

— Сэр Фредрик Райленд! — сказал адвокат погромче, обращаясь к лежащему.

Эмили вздрогнула и резко обернулась к дверям.

— Господи, я думала, что вошел тот! О Фред, — произнесла она в слезах, — мне страшен даже звук твоего настоящего имени, как страшны и ненавистны стены твоего фамильного дома!

Глухо зарыдав, она упала на колени перед постелью спящего и спрятала голову у него на груди.

Не меняя положения и не открывая глаз, как слепой, сэр Фредрик прижал голову девушки к губам и с нежностью поцеловал седую прядку над ее виском. Он слышал весь разговор Ричарда со своей невестой, но, слушая, оставался лежать с закрытыми глазами, чтобы не нарушить состояния глубокой внутренней сосредоточенности. В эти минуты он обдумывал новое важное решение своей судьбы. Решение это было нелегким, но подсказывалось оно всем опытом жизни, нравственными убеждениями и самой совестью.

В дверь постучали. Все трое встрепенулись, Ричард вскочил с места. Взволнованный Паттерсон приоткрыл дверь в каюту:

— Леди Эмили, мистера... Мюррея и вас, Ричард, пастор просит немедленно подняться в капитанскую каюту. Он готовится соборовать раненого. Больной очень плох. У него заражение крови...

В капитанской каюте, где лежал больной, пламя нескольких свечей озаряло морские карты, барометры, часы и оружие на стенах. Китаец-повар Брентлея набивал кусочками льда холщовую сумку, снятую с головы больного. Леди Стенфорд, неубранная и непричесанная, гладила мокрые волосы Грелли. Лицо ее выражало испуг и горе.

Один рукав батистовой сорочки больного был отре-

зан; обнаженная левая рука с великолепной мускулатурой, перехваченная тугой повязкой, багровая, свисала, как порубленный сук. Опухоль уже дошла до кисти. У кровати стоял таз, наполовину наполненный кровью, которую доктор Грейсвелл только что выпустил из вены больной руки.

В помещении еще пахло горелым мясом и дымом углей. Днем Грелли сам потребовал, чтобы врач прижег ему рану раскаленным железом. Операцию эту больной вынес молча, но после прижигания ослабел. Пульс его сделался аритмичным, испарина выступила на теле.

В головах у больного стоял священник с молитвенником в руках. Мортон, притихший и словно пришибленный, притулился у стенки. Ни Иензена, ни Каррачиолы уже не было около раненого. Он отпустил их, услышав врачебный приговор себе.

Вошедшие молча столпились у дверей. Больной повернул к ним осунувшееся лицо с запавшими глазами и заострившимся горбатым носом. Паттерсон вопросительно взглянул на врача. Тот с сомнением покачал головой.

— Не переглядывайтесь с доктором, Паттерсон, — заговорил раненый. — Я и сам знаю, что шансов мало. Моя смерть развязывает весь узел. Вам, Ричард, вместе с Мортоном придется засвидетельствовать мое завещание, я уже подписал его. Могилу для меня выройте на вершине Скалистого пика. Судьба хочет, чтобы я поменялся местами с вашим будущим мужем, Эмили. Теперь, пастор Редлинг, исповедуйте меня. Присутствие этих людей не помешает вам, а мне оно не даст солгать перед концом. Помните, господа: тайна исповеди священна! Не тревожьте после моей смерти тех людей, кого мне придется назвать. Поклянитесь на этом распятии похоронить в собственных сердцах все, что вы сейчас услышите!

Присутствующие исполнили требование умирающего. Затем Мортон погасил яркие свечи. Огонек лампады затеплился перед черным крестом с белеющим на нем костяным телом распятого. Несколько минут больной молчал, собираясь с силами. Потом в полумраке зазвучал его глухой, ровный голос... Перед безмолвными слушателями будто раздвинулись тесные стены каюты. Картины удивительной жизни развернулись перед ними, словно на сцене шекспировского театра.

4

...Солнце жжет белые стены. В боковом флигеле францисканского[1] приюта, где несколько каштанов отбрасывают тень на подслеповатые, забранные решетками оконца, дребезжит колокол.

Под лестницей, ведущей во второй этаж, находится полутемная каморка привратника. С обрюзгшим лицом, похожим на сырую, дряблую картофелину, он лежит на своем ложе среди тряпья и рухляди. Челюсть подвязана фланелевой тряпкой: у него разболелись зубы, и он сутками не покидает постели. Единственная его обязанность состоит в том, чтобы поутру поднять звоном колокола мальчиков приюта святой Маддалены, а вечером возвестить им отход ко сну. Все остальные дела с успехом вершат за него приютские дети.

Ревматические ноги служителя обуты в теплые войлочные туфли огромных размеров и обмотаны до самых бедер обрывками стеганых одеял. Эти ноги похожи на уличные тумбы.

Щербатый колокол висит над лестницей. От колокола до каморки привратника тянется вдоль стены длинная веревка. В петлю на ее конце продета тумбоподобная нога служителя. Когда солнечный луч на стене подымается вровень с лицом привратника, пора давать сигнал. Нога лениво поднимается и натягивает шнур. Беспорядочно взболтнув медным языком, колокол приходит в движение. Качается нога-тумба — качается и звякает колокол. Звон длится пять минут, десять... Наконец наверху бухает дверь, и колокол смолкает. В спальную, где на соломенных тюфяках дремлют маленькие сироты, входит заспанный монах, подпоясанный бечевкой...

...Падре каноник[2] в капелле бросает неодобрительный взгляд на длинного, худого мальчика, обстриженного после недавно перенесенной оспы. Этот двужильный пробыл месяц в заразной палате госпиталя святого Франциска, откуда люди редко возвращаются в земную

---

[1] Францисканцы — члены католического монашеского ордена, основанного в XIII веке Франциском Ассизским. Монахи ордена давали обет нищеты и жили среди населения, что давало ордену возможность глубже проникнуть в народные массы и бороться с демократическими течениями.

[2] Падре — отец; каноник — священник католической церкви, часто направляемый в качестве воспитателя и надзирателя в монастырские пансионы, приюты, школы и богатые семьи.

юдоль! Этот выжил, несмотря на госпитальное лечение, и даже лицо его осталось чистым.

Грязная сутана коротка мальчику, едва доходит до колен. Несмотря на свои тринадцать лет, он выше и сильнее более зрелых воспитанников, но выглядит самым бледным и истощенным среди приютских детей, преклонивших колени для молитвы.

Остриженный мальчик наклонился, стараясь подсунуть под свои острые коленки рваную полу одежды. Но попытки тщетны, и колени ломит от пронизывающего холода сырой каменной плиты. Каноник хмурится.

— Джакомо! — раздается голос падре. — Дитя, ты опять отвлекаешься от молитвы! Вчера ты ловил мух, сегодня занимаешься своими коленями. Тебе же следует благодарить господа за свое спасение и молиться о ниспослании мира грешной душе твоей матери!

Сверстники бросают на Джакомо косые взгляды. Он гордец и не ищет друзей. Сегодня они все вместе побьют его за то, что вчера он больно поколотил поодиночке трех воспитанников. Они знают, что мать Джакомо — дурная женщина. Она находится в тюрьме. Никто никогда не заступился за Джакомо; взрослые его не любят, дети боятся. За три года жизни в приюте его много раз жестоко наказывали.

Взгляд его злой и затравленный. Улыбается он редко, а смеющимся его видели один раз, когда каноник осенью поскользнулся на мокром откосе и упал в яму с водой, откуда каменщики брали глину. Канонику запомнился этот смех.

С тех пор он не упускает случая, чтобы наказать и уколоть волчонка. Дети слышат, как монах, отвернувшись, бормочет:

— Дурная трава! Шлюхино отродье, прости, господи!..

...Последний раз мальчик видел свою мать из окна отеля в Ливорно. Он сидел на подоконнике и глядел на улицу, где перед дверью заведения ресторатора-француза то и дело останавливались коляски или носилки: богачи и знать Ливорно чествовали в тот вечер модную тосканскую певицу Франческу Молла, мать Джакомо.

С раннего детства мальчик привык к беспорядочной роскоши дорогих гостиниц, подушкам наемных карет, чемоданам и картонкам, шелковым платьям и фальшивым драгоценностям, разбросанным на коврах временных жилищ. Как во сне, мелькали города с готическими соборами и тесными улицами. Италия! Страна горных

пиний, олив и священных руин. Но мать ребенка мало интересовалась славными развалинами. Поклоны подобострастных слуг — и грубоватые, наглые импрессарио[1], блеск паркета — и грязное белье, засунутое за зеркало; украшенная жемчугами шея матери — и запах вина из ее уст, когда ночью она изредка склонялась над ним, шурша парчой и шелками...

Мальчик родился в Венеции, и самые ранние воспоминания связаны у него с этим городом дожей, кондотьеров, купцов и нищих. Ребенком он вместе с матерью кормил доверчивых голубей на площади Святого Марка и всходил на каменные ступени Моста вздохов[2].

Он сохранил в памяти дом с резными башенками, похожий на дворец, и звуки шагов под аркой ворот, где плескалась вода канала. Там проплывали черные гондолы с высокими носами и разговорчивыми гондольерами, которые, стоя на корме, ловко гребли одним веслом. Джакомо помнил в этом доме мраморные статуи по углам, блюда с гербами, изображающими льва, и сумрак залов с длинными, уходящими в потолок зеркалами в простенках окон, затененных золотистыми волнами шелковых портьер.

И совсем смутно запомнилось ему надменное лицо высокого мужчины, перстни, блиставшие на его пальцах, и темно-синий бархат его колета. Слуги величали его «эччеленца», а мать Джакомо называла просто «мой Паоло». Мальчика учили говорить ему «ваша светлость» и целовать руку с перстнями.

Джакомо едва исполнилось пять лет, когда все это внезапно кончилось. Гондола высадила под аркой седовласого старика, одетого в черное. У него были сухие, костлявые пальцы, перстень с тем же гербом, что у Паоло, и лицо точно как у Паоло, но морщинистое и еще более властное.

Войдя в залу, где стояли целые корзины цветов, привезенных накануне из театра слугою матери, старик опрокинул эти корзины, растоптал цветы ногами и заперся вместе с Паоло в его покое. И все переменилось! Мать взяла Джакомо и уехала из дома с резными башенками. Они жили в небольшой гостинице около театра. Паоло еще раз приезжал, оставил на столе тяжелый

[1] Импрессарио — предприниматель, устроитель концертов, зрелищ и т. д.

[2] Мост вздохов — один из четырехсот венецианских мостов; служил переходом в темницу.

мешочек и надолго исчез из жизни мальчика. Только пять лет спустя от своей старой няньки, не покинувшей госпожи в ее скитаниях, он услыхал, что это был его отец. Но даже полного имени отца Джакомо так в точности и не узнал...

Генуя... Неаполь... Рим. Здесь, в Вечном Городе, мальчик был впервые в театре. Из ложи, обитой красным плюшем, он слушал свою мать и видел цветы, летевшие на сцену к ее ногам. Потом в одной карете с художником Альбертино Вителли они уехали на родину певицы, в Равенну.

Одно раннее утро, когда они втроем отправились осматривать гробницу Теодориха Великого, навсегда врезалось в память мальчика. Нежно-розовая и зеленоватая плесень каменных гробов, стоящих на обомшелых плитах в древней базилике, торжественная тишина и дальний звон колокола, а по выходе из гробницы — свежий аромат роз, принесенный из садов дуновением утреннего ветерка, — такие воспоминания оставила у Джакомо пышная некогда Равенна.

Скоро карманы Альбертино Вителли иссякли и в свой дальнейший путь синьора Франческа пустилась одна.

Несколько лет мальчик прожил у своей бабушки, в маленьком домике среди виноградников тосканской равнины. А когда бабушка умерла, Джакомо опять привезли к матери. Она осыпала его поцелуями, обдала ароматом духов и сразу увезла в Милан.

Джакомо исполнилось десять лет, когда она приехала с ним в Ливорно. Они остановились в большом отеле. Окна комнаты, отведенной мальчику и старой няньке, выходили на людную улицу с французским рестораном, где поклонники синьоры Франчески устроили пир в ее честь. В зале играла музыка и раздавались шумные рукоплескания.

Мальчик видел, как перед дверью ресторана остановилась карета с гербом, изображающим льва. Молодая чета вышла из кареты. Перед Джакомо, сидевшим на подоконнике, мелькнул плюмаж[1] на шляпе высокого человека. Что-то знакомое почудилось мальчику в осанке этого мужчины. Мальчик разглядел высокую прическу

---

[1] Плюмаж — украшение из птичьих перьев на парадных головных уборах высших военных и придворных чинов в Европе XVII—XIX веков.

его красивой спутницы. Чета вошла в зал. Джакомо хотел уже слезть с подоконника, как вдруг крики и шум поднялись в ресторанном зале. Там падали столы, ломалась и звенела посуда, в окнах мелькали тени; перепуганный лакей выскочил на улицу. Нянька Джакомо тоже подошла к окну и вдруг всплеснула руками и пронзительно закричала в страхе: высокий мужчина на руках вынес из залы бездыханное, залитое кровью тело дамы с высокой прической и бережно уложил на подушки кареты с изображением льва. Карета тотчас укатила, а следом четверо полицейских выволокли из ресторана на улицу растрепанную мать Джакомо и вырвали у нее из рук кинжал.

Через несколько дней хозяин отеля ввел полицейского чиновника в комнату, где притихший Джакомо сидел в углу со своей нянькой.

Мальчику объяснили, что его мать приговорена к пожизненной тюрьме за убийство в порыве ревности графини д'Эльяно. Тогда-то старая нянька, вопя и причитая над мальчиком, сквозь всхлипывания сказала чиновнику, что муж убитой и есть тот самый «эччеленца Паоло», с которым они прожили несколько лет в Венеции, и что он — отец Джакомо.

Чиновник велел старухе убираться из отеля, немедленно покинуть город и увел мальчика с собой.

Джакомо привели в дом со сводчатыми потолками и толстыми решетками на окнах. Чиновник, которого звали Габриэль Молетти, долго выспрашивал Джакомо о жизни матери и объяснил ему, что синьор Паоло не признал справедливости слов старой няньки и знать ничего не желает о родственниках убийцы.

На деле же Габриэль Молетти и в глаза не видел синьора Паоло. Чиновник заботился лишь об одном: он рассчитывал поживиться дорогими вещами и драгоценностями синьоры Франчески, оставшимися после ее ареста без всякого присмотра. Выпроводив из города старую няньку, Молетти вместе с хозяином отеля попросту ограбил осужденную. После этого они составили официальную опись ее вещей и представили в полицию. Граф Паоло д'Эльяно не пожелал присутствовать на суде над своей бывшей подругой. Он ничего не знал о судьбе Джакомо, и никто не напомнил ему о мальчике. В глубоком горе граф уехал из Ливорно в Венецию. Мальчик, обманутый Габриэлем Молетти, не подозревал, что эччеленца Паоло уезжает, даже не зная о пребы-

вании Джакомо в Ливорно. Вообще Джакомо недоверчиво отнесся к словам няньки и принял как нечто само собой разумеющееся нежелание знатного венецианского вельможи вмешиваться в его дальнейшую жизнь.

Габриэль Молетти, увидев, что мальчик равнодушно принял его лживое объяснение, успокоился и послал за монахом из приюта святой Маддалены. Монах принял и мальчика, и ничтожную сумму, вырученную от продажи того жалкого остатка вещей синьоры Франчески, который значился по официальной полицейской описи и был оставлен для Джакомо милостью чиновника Молетти. На этой операции синьор Габриэль Молетти пополнил свой карман двумя тысячами скуди, немногим меньше заработал хозяин отеля, а маленький Джакомо с тех пор уже в течение трех лет слушает по утрам дребезжание колокола, получает ежедневную порцию побоев от приютских сверстников и столь же частые поучения розгами от падре каноника.

...Воскресенье. Дети бродят в приютском саду. Некоторым удалось выскользнуть за ограду. Они потихоньку клянчат милостыню у важных кавалеров и дам, проезжающих по дороге в город.

Джакомо чистит на кухне рыбу. Трепещущие тела живых карпов из монастырского пруда, серебристая чешуя, облепившая руки и даже лицо приютского питомца, радужные пузыри — все внушает мальчику отвращение. Он ненавидит запах рыбы, и каноник поэтому приказал всегда посылать его для смирения чистить рыбу на кухню.

Глаз Джакомо затек от удара, но и трое его вчерашних противников целую ночь охали и ворочались на своих тюфяках.

Кругом царит суета. Отец-настоятель принимает важных гостей из города. В глубокой сковородке под крышкой шипит, покрываясь коричневой корочкой, жирный петух-каплун, предварительно вымоченный в белом вине. Молодая нашпигованная индейка распространяет упоительный аромат. Худой, полуголодный Джакомо отлично знает, что индейка готовится совсем не для гостей настоятеля: прислужник сейчас унесет ее в покой к падре — приютскому канонику.

Узким кухонным ножом мальчик вскрывает брюхо огромной рыбы, которую он с трудом вынимает из лохани. Рыба ударяет хвостом, и Джакомо больно колет себе палец рыбьей костью. Злоба вскипает в нем.

Два повара, вынув из печи индейку, уходят в кладовую. Мальчик торопливо бросается к индейке, вытаскивает из ее брюха печеные яблоки и набивает его до отказа грязными рыбьими потрохами и скользкой чешуей.

Потом он маскирует отверстие и... быстро сует себе в рот печеное яблоко, пропитанное горячим жирным соком. От нестерпимой боли слезы выступают на глазах, но повара вернулись, и Джакомо, давясь, держит горячий ком во рту.

Повар кладет индейку на блюдо, украшает ее оливками, трюфелями и зеленью, и прислужник каноника уносит дымящееся жаркое на второй этаж. Там, в скромной келье каноника, опытный прислужник торжественно ставит блюдо на стол, давно накрытый крахмальной скатертью и уставленный бутылками. Каноник, сурово поджав губы и воздев очи к потолку, садится за трапезу...

Джакомо еще не успел счистить с рук и живота налипшую рыбью чешую, как в кухню ворвалось олицетворение ураганного вихря в образе прислужника падре. Прислужник даже не заметил, что под полою сутаны маленького чистильщика рыбы остался кухонный нож. Вот виновник уже доставлен в пустующий класс, выбранный для экзекуции, и разражается небывалая гроза! Падре мечет молнии и громы, и мальчик, распластанный на скамье, принимает такую порцию розг, какой с лихвой хватило бы на целый год ежедневного «телесного внушения».

Потом «злодея» тащат в чулан и запирают в темноте. Здесь волчонок сидит до вечера, и каноник, которому, к несчастью, опять попалась на глаза злополучная индейка, вечером идет к чулану, чтобы возобновить внушение. Джакомо через дверную щель видит лицо каноника, который возится с замком. В руках у падре — узкий ремешок с пряжкой.

Верхняя губа мальчика и впрямь начинает подниматься, как у волчонка. Подросток оскаливается и съеживается. Дверь распахнута... и вдруг весь приютский флигель оглашает визг боли и испуга.

Сбежавшиеся дети и даже покинувший свою постель привратник, приковылявший на тумбоподобных ногах, видят падре на полу перед открытым чуланом; он в ужасе прижимает к животу окровавленные пальцы, а по двору, в распахнутой сутане, мчится волчонок Джакомо с кухонным ножом в руке...

В эту ночь тринадцатилетний мальчик бежал из приюта. Каноник, получивший серьезную рану в живот, поднял на ноги всю полицию, но беглеца не удалось разыскать...

До окрестностей Неаполя Джакомо добрался пешком, питаясь подаяниями. Дымок над Везувием он увидел в луче восходящего солнца, но это утро могло стать последним в его жизни, ибо на берегу залива он свалился замертво, обессилев от лишений и голода.

Очнулся Джакомо в рыбачьем баркасе Родольфо Ченни. Крепкий загорелый рыбак с острова Капри стоя правил парусом. У ног его ползала четырехлетняя черноглазая Доротея, а жена Родольфо, молоденькая Анжелика, перебирала на корме купленные в Неаполе обновки.

Семья Ченни приютила бездомного сироту, и целых четыре года мальчик провел среди скал и виноградников Капри. Он превратился в мускулистого, сильного юношу, научился управлять парусами, вязать морские узлы и плавать, как дельфин. Он уже носил нож у пояса и ходил вместе с Родольфо в Сицилию, на Корсику и в южные порты Франции. Родольфо Ченни промышлял контрабандой, и случалось, что его баркас возвращался в укромную бухту на Капри со свежими пробоинами в смоленом дереве бортов. Однажды Джакомо вернулся из такой поездки с пулей французского таможенного солдата в мякоти ноги. Когда Родольфо вынул пулю и прижег рану порохом, юноша повесил себе эту пулю на шею в виде брелока и хвастался ею перед сверстниками.

Шестнадцати лет от роду Джакомо впервые увидел человека, которому впоследствии оказался обязанным своей фамилией.

Небольшой английский парусник разбило бурей у Липарских островов, и в хижине Родольфо Ченни оказался еще один спасенный. Бродяга и пьяница, бездомный и бесприютный, как Джакомо, но уже с сединою в рыжих усах, английский матрос Бартоломью Греллей сохранил при катастрофе только три гинеи, просоленную потом рубаху и неисчерпаемый запас рассказов о своих похождениях на море и на суше.

Он прожил в семействе Ченни год, вплоть до событий, переменивших жизнь Джакомо и его друзей.

Вместе с новым обитателем хижины, который в

просторечии каприйских рыбаков превратился в Бартоломео Грелли, рыбак Ченни и его семнадцатилетний воспитанник предприняли довольно опасную операцию. Через несколько границ итальянских королевств, герцогств и республик они переправили партию оружия в Швейцарию, для тирольских повстанцев. Отсутствовали они более месяца и вернулись на Капри без Бартоломео Грелли. На обратном пути, когда позади остались самые опасные полицейские кордоны и горные перевалы сухопутной части их маршрута, баркас Родольфо Ченни был накрыт метким пушечным выстрелом и картечью со сторожевого судна. Свистящий свинцовый град пощадил только Джакомо. Родольфо и Бартоломео получили тяжелые раны. Джакомо, один управившись с баркасом, высадил Бартоломео у знакомых рыбаков близ Сорренто, а раненного в бок Родольфо доставил домой. Через пять суток Родольфо скончался. Его бренные останки, вопреки ожиданиям, приняло не море, а маленькое кладбище в ущелье между прибрежными скалами Капри.

После похорон в хижине стало пусто и печально. Два дня семья питалась остатками поминальной еды, а затем Джакомо, которому Родольфо перед смертью завещал заботу об осиротевшей семье, стал собирать вдову с дочерью в дорогу. Было решено, что они уедут в Сорренто, на родину Анжелики. Там Анжелика купила маленький домик с виноградником и несколькими апельсиновыми деревьями. Джакомо помог ей устроить несложное хозяйство, а потом разыскал Бартоломео и вместе с ним ушел на шведском корабле в северные моря, оставив вдове все полученные вперед деньги. Два года он проплавал, научился читать мореходные карты и пользоваться компасом, буссолью и секстаном. Бартоломео Грелли передал ему весь свой немалый опыт, и штурман-норвежец взял его к себе в помощники.

...В те годы на северо-западе, в уютных островерхих городках Европы, оглушительно трещали солдатские барабаны: шла опустошительная война между вероломным и жадным до чужой земли Фридрихом Прусским и стародавними властителями Европы[1]. Короли Франции и Швеции, австрийский император и русская царица слали войска против выступившей в поход прусской армии. Высадившись в Штральзунде, Бартоломео и двад-

[1] Семилетняя война 1756—1763 годов.

цатилетний Джакомо вступили в конце 1757 года в двадцатитысячную армию шведского короля.

Более двух лет Джакомо и его старший спутник вели бродячую солдатскую жизнь. Шведское войско опустошало городки Померании и Бранденбурга, довольствуясь умеренными трофеями и не отваживаясь нанести удар в сердце вражеского королевства — Берлин. Летом армия дралась и разбойничала в прусских провинциях, затем возвращалась на побережье, в Штральзунд, и в продолжение нескольких зимних месяцев делила добычу. Такая война уже начинала наскучивать предприимчивому Джакомо.

Однажды, во время похода, когда пикеты прусской конницы с налета нанесли чувствительный урон шведскому отряду, в котором служили Бартоломео и Джакомо, главнокомандующий шведов граф Гамильтон обратил внимание на отважного молодого итальянца: в неравной схватке Джакомо на глазах у своего генерала расправился с группой солдат противника, уложив несколько человек на месте и обратив остальных в бегство.

После боя, едва лишь Джакомо успел отдышаться и вытереть окровавленный клинок, граф Гамильтон велел привести молодого солдата к себе в палатку и спросил его фамилию. Старый Бартоломео записал Джакомо в солдаты под своей собственной, искаженной рыбаками фамилией, и под этим новым именем Джакомо был сделан командиром взвода.

Взвод состоял из отчаянного сброда, а сам Бартоломео Грелли оказался под командованием своего ученика Джакомо. Все считали молодого итальянца сыном или братом седого бойца.

Как-то безлунной осенней ночью отряд стал на бивуаке близ разграбленного бранденбургского городка с крутыми черепичными крышами.

Солдаты из взвода Грелли со смехом окружили повозку бродячей маркитантки[1], следовавшей в течение нескольких недель в обозе армии. Пожилая женщина, лоток которой солдаты Джакомо уже опрокинули, отчаянно вырывалась из рук Бартоломео Грелли, Джузеппе Лорано и Вудро Крейга.

Голос женщины вызвал в памяти Джакомо неясные, давно забытые картины. Он остановил своих разгулявв-

[1] Маркитанты — торговцы съестными припасами и предметами солдатского обихода, сопровождавшие армию в походах.

шихся солдат, поднес к лицу маркитантки фонарь и... узнал свою мать, увядшую и поседевшую.

В палатке маркитантки притихшие солдаты, ближайшие друзья Джакомо, услышали горестную повесть синьоры Франчески Молла. Амнистия по случаю рождения престолонаследника тосканского герцогства принесла ей свободу, но с пожизненным изгнанием из Италии. Судьба привела ее во Францию, потом в Германию и, наконец, бросила постаревшую синьору в обоз шведского войска.

Сын ее рассказал о своем знакомстве с Габриэлем Молетти и понял, что был ограблен этим полицейским чиновником.

Вместе с Бартоломео и двумя другими моряками, Джузеппе Лорано и Вудро Крейгом, которым тоже наскучила сухопутная война, Джакомо покинул армию шведского короля и, забрав с собою мать, решил отправиться в Сорренто. Добравшись до южной Франции, все пятеро поселились на некоторое время в Марселе, где синьора Франческа и осталась навсегда. Здесь она, уже на склоне лет, вступила в свой первый законный брак. Мужем ее стал Бартоломео Грелли, открывший табачную лавку в порту. После мирной и непродолжительной совместной жизни оба супруга умерли в один год от холерной эпидемии.

Когда Джакомо явился в маленький домик на окраине Сорренто, Анжелика баюкала пятилетнего Антони Ченни, родившегося вскоре после смерти Родольфо. Доротее шел уже пятнадцатый год, и она обещала стать настоящей красавицей. Увидев Джакомо, она завизжала и повисла у него на шее. В доме царила неприкрытая нищета, и приезд Джакомо спас семью от гибели.

Вместе с друзьями Лорано и Крейгом он починил домик и даже отыскал на берегу старый баркас Родольфо. Джакомо накупил нарядов Доротее и сластей ее брату Антони, но на этом и кончились остатки монет, бренчавших в карманах бывшего солдата шведской армии.

Через несколько месяцев Джакомо с обоими друзьями направился в Ливорно и здесь узнал, что его обидчик, Габриэль Молетти, уже вышел в отставку и живет в собственной загородной вилле.

...Бывший чиновник герцогской полиции, ныне помещик и новоявленный патриций Габриэль Молетти

вкушал послеобеденный отдых на террасе своей виллы, выходившей окнами на взморье. Виноградники и цветы вокруг дома радовали глаз владельца. Успокоительно жужжали жуки, бабочки реяли в струях нагретого воздуха. Стоял знойный августовский день 1762 года.

Шорох в кустах под самой верандой, где отдыхал в качалке синьор Габриэль, удивил его, так как синие щеки синьора не ощущали ни малейшего дуновения ветерка. Открыв глаза, он увидел перед собой очень злое лицо незнакомого кавалера в берете, а на ступенях веранды еще двух молодцов при шпагах и достаточно грозного вида. Слуги Молетти были на заднем дворе, и синьор оказался одиноким в обществе трех нежданных гостей.

Они довольно решительно пригласили хозяина в кабинет и здесь предъявили ему дипломатический ультиматум в виде трех черных отверстий пистолетных стволов, потребовав немедленно выложить наличными сумму в пять тысяч скуди.

Уклончивое поведение господина Молетти привело к тому, что три синьора, обшарив кабинет и обнаружив банковскую чековую книжку, весьма небрежно сунули последнюю в один из многочисленных пустых карманов, а затем аккуратно связали и упаковали самого владельца книжки. Оставив упакованного помещика под охраной Вудро Крейга, Джакомо и Джузеппе при полном непротивлении оробевшего конюха оседлали на конюшне трех наилучших коней и увезли сверток с господином Молетти в горы.

Здесь, в укромной пещере, Джакомо напомнил синьору Габриэлю некоторые эпизоды из прошлого, и синьор признался во всем, не преминув, однако, упомянуть и об участии хозяина отеля в присвоении имущества синьоры Франчески.

Чтобы не утруждать себя вычислением сложных процентов и прочими скучными расчетами, Джакомо определил размеры понесенного им ущерба чисто рыцарским глазомером и в результате привез из банка пять тысяч скуди по чеку, подписанному Молетти. Затем друзья распаковали чиновника и привязали его, в несколько облегченном туалете, к седлу коня. Опытный в обращении с кожаной плетью Джакомо повторил на спине привязанного синьора все уроки богословия, испытанные некогда его собственной спиной благодаря

оспитательному рвению приютского падре. Когда змыленный конь примчал владельца виллы домой, у омочадцев не было надежды, что он когда-либо откроет глаза. Но Габриэль Молетти выжил и даже поставил в придорожной часовне толстую свечу чистого пчелиного воска в честь чудесного избавления.

Пока раскаявшийся синьор еще лежал в свертке на полу пещеры под охраной неразговорчивого Вудро, Джакомо и Джузеппе, под видом знатных путешественников, прибыли в ливорнский отель... «Знатные путешественники» потребовали себе номер, выходящий окнами на противоположный дом. Джакомо взглянул на знакомый подоконник и на ресторан, находившийся напротив, но уже переменивший вывеску. В хозяине отеля Джакомо без труда узнал своего старого знакомого.

Вызвав хозяина в номер и усадив его на диван, Джакомо и Джузеппе разыграли мимическую сцену, повторив в точности все подробности прихода чиновника и хозяина в комнату, где четырнадцать лет назад тихонько сидели нянька и мальчик. Эта театрализованная страничка из биографии владельца отеля произвела на него должное впечатление. Подобно синьору Молетти, он принялся обвинять своего сообщника, выгораживая себя самого. Но выражение лица «знатных путешественников» побудило владельца взмолиться о пощаде и смиренно отправиться за деньгами. Однако смирение его оказалось притворным; несмотря на конвой в лице Джузеппе Лорано, хозяин попытался условным сигналом послать слугу за полицией. Слуга был тотчас схвачен за шиворот и водворен в чулан, а хозяина, воображавшего до последней минуты, что вот-вот появится полиция и отберет у бандитов полученные ими деньги, Джакомо собственноручно повесил на ламповом крюке посреди номера.

Через несколько дней какой-то высокий горбоносый человек посетил в окрестностях Ливорно францисканский приют святой Маддалены. Однако, узнав от дряхлого привратника, что падре каноник скоропостижно скончался от несварения желудка, гость повернулся и с миром покинул обитель.

...Очень скоро от Ломбардии до Сицилии разнеслись слухи о шайке бандитов, неуловимых и беспощадных. Они внезапно появлялись среди белого дня в самых не-

ожиданных местах и исчезали бесследно. Только окрест
ности Сорренто были избавлены от набегов.

Изредка, по ночам, Джакомо появлялся в рыбачье
домике, и юная красавица Доротея Ченни, к завист
подруг, стала одеваться, как маленькая принцесса
Когда Дороти призналась матери в своей любви
«бандито Джакомо», Анжелика перекрестила дочь
целый вечер простояла на коленях перед ликом пре
чистой девы.

...Более двух лет шайка Джакомо, состоявшая всего
из трех связанных многолетней дружбой мужчин, без
наказанно бесчинствовала по Италии и южной Фран
ции, но наконец рота королевских егерей прижала бан
дитов к берегу в одном из заливов Сицилии. У трех дру
зей кончились заряды, и не было иного выхода, как
прыжок в море с обрывистой скалы. Стрелки, взяв
скалу в железное кольцо, уже вышли к берегу. Участи
бандитов, казалось, была решена.

В это время в заливе появилась длинная шхуна с
грязными бортами и черной тряпкой на гафеле вместо
флага. Человек с повязкой на глазу стоял на мостике.
Когда шхуна подошла ближе к берегу, ее капитан уви-
дел, как три гибких тела «ласточкиным прыжком»
слетели с утеса в воду и быстро поплыли по направле-
нию к судну. С берега и от подножия утеса затрещали
частые выстрелы, и всплески воды возникли вокруг го-
лов плывущих; однако всем троим удалось благополуч-
но достичь шхуны. Судно приняло их на борт, развер-
нулось и, поставив паруса, ушло в синеву Тирренского
моря, увозя свое ценное приобретение...

Все трое оказались бывалыми моряками, и капитан
Бернардито Луис вскоре сделал Джакомо Грелли своим
помощником, Джузеппе Лорано — штурманом, а Вуд-
ро Крейга — боцманом «Черной стрелы».

Три года крейсировал Бернардито в Средиземном
море, а затем, с трудом проскочив Гибралтар, ушел в
индийские воды.

И вот наступила ночь на 19 апреля 1768 года, ког-
да пиратская шхуна овладела бригантиной «Офейра».
На рассвете пали последние защитники бригантины; в
каюту Грелли на «Черной стреле» была отнесена бес-
чувственная Эмили и отведен полумертвый от страха
Мортон. Тело тяжело раненного защитника Эмили,
сэра Фредрика Райленда, осталось на «Офейре»,
рядом с трупом старого мистера Натаниэля Гарди.

...Грелли, шатаясь, вышел вслед за пиратами. На мокрой палубе он ухватился за леерную стойку и оглядел горизонт. С севера надвигалась черная стена урагана. Ветер уже рвал снасти, и страшный ливень низвергался на крыши палубных надстроек бригантины. Швартовы удерживали ее у борта пиратской шхуны. Со шхуны на бригантину был уже перекинут узкий трапик.

В море, всего на расстоянии мили, виднелся французский корвет. На нем спешно убирали последние паруса...

5

...Было уже часов восемь утра, но ураганный шторм скрыл небеса и воды. Две стихии, воздух и океан, смешались в одну. Ничего нельзя было различить, все слилось в один сплошной гребень взвихренной волны.

Связанные друг с другом суда, бригантину «Офейра» и шхуну «Черная стрела», закружило и понесло, как яичные скорлупки в водопаде. Люди задыхались: дышать стало нечем, ветер был плотнее воды. Он не сметал, а сдвигал предметы, точно наступающая стена. Три мачты «Черной стрелы» обрушились на «Офейру», сломав ее палубные надстройки и спутав такелаж и рангоут обоих кораблей в беспорядочный узел. Палубная команда, попытавшаяся было разъединить корабли, была смыта за борт исполинской волной; она обрушилась на оба судна с такой высоты, что на несколько мгновений погребла в пучине и шхуну и бригантину. Но жалкие скорлупки с забившимися в их недра живыми существами вынырнули на поверхность. Больше никто не пытался открывать люки, и суденышки оказались полностью предоставленными ветру и волнам.

Когда вихрь налетел, Грелли упал на палубе «Офейры». Ползком он добрался до люка и задраил его над своей головой в тот момент, когда на бригантину обрушились мачты «Черной стрелы». Джакомо, закрыв люк, оказался в полной темноте. От внезапного толчка он полетел куда-то в сторону, ударился головой о бимс и потерял сознание.

Но вот дрожь и скрежет всех частей корабля ослабели, и судно стало раскачиваться, как в обычную штормовую качку. Грелли, стряхнув вялость и оцепене-

ние, поднялся на ноги. Двигался он с трудом, как тя желобольной.

Внезапно рядом раздался не очень громкий, но для уха бывалого моряка поистине зловещий звук. Пол под ногами Грелли снова стал уходить и поднялся вер тикально. Послышался шум и плеск воды. Джакомо опять покатился было в угол, но ухватился за трап, на щупал люк, распахнул его и очутился на палубе.

Был вечер 20 апреля. Море волновалось, но ураган уже пронесся дальше, швырнув под конец корабли на подводный риф. Корпус «Офейры» уцелел, а «Черная стрела» оказалась насаженной на подводную скалу как цыпленок на вертел. Но и на «Офейре» дела об стояли плохо. Расшатанные внутренние переборки сда ли, вода, набравшаяся в трюм, устремилась при наклоне в кормовую часть, и бригантина, давшая сильную осад ку на корму, затонула бы, если бы спутанный такелаж не удержал ее у борта застрявшей на рифе шхуны.

На «Черной стреле» тоже начали показываться лю ди. Бернардито Луис, перегнувшись через борт, спро сил у Грелли, в каком положении «Офейра». Грелли от ветил односложно и стал рассматривать горизонт. Далеко, в шестидесяти-восьмидесяти милях, чуть виднелся гор ный пик, похожий на узкое темное облако. Вокруг ко раблей летали буревестники и чайки. Близость суши ободрила пиратских главарей.

Положение «Черной стрелы» было безнадежно. Бер нардито собрал команду и объявил ей свое решение: перегрузить все имущество на «Офейру» и попытаться на бригантине достичь земли, виднеющейся на гори зонте.

Пираты выбили дно из бочонка с вином, подкрепи лись ветчиной и черствыми сухарями, а затем приня лись откачивать воду из трюмов «Офейры». Грузы они перетащили в носовую часть бригантины, выровняли дифферент[1], соорудили мачту и, свалив за борт сломан ные мачты «Черной стрелы», разрубили спутанный та келаж. Теперь лишь узкий трап и два швартова служи ли для сообщения между судами.

Команда шхуны перетащила свои пожитки на «Офей ру», и Бернардито, сопровождаемый Педро, послед ний раз пошел в обход по своему старому кораблю...

---

[1] Дифферент — разность осадки носа и кормы корабля.

Пока наверху шли спасательные работы, матросы Рыжий Пью и Питер Жирный, прославившийся способностью выпивать без передышки ведро пива, заглянули в каюту Грелли на опустевшей шхуне. Молодая девушка лежала на низкой тахте, устланной грязным ковром; рядом, на полу, скорчился Томас Мортон.

Питер схватил Мортона за шиворот и встряхнул его так, что ноги калькуттского атерни на миг оторвались от пола. Затем, вытолкнув пинком Мортона из каюты, Питер подсел к девушке.

— Стой, жирный олух, — предостерег Пью своего товарища, — это добыча Леопарда.

— Мне наплевать на Леопарда, — проворчал Питер, которому остаток вина в бочонке придал необычайную храбрость. — А пока не мешай мне, Пью, полюбезничать с красоткой...

Неизвестно, что произошло бы дальше с девушкой, если бы сам грозный Бернардито не вошел в каюту. Рыжий Пью заметил знакомый ему кожаный мешочек, прицепленный к поясу капитана, и почел за благо убраться из поля зрения Бернардито. Жирный Питер вскочил с чрезмерной быстротой, весьма удивительной при размерах его туловища.

Бернардито еще не видел пленницы и теперь вперил в нее свой сверлящий взгляд. Эмили невольно поднялась, почувствовав непреклонную волю и властность стоящего перед нею человека.

— Идите за мною, — приказал пират и повернулся к двери.

Девушка сделала шаг вперед и пошатнулась. Педро, по знаку начальника, подхватил ее, как былинку, и понес вслед за капитаном.

Тем временем пираты на «Офейре» уже успели сбросить за борт тело мистера Натаниэля Гарди. В ту минуту, когда Педро, держа Эмили на руках, ступил на палубу бригантины, боцман Боб Акула и Леопард Грелли уже раскачивали над бортом бесчувственное тело сэра Фредрика Райленда. Эмили рванулась из рук Педро и кинулась к своему жениху. Пираты, державшие тело, опустили его на палубу.

Упав к нему на грудь, Эмили различила слабое биение сердца.

— Он жив! — закричала она.

И Бернардито, хмуро взглянув на Леопарда, велел оттащить раненого на корму. Превозмогая страшную

слабость, озноб и головную боль, Эмили устроила больному постель и перевязала сквозную, запекшуюся рану под правой ключицей.

«Офейра» уже шла под двумя парусами к видневшейся земле; почернелый остов покинутой шхуны остался далеко позади.

Более суток добирались пираты до безымянного острова. Наступила ночь на 21 апреля. Судно обогнуло остров с запада. Среди скал и утесов не удалось обнаружить бухту, удобную для стоянки корабля. Прилив достиг наивысшего уровня, когда Бернардито приметил песчаную косу в северной части острова и решил посадить «Офейру» на мель, чтобы с отливом обнажить ее днище, дававшее сильную течь, и подготовить корабль к дальнейшему плаванию.

Грелли позвал Мортона в нижнюю каюту и потребовал бумаги, которые стряпчий держал при себе. Углубившись в эти документы весьма пристально, Джакомо время от времени задавал Мортону отрывистые вопросы, требуя дополнительных сведений о Райленде и мисс Гарди. В голове пирата стал складываться смелый план...

Грелли так задумался, что не слышал, как пираты подвели «Офейру» к берегу. Выйдя на палубу, он увидел в свете заходящей луны высокие прибрежные скалы, а под бушпритом — неширокую песчаную косу между двумя утесами. Волны прибоя с однообразным шелестом набегали на песок.

Отлив уже начался. Матросы вбили колья в песок и вынесли два якоря. Зачаленная бригантина постепенно, с отходом воды, валилась на правый борт, обнажая поврежденное днище, и скоро целиком оказалась на отмели. Грелли не нашел на палубе ни девушки, ни раненого. Он заглянул в окно капитанской рубки. На койке в беспамятстве лежал мистер Райленд; Эмили спала в кресле, уткнув раскрасневшееся от лихорадки лицо в подушку. Она была явно больна. На полу расположился Мортон.

Капитан Бернардито, стоя на песке, осматривал судно. Шлюпка с двумя гребцами ожидала капитана, собравшегося обследовать побережье.

— Синьор Джакомо! — крикнул Бернардито. — Посудина требует починки. Едва ли нам удастся скоро убраться с этого острова. Я поищу более надежную стоянку; на отмели волны разобьют бригантину при пер-

вом шторме. Перенесите пока ценные грузы на берег и спрячьте их среди скал.

Бернардито сел в шлюпку и пустился вдоль побережья. Грелли поднял на ноги десятка два пиратов и выбрал небольшую расселину среди скал. Пираты перетащили туда ящики со слитками серебра, самоцветными камнями, с шелками и прочими товарами из трюмов «Офейры». Грелли определил их стоимость в десять-пятнадцать тысяч английских фунтов. Солнце уже поднялось над горизонтом, когда перегрузка была закончена, и Грелли прилег отдохнуть в тени утесов. Пробуждение его было неожиданным...

Открыв глаза, Грелли удивился безмолвию, с каким работали пираты, заделывая днище. Никто не горланил песен, а ругательства произносились вполголоса. Бернардито уже вернулся, и шлюпка его была наполовину вытащена на песок.

— Эй, в чем дело, Бернардито? — громко спросил Леопард, стряхивая остатки сна. — Какого черта ты спешишь, будто на свадьбу любимой дочери?

Бернардито сделал Грелли знак говорить тише.

— На юго-востоке есть большая, хорошо скрытая бухта. В ней отстаивается французский корвет. Его, должно быть, тоже прибило ураганом к этим берегам. Нужно уходить, пока нас не заметили.

Не успел Бернардито договорить, как из-за утеса в нескольких кабельтовых от косы появился вражеский корвет. Две мачты из свежесрубленных стволов, неполная парусная оснастка свидетельствовали, что и корвет был сильно потрепан бурей.

Пираты оказались в ловушке. Позади громоздились неприступные утесы, впереди — враг и море! Грелли оценил положение в считанные секунды. Спасение сулила только ночная темнота: под ее покровом нужно было уходить вплавь с предательской косы, чтобы скрыться в глубине острова. Бернардито уже стоял на борту и указывал людям их места в бою.

Обе небольшие пушки «Офейры» смело · ураганом. Песчаная коса не давала укрытия. Крошечная площадка между скалами в основании косы представляла собой весьма неудобный плацдарм, но выбора не было.

Корвет некоторое время крейсировал в отдалении, затем приблизился. Его капитан давно заметил появление в водах острова знакомой бригантины, захва-

ченной пиратами. Он удачно скрыл от пиратов свою засаду в бухте, приготовил в течение ночи корабль к бою и одновременно с выходом в море послал два десятка стрелков занять линию прибрежных утесов позади косы. Пираты, увидевшие перед собою корвет, не подозревали, что и в тылу у них французы заняли выгодную позицию; с вершины скалистого гребня солдаты могли обстреливать всю площадку под скалами.

Когда корвет подошел на расстояние полутора кабельтовых, он открыл бортовой залповый огонь картечью, ядрами и брандскугелями[1]. Бернардито упал с борта бригантины, и на косе поднялась паника. Слабо отстреливаясь, пираты прятались за корпусом «Офейры», но двадцать пушек, сосредоточенно бивших с короткой дистанции, изрешетили и зажгли корабль. Жар, искры и дым отогнали уцелевших пиратов к основанию косы. Тогда грянул дружный залп с вершины утесов. Пираты заметались между утесами и кораблем. Солдаты расстреливали их на выбор, методически и хладнокровно.

Корвет, на котором после урагана не уцелело ни одной шлюпки, не мог сразу высадить десант. Капитан решил дождаться прилива, чтобы подойти ближе к косе и высадить группу для осмотра места боя.

Бригантина пылала. На косе, застланной дымом, стонали раненые. Время от времени раздавался выстрел с утеса, как только на площадке обнаруживалось малейшее движение.

Бой начался, когда Джакомо находился под утесом, за небольшой каменной насыпью. Он вырыл руками углубление в песке и достал пистолет. В запасе у него был только один выстрел — все оружие и припасы остались на бригантине. Вокруг укрытия Грелли на разные голоса и лады свистели пули. Шлюпка Бернардито еще виднелась на песке. Два пирата, пытавшиеся столкнуть ее на воду, пали под выстрелами. Когда пираты стали кучками перебегать к утесам от горящего корабля, Грелли заметил движение на наклонной палубе бригантины. Из окна рубки показались голова девушки и лысый череп Мортона. Они тащили раненого, еще не пришедшего в сознание. Затем густой дым заволок палубу, и несколько минут Грелли ничего не мог раз-

---

[1] Брандскугели — зажигательные снаряды.

глядеть. Он стал искать глазами Бернардито и решил, что капитана убило одним из первых залпов.

Осматриваясь, Грелли заметил неподалеку небольшой куст в расселине скалы. Куст свешивался над водой. Вглядевшись, он рассмотрел позади куста, на обращенной к морю стороне утеса, маленькую пещеру. Одновременно ему послышался шорох впереди, и сквозь дым он увидел девушку и лысого толстяка, ползком волочивших по песку своего раненого спутника. Они тоже рассчитывали укрыться за каменной осыпью, но из-за камней навстречу им высунулся пистолет Грелли. Мортон спрятал голову в плечи и замер, а девушка последним усилием перетащила раненого через каменистый барьерчик. Мужество ее удивило даже Леопарда. Он показал ей глазами на пещеру за кустом.

— Там можно спастись, — сказал он.

Выступ скрывал пещеру и от стрелков и от пушек корвета. Но чтобы добраться до нее, нужно было преодолеть полоску суши, затем проплыть немного до скалы, а главное, подняться из воды на высоту шести-семи футов. Веревка, десять ярдов веревки — вот от чего зависело сохранение жизни!

С кинжалом в зубах Грелли пополз к пылающей бригантине. До корабля оставалось шагов пятьдесят. Попав в облако дыма, Грелли вскочил на ноги и побежал. Ноги его по щиколотку уходили в песок и морскую пену. Последний пушечный залп грянул в ту минуту, когда Грелли уже достиг бригантины. Он ничком бросился наземь. Как только снаряды взрыли песок, он поднял голову... и увидел перед собой капитана Бернардито, прижавшегося к песку в десятке шагов от корабельного днища. Последний залп оглушил капитана, а взвихренный песок забил глаз; однако, пока Грелли смотрел на Бернардито, тот заворочался и пошевелил рукой, прочищая от песка свое единственное око. На поясе капитана висел кожаный мешок, хорошо известный Леопарду.

В один миг прошлое припомнилось Грелли. В памяти его воскрес залив Тирренского моря, утес, королевские егери, прыжок со скалы и спасение благодаря приходу судна с этим одноглазым капитаном. Но голос алчности оказался сильнее этих воспоминаний.

Бернардито приподнялся. Несколько секунд Грелли смотрел на его согнутую спину, примеряясь глазом к движению лопаток под рубахой. Взмах ножа — и тело

старого пирата повалилось вперед. Вторым ударом Грелли распорол пояс и схватил мешок. Он был невелик и поместился за пазухой.

С бортов бригантины свисали обрывки парусных шкотов. Отрезав несколько ярдов бечевки, Леопард ползком вернулся к своему укрытию. За каменным барьерчиком уже лежал раненый, а девушка прижималась к его бесчувственному телу. Стрелки с утесов еще вели огонь по одиночным фигурам, метавшимся в дыму от одного утеса к другому.

— Вы умеете плавать? — спросил Грелли девушку.

— Я больна и не имею больше сил, — ответила она. — Его мне не удержать на воде, а без него я не поплыву. — Она показала на раненого.

— Я помогу вам, — сказал Грелли. — Следуйте за мною.

Он толкнул Мортона и приказал ему ползти к берегу, подождал, пока облако дыма скроет их, и потащил раненого к берегу. Мортон и девушка вошли по пояс в воду и поплыли. Грелли, поддерживая раненого, плыл за ними. За выступом скалы уже была тишина, пули не свистели. Эмили и Мортон держали на воде раненого, пока Грелли закидывал свое лассо на куст. Трижды конец с петлей падал в воду, на четвертый раз Грелли зацепил куст и стал карабкаться по утесу. Он добрался до пещеры. Места для четырех человек в ней было достаточно.

Леопард бросил веревку вниз и первым поднял в пещеру раненого. Затем он вытащил из воды Эмили и Мортона. В промозглой пещере зубы девушки застучали. Пальцы ее были холодны, как ледяные сосульки, а голова горела. Обессиленная, она замертво свалилась рядом с мокрым, неподвижным телом раненого. Тот открыл глаза, обвел всех бессмысленным взглядом, вздохнул и снова впал в беспамятство. У него тоже был сильный жар и, по-видимому, оставалось не много шансов на выздоровление.

Все четверо улеглись на полу пещеры. Грелли вынул пулю из пистолета, подсушил отсыревший порох и перезарядил оружие.

Тем временем Бернардито Луис встал на колени в своей яме. Ножевой удар пришелся вскользь: видно, он был нацелен нетвердой рукой. Капитан успел различить, что убить его пытался не кто иной, как Леопард Грелли, овладевший и мешком с камнями. Прилив уже

начался, и лодка Бернардито, закачавшись на воде, тихонько поплыла вдоль косы.

Стрельба прекратилась. Только горящее дерево бригантины трещало и рассыпалось. Искры и дым стало относить к убежищу Бернардито; оставаться здесь дольше стало невозможно.

Пиратский главарь лег ничком в воду и поплыл. Вынырнул он под лодкой. Придерживаясь одной рукой за корму, Бернардито стал отгонять лодку от берега, не показываясь из-за нее, будто пустую лодку гнало течение или ветер. Рану в спине жгла соленая вода, двигать левой рукой было больно. Но он плыл, уходя от берега все дальше.

Качавшуюся в отдалении шлюпку заметил еще один пират. Это был Педро Гомец, телохранитель и слуга Бернардито. Он сполз в воду и поплыл.

Но и капитан корвета обратил внимание на пустую лодку, в которой очень нуждался. Он приказал двум матросам раздеться и вплавь догнать ее. В этот миг пустая шлюпка поравнялась со скалой, где в пещере укрылся Грелли с пленниками. Грелли посмотрел вниз и увидел под утесом шлюпку, а за ее кормой — голову Бернардито. Мортон зажмурился, когда Грелли стал прицеливаться, положив ствол длинного пистолета на согнутую руку. При этом он чуть-чуть шевельнул куст, прикрывавший пещеру...

Бернардито поднял голову, заметил пещеру, пистолетное дуло и прищуренный глаз Джакомо Грелли. Капитан отпустил шлюпку и нырнул, уходя от выстрела...

Высокая вода прилива, подгоняемая попутным ветром, уже заливала горящее дно бригантины. Волны плескались у обгорелых бортов, дым облаками стлался над водой, и туда, в эти облака дыма, устремился Бернардито. Из пещеры в скале раздался негромкий выстрел, и пловец пошел ко дну...

Два французских матроса, пустившихся вплавь, услышали выстрел Грелли; поймав шлюпку, они уселись в ней и стали вглядываться в очертание утесов, стараясь определить, откуда этот выстрел был сделан. Джакомо бросился ничком на дно пещеры, чтобы не обнаружить своего присутствия в тайнике. Поэтому он не видел, как вынырнувший было Педро снова погрузился на дно, схватил Бернардито за волосы и вытащил его.

Уже смеркалось. Шлюпка пристала к берегу, и оба матроса ступили на песчаную косу. Они не успели сделать и пяти шагов, как из-под остова судна выскочил широкоплечий гигант. Одного француза Педро ударил ножом, другого задушил. Волны унесли их тела в море, а Педро, уже в темноте, втащил своего капитана в шлюпку и быстрыми взмахами весел повел ее вокруг косы, затем вдоль берега, на восток.

Он держался вблизи береговых скал и не был замечен с корвета.

Добравшись до маленькой бухточки, Педро оттолкнул сильно поврежденную и набравшую много воды шлюпку в море и, взвалив на плечи полумертвого Бернардито, выбрался с ним в лесную чащу. Он нашел брошенный солдатами, почти потухший костер, раздул головешку и в кустах развел огонь. При свете костра Педро осмотрел спину Бернардито, извлек с помощью ножа застрявшую под лопаткой пулю и, перевязав капитану обе раны, растянулся рядом с ним среди кустарников и заснул мертвым сном...

Высунувшись из пещеры, Леопард видел, как вражеский корвет подошел к косе. Человек двадцать матросов и один офицер уже в полной темноте добрались до берега вплавь. На берегу замелькал свет фонарей, два-три выстрела раздалось у подножия скал, затем все стихло.

Солдаты собрали все оружие пиратов и сбросили в море их мертвые тела. Офицер скомандовал возвращение на борт.

Леопарду было слышно, как на мостике корвета капитан отдал команду взять курс на ту же бухту, где он отстаивался утром. В свете взошедшей луны французы увидели на воде, уже по другую сторону косы, злополучную шлюпку, наполовину залитую водой. Все решили, что матросы, посланные перед наступлением темноты за этой лодкой, утонули.

Капитан предоставил ее волнам, и разбитое суденышко, ударившись о прибрежные камни, тихо погрузилось на дно.

Ночью корвет вернулся в крытую бухту. Его командир намеревался пополнить запас пресной воды и спешно закончить неотложный ремонт корабля. Капитан знал о мятежных настроениях своего экипажа, опасался, что продовольственного запаса может не хватить, и спешил поскорее добраться до берегов Африки...

6

...Оставив своих пленников в пещере, Грелли обмотал веревку вокруг пояса и спрыгнул в воду. Убедившись, что спрятанный в расселине скалы груз «Офейры» цел и что ни одного живого существа поблизости нет, Леопард растянулся на песке под утесом и проспал до утра. Наступал рассвет 22 апреля.

Обследовав место гибели всего экипажа «Черной стрелы» и не найдя ничего важного, Джакомо Грелли пересчитал алмазы в замшевых футлярах. Их было двадцать шесть штук. Он слышал, что стоимость их определяется в пятьдесят-шестьдесят тысяч фунтов.

Теперь он был богат, но в его голове крепко засела мысль о перевоплощении в британского дворянина. Это был не только единственный путь к спасению с острова — это была будущность!

Честолюбивые помыслы нередко возникали у Грелли. Часто он задумывался над тем, что даже крупное богатство не дало бы ему ни власти, ни влияния, ибо это было бы богатство в руках бездомного и безымянного бродяги, всюду преследуемого законом. Тогда он проклинал своего отца и призывал на его голову все беды. Теперь представлялась возможность покрыть новым именем боль и стыд прежних унижений...

— Эсквайр Фредрик Райленд, виконт Ченсфильд,— пробормотал он. — Звучит недурно, и обстоятельства удивительно благоприятны. В Англии никто не знает этого наследника... Итак, прощай Леопард Грелли, бездомный Джакомо, приютский приемыш, контрабандист, солдат и разбойник, прощай! Ты остался с разбитым черепом на морском дне. С борта французского корвета вскоре отдаст честь твоей могиле британский дворянин виконт Ченсфильд, который отправится в Англию и вступит в свои законные наследственные права. О, этот виконт сумеет при помощи этих камешков быстро приумножить родовые владения.

Разговаривая так с самим собою, Джакомо почувствовал голод. Французы не оставили на косе никаких припасов. Нужно было поторопиться! Далеко ли до проклятой бухты?

Грелли поднял топор, брошенный накануне пиратами. Он намеревался соорудить маленький плот из обломков «Офейры», чтобы добраться до корвета.

«Кстати, заодно покончу и с теми, — подумал Грелли о пленниках. Мысль о том, чтобы использовать Мортона в качестве поверенного, еще не приходила ему в голову. — Жаль девчонки! Красивая и смелая, но несговорчивая и стоит у вас поперек пути, новый мистер Райленд!»

Бумаги и документы оставались в нагрудном мешке у атерни. Грелли добрался вплавь до скалы и позвал Мортона. Лысая голова тотчас показалась из-за куста. Он услужливо прикрепил веревку к корням и помог Леопарду взобраться в пещеру. Эмили с закрытыми глазами лежала на камнях. Под голову сэра Фредрика она положила несколько веток, сорванных с куста.

— Мортон, где документы этого человека?— спросил Грелли.

Атерни достал из-за пазухи бумажник.

— Теперь давай сюда весь твой мешок!

Трясущимися руками Мортон отцепил мешок и подал его пирату. При виде топора в руках Грелли Мортон на коленях подполз к нему. Слезы потекли по его бледному, одутловатому лицу.

— Зачем вам моя жизнь, драгоценнейший, дражайший, благороднейший мистер корсар? Сохраните мне ее, сэр, и не будет такой услуги, какую я не оказал бы вам, высокочтимый синьор!

— Хорошо! Если вздумаешь хитрить, я повешу тебя на твоих собственных кишках. Слушай меня, червяк! Мы отправимся с тобой в Англию. Уйдем мы отсюда на том самом корвете, что вчера уничтожил «Офейру». Я — плененный пиратами наследный виконт Ченсфильд, и ты в Бультоне введешь меня в мое наследство. Понял?

— Боже мой, благородный синьор, но что же будет с настоящим наследником?

Грелли в ярости замахнулся топором:

— Ах, с настоящим? Вот я тебе покажу сейчас настоящего наследника, судейская крыса!..

Раненый открыл глаза, но осмысленного выражения в них не было. Он не узнавал окружающих и не понимал страшной опасности. Девушка обхватила руками его голову и закрыла своим телом от пиратского топора. Грелли поймал ее за руку, отшвырнул к противоположной стенке и снова размахнулся. Девушка броси-

лась в ноги Леопарду. Она цеплялась за руку пирата и молила о пощаде. Грелли опустил топор.

— Ты помолвлена с ним?

— Да.

— Хочешь спасти ему жизнь?

— Да.

— Станешь ты моей женой?

— Нет.

— Тогда я убью его. Ты поняла мой замысел?

— Да. Вы хотите завладеть именем и имуществом сэра Фредрика Райленда.

— Правильно, крошка! И все, что может мне помешать, я должен убрать с дороги. Прежде всего — вот этого полумертвого. Отпусти мою руку.

— Мистер Грелли, сохраните ему жизнь! Я готова на все. Я готова назваться вашей женой, так же как Мортон — вашим атерни.

— Это другое дело. А чем вы докажете, что не собираетесь обмануть меня? Может, вы рассчитываете выдать меня командованию на корвете?

— У меня нет никаких доказательств, кроме моего честного слова. Хотите, я поклянусь вам? Только оставьте его в живых и дайте мне выходить его.

— Идет, синьорита! Пусть он дышит, ваш бывший жених. Но поправлять здоровье ему придется на этом уютном острове уже без вас. Мы отправляемся с вами в Ченсфильд. Бумаги я оставлю у себя. Теперь в путь, синьорита, и... прошу вас, обратитесь ко мне как следует! Что же вы молчите? Ну?

— Сэр Фредрик Райленд, я готова следовать за вами.

Когда Грелли спустил ноги, чтобы спрыгнуть в воду, он услышал стон. Обернувшись, он увидел, как Эмили припала к груди раненого.

Через два часа маленький плот подплыл к скале с пещерой. Усадив на плот Мортона, тоже близкого к обмороку, Грелли положил бесчувственные тела Эмили и сэра Фредрика на помост и веслом погнал плот вдоль берега.

К вечеру он достиг входа в пролив.

— Послушай, Эмили, — обратился пират к девушке, с трудом приведя ее в чувство, — я высажу вас обоих здесь, неподалеку от бухты. Французам я покажусь сначала вместе с Мортоном и передам им бумаги. По-

том вернусь за тобой. Постарайся разбудить этого синьора и объяснить ему положение.

Не прошло и двух часов, как Грелли и Мортон возвратились. Оба держали небольшие свертки.

— Все обстоит прекрасно, — объяснил Грелли. — Послезавтра они снимаются с якоря. Меня встретили хорошо. Я обещал привезти тебя на корабль завтра вечером. Подкрепись этим ужином.

Вдвоем с Мортоном Грелли соорудил шалаш. С корвета он принес одеяло, котелок, еду и лекарство. Раненого уложили в шалаше.

Эмили, находившаяся сама на грани полной потери сил, не притронулась к еде. Она приготовила бульон для больного и поила его с ложечки. Ему полегчало. Он обвел всех осмысленным взором, слабо улыбнулся Эмили, повернулся на бок и заснул сном выздоравливающего.

Еще одни сутки Эмили провела около него, держась на ногах нечеловеческим напряжением сил. В ночь на 24 апреля корвет «Бургундия» готовился поднять паруса.

Раненый крепко спал в своем шалаше. Грелли принес ружье, запас пороху, некоторые инструменты и припасы. Он решил не будить раненого и велел Эмили писать записку.

На листке бумаги она коротко изложила свое соглашение с пиратом, дав понять, что брак с лжевиконтом будет только формальным. Когда записка была готова и положена поверх скарба, оставленного островитянину, Эмили склонилась над спящим. Без слов, с каменным лицом она приникла к его лбу.

К берегу бухты Грелли вынес ее на руках, ибо после молчаливого прощания с женихом Эмили окончательно обессилела. Уже укладывая в кормовой каюте «Бургундии» бесчувственную, пылающую жаром девушку, Грелли по несомненным признакам на ее лице понял, что она больна оспой...

Ночью, когда судно шло на север, Грелли заметил, как Мортон делает какие-то записи в тетради, переплетенной в тисненую коричневую кожу. Леопард грубо вырвал тетрадь, прочел ее очень внимательно и, выдернув несколько страниц, написанных Мортоном последними, оставил эту тетрадь у себя. По прибытии на фрегате «Крестоносец» в Англию Грелли извлек тетрадь. В Ченсфильде, во вновь унаследованном кабине-

те, он посадил Мортона за своеобразный литературный труд...

— В этом дневнике вы можете вернуться к изложению фактов, начиная с плавания на борту «Бургундии», — сказал заказчик рукописи своему патерни и управляющему. — Первая часть вашего повествования, вплоть до схватки в каюте «Офейры», остается в неприкосновенности, но об острове не должно быть ни звука в этой тетради. И еще: не пишите, кем был на самом деле произведен поджог «Бургундии». Ведь каюту нашу подпалил я с помощью горевшей у нас лампы, столкнув ее на пол, перед тем как выпрыгнуть на плотик: мне было известно, что крюйт-камера находится рядом с каютой... Кстати, вычислением координат острова я тоже обязан капитану «Бургундии», мир его праху! Мой взрыв, несомненно, вознес его с мостика прямо на небеса!

И заказчик рукописи засмеялся своим характерным горловым смешком...

...Глухой, ровный голос исповедуемого смолк. Несколько минут длилось молчание. Пастор склонился к больному. Широко раскрытые глаза его лихорадочно блестели. Он сильно утомился.

— Еще несколько слов... Вы догадываетесь, что, осуществив свой план, я начал собирать в Бультоне своих друзей. Некоторых из них я назвал... Их прегрешения беру на себя. Разумеется, легенду о прокаженном на острове я выдумал, чтобы предотвратить высадку на берег лишних людей; выдумка эта особенно пригодилась, когда я узнал, что, кроме сэра Фредрика, спаслись два неизвестных члена экипажа «Черной стрелы»... Мюррей — не вымышленное лицо. Такой пассажир числился в списках погибших на «Иль де Франс»... Теперь оставьте меня наедине со священником.

Среди мертвой тишины поднялся новый пассажир «Ориона». Жестом он остановил собравшихся и заговорил, обращаясь к ним и к человеку на смертном одре:

— Господа! И вы, синьор Джакомо д'Эльяно! Жестокая судьба отняла у вас право носить имя вашего отца. Вы превратили вашу жизнь в орудие мщения человечеству за свершенную им по отношению к вам несправедливость. Вы гнались за именем. Но имя человека — это пустой звук, пустой сосуд, который наполняется содержанием только деяниями его носителя.

Имя Фредрика Райленда вы связали с такими кровавыми и зловещими деяниями, что я от него отказываюсь.

Вы оставляете на этой земле ребенка, судьба коего могла бы уподобиться вашей, ибо, рожденный под ложным именем, он тоже должен безвинно лишиться права носить его. Я не хочу множить цепи зла и несчастий на земле. Я окончательно принял решение сохранить за вашим наследником все то, что вы сами желали оставить ему в удел. Извольте назначить опекунами сэра Чарльза угодных вам лиц. А мой долг — залечить душевные раны той, чье имя достойно стать рядом с именами героинь древности. Ничто вокруг нее — ни люди, ни имена, ни страна, ни дом — не должно омрачать воспоминаниями ее будущее счастье, которое я постараюсь создать ей под своим новым именем!

Глава десятая

МОГИЛА НА ОСТРОВЕ

1

В тишине, наступившей после обвала пещерного свода, капитан Бернардито стряхнул с себя землю и, убедившись, что ребенок в его руках дышит, положил мальчика на пол рядом с собой.

Во мраке обвалившейся пещеры Бернардито на миг припомнил свои ощущения на борту «Черной стрелы» три года назад, когда ураган нес корабли к подводным скалам острова. Испытывая снова странную тяжесть во всем теле и шум в ушах, Бернардито стал ощупывать ближайшие предметы. Дышать было трудно, и самые незначительные усилия вызывали учащенное биение сердца.

Достав из кармана огниво, капитан высек искру, раздул затлевший жгутик и поджег подвернувшуюся под руку щепку. Огонек озарил осевший свод. Завалило две трети пещеры. Остальное пространство почти на фут покрывали осыпавшаяся пыль и мелкий щебень. Стол был придавлен: две ножки и часть досок торчали из-под земляной осыпи. К обломкам стола была прижата камнем толстая книга с картинками.

Бернардито позвал своего товарища. Звуки голоса

капитана и плач очнувшегося ребенка поглотила влажная земля обвала.

Старый корсар вспомнил, что Педро сидел за столом против него, рядом с пустой постелью ребенка. Теперь это место было завалено влажной землей и глыбой гранита. Бернардито понял, что перед ним — могила Педро, а гранитная глыба легла памятником его последнему, единственному товарищу.

Покопавшись в земле возле придавленного стола, Бернардито наткнулся на светильник с остатками жира, уже застывшего. Он зажег эту лампаду и, опустившись на колени, прижался лбом к щербатому камню. Сухой ком стоял у него в горле, но слез у старого капитана не нашлось. Он прочитал полузабытые слова молитвы и, услышав плач ребенка, взял его на руки и принялся утешать.

Успокоив мальчика, он начал осматривать пещеру. Остаток свода держался ненадежно: погибли все основные запасы продовольствия, все оружие и одежда.

Разгребая землю, Бернардито стал извлекать из-под осыпи один предмет за другим. Он отыскал топор, железную мотыгу и дубовый шест, затем наткнулся на вязанку дров, приготовленную для костра. Наконец капитан откопал небольшой запас провизии, который Педро держал под руками на ближайшие два дня. Этот запас при экономном расходовании мог поддержать жизнь Бернардито и ребенка в течение девяти-десяти дней, но тревожила ненадежность тысячетонного потолка пещеры и полное отсутствие воды.

Добавив в светильник кусочек растопленного кабаньего жира, Бернардито принялся выстукивать стены и своды. Нечего было и думать о том, чтобы откопать старый выход. Зато противоположный свод, понижаясь к покатому полу, оставлял узкую щель между полом и кромкой острого карниза.

Бернардито лег на живот и пополз в эту тесную щель. Там он неожиданно открыл естественный подземный лаз, который вскоре раздвоился. Бернардито пополз в левое ответвление и оказался в глухом тупике базальтовых глыб. Но здесь можно было стоять во весь рост.

Жажда начала мучить Бернардито. Во рту скрипел песок. Вокруг шуршали струйки сухой земли, сыпавшейся из щелей. Прислушиваясь, он уловил какой-то

звонкий звук в углу этого каменного каземата. Звук повторялся через каждые десять секунд. Бернардито поднес светильник к известковому сталактиту. Он свисал над таким же наростом-сталагмитом, поднимавшимся с пола навстречу окаменелой сосульке. Вековая работа капель выдолбила углубление в этом известковом наросте. Набираясь на конце сталактита, через каждые десять секунд падала вниз тяжелая капля. В углублении накопилось с полстакана воды. При каждом падении капли крошечный водоем переполнялся; излишек воды сбегал с камня и влажным следом уходил в землю. Бернардито мелкими глотками выпил воду из углубления и вернулся в пещеру.

Он вытряхнул землю из миски и съел остатки пищи на дне посудины. Щепкой и тряпьем он очистил ее от прилипшей грязи, перенес ребенка в каменный тупик и подставил миску под сталактит. С большим трудом, двигаясь ползком, он в течение нескольких часов перетащил в каземат все уцелевшее имущество, даже книгу Чарли. Лишь дрова он оставил в старой пещере; развести костер было невозможно — обитатели каземата задохнулись бы в дыму.

Огонек светильника чуть колебался — значит, сквозь щели горных пород поступал воздух.

Бернардито отрезал мальчику хлеба от нетронутой ковриги и глотком воды, набравшейся в миске, напоил его. Расстелив на каменном полу кожаную куртку, Бернардито лег, положил голову ребенка к себе на плечо и на несколько часов забылся сном.

Мальчик не шевелясь долго смотрел на мигающий язычок светильника и наконец тоже уснул под монотонный звон капель, падавших и падавших в жестяную миску.

2

Роберт Паттерсон и Ричард Томпсон вошли в каюту нового пассажира брига. Они застали его за разбором бумаг и документов на имя виргинца мистера Альфреда Мюррея.

— Мы пришли предложить вам принять на себя руководство экспедицией, сэр Фредрик Райленд, — начал адвокат,— и просим вас...

— Мистер Томпсон, — прервал его гость «Ориона», — начиная с нынешней ночи, я не имею больше ничего

общего с только что произнесенным именем. Я оставлю в силе все документы, подписанные в вашем присутствии и засвидетельствованные вами, Мортоном и священником. Если джентльменам угодно, то после кончины сэра Фредрика Райленда я, Альфред Мюррей, готов принять на себя временную роль руководителя экспедиции, чтобы подготовить ее к обратному плаванию. Впрочем, на мой взгляд, капитан Брентлей выполнил бы эту задачу лучше меня.

— Простите, мистер... Мюррей,— сказал адвокат,— однако я позволю себе заметить, что с точки зрения государственного законодательства вы едва ли вправе осуществить ваше великодушное решение. Закон предусматривает право усыновления, а не передачи титула и имени другому лицу.

— Но, мистер Томпсон, в подписанных мною бумагах нет ни слова о передаче имени. Своей подписью я удостоверил, что действительно являюсь Альфредом Мюрреем, потомственным колонистом из Виргинии. Бумаги имеют строго законный характер.

— Я прошу вас еще раз хладнокровно и серьезно обдумать это решение,— произнес адвокат,— хотя высоко ценю и отлично понимаю его мотивы. Но человек, чья потрясающая исповедь укрепила вас в вашем великодушии, создал крупное предприятие, от которого зависят прямо или косвенно судьбы и благосостояние тысяч людей. Человек этот был темным авантюристом. Сосредоточенные в его руках богатства использовались в рискованных и преступных целях. Для него эти операции были прибыльными, но для общества опасными и даже бесчеловечными. Так, мне стало известно от Доротеи, что мнимый Райленд не только занялся работорговлей, но и готовился продолжать ремесло пирата и заняться грабежом на морских путях.

Паттерсон поежился и заерзал на стуле. Адвокат продолжал с жаром:

— Выстроенный для него корабль «Окрыленный», это чудо кораблестроительного искусства, предназначен для того, чтобы стать новым грозным кораблем корсаров, сеющим смерть и разорение. После кончины мнимого Райленда дела «Северобританской компании» останутся в руках приближенных и друзей лжевиконта, таких же темных дельцов, как и он сам. Ваш отказ от наследства может вызвать страшный крах, или же мрачные операции, задуманные прежним хозяином, бу-

дут осуществляться и впредь во вред обществу.

— Мистер Томпсон,— остановил адвоката Мюррей,— вы неправы. Есть законы неписаные, определяемые совестью и честью. По происхождению я, отпрыск боковой ветви своего рода, не принадлежу к древней знати, и лишь случайные обстоятельства сделали меня наследником Ченсфильда. Отказом от случайно доставшегося мне титула и богатства, нажитого неправедным путем, я следую велениям своей совести. Изучая сочинения Жан Жака Руссо[1], я утвердился в высоком естественном призвании человека. Я вижу зло мира в неравенстве людей, в пустых титулах и званиях, в наживе золота за счет ближних... Ну, а что касается компаньонов Райленда по фирме, то хочу надеяться, что они не изберут неблаговидных путей для дальнейшего обогащения. Но должен признаться, что меня это совершенно не касается. У меня есть другие обязанности перед богом и людьми. В Америке, на лоне девственной природы, я надеюсь создать небольшую колонию Равенства и Справедливости, Труда и Разума.

Паттерсон с облегчением вздохнул, выслушав Мюррея. Речь Ричарда привела его в немалое беспокойство и озлобила против сына своего старого друга.

«Щенок,— подумал Паттерсон,— жалкий судейский краснобай! Ах, болтун, путающийся под ногами деловых людей! Черт с ним, с этим истинным Райлендом, который начитался французских книжонок и бредит справедливостью! Он был бы только помехой в наших делах. Это не коммерсант! А вот если бы мощная энергия того, кто сейчас умирает на бриге, не спасла, например, банка Ленди, то тебе, болтун Ричард, быть бы сейчас либо грошовым клерком, либо чужим поденщиком!» — И Паттерсон продолжал уже вслух:

— Сама церковь в лице нашего викария благословила благоразумное и благородное решение мистера... гм... Мюррея. Но меня тревожит другая мысль. Дело в том, что умирающий весьма своеобразно распорядился векселем банкира Ленди... Он завещал вексель корсару Бернардито Луису. Как вы полагаете, мистер Мюррей, пожелает ли Бернардито Луис изъять из бан-

[1] Руссо Жан Жак (1712—1778) — великий французский мыслитель, просветитель, демократ, сочинения которого сыграли большую роль в идеологической подготовке французской буржуазной революции XVIII века.

ка всю эту огромную сумму? Это привело бы к сильнейшему потрясению наших финансовых основ.

— Полагаю, что Бернардито отнюдь не захочет создавать затруднений Бультонскому банку,— ответил Мюррей.— Вероятно, он укажет адрес, куда банк сможет частями высылать ему эти деньги. Он собирается построить себе гасиенду где-нибудь в Южной Америке и отдохнуть от забот и трудов. Ему уже пятьдесят лет. Пять лет назад его мать была еще жива, но он уже не надеялся увидеть ее... Быть может, в Америке мы еще станем соседями!.. Погода, кажется, прояснилась; я собираюсь отправиться с Эмили на остров, чтобы уведомить Бернардито и Педро о новом обороте событий. Теперь им ничто не помешает принять участие в нашем плавании. Нужно скорее вернуть мальчика на корабль, чтобы отец успел проститься с ним. Сюда идет доктор Грейсвелл. Сейчас мы узнаем о положении раненого.

Доктор, усталый и бледный, поверх очков оглядел собеседников своими близорукими глазами.

— Наступает кризис,— сказал он.— Сэр Фредрик едва ли доживет до завтрашнего вечера.

3

Шлюпка с «Ориона» высадила на берег Мюррея и Эмили. Им предстоял немалый путь до Скалистых гор, где среди ущелий находилась хорошо знакомая Мюррею пещера.

Поглядывая на нежный профиль своей спутницы, Мюррей шагал легкой походкой человека, с плеч которого свалилась огромная тяжесть. Впервые за долгие годы он снова чувствовал себя свободным и счастливым. Корабль ждал его, чтобы нести к радостному будущему, весь широкий мир открывался перед ним, и лучшая из девушек этого мира, шурша складками плаща, с сияющим лицом шла рядом.

Извилистая тропка привела путников к небольшой хижине, срубленной из пальмовых стволов. Позади домика находился огород, небольшой цветник и сад с фруктовыми деревцами, выращенными из семян диких плодовых растений острова. За садом начинались густые тропические заросли.

Путники вошли в дом. Три деревянные кровати стояли вдоль стен. Простая мебель, утварь и посуда содержались в чистоте. Это несложное хозяйство вели

не белоручки! Огромная шкура льва занимала целиком простенок между двумя окнами. Очаг был сложен из кирпича-сырца и грубо обточенных камней. Мюррей развел в нем огонь и с охотничьей сноровкой приготовил обед. Обоим путешественникам он показался восхитительным.

— В нашем доме мне придется учиться у тебя хозяйничать, — засмеялась девушка. — Как странно: ты и при новом имени остался по-прежнему Фредом. Мне было бы трудно привыкнуть к другому. Как легко у меня на сердце, Фред!

Они отправились дальше по неприметным охотничьим тропам, среди зарослей нетронутого первобытного леса, вышли к болотистому лесному озеру с бамбуковой рощей на отлогом берегу. Мюррей усадил девушку в долбленый охотничий челн и перевез на другую сторону.

Вскоре начался подъем. Из-под ног путников стали срываться мелкие камни; наконец лес кончился, и большой зеленый луг, залитый солнцем, простерся перед ними. Цветы качались на длинных стеблях, и влажная трава стояла выше пояса. Поднявшись еще на несколько сотен футов, Фред и Эмили оказались у подножия скал. Только низкорослые, скрюченные ветром деревца кое-где оживляли мертвые каменные стены.

Мюррей указал вниз. Там, на чистом зеркале бухты, стоял игрушечный «Орион». Кругом, на необозримые сотни миль, синели воды океана. Он был спокоен, но береговой прибой грохотал, как всегда, и белая пена вскипала под утесами.

Вскоре глубокое ущелье разверзлось перед путниками. По гранитной скале, сбегая десятками мелких ручейков, струилась вода. Это был водопад, образованный подземными ключами где-то в недрах гор. Он выходил на поверхность из темной расселины высоко в скалах, бежал по крутому склону и, журча, низвергался с утеса, смешивая на дне ущелья свои воды с водами речки.

— Держу пари, что в этих горах таятся большие богатства,— проговорил Мюррей.— У каждого из нас скопился порядочный запас золотого песка, который мы намывали на берегу ручья. Мы рассчитывали сохранить в тайне это открытие и, вернувшись когда-нибудь на этот остров, заняться золотоискательством.

— Пусть твои друзья, если пожелают, ищут здесь

золото,— сказала Эмили.— Мое маленькое наследство от отца и твой золотой песок — этого достаточно для устройства новой жизни.

— Ты забываешь о грузе «Офейры». Он был собственностью твоего отца и по праву принадлежит тебе. Ящики в полной сохранности. Теперь еще один трудный подъем по ложбине — и мы встретим наших друзей в пещере. Но, черт возьми, я не узнаю места!

Путь вверх по следам недавней лавины оказался очень тяжелым. Чем выше поднимались путники, тем озабоченнее становилось лицо Мюррея. Издали он увидел, что каменные глыбы сдвинуты. Исчезли заросли кустов, скрывавшие вход в пещеру.

— Боже мой,— прошептал он,— вход засыпан!

Наступал вечер. Мюррей рассчитывал переночевать в пещере в обществе своих друзей, но входа в пещеру уже не было...

Мюррей стал громко звать товарищей. Ему отвечало гулкое эхо. Сняв штуцер с плеча, он два раза выстрелил, но потревожил только горных орлов.

— Они все погибли, Эмили! Пещера стала их могилой. Поистине над людьми, обретающими титул виконта Ченсфильда, тяготеет какой-то злой рок. Никогда не будем вспоминать о нем, моя любимая!

Обнажив головы, они постояли на коленях перед могилой мальчика и обоих корсаров, тихо поднялись и тронулись в обратный путь. Но теперь Мюррей шел молча, опустив голову.

Добравшись до озера уже в сумерках, они переплыли его на челне в полной темноте. Эмили начала спотыкаться и ушибла ногу о корень. Фред взял ее на руки и понес. Она лежала на его плече с закрытыми глазами и будто уплывала куда-то в глубокую золотую темноту.

В полумиле от берега островитяне поставили охотничий шалаш. Фред внес Эмили в это укрытие, зажег светильник и развел огонь. Когда дрова затрещали, он присел на камень и растер девушке ушибленную ступню. Эмили смотрела на него сверху; взгляд ее светился тем лучистым сиянием, какое исходит из глаз женщины в самые счастливые минуты ее жизни.

Когда они поужинали, Фред устроил девушку на ложе из звериных шкур и, расстелив на полу свой плащ, улегся у огня. Он не спал и смотрел на гаснущий огонь. Ему показалось, что Эмили задремала; он ти-

хонько приподнялся на локте, чтобы взглянуть ей в лицо. Две нежные руки тихо обняли его. Он взял в свои ладони голову девушки, и два дыхания слились в одно.

Утратив представление о времени, Бернардито Луис пользовался падавшими со сталактита каплями не только для утоления жажды, но и в качестве часов. Он определил, что миска наполняется водою вровень с краями приблизительно за двадцать четыре часа, и вел теперь счет суткам по числу опорожненных мисок. Питался он копченым кабаньим и козьим мясом, остатками хлеба и сырой мукой, которую размешивал в воде. Этим же он кормил и ребенка. Весь хлеб пришлось нарезать на тонкие ломтики, чтобы на нем не появилась плесень. В сыром воздухе ломтики не засыхали.

Капитан успел обследовать и правое ответвление подземного лаза. Оно оказалось длинным и извилистым, постепенно понижалось, и местами потолок нависал так низко, что пробираться можно было только ползком. В иных местах Бернардито вставал во весь рост и не доставал потолка рукой.

По расчетам Бернардито, ему лишь на четвертые сутки пещерного заточения удалось добраться до оконечности правого хода. Здесь, на расстоянии не менее трехсот ярдов от развилки, он встретил наконец слоистую шиферную скалу, в которую упирался подземный ход. При свете фитилька старый корсар осмотрел скалу и обнаружил узкую трещину. Поднесенный к ней огонек светильника метнулся и погас. Бернардито приложил к трещине ухо и уловил шум струящейся воды. Звук был слабым и неясным, но сомнений не оставалось: где-то за шиферной скалой бежал ручей. Если бы удалось пробить несколько футов шифера и добраться до ручья, подземное русло, возможно, вывело бы пленника из темницы. Бернардито вспомнил о водопаде в ущелье. Его озарила догадка, что он находится рядом с подземным руслом этого потока. Шансы на спасение возросли!

Мотыга была в руках. Бернардито опять запалил огонек и ударил по скале. Кусок мягкого сланца откололся легко. Увлеченный работой, Бернардито забыл о сне, пище и покинутом ребенке. Через несколько часов он расширил щель, но гора слоистых обломков шифера поднялась до пояса. Работать дальше стало невозможно, и узник пещеры принялся разравнивать породу по всему полу подземного тупика. Сквозь щель сюда

проникал свежий воздух. После яростного труда Бернардито ощутил сильную усталость. Он лег на спину и задремал. Внезапно сквозь баюкающий шум ручья Бернардито различил далекий стук, царапанье и скрежет.

Бернардито пополз назад. Когда после самых мучительных этапов этого подземного пути он ложился отдыхать, скрежет и стук различались им явственнее. Наконец он добрался до каземата. В чернильной мгле ребенок тихонько лежал на кожаной куртке, но, завидев огонек и бороду пирата, горестно заплакал. Маленький человек выражал обиду на свое долгое одиночество. Миска под сталактитом переполнилась, и драгоценные капли уходили в почву.

— Сынок, ты скоро увидишь солнышко и пойдешь разгуливать по твоему острову,— заговорил Бернардито, поглаживая кудри мальчика.— Я нашел выход из пещеры, понимаешь, выход, но его нужно раскопать, и тогда мы с тобою...

Где-то посыпались камни. Что-то грузно ухнуло, и стены каземата содрогнулись. Сталактит сорвался и грохнулся на пол, расплющив миску. Стало темно, и густая пыль забила старому корсару ноздри, рот и глаз. Он зажмурился и склонился, ожидая конца. Вся жизнь разом вспомнилась ему, точно вспышка молнии озарила прошлое... Но свод над головой еще держался, и сознание не покинуло Бернардито. Теперь все вокруг затихло, звуки прекратились, и капитан наконец сообразил, что они означали. Их пещеру раскапывали! Очевидно, обнаружив обвал, Леопард задумал раскопать могилу своего сына. Во время раскопок матросы расшатали остатки уцелевшего свода пещеры, и он рухнул. Если обвалом засыпана и развилка подземного лаза — смерть пещерных узников неминуема!

Бернардито с трудом зажег свой маленький факел. Каземат был цел, не считая упавшего от сотрясения сталактита. Но вход в подземный лаз засыпан до половины...

Капитан выгреб землю, расчистил вход и пополз к развилке. Всюду лежала свежеосыпавшаяся земля, пыль еще густо стояла в воздухе. Вход направо оказался свободен!

Бернардито решил перебраться в тупик и оттуда пробиться к подземному руслу. Он снова различил стук. Значит, раскопки продолжались, но капитану стало

ясно, что даже силами всего экипажа «Ориона» разрыть пещеру можно было не раньше чем через две-три недели.

Опасаясь новых обвалов, Бернардито принялся ползком перетаскивать все свое имущество и запасы в тупик. Эта работа была адской, и продолжалась она не менее двух суток. За эти дни Бернардито не раз доходил до изнеможения. Обессиленный ребенок больше не кричал и не плакал. Свернувшись клубочком, как зверек, он лежал на куртке корсара, часто дремал, а пробуждаясь, безучастно глядел на бородатого спутника.

Выспавшись в своей новой «квартире», испытывая мучительную жажду, Бернардито подкрепился последними остатками еды и принялся за работу.

Подземный плен длился, по расчетам Бернардито, уже шесть-семь суток, когда три глухих толчка вновь поколебали своды подземелья. На вулканические сотрясения они не походили, потому что произошли где-то в стороне, в обломках пещеры.

— Рвут скалы! — проворчал корсар и бросил мотыгу. — Черт бы побрал их старания! Они обвалят весь ход.

Работа шла быстро; песчаник обламывался слоями. Бернардито работал топором, мотыгой и дубовым шестом вместо клина. Временами он ощущал прохладное дуновение свежего воздуха.

Наконец, через тридцать-сорок часов, вырубленное в скале отверстие оказалось достаточным, чтобы просунуть плечи. Бернардито отложил инструменты и полез в дыру. Просунув в щель голову, он стал вглядываться в пустоту, во мрак. Вода, журча и плескаясь, бежала футов на шесть ниже. Значит, пробит ход в какой-то подземный грот или тоннель, по дну которого бежал поток!

Расширив дыру, Бернардито защитил свою лампадку ладонью и осветил тоннель. Свод его приходился на два фута выше, а внизу жутковато чернела быстрая вода.

Ребенок спал. Бернардито пополнил светильник, поставил его в углу, положил на книгу рядом с Чарльзом последний кусочек хлеба и ломтик вяленого мяса. Затем он снял с пояса ремень, прикрепил его к своему шесту, прижатому к дыре, еще раз взглянул на спящего ребенка и, держась за ремень, спустился прямо в черную воду потока. Она была очень холодной и едва

не сбила человека с ног. Он вымыл лицо и руки, сделал несколько глотков, перекрестился, лег в эту ледяную воду и поплыл.

В полном мраке поток понес его по тоннелю. Несколько раз его ударяло о камни и выступы скалы, но вскоре он нащупал отмель и выбрался на мелкую гальку. По шуму воды на перекатах человек угадывал повороты, и от начала своего пути до отмели он насчитал их два. Дальше свод тоннеля понижался и течение убыстрялось.

Когда Бернардито покинул отмель, вода стремительно понесла его. Скоро впереди забрезжило сереющее пятно. Поток еще раз повернул, и Бернардито стал различать очертания свода и стен тоннеля. Он ухватился за выступ и глянул вперед. Свет, солнечный свет виднелся шагах в пятидесяти впереди!

Поток сбегал вниз, под кромку свисающего карниза. Бернардито на ободранных коленях пополз вперед и сунул голову в сияющую щель. Перед ним расстилался ослепительный простор!

Ошеломленный солнечным светом, он упал на выступ скалы, откуда водопад, весело прыгая по камням крутого склона, срывался в зеленую глубину ущелья.

Наконец Бернардито огляделся вокруг. Внизу он увидел людей с кирками, лопатами и топорами. Солнце садилось, и люди, окончив дневную работу, уходили из ущелья в лес, унося кого-то на носилках.

Когда все скрылись из виду, Бернардито поднялся на ноги и совершив долгий и тяжелый обход по склону, приблизился к их старой обвалившейся пещере. Уже смеркалось, и холодный ветер дул из ущелья. Все кости Бернардито ныли; от одной мысли, что нужно вернуться в ледяную воду подземного потока, он содрогнулся.

Быстро темнело, но Бернардито разглядел у входа в пещеру следы работы землекопов. Он подивился, как много они успели расчистить: по-видимому, работал весь экипаж корабля. В одном месте докопались даже до дна пещеры. Земля и щебень на площадке были прибраны и свалены в небольшую насыпь, на верху которой плашмя лежал тяжелый плоский камень.

В потемках Бернардито наткнулся на лом и целую бухту тонкого и прочного манильского каната. Рядом лежал вещевой мешок с остатками пищи на несколько человек. Бадья со смолой и десяток жердей, обмотан-

ных паклей, были приготовлены, вероятно, для ночных работ.

Бернардито подкрепился ломтем хлеба, надел мешок, взял лом, веревку и факел и спустился назад, к водопаду. Перед низким зевом тоннеля капитан вздохнул, зажег свой факел и ступил в поток. Нагнувшись, он снова очутился в тоннеле, где поток струился, словно мифическая Лета, покрытая вечным мраком Аида.

Упираясь ломом в дно и преодолевая бурное течение, человек продвигался вперед шаг за шагом, будто древний Харон в водах мрачного Стикса[1].

Добравшись до отмели, он передохнул. Ноги его сводило от холода, и сердце тяжело колотилось в груди. Дальше течение ослабевало. Бернардито оставил веревку на отмели и снова тронулся вверх, считая повороты. После второго он поднялся еще шагов на двадцать и увидел черную дыру под сводом и свисающий из нее ремешок. Наверх он вскарабкался с предельным напряжением сил, просунул факел в дыру и проник в подземное убежище.

Погасший светильник был опрокинут. Ребенка в тайнике не было...

5

Владелец «Ориона» и губернатор острова Чарльза протянул руку к стакану с напитком, который доктор поставил на столике перед умирающим. Это был настой из целебных трав, собранных на острове Мюрреем. Во время своих скитаний по индийским джунглям Мюррей внимательно присматривался к способам врачевания, применяемым знахарями и жрецами в глухих деревушках Бенгалии. Он перенял их искусство и за годы жизни на острове не раз испытал на себе самом и своих друзьях благотворное действие целебных растений, неизвестных самодовольной европейской медицине. Отправляясь на корабль, Мюррей захватил из хижины сосуд с целебным настоем.

Неизвестно, помог ли больному индийский бальзам

---

[1] Все образы заимствованы здесь из древнегреческой мифологии: Лета — река забвения, черная река в подземном царстве мертвых Аиде; Стикс — покрытая вечным мраком река, по которой перевозчик Харон переправляет на своей ладье души покойников на тот свет.

или собственный запас жизненных сил, но пациент доктора Грейсвелла победил даже самое смерть.

Когда кризис миновал и, вопреки всем ожиданиям, пульс больного продолжал биться, доктор не поверил своему слуху, уловив удары этого неутомимого злого сердца. Пораженный, он немедленно оповестил всех о появлении надежды на благополучный исход.

Экипаж корабля должен был с рассветом двинуться на остров, чтобы продолжить начатые накануне раскопки пещеры. Весть о гибели ребенка потрясла и друзей и врагов «хозяина», и капитан Брентлей предоставил почти всех матросов в распоряжение Мюррея, который взял на себя руководство раскопками.

Узнав об улучшении здоровья больного, Мюррей приписал это действию своего лекарства и посоветовал пока что скрыть от пациента горестную весть.

Раскопки велись четыре дня круглыми сутками. Когда землекопы добрались до осевшей скалы, Мюррей приказал высверлить в ней шурфы и взорвать ее порохом. После взрывов было сделано несколько находок — извлечена лопата, остатки ружья, и, самое главное, — следы крови и размозженные кости.

После этого Мюррей приказал немедленно прекратить работы. На освобожденной от обвала площадке соорудили подобие могильного холма. Поверх могилы положили плиту с грубо высеченным крестом...

Когда сознание вернулось к губернатору острова, он выпил остатки настоя в стакане и потребовал священника. Из недомолвок пастора Редлинга и менее проницательный человек, чем Джакомо Грелли, смог бы догадаться о случившемся.

Грелли приказал вынести себя на палубу и обнаружил почти полное отсутствие людей на борту. Без дальних околичностей он потребовал Мортона в каюту и узнал всю горькую правду. Если бы, уходя, Мортон обернулся, взору его представилось бы самое диковинное зрелище за всю его жизнь: слеза на горбатой переносице, первая слеза Джакомо Грелли за тридцать пять лет его жизни!

Двое суток Грелли не притрагивался к пище и никого не допускал к себе. Когда утром 9 января ему доложили, что следы трупов обнаружены, он приказал соорудить носилки и отправился в путь на плечах своих подчиненных, подобно римскому патрицию.

Его донесли до ущелья и поставили носилки перед

огромной скалой над обвалившейся пещерой. Он велел вооружить двадцать человек долотами и построить подобие штурмовых лестниц. Этот отряд высек на скале поминальную надпись. Вернувшись на корабль, Грелли приказал на другой же день сниматься с якоря.

Груз «Офейры», укрытый в скалах северной части острова, был доставлен шлюпками на «Орион». Грелли без возражений признал его собственностью леди Эмили. Экипажу объяснили, что этот груз принадлежит Мюррею и был спасен на плоту после кораблекрушения.

Во время погрузки Мюррей вместе с лейтенантом Уэнтом посетил знакомую песчаную косу: островитянин бросил прощальный взгляд на роковую пещерку, где Эмили ценою неслыханного самоотречения спасла ему жизнь. Погруженный в свои думы, он не заметил, как лейтенант Уэнт пристально рассматривает какой-то предмет на песке. Находка, сделанная лейтенантом, ввергла его в раздумье. Но моряк ни слова не сказал о ней Мюррею, бросив на него лишь испытующий взгляд...

Утром 10 января «Орион» поставил паруса и осторожно вышел из пролива.

На вершине Скалистого пика капитан Брентлей еще накануне приказал поднять британский флаг. Отсалютовав флагу пушечным залпом, «Орион» взял курс на Капштадт, и вскоре очертания острова с могилой погибших и развевающимся на вершине флагом растаяли за кормою брига.

6

Бернардито Луис, мокрый, продрогший и утомленный до изнеможения, бросился к устью подземного лаза, проклиная себя за то, что забыл заложить его камнем. А может быть, томимый жаждой ребенок подполз к отверстию в скале и упал в поток?

Капитан осветил лаз факелом. Никаких следов мальчика... Да и вряд ли ребенок решился бы ползти в полной темноте в глубь этого хода!

Старый корсар снял с себя мокрую рубаху и короткий меховой жилет, растер ноги и надел сухую куртку, еще так недавно служившую постелью ребенка. Он уже забыл, что похищенное им дитя являлось для него только орудием мщения; теперь он думал о ребенке как

о единственном существе, с которым он мог делить одиночество плена. Заметив на полу книгу с картинками, Бернардито снова почувствовал щекочущий ком в горле...

— Теперь и Грелли считает своего Чарли погибшим... Смерть ребенка обезоружила и меня и мистера Фреда. Трудные наступили времена! Меня без Педро матросы возьмут измором и застрелят где-нибудь в горах, а Фреду ежеминутно грозит теперь тайный удар... Если же «Орион», не обнаружив меня, покинет остров, я останусь один, как придорожный крест! О каррамба!

В эту минуту Бернардито услышал шорох и решил, что в тайник забралась крыса. Подняв голову, он при свете факела увидел Чарльза. Ребенок выползал на четвереньках из-под карниза подземного лаза.

— Сынок! — со стоном вырвалось из груди Бернардито, и, еще не смея верить своему единственному глазу, он протянул руки навстречу ребенку.

— Дядя! — произнесло измазанное в земле существо.— Куда ты все уползаешь?

— А ты где был, сынок?

— Я пошел искать тебя, дядя. Ты больше не уползай один!

— Нет, сынок, теперь мы все время будем вместе. Я нашел выход, и, как только немного отдохну, мы выйдем с тобой на солнышко. Ну, Леопард Грелли, скоро ты станешь у меня ручным, словно кошечка!

Накормив своего питомца, Бернардито зажег светильник, а большой факел потушил. Они опять остались в полутьме, озаряемой только огоньком «волчьего глаза», как Педро называл эту пещерную лампадку.

Через несколько часов Бернардито почувствовал себя в силах собираться в путь.

— Ну, сынок, теперь ты ничего не должен бояться. Мы поплывем с тобою к солнышку. Ты не плачь и крепче держись за мою шею. А за нашей книгой я приду сюда в другой раз.

Бернардито проделал в заплечном мешке два отверстия по углам и надел мешок на мальчика, просунув его ноги в эти отверстия. Ребенок оказался как бы в больших штанах, из которых наружу торчали только руки и голова. Бернардито надел мешок себе на спину и пропустил ремень под мышками. Теперь мальчик, не стесняя движений пловца, был крепко привязан к его

спине. Капитан взял зажженный факел и полез в гремящий поток, ощущая на шее теплое дыхание ребенка.

Быстрое течение сбивало с ног. По пояс в воде, упираясь ломом в каменистое дно, Бернардито медленно пробирался вперед. Подземная река угрожающе гудела под сводами тоннеля. Дважды старый корсар падал, уронил факел в воду, потерял лом. Наклоняться и искать его нельзя было — вода уже доходила до груди и ребенок на спине мог захлебнутся. Внезапно дно под ногами исчезло.

— Выше голову! — крикнул корсар мальчику, и звук его голоса перекрыл шум воды.

Бернардито поплыл. Скоро бешеный поток вынес его за последний поворот. Наконец — карниз! Огромным усилием человек уперся руками в нависший свод и опустился на колени, погрузившись по горло в бурлящую воду... Из-под карниза дохнул на него свежий ветер, напоенный запахами леса. Все вокруг заполнял шум низвергавшегося в ущелье водопада.

На мгновение Бернардито нырнул и, цепляясь руками за камни, через секунду оказался по ту сторону карниза. Он взглянул вверх: в прозрачной, уже светлой синеве неба мерцали гаснущие звезды.

Старый корсар сорвал с плеча мешок и, схватив полузадохнувшегося ребенка, принялся растирать его посинелую кожу. Мальчик открыл черные глаза, чихнул и задышал глубоко и часто... У Бернардито в глазах замелькали черные искры, и он повалился рядом с ребенком.

Очнулся он на выступе скалы, услышав отдаленный пушечный залп. Солнце стояло высоко над вершинами гор. Было тепло. Чирикали птицы. Откуда-то из-за леса доносился жалобный собачий лай. Капитан приподнялся, погладил крепко спящего под ласкающим солнышком ребенка и вдруг увидел слева, высоко над собою, надпись, высеченную на голой скале огромными буквами:

Капитан Хуан Мария Карлос Фердинанд Бернардито
Луис эль Горра,
Матрос Педро Филиппо Гомец,
Младенец Чарльз Френсис Райленд,
виконт Ченсфильд
погибли здесь 1 января 1773 года.
Requiscat in pace.[1]

[1] «Покойтесь с миром» (лат.)

Далеко в голубых водах океана, видимого на десятки миль вокруг, Бернардито узнал «Орион». С наполненными парусами, крошечный, как скорлупа грецкого ореха, корабль уже исчезал в прозрачной утренней дымке.

* * *

В первых числах февраля в порту Капштадт стал на якорь бриг «Орион». Две шлюпки перевезли на берег какой-то тяжелый груз.

Владельцем груза был рослый джентльмен с открытым загорелым лицом. Он, не торгуясь, зафрахтовал половину небольшого судна, уходившего в Америку, в Новый Орлеан, и через несколько дней покинул на нем африканский порт. При отплытии зафрахтованного судна провожать загорелого пассажира и его спутницу явились на причал только первый помощник с «Ориона» лейтенант Уэнт и его невеста мисс Мери Мортон. Они долго махали вслед уходившему парснику.

На палубе вместе с рослым джентльменом стояла красивая молодая леди с огромными лучистыми глазами. Молодые люди держали друг друга за руки и глядели вслед чайкам, сопровождавшим маленький корабль до открытого моря. Из прислуги только француженка-горничная сопровождала свою госпожу.

Бриг «Орион», пополнив запасы, двинулся дальше на север. В марте он достиг Гибралтара и здесь, в водах Средиземного моря, встал борт о борт с великолепным океанским крейсером «Окрыленный». Ниже флагов Британии, развевавшихся на мачтах обоих кораблей, капитаны «Ориона» и «Окрыленного», господа Брентлей и Блеквуд, подняли вымпелы с гербом виконта Ченсфильда: две лилии на золотом щите, отдыхающий лев и голубая лента с надписью: «Et pacem bellum finit»[1].

Сам виконт, покинув свою каюту на «Орионе», посетил капитана Блеквуда, после чего «Окрыленный» взял курс к берегам Америки, а бриг «Орион» отбыл в Англию.

По прошествии месяца после возвращения виконта в его родовое гнездо юристы конторы «Томпсон и сын»

[1] «Мир венчает войну» (лат.).

окончательно оформили развод виконта Райленда с его прежней женой, урожденной мисс Гарди, которая вскоре, по слухам, вышла в Америке замуж за какого-то виргинского эсквайра Альфреда Мюррея.

Очень скоро, в чудесное июльское утро, пастор Томас Редлинг обвенчал в бультонском соборе две четы.

Сэр Фредрик Райленд, виконт Ченсфильд, сочетался браком со своей соседкой по земельному владению, вдовствовавшей леди Эллен Стенфорд, урожденной мисс Грэхэм. Офицер королевского флота Эдуард Уэнт в то же утро обвенчался с дочерью управляющего поместьем Ченсфильд мисс Мери Мортон.

Вечером после венчания обе четы молодоженов отбывали в свои свадебные путешествия, первая — в Скандинавию, вторая — во Францию и Италию.

За час до отъезда виконта в его кабинет вошел Антони, молодой грум.

Посмотрев прямо в глаза виконту, он сказал тихо и решительно:

— Синьор, я не только верно служил вам... я... любил вас и легко отдал бы за вас жизнь, не ведая, что вы — виновник бесчестья и горя моей сестры Доротеи. Сегодня вместе с сестрой я навсегда покидаю ваш кров и оставляю вас вашей совести. Прощайте!

Коляска сэра Фредрика и леди Рейленд уже стояла у подъезда. Владелец выглянул в окно и увидел рядом с этой коляской убогую повозку крестьянина-фермера. Антони вывел из дома свою сестру Доротею, одетую в старенький дорожный плащ. Они сели в повозку, и перед хозяином Ченсфильда в последний раз мелькнуло лицо, похожее на грустные лики мадонн с итальянских полотен.

Часть II

БРАТСТВО КАПИТАНА БЕРНАРДИТО

Глава одиннадцатая

СКАЗКА ОБ ОДНОГЛАЗОМ ДЬЯВОЛЕ

1

Годы протекли... Наливались вешними соками травы; отгорала осенняя позолота листвы; птицы, как встарь, тянулись древними караванными путями, чтобы на тихом севере за лето вырастить птенцов, а осенью вернуться с ними к берегам теплых морей... Океаны мерно дышали приливами и отливами, сотрясая штормами земную твердь, и прибой превращал острые обломки скал в круглую, обточенную гальку...

...Сальная свеча в корабельном фонаре, подвешенном к потолку, освещала внутренность хижины и склоненную голову человека. Его левая глазница была пустой, и черная повязка, снятая с лица, лежала на краю стола. Рядом с ним, положив подбородок на руки, сидел кудрявый мальчик. За маленьким оконцем, затянутым двумя слоями овечьих пузырей, свистел ветер. Иногда он выдувал искры из очага, и мальчик поправлял кочергою железный лист, служивший вместо печной дверцы. Оба обитателя хижины молчали.

Старший собирал из готовых, искусно сработанных частей маленький арбалет[1]. Он укрепил в конце ложи тугой, эластичный лук и наладил тетиву, сплетенную из ножных жил горного козла. Десяток оперенных стрел с железными наконечниками был уже заготовлен в небольшом колчане, который лежал на краю стола.

Натянув крошечной самодельной лебедкой тетиву арбалета, человек закрепил вложенную в желоб стрелу и вручил оружие мальчику. Взглядом старший указал мальчику на дощечку, прибитую к стене. Взрослый и ребенок понимали друг друга без слов.

Мальчик приложил арбалет к плечу и долго целился

---

[1] Арбалет — усовершенствованный лук, с ложей и прикладом. В России назывался самострелом.

в дощечку. Взрослый поправил левую руку мальчика, чтобы ее не поранила спущенная тетива. Через мгновение почти одновременно раздались — струнный звук тетивы, короткий свист, глухой удар и треск расколотой пополам дощечки.

— Молодец! — сказал старший и осторожно вытащил стрелу, засевшую в дереве стены.

Мальчик, лишь только первое слово было сказано, заговорил торопливо и оживленно, словно внезапно избавившись от тягостной немоты:

— Дядя Тобби, мы с тобой сегодня играем в молчанку с самого обеда. Я не очень люблю эту игру...

— Это очень важная игра, Ли,— отвечал старший,— и ты должен полюбить ее. На охоте и на войне часто приходится молчать. Там нельзя долго объяснять, а иногда и совсем нельзя разговаривать. Если хочешь стать охотником и воином, ты должен научиться понимать меня и делать все по одному моему взгляду. Сегодня я очень доволен тобою, маленький Ли.

— Значит, мы посмотрим нашу книгу?

— Нет, книгу ты почитаешь мне вслух завтра. Ты ведь читаешь уже быстрее меня.

— Дядя Тобби, тогда расскажи сказку про Одноглазого Дьявола!

— Это очень страшная сказка, мальчик. Ее нехорошо рассказывать к ночи.

— Совсем не страшная, дядя! Я теперь совсем не боюсь Одноглазого Дьявола. Если бы он даже пришел к нам, я бы не испугался... Ведь ты-то его не боишься, а, дядя?

— Ну, меня он, пожалуй, не тронул бы... Хорошо, Ли, расскажу после ужина.

Взрослый надел черную повязку, скрывшую его левый глаз, и зажег сальную свечу, вставленную в самодельный подсвечник из морских раковин. Он оставил ее мальчику, а сам, взяв фонарь и перекинув через плечо двуствольный штуцер, вышел из хижины. На дворе была тьма, гнулись и шумели деревья. Сквозь шум ветра охотник различил грохот морского прибоя у скалистого побережья острова. Океан ревел. Осенняя туча прятала звезды одну за другой.

— Нынче двадцать девятое мая; по-здешнему — осень, а дома у нас уже отцвели апельсины,— пробормотал островитянин.— Подходящий день выбрал Чарли, чтобы поговорить об Одноглазом Дьяволе! В Европе,

верно, уже начинают забывать могилу на острове... Ничего, кое-кто в Англии еще порадуется воскрешению старого Бернардито!

Во дворе загремела цепь, и серая тень метнулась вдоль частокола.

— Цыц, Каррамба! — прикрикнул хозяин на хромую волчицу, выскочившую из двухметровой узкой норы.

Вход в эту нору был прикрыт маленьким навесом, чтобы ее не заливало дождем, а на дне лежала куча ветоши и сена.

Рожденная в прибалтийских лесах, Каррамба некогда была привезена в Англию из Риги: Джеффри Мак-Райль, покупавший лес для «Северобританской компании», прислал волчонка в подарок маленькому Чарли в Ченсфильд. Затем волчонок совершил еще одно морское плавание: для развлечения мальчика в пути забавного волчонка взяли на «Орион». После обвала пещеры и выздоровления лжевиконта доктор Грейсвелл велел убрать на корабле все, что могло напоминать отцу о его свежей потере. Из кают-компании был унесен высокий стульчик мальчика, а клетку с волчонком сам доктор вытащил на берег и дал маленькой пленнице свободу. Очень скоро зверь угодил в одну из ловушек, расставленных островитянами, и с поврежденной лапой был водворен в хижину, к неописуемой радости Чарльза. Теперь это была уже шестилетняя очень крупная, злая волчица, коротавшая свой век на цепи.

Бернардито вошел в хлев и пересчитал прирученных диких коз, лежавших на подстилке. Ручной журавль, несколько гусей и уток с подстриженными крыльями и полдюжины зайцев в низкой деревянной клетке встрепенулись при свете фонаря. Под крышей зашевелились и заворковали голуби. Большая черная собака выбралась из конуры у входа в хлев.

— Не спишь, Нерон? — сказал человек.— Посиди на привязи, пока не отучишься без толку гонять дичь по острову.

Бернардито запер хлев на щеколду и толкнул низенькую дверцу в соседнее строение. Крыша его была на полфута покрыта землей и обложена дерном, разросшимся так густо, что строение возвышалось среди двора, как небольшой зеленый холмик. Здесь у островитян хранились припасы. Бернардито взял головку сыра, копченую рыбу и деревянную бадейку, полную козьего молока... Когда он вернулся в хижину, мальчик уже

повесил на место все инструменты и жег мусор в огне очага. Оба умылись из рукомойника на стене и сели за чисто выскобленный дубовый стол.

Скороговоркой мальчик проговорил молитву и подождал, пока старший не переломит пресную лепешку. Только после этого и он принялся за еду. Старший кивнул на рваную подстилку близ порога:

— Где Карнеро? Я целый вечер не вижу его. Покличь его, Ли, и покорми. Завтра попробуй сходить на озеро с твоим арбалетом и возьми Карнеро с собой. Может быть, подстрелишь утку.

Мальчик вышел в сени и звонко закричал во всю силу своих маленьких легких:

— Карнеро! Остроухий! — Его детский голосок еле пробивался сквозь ветер и лесной шум.

Из дверей выглянул Бернардито.

— Фью, фью, фью! — тоненько свистел мальчик.

Небо из черного становилось грязновато-серым, мглистым и низким. Месяц вставал над лесом, и освещенный им край тучи клубился.

Бернардито вложил в рот два пальца. Мальчик съежился, зажал уши: пронзительный звук, казалось, отозвался во всех уголках острова. Что-то грозное чудилось в этом переливчатом, поистине разбойничьем посвисте.

Неподалеку послышалось хриплое урчанье, и сквозь лазейку в дощатых воротах вползло во двор крупное животное, держа что-то в зубах. Зверь шмыгнул мимо охотников прямо в хижину. Это была очень большая собака с недлинной лоснящейся шерстью, отливающей матовым блеском.

Происхождением своим Карнеро был обязан легкомыслию корабельного пса Нерона, который решил совершить прогулку по острову за несколько часов до отплытия «Ориона». Он отстал от последней шлюпки и не вернулся на бриг. Найдя приют у островитян, Нерон впоследствии подружился с пленной волчицей Каррамбой, и она подарила жителям хижины остроухого щенка. Его кличка была составлена из начальных слогов имени матери и отца.

Издали Карнеро можно было принять за большого волка. Над лобастым черепом торчали чутко настороженные уши; пушистый светло-серый подшерсток на могучей груди животного был сейчас испачкан кровью. Когда мальчик вошел в хижину, зверь положил к его

ногам козленка. Широко раздвинув громадные лапы, собака стояла над поверженной жертвой с видом победоносного боксера на ринге.

— Накорми его хорошенько, Чарли, не пожалей для него лучшего куска! — воскликнул Бернардито.— Если он делится с друзьями и не таит добычи для себя одного — значит, друзья могут на него положиться.

Позаботившись о собаке, мальчик разделся и забрался под шерстяное одеяло. Бернардито задул свечу в фонаре, присел к очагу и раскурил трубку. Отблеск огня ложился на поседелые волосы и загорелое лицо капитана с сеткой морщин у глаз, удлиненным носом и жестким подбородком. Открытый ворот и закатанные рукава рубахи обнажали бронзовую грудь и столь ясно очерченную мускулатуру, будто над нею весь свой век трудился терпеливый скульптор.

Кроме левого глаза, потерянного в юности, Бернардито не лишился ни зуба, ни даже волоса и никогда не знал болезней, исключая тропической лихорадки, свалившей его на «Черной стреле». Шесть ран оставили рубцы на теле капитана, но еще ни один медик не приближался к его ложу.

Выпустив из трубки облако дыма, Бернардито следил, как оно нитями уходило в топку.

— Теперь слушай обещанную сказку, Ли,— сказал он.— Вот однажды плыл Одноглазый Дьявол на своем черном корабле. Вдруг увидел он на берегу одного залива в Тиренском море высокую скалу, а на ней — трех человек с дымящимися ружьями. Целая рота королевских егерей окружала скалу, и плохо пришлось бы этим трем...

— Нет, нет, дядя Тобби, так не годится рассказывать! — запротестовал мальчик.— Так неинтересно, давай сначала!

— Ли, да ведь ты уже слышал начало этой сказки!

— Все равно, рассказывай сперва про Испанию.

— Ну ладно, Ли, слушай мою сказку с самого начала.

2

...Жил-был в Каталонии один молодой бедный идальго[1]. Звали его дон Бернардито Луис эль Горра.

---

[1] Идальго — в средние века мелкопоместное испанское рыцарство, позднее — мелкое обедневшее дворянство.

В Испании родители любят давать своим детям очень длинные имена, полагая, что этим у их ребенка увеличится количество покровителей среди святых. Поэтому полное имя, полученное им при крещении, звучало, коли хочешь знать, так: дон Хуан Мария Карлос Фердинанд Гонзальво Доминик Изабелла Родриго Себастиан Николо Христофор Анджело Долорес Бернардито Луис эль Горра.

У Бернардито, как видишь, было очень много небесных покровителей, но земных явно не хватало! Старый идальго, отец кавалера, научил своего сына фехтовать, держать слово и презирать смерть. Но в наследство ему он оставил только звучные имена, полуразваленный дом в одном городке близ Барселоны и хромую лошадь. Когда старик умер, молодому Бернардито шел девятнадцатый год, а его сестре — всего пятнадцатый.

Донья Эстрелла — так звали мать молодых людей — воспитывала их в большой строгости. Сестра Бернардито, синьорита Долорес, сделалась очень красивой и учтивой девицей. Брат горячо и нежно любил ее, а она столь же нежно любила брата, гордясь не только его ловкостью в обращении со шпагой, но и некоторой начитанностью.

Несмотря на юный возраст синьориты Долорес, сердце ее уже не было свободным. Оно принадлежало одному стройному моряку, дону Рамону де Гарсия. С этим молодым синьором Долорес была помолвлена со дня своего рождения. На груди ее всегда виднелась ладанка с его изображением, а перевязь шпаги дона Рамона украшала лента из девической косы синьориты.

Морской офицер Рамон де Гарсия был ближайшим другом Бернардито, хотя превосходил его по возрасту на три года. Бернардито исправно служил тайным почтальоном между другом и сестрой. Сам Бернардито тоже готовился стать моряком. Он не раз выходил в море на лодках каталонских рыбаков и на корвете, артиллерией которого командовал его друг Рамон; Бернардито понимал язык моряков и владел парусом не хуже, чем конем и шпагой.

Однажды на прогулке синьорита Долорес попалась на глаза старому испанскому гранду, владельцу обширных земель и придворному вельможе, некоему дону Сальватору Морильо дель Портес. Дон Сальватор с ног до головы был осыпан милостями и щедротами короля и приводил в трепет всю округу своей жесто-

костью и высокомерием. Боялись его все, многие заискивали и унижались перед ним, он же имел громадную власть и не считался ни с кем, кроме... как это ни странно, полунищего отца Бернардито и Долорес! Важный гранд ненавидел и боялся отца этих молодых людей, хотя не раз пытался навязать ему свою лживую дружбу...

— Дядя Тобби! — раздался из темноты голосок мальчика.— Расскажи, почему дон Сальватор боялся отца Бернардито? Ты ведь никогда не говорил мне про это!

— Нелегко тебе будет понять эту причину, маленький Ли, да уж попробую растолковать как умею...

Трудными были те годы для народа Испании... Когда отец Бернардито был еще молод, умер жестокий старый король. Звали его Карл Второй, и был он угрюм, зол, невежествен и ребячлив: любимым его занятием была игра в бирюльки! И когда закрылись навсегда его завистливые очи, в стране начался раздор: на испанский престол оказалось сразу два претендента, потому что старый король не оставил наследника. Между обоими претендентами завязалась жестокая война. Один из них был француз герцог Филипп Анжуйский, а другой — проклятый немец Карл из семьи австрийских Габсбургов. Войну эту так и называли — войной за испанское наследство. За Филиппа стояли французы, за Карла — англичане и голландцы. А честным испанцам, по совести, не нравился ни тот, ни другой...

Иноземцы наводнили и без того нищую, разоренную страну. Военное счастье клонилось то в одну, то в другую сторону. То войска Карла захватывали Мадрид и Филиппу приходилось отступать, то одолевал Филипп и туго приходилось Карлу. Участвовал в этой войне и отец Бернардито, который командовал ротой испанской пехоты, воевавшей за Филиппа Анжуйского: испанские вельможи говорили, что Карл Второй завещал свой престол ему. Но как только этот «законный» претендент занял провинцию Арагон, он сразу лишил ее народ старинных вольностей. Отец Бернардито услышал об этом с большим негодованием. Когда же новый король заявил, что «Пиренеев больше нет», и подчинил страну иноземцам-французам, отец Бернардито подал в отставку и отказался от королевского жалованья... Ты не спишь еще, мальчик?

— Да нет, дядя Тобби, конечно, нет!

— Так вот, перед своим уходом в отставку отец Бернардито служил в полку дона Сальватора. Этот сиятельный гранд значился командиром полка, но военные дела он доверял другим, сам же занимался иными вещами... Однажды ночью, когда войска Карла снова перешли в наступление и королю Филиппу грозил разгром, дон Сальватор послал секретного гонца в лагерь противника. Он нагнал гонца дона Сальватора и захватил секретный пакет с предложением предательства...

— Дядя, что же ты замолчал? Предателя, наверно, хорошенько наказали, да?

Рассказчик вздохнул и ответил не сразу:

— Видишь ли, мой Чарли, к этому времени отец Бернардито уже хорошо понял, что бедному человеку решительно все равно, кто из двух королей будет сидеть на троне, тем более что иноземцами были они оба. Филипп, под чьими знаменами сражался отец Бернардито, уже успел показать в Арагоне, как он считается с испанскими вольностями... Но, конечно, как человек честный, отец Бернардито возмутился тайной изменой. Он понес письмо в штаб, потребовал созвать всех офицеров полка и устроить над командиром-изменником скорый военный суд чести. Однако дон Сальватор был начеку и успел принять свои меры. Действовал он, конечно, не один, и его продажные сообщники по тайному сговору напали на честного идальго. Кое-как отец Бернардито отбился от них, был тяжело ранен, с трудом спасся с помощью верного солдата и даже сохранил при себе опасное письмо. Еле живым он добрался до дому и здесь надолго слег в постель от тяжких ран.

Когда он поправился, то узнал, что война кончилась, а дон Сальватор Морильо дель Портес уже вошел в милость к новому королю, Филиппу Пятому, тому самому, кому гранд столь коварно изменил было в тяжелую для короля минуту! Отец Бернардито был беден, разбит болезнью и глубоко разочарован в новом монархе. Он получил известие, что отставка его принята, и с равнодушием отнесся к слухам о придворных успехах своего вероломного командира; понимая, что попытка позднего разоблачения не сулит уже никакого успеха, он отказался от нее, но отклонял и поползновения дона Сальватора к примирению. Дон Сальватор

же без труда убедил короля, будто честный идальго — человек опасных, мятежных мыслей и бросил службу из ненависти к королю-иноземцу.

Так минуло много лет. Родились и выросли Бернардито и Долорес, и пришло время их отцу умирать. Сам синьор Бернардито был в эту весну на корабле дона Рамона, в морском походе. Старик скончался на руках у жены и дочери. Перед кончиной он исповедовался в грехах и просил бога отпустить ему давнее прегрешение — что изменник дон Сальватор остался не разоблаченным перед народом и властями. При этом умирающий признался, что пакет затерялся где-то в доме...

Не берусь судить, откуда дону Сальватору стала известна тайна этой исповеди, но, вероятно, узнал он ее очень скоро. Полагаю, что монах-исповедник заработал на своей откровенности с доном Сальватором много больше, нежели получил от семьи Бернардито за свершение требы.

Так вот примерно через месяц после похорон отца Бернардито возвратился из плавания с доном Рамоном. Уже в Барселоне до него дошла весть о смерти отца, и он с грустью приближался к осиротевшему дому.

В самый день возвращения Бернардито старый синьор Сальватор Морильо дель Портес впервые почтил своим посещением скромный дом в предместье городка, где жила донья Эстрелла с обоими детьми. Домочадцы покойного синьора Луиса эль Горра занимали три крайние комнаты и уцелевшую угловую башню этого почтенного «замка», предоставив все его остальные помещения паукам и сквозному ветру. В трех жилых комнатах топился один камин, потому что дров всегда не хватало, а что касается яств и лакомств, то наша нынешняя трапеза показалась бы там праздничной.

Синьор Сальватор прибыл с визитом в раззолоченной карете и, конечно, быстро увидел всю эту горькую нужду. Цель своего приезда он объяснил желанием выразить сочувствие осиротевшей семье старого однополчанина, а главное, быть представленным очаровательной синьорите Долорес.

Мать застала дочку за чтением нежного, очень скромного послания дона Рамона; она поправила наряд синьориты, накинула на нее черную мантилью и мимоходом намекнула, чтобы в беседе с грандом она... про себя помнила об исповеди отца!

Юная Долорес предстала перед грандом, как май-

ский цветок перед старым мохнатым шмелем. Этот шмель прожужжал девушке все уши комплиментами и с каждой минутой становился все более ласковым и благодушным. Синьорита Долорес скромно улыбалась похвалам, учтиво беседовала с грандом, но после ухода из гостиной поспешила поскорее забыть об этом посещении, так как у нее имелось куда более интересное занятие — чтение нового письма от дона Рамона.

Оставшись наедине с доньей Эстреллой, дон Сальватор посетовал на свое вдовство и не отказался от глотка кислого домашнего вина. В своем показном расположении к хозяйке дома важный гость снизошел даже до того, что скушал майский персик из нашего запущенного садика...

— Дядя Тобби! — прервал рассказчика мальчик.— Что ты сказал сейчас? Как так — «из нашего садика»?..

— Разве я сказал «из нашего»? Ты, верно, ослышался, мальчик! Нет, это был персик из старого садика родителей Бернардито... Так вот, скушав этот персик, дон Сальватор стал в торжественную позу и изволил оказать неслыханную честь семье своего бывшего офицера: он... предложил руку и сердце сестре Бернардито!

— Он хотел жениться на ней?

— Да, мой Ли. По крайней мере он это предложил. Тогда старая синьора вновь послала за дочкой и предложила гранду высказать эти слова самой девушке. Это очень не понравилось гранду, ибо за своих детей он привык решать такие вопросы сам. Когда же он повторил предложение уже в присутствии синьориты, та посмотрела в глаза матери, перевела взгляд на свою ладанку... и ответила гранду учтивым, но весьма решительным отказом, после чего донья Эстрелла вздохнула с видимым облегчением.

Взбешенный гранд, еле сдерживая злобу и раздражение, все же задал синьорите вопрос, почему же она не желает составить счастье своей собственной, а также его жизни.

И тогда синьорита не удержалась от опасного соблазна. С самой очаровательной улыбкой она уязвила гранда намеком: дескать, она не убеждена в постоянстве лучших чувств дона Сальватора, ибо далекое прошлое дает все основания подвергать его верность сомнению!

Невозможно было нанести гранду более чувствительный удар! Он понял, что духовник не схитрил с ним и что опасность не похоронена вместе со старым одно-

полчанином. Все это привело гранда в неописуемую злобу. Он удалился, высоко вскинув подбородок с редкой колючей эспаньолкой, а в ту же ночь... Долорес исчезла из дому!

Похищение совершилось так тихо, что в доме никто даже не проснулся. Еще с вечера синьорита удалилась из своей светелки, где жила вместе с нянькой, в пустую угловую башенку. Там она тихонько уселась со свечкой, пером и бумагой за сочинение ответного письма дону Рамону, и оттуда она исчезла, похищенная людьми дона Сальватора через пустые комнаты дома.

Разбуженный уже под утро этой страшной новостью, Бернардито оседлал старую хромую лошадь своего родителя и затрусил в сторону Барселоны в надежде застать корвет еще в порту и оповестить о случившемся дона Рамона, жениха похищенной девушки.

Вечером Бернардито появился на борту корабля, но узнал, что синьор Рамон проводил свое время где-то на берегу. Бернардито кинулся искать своего друга по ближайшим трактирам и действительно застал его в маленьком номере портовой гостиницы. Дон Рамон уединился, чтобы дать волю своему поэтическому вдохновению: он сочинял поэму, посвященную Долорес.

Между тем синьора Эстрелла направилась к городскому коррехидору[1], чтобы тот послал своих альгвазилов[2] в замок гранда Сальватора и освободил девушку.

Но лукавый коррехидор смекнул, что с бедной доньи Эстреллы взять нечего, в то время как ссора с важным грандом лишила бы его обильных доходов, а может быть, и выгодной службы. Он притворно обещал донье Эстрелле всяческую помощь в розысках дочери, но выразил уверенность, что почтенный старик решительно не виновен. Коррехидор заявил, что девушка могла быть похищена только ее нетерпеливым женихом, доном Рамоном де Гарсия, и никем другим!

А дон Рамон, потрясенный неожиданным несчастьем, уже под утро разыскал в Барселоне одного своего состоятельного приятеля, некоего Хуанито Прентоса, занял у него десять золотых для покупки лошадей и предложил ему принять участие в розысках девушки, не подозревая, что Хуанито Прентос приходится сродни ста-

---

[1] Коррехидор — городской голова и начальник городской стражи.

[2] Альгвазилы — солдаты стражи, полиция.

рому коррехидору. Чтобы не прослыть у товарищей трусом, Хуанито скрепя сердце согласился ехать, но по дороге усиленно уговаривал своих друзей не затевать ссоры с влиятельными людьми и покончить дело миром. Вечером, на второй день после похищения, все трое прискакали в городок. О девушке по-прежнему не было ни слуху ни духу, но от ее матери молодые люди узнали, что коррехидор обвиняет в похищении дона Рамона.

Дон Рамон, как человек прямодушный и вспыльчивый, не сходя со своего усталого коня, повернул его снова к воротам, безжалостно пришпорил и вмиг домчался до дома коррехидора. Бернардито недолго думая пустился вслед за ним, а Хуанито Прентос, сославшись на крайнее изнеможение своего скакуна, остался утешать старую синьору в ее доме. В дальнейшем, когда события стали принимать все более опасный оборот, Хуанито Прентос потихоньку улизнул назад, в Барселону...

Перед воротами дома коррехидора дремал немолодой усатый альгвазил с алебардой. Рамон, отшвырнув алебардщика, прошел во внутренние покои, вытащил коррехидора из постели и выразил ему свое возмущение хорошими ударами шпаги, нанесенными плашмя по мягким частям тела.

Пока дон Рамон воздавал это возмездие клеветнику, на крик алебардщика сбежалось еще несколько солдат. Они накинулись на Бернардито, который во дворе, не покидая седла, держал в поводу лошадь своего друга. Дону Бернардито поневоле пришлось спешиться и вступить в очень крупный разговор с альгвазилами, причем двое из них, по неосторожности, напоролись на кончик шпаги, сверкавшей в руке молодого кабалеро. Остальные уже начали теснить его, когда из дома выскочил Рамон. Вдвоем они так исправно исполнили роль жнецов, что ни один из пяти подкошенных альгвазилов уже не поднялся с плит этого двора.

Вскочив на коней, Рамон и Бернардито пустились прямо к замку дона Сальватора, расположенному в шести милях от города. Их лошади сильно утомились, и всадники приблизились к длинной ограде замка уже под утро. Рассвет чуть занимался, но они все же различили, как в самой дальней части стены открылась небольшая потайная дверца и два человека вынесли какой-то длинный белый сверток. Озираясь, они подошли

к быстрой горной речке, бросили сверток в воду и, не задерживаясь, пустились назад, к ограде.

Всадники переждали в прибрежных кустах, пока служители замка не скрылись за садовой дверкой. Спрятав коней, друзья спустились на дно ущелья, где среди развороченных камней пенился бурный поток. Долго они ходили по берегу, всматриваясь в быструю черную воду, и наконец на четверть мили ниже замка увидели в волнах, у каменистой косы, что-то белое, зацепившееся за куст. Войдя по пояс в воду, друзья вытащили тяжелый мешок на берег, распороли его и увидели... мертвую, задушенную Долорес.

Друзья молча укрыли плащами свою ужасную находку, подняли ее и выбрались на тропу. Они привязали завернутое тело несчастной девушки к лошади Рамона и решили ехать с этой роковой кладью прямо в Мадрид, в столицу, чтобы разоблачить злодея перед королем и потребовать лютой казни предателя и убийцы.

Уже совсем рассвело, когда оба кабалеро тронулись в путь. В этот миг из-за ближайшего утеса вылетел конный отряд альгвазилов и слуг дона Сальватора во главе с самим грандом.

Обоих друзей тотчас же схватили и связали, составили на месте полицейский протокол и повезли в тюрьму вместе с их недвижной ношей. Уже на городской окраине Бернардито, смекнувший, какая участь им готовится, потихоньку освободил руки от пут. Осторожно восстановив кровообращение, он внезапно выпрямился в седле, сорвал с себя остатки веревки и, выхватив полицейскую саблю у ближайшего стражника, повернул коня и врубился в самую гущу отряда. Он уже выбил из седла двух конников и схватил под уздцы лошадь, к которой накрепко был привязан Рамон, но чей-то пистолетный выстрел грянул в упор, и конь дона Рамона грохнулся оземь вместе с привязанным всадником.

В тот же миг дон Сальватор подскакал к Бернардито и выстрелил в него из пистолета. Пуля попала в саблю, и осколок угодил прямо в левый глаз Бернардито. Полуослепленный и залитый кровью, он все же дернул коня в сторону и помчался по извилистым улицам городской окраины. Близ домика с чьим-то винным погребком он бросил коня и плашмя ударил его саблей по крупу, так что животное понеслось дальше, а сам Бернардито, уже окончательно обессиленный, вбежал во двор и укрылся в темном погребе. Пресле-

дователи проскакали мимо, но вскоре увидели коня без наездника и повернули обратно, заглядывая во все двери и чердаки домов.

Хозяин погребка наблюдал всю сцену из окна и, едва лишь Бернардито укрылся между бочками, повесил на дверях погреба огромный замок, ключи от которого болтались у него на поясе.

Вскоре альгвазилы въехали и во двор к виноделу. Тот покорно позволил осмотреть двор и дом; когда же стражники добрались до подвала, хозяин побожился, что не открывал дверей со вчерашнего дня. Альгвазилы поехали дальше, а хозяин, подождав, пока смолкнет стук копыт, снял замок с дверей подвала и молча удалился в дом. Звали этого человека Пабло Вильяс, и Бернардито понял, что не перевелись еще в Испании великодушные люди.

Увидев, что спасенный не торопится покидать свое убежище, Пабло Вильяс в течение дня несколько раз входил в погреб, упорно не замечая длинного клинка, торчавшего из-за бочки; он даже нечаянно позабыл около этой бочки ломоть хлеба, кусок сыра и кувшин с водой. Бернардито обмыл свои раны, утолил голод и жажду и в сумерках выбрался из погребка. Он добрался до соседнего переулка, где знал жилище старухи-мавританки, занимавшейся ворожбой и врачеванием. Эта старуха двадцать дней скрывала кабалеро в своем домике, вылечила его раны, но левый глаз он потерял и с тех пор носил на лице черную повязку вроде этой, что ношу я.

Уже на следующий день после заключения в тюрьму дона Рамона весь городок услыхал о страшном преступлении. Люди коррехидора ловко распространили слух, что злодей Рамон де Гарсия похитил и умертвил свою бывшую невесту, синьориту Долорес эль Горра, давшую согласие стать женой гранда Сальватора, и что в этом злодеянии участвовал и брат убитой, Бернардито Луис. Оба они совершили также нападение на городского коррехидора, жестоко его избили, пытались ограбить и убили при этом пятерых подданных короля, доблестных альгвазилов, охранявших мир и покой города. Затем злодеи ночью подкрались к замку дона Сальватора и пытались подбросить труп своей несчастной жертвы под стены замка, дабы подозрение в похищении и убийстве пало на благородного гранда.

Не все жители верили этим хитросплетениям, но

никто не смел громко высказать свои истинные подозрения. Несчастная мать одна отправилась в Мадрид, дабы поведать королю всю правду и добиться наказания настоящих виновников. За время ее отсутствия суд «скорый и справедливый» приговорил обоих молодых людей к позорной публичной казни через отсечение головы и к лишению всех прав состояния. Бернардито был осужден заочно, объявлен в бегах и вне закона: каждый мог теперь убить его, как бешеную собаку.

Приговор был представлен его королевскому величеству, когда синьора Эстрелла прибыла в Мадрид. Матери Бернардито все же удалось получить аудиенцию; король повелел отсрочить исполнение приговора и послал в городок главного прокурора для вторичного расследования всего дела. Важным свидетелем в пользу обоих друзей должен был явиться их третий спутник, Хуанито Пентос.

Тогда дон Сальватор вместе с коррехидором подкупили презренного Хуанито, и тот подло подтвердил перед королевским прокурором, будто злодеяние совершено Рамоном и Бернардито. В бумаге, представленной королю, Хуанито Пентос прямо показал, что ненависть обоих кабалеро была сильнее всех других чувств, и злодеи предпочли увидеть Долорес мертвой, нежели женою своего врага.

Король после доклада прокурора утвердил приговор, и честный Рамон де Гарсия был четвертован и обезглавлен на городской площади. С балкона смотрел на казнь дон Сальватор. Рядом с ним стоял коррехидор. Последними словами дона Рамона были: «Я умираю невинным. Вон злодей!» — и он указал рукою на балкон. В толпе начался ропот, ибо народ ненавидел обоих, но палачи уже потащили дона Рамона к плахе, и через несколько минут голова казненного, вздетая на пику, поднялась над толпой. На том же помосте палачи обезглавили соломенное чучело, на котором висела дощечка с надписью: «Бернардито Луис эль Горра», а за поимку живого Бернардито король назначил награду.

Однако уничтожением опасных ему молодых людей дон Сальватор не ограничился. Он добился еще, чтобы самый дом родителей Бернардито был сожжен и разрушен до основания, а старую мать, донью Эстреллу, заключили в тюремную крепость. Полгода держали ее там заложницей, а затем, по всемилостивейшему повелению короля, донья Эстрелла была выслана из Испа-

нии. Она добралась до Венеции и там прожила много лет в доме одного вельможи, графа Паоло д'Эльяно, которого, верно, тронула ее печальная повесть. В этом доме потом и отыскал ее Бернардито... С тех пор он часто перевозил свою мать с места на место, и оставил наконец в Греции. Тут он с ней и расстался, должно быть уж навсегда...

— Ладно, дядя, лучше рассказывай дальше про самого Бернардито. Теперь он станет Одноглазым Дьяволом, правда?

— Да, сынок, тогда-то Бернардито и превратился в Одноглазого Дьявола. Слушай, как это произошло.

3

...Залечив свои раны и покидая домик мавританки, Бернардито не сбрил отросшей за месяц бороды, нацепил черную повязку, закрывшую половину лица, надел нищенское платье, подпоясался веревкой и взял в руки грубую суковатую палку. Но внутри этой палки был острый толедский клинок, а за пазухой у нищего лежал заряженный пистолет. От старой мавританки Бернардито знал все, что происходило в городе, и... вовремя поспел на городскую площадь!

Жестокую казнь дона Рамона он молча наблюдал из толпы. Никто не обратил внимания на нищего с бледным лицом и горящим единственным глазом. После казни, когда народ расходился в угрюмом молчании, Бернардито протолкался к эшафоту и смочил свой шелковый платок кровью друга, обагрившей деревянный помост. Он спрятал на груди печальное знамя, ушел в окрестные горы и отыскал укрытую среди скал пещеру. Здесь он достал из-за пазухи окровавленный платок, положил его на камень в углу и громко произнес клятву мести.

Обессиленный горем и усталостью, он повалился на голые камни, даже не подстелив под голову нищенского плаща. Тело его сотрясалось от озноба. Мысли, одна тяжелее другой, ворочались в голове, как мельничные жернова. Думал Бернардито о том, что остался он теперь совсем один на свете, без матери, без сестры и без друга, лишенный угла и крова над головой. Все отнял у него дон Сальватор, вплоть до права ходить по земле и дышать воздухом, потому что теперь всякий мог лишить его жизни и получить за это обещанную королем награду. Все прежние чувства и привязанности умерли

в нем, и только жажда мести жгла ему сердце. О боге он забыл и призывал сатану себе в помощники.

Уже наступила ночь, и, измученный всем пережитым, Бернардито закрыл глаза, но сразу же открыл их снова, потому что почувствовал, что он уже не один в пещере! Смутные тени плясали под сводом, неслышно скользя в сумраке. Вмиг припомнилась Бернардито сказка, слышанная им в детстве от старого пастуха Хозе, про разбойников, которые прятали в этих скалах награбленное, а потом в ужасе бежали от бесовского наваждения.

Все быстрей становилась пляска теней, и уже стал различать Бернардито отвратительные морды крутящихся бесов. Были они серыми, как летучие мыши, но походили и на облака грязного тумана. Мшистые стены пещеры пришли в движение. Почудилось Бернардито, что бесы, кружась, приближаются к нему, хватают за горло, сдавливают череп. Вот и дышать все труднее. Невесть откуда взявшийся красный свет заливает пещеру...

И когда рой теней заплясал еще стремительнее над телом распростертого кабалеро, пол в пещере внезапно качнулся, запах серы наполнил все ущелье, и сам сатана в красном плаще предстал перед ним, вонзив ему прямо в лицо огненный взор свой.

Властитель ада протянул руку к дальнему углу пещеры, и несчастный Бернардито увидел там, в клубах тумана, два призрака: белый сверток с телом сестры и мертвую голову на плахе...

Внезапно словно живительной прохладой повеяло в пещере. Исчез из нее страшный гость в красном плаще, пропали все видения и тени. Бернардито протер свой глаз и сел, дико озираясь вокруг. Небо уже светлело, брезжил рассвет. В пещеру врывался свежий утренний ветерок. Где-то далеко внизу звенели бубенчики овечьего стада, шумел поток на дне ущелья, и тени гор покрывали долину, где еще спал родной городок.

В углу пещеры по-прежнему лежала на камне кровавая тряпица, и горячая волна ненависти снова вскипела в душе обездоленного. Он нагнулся за платком, и при этом рука его ударилась о какую-то железку. С трудом, как тяжелобольной, выполз Бернардито из пещеры, сломал смолистую кипарисовую ветку и, запалив ее, осветил этим факелом темный угол. Ржавая кирка лежала на камне, а рядом белели черепа и кости ске-

летов. Бернардито взял кирку и отвалил камень. Черная щель открылась под ним. Бернардито расширил ее киркой и вытащил глиняный горшок, завязанный кожей; на нем были грубо намалеваны чем-то белым череп и кости.

Кавалер разбил горшок киркой и обнаружил в черепках ветхую черную тряпку; сквозь рваную ткань на пол посыпались червонцы. Бернардито доверху наполнил золотом карманы, а остаток положил в свою нищенскую суму. Здесь были монеты всех стран, но чаще попадались старинные испанские дублоны и пиастры, французские луидоры, тяжелые, очень старые ангелы британской чеканки, итальянские флорины, турецкие дукаты и голландские гульдены.

Едва успел Бернардито спрятать золото, как на горной тропе, что змеилась пониже пещеры, послышались чьи-то осторожные шаги. Тихонько выглянув, Бернардито увидел черного монаха, который, озираясь и цепляясь за кусты, лез вверх, к пещере. Тогда Бернардито быстро отбежал в дальний угол, взобрался под самый свод и притаился. Он еще не успел достать из-за пазухи пистолет, как голова монаха показалась у входа в пещеру; незнакомец зажег свечу и начал осматриваться вокруг. Увидев разбитый горшок и черную тряпку на полу, монах завыл и повалился на пол... Ты не спишь еще, маленький Ли?

— Что ты, дядя Тобби! Конечно, не сплю!

— Тебе не страшно?

— Немножко страшно, зато очень интересно!

— А ты ничего не слышал в шуме ветра за окном?

— Мне почудилось, будто кто-то стонет или воет... Но больше ничего не слышно. Говори дальше!

— Должно быть, и мне только почудилось... Ну, слушай! Монах долго лежал распростертый на земле, и у нашего Бернардито уже заныли мускулы ног от неудобной позы под сводами пещеры. Наконец монах поднялся и поднес свечу к дыре под сдвинутым камнем. Он порылся в земляной осыпи и вытащил оттуда небольшой ящичек, который Бернардито второпях не заметил. Спрятав ящичек в дорожный мешок под сутаной, монах достал из кармана полотенце, намочил его в ручейке, журчавшем неподалеку, и вернулся в пещеру. Потом он укрепил свечу возле отверстия, обмотал себе рот и нос мокрым полотенцем наподобие маски и стал ковырять киркой в глубине дыры. После недол-

гих усилий он выпрямился и стал глядеть на пламя свечи. Сначала она горела ровно, а потом огонек стал тусклым, затрещал, и вдруг сама собою свеча погасла.

Монах бросил кирку, плотнее прижал полотенце к лицу и торопливо выбрался из пещеры. Бернардито сейчас же начал спускаться. Он еще не добрался до пола, как ощутил во рту сладковатый, неприятный вкус. Голова закружилась, и стены тайника поплыли, словно они были из дыма. Он почти свалился с каменного выступа, подхватил свою палку и, теряя сознание, последним усилием ползком выбрался из пещеры на свежий воздух. Его тошнило, руки и ноги сводило судорогой, и чистый холодный воздух ущелья, как ножом, резал легкие. Бернардито кубарем покатился по крутому склону и почти замертво упал у крошечного водоема в зарослях орешника. Не успел он опомниться от падения, как увидел перед самым носом дуло пистолета. Сиплый голос произнес:

«Отдай мне адское золото, бродяга, или черти в преисподней зальют им твою жадную глотку!»

С трудом приподняв голову, Бернардито увидел монаха с оружием в руке и почувствовал, как другая рука в засаленном черном рукаве обшаривает его нагрудную суму. Монах сорвал ее с обессиленного кабалеро и вытащил из нее тряпицу окровавленного шелка.

Как ни слаб был Бернардито, но, увидев этот платок в чужих руках, он разжал стиснутые зубы и вымолвил:

«Бери золото, но отдай мне эту вещь!»

Монах с любопытством разглядывал платок.

«Это твой талисман, что ли?»

«Нет, это мое знамя, под которым я должен победить или погибнуть».

«Кровь на нем еще свежая. Уж не от вчерашней ли она казни? Кто ты такой, одноглазый бродяга?»

«Мститель»,— отвечал Бернардито.

Монах протянул ему кружку воды. Язык с трудом повиновался Бернардито, мозг был отуманен, но даже и в этом состоянии он сообразил, что будь этот монах посланцем темного царства, пригрезившегося ночью, он обходился бы без новенького пистолета с надписью: «Париж, 1742 год». Кабалеро уже догадался приписать свои ночные видения действию какого-то ядовитого газа, проникавшего в пещеру сквозь щель и трещины в полу. Смутная догадка, что хитрый монах может при-

надлежать к разбойничьей шайке, о которой рассказывал старый пастух, всплыла в мозгу Бернардито, и он пристальнее вгляделся в лицо собеседника.

«У тебя, бродяга-мститель, остался еще сатанинский металл. Ты никуда не сможешь донести его, он все равно прожжет твои карманы», — сказал монах, вновь поднимая пистолет.

В это время трое овечьих пастухов показались на тропе, и монах, не опуская пистолета, приложил палец к губам. Пастухи сели неподалеку и принялись разводить костер.

«Оставим в покое сатану и его детей. Тебе хватит того, что у тебя лежит в суме»,— прошептал Бернардито, садясь и ощупывая свои карманы, полные золота.

Незаметно он вытащил из палки отцовский клинок, отбросил им руку монаха с оружием и вцепился в ворот доминиканцу, приставив к его горлу клинок. Он увидел близко перед собою вытаращенные глаза. Испытывая суеверное почтение перед черным одеянием противника, Бернардито отпустил его и спрятал свой клинок.

Пастухи повернулись на шорох в кустах и взяли в руки здоровенные дубины. Бернардито и монах замерли на четвереньках, искоса поглядывая друг на друга. Пастухи успокоились и опять уселись у своего котелка.

«Я сильно голоден»,— пробормотал служитель церкви.

«Пойдем к этим людям»,— предложил Бернардито.

«А ты их знаешь?»

«Я здесь никого не знаю».

Однако черный спутник предпочел потерпеть с трапезой, из чего Бернардито заключил, что и он не слишком уверенно чувствует себя в этих краях. Монах пересыпал золото из сумы Бернардито в свой мешок и, взвесив его на руке, сердито пробормотал:

«Проклятый Одноглазый Дьявол! Знаешь, кого ты ограбил? Это не мое золото, а в твоих карманах осталось впятеро...»

«Если это золото черта,— хладнокровно отвечал Бернардито,— то оно попало в хорошие руки. Как тебя зовут, хитрый монах с пистолетом?»

«На больших дорогах меня когда-то звали отцом Симоном. Неоперенный ты, видно, гусь, что не слыхал обо мне и тычешь мне в горло свою детскую железку! Этим золотом ты подавишься, птенец!»

Глаз Бернардито сверкнул такой злостью, что монах попятился.

«Не слишком давно я нанизал на эту железку пятерых альгвазилов. Знай свои четки, монах, и ступай подобру-поздорову своей дорогой!»

«Сдается мне, что она у нас с тобой одна,— сказал монах примирительно.— Да простит тебя святой Доминик за то, что ты меня... гм... за то, что ты заставил меня поделиться с тобой! Но скажи, как ты пронюхал про золото Гонзаго?»

Бернардито не признался, что первый раз слышит это имя, и отвечал уклончиво. Наконец голодные нищий и монах спустились в долину.

В убогом трактире, который посещался только пастухами, погонщиками мулов и бродячим людом, оба сели за отдельный столик. По соседству с ними за кувшином вина сидели два крестьянина. Один рассказывал другому про вчерашнюю казнь. Бернардито услыхал собственное имя, повторенное несколько раз. Скрипнула дверь, два альгвазила вошли в трактир.

«Архангелы!» — проворчал один из крестьян, поднял кувшин над головой, и струйка вина полилась ему в открытый рот.

«Эй, за столиком,— закричал альгвазил,— захлопни рот! Поверни к нам лицо! Иди-ка к нам поближе!»

Альгвазилы осмотрели и даже ощупали подошедшего. И лишь после клятвенного заверения трактирщика, что перед ними находится не переодетый Бернардито, полицейские отпустили крестьянина. Затем один из альгвазилов достал бумагу и громко прочитал вслух приметы преступника Бернардито Луиса эль Горра. Под конец они объявили, что за голову живого или мертвого Бернардито королевская казна выплатит тысячу дуро.

В оглашенном документе ничего не говорилось о единственном глазе кабалеро. Значит, ранение осталось неизвестным властям. Теперь мудрено было узнать кабалеро Бернардито в одноглазом оборванце с растрепанной бородкой!

Нищий приблизился к альгвазилам, которые уже подошли к стойке и бросили бумагу на прилавок. Приложив ладонь к уху, нищий старческим голосом спросил, о чем толкует прочитанный документ.

«Уж не собираешься ли ты, старина, поохотиться за Бернардито?» — весело спросил альгвазил.

«Смотри как бы он не зашил тебя самого в белый мешок!» — смеясь, поддакнул второй.

«Налей-ка, хозяин, для пробы этого винца,— потребовал первый страж.— Да поскорее! Синьор коррехидор велел через час вернуть ему эту бумагу обратно. Он хочет послать ее в скоропечатню, чтобы завтра она была в виде афиши расклеена на всех перекрестках».

Услышав эти слова, Бернардито взял с прилавка карандаш трактирщика и незаметно написал несколько слов на отогнутом краю бумаги. Альгвазилы выпили, повторили, расплатились за вино одобрительным покряхиванием и, взяв свою бумагу, удалились с важностью.

Городской коррехидор, получив эту бумагу в собственные руки, незамедлительно обратил внимание на следующие строки в ее нижнем углу: «Синьор коррехидор! Если в тюрьме с головы моей матери упадет хоть один волос, я повешу тебя на косах твоей дочери Мигуэлы. Бернардито».

Через час, когда целый отряд альгвазилов оцепил всю рыночную площадь, нищий и монах уже пробирались горными тропами к Барселоне.

Прошло около двух недель после всех этих приключений. Поздно вечером в рыбачьем домике, затерянном среди прибрежных гор Каталонии, сидели за игрой в кости пять человек. За окнами гудел штормовой ветер...

Среди играющих выделялся человек в лиловом бархатном камзоле и берете с пером. Его левый глаз закрывала черная повязка. Трудно было определить его возраст, потому что единственный глаз его сверкал молодо, а волосы поседели. Рядом сидел пьяный монах с непокрытой головой. Его выбритую тонзуру на макушке окружали жиденькие пряди всклокоченных волос. Толстенная библия торчала у него из кармана, а на груди висело костяное распятие.

Напротив кабалеро в берете играл сын хозяина-рыбака, молодой Маттео Вельмонтес. Красная косынка, стянутая сзади узлом, охватывала его курчавые волосы и спускалась на лоб до черных густых бровей. Он был опоясан кушаком, из-за которого торчали ручки двух пистолетов и двух ножей. Человек этот слыл за самого ловкого контрабандиста на всем побережье, а отцу его, старому Христофоро, принадлежал парусный баркас «Толоса».

Облокотившись на стол изувеченной левой рукой с тремя обрубками пальцев, метал кости смуглый, как

мавр, андалузец с курчавой бородкой и могучей волосатой грудью. Звали его Антонио Карильо. Был он некогда славным тореадором, любимцем севильской арены. В злополучный для него день бешеный бык, по счету одиннадцатый из тех, что были уложены им на песок в течение одной праздничной корриды[1], распорол ему бок и изувечил левую руку. Среди зрителей находился и сам король Филипп V, громко бросивший презрительное замечание по адресу поверженного тореро. Антонио приподнялся на песке, снял с пальца перстень, которым его величество король лишь накануне изволил наградить храбреца за десятого быка, и швырнул кольцо в королевскую ложу. Перстень угодил в лицо начальнику королевской стражи, а Антонио упал на песок, зажимая руками страшную рану. Очнулся он в тюремной камере с ампутированными пальцами и наспех зашитым боком. Кроме трех ребер и стольких же пальцев, тореро навек лишился монаршей милости, а затем оказался под одним кровом с Бернардито, которого встретил на горной тропе.

Пятый игрок был невысок, белокур, с нежным, почти девическим лицом. Но этот юноша с длинными, как у ангела, ресницами гнул подкову своей женственной рукой, с двадцати шагов не давал промаха по игральной карте, а его стройные ноги в туфлях с пряжками были неутомимы, как ноги борзой собаки.

Этот молодой человек вырос в большой, дружной семье. Внезапно, в одну неделю, он лишился всего: родителей, братьев и сестер, дома и имущества. Отец его, славный капитан де Лас Падос, был отважным мореходом и вдобавок человеком ученым. На золотые пиастры, собранные у приближенных короля и предприимчивых купцов, он несколько раз снаряжал корабли и пускался в опасные плавания к неизвестным берегам вновь открытых стран и островов в южных морях. Возвращаясь из странствий, капитан усаживался за описание новых земель и составление правдивых карт. Все моряки Испании, Португалии и Франции благословляли его за этот благородный труд, но купцов не интересовали науки и ученая слава соотечественника: они требовали золота, они ждали, что капитан быстро набьет их сундуки сокровищами.

С большой удачей вернулся в Барселонскую гавань

[1] Коррида — состязание тореадоров, бой быков.

из последнего плавания потрепанный бурями корабль капитана де Лас Падоса. Мореходы открыли в Тихом океане благословенный остров, населенный веселым темнокожим народом. Туземные жрецы удивили капитана своими познаниями в математике, астрономии и искусстве врачевания. Хижины и утварь туземцев были покрыты тонкой резьбой, ткани поражали яркостью красок и красотою узоров. Несколько больших селений на острове украшали причудливые башни и храмы, уставленные золотыми фигурами диковинных зверей и птиц.

Островитяне встретили капитана и его товарищей, как друзей, а провожали, как братьев. В честь экипажа корабля был устроен праздник. Девушки убрали корабль цветами, и он тронулся в обратный путь, провожаемый приветственным хором.

Когда кредитор капитана, барселонский купец Прентос, отец презренного Хуанито, узнал о богатствах чудесного острова, он втайне снарядил три корабля, посадил на них вооруженных головорезов и предложил капитану вести эту армаду к острову. Честный капитан отказался наотрез. Он знал, чем это грозит его друзьям-островитянам: все население острова обречено на гибель, селения будут преданы сожжению, храмы — беспощадному расхищению. Он не мог стать убийцей целого народа!

И вот тогда подлый Прентос сочинил донос на благородного капитана, обвиняя его в измене королю. Капитана заключили в тюрьму и пять суток пытали, чтобы выведать путь к острову. Но капитан не выдал своей тайны и на пятую ночь умер от пыток. Дом его и имущество были конфискованы и за бесценок достались купцу Прентосу. Когда люди купца пришли в дом, три сына капитана взялись за шпаги. В короткой схватке двое из них были заколоты, лишь младшему, Алонзо, удалось бежать. Обеих дочерей капитана королевские слуги заточили в монастырь. Жена его от горя лишилась рассудка и была найдена мертвой на берегу, у самого трапа осиротевшего корабля...

— Дядя Тобби, ты, верно, забыл, что Бернардито играет в кости у рыбаков и что пятый игрок...

— Верно, мой мальчик, я совсем заговорился о добром капитане и не сказал, что пятый игрок, юноша с девичьим лицом, и был младшим сыном капитана. Звали его Алонзо де Лас Падос. Выброшенный на боль-

шую дорогу, он повстречался с отцом Симоном и теперь швырял кости, подзадоривая других игроков.

Когда очередь бросать пришла к Бернардито, он отложил кости в сторону и вгляделся через низенькое оконце в ночной мрак. За уступами береговых скал бушевало море, и пенные гребни возникали в свете луны, как вспышки белых зарниц на воде.

«Синьоры! — обратился он к играющим.— Прошу тишины! Мы вступаем в суровое братство по оружию. Перед нами еще долгие часы ожидания, потому что баркас Христофоро вряд ли вышел в такую бурю с Минорки[1]. Прекратим игру и скрепим наш союз. Мы еще мало знаем друг друга, между тем наше братство должно быть вечным. За отступничество — смерть! Есть еще время для слабодушных уйти отсюда с миром, пока не сказано последнее слово».

Игроки бросили кости. Бернардито был по годам самым младшим из них, но голова его успела поседеть от пережитого, и какая-то внутренняя сила подчиняла ему всех этих людей, столь не похожих один на другого.

Бернардито развернул свое печальное знамя, уколол себе руку кинжалом и кровью написал на чистом пергаменте слова клятвы. Затем он позвал Маттео Вельмонтеса. Коротко рассказав о своей беспокойной жизни контрабандиста и моряка, Маттео, с общего согласия, тоже закрепил кровью на пергаменте принадлежность к новому братству. За ним это сделали Антонио Карильо, Алонзо де Лас Падос, и, наконец, очередь расписаться дошла до отца Симона.

«Объясни братьям, кто ты и чье золото попало в наши руки»,— приказал Бернардито.

«Друзья,— сказал монах,— священный сан запрещает мне клясться в чем-либо, кроме как в верности истинной церкви. Выслушайте мою историю и считайте меня и без кровавой подписи своим братом до конца моих дней. В этом я целую крест перед вами!»

Старик рассказал, что когда-то, в молодости, он любил девушку и обвенчался с нею против воли отца, человека гордого и жестокого. Отец лишил его наследства и изгнал из дому. Однажды, мчась верхом на коне по узкой горной дороге, неподалеку от родных мест,

---

[1] Минорка — остров в Балеарском архипелаге (Средиземное море).

он наскочил на встречного всадника и вышиб его из седла. В ночной темноте пострадавший выхватил шпагу, и молодой человек, спешившись, вступил в драку и убил незнакомца. Принесли факелы, и он узнал в убитом родного отца. Потрясенный своим поступком, он принял монашество под именем отца Симона. Двадцать лет провел он в посте и молитве, замаливая свой грех, усердно читая священные книги и сочинения отцов церкви. Как-то раз, вступив с неким ученым служителем святейшей инквизиции в богословский спор, он зашел так далеко, что схватил попавший под руку том сочинений блаженного Августина и одним ударом увесистой книги вышиб дух у своего оппонента. В великом смятении отец Симон бежал в леса. Во сне он увидел, что святой Петр уговорил господа отпустить грешнику его старую вину: видать, и привратник рая не больно жаловал отцов-инквизиторов!

Очень скоро отец Симон оказался у лесного костра разбойников из шайки старого Гонзаго, наводившей ужас на путешественников в горах Италии, Франции и Испании. Пристав к этой шайке, отец Симон делил с бандитами их буйную жизнь, отпуская заранее грехи и сам наверстывая упущенное за двадцать лет поста и воздержания. Длилось это, пока королевские мушкетеры Людовика XV не разгромили шайку во французских Пиренеях.

После долгих скитаний несколько уцелевших разбойников добрались с награбленным золотом до Каталонии с намерением сесть в Барселоне на корабль и отплыть в Геную. Ночь застала их на горной дороге, и они заночевали в укромной пещере среди скал. Отец Симон, приложившийся накануне к бутылке с особенным усердием, почувствовал ночью тошноту, выбрался из пещеры и целую ночь пролежал у ручейка, странно разбитый и преследуемый зловещими сновидениями. Когда рассвело, он вернулся в пещеру и застал страшную картину: его товарищи лежали мертвыми. Только один Пабло Вильяс, валявшийся у самого входа, подавал еще слабые признаки жизни.

«Пабло Вильяс? — переспросил Бернардито. — Не тот ли это Вильяс, что содержит винный погребок в моем городе?»

«Тот самый,— подтвердил отец Симон,— и он не содержал бы сейчас этого заведения, если бы я за ноги не вытащил его из пещеры и не отпоил молоком у пас-

тухов. Эти пастухи объяснили, что в пещере живет сам дьявол и душит людей, забредающих к нему в гости».

Очнувшийся Пабло в священном ужасе от всего, что ему привиделось ночью в пещере, решил махнуть рукой на золото, которое еще оставалось в сумках мертвых товарищей, и начать честную жизнь винодела. Отец Симон, сохранивший при себе мешочек дукатов, был случайно опознан на улице одним из купцов, ограбленных шайкой Гонзаго, и поспешил покинуть эти края.

Прожив пять лет в Италии, отец Симон исчерпал свой золотой запас и задумал проверить, не уцелело ли в каталонской пещере сокровище Гонзаго. Добравшись до этого опасного места, он нашел в пещере два скелета в сапогах, сгнившие сумы с золотом и ржавое оружие. В пещере стоял тяжелый запах какого-то газа.

Монах сходил в городок, принес с собою глиняный горшок и кирку, а затем, обмотав лицо мокрой тряпкой, обследовал пещеру. Он заметил, что ядовитый газ поступает сквозь щель в углу. Монах плотно забил глиной эту щель, а рядом выкопал яму. Завернув половину червонцев в черную тряпку, он всунул этот сверток в горшок, нарисовал на нем известью череп и опустил в дыру. Покончив с этим, отец Симон бросил взгляд на кости своих бывших товарищей, вздохнул и решил по-христиански предать эти бренные останки земле. Коснувшись ребер старого Гонзаго, он нащупал под остатками одежды шкатулку, окованную серебром. В ней оказалось двадцать девять сияющих алмазов, один крупнее другого. Но монах все сильнее чувствовал признаки отравления: слишком долго он пробыл в пещере. Почти теряя сознание, он поспешно бросил шкатулку в тайник, закидал яму щебнем и завалил сверху тяжелым камнем. Оставив кости разбойников, отец Симон еле выполз на свежий воздух с мешком червонцев. Этого золота оказалось достаточно для пяти лет развеселой жизни во Франции и Италии, а в июле 1742 года монах снова пустился в путь, чтобы пополнить текущий запас. Остальное было уже известно слушателям из рассказа Бернардито; все золото и драгоценности новые друзья сложили вместе и вверили охране сурового мстителя — предводителя братства...

5

Следующей ночью на баркасе старого Христофоро Вельмонтеса пятеро братьев-мстителей отплыли к турецким берегам, держа курс на Стамбул.

Неделей раньше туда же вышел из барселонской гавани тяжело нагруженный товарами корабль «Голиаф». На борту его находился сам владелец судна, купец Прентос, виновник гибели всей семьи молодого Алонзо. Старый Прентос взял с собою в это плавание и своего сына Хуанито, труса и негодяя, оклеветавшего дона Рамона и Бернардито.

Трудно пришлось братьям-разбойникам на утлом баркасе во время августовских штормов на Средиземном море! Старый Христофоро, Маттео и Бернардито были опытными моряками, но оба других члена братства только учились управлять парусами и держать курс по звездам и солнцу, так как компаса у них не было. Шесть раз штормы задерживали их в пути. Но, к счастью друзей, они еще застали судно презренного Прентоса в бухте Золотого Рога. Товары, привезенные купцом из Испании, были уже проданы, и «Голиаф» принимал на борт обратный груз. Здесь были восточные благовония и пряности, сафьян и слоновая кость, дамасские клинки, парча и шелк, турецкий табак и бочонки розового масла. Богатой выручки ждал купец от продажи этих товаров испанским грандам и монастырям, и потому стража на корабле ни днем ни ночью не спускала глаз с надежно запертых трюмов и никого не подпускала даже близко к судну.

И вот перед самым отплытием явился к месту стоянки судна важный иностранец со своей супругой. Они прибыли в богатых носилках британского посланника в Стамбуле и попросили Прентоса спуститься на набережную. Высокий господин в мундире английского офицера объяснил купцу на плохом испанском языке, что он — британский полковник в отпуске, совершающий свое свадебное путешествие. Супруга полковника — полячка, не понимавшая по-испански,— молча стояла рядом с мужем, переводя взгляд голубых очей с корабля на его владельца. Эта чета знатных иностранцев уже возвращается в Англию, но на обратном пути намерена посетить Мадрид. Поэтому от имени британского посланника полковник просил принять его на корабль вместе со слугою и французским епископом,

другом и попутчиком полковника. Полковник был уже с проседью, лишился на фландрских полях в 1714 году левого глаза и носил черную повязку, пересекавшую ему лицо.

Во время беседы сын купца, Хуанито, тоже появился на берегу. Прелестная белокурая полячка сделала умоляющее лицо и так кокетливо улыбнулась ему, что тот стал просить отца уважить просьбу важных путешественников. Полковник извлек из кармана кошелек с золотом, и размеры кошелька быстрее остальных доводов пресекли колебания осторожного купца. Золото перешло в карманы Пренгоса, а Хуанито сам вызвался проводить новых пассажиров «Голиафа» до британского посольства, чтобы помочь им перебраться на борт. Все трое уселись на подушки закрытых носилок и на плечах атлетических носильщиков отправились в загородную виллу. Купец предупредил, что судно уже выходит на рейд, поэтому пассажирам предстояло попасть на него с помощью шлюпки.

По грязным улицам Стамбула носилки прибыли наконец к небольшой вилле. В доме было пустынно, и прислуга состояла не из англичан, а из турок. Самого британского посланника не оказалось дома, но в уютном покое был сервирован завтрак с изобилием превосходных вин.

За завтраком полковник и французский епископ поинтересовались, надежно ли вооружен «Голиаф» и достаточны ли запасы пороха. Получив от Хуанито самые успокоительные заверения, полковник приказал слугам немедленно собрать небольшой багаж. Через час все общество снова уселось на подушки носилок. Хуанито оказался между полковником и его молодой женой, а епископ в лиловой шелковой рясе поместился против них. Подвыпивший сын купца рискнул нащупать в полумраке носилок ручку прелестной панны и, к своей неописуемой радости, почувствовал легкое ответное пожатие; при каждом толчке носилок ручка кокетливой панны все сильнее сжимала его пальцы.

Раскуривая трубку, полковник неожиданно заметил этот непозволительный флирт. Громовым голосом он потребовал немедленного удовлетворения, высунулся из носилок, отдал какое-то приказание носильщикам и угрюмо замолчал, поглядывая на Пренгоса своим единственным глазом и грозно поигрывая рукоятью очень длинной шпаги.

Когда они прибыли на набережную, начинало вечереть, но в порту было еще много всякого люда. Далеко на рейде виднелся «Голиаф», а у самого причала стоял баркас со старым шкипером в испанском берете и бородатым матросом, у которого на левой руке было всего два неповрежденных пальца.

Полковник крепко взял под локоть купеческого сынка, а под другую руку, к немалому изумлению Хуанито, его пребольно ухватили нежные пальцы панны. Так он был мгновенно доставлен к баркасу. Затем полковник еще раз соскочил на берег, и Хуанито услышал, как он с помощью странной языковой смеси советовал турецким носильщикам поскорее замазать британский посольский герб на дверце носилок. Последняя его фраза привела Хуанито в трепет, ибо, вручая старшему носильщику кучку золотых монет, полковник сказал ему: «Прощай старик, и не поминай лихом Одноглазого Дьявола Бернардито!»

Ужасная догадка мелькнула в уме у Хуанито, но баркас уже пенил волны Золотого Рога и часа через два пристал к голому, пустынному острову.

«Выходи!» — приказал Бернардито предателю и сам следом за ним ступил на каменистую почву.

Было уже темно, ни одного огонька не мелькало в этом безлюдном месте. Только далеко вдали небо и море чуть окрашивались отблеском огней турецкой столицы.

«Взгляни мне в лицо, Хуанито Прентос,— сказал Бернардито. — Узнаешь ли ты меня?»

Как ни вглядывался предатель в суровое лицо, он не мог узнать в нем черт бывшего кабалеро, хотя и догадывался, кто стоит перед ним.

«Помнишь ли ты казненного дона Рамона, шелудивая собака?»

Задрожав всем телом, Хуанито прошептал, что он был другом покойного синьора Рамона де Гарсия.

«Тогда повтори, клеветник, то, что ты сказал королевскому прокурору, и скажи, сколько заплатил тебе дон Сальватор за иудину службу».

Сын купца повалился в ноги мстителям.

«Синьор Бернардито! — взмолился он.— Меня силой принудили подписать бумагу».

«Ты лжешь, трусливый пес! Отвечай, сколько тебе было уплачено?»

«Тысяча золотых дуро, синьоры, всего одна тысяча!»

«Братья,— обратился Бернардито к своим спутникам,— чего заслуживает этот иуда?»

«Смерти!» — сказал переодетый женщиной Алонзо.

Остальные кивнули молча.

«Так умри же, смердящий пес, на этом острове псов! Знаешь ли ты это место?»

Хуанито узнал наконец бесплодный и безлюдный остров: уже давно до ушей его доносился хриплый лай и вой, а теперь он различал и какие-то серые тени, снующие вокруг. Ужас охватил его: значит, он приговорен к смерти на Собачьем острове, куда со всего Стамбула жители вывозят больных и старых псов, которых туркам запрещено убивать. Сюда изредка пристают лодки, полные собак, и гребцы торопятся, высадив животных, поскорее удалиться от проклятого места, где день и ночь заливаются воем одичалые псы.

Хуанито дико заорал и кинулся бежать. Бернардито поднял пистолет, и пуля пробила ногу беглецу. Потом братья сняли камзол и берет с Хуанито и оставили его одного. Когда мстители вернулись на баркас, целая стая одичалых псов, урча, уже возилась над телом предателя...

Маттео Вельмонтес был одного роста с казненным, и волосы их были схожи. Он надел камзол и берет Хуанито и лег на скамью. Друзья прикрыли его плащом. Перед рассветом баркас доставил всех на «Голиаф», и полковник с улыбкой объяснил купцу, что Хуанито неумеренно выпил вина. Друзья подняли переодетого Маттео со скамьи, поддержали его под руки, и тот, свесив голову, кое-как добрался до каюты.

«Голиаф» поднял паруса, и вскоре огни Золотого Рога остались далеко за пенистой ширью. Следом за «Голиафом», ныряя в волнах, шел баркас «Толоса». На борту его оставался только «старый шкипер» Христофоро Вельмонтес, а беспалый «матрос» уже успел превратиться в слугу полковника и следовал со своими хозяевами на корабле.

Утром, когда «Голиаф» достиг Мраморного моря, молодой Прентос позвал своего отца в каюту. Здесь уже находились полковник с супругой...

Через некоторое время купец Прентос пригласил в эту же каюту начальника корабельной стражи. В распоряжении последнего имелось два десятка солдат.

Под пристальным взором полковника купец Прентос отдал весьма слабым и странным голосом прика-

зание отомкнуть все три поместительных трюма «Голиафа». Дрожащей рукой он протянул начальнику стражи ключи и велел по исполнении поручения вернуться с десятью стражниками.

«С оружием?» — осведомился начальник стражи.

«Нет, без оружия»,— пояснил полковник.

Скоро солдаты с тяжелым топотом ввалились в каюту. Полковник сурово упрекнул офицера за поднятый шум, ибо требовались осторожность и тишина.

«Команда судна затеяла бунт, и нужно потихоньку схватить заговорщиков по одному,— пояснил он офицеру.— Ступайте в кубрик, вызывайте матросов одного за другим в трюм. Там вяжите их и кладите на пол».

Приказание было в точности исполнено. Боцман и все матросы, кроме вахтенных, оказались запертыми в кормовом трюме. Затем полковник приказал офицеру и его десятку солдат потихоньку спуститься в средний трюм, затаиться там и ожидать дальнейших приказаний. Когда солдаты заняли трюм, полковник с беспалым слугою опустили на люк тяжелую крышку и повесили на нее полупудовый замок. Наконец полковник собрал остальных солдат и, объяснив, что в носовом трюме появилась течь, велел им передвинуть ящики с грузом. Едва солдаты принялись за дело, над их головами тоже упала крышка и загремел засов. Теперь оставались только полтора десятка вахтенных, капитан и его помощник.

Полковник поднялся на мостик и передал капитану приказание купца Пренто́са немедленно спустить паруса, собрать команду на баке и вызвать помощника.

Когда и это приказание было выполнено, позади полковника, держа в каждой руке по пистолету, стали Антонио, Алонзо и Маттео. Отец Симон в это время наставлял и исповедовал купца Пренто́са. Полковник обратился к собравшимся:

«Друзья мои! Спустите шлюпку, садитесь в нее и правьте к берегу, что чуть виднеется вдали. Корабль находится во власти Одноглазого Дьявола Бернардито Луиса, и через пять минут взлетит на воздух!»

На борту все окаменели от неожиданности. Капитан и помощник не притронулись к рукоятям своих кортиков, а другого оружия у них под руками не было. Пока матросы спускали шлюпку, Бернардито вручил капитану бумагу и кошелек:

«Для вашего оправдания, синьор капитан, возьмите

этот документ. Я свидетельствую в нем, что сполна уплатил старый долг купцу Прентосу. А чтобы ваши люди не терпели нужды после высадки, поделите между ними это золото».

Затем друзья выпустили боцмана и матросов из кормового трюма и велели им побыстрее догонять первую шлюпку.

Наконец Бернардито поодиночке выпустил всех солдат и начальника стражи. Когда они собрались на корме у третьей, последней, шлюпки, Бернардито сказал им:

«Слушайте вы, охранители жадного ростовщика и подлого доносчика! Ваши бывшие хозяева погубили невинного отца и все семейство моего друга, Алонзо де Лас Падоса. Может быть, среди вас есть также люди лукавого коррехидора, которые охотились за Бернардито Луисом и любовались на казнь честного Рамона де Гарсия. Но я не хочу напрасно проливать кровь своих земляков и отпускаю вас с миром!»

В это время баркас Христофоро Вельмонтеса причалил к борту «Голиафа». Друзья обшарили корабельные трюмы, снесли на баркас самые ценные грузы, заставили Прентоса выложить все его золото и покинули корабль. Купец Прентос остался привязанным к корабельной койке, а в пороховом погребе уже тлел фитиль.

Через десяток минут, когда «Толоса», врезаясь в волны, летела на запад, расколотый взрывом «Голиаф» исчез в бурунах, и только черное облако дыма еще долго плыло над морем. А баркас с пятью мстителями, оставив позади бурный Геллеспонт, вышел в Эгейское море, миновал архипелаг и достиг в конце концов Италии, где друзья продали товары купца Прентоса.

Из Генуи Бернардито отправился в Париж, где дал своим товарищам месяц веселого отдыха. В Париже он нашел искусного ювелира и заказал ему вставной глаз, что было выполнено французским мастером с великим искусством.

Месяцев через восемь друзья на попутном корабле прибыли в Португалию и оттуда кружным путем вернулись к родному городку Бернардито. Но было их уже не пятеро, а полтора десятка добрых молодцов, примкнувших к Бернардито в Италии, Франции и Испании. Этот отряд укрылся в горах и стал готовиться к новому делу. Свершить его мстителям удалось быстро,

потому что Бернардито узнал о высылке своей матери из Испании. Убедившись, что ей не грозит больше опасность как заложнице, он повел своих друзей в новый поход мести, после которого решил покинуть испанскую землю и перейти на море... Мальчик, ты, никак, уже заснул?..

Не получив ответа, Бернардито наклонился над лицом ребенка. Разметав кудри на подушке, мальчик спал крепким детским сном.

Бернардито переступил через свернувшегося Карнеро и пошел еще раз взглянуть на животных в хлеву. Шторм бушевал, ливень хлестал по кронам деревьев. У капитана вмиг промокла одежда, и он поторопился назад в хижину. Перед тем как закрыть дверь, он прислушался, и снова ему почудился в реве бури словно отдаленный протяжный стон, подхваченный ветром.

— Неужто на острове развелись шакалы? — пробормотал островитянин и растянулся на скамье, покрытой козьей шкурой.

6

Рассвет застал островитян спящими. Мальчик первым открыл глаза и, вспомнив про недослушанный рассказ, подскочил в постели. Ему было стыдно, что он уснул; теперь не скоро дождешься конца затейливой сказки! Не зная, чем поправить беду, он принялся колоть лучину и стуком разбудил Бернардито. Взглянув на растерянное лицо мальчика, старший понял все, поймал его за курточку и прижал к себе.

— Тебе не терпится знать, что было дальше? — сказал он, смеясь.— Ну, уж так и быть, доскажу свою сказку, потому что идет сильный дождь и выходить все равно нельзя. Да и немного осталось до конца. Слушай!

...Стоял солнечный май 1743 года, и как раз 29 мая исполнялась первая годовщина со дня гибели юной Долорес, сестры Бернардито.

В Барселону вернулись матросы и солдаты, отпущенные Одноглазым Дьяволом с «Голиафа», и сердце трусоватого коррехидора наполнилось страхом. А напуганный рассказами спасенных с «Голиафа» дон Сальватор Морильо дель Портес принял такие меры к охране своего замка, что тот стал походить на осажденную крепость.

Накануне роковой годовщины, поздним вечером, дон Сальватор сидел в кабинете за шахматной партией со своим сыном Родриго, когда в дверях появился дворецкий. Он доложил, что какой-то всадник нетерпеливо стучится в ворота замка, что он назвался королевским гонцом и привез срочный пакет от его величества.

Дон Сальватор приказал впустить гонца. Хозяин увидел перед собою высокого, статного офицера в мундире королевской гвардии. У офицера были седые волосы, высокий лоб и гордая осанка. Отсалютовав дону Сальватору шпагой, он выхватил из-за манжеты маленький пакет с королевской печатью и протянул его гранду. Дон Сальватор, сломав печать, всмотрелся при свете свечей в знакомый ему небрежный почерк августейшей руки. Король написал записку собственноручно — это была необычайная милость.

Драгоценный документ гласил, что его величество этой ночью по пути в Барселону намерен остановиться в доме дона Сальватора. С поистине королевской вежливостью монарх просил у гранда гостеприимства на несколько часов. При этом его величество благоволил заранее отклонить церемониальный прием и просил выслать ему навстречу только нескольких конников для указания кратчайшей дороги в ночное время.

Дон Сальватор поцеловал рескрипт и хлопнул в ладоши. Через несколько минут весь громадный замок являл собою зрелище растревоженного муравейника. Захлопали двери, во всех подсвечниках появились свечи, раскрылись погреба, сундуки и шкафы. Посыльный дона Сальватора тотчас помчался за коррехидором.

— Его величество выразил надежду видеть хозяина дома, но просил не тревожить отдыха горожан, — сухо проговорил посланец короля.— Поезд его величества находится отсюда в трех часах хорошего галопа. У ворот вашего дома я дождусь конников коррехидора и сам провожу их до королевского кортежа.

Часа не прошло — и у ворот замка уже загремели подковы... Десять альгвазилов и сам синьор коррехидор на белом коне отдали салют посланцу короля. Тем временем мрачный замок дона Сальватора озарился сотнями осветительных плошек, фонарей с цветными стеклами, лампионов и маленьких китайских фонариков. Их свет отразился в струях большого фонтана, на темных купах зелени и пышных куртинах с цветами

В парковых прудах проснувшиеся лебеди поднимали головы из-под снежных крыльев, и потревоженная лебедями вода тоже искрилась огнями иллюминации. Убедившись, что иллюминация великолепна, дон Сальватор приказал пока погасить огни и зажечь их снова через два часа, а сам со своим сыном Родриго присоединился к всадникам коррехидора. Во главе с королевским посланцем вся кавалькада поскакала навстречу высокому гостю.

После полуторачасовой скачки по горным дорогам всадники различили впереди факельные огни. Шестерка белых коней легко влекла дорожный возок с королевскими лилиями на дверцах. Два офицера гарцевали впереди, два всадника скакали по бокам, и один гвардеец сопровождал возок сзади. Арьергард составляла небольшая конная свита, и, наконец, шагах в ста впереди всего кортежа двое королевских слуг освещали дорогу ярким огнем факелов, высоко поднятых на древках копий.

Гонец подскакал к карете и доложил о прибытии. Получив милостивый ответ короля, офицер объявил дону Сальватору, что его величество благодарит за радушную встречу, приглашает синьора спешиться и вместе с сыном занять место в карете.

Дон Сальватор и синьор Родриго поручили своих коней людям и с трепетом вошли в карету. Едва лишь дверца возка захлопнулась, герольд затрубил, кони рванулись и кортеж тронулся к замку.

В сумраке кареты дон Сальватор ничего не мог различить, кроме высокого плюмажа на королевской шляпе. Согнувшись, он протянул руки, чтобы принять и облобызать пальцы обожаемого монарха. Его вытянутые губы уже встретили вялую кисть короля, но монаршая рука, милостиво протянутая навстречу, внезапно обрела твердость железа и схватила гранда за бородку.

«Измена!» — прохрипел дон Сальватор, но сразу получил сильный удар по голове.

Рядом с ним, задыхаясь, бился на полу кареты его сын, которому чье-то колено уперлось в грудь.

Одновременно вся королевская свита на скаку окружила стражников коррехидора. Спутники короля обнажили шпаги, и альгвазилы мертвыми свалились с коней. Метко брошенная веревка сдавила горло самого коррехидора. Затем из кареты были вытащены связан-

ные тела синьора Сальватора и его сына. Этих пленников, так же как и коррехидора, всадники перекинули поперек своих седел и во главе с седовласым посланцем углубились в горы, к той самой пещере, где некогда повстречались Бернардито и отец Симон.

Весь же остальной «королевский кортеж» продолжал вместе с каретой свой путь по прежней дороге. Когда до замка осталось четверть мили и впереди показались его огни, кучер кареты обернулся и поджег фитиль, который вел к большой железной бочке внутри кареты; до самой пробки бочка была набита артиллерийским порохом. Проехав еще немного, кучер скатился с козел и вскочил на лошадь коррехидора. Огонек фитиля уже приближался к бочке.

А всадники во весь опор продолжали нестись к замку рядом с каретой, горяча бешеных коней упряжки. Вот уже засверкали и рассыпались в небе разноцветные огни встречного фейерверка. За подъемным мостом широко распахнулись ворота замка, и две шеренги слуг выстроились во дворе. Вытягивая шеи от любопытства, челядь замка готовилась принять коней и расстелить ковер от парадного крыльца до подножки кареты...

Не доезжая до моста, «королевская свита» подняла на дыбы своих коней и резко повернула назад, а лошади упряжки с непостижимой быстротой перелетели мост, промчались под каменной аркой и, не сбавляя хода, понеслись по двору. Обе шеренги челядинцев разбежались в страхе.

У парадного крыльца собралась почти вся городская знать, с удивлением взиравшая на столь необычный въезд его величества. Уже стали раздаваться тревожные возгласы среди разряженной публики, как вдруг ужасающий взрыв потряс двор и стены. Обезумевшие гости в атласных одеждах, забрызганных кровью и испачканных копотью, бежали из замка, но несколько выстрелов прогремело из темноты, и бегущие заметались на мосту, теряя убитых и раненых. Над двором полыхнули языки пламени. Это всадники, подскакав к окнам замка и служб, бросили в них подожженную смоляную паклю. Вопли страха, стоны раненых, ржанье лошадей и мычанье быков в горящих стойлах — все слилось в дикую музыку, а поднявшееся пламя затмило блеск догоравшего фейерверка и иллюминации.

Весь город проснулся, и жители его бежали на ближайшие холмы, чтобы взглянуть на самый большой пожар, когда-то ими виденный. Сначала думали, что замок загорелся от иллюминации, но вдруг в памяти людей всплыло, что ровно в этот день и час год назад погибла сестра Бернардито. Едва кто-то напомнил об этом событии, общий глас сразу произнес имя мстителя, и горожане в страхе побежали к своим домам и сундукам, предоставив замку догорать в предрассветной темноте.

А сам Бернардито с четырьмя братьями пробирался знакомой тропою к пещере. Туда же по головокружительным кручам группами и в одиночку спешили остальные разбойники, покончившие с замком.

Трусливый коррехидор возопил о пощаде. Он в слезах напомнил Бернардито, что мать кабалеро ни в чем не терпела нужды во время ее заключения.

«За это я не повешу тебя, а отрублю голову,— сказал Бернардито.

И синьор коррехидор в ту же минуту был обезглавлен.

Бернардито подошел к помертвевшему дону Сальватору и сказал так, чтобы его слышали все товарищи:

«Изменник и предатель Испании, торгаш испанскими вольностями, слуга чужеземцев-насильников, грабитель соотечественников, убийца Долорес и Рамона, от имени нашего братства мстителей я приговариваю тебя к смерти!»

И тогда друзья Бернардито бросили дона Сальватора и его сына Родриго в отравленную пещеру. Лаз в эту пещеру разбойники замуровали, завалили обломками скал. Верно, страшны были видения, терзавшие жестокого гранда, пока сердце его не разорвалось и отравленная кровь не свернулась в жилах!

Так молодой Бернардито, которому было тогда всего двадцать лет от роду, победил своих могущественных врагов и утолил жажду мщения, сжигавшую его сердце. Под высокой скалой он похоронил свое кровавое знамя и велел высечь на скале такие слова:

«Здесь покоятся останки благородного синьора Рамона де Гарсия, погибшего безвинно и отмщенного другом своим Бернардито Луисом эль Горра».

А на следующую ночь Бернардито оделся крестьянином и приехал на муле в свой родной городок. Он

разыскал погребок Пабло Вильяса и постучал в запертое окно. Недовольный и заспанный хозяин, открыв дверь, очень удивился при виде неизвестного крестьянина, который молча сунул в руку виноделу небольшой сверток и сразу же удалился. В свертке оказался чудесный алмаз в золотой оправе и мешочек с дукатами, а вложенная записка гласила: «От спасенного тобою Бернардито».

Старухи мавританки уже не было в живых, поэтому прямо от домика винодела предводитель братства вернулся в горы.

— Дядя Тобби, а что стало с ним потом?

— Потом? Он собрал своих братьев и сказал им, что сполна уплатил по счету обидчикам, гонителям и немногочисленным благодетелям. Он сказал также, что теперь братья вольны избрать себе другого предводителя, ибо его — самого Бернардито — отныне ожидает иная дорога, чем простой разбой ради обогащения. Богатство не манило Одноглазого Дьявола. Сам обездоленный, гонимый, лишенный отечества, семьи и друзей, он объявил братьям, что намерен уйти в море и будет, сколько хватит у него сил и умения, помогать таким же неправедно гонимым настигать своих обидчиков и преследователей.

— А что ответили ему братья?

— Никто не подал голоса против Бернардито... Все согласились уйти вместе с ним в открытые моря, чтобы стать вольными корсарами. В то же утро все товарищи Бернардито навсегда покинули родную Испанию на «Толосе» старого Христофоро. Очень скоро им посчастливилось захватить бригантину португальских работорговцев, и... началась для Бернардито пиратская жизнь, которая тоже не принесла ему ни счастья, ни радости.

Свыше двадцати лет носился по волнам капитан Бернардито, сменил шесть кораблей и потерял до единого всех своих прежних товарищей. Давно погибли в жарких боях все члены братства мстителей, и даже стеклянный глаз капитана выбила щепка, отлетевшая при взрыве одного из кораблей. Последним умер от старости отец Симон, уснувший прямо за столом, оставив недопитым стакан подслащенного хереса...

— Скажи, дядя, а удавалось Одноглазому Дьяволу выручать из беды обиженных и гонимых людей, как он того хотел?

— Эх, сынок! Бернардито понял очень скоро, что почти весь божий свет состоит из таких людей и не корсарством нужно сражаться со злом, которое правит миром! Корсар — это все-таки разбойник, и многие из экипажа Бернардито думали больше о поживе, чем о чужой доле... Не будем пока толковать об этом! Вот спасемся с этого острова, уплатим еще один старый должок, а там... посмотрим, может быть, и наши силы еще пригодятся где-нибудь на доброе дело! Впрочем, кое-когда и корсару Бернардито случалось помогать в беде добрым людям. Немало несчастных рабов, белых и цветных, получили свободу из его рук. И некоторые стали его друзьями надолго. Был такой славный греческий матрос из Пирея, Георгий Каридас... Одноглазый спас его из рук бессовестного тунисского пирата... Была красавица Зоэ... Ее удалось вырвать у работорговцев... и она, сынок, полюбила старого Бернардито!.. Вспоминаю еще земляка Бернардито, верного человека Фернандо Диаса, спасенного от виселицы... Да трудно упомнить всех за первые два десятка лет... А потом... потом Одноглазый Дьявол, на свою беду, встретил и спас... злодея!

— Какого злодея, дядя Тобби?

— Э, сынок, это уж новая сказка! Да больно сильный идет нынче дождь, все равно придется нам сидеть с тобою взаперти. Вчера я как раз собирался рассказать тебе про Леопарда. Так вот, плыл однажды Одноглазый Дьявол на своем черном корабле. Вдруг увидел он на берегу высокую скалу...

Сильный порыв ветра распахнул дверь, и Остроухий попятился от ворвавшегося в хижину вихря с дождем. Уши собаки навострились, и шерсть поднялась дыбом на спине.

Сквозь завывание бури обитатели хижины отчетливо различили долгий, странный звон и протяжный вой, который сливался с ревом ветра. Бернардито вскочил и схватил со стены штуцер.

— Звук сигнальной трубы и... корабельного колокола! — пробормотал он.— Как же я не догадался еще ночью!..

Надев старый парусиновый плащ, он велел мальчику сидеть тихо, не зажигать огня в очаге, а сам кликнул собаку, спрятал оружие под плащом и быстро вышел в ливень и бурю.

Глава двенадцатая

В ГОЛУБОЙ ДОЛИНЕ

1

Шел 1778 год... Грозовые зарницы освободительной войны полыхали над Новым Светом. Народ в заокеанских колониях британской державы взялся за оружие, утверждая свое право на государственную независимость. Труженики-переселенцы, некогда бежавшие в Новый Свет из Европы от нищеты и притеснений, обманулись в своих ожиданиях лучшей доли: в американских колониях Англии они нашли те же суровые британские законы, жестоких губернаторов, кабальное рабство и всевозможные запреты. Истощилось терпение народа, и он восстал. Суровые фермеры, свободолюбивые ремесленники и рабочие, мелкие торговцы-горожане, охотники-трапперы, чернокожие рабы виргинских плантаторов и свободные негры северных колоний штурмовали британские форты, топили вооруженные королевские суда, отбивали города у британских губернаторов. Обильный лесом, озерами и степями материк, берега которого всего за три века до этой войны увидел с борта своей каравеллы дерзкий генуэзец Колумб, окутался пороховым дымом сражений.

Его величеству королю Георгу III требовалось много солдат для усмирения повстанцев. Регулярных полков не хватало, и Англия покупала на свои тяжеловесные фунты и гинеи пушечное мясо в германских княжествах. Тысячи молодых немцев из Гессена, Саксонии и Вюртемберга, оставив плуги и ремесленные инструменты, со вздохом напяливали на себя английские мундиры. Проданные своими курфюрстами и герцогами, эти немцы-волонтеры наполняли трюмы английских кораблей и находили за океаном скорую смерть от метких пуль повстанцев... Искали британские генералы союзников и среди индейских племен Америки. И разгоралась под Бостоном и на Потомаке, под Филадельфией и на реке Делавер ожесточенная борьба не на жизнь, а на смерть.

С побережья Атлантического океана, с территории уже обжитых старых штатов Новой Англии, пламя войны перекинулось и на запад, в глубь материка, за Аппалачские горы, туда, где редкие фактории и поселки

белых терялись среди девственных лесов и где, по королевскому закону, земли принадлежали короне и колонистам вообще запрещалось селиться. Правда, запрет этот уже нарушали смелые скваттеры — так называли в Америке тех поселенцев, кто самовольно захватывал участок свободной земли.

И богатыми же были эти девственные земли за Аппалачами! Широколиственные дубравы и хвойные леса, обильные дичью и пушным зверем; полноводные реки, где рыба ловилась не пудами — тоннами; заливные травянистые луга и моховые болота — царство лосей и оленей; а в низовьях реки Огайо и по ту сторону Миссисипи — необозримый океан прерий со стадами бизонов!

Эта прекрасная земля веками кормила древних своих хозяев — индейцев. Индейские племена алгонкинов, ирокезов и сиу дружелюбно встретили белых пришельцев — сначала французов и испанцев, а потом английских торговцев пушниной.

Дети лесов и вольных степей, индейцы доверчиво помогли появившимся здесь из Канады французам исследовать страну. Они привели французов к Отцу Вод — к великой реке Миссисипи — и раскрыли перед их глазами все сокровища своей родины. Они научили пришельцев выращивать новый злак — маис, более двадцати видов которого сеяли индейцы-ирокезы на своих небольших пашнях, отвоеванных у вековых лесов. Много охотничьих тайн поведали индейцы бледнолицым братьям, поясняя, как следует разумно и бережливо охотиться, не истощая запасов дичи.

Белые люди много узнали, они сохранили индейские названия рек и долин, озер и горных хребтов, но стали беспощадно истреблять в этих угодьях... самих хозяев! То кровавым разбоем и насилием, то гнусным обманом они отнимали у доверчивых и честных индейцев огромные территории. Англичанин Уильям Пенн «приобрел» у индейцев всю территорию штата Пенсильвания за несколько десятков долларов, вполне успокоив этой «сделкой» свою квакерскую совесть. А голландский купчина Минюйт «купил» весь остров Манхэттен, заплатив индейцам товарами стоимостью в... двадцать четыре доллара! За эту цену он получил сорок две тысячи акров земли, той самой, где потом раскинулся город Нью-Йорк...

Но даже и такие «сделки» были редкостью: племе-

на индейцев-алгонкинов, обитавшие на побережье Великой Соленой воды — Атлантического океана,—были к началу XVIII столетия попросту истреблены, а их остатки вытеснены за Аппалачи.

Теперь, ко времени событий этой повести, белые колонисты, продвигаясь на запад, кое-где захватывали новые индейские земли уже за Аппалачами... Торговцы пушниной спаивали индейцев ромом и, скупая за бесценок «мягкое золото», наживали сказочные барыши. За торговцами шли в леса слащавые проповедники-миссионеры, а от тех не отставали солдаты: в лесных и озерных просторах рядом с первыми пушными факториями и поселками возникали небольшие, рубленные из бревен военные форты...

...В Голубой долине, раскинувшейся в низовьях Огайо, белые поселенцы валили вековой лес. Работали они под присмотром солдат в красных мундирах. Нежный шорох листвы заглушался веселым перезвоном топоров и взвизгиванием пил. Пышные кроны подрубленных ясеней, дубов, кленов и серебристых елей со свистом рассекали воздух. По лесистым склонам фермерские лошади волокли бревна в долину Голубого потока, к берегу Серебряной реки.

Эта река несла свои чистые, поистине серебристые воды в прозрачный Уобеш, нижний приток привольного Огайо. На крутом, обрывистом берегу, при впадении Голубого потока в Серебряную реку, возникало новое, еще никогда не виданное здесь сооружение...

Гряда невысоких холмов плавно нисходила к реке и здесь, на самом берегу, как бы в последнем усилии взметнулась ввысь одиноким крутым холмом. На этом-то холме, господствующем над всей местностью, спешно возводился военный форт. С плоской вершины открывались во все стороны величавые просторы лесов. Они тянулись и к западу, где в трехстах милях отсюда несла свои воды могучая Миссисипи, за которой простирался зеленый океан прерий.

Под холмом, на берегу Голубого потока, прятались в тихой лесной зелени свежесрубленные постройки. Это были жилые дома небольшого поселка белых людей, появившихся здесь несколько лет назад.

Неподалеку от строящегося форта поселенцы, подгоняемые солдатами, разгружали речную баржу. Колеса нескольких орудий уже оставили глубокие борозды на прибрежной гальке. За амбразурами дубового частоко-

ла артиллеристы устанавливали пушечные стволы на тяжелые лафеты.

Всадник в широкополой шляпе и просторной блузе подскакал к холму, где строился форт. Вороной мустанг, лишь недавно приученный, скосил огненный глаз на английского драгунского офицера. Держа треуголку в руке, тот стоял у мостика через свежевырытый крепостной вал.

— Ваши солдаты, господин капитан,— обратился к нему всадник,— разбирают срубы недостроенных домов наших фермеров. Здесь достаточно лесу на свободных землях. Прошу вас прекратить этот произвол.

— Мои солдаты, мистер Мюррей, имеют приказ губернатора, сэра Гамильтона, за три недели достроить форт Голубой долины. Сейчас война. Я беру все, что мне нужно брать.

— Насколько я вас понял, господин капитан Бернс, вы отказываетесь уважать чужую собственность и чужой труд? Эти люди в долине — не ваши рабы!

— Я действую, как считаю нужным. Вы поселились здесь самовольно и незаконно, на землях британской короны. Поэтому, если понадобится, я прикажу не только разобрать дома для наших фортификационных блокгаузов, но и выселить из округи этих людей.

— Капитан, вы испытываете терпение наших мирных жителей. Всех фермеров поселка вы заставили прекратить полевые работы. Лошади конфискованы для ваших нужд. Солдаты бесчинствуют в поселке. Должен вам сказать со всей серьезностью: даже среди нас, нейтральных американцев, ваши действия не повышают симпатий к войскам короля!

— Мистер Мюррей, а я, в свою очередь, со всей серьезностью предостерегаю вас против подобного тона со мной. Мне неизвестно слово «американцы». Я знаю только разношерстных заокеанских колонистов. Участвуют ли они в бунте или сохраняют нейтралитет — все равно они остаются подданными короля. Бунтовщиков ждет виселица, а вам, как и любому скваттеру, я... не советую вмешиваться в распоряжения английского командования. Сержант Лино! — крикнул офицер куда-то вверх.— Что там белеет на реке?

— Какое-то судно под парусом приближается с низовьев, господин капитан,— ответил с вершины холма рыжеусый сержант наблюдатель.

— Позовите ко мне лейтенанта Шельтона,— прика-

зал комендант форта и пошел к реке, не обращая внимания на всадника.

Тот в гневе повернул коня и коротким галопом поскакал к домикам поселка. Преодолев небольшой подъем, лошадь принесла седока к двухэтажному деревянному дому. Мюррей поднялся на нижнюю веранду, оплетенную молодыми, еще нежными и тонкими побегами дикого винограда.

— Эми! — крикнул он с порога.— На реке виден парус. Едем скорее, твоя лошадь уже оседлана!

2

Два всадника шли на рысях вдоль берега навстречу судну с низовьев Серебряной реки. Рядом с вороным жеребцом Мюррея танцевал под дамским седлом длинногривый испанский конь золотистой масти. Темно-синяя амазонка всадницы развевалась на ветру. Тяжелые шелковые складки, шурша, скользили по конскому крупу.

Большой речной баркас под двумя парусами двигался вверх по реке. Уже были видны длинные весла гребцов. Кто-то приветственно махал шляпой, стоя на крыше каюты. Завидев всадников, рулевой повернул баркас к берегу. Ракушки и галька заскрежетали под днищем, и несколько пассажиров нетерпеливо спрыгнули на песок. Вслед за ними на берег были переброшены мостки.

— Привет вам, друзья мои, привет в Голубой долине! — взволнованно говорил Мюррей, протягивая руки навстречу молодому джентльмену в сюртуке с морскими пуговицами и его спутнице, хорошенькой леди в белой шали.— Дорогой Эдуард, миссис Мери, наконец-то мы дождались вас! Слава богу, теперь вы дома... Но я не вижу синьоры Эстреллы и маленького Диего. Здоровы ли они? Как перенесли этот опасный путь?

— Прекрасно, никаких происшествий...— отвечал Эдуард Уэнт.— Все в добром здравии. Синьора у себя в каюте, если можно так назвать наши каморки на баркасе... А маленький Диего ждал, ждал Голубую долину, да и уснул перед самым прибытием. Пойдемте на баркас, леди Эмили, я представлю вас синьоре Луис эль Горра.

Когда Эмили, нагнувшись, сошла по двум ступень-

кам в крошечную каюту, она увидела старую испанку с черными проницательными глазами. Старуха перекрестила вошедшую своей морщинистой рукой с двумя рядами янтарных четок вокруг запястья и подвела к скамье, покрытой старым плащом. Эмили разглядела в полусумраке каюты лицо спящего мальчика лет десяти. Оно было узким и бледным; длинные ресницы оттеняли закрытые глаза.

— Наш Диего... Диего Долорес Рамон синьорито Луис эль Горра,— шепотом произнесла старая синьора далеко не полное имя маленького испанца, сына знаменитого корсара, погребенного на далеком острове.

Вместе с Уэнтом прибыл и бывший марсовый матрос с брига «Орион», жизнерадостный и остроглазый Дик Миллс, которому в продолжение пяти лет после рейса на остров упорно вспоминались карие очи служанки леди Эмили — мадемуазель Камиллы Леблан.

На берегу Эдуард Уэнт подвел к даме в амазонке пятнадцатилетнего подростка с венушчатым кончиком носа и плутовскими глазами.

— Скажите, леди Эмили, припоминаете ли вы этого бультонца? — спросил моряк.

— О, в Англии у меня было так мало друзей, что я никак не могла бы забыть почтенного мистера Томаса Бингля! Здравствуйте, мистер Томас! Как поживает ваша мамзель Микси?

— Мамзель Микси вполне благополучна и сидит на привязи,— отвечал за мальчика Эдуард Уэнт.— Маленькая чертовка доставляет нам бездну хлопот, но она оказала неоценимую услугу при розысках синьоры Эстреллы и маленького Диего...

Пока Эмили вновь и вновь обнимала свою подругу Мери, жену Эдуарда Уэнта, и их трехлетнюю дочку, мужчины отошли в сторону.

— Вот, мистер Мюррей, как видите, доставил я к вам весь свой ковчег не только без потерь, но даже и без особых приключений... Могло быть труднее: война! Конечно, на пустынной Миссисипи ее не так чувствуешь, но опасные встречи все-таки были... Однако я и здесь вижу солдат? Вы ничего не писали мне о них.

— Недавно сюда прибыла полурота королевских драгун. Командует ими невежа и грубиян, некий капитан Бернс... Их послал военный губернатор для надзора за поселенцами и постройки укрепления. В нас, здешних пионерах, они не без основания видят врагов...

Пока пытаемся заверить их в нашем нейтралитете. Иначе нельзя: часть генерала Вашингтона слишком далеко. Сражения идут на востоке, на обжитых землях, но поговаривают, что к зиме сюда проберется отряд повстанцев.

— Вот как! А соседи у вас есть? Я имею в виду белых.

— Фактории в лесах и несколько английских фортов... Раньше они были французскими, но с шестьдесят третьего года достались англичанам. Из поселков ближе всех к нам Винсенс, на берегу реки Уобеш, чуть выше впадения в нее нашей красавицы Серебряной реки.

— Тоже английский?

— Винсенс? Теперь да, но большинство жителей там французы. Это уж не новое поселение, ему лет пятьдесят, место обжитое. Это первая большая пушная фактория в здешних краях. Там построен форт, довольно сильный. Охраняется тоже королевскими драгунами, такими же невежами, как наши. Впрочем, обо всех этих делах поговорим дома, когда отдохнете с дороги.

3

Вскоре гостеприимный дом Мюррея наполнился шумом, возгласами детей и звоном посуды. После веселого обеда хозяин поручил женщин заботам своего компаньона, французского поселенца-пионера месье Мориса Вилье, и пригласил Уэнта наверх, в кабинет.

Панель из темного дуба, занимавшая две трети стен, делала этот кабинет похожим на большую корабельную каюту. На полках стояли книги современных французских и английских авторов, пытливых умов своего блистательного и противоречивого века. Портрет Эмили и копия Сикстинской мадонны Рафаэля висели на противоположных стенах. Два охотничьих ружья перекрещивались на темно-красном индейском ковре над диваном, покрытым медвежьими шкурами.

Верхушки молодых деревьев уже успели подняться вровень с окнами этой комнаты. Ветерок колыхал занавески на окнах, широко распахнутых в сад.

— Недурно для первобытной лесной глуши! — воскликнул моряк.— Как же вам удалось создать здесь такую благодать?

— Вы знаете из наших прежних бесед, Эдуард: бессмертные идеи Руссо о создании справедливого человеческого общества на лоне вольной природы и на основе равенства людей всегда были самыми близкими моему сердцу. Я не принадлежу к бесплодным мечтателям и давно поставил себе целью осуществить эти идеи моего великого учителя. Опыт жизни среди индийских джунглей и на известном вам отдаленном острове укрепил меня в этом намерении и многому научил. Все, что вы увидите в нашем поселке,— результаты трудолюбия, взаимной помощи и общих усилий.

Сумерки сгущались. Мужчины придвинули плетеные кресла к традиционному английскому камину из желтого тесаного камня, перед которым лежала большая волчья шкура. Хозяин достал из шкафчика бутылку вина и разжег дрова в камине.

— Почему вы избрали именно эту долину, мистер Альфред, и как вы нашли ее? — спросил Уэнт.

— Долину открыли французские поселенцы из Винсенса. Я узнал о ней от моего друга Мориса Вилье, в чьем семействе мы провели четыре месяца после прибытия в Новый Орлеан. В июле 1773 года слуга Эмили, наш добрейший великан Сэмюэль Гопкинс, доставил нам из Англии документы о разводе, письмо старого Уильяма Томпсона и множество хозяйственных покупок. В конце июля мы были уже обвенчаны с Эми и сразу тронулись вверх по Миссисипи, чтобы начать новую жизнь в Голубой долине. Сам месье Вилье с женой, шведский врач-эмигрант Нильс Вальнер, несколько отличных охотников и фермеров со своими семьями — таков был состав белых участников нашей группы.

— А остальные?

— Остальные — выкупленные из рабства невольники, негры. Там, в Новом Орлеане, нам с Эми впервые пришлось наблюдать страшные картины невольничьего рынка... Началось с того, что я увидел большое объявление: «Продаются здоровые негры, недавно доставленные из Африки, переболевшие оспой; цены умеренные, женщины с детьми продаются весьма дешево! Товар можно предварительно осмотреть на борту судна «Глория»... Вы понимаете, Уэнт, это был корабль... сэра Фредрика Райленда!

— Да, работорговля стала основой благополучия «Северобританской компании»... Итак, вы, мистер Мюррей...

— ...выкупил у агентов Грелли двадцать человек и предоставил им полную свободу, к великому негодованию месье Вилье. Как человек местный, он настолько привык к сценам продажи людей, что счел наш поступок безрассудным. Эти черные люди были наивными детьми природы, запуганными и беспомощными. Они просили не оставлять их в Луизиане и умолили взять с собою. Мы заключили с ними контракт, каждому назначили жалованье и взяли гребцами на баркасы. Плыли около трех месяцев. Нет нужды описывать все трудности пути... вы сами его изведали! Глубокой осенью 1773 года мы расчистили лес на берегу и заложили наши дома в Голубой долине. Первым уроженцем поселка стал мой сын Реджинальд. Через год родилась Дженни...

Мюррей улыбнулся, протянул к огню свои руки — руки моряка, плотника и охотника. Поправив щипцами пылающие поленья, он продолжал:

— Весной 1774 года я снарядил небольшую экспедицию вверх по Огайо, перевалил через Аппалачский хребет в населенные места и выгодно продал в Бостоне партию мехов, купленную месье Вилье у индейцев сенека. Из Бостона я послал письма в Бультон, вам и старому Томпсону. Проделав за четыре месяца более двух тысяч миль на лодках и верхом, сопровождаемый проводниками-индейцами, я вернулся сюда, за Аппалачи, с целой группой новых скваттеров, недавних переселенцев из Англии, Франции и Скандинавии. Многие были... кабальными слугами и бежали сюда от жестоких хозяев...

— Кабальными слугами?.. Я... не совсем понимаю...

— Видите ли, к этому слову придется привыкнуть в Америке. Это не что иное, как белые рабы. Те, что прибыли со мною, оказались добрыми крестьянскими ребятами, в большинстве англичанами... Никто из них и не помышлял бросать родину, а вот нужда заставила! Лендлорд изгнал крестьян с клочков земли, которые они у него арендовали, «огородил» все эти земли и вместо людей пустил овец...

— Так было и в Ченсфильде, это не новость для меня.

— Так вот, лишившись земли, люди пошли по миру... Законы о бродяжничестве в Англии вы тоже знаете: плети, тюрьма, а то и веревка! Куда же деваться бедняку? В обетованную землю, в Америку! А как туда

добраться? Переезд стоит десятки фунтов стерлингов. Тут и подкарауливает беднягу вербовщик... Очень часто этим ремеслом занимаются английские судовые капитаны. Я, мол, тебя перевезу, а ты за это отработаешь в американских колониях лет семь на плантациях, руднике или в мастерской у хозяина. Выбора нет... Бедняк подписывает бумагу — и становится рабом. За побег — смерть!

— А... после семи лет?

— Человек редко их выдерживает. Ведь хозяин знает, что кабальный слуга взят на срок, ну и старается выжать из него все, что можно. Обращение с ним хуже, много хуже, чем со скотом. Тот ведь на весь век остается в хозяйстве собственностью.

— И вы рискнули выручить этих людей, Мюррей? Вы не опасались погони?

— Помогли индейцы. Тайными тропами они провели нас до Аппалачей и мимо форта Питт.

— А если бы поймали?

— Что ж, ребят я кое-как вооружил, живыми бы они не сдались. Но, как видите, все обошлось благополучно; мы добрались до этой благословенной глуши и строим теперь сообща новую жизнь.

— И негры тоже освоились на новых местах?

— Негры со своим умением подчинять себе девственную природу оказались неоценимыми помощниками и верными друзьями: они живут среди нас как свободные, равноправные фермеры. Посмотрели бы вы, как они образцово хозяйничают! Впрочем, один негритенок, у которого еще в Африке работорговцы расстреляли деда и бабку, не захотел уходить от меня — так и остался в доме. Смышленый мальчуган, но до сих пор вздрагивает даже от далекого пистолетного выстрела.

— Скажите, Мюррей, а краснокожие соседи вас не тревожат?

— Мы торгуем с ними, покупаем меха. Иногда приезжают с трубкой мира вожди соседних племен. А недавно я был приглашен племенем кайова-сиу на бизонью охоту по ту сторону Миссисипи. Пушнину мы берем у алгонкинских племен шауниев и миами. Торгуем и с ирокезами-сенека... Вооруженных стычек с индейцами у нас пока, слава богу, не было. Но все-таки нельзя забывать печальной участи жителей Винсенса во время восстания Понтиака. Индейцы взяли тогда Вин-

ренс штурмом и, как они выражаются, «украсили свои пояса скальпами бледнолицых».

— Давно ли это было?

— Лет пятнадцать назад, в шестьдесят третьем году. Тогда индейский вождь Понтиак взял все английские форты. Устоял только Детройт...

— Понтиак, вождь виандотов? Помню, в моем детстве о нем писали даже бультонские газеты. Я читал с увлечением!

— Дорогой Уэнт, о нем еще не написано правды. Только индейские сказания хранят о нем благодарную память... Это, если хотите знать, индейский Спартак! Пожалуй, с той лишь разницей, что индейцев вообще нельзя обратить в рабство — слишком сильно в них чувство собственного достоинства, любовь к свободе и гордая непреклонность... После того как англичане подписали мир с Понтиаком, а потом предательски зарезали его наемной рукой, индейцы не верят белым, и, конечно, нам тоже приходится быть начеку. Вот такова наша новая родина, дорогой Эдуард!.. А теперь, я думаю, надо пригласить сюда женщин — я хочу, чтобы Эмили тоже послушала ваш рассказ.

Через несколько минут на лестнице зашуршали юбки. Эмили и Мери вошли в кабинет, придерживая под руки престарелую испанку в кружевной мантилье. Мюррей почтительно усадил ее в кресло у камина; молодые дамы расположились на диване, целиком покрыв его шуршащими волнами муслина и кружев.

— Друзья, сейчас мы услышим рассказ об удивительных приключениях мистера Уэнта. Теперь опасности позади, и милая Мери может выслушать его уже без волнения за судьбу мужа. Я счастлив, что и синьора Луис эль Горра, мать моего лучшего друга, находится теперь с нами и мы всей нашей братской семьей в Голубой долине разделим с нею заботы о маленьком Диего... Мистер Уэнт привез также и таинственный пакет от старого Томпсона... Давайте-ка его поскорее сюда, Эдуард!

Эдуард Уэнт достал из кармана своего морского сюртука небольшой пакет и с поклоном передал его леди Эмили. Сняв со стены кинжал, она распорола красный турецкий сафьян, в который был зашит сверток. Одна синьора Эстрелла отвернулась и потупилась.

Эмили извлекла из сафьяна маленькую шкатулку кипарисового дерева, сплошь покрытую искусной ин-

крустацией. Монах-резчик афонской обители долго трудился над этим ларцом! Молодая женщина открыла шкатулку... Из-под крышки выпала записка. Все затаили дыхание.

Леди Эмили, бегло пробежав глазами написанное, протянула мужу ларец и записку.

— Читай вслух, Фред,— тихо произнесла она.— Пусть наши друзья услышат, что пишет мне Фернандо Диас!

И Мюррей громко прочел собравшимся письмо погибшего Фернандо:

«Глубокоуважаемая синьора Эмили!

По прибытии в Пирей я передал синьоре Эстрелле Луис все подробности нашей беседы в ченсфильдской роще и ваш великодушный подарок. Вероятно, вам уже известно, что, напав с вашей помощью на след завещанного синьоре Эстрелле камня, я в Бультоне отнял его у подручных пирата Джакомо Грелли, моего кровного врага, который держит и вас в своей власти, обманом присвоив себе титул и владение виконта Ченсфильда.

Между тем обстоятельства синьоры Луис, благодарение богу, изменились к лучшему. Ей неожиданно пришел на помощь бывший греческий матрос, а ныне купец, Георгий Каридас, узнавший в синьоре мать своего прежнего капитана, которому он обязан и своей свободой и нынешним благополучием. Вместе с присланным вами золотом помощь Георгия Каридаса достаточна, чтобы обеспечить синьоре покойную старость.

Получив камень, синьора Луис эль Горра решила отблагодарить вас за великодушие к семье погибшего капитана и выразить восхищение вашей одинокой мужественной борьбой с его коварным врагом. Синьора просит вас принять этот камень как дар от ее сына, капитана Бернардито. Я берусь доставить подарок в Англию.

Да хранит вас бог, прекрасная, благородная синьора!

Преданный Вам *Фернандо Диас.*

Пирей, 28 января 1773 года».

Эмили Мюррей тихо поднялась с дивана и подошла к старой испанке. Старуха, ссутулившись, глядела в огонь. Эмили порывисто опустилась на волчью шкуру у ее ног и поцеловала сморщенную руку с четками на запястье. Синьора Эстрелла перекрестила молодую женщину и поцеловала в лоб. Никто не смел нарушить тишину, только дрова чуть потрескивали в камине...

На дне кипарисового ларца, устланного черным бархатом, лежал замшевый мешочек. Мюррей открыл его, и чудесный алмаз засиял разноцветными лучами в свете камина. Молчание прервал Мюррей:

— Этот камень драгоценен и красив, но еще драгоценнее сердца, что бились в груди таких людей, как Фернандо и Бернардито! Больно думать, что в нашем несправедливом мире эти сердца не нашли иных путей, кроме бунтарства и пиратства... А теперь, Эдуард, мы готовы хоть до самого утра слушать ваш рассказ.

4

— Что ж, господа, начну с признания, что еще на острове, накануне отплытия «Ориона», я сделал небольшое открытие, которое сразу ввергло меня в недоумение. Помните, мистер Мюррей, час, когда шлюпки увозили груз, спрятанный среди скал? Осматривая песчаную косу, я наткнулся на заржавленный якорь и разобрал на его стволе полустертую надпись «Офейра». Мне стало ясно, что захваченная пиратами бригантина не погибла в сражении, а укрылась в водах острова. Кроме того, груз оказался столь велик, что он никак не мог бы уместиться на крошечном плотике, на котором якобы спасся мистер Мюррей. Я понял, что рукопись старого Мортона, отца моей Мери, искажает факты или умалчивает о какой-то важной тайне. Ведь в рукописи ни слова не было о посещении «Офейрой» острова!.. Потом другие дела отвлекли меня от этой загадки, вплоть до того дня, когда старый бультонский адвокат Уильям Томпсон раскрыл мне под величайшим секретом всю жуткую ченсфильдскую тайну...

Помню, поздно вечером я вернулся в Ченсфильд из конторы Томпсона под свежим впечатлением открывшейся мне тайны. Моя годовалая дочь спала в колыбельке рядом с постелью матери. Я заговорил с женой таким страшным шепотом, что бедняжка Мери вскочила, спот-

кнулась о колыбельку, и дитя расплакалось. Жена прижала ребенка к себе, и я опомнился.

Без обиняков я открыл ей все, что услышал от Томпсонов, не умолчав и о роли ее отца. Мери тут же начала собирать вещи и одевать ребенка. Бледная и решительная, она сказала мне, что оставляет этот дом навсегда. Утром мы переехали в гостиницу «Белый медведь», и Мери послала записку Томасу Мортону: «Отец! Передо мною и моим мужем открылась истина, искаженная в вашей постыдной рукописи. Мы навсегда покинули Ченсфильд. Прощайте. *Мери*».

Я немедленно отправился к капитану Брентлею и потребовал отставки. Тон мой был столь решительным, что я получил согласие сразу. Брентлей понял — случилось нечто серьезное, и отговаривать меня не стал. Злополучный Мортон, получив записку дочери, не посмел нас разыскивать. Мы больше его не видели, так же как и Грелли.. Семью я перевез во Францию, нанял для нее домик в окрестностях Руана, а сам верхом отправился через всю Францию в Тулон, чтобы с первым попутным судном отплыть из этого порта в Пирей. Вели меня туда, как вы, конечно, догадываетесь, самые неотложные заботы о семье капитана Бернардито.

Рассказчик замолчал и вынул из кармана пустую трубку. Когда он полез в карман за табакеркой, Мюррей остановил его и протянул красивый кожаный кисет, украшенный красным индейским узором, — подарок вождя шауниев, Горного Орла. Уэнт с интересом осмотрел шитый бисером узор и неторопливо набил трубку. Угольком из камина он зажег ее и пустил к потолку колечко душистого дыма.

— Превосходно! — заявил он. — Не хуже турецкого и покрепче! Вижу, что по части табака ваши друзья-индейцы действительно молодцы!.. Итак, господа, не стану утомлять вас подробностями, каким образом дошла до лжевиконта весть о том, что где-то в Пирее растет маленький сын капитана Бернардито Луиса. Весть эта сильно взволновала злодея, ибо в лице мальчика рос мститель, знавший от Фернандо Диаса, чьи руки обагрены в крови Бернардито Грелли услыхал об этом мальчике благодаря целой цепи случайностей: моя Мери поотровенничала с отцом, тот сразу уведомил Грелли. Самозванец посоветовался с Паттерсоном... Ну, а этот, на наше счастье, проболтался Томпсонам о мерах, какие намерен был предпринять лжевиконт... Конечно, это были

обычные меры для Грелли: он решил послать в Пирей своего доверенного Каррачиолу с заданием разыскать и уничтожить мальчика. Простите, синьора Луис, что я так открыто говорю об этих ужасных вещах. Мне об этом рассказали Томпсоны, когда я сообщил им, что намерен поискать счастья в Голубой долине. Они от души пожелали мне обрести это счастье, поручили доставить вам пакет Фернандо Диаса и посоветовали поторопиться в Пирей, если я принимаю к сердцу судьбу маленького Диего. Разыскать и доставить мальчика в Голубую долину я давно обещал вам, мистер Мюррей, еще в письмах из Англии, но мне долгое время не удавалось узнать пирейский адрес синьоры Эстреллы. Получив у Томпсонов пакет от Фернандо, я с радостью увидел этот адрес на конверте... К счастью, агентам Грелли он не был известен!

Итак, прибыв в Пирей, я прежде всего осмотрелся в порту. К большой своей тревоге, я сразу увидел знакомую корму шхуны «Удача». Но оказалось, что судно Каррачиолы лишь накануне бросило якорь в Пирее, и это несколько успокоило меня.

Я благополучно миновал стоянку шхуны, не будучи узнан с нее никем, и пошел в город, расположенный на склонах гор. Впрочем, синьора Эстрелла может гораздо лучше меня описать живописный порт древней столицы эллинов, ныне жестоко страдающей под турецким игом. Местонахождение дома купца Каридаса я выяснил еще в порту, у полицейского чиновника.

Дом купца находился далеко от гавани, по дороге в Афины. Я отправился туда уже под вечер, в наемном фаэтоне. Разумеется, по дороге я тщательно рассматривал остатки «длинных стен» и в каждом битом черепке предполагал реликвию Перикловой эпохи. Очень скоро я, однако, заметил, что от самой окраины Пирея следом за моим экипажем едет на муле какой-то маленький человек в турецкой феске. «Если это переодетый полицейский, — подумал я, — то мне нечего опасаться осложнений: турецкие власти в Греции благожелательно относятся к британским офицерам». Поэтому я и не пытался ускользнуть от моего непрошеного спутника. Каррачиола не знал о связи семьи Бернардито с купцом Каридасом, и мелькнувшую было мысль о том, что за мною следит агент Грелли, я отбросил. Однако мой возница частенько поглядывал назад на трусившего рысцою всадника на муле и заметно нервничал. Едва добрав-

шись до предместья, извозчик поглубже спрятал полученные деньги, огляделся по сторонам и галопом погнал лошадей в гору. Видимо, у него были свои взгляды насчет безопасности греческих больших дорог!

Уже в сумерках я отыскал нужный мне дом и постучал в закрытый ставень. Дом был окружен постройками, изгородями и кустами виноградника, так что человечка на муле я потерял из виду. На мой стук долго никто не отвечал. Наконец ставень приоткрылся, и какая-то старуха, толстая и растрепанная, выглянула из окна. Она быстро проговорила несколько слов, которых я не понял, и уже было закрыла окно, но я в отчаянии ухватился за ставень и просто назвал имя синьоры Эстреллы. Тогда старуха засветила свечу и поднесла ее к окну. В глубине комнаты я успел разглядеть клетку с мартышкой. Старуха, видимо, не прониклась доверием к моей особе, ибо замахала руками, произнесла что-то длинное и решительно захлопнула окно. В доме все стихло. В полной темноте я сделал несколько шагов и наткнулся на что-то теплое и мохнатое. Вздрогнув от неожиданности, я отдернул руку, но тут же расслышал глубокий вздох вместе с хрустом челюстей, пережевывавших жвачку; нетрудно было сообразить, что передо мною лежит мул моего преследователя.

Размышляя, куда же мог деваться наездник, я стоял около животного, как вдруг во дворе хлопнула дверь и послышались приглушенные голоса. В одном из них я узнал голос старухи, другой мог принадлежать только подростку. Говорили они по-гречески, причем подросток подбирал слова с трудом. Я уловил два слова из их разговора, но эти два слова — «синьора» и «Марсель» — заставили меня насторожиться.

Вскоре я расслышал в темноте шаги, и маленькая фигурка приблизилась ко мне. Подошедший пинком толкнул мула, побуждая его встать, и при этом издал мальчишеским голосом чисто англо-саксонское междометие с поминанием рук, ног и крови предков! Я сразу почувствовал в этом юноше земляка. В темноте он что-то приторачивал к седлу, вроде ящика или клетки, и после долгих усилий взобрался наконец на спину упрямого животного. Брыкаясь и фыркая, мул попытался сбросить седока. Я шагнул вперед, схватил мула под уздцы и хотел было заговорить, но в тот же миг сноп огня ослепил меня, пистолетный выстрел сбил с головы шляпу и рванувшийся мул опрокинул меня на землю. Через

мгновение его дробный топот уже слышался на дороге.

«Сегодня мне чертовски везет», — заключил я и, отыскав свою шляпу, побрел к городу. На пути мне иногда казалось, что какие-то тени то приближаются, то удаляются от меня. Болел ушиб, да и пуля, пролетевшая на люйм от лба, несколько вывела меня из душевного равновесия. Поэтому я приписал эти смутные видения своему расстроенному воображению. Только на самой окраине Пирея меня обогнали два человека в плащах.

Я достиг улицы, спускавшейся в порт с каменистого холма. Впереди, под уличным фонарем, я увидел трех подвыпивших греческих матросов.

«Не знаете ли вы, — спросил я по-французски, — отходит нынче какое-нибудь судно в Марсель?»

«Уже ушло», — отвечал один из них.

«Что же это было за судно?»

Матросы посмотрели на меня, и мой потрепанный вид вкупе с простреленной шляпой расположил их в мою пользу.

«Это калоша старого Каридаса, — пояснил мой собеседник, — с позволения сказать, шхуна. При Александре Македонском была еще совсем как новенькая. Называется «Светозарная».

«Если тебе нужно навострить лыжи, — добавил второй матрос, — то, может быть, ты еще застанешь ее в Малой бухте. Она берет там каких-то пассажиров».

Матросы объяснили, что неподалеку от большой гавани имеется еще маленькая укрытая бухта, куда заходят лишь мелкие суда.

Несмотря на сильную усталость, я зашагал в указанном мне направлении. Матросы снова меня окликнули:

«Эй, друг, в бухте ты можешь не найти шлюпки! Иди в порт и отправляйся на какой-нибудь шаланде».

Я последовал доброму совету и вскоре на неимоверно грязной греческой шаланде под рваным парусом уже огибал портовый мол древней афинской пристани. Ветер у берегов был слаб, и мы двигались медленно. Среди выступов скалистого побережья я временами различал темнеющий мыс, за которым и была бухта. Против нее, в море, стояло небольшое судно с двумя фонарями на мачтах. До него оставалось уже менее двух кабельтовых, как вдруг из-за мыса показался силуэт лодки. Два человека сидели на веслах, а на корме чер-

нели еще какие-то фигуры и узлы. Лодка держала к судну с двумя огнями. Вслед за ней из глубины темной бухты вынырнула вторая лодка. В ней сидел только один гребец, работавший веслами изо всех сил. Гребец громко окликнул первую лодку, приказывая ей остановиться.

Голос я узнал сразу. Это был Каррачиола! С передней лодки ему ничего не ответили. Она пошла еще быстрее, преодолевая последние ярды до судна. Тогда одиночный гребец бросил весла и вскинул ружье. Одновременно со звуком выстрела кто-то охнул, и передняя лодка завертелась на месте. Я видел, как преследователь опять налег на весла, а на носу его шлюпки поднялась вторая фигура с ружьем, до сих пор скрывавшаяся. Спутник Каррачиолы тоже выстрелил по беглецам. Вспышка озарила лицо датчанина Оге Иенсена. В ответ раздался пистолетный выстрел с большой лодки.

Я тоже выхватил пистолет и с расстояния в сотню футов скомандовал: «Руки вверх!» По-видимому, трехлетняя привычка слышать в темноте мой голос с мостика «Ориона» и беспрекословно подчиняться ему подействовала на обоих преследователей автоматически. Иенсен бросил ружье, а Каррачиола оставил весла.

«Лейтенант Уэнт, это вы? — крикнул итальянец изумленно. — Не стреляйте, помогите мне задержать бандитов!»

«Сам ты бандит! — вырвалось у меня. — Стой, негодяй!»

Однако Каррачиола предпочел избежать объяснений и пустился наутек. Тем временем суденышко Каридаса приняло на борт всех пассажиров с первой лодки и, поставив паруса, стало быстро удаляться от берега. Преследовать Каррачиолу было бесполезно, но и догнать шхуну Каридаса уже не было возможности...

Я сунул в карман бесполезный теперь пистолет и велел своему греку править назад, к гавани Пирея. Здесь я не дал себе ни часу отдыха, нашел более поместительную шаланду, погрузил на нее свой единственный чемодан и в полдень отплыл на нанятом суденышке в Марсель...

Рассказчик умолк... Трубка его давно погасла, и Уэнт машинально пожевал остывший мундштук. Эмили Мюррей осторожно гладила руки старой синьоры. Ни-

кто не пошевелился, не проронил ни слова. Уэнт внял этой молчаливой просьбе и вынул пустую трубку изо рта.

5

— Что ж, — продолжал рассказчик, — смею заверить вас, господа, что плавание по морю на рыболовной шаланде — занятие, не похожее на свадебное морское путешествие... Но не стану утомлять вас подробностями. После короткой стоянки у берегов Сицилии мы пересекли Тирренское море, и здесь — увы! — нас обогнала шхуна «Удача». На одиннадцатые сутки после выхода из Пирея мы пришвартовались у марсельского пирса.

Я осведомился, не стоит ли здесь «Удача», и с беспокойством узнал, что шхуна пробыла в Марселе часа два, взяла пресной воды и отбыла на запад. Справки о шхуне «Светозарная» результатов не дали — такой корабль, по сведениям портовых властей, не бросал якоря в этой оживленной гавани.

В глубоком раздумье я пошел в город, уже залитый весенним солнцем, пыльный, шумный и всегда переполненный массой праздношатающегося люда.

Проходя по базару, я увидел толпу зевак, окружившую бродячего фокусника. Что-то заставило меня подойти к этой толпе, и я увидел подростка лет тринадцати в турецкой феске и маленькую мартышку, выделывавшую действительно уморительные фокусы. Зрители гоготали и в феску мальчика полетело довольно много монет, когда, окончив представление, он обошел толпу.

Я бросил ему небольшую золотую монету, и мальчишка тотчас выхватил ее из кучки меди и серебра. Ловко прикусив монету, он опустил ее в карман и взглянул на меня. Мартышка сидела у него на плече, клетка стояла на земле, народ расходился, а мы в упор смотрели друг на друга. Я узнал своего пирейского преследователя на муле, узнал мартышку из дома Каридаса и сразу решил не упускать этого маленького человечка. Для начала я крепко схватил его за руку.

«Не вздумай-ка опять стрелять в меня из пистолета, чертенок, — шепнул я ему, — и не пробуй ускользнуть, а то я подниму на ноги полицию. Послушай, дружок, я хочу с тобой серьезно поговорить. Меня зовут лейтенант Уэнт. Не бойся меня, я не думаю тебя задерживать».

При звуке моего голоса и имени мальчишка несколько ободрился и перестал осматриваться в поисках лазейки.

«Дай мне слово, что ты не удерешь, — сказал я,— тогда мы с тобой пойдем в таверну и поговорим за столиком».

«Ладно», — примирительно ответил мой пленник, усадил обезьяну в клетку, и мы зашагали по улице.

Под тентом открытого кафе, среди свежей майской зелени, мы сели за столик.

«Как тебя зовут?» — спросил я.

«Луиджи».

«Послушай, друг мой Луиджи, называть тебя я могу хоть мартышкой, коли ты желаешь скрыть свое настоящее имя, но уж если ты намереваешься врать, то делай это умеючи. Сам я родом из Бультона».

Мальчишка побледнел и, наверно, улизнул бы, если бы я пребольно не ухватил его под столом за ногу.

«Сиди! — приказал я властно. — Дело идет о жизни и смерти близких мне людей. Скажи прямо: знаешь ли ты что-нибудь о синьоре Эстрелле Луис и маленьком Диего?»

Мальчишка хмуро уставился в тарелку и упрямо молчал. Я продолжал его уговаривать.

«Ты, наверно, думаешь, что я хочу зла этим людям? Пойми, я прибыл из Англии, чтобы спасти их от руки убийц. Один раз это удалось мне в Пирее. Скажи мне: Диего и синьора сейчас в Марселе? Я должен увезти их в Америку».

Собеседник мой боролся между чувством недоверия и желанием оказать услугу своим друзьям. У меня уже возникла догадка, что мальчик с обезьянкой, сопровождавший в Бультоне поджигателя верфи, и мой собеседник — одно лицо. Фернандо мог сообщить своему юному помощнику адрес семьи Бернардито... Я решил идти в открытую.

«Вот что, Луиджи Мартышка, или Веснушчатый Нос: я отлично знаю, кто ты такой. Ты беглец из школы мистера Чейзвика, участвовал в поджоге верфи, и зовут тебя Томас Бингль. Обезьяна выдает тебя. Коли хочешь, я могу и тебя забрать в Америку вместе с Диего. Тебе опасно оставаться в Европе, где рыщут агенты Райленда. Я помогу тебе, хотя ты чуть не застрелил меня на задворках дома Каридаса».

Сначала Том заерзал на стуле, с тоской поглядывая

по сторонам. Потом его сомнения рассеялись. Он ожесточенно воткнул вилку в жаркое, решив, что сдержанность можно приберечь для другого случая.

«Так-то лучше, — сказал я, смеясь. — Теперь веди меня скорее к друзьям, пока шхуна «Удача» не пожаловала в Марсель следом за вами».

Об остальном, господа, о нашей сердечной встрече с синьорой Эстреллой Луис позвольте не рассказывать, вы сами прекрасно представляете себе эту встречу, а я... не мастер говорить вслух о трогательных вещах... Скажу только одно, мистер Альфред Мюррей: после всего пережитого синьорой и мальчиком я хотел бы иметь уверенность, что прошлое никогда не повторится, и для этого, мистер Альфред, нельзя слишком полагаться на здешнюю глушь и отдаленность. У Грелли руки длинные, и он боится нас всех... Нужно и здесь не забывать об этом!

— Ну что вы, Эдуард! — засмеялся Альфред Мюррей. — Сюда, на край света, не дотянуться ничьим длинным рукам! Забудем, друзья, о пережитых опасностях. Мы безбожно утомили нашего рассказчика, Эмили! Пора спуститься в столовую и еще раз отпраздновать радостную встречу друзей!

6

Когда весь кружок слушателей Уэнта перекочевал вниз, в уютную столовую с верандой, была уже ночь. В окна, занавешенные кисеей, лился прохладный аромат ночи, мотыльки бились о дрожащую кисею, какие-то ночные птицы подавали из лесу свои голоса. Все общество уселось за столом.

— Теперь, Эдуард, поведайте нам о «добром старом Бультоне», — попросил Мюррей.

— И как поживает мистер Паттерсон, — добавила Эмили.

— Паттерсон? Он стал простой пешкой на шахматном столике Грелли. Пожар верфи всецело отдал его в руки Грелли, и новая бультонская верфь возродилась уже под флагом «Северобританской компании».

— А мистер Ленди, старый банкир?

— Скончался от апоплексического удара, совершенно неожиданно. Банк тоже перешел в руки лжевиконта: Грелли оказался его крупнейшим акционером. Он постепенно становится хозяином в графстве.

— Скажите, а какова судьба бедной Доротеи Ченни? Она все еще в Ченсфильде, или...

— Судьба Доротеи и ее брата Антони была жестокой. Ченсфильд они давно покинули, и я только случайно узнал об этих людях. Подробности вы услышите завтра, у Томаса Бингля. Он встретил брата и сестру Ченни в Неаполе, где их и постигла злая участь...

— Что произошло с ними, расскажите, Эдуард! Я всегда относилась хорошо к ним обоим, и все обитатели мрачного Ченсфильда любили Антони и Доротею, — взмолилась леди Эмили.

— Так вот, судьба неожиданно свела их с нашим славным мальчуганом Томасом. После поджога верфи мальчишка прибежал домой, схватил клетку с обезьяной и удрал в порт. Проскользнув на итальянскую шхуну, мальчик спрятался в трюме и был обнаружен командой только в Гавре. Мальчишка полюбился экипажу и остался юнгой на этой шхуне. Когда судно зашло в Пирей, мальчик расстался с кораблем и, памятуя просьбу Фернандо, отыскал в Пирее семью капитана Бернардито. Купец Каридас взял его юнгой на свою шхуну «Светозарная».

И вот в августе семьдесят четвертого года шхуна старого грека стояла на причале в Неаполе. Томас чистил на борту макрель к обеду, когда его окликнул с причала какой-то красивый юноша в поношенном платье. Рядом с ним стояла молодая женщина с печальными глазами.

Лицо юноши показалось Тому знакомым. Тот заговорил по-итальянски и имел неосторожность задеть морскую честь бывалого юнги вопросом вроде: «Эй, замарашка, куда хочет плыть твое корыто?»

Отстояв честь своего вымпела соленым морским ответом, юнга со «Светозарной» счел возможным вступить в мирные переговоры. Знакомство, начатое ссорой, окончилось в шумной портовой таверне. Оказалось, что имя молодого человека Антони Ченни, а спутница его — не кто иная, как Доротея. Томас Бингль вспомнил, что мельком видел обоих в Ченсфильде. Земляки напробовались различных вин и пришли в неописуемое веселье.

Доротея пыталась вмешаться, но «мужчины» не потерпели покушения на свою независимость. Они обнялись и поклялись в дружбе навек. Юнга излил свое сердце признанием о причинах бегства из пансионата, а бывший грум поведал обо всех событиях на острове и о своем уходе из дома Райленда.

Несмотря на свой нежный возраст, тринадцатилетний юнга сохранил в опьяненном состоянии все же больше осмотрительности, чем девятнадцатилетний грум. Во всяком случае, когда к их столику подошли какие-то темные личности в сапогах с отворотами, юнга пытался помочь Доротее увести пьяного Антони из таверны. Однако четверо подошедших настойчиво усадили Антони с собой, а мистера Бингля угостили изрядным пинком. В обществе этих людей Антони продолжал пить, обниматься и рыдать. Томас не помнил, как он сам выбрался из таверны, но последним его воспоминанием было, что Антони подписывал какую-то бумагу, а Доротея, ломая руки, подбегала то к хозяину таверны, то к пирующим. Перед рассветом два матроса со «Светозарной» приволокли своего юнгу на шхуну.

Томас проснулся уже за полдень. В тревоге за судьбу своего нового друга он побежал в таверну. Хозяин объяснил, что Антони завербован на французское судно, идущее в Африку. Бродя по порту, Томас увидел, что военный французский корабль «Святой Антуан» поднимает паруса на рейде. Плачущая молодая женщина, в которой Том узнал Доротею, пробовала кричать что-то вслед кораблю. Том видел, как ее грубо толкнули в шлюпку два солдата, возвращавшиеся на корабль последними. Судно приняло обоих солдат и Доротею на борт и ушло к африканским берегам...

Том рассказал Каридасу эту печальную историю и упросил его разыскать в Сорренто старуху Анжелику, мать пострадавших. Вместе с Каридасом Том навестил несчастную Анжелику Ченни, поведал ей о случившемся с ее детьми и насколько мог утешил бедную женщину.

— И больше о них, конечно, ничего не известно?— спросила Уэнта огорченная Эмили.

— Увы, миссис Эмили, известно!

— Они погибли?

— Да, погибли. И, вероятно, мучительной смертью. Узнал я об этом совсем недавно, уже во время плавания сюда, к вам. Получилось так, что для переезда через океан мне пришлось принять командование французским барком «Перпиньян». По условиям договора, я должен был сначала совершить рейс к берегам Южной Африки, затем в Бразилию. И вот во время этого рейса неподалеку от острова Святого Фомы, у западного побережья Африки, мы повстречали французское воен-

ное судно «Святой Антуан». Капитан его рассказал мне, что более года назад корабль доставил к устью Заиры[1] небольшой французский работорговый отряд, состоявший из завербованных бродяг. Высадившись среди первобытных дебрей Экваториальной Африки для ловли негров, отряд стал вскоре редеть из-за тяжелого климата и болезней. Углубившись в леса негритянского государства Конго, французы подверглись смелому нападению туземных племен и были почти поголовно истреблены. Всего несколько человек бежали с побережья на плоту и вернулись на борт «Святого Антуана», продолжавшего крейсировать в западных африканских водах. Я спросил капитана, не помнит ли он среди солдат молодого итальянца Антонио Ченни. Капитан рассказал, что Антони сделался санитаром, а Доротея, его сестра, исполняла обязанности госпитальной сиделки. В числе спасшихся на плоту не было ни Антони, ни Доротеи; они попали в плен к неграм племени баконго и, вероятно, погибли.

Вся эта экспедиция в Экваториальную Африку была безрассудной затеей какого-то французского маркиза, задумавшего этим работорговым рейсом поправить свои дела. Экспедицию поддержали и военные власти, предоставив в ее распоряжение старый корабль, нескольких офицеров-авантюристов и ловкого вербовщика, некоего разжалованного капитана Шарля Леглуа; этот субъект быстро «навербовал» для экспедиции «добровольческий отряд», то есть поймал в свои грязные сети несколько десятков таких же простаков, как наш бедный Антони... Теперь вы знаете все мои новости, господа... Скажите, Фред, давно ли вы получили мое письмо с известием о нашем выезде к вам?

— Его доставили несколько месяцев назад из Винсенса, с оказией, — отвечал Мюррей. — Вчера утром оттуда же лесными тропами пробрался к нам всадник и сообщил о приближении вашего баркаса... Леди и джентльмены, поблагодарим же теперь нашего измученного рассказчика. И позвольте проводить вас в ваши комнаты, дорогие Мери и Эдуард.

Этой ночью в угловом окне блокгауза в английском форте Голубой долины долго горел свет. Капитан Бернс

---

[1] Заира — принятое у европейцев в XVIII веке название реки Конго.

что-то писал на листке почтовой бумаги. Потом он вызвал двух солдат и вручил им запечатанный пакет.

— Даю вам два месяца сроку, чтобы сдать пакет в форт Питт на Огайо, и вернуться сюда с распиской,— сказал он солдатам. — Отправляйтесь завтра же на рассвете. Письмо должно попасть к адресату в Англию не позднее чем через три месяца.

На пакете было написано: «Англия, Бультон, Ченсфильд, сэру Фредрику Райленду в собственные руки».

Глава тринадцатая

СЕМЕНА НЕБЕСНОЙ БЛАГОДАТИ

1

Библиотека графа Паоло д'Эльяно занимала весь верхний, третий, этаж большого дома с резными башенками, известного в Венеции под названием «Мраморное палаццо». Двести тысяч томов, великолепный рукописный фонд, более двух десятков «инкунабул» — редчайших первопечатных книг, — собрание эмалей и миниатюр, наконец, уникальная коллекция старинных монет, медалей и гербов заполняли шесть верхних залов дворца. Средний, самый просторный и светлый из этих покоев, служил главным залом библиотеки.

Сокровищами графской библиотеки ведал его преподобие отец Фульвио ди Граччиолани, духовник графа Паоло, священник его домашней церкви и вместе с тем распорядитель книжными, рукописными и художественными собраниями Мраморного палаццо.

На послепасхальной неделе 1778 года патер Фульвио, статный надменный мужчина лет пятидесяти, в черной шелковой сутане и с ореолом серебряных кудрей вокруг тонзуры, стоял у окна главного библиотечного зала. Он старался рассмотреть человека в докторской шапочке, только что покинувшего гондолу у подъезда палаццо. Прибывший скрылся под аркой подъезда, и отец Фульвио потерял его из виду.

Патер в раздумье постоял у окна и вернулся к своему любимому угловому столу. Раскрыв редчайшую

«Историю деяний ордена Иисуса», написанную безымянным последователем Игнатия Лойолы, патер углубился в жизнеописание основателя и «первого генерала» ордена иезуитов.

Далеко в прошлое увело патера сочинение безымянного автора — к началу XVI века, того бурного века, когда корабли испанских и португальских конквистадоров несли крест и меч, рабство и смерть жителям неведомых доселе заокеанских земель. Рекой полилась тогда кровь мексиканских ацтеков, перуанских инков, туземцев Кубы и Гвианы, Суматры и Явы. Кровь эта быстро превращалась в золото. Как морской прибой, прихлынул к старым гаваням Европы этот золотой поток, наполняя купеческие сундуки и превращая их владельцев в более могущественных властелинов, чем были феодальные князья и герцоги. Купечество, богатея, уже посматривало косо на носителей старых феодальных прав. Под обветшалыми тронами почва становилась все более зыбкой... Пошатнулся и авторитет крупнейшего феодала — католической церкви.

Именно церковь сама снаряжала первые корабли этих разбойничьих экспедиций, сама напутствовала и оснащала дружины конквистадоров. Золото текло и к ней из-за моря, но... оттуда же, из-за вновь открытых океанских далей, повеяли опасные свежие ветры!

Мир стал шире. Горизонты его раздвинулись. Свежие ветры развеяли в океанских волнах след каравелл Магеллана, а вместе с тем они развеивали и старые предрассудки, созданные церковью в умах человеческих.

У доброй паствы Христовой стали меняться представления о форме Земли, ее размерах, положении в пространстве. Рушились тысячелетние схоластические догматы отцов церкви. Разум, мужая, готовился сбросить вериги мракобесия.

Уже гремели памфлеты Эразмуса из Роттердама. Голос Ульриха ван Гуттена звал умы к просвещению. Англичанин Томас Мор потряс умы первой книгой о коммунистическом устройстве общества. Белый листок с девяноста пятью тезисами, прибитый ночью к стене Виттенбергского собора монахом Мартином Лютером, положил начало «величайшей ереси, именуемой реформацией», расколовшей всю паству овец Христовых. Эти греховные овцы, по наущению еретиков, воспротивились стрижке в пользу ватиканского трона. Они разуверились в непогрешимости папы и тонули в скверных по-

рока, не оплачивая больше папских индульгенций.

Свежие ветры превращались в шторм, перехватывающий дыхание, и волны крестьянских мятежей заливали площади городов. Замки пылали. Из монастырских колодцев торчали ноги утопленных монахов. И напрасно инквизиторы — ученики Торквемады, — укрыв лица черными балахонами, терзали в подземельях тысячи «инакомыслящих»; напрасно пылали костры, чтобы «кротко и без пролития крови» очищать землю от еретиков, — человеческий разум и человеческий гений шли на приступ церковных твердынь. А с высоты ватиканского холма в Риме святейший отец папа Павел III с его смятенными кардиналами в ужасе взирал сквозь дым инквизиторских костров на эту картину всеобщего разброда и шатания устоев.

И тогда-то, в годину тяжелых потрясений, господь послал своего избранника на помощь церкви Христовой...

В Монрезе, небольшом испанском городе, лежал на одре болезни благородный кастилец, сын небогатых дворян, дон Иниго Лопец Игнатио ди Лойола.

Пулевая рана жгла его тело, сотрясая страдальца огнем лихорадки, и, сонному, предстали ему великие знамения... В ореоле нездешнего света снизошла к его одру пречистая дева. Впадая в священный экстаз, страдалец узревал Иисуса-спасителя, и, наконец, сам святой дух господень озарил дона Игнатио ослепительным шарообразным пламенем. Голоса пресвятой троицы возвали: «Иди, спаси святую церковь от козней врага рода человеческого».

И хотя врачебное искусство было бессильно помочь больному, господь сподобил его восстать с одра и взять страннический посох. Из древней Барселоны Игнатий Лойола прибыл к берегам Тибра, в Рим, и поднялся на ватиканский холм. Он припал к ступеням папского престола и поведал свой план святому отцу. Святейший папа Павел III одобрил замысел испанца и подписал знаменитую буллу «Regimen militentis ecclesiae»»[1]. Новый монашеский орден с уставом, предложенным Лойолой, родился 28 сентября 1540 года, орден «воинства Иисуса».

Это был совсем особый орден! Глубочайшая тайна окружала его с первых дней. Генерал ордена иезуитов

---

[1] Устав священного воинства.

знал над собою только власть святейшего отца, а по прошествии немногих десятилетий этот верховный магистр ордена, «черный папа» иезуитов, затмил даже ватиканского помазанника.

Как и в мирских армиях, в «дружине Христа» существовала строжайшая иерархия. «Христовы дружинники» делились на четыре класса — послушников, схоластиков, коадъюторов и профессов. Но ни одна армия в мире еще не знала такой беспрекословной дисциплины... Как посох повинуется руке предержащей, так повиновались своим офицерам солдаты ордена, послушные, бессловесные, «покорные, как труп».

Никакие внешние признаки не выделяли братьев-иезуитов среди их окружения: они могли носить или не носить рясу, могли принимать любой облик, исповедовать (внешне) любую веру и клясться любыми заклятиями, прибавляя про себя тайную формулу, что «свершается сие во имя Христовой церкви».

Иезуиты устремились за океаны, становясь купцами и мореплавателями, погружая руки по самые локти в золото и кровь. В Парагвае они создали даже целое государство, где угнетение туземцев было доведено до неслыханной жестокости. В часовнях Европы они возобновили «чудеса», знамения и исцеления, умножая гульдены в орденской кассе и улавливая души. А для душ, не желающих идти в «сладостный плен», сыны ордена готовили особую участь... Венецианские иезуиты схватили Джордано Бруно, и «черный папа» Клавдий Аквавива послал его на костер, разложенный посреди площади Цветов в Риме. Иезуит Гарнет вложил в руки Гая Фокса дымящийся фитиль для взрыва британского парламента, где протестанты получили большинство. Иезуит Антонио Поссевино слал в Россию католических агентов для низвержения православной церкви. Авантюриста Лжедмитрия они заставили тайно принять католичество, надеясь через него утвердить на Руси духовную власть римского папы... Кардинал Беллармин, один из высших офицеров иезуитского ордена, пытал в тюремном подземелье великого Галилео Галилея...

В соборах и тавернах, штабах и лазаретах, на университетских кафедрах и в опочивальнях королевских любовниц веками плели свою сеть «братья» иезуиты, руководствуясь страшным принципом: «Цель оправдывает средства». И незримая тень креста тянулась от римского дворца Джезу — штаб-квартиры ордена —

во все страны мира, осеняя могилы тайных жертв и неостывший пепел публичных костров.

Но ненависть народа, простого народа всех стран, все плотнее и грознее окружала черное воинство ордена. Во Франции, в Испании, в Англии люди разных сословий, охваченные гневом и отвращением, сбрасывали духовное иго ненавистных иезуитов. Ровно через два с половиной столетия после «божественных» видений «святого» Игнатия волны народного гнева бушевали уже у подножия ватиканского холма. Объятый страхом, папа Климент XIV поспешил отречься от своих дружинников и в 1773 году обнародовал буллу о роспуске ордена иезуитов.

И братья Иисусовы укрылись от народной мести в глубочайшее подполье, облекли себя еще более черной и плотной завесой тайны. Распущенный орден жил, и сыны его знали: не пройдет и нескольких десятилетий, как святой отец вновь воззовет их из тьмы подполья...[1].

...Белые пальцы патера продолжали бережно листать летопись ордена. Сам патер Фульвио ди Граччиолани давно играл видную роль среди венецианских иезуитов, которые гордились тем, что им, вернее их удачливым предкам, удалось заманить в ловушку Джордано Бруно, чтобы передать его потом на расправу римской курии. После официального роспуска ордена роль отца Фульвио как высокого офицера тайного Иисусова воинства еще более возросла. С благословения свыше отец Фульвио незримо ткал паутину, и «послушные, как трупы», подпольные «братья» выполняли его тайные приказы.

Наибольшей своей заслугой перед орденом отец Фульвио не без основания считал ту нравственную власть, которую он с годами приобрел над своим «духовным сыном», хотя по возрасту граф Паоло был на десяток лет старше патера. Эта нравственная власть имела весьма практические цели...

Состояние графа оценивалось в пять-шесть миллионов скуди[2]. Это огромное богатство не имело прямых наследников, ибо граф Паоло лишился не только супруги, трагически погибшей в 1748 году, но похоро-

---

[1] Это произошло в 1814 году. Папская булла Пия VII восстановила орден иезуитов.

[2] Скуди — большая серебряная монета, принятая в разных итальянских государствах XVIII века. В разное время ее достоинство колебалось от полутора до двух рублей золотом.

нил вслед за графиней Беатрисой и обоих своих детей, унесенных беспощадной болезнью.

Ввергнутый этими несчастьями в мрачный душевный упадок, синьор Паоло уверился, что над ним тяготеет неумолимый карающий рок. Он черпал утешение в беседах с красноречивым патером Фульвио, тогда еще двадцативосьмилетним служителем бога, который вскоре сделался духовником и приближенным старого графа. И вот уже четверть века патер Фульвио упорно склонял своего духовного сына не только к суровому аскетизму в жизни земной, но и к богоугодной загробной жертве. В конце концов он добился давно поставленной перед собою цели: граф нотариально завещал все свое огромное состояние католической церкви.

В своей духовной, составленной при ближайшем участии патера, граф настоял лишь на оговорке, что завещание вступает в силу при получении прямых доказательств гибели его первого, правда незаконного, сына — синьора Джакомо Молла. Увы, эта ничтожная оговорка создала патеру Фульвио немало хлопот, о которых старый граф Паоло решительно не подозревал.

Уже более двух часов прошло после прибытия во дворец незнакомого господина в докторской шапочке. Патер Фульвио захлопнул наконец «Историю деяний» своего ордена и подозвал служителя, Джиованни Полесту:

— Ступай вниз, Джиованни, и узнай, здесь ли еще приезжий и был ли он принят самим эччеленца.

Но служитель не успел дойти до двери, как она отворилась и сам граф Паоло д'Эльяно появился на пороге, пропуская вперед низенького, полного человечка в обычной одежде ученых-богословов.

— Синьор Буотти, позвольте представить вас нашему высокоученому патеру Фульвио ди Граччиолани; его неустанным заботам я всецело обязан порядком, царящим в этих собраниях, — сказал владелец дворца, подводя доктора к своему духовнику.

Тот с лучезарной улыбкой приветствовал вновь прибывшего ученого.

— Дорогой коллега, — учтиво произнес доктор богословия, — месяц назад я имел смелость обратиться с письмом к графу, прося позволения посетить его библиотеку для изучения ее драгоценного рукописного фонда. Граф был так любезен, что пригласил меня провести у него в доме столько времени, сколько этого потре-

бует работа над моим трактатом. И я очень боюсь наскучить вам своим присутствием, ибо ранее чем в две недели трудно исчерпать здешние богатства даже самым поверхностным образом... Эччеленца, — продолжал ученый, обращаясь к хозяину, — одно перечисление рукописей, сделанное вами по памяти, побуждает меня благословлять вас как собирателя этой коллекции!

— Не заставляйте меня краснеть, доктор, ибо я ничтожно мало прибавил к научному собранию деда и отца. Сам я в молодости был увлечен искусством и собирал преимущественно картины, мрамор, фарфор и чеканку. Я счастлив видеть в вашем лице и ученого и подлинного знатока искусств и твердо намерен сделать вас пленником этих стен по меньшей мере на полгода... А теперь вам надо подумать об отдыхе после утомительного пути. Джиованни, проводи синьора в предназначенные ему покои.

Когда доктор Буотти удалился, граф Паоло заметил облачко неудовольствия на высоком челе патера и решил, что и отец Фульвио, пользовавшийся репутацией ученейшего мужа, не совсем чужд легкому чувству зависти и ревности. Эта мысль втайне позабавила графа.

Перед наступлением вечера все трое вновь сошлись в столовой графа. За стаканом кьянти синьор Томазо Буотти успел познакомить слушателей с некоторыми эпизодами своей студенческой и университетской жизни, развеселил старика и вызвал улыбку даже на тонко изогнутых устах патера Фульвио ди Грачниолани.

2

Через неделю после прибытия синьора Буотти граф д'Эльяно уже успел проникнуться к добродушному доктору искренним чувством симпатии. Полюбили его и все домочадцы графа, уже попросту величая его «синьором Томазо». А сам он, убедившись в неподдельной страсти графа к науке и искусствам, почувствовал к старому венецианскому вельможе настоящее душевное расположение. Их беседы вдвоем или в присутствии патера Фульвио затягивались за полночь.

К тому же оказалось, что порядок в рукописных, книжных и художественных коллекциях дворца, которым так гордился граф, приписывая его заслугам отца Фульвио, оказался весьма сомнительным. Бедность каталогов, путаница в классификации и дилетантское ве-

дение библиотечных описей поразили доктора. Небрежность хранения рукописей привела к порче целых страниц драгоценных древних пергаментов. Когда вместо одной из древнеевропейских рукописей доктор Буотти обнаружил лишь изъеденные крысами доски переплета, он не смог сдержать свое негодование и сообщил графу о печальном положении дел в его домашнем музее.

Большая часть художественного собрания, накопленного несколькими поколениями владельцев Мраморного палаццо, походила на груз корабельного трюма, упакованный не слишком тщательно, но глубоко скрытый от человеческого глаза. В подвалах дворца пребывали в рогоже и опилках полотна мастеров, мраморные статуи, гравюры, изделия из фарфора и бронзы, венецианское стекло и чеканное серебро Востока.

«Суетные предметы искусства, — говаривал патер Фульвио графу, отдавая распоряжение убрать из какой-нибудь залы то целомудренно нагого ангела Донателло, то непорочную деву фра Беато Анжелико, то кинжал с чеканкой Челлини, — отвлекают душу от созерцания сокровищ вечных, открываемых нам верой, молитвой и таинствами церкви».

После подобных поучений граф покорно провожал глазами уносимый ящик, находивший приют где-нибудь под лестницей или на чердаке.

У патера Фульвио были веские причины для столь непреклонной борьбы с «суетными предметами». Он решительно противился робким попыткам владельца выставить ценности для всеобщего обозрения, потому что это бесспорно привело бы во дворец тысячи сограждан и поощрило бы графа к безрассудной благотворительности в пользу родного города, то есть в направлении, совершенно нежелательном для ордена Иисуса. Тем недружелюбнее встречал он все попытки доктора Буотти хотя бы бегло познакомиться с художественными богатствами дворца.

Однажды, бродя по пустынной анфиладе десяти нижних залов палаццо, доктор Буотти довольно рассеянно слушал болтовню старого дворцового служителя Джиованни Полесты, который был приставлен графом в услужение «синьору Томазо».

— Скажи мне, Джиованни, — прервал богослов разглагольствования слуги, — почему сокровища дворца не выставляются на свет божий здесь, в этих светлых,

просторных залах? Смотри, какие они пустынные и запущенные!

Джиованни перешел на шепот и поведал «синьору Томазо» свои догадки. Доктор Буотти покачал головой и замолчал. Уже покидая последний зал, он задержался около портрета необыкновенно красивой дамы, изображенной художником в полный рост, во всем блеске ее молодости и ослепительной красоты. Очень старый траурный креп облекал выпуклые золотые цветы рамы.

— Кто эта дама? — спросил доктор у служителя.

— Мадонна дель Кассо, покойная графиня Беатриса д'Эльяно.

— Погибшая от руки безумной ревнивицы?

— Да.

— Как звали эту несчастную?

— Синьора Франческа Молла. Я знал ее, ваша милость. Она едва не стала женой графа Паоло. Шесть лет она прожила здесь, и мы все привыкли к ней. Если бы старый граф не пригрозил синьору Паоло лишить его наследства, Франческа Молла стала бы здесь хозяйкой, и у графа Паоло был бы сейчас взрослый сын, синьор Джакомо.

— Не сохранилось ли где-нибудь изображения этой женщины?

— Была одна эмаль, но едва ли она уцелела...

— А мальчик?.. Какова его дальнейшая участь?

— Не знаю, сударь. Поговаривали, что он бежал из детского приюта...

— Постой, постой, Джиованни! Как, ты сказал, было имя этого синьорито?

— Его звали Джакомо... Джакомо Молла.

— Скажи мне, вспоминает ли отец об этом мальчике? Или самое имя его стало ненавистным графу?

— Да нет, что вы, синьор Томазо! Напротив, я знаю, что граф по всему свету разыскивал сына. Патер Фульвио как будто помогал графу в этих розысках, только, видите ли, у него свои цели, божественные... — Слуга замолчал и покосился на оба выхода из зала.

— Кажется, я тебя понимаю, Джиованни. Едва ли я приобрел благожелателя в лице патера Фульвио, но и сам я не могу, прости господи, преодолеть... некоторого предубеждения против отцов-иезуитов!

В тот же вечер доктор Томазо Буотти решительно попросил у графа позволения осмотреть художествен-

ные фонды дворца. В течение четырех дней подряд пятеро дюжих слуг, предводительствуемых Джиованни Полестой, разбирали в подвалах, кладовых и чердачных помещениях «суетные» предметы искусства, извлекая их из ящиков и свертков, стряхивая с них стружки, сор и пыль.

Доктор Буотти предавался этим своеобразным раскопкам с увлечением истинного знатока. Он с таким жаром рисовал графу заманчивые картины превращения Мраморного палаццо в дворец искусства, что граф в конце концов победил привычный трепет перед своим духовником и предложил доктору Томазо поступить к нему на службу, чтобы принять на себя заботу обо всех научных и художественных богатствах дома. При этом граф сослался на обилие духовных забот у отца Фульвио, не позволяющих ему посвящать себя в должной мере заботам светским. Доктор Томазо подумал, крепко пожал протянутую ему руку синьора Паоло и... согласился!

Через месяц после вступления доктора Буотти в должность ученого хранителя библиотеки и художественного собрания Мраморное палаццо стало неузнаваемым.

3

Собрание миниатюр, эмалей и камей было разобрано доктором Буотти в последнюю очередь.

Поздним майским вечером 1778 года доктор, очень оживленный и радостно озабоченный, хлопотал в главном зале библиотеки. Граф Паоло сидел рядом с ним, зябко кутаясь в плед. Его преподобие Фульвио ди Грачиолани с поджатыми губами и насмешливым выражением глаз находился тут же, наблюдая за работой доктора.

Извлеченные из ящиков, лежали на столах сотни персидских, итальянских и французских миниатюр, египетские скарабеи из разграбленных пирамид, древнегреческие камеи, римские геммы[1], изделия индусских и китайских резчиков по камню и мелкие священные

[1] Геммы — резные, часто полудрагоценные камни с врезанными художественными изображениями; камеи — резные камни с выпуклыми изображениями; скарабей — священный, почитаемый в Древнем Египте жук, изображения которого делались из золота и драгоценных камней.

предметы из кости, исполненные суровыми аскетами первых веков христианства, грубоватые, примитивные и трогательные.

Джиованни Полеста обмывал все эти предметы теплой водой, просушивал и раскладывал на столах, застланных полотном. Доктор Буотти сортировал коллекции, делал записи и обменивался с графом замечаниями...

Овальная портретная эмаль, окаймленная тонким золотым ободком, легла рядом с персидской миниатюрой, посвященной эпизоду из поэмы Фирдоуси. Заметив эмаль, граф замолчал на полуслове.

Доктор взял лупу и лишь с ее помощью смог прочесть надпись, вплетенную в узор виньетки: «Синьора Франческа Молла с сыном Джакомо. Исполнил мастер Виченце Антонио Кардозо из Милана. Венеция, 2 апреля 1743 года».

С портрета глядела на доктора красивая женщина с пышными волосами; она прижимала к лицу кудрявого пятилетнего мальчика. Тонкое личико ребенка уже изобличало будущий характер человека — себялюбивый, упрямый и жестокий.

Заметив, что доктор рассматривает эмаль долго и пристально, граф спросил тихо:

— Известна ли вам, синьор Буотти, роль этой женщины в моей жизни?

— Да, эччеленца, я осведомлен... Смею ли я спросить о дальнейшей судьбе этой дамы?

— Она была осуждена в Ливорно, впоследствии оказалась в изгнании и много лет спустя вышла в Марселе замуж за одного иностранца. В 1762 году она умерла почти одновременно со своим мужем. Лишь настойчивым поискам патера ди Граччиолани я обязан тем, что эти подробности дошли до меня.

— Но участь ребенка?

— Осталась неизвестной. Мальчик, чье изображение вы держите в руках, попал после суда над матерью в монастырский приют святой Маддалены. Оттуда он бежал, и с тех пор следы его безнадежно потеряны, хотя отец Фульвио потратил много усилий, чтобы установить его судьбу. В течение долгих лет розыски этого мальчика составляли главную цель моей жизни, но слишком поздно я принялся за них! После гибели жены я эгоистически утешался в моем горе лаской Джеронимо и Лауры, детей, подаренных мне Беатрисой, и не протянул вовремя руку своему несчастному первенцу. За этот

грех справедливое небо не только отняло у меня обоих малюток, но и лишило надежды отыскать дитя, так легкомысленно забытое мною...

— Эччеленца, — с некоторым усилием произнес доктор, искоса посматривая на длинный профиль иезуита,— я боюсь вселять в ваше сердце, быть может, напрасную надежду, но позвольте поведать вам, что мне кое-что известно о судьбе одного юноши по имени Джакомо, сына осужденной артистки и беглеца из приюта святой Маддалены в Ливорно. Я встречал людей, близко знавших этого подростка... Правда, это было очень, очень давно.

Граф Паоло, патер Фульвио и служитель Джованни с волнением обратили взоры на болонского доктора.

— Ради создателя, — простонал старик, хватаясь за сердце, — синьор Томазо, не томите меня неизвестностью, расскажите все, что вы слышали про Джакомо!

— Эччеленца, поведать я могу очень немного. Но, быть может, это немногое даст вам нить для продолжения розысков.

— Говорите, синьор, и считайте меня в неоплатном долгу перед вами!

— Я был студентом последнего курса теологического факультета Болоньи, когда мой друг, студент-медик, предложил мне совершить путешествие по Италии. Этот мой товарищ был родом из Англии и намеревался вернуться после выпуска на родину. Звали его Грейсвелл, Рандольф Грейсвелл. Весной 1756 года мы отправились в Неаполь, намереваясь обозреть города, лежащие у нас на пути, а также посетить Сицилию.

То верхом на мулах, то пешком с ночлегами в придорожных тавернах мы двигались по стране в поисках художественных впечатлений, доброго вина и старинного гостеприимства. Вероятно, в цепи пережитых мною лет самой счастливой порою останутся эти два месяца юношеской свободы.

Неподалеку от Сорренто мы набрели на бедную рыбацкую деревушку. Уже темнело, когда, подкрепившись в довольно убогом трактире, мы решили поискать другого пристанища на ночь, ибо обилие блох в предложенном нам помещении смутило даже нашу юношескую отвагу. Проходя под окнами какого-то домика, мы явственно услышали стоны, доносившиеся изнутри. Стонала женщина, и спутник мой сразу распознал, что какая-то страдалица освобождается от бремени. Из доми-

ка в страхе выбежала девочка и, завидев двух незнакомых путников, пустилась было дальше, но мистер Грейсвелл поймал ее за косичку и участливо спросил, не нужно ли помочь больной. Как только девочка узнала, что перед нею врач, она тотчас потащила его в дом, причитая и плача. Мне осталось только последовать за ними.

Роженицу мы застали почти при смерти, а повивальную бабку, хлопотавшую вторые сутки, — окончательно потерявшей голову. В дорожном мешке моего товарища имелись некоторые инструменты. Беспомощную бабку он выпроводил и храбро приступил к операции. Благодаря его спокойствию, искусству и смелости роды окончились сравнительно благополучно.

На другой день у больной наступило ухудшение, появились признаки послеродовой лихорадки, и молодой врач провел у постели роженицы еще одну бессонную ночь, проявив настойчивость и терпение, которые могли бы порадовать его учителей. Он твердо задался целью спасти эту миловидную рыбачку и ее ребенка. Мы прожили неделю в ее домике, и больная рассказала доброму целителю всю свою немудреную жизнь. Звали эту рыбачку Анжелика Ченни. Я оказался невольным слушателем ее сбивчивого рассказа и пытался облегчить душевные муки женщины с таким же усердием, с каким мой друг трудился над облегчением мук физических. Анжелика Ченни горько оплакивала недавнюю смерть мужа, смелого Родольфо, простого рыбака с острова Капри. С душевной болью она вспомнила также о своем приемном сыне, выросшем у них в доме. Этот юноша бежал из приюта святой Маддалены и был еще в тринадцатилетнем возрасте принят в семью Ченни; после смерти своего приемного отца он оставался последней опорой бедной Анжелики...

— Простите, доктор Буотти, этот юноша и был...

— Вы правильно изволили догадаться, эччеленца, ибо юноша, воспитанный в семье Ченни, и был синьор Джакомо. Только фамилии его Анжелика не смогла назвать, ибо, по ее мнению, у Джакомо таковой вообще не имелось.

Из бесхитростного рассказа Анжелики Ченни мы услышали далее, что приютский беглец Джакомо, уже давно превратившийся в рослого молодого человека вскоре после смерти Родольфо, в 1755 году, ушел на шведском корабле, оставив вдове весь свой заработок

Мы дали женщине немного денег и привели к ней капеллана тамошней часовни, отца Бенедикта, который и окрестил новорожденного именем Антонио. На этом мы и расстались с окрестностями Сорренто.

Случай мне этот запомнился, вероятно, так же, как и моему спутнику, доктору Грейсвеллу, с которым я навсегда разлучился после нашего совместного путешествия. Оставленный при болонском университете, я защитил магистерскую диссертацию и в 1769 году, через тринадцать лет после нашего приключения близ Сорренто, оказался в Ливорно. Я побывал в монастырской библиотеке и посетил приют святой Маддалены, где сразу вспомнил рассказы Анжелики Ченни о муже и приемном сыне. Старик привратник еще помнил мальчика-беглеца Джакомо. Он рассказал мне, что этого ребенка, сына осужденной тосканской певицы Франчески Молла, направил в приют полицейский чиновник Габриэль Молетти. Мальчик бежал из приюта в 1751 году, а лет пять спустя в приют явился монах по имени отец Бенедикт, получивший от привратника те же сведения, что и я. О дальнейшей судьбе мальчика ничего в монастыре не знали. Уже здесь, под вашим кровом, эччеленца, я узнал о происхождении этого мальчика. Вот и все, что мне пришлось слышать о судьбе вашего сына, синьор Паоло.

— Значит, отъезд из Италии в 1755 году на шведском корабле — это последние о нем сведения? — тихо спросил граф.

— Да, это все...

Граф обхватил голову руками.

Неожиданно из угла зала, где притихший и совершенно позабытый собеседниками сидел слуга Джиованни Полеста, раздался его просящий голос:

— Пошлите меня в Сорренто, эччеленца. Я разобьюсь в лепешку, но привезу вам свежие вести об этих людях.

— Пожалуй, и синьора Габриэля Молетти, полицейского чиновника из Ливорно, тоже следовало бы разыскать,— добавил доктор Буотти.

— Последнее бесполезно, — бесстрастным голосом произнес патер ди Граччиолани. — Это имя нам известно. Этот низкий человек присвоил себе имущество Франчески Молла и отправил мальчика в приют. Два года назад Молетти умер.

— Но мысль отправиться в Сорренто я нахожу пра-

вильной! — воскликнул доктор Буотти, воодушевляясь. — Быть может, Анжелика Ченни с дочерью и сыном благополучно живут там до сих пор? Быть может, они за эти долгие годы получили новые вести о синьоре Джакомо. Семью Ченни необходимо разыскать! Я охотно приму на себя эту миссию, если вы мне доверите ее, эччеленца!

— С радостью принимаю ваше предложение, с великой радостью! Джиованни, готовься ехать вместе с синьором. Сколько дней займут ваши сборы, мой дорогой доктор Буотти?

— О, мои сборы весьма несложны. Я готов отправиться хоть завтра.

Лицо патера Фульвио приняло весьма напряженное выражение. Поразмыслив, он произнес внушительно и веско:

— Со своей стороны, я полагал бы, что синьору Буотти все же сначала следовало бы отправиться в Ливорно. Там необходимо еще раз просмотреть бумаги, оставленные Габриэлем Молетти. Наконец, в Марселе следовало бы расспросить соседей покойной синьоры Франчески. Я сам отправлюсь в Марсель одновременно с выездом синьора Буотти в Ливорно.

— Но, ваше преподобие, Ливорно я могу посетить и после поездки в Сорренто. Кроме старых полицейских бумаг, путешествие в Ливорно не обещает ничего утешительного и нового. Между тем из Сорренто я, быть может, вернусь с новыми вестями о Джакомо.

— Друзья мои, я не имею слов, чтобы выразить вам обоим мою благодарность! Старость и недуги обрекают меня на бездействие, но синьор Буотти вновь заронил мне в сердце луч надежды. Быть может, бог сподобит меня еще благословить внуков... О, друзья мои, с какими чувствами я буду ожидать ваших вестей!

Патер Фульвио, казалось, весьма рассеянно слушал графа. Он прошелся по залу, морща лоб, словно в поисках какого-то важного решения. Наконец патер повернулся к служителю:

— Джиованни, поезжай сейчас же в лагуну и узнай там, отходит ли в ближайшие дни какое-нибудь судно на юг. Полагаю, что для синьора Буотти морское путешествие будет гораздо удобнее сухопутного.

— Вы совершенно правы, святой отец! Разумеется, покойная, поместительная каюта будет для доктора Буотти удобнее, чем тряская карета и изнуряющие ночле-

ги в придорожных трактирах. Мне самому следовало подумать об этом, но голова моя идет кругом. Позвольте мне обнять вас обоих, господа!

4

Через несколько дней, ранним майским утром, две гондолы прошли под аркой горбатого моста через канал, вдоль набережной которого вытянулся главный фасад Мраморного палаццо. Граф д'Эльяно с порога напутствовал отъезжающих. В обеих гондолах находились по два пассажира.

Первая из этих черных лодок пошла по направлению к лагуне: венецианский галеот «Ла белла венециана» принял на борт доктора богословия Томазо Буотти и его слугу Джиованни Полесту. Через несколько часов корабль снялся с якоря и взял курс на Бриндизи.

Во второй гондоле вместе с его преподобием Фульвио находился другой обитатель Мраморного палаццо — служка домашней церкви Луиджи Гринелли.

Гондола достигла венецианского пригорода, где на грязной площади перед старой гостиницей стояло несколько дилижансов и карет, готовых отправиться в разные города Италии. Патер собирался в Геную, ибо, по наведенным справкам, оттуда в ближайшие дни должно было отплыть французское судно прямо в Марсель, — так патер Фульвио объяснил графу свои намерения.

Однако в номере гостиницы, который был снят патером всего на несколько часов, в костюме и наружности этого духовного лица произошли весьма удивительные перемены. Сложив с себя одежду духовного лица, патер наклеил под носом офицерские усы и облекся в костюм воина, которому предстоит дальний путь верхом. Он надел кожаные рейтузы, натянул сапоги с отворотами чуть ли не до середины икр и прицепил шпоры, способные устрашить любого коня. Наконец, преображенный патер сунул за пояс два пистолета и скрыл под залихватски загнутыми полями шляпы свои седые кудри и тонзуру. Луиджи Гринелли принял не менее воинственный, но более скромный облик офицерского денщика.

Перед вечером Луиджи привел к воротам гостиницы двух свежих вороных коней. Однако оба всадника поскакали отнюдь не в Геную. Весьма поспешно, сменив по дороге лошадей, они добрались до Рима. Здесь,

почти не дав себе времени для отдыха, всадники вновь пересели на свежих коней и тронулись дальше, в Неаполь, по прямой и оживленной аппиевой дороге, сооруженной еще при древних римлянах...

Отец Бенедикт Морсини жил поблизости от своей придорожной часовни, прихожанами которой были рыбаки и крестьяне из окрестностей Сорренто.

Помолившись перед сном, отец Бенедикт уже задремал в своей низкой, душной горнице. Полночь миновала. Но сон «Христова воина» был чутким... Сквозь дрему он различил стук подков. Всадники спешивались перед его крыльцом. Потом в дверь постучали: два медленных, три очень быстрых, осторожных удара. Монах вздрогнул, мгновенно стряхнул с себя сон, торопливо зажег свечу о лампаду и пошел открывать.

Сперва он не узнал было двух запыленных путников воинственного вида и в испуге отступил в сени, решив, что ночные грабители обманули его условным стуком и удостоили визитом. Но когда пламя свечи озарило лицо старшего из путников и с верхней губы его волшебным образом исчезли лихо закрученные усы, отец Бенедикт склонился в почтительном поклоне и подобострастно облобызал руку, только что освободившуюся от кожаной рейтарской перчатки.

Патер Фульвио деловито осведомился, плотны ли оконные ставни, надежны ли стены и нет ли поблизости любопытных соседей. Наконец он велел запереть дверь и присел у маленького столика с распятием.

— Брат Луиджи, ты можешь вкусить отдых, — разрешил он своему спутнику, который, однако, остался у дверей. — Почему ты давно не посылал мне вестей, брат Бенедикт?

— Ничего существенного здесь не произошло со времени последней исповеди Анжелики Ченни, ваше преподобие, — пробормотал монах, явно трепетавший перед старшим иезуитом.

— Ты исповедовал ее повторно?

— Трижды, святой отец. Она облегчила свою душу полным признанием, но не прибавила ничего нового к тому, что вам уже известно.

— Джакомо Грелли, то есть виконт Ченсфильд, не присылал кого-либо в Сорренто, чтобы проведать Анжелику?

— Ни один из его кораблей не заходил в Неаполь,

и ни одно новое лицо не появлялось в доме Анжелики.

— Скажи мне, брат Бенедикт, этот Джакомо мог бы припомнить твое имя и узнать тебя в лицо?

— В этом не может быть сомнений, святой отец! Он видел меня не раз в часовне, дважды у меня причащался и называл меня по имени. Друзья его, Джузеппе и Вудро, тоже бывали в часовне и знают меня в лицо.

— Брат Бенедикт, господь избрал тебя орудием его воли. Нашему делу грозит новая опасность. Само провидение устранило без нашей помощи сына Джакомо Грелли, малолетнего Чарльза, погребенного на острове в Индийском океане. Доротея и Антонио Ченни, дети Анжелики, которым известна тайна синьора Джакомо, погибли в экспедиции «Святого Антуана». Габриэль Молетти мертв, и в Ливорно не осталось никаких бумаг о ребенке по имени Джакомо. Превращение Джакомо Молла в пирата Грелли, известное Молетти, а затем превращение Грелли в виконта Ченсфильда, известное Анжелике Ченни, оставалось тайной для графа д'Эльяно. Но по следам этой тайны на днях отправился из Венеции некий доктор Томазо Буотти. Мне с большим трудом удалось направить его кружным путем, чтобы опередить. Пусть Анжелика Ченни еще до прибытия этого доктора Буотти... покинет эти места. Буотти не должен говорить с нею! Пусть он встретит здесь только тебя, и мне не нужно, надеюсь, подсказывать, что ты ему скажешь... Понятна тебе твоя задача во имя интересов ордена? Audentes fortuna juvat[1].

Монах смутился.

— Ago quod agis[2], — пробормотал он, не глядя на своего духовного главу.

Намек вызвал в зрачках патера Фульвио гневный блеск.

— Отец ордена учил нас не пренебрегать никакими путями, ведущими к нужной цели, которая оправдывает любые средства! — воскликнул он, грозно сверкая очами. — Из тяжких испытаний мы выходим снежно-белыми, ибо свершаем наши деяния ad majorem dei gloriam[3]. Огромные богатства полубезумного графа не должны попасть в грешные, суетные руки отпрысков безум-

[1] «Дерзким помогает счастье» (лат.).
[2] «Что делаешь — делай» (скорее) (лат.).
[3] «К вящей славе божией» — девиз ордена иезуитов.

ца. Золото это предназначено для нашей матери церкви. Оно придаст могущество ордену и послужит великой цели! Больше двадцати лет я лелею этот план, с того дня, когда ты, брат Бенедикт, открыл мне как духовнику графа тайну происхождения Джакомо Молла. Церковь зачтет тебе эту заслугу, умноженную тобою за двадцать лет служения ордену. Теперь на тебе лежит задача отвести новую угрозу: Анжелика Ченни не должна встретиться с Буотти!

— Но она сейчас больна и не покидает одра.

— Брат Бенедикт! — В голосе патера зазвучали не вполне христианские нотки угрозы и нетерпения. — В твоем распоряжении дни, а не недели. Буотти может высадиться раньше и прибыть сюда до ее выздоровления. Я разрешаю... любые средства!

— Во имя отца и сына и святого духа! — прошептал монах бледнея.

— Это не все! После отъезда Буотти ты переждешь месяц и отправишься в Англию, в Бультон. Ты явишься к виконту и скажешь ему, что Анжелика перед смертью исповедовалась тебе и простила грешного Джакомо, обольстившего ее несчастную дочь. Ты должен принести ему утешение истинной церкви, должен укрепить его веру, что он является законным, богом избранным носителем нынешнего своего титула. Будь ему подспорьем в любых начинаниях и блюди при этом интересы церкви и ордена. Пусть послужат этим интересам и британские фунты виконта Ченсфильда. Со временем признайся ему, что цель твоя заключается в том, чтобы поддержать католицизм в Англии, опираясь на денежные средства сына нашей церкви, вынужденного выдавать себя за еретика-протестанта. Обещай виконту прощение церкви за крупные денежные жертвы в нашу пользу. А главное — отвлекай его от мыслей об Италии... Открой в Бультоне капеллу, прослыви святым, подавая пример благочестия, милосердия и терпимости. Стремись увеличивать приход и улавливай заблудшие души. Помни: виконту Ченсфильду союзники нужны. Он испытает тебя и убедится, что ты — решительно во всем поддержка для него.

— Но тамошний новый епископ...

— Ты сам знаешь от Анжелики, что этот протестантский поп пять лет назад исповедовал Джакомо во время смертельного ранения и сохраняет по сей день его тайну. Подкупи его. Обещай ему сто тысяч, двести ты-

сяч из будущего наследства графа, если... Джакомо до гроба останется Райлендом и Ченсфильдом, а эччелен-ца Паоло не узнает, что его сын жив. О цене за молчание ты успеешь сторговаться с этим епископом... Не выпускай из глаз дочери виконта. С годами приобрети влияние и на нее. Отвлекай отца и дочь от мыслей об Италии — это важнее всего! Тайную связь со мною по-прежнему держи только через Луиджи Гриннели. Не открывай этих сношений никому, даже под угрозами или пыткой! А теперь...

Патер Фульвио поднес к лицу левую руку и осторожно снял с безымянного пальца большой перстень с агатовой печаткой. Рисунок на печатке изображал саламандру. Обратив перстень к свету, патер Фульвио отвинтил темно-красный камень печатки. Под ним в золотом гнезде лежали две ничтожные белые крупинки. Отец Бенедикт принял перстень, весьма осторожно завернул агатовую печатку и надел дар отца Фульвио на палец.

Прикоснувшись губами к мокрому лбу капеллана, ночной гость сделал знак своему служке готовиться к дальнейшему пути в Марсель. Луиджи Гринелли услужливо распахнул перед патером входную дверь.

5

Горячий июньский ветер вихрил пылевые смерчи на улицах Марселя. Занавески на окнах гостиницы «Три лебедя» трепетали от потоков сухого жара, подымавшегося с накаленных зноем камней набережной. Доктор Буотти, сбросивший в номере свой легкий плащ и влажную от пота шляпу, сидел за столом против патера Фульвио ди Граччиолани. Патер выглядел несколько менее надменным и насупленным, чем обычно.

— Я очень рад слышать, — вкрадчиво проговорил он, — что и вы, синьор Буотти, глубоко полюбили моего духовного сына и близко принимаете к сердцу его дела. Но что же побудило вас прибыть сюда и разыскать меня в Марселе?

— Святой отец, — отвечал расстроенный доктор,— неудача в Сорренто заставила меня поспешить в Марсель в надежде получить ваш совет, как подготовить графа к печальным известиям, и, может быть, помочь вам в здешних розысках.

— Да, известия действительно тягостные. Оказыва-

ется, Анжелика Ченни благословила земное... И скончалась она недавно, говорите вы?

— Представьте себе, всего за несколько дней до моего прибытия в Сорренто. Быть может, если бы не мое слабодушие, побудившее меня избрать вместо сухопутного более приятный морской путь, я застал бы ее еще в живых!

— Все в руке божьей, синьор Буотти... Что же явилось причиной ее смерти?

— Она была больна и не вставала с постели несколько дней. Ее соседка рассказывала мне, что тамошний священник, добрый отец Бенедикт Морсини, трогательно поддерживал душевные и телесные силы больной. Он сам послал за лекарством, прописанным ей врачом из Сорренто, и соседка Анжелики с вечера напоила больную этим снадобьем. Среди ночи Анжелика застонала, забилась на ложе, впала в беспамятство и вскоре скончалась, словно от удара. Отец Бенедикт испугался, уж не ошибся ли аптекарь в дозе опия; капеллан сам попробовал остаток лекарства из этой склянки, перед тем как выплеснуть ее, и убедился, что оно совершенно безвредно. Очевидно, недавняя весть о гибели французской экспедиции в Африку, куда были насильно завербованы ее дети, окончательно подорвала ее сердце.

— Считаете ли вы достоверной весть о гибели Антонио и Доротеи Ченни?

— Увы, да, святой отец, ибо я уже навел справки у портовых властей. В небольшом списке спасенных со «Святого Антуана» нет ни имени Антони, ни его сестры. Какой ужасный новый удар для эччеленца Паоло! Не осталось ни одного человека, близко знавшего синьора Джакомо Молла!

— А о нем самом вам не удалось получить какие-нибудь новые сведения?

— Видите ли, посетив свежую могилу Анжелики Ченни, я предпринял поездку на Капри, где Джакомо вырос в семействе рыбака Родольфо...

Легкая тень тревоги, набежавшая на чело патера Фульвио, ускользнула от собеседника. Но эта тень совершенно исчезла, когда доктор со вздохом сообщил, что поездка на Капри не дала ничего, кроме приблизительного описания наружности юноши Джакомо и его решительного, упрямого характера.

— От одного из соседей покойного Родольфо, —

добавил доктор, — мне удалось, правда, установить, что в 1755 году Джакомо ушел на шведском корабле не один, а с английским моряком, которого на Капри звали Бартоломео Грелли.

После этих слов доктора Буотти на лбу иезуита появилась уже не легкая тень, а три ряда весьма глубоких морщин. Иезуит встал из-за стола и зашагал по комнате. Доктор, конечно, не подозревал, как лихорадочно работал мозг его собеседника, взвешивая, возможно ли утаить от Буотти, что именно этот Бартоломео Грелли и стал впоследствии мужем Франчески Молла. Имя это давало опасную нить в руки настойчивого богослова. Находясь в Марселе, он способен весьма легко установить истину... Иезуит решил, что скрывать ее еще опаснее, чем позволить доктору открыть ее самостоятельно. Нужно лишь постараться, чтобы эта новость была им воспринята как нечто совершенно несущественное...

— Этот Бартоломео Греллей, или Грелли, как вы его называете, — произнес патер Фульвио, вновь усаживаясь за стол против своего столь нежелательного помощника, — впоследствии женился на синьоре Франческе и умер в один год с нею от эпидемии, распространившейся тогда в окрестностях Марсельского порта. Произошло это в начале прошлого десятилетия.

— О, это немаловажная подробность! — воскликнул богослов обрадованно. — Значит, поездка в Марсель далеко не бесполезна!

— Увы, синьор, этими сведениями я располагаю уже давно. Они не проливают ни малейшего света на судьбу самого Джакомо.

— Позвольте, святой отец, но ведь не может же быть случайностью женитьба Бартоломео Грелли на матери его молодого товарища по странствиям! Значит, Бартоломео и Джакомо, возвратившись из плавания, вместе разыскали мать последнего!

— Супруги потеряли Джакомо из виду, ибо он еще до их женитьбы покинул Марсель.

— Следовательно, все-таки еще одна подробность прибавилась: Джакомо был в Марселе незадолго перед заключением брака Бартоломео Грелли с синьорой Франческой Молла. Когда совершилось бракосочетание?

— Оно зарегистрировано в 1761 году. Все трое прибыли в Марсель в 1760 году.

— И тогда же Джакомо расстался с этим городом?

— Да.

— А в 1762 году Франческа и Бартоломео умерли от эпидемии?

— Да.

Доктор Буотти глубоко задумался.

— Здесь стоит повести длительные розыски, — проговорил он уверенно.

Отец Фульвио взглянул на него со злобой. С трудом подавив раздражение, он горестно вздохнул и отвернулся к окну.

— Быть может, вы окажетесь счастливее меня, синьор Буотти. Но мною опрошены десятки людей, знавших Франческу и Бартоломео Греллея. Все это решительно ничего не прибавляет к нашим сведениям о Джакомо. Оставайтесь в Марселе, сударь, и продолжайте дело, которое я считаю уже завершенным. Мои обязанности зовут меня назад в Венецию, к моему возлюбленному духовному сыну.... Единственным и высшим утешением для графа будет сознание, что его средства станут достоянием не одного единокровного наследника, а пойдут на благо сотням и тысячам детей Христовых!

Доктор Буотти в раздумье поднялся, пожал сухую кисть иезуита и покинул его комнату в марсельской гостинице «Три лебедя».

6

По морщинистым щекам старого графа Паоло катились слезы, и старик даже не пытался стирать их влажные следы. Уронив голову на руки, он слушал повествование доктора Томазо Буотти.

Замолчав, доктор Буотти с глубокой нежностью коснулся старческой руки.

— Эччеленца, — прошептал он растроганно, —ваша скорбь ранит меня так глубоко, что я готов сделать целью моей жизни завершение начатых поисков... Верите ли вы в предчувствие, граф?

Старик покачал головой:

— Синьор Буотти, мой духовный наставник уже подготовил меня к тому, что я сейчас услышал от вас. Я верю не в предчувствие, а в непреложную силу темного рока. Фатум, рок, неотвратимая судьба! «Кисмет!» — говорят набожные персы и склоняются перед неизбеж-

ностью. Я следую их примеру, ибо верю, что в мире существует закон равновесия добра и зла, закон возмездия. Я верю, что ни одно злое деяние не остается безнаказанным, равно как и ни одно доброе — невознагражденным. Меня покарал закон возмездия за ошибки и грехи моей бурной молодости. Кисмет!

— Я не придерживаюсь ваших взглядов, граф, но далек от мысли опровергать эту фаталистическую[1] восточную мудрость. Однако дело вовсе не представляется мне в столь мрачном свете. Я не верю, чтобы этот «рок» избрал вас в качестве объекта мщения человечеству за существующее в мире зло...

— Вы слишком снисходительны ко мне, синьор! Должен признаться, что за многие, многие годы одиночества и тоски мне еще не встречался человек, к которому так жадно потянулась бы моя душа, как она тяготеет к вам, синьор Буотти. Сначала я искал причину этого в вашей исключительной учености. Потом я понял, что причины лежат глубже и заключаются в свойствах вашего сердца, мой друг!

— Так позвольте мне, эчченца, без спешки, кропотливо, негласно повести начатое дело. Мое путешествие было на этот раз слишком поспешным. Предварительно нужно проследить все прежние пути, подготовить и собрать все данные, разослать письма, завязать новые связи. В Марселе я узнал от лиц, знакомых с Франческой и Греллеем, что ваш сын находился в шведской армии генерала Гамильтона, сражавшейся в Померании. Быть может, там, на севере, у Джакомо завязались какие-нибудь новые связи?.. Кстати, в Сорренто я выяснил, что Анжелика некоторое время получала денежные чеки из Англии, где ее дочь Доротея, очень красивая девушка, будто бы жила в доме какого-то знатного лорда. Потом она несколько лет перебивалась вместе с матерью в Сорренто на скудные средства, добываемые ее братом Антони. Конечно, они вспоминали Джакомо и, наверно, разыскивали его. Быть может, отец Бенедикт, тамошний священник, знает из исповедей Анжелики несколько больше, чем он открыл мне. При настойчивых поисках могут неожиданно обнаружиться новые, многообещающие пути. Я книжный ученый червь и обладаю изрядным запасом терпения. До-

[1] Фатализм — религиозно-мистическое мировоззрение, вера в неотвратимую, предопределенную судьбу, рок, «божью волю»; обрекает людей на пассивность, покорность, смирение.

верьте мне дальнейшие поиски, и... я надеюсь, что они приведут к успеху!

— Но, дорогой друг, принимаете ли вы во внимание, что мой сын, если он и жив, быть может, чувствует себя смертельно оскорбленным моим безучастием к нему в роковые годы его отрочества; Джакомо мог сам принять меры, чтобы навсегда скрыться под другим именем. Он — орудие возмездия в руках судьбы!

— Вы настойчиво возвращаетесь к своим «восточным догматам», эччеленца! А я верю в предчувствие, и оно говорит мне, что вы еще обнимете своего прямого наследника здесь, в этих комнатах Мраморного палаццо. Доверяете ли вы мне продолжение розысков?

— Я благословляю вас и ваши будущие усилия, — прошептал старик и горячо заключил доктора в свои объятия.

Летней ночью 1778 года в замке Ченсфильд светилось одно-единственное верхнее окно.

За плотными шторами, откуда пробивался наружу лишь узкий луч света, находился верхний кабинет хозяина дома. Виконт, задумавшись, глядел на огонь свечей. Против него, потупив глаза, ловко скручивал сигарету содержатель бультонской портовой таверны.

— Дело сложное, хозяин, — нарушил молчание Вудро Крейг. — Один бог знает, что на уме у этого попа!

— Суди сам, Вудро: если бы это был заговорщик против нас, зачем бы он стал открываться передо мною?

— Старые они пройдохи, эти отцы-иезуиты, — мрачно вздохнул Вудро.

— Он не скрывает от меня своих целей. Католичество еще не умерло в Англии. Римская церковь намерена возродить его здесь. Этот иезуит — ее тайный посланец. Вот как я объясняю его появление.

— Но тебе, Джакомо, никак нельзя откровенно поддерживать католиков. Ненависть народа к ним велика. Вспомни Томаса Гарнета и Гая Фокса! Лондонцы еще поныне таскают его чучело в день пятого ноября[1].

[1] Томас Гарнет и Гай Фокс — организаторы католического «порохового заговора» в 1605 году. Взрыв парламента, подготовленный католической оппозицией, был предотвращен, когда бочки с порохом уже находились в подвалах здания. Гай Фокс, схваченный при попытке поджечь фитиль, был казнен. До середины XIX века в Лондоне существовал обычай в день покушения, 5 ноября, проносить по улицам и сжигать на площади соломенное чучело Гая Фокса.

— Он и не просит открытой поддержки... Но помириться с этой папской церковью — мое давнишнее желание. Сильна она, очень сильна... И этот отец Бенедикт может здорово пригодиться нам... В юности я немало попортил крови отцам-иезуитам, и меня они помучили порядком. Что ж, годы прошли, и мы квиты! И знаешь, Анжелика-то простила меня перед смертью за Доротею! Он привез мне христианское утешение и просит лишь немного средств на устройство маленькой капеллы. Деньги невелики!

— Ну, недаром говорят: «Дай монаху палец — он заберет всю руку»... И не в деньгах одних дело: не тайный ли он шпион в рясе?

— Я помню его с детства. Ребенком я у него исповедовался. И Доротея тоже. Анжелика сама послала его ко мне с прощением.

— Это... по его словам?

— А почему мне брать их под сомнение, Вудро?

— Ты, Джакомо, как будто прямо обрадовался этому монаху. С кем он связан в Италии? Кто его прислал к тебе... кроме Анжелики?

— Полагаю, что орден. Открыть этого он мне не может, они умеют не хуже нас с тобой оберегать свои тайны. Вникать в них — не мое дело, пока орден ничего не требует от меня, кроме ничтожной суммы в несколько сот фунтов. Предположим, мы устранили бы этого Бенедикта Морсини. Но те, кто его напутствовал, останутся в Италии и превратятся в моих заклятых врагов, не так ли? Нет, ссориться с орденом я не намерен: ясно, что пославшие к нам этого патера отлично осведомлены... о наших именах и делах! Я готов тайно помочь этому посланцу церкви. Но если он посланец не церковный, тогда горе ему! Поэтому тебе придется взять его под такой надзор, чтобы ни голубь, ни крот не могли пролететь или прокрасться к нему незаметно для нас.

— Присмотрел ли он уже место для своей будущей капеллы?

— Да, он выбрал место в порту. Это разумно — там капелла будет обслуживать корабельных пассажиров. Здешняя протестантская епархия не станет возражать против того, чтобы проезжающие могли молиться в своей капелле. Ведь греческая часовня уже лет сорок существует в самом городе, не так ли?

— Порт велик! Где же поп задумал построить капеллу?

— Знаешь домик покойного Эндрью Лоусона?

— Конечно, знаю. Он пустует уже год после смерти старика. Там живет один Грегори Вебст, да и тот собирается съезжать и поступить на новую службу. Грегори — этой мой человек.

— Тем лучше! Пусть он непременно там и остается. Домик завещан какому-то дальнему родственнику Лоусона. Я его куплю для отца Бенедикта и перестрою под капеллу. Мой художник мистер Огюст Джернс — набожный католик. Он сумеет превратить этот домишко в настоящую итальянскую капеллу. Это, друг мой Вудро, именно то, чего мне, понимаешь, все-таки как-то недоставало в Бультоне!

Глава четырнадцатая

СЕКРЕТАРЬ ВИКОНТА

1

Леди Эллен Райленд одевалась к вечернему приему гостей. Корсет, плотно стягивавший и без того узкую талию виконтессы, делал ее похожей на тоненькую рюмочку. Весьма искусная прическа — творение французского парикмахера миледи — ловко соединяла классические вкусы самого мастера с требованиями английской моды 1778 года. Бальный наряд леди отличался той трудно достижимой художественной простотой, которая стоила господину виконту втрое дороже, нежели прочим бультонским богачам обходились самые замысловатые ухищрения их жен по части модных туалетов.

Чтобы не испортить фигуры, леди Эллен ни на один миг не допустила к материнской груди свою единственную дочь Изабеллу. Девочка, родившаяся вскоре после путешествия супругов по Скандинавии, вкушала с первых минут земного существования молоко своей кормилицы, шведской крестьянки Хельги Лунд.

По традиции, привычной для старых слуг Ченсфильда еще со времен прежней хозяйки дома, кормилица младенца проявляла о ребенке больше заботы, чем сама миледи. Но если маленький Чарльз знал по крайней мере отцовскую ласку, то участь Изабеллы оказалась более грустной. Виконт встретил рождение девочки с нескрываемым разочарованием и за пять лет ни

разу не подошел к ее кроватке. Изабелле шел уже шестой год, и росла она в родительском доме, как маленькая золушка, забытая родителями и оберегаемая от всех невзгод только своей суровой рослой няней.

В ранних августовских сумерках за окном уже становились неразличимы осенние краски ченсфильдского сада, когда леди Эллен укрепила на корсаже три живые розы — дар домашней оранжереи — и поправила подвески бриллиантового ожерелья. Она подняла руки к своим светло-золотым волосам, наклонила голову, и эти движеная раболепно повторили за ней шесть зеркальных створок туалетного зеркала.

В эту минуту перед ярко освещенным туалетным столиком миледи появилась кормилица Изабеллы. На скверном английском языке Хельга объяснила виконтессе, что ее дочь заболела: у девочки сильный жар и красная сыпь на теле.

Миледи попросила кормилицу отступить от столика и торопливо поставила шандал с пятью свечами между собой и нянькой, воздвигая огненную преграду против неведомой заразы. Затем виконтесса приказала горничной доложить ей, как только прибудет доктор Грейсвелл, который был включен в число приглашенных, и обещала няньке попозднее заглянуть в детскую.

— Девочка заболела оттого, что вы позволяете ей играть бог знает с какими детьми, — недовольно добавила миледи, вспомнив, что недавно, во время верховой прогулки в осенних лугах, она встретила группу крестьянских ребятишек, среди которых веселились и Изабелла вместе с ее скандинавской няней. — Ступайте и никуда не выходите из детской!

Между тем в нижних залах обновленного до неузнаваемости ченсфильдского дома уже начали собираться гости. Одним из первых прибыл редактор бультонского еженедельника «Монитор». В вестибюле он холодно раскланялся с весьма плотным издателем жиденького оппозиционного «Бультонс Адвертайзера», мистером Руби Розиниусом. Журналисты немедленно затеяли между собою спор на злободневную тему — о неудачах американской войны.

Вскоре среди гостей появился широкоплечий человек с квадратным подбородком, сосед по имению, владелец большого поместья Уольвсвуд, сэр Генри Блентхилл, отпрыск древней рыцарской семьи. Престарелый отец сэра Генри, маркиз Джон Блентхилл, продолжал

здравствовать, насчитывая от роду не менее девяноста лет. Он помнил еще сэра Френсиса, первого виконта Ченсфильда, прадеда нынешнего владельца, и считал семейство Райленд безродными выскочками и скороспелыми богачами. Однако женитьба сэра Фредрика на родовитой леди и все возраставшая слава новоявленного виконта в делах коммерции склонили сэра Блентхилла-младшего уступить деловитому соседу участок пограничных охотничих угодий Уольвсвуда за баснословную сумму. С тех пор господин виконт и будущий маркиз нередко охотились вместе и запросто бывали друг у друга. Поговаривали, что сэр Генри не остался равнодушным к чарам миледи Райленд, но ее супруга это обстоятельство, по-видимому, не особенно тревожило.

Все новые экипажи подкатывали к колоннам парадного крыльца и, высадив гостей, отъезжали по плавному полукругу подъездной аллеи за ворота, на конюшенный двор замка. Пока леди и джентльмены поправляли перед зеркалами наряды, а в залах, коридорах и на лестницах уже шелестели платья, ручейком журчал девичий смех и нарастал гул голосов, седой мажордом со свисающими до плеч бакенбардами (традиция Ченсфильда) громко объявлял имена прибывших.

— Его преосвященство епископ Томас Редлинг, — возвестил мажордом.

Когда это имя было названо, виконт извинился перед сэром Блентхиллом, с которым он сражался на бильярде, передал кий старику Мортону и пошел встречать гостя. Высокий епископский сан достался в удел мистеру Редлингу всего два года назад, и притом отнюдь не без помощи светских друзей и личного банковского счета сэра Фредрика. При перечислении заслуг бультонского викария особо подчеркивались миссионерские заслуги этого лица в Африке.

Епископ подымался по лестнице, слегка поддерживаемый под локти секретарем своей канцелярии преподобным Саймоном Бренди. Виконт, одетый в офицерский морской мундир с капитанскими нашивками и пышными круглыми эполетами, встретил епископа на верхней площадке лестницы.

— Вы облеклись в одежду воина? — тихо спросил епископ и поднял руку для благословения.

Виконт склонил перед ним свой напудренный парик и ответил так же тихо:

— В годину бедствий — это единственная одежда,

приличествующая дворянину, отчизне коего грозит опасность.

Затем оба прожженных лицемера проследовали в зал, где леди Эллен уже занималась гостями. Виконтесса была виновницей нынешнего торжества: в этот день ей исполнилось тридцать два года, и она принимала поздравления и комплименты с чуть грустной улыбкой.

В центральном двухсветном зале с балконом и хорами загремела музыка. Кадриль началась. Первой парой шли хозяева дома. Виконт танцевал превосходно: в старинном экосезе он был так изящен и в то же время так мужественен, что вся публика наградила шумными рукоплесканиями заключительное па красивой четы. На вальс миледи оказалась приглашенной сэром Генри Блентхиллом, прибывшим без своей супруги. Незаметно оберегая во время танца носки своих атласных туфелек от опасного столкновения с монументальными башмаками сэра Генри, виконтесса разобрала в числе последних имен, оглашенных мажордомом, фамилию доктора Грейсвелла и вспомнила наконец о заболевшей дочери. Выслушав просьбу виконтессы, доктор отправился в детскую.

После залитых светом парадных залов, детская показалась доктору полутемной. Пара больших васильковых глаз, блестевших от лихорадки, встретила врача с любопытством и опаской. Влажные льняные завитки вились вокруг головы ребенка. Смятое постельное белье было отброшено в беспорядке, а в ногах у девочки, на уголке одеяла, спал котенок.

Доктор присел у постели, пощекотал котенку брюшко и этим мгновенно завоевал доверие пациентки.

— Это Панч, он у меня еще совсем грудной котенок, — пояснила Изабелла оживляясь.

Смущенная Хельга всё порывалась убрать котенка, но врач отстранил ее руку. Доктор Грейсвелл был ревностным поклонником Руссо и его воспитательных методов.

— Вы правильно поступаете, Хельга, приучая ребенка к животным, — сказал он. — Это развивает наблюдательность и природную гуманность человека. Следите только, чтобы зверек, играя, не поранил ребенку глаз, а две лишние царапины в этом возрасте ничего не значат.

Врач нашел у девочки корь, велел заказать лекар-

ство и завешивать днем окна детской. Попрощавшись пациенткой весьма сердечно, доктор Грейсвелл отправился к миледи. Утомленная танцами, она обмахивалась веером. Услышав диагноз, миледи успокоилась и решила подняться в детскую. Шумя волнами шелка, как ченсфильдская роща в бурю, виконтесса подошла к постельке, и девочка увидела перед собою свою блистательную матушку.

— Боже мой, там лежит какое-то гадкое животное! — брезгливо поморщилась дама.

И нянька поторопилась убрать из постели злополучного Панча, ибо идеи автора «Эмиля», по-видимому, были неизвестны миледи. Взятый за шиворот, Панч запищал и растопырил в воздухе пушистые лапы. Девочка подняла отчаянный крик, и миледи покинула детскую с расстроенным лицом. Оставленный ею тончайший аромат духов заставил котенка чихнуть и спрятать нос в собственной шерсти. «Гадкое животное» мирно водворилось на прежнее место. Тишину изредка тревожил отзвук музыки; больной ребенок вздрагивал от этих звуков и приоткрывал глаза, пока не задремал под голос своей усталой няньки.

Тем временем внизу уже распахнулись двери в столовый зал, где два длинных стола блистали парадным сервизом старобританского фаянса на восемьдесят персон, букетами орхидей, фамильным серебром и хрусталем. Усевшись вместе с другими гостями за этот торжественный стол, мистер Ричард Томпсон не смог отказать себе в удовольствии подразнить своего недоброжелателя-хозяина. Он умышленно громко спросил Норварда, не известен ли срок возвращения капера «Окрыленный» в Англию. Адвокат слышал, что у сэра Фредрика были причины избегать любопытства публики по поводу некоторых операций «Окрыленного». Виконт насторожился, услышав голос адвоката.

«Какого черта эта крыса интересуется кораблем?»— с раздражением думал владелец капера. В трюмах «Окрыленного» имелась большая партия трофейного оружия с потопленных кораблей, и виконт недавно послал Джозефу Лорну секретное распоряжение найти хорошего покупателя для столь обременительного груза. Клиентуру, готовую платить за оружие втрое дороже, чем платили английские власти, было сейчас нетрудно найти за океаном. Хозяин поместья приветливо улыбнулся адвокату, пояснил, что корабль сражается сейчас

с врагами короля — американскими колонистами, — и ловко дал беседе другое направление.

Виконт издавна имел привычку, задаваясь какой-нибудь целью, перевертывать для памяти перстень на безымянном пальце левой руки. Камень, перевернутый вовнутрь ладони, был раздражающе неудобен, но виконт не поправлял перстня вплоть до выполнения задуманного. Посылая адвокату приветливую улыбку, он перевернул на пальце свое кольцо. «Избавиться от Ричарда Томпсона» — намерение не новое, зародившееся у лжевиконта после плавания «Ориона», когда адвокату стала известна тайна Ченсфильда, — вот о чем должен был круглосуточно напоминать владельцу его перстень!

После ужина гостям был предложен домашний концерт. Они смогли насладиться искусством приезжего итальянского скрипача, чье бледное лицо произвело на женскую половину общества не меньшее впечатление, чем исполненные им пьесы Гайдна и Генделя. Затем французская певица, разъезжавшая по городам британского севера, усладила гостей несколькими модными песенками, не лишенными смелости. Сама леди Эллен довольно бегло исполнила несколько этюдов на арфе, инструменте, весьма расчетливо избранном ею в целях наивыгоднейшей демонстрации красивых плеч. Наконец, мистер Ричард Томпсон с большим успехом продекламировал несколько монологов из трагедий Шекспира. Сэр Генри Блентхилл, уснувший в первом ряду кресел еще на интродукции итальянца, тактично и своевременно пробудился при заключительном монологе: он остался доволен, сочтя главным достоинством концерта его непродолжительность.

Затем из-под сводов крытой верхней галереи, откуда днем открывался эффектный вид на парк и озеро, гости любовались красивым фейерверком. В туманном воздухе взвились красные, зеленые и золотистые ракеты, забили фонтаны холодного бенгальского огня и в ослепительном световом вензеле засияло имя миледи.

В танцевальном зале вновь заиграла музыка, и молодежь уже при меньшем скоплении неблагосклонных зрителей из числа пожилых леди и джентльменов с тем большим удовольствием предалась танцам и играм. Любители карт расположились за зеленым сукном ломберных столов. Наконец часть гостей простилась с гостеприимным домом, которому новая хозяйка сумела придать столь не хватавший ему прежде блеск.

Поздно ночью, когда большинство оставшихся в доме гостей уже спали в отведенных им покоях, перед воротами замка (так именовала вся округа перестроенный ченсфильдский дом) соскочил с коня какой-то запоздалый всадник. Привратник, самый старый из слуг Ченсфильда, вышел из своей будки в башне ворот и вгляделся во мрак. Спешившийся всадник нетерпеливо тряс калитку.

— Что нужно? — спросил привратник.

— Срочные известия для господина Райленда.

— Господин виконт занят и приказал не допускать никого...

— Немедленно передайте виконту вот это, — сказал ночной гость, протягивая сквозь решетку клочок бумаги с несколькими словами, написанными по-итальянски.

Привратник рассмотрел сперва морской мундир, потом лицо посланца с белым шрамом над переносицей. Он открыл калитку, впустил приезжего в свою будку и послал второго сторожа к хозяйскому камердинеру.

Камердинер, Эрик Мерч, памятуя некоторые хозяйские предупреждения, немедленно отправился с запиской к виконту.

2

Огромный пылающий камин, где можно было бы изжарить на вертеле целого меннингтрийского быка[1], озарял стены охотничьего кабинета. Поэтому здесь не требовалось ни ламп, ни свечей, и с большой люстры, свисавшей посреди покоя, не был даже снят чехол.

За стеклянными дверцами шкафов матово поблескивали в свете камина ружейные стволы. Вороненая вудвортская сталь английских изделий, металл из прирейнских недр, прошедший обработку в оружейных цехах Эссена и Зуля, букетный и ленточный дамаск Востока, золотые насечки на благородных изделиях шведской Гускварны привлекали взоры знатоков к этим шкафам, вмещавшим две сотни превосходных ружей. На стенах, сплошь покрытых восточными коврами, было развешано холодное оружие и различные доспехи; на узких длинных столиках, обитых темно-синим бархатом и защищенных сверх стеклянными крышками, ле-

[1] Город Меннингтри славился в Англии очень крупной породой рогатого скота.

жали в особых гнездах пистолеты всех оружейников мира, от неуклюжих британских «пистолей» XV века до современных французских, бельгийских, русских и английских систем. Пара превосходных «каретных» пистолетов тульского оружейника лежала прямо на письменном столике хозяина. А над креслом виконта висел новейший карабин Фергюссона[1], только что принятый на вооружение английской армии в колониях.

Кресло хозяина было покрыто великолепной шкурой африканского леопарда с выделанной головой, блестевшей зеленью глаз и страшными клыками, которые некогда оставили неизгладимые следы на руках виконта. По углам кабинета стояли четыре статуи рыцарей в стальных доспехах, в ногах одной из них находилось логово борзой суки Леди.

Вытянув длинную морду, Леди неподвижно лежала на шерстяной подстилке, посматривая на кружок джентльменов у огня. Сэр Генри Блентхилл, мистер Норвард, военный комендант Бультона полковник Джон Бартольд и сам хозяин дома обсуждали со старшим егерем Ченсфильда план завтрашней охоты. Поодаль, на широкой тахте, покрытой персидским ковром, доктор Грейсвелл, журналисты, Паттерсон и Мортон вполголоса толковали о войне.

Виконт велел принести в кабинет вина и прислушался к беседе, что велась на тахте.

— «Декларация независимости» составлена этим американским пророком Джефферсоном очень сильно,— сказал Паттерсон. — Она завоевала симпатии в Европе и завербовала американцам много сторонников, в особенности во Франции. Пылкие умы так и рвутся послужить «делу свободы»...

Полковник Бартольд, глава бультонского гарнизона, недовольно поморщился, когда доктор Грейсвелл эпическим тоном начал перечислять неудачи британского оружия.

— Плохо обученная, но храбрая повстанческая армия Георга Вашингтона становится большой силой. Никто не верил, что регулярные войска нашего генерала Гейджа понесут поражение от рассыпанных по лесам и городкам повстанцев-колонистов с охотничьими ружья-

[1] В ходе войны за независимость английских колоний в Америке майор британских войск Фергюссон изобрел в 1776 году новый тип карабина, который по тому времени считался скорострельным.

ми. Королевский гарнизон Бостона не устоял против натиска повстанцев. Наши войска едва ли удержат Филадельфию. Поражение наших наемников-гессенцев под Трентоном, где войска Вашингтона ночью перешли реку Делавар, сильно подняло дух повстанцев и помогло мистеру Бенджамену Франклину уговорить французов признать независимость колоний. Боюсь, что капитуляция нашего генерала Бургойна под Саратогой говорит уже о крушении стратегического плана кампании.

Мистер Паттерсон вздохнул сокрушенно:

— Да, правительство его величества проявило нерешительность в начале военных действий, когда можно было подавить возмущение в зародыше. Теперь пожар разгорелся, и бог весть, чем это все для нас кончится. Французы вступили в войну, помогают повстанцам и деньгами, и войсками, и флотом.... А главное — революционный дух восставших! С ним трудно бороться... наемными руками гессенцев... Плохо, господа!

— Не выношу, когда глубоко штатские джентльмены начинают обсуждать военные дела! — с раздражением прервал Паттерсона полковник. — Весь этот оборванный американский сброд, не имеющий понятия о регулярных действиях...

Но полковник не успел досказать свое глубокомысленное суждение, прерванный на полуслове появлением камердинера.

— Простите, ваша милость, — шепотом сказал он виконту. — Какой-то всадник у ворот требует допуска к вам. Он просил вручить вам вот это.

— Господа! — торопливо проговорил хозяин, тайком взглянув на карандашные строки записки. — Полагаю, что перед охотой вы нуждаетесь в нескольких часах хорошего сна. Здесь мы все являемся гостями сэра Генри. Этот кабинет в его распоряжении.

Гости безропотно вняли столь прямому намеку, а виконт поднялся в свой верхний кабинет. Через минуту усталый моряк в потертом мундире переступил порог. Виконт отослал камердинера вниз и крепко обнялся с приезжим.

— С какими вестями, Джузеппе? — осведомился он по-итальянски.

Джозеф Лорн осмотрелся вокруг.

— Это единственная комната, которую я узнаю в Ченсфильде. Ты превратил свой дом в настоящий замок. У тебя важные гости?

— Гостей полон дом, но здесь нам никто не помешает. Рассказывай, Джузеппе.

— Вести не слишком отрадные для короля. В Америке дела идут неважно. Зато трофейное оружие я продал чертовски выгодно. Американские купчишки заплатили звонкой монетой, однако новой партии пока не заказали. Полагают, что скоро у них будет достаточно английских трофеев.

— Никто не пронюхал об этой операции?

— Никто. Блеквуд воображает, будто я передал оружие нашим войскам.

— Ну что ж, деньги не пахнут. Впрочем, вся эта партия была сборным хламом... Ты, как всегда, молодчина, Джузеппе! В каком состоянии корабль?

— «Окрыленный» подбит. В корме пролом. Выгорела часть левой палубы и фок-мачты нет. Дрались с тремя американскими каперами. Доползли сюда с заплатой.

— Завтра введем судно в док. Где произошел бой?

— Северо-восточнее Бермудских островов. Американцы пока еще плохие моряки. Два судна мы утопили, третье ушло. Я зашел в порту к Вудро. Он передал мне два письма для тебя. Одно прибыло из Америки с транспортом раненых «Омега», а другое — с военным фрегатом из африканского порта Капштадт. Что ты так смотришь на меня, Джакомо?

— Ты стареешь, Джузеппе! Я думаю о том, как плохо я вознаграждаю твою дружбу. По моей милости тебе приходится вести беспокойную жизнь, мой старый товарищ. Оставайся со мной, старина, я тебя женю. Хочешь сесть на землю и нянчить детей?

— Эх, Джакомо, давно ли ты перед завтраком убивал полдюжины немецких рейтаров, а потом жаловался генералу Гамильтону на свою спокойную жизнь и требовал настоящей работы! Нет, моя жизнь повеселее твоей. Пусть пока все идет по-старому.

Пока Джозеф Лорн расправлялся с парой жареных куропаток, безбожно орошая их неразведенным ромом, хозяин дома вскрыл оба пакета.

— Ты доставил важные вести, Джузеппе! Я недаром решил держать этого чистоплюя Мюррея под наблюдением.

— Мюррея? Ах, того... с острова? Значит, он остался под новым именем?

— Да, я снабдил его документами одного погибше-

го американца родом из Виргинии. Единственный дядя этого американца умер. Документы надежны. Дурак мог бы жить припеваючи, не вспоминая о делах в Ченсфильде. Но я решил все же не выпускать его из поля зрения и, оказывается, не напрасно!

— Кого же ты посадил ему на хвост?

— Капитана Бернса. Помнишь такого?

— Этого прощелыгу из нашего взвода? Где ты откопал его?

— Там же, где всех наших.

— Ты выручил его из тюрьмы, что ли?

— А то откуда же? Конечно, не из виндзорского дворца, старый ты чудак! Я купил ему капитанский чин и отправил в Америку с некоторыми инструкциями. Командование форта Детройт, как я и предвидел, согласилось, что Голубая долина является «важным стратегическим пунктом», и по приказу начальства и моему секретному ходатайству он отправился туда с полуротой наших драгун.

— Что это за Голубая долина?

— Райский уголок, Джузеппе, где мистер Мюррей свил себе теплое гнездышко. Там он порхает, как голубок, над тысячами акров захваченной земли и приносит в клювике червячков для своей любезной миссис Эмили. Это ей нравится больше, чем участь виконтессы... А злой коршун летает близехонько!

— Чем они тебе мешают? Пусть себе воркуют и любятся.

— Видишь ли, вокруг этого гнездышка стали оседать еще кое-какие птички. Это мне уже не нравится. Вот об этом Бернс и извещает меня.

— Что же это за птички?

— Во-первых, там угнездился тот сумасброд Эдуард Уэнт с дочкой Мортона. Старика чуть удар не хватил, когда они сбежали.

— Об этом ты писал мне. Рассказывай дальше.

— Во-вторых, Уэнт доставил туда в своем ковчеге сынка и матушку Одноглазого.

— Что? Сына Бернардито? Вот это серьезнее! Сколько же лет этому... тигренку?

— Лет десять... Еще пять-шесть годков, и он станет опасен.

— Станет? Нет, черт возьми, он и сейчас уже опасен, Джакомо! Это сын дьявола! Неужели даже мертвый Бернардито все еще грозит нам? Ведь мальчиш-

ка знает, как ты, Джакомо, охотился за стариком на острове, знает и про камешки... Плохо, очень плохо, что у Каррачиолы сорвалось тогда это дело в Пирее! Да, значит, в Голубой долине растет деревце из твердой косточки! Где она находится, эта долина?

— В бассейне Огайо, на притоке реки Уобеш. Там объявился и тот мальчишка с обезьяной, помнишь, что шлялся с Фернандо.

— Действительно, веселенький птичник! Что же ты предпримешь, Джакомо?

— Я почувствовал бы себя лучше, если бы этот дубина Бернс, вместо того чтобы оборонять долину от индейцев, помог им пополнить коллекцию скальпов за счет некоторых колонистов. Но как объяснить столь тонкую задачу такому дуралею?

— Где сейчас Каррачиола?

— Ты всегда понимаешь меня с полуслова, старый Джузеппе, но Каррачиола далеко. Письмо из Капштадта как раз от него.

— Что он там делает?

— Тревожится об исчезновении двух моих судов — «Глории» и «Доротеи». Они ушли из Капштадта на мой остров и не вернулись к назначенному сроку. В письме Каррачиола спрашивает, что ему предпринять.

— Постой, объясни мне по порядку. Почему Каррачиола торчит в Капштадте?

— Я послал его в Африку с тремя шхунами, начальником экспедиции.

— Опять Масляные реки или Камерун? Ты ведь не любишь проторенных дорог, Джакомо.

— Нет, на этот раз Конго. Там хозяйничают португальцы и шныряют французы, но я рискнул. В середине февраля все три шхуны поднялись вверх по Заире, но «Удача» села на мель и с проломанным днищем еле выбралась назад в устье. Негры оказались вояками; мои люди установили, что в дебрях Конго недавно погиб целый французский отряд. Но англичане имеют больше опыта... Наш друг О'Хири так ловко перессорил между собою двух царьков, что Каррачиола погрузил в трюмы около девятисот рабов. Корабли отплыли с ними в Капштадт, причем «Удача» еле-еле доползла. Я заранее распорядился отправить на мой остров сотни две черномазых женщин, подростков и мужчин, чтобы заложить плантации, а всех остальных послать в Америку для продажи. В Капштадте «Удача» стала на

ремонт, а обе другие шхуны пятого мая ушли с неграми к острову. До него десять суток среднего хода. В конце мая шхуны должны были вернуться в Капштадт. Однако ни «Глория», ни «Доротея» не вернулись. Каррачиола отправил мне это письмо двадцатого июня. Боюсь, что со шхунами что-то случилось...

— Может быть, негры восстали и перебили экипажи?

— Черт их знает! Каррачиола пишет, что «Удачу» уже отремонтировали, но теперь, пожалуй, не стоит отсылать ее в Америку. Придется Каррачиоле отправить этих негров на остров, а самому возвращаться. Плантацией на острове займется О'Хири. Каррачиолу я пошлю в Голубую долину.

— Послушай, Джакомо, а если обе шхуны добрались до острова и негры взбунтовались там? Тогда Каррачиола попадет в хорошенькую кашу и доставит неграм пополнение.

— Я уже думал об этом, но экипаж «Удачи» состоит из девяноста парней. Неужели они не управятся с кучей голых негров? Да я отошлю тогда Каррачиолу в богадельню!

— Позволь, эти негры все-таки истребили, как ты говоришь, целый французский отряд. Я могу даже добавить кое-что об этом. Мне случайно рассказал один французик... Ты знаешь, Джакомо, это дело по мне! Пошли-ка меня на остров, а для «Окрыленного» подыщи другого помощника. Надоели мне эти господа офицеры, как ежедневная солонина... «Хау ду ю ду, мистер Блеквуд?» — «Вери уэлл, мистер Лорн!»[1] Тьфу! Жаль, что корабль попал в их осторожные, чистенькие руки! Черт побери! Что сотворил бы на «Окрыленном» покойник Бернардито! Клянусь богородицей, ни один капитан не смыкал бы ночью глаз в радиусе тысячи миль от «Окрыленного», а в береговых фортах канониры спали бы стоя с горящими фитилями. Мне надоел этот тихоня-капитан с его джентльменством. Пошли меня навести порядок на острове!

— Ну что ж, Джузеппе, если тебе по душе, то в добрый час! Боюсь, что там действительно заварилась каша. Вероятно, там очень нужен настоящий человек.

— На чем мне добраться до этого чертова острова?

---

[1] «Как поживаете, мистер Блеквуд?» — «Очень хорошо, мистер Лорн!» (англ.).

— Отправляйся на моей новой яхте «Элли». Она домчит тебя, как ветер. За шесть недель, ручаюсь, ты доберешься туда! Когда увидишь могилу в ущелье... поклонись ей!

— Да, там лежат настоящие люди! Старик был дьяволом, но, черт меня побери, если у него не было причин выгнать меня с «Черной стрелы»!

— Я не люблю вспоминать о нем, Джузеппе! У меня больше причин избегать мыслей об Одноглазом... Но он отомстил мне по-сатанински, и считаться обидами мы будем на том свете... Когда ты вернешься с острова, «Окрыленный» уже выйдет из ремонта, а вскоре я спущу и новый капер, «Король Георг III». Еще два тяжелых фрегата, «Виндзор» и «Уэллс», я готовлю в подарок королю. Эти корабли я сам поведу в море.

— Наконец-то! Я уж подумывал, что твой морской мундир — «патриотическая» маскировка...

— Ты думаешь, мне-то не надоело возиться с надутой бабой и нянчиться с девчонкой... Эх, Джузеппе! А помнишь моего мальчика?.. Никогда не заживет эта рана...

— Да, мальчонка был хорош! Жаль его... А что слышно о его матери?

— Ничего, Джузеппе. Старуха умерла весною в Сорренто, об этом я узнал совсем недавно от одного монаха... А Доротея и Антони словно в воду канули.

— Славная тоже была женщина! С горячей кровью. Помнишь, ты советовал мне жениться на ней, старый грешник?

— Моя совесть — покладистая старуха, она слепа на оба глаза и глуха на оба уха. Но когда я вспоминаю об этих людях, тихая старушка превращается в чертовку и царапает душу когтями. Ведь эта семья спасла меня, а я... Не будем говорить больше ни о них, ни о Чарли... Мальчику шел бы сейчас девятый год. Он уже любил бы страшные сказки и стрелял бы из лука... Налей мне чистого рому, Джузеппе!

— Спокойнее, старик! Твоя голова должна всегда оставаться ясной. Ты командир... и дом полон гостей!

Грелли зло посмотрел на большой кубок с ромом, залпом осушил его и после минутного молчания нерешительно произнес:

— Знаешь, Джузеппе, оставайся-ка здесь подольше... Мне чертовски не хватает настоящего парня. Все эти гости не по душе мне...

— Ну уж нет! Дворцы и замки — не моя стихия, если их... не требуется обобрать! Утром поскачу обратно, взгляну на твою яхту, а через денек и отплыву. Суденышко-то у тебя в порядке?

— Это мой морской конь. Он всегда оседлан и взнуздан.

— Тогда готовь письмо Каррачиоле. Ну, а к пьянчуге Бернсу пока придется послать с ответом другого расторопного малого. Пусть ребята Бернса подготовят там почву для Каррачиолы, чтобы тот смог управиться в долине быстро и гладко... Где сейчас Джеффри Мак-Райль? Он бы растолковал Бернсу...

— Джеффри в Архангельске. Торгуется с русскими бородачами. Лес для верфи я теперь покупаю у русских, и два корабля, «Орион» и «Френсис Райленд», болтаются между Архангельском и Бультоном, как ткацкие челноки... Нет, Джеффри занят.

— В долине.... задача тонкая, Джакомо! К прибытию Каррачиолы там все должно быть готово. Письмецо Бернсу будет... рискованное!

Грелли с досадой оттолкнул пустой кубок и раскурил трубку.

— Мне давно нужен толковый и надежный секретарь. Мортон по горло занят сейчас как единственный юрист, которому я могу доверять, да и состарился он сильно. После бегства дочери он совсем опустился. Нет ли у тебя, Джузеппе, подходящего парня среди экипажа?

— Там есть этот Кольгрев, бывший гравер... Но у него неважное настроение. Нет, пожалуй, на корабле не подберешь никого. Но знаешь, Джакомо, сегодня я видел у Вудро одного малого, лет девятнадцати-двадцати. Парень здесь чужой, простой матрос, сидит на мели, потому что отстал от корабля, родные у него поумирали, вот и околачивается у Вудро. Он нарисовал его портрет так хорошо, что сам Ван-Дейк не смог бы вернее заклеймить Черного. Вудро стоит за своей стойкой как живой, а глаза так и смотрят на тебя, словно пистолетные дула. Пишет парень тоже хорошо, Вудро не нахвалится на этого Неда. Вот этот парень, пожалуй, и подошел бы тебе. Хочешь, я пришлю его завтра в Ченсфильд? Ты приглядись.

— Присылай. Как его полное имя?

— Кажется, Эдуард Мойнс.

— Хорошо! А послезавтра я приеду в порт прово-

лить тебя и вручу письмо для Каррачиолы. Кстати, прими во внимание: Каррачиола пишет, что в Гвинейском заливе за тремя моими шхунами погналась какая-то старая французская калоша, допотопный фрегат под названием «Святой Антуан». Это было, правда, в апреле, но старый ворон, видать, давно караулит простаков в тех водах. Не сунься невзначай ему под пушки, Джузеппе.

— Эти пушки уже на дне морском, Джакомо! Ровно десять суток назад «Окрыленный» с дыркой в корме, без одной мачты и с выгоревшей палубой скормил этого «Святого Антуана» рыбам. Дело было ночью, в открытом море, юго-западнее Азорских островов. Французы открыли огонь первыми, и Блеквуд так ответил им, что через двадцать минут они взлетели на воздух. Из всего экипажа мы выудили одного отставного пехотного капитана, некоего Леглуа. Он сообщил, что судно несло службу в западных африканских водах, но получило приказ идти к берегам Америки, на перехват наших торговых кораблей. Похоже, что этот Леглуа не очень-то стремится на родину; тип довольно скользкий... Он-то и рассказал мне про французскую экспедицию, погибшую в дебрях Конго. Это была детская «работорговая» затея какого-то французского маркиза... Нет, уважаемый господин виконт, западные воды Африки уже освободились от «Святого Антуана». Спокойной ночи, Джакомо!

3

Багровое солнце выкатилось из-за горизонта и повисло в низкой пелене тумана. На конюшне седлали лошадей. Глухо лаяли и взвизгивали собаки. В сумраке аллей раздавался нетерпеливый топот, бряцанье удил и конское ржанье.

Сэр Фредрик в красном охотничьем рейтфраке первым вскочил в седло. Под ним заплясал темно-гнедой жеребец с длинной сухой головой, короткой гривой и высоко подстриженным хвостом. Псари не спускали со сворок рвущихся собак, чтобы лошади в сутолоке не передавили им лап. Егерь держал на привязи борзую Леди.

Генри Блентхилл долго ощупывал подпругу, прежде чем поставить ногу в стремя. Потом он легко перенес в седло свое грузное тело, и его вороной Патрокл,

который без особого труда смог бы довести закованного в латы крестоносца до самой святой земли, встряхнулся, замотал головой и уронил клок пены на гравий дорожки.

Грум подвел к виконтессе ее серого коня. Леди Эллен, одетая по-мужски, в охотничьем фраке и широкополой черной шляпе, сбежала с крыльца, ударяя стеком по голенищу лакированного сапожка. Паттерсон поддержал ей стремя. В седле миледи казалась прелестным кокетливым мальчиком. Она взяла поводья в левую руку, обтянутую лайковой перчаткой, и шаловливо подняла свою лошадь на дыбы.

Из кустов вынырнул старший егерь, едва не наскочивший в тумане на собак. Он сообщил виконту, что три оленя обложены в лесу с ночи, цепь загонщиков уже находится на границе оклада и ждет сигнала.

— Туман, кажется, начинает рассеиваться. День будет ясным, — сказал Блентхилл, посылая шенкелями[1] свою лошадь вперед. — Сэр Фредрик, любезный сосед, я не из терпеливых! Вперед!

Кавалькада перешла на рысь и скоро миновала длинные уродливые корпуса и навесы нового кирпичного завода, выстроенного вдоль шоссейной дороги. Из высоких труб валил вонючий дым, и вереница молчаливых рабочих с бескровными, серыми лицами прошла мимо всадников; рабочие тащили носилки со свежеобожженным, еще теплым кирпичом. Всадников долго преследовал тяжелый запах угольного дыма, мешавшегося с туманом.

Еще дальше кавалькада потревожила большое стадо тонкорунных овец, охраняемое двумя злобными шотландскими овчарками. Псы накинулись было на привязанных охотничьих собак, те зарычали, и псари ударами арапников отогнали овчарок от узкомордых, визжащих борзых.

Из багрового солнце становилось огненно-желтым. Оно поднялось над лесом, и туман пушистыми клочьями поплыл вверх, в бесцветное небо. Темные кочковатые луга, осыпанные брусникой, и полоса порыжелого кустарника подступали к самой лесной опушке. Всадники придержали коней и стали делиться на партии.

---

[1] Шенкель — обращенная к лошади часть ноги всадника, от колена до щиколотки.

Старший егерь перекинул со спины на грудь кривой охотничий рог, набрал полные легкие воздуху и приложил губы к мундштуку...

Протяжный серебристый звук, печальный и чистый, пронесся над лугами. Два ворона с карканьем сорвались с одинокой сосны на вершине холма. Длиннохвостая сорока, часто махая коротенькими крыльями, полетела от опушки в луга, а в глубине ожившей лесной чащи покатился волнами глухой нарастающий гул. Щелканье деревянных трещоток, отрывистые человеческие голоса, барабанная дробь, треск сучьев и пронзительные звуки рожков заглушили шорох ветерка в вершинах деревьев.

Молодой олень с двумя отростками на крепких рогах рысцой выбежал на опушку против замаскированных конников группы сэра Генри Блентхилла. Наследник Уольвсвуда приподнялся в стременах и стиснул шенкелями бока лошади. В тот же миг псари, затаившиеся у самой опушки, спустили собак. Захлебываясь страстным, прерывистым лаем, шесть живых стрел ринулись за оленем. Огромным прыжком животное вымахнуло на поляну и, прижав рога к спине, понеслось вскачь, но уже вся группа сэра Генри мчалась ему наперерез. Псари заулюлюкали и затрубили вслед, и травля началась.

Олень летел к дальнему лесу, черневшему по другую сторону лугов. Но он не успел покрыть и половину этого пространства. Собаки настигли его, окружили на скаку. Одна из борзых вцепилась в олений бок. Запах крови привел псов в исступление. Бег оленя замедлился. Перелетая через рытвины, кусты и кочки, всадники догоняли зверя. Затравленное животное отбросило ударом рогов собаку, порывавшуюся к его горлу. Собака перевернулась в воздухе и с визгом отлетела; но сэр Генри Блентхилл, обскакавший оленя справа, вскинул короткоствольный карабин и на ходу выстрелил. Олень осел на задние ноги, всадники налетели на него. Торжествующий переливчатый звук рога прокатился в лугах.

Другой олень понесся в сторону поместья. Группа всадников с леди Эллен во главе погналась за ним. Спасаясь от преследования, олень влетел в самую гущу овечьего стада. Овцы в испуге прыснули в стороны, мальчишка-пастушонок заметался среди животных и угодил под копыта бешеных лошадей охотников. Серый

конь виконтессы сшиб мальчишку, но всадница проскакала, даже не оглянувшись на это малозначительное препятствие. Отставший Паттерсон приблизился рысцой к своей группе, когда всадники уже спешивались вокруг затравленного оленя. В руках миледи Паттерсон заметил дымящийся пистолет, а животное, запрокинув маленькую голову и прикусив язык, лежало на окровавленной траве.

Тем временем сэр Фредрик погнался по краю болота за третьим оленем. Зверь забился в опасные для всадников крепи на болоте, и забрызганные грязью собаки потеряли след. Внезапно из-под копыт метнулась в сторону вспугнутая рыжая лисица, и вся свора скололась за ней. Только одна борзая Леди продолжала рыскать в поисках оленьего следа. Наконец она подняла оленя в прибрежном лозняке у болотистого озерка. Вздымая брызги, раненый олень выскочил на мох противоположного берега, но Леди отрезала зверю путь к лесу. Виконт пустил коня в карьер и настиг оленя, уже окончательно измученного неотвязной борзой. Бросив коня, охотник ударил оленя ножом под лопатку.

Старший егерь затрубил отбой и общий сбор. Загонщики тащили на носилках тела убитых животных к дороге, где все эти трофеи были сложены на крестьянскую тележку. Леди Эллен, прогуливаясь пешком вдоль опушки, метким выстрелом из дробовика подстрелила фазана, вырвавшегося у нее из-под ног. Виконтесса отдала ружье и птицу егерю, сорвала зеленую веточку, сунула ее в петлицу и, усевшись в седле, коротким галопом поскакала навстречу мужу. Сэр Генри Блентхилл с восхищением поглядел ей вслед.

Охота прошла на редкость удачно. Лишь одна борзая была ушиблена оленьими рогами и сильно хромала, какой-то загонщик вернулся домой с пулей в мякоти ноги, да подмятый конями мальчишка-пастушонок к полудню умер от ушибов. Но эти незначительные происшествия не омрачили праздника.

После веселого обеда под сенью старых лип вереница карет и верховых лошадей уже в сумерках покинула Ченсфильд. Виконт лично следил в своем охотничьем кабинете за водворением на место всего вычищенного и смазанного оружия. Когда все было убрано и застекленные шкафы приняли свой обычный вид, камердинер доложил виконту, что его спрашивает какой-то незнакомый юноша.

— Он назвал себя Эдуардом Мойнсом, сэр, — добавил слуга.

Владелец Ченсфильда увидел перед собою молодого человека лет девятнадцати, с чуть веснушчатым лицом, спокойным взглядом серых глаз и длинными светлыми волосами, зачесанными на прямой пробор. Юношу облекала синяя морская куртка с начищенными до блеска медными пуговицами. Стоптанные башмаки были весьма старательно вычищены; крупные, чуть огрубелые руки хранили следы работы с жесткой пенькой корабельных снастей.

— Милорд, — заговорил посетитель, глядя без смущения на хозяина дома, — я прибыл из Бультона от мистера Лорна. Он приказал мне явиться к вам лично, сэр, поэтому извините мою смелость.

— Тебя зовут Нед?

— Таково действительно мое уменьшительное имя, сэр.

— Садись к огню, Нед. Ты пришел пешком?

— Да, сэр.

— В таком случае, раньше чем толковать о делах, займись-ка сначала холодной олениной. Эрик, прибор и бутылку рейнского!

Молодой матрос принял предложение без жеманства и притворного отнекивания; вилку и нож он держал довольно уверенно, и виконт успокоился насчет его манер.

— Теперь расскажи мне, Нед, о себе. Откуда ты родом?

— Родом я из Клепхан-Грин, что на юго-западе Лондона. Отец мой, Арвид Мойнс, сначала держал там небольшую торговлю, потом разорился и сделался докером. Мы перебрались в Ист-Энд, то было нам больше по средствам. Отец умер в госпитале святого Варфоломея, после того, как упал с трапа и разбился. Мать тоже умерла. Мне тогда было лет четырнадцать. Пришлось бросить ученье и уйти в море.

— Как же ты попал в Бультон?

— Я шел на корабле из Копенгагена, заболел на борту и пролежал здесь две недели у святого Христофора. Судно мое за это время ушло, и вот я остался в порту. С последнего корабля у меня есть хорошие рекомендации. Я слышал, милорд, что у вас много добрых кораблей, и был бы рад получить работу на одном из них.

— Что ты умеешь делать, Нед?

— Ничего особенного, милорд.

— У тебя, говорят, хороший почерк?

— В юности я учился чертить и писать тушью, но давно не занимался этим.

— Лорн сказал мне, что ты хорошо рисуешь.

— Не угодно ли вам испытать меня, сэр?

— Это мы еще успеем. Мне нужен расторопный секретарь, Нед, и я хочу предложить тебе эту работу.

— Что вы, сэр, разве мне по плечу такое важное дело?

Виконту все больше нравился этот юноша. Он потрепал его по плечу:

— Не боги обжигают горшки, Нед. Я надеюсь, что ты быстро войдешь в круг своих новых обязанностей. Нравится тебе у меня?

— Сэр, за всю мою жизнь я еще не бывал в такой комнате. Это похоже на зал в Британском музее. Неужели вы пользуетесь такой массой оружия? По-моему, его хватило бы на всю британскую армию.

Виконт засмеялся:

— Ты тоже будешь пользоваться этим оружием. Поди выбери себе нож и пистолет по душе, только всегда пускай их в дело с умом. Оружие — это, знаешь ли, такая вещь, что делает человека или очень страшным, или очень смешным. Поэтому никогда не махай им попусту!.. Что ж ты стоишь? Выбирай любые.

— Если вы не шутите, милорд, я выбрал бы этот пистолет и вон тот кинжал.

— Гм! Ты сделал недурной выбор! Это добрый испанский клинок, и служил он когда-то... Впрочем, это все равно! Бери их. Ты сильно устал с дороги?

— Нет, сэр.

— Тогда садись за стол и напиши письмо, которое я тебе продиктую. Я взгляну на твой почерк. Эрик, позови ко мне старика Мортона.

Молодой человек очинил перо и положил перед собой лист чистой бумаги. Виконт заложил руки за спину и, расхаживая из угла в угол, начал диктовать письмо для Каррачиолы в Капштадт. Оно было кратким, предлагало Каррачиоле молниеносно провести с помощью Джозефа Лорна «операцию на острове», а затем, сдав командование экспедицией, отправиться в Голубую долину в низовьях Огайо, в ста милях выше поселка Винсенс, предварительно получив от Лорна некоторые

дополнительные указания. Молодой человек водил пером очень быстро, и бумага покрывалась идеально ровными строками с четким рисунком букв.

— Я хотел бы обладать твоим уменьем, Нед, — сказал виконт, глядя через плечо юноши. — Мне еще не случалось видеть у матроса такой почерк. Давно ли ты бросил ученье?

— Больше десяти лет назад, милорд. Но один художник потом занимался со мной живописью и рисованием, а штурман на корабле поручал мне вести журнал и много других записей. Он был добрый человек и хотел сделать меня своим помощником.

— Когда-то и мне случилось встретить такого доброго штурмана и кое-чему научиться у него. Он был норвежец, и плавали мы с ним...

В кабинет вошел Томас Мортон. Его усталое, старчески-обрюзгшее лицо, кислая мина, засаленная косичка парика и неряшливо сидящий камзол с обильными следами пудры свидетельствовали о холостяцком образе жизни старого атерни.

Мортон прочитал письмо, написанное Эдуардом Мойнсом, и велел исправить две ошибки. Юноша покраснел.

— Не смущайся, мой мальчик, сам я наделал бы двадцать! Обратите внимание на почерк, Мортон!

Виконт подписал бумагу, положил в конверт и запечатал письмо. В кабинете запахло жженым сургучом. Готовое письмо сэр Фредрик сунул в карман.

— Завтра сам вручу его Лорну. Ты останешься здесь, Нед, и будешь жить в угловой левой башне. В замке у нас имеется превосходный художник, мистер Огюст Джернс, с ним ты сможешь заниматься и живописью... Теперь ступай. Мортон, когда вы проводите Неда в башню, подниметесь ко мне в верхний кабинет.

Томас Мортон застал хозяина на том самом диване, где накануне ночевал Джозеф Лорн.

— Не ведите лишних разговоров с этим мальчиком и держите его подальше от старых слуг, пока я не присмотрюсь к нему. Сейчас же пошлите о нем запрос в Лондон, нашему агенту Кленчу, в Темпль. Пусть Кленч наведет подробные справки в Ист-Энде, в доках и в госпитале святого Варфоломея об Арвиде Мойнсе и его сыне Эдуарде. Ответ должен быть с обратной почтой,

немедленно. Парень мне, в общем, понравился. Вы знаете, чей кинжал ему достался? Чертенок, прах его побери, выбрал толедский клинок Бернардито. Теперь я хочу послушать, что нового рассказали вам журналисты. Кстати, последняя статья Кемпбелла в «Мониторе» мне не понравилась. Он хвалит нас слишком усердно, от статьи пахнет дешевой рекламой. Предупредите его, что это медвежья услуга. Вот Руби Розиниус в «Адвертайзере» ругает нас так ловко, что статья привлечет нам сотни новых акционеров. «Адвертайзеру» нужно увеличить субсидию; он очень ловкий пройдоха, этот Руби... Что же сообщили вам эти господа о парламентских делах? Какие кандидаты имеют наибольшие шансы?

— Сэр Генри Блентхилл унаследует титул маркиза очень скоро и станет полным владельцем больших поместий, где он наберет столько голосов, сколько ему будет нужно. Едва ли возможно победить его. Затем называют кандидатуру сэра Гарри Хартли, графа Эльсвика, владельца угольных копей. Он считается соперником Блентхилла по количеству подвластных ему избирателей, но, по-видимому, Блентхилл все же сильнее. За последнее время начали упоминать и ваше имя, но...

— Нужно, чтобы оно-то и оказалось впереди! Мы не можем тягаться с Блентхиллом и Эльсвиком ни в деньгах на покупку голосов, ни в количестве избирателей на наших землях, но попытаемся соперничать с ними кое в чем другом! Что вы уже сделали, Мортон, в нужном направлении?

— Все, что вы наказывали, сэр... Собрал все нужные сведения. Между Хартли и Блентхиллом существует неприязнь...

— Это старо. Что вы еще узнали?

— Гарри Хартли граф Эльсвик очень молод. Ему двадцать два года. Титул графа Эльсвика и огромное состояние он унаследовал после смерти отца этой весной...

— Все это я помню из газет. Как называется его поместье?

— Солейсхолм. Это на полсотни миль восточнее Дональд-Корта, имения графа Стенфорда.

— Графа Артура? Брата первого мужа Эллен?

— Да.

— Рассказывайте дальше. Кто его друзья?

— Гарри Хартли очень дружен со своим соседом, графом Стенфордом.

— Вот как? Очень интересно. Ведь соперник Хартли, этот наш соседушко Генри Блентхилл, тоже бывает у Артура Стенфорда?

— Именно так. Но Блентхилл и Хартли друг друга недолюбливают. Впрочем, может быть, со временем их общий друг граф Артур помирит их между собою.

— Вы дурак, Мортон! Как раз этому-то и нужно помешать. Хартли и Блентхилл должны насмерть возненавидеть один другого. Пусть перегрызутся!.. Ни один из них не должен занять парламентское кресло от нашего графства в нижней палате. Оно пустует для меня, это вам ясно, Мортон? Скажите, есть ли у моего соседа Блентхилла и у Гарри Хартли какие-нибудь неподеленные куски? Есть у них, например, смежные владения! Словом, ищите, Мортон, ищите casus belli[1] между ними, и я озолочу вас... Что известно о привычках, о характере Гарри Хартли?

— Говорят, он страдает приступами сплина, влюбчив...

— Влюбчив? Отлично!

— Очень любит спорт. Прекрасный фехтовальщик; в ранней юности считался даже забиякой. Увлекается парусными гонками, имеет яхту... Впрочем, теперь-то ему будет не до спорта и не до драк!

— Благодарю вас! Вы можете идти, Мортон.

Виконт прошел в спальню миледи. Она встретила его в ночной одежде. Модная прическа была уже распущена, золотые волосы падали на плечи. Виконтесса сделала нежнейшее лицо, закрыла глаза и подставила мужу благоуханную щечку для поцелуя.

— Как здоровье Изабеллы? — осведомился он.

— Ей уже лучше, — последовал уверенный ответ. Миледи после охоты еще не успела заглянуть в детскую, но в безошибочности своего ответа не сомневалась. — У тебя какие-нибудь новые вести, Фредди?

— Ничего особенного, Нелль.

— Кто у тебя вчера ночевал, милый?

— Лорн, помощник с «Окрыленного».

— Значит, корабль вернулся?

— Да. Он, вероятно, уже на причалах верфи. Лорна я отправляю в Африку к твоему любимцу — Карра-

---

[1] Повод для войны. (лат.).

июле... Скажи-ка мне, Нелль, как идут твои дела с Блентхиллом?

Задавая этот вопрос, виконт потянулся к свече на столике и зажег сигару. Виконтесса вздохнула.

— Он объяснялся мне уже дважды: вчера во время танцев и сегодня в поле. Мой выстрел по фазану сразил и его.

Супруг улыбнулся краем губ.

— Зачем ты навязываешь мне этого медведя, Фредди?

— Скоро ты поймешь сама, как это необходимо.

— Но ты так неласков со мною, милый! Мне кажется, я этого не заслужила.

— Нелль, дорогая, сейчас не до поцелуев. Скоро выборы. Блентхилл стоит поперек моей дороги... Скажи-ка, давно ли писал тебе граф Артур?

— Мой прежний деверь? Я его терпеть не могу... Впрочем, вчера я получила его поздравление. Он приглашает нас и Блентхиллов погостить как-нибудь у него в Дональд-Корте.

— Вот как? Отлично! Ты уже ответила ему?

— Ну что ты! Когда же я могла успеть?..

— Дорогая, не ленись, и сейчас же напиши ему, что я ухожу на войну.

— О, Фредди, я так боюсь этого!

— Бог милостив, и отправлюсь я еще не завтра... Но Артуру ты напишешь, что приедешь одна или с дочерью, как тебе будет удобнее. И, может быть, сэр Генри проводит тебя до имения графа. Это мы решим позднее. А там... там ты постараешься сблизиться с молодым Хартли.

— Ах, с этим угольным крезом? Его поместье расположено недалеко от Дональд-Корта.

— Да, и он дружен с Артуром. Ты когда-нибудь видела этого длинноногого джентльмена с лошадиными зубами?

— Я видела его в Дональд-Корте, когда он был еще юношей.

— Так вот, моя умница, умоляю тебя, влюби его в себя, как Блентхилла, а если сумеешь, то еще сильнее.

— Ты с ума сошел, Фредди! Да он на пять лет моложе меня!

— Не на пять, а на десять, моя дорогая... Поэтому он и не устоит перед моей золотой русалочкой. Выведай его вкусы... Но, ради бога, выскользни из этой ис-

тории, как вьюн. Малейшая неосмотрительность, малейшее пятнышко на тебе — и все погибло! Нелль, говорю тебе прямо: мне нужно поссорить насмерть Блентхилла и Хартли и убрать их обоих с дороги... Иначе я не попаду в парламент, а ты, моя умница, никогда не станешь настоящей миледи!

— О господи, как все это... сложно, мой Фредди!

4

Узкий светло-серый корпус с приподнятым носом и низкой кормой и голубоватый оттенок оснастки делали яхту «Элли» малозаметной в море на фоне облачного неба. Бультонские моряки привыкли к внезапным появлениям и столь же внезапным исчезновениям этого маленького корабля, который, едва подняв паруса, набирал уже на рейде все двадцать узлов полного хода и скрывался вдали, как морская птица. Внутренняя отделка и все оборудование яхты радовали самый взыскательный глаз и позволяли превращать морское путешествие в настоящий праздник для пассажиров. Девять матросов, стюард, капитан Роберт Трессель и штурман Хью Ольберт могли бы рассказать немало интересного о некоторых рейсах «Элли», но, к сожалению, они были неразговорчивыми людьми!

В полдень 11 августа владелец яхты, вручив пакет для Каррачиолы мистеру Джозефу Лорну, прощался с ним на борту корабля. Они стояли у небольшой носовой пушки.

— По мне, на этом морском гиганте многовато бархата и маловато оружия... но, клянусь всеми попутными ветрами, скорлупка у тебя действительно хороша! Дорого дал бы старый Бернардито за эту игрушку, а, Джакомо?

— У тебя на уме одни мертвецы, Джузеппе. Пошли их к черту! Нам пока хватит забот с живыми... Спасибо тебе за этого Неда! Я сделаю из него настоящего парня. А тебя прошу — не застревай на острове. Если придется возиться с черной сволочью, бей ее как попало.

— Скажи, виконт, народ на яхте у тебя обстрелянный?

— Трессель командовал корветом. Ольберт был у меня на шхуне «Удача», отличный моряк. Все горели, тонули, нюхали порох. Груз Каррачиолы от них таить

не нужно, они все — участники последней экспедиции Джеффри Мак-Райля в Африку.

— Тебе, старик, самому пора проветриться. Ты же собирался подраться за добрую старую Англию с американцами?

— Я собираюсь подраться за парламентское кресло с двумя высокородными джентльменами... А для этого мне многое нужно, прежде всего — успех! Успех решительно во всем и повсюду, чтобы двор, король, парламент слышали имя виконта Ченсфильда только в сочетании со словом «победа». Его величество король благожелательно отнесся к моей идее колонизировать новый остров. Поэтому надо побыстрее навести там порядок. Если морскому министру взбредет на ум послать какую-нибудь комиссию в мое губернаторство, то она должна застать там цветущие плантации, счастливых колонистов и их благоденствующих черных слуг. Прошу тебя, Джузеппе, вразуми этих невоспитанных негров и научи их хорошим манерам раз и навсегда! После твоих уроков они станут шелковыми. Тогда возвращайся сюда, как на крыльях, а Каррачиолу поскорее отправь в Голубую долину... Скажи-ка, Джузеппе, что это за корабль виднеется там на рейде?

— Это военное транспортное судно «Омега». Вернулось на днях из Нового Света и вскоре уйдет назад. Окружено военной тайной так усердно, что даже мальчишки в порту знают его назначение: порт Йорктаун.

— Когда оно отваливает?

— Это тоже военная тайна. Все говорят: через неделю.

— Ты уже посматриваешь на часы, Джузеппе?

— Да, я назначил отвал ровно в полдень... Счастливо оставаться, Джакомо!

— А тебе ни пуха ни пера, старик!

Когда виконт Ченсфильд уселся в седле, два маленьких кабестана с железными тормозами уже выбрали оба якоря. Они повисли над миниатюрными красными клюзами, похожими на огненные ноздри кровного скакуна, и зыбкая вода гавани запенилась под форштевнем. Через четверть часа вымпел с отдыхающим львом, поднятый над голубыми парусами, уже потерялся в пелене облаков.

В сопровождении камердинера виконт отправился на верфь, где у причала стоял «Окрыленный», словно раненый воин перед палаткой полевого лазарета. Виконт

приветствовал капитана Блеквуда, обещал выхлопотать ему награду за доблестный бой с тремя американскими кораблями и ободряюще кивнул пленному французу месье Шарлю Леглуа.

— Бутби, — подозвал виконт боцмана, — ну-ка, приведи ко мне пленного француза. Я побеседую с ним в капитанской каюте.

— Он, ваша милость, просто жулик, по-моему, этот Шарль Леглуа, — произнес боцман конфиденциально.— Только и умеет, что фехтовать, а моряк вовсе никудышный.

Беседа с Леглуа, к удивлению честного боцмана, заняла у милорда не менее часа. Попрощавшись с французским «охотником за простофилями», как сам пленный изящно отрекомендовал себя виконту, владелец капера отдал распоряжение Блеквуду предоставить месье Леглуа полную свободу.

Стрелки томпионовского[1] хронометра виконта уже приближались к семи часам, когда владелец покинул борт своего раненого корабля. Отослав камердинера домой, сэр Фредрик верхом направился на Сент-Джекобстрит.

Небольшой особняк на Сент-Джекобстрит, окруженный кустами запущенного сада, был куплен виконтом для неофициальных встреч в городе.

Вудро Крейг беседовал с виконтом, поместившись в кожаном кресле. Виконт Ченсфильд большими шагами мерил комнату из угла в угол. При этом он резко поворачивался на каблуках, словно встречая в углах зала невидимые препятствия.

— Выбрал ты парня, чтобы послать к Бернсу? — Отрывистый тон вопроса свидетельствовал о том, что виконт не совсем доволен необходимостью личного вмешательства в такие пустяки.

— Есть один на примете, — очень спокойно отвечал Вудро. — Он был свидетелем по делу Бернса и хорошо знает капитана.

— А, знаю: Куница Френк... Это пройдоха, но Меджерсона он в свое время все-таки упустил. Ведь ты имеешь в виду Куницу?

— Да, я предлагаю Френка Вилерса.

— Что ж, пожалуй, сойдет. Историю его я помню:

---

[1] Томпион — известный английский часовой мастер.

карточный шулер, потом полукалека, потом судовой парикмахер и в конце концов твой шпион. Сколько он служит у тебя?

— Давно, много лет. Исполнителен, не болтлив, точен. Случай с Меджерсоном — его единственный промах. Он потерял его из виду на улице.

— Хорошо. Согласен. Как мы переправим Френка в Америку?

— Вы заметили в порту транспорт «Омега»? Судно ожидает партию немцев-волонтеров из Гессена. Боцман этого транспорта держит для меня одну вакансию на должность судового цирюльника. Френк Вилерс отправится через океан на этом корабле, а с побережья он любыми средствами доберется за полтора-два месяца и до Голубой долины.

— Я напишу письмо Бернсу на чистой тряпке и велю вшить в подкладку матросской куртки. Эту куртку с письмом завтра привезет тебе Нед Мойнс.

— Славный парень, не правда ли?

— Да, он понравился мне... Письмо будет зашито в левом боку, под карманом. Моего имени не называй Френку. Бернс поймет все из письма, а Френк должен знать только тебя, Вудро.

— Ясно, хозяин! Есть еще какие-нибудь поручения?

— Есть одно, очень спешное. Как только ты его уладишь, я перекуплю у Гопкинса «Белого медведя» и отдам его тебе со всем содержимым. Сверх того, получишь пятьсот гиней.

— Что от меня требуется, хозяин?

Виконт Ченсфильд зло чертыхнулся и потрогал перевернутый перстень на пальце.

— Нужно ко всем чертям убрать эту адвокатскую крысу Ричарда Томпсона! Но, Вудро, дело должно не только сойти без сучка без задоринки для нас, но еще и навек оскандалить этого Томпсона перед властями.

— Это как... посмертно?

— Ну да.

— Ясно. Сколько времени вы даете мне на это дело?

— Один... ну, два месяца, не больше. Это следовало сделать давно.

— На это дело у меня есть на примете человек. Сейчас он в отъезде, но месяца через два вернется. Это Алекс Кремпфлоу.

— А, тот с усиками? Что ж, в свое время ему от-

лично удался «апоплексический удар» старого банкира Ленди!

— У вас хорошая память, хозяин.

— Скажи, Вудро, кто из прислуги в доме Томпсона связан с тобой?

— По-прежнему кучер Флетчер. А в конторе — старый Дженкинс, старший клерк.

— Что ж, прибавим еще Алекса, и подпиленное дерево должно упасть... Но помни, Вудро, я не смогу быть вполне спокоен, пока жив этот адвокатишка, пронюхавший слишком много.

— Не беспокойтесь, хозяин. Но вместе с Алексом у меня всегда работали два помощника, ребята с прошлым; Гримльс и Венсли бежали с каторжного рудника в Новой Каледонии. Придется дать их в помощь Алексу.

— Хорошо. Потом их можно будет тоже отослать к Бернсу. Там нужны такие ребята... Черт возьми, чуть не забыл! Завтра к тебе в таверну явится один француз, месье Шарль Леглуа. Придет он за документами. Вызови этого своего Дженкинса из конторы, и пусть он побыстрее сфабрикует французу такие рекомендации, какие тот закажет. Он должен поступить учителем фехтования в один интересующий меня дом... Прощай, Вудро!

Туманным утром 12 августа, когда весь Ченсфильд еще спал мирным сельским сном, владелец его встал с постели, открыл шкаф в своем кабинете и вынул оттуда морскую куртку. Она была грубоватая, не слишком новая, но прочная и нигде не повреждена. В левой стороне этой куртки, под боковым карманом, старый шов был распорот и вновь зашит грубыми крупными стежками.

— Неважная работа! — процедил виконт. — И нитки свежи и стежки крупнее остальных... Нет, не мастерица Эллен в этих делах. Плохая получилась бы из нее портниха, черт побери!

Виконт велел позвать к себе Эдуарда Мойнса.

— Сверни эту куртку, Нед, — сказал он вошедшему. — Поезжай к мистеру Крейгу за своими пожитками, скажи, что ты поступил ко мне на службу, и отдай ему, кстати, вот эту морскую куртку. Верни ее хозяину и поблагодари. Узнай у Крейга, готов ли к отплытию транспорт «Омега». Скажи, чтобы тебе оседлали

Чалого. Это будет теперь твоя лошадь. Возвращайся побыстрее, Нед!

....По бультонскому шоссе приближался к городу всадник на чалой лошади. Прохладный осенний ветер развевал его плащ. Всадник гнал коня галопом, склонившись к седельной луке и надвинув шляпу на самые брови. Доехав до рыбачьего предместья, он спешился, привязал лошадь в каком-то дворе, вышел на огороды и пробрался задворками до одного из крайних домиков поселка. Под каменистым обрывом шумело море. Старая рыбацкая сеть была развешена на кольях перед домиком.

Молодой человек постучал в боковое оконце. Оно открылось не скоро. Старый рыбак-ирландец выглянул наконец во двор.

— Я хотел бы купить макрели, — тихонько сказал молодой человек.

— Нынче плохой улов, — проворчал старик.

— Тогда придется выбрать другую рыбу.

При этих словах пришельца дверь отворилась. Молодой человек со свертком вошел в домик. Рыжий детина с огромными руками и угрюмая старуха молча поклонились вошедшему. Старик хозяин вынул две доски из внутренней перегородки, и позади большой кухонной печи открылся ход в крошечную каморку.

— Дайте две яркие свечи, иглу, утюг и ножницы, мистер О'Греди, — распорядился вошедший. — Нужно хорошенько осмотреть эту куртку. Неспроста сам господин виконт велит передать ее в собственные руки Вудро Крейгу.

Получив свечи, молодой человек внимательно осмотрел куртку и скоро заметил крупный шов в подкладке левого борта, под карманом. Через несколько секунд шов был осторожно вспорот. Из-за подкладки молодой человек вытащил белую полотняную тряпицу, сшитую наподобие почтовой «секретки». Изнутри на тряпице оказалась надпись, нанесенная несмываемой краской с помощью тонкой кисточки:

«Капитан Бернс.

Податель сего послан вам в помощь. Все перечисленные в вашем последнем письме должны в о з н е с т и с ь. Прежде всего — вновь прибывший в Голубую долину в н у ч е к и обе четы М. и

У. Не мешайте это сделать индейцам. Сообщите исполнение».

Слова «вознестись» и «внучек» были дважды подчеркнуты в этой инструкции.

— Быстрее бумагу и перо, О'Греди! — приказал гость рыбаков.

Он в точности скопировал письмо. Затем полотняное послание было приметано к прежнему месту, и жена О'Греди восстановила распоротый шов; это удалось ей много лучше, чем миледи Эллен.

Снятую копию молодой человек положил в конверт и написал следующее донесение:

«Поступил секретарем к виконту. Через несколько дней отсюда должен выйти в Йорктаун транспорт «Омега» с четырьмя сотнями немецких волонтеров из Гессена. По-видимому, этим же транспортом отправится секретный агент Вудро Крейга с поручением виконта к некоему капитану Бернсу. Агент направляется в Голубую долину, что расположена в ста милях выше Винсенса, по Серебряной реке. Копия поручения прилагается. Имя агента установить не смог. Такое же поручение послано в порт Капштадт, капитану шхуны «Удача» Джиованни Каррачиоле. Каким-то колонистам в Голубой долине грозит крайняя опасность. Решайте, как поступить, если нужно их спасти.

Джордж Бингль, сын свободы».

— О'Греди, — сказал молодой человек, — нынче бурная ночь, но делать нечего, — придется вам обоим немедленно отправляться в Бельфаст к брату Меджерсону. Донесение важное. Оно должно попасть к нему, а потом в Америку раньше, чем агенты Вудро Крейга прибудут по назначению. А мне нужно спешить. Я должен поспеть с курткой к Вудро и быстрее вернуться в Ченсфильд.

— Патрик, — старик повернулся к своему сыну, — готовь баркас. Через часок мы выйдем в море. Давай ужинать, старуха! Скажите, мистер Бингль...

— Мистер Мойнс, — поправил его молодой человек.

— Виноват, мистер Мойнс, нет ли каких-нибудь из-

вестий о вашем брате Томасе? Ах, жаль, жаль, какой был мальчуган!..

...Виконт Ченсфильд выслушал краткий доклад своего молодого секретаря.

— Нед, ты быстро съездил в Бультон, я доволен тобой! Теперь отдыхай и пока ни на шаг из твоей башни, дружок! Можешь заниматься живописью с мистером Джернсом. Я люблю, чтобы мои люди были всегда у меня под рукой!

Через несколько дней виконт получил короткое уведомление Вудро Крейга об отплытии транспорта «Омега». В составе его экипажа следовал в Америку цирюльник Френк Вилерс. А спустя еще месяц нарочный вручил виконту пакет, прибывший из Лондона. Вскрыв его, виконт нахмурился и позвал Мортона.

— Черт возьми, — произнес владелец Ченсфильда в большом недоумении, — знаете, наш лондонский агент Кленч пишет, что ни в доках Ист-Энда, ни в госпитале святого Варфоломея никогда не значился бывший торговец и докер Арвид Мойнс и ничего не известно о его сыне Эдуарде... В лондонской полиции эти лица тоже неизвестны. Тут что-то нечисто! Возьмите-ка с Крейгом этого чертенка на прицел, Мортон!

Глава пятнадцатая

ПО ДОРОГЕ, ВЕДУЩЕЙ ВВЕРХ

1

Эдуард Мойнс стоял перед мольбертом. Мастерская мистера Огюста Джернса, художника и скульптора, служившего в Ченсфильде шестой год, помещалась под чердаком бокового крыла замка. Она была завалена гипсовыми фигурами, холстами, подрамниками, банками красок. Правый угол комнаты был освобожден от этого художественного реквизита, задрапирован бархатом и шелком; угол красиво освещался рассеянным светом из двух слегка затененных окон. Уже третий месяц леди Эллен Райленд позировала здесь мистеру Джернсу, писавшему поясной портрет виконтессы.

Во время одного из этих сеансов новый секретарь виконта испросил у мастера и самой миледи разрешение тоже поставить мольберт и поработать над порт-

ретом. Мистер Огюст Джерис с неохотой позволил ученику взяться за кисть: он пока строго ограничивал Неда занятиями одним рисунком, совершенствуя и пополняя его знания перспективы и анатомии. Сам он писал обычный, весьма тщательный «парадный» портрет миледи Эллен в темной гамме тонов. Картина была перегружена элементами драпировки, костюма и обстановки и представляла собою аккуратную, но весьма банальную академическую работу. Нед Мойнс изобразил миледи в ее обычном домашнем платье, на фоне светлого осеннего пейзажа, скорее угадываемого, нежели зримого. Основным в картине были глаза, губы и руки виконтессы. Они так отчетливо выражали властолюбие, коварство и жестокость, что виконт целых полчаса молча просидел перед мольбертом юного художника. На полотне стояла перед сэром Фредриком обнаженная душа его жены. Это было почти обвинением, брошенным в лицо.

Портрет этот не был закончен Недом. Виконт, опасаясь, что при доработке может исчезнуть поразительное сходство с оригиналом, приказал покрыть холст лаком, вставить в раму и повесить в своем верхнем кабинете так, чтобы картина была хорошо видна из-за письменного стола. При свечах портрет еще более оживал. Казалось, что беспокойное пламя отражается в глубине холодных зрачков миледи. Ей самой портрет не понравился, но удивительный талант и мастерство юного художника признали все.

Незадолго перед своим отбытием на фрегат «Виндзор» виконт пригласил мистера Джернса в свой кабинет. Кивком он указал художнику на портрет миледи.

— Скажите, где, по-вашему, учился наш новый живописец, — спросил сэр Фредрик у старика, — и сколько времени он мог провести в обучении?

— Он говорит, что учился в общей сложности менее четырех лет. Манера его письма итальянская. Свои приемы он попросту перенял у какого-то хорошего портретиста. Ему не хватает правильной академической школы, но можно сказать с уверенностью, что будущее у него большое. Поверьте мне!

— Мистер Джернс, по некоторым причинам я полагаю необходимым держать этого юношу в течение нескольких месяцев моего отсутствия под вашим неотступным наблюдением, но... пусть это не бросается в глаза самому ученику. Я не желаю, чтобы он делал кар-

тины на сторону... Занимайтесь с ним побольше. Эта обязанность, надеюсь, не обременит вас?

— Нисколько. Он с таким рвением предается работе!.. Его трудно оторвать от мольберта и этюдника!

Почтенный мастер не подозревал, что он — не единственный «попечитель» Эдуарда Мойнса. Два лица, прибывшие в тот же день с запиской от Вудро Крейга, отрекомендовались виконту как мистер Джоус и мистер Слип и получили вместе с назначением на должность наружных сторожей поместья некоторые дополнительные инструкции владельца.

...Нед стоял в мастерской у мольберта. Он набрасывал углем обнаженный торс натурщика, довольно простоватого на вид парня, Бена Гаукерса, в обязанности которого входила доставка свежего мяса, молока и птицы в замок. После консультации с мистером Джоусом и мистером Слипом виконт сам направил этого Гаукерса в распоряжение обоих художников, давно просивших позволения избрать себе натурщика из числа слуг.

Мистер Огюст Джернс вгляделся в рисунок на мольберте.

— Вы хорошо видите игру света и осязаемо передали упругость плечевых мышц. Но посмотрите, Нед, мышцы на бумаге бескостны. Я не чувствую опоры этих мускулов, а между тем смотрите, как выразительны у натуры его крепкие, чисто саксонские кости плеча. Отложите рисунок, нам придется вернуться к скелету. Вот анатомический альбом. Это единственная книга, которую Рембрандт читал, кроме библии! Возьмите уголь, нанесите на коже этого молодца очертания его костей и постройте на бумаге его скелет в этой свободной сидячей позе. А солнечный блик на плече уберите и никогда не прибегайте во время уроков к дешевым эффектам, способным радовать только неучей и профанов.

Пока ученик разрисовывал углем ребра и плечевые суставы натурщика, следившего с опаской за черными линиями на своих боках и груди, старый мастер, сдвинув очки на лоб, держал анатомический альбом перед молодым художником. За этими занятиями застали обоих мастеров господа Томпсон-младший и Паттерсон, явившиеся без приглашения в мастерскую. Увидев разрисованные кости натурщика, Паттерсон ахнул от неожиданности. Нед закрыл от джентльменов голого крестьянина экраном и вопросительно посмотрел на своего

наставника. Тот узнал обоих гостей и весьма недовольно осведомился о цели их визита.

— У нас с мистером Томпсоном есть дела к виконту, но, оказывается, он уже отправился на борт «Виндзора». Пока лошади немного отдохнут, позвольте взглянуть на ваши последние работы... У вас новый помощник, мистер Джернс?

— Да, это новый служащий замка и мой молодой ученик. Позвольте вам представить мистера Эдуарда Мойнса, господа.

— Очень рад. Паттерсон, директор «Бультонс-банка».... О, какой великолепный рисунок! Да вы большой мастер, господин Мойнс! А этот солнечный блик на плече просто бесподобен!

Мистер Джернс сердито переглянулся с Недом, и тот не смог сдержать улыбку.

— Ричард, господин Джернс сердится, а этот молодой человек улыбается моим комплиментам. Вероятно, я ошибся в оценке рисунка. Что ж, я действительно отнюдь не знаток искусства...

Пока Паттерсон рассматривал рисунок на мольберте, Ричард Томпсон внимательно приглядывался к молодому художнику. Лицо Эдуарда Мойнса отдаленно напоминало ему одного юного подзащитного... Тот был таким же голубоглазым пареньком... Кто же это был, в каком процессе?..

— Мистер Паттерсон, — в раздумье проговорил Ричард, — мне кажется... в лице мистера Мойнса есть что-то знакомое! Знаете, пожалуй, он похож на того мальчика, который служил у вас чертежником, а потом угодил под суд за соучастие в поджоге верфи. Я защищал его на суде, и бедный мальчишка был оправдан... Как его звали?.. Вы не припоминаете, Паттерсон?

— Его звали Бингль, будь он проклят. Джордж Бингль... Да, пожалуй, у мистера Мойнса есть отдаленное сходство с тем бездельником... Прошу прощения, мистер Мойнс!

Нед Мойнс молча поклонился. Потом, склонившись над мольбертом и не глядя на джентльмена, он спросил безразличным тоном:

— Какая же судьба постигла этого мальчика?

— Не знаю, мистер Мойнс, но этим очень интересовался тот старик, у которого мальчик жил и обучался черчению. Я забыл его имя, — сказал адвокат.

Паттерсон глубоко вздохнул.

— Это был мой старший чертежник, Вильям Барлет, прекрасный знаток кораблестроения. Он и сейчас работает в конторе верфи. Славный старик... Как он горевал об этом негодном Бингле! Ведь мальчишка был старику вроде родного сына. Но я слышать не могу имена всех этих негодяев, погубивших мою верфь! С вашей помощью, мистер Ричард, Джорджа Бингля потом выпустили. Говорят, какой-то рыбак явился за ним, и он исчез. К черту их! Сжег бы их всех на адском огне вместе с проклятым Фернандо Диасом! Вы испортили мне настроение, мистер Томпсон. Мы сейчас же поедем домой.

— Пожалуй, и мы поработали достаточно, Нед. Иди домой, Бен Гаукерс, — сказал старый мастер натурщику, успевшему одеться за спасительным экраном.

Натурщик бочком выбрался из-за экрана и улизнул весьма проворно. Оба джентльмена стали откланиваться. Ричард еще раз подошел к мольберту и вполголоса спросил молодого художника:

— Мистер Мойнс, я очень хотел бы заказать вам один... женский портрет. Вы согласились бы написать прелестную девушку... лучшую в Бультоне?

— Если мистер Джернс разрешит, то с большим удовольствием.

— Нет, мистер Томпсон, этого я не могу позволить Неду. Господин виконт запретил ему выполнять чьи-либо заказы.

— Что ж, очень жаль! До свиданья, господа.

Сквозь окно мастерской, мутное от зимнего дождя, Нед Мойнс видел, как Паттерсон и Томпсон усаживались в экипаж. Но он не видел, как один из двух новых замковых сторожей, коротко переговорив с Беном Гаукерсом, побежал следом за коляской и догнал ее у выезда на шоссе. Вкрадчиво-вежливым тоном, исключающим всякую возможность отказа, человек попросил разрешения доехать до порта. На улице Портового Маяка он, к удовольствию кучера, соскочил с козел и торопливо направился к таверне «Чрево кита».

— Это вы, Слип? — вгляделся в него хозяин таверны. — Что-нибудь новенькое из Ченсфильда?

— Паттерсон и Томпсон беседовали с Эдуардом Мойнсом. Бен Гаукерс был при этом. Парень не дурак. Он сделал важные наблюдения. Адвокат Ричард Томпсон тоже нашел сходство между Мойнсом и мальчишкой-чертежником с верфи, Джорджем Бинглем. Подо-

зрение как будто подтверждается. Гаукерс заметил, как Мойнс вздрогнул и отвернулся. Значит, старуха Полли, соседка покойной матери Бингля, дала нам в руки, сама того не подозревая правильную нить. Миссис Барлет, жена старика чертежника, проболталась ей...

— Знаю, Слип, знаю! — прервал его Вудро Крейг.— Все это... оч-чень занятно!

Два тяжелых фрегата, «Виндзор» и «Уэллс», подняли якоря в Бультонском порту, вышли в Ирландское море и, обогнув берега Корнеуэльса, легли курсом на Портсмут.

Стопушечный двухдечный «Виндзор» шел первым. На его капитанском мостике стоял виконт Ченсфильд в бортфортах и мундире офицера королевского флота Британии. «Уэллс» следовал в кильватере «Виндзора». Оба судна виконт построил, оснастил и снарядил в подарок его величеству от лица компаньонов «Северобританской компании». Виконт Ченсфильд вел свои корабли на соединение с главными силами королевского флота...

Склонившись над столом, старший чертежник мистер Вильям Барлет рассматривал большой рисунок пятимачтового корабля.

— «Король Георг III», — бормотал он. — Похож на «Окрыленного», но уже не то... Сработан не так, как старые наши корабли, с верфей мистера Паттерсона! Едва ли на морях появится в ближайшие десять лет соперник «Окрыленного». Еще два-три месяца, и он опять будет как новенький. В хороших руках он еще наделает чудес. Покамест — свыше десятка потопленных кораблей и ни одного непоправимого повреждения. Хороший счет!

Мистер Гарвей, бывший корабельный мастер, ныне управляющий верфью, вошел в бюро.

— Старина! Мистер Паттерсон приглашает вас в Ченсфильд. Какое-то срочное дело. Коляска уже прислана за вами. Отложите-ка чертежи и одевайтесь потеплее.

Двуколка с каким-то седоком ожидала у ворот. Когда мистер Барлет уселся, его сосед тряхнул вожжами, и легкий экипаж быстро понесся по оледенелой мостовой. На шоссе сосед Барлета сдержал лощадь и пустил ее шагом.

— Мистер Барлет, позвольте представиться: Слип, помощник шерифа. Должен подчиниться прискорбной необходимости известить вас, что вы арестованы.

Старик вытаращил глаза от неожиданности и почувствовал неприятный холодок в спине... Всего несколько месяцев назад под его кровом провел два дня некий милый юноша, который в прошлом был весьма близок его старому сердцу... Юноша предупредил, что скрывает от полиции свое настоящее имя... Уж не попался ли мальчик с какой-нибудь проделкой?

Однако старик почел за благо нахмурить брови и заговорить возмущенным тоном:

— Зачем вы ввели меня в заблуждение? Мне кажется, что можно было предупредить меня в конторе! За шестьдесят лет это случается со мною впервые.

— Если уж так суждено, то когда-нибудь это случается впервые,— успокоил его мистер Слип.

Весь дальнейший путь прошел в молчании. У ворот Ченсфильда экипаж был встречен привратником и мистером Джоусом, новым «замковым сторожем».

— Пройдите сюда, мистер Барлет, — приказал Слип, указывая на винтовую лестницу, ведущую в левую башенку замка. — Здесь вас ожидает приятная встреча со старым знакомым.

Барлета ввели в небольшую круглую комнату со сводчатым потолком. Четыре узких стрельчатых окна были наглухо завешаны шторами. Несколько рисунков украшали оштукатуренные стены. На столе валялся альбом карандашных набросков.

— Попросите-ка сюда из мастерской мистера Мойнса, — приказал Слип своему помощнику Джоусу.

Эдуард Мойнс увидел испуганное лицо Барлета, уже перешагнув порог.

— Пожмите друг другу руки, мистер Барлет и мистер Бингль, — нежным и зловещим голосом пропел агент. — Старые друзья встречаются вновь, не так ли, Джордж Бингль? Теперь потрудитесь объяснить, зачем вам понадобилось втереться в дом милорда под вымышленным именем.

Молодой человек бросил быстрый взгляд на Барлета и, не проявив смущения, отвечал беззаботно:

— О моем сходстве с каким-то Бинглем мне еще неделю назад сказал мистер Томпсон. Это сходство ввело в заблуждение и вас, господа. Имя и личность Джорджа Бингля мне неизвестны.

Джоус, младший по чину из двух агентов, повернулся к Барлету:

— Подтверждаете ли вы, что стоящий перед вами молодой человек есть не кто иной, как ваш бывший ученик, некогда посаженный в тюрьму за соучастие в поджоге бультонской верфи?

— Во-первых, мой ученик оказался непричастным к поджогу и был вскоре освобожден. Во-вторых, я, правда, тоже замечаю некоторое сходство между этим юношей и Джорджем Бинглем, но полагаю, что оно чисто случайное.

— Вот как? Следовательно, когда вы приютили у себя именно этого молодого человека, вы не узнали в нем вашего ученика?

— Н-нет, не узнал и, повторяю, убежден в случайности этого сходства.

— Скажите, Барлет, а узнали бы вы мать Джорджа и Томаса Бингля?

— Разумеется, я узнал бы женщину, приходившую ко мне каждую неделю за сыном. Уж не собираетесь ли вы откопать ее из могилы?

— Нет, откапывать ее могилу надобности нет. Но, может быть, вы скажете нам, кто изображен на этом рисунке?

С этими словами мистер Джоус раскрыл альбом Эдуарда Мойнса. Лицо покойной тетушки Бингль как живое глядело со страницы. При виде рисунка Барлет понял, что сопротивляться бесполезно. Потупился и Эдуард Мойнс. Игра была проиграна...

— Видите, мистер Барлет, как напрасны попытки обмануть закон. Итак, вы подтверждаете, что приютили Джорджа Бингля после его выхода из госпиталя святого Христофора?

Старик угрюмо молчал.

— Вы напрасно еще увеличиваете свою вину запирательством, — произнес Слип наставительно, — ибо ваша супруга, несмотря на полученное запрещение, недавно рассказала бывшей соседке Бинглей, тетушке Полли, что у вас в доме появлялся Джордж... А тетушка Полли поделилась новостью... с супругой мистера Джоуса...

— Оставьте старика в покое! — резко сказал молодой человек.

— Охотно удовлетворил бы ваше желание, весьма охотно, но имею некоторые основания полагать, что

бультонский судья пожелает осведомиться, с какой целью почтенный мистер Вильям Барлет принял участие в обмане милорда. Вам обоим придется погостить здесь до возвращения виконта Ченсфильда из плавания, ибо мы не намерены начинать следствие без его ведома... Джордж Бингль, именем закона я арестую вас!

2

Лорд Артур Стенфорд проснулся в сумерках. Он выглянул из-под полога постели, увидел сереющий за оконными шторами рассвет и вспомнил, что сегодня ему предстоит трудный день. Из Ченсфильда должна приехать кузина Эллен. Это ее первый визит в Дональд-Корт после вторичного замужества. О новом ее супруге ходят разноречивые слухи, но лица, извлекающие удовольствие из передачи сплетен о виконте, делают это все более приглушенным тоном: портить отношения с владельцем Ченсфильда становится небезопасным! Это имя приобрело известность в очень высоких сферах. Впрочем, кузина Эллен пишет, что приедет без мужа, так как сэр Фредрик на днях отбыл в морской поход...

Все затруднения заключаются в том, что проводить кузину Эллен вызвался не кто иной, как сэр Генри Блентхилл, и теперь в доме неизбежна встреча двух враждующих джентльменов, ибо под кровом Дональд-Корта уже вторую неделю гостит сэр Гарри Хартли, молодой граф Эльсвик.

Сэр Генри Блентхилл — старый товарищ лорда Артура, друг его юности, а ныне — добрый сосед виконта Ченсфильда и, как поговаривают, слишком близкий приятель его жены. Гарри Хартли лет на двадцать моложе лорда Артура; в его обществе лорд Артур и сам чувствует себя моложе и беззаботнее. Он уже почти согласился с предложением своего молодого гостя совершить небольшое путешествие на яхте в Норвегию, как вдруг письмо кузины Эллен спутало все карты. Уехать до ее прибытия было бы ужасающе невежливым...

— Гарри проснулся? — спросил лорд Артур у камердинера, помогавшего ему одеваться.

— Граф уже в столовой. До завтрака осталось шесть минут, милорд.

Жена лорда Артура, леди Агнес, приветливая и величественная дама, строго соблюдала почти воинский порядок семейных трапез. Дом жил по часам и гонгу. «Точность — это вежливость королей», — любила повторять леди Агнес. Воткнув перед зеркалом золотую булавку в свой пышный галстук, лорд Артур взглянул на угловые стенные часы, стоявшие в красном высоком ящике, и точно, с первым ударом гонга, спустился в столовую.

Его пятнадцатилетний сын Роберт оживленно обсуждал с молодым Гарри Эльсвиком наилучший способ защиты против нового испанского приема нападения с ложным выпадом. Уроки фехтования Роберт брал теперь у отставного французского капитана, недавно предложившего лорду Артуру свои услуги в качестве гувернера и ментора его сыновей. Рекомендации месье Шарля Леглуа оказались превосходными, и французский экс-капитан остался в Дональд-Корте.

По лицу мужа леди Агнес заметила, что он несколько встревожен. После завтрака, когда из фехтовального зала стал доноситься стук рапир и азартные возгласы Роберта, лорд Артур сообщил жене о письме кузины Эллен, полученном лишь накануне вечером с гонцом из Уольвсвуда.

— Я никогда не любила Эллен Грэхэм, — призналась леди Агнес, — хотя, собственно, мне решительно не в чем упрекнуть ее. Но твои опасения кажутся мне совершенно напрасными. Я очень рада приезду Генри, и уверяю тебя, у нас в доме он помирится с графом. Гарри, по-моему, уже начинает скучать в Дональд-Корте. Я даже благодарна кузине, что ее прибытие помешает вашей сумасбродной поездке в Норвегию.

— И все-таки я очень прошу тебя, Агнес, не выпускать Гарри из своего поля зрения. Чем ничтожнее поводы для вражды, тем непримиримее противники. Соперничество у них буквально во всем. Генри Блентхилл выдумал недавно, что угодья по Кельсексу принадлежат графу Эльсвику незаконно и что все права на них имеет двоюродный дядя Генри. А поскольку Генри — единственный наследник этого дяди, то он собирается отсудить их с помощью своего адвоката Мортона. Узнав об этих смехотворных претензиях, Гарри Эльсвик заявил, что затравит собаками первую же судейскую крысу, которая сунет нос на его земли. Не забудь, что они соперники и на политическом поприще: оба выставили

свои кандидатуры на единственное парламентское место от нашего округа...

— Артур, — сказала леди Стенфорд, — я готова выполнить твое желание и наблюдать за Гарри и за Генри, как Аргус[1], но через несколько дней вы втроем будете хохотать над твоими нынешними опасениями. Две недели я вижу Гарри за столом и до сих пор не слышала от него серьезного слова. Даже трудно представить себе, что Гарри, этот мальчик, находящий удовольствие в обществе нашего Роберта, готовится к политической деятельности в близком будущем.

— У Генри Блентхилла больше купленных голосов и больше шансов занять депутатское кресло; разумеется, у него и более зрелый ум. Но если в Гарри Эльсвике проснулся дух соперничества, то он поставит на карту все, даже свои угольные копи, чтобы опередить противника. Опасность таится именно в его ребяческой запальчивости... Впрочем, я первый буду радоваться, если ты окажешься права и в результате нечаянной встречи джентльменов погаснет их нелепая вражда.

В распахнутые ворота замка графов Стенфорд на рысях влетел экипаж, сопровождаемый всадниками. Каретные рессоры, гнутые наподобие скрипичного ключа, упруго раскачивали продолговатый кузов. Грохот колес отозвался гулким эхом на огромном, плохо мощенном дворе Дональд-Корта. Лакей соскочил с запяток, помещавшихся между высокими задними колесами, забежал вперед и помог кучеру остановить у крыльца три пары серых рысаков, одинаковых до неправдоподобия.

Дворецкий поспешил навстречу гостям, но один из всадников, высокий джентльмен в плаще, уже успел соскочить с коня и распахнуть выпуклую дверцу; форейтор проворно подставил подножку; леди Эллен, опираясь на руку высокого джентльмена, ступила на крыльцо. Подоспевшим лакеям осталось только извлечь из недр кареты два объемистых чемодана, три картонки разных размеров, визжащего бультерьера величиною с кулак, ворох пледов и шалей, а также полнотелую камеристку Бетси.

В вестибюле высокий джентльмен помог миледи снять шубу — величественное, пушистое и почти неве-

---

[1] **Аргус** — в древнегреческой мифологии многоглазый великан, неусыпный сторож, убитый Гермесом.

сомое творение из русских соболей, гагачьего пуха и нежнейшего атласа. Свой куний палантин на светло-розовом шелку виконтесса уронила с плеч, даже не взглянув, чьи услужливые руки подхватят его на лету.

Общество в Дональд-Корте, только что закончившее традиционный «пятичасовой чай», предавалось легкой болтовне в гостиной, когда дворецкий объявил о прибытии виконтессы Ченсфильд и маркиза Генри Блентхилла.

Гарри Хартли, граф Эльсвик, насупился и не покинул своего кресла за карточным столиком, которое он занимал против леди Агнес. Хозяин дома и месье Леглуа встали навстречу гостям. Дворецкий распахнул двери. Сэр Генри Блентхилл задержался на пороге, пропуская миледи вперед. В пуховом дорожном костюме, маленькой горностаевой шапочке на золотых волосах, порозовевшая от легкого морозца и чуть взволнованная предстоящей встречей, виконтесса была просто ослепительна. Гарри Эльсвик уставился на нее изумленными очами и, медленно распрямляя свои длинные ноги, поднялся с места. Генри Блентхилл следовал за дамой с воинственным выражением лица. Месье Леглуа расцвел и расшаркался. Лорд Артур, пряча тайное беспокойство под приветливой улыбкой, пожимал руку сэру Генри. Затем он представил кузине Эллен своего друга, графа Эльсвика, и, наконец, оба враждующих джентльмена надменно раскланялись короткими кивками.

— Вы пожаловали к нам, кузина, как живая архангельская зима или сама царица Екатерина, — улыбнулся лорд Артур. — За сколько часов вы пролетели девяносто миль?

— Мой лучший друг, супруга сэра Генри, долго удерживала меня от этой поездки. Это она настояла, чтобы сэр Генри непременно проводил меня по зимним дорогам до Дональд-Корта. Говорят, что сейчас путешествовать не совсем спокойно.

— Увы, это правда, — подтвердил хозяин замка.— В последнее время крестьяне-арендаторы превратились в грабителей на больших дорогах. Земля нужна под пастбища для овец, цены на шерсть стоят очень высоко. А эти мужики воображают, что мы обязаны век сдавать им в аренду наши угодья и не можем уже распоряжаться по-своему в своих собственных поместьях...

— С ними нужна твердость, кузен! Супруг мой до-

бился от нашего мирового судьи приговора — повесить трех браконьеров, схваченных в нашем лесу... Но путешествие сюда было чудесным! — щебетала виконтесса. — Муж послал со мною двух конных егерей, а сэр Генри взял еще грума.

Леди Агнес заметила меховые сапожки виконтессы, украшенные своеобразным узором.

— Какая прелесть эта русская зимняя обувь! — воскликнула хозяйка дома. — Мне очень хотелось бы иметь такие северные сапожки, зимой у нас в Дональд-Корте так холодно... Это, вероятно, тоже архангельская покупка?

— Да, конечно. Джеффри Мак-Райль, наш агент, часто присылает нам русские меха. Агнес, у меня с собою целый чемодан маленьких русских пустяков для вас и для кузена.

Общество разошлось и вскоре вновь собралось в столовой. Пока гости рассаживались, леди Агнес успела шепнуть мужу:

— Кузина и виконт сделали нам почти царские подарки. Знаешь, эти «маленькие пустяки»...я просто потрясена. Ты никогда не дарил мне таких дивных соболей, мой друг. Он сказочно богатеет, этот наш новый родственник! А кузина никогда еще не была такой красавицей... Ты видишь ее бриллианты? Они во сне не приснились бы ей, будь она до сих пор женой нашего бедного Джорджи...

Несмотря на старания хозяев создать непринужденную атмосферу за столом, а может быть, именно в силу этих стараний, обед прошел натянуто и вяло. Месье Леглуа весьма неудачно пытался оживить застольную беседу остроумием, которое лорд Артур оценил как «юмор казармы». После изречения, что на свете стоит жить лишь ради хорошенькой женщины, кровной лошади и доброго поединка, месье Леглуа поймал негодующий взгляд хозяйки, спохватился и увял.

За кофе граф Гарри Эльсвик нечаянно опрокинул рюмку греческой мальвазии. Лакей переменил рюмку и ловко прикрыл салфеткой расплывшееся на скатерти багровое пятно, похожее на рану.

3

Смуглый человек в черном плаще соскочил, потрясая небольшим саквояжем, с подножки дилижанса пе-

ред гостиницей «Белый медведь». Он обогнул здание бультонского собора и, насвистывая французскую песенку, устремился по направлению к порту. На улице Портового Маяка человек взлетел по грязной лестнице на второй этаж неуютного дома, населенного разношерстным народом. В полутемном коридоре он столкнулся с хозяйкой квартиры, у которой снимал две комнаты с окнами на улицу.

— А, мистер Алекс Кремпфлоу, наконец-то мы вас дождались домой!

По тону хозяйки можно было заключить, что она благоволит к этому жильцу. Почтенная женщина проследовала за приезжим в его покои и немедленно принялась смахивать тряпочкой пыль, осевшую на всех предметах за время отсутствия мистера Кремпфлоу.

— Непременно запрещу верхним жильцам устраивать эти дикие пляски и топать ногами. Видите, штукатурка осыпалась на все ваши вещи, мистер Кремпфлоу... За последние два месяца вас чуть не каждый день спрашивал какой-то мистер Гримльс.

— Да, я немного запоздал с возвращением. Ведь живешь один раз, мэм, а я вернулся из Парижа... Как поживают ваши жильцы? Что нового?

— Все по-прежнему, мистер Кремпфлоу. Только мистер Френк Вилерс уже два месяца как отправился в далекое путешествие. Хороший он жилец, вроде вас. Мистер Вилерс нанялся на транспорт «Омега» и отправился воевать в Америку...

— Хорошо, спасибо за новости, мэм. Пошлите-ка мне вашего мальчика, надо растопить камин... Сбегай в таверну «Чрево кита», — сказал жилец юному служителю хозяйки, — и закажи для меня у мистера Крейга рому и корицы для грога. Пусть он пришлет мне все это со своим рассыльным.

Когда все заказанное мистером Кремпфлоу появилось на столе, он потребовал у хозяйки сахару и горячей воды. Приготовлением напитка он занялся сам. При появлении хозяйки с горячей водой он небрежно скомкал счет из таверны и бросил его в камин. Хозяйка отправилась за обедом для жильца.

— Вудро редко покидает свою стойку, — пробормотал мистер Кремпфлоу.— Сегодня, в шесть вечера, он зовет в уютный домик. Венсли и Гримльс тоже будут там. Что ж, это теплые ребята. Видно, у старика есть

для меня что-нибудь настоящее. Без хорошей работы и жить-то на свете скучновато!

Отпустив последнего клиента, Ричард Томпсон велел своему старшему клерку Дженкинсу повесить над входом в контору белую дощечку с надписью «Закрыто» и запереть двери. Был ноябрьский субботний вечер, и адвокат имел все шансы провести его остаток не без удовольствия.

— Три — всегда было моим счастливым числом, — говорил он, обращаясь к мраморному Меркурию на медной подставке. — Дай-ка я сам на прощанье сотру с тебя пыль, летучий посланец богов и покровитель торговли! Сегодня, мой дорогой божок, я хотел бы обладать твоими крылатыми сандалиями! Сердце подсказывает, что нынче — большой день моей жизни. Мой дорогой покойный отец от души одобрил бы третий выбор своего Ричарда. А она... О, ее глаза так ясно говорят, что она ждет только моего решительного слова! Сегодня оно будет произнесено!

В этот вечер семейство мистера Томаса Неттера, начальника бультонской таможни, тоже находилось в нетерпеливом ожидании. Все взоры были устремлены на старшую дочь, мисс Люси, девицу двадцати четырех лет, любительницу грустных стихов, рыбной ловли и остро приправленных уксусом соусов. Нетерпение в домике таможенного чиновника было понятным, ибо мистер Томпсон многозначительно просил разрешения приехать в субботу для важной беседы с Люси и ее отцом.

Даже без крылатых сандалий римского бога адвокат понесся домой с предельной скоростью и в пути награждал угрюмого Флетчера шутливыми толчками в спину. Тот, почуяв возможность некой дополнительной мзды на лишний стаканчик, погонял рыжую кобылку изо всех сил.

С большим неудовольствием мистер Томпсон увидел дома чужой черный плащ на вешалке. В маленькой гостиной сидел незнакомец в модном парижском камзоле, парике с очень короткой косицей и черных чулках. Нагловатое лицо клиента сразу не понравилось Ричарду. Он решительно заявил, что до понедельника никого принять не может, и, сопровождаемый дряхлым Френсисом, проследовал в кабинет.

— Сэр, этот человек ожидает уже целый час и говорит, что вы непременно его примете, если узнаете,

какое у него к вам дело. Говорит, что он из Эдинбурга.

Адвокат взглянул на часы. Его ожидали к девяти, сейчас была половина восьмого. Туалет, приличествующий высокоторжественному случаю, был заранее приготовлен Френсисом и разложен на диване.

— Проси, — буркнул он, и незнакомец вошел в кабинет. — С кем имею честь?

— Меня зовут Филипп. Я человек эсквайра мистера Неттера, владельца поместья «Тихий приют» в Тренчберри. Извольте получить письмецо.

В Тренчберри находилось имение, принадлежавшее престарелому бездетному дяде Люси.

— Так вы не из Эдинбурга?

— Никак нет. Родом я из Эдинбурга, а служу в Тренчберри. Письмецо будет от одной особы...

При этих словах лакей неприятно осклабился.

Ричард схватил надушенный розовый конверт, запечатанный облаткой в виде летящего голубка. Оторвав простроченный кантик, аккуратно склеенный по трем сторонам, адвокат прочел следующие строки:

«Милый мистер Ричард,

эту записку вручит вам Филипп, человек моего дядюшки. Он приехал за нами из Тренчберри, потому что бедный дядюшка умирает. Мы с папой и мамой должны немедленно туда отправиться.

Если бы вы, милый друг, пожелали скорее утешить нас в этом большом горе и присутствовать при вскрытии завещания, то приезжайте в Тренчберри. Мы выехали в наемной карете в седьмом часу вечера; может быть, вы догнали бы нас в легком экипаже. Если бы вы решили ехать (папа тоже был бы очень обязан вам за помощь при разборе бумаг), то возьмите с собою Филиппа.

Ваша *Люси*».

Мистер Томпсон с сожалением посмотрел на разложенный парадный костюм. Пожалуй, ехать приличнее в повседневном платье... Мистер Томпсон, отвернувшись, быстро поцеловал подпись мисс Люси и спрятал письмо на груди.

— Позовите Флетчера! — крикнул он слуге. — Мама у себя?

— Миссис на заседании благотворительного комитета. Она приказывала послать за ней лошадь к девяти.

— Флетчер, заложите в шарабан обеих лошадей. Мы едем в Тренчберри. Скажи Долли, чтобы она привезла матушку в наемной карете, и передайте ей о моем срочном вызове за город. Вряд ли я вернусь раньше понедельника. Вы без лошадей, Филипп?

— Прибыл сюда почтовым дилижансом. Если позволите, помещусь в вашем экипаже.

— Хорошо, можете ехать со мной. В каком состоянии вы оставили больного?

— Ох, уже без памяти! Вся левая половина отнялась. Верно, уже преставился, царство ему небесное. Добрый был господин!

— Правда, что на дорогах у вас шалят?

— Истинная правда! Сколько, прости, господи, развелось этих мужиков-убийц по дорогам! Грабят, убивают господ! Имения поджигают!

— Вы умеете обращаться с оружием, Филипп?

— Так точно, обучены. Из пистолета даже случалось стрелять...

Мистер Томпсон извлек из пыльного ящика под столом пару старых заржавленных пистолетов, из-за спинки дивана — шпагу с литым медным эфесом. Еще покойный мистер Уильям надевал ее к парадному мундиру в дни своей молодости. Клинок был слегка погнут, и оружие едва ли внушало бы уважение уличному воришке. Натянув на ноги теплые конькобежные ботинки, подбитые мехом, адвокат завернулся в зимний плащ, натянул на голову капюшон и предложил лакею из Тренчберри садиться в экипаж. Выходя из кабинета, тот бросил в корзинку под столом адвоката несколько смятых клочков бумаги.

Кухарка с крыльца посмотрела вслед удаляющемуся экипажу и затем убрала со стола нетронутый обеденный прибор.

Очертания кустов и деревьев расплывались в сизо-серой мгле зимнего вечера. Выпал первый снежок; колеса превратили его на дороге в грязную жижу, но в канавах и под кустами пятна снега белели на темной, подмерзшей земле. Небо очистилось от облаков, и небесный охотник Орион с алмазным мечом у трехзвездного пояса стоял прямо над вершинами леса.

Полночь близилась, когда у брода через лесной ручей остановились два путника. Все расстояние от ок-

раины Бультона до этого брода путники проделали пешком и не заходили по дороге ни в один трактир. Оба были одеты в куртки и шапки простых земледельцев, держали в руках тяжелые дубинки, но разговаривали между собою языком горожан.

— Это здесь, Венсли, — сказал старший, осматриваясь по сторонам. — На целую милю кругом — сплошной лес. Алекс приглядел хорошее местечко.

— Далеко ли отсюда до берега Кельсекса? — спросил его товарищ. — Темновато сейчас разбираться в незнакомом лесу. Надо было прийти засветло.

— Алекс мне все растолковал. Ручей впадает в Кельсекс, должно быть, вон за теми кустами... Пойду взгляну...

Старший перескочил через канаву и скрылся в кустарнике. Спутник его не спеша прохаживался у брода, прислонив свою дубинку к дереву. Среди голых ветвей чернели вороньи гнезда и слабо просвечивал отблеск северных созвездий. Гримльс долго не возвращался.

— Темновато, черт побери! — пробормотал Венсли.— Не разберешь ни масти лошадей, ни цвета шарабана. Как бы не ошибиться...

Он приподнял наушник суконной шапки, опущенный с боков и сзади до самых плеч, и прислушался. Неподалеку похрустывали в кустах сучки под ногами Гримльса. Каждый шорох отчетливо разносился в сухом, морозном воздухе, рождая дальние отзвуки.

— Рыжая кобылка и чалый мерин, желтый шарабан с поднятым верхом. Кучер и двое седоков. Алекс должен сидеть справа. Когда лошади войдут в ручей, он крикнет: «Сэр, лошади боятся воды!..» Нападать, как только запряжка минует брод и начнет брать подъем... Эге, цокают копыта!

Тихим свистом Венсли подозвал Гримльса. Тот перешагнул через кучу слежавшегося снега в канаве.

— Середина реки свободна от льда. Течение довольно быстрое. У берегов — тонкая кромка, человека едва ли выдержит... Чего ты свистел?

— Едут... Слышишь?

Венсли и Гримльс скользнули за ближайшие к броду деревья. Оба приготовили дубинки и ощупали рукоятки ножей под куртками.

Из-за поворота дороги показался экипаж. Напрягая зрение, Гримльс различил, что левая лошадь темнее

правой. Перед спуском к броду упряжка чуть сбавила свою быструю рысь.

— Сэр, лошади боятся воды! — раздался резкий голос правого седока, но кучер стегнул по конским спинам и прикрикнул: «И-эх, верблюды!»

Раздался плеск воды и скрежет железных шин по каменистому дну ручейка, из-под копыт полетели комья смерзшейся глины: упряжка вынесла экипаж уже на подъем. Гримльс бросился вперед и замахнулся дубинкой на лошадей. Кони рванулись вправо, экипаж стал посреди дороги, кучер свалился с козел.

— Эй, проклятый лендлорд, давай деньги! — завопил Венсли, появляясь сзади, из-за деревьев.

Внезапно правый седок вскочил с места и выхватил из кармана железную гирьку. Он с силой размахнулся и... обрушил удар на своего спутника. Тот мешком упал на подножку. Подоспевший Венсли ударил его дубиной.

Гримльс и Венсли оттащили труп в кусты. Алекс Кремпфлоу тряс за воротник оторопелого кучера. Тот лежал у переднего колеса, ушибленный и оробевший. Лошади, запутавшиеся в постромках, дернули, Кремпфлоу отскочил с проклятием. Сквернословя и рыча, он ухватил вожжи.

— Да помогите же мне, дьяволово семя, — прохрипел он своим достойным компаньонам, — не то и Флетчеру придет конец! Эти проклятые твари не хотят стоять на месте! Флетчер, будь проклята моя кровь, да отползи хоть в сторону от колес!

Кучер с кряхтеньем отполз в канаву и встал на четвереньки. Лицо его было перекошено от страха.

— Не трусь, Флетчер! Ползи на четвереньках в лес, сделай небольшой крюк, потом снова выходи на дорогу и ступай не спеша в Тренчберри. Не забудь, что и как ты должен объяснить помощнику шерифа.

— Очень вы меня помяли, ребята, — с усилием проговорил кучер, выбираясь из канавы. — Места живого не осталось...

— Ступай, ступай, побыстрее убирайся отсюда! Нам еще придется немного поработать.

— А как же лошади? — робко спросил Флетчер.

— Лошадей мы выпряжем без тебя и верхом вернемся в Бультон. Не теряй времени, Флетчер, и ты до гроба будешь иметь свое виски утром, в полдень и перед сном!

4

На следующее утро после прибытия в Дональд-Корт леди Эллен весьма рано поднялась и незамедлительно занялась таинствами туалета. Сидя за зеркалом, она внимательно прислушивалась к утренним звукам в доме. Как только из фехтовальной залы стали доноситься частые негромкие удары, миледи шепотом подозвала камеристку.

— Поди узнай, где Блентхилл, — приказала она своей неизменной наперснице.

Бетси исчезла, вернулась и заверила даму, что сэр Генри еще не выходил из своей комнаты.

Свежая, как утренний ветерок, одетая подкупающе просто и убраная столь искусно, будто сама природа, без прикосновения человеческих рук, сотворила ее прическу, леди Эллен спустилась вниз. Посреди фехтовального зала граф Гарри Эльсвик и месье Леглуа молча бились на эспадронах. Роберт Стенфорд считал «поражающие» удары. Сетки защищали лица спортсменов, кожаные перчатки предохраняли их руки от ранений.

— Я не помешала, господа? Какое горе, что господь создал меня женщиной! Больше всего на свете я люблю спорт, охоту, гонки на воде — и все это для меня полузапретные плоды! Дайте мне рапиру, месье Леглуа, я хочу испытать, сколько секунд я продержусь против первого клинка Оксфорда. Граф, извольте защищаться!

К своему изумлению, граф Эльсвик оказался перед незаурядной фехтовальщицей. Первые выпады прекрасной амазонки он отвел шутя, но когда кончик ее рапиры трижды тронул его плечо и грудь, он сбросил решетчатую маску и стал обороняться тщательнее. В пылу сражения граф не заметил, что с его клинка соскочил защитный наконечник.

— Милорд, — подсказал Леглуа шутливо, — у вас, по-видимому, серьезный противник. Попробуйте испанский прием.

Увлекшийся граф последовал совету ментора, обманул противницу ложным выпадом и сделал молниеносный короткий укол при вывернутой кисти. Миледи слабо вскрикнула и уронила рапиру. Чуть выше ее левой подмышки показалась алая капелька крови. Виконтесса испугалась, побледнела, и встревоженный Гарри Эльсвик подхватил ее за талию.

— Как это случилось? — воскликнул Роберт. — Бо-

же, ваша рапира не имеет наконечника, Гарри! Миледи, вы ранены?

В эту минуту в дверях показался сэр Генри Блентхилл.

— Это просто царапина, — произнесла виконтесса: губы у нее побелели и дрожали. — Зато я теперь на всю жизнь сохраню след моей встречи с лучшей шпагой Оксфорда! Благодарю вас, граф!

Продолжая опираться на руку противника и не взглянув на сэра Генри, виконтесса вышла из зала. Сэр Генри, кипя от негодования, остался на пороге, а граф Эльсвик проводил даму до самых дверей ее комнаты. Здесь, уже приоткрыв дверь, она томно посмотрела ему в глаза и прошептала:

— Обещайте мне вести себя благоразумно, если бы тот, бешеный, вздумал разыгрывать роль моего защитника. Во всем виновата я одна, и никто, кроме моего супруга, не имеет права...

Тут у виконтессы закружилась голова, она пошатнулась и на мгновение обвила рукой плечи кавалера. В следующий миг раненая амазонка исчезла за дверью. На своем белом жабо Гарри заметил влажный отпечаток алого пятнышка... Ошеломленный, с пьянящим чувством головокружения, он шел по коридору, ничего не видя перед собой; у лестницы он лицом к лицу столкнулся с Генри Блентхиллом.

— Угодно вам условиться о нашей встрече? — спросил сэр Генри надменным тоном.

— В любую минуту готов к вашим услугам, — бросил граф небрежно, показывая всем своим видом, что встреченный джентльмен являет собою самое незначительное и пустое препятствие на пути.

— Молокосос! — Прошипев это слово и задыхаясь от ярости, сэр Генри схватил графа за плечо, повернул к себе лицом и легонько задел его по носу парой лайковых перчаток, которую держал в руке.

На языке джентльменов это была полновесная и оглушительная пощечина. Граф взревел и, как раненый вепрь, бросился на обидчика. Вынырнувший, словно из-под земли, месье Леглуа развел разгоряченных противников.

Уже через час секундант графа Эльсвика месье Шарль Леглуа и секундант маркиза Блентхилла юный Роберт Стенфорд уединились на нейтральной почве библиотечного зала и под величайшим секретом выра-

ботали условия поединка, предусмотрев все меры, чтобы не затронуть репутации дома и оставить в тени имя благородной леди. Местом встречи была выбрана роща около Шрусбери. По просьбе обоих противников, секунданты их — юный Роберт и месье Леглуа — поклялись дворянской честью, что имя леди Эллен при любом исходе поединка никогда и ни при каких обстоятельствах не будет упомянуто.

Тем временем леди Эллен с немалым беспокойством примеряла очень открытый вечерний туалет. К своему огорчению, она убедилась, что треугольная ранка приходится выше выреза платья. Это совершенно испортило настроение виконтессы, и мысленно она от всей души прокляла неловкого графа. Наконец, с ударом гонга, она спустилась к завтраку, оставив камеристку с нахлестанными щеками, в слезах и одиночестве.

— Вы сегодня бледны, дорогая, — встретила ее леди Агнес. Графиня, подобно всем дамам, перешагнувшим критический возраст, извлекала из такого рода участливых наблюдений над более молодыми особами истинно христианскую радость. — Хорошо ли вы спали после дороги?

— Меня мучили кошмары. Мне снились страшные мужики с дубинками и пролитая кровь. Это последствия наших вчерашних разговоров о мятежниках. Я так впечатлительна!

Лорд Артур развернул газету, доставленную утренней почтой из Бультона. Номер был датирован предшествующим понедельником.

— Боже мой, — воскликнул хозяин дома, пробежав заголовки, — какое несчастье! Близ Бультона погиб от руки этих негодяев... Вы видели вещий сон, кузина! Нет, дальше терпеть невозможно! Я прерву отпуск, чтобы быстрее провести в парламенте билль о проклятых мужланах!

— Кто погиб, Артур? — в один голос спросили обе леди.

— Ричард Томпсон, наш славный молодой адвокат...

Леди Эллен вздрогнула... «О, Фредди, ты поистине страшный противник... Пал еще один твой недоброжелатель... А теперь, если удастся перессорить этих...»

— Прочтите вслух, Артур,— попросила виконтесса тихо. — Или нет, дайте мне газету, и... господа, простите меня... Я поднимусь к себе. Это... так ужасно.

Общество закончило завтрак в молчании. Все знали,

что миледи была некогда помолвлена с погибшим юристом, и все молчаливо склонились перед скорбью женского сердца.

После завтрака лорд Артур занялся в своем кабинете разбором лондонских газет. В них писалось о прибытии из Бультона в Портсмут двух новых фрегатов — «Виндзора» и «Уэлльса». Они как раз поспели к смотру военно-морских сил и были удостоены личным посещением его королевского величества. Король Георг III наградил высоким орденом виконта Ченсфильда и одного из участников блестящего подвига капера «Окрыленный», капитана Блеквуда. Виконт Ченсфильд удостоился чести сопровождать его величество из Портсмута в Лондон, принял участие в заседании лордов адмиралтейства и имел продолжительную аудиенцию у короля, после чего был возведен в ранг контр-адмирала и вышел в море с эскадрой из пяти кораблей, подняв свой вымпел на фрегате «Виндзор».

— Виконт делает быструю карьеру, — заметил лорд Артур, откладывая газеты. — Если бы кандидатуры двух его соперников не имели решающего перевеса над его собственной, он мог бы со временем стать моим соседом в палате.

Леди Эллен забыла и о происшествии в фехтовальном зале, и даже о собственной ране, так поразила ее газетная заметка. Она подозвала Бетси, велела ей вытереть слезы, запереть дверь и прочитать всю заметку вслух. Бетси, часто усыплявшая свою госпожу чтением романов, развернула «Бультонс Адвертайзер» и прочла:

РАЗБОЙНИЧЬЕ НАПАДЕНИЕ НА КОРОЛЕВСКОГО АДВОКАТА. МИСТЕР РИЧАРД ТОМПСОН ПАЛ ЖЕРТВОЙ ДОРОЖНЫХ ГРАБИТЕЛЕЙ

Вчера, на рассвете воскресного дня, купец из поселка Тренчберри, ехавший в Бультон, заметил на эдинбургском шоссе поврежденный шарабан. Заиндевелая трава и снежок, выпавший накануне, сохранили следы двух тел, которые волоком тащили сквозь кусты к обрывистому берегу Кельсекса.

Пока купец осматривал место ночного происшествия, из Тренчберри прибыли помощник шерифа и констебль, ибо утром к ним явился кучер ад-

воката Томпсона, Арнольд Флетчер, и заявил, что неизвестные крестьяне-грабители ночью совершили нападение на экипаж и убили пассажиров. Сам Флетчер, сильно избитый грабителями, лишь случайно остался в живых и с трудом доплелся до Тренчберри.

Флетчер объяснил, что цель поездки мистера Томпсона осталась ему неизвестной. Накануне вечером к адвокату явился один его знакомый из Эдинбурга, по имени Филипп Прейс, и вручил мистеру Томпсону письмо, чрезвычайно взволновавшее адвоката, после чего они вместе отправились в Эдинбург, заявив, однако, членам семьи мистера Томпсона, что следуют в Тренчберри. На глазах у Флетчера оба седока были убиты ударами дубин, а тела сброшены в реку.

К вечеру того же дня энергичными усилиями полиции один из трупов, зацепившийся за корягу, был обнаружен под береговым льдом. В утопленнике был опознан мистер Томпсон. Тело его спутника из Эдинбурга пока не обнаружено, ибо сильное течение снесло его, очевидно, ниже, но черный плащ со следами крови, а также шляпа с надписью «Филипп Прейс» извлечены из воды. Лошади, загнанные и обессиленные, обнаружены в полумиле от Бультона. Очевидно, грабители добрались на похищенных лошадях до города. Преступление совершено, по свидетельству Флетчера, пятью или шестью разбойниками, что подтверждается и данными полиции.

В последний час поступили новые сведения, делающие это происшествие еще более загадочным. Установлено, что мистер Томпсон намеревался покинуть Англию. В распоряжении редакции имеются весьма интересные дополнительные материалы, не подлежащие опубликованию до окончания следствия.

«Монитор», выходящий по вторникам, успел напечатать очень краткую хронику о похоронах адвоката. Бросалось в глаза отсутствие на похоронах городского мэра и судьи, а также других должностных лиц и почетных старожилов Бультона. Весь тон заметки был на редкость сухим.

Виконтесса отослала Бетси и бросила газеты. При

мысли о страшном конце Ричарда ее передернуло: «Ночь в лесу... Дубиной по голове... Ледяная вода... Брр!»

Дверь приоткрылась. Генри Блентхилл стоял на пороге. Виконтесса нежно улыбнулась и протянула ему навстречу руки и губы, как маленькая девочка. Тот прикрыл дверь, заслонил ее своими плечами и сказал ледяным тоном:

— Эллен, я пришел проститься. Обстоятельства требуют моего отъезда.

— Вы покидаете меня, мой друг? — Тон виконтессы изменился. — Ну что ж, я отправлюсь в Ченсфильд одна. Надеюсь, что даже с раненым плечом и трусливой челядью я окажусь счастливее при встрече с разбойниками, чем атерни Томпсон. Прощайте, сэр!

Двумя часами позже Генри Блентхилл распрощался с хозяевами дома. Родители Роберта позволили юноше проводить маркиза до Шрусбери. Утром следующего дня ворота замка Дональд-Корт закрылись и за графом Гарри Эльсвиком. Месье Леглуа тоже просил у лорда Артура разрешения сопровождать графа до Шрусбери, откуда он должен был вернуться вместе с Робертом.

5

Бультонский главный судья и городской мэр мистер Хью Бетлер только что выслушал отчет полицейского агента Слипа. Судья сидел в своем рабочем кресле, облаченный в черный костюм с позументами. Его судейский парик красовался на деревянной подставке, а мантия висела на дверце шкафа, еще не убранная после заседания.

— Ричард Томпсон уже давно был нам подозрителен, — сердито проворчал судья. — Неблагоприятные сведения о нем накапливались у нас годами. Покажите мне записку, извлеченную из его корзинки под столом.

Слип положил на стол перед судьей лист бумаги с наклеенными обрывками записки. Аккуратные руки полицейских чиновников разгладили и подклеили порванное письмо. Теперь можно было без труда прочесть следующее:

«Мистер Т.,

податель этой записки, которого вы, вероятно, припомните по 73-му году, устно сообщит вам подробности нащего провала. Джордж Бингль в

Ченсфильде разоблачен. Эдинбургская группа под угрозой. Дорог каждый час. Постарайтесь прибыть немедленно, но держите ваш отъезд в секрете. Если не можете прибыть лично, пришлите инструкции с мистером Филиппом Прейсом. В случае провала перебирайтесь в Ирландию, а оттуда — во Францию. В Нанте найдете приют.

Ваши эдинбуржцы»

— Записка проливает свет на многое, — сказал судья. — Она свидетельствует о темных связях с шотландскими заговорщиками и их ирландскими и французскими помощниками. Нити ограбления Мак-Райля ведут к Томпсону. Обыск в его квартире показал обилие запрещенных, преступных книг. Найдены письма из Америки от какого-то эсквайра Мюррея. Имеются письма и от моряка-дезертира Эдуарда Уэнта... Заговорщики направили в дом к виконту этого Бингля, которого где-то скрывали до сих пор. Следовательно, и пожар верфи, и мятеж луддитов, и шотландский заговор, — это все звенья одной тайной цепи. Заговорщики, с Томпсоном во главе, злоумышляли против всего Северного графства и его виднейшего деятеля — виконта Ченсфильда.

— Но убийство Томпсона?..

— Это божий суд над злоумышленником! Направляясь тайно в Эдинбург, чтобы, как свидетельствует эта записка, оттуда бежать за границу, Томпсон оказался одной из ночных жертв банды мятежных крестьян. Пособник негодяев сам пострадал от преступных рук. Так бывает нередко!.. Узнайте, Слип, что там за шум за стеной.

Помощник шерифа вышел, но через несколько минут не просто вернулся, а влетел в комнату.

— Милорд, — еле вымолвил он, — ужасная весть! Из Шрусбери получено известие...

— Замолчите, Слип! — сердито прервал его судья.— Шрусбери — это уже не наш округ, а у нас пока достаточно собственных ужасных вестей. Вредно так волноваться из-за чужих забот!.. Ну, что же там такое сообщают из Шрусбери?

Выслушав помощника шерифа, судья и сам переменился в лице. Бормоча проклятия, он на ходу накинул теплый плащ и выбежал из мэрии к своей карете.

На небольшой полянке в нескольких милях от Шрусбери происходили последние приготовления к дуэли. Условия были решительными.

Привязанные кони четырех джентльменов жадно грызли голые прутья кустов у подножия холма, с вершины которого открывался прекрасный вид. Утро было холодное; морозный иней густо покрывал порыжелую траву, примятую ногами соперника.

Сэр Генри Блентхилл вложил в свой первый натиск всю силу накопившейся ненависти. Ему было сорок лет, дважды он бился в сражениях и в молодости уже стоял под пистолетом известных дуэлянтов.

Шпага его с тяжелой рукоятью засверкала, как молния, и граф Эльсвик, проживший на свете почти вдвое меньше своего опытного противника, стал отступать. Клинок маркиза уже коснулся его груди, и кровь окрасила кружево сорочки.

Дуэльные правила разрешали противникам разойтись, но Гарри Эльсвик упрямо мотнул головой и, парируя яростные удары, задел шпагой плечо своего врага. Злоба сэра Генри еще больше возросла. Он становился нерасчетливым.

— Испанский выпад! — услышал он голос чужого секунданта и, отражая ложный выпад, чуть поскользнулся на мху.

В ту же секунду граф Эльсвик, покачнувшись на своих длинных ногах, подался всем корпусом вперед, и острие его шпаги пронзило горло противника.

Пятнадцатилетний Роберт Стенфорд не выдержал страшного зрелища. У мальчика подкосились ноги, и, как подрубленное деревце, Роберт в глубоком обмороке грохнулся наземь.

Неожиданно для графа Эльсвика, еще не успевшего отдышаться, к нему бочком приблизился... его собственный секундант! Гарри Эльсвик в недоумении отступил, заметив обнаженную шпагу в руках француза.

— Защищайтесь, граф, — прошипел месье Леглуа,— кровь дворянина Блентхилла требует мщения!

— Вы с ума сошли, господин Леглуа! Позаботьтесь о вашем воспитаннике. Бедный мальчик лежит без сознания, и нужно привести его в чувство... Да стойте же, черт побери!.. Ах, вы все-таки нападаете? Тогда держитесь, месье, и, видит бог, я не хотел вашей смерти!

Француз, памятуя некоторые инструкции, счел момент для их исполнения самым удачным: единственный

свидетель — в обмороке, Эльсвик обессилен предшествующим боем и едва ли способен к серьезному сопротивлению!..

Вновь скрещенные шпаги зазвенели, высекая искры, новый бой закипел. Но французу пришлось убедиться, что он недооценил своего усталого противника: не прошло и двух минут, как граф Эльсвик ранил своего бывшего секунданта.

Рана была не смертельной, но кровь хлынула обильно. Не разгадав тайных намерений француза и приписывая его неожиданное нападение простой горячности, Гарри... пожалел противника и отвел руку! Именно этого движения и ждал месье Шарль Леглуа... Его шпага блеснула и предательски вонзилась в грудь Гарри Эльсвика. Убитый рухнул, но и француз тоже ослабел от потери крови; он сделал несколько шагов в сторону и без чувств свалился на курчавый мох.

Солнце уже клонилось к закату, когда старуха крестьянка, воровавшая хворост в казенном лесу, услышала жалобное конское ржание и заметила четырех породистых лошадей, привязанных у подножия холма. Она подошла ближе, глянула на лужайку и замерла от неожиданности. Два мертвеца со шпагами в окоченевших ладонях лежали на мху, и снежинки тихо ложились на окровавленное кружево шелковых сорочек. На костюмах и шляпах, брошенных среди кустов, виднелись позументы, пышные перья и украшения.

Рядом с окровавленными трупами лежал без чувств красивый юноша, а чуть поодаль, упав ничком в сухой мох, тихо стонал еще один мужчина, раненный в правый бок. Когда старуха наклонилась над ним, он пришел в себя и прошептал:

— Пришли сюда, матушка, лекаря и оповести здешнего графа и епископа.

Часом позже на воинской повозке в замок Шрусбери были доставлены трупы двух благородных дворян Англии и раненый француз, месье Шарль Леглуа. Сюда же привели бледного, потрясенного юношу, который едва держался на ногах. Одновременно по трем дорогам, ведущим из Шрусбери, во весь опор помчались конные гонцы.

Нерадостную весть везли они в замки Солейсхольма, Дональд-Корта и Уольвсвуда!

Месье Леглуа поправился очень скоро. Благодетельная медицина восстановила силы экс-капитана для то-

го, чтобы переместить его с больничной койки на скамью подсудимых. Суд происходил в Шрусбери. В зале присутствовало всего несколько дворян из ближайшей округи. Среди них был и девяностолетний маркиз, сэр Джон Блентхилл, оплакивавший сына Генри, чьи останки заняли в фамильном склепе место, приготовленное стариком для себя. Показания о подробностях рокового поединка давали обвиняемый, француз Леглуа, и свидетель, трактирщик из Шрусбери.

Оказалось, что близ Шрусбери лошадь Генри Блентхилла вывихнула ногу, и это маленькое обстоятельство задержало его и Роберта в придорожном трактире. На следующее утро в этот трактир прибыл граф Эльсвик с месье Леглуа. Эта случайная встреча двух давно враждующих джентльменов оказалась роковой. Если в гостях у сэра Артура они еще сдерживали себя, то здесь уж ничто не могло их обуздать. Трактирщик слышал, как джентльмены заспорили о правах на какие-то угодья по Кельсексу, и граф Эльсвик нанес сэру Блентхиллу тяжелое оскорбление. Явившиеся в трактирную залу юный Роберт Стенфорд и месье Леглуа застали обоих дворян уже в жестокой схватке. Противников развели, причем Роберт и месье Леглуа пытались помирить врагов, решительно отказав обоим в просьбе принять на себя роль секундантов. Заподозрив, что ссора может окончиться поединком и без секундантов, месье Леглуа на следующее утро пытался проследить за обоими джентльменами, отправившимися на лошадях к холму в роще. Он тоже оседлал коня и спешился у холма, где противники уже обнажили шпаги друг против друга.

Когда месье Леглуа призвал джентльменов к благоразумию, рассерженный граф Эльсвик ударил его шпагой, после чего бедный месье упал замертво и уж не видел, как джентльмены нанесли друг другу смертельные ранения, от которых оба и скончались. Следом за месье Леглуа на поиски джентльменов отправился и Роберт Стенфорд. Увидев место кровавого побоища, юноша от потрясения лишился чувств и был подобран шерифом в бессознательном состоянии. Суд даже не счел нужным привлекать его к следствию по этому делу, что, очевидно, было достигнуто не без влияния самого графа Артура.

За сокрытие от властей приготовлений к дуэли суд приговорил экс-капитана к заключению в тюрьму на два месяца с последующей высылкой из Англии. После объявления приговора месье Леглуа послал прощальный

кивок лорду Артуру и был уведен из залы. Небольшой кортеж дворянских карет и кровных верховых коней в тот же час покинул Шрусбери и рассеялся по его трем дорогам.

6

Гремя цепями, отдал якоря на бультонском рейде адмиральский фрегат «Виндзор», победоносно вернувшийся из четырехмесячного боевого похода. В этом походе эскадра контр-адмирала Райленда разгромила у берегов Канады девять кораблей восставших колонистов и их союзников — французов. Та же эскадра, состоявшая всего из пяти боевых судов, на обратном пути захватила два французских судна с грузами для армии генерала Вашингтона. Контр-адмирал Ченсфильд вернулся в Портсмут, не потеряв ни одного корабля, захватив и утопив одиннадцать неприятельских судов общим водоизмещением в тридцать тысяч тонн. Сам контр-адмирал был ранен в левую ногу и отправился для доклада в Лондон на носилках.

Его величество наградил героя орденом Бани, возвел виконта в ранг адмирала флота и выразил свое удовлетворение по поводу исхода выборов по Северному графству. Из-за бессмысленной гибели двух кандидатов, депутатское кресло в палате от этого графства занял достойнейший дворянин — виконт Ченсфильд. Король повелел новому командиру «Виндзора» вести фрегат в Бультон, чтобы доставить туда раненого адмирала и новоявленного депутата.

На рассвете 30 марта жители Бультона, осведомленные заранее о прибытии знаменитого земляка, услышали орудийный салют «Виндзора» в сто один залп. На пирсе, украшенном флагами, выстроился для встречи адмиральского катера почетный караул. Огромная толпа запрудила набережную.

Адмирал виконт Ченсфильд, прихрамывая, ступил на пирс и проследовал вдоль фронта почетного караула к большой карете, украшенной гербом с изображением отдыхающего льва и надписью «Et pacem bellum finit»[1]. Мэр города, комендант гарнизона и все высшие должностные лица почтительно эскортировали славного бультонца.

---

[1] «Мир венчает войну» (лат.)

Супруга виконта, взволнованная и счастливая, ждала его в глубине кареты, и, едва лишь дверца захлопнулась, две нежные руки обняли шею мужа, облаченную в расшитый воротник адмиральского мундира.

После первых поцелуев муж и жена глянули в глаза друг друга.

— Знаешь, я ведь тоже была ранена в этой войне,— шепнула она с гордостью.

— Я был уверен в тебе, моя золотая русалка, — ответствовал супруг.

По случаю победного возвращения хозяина весь Ченсфильд пировал. Великолепная иллюминация затмила свет луны и звезд. В замковых залах гремела музыка, развевались перья, шелестели шелка, блистал бархат и атлас, усыпанный драгоценностями. На нижних террасах пировали даже крестьяне-арендаторы и челядь.

К ночи, когда на милю вокруг Ченсфильда нельзя было встретить ни одного человека с прямой походкой, виконт поднялся в свой верхний кабинет. Вудро Крейг, ожидавший здесь хозяина больше двух часов, привскочил на своих культяпках.

— Сиди и пей, Вудро, — сказал адмирал. — Ты привел тех троих?

— Они внизу, в комнате за буфетом. Среди народа им лучше не показываться.

Виконт приказал камердинеру привести трех человек из потайной комнаты.

Гримльс и Венсли вошли робко. Они в смущении стали у порога, переминаясь с ноги на ногу. Алекс Кремпфлоу, в кружевах, лентах и пряжках, шагнул вперед и нагловато ухмыльнулся. Он был навеселе.

— Ну, молодцы, — заговорил виконт, не обращая внимания на покушения Кремпфлоу поздороваться за руку, — я доволен вами. Одна змея издохла под вашими каблуками. У вас золотые руки, мистер Кремпфлоу (при этих словах «золотые руки» прекратили свои покушения и спрятались за спину). Вы станете компаньоном мистера Крейга. У вас будет квартира в «Белом медведе», экипаж и респектабельная жена по вашему выбору. Вы, Гримльс и Венсли, возьмите эти чеки и отдыхайте месяц. Затем вы отправитесь в Америку, в распоряжение капитана Бернса. Если к тому времени Каррачиола успеет прибыть туда из Капштадта, Бернс получит хорошее подкрепление. Там, в Голубой

долине, у вас не будет недостатка в работе... по специальности. Мерч, проводите джентльменов за ограду... А ты, старик, — обратился виконт к владельцу «Чрева кита», — получишь свои пятьсот фунтов и гостиницу «Белый медведь». Завтра ты будешь распоряжаться ею, как полный хозяин. Теперь остается выручить этого молодчика Леглуа. Я хочу перевести его из Шрусбери в Бультон и посадить в камеру Бингля; может, в минуту откровенности тот проболтается. Начинка Бингля еще неясна. Вы с Джузеппе крепко в нем обманулись!

— Да, Бингля мы не распознали. Его младший брат путался с Фернандо. Уж не к Меджерсону ли тянется нитка?

— Ты правильно поступил, Вудро, что затуманил полиции мозги. Пусть эти господа воображают, будто Бингль — агент Томпсона и мифических шотландских заговорщиков. На этих днях суд приговорит Бингля лет на десять тюрьмы. За это время мы успеем прощупать, что он знает от Фернандо, и придумаем, как с ним поступить. Удавить его никогда не поздно, а может быть, парень еще пригодится. Позаботься, Вудро, о Флетчере. Пусть он побыстрее спивается до белой горячки. А клерк Дженкинс — полезный человек. Почерк он подделывает мастерски...

Звук трубы за воротами замка раздался властно и требовательно.

Виконт прервал беседу с Крейгом и приказал узнать, кто прибыл.

— Королевский нарочный из Лондона, — доложил камердинер заикаясь.

Виконт спустился в нижние залы. Весть о прибытии королевского посланца мгновенно облетела весь дом.

Музыка на хорах смолкла, пары разошлись и смешались с группами зрителей у стен.

Офицер королевской гвардии, сопровождаемый двумя гвардейцами, вошел в зал. Он окинул все общество внимательным взглядом и, узнав хозяина по адмиральскому мундиру, быстро направился к нему, держа в руках пакет с пятью огромными печатями из голубого сургуча. Виконт принял пакет и пожал руку посланца.

Веселье не возобновлялось, пока адмирал, удалившийся в кабинет, читал королевский рескрипт. Через

несколько минут мажордом, вызванный в кабинет, вернулся в зал и шепнул несколько слов капельмейстеру. Лицо мажордома сияло. Гости радостно заволновались, ожидая добрых вестей.

Мажордом вышел на середину двухсветного зала, постучал об пол своим жезлом и провозгласил громко и торжественно:

— Волею его кролевского величества хозяину нашего дома, избранному депутатом британского парламента, адмиралу флота Фредрику Райленду, виконту Ченсфильду, даруется титул эрла[1] Бультонского и звание пэра Англии. К личному гербу лорда Ченсфильда отныне присоединяется герб Бультона. Его королевскому величеству было угодно возвестить эту радость лорду Ченсфильду личным письмом, дабы он успел принять участие в ближайшем заседании верхней палаты!

Дальняя дверь зала распахнулась, и лорд Ченсфильд, новый пэр Англии и эрл Бультонский, вошел в зал своей прихрамывающей походкой. Оглушительный оркестровый туш грянул ему навстречу, приветствия и рукоплескания раздавались со всех сторон, и в залах ченсфильдского дома возобновился веселый пир.

После полуночи, разгоряченный вином, удачей и высшими почестями, лорд Ченсфильд прошел в свой верхний кабинет. Наружная стеклянная дверь вела из кабинета на маленький, полускрытый балкон. В парке уже гасли плошки и фонарики иллюминации. Мартовское небо синело сквозь черные прутья лип и хвойные лапы. Луч света из-за портьеры падал на снежок, слегка опушивший ветви парка.

Леопард Грелли расстегнул мундир и жадно вдыхал влажный воздух. Снежинки, огромные и мохнатые, возникали в узком световом луче. За рекою и дальней рощей темнела гряда холмов. Там начинались земли соседнего поместья — Уольвсвуд...

И высоко над грядою холмов, прямо перед взором Джакомо Грелли, стоял в небе огромный торс небесного охотника — Ориона, с алмазным мечом у трехзвездного пояса.

---

[1] Эрл — графский титул в Англии, восходит к эпохе нормандского завоевания.

Глава шестнадцатая

УРОКИ МИСТЕРА О'ХИРИ

1

Укрыв лицо капюшоном плаща, Бернардито пробирался сквозь лесную чащу. Дождь сек листву и пенил коричневую воду ручьев. Старый корсар видел, как спина бежавшей впереди собаки, намокая, быстро темнела и превращалась из рыжевато-серой почти в черную.

Все тропы на острове он знал так, что мог бы ходить по самым опасным местам с завязанными глазами. С легкостью юноши он перепрыгивал ручьи и ступал по скользким камням. Удобные сапожки из сыромятной кожи, какие шьют себе испанские пастухи в горах, защищали ноги Бернардито от шипов и колючек.

Извилистая горная тропа вывела его к бухте, окруженной со всех сторон лесной чащей. Из-за кустов он бегло осмотрел бухту, совершенно пустынную, покрытую мелкой сердитой волной. Стон корабельного колокола, низкий и протяжный, снова пронесся над островом: за каменными мысами, образующими вход в бухту, терпело бедствие неведомое судно.

Бернардито пустился бегом по левому берегу бухты. Уже совсем рассвело, но пелена дождя скрывала даль. Карнеро первым начал карабкаться по крутому склону мыса; охотник свистом отозвал собаку и взял ее на сворку. Шерсть у Карнеро вздыбилась — собака чуяла близость чужих, незнакомых людей.

Островитянин добрался до вершины мыса и осторожно выглянул из-за камней. Ливневые струи наискось перечеркивали горизонт. В море, среди вспененных валов, раскачивались корабельные мачты. У старого капитана от волнения захватило дух. Ветер трепал пеньковые снасти на голых реях, похожих на почернелые кресты... Два корабля бились со штормом в водах пустынного острова.

Бернардито на глаз определил, что обе шхуны — сравнительно недавней постройки, но оставили за собой не одну тысячу миль. Оба корабля высоко сидели в воде, полустертая красная черта ватерлинии то и дело мелькала над волнами; значит, трюмы кораблей были пусты или же содержали легкий груз. Корсар

извлек из кармана складную трубу и разобрал надпись над форштевнем ближайшей шхуны: «Доротея», «Порт Бультон».

Расстояние до этой шхуны не превышало двух кабельтовых; второе судно, несколько большего водоизмещения, смутно виднелось сквозь ливень правее и дальше. Оба судна вцепились якорями в морское дно и перекликались друг с другом звуком корабельных колоколов и сигнальных труб. На мостике и на палубе ближайшей шхуны капитан различил людей в плащах и зюйдвестках.

— «Доротея», «Бультон», — пробормотал Бернардито. — Похоже, что это корабль Грелли. Бультон — это его резиденция, а Доротея — имя его возлюбленной... Не рычи, Карнеро, и не скаль зубов: на Леопарда нужно нападать молча, мгновенно и брать его сразу мертвой хваткой!.. Видать, его капитаны знают о проливе в бухту. А вот здешних ветров они, должно быть, не знают, иначе держались бы подальше от скал. Якорные цепи не выдержат, не будь я одноглазым Бернардито! Ага, Карнеро, они пробуют спустить шлюпку, чтобы разведать пролив... Вряд ли это им удастся!

Носовая шлюпка, спущенная с перекошенных шлюпбалок, вошла в воду кормой и мгновенно перевернулась. Волна швырнула ее о борт, и, потеряв все банки, шлюпка ушла под воду.

Осенний шторм усиливался. Якорные цепи с металлическим скрежетом терлись о клюзы. Когда высокий вал поднял шхуну на гребень, одна из трех цепей лопнула, и шхуну развернуло бортом к берегу. Капитан яростно потрясал кулаками на мостике. Кучка вахтенных матросов перебежала к носовому кабестану. Среди команды Бернардито разглядел человек шесть полуголых негров и какого-то бородатого матроса с нагим торсом почти шоколадного цвета. Женщина, закутанная в белый бурнус, похожий на одежду арабов, стояла на шканцах.

Под нарастающим напором ветра и волн шхуна, удерживаемая на месте двумя кормовыми якорями, продолжала разворачиваться. В тот момент, когда матросы подготовили к погружению запасной якорь, две оставшиеся цепи лопнули одна за другой. Следующий вал подкинул шхуну на воздух и погнал её на скалы. Штурвальный выпустил колесо, и шхуна, потеряв

управление, с размаха наскочила на самый отдаленный от берега риф, почти скрытый под водой.

Обе мачты рухнули вперед, едва не раздавив команду у кабестана. Чернобородый матрос перемахнул через борт, а следом за ним бросились в воду и матросы-негры. Бурная вода кипела у скал; ветер доносил брызги до самой вершины мыса. Борясь с волной, чернобородый плыл на боку, расчетливо держа направление не прямо к берегу, а чуть наискось, к горловине пролива. Женщина в белом, стоявшая на шканцах, видимо, заметила среди волн голову пловца. Он махнул ей рукой...

Все последующее свершилось почти мгновенно. Капитан, длинноногий, худой человек, мигом слетел с мостика и, вцепившись в перила фальшборта, выхватил пистолет. Из дула вылетел дымок, звук выстрела отнесло ветром. Капитан целился в чернобородого пловца. Женщина с быстротой дикой кошки бросилась на стрелка, ударила его по голове доской, отколовшейся от фальшборта, и спрыгнула в воду. Ее бурнус остался висеть на перилах; Бернардито успел разглядеть короткую белую тунику женщины, мелькнувшую в воздухе. Чернобородый был уже около женщины. Ветер, гнавший воду в пролив, помогал беглецам.

Капитан и его помощник открыли стрельбу, но большая волна подняла разбитую шхуну с рифа и потащила прямо на скалы берега. Негры, выбравшие для бегства другое направление, удалялись вдоль берега, и корпус судна скрыл их из поля зрения Бернардито.

Теперь все его внимание сосредоточилось на гибнувшем корабле. Нос шхуны задрался и ударился о гряду камней перед мысом. Следующий огромный вал накрыл собою судно целиком. Затем вынырнули поваленные мачты, увитые снастями. Новый удар волны с огромной силой перекинул разбитый корабль через гряду на каменистый берег. Шхуна завалилась на борт, обнажив днище, пена клочьями свисала с темного корпуса, словно с боков загнанного корпуса. Вдалеке на миг мелькнули головы шести плывущих негров, потом уступ мыса скрыл их окончательно. Белых пловцов, мужчину и женщину, Бернардито тоже потерял; они по-видимому, уже достигли пролива.

Из-под взломанной палубы корабля показались десятки черных кудрявых голов. Люди выбирались из трюмов, заливаемых водой. Капитан избивал кого-то рукояткою пистолета. Рыжебородый человек, баланси-

руя на обломках палубы, размахивал хлыстом. Десятка три белых матросов, успевших оправиться от перенесенного страха смерти, выгоняли негров на узенькую полоску прибрежных камней... По-видимому, разбитая шхуна принадлежала работорговцам.

Старый корсар, удерживая собаку за ошейник, бегом пустился к берегу пролива. Выглянув из-за скалы, он увидел близко перед собою бугристые, сердитые волны. Они врывались в пролив, переполняли горловину, вздымались до середины береговых утесов и заливали расселины, оставляя пену на ветвях кустарника. Пловцы достигли уже середины пролива; здесь течение стихало, волна была меньше, но женщина уже ослабевала. Чернобородый поддерживал ей голову над водой.

— Карнеро, принеси! — крикнул Бернардито и отпустил ошейник.

Остроухий бросился в воду, а сам корсар, положив на камень штуцер, плащ и куртку, вышел из-за скалы и стал показывать чернобородому пловцу направление к ближайшей удобной площадке.

Женщина ухватилась рукой за ошейник, и Карнеро уже плыл обратно, увлекая ее за собою. Чернобородый пловец все более отставал от сильного животного. Рука пловца была окровавлена; он тяжело дышал и, ныряя, долго не показывался из воды. Бернардито вошел по пояс в воду, подхватил полубесчувственную женщину, вынес ее на берег и уложил на своем плаще. Собака, отряхиваясь, взвизгивала и порывалась назад, ко второму пловцу, но не шла в воду: справа, со стороны отмели, среди мелкой волны, показалась длинная голова крокодила. Приближался он довольно медленно, очевидно полагая, что добыча не может ускользнуть.

Пловец исчез под водой. Бернардито взял в зубы нож и нырнул. Тогда следом за хозяином кинулся в волны и Карнеро. В зеленоватой подводной мгле Бернардито заметил расплывчатое коричнево-белое пятно. Он схватил человека за волосы и с силой вытащил на поверхность. Вместе с Карнеро они преодолели последний десяток ярдов до берега и подтянули человека к полоске гальки между скалами. Горько разочарованному крокодилу Бернардито погрозил с берега штуцером.

У спасенного пловца вылилось немного воды изо рта, и он задышал глубоко и неровно. Повиснув на плече корсара и поминутно спотыкаясь, человек сделал

несколько шагов вверх по тропе и уже осмысленно взглянул на своего провожатого.

— Отдохните и помогите женщине, — сказал ему Бернардито по-английски. — Карнеро, лежать! Ожидайте меня здесь и не трогайтесь с места, если не хотите попасть на глаза своему капитану.

Оставив собаку около спасенных, Бернардито снова поднялся на вершину. Разбитая шхуна находилась в прежнем состоянии. Все прибрежные камни были усеяны чернокожими. Матросы уже распоряжались выгрузкой на камни каких-то тюков и ящиков. Второе судно едва темнело сквозь мглистую дымку.

Капитан этого корабля, видя, что якоря не удержат напора стихий, решился на смелый маневр. Грязное полотно кливера всползло над бушпритом и затрепетало в штормовом вихре. Другой парус до половины развернулся на марсовых реях. Кабестан завертелся, носовые якоря пошли вверх, и, нацелившись на пролив, судно двинулось вперед, волоча за собой по твердому грунту кормовые якоря. Когда до горловины пролива осталось полтора кабельтовых, цепи якорей лопнули. Волны вокруг корабля бесились, грозя размозжить его о камни.

Толстый моряк в капитанском мундире махнул рукой с мостика. Матросы, сгрудившиеся на носу, опрокинули по обе стороны форштевня несколько бочек растопленного жира.

Маслянистая жидкость разлилась по бурной воде, и яростные волны вокруг корабля на мгновение стихли. Перед шхуной открылась горловина пролива с успокоившейся, чуть бугристой и рябой от дождя поверхностью. Корабль в секунды преодолел расстояние до горловины.

Шквал ветра врывался в нее, словно в узкую трубу. Он сорвал паруса и погнал шхуну с быстротою стрелы. Если бы пролив был прямым, корабль благополучно влетел бы в защищенную бухту, но узкий рукав изгибался влево, и маневр поворота не вполне удался.

Послышался треск, корму с белой надписью «Глория» занесло на камни, руль шхуны разлетелся в щепы. Ударом снесло грот-мачту, проломило обшивку над ватерлинией. По инерции «Глория» сорвалась с камней и, благополучно миновав край песчаной отмели, достигла бухты. Шхуна не потеряла плавучести,

днище ее уцелело. Мелкая волна в бухте, похожая на речную, заплескалась у изуродованных бортов.

«У этой «Глории» добрый капитан и недурная команда, — рассуждал Бернардито. — «Порт Бультон»! Значит, оба судна следуют вместе... Потеряли два якоря, мачту, руль и получили дырку в корме. Отделались недорого! Бросили якорь... Пора убираться отсюда. Они начнут рыскать по острову и найдут хижину!»

Бернардито не застал спасенных на прежнем месте. Когда «Глория» показалась в проливе, чернобородый мужчина оттащил женщину подальше от берега и укрылся за камнями. Собака настороженно следила за чужими людьми и угрожающе рычала, когда они двигались.

— Хватит ли у вас сил, чтобы очень быстро пойти следом за мною по лесным тропам? — спросил островитянин.

Женщина первой поднялась на ноги. Мокрый костюм ее был необычен и не имел ничего общего с дамским нарядом европейского покроя, но лицом она походила на француженку или итальянку. На Бернардито она посмотрела пристально, и такое сильное волнение отразилось в ее лице, что старый корсар испытал некоторое смущение. Однако положение было слишком критическим, чтобы задерживаться хоть на минуту. Женщина помогла своему спутнику встать на ноги. Его раненая рука была уже перевязана обрывком влажной туники.

Теперь Бернардито разобрал, что перед ним — совсем молодой человек, едва ли достигший двадцати лет. Черная борода и давно не бритые щеки придавали ему более зрелый вид. Незнакомке на вид было лет тридцать. На ее лице, красивом и тонком, легко читались следы лишений.

Бернардито быстро повел незнакомцев через лесную чащу. Они с трудом продирались сквозь колючие кустарники. Буря качала деревья, обдавая путников холодными брызгами. Свой старый плащ Бернардито отдал женщине, и шипы изорвали его куртку в несколько минут. Труднее всех пришлось полуголому незнакомцу, весь наряд которого состоял из черных матросских шаровар и грязного красного пояса. Наконец путники выбрались на тропу. Бернардито повел их к лесному озеру. Непроходимая чаща бамбуковых зарослей рас-

кинулась перед ними на полмили. Под ногами захлюпала болотная жижа.

— Ступайте вперед, держите направление на тот далекий утес. Пробираться будете по пояс в воде, но в середине болота, если вы правильно возьмете направление, наткнетесь на песчаный островок. Скройтесь там и ждите меня. Собака останется с вами. Я принесу вам поесть и отведу потом в безопасное место, в горы. Если вы готовы драться с вашими врагами, то возьмите это ружье и нож.

Полуголый человек схватил ружье.

— Драться я буду до последней искры жизни, — сказал он решительно. — Доротея, узнаешь ли ты это ружье? Мистер Фред, перебираясь на «Орион», оставил его в хижине на острове. Раньше этот штуцер принадлежал Джакомо.

— Дай мне нож, Антони, — глухо произнесла женщина. — Я не вернусь к ним живой.

Странная догадка озарила Бернардито. Уж не синьора ли Ченни перед ним? Но Антони — близкий сподвижник и любимец Грелли, а его сестра — любовница Леопарда. Из чьих рук вырвались эти люди? Однако рассуждать и проверять догадки было некогда. Мальчик один сидел в пустой хижине; неведомые пришельцы с работорговых шхун ежеминутно могли обнаружить жилище охотников...

— Синьор, назовите ваше имя! — крикнул молодой человек вслед удаляющемуся охотнику.

— Это вы узнаете, когда будете в безопасности, — отвечал Бернардито, и заросли бамбука сомкнулись за ним.

Собака метнулась было к нему, но он резко послал ее назад, указав направление в глубину болота.

Шестеро негров благополучно преодолели полосу прибоя у скал и выбрались на сушу. Эти беглецы с разбитой шхуны тоже поспешили укрыться в лесу. Здесь они чувствовали себя уверенно, как дома!

Вся шестерка принадлежала к числу самых лучших охотников большого племени с берегов Конго. Углубившись в чащу, воины стали вооружаться первыми попавшимися средствами самозащиты — палками, сучьями и острыми камнями с зубчатыми гранями. Несколько часов они провели на деревьях, прислушиваясь к лесным шорохам. Перед закатом они тронулись в путь через

заросли. По лесу они двигались, как безмолвные черные тени, и ни одной царапины не появилось на стройных матово-черных телах. Лес поредел. Плоскогорье стало понижаться; большие деревья уступили место низкорослым кустарникам; болотная вода стала проступать из-под ног, и в лучах проглянувшего вечернего солнца беглецы увидели сплошные заросли бамбука.

Внезапно один из негров предостерегающе поднял руку. Он заметил на болоте следы двух человек, прошедших здесь не позднее полудня. В ту же минуту из зарослей выскочило громадное серое животное. Оскалив страшную пасть, зверь кинулся на чернокожих.

— Бросьте оружие! — раздался голос из-за кустов.

Слова эти были произнесены на киши-конго — родном языке черных воинов. Чернобородый Антони показался из чащи.

— Бросьте дубинки, друзья, иначе этот дьявольский пес перервет вам глотки. Назад, Карнеро! Идите за мной...

Антони повел беглецов через болото к песчаному островку. Собака, проявляя сильнейшее беспокойство, шла по пятам за людьми, с вожделением посматривая на мелькающие икры. Карнеро несколько успокоился и перестал рычать, когда черные воины уселись рядом с двумя белыми людьми под бамбуковым шалашом. Антони и Доротея успели прикрыть свое легкое сооружение листьями огромных папоротников. Едва кто-нибудь из сидящих пробовал пошевелиться, бдительный Карнеро угрожающе рычал, и всем поневоле приходилось сидеть смирно, словно школьникам под охраной сердитой классной дамы.

— Антони, — говорила женщина своему спутнику, и голос ее дрожал от волнения, — я уверена, что не ошибаюсь. Это он, тот самый человек. Я всего на один миг выглянула тогда в окно каюты, но лицо его запомнилось мне на всю жизнь. Говорю тебе, Антони: человек этот — пират Бернардито Луис, укравший моего Чарли.

— Дороти, это невозможно. Я сам видел следы их трупов. Не терзай себя напрасной надеждой, бедная моя сестра. Я не знаю, кто этот островитянин с завязанным глазом, но Бернардито погиб в пещере вместе с ребенком. Он хотел помочь мистеру Фреду, но не предвидел лавины и обвала.

— Как же попало в руки этого человека ружье Джакомо?

— Когда «Орион» покидал остров, мистер Фред оставил в хижине полное снаряжение. Он думал, что, может быть, судьба вновь забросит сюда одинокого мореплавателя, и даже положил на стол записку: «Неведомому другу от трех первых жителей острова».

— Но почему у этого человека тоже завязан глаз? Почему он скрывается от капитанов кораблей?

— Может быть, он сам расскажет нам об этом. Одно я знаю твердо: капитан Бернардито уже шестой год спит в могиле. И могилу эту я видел своими глазами.

Внезапно Карнеро кинулся в заросли. Фигура Бернардито, обвешанная оружием, появилась из кустов. Негры, заранее предупрежденные Антони, встали перед неведомым «хозяином острова» и поклонились ему.

— Вы разговариваете так громко, что сами выдаете свое убежище. Я невольно подслушал вашу беседу. Усадите-ка ваших чернокожих друзей, господа! Такие низкие поклоны отдают только их страшным богам, а не воскресшему пирату. Некоторые мертвецы, синьор Антони, ухитряются воскресать даже по два раза... Синьора Доротея, надежды ваши не напрасны. Ваш сын жив, и через час вы обнимете его... Антони, да поддержите же синьору, ей дурно! Бедняжка, она уже без сознания. Ступайте вперед, нам нужно скорее добраться до гор. Я сам понесу вашу сестру.

2

Мистер Вильсон, капитан «Глории», сипло командовал разгрузкой. Шхуна стояла в бухте Корсара. Три шлюпки непрерывно крейсировали между берегом и кораблем. Вечернее солнце золотило воду, ветер улегся, и только валы мертвой зыби бились в каменную грудь мысов. Стало жарко. Рои москитов наседали на лица и руки моряков.

Уже все негры из трюмов «Глории» были высажены на берег и рубили лес под охраной двух десятков матросов. Поодаль работали спасенные с «Доротеи». Между работающими бродили надсмотрщики, суданские арабы и берберийские туареги с бичами в руках. В больших черных котлах, подвешенных на жердях, варилась пища.

Шлюпка доставила с берега на борт «Глории» су-

хопарого капитана Хетчинсона, рыжего американского ирландца О'Хири и еще нескольких моряков с погибшей шхуны. Вильсон пригласил их в каюту своего помощника, датчанина Оге Иензена.

— Велики ли повреждения «Доротеи»? — осведомился капитан Вильсон у своего коллеги.

Хетчинсон вздохнул.

— Велика ли дырка в разбитой бутылке? — сердито проворчал О'Хири. — Мы утопили свои барыши, черт побери! Дернуло вас лезть на скалы, Хетчинсон! Весь излишек негров, который мы решили утаить от Райленда, теперь на дне... И еще эта сбежавшая француженка... За нее можно было взять хорошие деньги...

— Не стоит ссориться, джентльмены, — примирительно сказал Вильсон. — Француженка никуда не денется от нас на этом островке, если только не утонула. Вы подсчитали негров на берегу, мистер О'Хири?

— С обеих шхун высажено сто двадцать мужчин, триста женщин и около сотни подростков. Уцелевшую мелочь не подсчитывал, ее осталось немного. Хетчинсон утопил этих ребятишек в трюме, как щенят, а в придачу еще семьдесят матерей и столько же мужчин. Штук полтораста утонуло, а может быть, и сбежало... Скверно!

— Ну, брат, в нашем деле — где найдешь, где потеряешь... Досадно только, что утопили-то мы негров мистера Райленда, тех, что присланы сюда для островной плантации, а наши две сотни лишка остались у Каррачиолы в Капштадте... «Доротее» теперь конец, а мою «Глорию» будем чинить месяц. Как бы тем временем Каррачиола не уплыл с неграми в Америку. Вот тогда-то плакали наши денежки за весь избыток чернокожих! Ваше мнение, мистер О'Хири?

— Никуда он без нас не уйдет! Закуплено много грузов для островной плантации. Не бросит же он все в Капштадте? Волей-неволей придется ему ждать возвращения наших посудин с острова или идти сюда следом за нами.

— В Капштадте хозяева алмазных копей давали по тридцать фунтов за штуку. Надо было продать весь избыток чернокожих там, на месте, и делить сразу. Нечего было слушать Каррачиолу... Дескать, в Америке продадим вдвое... Вот и продали... рыбам! — Мистер Вильсон с досадой кивнул на сверкающую воду бухты.

— Вы отрядили погоню за беглецами? — помолчав, спросил О'Хири у Хетчинсона.

— Да. В полдень шесть человек с боцманом Броуном отправились в лес на охоту. К вечеру всех поймают.

— Сомневаюсь... — возразил О'Хири. — Ничто не выгонит их из чащобы. Остров достаточно велик, чтобы и укрыться и найти себе пропитание. Полагаю, что завтра придется устроить облаву всем экипажем. Обшарить придется весь остров. Нужно поймать и французов. Экая досада, что они удрали! Вы видели их, Вильсон?

— Нет, я только здесь и узнал, что у вас на борту были двое белых из погибшей экспедиции «Святого Антуана». Почему вы не показали их Каррачиоле в Капштадте, мистер О'Хири?

— Понимаете, Вильсон, я сам обнаружил их только по пути из Капштадта на остров. Вы помните, как мы грузились на Заире? Ночь, сутолока... «Доротея» приняла две сотни мужчин для острова и все бабье с мелюзгой. Эти двое при погрузке затерялись среди чернокожих; в трюме они все время прятались в самой гуще. В Капштадте мы не простояли и суток, а по пути сюда матросы стали пошаливать с черными красавицами и выволокли на палубу эту француженку. Тогда и спутник ее обнаружил себя. До тех пор они оба обматывали лица тряпьем. Оказалось, что они попали в плен к неграм и прожили четыре года среди племени Конго. Вместе с неграми они угодили в наши руки. Она назвалась Мартой Сабо, а он — Франсуа Пише. Этого Франсуа Пише и шестерых здоровенных негров я заставил работать с парусами. У нас не хватало матросов. А женщину я решил приберечь для себя. Она была сиделкой в больничной каюте на «Святом Антуане». Красивая особа, но... с характером, чертовка! В любой части света на нее нашлись бы покупатели. Я рассчитывал взять за нее хорошие деньги. Хетчинсон все испортил этим крушением!

— А эти ваши матросы-негры... покинули вас, мистер О'Хири?

— Да, покинули, черт возьми! Одновременно с французами. Хетчинсон стрелял, да, кажется, промахнулся.

— Вероятно, этот промах мистера Хетчинсона придется исправить после поимки, — задумчиво сказал

Вильсон своим осипшим голосом. — Мистер Райленд не любит лишних свидетелей.

— Если они оба живы, то француз пригодится на плантации как переводчик. Бежать отсюда трудно. Ну, а если заявится сюда какое-нибудь чужое судно, тогда этот мсье Франсуа... получит свою порцию. Однако для этого его нужно сначала вернуть.

Оге Иензен погрузился в свои воспоминания. Ему вспомнилась некая не столь давняя весна, дорога в Афины, укромная бухта, шхуна Каридаса и лодка с маленьким сыном того человека, чья могила находится на этом острове... Он, Оге Иензен, стрелял из шлюпки в этих людей, ибо так велел ему Каррачиола... Кто-то вскрикнул на лодке... Потом появился лейтенант Уэнт с баркасом... Неудачно все получилось...

В каюту ввалился боцман «Доротеи».

— Поймал беглецов, Броун? — насмешливо спросил О'Хири.

— Пока нет,— прогудел боцман смиренным тоном.— Но в лесу я нашел хижину. Судя по всему, жильцы покинули ее несколько часов назад. Пока мы осматривали хижину, в ограду вбежала черная собака с обрывком веревки. Мы поймали ее и привели с собой.

— Значит, островок-то обитаем, джентльмены? — в недоумении спросил О'Хири.

Иензен вышел на палубу. Неожиданно все сидящие в каюте услышали с палубы радостный собачий лай и возгласы Иензена:

— Нерон, Нерон!

Черная собака неизвестных островитян визжала и ласкалась к датчанину.

— Да это же наш старый Нерон, пес с «Ориона»! Он потерялся тогда, во время раскопок. Нерон, собачий сын, значит, ты стал островитянином! И звери тебя не сожрали!

— Мистер Хетчинсон и мистер О'Хири, — сказал Броун, — полагаю, что эта покинутая хижина подойдет вам под жилье. На «Глории» будет слишком тесно для всех нас.

В полной тишине, под мерцающими звездами, двигалась вверх по ущелью небольшая группа путников. Впереди бежала собака. За нею шел Антони Ченни, ощупывая дорогу палкой. Капитан Бернардито нес бес-

чувственную женщину на руках. Шесть голых негров замыкали шествие.

— Вы хорошо запомнили этот путь по ущелью, Антони, — заметил Бернардито.

— Еще бы, синьор, мы с мистером Фредом каждый день ходили этой тропой на раскопки вашей пещеры. Кажется, все это было так недавно, а ведь прошло уже почти шесть лет... Скажите мне, синьор, Чарли еще помнит свою мать?

— Антони, прошлое он забыл. Ребенок не помнит отца. А смутное представление о матери я создал заново в его детском уме. Я сохранил в его памяти облик «кормилицы Доротеи» и приучил мальчика связывать его с понятием «мама». Я давно задумал вернуть мальчишке мать, если только вырвусь отсюда живым... Но при одном условии: не открывать Грелли тайну спасения ребенка. Этот мальчик послан мне самой судьбой для свершения давнишней цели. Мать — не помеха мне, если она не откроется перед Леопардом.

Они молча стали взбираться по каменистой лесной тропе. Низко над ущельем висел ущербный месяц. Скоро лес кончился. Горный луг с высокими травами темнел справа. Далеко внизу, отражаясь в водах бухты, мерцали огни «Глории». Бернардито присел со своей ношей на ствол поваленного дерева. Голова женщины лежала у него на плече.

— Зачерпните воды из источника, нужно привести вашу сестру в чувство. Она совсем обессилела: какой глубокий, долгий обморок!

Доротея открыла глаза, увидела звезды, мрак и склоненные головы Антони и Бернардито. Как только сознание вернулось к ней, она вцепилась в поддерживающие ее руки. С губ ее стали срываться бессвязные слова, глухие, как стон:

— Куда вы привели меня? Вы все меня опять обманываете. Его нет! Скажите правду: жив мой мальчик? Где Чарли?

Бернардито снова поднял женщину. Теперь она билась и дрожала в его руках.

— Успокойтесь, синьора Доротея! — Волнение женщины смутило Бернардито. Даже ближайшие друзья сейчас не узнали бы голоса своего сурового капитана. — Еще несколько минут — и вы увидите своего мальчика, подросшего и здорового. Маленькое путешествие под землей — и мы будем дома. Ваш мальчик

стал мне вместо собственного сына. Ведь у меня никогда не было детей, синьора!

Шедший впереди Антони резко остановился.

— Стойте! — воскликнул он. — Дороти, синьор капитан не знает, что у него вырос сын!

Бернардито от неожиданности споткнулся и чуть не уронил свою ношу.

— О чем говорит ваш брат, синьора? Что означают ваши слова, Антони?

— Капитан, может быть, я напрасно заговорил об этом в такую минуту, но мне в точности известно, что в Пирее живет ваша мать, синьора Эстрелла Луис, со своим внуком Диего Луисом эль Горра. Ему сейчас... постойте... десять лет. Он родился в Пирее, осенью 1768 года. Его мать... вот горе! Память мне изменяет... Какое-то звучное греческое имя... Ее звали...

— Зоэ... — подсказал Бернардито.

— Да, да, Зоэ! Ее уже нет в живых, капитан... Она спит на греческом кладбище в Афинах. Зоэ умерла во время родов вашего сына, маленького Диего, когда вы были уже на этом острове. Донье Эстрелле давно дали знать о вашей гибели, но она не верит, ждет вас и рассказывает маленькому Диего историю ваших старых подвигов. Все это я узнал в Ливорно летом семьдесят четвертого года. Даже адрес синьоры Эстреллы мне запомнился: Пирей, Афинская дорога, предместье, дом купца Каридаса.

— Купца Каридаса? Георгия? Моего марсового с «Жемчужины»? Когда-то я подарил ему старую шхуну «Светозарная». Уж не тот ли это Каридас?

— Капитан! Все, что я сейчас рассказал, я услышал в Ливорно от юнги шхуны «Светозарная» Томаса Бингля. Этот паренек — друг вашего маленького сына. Донья Эстрелла рассказывает обоим мальчикам про капитана Бернардито.

— Диего Луис эль Горра! — медленно произнес старый корсар, вслушиваясь в эти слова. — Сын моей Зоэ! Мы расстались с ней в декабре 1767 года... Небо! Ты щедрее на милости, чем я мог ожидать! Какими горами сокровищ я должен отплатить тебе за эту весть, юноша?.. Не бойтесь, синьора, это не пропасть, а всего лишь вход в потайную пещеру. Держитесь за мою шею, я понесу вас руслом подземного ручья. Здесь темно, как в склепе, но дальше, за поворотом, горит факел.

Голос Бернардито уже раскатывался под сводами тоннеля. Негры, один за другим, с опаской ныряли в черный зев подземелья.

Корабельный фонарь освещал своды тайника. Глубокое безмолвие царило в подземных коридорах и тоннеле. Лишь поток слабо журчал на самом дне. Пролом в стене, некогда вырубленный капитаном Бернардито, был изнутри завешен волчьей шкурой.

Мальчик вслушивался в гулкую тишину подземелья. В тайнике было светло и тепло. Бернардито давно приготовил это тайное убежище на случай внезапной высадки врагов. Стены и пол пещеры устилали звериные шкуры. Связка одеял лежала в углу. В очаге, выложенном из камней, тлели древесные угли, и еле уловимый дымок уплывал в тоннель и подземные ходы. Запас угля и сухого, как порох, хвороста был сложен в углу. Над огнем кипел в котелке отвар из сушеных ароматных трав: напиток этот заменял островитянам кофе и чай. Продовольствие помещалось в нишах, вырубленных в слоистом шифере стен. Тут же находилось оружие, перенесенное из хижины.

Одиночество сегодня особенно тяготило мальчика. Трудно было лежать здесь, на шкуре, одному, когда на острове творятся такие важные дела... Мальчик поднялся со своего ложа, подошел к пролому и отогнул край завесы. Свет упал на противоположную стену и озарил дно тоннеля. Последние летние месяцы выдались жаркими, дождей выпало немного; ручей в тоннеле почти пересох, и весь подземный путь до тайника был сейчас нетрудным.

Вдалеке послышался шорох, затем человеческие голоса, измененные эхом. Длинная тень метнулась по дну тоннеля, и по знакомому урчанию мальчик узнал свою собаку.

Красноватый отблеск мелькнул из-за поворота, и голоса стали ближе. Наконец в тоннеле показались люди. Их было много! Чернобородый человек, обнаженный до пояса, нес факел. Он заслонял высокую фигуру дяди Тобби, который держал на руках чье-то тело, завернутое в старый плащ. Позади гуськом пробирались голые люди, черные, как уголь. Мальчик откинул волчью шкуру и торопливо спустил из пролома легкую бамбуковую лесенку. В два прыжка Карнеро очутился в тайнике,

завертелся около мальчика, взвизгивая и норовя лизнуть его в лицо. Но сейчас мальчику было не до остроухого! Дядя Тобби, покидая тайник, чтобы отправиться за спасенными, говорил странным голосом совсем странные вещи. Он откинул со лба мальчика прядь волос, посмотрел ему в глаза и спросил:

— Сынок, хочешь уйти с этого острова и увидеть большие города и дальние страны?

— Я хочу увидеть их вместе с тобой, дядя Тобби. Ты ведь не отдашь меня тем чужим людям, что приплыли на кораблях?

— Не говори вздора, мой синьорито. Легче мне потерять последний глаз, чем лишиться тебя. Но скажи, если бы твоя мать прислала за тобой, ты обрадовался бы?

— Мама? Значит, это она прислала корабли? О, дядя Тобби, я хочу скорее увидеть ее! И мы всегда будем вместе, с матерью и с тобой! Правда, дядя Тобби?

Бернардито крепко прижал мальчика к груди:

— Оставайся с богом, мой синьорито, держи лестницу наготове и жди меня. Я приду не один и принесу тебе большую радость!

С такими словами дядя Тобби ушел. А теперь Карнеро мешал мальчику приготовиться к важной встрече.

Внезапно ребенок вздрогнул. Всего несколько слов донеслось из тоннеля, но одно из них вызвало смятение в самой глубине детского сердца. Произнес его дядя Тобби. Это было имя, уже полузабытое...

— Дороти, мы постоим здесь. Подымитесь к нему, он ждет!

Мальчик стоял посреди пещеры. На нем была белая курточка из козьей шкурки и короткие штаны. Темные локоны падали на плечи, загорелые щеки порозовели от волнения. Вдруг волчья шкура над входом резко отлетела в сторону. Женщина с горящими глазами упала рядом с ним на колени. Теплые ладони сжали лицо мальчика. Он ощутил прикосновение горячих мокрых щек, залитых слезами. Высвободив руку, мальчик смущенно и неловко тронул пушистые волосы женщины, чуть отстранился от заплаканного лица и, заглянув в самую глубину близких, безумно счастливых глаз, впервые в жизни задыхающимся шепотом произнес:

— Мама!

3

На рассвете следующего дня Бернардито, Антони и старший из беглецов-негров, чернокожий исполин Нгуру, осторожно подкрались к берегу бухты. Густолиственная, сплошная чаща зарослей скрывала их от стражи работорговцев.

Глазам разведчиков представилось малопривлекательное зрелище невольничьего лагеря. Среди кустарников и мелколесья, прилегающего к береговой полосе бухты, была расчищена большая площадка. Сотни две женщин возводили частокол из жердей и бревен с обожженными, заостренными концами. На двух противоположных углах этой площадки возвышались уродливые сооружения на длинных столбах. Это были наблюдательные вышки для стражи — первые образцы европейской архитектуры, воздвигнутые колонизаторами на новой земле. Стражи, по двое на каждой вышке, расположились под пальмовыми листьями навесов и положили на плетеные перила длинные ружейные стволы. Первые форпосты цивилизации на острове Райленда были созданы!

Возле двухстворчатых ворот уже стояла будка, сплетенная из прутьев и веток и похожая на высокую корзину. В ней укрылись еще два вооруженных матроса. Изгородь вокруг лагеря еще не была закончена, и десятка два матросов окружало площадку, дабы кому-нибудь из негров не взбрело в голову поискать себе на острове другое пристанище. Пять больших хижин быстро вырастали на огражденном пространстве. Черные чугунные котлы висели на длинном бревне над пылающим костром. Несколько черных женщин занимались стряпней под надзором корабельного кока «Доротеи», явно сконфуженного подобными обязанностями.

Поодаль, на левобережье бухты, то и дело мелькали верхушки падающих деревьев. Здесь тоже расчищали площадь под строения и поля будущей плантации.

Разведчики, затаившись в кроне высокого дерева, видели, как мистер Хетчинсон повел большую группу невольников к месту крушения своего корабля, для спасения остатков груза. На опушке леса отряд негров был занят распиловкой бревен. Солнце нещадно жгло лоснящиеся от пота черные спины пильщиков. Одни стояли на помосте, другие — внизу, на земле. Мерно сги-

бались туловища. Вверх — вниз, вверх — вниз сновали маховые пилы, вгрызаясь стальными зубьями в толстые бревна. Уже два больших штабеля свежих досок лежали по обе стороны помоста. Два надсмотрщика с длинными бичами расхаживали между штабелями.

Один из верхних пильщиков, широкоплечий негр, устало выпрямился и отер катившийся с лица пот. Надсмотрщик Урикон, бывший жрец, что-то крикнул невольнику. Тот, не обратив внимания на оклик, подошел к самому краю помоста, зачерпнул черепком воды из деревянного бочонка и сделал несколько глотков.

Урикон вытянул негра бичом по спине, и тот, потеряв равновесие, упал с помоста. Охваченный гневом, он вскочил и запустил черепком в лицо надсмотрщику. К месту драки подбежал белый матрос. Негр перепрыгнул через гору опилок и кинулся к ближайшим зарослям. Грянул выстрел, пуля угодила беглецу в ногу, но он, хромая, продолжал бежать. Урикон с рассеченной бровью в несколько прыжков догнал раненого и свистящим ударом бича свалил его с ног. Матросы поволокли несчастного к лагерю. Не прошло и пяти минут, как тело пильщика повисло на суку высокого дерева. Под ногами повешенного вспыхнул хворост, опаляя его скрюченные ноги. Затем матросы разошлись по местам с равнодушными лицами. А пилы продолжали ходить вверх — вниз, вверх — вниз, будто ничего и не случилось. Притаившись на дереве, Антони чуть не плакал от ненависти и отвращения.

Перед наступлением вечера работорговцы согнали всех невольников с площадки будущей плантации и с разборки грузов «Доротеи» в одну кучу. Пинками, ударами бичей, поминая сатану и всех святых угодников, матросы выстроили негров в одну общую колонну и раза три пересчитали эти пять-шесть дюжин перепуганных голых людей: с арифметикой матросы были явно не в ладах!

Стало смеркаться. На мачтах «Глории» зажглись топ-огни. Щелкая бичами, работорговцы загнали невольников за ограду. Поужинав отвратительным ячменным варевом, без ложек и посуды, полуголодные люди вповалку улеглись под жидкими навесами. Вскоре детский плач и причитания матерей стали стихать. Бернардито и оба его спутника спустились с дерева и осторожно двинулись в обратный путь.

Вдруг на лесной тропе, ведущей к хижине островн-

тян, послышались голоса. Разведчики замерли в чаще. Антони узнал О'Хири, Иензена и Хетчинсона. Они шли с несколькими матросами к хижине, громко толкуя между собой.

— Куда провалились эти островитяне? — говорил О'Хири. — Уже второй день они прячутся от нас. Судя по утвари и количеству скота, здесь жило несколько человек. Вероятно, это остатки экипажа какого-нибудь судна. Мне не нравится их поведение, черт бы их побрал!

— Что вы предлагаете? — спросил Хетчинсон.

— Десять поисковых партий обшарят сегодня ночью каждый кустик на острове. Вы, Иензен, с вашими людьми обыщите ущелье. Собака островитян поможет вам...

Голоса работорговцев стихли. Бернардито и его спутники еще несколько минут с большой осторожностью крались вслед за ними, но те подошли к хижине и шумно ввалились в нее. Разведчики свернули в лесную чащу.

— Наш Нерон может оказать нам сегодня плохую услугу, — проговорил Бернардито. — Бестолковый пес вчера улизнул от Чарли и, оказывается, попал к этому горилле Иензену. Расскажите мне, Антонио, кто он, этот датчанин? Я его видел еще на шлюпке с «Ориона». Язык у него неповоротлив, но кулаки — с доброе пушечное ядро!

Десять матросов во главе с Оге Иензеном шли вверх по ущелью. Иензен держал на сворке черного пса и тихонько с ним разговаривал, будто с добрым старым знакомым:

— Веди нас, Нерон, веди... На «Орионе» ты был очень вороват, мой друг, и таскал у матросов сыр... О, я узнаю это место! Где-то здесь находится одна могила...

— Что вы там бормочете, Иензен? — недовольно осведомился один из матросов. — Какую могилу вы поминаете?

— Я говорю: здесь недалеко могила одноглазого Бернардито...

— Что? Стой, ребята! Если вам, мистер Иензен, охота ломать себе шею, тогда лезьте за этим проклятым черным псом, а я не сумасшедший, чтобы ночью идти к могиле Бернардито.

— Мертвые не мстят, — успокоительно сказал Иенсен.

— Дух Бернардито не потерпит ночных гостей. Глядите, Иенсен, пес скалит зубы! Он ухмыляется! Разрази меня гром, если он не ухмыляется! Провалиться мне на месте, если его не подослал к нам сам мертвый Бернардито! Видите, какой он черный? Клянусь рогами сатаны, это оборотень! Бросьте эту собаку, Иенсен, пусть она бежит к дьяволу! Пока не поздно, нужно поворачивать оглобли, а то как бы наши кости не загремели на дне этой кручи.

Красный серп месяца выглянул из-за гребня. Мысли Иенсена туго ворочались в мозгу. Ему тоже не слишком нравился путь, по которому черный пес повел группу. Могила Бернардито наводила страх и на его суеверную душу... Ведь всего четыре года назад он, Иенсен, целился в мальчика на корме лодки... Не вернуться ли на освещенную «Глорию», чтобы разогнать страх глотком рома? Но куда так рвется собака? Она визжит и порывается вверх, откуда по камням струится ручеек на дно ущелья. Кстати, хорошо бы освежиться глотком студеной воды... Где она, в самом деле, эта проклятая могила? В этой темени ничего не разберешь.

— Тише! — шепотом произнес другой матрос. — Мне почудилось урчанье собаки. Бабы вы, а не моряки! Бьюсь об заклад, что черный пес привел нас сюда недаром. К черту ваши страхи! Здесь кто-то прячется. Это либо негры, либо островитяне.

Иенсен колебался. Желание привести в лагерь беглецов боролось в нем с нечистой совестью. Наконец он победил страх.

— Оставайтесь на месте, приготовьте оружие... Ты, Длинный Энди, пойдешь со мной, — сказал он решительному матросу. — Посмотрим, куда так рвется пес.

Собака, чуть не вырывая сворку из чугунного кулака Оге, бросилась вверх по склону. Иенсен размотал цепочку своей гирьки и приготовил пистолет.

Ярдов сто Оге и матрос прошли руслом ручья. Вот наконец какой-то уступ на склоне. Ручей отсюда срывается вниз. Вот и край уступа.

Пес еще сильнее потянул сворку, порываясь под низко нависший камень, из-под которого бежал ручеек.

— Вероятно, беглецы прятались на этом уступе, — шепнул Длинный Энди.

Месяц уже потерял красный оттенок и освещал все

вокруг мертвенным сиянием. Иенсен узнал зловещее место: вон, левее, высится скала, где виконт некогда приказал выбить поминальную надпись. У подножия этой скалы насыпан могильный холм...

— Энди, мы пришли к могиле Бернардито!..

Решительный Энди остановился в раздумье. Черная собака продолжала соваться под камень.

— Нет ли здесь какой-нибудь пещеры? Надо позвать остальных, Оге.

В этот миг что-то большое, быстрое, как ночная птица, выскочило из-под нависшего камня. Иенсен от неожиданности присел посреди площадки и выпустил сворку из рук. Черный пес юркнул под камень. Длинный Энди стоял на краю уступа, и серая тень метнулась прямо к нему. Вскрикнув, он исчез за краем площадки. Иенсен в ужасе глянул вниз. Оттуда доносилось хриплое урчанье. На глубине двух-трех ярдов там чернело тело Энди, его терзал какой-то громадный черный зверь.

Перекладывая пистолет в правую руку, Иенсен оглянулся на могилу и... обмер: в свете ущербной луны он увидел белый призрак. Он медленно наступал с протянутой вперед рукой. Датчанин сделал шаг назад, оступился и, неуклюже взмахнув руками, полетел с откоса прямо на гладкие валуны...

...Иенсен еще дышал, когда несколько рук подняли его с камней. У него был сломан позвоночник и разбита голова. Бернардито приказал отнести его в тоннель. Очнувшись, датчанин увидел темный свод каменного склепа, озаренного погребальным факелом. На фоне серой стены он различил неподвижную фигуру в белом. Прямо в глаза Иенсена со злобой уставилось горящее око мертвеца Бернардито...

Иенсен застонал и пошевелился, отстраняя от себя видение, но металлический голос, гулко раскатываясь под сводами, спросил:

— Зачем ты потревожил мой покой, Оге Иенсен?

Запекшимися губами Иенсен прошептал:

— Во всем виноват Каррачиола. Это он заставил меня стрелять в твоего сына, Бернардито. Ох, я умираю! Не подходи, не приближайся ко мне!

Призрак у стены вздрогнул; голос его осекся и захрипел:

— Вы с Каррачиолой убили моего сына?

— Нет, призрак, он, кажется, остался жив. А вот я

умираю... Твой дух может успокоиться. Уходи, скройся от меня.

— Где это случилось? Где вы охотились за моим сыном, проклятые?

— В Пирее, ох, в Малой бухте... Говорю тебе, виноват Каррачиола...

— Издыхай, детоубийца! — грозно произнес призрак, отделяясь от стены.

Датчанин содрогнулся и затих. Бернардито еще долго тряс безжизненные плечи, но даже сам великий инквизитор Торквемада ничего не смог бы добиться от Иензена. Работорговец был мертв.

Тем временем Нгуру с четырьмя воинами и страшным Карнеро, похожим на злобного демона, бесшумно обошел с тыла площадку на дне ущелья, где притаились в ожидании остальные каратели. Нападение было внезапным и стремительным. Ножи чернокожих мстителей и клыки Карнеро покончили с отрядом, даже не потревожив тишины ущелья. Бернардито, уже снявший с плеч свой «саван», застал на площадке девять разбросанных тел. Он приказал, присоединить к ним тела Иензена и Длинного Энди и перенести все трупы к подножию скалы с поминальной надписью. Здесь, у своего собственного могильного камня, Бернардито с помощью черного охотника Нгуру принялся рассаживать одиннадцать мертвецов вокруг надгробной плиты...

Осмотрев площадку с могильным холмом и живописные позы неподвижных гостей, Бернардито тихо увел черных воинов под своды своего подземного убежища.

4

Рассвет еще не наступил и невольники в лагере еще лежали в тяжелом сне, когда две темные тени спустились с дерева на левобережную строительную площадку. Изломанный кустарник и вывороченные пни, обрывки лиан и груды сучьев загромождали всю площадь поваленного леса. На отлогом каменистом склоне громоздились кучи земли и камней: накануне здесь начали выравнивать землю под постройку главного дома плантации.

Одна из черных теней, прокравшихся на площадку, торопливо юркнула под груду сваленных сучьев. Второй человек осмотрел место, где укрылся смельчак, по-

правил над ним ветки и прошептал на языке киши-конго:

— Будь осторожен и не шевелись, Тоопи. Если тебя заметят, все пропало.

— Уходи, масса Анту, я буду тих, как рыба, — прошелестел ответ из-под веток.

Антони Ченни бесшумно покинул площадку и взобрался на одно из ближайших деревьев. Здесь он скрылся среди густой листвы и неподвижно замер в воздушном убежище, поднятом на высоту двенадцати ярдов.

Тем временем в лагере уже запылали костры под котлами, захлопали ременные бичи, и две шлюпки с «Глории» высадили на берег свежую смену стражи, а также распорядителей дневных работ. Вскоре двухстворчатые ворота открылись и выпустили все население крааля за ограду. Конвоиры привели шесть-семь десятков понурых рабов на левобережную строительную площадку.

Невольники разобрали кирки, топоры и лопаты, стражники с ружьями и пистолетами уселись поодаль на бревнах, и взошедшее солнце обдало жаркими лучами голые спины рабов и широкополые шляпы хозяев.

...Две молодые стройные женщины, подбиравшие сучья, притащили свои охапки к большой груде, где затаился Тоопи. Никакой одежды, кроме повязки на бедрах и нитки коралловых бус, на них не было. Веревка от ноши оставила глубокий след на их голых плечах. Младшая устало присела на принесенную связку.

— Нгава, тише, это я, Тоопи, — прошептал из-под валежника голос, хорошо знакомый молодой девушке.

Она наклонилась и увидела под грудой сучьев лицо своего жениха.

— Не бойся, Нгава, и прикрой меня ветками. Где надсмотрщик?

Нгава торопливо развязала свою вязанку и стала забрасывать груду новыми ветками, стараясь не обратить на себя внимание надсмотрщика.

— Ты безумен, Тоопи, — шептала она в страхе. — Зачем ты приполз сюда? Урикон снимет с тебя кожу живьем!

— Где Майни-Мфуму? С вами ли сын правителя племени баконго?

— Он здесь, Тоопи. Его тоже заставили рубить деревья.

— Нгава, пусть Майни-Мфуму осторожно подойдет

сюда. Мы готовим ночью нападение на лагерь и корабль. Нужно предупредить всех воинов. Ты, Нгава, скажи только надежным женщинам, будь осторожна, чтобы надсмотрщик и доносчики ничего не пронюхали. Берегитесь Урикона и его змеенышей.

Обе женщины торопливо удалились. Через час к той же груде подтащил охапку веток высокий, мускулистый африканец. Он ненадолго задержался около груды, выпрямился и, смерив проходившего надсмотрщика пристальным взглядом, снова удалился на край площадки, где с каждым часом редели деревья и кусты.

Часа за два перед закатом солнца подошел к берегу бухты отряд матросов. Он возвращался с лесного поиска. Во главе отряда шагал мистер Эрвин Сайрес О'Хири. Многие негры побросали работу, с тревогой взирая на приближение белых. Бичи надсмотрщиков захлопали чаще, на площадке поднялся гомон и крик.

— Утихомирьте черную скотину! — крикнул О'Хири.

Он подошел к заложенному котловану, где негры долбили камень и оттаскивали землю. Распоряжался здесь старший корабельный плотник «Доротеи», который любил похвастаться своим опытом «управления» рабами на американских плантациях.

— Почему так медленно движется работа, Торлей? — недовольно обратился к нему О'Хири.

— Ваши негры бестолковы, ленивы и изнеженны. Вы распустили их, мистер О'Хири, — был ответ.

— Это вы не умеете учить негров! — заорал О'Хири. Он взял у надсмотрщика плеть и соскочил в котлован. Кирки и лопаты замелькали быстрее. — Кто из них сегодня ленился, Торлей?

Не спеша, со зловещим лицом он приближался к цепочке мужчин, рассыпанной вдоль линии работ.

— Вот этот, — без промедления указал Торлей на первого попавшегося невольника.

Он считал излишним распознавать чернокожих, все они казались ему на одно лицо.

О'Хири вытянул негра плетью по спине. Удар, как выражались работорговцы, был сделан с «оттяжечкой». Вагровый рубец мгновенно вздулся на черной коже, а невольник, склонившись еще ниже, продолжал усердно действовать ломом. Это его спасло. О'Хири, утомленный походом по лесам острова, отбросил плеть, поща-

див покорного раба. Он не ведал, что молодой вождь баконго сегодня приказал мужчинам племени быть терпеливыми... до вечера!

Кроме того, мистер О'Хири был сегодня в благодушном настроении. Правда, беглецы еще не были пойманы, но половину острова моряки уже обшарили и обнаружили много следов островитян: старый, развалившийся шалаш в миле от озера, тропу в бамбуковых зарослях, золу охотничьего костра у ручья... Группа Иензена еще не вернулась. Может быть, она уже ведет пойманных беглецов и жителей острова? Но главной причиной благодушия было другое... Небрежно разгребая песок у ручья, О'Хири обнаружил на волосках своей руки крошечную, но ощутимо увесистую желтую крупинку: на острове имелось золото и... знал об этом пока он один, он, мистер Эрвин Сайрес О'Хири!

Работорговец хлопнул в ладоши. Урикон уже бежал к нему через всю площадку, как пес, узнавший хозяина.

— Скажи этим олухам, Урикон, что они должны стараться. Здесь будет плантация. Они научатся работать, возделывать землю. Если они работают усердно, я даю им сытную пищу. Они должны ценить хорошее обращение. Я никого не наказываю напрасно. Я караю только беглецов и лентяев. А хорошим неграм я дам жевательного табаку. Кто хочет табаку?

О'Хири полез в карман и достал начатую пачку черного дешевого табака, служившего матросам излюбленной жвачкой в часы морской вахты. Несколько черных рук несмело потянулись за табаком.

«Доверчивы, как маленькие дети!» — с горечью подумал Антони, следя за гнусной сценой.

— Э, нет, так я не дам табаку! Вот, смотрите, я кладу эту пачку на землю. Вам нужно выкопать здесь котлован. Вас тут как раз две партии. Пачку я кладу посередине. Долбите, копайте! Кто первый прорвет канаву до этого места и сможет достать пачку рукой, тот и получит ее. Поняли, черномазые?

Антони с болью наблюдал, как взрослые, сильные люди ринулись в котлован. Ни один бич не хлопнул в воздухе. Каменистый склон таял, как снежная куча под весенним солнцем. Измученные рабы тяжело, хрипло дышали. Наконец чья-то черная рука ухватила желанную пачку. Обессиленный негр, счастливый обладатель сокровища, шатаясь, вылез из котлована и, отодрав черный пласт табаку сунул его за щеку. В тот же миг

два дюжих надсмотрщика-туарега загородили счастливца от взоров О'Хири и Торлея. Третий надсмотрщик пинком повалил негра на землю и взмахнул дубинкой. Пачка выпала из рук негра, надсмотрщики разделили ее в одну секунду и разошлись, энергично двигая железными челюстями.

— Вот, Торлей, учитесь, как надо работать с плохими неграми, — самодовольно говорил О'Хири, стоя посреди опустевшего котлована. — Вы потратили бы три дня и забили бы насмерть не меньше полудюжины чернокожих, а они ведь денег стоят, друг мой. Берите у меня уроки, Торлей, и вы никогда не выпустите негров из узды. С любым животным надо обращаться умело, если оно принадлежит тебе. А вот с беглыми у меня пойдет другой разговор, это вы увидите, как только вернется группа Иензена с пойманными. Вот и Хетчинсон возвращается... Каковы ваши успехи, мистер Хетчинсон?

— Это сделано сегодня? — воскликнул Хетчинсон, подходя к готовому котловану. — За один день? Поразительно, мистер О'Хири! Наши успехи пока оставляют желать лучшего. Обшарили правобережье ручья. Есть тропы, ночью не мешает выставить засады. Как дела у Иензена?

— Думаю, что он уже обложил дичь в ущелье. У них самый дальний маршрут. Едва ли они успеют сегодня вернуться.

— Послушайте, О'Хири, но вы обещали устроить маленькое развлечение для матросов. Ребятам пора освежиться, хорошенько выпить, побуянить, поразвлечься с африканскими барышнями...

— Ладно, пусть сегодня повеселятся на «Глории». А мы с вами устроим небольшой пикничок в нашей хижине. Там, среди этих негритянок, есть какая-то Нгава... У меня нынче недурное настроение, Хетчинсон!

5

На черной воде бухты дрожали отражения света из иллюминаторов «Глории». Палуба казалась пустой, но у всех четырех пушек, скорчившись, сидели канониры, попыхивая в темноте трубками. Два вахтенных матроса и капитан Вильсон расхаживали на мостике. Боцман обошел караульные посты на корабле. Из кубрика уже доносились выкрики и топот матросских сапог. Береговые посты были поручены Броуну, боцману «Доро-

теи». Четверо матросов охраняли вход в лагерь. На каждой вышке стояли по два стрелка, и еще два белых стражника находились внутри ограды. Патруль из трех матросов обходил через каждые полчаса всю территорию, следуя по просеке вдоль частокола. Вторая смена караульщиков спала в большом шалаше. У входа в этот шалаш горел костер и восседал сам боцман Броун.

Еще не наступила темнота, когда чуть зашевелились прибрежные кусты. Бернардито, Антони и два негра осторожно выглянули из поросли.

— Антони, ты с Нгано и Нори должен напасть на шалаш с вахтенными. Карнеро уже слушается вас, берите его с собой. Нгуру, Тоопи и двум остальным из вас нужно стрелами снять наблюдателей на вышках. Удалось ли неграм пронести оружие в лагерь?

— Да, во время суматохи на котловане надсмотрщики проглядели, что часть людей взяли с собою лопаты и кирки. Остальные захватили камни и корабельные гвозди. Человек сорок так вооружены. Женщины чистят рыбу ножами. Они бросят их воинам.

На фоне потемневшего неба фонари на мачтах «Глории» казались большими низкими звездами. Пламя костров ярко полыхало в лагере, и в ночной тишине громко раздавалось шипение и треск сырых поленьев. С корабля доносились пьяные песни и выкрики. Вскоре от борта отвалили две шлюпки и направились к берегу.

— Пошли в поход за невольницами... На шлюпках — человек двенадцать, — шепнул Антони. — Все идет, как вы предвидели, капитан!

— Сейчас они повеселятся! — процедил корсар сквозь зубы.

Охотники пробирались лесом к лагерю. До ближайшей вышки оставалось полсотни ярдов. Нгуру, Тоопи и два других негра с луками наготове прокрались к своим постам. Бернардито и Антони стали обходить лагерь с тыла.

— Смотрите, капитан, патруль двинулся в обход.

— С него и начнем, — ответил Бернардито и вытер полою одежды свою длинную шпагу. — Надо перехватить их так, чтобы не заметили с воды. Как только с патрулем будет покончено, подбирайтесь к шалашу со спящими. Проснуться они должны в аду!..

Часовой смотрел с вышки вслед патрулю. Трое патрульных миновали длинную заднюю сторону крааля и поворачивали к просеке, ведущей к бухте... Кусты сильно качнулись, должно быть, кто-то из патрульных споткнулся в сумерках...

— Макс, — обернулся наблюдатель к своему соседу, — вон к воротам уже подходят ребята с «Глории».

В этот миг часовые стали отодвигать плетеные ворота крааля, пропуская посланцев с «Глории». Внезапно что-то резко свистнуло в воздухе. Наблюдатель оторопело спросил:

— Макс, что с тобой? О, черт...

В горле у Макса торчала оперенная стрела. В следующее мгновение и собеседник Макса, уронив ружье, повис на перилах вышки. Меткая стрела угодила ему точно между лопатками.

Черные воины Бернардито, покончив с наблюдателями на обеих вышках, перемахнули через частокол. В свете костров уже кипела яростная схватка перед всеми пятью плетеными шалашами. Негры в лагере, предупрежденные заранее, держались наготове, и, как только поникли часовые на вышках, десятки невольников бросились на матросов с «Глории». В расправе участвовали не только мужчины. Негритянские женщины с остервенением накинулись на матросов — стражников и надсмотрщиков. Из крайней хижины выскочил нагой жрец Урикон и сразу угодил в руки разъяренным женщинам баконго. Полумертвого жреца приволокли к кухонным котлам и бросили в кипящее ячменное варево...

...Боцман Броун, сидя на корточках у костра, озарявшего вход в шалаш со спящей сменой, долго прислушивался к шуму за оградой. Ворота остались приоткрытыми, караульные вошли в лагерь. Что они так долго возятся с этим бабьем?

Броун поднялся и отошел от костра в темноту. Он не сделал и десяти шагов, как удар дубиной сбил его с ног. Между тем Антони и два черных воина, разметав заднюю стенку шалаша, ворвались в это жилище стражников...

Тихий свист раздался изнутри ограды. Это Бернардито созывал своих товарищей. Захватив все оружие убитых, Антони и оба воина перескочили через изгородь в лагерь.

Здесь уже все утихло. Нгуру, Тоопи и Майни-Мфуму унимали расходившихся женщин. Антони наткнулся на тела туарегов-надсмотрщиков и увидел ноги жреца, торчащие из котла. Захват лагеря был завершен.

Теперь Бернардито разделил черных воинов на три отряда. Человек тридцать во главе с Нгуру исчезли в направлении хижины островитян, а два других отряда, предводительствуемые Антони и Майни-Мфуму, тронулись к берегу. Часть негров в этих двух отрядах надела шляпы и рубашки матросов. Они «конвоировали» к шлюпкам своих вооруженных товарищей, накрывших себе головы листьями пальм, тряпками и обрывками материи. Бернардито велел им изображать процессию поникших, молчаливых невольниц. Он вышел вслед за обоими отрядами и закрыл двухстворчатые ворота. Вооруженные воины молча расселись в двух шлюпках. На одной из них уже находился Антони Ченни, во вторую вскочил Бернардито. Весла, плеснув, погрузились в воду.

Осипший дискант окликнул с мостика «Глории» людей на шлюпках:

— Где вы пропадали столько времени, черти? Все ли благополучно в лагере?

Спокойный голос Бернардито ответил из мрака:

— В лагере все в порядке, капитан Вильсон. Везем веселых гостей... Все добрые ребята будут довольны.

— Это вы, Джонсон? — крикнул капитан, перегибаясь через перила.

В это мгновение издалека донесся долгий, отвратительно резкий крик совы. Он повторился трижды. Нгуру сигнализировал, что воины уже оцепили хижину О'Хири.

— Да, это я, капитан, — отвечал Бернардито, хватаясь за поручень носового трапа. — Сейчас я поднимусь к вам наверх и сообщу отличную новость.

Вторая шлюпка подошла к кормовому трапу. Вахтенные с любопытством сгрудились у борта. Внезапно со шлюпок ударил нестройный ружейный залп. Капитан Вильсон и второй вахтенный офицер рухнули на мостик. В этот же миг серая тень взметнулась по трапу и с ревом бросилась на матросов, кромсая и раскидывая их как волк, ворвавшийся в овчарню. А по обоим трапам уже взлетали на борт гибкие черные тела.

Фонарь разбило выстрелом. В кромешной тьме шло

беспощадное побоище. Карнеро метался, как адская фурия.

— Антони! — загремел голос Бернардито. — Ко мне!

Из гущи свалки показался Антони. Шагая через тела, он приблизился к темной фигуре у борта. Бернардито стоял, скрестив руки на груди. Он был совершенно спокоен.

— Это — тридцать девятый абордаж в моей жизни,— сказал он молодому человеку, — и как будто довольно удачный. Сейчас бой дошел до такой точки, когда управлять им невозможно и излишне. Не лезьте в эту свалку, негры обойдутся без вас. Наблюдайте за шлюпками, чтобы никто из врагов не ушел живым. В воду пусть бросаются. Там акулы и крокодилы позаботятся об их дальнейшей судьбе.

Негры уже распахнули люк в кубрик. Расположение корабельных помещений было отлично известно воинам. В кубрике горела яркая лампа, пьяные матросы валялись по койкам, бутылки и кружки стояли на двух столах. Часть пирующих уже успела отрезветь и металась в поисках оружия. Карнеро ворвался в кубрик вслед за озверевшими бойцами Майни-Мфуму. Перемахивая через стол, собака опрокинула лампу. Масло разлилось и вспыхнуло. Загорелась чья-то койка, огонь перекинулся на стену... В пылу боя никто не стал тушить пожар; лишь когда последний матрос в кубрике испустил дух, а пламя уже взметнулось под потолок, Майни-Мфуму приказал своим воинам спасаться из горящего люка, и Бернардито увидел наконец летящие искры и пламя.

— Стой! — крикнул он таким голосом, что весь корабль содрогнулся. — Прекратить возню! Антони! Утихомирьте негров, тушите пожар! Корабль нужно спасти любой ценой.

Пламя уже перекинулось в салон. Затлели доски палубного настила.

В отсвете пожара Бернардито разглядел, что вокруг корабля мелькают в воде десятки курчавых голов. По трапам, якорным цепям и канатам уже взбирались на палубу мужчины, женщины, подростки. С каждой минутой число их возрастало. Антони растерянно взирал на этот странный приступ и наконец по возгласам женщин догадался, в чем дело.

— Капитан, — крикнул он, — кто-то распустил слух, что корабль уходит. Чуть ли не весь лагерь бросился

в воду, чтобы не остаться на проклятом острове!

— Так заставьте их подавать вам воду. Берите ведра, расставьте людей цепями!

Пламя уже охватило мостик. Сотни черных рук быстро передавали ведра с водой. В ход пошли багры и топоры. Огонь на палубе был скоро потушен, но из кубрика донесся жалобный хриплый вой. Пламя бушевало вокруг люка, ведущего вниз. Бернардито сорвал с убитого вахтенного парусиновый плащ, набросил капюшон на голову и приказал окатить себя водой. Вмиг несколько ведер обрушилось на него. Через горящую горловину люка он сбежал по трапу в кубрик.

В дыму ничего нельзя было различить. Бернардито наткнулся на стол, и бутылки со звоном покатились на пол. Что-то взвизгнуло под ногой капитана, и, нагнувшись, он нащупал жесткую шерсть Карнеро.

Железным ломом капитан разбил окно. От свежего воздуха пламя вспыхнуло ярче. Обрушился деревянный трап, служивший для выхода. Сознание начало мутиться у Бернардито — в кубрике было жарко, как в горящей печи. Но уже спустилась веревочная лестница, и Антони бросился на помощь корсару. Вдвоем они подтащили громадное тело Карнеро к лестнице и обмотали его гибкой стремянкой. Люди наверху вытащили раненого и обгоревшего Карнеро наружу, а следом выбрались из люка и оба человека. Вскоре негры погасили огонь в кубрике.

Отдышавшись, Бернардито обошел корабль. Пожар не причинил непоправимых разрушений, но для полного восстановления судна требовалось не меньше двух-трех месяцев. Новый капитан корабля обратился к негритянскому вождю Майни-Мфуму:

— Собери своих людей на корме. Я скажу им несколько слов.

Когда сотня негров собралась на юте, а десятка два воинов расположились на реях бизань-мачты, капитан поднялся на бочку. Молодой военачальник Майни-Мфуму стал рядом с ним. Антони принес корабельный фонарь, люди увидели седого воина в обгорелом плаще и с черной тряпицей на лице. Наступила полная тишина.

— Воины славного племени баконго, сыны басунди, майомбе, батоке и других племен священного Конго!— начал капитан, и Антони слово в слово переводил его

речь на язык киши-конго. — Мы воевали и победили, потому что действовали согласно и каждый поступал так, как ему было приказано. Но это только половина дела. Нужно починить корабль и отплыть с острова. Я поведу вас на родину. Если мы останемся здесь, придут новые корабли с пушками, и белые солдаты вернут вас в рабство. Кто из вас желает этого, воины?

Выждав, пока стих ответный ропот, Бернардито продолжал:

— Я научу вас, как починить этот корабль, но работать придется быстрее, чем вы вчера работали на берегу, обманутые работорговцем О'Хири. Теперь не пачка табаку, а свобода зависит от ваших рук. Поняли вы меня, мои дети?

По рядам прокатился шум одобрения.

— Так знайте же, что я — строгий и требовательный отец. У меня есть шестеро испытанных друзей из ваших племен. Это мои старшие дети Нгуру, Тоопи, Мгомбу, Нгано, Тимбу и Нори. Молодой вождь Майни-Мфуму и эти шесть человек будут руководить вами. Тот, кто не будет выполнять их приказаний, не вернется к водам Конго. Три полные луны нужно для того, чтобы корабль мог опять поднять паруса. Спроси своих воинов, Майни-Мфуму, все ли поняли мои слова?

— Продолжай, отец, — сказал молодой вождь. — Ты друг черного народа. Каждый твой совет будет законом для людей баконго.

— Пусть теперь люди, неразумно приплывшие на корабль, садятся в шлюпки и возвращаются на берег. Прикажи воинам сломать лагерь и построить себе хижины для жилья, какие вы делали у себя на родине. А завтра начнем работать: нельзя откладывать починку корабля.

— Посмотри туда, отец! — воскликнул вдруг Майни-Мфуму, указывая в сторону ущелья.

Там, над лесом, подымалось зарево. Его красный отблеск смешивался с лучами рассвета. Горела хижина островитян.

На склоне горы, среди лесных зарослей, спускался по тропе отряд воинов. Впереди цепочки шагал Нгуру с мешком на плече. Женщины на берегу приветствовали отряд громкими криками радости.

Три тяжелые шлюпки «Глории» уже перевезли на берег негров с корабля. В лучах разгоревшегося дня

черные люди с упоением рушили вышки, выворачивали колья частокола, ломали ворота и навесы. Майни-Мфуму сообщил капитану, что в воде ночные пловцы повстречали и утопили нескольких матросов, которые пытались спастись вплавь. Но и среди негров было немало жертв: несколько десятков людей утонули и достались морским хищникам.

Отряд Нгуру подошел к воде. Черный великан сел в шлюпку и бросил в нее свой мешок. Нгуру был легко ранен пистолетной пулей из окна хижины. Бернардито встретил его у трапа «Глории», потрепал по плечу и вопросительно поглядел на тяжелый мешок. Черный воин с торжеством встряхнул мешок, и из него со стуком вывалился на палубу десяток голов... Новый капитан «Глории» отвернулся и, к большому разочарованию Нгуру, который намеревался выставить эти трофеи для всеобщего обозрения, велел выбросить мешок за борт.

Когда мешок со всем его содержимым погрузился в пучину, Бернардито многозначительно переглянулся с Антони и проговорил со вздохом:

— Видимо, эти плохие негры так и не сумели оценить хорошее отношение мистера О'Хири, его назидательные уроки и пачку табаку!..

6

Дни пещерного заточения Доротеи и Чарльза кончились. Но они были необыкновенными, эти тревожные дни в полусумраке, озаренном красным жаром тлеющих углей.

Мальчик, приученный своим воспитателем к суровой сдержанности, не знал ласки. Заповедное слово «мама» он произносил сначала робко и стыдливо, преодолевая какое-то огромное внутреннее сопротивление, испытывая чувство смущения и даже страха. Потом это прошло, прошло быстро: слишком велик был у матери запас душевного тепла и страстной нежности. Волшебное слово все чаще слетало с губ Чарльза.

Доротея не задела, не оскорбила детской стыдливости сына, потому что сама носила это чувство в себе. Не словами, а глазами говорила, выливалась наружу ее любовь. От наблюдательных материнских глаз не укрылась ни одна мелочь. Они сразу увидели, что сын вырос в заботливых, умных руках. После первых вспышек материнской страстности женщина нашла в себе силы победить ревность к воспитателю сына и

почти не нарушала привычного уклада жизни мальчика. Она заняла между мальчиком и старым Бернардито какую-то свою, особую позицию, ничего не требуя, кроме права не разлучаться с ребенком. Если в редкие часы появления Бернардито в пещере он отсылал мальчика с каким-нибудь поручением, у женщины появлялось в глазах выражение птицы, перед взором которой охотник вынимает ее птенцов из гнезда. И старый корсар старался реже прибегать к услугам маленького помощника.

Бернардито заметил, что ни одна посудина, ни один предмет в пещере не переставлены с места на место, только очень тщательно вычищены и накрыты. Вся одежда капитана, развешанная на стенных колышках, была починена и высушена. Для него и Антони женщина сшила удобную кожаную обувь, в то время как на ногах Чарли по-прежнему красовались грубоватые изделия самого капитана. Все это подмечал Бернардито, и однажды, в напряженный час наблюдения с дерева за лагерем невольников, он неожиданно для Антони проговорил про себя:

— Она необыкновенная женщина, эта Доротея Ченни, а Джакомо просто безмозглый осел...

Антони удивленно повернулся к своему спутнику, но тот уже грыз сухой стебелек и сосредоточенно рассматривал пистолетный курок.

Доротея, оставаясь наедине с Чарльзом, старалась победить тревогу за исход боев на острове и за судьбу брата. Она тихонько пела своим прозрачным голосом детские негритянские песенки, шила и чинила одежду, а мальчик лежал рядом на шкуре и смотрел на мать. Он силился вспомнить что-то давнишнее и смутно, будто восстанавливая в памяти сновидения, видел зеленую лужайку около большого дома с двумя башнями... Потом все расплывалось, в памяти возникали страшные сказки Бернардито, и он принимался пересказывать их матери. Все сказки пересказал мальчик: про сокровища в пещерах и про ночные сражения пиратских кораблей, про грозного Одноглазого Дьявола и про холодные страны северных королей, про рыцарей и злодеев.

И оказалось, что мать сама знает многие из них, знает даже сказку про коварного Леопарда, только сама не рассказывает, а про Леопарда не захотела и слушать. Она знала другие сказки — про черных людей на великой реке, про их грозных богов и мстительных

жрецов, про королей с золотыми обручами на лбу и величавых черных воинов в длинных узких ладьях с высокими носами, скользящих по широким речным водам. Она рассказывала про жирафов, антилоп и гиппопотамов, про львов и огромных черепах, про удивительных птиц и белого слона, которому молятся жрецы баконго... Ручей в тоннеле журчал и мешался с голосом матери; мальчик засыпал, положив голову к ней на колени. Теплые ладони осторожно касались его лица. Негритянская песенка еще долго звучала... Голос все удалялся, таял в светлой синеве и наконец совсем растворялся в сонном небытии... Да, они были счастливыми, эти долгие часы в пещерном полумраке.

Бернардито вел Доротею и Чарльза к бухте. Уже не нужно было ходить крадучись, таиться и говорить шепотом. Звонкий голос мальчика разносился по лесу. Он бежал впереди, а Бернардито помогал Доротее переступать через поваленные деревья и каменистые осыпи. Она была в странной, необыкновенной одежде. Бернардито принес ей из капитанской каюты «Глории» несколько голубых шелковых занавесей — единственную легкую ткань, попавшуюся ему под руку. Из них Доротея сшила себе подобие бурнуса, какие носят женщины некоторых африканских народов. Она обулась в самодельные сандалии, как древняя спартанка, заколола волосы костяным гребнем, завернулась в свой бурнус и вышла на солнечный свет вместе с сыном и высоким моряком. Он годами сберегал для подобного торжественного выхода свою треугольную шляпу и старый морской камзол.

По дороге к бухте Доротея рассказала, что мистер Фред уступил Чарльзу свое родовое имение и титул, а сам под именем Альфреда Мюррея уехал в Америку. Благодаря этим обстоятельствам хозяином Ченсфильда стал Грелли.

— Значит, впереди нас бежит вприпрыжку не кто иной, как его светлость законный виконт Ченсфильд?— задумчиво проговорил Бернардито. — Фред поступил разумно. Он выиграл время, спас женщину и вышел невредимым из когтей Леопарда. Мнимая гибель ребенка тогда развязывала руки Грелли.

— Я не хочу вспоминать о нем, — тихо произнесла Доротея.

Перед путниками открылась просторная бухта с вырубленными участками леса. Здесь кипела работа. Строились хижины, отцы семейств собирали своих домочадцев и сирот под кровом новых жилищ. «Глория» стояла у самого берега и имела довольно жалкий вид. Голубая гладь бухты отражала почернелый корпус, сломанные мачты, рухнувший мостик и путаницу в снастях. Навстречу капитану и его спутнице раздавались радостные приветствия. Антони махал шляпой с корабельного борта. В этой высокоторжественной обстановке Бернардито, Доротея и Чарльз ступили на палубу «Глории».

— Наша старая хижина сгорела, — сказал Бернардито. — На время ремонта судна вам придется довольствоваться жизнью в палатке на берегу, синьора.

— Капитан Бернардито... — заговорил было Антони и сразу осекся под предостерегающим взглядом моряка: капитан просил не называть его при мальчике настоящим именем.

Поминальную надпись на скале затянуло мхом, и Чарльз не знал о ее существовании; имя самого мальчика капитан стал произносить лишь в последнее время, уже не рискуя вызвать словом «Чарльз» воспоминаний о прошлом...

Но укоризненный взгляд, брошенный капитаном на покрасневшего Антони, опоздал!

Мальчик резко обернулся и пристально глядел на «дядю Тобби».

— Чарли, — неуверенно произнес старый моряк, — помнишь, ты обещал мне не бояться, если одноглазый капитан придет на остров?

— Помню, — отвечал мальчик, — я и не боюсь его. Знаешь, дядя Тобби, я уже давно догадался, что ты рассказывал про себя, но не хотел тебе говорить об этом. Мама! Наш дядя Тобби — это и есть сам Одноглазый Дьявол, понимаешь, мама?

— Да, мой дорогой синьорито, теперь ты проник в мою тайну. А знаешь ли ты, что у старого Бернардито есть маленький сын?

— Знаю! — радостно закричал мальчик и кинулся на шею капитану. — Зачем ты так долго скрывал это, отец?

Бернардито отступил в сильном смущении. Он никак не ожидал, что мальчик так ложно истолкует его слова.

А Чарльз, прижавшись к его груди, говорил торопливо и сбивчиво:

— Я все понял, отец, я давно все понял! Люди ненавидели тебя и считали злодеем. Потому ты молчал и скрывал от меня правду.

Голос мальчика дрожал. Слезы катились у него из глаз на старый камзол Бернардито. Капитан крепко сжимал его в объятиях и не смел произнести ни слова. Он искал взглядом Доротею, и взор его единственного глаза выражал муку и страдание.

Антони, склонившись к сестре, что-то быстро шептал ей на ухо. Женщина решительно взглянула в лицо капитану и показала глазами, что разубеждать ребенка не нужно...

...Час спустя, когда мальчик, набегавшись по кораблю, менял вместе с Антони перевязки тяжело раненному и обожженному Карнеро, Бернардито явился в капитанскую каюту для объяснения с Доротеей. Он стал перед нею, торжественный и прямой, застегнутый на все пуговицы.

— Синьора, — начал он после паузы, — мальчик развит не по летам и очень умен. Он отлично понимает, что супруг, жена и их ребенок представляют собою нечто единое, то есть семью. Вам и вашему брату было угодно поддержать спасительный обман, столь осчастлививший мальчика. Это влечет для вас необходимость и впредь играть внешне роль... Мне трудно произнести нужное слово, ибо я знаю свой возраст...

Доротея подняла на капитана свои печальные глаза.

— Синьор, я совсем простая одинокая женщина, порвавшая с человеком, который, только глумясь над моей простотою, называл меня своей женой. Моей ли незначительной особе пристала роль жены человека со столь громкой славой, как ваша? Я знаю, что впереди вас ожидают новые подвиги. Даже мнимая роль вашей супруги слишком ответственна для меня, хотя, разумеется, я желала бы оказаться достойной ее.

Бернардито тихо опустился на колено и почтительно поднес руку женщины к губам.

— А смею ли я надеяться, с моим грузом пережитого за плечами, заслужить в будущем вашу любовь, синьора?

— Она принадлежит вам с той минуты, когда я уви-

дела моего сына таким, каким вы воспитали его, дон Бернардито.

— Доротея, но где-то в мире растет еще один мальчик без матери. Моя кровь течет в его жилах. Он всегда в опасности, враги подсылали убийц к шестилетнему ребенку. Если небо сжалится над ним и приведет его к встрече со мной, сможете ли вы... без предубеждения приласкать этого полусироту?

— Смогу ли я? От всего сердца говорю вам, синьор, я была бы горда и счастлива снискать любовь вашего сына. Клянусь вам, я бы не сделала различия между Чарльзом и Диего.

— Будь же благословен час моей встречи с тобою, прекрасная синьора! Будьте благословенны ветер и море, прибившие ваш корабль к скалам этой земли!.. Ты права: мои руки еще сильны и годятся для битвы. Вряд ли судьба отпустит мне столько лет, чтобы они успели одряхлеть и состариться. Но до последнего моего вздоха я понесу тебя на руках по всей нашей жизни, Доротея!

Они вышли на палубу. Вершина Скалистого пика уходила в небо. В ее глубоких расселинах еще лежал подтаявший снег, но склоны были темными и отливали в солнечных лучах многоцветными оттенками камня. Морская рябь искрилась, словно тысячи осколков хрусталя были рассеяны на воде. Мальчик с разбегу уткнулся в бурнус матери.

— Я охотно побродила бы по острову, — сказала женщина.

Они вышли из лодки и направились в горы. Мальчик то убегал вперед по знакомым тропинкам, то возвращался к старшим.

Бернардито рассказывал своей спутнице о трудных годах одиночества, о суровых лишениях и многолетней борьбе с природой. Доротея дивилась богатству опыта Бернардито.

С подножия Скалистого пика они втроем смотрели на закат солнца. На пурпурном шелке зари огромный золотой диск, рассеченный линией горизонта, погрузился в море. Воды и облака слились. Небо стало пылающим морем, а море — огненными небесами. И сказочно прекрасный зеленый луч, последний луч заката, яркий и неповторимый, мелькнул и скрылся на темнеющем небосклоне.

Глава семнадцатая

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»

1

Знойный майский полдень был томительно долгим. Беспощадное солнце, казалось, не желало уходить с небосвода. Палубы двух-трех кораблей, стоявших на внешнем рейде Капштадта, совершенно обезлюдели; экипажи находились на берегу или искали убежища от жары в нижних трюмных помещениях.

Синьор Джиованни Каррачиола, бравый мужчина, в легкой тонкой рубашке и небесно-голубых панталонах, схваченных у колен ленточками, лежал в качалке. Парусиновый навес над палубой шхуны защищал синьора от прямых солнечных лучей; негр с опахалом из страусовых перьев служил ему живым веером, и отдыхающий синьор дремал, разморенный жарой и двумя стаканчиками вина. Изредка он приоткрывал глаза и любовался серебряными пряжками на своих башмаках. Фасону этих восхитительных пряжек — изделию искусного негритянского мастера — еще будут подражать модники Бультона!..

До слуха Каррачиолы доносились только умиротворяющие звуки: жужжание насекомых под навесом, тихий плеск за бортом и неуловимо нежный шорох опахала. Мысли его текли медленно и лениво, как и полагается течь мыслям добропорядочного джентльмена в послеобеденные часы. Синьору лишь недавно перевалило на четвертый десяток, и никогда прежде не тревожившие его мысли о грядущей старости стали время от времени посещать его. Где, на каких перепутьях подкрадутся к нему старческие немощи? Что накоплено в сундуках памяти? Сколько нулей, наконец, у банковского счета, дабы спутники надвигающейся старости относились с должным почтением к любым его пожеланиям? Эти дремотные мысли повели джентльмена еще дальше и в конце концов с неприятной наглядностью представили ему час будущей встречи с костлявой синьорой. Каррачиола поморщился, открыл глаза и потянулся за табакеркой. Со свистом он втянул в ноздри «джентльменскую понюшку», оглушительно чихнул, утер слезу и окончательно стряхнул дремоту.

«Нужно вовремя делать деньги!» — таков был глав-

ный и окончательный вывод из всех размышлений синьора Каррачиолы, капитана шхуны «Удача» и руководителя экспедиции трех кораблей Грелли на Конго.

Сетовать на судьбу было бы неблагодарностью со стороны капитана. Феи небесные подарили Каррачиоле наружность, которой позавидовал бы любой оперный тенор, а феи земные не оставались к ней равнодушными. Он, например, едва ли выслужил бы у лжевиконта столь высокое назначение, если бы не заступничество Эллен. Настойчивость супруги возымела желаемое действие на виконта: он простил своему агенту пирейскую неудачу и поручил Каррачиоле командный мостик лучшей из трех шхун, вместе с руководством всей экспедиционной партией. Однако в экспедиции положение синьора оказалось несколько затруднительным. Американский ирландец О'Хири был гораздо опытнее своего начальника в делах охоты за неграми; капитаны Вильсон и Хетчинсон были лучшими моряками; наконец, репутация тайного шпиона мистера Райленда и неутомимого доносчика прочно утвердилась за молодым капитаном и, внушая страх, не увеличивала симпатий к синьору даже среди экипажей работорговых шхун... Несмотря на долгие годы службы у виконта, Джиованни Каррачиола до сих пор переступал порог охотничьего кабинета в Ченсфильде с неприятным чувством стеснения и неуверенности. И мысль о возвращении в этот кабинет с докладом о неудаче была страшнее всех опасностей.

Синьор капитан был приятен в обхождении и не лишен остроумия. Язык, как и полагалось доверенному лицу сэра Фредрика, довольно ловко служил синьору для сокрытия его мыслей. Опытность Джиованни в притворстве и лжи была сразу по достоинству оценена его патроном при знакомстве с молодым итальянцем. Это знакомство произошло в Бультонском порту, где двадцатитрехлетний помощник штурмана Каррачиола был вынужден покинуть свое судно из-за ерунды, из-за простого кошелька: капитан корабля нашел несомненное сходство между кошельком, пропавшим у него, и тем, который Джиованни извлек из своего кармана. В результате последовавшего конфликта судно отплыло, оставив помощника штурмана на бультонской мели. Наведенные справки удовлетворили мистера Вудро Крейга, который вскоре представил синьора своему высокому покровителю... И с тех пор недоучившийся штурман

не имел больше нужды проявлять рассеянность в отношении чужих кошельков, коллекционировать чужие принадлежности туалета или расставаться перед стойкой бара с шарфом и жилетом, если жажда становилась непреодолимой.

За всю свою жизнь Каррачиола едва ли одолел сотню печатных страниц, но зато охотно слушал страшные рассказы моряков, где трезвая правда мешалась с красочным вымыслом, как вода с водкой в шотландском тодди. Эти повествования питали фантазию Каррачиолы и обогащали его опыт.

Одна совершенно необъяснимая черта причиняла Каррачиоле немало тайного беспокойства. С самой ранней юности он испытывал приступы странной тоски, нападавшей на него во время сильного лунного света. Тихие серебряные ночи с полной луной и мерцающей серебряной дорожкой на воде нагоняли на Джиованни томительную меланхолию. Бороться с нею он был бессилен. Во время этих приступов он боялся одиночества, ненавидел свои воспоминания и испытывал полное равнодушие к обязанностям, деньгам и земным усладам.

...Оранжевое солнце еще пылало над горизонтом, когда на рейде показалась гребная лодка. Она приближалась к «Удаче». Два джентльмена в соломенных шляпах сидели под цветным балдахином на корме. Двое негров гребли, третий, стоя, правил рулем.

Каррачиола узнал гостей еще издали. Это были владельцы недавно созданных здесь алмазных копей — англичанин мистер Айвенс Брендон и его компаньон, голландский еврей минхер Юлиус ван Арденфройден. По тайному знаку капитана боцман «Удачи», толстый Химсвелл, прозванный «Моржом» за круглые глаза и плохо бритую щетину усов, махнул гребцам, чтобы они держали к корме. Носовой трап? Слишком много чести! Боцман встретил прибывших у кормового трапа и проводил их на палубу. Капитан встал с качалки, сделал приветливое лицо и приказал принести стулья и легонький столик. Брендон положил ноги в белых чулках на перекладину столика, а минхер Юлиус ван Арденфройден почти замертво свалился на предложенный стул, подставляя круглую красную физиономию под ветерок от страусового опахала.

— Проклятая жара! — простонал он. — Это «осеннее» майское солнце превратит меня нынче в жаркое!

Я хотел бы послать ко всем чертям весь этот континент с неграми, москитами и крокодилами! Есть же такие счастливцы, которые спокойно пьют пиво в Заандаме и не имеют ни наших забот, ни наших...

— ...алмазов! — докончил его речь синьор Каррачиола. — Я, господа, горячо сочувствую вашим заботам, но если бы сам когда-нибудь занялся добычей драгоценных камней, то предпочел бы извлекать их прямо из глубины чужих сейфов.

Все засмеялись.

— Чтобы они попали туда, нужны несчастные страдальцы, и этот удел выпал нам с мистером Брендоном. А нам, в свою очередь, нужны для этого рабочие руки. Вы обдумали наше предложение, мистер Каррачиола?

— Господа, — ответил Каррачиола, — я не распоряжаюсь людьми, находящимися на борту «Удачи». Эти негры — собственность «Северобританской компании» и предназначены для работы на новых плантациях фирмы.

— Я предлагаю вам, как последнюю и окончательную цену, тридцать пять фунтов за каждого негра. По здешним местам это весьма приличная цена, ибо ваши негры довольно крепкий народ, они сильнее здешних готтентотов. Уступите нам две сотни душ, а фирме напишите, что они издохли от болезней. Это с ними постоянно случается. Маленькая эпидемия на борту... Тиф или холера, черт побери! Я же знаю, что у вас на борту есть лишние души. Положить себе в карман семь тысяч фунтов! Не понимаю ваших колебаний!

— Платить вы собираетесь наличными, господа?

— Как будет угодно вам, мистер Каррачиола. Вы можете получить всю сумму в золоте, чеками на имя вашего капштадтского банкира, драгоценными камнями по нынешнему курсу, ассигнациями в любой валюте или ценными бумагами.

— Если к семи тысячам вы прибавите еще камешек, я, пожалуй, подумаю над вашим предложением. Деньги придется разделить между четырьмя лицами... Камень же я хотел бы... сохранить лично для себя.

— Чтобы сегодня же заключить сделку, я готов согласиться на просьбу мистера Каррачиолы, — сказал Брендон своему компаньону.

— Хорошо, — согласился минхер. — Полагаю, мистер Брендон, что вчерашний восемнадцатикаратовик устроит мистера Каррачиолу? Итак, разрешите считать

дело решенным. Я хотел бы уже завтра переселить негров в бараки. Но, синьор Каррачиола, это только первый вопрос, благополучно разрешенный нашим маленьким совещанием под этим уютным балдахином... Скажите мне, сколько времени вы должны простоять в порту?

— Шхуна уже на плаву. Остаются небольшие доделки. Вскоре сюда вернутся еще две шхуны нашей экспедиции, они уже немного запаздывают. Мы погрузим закупленные мною товары, что лежат на берегу, и тогда покинем Капштадт. С якоря снимемся, вероятно, недели через три, после окончания починки, пятнадцатого-двадцатого июня.

— Мистер Каррачиола, мы с господином Брендоном хотим предложить вам одну весьма для вас заманчивую операцию. Останется она только между нами троими, и вам не понадобится делить прибыль с вашими коллегами. Мы предлагаем вам занять всех ваших негров работой на копях, пока шхуна стоит в Капштадте. Люди бездельничают и даром получают свой хлеб. А мы дадим им небольшую разминку, разумеется, с поденной оплатой. Условия наши — пятнадцать шиллингов за рабочую неделю. В месяц это даст три фунта за работу каждого негра. Кормежку людей мы берем на себя. После нашей сегодняшней сделки у вас остается, насколько нам известно, две с половиной сотни негров. За месяц вы сможете добавить к своему счету семьсот тридцать фунтов, не имея ни хлопот, ни затрат да еще изрядно сэкономив на кормлении двадцати пяти десятков бездельников. Полагаю, что мы не встретим возражений с вашей стороны, капитан?

— Гарантируете ли вы хорошие условия содержания негров? Если вы вернете мне вместо здоровых рабочих скотов изможденных кляч, фирма понесет убытки.

— Условия для невольников у нас прекрасные. Они имеют всё: крышу, сытную жратву и пойло, солому для сна; даже об их душах заботятся у нас два преподобных миссионера. Труд пойдет на пользу вашим черным лежебокам... Итак, условимся, мистер Каррачиола: завтра вы доставите всю партию к нашей конторе. Она находится в пятидесяти-шестидесяти милях отсюда, на берегу удобной маленькой бухты. Часам к восьми утра мы рассчитываем видеть вашу шхуну в бухте против конторы. Только утром мы, здешние страдальцы, и имеем возможность дышать, мыслить и показываться на

улице! Итак, до завтрашнего утра, мистер Каррачиола!

Груз шхуны «Удача» — четыреста мужчин и пятьдесят женщин, отобранных Каррачиолой для продажи в Америке, — представлял собою цвет племени баконго. Работорговцы фирмы Райленда выбрали самых здоровых и сильных мужчин, самых стройных и привлекательных женщин для продажи на американских невольничьих рынках. При суетливой ночной пересортировке невольников в Капштадте работорговцы второпях забрали детвору у молодых матерей, предназначенных в Америку, и погрузили орущих ребятишек на шхуну «Доротею», где находились преимущественно пожилые женщины для островной плантации. На «Доротее» поднялся такой крик, напуганные дети, брошенные в трюм к чужим женщинам, визжали так отчаянно, что капитан Хетчинсон приказал скорее задраить трюмные люки, предоставив черным женщинам утихомирить осиротевшую детвору... Уже больше месяца миновало после этих сцен, но матерям, запертым в отдельном трюме «Удачи», еще мерещился в каждом корабельном скрипе плач увозимых детей.

Теперь, на рассвете нового жаркого дня, Каррачиола, стоя на мостике «Удачи», уже вводил шхуну в небольшую бухту, где среди прибрежной зелени пряталось серое здание конторы алмазных копей. За красивыми изгородями возвышались на берегу жилые коттеджи Брендона, Арденфройдена и смотрителя работ.

Шлюпки высадили невольников на берег, где их встретили английские, португальские и голландские конвоиры, вооруженные дубинками, плетьми и ружьями. Полдюжины собак сопровождали конвоиров.

Мистер Брендон показался на веранде своего коттеджа, а минхер ван Арденфройден, пренебрегая условиями, вышел из дому прямо в полотняном ночном белье, присовокупив к этому наряду еще хлыст для верховой езды.

— Вы чрезвычайно точны, мистер Каррачиола. Это признак истинного коммерсанта, — сказал голландец, когда капитан высадился с последней партией негров. — С вашего позволения, мы сперва отберем две сотни, переходящие в нашу собственность.

Минхер ван Арденфройден и смотритель работ бесцеремонно открывали неграм рты, смотрели их зубы, щупали мускулы живота, хлопали по спинам.

Женщины стояли поодаль от мужских шеренг. Покупка женщин не предусматривалась; они передавались на рудник лишь для временной работы, но одна из молоденьких негритянок, очень стройная девушка, привлекла внимание минхера Юлиуса. Он подошел к синьору Каррачиоле, снял с пальца золотой перстень с довольно крупным светлым рубином и незаметно сунул его в руку итальянца.

— Мне нужна горничная в доме, — шепнул он доверительно.

— Она продана, — солгал Каррачиола. — Мне придется платить неустойку. Сто фунтов, минхер.

— Пятьдесят, — отрезал голландец.

— Здесь не базар, мистер Арденфройден. Семьдесят пять. Цена окончательная.

— Включая перстень, — вкрадчиво понизил голос собеседник Каррачиолы.

— Перстень — это комиссия. Семьдесят пять, или я забираю ее назад на шхуну.

— Вы пользуетесь человеческими слабостями, — вздохнул голландец. — Человек — грешное существо и остается им даже на тридцатом градусе южной широты!

«Черт возьми, можно было-таки сорвать сотню, — подумал капитан с сожалением. — Поторопился, как обрадованный школьник! Однако теперь-то мне понятно, почему Вильсон и Хетчинсон, а главное, почтенный мистер Эрвин Сайрес О'Хири возят с собою такие увесистые шкатулки и толстые чековые книжки. Дело-то сказочно прибыльное, а дурачить негритянских царьков — не велика мудрость! Вот почему компания Райленда растет, как шампиньон на черном навозе!..»

Тем временем двести негров, отобранных владельцами копей, были наконец согнаны вместе. К ним тотчас подошли надсмотрщики с ножницами и бритвами и самым бесцеремонным образом остригли наголо.

— Зачем вы это делаете? — полюбопытствовал Каррачиола.

— Во-первых, все они — отчаянные воришки и пробуют прятать камни в своих шевелюрах. У нас бывали случаи, когда негры даже глотали камни, чтобы выносить их таким своеобразным способом, а затем совершать побеги. Во-вторых, стриженых негров гораздо легче обнаружить, когда они пытаются бежать к диким племенам готтентотов, бушменов и зулусов или же при-

страиваться на проходящие суда. Стрижка — обязательное условие для наших рабочих. Кроме того, ведь это же полезнее.

— Ладно, эти проданы, и делайте с ними что хотите. Но я должен предупредить вас, минхер, что мои двести мужчин и пятьдесят женщин, переданные вам на месяц, должны вернуться на борт «Удачи» такими же здоровыми, какими вы их сейчас видите.

— Ну, ну, наша приятная утренняя беседа приобретает совершенно ненужную остроту. К чему эти опасения, мистер Каррачиола? Вы получите своих чернокожих бодрыми и откормленными... Но нас уже ждет завтрак в доме мистера Брендона.

— Я все-таки хотел бы посмотреть на ваши копи...

— Непременно, синьор, непременно. Но мы отправимся туда в экипаже после завтрака. Это добрых десять миль отсюда.

Негров увели под сильным конвоем. На берегу осталась только стройная девушка. Она печально смотрела вслед длинной шеренге, удаляющейся по пыльной дороге, в окружении ружейных стволов и псов на сворках. Минхер стеком показал девушке направление к воротам своего коттеджа. Девушка поняла, что продана этому розовому толстяку в странном костюме, и, понурившись, пошла на хозяйский двор.

— Гамилькар! — крикнул вслед девушке ее новый владелец.

Пожилой негр в европейском костюме выбежал на заднее крыльцо. Голландец показал на негритянку:

— Помести пока новую служанку в бывшем чуланчике Луизы. Присматривай за ней, Гамилькар. И одень ее, ради бога, поскорее! Неприлично!..

...В этот день Джиованни Каррачиола не попал на рудник. Не вернулся он и на шхуну, оставшуюся под надзором боцмана Химсвелла. Ранний завтрак, начатый хересом, незаметно протянулся до ленча, ленч продлился до обеда, и уже в темноте ром и ликеры перекинули мост к ужину. Неутомимый оркестр, составленный из гитар, кларнетов, скрипок, трехструнных негритянских маримб и звучных туземных тамбуринов, гремел беспрерывно. Эта музыка опьяняла Каррачиолу, взвинчивала, заставляла отбивать такт каблуками и подсвистывать мелодию. Перед ним мелькали танцоры на веранде. Он заметил, что собутыльники его меняются, и только круглое лицо ван Арденфройдена все время мая-

чило поблизости. Где-то в глубинах сознания гасли остатки привычной настороженности, возникло щемящее чувство скольжения в бездну по крутой наклонной плоскости... Когда, пошатываясь, Каррачиола вышел на опустевшую веранду, прямо в глаза ему ударил мертвенно-белый свет. Круглая, лысая луна была единственным неподвижным телом в поле зрения капитана: все плясало, двигалось, двоилось, но луна была неподвижной, безгласной и враждебной...

На веранду он, собственно, отправился следом за хорошенькой золотоволосой мисс... Она ненадолго появилась в столовой и исчезла, выйдя через дверь веранды. Кажется, ее зовут мисс Ирена, она дочь владельца копей, мистера Брендона... В столовой еще горели огни и висели облака сигарного дыма. Каррачиола посмотрел на бледный, неживой свет, падавший с неба, нетвердо повернулся на каблуках и побрел в столовую. По дороге от двери до стола с бутылками он успел забыть про мисс Ирену. Розовый минхер ван Арденфройден еще сидел за столом. Каррачиола взял его за плечи, уставился ему в лицо пустыми зрачками и произнес очень медленно и отчетливо:

— Почему луна? Все к черту! Дураки! Ослы!

Ван Арденфройден и слуга уложили Каррачиолу на диван в кабинете хозяина. Пьяный долго не успокаивался, потом заснул лежа, на спине, и сонный бред его был страшен.

2

В течение двух последующих недель Каррачиола выпил больше спиртного, чем за всю свою прошлую жизнь. На шхуне он появлялся по утрам, опухший и бледный. Но в кармане его лежали чеки, в шкатулке, покоился перстень с камнем в восемнадцать каратов, а на пальце блистал другой перстень, украшенный весьма солидным рубином.

В один из этих бурных дней синьор Каррачиола все же настоял на своем требовании посетить рудник. Все виденное вспоминалось ему потом смутно, как во сне: желтые скалы и голубая, огромная яма — воронка глубиной до двадцати футов, где копошились совершенно голые рабы. Многие работали в ножных кандалах, а некоторые были цепями прикованы к тачкам. Неподалеку находился барак, где дробилась и измельчалась

голубая порода, содержащая алмазы. Яма и барак были обнесены канавой с отвалом, по гребню которого шел сплошной дощатый забор, утыканный гвоздями. Вдоль забора шагали часовые. В конце дня у ворот выстраивалась очередь голых, обритых невольников. Их обыскивали: каждому надсмотрщик залезал пальцем в рот, заглядывал в уши, в ноздри — не припрятал ли хитрый раб драгоценный камешек! Непрерывно слышалось щелканье бичей, изредка гремел пистолетный или ружейный выстрел. Спины многих черных рабов гноились...

Негры передвигались только общим строем; под конвоем их вели на работу и приводили обратно в лагерь. В «голубой яме» работали от зари до зари, но кормили рабов варевом из ячменя или маиса лишь в лагере — перед выходом на работу и перед сном. В забоях стояли только бочонки с тухлой теплой водой.

Впрочем, все эти картины весьма смутно запечатлелись в отуманенном мозгу Каррачиолы, а в его ушах, заглушая звяканье цепей, лязг кирок и щелканье бичей, безостановочно звучали воркующие голоса хозяев копей и двух миссионеров, которые заботились о христианском воспитании черных рабов и проповедовали им слово божие. С деятелями церкви Каррачиола близко познакомился за столом у мистера Брендона и соревновался с ними в единоборстве с «зеленым змием».

По прошествии двух угарных недель капитан начал замечать признаки полнейшего развала дисциплины на «Удаче». На борту судна, вновь переведенного на внешний рейд Капштадта, редкий день проходил без драк. Грязный, запущенный корабль превратился в буйный кабак и притон для темного городского сброда. Наконец чиновник из порта явился однажды на корабль и сообщил, что два матроса «Удачи» убили на берегу чужого негра и содержатся под арестом у его голландского хозяина.

Эта новость отрезвила капитана. Осыпав команду энергичными проклятиями, он заплатил голландцу за убитого негра, избил до крови обоих матросов, запретил всем отлучки на берег, заставил команду привести судно в порядок. Подсчитав сроки вероятного возвращения «Глории» и «Доротеи» в Капштадт, он понял, что со шхунами произошло какое-то несчастье. Прошла уже половина июня. С военным судном, следовавшим в Англию, Каррачиола отправил срочное донесение виконту Ченсфильду, требуя дополнительных распоряжений. Все

эти хозяйские хлопоты заняли у Каррачиолы еще две недели. Исполнился ровно месяц с того дня, как живой груз «Удачи» был отдан «на прокат» владельцам копей.

Синьор Каррачиола оделся тщательнее обычного, придирчиво освидетельствовал экипировку шести гребцов, заставил их выкрасить шлюпку заново и отправился в бухту, где располагались строения конторы.

На этот раз он держался угрюмо, и шутливый тон, каким его встретили Брендон и Арденфройден, был встречен Каррачиолой холодно и сдержанно. Стаканчики остались нетронутыми. Втайне Каррачиола опасался услышать неприятные вести о судьбе своих негров и вернулся с твердым намерением возвратить их на борт.

Но минхер ван Арденфройден был гораздо хитрее, чем полагал капитан «Удачи». Вместо ожидаемых отговорок и оттяжек Каррачиола увидел полнейшую готовность хозяев выполнить все требования.

— Вы сами убедитесь, капитан, насколько полезным явился для ваших негров этот маленький месячный моцион. Извольте получить чек на ваши семьсот пятьдесят фунтов.

— Поедемте на рудник за людьми, — сказал Каррачиола.

— Экипаж к вашим услугам. Но ведь ваши шхуны еще не вернулись. Нам же очень нужны рабочие руки. Мы готовы удвоить плату. Еще две мимолетные недели — и точно такой же чек будет у вас в кармане... Глоток сухого рейнвейна, сэр! Это так освежает!

Они присели за столик, и Каррачиола не поехал на рудник за неграми. Не поехал он и по истечении вновь установленных двух недель. Дисциплина, с таким трудом восстановленная среди экипажа «Удачи», снова развалилась.

Минхер ван Арденфройден принял это обстоятельство во внимание и пустил в ход кое-какие связи. Все происшествия, дебоши и грабежи в городе молва стала приписывать экипажу «Удачи». И в одно ясное июльское утро полицейский чиновник, явившийся на шхуну, предъявил Каррачиоле документ о его аресте «за нарушение экипажем судна порядка в порту при подстрекательстве со стороны самого капитана».

Возражения были бесполезны; предложение «уладить дело по-хорошему» почему-то не возымело дейст-

вия на бескорыстную портовую администрацию. Каррачиола впервые испытал печальную участь тюремного узника. Потянулось медлительное следствие. Шхуна была взята под арест. Дело запахло серьезными неприятностями и затянулось до сентября.

Каррачиола потребовал свидания с владельцами копей. После многократных просьб таковое состоялось. Происходило оно без свидетелей: имена владельцев явно пользовались уважением суровых властей! Минхер ван Арденфройден удрученно сообщил Каррачиоле, что холерная эпидемия унесла всех негров, временно переведенных со шхуны на рудник, а также, что капитан может быть освобожден лишь под залог тысячи фунтов, коими компания в настоящий трудный момент, к сожалению, не располагает. Прежняя сговорчивость голландца уступила место ледяной неуступчивости. В результате один из чеков был изъят, а капитан выпущен из узилища под строгим условием: немедленно взять на борт свой груз с берегового склада и немедленно же убираться с рейда.

Вечером 24 сентября, закончив погрузку, Каррачиола размышлял о том невеселом часе, когда ему придется предстать перед главою «Северобританской компании» с отчетом об итогах экспедиции. Начатая успешной охотой за людьми на Конго экспедиция плачевно завершилась исчезновением двух шхун и потерей всего живого груза «Удачи». Экипаж корабля был свидетелем сделки, хотя и не знал ее подробностей.

Одинокие размышления Каррачиолы сопровождались булькающими звуками в каюте, а также вне ее, ибо перед капитаном стояла бутыль, а над рейдом низко висели тучи весеннего южноафриканского дождя. Сквозь частую дождевую сетку Каррачиола видел очертания гористого побережья, плоскую вершину Столовой горы, темнеющее море. Прохладный южный ветер раскачивал корабль. Приближался шторм, и океан был столь же мрачен, как мысли Каррачиолы.

В темном океане Каррачиола вдруг заметил желтую звездочку. Она мелькала чуть выше бугристых гребней и, казалось, приближалась к порту.

«Топ-огонь корабля», — подумал он, надел плащ и вышел на палубу.

Он подивился быстроте, с которой скользило по волнам приближающееся судно. Это была небольшая яхта. Капитан уже различал линию корпуса с приподд-

нятым носом и низкой кормой, изящные паруса, стройные, чуть откинутые назад мачты...

— Пресвятая дева! Это «Элли», личная яхта виконта! О милосердное небо! — пробормотал Каррачиола в ужасе и бросился на мостик.

Вахтенный храпел на скамье перед неподвижным штурвалом. Нактоуз не был освещен.

Каррачиола пинком сбросил вахтенного со скамьи.

— Позвать боцмана! — крикнул он грозно.

Вместе с Химсвеллом он почти бегом обошел палубу. Через три минуты вся команда была на ногах. Матросы разгоняли швабрами лужи, набравшиеся после дождя, убирали мусор, бегом уносили с палубы тряпье, бутылки, обрывки снастей.

«Неужели сам пожаловал? — мелькали тревожные мысли в уме Каррачиолы. — Спаси мою душу, пресвятая богородица! Не время ли пустить себе пулю в лоб? Или сознаться во всем? Нет, расправа будет беспощадной. Жизнь все равно погибла. Что пользы в уцелевших чеках на восемь тысяч фунтов? От длинных рук господина виконта не спасешься и с этими деньгами!».

Яхта стала на рейде и, развернувшись носом по ветру, бросила якоря. Каррачиола приказал убрать команду с палубы. Только двое вахтенных остались у трапов, и штурвальный замер в рубке, как изваяние. Шлюпка с яхты уже приближалась, ныряя в волнах, и подвалила к борту щегольски чисто.

— Эй, на «Удаче»! — раздался глуховатый бас, обрадовавший Каррачиолу, ибо он ожидал услышать более страшный голос.

— Есть на «Удаче»! Привет, синьор Лорн! Держите к носовому.

Под столом в капитанской каюте Лорн увидел разнокалиберную батарею, которой позавидовал бы трехдечный линейный корабль. Бутылки уже не могли порадовать ничем, кроме разноцветных капелек на донышках. Обстановка была оценена Лорном в несколько секунд.

— Вы слишком долго простояли на приколе, — заметил он мимоходом. — Рассказывайте, как обстоят дела. Виконт получил ваше письмо. Я привез вам его распоряжения.

Каррачиола с трудом скрыл радостный вздох облегчения. Значит, объяснение с виконтом откладывается! Время выиграно. Восемь тысяч помогут покрыть поте-

ри. Нужно лишь, чтобы Лорн ничего не пронюхал... Каррачиола перевел беседу с английского на итальянский.

— Дела обстоят по-прежнему. Ни «Глория», ни «Доротея» не вернулись с острова. Шестьсот пятьдесят негров отправлены на остров. Здесь у меня двести пятьдесят и весь груз для плантации.

— Только двести пятьдесят? Шхуна легко берет пятьсот. Почему вы так мало погрузили?

— После пролома днища на Заире у меня заливало водою один трюм... Сейчас судно в полном порядке.

— Можете вы сняться с якоря немедленно?

— Хоть через час! Каковы распоряжения виконта?

— Читайте.

Виконт писал, чтобы «Удача» следовала на остров, срочно навела там порядок силами своего экипажа, а затем под командованием Лорна возвращалась одна или вместе с обеими другими шхунами в Вультон. По окончании операции на острове Каррачиоле предписывалось сдать командование экспедицией мистеру О'Хири, а самому немедленно лететь на «Элли» к берегам Америки, чтобы в кратчайший срок добраться до Голубой долины в низовьях Огайо и Уобеша.

— К этому я имею еще добавить кое-что устно, — заметил Лорн. — Виконт дает вам возможность исправить одну небольшую недоделку. В Пирее за вами остался должок... Вы слышали о жителях этой Голубой долины?

— Нет, не слыхал.

— Там свили себе гнездо враги виконта. В эту долину уже послан кое-кто из наших. Бернс командует там фортом. В помощь ему направлен Куница Френк. Шельтон и Линс давно там. Вероятно, туда же отправились также Гримльс и Венсли... Вы наденете форму английского лейтенанта и поведете к Бернсу небольшой отряд волонтеров из Детройта. Форты Голубой долины и Винсенса нужно усилить против индейцев. Это вы и сделаете своим отрядом. А попутно вы исполните и ту задачу, о которой я упомянул. Полагаю, что она вам ясна?

— Нет, не вполне. Чье... устранение имеется в виду?

— Лично вам поручаются четы Мюррей и Уэнт, а главное — оба лица, упущенные вами в Пирее.

— Сын и мать Бернардито?

— Да. Оставайтесь в тени. Не повторяйте пирейских ошибок. Не следует пачкать без надобности соб-

ственные руки. Ведь там имеются индейские племена... Колонисты еще слабы и малочисленны.

— Ясно. Однако наша ближайшая задача — уладить положение на острове. Для этого нужно сперва отправиться туда на разведку.

— Разведку беру на себя. На рассвете я снимусь с якоря и уйду вперед, чтобы подкрасться к острову неожиданно. Все двести пятьдесят негров находятся у вас на борту?

— Д... да-а.

— Тогда следуйте за мною. Держите дистанцию в двадцать-тридцать миль между нами. Дайте карту, я нанесу маршрут. Где-нибудь на подступах к острову, хотя бы вот здесь, у гряды подводных скал, бросайте якорь и ждите моего возвращения из разведки...

Перед рассветом рейд опустел. К восходу солнца «Элли» оставила за собою уже не менее сорока миль. На дистанции в пятнадцать миль от нее пенила волны «Удача». Расстояние между обоими судами все увеличивалось, и вскоре верхушки мачт отставшей шхуны исчезли из виду мистера Джозефа Лорна.

Синьор Каррачиола рассматривал на карте линию маршрута, нанесенную красным карандашом Лорна. Подводная гряда, о которую едва не разбился «Орион», оставалась чуть восточнее курса, намеченного Лорном.

«От гряды до острова — миль восемьдесят. Время года — штормовое. Если я разобью «Удачу» о подводные рифы, все концы уйдут в воду, а самому можно будет на шлюпке добраться до острова. Деньгами, полученными по чекам, придется поделиться с боцманом Химсвеллом и взять его в компанию, потому что одному мне трудно управиться с шлюпкой. Команду я напою и запру в кубрике... А там... успех в Голубой долине покроет все старые грехи. Итак, выход найден!»

3

В пасмурный октябрьский полдень капитан Бернардито стоял на мостике корабля, в котором сам покойный мистер Вильсон не смог бы теперь узнать свою «Глорию».

Вместо трех мачт с гафельным вооружением над кораблем вздымались две более мощные, с прямыми па-

русами на реях. Рангоут и такелаж «Глории» напоминали теперь полную оснастку брига. Новые палубные надстройки, рубка и мостик ничем не походили на прежние. Форштевень, усиленный за счет обломков «Доротеи», стал пригодным для таранного удара. Над этим мощным форштевнем красовалась теперь надпись «Африканка». Судно уже в течение недели совершало небольшие рейсы в водах острова. Бернардито обучал команду из восьмидесяти отборных черных воинов. Они уже овладели огнестрельным оружием и управлялись с парусами достаточно быстро для сложных маневров.

Бернардито давно ожидал прибытия к острову третьей шхуны экспедиции. На вершине Скалистого пика днем и ночью дежурили наблюдатели с подзорными трубами, чтобы своевременно доложить о появлении паруса. В трюмах «Африканки» были уже погружены запасы для дальнего рейса, а все население острова работало теперь над пополнением этих запасов. Ежедневно на борт корабля доставлялись ящики копченой рыбы, соленого мяса, фруктов, провяленных на солнце, и прочего провианта. Семья капитана Бернардито теперь обитала в капитанской каюте, а все жители острова были в любой миг готовы к сбору.

Бернардито держал наготове еще одну команду в тридцать человек. Возглавлял ее жрец и колдун племени баконго, старый Нганга, которому Бернардито убедительно растолковал обязанности этой особой команды... После этих разъяснений колдун Нганга затрясся от злорадного смеха и с великим усердием приступил к неким необычайным приготовлениям. Велись они у прибрежной могилы, куда негры свалили тела убитых работорговцев. Бернардито передал в распоряжение колдуна два бочонка серы и фосфора, найденных в трюмах «Глории», несколько мотков проволоки и большой запас тряпья из гардероба прежних экипажей обеих шхун. Приготовления колдуна доставляли немалое удовольствие и другим жителям поселка.

Полуденное солнце скрывалось за тучами, дул сильный ветер, и Бернардито только что отпустил с палубы своих моряков. Они неимоверно гордились своими важными обязанностями, а также штанами, зюйд-вестками и матросскими куртками, которые являлись предметом некоторой зависти остальных мужчин баконго и вызывали восторг черных девушек. Внезапно на южном склоне Скалистого пика показалась тоненькая струйка ды-

ма. Этот сигнал означал, что какое-то судно появилось на горизонте.

— Антони, тревога! — крикнул Бернардито.

И весь поселок на берегу пришел в движение. Антони бегом пустился к пику, чтобы проверить наблюдателя. «Африканка» приняла на борт население острова. Вахтенная команда быстро приготовила судно к отплытию, а колдун Нганга, оставшись на берегу со своими тридцатью помощниками, принялся выполнять последние указания Бернардито. Вождь Майни-Мфуму привел группу воинов к берегу пролива, где тоже были произведены некие приготовления к встрече гостей. Тем временем Антони вернулся вместе с наблюдателями: прямо к острову шло от дальней гряды подводных рифов какое-то небольшое судно, а позади него виднелся еще один парус. Оба корабля удалось разглядеть лишь в сильную подзорную трубу капитана Вильсона.

Выслушав это сообщение, Бернардито дал команду к отплытию. На «Африканке» протяжно залилась боцманская дудка. Нгуру и Антони — помощники капитана — стали на мостике. Когда все островитяне собрались на борту, старый корсар один, без спутников, в последний раз обошел свои островные владения. При виде приготовлений, выполненных командой колдуна Нганга, Бернардито, невзирая на решительность минуты и предстоящие опасности, пригладил бороду и усмехнулся в усы; это была, вероятно, самая дьявольская из всех улыбок одноглазого капитана!..

...С борта «Африканки» капитан бросил прощальный взгляд на бухту, покинутые хижины негритянского поселка и знакомые склоны гор. Он сам вывел корабль из пролива. Затем была спущена шлюпка. Майни-Мфуму и группа воинов с большими предосторожностями погрузили на дно пролива рыболовную сеть, прицепили ее к бревну и поспешно вернулись на корабль. В открытом море дул свежий ветер. Паруса затрещали, под форштевнем забурлила рассекаемая вода.

С наступлением сумерек судно было уже далеко от острова. Темная вершина Скалистого пика и коническая шапка вулкана с тоненькой струйкой дыма возвышалась над лесистыми холмами. Остроконечный пик, подобно сужающейся колонне, уперся в тяжелую ливневую тучу, словно удерживая ее от падения на косматую поверхность океана. Теперь паруса одного из встречных судов стали различимы в трубу с мостика

«Африканки». Бернардито приказал всем, кроме вахтенных, покинуть палубу. Колдун Нганга вынес длинные полотнища. Ими завесили нос и корму корабля. Внешний вид «Африканки» снова претерпевал диковинные изменения, а на палубе ее творились в темноте совсем необыкновенные вещи!

В сгустившихся сумерках, когда на фоне грозовых туч смутно обрисовалась игла Скалистого пика, Джозеф Лорн заметил с мостика «Элли» светящееся пятно среди волн. Темнота наплывала быстро, и в подзорную трубу Лорн не разглядел ничего, кроме неяркого фосфоресцирующего сияния над морем.

Трессель и Ольберт, старые, испытанные моряки, стояли рядом с Лорном. Яхта шла под полными парусами при неблагоприятном ветре в «одну четверть». Очередной галс яхта делала как раз навстречу световому пятну. Штурвальный выровнял ход по заданному курсу и тоже вгляделся во мрак.

Пятно приближалось, приобретая очертания корабля. Вскоре показались паруса и черные реи, излучающие зловещий зеленоватый свет. Странные зеленые огни мерцали на топах мачт. Судно шло ровно, но на нем не было видно людей. Когда штурвальный «Элли» переложил руля чуть левее, встречные курсы кораблей оказались строго параллельными. Наконец форштевни судов оказались на одном траверзе. Встречный корабль бесшумно прошел мимо, на расстоянии пистолетного выстрела. То, что Лорн и остальные моряки успели различить на таинственном судне, было невероятно!..

Надпись «Летучий голландец» слабо светилась на носу. Шесть скелетов в обрывках белых саванов управляли парусами. Голые черепа излучали сияние. Лорн с полной отчетливостью видел их огненные глаза и улыбающийся оскал челюстей. За штурвалом тоже стоял призрак в белом саване, положив костлявые пальцы на спицы колеса. Но самым страшным была неподвижная фигура капитана на мостике. Это был седой высокий человек в старомодном камзоле и треуголке. Его лицо пересекла наискось черная повязка, закрывавшая левый глаз. Длинная шпага висела на боку. Он смотрел вперед, в подзорную трубу, не обращая никакого внимания на встречную яхту. Когда корабль-призрак промчался, Лорн увидел на корме слова «Порт Вечность». Один из скелетов погрозил с кормы вслед яхте

костлявым пальцем и потом указал на небо. Лорн, Трессель и Ольберт замерли в немом оцепенении. Штурвальный истово крестился. Через несколько минут призрак снова расплылся в смутное световое пятно и вскоре растворился в морской дали на северо-западе.

— «Летучий голландец»! — пробормотал Трессель.— Много я слышал о нем от стариков, но своими глазами вижу впервые.

— Это к беде, — произнес Ольберт чуть слышно.

— А капитана вы узнали? — Лорн хрипел так, точно выпил бочку ледяного пива.

— Он похож на покойного Бернардито Луиса! — вымолвил Ольберт, силясь унять дрожь. — Должно быть, пиратский капитан не успокоился в могиле, и теперь его грешная душа носится в этих водах на «Летучем голландце»... Смилуйся над нами, отец небесный, и отпусти нам наши прегрешения! Ветер крепчает. Близится шторм. Вон над самой водой летает пара черных буревестников... Дай-то бог благополучно закончить этот рейс. Но следовало бы вернуться, пока не поздно, мистер Лорн!

Незадолго перед рассветом капитан Бернардито приказал убавить паруса. Ветер усиливался, а гряда подводных рифов была уже близка. Антони стоял на мостике рядом с капитаном.

— Хотел бы я знать, откуда взялась эта яхта? — в раздумье проговорил капитан. — Ты не разглядел ее названия, Антони?

— Нет, она мелькнула слишком быстро. Но курс она держит на остров. Может быть, Грелли послал ее выяснить судьбу обоих кораблей?

— Похоже, что так... Ты ясно разглядел днем второй парус?

— Трудно ручаться, капитан. Была неважная видимость, но белое пятнышко в трубе походило на парус.

— Не шхуна ли «Удача» с остальными неграми идет следом за этой яхтой? Посмотри-ка, Антони, что там чернеет слева по носу? Не подводная ли это скала?

— Нет, это похоже на корабль, капитан. Сейчас луна выглянет из-за тучи, будет светлее... Знакомы ли вам эти рифы впереди, синьор?

— Знакомы ли? Я их обшарил, как собственный карман в поисках последней крупинки табаку.

— Вы ходили сюда с острова? На чем же, синьор?

— На старой шлюпке. Когда французский корвет «Бургундия» разгромил мой экипаж и ушел, Педро обследовал остров и наткнулся на шалаш с полумертвым мистером Фредом. Педро перетащил и меня в этот шалаш. Еще не успев даже оправиться от ран, мы уже начали обзаводиться хозяйством. Грелли оставил нам немного! Мы освидетельствовали наши запасы и увидели, что нам не продержаться с ними и двух недель... Тогда мы подняли со дна простреленную шлюпку, на которой Педро спас меня от французов, и совершили поход сюда, к этим рифам. Здесь еще торчал остов «Черной стрелы», и мы нагрузили шлюпку всем, чем смогли. Шлюпка, что называется, еле дышала, но мы еще дважды совершили на ней это плавание. Инструменты и припасы, которые мы доставили, выручили нас на несколько лет, до первого прихода «Ориона». Потом в первую же бурю «Черную стрелу» разнесло в щепы, да и наша заштопанная шлюпка расползлась... Не помню я здесь высоких скал! Все эти рифы едва виднеются над водой при отливе. Вероятно, впереди действительно еще один корабль... Теперь, под луной, я вижу его отчетливее... Это большая шхуна, Антони! И, черт меня побери, если она не сидит на тех же самых скалах, где разбилась моя «Черная стрела»!

4

«Удача», посаженная Каррачиолой на камни, тонула.

Каррачиола вынул из денежного ящика ценности и деньги. Он прибавил к ним небольшой запас галет и бутылку вина. Все это он сложил в прочный парусиновый мешок, сунул нож за пояс и зарядил пистолет. Затем он послал боцмана приготовить шлюпку.

Отчаянные вопли, стук и шум, глухо доносившиеся из-под палубы, пока вода заливала трюмы «Удачи», теперь уже затихли. Все люки, ведущие наверх, были накрепко задраены. Волны быстро довершали разгром судна, посаженного на подводные скалы. Корабль оседал с каждой минутой, и половина палубы была уже погружена. Волна за волной ударяла в стенку рубки.

Каррачиола, покончив с приготовлениями, оглядел горизонт.

— Верно, уж ни одной живой крысы не осталось там внизу... Опохмелились после моего угощения... Глотайте соленую воду, висельники!.. Что там возится Химсвелл с шлюпкой? Опять эта проклятая луна! У, круглая ведьма, думаешь, ты тоже свидетельница? Так тебе и поверили, рожа!.. Но что это там светится в волнах? О, черт, верно, возвращается Лорн! Ну, мистер Химсвелл, в таком случае, и вы мне больше не нужны!

— Капитан, помогите спустить шлюпку! — крикнул боцман, возясь около борта.

Каррачиола добрался до боцмана. Волны глухо шлепались о разбитый борт. Вдвоем они спустили шлюпку с подветренной стороны. Химсвелл с трудом удерживал шлюпку у высоко задранного кормового трапа, вставлял уключины и налаживал весла. Каррачиола бросил вниз свой мешок, спустился с трапа и оттолкнулся от борта. Химсвелл, горбясь, сидел на банке спиною к носу и уже греб, отводя шлюпку от корабля. Сидя на носу шлюпки, Каррачиола вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил в затылок гребцу.

Капитан «Удачи» перекинул за борт тяжеловесное тело убитого, достал чистый носовой платок, вытер руки и, взявшись за весла, повел пляшущую на веслах шлюпку прямо к светлому пятну на горизонте.

Небо на северо-востоке уже серело, но луна, чуть-чуть начавшая убывать, стояла высоко, заливая белым сиянием паруса «Африканки» и виднеющееся впереди судно. По наклоненным мачтам было очевидно, что неизвестная шхуна села на риф. Всматриваясь вдаль, Бернардито заметил в двух кабельтовых впереди мелькнувшую шлюпку.

— Все по местам! — тихо приказал Бернардито. — Чтоб на виду никого не было!

Фосфоресцирующий корабль медленно двигался вперед лишь на кливере и фоке. Шлюпка приближалась к нему. Стал заметен одинокий гребец. Он часто озирался через плечо на странное судно и никак не мог на нем разглядеть ни вахтенных, ни командиров на мостике.

Наконец шлюпка глухо стукнулась о борт, кто-то быстро спустил трап и сразу же отступил в тень. Каррачиола привязал шлюпку к трапу и, подобрав со дна свой мешок, поднялся с ним на палубу. Он давно понял,

что судно незнакомое и не имеет ничего общего с яхтой Джозефа Лорна.

— Синьор Бернардито, вот чудеса! К нам пожаловал сам Джиованни Каррачиола, — прошептал Антони.

У Бернардито лязгнули зубы и лицо побледнело от ненависти.

Прибывший положил свой денежный мешок на палубу и теперь оглядывался в крайнем изумлении.

— Эй, кто здесь, отзовись! — крикнул он громко. — Вахтенный, что это за судно? Черт побери, куда девался матрос у трапа?

Мертвая тишина царила на борту. Только волны шумели у форштевня. Луна била прямо в глаза. Наконец с капитанского мостика стало бесшумно спускаться что-то большое, белое, с горящими глазами. У Каррачиолы перехватило дух. Он вытащил пистолет, но, вспомнив, что не успел перезарядить его, бросил бесполезное оружие на палубу. Стук пистолета о доски настила был единственным ответным звуком на возгласы капитана «Удачи». Призрак в белом уже шел по палубе, протягивая вперед руки, будто желая заключить Каррачиолу в свои страшные объятия.

Итальянец, охваченный невыразимым ужасом, попятился и вдруг почувствовал, что позади него появились еще какие-то тени. Он обернулся... Несколько скелетов в белых саванах пялили на него красные зрачки из самой глубины мертвых глазных впадин. А впереди этих скелетов неподвижно стояло высокое привидение — моряк в старомодной треуголке, с повязкой на глазу и длинной шпагой в руке. Губы страшного призрака разжались. Раздался глухой голос, похожий на звучание надтреснутого могильного колокола:

— Добро пожаловать на корабль мертвых, Джиованни Каррачиола! Я давно ищу встречи с тобой. Вспомни малую бухту в Пирее, детоубийца!

— Дух Бернардито! — прошептал Каррачиола и, теряя сознание, грохнулся на палубу...

...Он не слышал, как его перенесли в трюмный карцер. Судно уже лавировало между рифами; Бернардито сам вел его через гряду. «Страшные призраки» бесшумно и ловко скользили по реям, и корабль осторожно приблизился к тому месту, где еще час назад виднелось разбитое судно. Теперь только мачты и задраенная корма с надписью «Удача», «Бультон» торчали среди остроконечных камней, похожих на сломан-

ные зубы великана. Полузатопленная шлюпка билась на корме.

— Синьор, может быть, там есть еще живые люди? — прошептал Антони.

— Там нет живых людей, Антони, иначе шлюпка не осталась бы на месте. Поди узнай, очнулся ли тот негодяй в трюме.

Внезапно из глубины судового трюма раздался раскатистый истерический хохот, похожий на ночной крик гиены. Антони содрогнулся. Бернардито взглядом послал его вниз. Сам он не мог покинуть мостик. Солнце подымалось в тумане, ветер громоздил высокие валы, с размаху налетавшие на подводные камни. Судно шло в самом опасном месте.

Антони возвратился на мостик через полчаса.

— Синьор, — сказал он тихо, — Каррачиола помешался.

Бред больного был бессвязен. Припадки буйной ярости сменялись целыми часами молчаливой сосредоточенности. Каррачиола замирал на коленях в углу, простаивал часами неподвижно и впадал в полусонное оцепенение. Бернардито приказал не выпускать его из карцера.

К полудню корабль миновал опасную гряду и под всеми парусами птицей полетел на северо-запад, подгоняемый попутным ветром. Антони сменил капитана на мостике.

— Уберите теперь всю чертовщину, но держите ее в полной готовности. Она еще не раз сослужит нам добрую службу, — распорядился Бернардито. — Я же тем временем займусь лечением этого больного! Мне нужно кое-что выяснить при его помощи.

Негры убрали с рей тряпки и обертки со светящимся составом, сложили в трюмы свои белые одеяния, пустые тыквы с глазными отверстиями, маски, кости и прочие устрашающие атрибуты. Полотнища с роковыми названиями корабля и порта были тоже сняты с носа и кормы. На гафеле взвился английский флаг.

Каррачиола хохотал и бесновался в трюме. Угрюмый Бернардито позвал кодуна Нганга и потребовал в карцер льда и воды. Никто, кроме старого колдуна, не знал подробностей мрачной сцены в корабельном трюме. Только в лучах заката негры вновь увидели на мостике капитана Бернардито. Набивая свою трубку, он с усмешкой

взглянул на обоих молодых помощников, Нгуру и Антони.

— У меня свои способы добиваться толку даже от сумасшедших, — проговорил он. — Отец Симон, старый пират в сутане, когда-то поведал мне о своих братьях, севильских доминиканцах... Нынче этот опыт пригодился... Теперь я знаю главное. Шхуна «Удача» была пуста, не считая экипажа, утопленного Каррачиолой, чтобы спрятать в воду концы некоторых его проделок в Капштадте. Негров он продал владельцам алмазных копей. Деньги здесь, в этом мешке. Имена владельцев копей он назвал. Яхта принадлежит Грелли. Джузеппе Лорано, или, как он теперь именуется, Джозеф Лорн, ведет ее к острову. Капитана зовут Трессель. Я им не завидую, друзья!.. Мой сын и моя мать живы и поселились вместе с Мюрреем и Уэнтом в некой Голубой долине в низовьях Огайо. Грелли поручил Каррачиоле убить колонистов долины, но едва ли синьору представится для этого подходящий случай! Однако мы должны дьявольски торопиться, потому что Грелли уже послал в долину полдюжины убийц, которые ждут своего главу — синьора Каррачиолу. У нас чертовски мало времени! Надо еще нанести попутный визит африканским алмазным королям, а затем доставить домой на Конго наших негров; клянусь праматерью, черные молодцы этого заслужили! А потом мы пойдем в Америку... Не печалься, друг мой Нгуру, и не завидуй Тоопи, который везет домой свою Нгаву. Может быть, на руднике нам посчастливится выручить из беды и твою черноокую Лаони! А теперь, Антони, ступай вниз и отомкни карцер. Выпусти негодяя на палубу. Может быть, он сам избавит нас от труда повесить его на рее.

Не прошло и пяти минут после возвращения Антони на мостик, как внизу послышался странный шум. Всклокоченный, страшный Каррачиола выскочил на палубу в обрывках нательного белья. Его судорожные, порывистые движения походили на прыжки большой голой обезьяны. Он заметил матросов-негров, и что-то осмысленное, похожее на страх, появилось в его горящем взгляде. Каррачиола постоял минуту, словно в раздумье, затем деловито перекувыркнулся на досках настила, захохотал и, подпрыгнув, начал с обезьяньей быстротой карабкаться на бизань-мачту. Один из матросов полез за ним. На тридцатифутовой высоте Каррачиола встал на конце реи, погрозил негру кулаком, подогнул

колени и с воплем кинулся в море. Высокий гребень волны скрыл утопающего. Антони схватился за штурвал.

— Может быть, поискать его все-таки? — вымолвил он робко.

За кормой неторопливо катились водяные холмы, багровея в закатных лучах.

— Сейчас его отыщут, — хладнокровно отвечал Бернардито.

Он вынул изо рта трубку и указал чубуком на треугольный плавник акулы, мелькнувшей среди пенных бугров.

В коттедже мистера Брендона шли последние приготовления к празднованию дня рождения мисс Ирены. Все служащие конторы собрались в доме хозяина. Минхер ван Арденфройден прислал сюда для услуг свою новую горничную, негритянку Лаони, и лакея Гамилькара. Мисс Ирена нашла, что Лаони выглядит очень мило в европейском платье. Во время молитвы, когда никто не обращал внимания на Лаони, она подошла к туалетному столику, схватила маленького фарфорового слоника и сунула его себе за ворот. Мисс Ирена заметила это. Она подозвала Гамилькара, который один умел кое-как изъясняться с Лаони, и с его помощью подвергла похитительницу строгому допросу.

— Зачем ты взяла этого слона, Лаони?

Негритянка в испуге присела на корточки и прижала под платьем свое сокровище к груди. Гамилькар заставил ее ответить госпоже.

— Она говорит, что жених ее Нгуру — великий охотник за слонами. Белый слон принесет ей счастье.

Мисс Ирена махнула рукой и пока оставила талисман перепуганной Лаони. Сама мисс в этот вечер тоже получила в подарок некий талисман, и масштаб счастья, которое он сулил, был точно измерен в каратах.

За нарядным столом минхер ван Арденфройден встал с бокалом вина. Подготовленная им праздничная речь должна была послужить образцом изящного юмора. В ту минуту, когда он начал эту блестящую речь, Гамилькар впустил в переднюю какого-то нового гостя в плаще и морском камзоле. Гость, не раздеваясь, отстранил негра и взялся за ручку двери в столовую, откуда доносился голос минхера.

— Мы живем, господа, — изощрялся он в голланд-

ском остроумии, — в жаркой стране, где крокодилов гораздо больше, чем джентльменов...

— ...и где крокодилы с успехом возмещают недостаток джентльменов, — прозвучал металлический голос.

Дверь широко распахнулась. Все увидели высокого моряка с наполовину забинтованным лицом. Следом за ним появился молодой человек, тоже в форменной одежде.

— С кем имею честь? — спросил мистер Айвенс Брендон, сразу почуяв нечто недоброе.

— Представитель «Северобританской компании» Джозеф Лорн с правительственными полномочиями из Лондона. Мистер Брендон, мистер ван Арденфройден, прошу в кабинет.

Веселье гостей в зале уступило место унынию. В кабинете моряк выглянул в окно и опустил штору. После этих манипуляций он сказал:

— Потрудитесь немедленно доставить сюда с рудника четыреста пятьдесят невольников со шхуны «Удача», незаконно задержанных вами. Эти люди следуют на плантацию сэра Фредрика Райленда. Грузиться они должны через три часа. Угодно вам отдать соответствующее распоряжение?

— Мистер Лорн, прошу предъявить ваши полномочия.

— Извольте,— отвечал гость с готовностью, и мистер Айвенс Брендон увидел у самых своих глаз пистолетное дуло. — Мистер Трессель, дайте сигнал!

Молодой спутник забинтованного моряка выбил окно ударом сапога и издал пронзительный свист. Из темной глубины сада прозвучал ответный свист, и внезапно во всех окнах дома появились ружейные стволы, пистолетные дула и английские матросские шапочки. Тот же металлический голос прогремел на весь дом:

— Первый, кто пошевелится, живет свой последний час. Господа, — обратился моряк к владельцам, — в вашем распоряжении две минуты для обсуждения моего требования. По истечении этого срока я дам команду двум ротам морской пехоты атаковать рудник и привести к берегу всех чернокожих с ваших копей.

— Но, мистер Лорн, двести человек были нам проданы представителем компании!

— Ваши деньги можете получить обратно... от синьора Каррачиолы. Я не имею возражений... Две

минуты истекли. Мистер Трессель, сигнал к атаке!

— Стойте, мистер Лорн! Под давлением грубой силы я вынужден уступить. Но болезни унесли большую часть негров. У нас... неблагоприятный климат.

— Мой представитель проверит на месте справедливость ваших утверждений. Через три часа люди должны быть на берегу. Мистер Трессель, извольте отправиться на рудник вместе с посланцами мистера Брендона. Уполномочиваю вас действовать решительно.

По прошествии нескольких минут присутствующие в доме услышали топот нескольких лошадей. Ровно через три часа, когда участники вечера, истомившиеся под черными зрачками дул, успели втихомолку трижды проклясть роковую сделку с капитаном «Удачи», из-за ограды послышался сдержанный гул многих голосов. Юный «мистер Трессель» вошел в гостиную с оживленным лицом.

— Прибыли триста человек, все до единого, кто уцелел из состава партии Каррачиолы. Разрешите начать погрузку, капитан?

— Нет ли среди них девушки по имени Лаони? — осведомился старший моряк.

Новая горничная минхера ван Арденфройдена, забившаяся в угол гостиной и решительно ничего не понимавшая в странном поведении белых людей, сделала столь поспешную попытку улизнуть за портьеру, что моряк заметил эту молодую особу.

— Позовите сюда Нгуру, — приказал он.

При этом имени негритянка застыла от изумления; в следующий миг она увидела своего жениха, вооруженного длинным пистолетом. Лаони не лишилась чувств при этом зрелище, но глаза ее заблестели.

— Я знала, что белый слон приведет тебя ко мне! — воскликнула она радостно.

Нгуру схватил ее в охапку и бросился из комнаты, даже не взглянув на убранство европейского жилья.

— Предупреждаю господ, — заявил старый моряк на прощанье, — что на любую попытку преследования нас в море я, по приказу морского министра, отвечу пушками своего фрегата.

Часом позже, когда растерянные служащие мистера Брендона рискнули выйти на берег маленькой бухты, они увидели вдали только смутные очертания парусов. Впоследствии служащие в один голос утверждали, что

никогда не видывали у этих берегов более грозного британского фрегата.

5

Моряки на мостике «Элли» долго обсуждали странное и зловещее видение, исчезнувшее на северо-западе. Штормовой ветер бросал легкое судно в глубокие провалы между волнами. Ночью корабль подошел к острову, окруженному со всех сторон высокой стеной океанского прибоя. Лорн, Трессель и Ольберт вглядывались в карту острова, некогда составленную Брентлеем и Уэнтом. Яхта была уже в одной миле от горловины пролива.

— Если негры и впрямь восстали, они могут обстрелять нас в проливе и отрезать нам выход из бухты, — сказал Лорн.

— Но бухта Корсара — единственое место на острове, пригодное для стоянки судна, — заметил Трессель. — Не думаю, чтобы в бухте нам грозила какая-либо опасность. Остров кажется совершенно безлюдным. Нигде нет ни одного огонька.

— Вот это мне и не нравится. Вместе с экипажами обеих шхун здесь должно быть сейчас более семисот человек. Дождемся рассвета.

Вскоре серые очертания каменных мысов сделались отчетливыми; дали раздвинулись, луна померкла, и утренний ветер изменил направление. Он погнал над островом низкие грозовые тучи. Справа от каменного мыса, позади вздыбленных валов прибоя, моряки увидели остатки разбитой шхуны. Джозеф Лорн узнал корму «Доротеи».

— Долго прождал бы Каррачиола в Капштадте возвращения кораблей! — воскликнул Лорн. — Картина проясняется. Произошло кораблекрушение. Предположение, что негры взбунтовались, по-видимому, отпадает. Вводите корабль в бухту, капитан.

Послушное рулю судно вошло в горловину пролива. Здесь, между высокими скалистыми берегами, еще царили утренние сумерки. Яхта медленно двигалась посреди фарватера и благополучно достигла поворота влево. В этом месте судно едва не наскочило на бревенчатую запруду, оставлявшую лишь узкую протоку справа, под самыми береговыми скалами. Штурвальный едва успел отвернуть, и яхта оказалась почти прижатой к бе-

егу, над которым на высоте трех десятков футов нави-ал каменный выступ.

Упираясь баграми в скалу, матросы осторожно провели корабль через неудобное место. Судно уже выходило из узкой протоки, как вдруг стоявший на мостике Лорн ощутил упругий толчок. Киль яхты зацепился за рыболовную сеть, прикрепленную к полузатопленному бревну. Лорн не успел предупредить Тресселя, как сеть натянулась и медленно отвела бревно в сторону. В тот же миг где-то вверху раздался глухой взрыв, береговую скалу окутал пороховой дым, и свисавший каменный выступ сорвался вниз. Сотрясая корабль от киля до верхушки мачт, скала вместе с целой лавиной мелких камней рухнула на корму. Настил палубы был взломан с такой силой, что уцелевшие концы досок разом взлетели вверх с вырванными болтами. Задняя часть корпуса яхты треснула, как скорлупа ореха в щипцах; вода хлынула в кормовой отсек, раздавила переборки, и «Элли» по самый фальшборт погрузилась в воду. От страшного толчка в корму судно рванулось вперед. Команда не успела даже спустить шлюпку, как яхта тихо осела на дно. У отмели было уже неглубоко, но все моряки оказались по грудь в воде, а шлюпка, подвешенная на талях и покрытая запасным парусом, закачалась на волнах. Почти ныряя, моряки освободили шлюпку, перебрались в нее и, покинув корабль, достигли отмели.

Штук шесть крокодилов проявили признаки любопытства при виде шлюпки в их непосредственном соседстве. Выйти на берег через отмель можно было лишь мимо крокодильих челюстей, поэтому было решено на шлюпке пересечь бухту наискось, к противоположному берегу. Ловушка в проливе показала, что остров находится во власти коварного и опасного врага.

Ольберт, штурман «Элли», сгорбившись на корме, ежесекундно ожидал либо залпа в спину, либо появления лодок с врагами. Он давно дивился тому легкомыслию, с каким Лорн пустился в этот рейс. Яхта вышла из Капштадта в понедельник. Экипаж насчитывал вместе с Лорном тринадцать человек. Рейс продолжался после грозного ночного появления «Летучего голландца», хотя он, Ольберт, посоветовал вернуться. Чего же можно было теперь ожидать при столь явном неуважении к самым верным приметам?

Царившая вокруг тишина действовала угнетающе. За каждым деревом чудились злобные недруги. Остров

казался вымершим; но было совершенно ясно, что враг затаился и держится наготове.

Приготовив ножи, моряки подвели шлюпку к берегу. Джозеф Лорн вышел на песчаную полосу. Перед ним была нетронутая лесная чаща. Он повернулся к матросам, отдал команду и первым побежал в сторону зарослей, ожидая выстрелов. Команда, пригибаясь к земле, спешила за ним.

Но лесное безмолвие нарушали только птицы. Вдали отчетливо виднелся островной вулкан. Он курился — и это был здесь, по-видимому, единственный дымящийся очаг.

Продираясь вдоль берега сквозь колючую чащу, матросы добрались до расчищенного участка леса. Здесь виднелось несколько десятков плетеных хижин и шалашей. Левее торчали остовы двух палаток, дальше высились штабели бревен, остатки лесопильных помостов и громадные кучи хвороста.

— Поселок необитаем, — тихо проговорил Джозеф Лорн.

— Из чего вы это заключаете? — полюбопытствовал Трессель.

— Вглядитесь, и вы увидите сами.

Трессель заметил, что много птиц без помех разгуливают среди строений и перепархивают с кровли на кровлю. Никто не тревожил пернатых в этом пустом поселке.

— Вы правы. Но начинается дождь. Не поискать ли убежища в поселке? Там легче и обороняться в случае неожиданного нападения.

Ближайшая к берегу хижина, самая поместительная, открыто располагалась на небольшом возвышении. Для обороны она казалась самой удобной. Стая диких голубей шумно взлетела из-под ног матросов, когда они приблизились к этой хижине. Лорн заглянул внутрь. Просторная хижина была пуста, около очага с давно остывшей золой лежала поленница дров. Матросы развели в очаге огонь. Дождь уже барабанил по крыше.

— Куда же девалась «Глория»? В бухте ее нет. Может быть, она разбилась на подводной гряде? Но где же экипаж «Доротеи»? Неужели все погибли?

Наконец Лорн не выдержал давящей тишины. Он рупором приложил руки к губам:

— А-хой! О'Хири! Хетчинсон! Хэллоу, Вильсон! Куда вы все провалились? А-хой!

Теперь уже весь экипаж «Элли», следуя примеру Лорна, протяжно орал «хэллоу» и «а-хой» на разные голоса.

Только шелест деревьев и журчание дождевых струй были ответом на эти крики.

— Чума его побери, этот остров! — пробормотал охрипший Лорн.

Он выставил двух часовых, приказал корабельному коку поискать какой-нибудь провизии в ближайших хижинах и вместе с Трессельем и Ольбертом отправился обследовать поселок.

— Хижины негритянские, — сказал он своим спутникам. — Но взрыв при входе в бухту — это европейская выдумка. Возможно, здесь прячутся и какие-то белые островитяне. Но чертовски тихо. Это действует на нервы, сакраменто!

Хижины отстояли друг от друга на двадцать-тридцать ярдов. Моряки заглянули в одну, в другую... Все они были пусты.

Вдруг Ольберт схватил Лорна за рукав:

— Что это значит, мистер Лорн? В лесу, кажется, появился дым! И вон, над той хижиной, тоже поднимается струйка дыма!

Они осторожно пошли вдоль строений и изгородей поселка. Сейчас они встретят, по крайней мере, живые существа! Лорн поднял плетеную циновку, прикрывавшую вход в низкую хижину, над которой моряки заметили дымок. В хижине было темновато. Взбудораженные моряки не обратили внимания на странный, неприятный запах. О фосфоре, воспламеняющемся от воды, они не вспомнили, им было не до химии...

Крыша в хижине была худая, с потолка падали дождевые капли, но в очаге слабо мерцало голубоватое пламя. Перед очагом... четыре скелета разводили огонь! Они склонили голые черепа, как бы раздувая костер. Один скелет замер в неподвижной позе со связкой хвороста в костлявых руках, но... концы хвороста тлели голубоватым огнем. Скелеты грелись у костра!

Ольберт опрометью выскочил из хижины и с криком ужаса пустился бежать между строениями. Трессель, поборов страх, схватил полено и запустил им в странную компанию у очага. Два скелета рассыпались с сухим стуком, один из черепов покатился под ноги Лорну. Покидая хижину, тот с проклятием отшвырнул его ногой.

Внезапно оглушительный грохот потряс все побережье бухты и, как бичом, подхлестнул напряженные нервы Лорна. Выбегая на улицу, он увидел черную тучу взлетевшей земли на месте хижины, где прятались матросы. Сквозь пелену Лорн успел заметить, как Ольберт, не добежавший до хижины, упал навзничь, подброшенный силой взрыва на воздух.

Вместе с Тресселем Лорн подбежал к месту взрыва. Оглушенный Ольберт уже поднимался на ноги, дико озираясь по сторонам. На месте хижины чернела глубокая воронка. Кругом валялись обломки, вывернутые камни и девять мертвых матросов «Элли». Случайно избежал гибели только корабельный кок, покинувший хижину перед самым взрывом, чтобы поискать по соседству какого-нибудь провианта.

Четверо почти безоружных людей, голодных, объятых ужасом и окруженных со всех сторон таинственными опасностями, решили покинуть поселок мертвых.

Огонь в лесу, давно замеченный Ольбертом, разгорался все ярче. Над лесом медленно, словно утренняя заря, разливалось алое зарево.

Кок и Ольберт вышли на тропу, Лорн и Трессель следовали за ними. Тропа, извиваясь среди густых зарослей, вела в глубь леса.

Вывороченный корень тянулся поперек тропинки. Кок наступил на корень, но не успел даже занести другую ногу, как в воздухе что-то пронзительно свистнуло. Матрос рухнул навзничь, едва не сбив с ног Ольберта. Из груди мертвого кока торчала длинная стрела, пронзившая его насквозь. Лорн осмотрел корень и раздвинул кусты: возле самой тропы, укрепленный вертикально, стоял в кустах высокий лук со спущенной тетивой...

— Негритянская штука... — пробормотал Ольберт.— Я слышал о таких ловушках в африканских дебрях. Помоги нам бог выбраться отсюда!.. Смотрите, мистер Лорн, мы со всех сторон окружены лесным пожаром! Лес подожжен, нас берут в огненное кольцо.

Лорн осмотрелся вокруг. Птицы с тревожными криками носились над облаками дыма. Из чащи то и дело выбегали козы, шакалы, обезьяны. Спасения следовало искать в горах, но как добраться до них, минуя проклятые тропинки?

Трое уцелевших моряков стали пробираться вслед

за убегавшими животными. Несколько часов они шли по лесу и наконец достигли предгорий. Ущелье с каменистыми склонами, постепенно повышаясь, вело к Скалистому пику.

День близился к концу. Дождь утих, и сильный ветер раздувал лесной пожар.

Моряки поднялись еще на милю вверх по ущелью, увидели закатное солнце, лес, охваченный пожаром, и низкие тучи. В бухте, рядом с желтой отмелью, виднелись мачты затонувшей «Элли».

— Поищем себе убежище для ночлега, — предложил Лорн. — Если к нам попытаются ночью подползти, будем драться. Но, кроме этих проклятых мертвецов, на всем острове не видно ни одного человеческого существа. Ведь не скелеты же, в самом деле, хозяйничают в поселке, устраивают взрывы и жгут леса? Все это похоже на какую-то дьявольщину!

Они вскарабкались по крутому склону. Солнце освещало последними лучами мшистую поверхность скалы с какими-то полосами и значками. Лорн с трудом разобрал длинную поминальную надпись.

— Могила Бернардито!.. — прошептал он.

Все трое, почти теряя силы от усталости, преодолели последний подъем и увидели площадку. Но она оказалась уже занятой. Странные здесь обосновались гости! Посреди площадки, под самой надписью, высился могильный холм, покрытый гранитной плитой. Вокруг этой плиты шел странный пир: одиннадцать мертвецов сидели в самых причудливых позах над местом вечного упокоения Бернардито Луиса. Голые черепа доверительно клонились друг к дружке, будто мертвецы о чем-то совещались. А на самой могильной плите стояли бутылки и оловянные кружки.

У Ольберта волосы зашевелись на темени. Джозеф Лорн отступил от края, Трессель чувствовал себя уже близким к потере рассудка. Они торопливо покинули площадку веселых покойников и перебрались на уступ, откуда срывался водопад. Кругом сгустилась мгла. Края туч озарялись кроваво-красным заревом пожара. А вдали, за облаками дыма, чернели береговые мысы и глухо ревел океан, разбивая вал за валом об утесы «острова мертвых».

Утром мистеры Джозеф Лорн, Хью Ольберт и Роберт Трессель сами подивились тому обстоятельству, что

они еще живы и что страшная ночь миновала благополучно.

При утреннем свете они увидели на дне ущелья стадо диких коз. Выгнанные со склонов горы пожаром, они сбились в кучу на берегу ручья.

Подкравшийся Лорн ударом ножа убил раненого козленка. Моряки развели костер. Это была их первая трапеза после гибели яхты. Подкрепившись, они выбрались руслом ручья к бухте и под вечер добрались до своей шлюпки. Суденышко оказалось в сохранности. Моряки долго осматривали шлюпку, опасаясь новых козней врагов, и наконец пересекли бухту. Крокодилы покинули песчаную отмель, потревоженные низко стелющимся дымом пожара. В песке лежало много черепашьих яиц. Моряки испекли их и наелись досыта.

Раздевшись и не выпуская из рук ножей, они принялись осматривать полузатонувшую «Элли». Было время отлива, и крышка задраенного люка выступала из воды. Моряки взломали люк багром и спустились в трюм. Здесь они нашли запасы провианта.

— Слушай, Джо, что ты думаешь обо всей этой чертовщине? Спим мы или отравились ромом?

Слова Тресселя глухо звучали в трюме. Лорн перекрестился.

— Хотел бы я оказаться за тысячу миль отсюда! Видно, ад выпустил на этот остров всех своих детей. Надо уносить ноги отсюда. Я предлагаю выйти в море на шлюпке. Пойдем навстречу шхуне Каррачиолы и повернем ее на шестнадцать румбов. Пусть сам дьявол занимается плантацией на острове Райленда. Я ему здесь не слуга! По мне, лучше десять раз утонуть, чем провести еще один такой денек.

Трессель и Ольберт обрадованно согласились. Шхуна Каррачиолы, как они полагали, остановилась неподалеку от подводной гряды рифов. Это шестьдесят-восемьдесят миль: есть шансы на спасение.

Посланцы виконта Ченсфильда вооружили шлюпку парусом, взяли запас продовольствия и бочонок воды, соорудили на корме парусиновый навес и заняли места гребцов. Лорн принес из рубки штурвальное колесо «Элли», судовой журнал и денежный ящик. Оружия у моряков по-прежнему не было. Перекрестившись, Лорн оттолкнул шлюпку от песчаной отмели. Они благополучно миновали пролив, поставили парус и пошли вперед, борясь с волнами и течением. Вскоре остров, объятый

дымом пожара, отдалился, и маленькая скорлупка с тремя беглецами оказалась во власти угрюмого пустынного океана...

На вторые сутки плавания шлюпка подошла к подводной гряде. Здесь, к своему ужасу, моряки увидели остатки разбитой «Удачи». Осмотрев погибшую шхуну, они смогли лишь немногим пополнить свои запасы, но зато перебрались в другую шлюпку, более устойчивую и поместительную. Дальнейшее путешествие на шлюпке с «Удачи» длилось почти три недели. Уже кончились запасы, а бочонок из-под воды пустовал третьи сутки, когда в двухстах милях от Игольного мыса моряки были подобраны кораблем, шедшим в Вест-Индию.

Когда они добрались туда, истратив все деньги, им пришлось наняться на каботажное судно Вест-Индской компании и проплавать два месяца. Попутным рейсом британское судно доставило их до Гибралтара. Лишь к зиме 1779 года все три моряка ступили наконец на английскую землю в Бристоле и в качестве пассажиров почтовой кареты прибыли к бультонской гостинице «Белый медведь». К своему удивлению, Джозеф Лорн узнал в лице нового владельца гостиницы «Белый медведь» мистера Вудро Крейга, весьма пополневшего и еще более величественного.

Пока Хью Ольберт и Роберт Трессель откупоривали первую бутылку, мистер Джозеф Лорн, выслушав от Крейга новости, взял наемный кэб и отправился к своему высокому патрону, сэру Райленду, графу Ченсфильду, адмиралу отечественного флота.

6

Неимоверная теснота царила на борту «Африканки». Более семисот спасенных из неволи возвращались на Конго. Чернокожие матросы капитана Бернардито, производя парусные маневры, буквально переступали на палубе через тела своих соплеменников. Корабль сделал на протяжении всего пути от Капштадта только два захода в островные бухты, чтобы пополнить запасы пресной воды. В начале ноября 1778 года «Африканка» приняла на борт туземного лоцмана и, минуя португальские фактории в дельте, поднялась на сотню миль вверх по священному Конго. Судно двигалось в окружении целой флотилии негритянских челноков и лодок с причудливо скроенными парусами. По берегам про-

стирались болотистые заросли и зеленели тропические леса. С мостика открывался вид на густолиственные чащи, перевитые ползучими растениями.

Навстречу кораблю прибыл из своей резиденции сам Нгуди-Мианге, властитель обширной области, вождь баконго, отец военачальника Майни-Мфуму. Под грохот барабанов, звуки труб и тростниковых флейт, под струнную музыку маримб и оглушительные приветственные крики старый Нгуди-Мианге прежде сына обнял высокого капитана в потертой треуголке. Бернардито, Антони и Доротея сошли на берег и в сопровождении сотен людей совершили на слонах небольшое путешествие до священного озера близ Мбанза-Конго, где высился храм, посвященный царю богов и всем предкам народа баконго.

Жрецы ввели одноглазого капитана в этот храм и торжественно провозгласили его великим Чэмбу, божественным посланцем на земле, всевидящим светлым оком, сокрушающим копьем, молнией божественного гнева, могучим баобабом и пальмой пустыни.

Утомленный продолжительными почестями, «великий Чэмбу» взирал на толпу черных людей своим «всевидящим светлым оком». Под конец церемонии он произнес короткую речь, которую Антони перевел воинам и женщинам. Бернардито подарил чернокожему племени часть трофейного оружия и припасов, а затем осведомился, согласен ли новый экипаж «Африканки» следовать с «великим Чэмбу» до тех пор, пока в его распоряжении нет других матросов. Антони перевел капитану, что жрецы обязали экипаж не покидать корабля.

Наконец настал час расставания. Длинная процессия двинулась к берегам Конго. В трюмы «Африканки» были погружены слоновые бивни, драгоценная черная и красная древесина, много изделий из золота, серебра и слоновой кости. Но самый удивительный подарок «великому Чэмбу» сделал правитель Нгуди-Мианге. По его повелению искуснейшие негритянские мастера, изготовлявшие украшения царского дворца и храма, выточили из драгоценных минералов искусственное око — точное подобие здорового глаза Бернардито. Капитан с удивлением рассматривал подарок; примерив его к своей глазнице, он подивился мастерству негритянских ювелиров: искусственное око выглядело на лице капитана вполне натурально.

— Хорошая штука, — сказал капитан и расстался со своей черной повязкой на лице.

Когда «Африканка» развернулась по фарватеру, подняла часть парусов и тихо тронулась в обратный путь вниз по реке, Бернардито увидел лодку, шедшую наперерез кораблю. Шестеро гребцов подвели лодку к трапу. На носу стоял вождь Майни-Мфуму. Он склонился перед Бернардито:

— Старейшины племени решили, что первые люди баконго, увидевшие на острове твое прозорливое око и спасенные тобою из неволи, должны всегда помогать тебе в великих подвигах твоих. Народ баконго хочет, чтобы эти отважные воины не отлучались от тебя, не знали иных вождей, кроме тебя, сопровождали тебя повсюду и исполняли твою волю.

Нгуру, Тоопи, Мгамбу, Нгано, Тимбу и Норн — шестеро первых беглецов с «Доротеи» — поднялись на борт. Бернардито давно дивился, что не видел во время прощальной церемонии своих друзей, и теперь обрадовался их приходу.

— Вы решили оставить Нгаву и Лаони, друзья, чтобы сопровождать меня? — спросил он растроганно.

Тень печали мелькнула в глазах Нгуру, но он отвечал, что все шесть воинов гордятся возложенной на них честью, а Лаони и Нгава должны будут поискать себе новых женихов.

— Нет, друзья, — сказал Бернардито, — я могу взять с собой только тех, чьи сердца всецело принадлежат мне. Пусть Нгуру и Тоопи остаются в своем племени и не забывают, чему я научил их. Они станут большими воинами и вождями. Лаони и Нгаве не придется искать новых женихов. Остальных четырех могучих сынов племени я с радостью принимаю под свои паруса, ибо сердца их свободны.

Оба молодых воина, освобожденные «великим Чэмбу» от наложенного на них обета, весьма довольные мудрым решением, простились с «всевидящим оком», а четверка телохранителей «великого Чэмбу» присоединилась к остальным восьми десяткам корабельного экипажа. С этим экипажем судно покинуло пресные воды Конго и взяло курс на Новую Англию.

В январе 1779 года «Африканка» подошла к берегам Америки и бросила якорь в порту Филадельфии. Коман-

да состояла из негров. Капитан того корабля мистер Тоббиас Чембей снял в городе живописный домик для своей жены и маленького сына Чарльза.

Синьора Доротея Чембей, очень красивая итальянка, обратила на себя внимание даже суровых пуритан Новой Англии. Она сама наблюдала за разгрузкой судна и вела все дела с купцами, пожелавшими приобрести редкостные колониальные товары. Сам капитан Чембей пробыл в Филадельфии не более двух дней. Закупив теплую одежду и лошадей и не дав себе ни дня отдыха, он двинулся на запад, держа путь к перевалу через Аппалачские горы; даже нанятые им проводники-индейцы дивились быстроте его марша: индейцам еще не встречался такой выносливый и неутомимый белый путешественник. Капитана сопровождали, кроме индейских проводников, четыре негра атлетического телосложения, молодой итальянец синьор Антони, а также свирепая серая овчарка, похожая на необыкновенного крупного волка.

В середине января, преодолев по военным дорогам и тропам более трехсот миль, экспедиция мистера Чембея была уже в верховьях реки Огайо. Отсюда путь ее лежал по заснеженным дебрям, вдоль берега замерзшей реки, по следам недавно прошедшего здесь отряда американской милиции, под командованием подполковника Георга Роджера Кларка[1].

Глава восемнадцатая

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

1

Для путника в зимнем лесу нет звука тоскливее, чем отдаленный волчий вой. Когда померкнет закатная заря, сумерки сольют очертания отдельных деревьев в сплошную зубчатую стену и над этой дремучей стеной подымется белый серп невидимой жницы, тогда из глухой лощины или с берега реки потянется в зимнее небо

[1] Георг Роджер Кларк — историческое лицо, подполковник, впоследствии генерал, организатор так называемого «великого западного похода» во время войны за независимость американских штатов.

высокий, хрипловатый, бесконечно печальный стон. Кажется, будто сама лесная зима плачется месяцу на холод, голод и одиночество. То нарастая до отчаянного визга, то падая до низкого злого урчанья, этот вой, повторенный лесным эхом, берет путника за душу и нагоняет на самые мужественные сердца невыразимо тоскливую жуть. И хочет не хочет, а зовет тогда человек себе на выручку самого древнего из своих богов-покровителей — огонь охотничьего костра.

...Быстрый Олень, молодой воин ирокезского племени онондага, зачуял в лесном воздухе запах чужого костра раньше, чем успел разглядеть самый огонек. Индеец потянул в себя воздух и остановил в чаще леса своих спутников. Жестом он показал им, что впереди — неведомая опасность. Сородич Быстрого Оленя, Длинная Рука, показал спутникам на кусты, где им следовало спрятаться; оба индейских воина ушли вперед, на рекогносцировку. Под их ногами не заскрипел снежок, не хрустнула ни одна веточка, не зашелестела опавшая хвоя. Воины возвратились очень скоро.

— Два могавка ведут из Дайтона шестерых белых чужеземцев-инглизов. Один из них стар. Они вооружены. Но это не солдаты Великого Отца инглизов и не торговцы пушниной.

— Что же решил мой брат Быстрый Олень? Кто эти люди и куда они держат путь? Опасна ли встреча с ними? — спросил по-английски старший из путников, человек в оленьей шапке, индейских мокасинах и с двуствольным штуцером в руках.

Воин отвечал на смешанном жаргоне чинук, состоящем из английских, французских и индейских слов. Этим жаргоном пользовались все индейские племена, торговавшие пушниной с европейцами в стороне Великих озер и в бассейне реки Огайо.

— Могавки — братья племени онондага. Но с тех пор как в долине Онондага погас огонь Совета, не стало согласия и между братьями. Два могавка провожают этих чужих инглизов тоже на запад, в сторону Отца Вод. Наша тропа ведет туда же. Пусть Зоркое Око сам решит, выйти ли ему к этим инглизам.

— Есть ли поблизости индейские селения или фактории белых?

— На излучине Огайо живут белые. Там пушная фактория. Туда один день пути. Индейские селения да-

леко. Здесь — охотничьи земли моего народа. Дайтон — поселок белых — лежит на север. Те люди идут оттуда... дней пять.

— Антони, — обернулся человек со штуцером к молодому охотнику, который удерживал на сворке огромную серую овчарку, — твое мнение?

— Я предложил бы вам остаться в засаде с Длинной Рукой и четырьмя негритянскими воинами, синьор Бернардито; а нам с Быстрым Оленем разрешите пойти к костру и посмотреть, что это за люди.

— Ты становишься воином, мой молодой друг... Согласен! Ступайте, а мы тем временем возьмем этих людей в кольцо. Сигнал опасности — выстрел. Вперед, друзья!

Маневр окружения чужого костра был выполнен бесшумно и быстро. Бернардито положил свой штуцер на еловый сук и вгляделся в мерцающий огонек. Скоро послышался голос Быстрого Оленя, который издали крикнул что-то индейским воинам у костра и в сопровождении Антони Ченни смело пошел на огонь. У костра замелькали тени, послышались приглушенные голоса. Вскоре Антони вернулся к людям, оставшимся в засаде.

— Синьор Бернардито, — сказал он, — чужаки не похожи на здешних колонистов, но и от фортов с солдатами они, по-видимому, намерены держаться вдали. Мне кажется, это не враги. Но идут они в Голубую долину и притом спешат не меньше нас.

— В Голубую долину? Что ж, постараемся в дороге разобраться в их намерениях. Действительно, похоже, что это не враги, потому что иначе они не прятались бы от британских солдат... Идем к ним, Антони, но держи и уши и глаза открытыми! Не забывай о возможных посланцах Джакомо Грелли!

Уже несколько дней пробирался на запад объединенный отряд. Привалы сокращали до крайней возможности, на ночлеги останавливались уже при звездах, а костры ночных стоянок закидывали снегом еще затемно. Сотни миль лесной глуши оставались за плечами путников. Четыре индейских воина дивились столь быстрому маршу, непривычно трудному для белых людей.

Чем ближе к цели, тем осторожнее становились воины: отряд пробирался через земли племен сенека и

кайюга, пославших американским колонистам вампум[1] войны. Вместе с белыми солдатами инглизов воины сенека, кайюга, часть могавков и алгонкинское племя шавниев шли теперь «по тропе великой войны». В лесах гремели выстрелы; одни красные воины убивали других красных воинов, разоряли друг у друга селения, атаковали поселки, и все это — во имя щедрых обещаний английского короля, объявившего индейцев своими «детьми» и обещавшего вернуть им прежние земли и вольную жизнь, как только будет покончено с непокорными колонистами...

В первых числах февраля 1779 года отряд приблизился к водопадам в низовьях Огайо. Воины ушли на разведку, Бернардито и Антони вместе с неграми готовили на ночь шалаш и костер. Ужин поспел, когда проводники вернулись, неся на руках чье-то тело, укрытое плащом Быстрого Оленя. Антони приоткрыл лицо человека и увидел старого индейца с заострившимся носом, глубоко запавшими глазами и несколькими орлиными перьями, прикрепленными к пучку волос на темени. Человек был тяжело ранен пулей в ногу. По кровавому следу разведчики отряда нашли этого старого воина в лесном укрытии и принесли его к месту ночлега. Человек пришел в сознание. Его подкрепили глотком разведенного спирта, накормили ужином и положили у костра из трех толстых бревен, расположенных так, чтобы они давали равномерно тепло всем, кто спал в шалаше, и не затухали до самого рассвета.

На своих спасителей старый воин глядел с полным равнодушием и сначала не отвечал на вопросы. Потом его, по-видимому, удивила и даже тронула забота, проявленная о нем чужими путниками, которые не пожалели для него ни хорошей еды, ни даже «огненной воды». Жестом он показал, что доволен и желает теперь уснуть, а после отдыха будет говорить с Зорким Оком, в котором, очевидно, признал вождя маленькой экспедиции. Зоркое Око расположился у костра, набил свою неизменную трубку и, посматривая на лицо спящего индейского воина, пригласил старшего из группы дайтонских охотников сесть поближе к огню.

— Вот уже не первую ночь мы проводим с вами у

---

[1] Вампум — особый пояс или связка бус; служил у индейцев символическим знаком власти, своеобразным «летописным» документом и отчасти денежной единицей.

одного костра, и цель нашего пути общая; из-за каждого куста грозит опасность, и делить ее, возможно, придется вместе. Но до сих пор мы еще ничего не знаем друг о друге... Меня зовут Тоббиас Чембей.

Бернардито дружелюбно протянул старику табакерку. Тот решительно отказался. Капитан продолжал расспросы:

— По вашим рукам я вижу, что вы — ремесленник, а спутники ваши, по-видимому, крестьяне из Ирландии. Вы квакер?

— Нет, методист[1].

— Не больно-то я разбираюсь в этих тонкостях веры. Не назовете ли вы ваше имя, синьор?

— Меня зовут Элиот Меджерсон. Я бывший рабочий с ланкаширской мануфактуры.

— И давно вы из Англии?

— Четыре месяца назад... Скажите, мистер Чембей, а эти ваши черные спутники... Вы что же, верно, имеете касательство к работорговцам?

Бернардито расхохотался так, что огонь в костре колыхнулся и спящий индеец пошевелился.

— О да, синьор Меджерсон, к работорговцам я, действительно, имел некоторое касательство... Только мои черные спутники не были в обиде за это.

— Вас, мистер Чембей, тоже нелегко разгадать... Ведь вы не траппер, не простой охотник, не торговец пушниной и кожами... А может быть, вы вербовщик или «дух»[2]?

— Хм! «Дух», говорите вы, синьор Меджерсон? Пожалуй, тут вы попали в самую точку. Ха-ха-ха! И верно, что «дух»... Без плоти и крови, но с добрыми кулаками, каррамба!

Меджерсон недоверчиво смотрел на странного спутника. Его правый глаз искрился весельем, левое око было мертвенно-спокойным... Что за цель у него в Голубой долине? Откуда он?..

---

[1] Квакеры и методисты — пуританские религиозные сектанты в Англии. Многие из них бежали в Америку от религиозных преследований. Устав секты методистов был более демократичным. К этой секте принадлежали многие крестьяне и ремесленники.

[2] «Духами» в Англии XVIII века назывались дельцы, занимавшиеся кражей и покупкой детей для перепродажи их в долговое рабство на плантационные хозяйства или предприятия в колониях. Это отвратительное ремесло было незаконным, но в некоторых графствах оно негласно поощрялось.

— Каким судном вы, мистер Чембей, прибыли к побережью? В каком порту вы ступили на американскую землю?

— Высадился я близ Филадельфии, с брига «Африканка».

— Не из Капштадта ли прибыло ваше судно?

— Да, действительно из Капштадта, с заходом в Гвинейский залив, к устью Заиры.

— А этот молодой итальянец зовется Каррачиола, не так ли? — в упор глядя на Бернардито, спросил старик.

Бернардито схватил Меджерсона за плечи:

— Вы слышали об этом негодяе? Заклинаю вас именем бога, откройте мне, что вас ведет в Голубую долину, синьор!

— Ведет меня долг защитника обманутых и слабых... Если этот молодой человек не Каррачиола из Капштадта, а вы прибыли не с транспортом «Омега» через Йорктаун, тогда, быть может, мы с вами не помеха друг другу в Голубой долине!

— Синьор Меджерсон, Каррачиола мертв! Он пал от наших рук. О транспорте «Омега» мне ничего неизвестно. Не станем пытаться проникнуть в тайны друг друга. Но знайте, что, если вы спешите на помощь людям Голубой долины, у вас нет союзника вернее меня и синьора Антонио!.. Однако наш больной просыпается...

Раненый индеец приподнялся на локте и попросил пить. Бернардито сам напоил его из берестяной кружки. Старый индейский воин осмотрел свою перевязку и остался доволен врачебным искусством Бернардито и Антони. Он неторопливо достал трубку, украшенную резьбой, набил ее из табакерки Бернардито и предложил первую затяжку Зоркому Оку. Капитан потянул из трубки и передал ее вкруговую. Когда все охотники покурили, трубка вернулась к ее хозяину. Он поудобнее оперся спиной о груду еловых веток и начал свой рассказ о событиях в лесном краю...

— Слушайте меня, чужие охотники, гости наших лесов. Я расскажу о делах ваших бледнолицых собратьев; они чернее, чем кожа ваших негров, этих черных людей с чистыми душами. Вы услышите правду, которую я знаю от своей матери. Я вижу, что ваши матери научили вас хорошим обычаям, а ваши отцы сделали вас настоящими мужчинами. Это хорошо! Таких, как вы, среди белых мало. У них немного настоящих мужей.

Они сильны хитростью слабых и коварством трусов...

Зовут меня Летящий Камень. Я из рода Волка в племени сенека. Мой отец был сахемом[1] племени; моя мать, по имени Длинная Память, прожила больше ста зим и помнит еще те времена, когда в долине Онондага сидели у огня Великого Совета старейшины пяти племен нашего народа. Гуроны, наши враги, которых мы победили и рассеяли, в своей бессильной ненависти прозвали наш народ ирокезами[2], и бледнолицые стали называть нас этим же именем. Сами же мы зовемся народом Длинного Дома, ибо еще моя мать в юности жила в таком длинном доме, где горело пять очагов и под одной крышей обитало в дружбе и согласии десять семейств нашего рода. В этом роду моя мать стала правительницей. Столько раз, сколько зажигались в долине Онондага костры Великого Совета, моя мать ходила туда за сотни миль вместе с другими главными женщинами племен сенека, онондага, кайюга, онейда и могавков[3]. Мать помнит, что в Совете загорелся шестой огонь и племя тускарора вошло шестым в союз нашего народа. Земли и охотничьи угодья наших племен нельзя охватить глазом орла с неба: от Отца Вод Миссисипи до Аллеганских гор и скалистого ущелья, где беснуется чудовище Ниагары, до чистых вод реки Теннесси. Все чужие племена, кому была нужда проходить через наши земли, платили дань мехами и вампумами нашему народу. Велики были зимние запасы маиса в селениях, а в осенних полях кукурузные стебли были столь высоки, что в наших маисовых посевах заблудиться было легче, нежели в лесу. И не было числа храбрым воинам и охотникам шести племен народа Длинного Дома!

Когда франки и инглизы повели в Канаде войну между собой[4], наш народ поверил инглизам, а делава-

---

[1] Сахем — выборный старейшина, вождь; он распоряжается всей хозяйственной жизнью и внутренними делами племени.

[2] На языке алгонкинского племени гуронов слово «ирокезы» означает «настоящие гадюки».

[3] Еще в XVIII столетии у многих племен североамериканских индейцев женщины были душой всех советов, «вершителями мира и войны».

[4] Речь идет о Семилетней войне 1756—1763 годов, во время которой разгорелась ожесточенная борьба между Францией и Англией за колониальные владения в Америке, результатом поражения Франции в этой колониальной войне была потеря французами Канады и части Луизианы; Канада объявлена британским владением с 1763 года.

ры и гуроны — франкам. Мы победили; инглизы прогнали франков и заняли их крепости в стороне Великих озер. И тогда потянулись из-за Аллеганских гор в долину Огайо, на индейские земли, колонисты — скваттеры, хотя их Великий Отец за морем запретил им это. Индейский народ объединил свои силы и восстал: по тропе войны индейцев повел смелый вождь Понтиак, которому франки обещали помочь против инглизов. Но франки обманули Понтиака, племена устали воевать и разошлись, а Понтиака настигла рука бесчестного убийцы. Инглизы забыли, что наши племена помогли им победить франков. Теперь колонисты собираются в шайки, вероломно врываются в наши деревни, топчут поля, рубят яблони, жгут запасы зерна, убивают детей. Они назначили плату за каждый снятый скальп краснокожего воина, женщины или ребенка. Каждый, кто приносит скальп с головы индейца, получает большие деньги и может купить много хорошего товара — рому, пороху, ножей и ружей... Белые говорят: «Хорош только мертвый индеец!»

В прошлую зиму в долине Онондага в последний раз собрался Великий Совет шести племен. Офицер-инглиз говорил на Совете языком своего короля — Великого Отца инглизов, который живет за морем далеко на восход... Он просил от нас помощи своим солдатам против инглизов-колонистов... А колонисты посулили Совету великие блага за помощь против солдат своего Белого Отца. И не стало согласия между старейшинами племен: сенеки и кайюги стали на тропу войны против колонистов, онейды и тускароры — против солдат короля, а могавки и онондага разделились... В долине Онондага погас костер Великого Совета, и воины разобщенных племен, дети одного народа, теперь убивают друг друга. Горе обманутым! Там, где бледнолицые не смогли сломить пучок прутьев, они легко переломают эти прутья порознь. «Та, чье тело черно», собирает сейчас в лесах свою жатву среди воинов... Горе нам! Я сказал.

Пока старый индеец говорил, весь отряд собрался у костра в шалаше. Безмолвно слушали речь Летящего Камня воины онондага и оба могавка. Антони переводил смысл повествования чернокожим спутникам Бернардито, воинам африканского народа баконго...

— Поведай нам еще, мудрый брат Летящий Камень, что сейчас происходит здесь, в низовьях Огайо. У нас есть друзья в Голубой долине. Давно ли прошел здесь

отряд белых воинов-колонистов под командой Кларка? — спросил старого воина Бернардито.

Из пояснений Летящего Камня капитан понял, что отряд виргинских ополченцев из армии генерала Вашингтона под командой подполковника Георга Роджера Кларка прошел с боями по долине Огайо около двух месяцев назад. Отряд убивает индейских воинов и сжигает селения. Его разведчики сейчас рыщут по лесам. Сам Летящий Камень на днях был подстрелен из засады именно разведчиками отряда Кларка. Выйдя к берегам Отца Вод Миссисипи, отряд захватил штурмом королевский форт Массек близ устья Огайо и внезапным ударом, форсировав реку Уобеш, овладел фортом и поселком Винсенс. Разведка отряда достигла поселка Голубой долины на Серебряной реке, но была отброшена королевскими солдатами. В поселке Винсенс, где население преимущественно состоит из французов, Кларка встретили довольно дружелюбно, а некоторые жители Голубой долины оказали его разведчикам прямую поддержку. Поэтому комендант форта Голубой долины держит свой драгунский гарнизон в боевой готовности и очень опасается своих же колонистов. Если он получит подкрепление, то колонистам грозит расправа.

— Как зовут этого коменданта? — спросил Бернардито.

— Его зовут капитан Бернс, — отвечал Летящий Камень.

Капитан Бернардито и Меджерсон вышли из шалаша. Под луной серебрился снег. Из долины Огайо чуть слышно доносился отзвук шумящего водопада и время от времени поднимался унылый волчий вой. Один из индейцев онондага стоял на страже близ шалаша.

— Все ли спокойно? — спросил Бернардито.

— Нет, не все. Неподалеку идут люди. Нужно погасить костер.

— Да, кто-то спугнул воронью стаю за тем холмом. Ты прав, Быстрый Олень. Меджерсон, приготовимся к встрече.

Костер в шалаше притушили. Люди с ружьями рассыпались по кустам. В шалаше остался только раненый воин-сенека. В настороженной тишине Быстрый Олень уловил шорох... Две тени мелькнули у русла лесного ручья и мгновенно скрылись в чаще.

— Это индейцы, — шепнул Быстрый Олень.

Бернардито заглянул в шалаш. Летящий Камень

давно прислушивался к лесным звукам. Невдалеке зацокала белка. Раненый индеец приподнялся, приложил ладони к губам и ответил таким же сигналом.

— Идут воины сенека. Возможно, ищут меня... Я позову их к нашей стоянке.

По условному сигналу Летящего Камня два индейских воина вышли из кустов. Старый индеец переговорил с ними и назвал Зоркому Оку их имена. Индейцы оказались разведчиками его племени, действительно разыскивавшими в лесу своего раненого сородича.

— Не сообщают ли тебе твои друзья, Летящий Камень, что-либо новое о положении в Голубой долине?— спросил Бернардито.

— Из Детройта идет сюда большой отряд солдат короля инглизов. Их ведет губернатор. Отряд останавливался на отдых в форте Майями, а теперь спускается долиной реки Уобеш к поселку Винсенс. С губернатором идут две сотни английских солдат, а впереди и позади отряда движутся индейцы-шавнии; их не менее четырех-пяти сотен. Отряд должен отбить у колонистов форт Винсенс и поддержать английского капитана в Голубой долине. И если ты, Зоркое Око, желаешь застать живыми своих друзей в Голубой долине, то спеши: солдаты в трех днях марша от Винсенса, а воины-шавнии уже, возможно, подошли к долине!

— Антони и вы, синьор Меджерсон, нельзя терять ни часа! О Летящем Камне теперь есть кому позаботиться и без нас... Оба воина-могавка поведут прямо в Голубую долину синьора Меджерсона и его спутников. Пусть Меджерсон немедленно предупредит колонистов долины о готовящемся нападении. Пусть они вооружатся, бросят свои жилища и тайком выйдут на соединение с отрядом подполковника Кларка. Им одним не справиться с губернаторским отрядом, Бернсом и индейцами... А я доберусь с моей группой до форта Массек и подниму отряд Кларка. Немедленно в путь, друзья! Луна и святой Христофор помогут нам!

У ночного костра чуть задержались только индейцы-сенека: они собирали в путь своего раненого сородича. Отряд белых разделился. Меджерсон с ирландцами двинулись к Голубой долине; Бернардито со спутниками по звездам взяли направление на форт Массек...

Опустела ночная стоянка. Остатки шалаша и засыпанные снегом головешки осторожно обнюхивал серый вожак голодной волчьей стаи...

2

Комендант форта Голубой долины капитан Бернс уселся за дощатый стол в угловой комнате блокгауза. Он зажег две свечи, приготовил пучок гусиных перьев и положил перед собой бумагу. Адъютант коменданта рыжеусый сержант Уильям Линс следил за этими приготовлениями начальника к допросу. Февральский мрак за окном блокгауза был непрогляден. Влажный, уже предвесенний ветер с юга сулил оттепель и снежные вьюги.

— Приведите перебежчиков, — приказал Бернс.

Дежурный офицер лейтенант Шельтон и двое караульных ввели в комнату трех плохо одетых мужчин. Один из них был в старой морской куртке.

— Объясните, что вас побудило дезертировать из отряда подполковника Кларка и сдаться моим солдатам. С какой тайной целью вы это сделали? Есть ли у вас какие-нибудь бумаги при себе?

Худой, небритый человек в морской куртке шагнул к столу.

— Уберите лишних людей, капитан, — шепнул он коменданту.

Бернс с удивлением вгляделся в его небритую физиономию... Боже праведный, да это, никак...

— Лейтенант Шельтон, вы свободны. Наблюдайте за поселком! Чуть что — сигнал боевой тревоги! Усильте посты вокруг поселка: Кларк неподалеку!

Когда лейтенант с солдатами вышел, перебежчик расстегнул свою куртку. Уильям Линс, адъютант Бернса, протянул ему нож. Человек вспорол шов под левым карманом... На свет божий появилась белая тряпица, сшитая пополам... Перебежчик протянул ее Бернсу.

— Черт побери, Куница Френк! Вот неожиданность! Давно из Ченсфильда? Да садитесь же, ребята, будь проклята моя кровь! Вы прибыли чертовски кстати! Кто эти парни с тобой, Френк?

— Это Гримльс и Венсли, капитан. Они догнали меня уже в Нью-Йорке. Вскоре должен подоспеть и Каррачиола. Вудро велит действовать быстрее, но... чисто...

— Как же вам удалось пристроиться к отряду Кларка, черт побери?

— Он храбрый вояка, этот подполковник ополченцев Георг Кларк. Ну, и, как все храбрые люди, доверчив. Отряд сборный, пристроиться к нему не стоило никакого

труда. Волонтеры-добровольцы!.. Да еще со своим оружием!.. Три новеньких фергюссоновских карабина из знакомого тебе охотничьего кабинета, дружище Бернс!..

— Что ж, отлично, ребята! Теперь слушайте новости. Одного фермера из нашей долины, бывшего матроса Дика Миллса, я держу на особой примете. Мой тайный агент среди колонистов, пройдоха Енох Легерзен, донес, что Миллс укрывал у себя разведчиков Кларка и помог им спастись от моих солдат. Правда, старшина поселка, этот Альфред Мюррей, провозгласил как бы нейтралитет Голубой долины, но ведь поведение Милльса бросает тень и на Мюррея, как старшину, не так ли? Однако он очень осторожен, этот Мюррей, сатана его унеси, и нужно что-то придумать, чтобы законно расстрелять и его и всех тех, кого имеет в виду хозяин.

— Вудро полагает, что эту миссию должны исполнить индейцы. Зачем пачкаться самим?

— Кстати, ребята, самая важная новость: мистер Гамильтон, британский губернатор, выступил сюда из Детройта с отрядом. Впереди и позади отряда идут сотни индейских чертей, сенеки и шавнии.

— Я слышал, что Мюррей до сих пор жил с ними в дружбе. Он будто бы не слишком обдувает их на пушной торговле?

— Вот именно! Мюррей действительно умеет ладить с шавниями и всеми прочими краснокожими бестиями. Но, черт меня побери, если с такими ребятами, как вы трое, да еще с мистером Линсом в придачу, нам не удастся хорошо сыграть именно на этой дружбе!

На дощатом мостике через Голубой поток встретились два всадника. Драгунский капитан Бернс салютовал шпагой старшине поселка Голубой долины эсквайру мистеру Альфреду Мюррею. Тот через плечо бросил взгляд на встречного офицера, поклонился ему весьма холодно и пустил своего мустанга в галоп.

— Хэлло, мистер Мюррей! — крикнул драгун ему вдогонку, сняв треуголку и размахивая ею. — Придержите вашего красавца, у меня есть для вас новость.

— Что вам угодно, господин капитан? — Всадник удержал коня на месте.

Бернс приблизился к нему:

— Видите ли, дружественный нам вождь племени шавниев Горный Орел ведет своих воинов в Голубую долину. Вероятно, это авангард отряда детройтского гу-

бернатора. Об этом отряде вы, конечно, уже слышали?.. Так вот, возможно, что через несколько часов Горный Орел и его сын, Серый Медведь, с двумя сотнями воинов будут здесь. Вас не тревожит эта новость?

— Горного Орла я знаю давно. Колонисты долины всегда поддерживали с ним добрые отношения. И он и Серый Медведь, который знает по-английски, не раз бывали у меня в доме, и я снова готов оказать гостеприимство им обоим... Не вижу никаких поводов для тревоги!

— Что ж, тем приятней, мистер Мюррей! Но прошу не забыть, что и мне необходимо присутствовать при вашей беседе с Горным Орлом. Сейчас он может стать немаловажным союзником британского губернатора, и я желал бы...

— Хорошо, я приглашу и вас к нашей беседе, но сейчас меня ждут другие дела... Дорогу, господин капитан!..

— Ну, погоди, высокомерный виргинец, скоро ты у меня запоешь по-другому! — проворчал комендант и дал шпоры своему коню.

Когда капитан Бернс подскакал к форту, наблюдатель указал ему на реку. Там, по отлогому берегу, «строем змеи» двигался пеший индейский отряд. Впереди, верхом на гнедом коне, гарцевал всадник. Бернс сразу узнал лошадь вождя племени шавниев: этого коня Горному Орлу подарили в прошлом году поселенцы Голубой долины.

Комендант форта издали полюбовался великолепным головным убором вождя из орлиных перьев. Замшевая одежда всадников, легкая и теплая, была расшита иглами дикобраза, бисером и чрезвычайно искусной красной вышивкой. За спиной вождя висел карабин солдатского образца, тоже недавно подаренный Горному Орлу мистером Мюрреем. Рядом с вождем ехал его сын, Серый Медведь.

Бернс обошел свой форт и с высоты холма еще раз взглянул на индейский отряд. Навстречу ему уже скакали жители долины. Бернс узнал Мюррея, Уэнта и колониста-француза Мориса Вилье. Капитан ухмыльнулся, увидев, как Горный Орел пожал протянутую Мюрреем руку.

— Я приветствую в Голубой долине моего брата, славного вождя Горного Орла и воинов его племени!—

громко произнес Мюррей фразу, заранее приготовленную им на языке шавниев.

— Привет мудрому отцу Голубой долины! — ответил старый вождь.

— Я рад также прибытию твоего сына, большого охотника Серого Медведя, о Горный Орел, — продолжал Мюррей уже по-английски. — Память моя удержала еще мало слов на твоем языке, Серый Медведь. Ты понимаешь речь белых, и я прошу тебя помочь мне в беседе с воинами твоего племени. Мой дом готов принять вождя и его спутников. Передай это моему брату, Горному Орлу, и спроси его, почему я вижу на лице моего брата цвета войны.

— Костры больших битв горят в стороне Великих Озер, — передал Серый Медведь ответ отца. — Пламя войны пожирает леса. Оно и зимою летит подобно летнему пожару. Воины Горного Орла не будут застигнуты пожаром врасплох, как неразумные дети в горящем вигваме.

— Ты мудр, Горный Орел, но да будет сохранен мир в Голубой долине и вигвамах могучего племени шавниев... Жилища наших колонистов слишком малы для стольких воинов, потому прикажи им, о вождь, разбить лагерь там, где им понравится, а тебя и старейшин я прошу прибыть ко мне в дом и считать его своим на все время, пока племя будет гостить в долине.

Новенький домик под тесовой кровлей был собственноручно построен бывшим марсовым «Ориона» Диком Миллсом. Домик был крайним в поселке и выходил окнами на Голубой поток.

Ранним утром Миллс отправился с парой лошадей, взятых с конюшни Мюррея, в лес за бревнами. На закате он вернулся. Никто не встречал молодого хозяина, ибо дом был пуст. Три чистенькие комнаты и теплая мансарда с балконом напоминали жилища французских крестьян в Арденнах. Суженая Дика, Камилла Леблан, горничная леди Эмили, была родом из средней Франции, и Дик хотел порадовать свою будущую жену напоминанием о родине. До дня свадьбы оставалось еще две недели.

Дик сбросил тяжелые бревна перед своим домиком, выпряг лошадей и зашагал с ними на конюшню, к ферме мистера Мюррея.

В доме старшины поселка было шумно. Дик загля-

нул через стекла крытой веранды и увидел необычное общество за нарядным длинным столом.

Во главе стола, справа от Мюррея, восседал старый индеец в полном боевом уборе, величественный, как статуя. На его кожаной одежде были искусно изображены битвы, в которых он побеждал врагов. Эдуард Уэнт сидел рядом с молодым воином, чертами лица похожим на старого вождя. Длинным рядом торжественно сидели десять пожилых индейцев. Против них располагались почетные старожилы Голубой долины — доктор Нильс Вальнер, месье Вилье и другие. Миссис Эмили хлопотала по хозяйству, не присаживаясь к столу. Мери Уэнт, Камилла Леблан и две негритянки помогали хозяйке.

Дик терпеливо дождался минуты, когда Камилла побежала на кухню. Бывший матрос постучал в кухонное окно, и Камилла выпорхнула на заднее крыльцо. Она торопливо ответила на поцелуй жениха и заявила, что до полуночи у нее не будет ни одной свободной минутки.

— Так я приду после полуночи, — заявил покладистый Дик.

— Ах, что ты, что ты, Дик! Если нас увидят, люди подумают бог знает что. Впрочем, если бы ты пришел в дальнюю беседку... Она в самом конце сада... Только там очень холодно...

— Хорошо. Значит, после полуночи в дальней беседке? Я приду, Камилла, и буду ждать тебя хоть до самого рассвета.

В воротах Дик повстречал английских офицеров в треуголках, при шпагах, в красных мундирах. Худощавый лейтенант Шельтон и комендант форта капитан Бернс со своим адъютантом Уильямом Линсом, гремя шпорами, поднялись на веранду. Офицеры извинились за опоздание, объясняя его неотложными воинскими делами (капитан только что окончил сражение в очко с собственным адъютантом). Мюррей усадил Бернса рядом с Горным Орлом. Слуги внесли жаркое из оленьего мяса под соусом, секрет которого не выведал бы у миссис Эмили самый искусный сыщик. Дымящийся олений ростбиф был поставлен на отдельный столик. По домашней традиции, мистер Мюррей, вооружившись длинным ножом с черной костяной рукоятью, собственноручно приступил к ответственной операции.

В перерыве между блюдами хозяин попросил Тома-

са Бингля показать гостям несколько фокусов его питомицы Микси. Индейцы с трудом удерживались от смеха при виде уморительных ужимок мартышки. Многие из краснокожих гостей впервые видели обезьянку и сочли ее за необычайного человеческого уродца. Поглядывали они на зверька, посаженного после представления в клетку, с некоторой опаской.

После пудинга и очень крепкого кофе общество перешло в гостиную. Горный Орел затянулся сигарой и с видимым удовольствием выпил чайный стакан домашнего ликера. Однако вскоре этот напиток, дополнивший разнообразие вин и водок, поглощенных вождем, оказал роковое действие на седого воина. Он стал мучительно икать и оглядываться по сторонам. Мюррей подхватил его под руку, и вождь нетвердой походкой, но сохраняя величавость и достоинство, проследовал в небольшую комнату, заранее предназначенную для него. Вместе с негритенком Черри хозяин уложил Горного Орла на ковровом диване и укрыл пледом.

Офицеры и жители поселка простились с хозяевами и покинули дом. На большом ковре, устилавшем гостиную, захрапели в живописных позах подгулявшие индейские гости.

Капитан Бернс, сержант Линс и лейтенант Шельтон шагали в потемках к форту. Навстречу им вынырнул из темноты всадник.

— Это ты, Куница Френк? — спросил Бернс тихо.

— Так точно, капитан. Я к тебе со срочным пакетом.

Холм с фортом смутно рисовался на фоне вечернего неба. У моста через заснеженный ров Бернс шепотом произнес пароль. Часовой открыл им узкую калитку в крепостных воротах. Миновав батарею, все четверо поднялись на плато. Здесь, в своей угловой комнате, отделенной от остальной части блокгауза бревенчатой стеной, капитан Бернс вскрыл пакет. Письмо было из форта Винсенс. Вести обрадовали капитана: детройтский отряд губернатора Гамильтона прошел форсированным маршем свыше двухсот миль от Майами, двигаясь по лесистой долине реки Уобеш. Внезапным ударом он атаковал форт Винсенс и выбил из него оставленный там Кларком небольшой гарнизон.

Капитану Бернсу приказывалось: немедленно расправиться со всеми непокорными и сомнительными эле-

ментами поселка Голубой долины и приготовить солдат форта к общему наступлению против отряда Кларка, засевшего в форте Массек, где его нужно блокировать и уничтожить до последнего ополченца.

Два драгуна из Винсенса и проводник-индеец, доставившие в Голубую долину этот пакет, добавили еще от себя, что от водопадов Огайо к Голубой долине пробирается лесами группа неизвестных охотников. Сопровождают их двое индейцев-могавков. Группа уже на подходе к долине.

— Вести интересные, — в раздумье сказал Линс.— Значит, этот Енох не соврал насчет сношений фермеров Мюррея с повстанцами.

— Ты говоришь о Енохе Легерзене?

— Да, капитан, о самом набожном квакере, меннонните[1], методисте — кто их, к черту, разберет, к каким сектам они принадлежат! Я осторожно прощупал всех жителей долины, и все они как один стоят за Мюррея, кроме Легерзена. Енох сватался к француженке-горничной из дома Мюррея, а мистер Мюррей уговорил ее отдать предпочтение Дику Миллсу. Енох за это крепко невзлюбил Мюррея и не прочь убрать этого Миллса с дороги. Нынче я опять толковал с ним. Парень годен для дела.

— Где он сейчас?

— Будет в полночь у Чертова камня на берегу.

— Ты решил поручить задуманное ему?

— Видишь ли, капитан, одному из нас, полагаю, что Френку, волей-неволей придется поработать самому, но помощник должен быть из колонистов: на него придется все свалить, если... что-нибудь откроется раньше времени. Енох — единственный парень, на которого можно положиться. Еще летом он предупреждал нас насчет сношений Мюррея с противником. На днях он грозился зарезать Дика Миллса. А нынче он прямо сказал мне, что согласен пойти на риск, лишь бы французская барышня досталась ему.

— Что ж, дело хорошее! Линс, ты заметил, в какой комнате положили Горного Орла?

— Ну, без этого я не ушел бы с фермы Мюррея. Комната удобная. Под окнами балкон. Оконная рама двухстворчатая, не заклеенная на зиму.

---

[1] **Меннониты** — члены протестантской религиозной секты. Проповедуют суровое и беспрекословное исполнение библейских предписаний.

— Что ж, в добрый час! Операция поручается тебе, Куница Френк. Твоим помощником будет Енох Легерзен. А вы, мистер Шельтон, немедленно отрядите одно отделение на поимку тех охотников, которых ведут сюда индейцы-могавки. Как только их схватят, будьте готовы к событиям.

В шестигранной садовой беседке, засыпанной снегом, было темно. Сквозь заледенелые стекла падал на круглый стол слабый блик лунного света. В углу на гнутой садовой скамеечке примостился Дик со своей невестой. Ночь была сырая и ветреная. С запада надвигались тучи, и их края уже цеплялись за белесую луну.

Камилла уютно прижалась к груди жениха; ее щеки пахли гелиотропом, а дыхание чуть отдавало легким вином. Внезапно на ближней дорожке послышался слабый скрип снега, и чей-то приглушенный голос произнес: «Пора!». Две фигуры промелькнули мимо беседки и скрылись по направлению к дому.

— Кто бы это мог быть? — шепнул Дик. — Не предупредить ли твоих хозяев, Камилла?

Девушка, высвободившись из крепких рук своего суженого, вскочила с места, готовая завизжать от испуга. Однако, сообразив, что этим она предала бы гласности свою ночную прогулку, Камилла ограничилась тем, что прижала стиснутые пальцы к губам и в страхе присела у дверей беседки, знаками приглашая Дика последовать ее примеру.

Но время было тревожное, поведение неизвестных в саду казалось подозрительным, и бравый моряк двинулся к выходу.

— Оставайся здесь, Камилла, я пойду следом за теми. Сиди тихо, я вернусь, как только высмотрю, что они затевают.

— Чтобы я здесь осталась одна? — взвизгнула Камилла. — Ты с ума сошел! Ой, Дик, уж лучше пойдем вместе.

Они осторожно выбрались из беседки. Черные кусты и сугробы скрывали крадущуюся парочку. Темный силуэт дома был уже шагах в пятидесяти. Дик заметил, что в окне угловой комнаты, за тюлевой занавеской, колыхнулся неяркий свет. Колеблющийся огонек свечи озарил потолок и верхнюю часть стен комнаты. Обе створки окна стояли распахнутыми настежь... Все ос-

тальные окна дома были плотно закрыты, завешены гардинами, а некоторые даже защищены ставнями. Через несколько мгновений огонек погас, тюлевая занавеска взметнулась и чья-то темная фигура неловко выбралась из окна. За ней последовала вторая...

Этот второй аккуратно поправил занавеску и тщательно затворил окно. Крадучись оба ночных пришельца прошли террасой до заледенелого каменного водостока, спрыгнули с него и двинулись к той дорожке, где среди снежных сугробов притаились Дик и Камилла. Луна в этот миг снова выглянула из-за туч, и Дик узнал в одном из гостей Френка Вилерса, недавнего перебежчика к Бернсу из отряда Кларка.

Едва лишь второй человек поравнялся с сугробом, Камилла судорожно вцепилась в руку жениха; перед нею мелькнула на дорожке знакомая фигура. Это был недавний претендент на ее руку — Енох Легерзен, человек сумрачный, злой и притом очень набожный. Камилла побаивалась Еноха с первой минуты их знакомства, и лишь прирожденное кокетство помешало ей сразу отвергнуть ухаживание мистера Легерзена. Френк Вилерс и Енох Легерзен быстро скрылись в глубине сада.

— Ты узнала второго? — прошептал Дик.

— Милый, они, наверно, пришли, чтобы похитить меня. Это Енох Легерзен. Как страшно, Дик!

— Вот что, Камилла: дело недоброе. Может быть, ты и права, а может, у них на уме что-нибудь другое. Енох из богатой семьи, не воровать же он полез вместе с этим перебежчиком в чужой дом? Ступай разбуди миссис и поскорее все ей расскажи. А я попробую проследить за этими двумя.

Как ни боязлива была Камилла, ей пришлось расстаться со своим защитником. Дик пожалел, что не имеет при себе иного оружия, кроме морского ножа за голенищем, но терять время было нельзя. Он пустился по следу ночных гостей на снегу, а Камилла, спотыкаясь, побрела к заднему крыльцу дома.

Снег на крыльце скрипнул под меховым башмачком Камиллы, и тут она заметила движение на открытой веранде. Кто-то с шумом поднялся и шагнул навстречу девушке. Камилла от страха присела. Наконец отважившись поднять глаза, она с облегчением перекрестилась.

Негр Сэмюэль Гопкинс, одной рукой протирая за-

спанные глаза и держа в другой руке охотничье ружье, стоял на площадке, как полупьяный, внезапно выведенный из самой глубины упоительных дремотных грез.

— Вы тут спите, Сэм, а в доме творится бог знает что!.. — заговорила находчивая мадемуазель Леблан, поспешно переходя от обороны к наступлению. — Я тут будила, будила вас, а вы и не думаете просыпаться! В доме были воры, понимаете — воры, и я выбежала посмотреть, где же вы. Тут сейчас двое выскочили из окна и убежали в сад, слышите вы? Тоже называется сторож! Проспал воров!

— Лопни мои глаза, Камилла, если я спал! Ни минутки не дремал даже, уверяю вас, ни одной минутки. Мне попала в глаз маленькая снежинка, и я протираю глаза. Я все время ходил по веранде и сел только секунду назад. Никаких воров здесь не было, вы просто шутите над стариком, Камилла! Ступайте скорее спать и ничего не бойтесь, если охрана дома поручена Сэмюэлю. Когда я вез хозяевам бумаги от мистера Томпсона из Англии, у меня было побольше забот! И знаете, что мистер Мюррей сказал мне в Новом Орлеане? «Ты, Сэм, — сказал он, — сделал это лучше, чем я сам сумел бы». Провалиться мне на этом месте, если мистер Мюррей не сказал этих слов! В доме всегда спокойно, когда Сэмюэль Гопкинс караулит на веранде!

Негр еще долго продолжал эту убедительную речь, обращаясь с нею к ближайшему дереву, ибо Камилла уже барабанила кулачками в дверь. К ее удивлению, дверь оказалась незапертой. Из темных сеней девушка опрометью взбежала наверх.

Был уже второй час ночи. В доме стояла мертвая тишина, но из кабинета хозяина доносились тихие голоса. С бьющимся сердцем Камилла постучала. Объясняться при хозяине было так страшно!

Мюррей подошел к двери и впустил Камиллу. Запинаясь, она изложила подробности ночного происшествия, но умолчала об экскурсии в беседку. Хозяин встревожился.

— В какую сторону они удалились, Камилла? И уверены ли вы, что это были действительно Енох Легерзен и человек из форта?

— Да спросите у Дика... — Спохватившись, Камилла прикусила свой неосторожный язычок.

— Вот как, значит, и Дик был в саду! Где же он сейчас?

— Ах, месье Мюррей, не подумайте что-нибудь дурное о Дике!

— Об этом следует думать не мне, а вам, Камилла! Где же он все-таки, ваш Дик Милльс?

— Он пошел следом за ворами, месье!

— Наш сторож Сэм на этот раз, кажется, сплоховал. Благодарю вам, Камилла! Позовите ко мне Томми Бингля. Эми, у меня недоброе предчувствие... Разбуди синьору Эстреллу, оденьте детей и приготовьтесь ко всем неожиданностям... Что там еще?

Негритенок Черри пробрался в кабинет. Его щеки посерели от страха.

— Масса Альфред, — прошептал он, — я ходил проведать индейцев, как вы велели. Один сейчас вышел в сад, все другие перепились и спят. Но из-под дверей маленькой комнаты течет в гостиную вот это.

Негритенок протянул Мюррею руку. Вся ладонь мальчика была в липкой, еще не остывшей крови... В тот же миг из глубины заснеженного сада чуть слышно донесся хлопок одиночного пистолетного выстрела.

Младший из индейских гостей Мюррея, Серебристая Лиса, тайный телохранитель вождя племени в походах и на охоте, держался за столом Мюррея сдержаннее остальных индейцев и выпил меньше крепких напитков, чем его товарищи. Когда хозяин дома увел Горного Орла, молодой воин встал из-за стола и прошел следом за вождем в маленькую комнату. Убедившись, что пройти в нее можно только через столовую, мимо остальных индейцев, Серебристая Лиса успокоился и отдал бы честь домашней наливке, если бы... бутылки и графинчики на столе уже не были сухими! Очень скоро гости разошлись, столы были отодвинуты и пол устлан коврами и шкурами. Серебристая Лиса посидел у затухающего камина, потом легкое похмелье сморило и его; но он не лег, а остался сидеть перед огнем, со скрещенными на груди руками и низко опущенной головой. Так миновала полночь. В доме ничто не внушало тревоги. Серебристая Лиса привалился плечом к стене и уже перестал бороться со сном.

Он не мог определить, долго ли проспал, когда до его отуманенного сознания дошел слабый звук осторожно закрываемой оконной рамы. Воин стряхнул сон, бес-

шумно поднялся и стал вглядываться в окна: не готовят ли белые какую-нибудь ловушку индейским гостям? Вдруг сквозь ближайшее оконное стекло он заметил две тени, скользнувшие на открытой веранде. У следующего окна оба чуть задержались, и Серебристая Лиса на мгновение различил при лунном свете два незнакомых мужских профиля... Воин выскользнул из столовой, миновал темные сени с ведущей наверх лестницей и, откинув засов, выглянул из дверей. На дворе было сыро, ветрено и тепло, между быстро несущимися облаками проглядывала луна. Индеец различил тихие удаляющиеся шаги; кто-то тайком пробирался сквозь прутья кустов в саду. Серебристая Лиса проскользнул мимо спящего сторожа, спрыгнул с крыльца и обошел веранду. Свежий след двух человек в мягкой кожаной обуви... От оледенелого водостока след шел в сад... Индеец спрятался за деревом и выждал несколько секунд: ему послышался неуловимо тихий шепот в кустах... потом испуганный вздох, похожий на женский... Под луной мелькнули две тени. Вот они расходятся... Вот женская фигура пробирается к дому, а мужская, крадучись, исчезает в кустах...

Серебристая Лиса увидел, как на веранде проснулся негр-сторож, как женщина из сада приблизилась к негру... Воин разобрал, что женщина бранит сторожа и что-то толкует о ворах в доме... Серебристая Лиса пустился следом за крадущимся человеком. Под луной он без труда различил, что незнакомец обут в тяжелые сапоги и пробирается по сдвоенному свежему следу мягких меховых сапожков, тянущемуся от водостока... Значит, незнакомец тоже преследует тех двоих, что мелькнули на веранде?..

Вот и ограда сада... Внезапно, совсем близко, индеец услышал короткий шум борьбы... Индеец метнулся к снежному сугробу, и в то же мгновение из-за ближайшего куста сухо щелкнул пистолетный выстрел. С пробитой грудью Серебристая Лиса упал в снежный сугроб...

Капитан Бернс приказал поднять весь гарнизон форта по бесшумной боевой тревоге. Дежурные тихо будили солдат. В темноте раздавались приглушенные ругательства, бряцание амуниции и звяканье штыков. Гарнизон выстроился на плато. Бернс подошел к амбразуре в бревенчатом частоколе и выглянул наружу.

Поселок был погружен во мглу. На опушке леса в долине тлели костры индейского лагеря. Зимний дождь усилился. Влажный ветер раскачивал деревья. Все было спокойно.

— Пожалуй, можно солдатам вернуться в блокгауз, но амуниции не снимать! Оружие держать наготове. Артиллеристам стоять у пушек, посты наблюдения усилить, — распорядился Бернс и отправился в свое угловое жилище.

Здесь топилась печь, и Куница Френк, уже успевший переодеться в новенький мундир, грел у огня свои чисто вымытые руки. В углу комнаты, сжав голову в крепко стиснутых кулаках, сидел грузный Енох Легерзен, тоже в солдатском мундире, сильно стеснявшем его движения. Под койкой капитана Бернса валялись два скомканных комплекта мокрых и грязных мужских курток, штанов и рубах. Обшлаг синей морской куртки, поношенной и выцветшей, был покрыт темно-бурыми пятнами. Носком сапога Бернс отшвырнул этот рукав под койку, свисавшее с постели шерстяное одеяло он опустил пониже...

Капитан вопросительно посмотрел на Френка:

— Прошло уже больше часа, как вы вернулись... Пока все тихо. Надежно ли сделана работа?

— Все в полном порядке. Вчера, перед уходом с фермы, сержант Линс прихватил одну вещь, которая ночью оказала мне превосходную услугу. Она сразу бросится индейцам в глаза... Будь покоен, капитан, эта тишина долго не продлится!

Бернс взглянул на часы. Рассвет уже близился. Капитан положил руку на плечо Легерзена:

— Енох, вам пора идти! Как только начнется суматоха, хватайте эту особу в ее комнате и тащите к нам в блокгауз, потому что в поселке трудно будет поручиться за вашу безопасность. Сношения колонистов с врагом подтверждаются. Поселок Голубой долины будет уничтожен. Действуйте смелее! Желаю удачи!

Колонист Легерзен столкнулся в дверях с рыжеусым сержантом.

— В чем дело, Линс? — спросил вошедшего комендант форта.

— Разрешите доложить, капитан. Неизвестный отряд, который вы велели перехватить, окружен в лесу. Два индейца-могавка привели в долину шестерых англичан. Они залегли и отстреливаются.

— Френк, возьми в подкрепление взвод драгун, захвати этих незнакомцев и доставь их в форт побыстрее... Сержант Линс, конный патруль на месте?

— Патруль с лейтенантом Шельтоном стоит у моста через поток.

— Отлично. Шельтону приказано немедленно поднять на ноги индейский лагерь, когда в доме Мюррея начнется шум. Спешите, господа! Как только начнутся события, все до единого солдата должны быть в крепости. Индейцы управятся одни!

— Господин капитан, есть еще одно сообщение. Секретный пост у ограды фермы Мюррея захватил подозрительного субъекта и подстрелил индейца. Оба крались следом за Френком Вилерсом и Легерзеном, когда те возвращались из сада с вашего задания.

Куница Френк остановился в дверях:

— Крались следом за нами, Линс? Это очень скверно. Где их перехватили?

— У самой садовой ограды. В секрете сидели наши ребята — Венсли, Гримльс и надежный малый из наших солдат. Они уложили индейца, а белого молодчика сцапали, когда вы с Легерзеном уже переправились через поток.

— Вы установили, что это за люди?

— Разумеется. Индеец — один из гостей Мюррея. Его тело просто присыпали снежком: когда индейцы наткнутся на него, все кругом уже будет полыхать, и лишний индейский труп только подольет масла в огонь...

— А тот, второй, которого схватили, — он из колонистов?

— Это Дик Миллс, бывший матрос. Он уже у нас в каземате, капитан.

Молодой индеец-могавк первым заметил приближающуюся группу спешенных драгун. Меджерсон защитил рукой глаза от лунного света и вгляделся в темноту. Вдоль русла замерзшего ручья тянулись заросли мелкого ивняка и березовых кустов. Голые ветви чуть шевелились, и в свете луны слабо взблескивали ружейные штыки. Тишину нарушил хриплый голос:

— Эй, выходи на свет! Руки вверх! Сдавайтесь, вы окружены!

— Это солдаты, — шепнул Меджерсон своим спут-

никам-ирландцам. — Не отвечать на окрик, приготовиться к бою!

— Выходи из кустов! Будем стрелять! Взво-о-од, к бою!

— Ответного огня не открывать! Отступаем к речке. Там укроемся в пещере и будем держать оборону. А вы, друзья,—Меджерсон обернулся к индейцам-могавкам, — постарайтесь незаметно ускользнуть и добраться до поселка Мюррея. Передайте ему слова Чембея... А теперь — перебежками к тем кустам, над речкой, за мной! Мы задержим солдат, и индейцы прорвутся в поселок...

...До самого рассвета продлился неравный бой шести смельчаков с королевскими драгунами. Укрывшись в пещере над речным берегом, ирландские «сыны свободы» отстреливались от наседавших солдат. Под утро Меджерсона ранило. Заряды кончались... Немало солдатских трупов уже валялось под речным откосом. Но врагов становилось все больше! Из форта прибыл свежий отряд; Френк Вилерс, новый сержант и доверенное лицо капитана Бернса, привел подкрепление осаждающим.

— Капитан приказал всех взять живьем, — предупредил он своих солдат.— За поимку их объявляю награду.

— Братья! — Меджерсон отер пот со лба и отполз от песчаного бруствера. — Дольше мы не продержимся. Осталось только шесть зарядов. Заставим врага кровью оплатить наши жизни. Да здравствует свобода! Вперед!

Навстречу им загремели выстрелы. С ружьями наперевес пришельцы бежали по снегу прямо на солдат. Драгуны не успели перезарядить ружей, и на льду лесного ручья закипел рукопашный бой. Здесь, в глухом лесу, горсточка ирландских крестьян из-за моря плечом к плечу с английским рабочим билась за вольную жизнь и независимость американских колонистов. Кровью и пороховым дымом покрылся чистый речной снежок... Но слишком неравны были силы в этой битве. Трое пришельцев бездыханными лежали на снегу; остальные уже хрипели и бились в руках солдат, вязавших пленников. Полвзвода драгун полегло на поле сражения, несколько раненых стонали и сквернословили. Дорогой ценой достался капитану Бернсу захват полуживого Меджерсона и двух уцелевших «сынов свободы»...

На обратном пути, по дороге к форту, Френк Вилерс вдруг присвистнул и закричал в лицо старику:

—Вот это встреча! Узнаю вас, мистер Арчибальд Стейболд, «шотландский клерк» из Бультона, он же Элиот Меджерсон, предводитель бультонских разрушителей машин! Все-таки не кто иной, как сам Френк Вилерс, некогда упустивший вас на улице, нынче исправил свое упущение! А завтра он же поможет гарнизонному палачу подвести вас к виселице!

3

Сын вождя шавниев, Серый Медведь, проснулся перед рассветом с сильной головной болью и не сразу сообразил, где он находится. На ковре, разостланном посреди гостиной, спали вповалку индейские воины. В камине дотлевали последние головешки. Серый Медведь выбрался из глубокого кресла и набил табаком свою трубку.

По странным шорохам и приглушенным шагам на лестнице он понял, что хозяева дома не спят. Он спрятал трубочку в карман и разбудил другого воина — Волка Ущелья.

Шорохи в доме казались подозрительными. Серый Медведь вынул свечу из стенного подсвечника, зажег ее и подошел к двери в соседний покой. Мокасины индейца попали во что-то липкое. Огонек свечи отразился в темно-багровой лужице под дверью. С предостерегающим криком Серый Медведь распахнул дверь.

На ковровом диване лежал мертвый вождь шавниев. В груди Горного Орла торчал нешироким длинный нож с черной костяной рукоятью. Накануне, за ужином, этот нож был в руках хозяина дома... В дверях уже толпились разбуженные индейские воины.

Лицо осиротевшего Серого Медведя окаменело от горя и тяжкого гнева. Но предаваться печали было не время. Отец и вождь погиб. Опасность нависла над всеми. Хитроумный белый обманщик заманил цвет племени в свое логовище: нужно вырваться из коварной засады и отомстить убийце.

Серый Медведь приказал воинам разобрать оружие и поднял труп отца с окровавленного ложа. Волк Ущелья выгреб весь жар из камина; индейцы высыпали на

пол немного пороху, сорвали занавески, сломали несколько стульев и раздули пламя. В этот миг на лестнице послышались шаги, и кто-то толкнул дверь в гостиную. Томагавк Серого Медведя свистнул в воздухе. Короткий стон раздался из-за приоткрывшейся двери и чье-то тело грузно осело на пол. Волк Ущелья опрокинул стол и завалил им выход в сени. Пламя уже взметнулось под потолок.

Серый Медведь ожидал засады в саду, под окнами. Он вывел воинов из гостиной в столовую и высадил стеклянную дверь на веранду. Рассыпавшись вдоль перил, индейцы дали залп по ближайшим кустам. Сторживший в саду Сэмюэль Гопкинс увидел в окнах отсвет пожара и, перепуганный, побежал на звук залпа. Серый Медведь принял его за атакующего врага. С ножом под сердцем негр свалился в снег около веранды. Воины вынесли тело убитого вождя, перебежали с ним площадку и ворвались в конюшню. Два конюха-негра пали мертвыми под ударами томагавков. Серый Медведь перекинул тело Горного Орла поперек коня. Волк Ущелья и остальные воины вскочили на неоседланных коней и бешеным галопом перелетели через мост. Серый Медведь решил, что ему удалось перехитрить белых убийц. Наездники сдержали коней и стали совещаться, как обойти поселок, чтобы не попасть под пули колонистов из окон и быстрее соединиться с воинами в лагере.

В это время с заднего двора фермы донесся одиночный выстрел. Какой-то всадник в драгунском мундире, придерживая перед собою в седле завернутую в плащ женщину, проскакал от ворот фермы к берегу потока и исчез по направлению к форту.

В окнах поселка замерцал свет, над крышей дома Мюррея полыхнуло пламя. Искры, затрещав на ветру, посыпались на заснеженные кроны деревьев. Серый Медведь гикнул, и индейцы понеслись вдоль поселка к лагерю на лесной опушке. Но скакать им пришлось недолго. Навстречу Серому Медведю по обоим берегам Голубого потока уже бежала лавина индейских воинов, оповещенных лейтенантом Шельтоном о кровавом злодеянии. В первых рассветных лучах индейцы увидели молодого вождя, скакавшего к ним с телом Горного Орла.

Пронзительный боевой индейский клич далеко разнесся над снегами долины. Серый Медведь передал тело

отца двум другим воинам, снял с плеча отцовский карабин и, потрясая им в воздухе, бросил сотню воинов во главе с Волком Ущелья на поселок, а сам повел остальных окружать дом убийц. Но среди пылающих построек фермы индейцы нашли только труп негра под верандой и убитых на конюшне конюхов. В самой глубине сада индейцы подобрали на снегу тяжело раненного пулей в грудь, полузамерзшего воина — Серебристую Лису. Между тем берегом Голубого потока уносился вверх по долине шарабан и несколько всадников. Воины обрушились на опустевшую ферму, предав огню и разрушению все живое и мертвое имущество белых злодеев.

Через полчаса пылал и весь поселок; только холм с военным фортом оставался затемненным и безгласным.

С первого взгляда на испачканную кровью руку мальчика Мюррей догадался, что кто-то из индейцев пал жертвой тайных злоумышленников, замеченных Диком. Он велел своим домочадцам потихоньку вывести из дому детей, заложить экипаж и ехать к усадьбе Уэнта, сам же решил дождаться возвращения Дика, чтобы с его помощью разоблачить перед индейцами злодеев.

Между тем из гостиной донесся треск ломаемой мебели. Мюррей спустился с лестницы... Неужели шавнии уже что-то обнаружили? И кто стал жертвой злодейства? Ранен он или убит? Быть может, воины все же не отдадутся во власть слепому гневу и не будут глухи к голосу рассудка?

Хозяин дома толкнул дверь в гостиную. Огонь пожара на мгновение ослепил его, и в тот же миг скользящий удар чем-то острым поразил его в голову. Отшатнувшись, он схватился за висок и потерял сознание. Негритенок Черри, выглянув с верхней площадки, увидел распростертого на полу хозяина. Из гостиной валил дым, слышался звон стекла и топот. Когда с веранды раздался ружейный залп, Черри кубарем скатился с лестницы и склонился над Мюрреем.

Мистер Альфред пошевелился. У него была содрана кожа с виска, рассечены щека и ухо. Негритенок схватил Мюррея и поволок к лестнице. На крик мальчика прибежала Камилла.

В то же мгновение хлопнула дверь из сеней, и на пороге показался человек в драгунском мундире. Камил-

ла вскрикнула, узнав Еноха Легерзена, и попыталась убежать вверх по лестнице. Одним прыжком Легерзен догнал Камиллу, схватил ее на руки и вынес на крыльцо. Оседланная лошадь стояла в кустах. С девушкой на руках Енох Легерзен вскочил в седло и пустил лошадь галопом. Томас Бингль, прибежавший на шум с охотничьим ружьем, выстрелил ему вслед. Потом вместе с неграми Том помог усадить в экипаж детей и женщин, уложить в него бесчувственного Мюррея и погнать шарабан к жилищу Уэнта. Десяток негритянских слуг поскакали следом за шарабаном...

...Усадьба Эдуарда Уэнта находилась в двух милях от поселка вверх по течению Голубого потока. Она была самым крайним поселением в долине, и предосторожности ради Уэнт построил конюшню усадьбы в виде укрепленного блокгауза. Срубленная из целых кедровых и дубовых стволов, эта конюшня-крепость, окруженная тыном из бревен, могла служить надежной защитой от легкого огнестрельного оружия. В ней и укрылись все жители долины, уцелевшие после стремительной атаки индейцев на поселок.

Уже сутки отсиживались осажденные в своем убежище и выдержали одну за другой шесть атак индейских воинов. У огневых щелей-амбразур сменялись лучшие стрелки-охотники поселка; вдоль глухой торцовой стены укрылись жены и дети защитников блокгауза. Мистер Альфред Мюррей с обвязанной головой рассказал товарищам о ночных событиях на его ферме. Ни у кого из колонистов не было сомнения в том, что подлая провокация устроена комендантом форта: чтобы уничтожить жителей поселка за их сочувствие делу американской революции, он подстроил убийство Горного Орла и натравил индейцев на колонистов.

Вторые сутки осады начались для защитников блокгауза спокойно. Не доверяя наступившей тишине, Уэнт при первых солнечных лучах подошел к бревенчатому тыну и вгляделся в окна собственного дома, отстоявшего от блокгауза на полтораста ярдов. Он заметил, что изнутри кто-то с силой выбил оконную раму. В следующий миг упала и вторая рама.

— В доме располагается противник! — крикнул Уэнт Мюррею. — Смотрите, мистер Альфред, в окнах появились солдаты и пушки. Что это значит?

— Это значит, — спокойно сказал Мюррей, — что Бернс решил отказаться от своего нейтралитета, пото-

му что индейцы не справились с нами. Пушки могут быть только из форта.

— Они что-то кричат нам из окон. Прислушайтесь, Фред...

Мюррей и месье Вилье выглянули из южной амбразуры. Из-за угла дома Уэнта медленно показался белый флаг на шесте. Следом за этим символом примирения появился всадник. Осажденные узнали лейтенанта Шельтона.

— Я обращаюсь к защитникам блокгауза от лица английского командования! — закричал он. — Колонисты поселка Голубой долины! У вас в блокгаузе укрылись изменники, вступившие в сношения с армией врага. Эти изменники убили индейского вождя, чтобы вызвать кровопролитие. Нами схвачен шпион Мюррея, Дик Миллс, который пытался пробраться к отряду Кларка в форт Массек. Захвачена в плен и сегодня же будет расстреляна группа разведчиков Кларка. Это бунтовщики, называющие себя «сыновьями свободы». Их проводники-индейцы, посланные для связи с преступником Мюрреем, убиты в лесах нашими индейскими союзниками. Помощи вам ждать неоткуда! Я взываю к вашему благоразумию и требую выдать командованию виновников резни в поселке — Мюррея и Уэнта. Всем остальным колонистам, укрывшимся в блокгаузе, я гарантирую защиту от солдат и индейцев. Даю вам полчаса на арест и выдачу обоих преступников.

— Эдуард, — сказал Мюррей своему другу, — под пушечным огнем конюшня ваша не продержится и часа. Нам нужно выйти к ним, иначе они расстреляют детей.

— Я согласен идти, Фред, — отвечал Уэнт, — но нужно спросить мнение остальных.

— Друзья мои, — обратился Мюррей к защитникам крепости, — вы все слышали слова английского офицера. Блокгауз не выдержит артиллерийского обстрела. Никаких улик против меня и Уэнта у англичан нет. Они не могут убить нас без законного суда. Быстрой помощи от Кларка ждать нельзя: его разведчики — в плену у Бернса. Я предлагаю выиграть время и с этой целью принять их требование. Ваше мнение, месье Вилье?

— Я присоединяюсь к месье Мюррею, — сказал француз. — Главное — это выиграть время. Отказ от требований англичан поведет к немедленному уничтожению блокгауза.

— В таком случае, мистер Фред, я пойду вместе с вами, — раздался вдруг звонкий детский голос. — Я не желаю спасения ценою вашей жизни.

Все изумленно обернулись. Маленький Диего Луис, подпоясанный перевязью кортика, стоял посреди блокгауза с гордо поднятой головой.

— Или мы будем сражаться, или я пойду к англичанам вместе с вами, — сказал он Мюррею. — А вы не посмеете меня удерживать!

Мальчик обвел горячим взором остальных колонистов. Старый доктор Нильс Вальнер даже крякнул от удовольствия и хлопнул маленького испанца по плечу.

Уэнт стоял, широко расставив ноги и подняв голову к потолку. Он оценивал глазом крепость стен. Нет, недолго выдержат они пушечные ядра! Но порыв, охвативший всех защитников блокгауза после слов мальчика, был так силен, что у Эдуарда Уэнта не хватило благоразумия решительно поддержать Мюррея. Все население крепости единодушно запротестовало против добровольной сдачи двух своих вожаков.

Полчаса истекли. На стороне противника еще несколько минут длилась тишина. Затем осажденные увидели, что с восточной стороны, из-за холмика в саду, выдвигается третье орудие. Хлопнул сигнальный пистолетный выстрел. Из трех орудийных стволов вылетело пламя, и ядра пробили глубокие бреши в частоколе. Чугунная бомба, пробив крышу, угодила внутрь блокгауза, и сильный взрыв повалил один из опорных столбов. Эдуард Уэнт, раненный осколком, упал.

Взрывом оглушило и Мери: молодая женщина, бросившаяся было на помощь мужу, сама упала рядом с ним. Месье Вилье был отброшен к дверям. Кровля уже пылала. Искры сыпались на женщин и детей у восточной стены.

Мюррей приказал отбросить бревна, подпиравшие вход.

— На вылазку! — крикнул он и первым кинулся в распахнутые ворота.

Следом за ним, держа в руке пистолет, выскочил маленький испанец. Женщины, подхватывая детей, раненых и убитых, бежали в беспорядке из пылающего здания.

С певучим свистом понеслись навстречу беглецам индейские стрелы. Чугунное ядро угодило в толпу негров. Несколько конных драгун вылетело из-за опушки. Мюр-

рей припал на колено, вскинул ружье, и конь переднего всадника рухнул, но уже десятка три пеших индейцев выбежали из дома Уэнта. В несколько минут сражение окончилось. Индейцы вязали пленных. В стороне лейтенант Шельтон совещался с Серым Медведем. К разрушенному блокгаузу подъехал капитан Бернс. По его приказанию Волк Ущелья повел процессию пленников в сторону временного лагеря. Бернс отвернулся, когда индейцы провели мимо него четы Мюрреев и Уэнтов. Диего Луис, у которого локти были связаны, прошествовал с гордым надменным видом победителя. Индейцы бросали на мальчика удивленные взгляды.

— Что ты намерен делать с этим мальчишкой?— спросил Бернс Серого Медведя.

— Этот маленький белый — сын храброго вождя. Ему будет оказана честь. Он умрет смертью воина. Белые мужчины, которые предательски заманили моего отца в ловушку, умрут в мучениях. Женщины этих предателей станут женами индейских воинов. Так решил Серый Медведь.

Бернс кивнул весьма удовлетворенно.

Вечером 13 февраля 1779 года капитан Бернс готовил в форте Голубой долины скорый суд над четырьмя пленниками — Элиотом Меджерсоном, его двумя спутниками — ирландцами, а также над колонистом Диком Миллсом.

— И командование и мистер Райленд останутся довольны, черт побери! — проворчал он, пробегая глазами уже заготовленный приговор. — Линс, где этот Енох Легерзен?

— Он вторые сутки пьян, а красотка его заперта в чулане у каптенармуса.

— Пусть себе пьет, лишь бы завтра утром он смог хоть четверть часа продержаться на стуле. Я хочу ввести его в состав суда как представителя местных жителей. Приговор уже составлен по всем правилам. Вы можете вшить его в эту папку, Линс. Здесь собран весь обвинительный материал. Его хватило бы, чтобы вместе с Меджерсоном расстрелять все население поселка, но индейцы избавят нас от этого труда!

Утром следующего дня обвиняемые спокойно выслушали приговор суда, прочитанный Бернсом под конец десятиминутного «заседания». За судейским столом вместе с Бернсом, Шельтоном и Линсом занимал место

и полупьяный Енох Легерзен. При чтении приговора он потупил красные, оплывшие глаза и больше не взглянул на осужденных.

— Можете высказать вашу последнюю волю, — сказал Бернс.

— Мое единственное желание — поменяться с тобой местами, грязный палач, — ответил Меджерсон.

Капитан побагровел. Он приказал вернуть пленников в каземат и заковать в кандалы. В сыром полумраке карцера осужденным предстояло провести последние двадцать четыре часа их земного бытия.

Ночью, ворочаясь на соломе, Меджерсон нащупал под боком железное кольцо, вделанное в пол. Старик тихонько раздвинул солому и обнаружил люк. Из каземата, по-видимому, шел подземный ход! Куда он выводит? Эх, если бы не кандалы!

Меджерсон отодвинулся, чтобы показать свое открытие товарищам. Потянув за кольцо, Дик приоткрыл люк. Снизу пахнуло могильным холодом подземелья. Кандалы Дика громко загремели, когда он попытался спустить ноги в черную дыру. В тот же миг звякнул замок у дверей, и пленники едва успели опустить люк.

Но предосторожность была уже излишней. Вошли шестеро солдат и, стукнув об пол прикладами, стали в одну шеренгу. Сержант Линс поодиночке вывел пленников под открытое небо. Солнце вставало. Ворота форта были широко распахнуты, и солдаты повзводно строились за ними лицом к своей крепости.

Осужденных тоже вывели за ворота. Гремя кандалами, они прошли вдоль гребня вала перед молчаливым фронтом гарнизона, отделенные от него рвом с замерзшей водой. С высоты вала Меджерсон смотрел на красные мундиры, треуголки и косицы солдат. Их было человек сорок. Они построились в две шеренги и держали «к ноге» ружья с длинными штыками. Перед фронтом прошли Бернс, лейтенант Шельтон и священник. Лейтенант выступил вперед с папкой в руках. Надрывая голос на ветру, чтобы его услышали осужденные и солдаты, Шельтон снова начал читать текст приговора. Через головы солдат Меджерсон видел холмистую даль, извилистую белую ленту Серебряной реки... И там, на дальней лесной опушке, появились подвижные черные точки. С каждой минутой число их возрастало....

Голос Шельтона смолк. Меджерсон не слышал ни

слова из прочитанного. Капитан Бернс достал из кармана красного мундира большой белый платок и неторопливо расправил его. Священник поднял распятие. Меджерсон смотрел на черный крест, чуть дрожавший в руке пастора; крест загораживал от Меджерсона дальний край долины, но позади черной перекладины, за рекой, тоже замелькали движущиеся точки... Нет, это уже не точки! Это крошечные фигурки конников! Они на карьере приближаются к форту!

Теперь их увидели уже все осужденные...

Бернс поднял свой белый платок. Сорок ружейных стволов поднялись двумя неровными рядами. Всадники были уже на противоположном берегу реки. Меджерсон заметил лафеты нескольких пушек. Запряженные четверками маленьких лошадок, вздымая пыль, они мчались вслед за всадниками.

На впалых щеках Меджерсона вспыхнул румянец. Страшным усилием он приподнял свою раненую руку.

— Возмездие идет! — крикнул он хрипло.

И кто-то из солдат непроизвольно обернулся на жест осужденного. В этот миг четверки коней с пушками уже сделали разворот. Менее полумили отделяло их от форта. Фигурки артиллеристов спешивались на ходу.

С поднятым в руке платком капитан Бернс тоже обернулся назад и поглядел за реку.

— Что это? Неужели детройтский отряд? О дьявол, чертовски похоже на ополченцев подполковника Кларка! Рота, пли!— не своим голосом заорал капитан.

Раздался жиденький залп, будто горох просыпался в жестянку; даже половина солдат не разрядила своих ружей. Затем стукнуло еще несколько одиночных выстрелов: это Гримльс, Венсли и Линс, выхватив ружья из рук солдат, стреляли навскидку. Один за другим осужденные упали на снег. Шеренги драгун смешались. Бернс с саблей в руке бежал по краю рва.

— Гарнизон, за мной! — кричал он истошно. — Боевая тревога! Артиллеристы, к орудиям!

Напирая друг на друга, солдаты ринулись к воротам; несколько человек свалились в ров и барахтались в глубоком снегу. У ворот уже заскрипели блоки подъемного моста, но механизм заело. Лейтенант Шельтон что-то орал, потрясая пистолетом. Первая бомба со свистом перелетела через частокол. Дружное «ура» понеслось со стороны долины. Гарнизон Бернса не успел еще ук-

рыться в крепости, как волонтеры[1] подполковника Кларка атаковали форт с четырех сторон. Они форсировали реку по льду и на плечах отступающих ворвались в ворота. Солдаты бросали ружья и сдавались. В пять минут гарнизон был обезоружен, и форт оказался в руках повстанцев.

Капитан Бернс молча протянул командиру отряда свою саблю. Высокий черноглазый подполковник Кларк в потертом мундире и старом парике презрительно наступил на эту саблю сапогом. Оставив своего помощника распоряжаться, подполковник вышел за частокол, где ничком лежали залитые кровью тела. Несколько волонтеров освобождали их от ножных оков.

Дик Миллс еще дышал. Кровь бежала из его пробитого плеча, нога была ранена, но сердце билось. Военный лекарь приказал тотчас же отнести его в лазарет. Остальные были мертвы. Подполковник обнажил голову, постоял с минуту и, вздохнув, пошел осматривать крепость. В верхнем блокгаузе сидели арестованные командиры форта. При появлении подполковника пять человек поднялись с мест. Капитан Бернс назвал имена лейтенанта Шельтона, сержантов Линса и Вилерса, капралов Гримльса и Венсли. Остался сидеть только грузный солдат с тупым, отекшим лицом. Мундир был ему узок и лопнул на спине.

— Кто это? — спросил подполковник.

— Солдат Енох Легерзен, наказанный за употребление водки, — поспешил объяснить Бернс.

— Заприте их всех в каземате, где содержались пленники, убитые ими, — распорядился подполковник и продолжал свой обход.

В том же блокгаузе он с удивлением услышал женский плач за дверью кладовой каптенармуса[2].

— Разве в форте были женщины? — полюбопытствовал Кларк. — Почему эта особа содержится взаперти? Приведите ее.

Перед подполковником предстала Камилла Леблан. Сквозь горячие слезы, сбивчиво и торопливо, она рассказала подполковнику все происшествия последних дней. Она уже знала от каптенармуса о расстреле

---

[1] Волонтер — доброволец, участник добровольного ополчения.

[2] Каптенармус — сержант, ведающий продовольственным и вещевым имуществом роты.

осужденных и порывалась вниз, взглянуть на тело своего жениха. Подполковник ласково утешил ее и велел отвести в лазарет. Военный лекарь вынимал пулю из ноги Миллса.

— Будет жить, — сказал лекарь. — Он еще повоюет.

Часа через два после того, как отряд волонтеров армии Вашингтона овладел фортом Голубой долины, в комнату блокгауза, отведенную Камилле Леблан, вошел, наклоняясь под притолокой двери, высокий незнакомый человек. Его темный камзол старомодного фасона перехватывала портупея шпаги, на сапогах с отворотами звенели шпоры; берет с пером вместо парика и шляпы прикрывал седые волосы незнакомца. Плащ, легко откинутый на плечи и засыпанный снегом, шелестел и развевался, как просторная одежда горцев.

Под его пристальным, немигающим взглядом Камилла смешалась и сразу поднялась навстречу седому незнакомцу. Его правый глаз сверкал живым молодым огнем, левый был странно неподвижным. Он учтиво поклонился смущенной девице и жестом пригласил ее занять прежнее место на деревянной скамье.

— Подполковник Кларк рассказал мне сейчас вашу историю, мадемуазель. — Незнакомец говорил по-французски с испанским акцентом. — Я старый друг мистера Мюррея и, слава богу, поспел сюда к решающим событиям. Мне удалось добраться до форта Массек и соединиться с отрядом Кларка. Вчера в ночь мы взяли штурмом форт Винсенс, отбив его у детройтских солдат губернатора Гамильтона. Враг разбит наголову и отступил к форту Майями. Марш Кларка был беспримерным, и день падения форта Винсенс — 14 февраля 1779 года — войдет в историю войны за независимость Американских Штатов. Подполковник должен немедленно вернуться в Винсенс. Спасти пленников Голубой долины из рук обманутых индейцев он поручил мне. Прошу вас, мадемуазель, расскажите мне подробно обо всем, что произошло в доме Мюррея в ту ужасную ночь.

Речь незнакомца была спокойной и властной. И Камилла не таясь рассказала о роковом вечере на ферме Мюррея и о приключении в саду после пира. Человек слушал ее молча, ободряюще кивал головой, задавал вопросы и поигрывал рукоятью шпаги.

Незнакомец уже стоял в дверях, готовый проститься, когда в коридоре раздались торопливые шаги и какой-то молодой волонтер резко рванул дверь.

— Простите меня! — Молодой человек смутился, заметив женскую фигуру в комнате. — Мне нужно немедленно сказать вам несколько слов, синьор Чембей.

Камилла вгляделась в лицо вошедшего и радостно ахнула:

— Боже мой, вы ли это, месье Ченни! Антони, миленький, дорогой Антони! Мы все считали вас давно погибшим!

Молодой человек с поразительной быстротой засвидетельствовал ей двумя поцелуями подлинность своей персоны. Затем он обратился к высокому незнакомцу:

— Синьор, комендант форта и еще шесть арестованных сбежали из крепостного каземата! Там, под ворохом соломы, оказался люк потайного подземного хода... Он выводит за ров, прямо к тому месту, где утром строились солдаты. В конце хода есть чугунная дверь. Мы нашли ее запертой. Значит, ключи были у арестованных. Пользуясь суматохой, они ушли незамеченными. Их след Карнеро взял уже на берегу.

— Вероятно, они попытаются добраться до становища индейцев, своих союзников. Мы должны их настичь. Где мои спутники-онондага Длинная Рука и Быстрый Олень?

— Они ждут ваших приказаний, синьор Чембей.

— Пусть берут любых лошадей, пускаются по следу беглецов и оставляют нам знаки... Ты, Антони, готовь мою негритянскую четверку. Найдите все, что я велел, не забудьте прихватить рупор... Через полчаса мы должны покинуть долину и догнать наших индейцев. Торопись, Антони!

Когда молодой человек бегом спустился вниз, синьор Чембей прикрыл дверь комнаты и весьма внушительно сказал Камилле:

— Мадемуазель, я рад, что вы встретили доброго друга, но по некоторым причинам его настоящее имя ни в коем случае не должно здесь стать известным. Называйте его синьором Антонио Карильо. Обещайте мне, Камилла, что вы никому не проговоритесь. Это может повлечь новые несчастья.

— Обещаю, — робко произнесла девушка.

4

Вдоль холмов и долин великой лесной пустыни ползли утренние туманы. С каменистых вершин холмов февральские ветры сдули снеговые шапки. Почернелые пятна снега виднелись только во впадинах. Из-под снега днем уже сбегали ручейки. Ночью они застывали, и в первых солнечных лучах чуть взблескивали среди осыпей впадины, словно слезы, застывшие в морщинах старого лица.

Искривленные стволы кедров и сосен на скалистых уступах боролись с зимними ветрами. И такою жизненною силою, такою цепкостью наградила природа эти деревца, что при весенних оползнях и обвалах корни их не расставались с почвой, и подчас самый ствол дерева раздирался пополам: часть его повисала над обрывом, а другая половина срывалась вниз вместе с оползнем. Цепкая это была порода, неуступчивая, и крепко держалась она за вскормившую ее каменистую землю!

Ниже, со склонов долин и холмов, выбегали на сотни миль вперед вековые леса. Там, где каменистое русло ручья расширялось в глубокую лощину, окруженную ельником, находилось становище племени Горного Орла.

Мужчин в селении оставалось мало. Младший сын Горного Орла, Дикий Вепрь, с полусотней воинов стерег вигвамы, запасы зерна и скот от лесных хищников и незваных гостей. Все остальные мужчины племени ушли с Горным Орлом в низовья Огайо.

— Белые хитры, и они враждуют между собой. Горный Орел мудр. Он не захочет лить кровь своих воинов ради того, чтобы помочь одним белым людям победить других белых людей. Пусть они сами истребляют друг друга огненной смертью, а индейцы будут вольно охотиться в своих лесах!

Так сказал на совете старейший сахем племени шавниев, и Горный Орел вооружил своих воинов и повел их в Голубую долину, чтобы во время военных действий между солдатами и колонистами индейцы не были застигнуты врасплох каким-нибудь тайным коварством белых людей, как это уже не раз случалось.

Мудры были Горный Орел и старый сахем, но злодейство белых убийц оказалось глубже вод и чернее змеиных нор! Через неделю прискакали конные гонцы с горестными вестями. Воины идут назад по военной тропе. Сражение окончилось победой. Но Горный Орел

и многие сыны племени возвращаются бездыханными к осиротевшим вигвамам. Все они пали жертвами коварства белых. Правда, кровь, пролитая убийцами, отомщена: поселок Голубой долины истреблен, и вереницу белых пленников воины гонят перед повозками. Но племя шавниев не хотело этой войны, и никакая добыча не возместит потери мудрого и справедливого Горного Орла.

С громким плачем выбегали из вигвамов вдовы, матери и сестры убитых. Они торопились навстречу длинному поезду. На огненно-золотистом коне, привязанный ремнями к седлу, Горный Орел, немой и недвижимый, совершал свой последний путь по лесным тропам. Следом за ним с высоко поднятой головой, украшенной орлиным пером, ехал Серый Медведь. И на длину сотен конских спин растянулась за ним вереница пленников, нарт и пеших воинов.

Старшины собрали все племя на широком кругу между вигвамами. Посреди круга стоял старый жертвенный столб «хозяину войны». Рядом с ним положили тела убитых; вдовы и матери причитали над ними. Поодаль от столба быстро вырос штабель бревен, толстых сучьев и хвороста. Большой костер должен был превратить в пепел останки Горного Орла и павших воинов, чтобы дух их мог легко вознестись в вечные охотничьи угодья. Там, в просторах вечности, никто не нарушит вольной охоты усопших индейцев, ибо в тех бескрайних лесах и прериях нет ни белых колонистов, ни капитанов-инглизов, ни американских подполковников!..

Ночью к вигваму Серого Медведя подошел индейский мальчик и стал у входа, ожидая, чтобы его позвали.

— Чего хочет от меня мой маленький друг? — спросил его Серый Медведь ласково.

— Тебя, Серый Медведь, желают видеть семеро белых мужчин. Они только что подошли к нашим вигвамам и спрятались в лощине. Их капитан ждет встречи с тобой, о вождь.

— Приведи их, — приказал Серый Медведь.

Через полчаса после беседы со своими семью ночными гостями вождь шавниев послал за Диким Вепрем и тремя лучшими следопытами племени.

— Этих семерых белых людей, — сказал Серый Медведь своему младшему брату, — нужно провести через леса к форту Майями. Перемените им лошадей. Пусть

они отдохнут в твоем вигваме, Дикий Вепрь, а завтра, перед рассветом, вы вчетвером поведете их к английскому форту.

В темной пещере, куда индейцы загнали своих пленников, собралось почти все уцелевшее население Голубой долины. Альфред Мюррей, раненый Эдуард Уэнт и Морис Вилье тихонько беседовали со старым доктором Вальнером. Все они с тревогой посматривали на каменные лица индейской стражи.

После полуночи в пещеру явился Волк Ущелья, пересчитал пленников и с непроницаемым лицом остановился среди пещеры, скрестив руки на груди. Морис Вилье шепнул доктору Вальнеру:

— По-видимому, наша судьба уже решена. Быть может, вы узнаете у этого красивого молодца, что нас ожидает? Это мой застольный сосед на злополучном банкете. Кажется, его зовут Волк Ущелья.

Нильс Вальнер, знавший несколько обиходных фраз на языке шавниев, подошел к Волку Ущелья:

— Белые пленники ждут, что решат индейские вожди. Они мирные люди. Они не виноваты. Солдаты обманули индейцев. Никто не хотел войны.

Волк Ущелья нетерпеливо прервал доктора:

— Ты — большой знахарь и жрец, но рассуждаешь подобно белым скваю. Эти басни для детей белая скваю вашего старшего сахема Мюррея пела мне на ухо по дороге. Я глух к этим речам. Мои глаза видели, что Горный Орел убит ножом двуличного хозяина, человека с улыбкой на лице и змеиной душой. Никто не входил в дом, кроме слуг убийцы. Нож белого хозяина остался в ране. От жажды мщения кровь кипит у всех воинов. Слушай, что решил совет старейшин. Утром на глазах у всего племени белые мужчины умрут у жертвенного столба. Это будет перед огненным погребением наших воинов, чтобы их мертвые очи могли порадоваться мукам убийц. Белые и черные скваю пойдут в вигвам воинов.

Хотя доктор Вальнер понял не больше половины сказанного, смысл последних фраз был ему достаточно ясен. Волк Ущелья смерил пленных взглядом, полным ненависти, и покинул пещеру. Эмили Мюррей сказала громко:

— Нужно найти в себе силы лишить жизни несчастных детей и покончить с собственной. Я не хочу до-

жидаться завтрашнего утра со всеми его ужасами. Бог простит нам это прегрешение, ибо положение наше безвыходно.

— Да простит он тебе твои безумные слова, бедное дитя! — раздался в темноте старческий голос. Синьора Эстрелла Луис, как древняя сивилла, простерла сухую руку к огню светильника. — Видите этот огонек? В солнечный день он был бы незаметен, а здесь, в глубине пещеры, этот слабый луч побеждает тьму. Не гасите в душе огонька надежды, пока в вас теплится жизнь. Никогда предчувствия не обманывали меня! Верьте мне: утро завтрашнего дня вернет нам солнце.

Слова старухи слышали все. Индейские воины с почтением смотрели на седую прорицательницу. Огонек светильника дрожал на ее лице, а выбившаяся из-под черной мантильи седая прядь отливала чистым серебряным блеском.

И, словно впрямь по тайному волшебству, колеблющийся огонек светильника вдруг затрещал, рассыпая искры, и запылал ярче прежнего.

Плотно утоптанная снежная площадка перед вигвамами была сплошь усеяна людьми. В вигвамах не осталось ни одного человека. Рядом со старым жертвенным столбом были за ночь вкопаны в плотный снег пять новых столбов. Под ними лежали кучи дров и хвороста. Старейшины и военачальники заняли посреди широкого круга зрителей средние почетные места. Позади воинов расположились женщины.

— Привести пленников,— приказал Серый Медведь.

Солнце поднялось над лесистой долиной. Длинные тени деревьев ложились на искрящийся снег. Пещера с пленниками находилась в трехстах шагах от лагеря, выше по склону долины. Воины поодиночке вывели пленников из черного зева пещеры. Осужденные увидели себя в кольце настороженных, враждебных глаз. Пленным женщинам и детям приказали сесть поодаль, на ювалленном дереве.

Серый Медведь указал пальцем на Альфреда Мюррея, Эдуарда Уэнта, хозяина обезьянки Томаса Бингля — индейцы считали этого юношу чем-то вроде чародея — и старого француза, месье Мориса Вилье. Миссис Эмили и Мери Уэнт пытались кинуться к осужденным, но воины силой вернули их на прежнее место.

— Прощай, Эмили! — крикнул Альфред Мюррей через головы своих охранителей.

Один из воинов замахнулся на него, но другой на лету удержал томагавк. Эдуард Уэнт только махнул рукой своей Мери и, прихрамывая, подошел к столбу.

Серый Медведь вгляделся в кучку пленных и остановил на каждом пристальный, оценивающий взгляд. Затем палец его указал на Диего Луиса. Мальчик стоял среди пленных мужчин, едва достигая до их подбородков. Презрительным жестом он оттолкнул руку воина, который хотел взять его за худенькое плечико, и сам пошел к пустующему столбу. Среди толпы прокатился ропот одобрения. Старая испанка крестила мальчика, не поднимаясь с колен.

Всех приговоренных привязали к столбам. Ноги их упирались в сложенные поленницы, и осужденные возвышались на толпою, словно на постаментах.

— Смерть белым убийцам! — закричали в толпе.

По знаку Серого Медведя десяток воинов с луками выступили вперед. Они вынули по стреле из колчанов и натянули тетивы. Пленные женщины закрыли лица руками.

Но лишь только крайний воин, сорокалетний брат Горного Орла, прицелился в маленького испанца, странный трубный звук пронесся над долиной и неслыханной силы голос, исходивший, казалось, с небес, произнес на языке шавниев:

— Остановитесь, воины! Хозяин жизни гневается на вас! Останови казнь, о Серый Медведь!

Вождь, уже поднявший было руку, чтобы последним сигналом прекратить пять дыханий, так и застыл в немом изумлении.

Удивительная процессия спускалась со склона долины. Среди голых кустов мелькали длиные белые одежды участников этого шествия. Впереди выступали два вестника-индейца с длинной черной трубой. Рядом с ними шел высокий юноша. Он держал на сворке громадного серого волка, каких никогда не бывало ни в лесах, ни в прериях. Позади них двигались четыре чернокожих великана. Лица их, цветом похожие на вороново крыло, были украшены полосками насечек от носа к ушам. Они держали на плечах носилки. На шеях у двух передних носильщиков висели барабаны. Ни у кого из участников шествия не было оружия.

Четыре атлета-негра опустили носилки на землю. Из

них вышел высокий человек в белой чалме на седых волосах. При этом один из вестников затрубил в свою трубу, а два передних негра что-то прокричали и ударили в барабаны. Юноша с волком властно раздвинул круг зрителей. Два задних носильщика склонились, подхватили полы одежды старика, и под оглушительные звуки трубы и барабанов шествие вступило в середину круга.

Глава пришельцев заговорил по-английски:

— Воины честного племени Горного Орла и ты, храбрый и справедливый Серый Медведь, выслушайте важную весть. Вы, ослепленные злобой, приговорили к жестокой казни ни в чем не повинных людей. Знай, Серый Медведь, что кровь твоего отца пролили не эти люди, а хитрые инглизы из военного форта.

Переводчик, индеец-онондага, начал переводить сказанное на язык шавниев. Серый Медведь нетерпеливо прервал переводчика:

— Кто ты, странный белолицый, и откуда ты можешь знать, от чьей руки пал Горный Орел? Тебя не было в Голубой долине, когда нож белого человека пронзил грудь нашего отца. Чем ты докажешь мне, что уста твои не говорят лжи?

— Маловерный! Это я докажу сейчас не одному тебе, а всему твоему народу!

И, обращаясь к телу Горного Орла, лежавшему на высоком погребальном костре, пришелец произнес:

— О мудрый вождь, чей дух сейчас свободно возносится в вечные охотничьи степи! Раны твои взывают к мести. Помоги своим осиротевшим детям настигнуть настоящих злодеев. Развяжите пленников, воины! Я сам стану к вашему костру. Подойдите ближе, чтобы все могли увидеть то же, что увижу я.

Пленников развязали, подчиняясь гипнотической силе, исходившей от этого колдуна, но, вместо того чтобы приблизиться к нему, передние зрители, тесня задних, стали отступать от середины круга. Колдун ждал, пока отойдет от столба маленький испанец. Вокруг незнакомого чародея уже образовалось широкое пустое пространство. Мальчик, разминая затекшие от веревок руки, прошел по этому пространству мимо колдуна.

Коленопреклоненная старая испанка выпрямилась и в порыве радости простерла руки навстречу мальчику. Обе ее молодые спутницы, пораженные безграничным удивлением, переводили взоры с чародея на молодого

человека, поводыря собаки. Не верил своим глазам и Альфред Мюррей. Но как не узнать этот голос, столько лет наполнявший все ущелья пустынного острова...

Белый чародей поднялся на помост, с которого только что сошел маленький испанец. Мальчик был уже в объятиях своей бабушки и не отрываясь глядел на незнакомца. Поразительно было сходство пришельца, стоявшего теперь у столба, с худеньким личиком Диего! Однако пришелец старался не оборачиваться с помоста в сторону мальчика и не ловить его пристального, удивленного взгляда.

Чародей кивнул своим спутникам. Пронзительная музыка трубы и барабанов возобновилась, но теперь к этой музыке присоединились еще восторженные крики пленных негров. Под этот адский шум и возгласы человек коснулся рукою своего левого глаза, слегка надавил веко и, к ужасу красных и черных зрителей... вынул собственный глаз! Держа глаз на ладони, он медленно поднял его над обомлевшей толпой. На кругу, еще более расширившемся, мгновенно наступило полное безмолвие. Звучал только металлический голос чародея, и переводчик-онондага вслед за незнакомцем неторопливо бросал слова в эту мертвую тишину:

— О Всевидящее Око, немеркнущий глаз, ты уже глядишь в прошлое. Для тебя нет сокрытых тайн. Ты возвестишь нам правду моими устами. Внимайте! Всевидящее Око показывает мне пир в доме Белого отца Голубой долины. Вот я вижу Горного Орла. Он сидит справа от хозяина дома. В руках у хозяина большой нож. Он режет им оленье мясо. Вот храбрый Волк Ущелья пирует рядом с французским колонистом. В дом пришли коварные инглизы из форта. На их устах улыбки, в сердце у них — клубок змей. Я вижу, как рыжеусый человек, которого зовут сержант Линс, тихонько подходит к маленькому столику в углу. Вспомни, о Серый Медведь, что лежало на этом столике! Ты припомнил, вождь? Отвечай мне.

— Слуги ставили там блюда и лишнюю посуду.

— Припомни лучше, о вождь!

— Стой! Там лежал черный нож хозяина!

— Верно, вождь! Всевидящее Око, веди меня дальше сквозь потемки прошлых дней! Я вижу, как уходят инглизы, а сержант Линс прячет под полою черный нож хозяина. Вот индейские гости заснули. Две тени крадутся из форта в сад Мюррея. Это изменник и перебеж-

чик сержант Френк Вилерс и его помощник предатель Енох Легерзен. О, я вижу, зачем они прокрались ночью в чужое владение; инглизы хотят, чтобы великая ненависть ослепила индейцев. И вот они крадутся, два злодея. Они взбираются на веранду. Ее сторожит черный человек, но он выпил много вина, и его голова падает на грудь. Он спит, а два злодея открывают окно. Вот они влезли в угловую комнату, вот зажгли свечу. О, страшная картина! Френк достает черный нож Мюррея и вонзает его в грудь Горному Орлу. Горе, горе, как течет кровь убитого! Злодеи погасили свечу. Вот вылез из окна Енох. Следом за ним выбирается Френк Вилерс. Они плотно закрыли окно. Сторож-негр по-прежнему спит, и злодеи скрылись. Куда они идут? Они идут к белому капитану Бернсу и получают от него награду за подлое убийство. Вот кто направил руку убийц! Но царь богов не может терпеть зло! Он посылает в Голубую долину двести храбрых воинов, чтобы наказать Бернса, а мне велит спешить к вигвамам индейцев и помешать казни невинных.

Капитан Бернс уже не командует фортом. Вот он сидит в крепостной тюрьме вместе со всеми своими пособниками... Но нет, семеро негодяев бежали из форта, чтобы скрыться от возмездия в глубине лесов. Неужели злодеи нашли приют в твоем вигваме, Серый Медведь? О обманутый сын Горного Орла! Ты дал им свежих лошадей, ты приютил у своего очага тех, кто омыл свои грязные руки в крови твоего отца. Сейчас они пробираются к английскому форту. Пошли за ними погоню, и ты настигнешь убийц.

Чародей вставил свой глаз на место. Невообразимый переполох поднялся в становище. Десятка два воинов уже вели коней. Через несколько мгновений только снежная пыль вилась над лесной тропой, ведущей вверх по долине.

Индейские воины провожали в обратный путь бывших пленников почти до самой долины. Всевидящее Око следил, как тронулась вереница путников. На легкие индейские нарты воины почтительно усадили старую женщину в черной мантилье... О, как хотелось незнакомому чародею броситься к этим санкам! Но враги еще не были схвачены... И Всевидящее Око со своей свитой остался ждать возвращения индейцев, пустившихся в погоню за беглецами из форта...

Ожидать пришлось до вечера. Уже в сумерках воины привели в становище шестерых новых пленников во главе с хмурым, встревоженным Бернсом. Он чуял, что неспроста была послана за ними погоня! Среди новых пленников не было только сержанта Линса: раненный в перестрелке, он скатился с высокого обрыва в снежный сугроб.

Серый Медведь заранее приказал перенести в свой вигвам тяжело раненного воина — Серебристую Лису, подобранного в ту злополучную ночь почти бездыханным в саду Мюррея. Его привезли в лагерь на нартах, и очнулся он уже в самом становище.

— Поведай мне, брат мой, — спросил его Серый Медведь, — как случилось, что ты один очутился раненым в саду белого сахема?

Серебристая Лиса слабым голосом рассказал, чему был свидетелем в ночь убийства Горного Орла.

— Позволь мне спросить твоего мудрого брата, о Серый Медведь, — попросил Бернардито, — смог бы он опознать в лицо тех двоих, что вылезли на веранду из комнаты Горного Орла?

— Луна светила в тот миг, — отвечал Серебристая Лиса, — и сбоку я видел этих людей. Возможно, что я мог бы их узнать.

Вскоре к вигваму подвели шестерых пленных. По знаку вождя их выстроили перед входом в вигвам, против ложа Серебристой Лисы.

— Повернитесь боком и пройдите по кругу, — приказал вождь.

И вокруг вигвама началось странное шествие. Серебристая Лиса пристально всматривался в лица пленников... Вдруг его палец, еще дрожащий от слабости, указал на Френка Вилерса...

— Он! — закричал раненый индеец со страстью. — И... он! — продолжал он, указывая на Еноха Легерзена.

Бернардито с торжеством взглянул на Серого Медведя. Тот поднялся с груды шкур и подошел к белому «чародею».

— Ты был прав, Всевидящее Око,—сказал вождь.— Теперь последние тучи сомнений рассеяны. Ты не обманщик индейцев, ты правдивый чародей. За то, что ты научил нас отпустить невинных и настичь настоящих убийц, ты стал мне братом и отныне войдешь в мой род. Дети

моего рода усыновляют тебя, Всевидящее Око, в могучем племени шавниев!..

...Когда «чародей» повелел наконец своим спутникам готовиться в путь, была уже ночь. Высоко над вершинами деревьев гасли в морозном воздухе искры погребальных костров, а на обугленных столбах чернели трупы Бернса, Еноха Легерзена, Шельтона, Френка Вилерса, Гримльса и Венсли.

5

В палате ротного госпиталя, где лежал выздоравливающий Дик Миллс, утром собрались колонисты долины, которым посчастливилось вернуться невредимыми из индейского плена: все они ожидали теперь прибытия из становища их загадочного избавителя.

Альфред Мюррей терялся в догадках. Не сам ли он раскапывал пещеру, где обвалом засыпало обоих островитян и Чарльза? Не сам ли он видел следы человеческих тел, обрывки окровавленной одежды? А живой Антони Ченни? Он-то с каких небес свалился в Голубую долину?

Диего Луис притих и в эту минуту отнюдь не был похож на маленького храбреца, каким он держался в продолжение всех тяжелых испытаний, сейчас это был просто смущенный и очень взволнованный мальчик.

Конские копыта уже прогремели на подъемном мосту. Вот голоса прибывших звучат ближе... Один голос резче и громче остальных... Голос воскресшего из мертвых! Синьора Эстрелла уронила свой платочек... Звякают косточки четок на запястье, а дрожащие старческие губы неслышно шепчут слова «Miserere»[1].

Доктор Вальнер прочел во взгляде Эмили, что некая давняя и прочная нить связывает семью Мюрреев, старую испанку и ее внука с таинственным пришельцем. Он понял: присутствие посторонних будет сейчас излишним. Старый врач победил терзавшее его любопытство и вывел остальных колонистов из комнаты. Перед ними мелькнул у дверей чеканный профиль. Незнакомец был в старом морском камзоле. Длинная шпага била его по ногам. Со склоненной головой он задержался на мгновение у порога. Спутник его, молодой итальянец, открыл перед ним дверь и, тихонько затворив ее за незнакомцем, остался у входа, словно часовой. Если бы доктор обладал способностью видеть сквозь стену, он запомнил бы

[1] Католическая молитва, посвященная мадонне.

на всю жизнь то, что происходило в этой комнате в первые минуты встречи!..

...Человек, чье имя самые бесстрашные называли с трепетом, лютый морской тигр, не проронивший за полвека ни единой слезы, плакал у ног сгорбленной старушки. Слезы, скупые, бесценные слезы сурового воина, блестели, западая в резкие морщинки, словно роса на старом камне...

— Матушка!

От этого шепота люди в комнате забыли собственные печали и заботы. Увлажнились глаза у обитателей притихшей больничной палаты...

— Смел ли я, старый, надеяться! Матушка, подведи ко мне сына!

Лоб ребенка, такой же высокий, как у Бернардито, был влажным. У мальчика подергивалась бровь, и от этого движения вздрагивала родинка в уголке правого века, крошечная, темная, отцовская родинка.

— Мальчик мой, обними своего отца! — Человек нетерпеливо смахнул слезу с бороды и улыбнулся сыну так широко и счастливо, как никогда еще не улыбался за всю свою долгую, горькую жизнь

— Сын! Диего Луис эль Горра! О смерть, как бессильно жало твое!

6

Тяжел был путь оборванного бродяги, пробиравшегося лесами к английскому форту Майями... Индеец-кайюга подобрал его в снегу, под речным обрывом. С помощью этого индейца человек добрался до форта. Через несколько недель он оправился от ранения и с группой солдат спустя месяц пришел в Детройт. А еще через полгода он увидел в Нью-Йорке синие волны Атлантического океана. Глубокой осенью 1779 года путник распрощался с капитаном английского брига, бросившего якорь в Бультоне...

...В холодный зимний вечер к замку в Ченсфильде прибыл одинокий пешеход с обветренным лицом. Он потребовал допуска к самому лорду-адмиралу.

— Передайте милорду, — сказал он камердинеру, — что его спрашивает посланец капитана Бернса, да будет земля ему пухом. Я привез кое-какие вести из Америки. Сам я чудом спасся из рук индейцев. Меня зовут Вильям Линс. Я был сержантом в гарнизоне Голубой долины.

Камердинер с сомнением посмотрел на бывшего сержанта.

— Едва ли милорд примет вас сегодня, мистер Линс. У него уже сидит посетитель, тоже издалека. Прибыл нынче с почтовой каретой. Попробую доложить о вас, но не ручаюсь, мистер, не ручаюсь!

Через несколько минут Линса позвали в охотничий кабинет. Он увидел графа Ченсфильда, который стоя прощался с высоким моряком. Лорд-адмирал жестом указал Линсу место у камина, а сам сделал несколько шагов к двери, провожая собеседника.

— Мистер Лорн, я вижу, что путешествие очень утомило вас. Когда вы отдохнете, мы возобновим беседу, и я надеюсь услышать что-нибудь более серьезное, чем сказки для детей. Ей-богу, вы развлекли меня! Остров мертвецов! «Летучий голландец»! В наш трезвый век эти вещи не пугают даже детского воображения. Ложитесь спать, и утром поговорим серьезно.

Собеседник милорда отвернулся. Лицо его нахмурилось, и белый шрам на лбу посинел. Он молча взялся за ручку двери.

— Да не сердитесь, мистер Лорн. Мне, право, жаль, что нервы изменили вам. Я вас впервые вижу таким. Завтра мы посмеемся с вами над этими сновидениями...

— Едва ли вам и завтра удастся развеселить меня, милорд, — отвечал Джозеф Лорн свирепо. — Хотел бы я посмотреть, как бы вы смеялись, когда по волнам пролетел этот проклятый корабль призраков... Я хотел пощадить ваши чувства, но насмешки выводят меня из терпения. Знаете, кто стал капитаном «Летучего голландца»? Оно страшнее самой смерти, это привидение! Смейтесь, если вам угодно, но Трессель и Ольберт так же ясно, как и я, разглядели на мостике призрак Бернардито.

Рука милорда чуть-чуть дрогнула, но он принудил себя улыбнуться.

— Поднимитесь в мой верхний кабинет и подождите меня там. Я должен побеседовать с человеком из Голубой долины.

Джозеф Лорн не успел снова протянуть руки к двери — она распахнулась. Камердинер почти упал внутрь кабинета от чьего-то весьма решительного пинка. Полковник Бартольд, комендант бультонского гарнизона, без приглашения появился в кабинете.

— Простите мне, милорд, это насильственное вторжение и даже тумак, нанесенный вашему нерасторопному камердинеру, но я прибыл с неотложной вестью. Сэр, только что получено чрезвычайно прискорбное сообщение! Ваш боевой карабль «Окрыленный», краса и гордость всех британских каперов, полтора месяца назад захвачен или потоплен неизвестным судном. Боюсь, сударь, что вы сочтете меня суеверным человеком или просто шутником, но полученное сообщение гласит, будто сам «Летучий голландец» столкнулся с «Окрыленным» в африканских водах.

— Какие подробности известны о катастрофе? — спросил милорд хрипло, потирая вспотевший лоб.

— Мне трудно повторить их, не вызывая вашего тягостного недоумения. Донесение поступило от коменданта Капштадтского порта. Гибель капера наблюдали моряки одной голландской бригантины под названием «Ден Хааг». Эта бригантина шла из Ост-Индии с грузом для Новой Англии. Капер «Окрыленный» выследил ее, взял на прицел и просигнализировал приказ остановиться. Дело происходило в двухстах милях западнее мыса Доброй Надежды, безлунной ночью. Капитан бригантины уже приготовился к отражению абордажа, как внезапно из ночного мрака возник светящийся корабль-призрак. Бушприт его врезался в рангоут «Окрыленного». Целый сонм чудовищных привидений беззвучно перелетел на борт капера, и среди экипажа началась безумная паника. Матросы бросались в воду, а на палубе металось какое-то чудовищное животное, вроде исполинского волка. Затем корабль-призрак как будто ушел в пучину, а «Окрыленный» бесследно растворился в тумане. Через час капитан бригантины решился обследовать место гибели и подобрал из воды трех человек. Двое из них, пробыв несколько суток между жизнью и смертью, пришли в себя; они оказались матросами «Окрыленного» и подтвердили то же, что экипаж бригантины наблюдал издали. Третий спасенный все еще в горячке. Матросы узнали в нем своего капитана Блеквуда. Капитан голландской бригантины привел свой корабль в Капштадт. Моряк был сам весьма смущен этим чудесным спасением благодаря появлению земляка-призрака и даже не рискнул вознести за него благодарственную молитву, ибо не знал, будет ли она угодной господу... В Капштадте комендант форта заставил капитана бригантины и обоих очнувшихся матросов с «Окрыленного» подтвердить все

виденное под присягой. Извольте прочитать подлинный рапорт капштадтского коменданта. Он пришел в Бультон всего два часа назад, и я почел долгом...

— Благодарю вас, — сухо сказал граф и поторопился выпроводить всех своих посетителей, кроме Лорна.

Оставшись с глазу на глаз с моряком, граф положил руки на плечи Лорну и быстро зашептал ему на ухо:

— Слушай, Джузеппе, поезжай-ка быстрее в Бультон. Там, в порту, недавно открылась маленькая католическая часовня. В ней есть священник, старый монах, отец Бенедикт Морсини. Это старик из часовни в Сорренто, ты помнишь его?.. Я тебе потом как-нибудь расскажу, как этот отец Бенедикт попал сюда. Он, верно, посланец тайного ордена; в Италии почва стала горяча для отца-иезуита. Он обосновался здесь, и я построил ему часовню. К черту протестантский собор со всеми его попами! Ступай закажи старику ночную мессу, и мы вдвоем с тобой отстоим ее в капелле. Мы помолимся богу о наших грешных душах... Поторопись, Джузеппе!

Вокруг Скалистого острова гуляли океанские ветры. Тучи плыли над ущельем в горах. Но ущелье уже не было пустынным и безлюдным. Там, где горы раздвигались и поток разбивался на несколько рукавов, вырос поселок. Он носил название «Буэно-Рио» и состоял уже из трех десятков домов.

Сорок матросов капера «Окрыленный» во главе с боцманом Джоном Бутби уцелели после рокового столкновения капера с «Летучим голландцем» и составили часть населения острова. Воды бухты отражали теперь стройный корпус и высокие мачты «Окрыленного». На берегу возродился негритянский поселок, где жил экипаж «Африканки», затонувшей при ночном абордаже.

На месте развалин старой хижины островитян было сложено довольно большое строение из камня, скрепленного расплавленным свинцом. Дом напоминал постройки средневековой Испании. В саду этого дома вечерами играли три мальчика, всегда одетые в одинаковые костюмы. Огромная собака и маленькая обезьянка принимали в этих играх самое деятельное участие. Мальчики играли в индейцев, пиратов или охотников на леопардов. Они истребляли неисчислимое количество солдат капитана Бернса в образе крапивных зарослей за оградой.

Капитан Бернардито привел в порядок поднятую со дна яхту «Элли». Судно, уже починенное и окрашенное, служило теперь для увеселительных прогулок. Старое название яхты было густо замазано, а новое еще не придумано.

Однажды вечером, уже в темноте, Бернардито различил какую-то странную возню на борту яхты. Он шел по берегу вместе с Доротеей. Шлюпка с «Окрыленного» стояла на приколе. Капитан усадил в нее Доротею и тихо повел шлюпку к борту яхты. У форштевня он заметил свет фонаря. Бернардито подвалил к корме и поднялся на борт. Он уже давно догадывался, кто хозяйничает на корабле, однако удивился, застав своих питомцев за необычным занятием. Фонарь освещал ведерко с краской, а трое мальчиков наматывали тряпку на малярную кисть.

Бернардито стал в тень и прислушался. Мальчики отложили кисть. Лица их были измазаны краской, а глаза горели от возбуждения. Словесный спор, возникший между ними, грозил продолжиться уже другими средствами. Но старший из мальчиков, мистер Томас Бингль, предложил решить спорный вопрос жеребьевкой.

Этого мальчика, которому капитан Бернардито был обязан спасением в Пирее своего сына, мистер Мюррей отпустил из Голубой долины на остров Чарльза. Капитан взял слово с Мюррея, что весть о «воскрешении» старого корсара останется тайной, и посвятил его в свои дальнейшие планы... В лице Томаса Бингля Бернардито обрел третьего сына.

...Теперь на глазах у капитана, тайно наблюдавшего за мальчиками, юный Томас Бингль что-то старательно писал на трех клочках бумаги. Затем бумажки были основательно скатаны, придирчиво освидетельствованы и опущены в берет. Три руки одновременно схватили по бумажке.

Первым расшифровал собственный почерк сам автор записок.

— Я буду Маттео Вельмонтес! — провозгласил он торжественно и веско.

Черные глаза Чарльза засверкали радостно. Он пустился на палубе в пляс.

— Как я и хотел, как я и хотел! Я буду Алонсо де Лас Падос! Только теперь, чур, уж ничего не менять! Диего, ты, значит, будешь Одноглазым Дьяволом!

— Ну что ж, — вздохнул Томас, явно претендовавший сам на указанную роль. — Ладно! Давай прими нашу кровавую клятву, Одноглазый Дьявол Бернардито!

...Прижизненно разжалованный капитан тихонько вернулся на корму. Дома он вместе с женой часа два дожидался возвращения «братьев-мстителей» из их таинственного рейда. В этот вечер они ничего не объяснили капитану, но утром, чуть ли не на рассвете, подняли Бернардито на ноги и привели к берегу. Над форштевнем яхты, выведенная не слишком аккуратными малярами, красовалась надпись: «Толоса».

Капитан потрепал ночных живописцев за вихры и поднял всех троих в воздух. Старое братство капитана Бернардито возрождалось в новом составе!

Часть III

СОЛНЕЧНЫЙ ОСТРОВ

Глава девятнадцатая

«ТРИ ИДАЛЬГО»

Назад с тоскою он взглянул
И по тюрьме своей вздохнул.

Байрон

1

Человек ходил по тюремной камере.

Четыре шага в длину, три шага в ширину. Окно в полукруглой передней стене — на высоте трех с половиной ярдов: даже на цыпочках не дотянешься руками до подоконника. Но после обеда солнечный луч падал на оконную решетку, проникал в камеру и освещал каменные плиты пола. Чем ниже садилось солнце, тем выше скользил по стене золотой луч. К вечеру он становился багряным и угасал на полукружье потолочного свода, как раз над дверью. Дверь была железной, с небольшим оконцем и круглым «глазком», снаружи защищенным маленькой медной крышкой. Камера под номером четырнадцать помещалась в юго-западной башне бультонской тюремной крепости. Старая крепость высилась на крутом холме, к северу от городских предместий, среди таких же серых, как стены самой тюрьмы, прибрежных камней Кельсекса.

Ночами шум реки усиливался. Казалось, волны пенились под самым основанием башни. Было слышно, как на дне скрежещут и ворочаются камни — обломки береговых утесов. Камни... Вот уже много лет каторжники дробят эти скалы и в тачках катят гравий и булыжник вверх, по узким доскам, ссыпают его в штабели, и растущие пригороды Бультона украшаются новыми мостовыми...

Но узник четырнадцатой камеры не участвовал в этих работах. Он не покидал стен тюрьмы уже десятый год. Его выводили дважды в неделю только на тюремный двор. Дважды в неделю он видел над собою небо и слушал дальний рокот океанского прибоя. Прогулка длилась полчаса, а затем человек снова начинал свое путешествие по камере.

В юности он видел белку в большой решетчатой клетке. Кругообразным движением, распушив хвост и задевая им прутья решетки, белка с утра до вечера но-

силась по клетке, как заведенная: с пола на нижнюю жердь, потом на верхнюю, под крышей, затем прыжком на пол — и снова на нижнюю жердь. Человек вспоминал этого зверька все десять лет. Сам он делал четыре шага вперед, от двери к окну, два шага в сторону, пять шагов в угол, два шага к двери, и цикл начинался сызнова. Тринадцать шагов, тринадцать движений, и занимали они семь секунд.

Эти секунды, повторенные сотни раз, складывались в часы. Бесконечные ручейки убитых тюрьмою часов стекались в однообразные потоки суток, а месяцы были словно озера стоячей воды. Человек старел и менялся: река времени обтачивала его, как воды Кельсекса обтачивали каменья. Год шел за годом, а впереди все еще оставался безбрежный океан тюремных лет, и переплыть его казалось невозможным...

Человек уже давно не видел снов про волю. В первые годы заключения мысль о свободе доводила его до исступления, и кажую ночь он совершал во сне отчаянные побеги, попадал в знакомые места, отбивался от погони и просыпался в поту. Потом чаще и чаще стали приходить ему на память картины детства, и недавнее прошлое отодвигалось, заволакивалось туманом и становилось неправдоподобным и чужим, как прочитанная без интереса книга.

Первые месяцы заключения были самыми трудными, и в это тяжелое время судьба послала узнику товарища.

Из подземелья замка Шрусбери был переведен в бультонскую тюрьму некий отставной французский капитан. Из-за переполнения тюрьмы, как пояснил надзиратель Хирлемс, его поместили в одну камеру с молодым узником и, узнав друг друга ближе, временные соседи подолгу беседовали и делились рассказами о прошлом.

Узник был вдвое моложе своего товарища, но тому предстояло провести в тюрьме всего два месяца, затем он должен был в течение суток покинуть пределы Англии. Француз очень заинтересовался службой соседа в доме некоего важного лорда, но молодой человек становился при этих вопросах глухим и немым и молчал до тех пор, пока собеседник не избирал другой предмет обсуждения. Эта недоверчивость узника усилилась и в конце концов превратилась в тайную, хорошо скрытую неприязнь к соседу, когда тот в состоянии сонного бреда проговорился о цели своего далеко не случайного пребы-

вания в камере номер четырнадцать. Узник давно знал обычай ловких тюремщиков подсылать к заключенным так называемых «наседок» и убедился, что в лице француза он имеет дело с птицей именно такого рода. Сообразить, по чьей воле она избрала своим гнездом данную камеру, было нетрудно.

Своим осторожным поведением и кое-какими басенками, рассказанными французу будто бы в приливе откровенности, молодой человек, вероятно, успокоил некую сиятельную особу, ибо после исчезновения отставного капитана узник не видел в камере иных лиц, кроме тюремных надзирателей.

Изредка он получал от них кусок бумаги, карандаш и акварельные краски, садился к железному откидному столику и рисовал цветы, животных и пейзажи. Делал он и портреты своих охранителей. Надзиратель немедленно отбирал рисунок и дарил его своей дочери, а иной раз обменивал его на табак или стакан бренди. За эти рисунки узнику тайком приносили книги. «Утопию» Томаса Мора и «Город Солнца» Фомы Кампанеллы[1] он знал целиком страницами наизусть...

Сегодня человек быстрее обычного ходил по камере, с трудом сдерживая волнение. Темное оконное стекло отражало огонек фонаря, горевшего в камере, но уже через час дальний край летнего неба должен был порозоветь; близилось утро 14 июля 1789 года, а с ним — и окончание тюремного срока: ровно десять лет назад после полугодового следствия суд вынес свой приговор. И ровно десять лет без четырех часов узник просидел, прошагал и проспал в камере номер четырнадцать.

Выпустят, не выпустят?.. На ходу он закрывал глаза, делал шаг и смотрел под ноги: если ступня покрыла пятнышко на полу, значит, выпустят, если нет... Пятнышко оказывалось только наполовину под подошвой, и узник, закрывал глаза, повертывался к окну и разыскивал в небе знакомую звезду: если светит звезда — выпустят, если скрыта облаком — опять будет длиться тюрьма...

---

[1] Томас Мор (1478—1535) — гениальный английский гуманист и общественный деятель; казнен по приказу короля Генриха VIII. Изложил свои коммунистические взгляды в книге «Утопия», оказавшей огромное влияние на развитие мировой социалистической мысли; Фома Кампанелла (1568—1639) — итальянский коммунист-утопист. Провел в тюрьмах двадцать семь лет. В своем «Городе Солнца» нарисовал утопическое идеальное государство на одном из островов Тихого океана.

Когда на решетку садился воробей, узник замирал: клювиком или хвостиком повернется к нему птичка?.. Так истекал час за часом...

Бесконечные ряды цифр терзали мозг человека. То он высчитывал десятки и сотни тысяч миль, пройденных им по камере; то измерял заработок, который накопился бы у него за это время; то переводил в часы и минуты свой арестантский стаж.

Наконец свет фонаря сделался бледным и ненужным в голубых лучах вновь рожденного дня. Узник, оторванный от внешнего мира, не ведал, что наступившее утро оказалось последним утром в истории более грозной тюремной крепости. В этот день мрачная парижская Бастилия разделила участь лондонского Флита и Ньюгейта[1], разрушенных народным возмущением девять лет назад. Но бультонский узник ничего не знал об этих событиях. Он не ведал, что великий народ за Ламаншем уже распрямил свои плечи, что там началась революция и власть короля становится день ото дня все более шаткой. Узник обитал в тесном мире, и только мечта о Городе Солнца, светлом городе без тюрем и страдальцев, еженощно раздвигала перед ним трехфутовые каменные стены...

По цвету неба человек видел, что бультонское солнце уже взошло. Тюрьма просыпалась. О, как изучил он все ее звуки, утренние, вечерние, ночные!.. Вот в конце коридора послышались шаги надзирателя... Замок в дверях камеры брякнул...

Перед майором Древверсом, начальником бультонской тюрьмы, стоял, понурившись, немолодой изможденного вида человек в хорошем платье старомодного покроя.

— Джордж Бингль, он же Эдуард Мойнс, ваше благородие, — доложил начальнику тюремный писец.

— А-а-а, бывший четырнадцатый номер! Здравствуйте, мистер Бингль. Поздравляю вас; вы свободны. Хочу выразить надежду, что суровый урок пойдет вам на пользу. Поведение ваше можно признать образцовым, поэтому я верю в ваше раскаяние и исправление. Одно

[1] Во время лондонского восстания 1780 года Флитская и Ньюгейтская тюрьмы были разрушены. В английской художественной литературе эти события нашли отражение у Диккенса (роман «Барнебю Радж»). Впоследствии тюрьмы Флит и Ньюгет были восстановлены.

высокое лицо в городе повседневно проявляло заботу о вас на протяжении всех этих лет. Та же высокая особа благоволила выразить пожелание, чтобы администрация тюрьмы подыскала вам подходящее занятие после освобождения. Поданное вами ходатайство о выезде за границу пока отклонено, мистер Бингль. Пусть это вас не огорчает, ибо за границей сейчас неспокойно, а у нас вы будете устроены на хорошей службе. Мы оставляем вас при тюрьме в должности писца и портретиста. Вашей главной обязанностью будет изготовление портретов вновь поступающих арестантов. В год вы будете получать сто тридцать фунтов. Служба не обременительная. Она позволит вам иметь дополнительный заработок. Жить вам придется здесь, в том же здании, где квартируют надзиратели. Правда, здание тоже ограждено стеной, но полагаю, что это стало для вас таким же привычным, как и для нас, не так ли?

Человек, покинувший камеру номер четырнадцать, хранил молчание, и майор Древверс пристальнее вгляделся в него. Это был сутулый, преждевременно состарившийся человек с редкими, наполовину седыми волосами, облысевшим лбом и прозрачной белой кожей, напоминающей кору тех чахлых березок, что произрастают на болотистой почве. Трудно было на взгляд определить его возраст. Потухшие глаза, окруженные синевой. Ввалившиеся щеки. Острый, плохо выбритый подбородок с проседью в рыжеватой щетине. Худые, костлявые пальцы с ревматическими шишечками на сгибах... На вид лет сорок семь, пятьдесят... Но майору не было нужды гадать. Документы Джорджа Бингля лежали на столе. Человек родился в ноябре 1758 года. Ему еще не исполнилось тридцати одного.

— Благодарю вас, господин майор.— Голос звучал глухо, словно в земляной пещере. — По-видимому, моего согласия не требуется? Разрешено ли мне выходить из пределов крепости?

— Вы поступите благоразумно, если воздержитесь от излишних знакомств и продолжительных прогулок. Характер ваших будущих обязанностей налагает на вас некоторые... ограничения.

— У меня нет ни родственников, ни друзей. Выполнить ваше пожелание не составит для меня труда...

Ответив на рукопожатие будущего шефа, Джордж Бингль отправился вслед за тюремным стражником на свою новую квартиру. Алебардщик и два карауль-

ных солдата у ворот с любопытством поглядели ему вслед.

Миновав тюремные ворота, Бингль проследовал за стражником вдоль каменной стены, ограждавшей здание конторы и жилища надзирателей. Перед железной калиткой стражник остановился. Калитка заскрипела уже не столь пронзительно, как тюремная...

Внутри ограды находился унылый дворик, где полдюжины худосочных тополей напоминали узников, выпущенных на прогулку из бессолнечных недр крепости. В домике, окруженном этими деревцами, жил начальник тюрьмы. В противоположном углу дворика, примыкая к высокой тюремной стене, высилось кирпичное трехэтажное строение, вмещавшее весь служебный штат крепости.

Новый служащий бультонской крепости получил во втором этаже кирпичного дома две комнаты с маленькой кухней. Квартира была холодной даже в июльский полдень. Обстановкой она мало отличалась от камеры номер четырнадцать. Стражник водрузил мешок Джорджа посреди «гостиной» и пояснил, что этажом выше квартирует одинокий клерк, чья служанка готова за умеренное вознаграждение распространить заботы и на мистера Бингля.

Джордж Бингль выслушал стражника довольно рассеянно, поблагодарил и закрыл за ним дверь. Как ни убоги были грязные стены и немытые окна, все-таки он был у себя дома! Он мог здесь сам отпереть или запереть дверь. Он мог властно остановить перед своим порогом весь остальной мир и сказать ему: «Стой! Здесь распоряжаюсь я один»! Он мог по собственному желанию шагнуть через порог и сказать миру: «Вот и я!»

Этими неоценимыми гражданскими правами британца Джордж Бингль не преминул воспользоваться. Он шагнул через порог и запер на ключ двери собственного жилья. Неуверенной походкой он спустился по лестнице, пересек двор, похожий на монастырские дворы, и вышел мимо солдата за ворота. Дорога вела вниз, извиваясь между нагромождениями камней. Небо показалось ему ослепительно ярким, как небо Города Солнца, а ветерок свободы, осторожно перебиравший его непокрытые волосы, взволновал его до слез. Когда он спустился с холма, каменистые осыпи сменились землей и травой. За поворотом дороги блеснула река. Среди прибрежных

скал открылась небольшая зеленая лужайка. Ручей, сбегающий в Кельсекс, делил ее пополам.

Джордж Бингль с дрожащими от усталости коленями добрался до лужайки, присел на траве и поцеловал первый встреченный им одуванчик.

2

Гостиница «Белый медведь» стала лучшей на всем английском Севере. Здесь останавливались, принимали пассажиров и сдавали почту дилижансы и кареты с «королевского тракта» на Лондон. Полдюжины местных дилижансов никогда не имели недостатка в пассажирах из Ченсфильда, Тренчберри и других бультонских предместий. Хозяину отеля мистеру Вудро Крейгу пришлось даже купить соседнее здание для постоялого двора — пристанище экипажей, кучеров, кондукторов и почтальонов, а над двухэтажным домом самой гостиницы возвести еще один этаж с комнатами для гостей. Но настоящей «душой» этого образцового отеля сделался некий укромный двухэтажный особнячок, который помещался в глубине сада гостиницы. Ограда тенистого бокового дворика делала экипажи посетителей особнячка невидимыми с улицы. К их услугам был также особый вход из тихого переулка Ольдермен-Кросс.

В верхнем этаже обитал сам владелец, мистер Вудро Крейг. Посетители находили приют в безвкусно убранных комнатах нижнего этажа. Предусмотрительный архитектор столь удачно разместил входы и выходы, что возможность случайной встречи двух гостей исключалась. Нижний этаж никогда не пустовал; в стенах его часто менялись весьма различно одетые субъекты. Иные являлись через неприметные двери со стороны переулка, вели себя в задних комнатах непринужденно; здороваясь, они изо всех сил хлопали друг друга по плечу и никогда не совались без приглашения в парадную половину особняка. Они всегда находились в ожидании разного рода деликатных поручений хозяина дома. Иного рода посетители с оглядкой подходили к подъезду, робко дергали сонетку звонка, переминались в вестибюле и, будучи приглашенными в приемные комнаты, несмело выкладывали свое дело хозяину или его главному компаньону. Робкие посетители были клиентами «юридического бюро» мистера Крейга. К его услугам прибегали частные лица, предприниматели, ком-

мерсанты, деятели бультонского суда и полиции. Последняя оказывала полуофициальному юридическому учреждению столь же полуофициальную поддержку; работники бюро заслужили себе в деловом мире репутацию искусных мастеров сыскного дела. Эта добрая слава распространилась за пределами Бультона, перешагнув даже Ламанш. Поэтому гости мистера Крейга иногда бывали облачены в непривычные для северянбританцев костюмы и часто появлялись прямо с палубы прибывшего в Бультон корабля.

Именно к числу таких посетителей принадлежал господин в длиннополом плаще, похожем на монашескую сутану, и круглой черной шляпе. Покинув наемный экипаж перед фасадом особняка в Ольдермен-Кросс, господин надел на нос очки и вгляделся в начищенную до блеска дощечку с надписью:

ЭСКВАЙР В. КРЕЙГ И М-Р А. КРЕМПФЛОУ.

Эсквайра В. Крейга приезжий не застал: этот джентльмен в данный момент поправлял свое здоровье в графстве Соммерсет, на прославленных минеральных источниках курорта Бат. Посетитель был приглашен в довольно пышный кабинет мистера А. Кремпфлоу и увидел свою карточку в руках пожилого франтоватого человека, восседавшего в массивном кресле. К высокому научному званию, обозначенному на карточке, мистер Кремпфлоу остался, по-видимому, глубоко равнодушным.

— Синьор, — заговорил посетитель, — корабль «Сант-Марко», следующий из Гамбурга в Венецию, стоит вторые и, увы, последние сутки в Бультоне. Лишь сегодня я узнал от нашего капитана о существовании конторы мистера Крейга. По совету капитана я посетил портовую таверну «Чрево кита», но ее теперешний владелец, мистер Уильям Линс, отослал меня сюда. К сожалению, мистер Крейг, как я узнал, в отъезде?

— Я ближайший его компаньон. Можете изложить свое дело мне. Полагаю, что мы уладим его быстро, к вашему полному удовольствию, доктор Томазо Буотти. — Голос мистера А. Кремпфлоу звучал несколько хрипло и не отличался приятным тембром.

— В течение последних лет я объехал несколько стран Европы, — пояснил посетитель. — Сейчас я возвращаюсь из Германии. Целью моих путешествий яв-

ляются розыски одного лица... Скажите, ваше бюро принимает такого рода поручения?

— Бюро принимает любые поручения, если клиент быстро покрывает расходы.

— О покрытии расходов мне хотелось бы поговорить под конец нашей беседы... Вам, синьор Кремпфлоу, не приходилось ли слышать имя Джакомо Молла?

— Мне приходится слышать такое количество имен, что голова моя треснула бы, если бы я вздумал их запоминать, — изящно высказался компаньон мистера Крейга. — Кто он такой, этот Молла, и по какой причине вы его преследуете?

— Вы неверно истолковали мои слова, синьор. Я разыскиваю Джакомо Молла не с целью повредить ему, а напротив, чтобы сделать его наследником огромного состояния. Достаточно вам сказать, синьор Кремпфлоу, что человек, который только указал бы местонахождение Джакомо Молла или его прямых наследников, получил бы от лица, уполномочившего меня вести эти розыски, десять тысяч итальянских скуди...

Лицо мистера Кремпфлоу стало приветливее.

— Готов прозакладывать свою голову, что, живой или мертвый, Джакомо Молла, где бы он ни находился, будет представлен вам, если наша фирма примется за розыски. Позвольте узнать, дакт[1], что за персона так заинтересована в этом деле?

— Этого я, к сожалению, не имею права открыть, иначе мы давно прибегли бы к публикации в газетах. Мой высокий покровитель желает...

— По рукам! — нетерпеливо прервал Кремпфлоу доктора. Десять тысяч скуди, воодушевив мистера Кремпфлоу, не сделали его вежливее. — Контора принимает ваше поручение. Я беру его в собственные руки. Какие данные о синьоре Джакомо Молла вы можете сообщить мне? Есть у вас его изображение?

Доктор Томазо Буотти вынул из бумажника и протянул собеседнику миниатюрный овальный портрет, выполненный на эмали. Миниатюра изображала красивую женщину, прильнувшую щекой к личику мальчика лет пяти; у мальчика был упрямый рот и темные глаза. Обшитый кружевом ворот сорочки обнажал шею, и над левой ключицей ребенка темнела большая родинка.

— Синьор Джакомо с матерью, синьорой Франчес-

[1] Дакт — разговорное сокращение слова «доктор».

кой Молла, некогда знаменитой тосканской певицей. Более поздних изображений синьора Молла, к сожалению, не сохранилось.

— Эй, Слип! — крикнул Кремпфлоу, приоткрывая дверь в соседнее помещение.

— Я здесь, сэр!

Из соседней комнаты появился мистер Слип, полнеющий мужчина с крысиными глазками.

— Слип, возьмите мою двуколку и в полчаса доставьте мне сюда этого... мистера Бингля, знаете, из... серого отеля. Пусть он захватит акварель и кисти.

Посланец мистера Кремпфлоу понимающе кивнул и удалился из кабинета бодрой рысцой.

— Рассказывайте, дакт, все, что еще известно о Джакомо Молла.

— До пяти лет он вместе с матерью жил в Венеции, во дворце графа Паоло д'Эльяно. В 1743 году синьора Франческа Молла покинула это палаццо. Однако, синьор, доверить вам дальнейшие сведения я могу лишь под строжайшим секретом. Джакомо Молла, по-видимому, чувствует себя смертельно оскорбленным и, быть может, сознательно скрывается от особы, столь заинтересованной в его розысках. Малейшая неосторожность может погубить плоды всей моей кропотливой предварительной работы...

...Доктор Буотти поведал собеседнику все, что в течение долгих лет он успел выяснить о судьбе самого Джакомо, его матери и отчима. Однако имени лица, заинтересованного в розысках, он пока не назвал. Доктор поведал собеседнику о своем знакомстве с приемной матерью Джакомо — Анжеликой Ченни. Компаньон мистера Крейга выслушал доктора с тем выражением презрительного превосходства, с каким модные врачи выслушивают родственников пациента.

— Позвольте спросить, а вашего старого знакомого, доктора Грейсвелла вы разыскали в Бультоне?

— Август — неблагоприятное время, синьор Кремпфлоу, для городских визитов: Рандольф Грейсвелл, увы, уехал отдыхать в Нормандию. Я оставил ему только короткое письмо и карточку.

Мистер Слип ввел в кабинет новое лицо. Это был пожилой, болезненного вида человек. Мистер Кремпфлоу, не предлагая новому гостю стула, вручил ему миниатюру и предложил тут же изготовить с нее акварельную копию, а затем повторить в масле.

— Боже мой, это займет слишком много времени! — воскликнул синьор Буотти. — Через три часа я должен быть на борту «Сант-Марко». Вечером он поднимет якорь.

— Не беспокойтесь, акварель будет готова в течение часа, а масляная копия может быть сделана с акварели. Бингль, приступайте к делу.

— Какая изумительная эмаль! — пробормотал художник. — Манера Виченце Кардозо.

— Рад видеть знатока! Вы не ошиблись: это действительно работа названного вами миланского мастера. В искусстве эмалей и камней я не знаю равных ему!

Алекс Кремпфлоу, занятый беседой со своим итальянским гостем, не заметил, с каким волнением художник вглядывался в эмаль. Острый глаз живописца сразу узнал знакомые черты: в студии своего итальянского учителя, художника Альбертино Вителли, юный Джордж Бингль видел множество рисунков, изображавших эту синьору в профиль и три четверти, на фоне розовых садов Равенны, в римском карнавальном одеянии, в оперных ролях и домашних платьях... Джордж помнил и лицо этого ребенка. Оно тоже повторялось в многочисленных набросках и этюдах Альбертино... Мастер говорил Джорджу, что юный Джакомо — незаконный сын графа Паоло д'Эльяно...

В чертах мальчика на эмали, детски нежных, уже виден был характер. И чем пристальнее вглядывался Джордж в это лицо, тем явственнее проступали сквозь него черты другого знакомого лица — черты лорда Ченсфильда... Невероятно, но... с эмали глядело на Джорджа детское лицо сэра Фредрика Райленда! Вот оно, и родимое пятнышко над ключицей... У милорда оно коричневое, у самой шеи... Вот наметившаяся горбинка носа... Даже в глазах ребенка на портрете то же настороженно-недоверчивое, жестоко-упрямое выражение... Неужели капризная судьба приоткрыла Джорджу новую неожиданную тайну?

Джордж работал словно в тумане, но возбуждение, охватившее художника, не помешало, а помогло ему выполнить задачу. Через полтора часа акварельная копия была готова, и синьор Буотти изумленно взирал на нее. Она была исключительно точной, и лишь лицо мальчика на копии выглядело более взрослым. Мистеру Кремпфлоу почудилось даже что-то знакомое...

— Вы и сами большой мастер, мистер Бингль, — проговорил доктор Буотти убежденно.

Пожав холодную руку художника, он завернул свою эмаль, положил ее в бумажник и, прощаясь на пороге с мистером Кремпфлоу, тихо сказал ему:

— Извещайте меня о ходе розысков по адресу: Венеция, дворец графа д'Эльяно, библиотека. Вы можете также в случае необходимости извещать преподобного отца, патера Фульвио ди Граччиолани, по тому же адресу. Это духовник графа, и, подобно мне, он тоже прилагает свои усилия к розыскам названного лица. Прощайте, господа!

В мозгу Джорджа Бингля адрес запечатлелся так, словно его высекли на гранитной плите.

8

Паруса «Сант-Марко» еще не успели исчезнуть за выступом мола, как от причалов бультонской верфи вышла на рейд и легла курсом на зюйд эскадра из трех боевых кораблей. Командовал эскадрой капитан военно-морского флота мистер Дональд Блеквуд, державший флаг на тяжелом фрегате «Король Георг III». В кильватере флагмана эскадры шел однотипный фрегат «Адмирал Ченсфильд», и на расстоянии пяти кабельтовых позади летела быстроходная, хорошо вооруженная каравелла «Добрый Бультон».

Отплытие эскадры не было ознаменовано ни прощальным салютом, ни торжественными проводами. Корабли поспешно вышли в море 4 августа, приняв на борт большой запас продовольствия и боеприпасов. Ночью эскадра обогнала «Сант-Марко», а еще через трое суток стала на якорях в Портсмуте. Командир эскадры Дональд Блеквуд, капитан каравеллы Роберт Трессель и командир «Адмирала» Джозеф Лорн заняли места в дорожной карете и отправились в Лондон. Ливрейный лакей распахнул перед ними двери двухэтажного дома на Тевисток-сквере. Лорд и леди Ченсфильд проводили в этом лондонском доме большую часть зимних сезонов.

После ужина три бультонских моряка проследовали в рабочий кабинет графа. Камердинер опустил шторы и затворил дверь. Лорд Ченсфильд разложил на столе морскую стратегическую карту.

— Ваш поход, господа, должен привести к решитель-

ному успеху в борьбе с нашим тайным противником. С тех пор как в морях появился загадочный каперский корабль, редкий рейс торговых судов нашей компании обходится благополучно. Обратите внимание на места встреч с этим противником...

Рука в обшлаге адмиральского мундира легла на синеву под южноафриканским побережьем.

— Итак, вот здесь, у берегов острова Чарльза, при невыясненных обстоятельствах гибнут весной 1778 года две наши шхуны, «Глория» и «Доротея», первые корабли «Северобританской компании». Шестью месяцами позднее в том же районе судьбу обеих шхун разделяет яхта «Элли», а затем вот здесь, севернее острова, гибнет «Удача»... По вашим собственным наблюдениям, господа, все эти катастрофы связаны с появлением в водах острова некоего корабля-призрака, не так ли, мистер Трессель? Далее. Год спустя вот здесь, западнее мыса Доброй Надежды, подобное же загадочное судно сталкивается с нашим тяжелым фрегатом «Окрыленный», который с тех пор числится в списках затонувших кораблей. Из всего экипажа случайно были подобраны в море два матроса и капитан Дональд Блеквуд, от которых нам известны подробности катастрофы, столь же необъяснимые, как и... ваши впечатления на острове Чарльза, мистер Лорн. Вести о корабле-призраке после гибели «Окрыленного» прекратились, но... Два года спустя со стапелей нашей верфи сошли две первоклассные шхуны: «Персей» и «Форт оф Рединг». Первая из них, под командованием Мак-Райля, пошла в африканские воды. В устье Конго Мак-Райль начал успешно закупать невольников для колоний, но был атакован негритянскими отрядами. У этих черных оказалось легкое огнестрельное оружие и даже две пушки. Лишь с большими людскими потерями и трудностями шхуна покинула воды Конго. Это неслыханное преступление черных варваров, возмутившее цивилизованный мир, я не смог оставить безнаказанным. Следующая наша экспедиция, в составе четырех кораблей, уничтожила все негритянские поселки на довольно обширном пространстве в бассейне Конго, сожгла город правителя области Нгуди-Мианге и вывезла в Америку более двух тысяч усмиренных туземцев, принадлежащих к племенам баконго, басунди, майамбе и некоторым другим. Эта операция 1780 года, осуществленная под руководством мистера Джозефа Лорна, несколько вознаградила нас

за предыдущие потери и восстановила честь наших вымпелов.

К сожалению, это был наш последний успешный морской поход, ибо в океанах вновь появился «призрак» утонувшего корабля. И если встречи с «Летучим голландцем» стоили нам четырех судов, то новый капер причинил еще более тяжелые потери.

Вы все, господа, встречали этот пиратствующий фрегат. Поэтому ответственную задачу уничтожить врага я решил возложить на вас. Корабль крейсирует под вымпелом с изображением трех скрещенных мечей и носит название «Три идальго», но уже нет сомнений, что этот корабль является не чем иным, как нашим капером «Окрыленный».

В 1781 году в ста милях северо-западнее Азорских островов этот капер подстерег четыре корабля упомянутой мною карательной экспедиции уже при ее возвращении из Америки. Мистер Лорн командовал тогда каравеллой «Добрый Бультон» и отделался лишь тяжелым повреждением судна в ночном бою, но все три остальных корабля были потоплены. В следующем году, у берегов Северной Америки, погиб мой лучший бриг «Френсис Райленд», подожженный тем же фрегатом «Три идальго», который действовал тогда под флагом американского повстанческого флота. Еще годом позже шхуна «Персей» была уничтожена в Атлантическом океане. Весной прошлого года наш бриг «Орион» встретился неподалеку от Кипра с кораблем «Три идальго», но укрылся в тумане. Капитан Гай Брентлей тогда впервые заподозрил, что тяжелый фрегат «Три идальго» — это восстановленный «Окрыленный». Четырьмя месяцами позже шхуна «Форт оф Рединг», шедшая с лесом из Архангельска, была потоплена в северных водах. Шхуна двигалась в кильватере «Ориона», которому вновь посчастливилось уцелеть.

Наконец, неслыханное по наглости нападение произошло всего месяц назад, чуть ли не на бультонском рейде. Наша бригантина «Офелия», шедшая с грузом в Нью-Йорк, была подожжена в Ирландском море, в тридцати милях от побережья. Груз погиб, а разбитую бригантину выбросило на скалы. Этот бой имел возможность наблюдать мистер Дональд Блеквуд. Он подтвердил предположение Брентлея, что «Три идальго» и есть наш «Окрыленный», которым Блеквуд командовал несколько лет.

Пора положить конец наглому пиратству! Почти весь торговый флот «Северобританской компании» уничтожен. Матросы отказываются выходить в море на наших кораблях. Убытки исчисляются в сотнях тысяч фунтов. Страховое общество «Маяк» заявило об отказе выплатить премию за гибель «Офелии».

Адмиралтейство занято сейчас другими неотложными делами: революционные события во Франции — эти проклятые якобинцы! — начинают угрожать спокойствию Европы. Поэтому нам не приходится рассчитывать на помощь королевского флота. Адмиралтейство помогло нам лишь некоторыми сведениями о капере «Три идальго». Должен вас предупредить, джентльмены, что, по сведениям адмиралтейства, пиратами командует сын погибшего корсара Бернардито, молодой Диего Луис эль Горра. После недавней атаки в Ирландском море фрегат «Три идальго» взял курс на зюйд и был недавно замечен встречным судном уже к югу от островов Зеленого Мыса. Базируется он где-то в южноафриканских водах Индийского океана. Помощниками командира являются два совсем молодых человека.

Позор! Три молокососа обращают в бегство хорошо вооруженные корабли и топят суда британской компании! Имена этих юнцов — Диего Луис, Маттео Вельмонтес и Алонзо де Лас Падос. Помнится, в молодости мне приходилось слышать эти имена в легендах о пирате Бернардито; по-видимому, сын решил возродить кое-какие отцовские традиции.

Таков противник, с которым вам предстоит скрестить клинки. Предлагаю следующий план операции.

Наш вооруженный бриг «Орион» следует сейчас вместе с караваном торговых судов в Капштадт. Оставив там караван, он направится в Индийский океан, курсом на остров Маврикия. «Орион» должен послужить приманкой. Задача вашей эскадры — укрыться в водах Мадагаскара и пристально следить за «Орионом». При появлении «Трех идальго», который несомненно погонится за одиночным кораблем нашей компании, вы осуществите маневр окружения и уничтожения пиратского судна. Адмиралтейством установлена значительная премия за головы трех молодых пиратов. От себя лично я добавлю по тысяче фунтов за каждого, а за поимку их живыми плачу вдвое.

Для связи между вашими четырьмя судами послужит яхта «Южный крест», копия погибшей яхты «Элли».

Командует ею мистер Хью Ольберт. Общее командование эскадрой я поручаю вам, мистер Дональд Блеквуд, вместе с мостиком нашего лучшего фрегата — «Короля Георга III»...

Помните, господа, что старый Бернардито был мастером хитроумных и жестоких проделок. Сын, по-видимому, кое-что усвоил из опыта отца. Ваши призраки на острове — это почерк Бернардито. Не случайно капитану загадочного «Летучего голландца» был придан облик погибшего корсара. Более десяти лет мы не возобновляли попыток колонизовать открытый нами остров, чтобы не рисковать новыми встречами с темными и непонятными силами, но теперь решение всех этих загадок прошлого напрашивается само собою: все ваши «видения», господа, — это не что иное, как фокусы опытных мистификаторов. После уничтожения пиратов мы со временем вновь предпримем экспедицию на остров... Рассчитываю, джентльмены, что послезавтра, двенадцатого августа, ваша эскадра уже покинет Портсмут.

Офицеры поднялись. В голубоватом сумраке нарядных покоев моряки еще долго размышляли о предстоящем бое и жевали мундштуки своих испытанных трубок.

Джозеф Лорн открыл глаза с первыми проблесками рассвета. Он почувствовал прикосновение к своему лбу сухих надушенных пальцев и резко повернулся. Взъерошенный и хмурый, он недовольно уставился на раннего гостя.

— Тише, Джузеппе!

Нарушитель ночного отдыха мистера Лорна отвел полог постели в сторону. Моряк узнал лорда-адмирала.

— Давно я не толковал с тобою по душам, Джузеппе. Какие новости ты привез из Бультона от Вудро?

Джозеф Лорн зевнул и начал одеваться.

— Вудро лечит ревматизм на соммерсетских водах и знать ничего не знает о заботах вашего лордства. Этот жирный индюк Кремпфлоу отплыл из Бультона на моем корабле «Адмирал Ченсфильд». Вчера я высадил его в Портсмуте. Он пересел на итальянское судно, которое идет в Неаполь. Говорит, очень выгодное частное дело.

— По мелочам он не выезжает... Значит, все бультонские дела сейчас у Линса?

— Да, и, по-моему, он очень неглуп. Работает куда лучше этого Кремпфлоу.

— Несомненно. Недаром он один ухитрился унести ноги из Голубой долины. Растяпа Бернс влопался, царствие ему небесное!

— Небесное-то царство и достается обычно растяпам! Ловкачи предпочитают земное. Ты держишь сейчас кого-нибудь в этой долине?

— С тех пор как Диего Луис исчез оттуда, это осиное гнездо потеряло для меня интерес. Но работать там стало невозможно. Независимое государство, изволишь ли видеть, Соединенные Штаты! Мюррей полюбился этому свободолюбцу Джефферсону, сделался конгрессменом и сенатором, а также главным судьей и мэром основанного им города Голубой долины... Лет шесть назад я послал туда Шарля Леглуа. Но добрался он только до Винсенса. Там он принялся за расспросы, сразу влопался, просидел месяца два в тюрьме и был выслан. Все-таки кое-что ему удалось разузнать: мать и сын Бернардито уехали еще в 1779 году на побережье. Мальчишка Бингль и наш бывший матрос Дик Миллс ушли с ними. Увез их из долины некий мистер Чембей. Меня заинтересовала личность Чембея и люди его странной свиты, ибо это, вероятно, и есть кто-то из прежних приближенных Бернардито. Но узнать о нем удалось очень немногое: он со своими спутниками участвовал в захвате фортов Винсенса и Голубой долины, вместе с американскими партизанами провел два месяца в Голубой долине и весной 1779 года ушел с семейством Бернардито и всей своей черной свитой на речном баркасе вверх по Огайо. С тех пор он исчез бесследно.

Сообщение адмиралтейства, что крейсер «Три идальго» находится в руках Диего Луиса, — первая свежая весть об этом оперившемся птенце. Короче говоря, устранение, сверх всяких ожиданий, бывшего главаря бультонских луддитов Элиота Меджерсона — вот и весь успех наших больших трудов и затрат в Голубой долине. Что касается самого Мюррея, то, по сведениям Леглуа, он был по горло занят своей Голубой долиной и политическими делами и как будто не помышлял о Ченсфильде... Теперь рассказывай, Джузеппе, что еще новенького там, на Севере?

— Ничего особенного. Патер Бенедикт Морсини сумел поладить с протестантскими попами и заслужил у

населения любовь. Ведет себя, как настоящий праведник. Перед отъездом я оставил ему пятьсот фунтов и отстоял мессу.

— Прекрасно, Джузеппе. Истинную церковь нужно тайно поддерживать... Видел ты мою дочь?

— Да, я застал ее с гувернанткой в капелле отца Бенедикта. Красавицей она будет, твоя Изабелла, скажу я тебе! Славная девчурка! И, верно, самая богатая невеста на всем Севере.

— Еще один год в пансионе — и семнадцать лет дочке. Действительно, невеста! Да что за толк в девчонке! Подумаешь, наследница! В чужие руки все уйдет... Не усыновить ли мне какого-нибудь юношу?

— Чем гноить Эдуарда Мойнса в тюрьме, я бы на твоем месте именно его-то и усыновил. Ведь полиция, в сущности, не установила за ним ничего особенного.

— Полиция? Она вообще ничего не установила. Мойнса раскусил Вудро. Судья влепил Мойнсу десять лет, как агенту мифических шотландских инсургентов и Томпсона, однако настоящей начинки Бингля не раскрыла ни полиция, ни судейские крысы. Дело с ним обстоит сложнее, чем ты полагаешь. Он был уже за решеткой, когда осенью 1779 года ребята Вудро сцапали в море двух ирландских рыбаков. Звали их О'Греди, отец и сын. Обоих застрелили: у старого Майкля О'Греди оказалось письмо Бинглю от Меджерсона. Бинглю предписывалось «собирать о графе Ч. дальнейшие сведения», понимаешь? Я решил держать этого Бингля вроде приманки. С него не спускают глаз, но парень хитер: Леглуа ничего не смог выведать у него в камере. Нынешняя служба, по сути дела, оставила Бингля в тюрьме. Отлучаться ему не разрешается, а отпуска он не получит до могилы. Чтобы он не сбежал, все его бумаги находятся у тюремного коменданта майора Древверса, а человек Линса ходит за Бинглем по пятам. В порту предупреждены все крысы... Нет, Джузеппе, неважного приемыша ты сосватал мне. Лишь особые соображения мешают удушить этого... художника.

Лорн покачал головой, достал трубку и выбил пепел на паркет. Милорд поморщился.

— Как поживает старый Мортон?

— Старик совсем сдает. Одряхлел, обрюзг... Дженкинс шлет тебе почтительнейший привет. Он готовит сейчас для Леглуа французские ассигнации и делает их не хуже, чем французское казначейство... Их отпра-

вили к Леглуа в Париж... Джеффри Мак-Райль все собирается жениться, но пока не скучает и в «Чреве кита». В общем, в добром Бультоне все по-прежнему, старик.

4

Индийский океан неторопливо катил свои длинные пенные валы. Октябрьские сумерки быстро перешли в непроглядную ночную темь. Старый боцман Ольсен велел матросу повесить фонари по обеим сторонам капитанского мостика «Ориона».

— Опять мы в этих чертовых африканских водах!— ворчал Ольсен. Норвежец стоял на мостике рядом с Брентлеем. С палубы можно было видеть только две красные точки трубочных огоньков. — Восемь раз мы пересекли с вами экватор, мистер Брентлей, и все равно никак не привыкнешь к этому климату. То темно, то жарко, то дождь без конца. Либо шторм, либо безветрие, хоть сам в паруса дуй. Солнце светит с севера, холодом веет с юга. Норд-ост — тепленький, как парное молочко, зюйд-вест — ледяной. Весна — в октябре, осень — в мае. А грозы! А ураганы! Волна в пятнадцать ярдов высоты! А уж вечера! Ну горе, а не вечер: солнце не успеет зайти — и уж тьма густеет, словно смола, вынутая из пекла.

— Орудия готовы к бою, Ольсен?

— Уже две недели, как готовы, капитан. Марсовые все глаза проглядели. Канониры спят у лафетов. Весь экипаж бегает к ним за огнем для трубок — фитили горят по целым суткам. Только ребята толкуют — впустую все это. Не берут «Летучего голландца» ни бомбы, ни ядра.

— Что? — Капитан Брентлей придал своему голосу предельную строгость. — Наслушались небылиц на баке? Повешу первого, кто заикнется о проделках проклятого пирата! Стыдитесь, Ольсен, повторять эту чепуху! Ступайте вниз, ободрите команду. Штурвальный, курс?

— Норд-ост-ост.

Капитан сверился с картой Индийского океана:

— Взять два румба влево.

Судно находилось на траверзе юго-восточной оконечности Мадагаскара, милях в семидесяти от берега. Небо на востоке сделалось красноватым, низкие края тучи над горизонтом посветлели.

— Сейчас луна взойдет. Бриз уже переменился и усиливается. Прибавить парусов.

Первый помощник Брентлея поднялся на мостик. Было, очень тихо, и неожиданный окрик вахтенного с высоты марса различила вся команда «Ориона»:

— Справа по курсу судно без огней!

— Может быть, это наша эскадра? — спросил помощник у Брентлея.

— Нет, корабль приближается с зюйда. Свистать всех наверх!

Шестнадцать тяжелых каронад «Ориона» и двенадцать легких пушек, установленных дополнительно на палубе, давно стояли готовыми к бою. Боцманская дудка трелью разливалась на батарейной палубе. Сто двадцать четыре матроса занимали места по боевой тревоге.

Внезапно справа, в четырех-пяти кабельтовых, среди густого мрака вспыхнул сноп красивых цветных огней. Это были так называемые фальшфейеры — бенгальские огни, служившие ночными сигналами для кораблей. Затем на невидимых мачтах чужого судна поползли вверх сигнальные фонари. Капитан Брентлей разбирал эту немую речь без помощи своего сигнальщика:

«Командир корабля «Три идальго» шлет привет честному моряку Брентлею».

— Что за черт! Вот диковина! За какие же заслуги я удостоился уважения пиратского главаря? Ну-ка, Ольсен, дайте-ка им ответ! Покажите им, что мы не нуждаемся в приветах разбойника!

Капитан не успел договорить. Со стороны противника грянул одиночный выстрел из пушки. Выстрел был сделан, однако, не по «Ориону». Пушечный огонь сверкнул в ту же сторону, куда дул ветер. Брентлей хорошо понял этот знак: по старинному морскому обычаю, выстрел «под ветер» показывал дружеские намерения, тогда как выстрел против ветра означал приказ остановиться и предупреждал: «Буду действовать силой!»

Брентлей и прибег к этому «враждебному» сигналу. По его знаку кормовая пушка «Ориона» бухнула холостым зарядом. Длинная багровая полоса огня и белое облако порохового дыма выметнулись во мглу против ветра! Это означало: «Нападайте и защищайтесь — ваш привет отвергнут!» Такой же сигнал был передан с помощью цветных фонарей.

Из-за туч показался огромный лунный диск. В полумиле справа стал виден черный силуэт вражеского корабля. Расстояние между судами медленно уменьшалось. Позиция была невыгодной для «Трех идальго»: мачты капера ясно вырисовывались на фоне освещенных луною облаков, ветер тоже не благоприятствовал. Корабль Брентлея оставался в тени и был почти невидим.

На борту неприятеля еще мерцали последние огоньки фальшфейеров и ветер еще нес в океан эти красивые цветные искры, а Брентлей уже развернул бриг правым бортом к противнику и скомандовал с мостика:

— Батарея, залпом огонь!

Пушки «Ориона» ударили почти одновременно. Ядра взмыли в воздух, пороховой дым густо окутал мостик и паруса.

Вражеский капер продолжал посылать свои мирные сигналы. Он не ответил огнем орудий, он продолжал сигнализировать фонариками: «Огня не открою. Спускаю шлюпку. Примите парламентеров».

Капитан Брентлей в глубочайшем недоумении повернулся к Ольсену:

— Боцман, нам не подобало бы вступать в переговоры с этими разбойниками, но черт меня побери, если молодчики не ведут себя по-джентльменски. Хотел бы я знать, чему приписать такую честь! Вот что, Ольсен! Нашей эскадры пока не видно. Придется принять их посольство, чтобы выиграть время. Если мы одни ввяжемся в бой, капер разгромит нас раньше, чем подоспеют корабли из засады. Вон шлюпка их уже спущена... Видите фонарь под носовым трапом? На шлюпке они зажгли факел, чтобы мы не заподозрили ловушки... Ага, шлюпка приближается. Ну-ка, передай им в рупор, Ольсен: «Приму парламентеров для переговоров о сдаче судна и экипажа. При появлении неосвещенных шлюпок — беглый огонь без предупреждения!»

Громогласный бас норвежца прорявкал в медный рупор слова Брентлея. Однако, несмотря на вызывающий тон командира «Ориона», пиратский капитан проявил редкостное терпение. Через четверть часа к трапу «Ориона» подвалила шлюпка. Четыре гребца-негра не покинули шлюпки. Два молодых человека в испанских беретах и бархатных камзолах ответили на приветствие часового и ступили на палубу.

— Следите за противником, — шепнул Брентлей Ольсену и помощнику. — Поднимите на мачте сигнал, что у нас на борту находятся парламентеры. Наблюдайте, не собирается ли противник атаковать нас шлюпочным десантом. При малейшем подозрении — огонь!

Брентлей шагнул навстречу прибывшим. Он холодно отдал честь и пригласил их в каюту. Оба посланца, при шпагах, но без огнестрельного оружия, переступили порог. Окна, завешенные шторами, не пропускали на палубу света из каюты. В стенных шандалах горело полдюжины свечей.

Перед капитаном «Ориона» стояли два безбородых синьора с открытыми, решительными лицами. Одному едва ли перевалило за двадцать, другой выглядел лет на шесть старше. Заговорил младший. Мягкие волосы падали ему на плечи. Большие черные глаза блестели, румянец на щеках был нежен, как у девушки. Но у юношеских губ уже наметилась волевая складка. Каждый жест его говорил о пылкой и решительной натуре.

— Вы видите перед собою только двух идальго, ближайших друзей третьего, то есть капитана Диего Луиса. Он остался на корабле. Мы — его братья по оружию и уполномочены вести переговоры от лица всех. Мое имя — Алонзо де Лас Падос.

— Маттео Вельмонтес, — склонил голову его спутник, человек с острыми смешливыми глазами и налетом веснушек на переносице.

— Капитан Брентлей! — продолжал синьор Алонзо. — Перед вами — сыновья Бернардито Луиса. Я — брат синьора Диего. Важные услуги, некогда оказанные вами нашему отцу и его другу, известному вам под именем мистера Мюррея, явились причиной, почему оружие сыновей Бернардито никогда не будет поднято ни против вас, ни против корабля, принесшего спасение островитянам. Позвольте лишь задать вам вопрос: куда вы следуете и какова цель вашего плавания?

— Синьоры, на этот вопрос я вынужден ответить молчанием.

— Разрешите истолковать ваши слова в том смысле, что вы следуете с живым товаром, подобно остальным судам вашего хозяина. Нам известно, что из числа всех судов «Северобританской компании» только бриг Брент-

лея до сих пор не пятнал себя позором работорговли. Нет, по-видимому, на этот раз и вы, капитан...

На лбу у Брентлея вздулись жилы.

— Я сам лишь недавно узнал, что суда нашей фирмы доставляли закупленных и пленных невольников на плантации. Экипаж брига «Орион» не участвовал и не предполагает участвовать в такого рода операциях, пока я стою на капитанском мостике... Впрочем, я не вижу причины обсуждать с вами эти вопросы, господа. Я принял вас, чтобы выслушать, на каких условиях вы согласны вернуть корабль «Окрыленный» его законному владельцу, лорду-адмиралу Ченсфильду. Я, со своей стороны, готов просить адмирала о смягчении вашей участи.

Довольно невежливый смех парламентеров показался капитану еще менее уместным, чем вся предыдущая беседа. Он сурово нахмурил седые брови и положил руку на эфес шпаги. У дона Алонзо, напротив, сдвинутые брови разошлись в откровенной улыбке.

— Вы сами понимаете, капитан, что исход сражения между «Тремя идальго» и «Орионом» решился бы очень быстро. Сто наших каронад в десять минут изрешетили бы ваш бриг с дальней дистанции... Нет, цель нашего визита иная. Вы — человек чести, синьор Брентлей, и мы решили открыть вам тайну, побудившую нас объявить беспощадную войну так называемому лорду-адмиралу Ченсфильду.

— В таком случае наша встреча бесполезна,— отрезал Брентлей. — Я не принадлежу к искателям разгадок частных тайн. Весьма польщен, но прошу вас не утруждать себя этим... повествованием. Мой глава, лорд-адмирал Ченсфильд...

— Капитан Брентлей, я обращаюсь к чести британского моряка, к вашей чести! Знайте же, что названное вами лицо — низкий самозванец, тайный убийца, вор и злодей. Его настоящее имя Джакомо Грелли, ремесло— разбой; единственное место, подобающее ему по праву, — это виселица.

— Молчать! — Лицо капитана потемнело. — Как вы смеете... у меня на борту... — В этот миг кто-то постучал в дверь каюты. В каюте никто не обратил внимания на стук. — Низкие клеветники! Только правила о парламентерской неприкосновенности мешают мне вздернуть вас обоих на реях моего корабля и в таком виде доставить в первый английский порт. Ни слова

больше! Я отвечу пушками на поругание одного из первых имен графства, как только вы покинете борт корабля.

— Капитан, угодно ли вам припомнить мисс Эмили Гарди? — Молодой парламентер с огромным трудом сохранял самообладание. — Не припоминаете ли вы якорь бригантины «Офейры», обнаруженный мистером Уэнтом на острове? Так знайте, что островитянин, спасенный прибытием «Ориона» на остров, и был не кем иным, как подлинным виконтом Ченсфильдом, чей титул и наследственное имущество украл пират Грелли...

Настойчивый стук в дверь повторился. Голова Ольсена просунулась в каюту. Он поманил Брентлея в коридор.

Когда Брентлей вернулся в каюту, лицо его выражало досаду и какую-то свирепую жалость. Он хмуро взглянул на посланцев и проговорил глухим голосом:

— Сдайте ваши шпаги, господа. Корабль «Три идальго» окружен боевыми судами британской эскадры. Отступление для вас отрезано.

Синьор Алонзо обнажил шпагу:

— Предательство!

Маттео Вельмонтес кинулся к окну. В тот же миг оно с треском вылетело, и на обоих посланцев уставились пистолетные дула.

Распахнулась дверь каюты. Десяток матросов с ружьями наперевес толпились в коридоре. На лентах матросских шапочек блестела золотом надпись: «Южный крест». Двое матросов с порога прицелились в парламентеров. Синьор Алонзо переломил свой клинок о колено и с презрением швырнул обломки под ноги Брентлею. Маттео бросил свою шпагу на ковер.

Раздвигая плотное кольцо матросов, через порог шагнули два офицера, Дональд Блеквуд и Джозеф Лорн.

— Капитан Брентлей, прошу вас на мостик, — сказал Блеквуд. — Бриг вступает в сражение. Ваши батареи должны первыми открыть огонь. — Командир эскадры обернулся к матросам: — Вяжите пиратов!

В коридоре звякнули цепи приготовленных кандалов и наручников.

— Стой! — громовым голосом остановил матросов Брентлей. — Это парламентеры, мистер Блеквуд. Бриг не вступит в бой, пока парламентерам не будет обеспечено возвращение на их судно.

— Старик рехнулся, — пробормотал Лорн и строго сказал: — Капитан Брентлей, вам никто не давал полномочий вести переговоры с разбойниками. Угодно ли вам посторониться и выполнить приказ?

— А, это вы, Джузеппе Лорано, пират с каиновым пятном на лбу от ножа Фернандо Диаса! — бросил Алонзо де Лас Падос со страстной ненавистью.

Лорн с обнаженной шпагой кинулся на безоружного посланца. Брентлей одним ударом сверху вниз вышиб шпагу из его руки. Один из матросов толкнул Алонзо сзади ружейным прикладом. Через несколько минут оба парламентера уже лежали на полу, связанные по рукам и ногам.

— В трюмный карцер! — Капитан Блеквуд стал еще бледнее, чем владелец каюты. — Капитан Брентлей, я арестую вас за измену воинскому долгу. Мистер Лорн, возьмите у изменника шпагу.

Багровая вспышка мелькнула в окне. Корабль содрогнулся от орудийного залпа. Помощник Брентлея уже командовал батареями «Ориона». Капитан Блеквуд поднялся на мостик брига. Залпы грохотали над морем, как мерные удары исполинских молотов. Весь горизонт полыхал красными зарницами. Эскадра из пяти кораблей сосредоточенно била по корпусу и палубным надстройкам капера «Три идальго».

Приближение кораблей эскадры заметили с капера лишь в тот момент, когда под самым бортом «Ориона» выросли мачты какой-то быстроходной яхты. Одновременно с норда, зюйда и оста появились темные силуэты подкравшихся боевых кораблей. Сигнальные огни, зажженные на мачтах капера для ориентирования шлюпки парламентеров, послужили нападающим хорошей мишенью.

Когда с «Ориона» грянул залп и одновременно заговорили сто двадцать стволов — половина артиллерии всей остальной эскадры, — на «Трех идальго» сразу вспыхнуло два пожара. Враг со всех сторон атаковал подбитый корабль. Диего Луис понял, что парламентеры схвачены. Он решил прорвать кольцо окружения и, выйдя из боя, сохранить корабль и экипаж.

Капер развернулся в сторону слабейшего из атакующих судов. Это была каравелла «Добрый Бультон» с наименьшим числом бортовых орудий.

Ветер благоприятствовал маневру. Под огнем противника люди поставили все паруса. С расстояния в три кабельтовых капер дал первый залп из сорока пяти каронад левого борта. Команда успела потушить один очаг пожара в центре палубы, и лишь огонь в кормовой части продолжал озарять снизу громаду парусов. Но и этот пожар уже ослабевал, а обшитые американским дубом борта не дали течи. Ни одно орудие не вышло из строя.

Офицер, командовавший огнем пушек, был не кто иной, как синьор Антони Ченни, прошедший многолетнюю боевую выучку у капитана Бернардито. От его хладнокровия и точности зависела теперь судьба всего экипажа, и Антони Ченни, старший артиллерист «Трех идальго», понимал это.

С расстояния в полкабельтова Антони Ченни хлестнул каравеллу картечью. Эффект картечного залпа был внушительным. Батареи каравеллы захлебнулись. Сорванные полотнища парусов смело за борт вместе с обломками палубных надстроек.

Каперский корабль, осыпаемый градом горячего металла, подошел к «Доброму Бультону» почти вплотную и просверлил борт вражеского корабля сорока пятью тяжелыми ядрами на уровень ватерлинии. Капер едва успел разминуться со своей жертвой, как обе уцелевшие мачты «Доброго Бультона» накренились и остатки его огромных парусов заполоскались в море. Вода с ревом хлынула через вспоротый борт в трюмы, и осевший корпус стал погружаться в водоворот. С кораблем Тресселя было покончено.

Тем временем «Адмирал Ченсфильд» и «Орион», по замыслу капитана Блеквуда, стали теснить «Трех идальго» на огнедышащие жерла «Короля Георга». Молодому капитану капера Диего Луису оставался один выход: проскочить между батареями вражеских кораблей. Капитан Блеквуд был уверен, что пираты не отважатся на этот смертельный риск. Но они неожиданно для атакующих сделали разворот влево, в сторону «Ориона», оторвались от наседавшего «Адмирала» и устремились прямо под огненный град.

Стройный корпус «Трех идальго» содрогался, как тело солдата, прогоняемое сквозь беспощадный строй шпицрутенов. Снаряды рвали паруса, калечили снасти, ломали палубу. Капер огрызался точными, хорошо нацеленными залпами картечи, сметая с палуб «Короля

Георга» и «Ориона» орудийную прислугу и верхние команды.

Капитан Блеквуд стоял на корме «Ориона», когда форштевень «Трех идальго» возник в четверти кабельтова от правого борта. Осколок горячего чугуна ударил в грудь командиру эскадры. Корма капера еще скользила мимо брига, когда капитан Дональд Блеквуд перестал дышать. Ему уже не пришлось увидеть, как помощник капитана на «Короле Георге», который управлял этим кораблем вместо Блеквуда, сделал непоправимую ошибку: он не погнался сразу за подбитым капером, расстреливая его на параллельном курсе с расстояния в полкабельтова, а стал обходить «Трех идальго» с кормы, чтобы обрушить на капер всю мощь своих батарей, еще не принимавших участия в сражении. При этом маневре «Король Георг» своим корпусом прикрыл израненный капер от огня орудий «Адмирала Ченсфильда»...

Незадачливый тактик на несколько драгоценных минут вывел из боя два самых сильных корабля экспедиции: «Адмирал Ченсфильд» почти не имел повреждений, «Король Георг» понес потери, но тоже представлял собою еще весьма внушительную силу.

Пока потрепанный «Король Георг» неуклюже разворачивался, капер «Три идальго» вел жаркую дуэль с одним «Орионом», а капитан Джозеф Лорн, командир «Адмирала», проклинал небеса, воды, всех святых, кровь своих предков, собственные руки, ноги и бороду. Успевший лишь к концу боя вернуться с «Ориона» на свой корабль, Джозеф Лорн, положив право руля, попытался вновь взять капер на прицел... Увы, только мощный, но уже запоздалый залп «Короля Георга» прогремел вслед беглецу, исчезающему в глубоком мраке.

Джозеф Лорн принял теперь командование эскадрой. Он отрядил на розыски капера яхту «Южный крест». Три остальных корабля эскадры получили приказание перестроиться из боевого порядка в походный и следовать за яхтой. Но ни «Король Георг», ни «Орион» уже не годились для преследования: у «Короля Георга» была пробоина в носовой части, наспех прикрытая парусиновым пластырем; корпус «Ориона» дал такую течь, что помпы не справлялись. Такелаж обоих кораблей был изорван и спутан. «Орион» потерял половину, а «Король Георг» — треть верхней команды... «Адмиралу» пришлось убавить скорость.

Пасмурный рассвет застал растянувшуюся эскадру всего в двадцати милях от места боя. Низкие тучи и туманная дымка скрыли из виду не только капер, но и яхту «Южный крест». Лорн кусал губы от злости. К вечеру показалась яхта, отказавшаяся от бесплодных поисков. Эскадра прекратила преследование и легла курсом на Капштадт.

С морскими почестями тело капитана Блеквуда было опущено в морскую пучину. Закованных пленников перевели с «Ориона» в глубину трюмных недр «Адмирала». На фрегате их заключили в самом суровом карцере, обшитом железными листами. Арестованный Лорном капитан Брентлей, без шпаги и эполет, сидел под охраной часового в одной из офицерских кают «Адмирала». «Король Георг» и «Орион» кое-как добрались до Капштадта и стали там на ремонт. «Адмирал Ченсфильд» в сопровождении яхты «Южный крест» направился в Англию.

5

Декабрьской ночью 1789 года комендант бультонской тюремной крепости майор Древверс послал стражника за тюремным художником.

— Мистер Бингль, вам предстоит сегодня спешно сделать портреты двух важных государственных преступников. Портреты нужны для установления подлинных имен этих людей. Предупреждаю, что малейшая попытка вступить во время сеанса в переговоры с преступниками повлекла бы для вас тяжелые последствия. Придется вам поработать при свечах: дело не терпит отлагательства.

— Речь идет об арестантах, доставленных вечером с фрегата «Адмирал Ченсфильд»?

— Поменьше праздного любопытства, Бингль. Для вас эти два лица — просто секретные государственные узники. Очень советую вам быстро закончить дело, а затем еще быстрее забыть про эту встречу.

Бингль спустился по двум лестницам в глухое тюремное подземелье, вырубленное в скале не для вечного покоя мертвых, а для вечного заточения живых. Тюремный надзиратель Джобб, самый мрачный служака крепости, ходил по каменным плитам коридора, закутавшись до бровей в теплый меховой плащ. Мягкая войлочная обувь делала его шаги беззвучными. За желез-

ной дверью в угловом каземате находились вновь прибывшие узники.

— Чертовски холодно, Джобб, — сказал художник.

— Чертовски, мистер Бингль, — согласился надзиратель.

Джордж вернулся в канцелярию начальника тюрьмы.

— Сэр, работать внизу невозможно. Прошу прощения, но у меня сводит руки.

— Хорошо, проведем сеанс в следственной камере. Сейчас конвоиры приведут узников туда.

Камера для следствия граничила с канцелярией и кабинетом майора Древверса. Бингль хорошо знал эту голую комнату с решетками на окнах; десять лет назад он выдержал здесь шесть месяцев еженощных допросов, угроз и ласковых увещеваний.

Конвоиры ввели двух пленников, закованных в ножные кандалы. Их одежда, некогда богатая и нарядная, превратилась в пестрые лохмотья бархата и шелка. Обросшие лица посинели от холода, а косматые пряди спутанных волос падали на глаза.

— Алонзо де Лас Падос и Маттео Вельмонтес? — вопросительным тоном осведомился майор. Он еще не видел этих пленников лорда-адмирала. — Вам придется позировать перед художником... Он отлично пишет портреты прелестных леди, но думаю, что справится и с портретами разбойников и пиратов. Приготовьтесь, сэры...

Младший из узников, Алонзо де Лас Падос, сел перед мольбертом, сбросил с плеч рваный плащ и с наслаждением потянулся, радуясь теплу и блеску свечей.

— Сэр! — художник подошел к майору. — Мне нужно сказать вам несколько слов.

— Побыстрей, Бингль! — Майор отвел художника в глубь комнаты.

Маттео Вельмонтес изумленно поднял брови и сделал непроизвольное движение к художнику. К счастью, это осталось незамеченным.

— Вы сегодня на редкость медлительны, Бингль! — недовольно проговорил майор Древверс. — Кончайте приготовления...

— Но, сэр, вид у этих людей таков, что портреты будут совершенно бесполезными. Нужен парикмахер.

— О чем же вы раньше думали, Бингль? Джобб, приведите цирюльника, а кстати, принесите мне из дому стакан тепленького хереса с сахаром.

Лишь после того, как искусство тюремного цирюльника вернуло пленникам их молодость, а дону Алонзо вдобавок и его красоту, Джордж Бингль исполнил портрет этого синьора. Два конвоира сразу отвели дона Алонзо в подземелье.

Следующим позировал Маттео Вельмонтес. Набрасывая карандашом его черты, Джордж убедился, что в лице его второй модели, в линиях черепа, носа, глазных впадин, равно как и в рыжеватой шевелюре, не было и намека на испанское происхождение синьора Маттео. Типичный англо-сакс, и к тому же северного происхождения, сидел перед мольбертом...

Сеанс затягивался, и присутствующих одолевала дремота. В камине гудел огонь, распространяя тепло. Вдоль стены дремали четыре конвоира, и начальник тюрьмы, разморенный теплом и хересом, смежил очи за своим столом. Надзиратель Джобб, привычный к ночному бдению, прохаживался по камере. Для порядка он время от времени подбадривал сонных конвоиров. Второй надзиратель, Хирлемс, сначала глубокомысленно следил за работой художника. С этой целью он придвинул к мольберту стул, оседлал его и уткнул подбородок в гнутую спинку. В этой позе он и уснул; его худая шея вытянулась, а голова свесилась, как у мертвого жирафа.

Прохаживаясь по комнате, мистер Джобб обратил внимание на муху, ожившую от тепла. Муха чистила крылышки, охорашивалась и терла лапками голову. Эти занятия показались Джоббу предосудительными, ибо насекомое предавалось им, сидя на носу его величества короля Георга III. Поясной портрет короля служил единственным украшением тюремного покоя. Мистер Джобб поднял с пола соломинку и почтительно удалил насекомое с августейшей ноздри. Совершая это верноподданническое деяние, мистер Джобб выпустил из своего поля зрения мольберт, пирата и художника.

Карандаш Джорджа как раз воплощал на бумаге маленькую ямочку, украшавшую подбородок синьора Маттео. Тот сидел вполоборота к мастеру. Когда портретист снова перевел свой взор с бумаги на модель, обладатель ямочки на подбородке скосил глаза в сторону Хирлемса и почти беззвучно, с невыразимым презрением прошептал:

— Эх, Джорджи, тюремная ты крыса!

У мистера Бингля затряслись руки. Господи, да как

же он сразу не узнал эту повзрослевшую веснушчатую физиономию!..

Детство... Меньшой брат!.. О боги судьбы!

Обрывок бумаги, служивший художнику для заточки карандашей, был заткнут за портрет и свешивался с мольберта. Художник приподнял край листка, сделал вид, будто поправляет графит, и написал на обрезке:

«Томми?»

Уловив утвердительное движение руки модели, Джордж несколькими штрихами изобразил голову человека за тюремной решеткой и написал сбоку:

«Я — 10 лет».

Брат понимающе кивнул. Надзиратель Джобб уже подходил к мольберту. Джордж успел густо замазать обрезок с лаконическими словами и уже заканчивал рисунок. Портрет не принадлежал к лучшим произведениям мастера, сходство было весьма отдаленное. Майор Древверс приказал художнику набросать копии портретов и проследовал в свой кабинет.

Получив утреннюю почту, он вскрыл пакет, прибывший с нарочным из Лондона, внимательно перечел письмо, прицепил шпагу к мундиру и отправился в поместье Ченсфильд.

Семья лорда Ченсфильда, по обыкновению, проводила рождественские каникулы в своем поместье. В ожидании прихода фрегата «Адмирал» сэр Фредрик Райленд отдавал свой досуг мирным деревенским радостям. Он охотился, ездил верхом и снисходил даже до продолжительных бесед со своей дочерью. На холодное отношение матери мисс Изабелла тоже отвечала холодностью, но своего сурового батюшку она полюбила и весьма охотно коротала с ним зимние вечера, опоэтизированные плачем ветра в каминных трубах замка.

Сорокапятилетняя мисс Тренборн, чопорная дама «из хорошей семьи», исполняла в доме обязанности гувернантки. В отличие от покладистой няньки Хельги Лунд, мисс Тренборн неотступно терзала свою воспитанницу всевозможными назиданиями и педагогическими наставлениями. По желанию отца Изабеллы старый католический монах, отец Бенедикт Морсини, преподавал ей закон божий. Девочка очень привязалась к этому се-

дому наставнику. Благодаря стараниям мисс Тренборн и старого иезуита наследница лорда Ченсфильда держалась безупречно и являла собою, в свои семнадцать лет, пример девицы, прошедшей, по выражению немецких педагогов, «хорошую домашнюю детскую». За несколько дней до сочельника Изабелла возвращалась вместе с отцом с верховой прогулки. У ворот замка она увидела во дворе наемный бультонский кэб. Изабелла обернулась к отцу:

— К нам кто-то приехал, папа.

— Судя по элегантному экипажу, верно, кто-нибудь из твоих поклонников, Белла, — шутливо вздохнул милорд. — Скоро они совсем лишат меня дочери.

У богатейшей невесты британского Севера действительно не было недостатка в поклонниках, обожателях тайных и явных, бальных партнерах, кавалерах и кандидатах в кавалеры. Почта доставляла в Ченсфильд дюжины надушенных разноцветных, опечатанных символическими облатками конвертов. Сама Изабелла тоже не избежала сердечных ранений. Несколько лет ее воображением владел почтовый кондуктор с ярко начищенным медным рогом через плечо и синим мешком. Но однажды мисс Тренборн повезла пятнадцатилетнюю барышню на почтовых лошадях, в той карете, где на козлах восседал предмет ее тайных вздохов. В пути Изабелла с волнением наблюдала, как бравый кондуктор лихо освобождал свой нос с помощью указательного и большого перстов. При этом он удивительно точно метил с высоты козел в прохожих, и пешеходы редко успевали увернуться от снарядов этого далеко не безобидного двуствольного аппарата. После удачных попаданий кондуктор и кучер раскатисто хохотали.

В результате этих волнующих впечатлений сердце Изабеллы стало вновь свободным, пока сэр Уильям Блентхилл, юный наследник соседнего поместья Уольвсвуд, не сделался подозрительно частым гостем в Ченсфильде; его мать втайне уже обдумывала, который из двух замков, Уольвсвуд или Ченсфильд, следовало бы избрать в качестве резиденции молодой четы...

Камердинер Мерч встретил сэра Фредрика и мисс Райленд на пороге вестибюля и доложил, что графа уже целый час ожидает майор Древверс, начальник бультонской крепостной тюрьмы. Дочь видела, как помрачнело лицо отца. Она переоделась в своей комнате, подождала ухода посетителя и резво впорхнула в отцовский ка-

бинет с намерением рассеять его мрачные мысли. Владелец поместья угрюмо сидел перед столом и держал в руках какие-то портреты, исполненные карандашом.

— Папа, можно к тебе? — спросила Изабелла, уже стоя посредине кабинета. — Покажи-ка мне рисунки. Кто это? Почему у обоих такой унылый вид?

Застигнутый врасплох, лорд-адмирал не спрятал рисунков. Он с равнодушным лицом бросил портреты на стол, ибо вовремя учел, что при малейшей попытке укрыть рисунки дочь накинулась бы на него с расспросами. Расчет был верен: мисс Изабелла, подержав рисунки перед глазами, отложила бы их в сторону, если бы... если бы мистер Бингль не изобразил с такой точностью наружность синьора Алонзо де Лас Падоса! Изабелла всмотрелась в лицо молодого человека на портрете и горестно вздохнула:

— Вот таких поклонников у меня никогда не было, папа! Это, наверно, молодой итальянец? Кто этот красивый юноша? Какое прекрасное лицо! И портрет совсем свежий! Скажи, папа, этот мальчик сейчас в Бультоне?

— Нет, Белла, это просто повторение одного старого портрета. Он давно пришел в ветхость, и я приказал сделать новую копию. Человек этот — товарищ моей юности. Ему сейчас лет шестьдесят, если он жив.

Изабелла надула губки и отложила рисунок в сторону. Милорд убрал портреты в стол.

— Папа, этот толстый майор, что сейчас был у тебя, кажется, начальник здешней тюремной крепости?

Лорд-адмирал уже начинал терять терпение:

—Да, Белла, майор Древверс занимает именно эту должность. Но у меня сейчас нет времени, девочка, меня ждут неотложные дела. Вечером я опять буду всецело к твоим услугам. Кстати, сегодня большой вечерний спектакль в бультонском театре. Если хочешь, я закажу ложу.

— Мне не хочется в театр, папа. Я подумала совсем о другом. Через несколько дней будет сочельник. Все готовятся к празднику, а там, в страшной тюрьме, томятся люди... Можно мне посетить этих несчастных вместе с отцом Бенедиктом?

— Откуда у тебя эти мысли, Белла? В тюрьме сидят не безвинные агнцы, а мятежники, воры и... убийцы. Крепость полна крестьянами-бунтовщиками, браконьерами, луддитами...

— Но они — люди и жестоко страдают. Позволь мне, папа.

— Ни под каким видом, Белла! Нельзя потворствовать преступникам... Прости, но мне уже пора ехать по делам!

Усаживаясь в седло, владелец Ченсфильда в недоумении пожимал плечами.

«Откуда это в ней? Впрочем, черт бы побрал эти пустяки! Есть дела поважнее... Чертовски скверно складывается вся эта история...»

Ветер раскачивал голые деревья ченсфильдской рощи. Граф и его слуга торопились в Бультон. У сэра Фредрика были веские причины хмурить высокое чело и спешно искать выхода из весьма затруднительного положения...

6

Перед наступлением сумерек Вудро Крейг увидел перед окнами своего особняка всадника на потной лошади. Седок, по-видимому, очень торопился, ибо звон дверного колокольчика был вдвое громче обычных звонков посетителей. Мистер Крейг узнал камердинера лорда-адмирала.

— Что-нибудь случилось, Мерч?

— Не знаю, сэр. Его лордство сейчас находится в крепости, у майора Древверса. Капитан Лорн только что беседовал с его лордством и приказал мне немедленно ехать за вами, сэр.

Было уже совсем темно, когда Вудро Крейг тихо вошел в неуютную следственную камеру, украшенную портретом короля Георга III. Решетки на окнах, холодный каменный пол, скупое освещение и сырой, затхлый воздух таких помещений производят гнетущее впечатление на любого человека, но особенно неприятные чувства они вызывают у тех людей, для кого подобная обстановка легко могла стать пожизненной.

— Садись, Вудро!

Выражение лица мистера Райленда было злое и встревоженное. Лорн жевал трубку и следил за возней воробьев на решетке за стеклом.

— Чертовская история, Вудро! Майор Древверс получил из Лондона сообщение, что в Бультон выезжает секретная комиссия, назначенная его величеством. Ве-

роятно, джентльмены уже в пути. В составе комиссии — прокурор, чиновник для особых поручений и начальник тайной канцелярии при военном министре. Ну, и, разумеется, полная свита — младшие офицеры, секретари, писцы... Понимаешь?

— Н-н-нет, ваше лордство, пока не совсем понимаю. Что же она собирается делать в Бультоне, эта уважаемая комиссия? Неужели такой шум из-за двух пленных пиратов?

Его лордство коротко изложил ситуацию, как она явствовала из писем, полученных комендантом гарнизона и начальником тюрьмы.

Посылка в Бультон лондонской комиссии была новым выражением милости его величества к лорду Ченсфильду. Получив доклад морского министра о бое эскадры сэра Фредрика с пиратским судном, король глубоко опечалился гибелью доблестного капитана Блеквуда и потерями, понесенными эскадрой. Доклад министра был составлен на основании донесения самого лорда Ченсфильда, который в ярких красках изобразил доблесть Блеквуда, Лорна и Тресселя, а также предательское поведение Гая Брентлея. Его величество высочайше утвердил приказ Лорна об аресте Брентлея, повелел заключить изменника в крепостном каземате и направить в Бультон следственную комиссию, дабы следствие по делу преступных пиратов было проведено с должной строгостью. Участь этих преступников должна была послужить в назидание всем пиратствующим морским судам, а посему его величество выразил желание, чтобы по окончании следствия преступники были доставлены в Лондон для предания военному суду и публичной казни.

Вудро Крейг быстро понял всю затруднительность создавшегося положения.

— Как вели себя пленники в пути? — осведомился он у Джозефа Лорна.

Моряк сумрачно промолчал. Сэр Фредрик Райленд сам разъяснил Крейгу, что во время предварительных допросов, которые мистер Лорн пытался вести на борту «Адмирала», он добился от пиратских главарей лишь весьма недвусмысленных и сильных выражений по адресу лорда-адмирала, а от Брентлея — категорического утверждения, что никакого предварительного сговора с пиратами у него не было.

Слушая графа, мистер Крейг сокрушенно кивал го-

ловой. У него вертелся вопрос на языке, но Лорн предупредил его:

— Эти двое знают о нас все, ясно? — В голосе Лорна откровенно звучала злоба. — Не нужно было торопиться с извещением адмиралтейства о пленниках. Джакомо, своей поспешностью ты всем нам крепко занозил зады.

— Я был слишком уверен, что король попросту поручит мне повесить их обоих, и Брентлея в придачу, на корабельных реях. Я просчитался. Но теперь нечего размусоливать насчет того, что было и могло бы быть. Смотреть надо вперед. Носы вешать рано. Бывало похуже, но выкручивались! Скажи, Джузеппе, кто они, по-твоему, на самом деле, эти молодцы?

Лорн свирепо сплюнул:

— Попробуй добейся от них толку! Твердят, что имена их самые подлинные.

— Откуда у них сведения о нашем прошлом? Диего Луис никогда не видел в лицо своего отца. Никто из его окружения не мог знать... нашу историю. — Вудро Крейг в недоумении развел руками.

— У тебя пропала сообразительность, Вудро. А Мюррей? А Эмили Гарди? Эх, не раздавили до конца змеиное гнездо в Голубой долине! Ветер дует оттуда. Этот дон Алонзо заявил Брентлею, будто он младший сын Бернардито. На вид ему лет двадцать, едва ли больше. Я не слыхал, чтоб Бернардито связывался с какой-либо другой женщиной, кроме Зоэ. Похоже, что Алонзо просто выдумал про это родство, да и в лице у него нет ничего общего с Бернардито. Сейчас я взглянул на него сквозь глазок в дверях. Красавец, черт его побери!

Мистер Райленд положил перед Крейгом портреты Алонзо де Лас Падоса и его товарища. Вудро сунул рисунки в свой поместительный карман:

— Попробую показать моим мальчикам. Как будто в этих физиономиях есть что-то знакомое. Вот этот Маттео... Пусть я издохну, если это испанец!

— Пока мы тут гадаем, старики, лондонская комиссия свалится нам на голову, как снег, и пойдет потеха! — сердито произнес мистер Райленд. — В нашем распоряжении дни, а может быть, и часы. Действовать нужно завтра, сегодняшняя ночь уже потеряна.

— Задушить их, и дело с концом, — предложил Лорн.

— А Брентлей? — Крейг покрутил головой. — Он в

другой камере. Да и едва ли один Хирлемс управится со всеми тремя, а других доверенных людей у меня в тюрьме нет.

— Ну, отравить... Угостить их вином, что ли?

— Не спрячешь следов. Не годится.

— Тогда сами предлагайте что-нибудь, ваше лордство.

— К черту лордство, волки! Вода набирается в трюме, каррамба, и помпы не качают. Думайте, старики, думайте быстрее! Эта работа для тебя, Вудро.

— Стой, хозяин! В какой они камере?

— Нижний угловой каземат.

— Отлично! Окна выходят на заднюю стену?

— Ну, и...

— На стене — двое часовых... А дальше — предгорья...

— Хм! Мысль недурна!.. Застрелены при попытке к бегству, так, что ли?

— Вот именно. Только нужны надежные ребята, хозяин. Полковник Хауэрстон не простачок! Я хорошо знаю этого любезного джентльмена...

— Говоришь, нужны надежные ребята? Значит, придется самим тряхнуть стариной! Говорю: вода подступает к горлу... Вудро, разыщи Мак-Райля. Он болтается где-нибудь в городе, вероятно, пьян. Пусть сейчас же едет домой, я буду у него в полночь. Завтра к пяти вечера всем быть в моем особняке на Сент-Джекоб-стрит, восемнадцать. Все, что нам может понадобиться, имеется там в достаточном количестве. Джузеппе, ступай осмотри хорошенько заднюю стену крепости. Я отправлюсь сейчас к отцу Бенедикту. Посмотрим, на что он годится в серьезную минуту... Вытрезви Мак-Райля к полуночи, Вудро, любыми средствами. Нужно будет осторожно привлечь к делу Джорджа Бингля: потом уберем его вместе с теми двумя...

— А как же с Брентлеем, хозяин?..

— Хм! С Брентлеем?.. Попытаюсь-ка я потолковать с Древверсом и устроить перевод Брентлея к тем двоим, в угловой каземат... Торопитесь, старики, время не ждет.

Тюремный стражник держал под уздцы верхового коня лорда Ченсфильда. Знатный гость прощался с начальником тюремной крепости. Он сделал майору знак глазами, и тот, отослав стражника, сам взялся за недоуздок.

— Послушайте, майор!

Древверса удивил тон милорда — усталый, добрый, задушевный тон.

— Нынче двадцать первое число, майор. Сочельник подходит!

— Да, это самый лучший день в году, милорд.

— Знаете, майор, эти двое там, внизу... В конце концов, вред они причинили главным образом мне... Жить им остается недолго... Ведь эта лондонская комиссия, августейше назначенная в моих интересах, повесит их обоих, а, майор?

— Это так же верно, как то, что меня зовут Древверс, а вас — сэр Фредрик Райленд, милорд.

— Так вот, Древверс, господь создал нас с вами христианами. Они — преступники, пираты, злодеи, но пусть и их заблудшие души порадуются празднику. Дочь просила разрешения посетить тюрьму, чтобы чем-нибудь скрасить участь несчастных. Так вот, когда она приедет к вам... Вы понимаете?.. Конечно, не надо позволять ничего особенного... Но маленькое послабление ради близкого праздника... Кандалы, например. К чему они в таких стенах? Это же просто излишняя жестокость... Должно быть, они католики, эти молодые пираты?

— Самые закоренелые паписты, милорд!

— Что ж, и закоренелым папистам нужно пастырское утешение. Дочь приедет с отцом Бенедиктом, знаете, с этим добрым монахом из портовой капеллы. Ведь для них наступает последний сочельник!

— Это так же верно, милорд, как...

— ...то, что меня зовут Райленд. Я понимаю вашу мысль. Но, Древверс, пусть этот маленький сговор останется только между нами и никому не подаст повода к толкам об излишней снисходительности к закоренелым злодеям. Оставьте их в том же суровом каземате, но затопите печь. Снимите с них кандалы... Этот старый пройдоха Брентлей томится сейчас в одиночке... Послушайте, переведите и его к ним! Втроем им не будет так тоскливо... Но молчок, Древверс!

— Могила, милорд, немая могила — вот кто такой Древверс, если это угодно вашему лордству.

Граф потрепал майора по плечу.

— Хирлемс не должен быть слишком строг, если отец Бенедикт передаст этим заблудшим овцам... В общем, если у них появится стаканчик чего-нибудь живительного и маленький пирог. А этого Бингля, худож-

ника, попросите сделать набросок моей дочери... Понимаете, среди заключенных, в тюремном каземате... Это же останется ей воспоминанием на всю жизнь, не так ли?

Тюремщик чуть не задохнулся от восторга.

— Понимаю, милорд, понимаю! Эдакая картина... луч света в царстве скорби... или даже, как бы сказать, хождение девы в преисподнюю... Будьте уверены во мне, милорд, не будь я майор Древверс!

Глава двадцатая

ТЕРПИН-БРИДЖ

1

Большой дилижанс королевского тракта Лондон — Бультон прибыл утром 22 декабря раньше расписания. Все десять внутренних мест дилижанса были заняты правительственными лондонскими чиновниками, и лишь наружные верхние сиденья оставались к услугам частных пассажиров. Сокращая стоянки и меняя лошадей на станциях вне всякой очереди, кучер сэкономил в пути несколько часов.

Во дворе гостиницы «Белый медведь» из дилижанса вышли два джентльмена в больших париках и форменных мундирах. Джентльменов сопровождали три морских офицера различных рангов, канцелярист-секретарь и двое слуг. Прибывшие проследовали в общий зал, величественно раскланялись с публикой, томящейся здесь в ожидании карет, и сразу потребовали хозяина отеля. Рыжеусый человек с выправкой отставного военного подошел к приезжим.

— Хозяин, мистер Крейг, к сожалению, в настоящую минуту отсутствует. Его главный компаньон мистер Кремпфлоу тоже находится в отъезде. Принимать посетителей и заботиться об их удобствах поручено мне. Я тоже скромный компаньон этого заведения, сударь.

— Ваше имя, любезнейший? — осведомился один из джентльменов.

— Линс, Уильям Линс, с вашего позволения, сэр. Вероятно, вам угодно получить комнаты?

— Да, Линс, пока нам нужны всего три большие, спокойные комнаты. С завтрашней каретой должен приехать генерал и несколько чиновников.

— Разрешите записать в книгу ваши имена, сэр.

Важный джентльмен протянул Линсу свои документы, после чего поклоны третьего совладельца сделались еще почтительнее и, если это только было возможно, еще ниже.

— Кого прикажете известить в городе о вашем прибытии, ваша милость?

— Городского мэра и судью, коменданта гарнизона, начальника тюремной крепости майора Древверса и лорда-адмирала сэра Фредрика Райленда графа Ченсфильда. К майору Древверсу пошлите курьера немедленно и попросите этого офицера прибыть в гостиницу.

Джентльменам отвели три лучшие смежные комнаты во втором этаже отеля. Прислуга могла наблюдать, как в коридоре перед дверью покоев занял пост один из слуг приезжих господ. Он уселся у двери, как цербер, разложив перед собою на столике толстую разграфленную тетрадь, несколько перьев и дорожную чернильницу. Удостоверившись, что канцелярия готова к приему посетителей, он положил локти на столик и погрузился в дремоту.

Уже через час весь Бультон знал о прибытии в город лондонского прокурора сэра Голенштедта, адмиралтейского чиновника для особых поручений мистера Бленнерда и другого персонала лондонской комиссии. По городу молниеносно распространились самые невероятные слухи о целях приезда этих гостей. В иных конторах и частных домах запылали целые вороха бумаг, замелькали свечи в темноте подвалов, и немалое количество звонких желтых кружочков спешно обрело подземное упокоение под корнями садовых деревьев. Совладелец конторы «Мортон и Дженкинс», бывший клерк мистера Томпсона, тощий мистер Дженкинс, унимая учащенное биение сердца, придирчиво присматривался к малозаметному чулану во дворе своего жилья. Там рядом с несколькими литографскими камнями и всевозможными склянками находился небольшой медный пресс... Мистер Дженкинс опоздал в этот день в контору, ибо долго трудился во дворе: заколачивал двери чулана старыми досками, заваливал его поленьями и мусором.

По прошествии двух часов с момента приезда комиссии полнотелый майор Древверс, затянутый поясом и перевязью наподобие портпледа, вошел в гостиницу «Белый медведь». Лондонский прокурор вручил ему приказ, самолично подписанный лордом-канцлером, об особо строгом режиме содержания двух арестантов с пи-

ратского капера и их преступного сообщника капитана Гая Брентлея. Вместе с тем лондонский прокурор сообщил, что уполномочен произвести инспекцию бультонской тюрьмы.

Когда майор умчался исполнять приказание начальства, члены комиссии велели заложить карету. Горожане кланялись этой карете ниже, чем соборному алтарю. Карета, сопровождаемая еще одним экипажем, проследовала к северному предместью, где на вершине каменистого холма столетиями царила над городом зубчатая стена бультонской крепостной тюрьмы.

2

У наглухо закрытых крепостных ворот толпились понурые, бедно одетые женщины, подростки и старики с сумками и узелками в руках. Это были родственники здешних арестантов, надеявшиеся получить свидание с узниками или хотя бы вручить им приношения к празднику. Однако предупрежденная майором Древверсом стража сегодня не допускала родственников в пределы крепостных стен. Чуть поодаль от ворот храпели и топтались серые кони щегольской лакированной коляски. Стражники теснили понурую толпу от решетки и были глухи к уговорам и просьбам. Кучер нарядной коляски поворачивал коней назад, ибо седоки, по-видимому, уже потеряли надежду обратить на себя внимание суровых стражей.

На заднем сиденье коляски восседала высокая пожилая дама. Она держалась так прямо, словно спина ее была выстрогана из цельной дубовой доски. Рядом с ней помещалось духовное лицо — старый монах в черной сутане и круглой шляпе. И, наконец, переднее сиденье занимала молоденькая красавица в легкой меховой шубке. Она сидела спиною к вознице и старательно пряталась от любопытных взглядов за высоким лакированным бортом и стеклянным фонарем коляски.

К тюремным воротам подкатили два экипажа с членами лондонской комиссии и представителями местных властей. Городской мэр мистер Хью Бетлер вгляделся в седоков коляски и, к своему немалому удивлению, узнал мисс Изабеллу Райленд. Но в этот миг ворота распахнулись, полдюжины солдат с алебардами выстроились под массивной аркой, оттесняя в стороны убогих просителей, чтобы освободить дорогу экипажам ко-

миссии. Навстречу карете шел, придерживая шпагу, сам майор Древверс.

— Кто эти люди у ворот? — осведомился лондонский прокурор.

— Родственники заключенных, милорд. — Произнося эти слова, майор бросал вокруг устрашающие взгляды.

— А эти леди и духовное лицо в коляске?

Майор Древверс только теперь увидел обеих дам и отца Бенедикта. Кучер коляски уже поправил упряжь и собирался взобраться на козлы. Майор растерялся.

— Простите, милорд, я не знал, что леди уже прибыли. Это, с вашего позволения, мисс Изабелла Райленд, дочь его лордства графа Ченсфильда... Движимая милосердием, она намеревалась... так сказать... принести утешение некоторым благонамеренным узникам.

— Но почему же эти леди уезжают? Очевидно, ваша стража, майор, не допустила их к исполнению задуманного? И почему расходятся остальные люди, эти родственники?

— Сэр, я полагал, что вашему лордству не будет угодно, как бы сказать, наличие постороннего присутствия в часы вашего, так сказать, пребывания! — Майор заикался, краснел от натуги и служебного рвения.

— Вы, очевидно, полагаете, майор, что королевскому прокурору чужды разумная благотворительность и чувство христианского милосердия? Это глубоко ошибочное представление, мистер Древверс. Прикажите немедленно впустить сюда всех этих людей. Прошу вас, представьте этим дамам меня и мистера Бленнерда.

Майор метнул свирепый взгляд на стражников. По знаку майора кучер коляски снова повернул лошадей к воротам. Через несколько мгновений мисс Изабелла вышла из экипажа на каменные плиты тюремного двора. Она удостоила майора Древверса не слишком приветливым кивком и сделала очень милый книксен членам королевской комиссии.

В канцелярии тюрьмы прокурор приветливо осведомился у барышни о здоровье лорда-адмирала и одобрительно отозвался о христианских намерениях его дочери. Изабелла отвечала, краснела, приседала и улыбалась по всем правилам. Мисс Тренборн осталась довольной, патер Бенедикт вздыхал умиленно. Высокий, красивый офицер, которому подчинялись оба других военных и писарь, не сводил глаз с милой барышни. Даже угрюмый

мистер Бленнерд глядел на нее благожелательно. Мисс Изабелла явно склоняла в свою пользу жрецов грозной богини юстиции! Прокурор поманил к себе высокого офицера.

— Разрешите представить вам, мисс Райленд, кавалера де Кресси, моего ближайшего помощника. Если вам угодно осмотреть тюрьму в нашем обществе, он послужит вам проводником.

Румянец Изабеллы еще чуточку усилился, а кавалер де Кресси поклонился ей с отменной учтивостью.

— Прошу вас, господин де Кресси, приступить к делу, — распорядился прокурор. — Мисс Райленд, вам предстоит поскучать полчаса в обществе старых судейских джентльменов. Присядьте вот здесь, в этом уголке, — тут немного теплее. Мистер Древверс, теперь покажите мне портреты арестантов-пиратов.

— Но, сэр, это совершенно секретные узники, и наличие здесь, как бы сказать, постороннего присутствия...

— Не понимаю той таинственности, которой вы здесь окружили обыкновенных морских разбойников. Почему секретные? В недалеком будущем весь Лондон увидит их на виселице. Ваша единственная задача, мистер Древверс, — это предотвратить любые попытки к побегу этих отъявленных головорезов. Прошу, дайте сюда их портреты.

Вся свита милорда прокурора не без любопытства принялась рассматривать кусочки белого картона. Было видно, что эти рисунки изготовлены почти мгновенно. Майор пояснил джентльменам, что это торопливые копии с портретов, а более тщательные портреты, сделанные с натуры, переданы в распоряжение лорда-адмирала и полиции.

При этих словах мисс Изабелла разглядела в руках прокурора один из портретов. О боже, да ведь накануне она видела в отцовском кабинете изображение этих же самых лиц!.. Значит, отец сказал ей неправду? Странно: вчера он запретил ей ехать в крепость, а сегодня сам торопил и был таким добрым, ласковым... И оказалось, что отец Бенедикт уже поджидает ее в капелле со свертком гостинцев для бедных узников. Никогда не поймешь их, этих старших...

Прокурор удивленно взирал на скупые штрихи рисунков.

— Портреты выполнены рукой подлинного мастера. Кому вы заказывали их, майор?

— Нашему тюремному портретисту, мистеру Джорджу Бинглю.

— Тюремному художнику? — еще удивленнее переспросил прокурор. — Любопытное нововведение... И давно он служит у вас, этот художник Бингль?

— С тех пор, как освободился из заключения: около полугода, милорд.

— Кем он был осужден?

— Бультонским судьей, милорд. Отбыл десять лет.

— Вот как? Обращался ли он с кассацией к нам, в канцлерский суд?

— Право, не припоминаю, милорд. Но он имел преступные намерения против государственных устоев и не мог ожидать снисхождения от канцлерского суда.

— Пригласите-ка его сюда... Мистер Бленнерд, я хочу пока побеседовать с пиратом Алонзо, а также с капитаном Брентлеем.

В ожидании привода заключенных прокурор внимательно рассматривал портреты. Наконец за дверью послышалось звяканье кандалов и металлический звук одновременного удара об пол двух ружей. Дверь распахнулась, и конвоиры ввели дона Алонзо.

Арестант поддерживал левой рукой цепь своих кандалов, а правой сделал приветственный жест присутствующим. Он стал перед сэром Голенштедтом в небрежно-свободной позе, насколько это позволяли ему скованные запястья и щиколотки, и, глядя на чиновника, казалось, наивно удивлялся его важному, величаво-строгому лицу и наряду.

— Вы находитесь перед главным прокурором канцлерского суда, Алонзо де Лас Падос, — проговорил майор.

— Вижу, — весьма лаконично ответствовал пленник.

— Станьте, как подобает!

Дон Алонзо не обратил, однако, внимания на окрик тюремщика, ибо лишь теперь заметил в углу два больших, очень красивых и участливых серых глаза. Он еще раз отвесил короткий поклон прокурору и значительно более продолжительный — неизвестной обладательнице серых очей. При этом он без труда рассмотрел, что эти последние стали довольно быстро заволакиваться

чем-то прозрачным и блестящим, как роса на цветочных лепестках.

— Алонзо де Лас Падос, предъявлено ли вам и вашему соучастнику обвинение? — спросил прокурор.

— Нет, не предъявлено...

— ...сэр! — с возмущением подсказал майор Древверс. — Вы забываетесь, Алонзо де Лас Падос!

Юноша не удостоил начальника тюрьмы даже взглядом.

— Вы настаиваете на том, что ваше имя, а также имя вашего второго сообщника суть подлинные имена? — продолжал прокурор.

— Они столь же подлинны, как и имя нашего противника, в чьей власти мы находимся благодаря низкому предательству.

— Не понимаю... Вы имеете в виду лорда-адмирала Ченсфильда?

— Да, я подразумеваю лицо, которое уже много лет называет себя этим именем.

— Признаете ли вы, что являетесь одним из главарей пиратского экипажа с корабля «Три идальго» и схвачены при попытке ограбления судна «Орион», принадлежащего «Северобританской компании?»

— Не только не признаю, но отрицаю самым категорическим образом, господин королевский прокурор. Наш вольный корабль, под командованием синьора Диего Луиса эль Горра, чьим первым помощником являлся я, никогда не был пиратским судном. Он служил делу американской революции, боролся против позора работорговли, мстил за попранные человеческие права... Только наше пленение помешало нам отдать наш корабль под знамена французских друзей свободы для борьбы с тиранией.

В этот миг в комнату ввели капитана Брентлея. Старик узнал Изабеллу, притихшую в своем уголке, и поклонился ей.

— Ваше имя и звание?— спросил Бленнерд.

— Гай Рандольф Брентлей, капитан флота, сэр.

— Что побудило вас, Брентлей, изменить присяге и воинскому долгу?

Краска негодования бросилась в похудевшее лицо старого воина.

— Ни единым помыслом я не изменял присяге и отечеству! Я намеревался лишь соблюсти международный

обычай и не пятнать своего флага убийством безоружных парламентеров.

— Подтверждаете ли вы, что пиратское судно «Три идальго» первым напало на ваш корабль с целью ограбить его?

— Напротив, сударь. Капитан корабля «Три идальго» не ответил на мой орудийный залп и предложил мне свободно следовать своим курсом.

— Подтверждаете ли вы, что находились в преступном заговоре с пиратами против лорда Ченсфильда?

— Нет, сударь. Когда я услышал от этого молодого пирата речи, порочившие честь лорда Ченсфильда, я предложил Алонзо де Лас Падосу покинуть борт моего корабля и приготовиться к смертельному бою.

— Хорошо, все это мы проверим. Господа, полагаю, что пока мы слышали достаточно. Майор Древверс, прикажите увести арестованных.

В дверях арестанты столкнулись с запыхавшимся Джорджем Бинглем. Он растерянно остановился посреди комнаты и увидел свои рисунки в руках важного чиновника в очень пышном и кудрявом парике.

— Мистер Джордж Бингль, художник? — Тон джентльмена был доброжелательным.

— Да, сэр.

Чиновник пристально вглядывался в него из-за стола. Под этим взглядом Джордж окончательно смешался.

Глаза джентльмена с каждым мгновением делались строже.

— Скажите-ка мне, Бингль... — В голосе прокурора появились зловещие, вкрадчивые нотки. — Скажите-ка мне, работая над портретом вот этого человека, вы... не нашли в нем... знакомых черт?

Прокурор показывал Джорджу портрет синьора Маттео.

Художник побелел так, что сделался похожим на восковую фигуру из паноптикума[1].

— Нет, не нашел, сэр, — вымолвил он с огромным трудом.

— Джордж Бингль, именем закона я арестую вас. Майор, возьмите этого человека под стражу и поместите вместе с обоими пиратами. Переведите к ним и Брентлея. По некоторым причинам я полагаю необходимым быстрее перевести их в лондонский Ньюгейт. Приготовь-

---

[1] Паноптикум — в старину музей восковых фигур.

те к завтрашнему вечеру тюремную карету и надежный конвой. Мистер Бленнерд, мы отбудем одновременно лондонским дилижансом.

Когда совершенно уничтоженный Джордж Бингль был взят под стражу и выведен из канцелярии, прокурор обратился к Изабелле:

— Мисс Райленд, простите, что дела задержали нас и помешали вам приступить к исполнению ваших человеколюбивых намерений. Теперь мы готовы начать осмотр тюрьмы и, если вам угодно, приглашаем вас и ваших спутников последовать за нами.

Глаза Изабеллы были сухими, побледневшее лицо выражало гордость, гнев и боль.

— Очень вам признательна, милорд, за то, что вы сделали меня свидетельницей вашей беседы с этими людьми. Я слышала намеки, затрагивающие честь моего отца, и не могу оставаться равнодушной к ним. Простите меня, но я слишком взволнована, чтобы приступить сейчас к исполнению христианского долга. Мне придется выбрать для этого другой день.

— Как вам угодно, сударыня, — сухо проговорил прокурор и сделал знак своей свите следовать за ним.

В опустевшей канцелярии остались только обе дамы, патер Бенедикт и писец за столом. Он укладывал бумаги в большой мешок. Изабелла взглянула сквозь решетку в окно, отыскивая глазами экипаж во дворе.

— Мы едем домой, мисс Тренборн. Святой отец, простите меня, но я не в силах оставаться дольше в этих стенах.

— Ни слова больше, дочь моя, ни слова! Я понимаю вас. Но ваш благородный отец, Изабелла, просил меня приготовить кое-что для этих ослепленных грешников, томящихся в узилище... Там, под сиденьем в экипаже, я положил...

— Хорошо, святой отец, делайте все, о чем просил папа, но не говорите мне больше об этих людях.

Обе леди и монах вышли из канцелярии и сели в экипаж. Отец Бенедикт подозвал стоявшего во дворе тюремного надзирателя Хирлемса, достал из-под сиденья небольшой продолговатый сверток и вручил его тюремщику. Тот спрятал сверток под плащом и заторопился к дверям, ведущим в подвал главного корпуса.

Коляска тронулась, но доехала только до крепостных ворот. Никакие уговоры открыть ворота и выпустить коляску из крепости не подействовали на страж-

ников, они требовали пропуска или личного распоряжения майора Древверса.

Расстроенная мисс Райленд выпрыгнула из коляски. Она знала, что майор сопровождает комиссию при осмотре тюрьмы, и раздумывала, как бы отыскать его. Бродить самой по мрачным дворам и расспрашивать охрану было неловко. Послать кого-нибудь к майору?

Изабелла вошла в канцелярию. Писец еще возился с бумагами, а рядом с ним стоял молодой кавалер де Кресси. Он удивился, увидев Изабеллу одну, без спутников, и вдобавок с явно раздосадованным лицом. Офицер очень вежливо спросил девушку о причинах возвращения и сам вызвался немедленно уладить затруднение.

Они вместе вышли. При солнечном свете Изабелла смогла хорошенько рассмотреть своего провожатого. Это был высокий, широкоплечий, очень молодой человек с гибкой, легкой фигурой. Румянец отличного здоровья заливал его щеки, темно-синие глаза глядели беззаботно и весело. Крепкая рука небрежно касалась эфеса шпаги, другая осторожно поддерживала локоток мисс Изабеллы. В наружности кавалера де Кресси было нечто до такой степени располагающее к себе, что Изабелла не смогла не улыбнуться молодому человеку. Он сильнее сжал ее локоток и остановился под сводом арки, соединяющей два внутренних тюремных двора.

— Я очень рад, мисс Райленд, что благодаря исполнительности стражи мне представилась возможность сказать вам несколько слов наедине. Прошу вас поверить, что честь виконта... виноват, графа Ченсфильда дорога мне так же, как и... каждому вашему земляку. Мне хочется от всего сердца заверить вас, что фамильную честь имени Райленд я гóтов отстаивать ценой моей жизни...

Изабелла подняла на него глаза в полном недоумении. Молодой человек с каждой минутой нравился ей все больше, и она не торопилась высвободить свою руку из плена, но невольно чувство тревоги нарастало в ней.

— Не станете же вы утверждать, сэр, что самонадеянные и оскорбительные намеки этого пирата имеют под собой хоть какую-нибудь почву?

— А разве не кажется вам, сударыня, что синьор Алонзо — тоже человек чести?

— Я не могу отказать ему в большом чувстве соб-

ственного достоинства. Это испанец! Но самоуверенность его граничит с наглостью. Сначала он вызвал во мне некоторое участие, но его дальнейшие слова... О, будь я мужчиной и услышь я эти оскорбительные речи синьора Алонзо при иных обстоятельствах... я знала бы, как держаться с наглецом!

— Мисс Райленд, разрешите мне свершить то, что и вы считали бы должным сделать в защиту фамильного имени. Я говорю не о мести безоружному пленнику, которого и без того ждет жестокая участь... Но мне известно многое... Вас ждут впереди немалые испытания и огорчения... За честь и доброе имя Райлендов еще прольется, быть может, кровь. И, когда этот час настанет, я хочу иметь право написать на щите ваше имя и хранить в сердце ваш облик!

— Боюсь, сэр, что вы слишком увлеклись собственным красноречием. По какому праву вы обращаетесь ко мне с этими странными речами, и что они значат?

— Простите меня, мисс Райленд! Я действительно совершил ошибку, поддавшись невольному порыву... Теперь прощайте и, умоляю вас, сохраните нашу беседу в тайне.

Совершенно сбитая с толку, растерянная и смущенная, Изабелла уселась на подушках коляски против мисс Тренборн. Как сквозь сон, она услышала властный голос кавалера, отдававшего приказания стражникам. Ворота распахнулись, коляска миновала длинную каменную арку и помчалась вдоль крепостной стены.

Изабелла подставила лицо под струю свежего ветра с реки. Она не могла разобраться во всем ворохе неожиданных и противоречивых впечатлений. Резкие колебания в настроениях отца... Впервые замеченная отцовская ложь... Оскорбительный тон речей Алонзо... Странные слова молодого кавалера де Кресси... Голова юной леди шла кругом!

И лишь в одном-единственном чувстве мисс Изабелла безошибочно отдала себе отчет: это было бог весть почему нахлынувшее чувство полнейшего равнодушия... к образу мистера Уильяма Блентхилла!

...На почтовом тракте Изабелла еще издали разглядела встречную карету. На ее дверцах красовался тот самый фамильный герб, во славу которого хотел бороться де Кресси. Уже разминувшись с коляской, карета остановилась. Правое оконце опустилось. Лорд-адмирал выглянул из него и поманил к себе дочь.

Очень сбивчиво, почти в слезах, дочь поведала отцу все впечатления, исключив из повествования лишь последний разговор. Милорд внимательно слушал.

— За что же все-таки прокурор велел арестовать Бингля?

— Я ничего не поняла, папа. Это вышло так неожиданно!

— Да, странно... Где же отец Бенедикт?

— Мы довезли его до самого порта.

— Он передал пленникам сверток?

— Да, он отдал сверток тюремному сторожу... Но, папа, скажи мне, как смел этот Алонзо...

Милорд рассмеялся, не дал дочери договорить и потрепал ее порозовевшую щечку. Оконце кареты поднялось, экипаж тронулся.

Когда коляска скрылась за поворотом дороги, граф снова открыл окно и подозвал камердинера Мерча, верхом сопровождавшего карету.

— Этот пакет отвези в гостиницу «Белый медведь», вручи его сэру Голенштедту или мистеру Бленнерду и подожди ответа. Потом поезжай в порт и поговори с отцом Бенедиктом, он даст тебе записку для меня. Ответ сэра Голенштедта и записку патера ты доставишь мне в бультонский особняк. По дороге заверни в «Чрево кита», передай Линсу, чтобы тот наведался в крепость к Хирлемсу. Пускай Линс часам к пяти-шести тоже приедет в особняк. Я буду находиться там до вечера. Кучер, Сент-Джекобстрит, восемнадцать!

3

Надзиратель Джобб сначала втиснул в узкую дверь тюремного подземелья объемистый мешок, за которым последовали матрац, набитый конским волосом, и одеяло. Пока стражники просовывали эти предметы в дверной проем, узникам каземата могло казаться, что вещи сами собою шествуют к ним в гости. Вещи свалили в самом дальнем углу, после чего в каземат был водворен и сам владелец этого скарба, капитан Гай Рандольф Брентлей. Седой моряк коротко кивнул двум старожилам каземата. С шестифутовой высоты собственного роста он осмотрел пожитки в углу, сердито воссел на убогом ложе и, отвернувшись к стене, раскурил трубку. Вступать в беседу с соседями он был явно не склонен.

Двое «старожилов» располагались в противоположном углу. Они пошептались и решили не тревожить капитана расспросами.

Тюремные надзиратели сменялись в полдень. На сей раз мистер Хирлемс явился в каземат не один. Узники удивились, увидев рядом с ним тюремного портретиста. Капитан Брентлей не повернул головы, а два бывших парламентера смотрели на художника, затаив тревогу.

В отличие от капитана Брентлея, мистер Джордж Бингль не имел при себе даже скромного узелочка. Вид у него был убитый. Он остановился у двери, подождал, пока снаружи отгремят запираемые засовы, а затем, вероятно по старой арестантской привычке, сел прямо на пол, ибо мебели в каземате не имелось. Обхватив руками голову, он замер в позе человека, сраженного последним ударом судьбы.

Когда затихли шаги Хирлемса в коридоре, Алонзо сделал синьору Маттео некий тайный знак глазами. Однако Маттео отрицательно покачал головой и произнес шепотом:

— За нами, может быть, наблюдают. Мне не следует подходить к нему. Поговори с ним ты, Чарли.

Дон Алонзо, откликнувшийся и на более обыденное имя Чарли, положил руку на плечо сидящему.

— Видно, и к вам фортуна повернулась спиной, синьор живописец? — спросил он громко. — Перебирайтесь-ка в наш жилой угол. Там найдется место на соломенном тюфяке. Он называется у нас ковром-самолетом... Здесь дует от двери! — добавил он многозначительно.

Понурый мистер Бингль перешел в угол, на «ковер-самолет». Синьор Маттео следил за каждым его движением на редкость сердобольными взглядами, с трудом маскируя свои смятенные чувства. Дон Алонзо шепотом заговорил с художником:

— Что случилось? За что вас сюда? Почему без вещей? Чужих ушей можете не опасаться: наш шепот им не слышен...

— Меня неожиданно вызвал прокурор канцелярского суда...

— Значит, арестовал вас господин прокурор? — удивленно протянул дон Алонзо.

— Да, это сделал именно мистер Голенштедт. Сна-

чала он показал мне портрет брата, спросил, знаю ли я этого человека, а затем велел арестовать меня. Нас всех повезут в Лондон. Прокурор велел готовить тюремный возок уже к завтрашнему вечеру.

Дон Алонзо многозначительно переглянулся с синьором Маттео, а потом заслонил художника от дверного оконца: пользуясь спиной Алонзо как прикрытием от враждебных взглядов, оба брата, Томми и Джордж, так неожиданно брошенные прихотливой судьбой в один тюремный каземат, торопливо расцеловались после шестнадцатилетней разлуки... Но обменяться словами привета, хотя бы короткими и бессвязными, им не пришлось. Лязгнул замок, оба мгновенно отвернулись друг от друга... В камеру вошел надзиратель Хирлемс. Его испитая физиономия была чуть менее угрюмой, чем обычно. Плащом он прикрывал какой-то сверток. Надзиратель подозвал синьора Алонзо, приложил палец к губам и опасливо оглянулся на дверной «глазок»:

— Монах из католической часовенки посылает вам, господа, свое пастырское благословение. Он хоть и папист, как и вы, а человек добрый. Уж как он меня за вас упрашивал!..

Надзиратель протянул молодому человеку сверток. Внутри узелка что-то булькнуло. Хирлемс скривил свою физиономию, что долженствовало означать улыбку.

— Только не подведите меня, господа. Если комиссия что-нибудь пронюхает... Упаси бог! Ну, да уж я надеюсь на своих арестантов. Так и быть, празднуйте рождество, раз нашелся добрый человек... Виселица — виселицей, а праздник — праздником.

Непривычно ласковый тон Хирлемса очень удивил узников. Дон Алонзо нащупал в свертке бутылку, ухватил ее и вытянул горлышко наружу.

— Я ничего не вижу, господа, ничего не замечаю, — заволновался надзиратель, — но смотрите, чтобы никто не затевал шума и песен... Хм! Что бы там могло быть, в этом сосуде?

— Не желаете ли вы, мистер Хирлемс, отведать, каково на вкус пастырское благословение?

Хирлемс крякнул довольно неопределенно. Угадать сорт напитка по цвету было трудно, и лицо надзирателя приняло выражение мученика науки, готового к самоотверженному эксперименту. Алонзо вы-

тащил пробку. Хирлемс подставил кружку под довольно густую струю и произвел дегустацию.

— Кажется, ром с джином, — произнес дегустатор в раздумье и, чтобы окончательно рассеять сомнения, допил кружку до дна. — Это строго-настрого запрещено в тюрьме, господа.

— Считайте, что это легкий портер, Хирлемс, и сделайте еще глоток.

Мистер Хирлемс повторил пробу в удвоенной дозе и вытер губы рукавом.

— Только в «Чреве кита» можно выпить хорошего рому, — заметил он убежденно. — Этот ром хорош, значит, взят у мистера Линса.

Доказав этим силлогизмом[1] свою способность к глубоким философским умозаключениям, Хирлемс повернулся к двери и вышел из каземата. Не успели шаги стихнуть в конце подземного коридора, как синьор Алонзо взялся за предметы, извлеченные из свертка. Узники избрали для первой трапезы плоский хлебец, несколько яблок и остаток напитка. «Ковер-самолет» превратился в «скатерть-самобранку».

Алонзо разломил хлебец и... извлек из него две маленькие пилы, бутылочку жидкого масла и записку, сложенную вчетверо. Печатными буквами было написано следующее:

«Сегодня к полуночи распилите решетку. После полуночной смены караулов выбирайтесь из каземата. Часовых на стене уберем и бросим вам веревочную лестницу. Верховые лошади будут за рвом.

Друзья».

Записка быстро обошла всех трех узников и была уничтожена. Только Брентлей остался в неведении об отважном замысле тайных друзей. Лица пленников с корабля озарились радостной надеждой, но мистер Бингль, напротив, помрачнел и потупился. Он сделал знак брату и дону Алонзо. Те вытянулись на тюфяке рядом с Джорджем и, защитив лица одеялом, выслушали соображения Джорджа Бингля.

---

[1] Силлогизм — умозаключение из двух предпосылок и вывода.

Молодые люди узнали, что духовное лицо, прислав-шее «пастырское благословение», поддерживает довольно близкие отношения с владельцем поместья Ченсфильд... Оказалось также, что, по странной случайности, не кто иной, как именно надзиратель Хирлемс, некогда привел Шарля Леглуа к узнику четырнадцатой камеры... А хлебец, содержащий записку «друзей», не был ни надрезан, ни проколот для проверки...

...Был пятый час дня, когда члены лондонской комиссии добрались, уже под конец инспекторского обхода, до углового каземата.

В полутемном подземелье замерцал огонь свечей. Каземат наполнился мантиями, париками, мундирами и лентами. Позади блестящей свиты прятался надзиратель Хирлемс. Он вытягивал свою шею из-за перьев и эполет, чтобы не упустить замечаний прокурора, но при этом старательно прикрывал рукою рот и сдерживал дыхание, ибо оно испускало в атмосферу подозрительные пары.

Прокурор молча осмотрел каземат и, уже собираясь уходить, задал скучающим тоном казенный вопрос:

— Есть ли жалобы на тюремную администрацию?

— Сэр, нас содержат в невыносимых условиях. Разрешите подать вам лично письменную жалобу.

Брови прокурора удивленно поднялись, а затем недовольно сдвинулись. У майора Древверса задвигалась щека. Он с наслаждением задушил бы собственными руками узников углового каземата. Жаловаться? Ну погодите, голубчики!..

— Господин де Кресси, — кислым тоном процедил прокурор, — прошу вас, примите от арестанта его жалобу. Мы возвращаемся в канцелярию.

Кавалер де Кресси остался в каземате. Он велел Хирлемсу принести принадлежности для письма. Два солдата-конвоира стали за дверью...

Хирлемс, тяжело дыша, протянул офицеру бумагу, перо и чернила. При этом обоняние офицера уловило винные пары.

— Да вы пьяны, любезный?

Хирлемс споткнулся, и офицер должен был встряхнуть его за шиворот. В довершение бед, арестанты каземата повели себя нагло и предъявили в своей жалобе незаконные и неумеренные претензии.

Через четверть часа в крепости бушевал шторм. В угловом каземате, а также в опустевшем жилище Джорджа Бингля были произведены строгие обыски. У арестованных оказалась бутылка со свежими следами крепкого спиртного напитка и нашлись две пилки, что явно свидетельствовало о попытке к бегству. Надзиратель Хирлемс получил двадцать суток гауптвахты. Сэр Голенштедт наложил взыскание на майора Древверса.

— Вы распустили арестантов, вы отучили их от почтительности, Древверс! — гневно кричал милорд прокурор. — Они собирались бежать, и на воле у них есть сообщники! Приказываю вам немедленно посадить этих наглецов в карцер, приковать их к стенным кольцам, не спускать с них глаз! Вы ответите перед законом за малейшее послабление тюремного режима!

В гостиной на Сент-Джекобстрит лорда-адмирала уже ожидали. Вудро Крейг мешал угли в камине, Джеффри Мак-Райль полировал ногти замшевой подушечкой, Джозеф Лорн расхаживал по комнате. Накрытый столик перед камином напоминал артиллерийскую батарею крупных калибров. Ассортимент отличался простотою и был рассчитан на чисто морской вкус. Мерилом для подбора служила главным образом крепость напитков.

Граф Ченсфильд, эрл Бультонский, вошел стремительно. Не здороваясь с джентльменами, он сразу проследовал к столику, загородил его и свирепо оглядел присутствующих.

— Ни глотка, пока не услышу разумного слова! Кстати, к вашему сведению: прокурор велел арестовать Бингля.

— Вот те на! За что?

— Пока неизвестно. Попробуем выяснить через Хирлемса.

Вудро Крейг беспокойно заерзал на стуле.

— Нет, Джакомо, причина ареста, пожалуй, и без Хирлемса понятна. Прокурор молодец! Недаром образина этого Маттео Вельмонтеса сразу бросилась мне в глаза... Я разгадал его. Знаешь, кто он таков, этот Маттео?

— Не загадывай загадок. Кто же он? Англичанин? Американец?

— Достопочтенный гражданин бультонских мосто-

вых, родом с чердаков Чарджент-стрит. Это мистер Томас Бингль, родной брат художника Джорджа. Помнишь рассказ о мальчишке с обезьяной?

— Матерь божия! Кто же его узнал?

— Уильям Линс. Как только глянул на портрет, так и узнал паренька из Голубой долины.

— Значит, это стало известно и прокурору. Дело запутывается. Комиссия, похоже, пронюхала немало... Лорн, ты беседовал с ними?

— Нет еще. Но советую тебе, Джакомо: перенеси-ка все наличное золотишко на борт моего «Адмирала» и держи наготове шлюпку!

— Не вешайте носов, старики! Унывать рано. Алонзо еще не распознан?

— Нет. Вероятно, это действительно испанец.

— Послушайте, нет ли у него в самом деле сходства с Бернардито? Не может ли он оказаться самим Диего Луисом?

— Чепуха, Джакомо. С Бернардито у него нет ничего общего. Уж скорее он похож на тебя.

— На меня? Эх, Джузеппе, после гибели Чарли на меня в целом мире походить некому...

Лорд-адмирал подошел к столу, смешал в стакане несколько напитков и выпил одним глотком.

— Нынче предстоит работа. Членам комиссии я послал приглашение в Ченсфильд. Я задержу их там до утра. Джузеппе, побег пленников придется устраивать тебе.

— А вы, ваше лордство, будете в это время угощаться с джентльменами шампанским и устрицами? Это приятнее, чем лазить по крепостным стенам и резать часовых...

Граф Ченсфильд хватил кулаком по столу так, что одна из бутылок упала и все рюмки жалобно зазвенели.

Лорн, ссутулясь, медленно подошел к столу, оперся на него обеими руками и, глядя прямо в злые глаза лорда-адмирала, проговорил негромко и решительно:

— Не дури! После твоего островка меня трудно напугать кулаками и стуком. Нечего строить из себя милорда перед нами. Маши руками под носом прокурора Голенштедта! Его можешь взять за пуговицу или хоть за горло и вытрясти из него хлипкую юридическую душу. А старых друзей береги, Джакомо! Залетел ты высоко, но без нас тебе крышка, друг! Мы-то не много потеряем, коли придется переходить на новую «Черную

стрелу», а вот ты, Джакомо... Тебе падать побольнее!

— Хватит, Джузеппе! Давайте потолкуем о деле.

Лорд-адмирал принял миролюбивый тон, но в глубине его расширенных зрачков тлела плохо скрытая злоба. Вудро и Джеффри Мак-Райль притихли.

Четыре бультонских джентльмена уселись за столиком. Напитки убывали быстро. Со двора донесся звук подков, и камердинер Мерч в сапогах и плаще вошел в гостиную. За ним следовал Уильямс Линс, владелец таверны «Чрево кита». Камердинер вручил лорду-адмиралу записку от патера Бенедикта. Граф пробежал ее и бросил в камин.

— Мерч, ты видел милорда Голенштедта? Каков ответ?

— Велено сказать вашей милости, что джентльмены изволили отклонить ваше любезное приглашение в Ченсфильд. Но милорд прокурор благоволил просить вашу милость нынче самолично пожаловать в гостиницу к девяти часам вечера. А часом раньше, к восьми, милорд прокурор приглашает к себе мистера Вудро Крейга.

— Хорошо, можешь идти, Мерч.

Граф Ченсфильд подождал, пока дверь за камердинером захлопнется.

— Ну, Линс, выкладывайте новости.

— Дела обстоят неважно, милорд. В крепости целая буря. Нашли пилки. Хирлемс взят под стражу. Пленников перевели в строгий карцер. Завтра всех повезут в лондонский Ньюгейт. Бультонский конвой должен сопровождать карету до Шрусбери. Оттуда карета пойдет под конвоем тамошних солдат. Сведения эти я только что получил от Древверса. Джентльмены отправятся завтрашним дилижансом... Они желали видеть в гостинице вас и мистера Крейга.

— Знаю, благодарю вас. Поезжайте к себе.

Уильям Линс откланялся по-военному и удалился. Граф Ченсфильд отставил стакан.

— Да, план с побегом провалился. Просчет! Но, каррамба, мы еще подеремся! Черт его знает, что разнюхано комиссией и чего она еще не успела раскрыть. Так вот, Вудро, поезжай к ним сперва ты. А ты, Лорн, держись наготове. В девять поеду к ним я. Если там устроена ловушка и меня сцапают, тогда поднимай с Джеффри весь экипаж «Адмирала», выдайте ребятам побольше вина и штурмуйте бультонскую тюрьму. Ког-

да выручите меня, удавим тех четверых — Бреитлея, обоих Бинглей и Алонзо, — а потом поскорее все на борт! И держись тогда, добрый старый Бультон, держитесь, купеческие кораблики нашего любезного короля!

— Ишь развоевался, герой! — проворчал Лорн. — Может, незачем и в гостиницу ездить? Прямо на борт «Адмирала» — и фьюйть?

— Ну нет, будем держаться до последнего! Сейчас половина восьмого... Вудро, тебе пора к лондонским джентльменам... Кстати, Джузеппе, судно-то у тебя в порядке?

— Судно в порядке, припасов хватит.

— Хорошо! Держитесь, старики! Наша звезда еще не закатилась. В добрый час, Вудро!

В большом зале «Белого медведя» было оживленнее, чем в обычные предпраздничные дни. В этот вечер многие почтенные бультонцы явились в гостиницу, чтобы поглазеть на королевских чиновников из лондонской комиссии. В течение дня комиссия успела развить кипучую деятельность. Посещение тюрьмы ознаменовалось многими событиями, вроде приказа об освобождении всех крестьян-браконьеров, двух старух, незаконно торговавших печеным картофелем, многих бродяг и мальчишек, осужденных за нищенство; лишь пиратских главарей джентльмены приказали перевести на особенно строгий режим.

Однако, к разочарованию любопытных, лондонские жрецы Немезиды[1] не дали лицезреть себя в общем зале. Вскоре посетители увидели в вестибюле лишь скромную, хорошо знакомую фигуру мистера Вудро Крейга, самого владельца гостиницы, который, поклонившись гостям, проковылял на второй этаж. Получив разрешение войти в номер, мистер Крейг предстал перед милордом прокурором.

Сначала мистер Голенштедт позволил эсквайру Крейгу вдоволь налюбоваться буклями своего пышного парика, ибо прокурор в течение целых десяти минут не отрываясь писал что-то на листах бумаги, в то время как мистер Крейг тихонько откашливался, поскрипывал костылями и потирал переносицу.

---

[1] Немезида — в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за преступления.

Выдержав указанную паузу, прокурор пронзил мистера Крейга взглядом, острым, как дротик. Наконец, вглядевшись в оробевшего содержателя «Белого медведя» и узнав его, прокурор сделал более приветливое лицо.

— Мистер Вудро Крейг, не так ли?

— Да, сэр! Вам угодно было вызвать меня, ваше лордство?

— Сущий пустяк, мистер Крейг, ничтожная безделица, но мне хотелось бы уточнить ее. Вот эта масляная копия с какой-то миниатюры... Она обнаружена при обыске на квартире Бингля. Вам известно происхождение этой копии или ее оригинала?

— Я впервые вижу эту картину, ваше лордство.

— Значит, мистер Кремпфлоу, ваш компаньон, без вашего ведома заказал ее Бинглю? Последний утверждает, что это заказ вашего бюро, мистер Крейг.

— Мне ничего не известно об этом заказе, милорд.

— Что ж, значит, и вы не смогли помочь мне распознать особу, изображенную на этой картинке... Очень жаль! Больше я вас не задерживаю, Крейг! Вы свободны.

Вудро вышел из гостиницы, слегка пошатываясь. С масляной копии, чудесно выполненной Бинглем, на него только что глядела... синьора Молла, мать Джакомо Грелли...

...По прошествии получаса мистер Лорн уже находился на борту фрегата «Адмирал». Сам владелец этого корабля сжег некоторые бумаги, которые хранились в особняке на Сент-Джекобстрит, и освидетельствовал содержимое своего бумажника. Лишь после этих приготовлений он сел в карету и приказал везти себя в гостиницу «Белый медведь».

Граф Ченсфильд был сразу же приглашен в личные апартаменты милорда прокурора. Оба лондонских джентльмена — мистеры Голенштедт и Бленнерд — выразили глубокое сожаление, что оказались вынужденными потревожить столь высокую особу во время рождественских каникул.

Затем мистер Голенштедт открыл большую папку, извлек из нее связку документов и попросил сэра Фредрика Райленда несколько утрудить память. С приветливой улыбкой прокурор сказал:

— Я прошу вас припомнить, не приходилось ли вам когда-либо слыхивать такие имена: Леопард Грел-

ли, Джузеппе Лорано, Черный Вудро, Лисица Мак?

Эрл Бультонский удивился этим странным фамилиям и не припомнил ни одной из них.

Тогда чиновник из адмиралтейства тоже сверился со своими записями и любезно спросил, не припоминает ли граф некоего капитана Бернса, экс-капитана Шарля Леглуа и синьора Джиованни Каррачиолу.

Мистер Райленд смутно припомнил некоторые из этих имен и доставил этим, по-видимому, большое удовольствие обоим джентльменам. Засим они учтиво высказали свое огорчение, что служебные обстоятельства помешали им побывать в Ченсфильде, и пожелали его владельцу приятного времяпрепровождения на праздники.

Самым последним посетителем прокурорской канцелярии оказался редактор и издатель оппозиционного «Бультонс Адвертайзера» мистер Руби Розиниус. Это издание из года в год увеличивало свой тираж и приобрело солидный вес.

— У меня к вам отнюдь не деловая просьба, — сказал редактору мистер Голенштедт, и лицо прокурора озарилось милой улыбкой. — Я даже в Лондоне изыскиваю время, чтобы читать ваш журнал, и нахожу прелестными ваши воскресные приложения для детей.

— Я очень польщен, сударь, — пролепетал редактор.

— Видите ли, я и сам в минуты отдыха пишу сказки для детей и рассказываю их моим собственным малюткам. Мистер Шеридан[1], соединяющий государственный ум с талантом драматурга, не раз советовал мне отдать сказки в печать, и я хотел бы увидеть их в вашем воскресном приложении.

— Вы оказали бы мне этим большую честь, милорд.

— В таком случае, не угодно ли вам прочесть вот эту сказочку?

Редактор прочел короткую сказку, нашел ее высокохудожественной, глубоконравственной, захватывающей и поучительной. Он обещал напечатать ее в рождественском выпуске детского приложения к своей газете и удалился, чрезвычайно польщенный и успокоенный. Отпустив редактора, лондонский джентльмен приказал закончить прием.

---

[1] Ричард Бринсли Шеридан — автор известной комедии «Школа злословия» и других, занимал в конце XVIII века ряд видных правительственных постов, был избран членом парламента.

4

Глубокой ночью, перед наступлением рассвета 23 декабря, по дороге в Бультон шагали два молодых крестьянина. Их башмаки стоптались, заплечные мешки наполовину опустели — было видно, что пешеходы держат путь издалека. Рассвет чуть-чуть брезжил, когда путники добрались до глухого леса на землях поместья Уольвсвуд. Здесь дорога спускалась в большой овраг. Лента королевского тракта тянулась между лесными зарослями, словно между двумя рядами зубчатых крепостных стен. На дне лощины через мелкую речонку был перекинут горбатый каменный мостик. По преданию, именно здесь произошло в старину убийство лукавого епископа из Ковентри. Знаменитый разбойник Дик Терпин подстерег епископа на этом мосту, и с тех пор не только самый мостик, но и весь участок дороги, а также прилегающие к оврагу лесные угодья носили название «Терпин-бридж».

Переходя дугу мостика, где только-только могли разъехаться две почтовые кареты, пешеходы заметили человека, притаившегося под мостом. Поодаль от дороги валялись кирки и лопаты. В кустах на дне оврага, в стороне от моста, стояла подвода, груженная небольшими бочонками.

Путники поднялись на противоположную сторону лощины. На маленькой почтовой станции у поместья Ченсфильд крестьяне вошли в трактир «Веселый бульдог», заказали себе по кружке пива и по куску жареной баранины с луком. После завтрака они закурили трубки и просидели за столиком больше двух часов, пока не дождались своего третьего спутника, по-видимому где-то отставшего. Это был полунищий старик с седыми усами и растрепанной бородой. Он опирался на грубую черную палку и тяжело переводил дух. Подгоняемый нетерпеливыми младшими спутниками, старик наскоро перекусил, пожелал трактирщику веселых праздников и устало поплелся дальше, позади своих грубоватых товарищей.

Вскоре путники добрались до прибрежных скал, окаймляющих бухту. По крутому, извилистому спуску они подошли к строению купальни. Около бревенчатой стенки стояла наготове шлюпка, а в углублении между двумя скалами виднелись мачты небольшого корабля со спущенными парусами. Из узенькой трубы над камбу-

зом шел дымок: корабельный кок готовил обед для команды.

Хотя в облике трех пешеходов не было ничего даже отдаленно напоминавшего рыбаков или матросов, они весьма уверенно сбежали на обледенелый причал, уселись в шлюпку и налегли на весла с такой сноровкой, какая редко встречается у английских овцеводов или свинопасов.

Шлюпка подошла к маленькому носовому трапу, свисавшему на железных цепях. От нетерпеливо грубого обращения обоих молодых крестьян с их старшим спутником не осталось и следа. Они держали шлюпку у трапа, пока старик поднимался на палубу. Рослый негр заторопился навстречу, распахнул перед стариком дверь капитанской каюты и стал освобождать гостя от верхней одежды. В матросском кубрике переодевались и оба молодых крестьянина. Они сбросили шапки, куртки и башмаки и приняли вид заправских матросов.

По прошествии получаса шлюпка вновь пошла в сторону купальни; с борта корабля отправился на берег молодой чиновник, одетый довольно щеголевато, с претензиями на моду. Он спрятал весла в купальне и почти бегом пустился до рыбачьего предместья Бультона; здесь чиновник взял кэб и, постукивая озябшими ногами в деревянную стенку экипажа, покатил в гостиницу «Белый медведь». Когда прокурору доложили о прибытии посетителя, последовал приказ сейчас же привести чиновника в кабинет.

Узники углового каземата провели весьма неприятные сутки. Безжалостный прокурор велел держать их в карцере, приставить к ним караульного и приковать цепями к массивным стенным кольцам. На следующий день, уже перед наступлением сумерек, железная дверь распахнулась. Шестеро солдат, тюремный кузнец и сам майор Древверс вошли в карцер. Начальник тюрьмы был в теплом дорожном плаще поверх мундира. Затем перед узниками предстал строгий кавалер де Кресси. Он заговорил с пленниками внушительно и сурово:

— Приготовьтесь к следованию в другую тюрьму. Предупреждаю, что при малейшей попытке к бегству вы будете застрелены на месте.

Через час четырех пленников, с трудом передвигавших скованные ноги, вывели во двор. Им подставили

железную подножку и помогли одному за другим влезть в окованный железом кузов тюремной кареты. В упряжке тяжелого экипажа стояли четыре сильные бельгийские лошади. Возок сопровождали шестеро конных конвоиров из крепостного гарнизона.

Кавалер де Кресси сам проверил, надежны ли запоры кареты, и дал знак трогаться. Ворота распахнулись. Майор Древверс верхом на тощем клеппере выехал впереди кортежа. Де Кресси держался в арьергарде. Возок и кавалькада, миновав городской центр, выехали на загородный тракт. Здесь их ожидали в дилижансе все члены королевской комиссии, возвращавшиеся в Лондон, а также бультонский мэр Хью Бетлер и комендант гарнизона полковник Бартольд. Милорд прокурор, заметив приближение кортежа, высунулся из окна кареты, чтобы лично убедиться в надежности возка и конвоя. Затем он откинулся на подушку сиденья, колеса и копыта загремели, за окнами дилижанса неторопливо потянулись заснеженные дворики пригородных ферм.

Так как на свете нет ничего скучнее долгой зимней езды по казенной надобности, да еще в ночное время и перед самым сочельником, голова мистера Голенштедта стала клониться вперед. Мистер Хью Бетлер почел нужным вывести высокого коллегу из состояния путевой дремоты и раскрыл дорожный сундучок. В руках у джентльменов появились стаканчики с гравированными на них силуэтами соборных башен Бультона. Несмотря на толчки экипажа, стаканчики были благополучно наполнены. Напиток оказался грогом, еще не успевшим остыть. Милорд Голенштедт предложил тост за бультонское гостеприимство. Таким образом, первые мили пути джентльмены провели в скромных дорожных удовольствиях.

После шестого тоста королевский прокурор опустил оконце и подозвал кавалера де Кресси.

— Не забудьте предупредить меня, когда мы приблизимся к ченсфильдской роще. Любезнейший, — обратился прокурор к маститому кучеру дилижанса, — там, на повороте шоссе около рощи, сделайте небольшую остановку.

Луна уже взошла, когда из чащи уольвсвудского леса около Терпин-бриджа выбрались на шоссе четыре человека. Трое без труда преодолели придорожную ка-

наву, четвертый застрял в куче снега и вылез из канавы последним, кряхтя и бранясь. В руках у всех ночных джентльменов поблескивали ружья, лица были скрыты полумасками. Меховые плащи, низкие шляпы и сапоги с большими отворотами выглядели внушительно. Четыре лошади остались привязанными в чаще. Самый высокий из джентльменов осмотрелся по сторонам.

— Не маячьте на дороге, старики. Пора становиться по местам. Если карета задержится у «Веселого бульдога», нам придется померзнуть лишний часик. Если же они проследуют без остановки, то вскоре мы их увидим. Полезай за свой куст, Вудро... Осторожнее с проволокой к мине, старый черт!.. Важно, чтобы захватить взрывом обе кареты сразу. Полтонны лучшего артиллерийского пороха — это даст хороший щелчок господам юристам. Джузеппе, ты занимай свое место на шоссе, впереди моста, на случай, если одна из карет проскочит мост. Бомбу бросай прямо внутрь кареты или под передние колеса. Я с Лисицей Маком отрежу отступление, если вторую карету или конвой не удастся взорвать вместе с мостом. Мак, ты бросишь тогда бомбу, а я перестреляю уцелевших.

— Ни дать ни взять настоящий Гай Фокс! — пробормотал Джозеф Лорн. — Как бы не пришлось бультонцам таскать наши чучела на соборную площадь... Ты, Джакомо, зря не перевел «Адмирала» в бухту Старого Короля.

— Чтобы каждый осел догадался, кем устроено дело на Терпин-бридже? Нечего торопиться с бегством. Корабль наготове, отдать концы никогда не поздно, а нынешним ударом мы еще можем спасти многое. Я верю в свою звезду! Время уже за полночь; вон он стоит над лесом, мой Орион... Старики, сейчас будет славная потеха.

— Я не прочь немного подкинуть в воздух этих джентльменов вместе с их мантиями и париками, но игра наша, кажется, проиграна, хозяин, — подал голос Вудро. Он уже возился под мостом. — Эти крысы добрались до всего, понимаете, до в с е г о! Вчера на допросе душа могла уйти в пятки, не будь они у меня деревянными... Откуда взялся портрет синьоры Франчески, хотел бы я знать!

— Миниатюру, с которой сделана копия, я помню с детства. Но этой эмали не было среди вещей моей матери. Вероятно, миниатюра была у матери украдена

или же осталась в доме синьора Паоло д'Эльяно. Оказывается, Алекс Кремпфлоу заказал Бинглю копию с этой эмали. Значит, миниатюра побывала у Алекса? Может быть, он предатель, твой Алекс Кремпфлоу? А, Вудро?

— Ну нет, хозяин, за него я ручаюсь головой. Нас он предать не может, он связан. Если миниатюра и была у него, он просто не знал, чье это изображение... Только странно, уехал-то он как раз в Италию.

— Кремпфлоу дурак, — вмешался Лорн, — но с нами он честен. Еще на корабле он говорил мне, что едет в Италию на розыски сына какой-то синьоры... Уж не тебя ли он там разыскивает, Джакомо?.. Впрочем, сейчас об этом толковать поздно! Ясно одно — картинка уже попала в руки прокурора и, вероятно, он не хуже нас знает, кто на ней нарисован. Вудро прав: игра проиграна. Вчера был шах, завтра ожидай мата!

— Не каркай, ворон! Еще рано сдавать партию, — сказал лорд-адмирал и скрипнул зубами.— Все, что прокурор нащупал, он может знать только от пленников. Если мы одним ударом раздавим и комиссию и арестантов, все концы опять уйдут в воду. Лишь бы кто-нибудь из комиссии не застрял в Бультоне! Тогда у нас действительно останется только... «Адмирал». За этот взрыв они послали бы на виселицу самого принца Уэльского!

— Тише! — прошипел Лорн. — Топот! Едут из Бультона...

Стояла тихая, чуть морозная ночь. Гром железных шин по мостовой слышался отчетливо, хотя экипажи были еще за целую милю от Терпин-бриджа. Четыре ночных джентльмена исчезли с дороги, будто их сдуло ветром. Они затаились на своих постах, и лесная дача Терпин-бридж с горбатым каменным мостиком в овраге вновь обрела пустынный и безлюдный вид.

Вот на дороге показались всадники и кареты... Кучера обеих упряжек перевели лошадей на шаг и начали неторопливо съезжать к мостику. Спуск был пологим и не особенно скользким.

— Милорд Голенштедт предостерегал против этого места, — сказал передний всадник своему соседу.

Голос принадлежал коменданту бультонской тюрьмы майору Древверсу. Колеса кареты уже погромыхивали по мосту. Кучер причмокнул и подернул вожжами. Ло-

шади, миновав мостовой настил, ступили на землю. Задний возок въехал на мостик...

Внезапно мост, лес, земля вокруг и даже само звездное небо словно раскололись надвое от громового раската. На полмили кругом озарились лесные кроны с галочьими гнездами и снежными подушками на ветвях. Выше деревьев леса вымахнула со дна оврага пышная огненная роза, будто извергнутая кратером вулкана. Черно-серая туча едкого дыма, клубясь, заполнила весь овраг. Клочковатые облака этой тучи замутили бледное зимнее небо, заволокли деревья, звезды, дорогу...

Когда свет луны и звезд пробился сквозь дымную мглу, на обоих откосах дороги возникли три крадущиеся человеческие фигуры. Они осторожно подобрались к месту катастрофы. Там, где пять минут назад двигались по мосту всадники и кареты, теперь громоздились груды развороченных камней и осыпи щебня. Пыль и прах далеко кругом загрязнили снег. Одна лошадь билась на дороге, и человек без шляпы лежал ничком в придорожной канаве. Лорд Ченсфильд — Леопард Грелли — повернул за волосы голову убитого и узнал майора Древверса.

— Все ли целы, волки? — Голос Грелли звучал хрипло. — Где Вудро? Он славно сделал свое дело. Эй, Черный!

Но Черный Вудро, пиратский боцман, не отозвался. Проволока к мине оказалась коротка: обломок камня размозжил череп владельцу гостиницы «Белый медведь». Три уцелевших друга вытащили его тело на дорогу, Грелли вздохнул:

— Старику чертовски не повезло! Он стал короче на целую голову!

С этой краткой эпитафией Вудро Крейг остался лежать на снегу. Три хищника подошли к развалинам моста, где постепенно разгорался маленький пожар. Горели остатки дилижанса, развороченного вдребезги. Тела кучера и кондуктора валялись впереди мертвых лошадей. Рядом лежал наполовину засыпанный щебнем начальник конвоя. Два истерзанных тела были зажаты между погнутыми железными перекладинами кузовной рамы дилижанса. Грелли осмотрел их и не без труда узнал по мундиру коменданта гарнизона полковника Бартольда, а по знакомому меховому плащу — городского мэра. Других тел среди обломков дилижанса не было.

Грелли, хромая, спустился на самое дно оврага, где

перевернутый набок, лежал тюремный возок. Упряжных лошадей разорвало на куски, но сам кузов, обшитый железом, не рассыпался. Он лежал на боку, без рессор и колес, придавив двух солдат-конвоиров. Задняя дверца вылетела; в тесной кабине лежали друг на друге тела двух стражников. Джеффри Мак-Райль вскрыл ломом вторую, внутреннюю, дверь и осветил горящей головней арестантскую камеру возка. Она была... совершенно пустой!

— Что за черт? — услышал Грелли картавый говор Мак-Райля. — Где же узники?

Джозеф Лорн, стоявший рядом, сорвал с себя полумаску и захохотал со злобной издевкой:

— Ну, Леопард, кажется, нас порядком обошли на гандикапе! Поздравляю, ваше лордство! Вам дьявольски помогает ваш Орион!

Грелли еще держал в руках заряженные пистолеты. Охваченный слепой яростью, он вскинул руку и, не целясь, выстрелил Лорну в лицо. Без единого стона Джузеппе Лорано рухнул под ноги Леопарду Грелли.

Лисица Мак бросил головню. Он схватился за пистолет, но расчет Грелли был мгновенен: там, где погибли два соучастника, уже не стоило оставлять третьего!.. Джеффри не успел вскинуть оружие, Грелли выстрелил раньше...

Отдышавшись, Грелли постоял на дороге и прислушался. Кругом была тишина, только огонь потрескивал на обломках. Весь овраг был теперь залит зеленоватым лунным сиянием. Что-то бесшумное, черное мелькнуло на снегу... Убийца вздрогнул и пробормотал проклятие: его испугало... движение собственной тени!

— Волки, — бормотал он, нагибаясь над телами Лорна и Мака, — эх, волки! Леопарду стало тесно на одной дорожке с вами. Но, черт побери, вы можете сослужить мне еще и посмертную службу! Пусть ваша гибель окончательно запутает все следы. Если при взрыве погибли ближайшие друзья милорда Ченсфильда, значит, он сам безгрешен в этом деле, как овечка! Пожалуй, теперь лучше повременить с бегством на «Адмирале»: команда фрегата велика и не слишком надежна; едва ли удастся мне одному, без Джузеппе и Вудро, взять весь экипаж в железную узду! А на самый крайний случай у меня остается... ченсфильдское подземелье! Тридцать бочек отборного пороху... Уж коли на-

ступит и мой черед выходить из игры, я уйду, громко хлопнув дверью, каррамба!

Рассуждая вполголоса с самим собою, Леопард Грелли выбрался из развалин в чащу, перезарядил оба пистолета, подтянул отпущенную подпругу своего коня и вывел его на тракт. Не оборачиваясь назад, он поскакал в сторону Ченсфильда. Он летел карьером, точно фурии нахлестывали сзади его коня. Лишь достигнув пределов собственного владения, всадник перевел коня на рысь.

Миновав ферму одного из арендаторов, Грелли подъехал к боковой калитке мортоновской усадьбы. С большой осторожностью он повел коня в конюшню, тихо отодвинул щеколду и поставил лошадь в пустующее стойло. Через минуту он уже чуть слышно стучался в окошко старого Томаса Мортона.

Старик выглянул в окно и увидел в свете заходящей луны темную фигуру сэра Фредрика в плаще и шляпе. Мистер Мортон надел туфли и халат и со свечой в руке пошел навстречу гостю. По ступенькам задней лестницы, хромая, поднимался владелец Ченсфильда. Вид его был таков, что старик в ужасе выпустил ручку двери и отшатнулся назад.

— Мортон,— услышал он хриплый голос, — помогите мне раздеться и дайте надеть что-нибудь домашнее. Приготовьте воды, мне надо умыться. Я нахожусь у вас со вчерашнего вечера, вы поняли меня, Мортон? Ни вы, ни я с вечера не выходили из вашей комнаты. Найдите какого-нибудь расторопного слугу, который все время видел нас вместе, вот здесь, в этом самом кабинете!.. Поторопитесь, надо затопить камин, чтобы сжечь всю мою одежду.

5

Северный ветер напрягал паруса небольшого судна. Пенная дорожка тянулась за кормой от бухты Старого Короля. Позади громоздились береговые утесы с пятнами снега в ложбинах; луна озаряла их зеленоватым светом. Впереди, на островах Ирландского моря, мерцали огни маяков. Со скоростью в восемнадцать узлов судно шло на юг, к открытому океану. На мостике рядом с капитаном стояли, обнявшись, три молодых человека. Колесо штурвала держал четвертый моряк, красивый итальянец с живыми черными глазами. Все эти

люди часто оглядывались назад, на очертания безлюдного скалистого берега.

Вскоре после полуночи в небе над побережьем полыхнула дальняя зарница. В глубине холмов и лесов, миль за двадцать от корабля, расцвела и мгновенно исчезла огненная роза. Капитан перекрестился, пробормотал что-то вроде: «Суд божий!» — и приказал поставить все дополнительные паруса. Попутный ветер усиливался, и судно «Толоса» достигло к утру наивысшего хода — двадцати узлов. На рассвете оно миновало Дублин, а в сумерках покинуло воды Соединенного Королевства.

Капитан, отстоявший почти бессменно три вахты подряд, оглядел горизонт, где уже не виднелось ни островка, ни паруса, и передал управление кораблем одному из своих трех молодцеватых помощников. Это был смуглый, стройный, молодой человек. Ветер выхватил из-под берета непокорную прядь его волос, и она, будто черная ленточка, билась и трепетала у виска. Лицом и фигурой молодой человек очень походил на самого капитана. Старик сказал ему несколько слов по-испански и сошел с мостика.

Когда капитан, сгибаясь под дверной притолокой, вошел в тесную кают-компанию, до отказа набитую людьми, его встретил неистовый гром приветствий, оглушительное «ура» и восторженный свист.

— Довольно, довольно, товарищи! — просил капитан, но тишина водворилась далеко не сразу. — Джентльменов из «лондонской комиссии» и узников бультонской тюрьмы прошу ко мне в каюту. Остальным, кто свободен от вахты, отдыхать!

В капитанской каютке набралось столько гостей, что размещаться им пришлось не только на письменном столе, но даже под ним. Там расположился веснушчатый «синьор Маттео Вельмонтес» — Томас Бингль. Капитан одной рукой обнял за плечи счастливого Чарльза — «дона Алонзо» — и другой притянул к себе Антони Ченни, только что смененного Диком Миллсом у штурвала «Толосы». Только Диего Луиса не было в каюте — капитанский мостик яхты был сейчас доверен ему. В продолжение последних тревожных недель Диего и Антони провели не одну бессонную ночь на этом мостике!

— Капитан Брентлей, — обратился старый моряк к своему потрясенному коллеге и ровеснику, — узнаете

ли вы меня, синьор? Или вы еще не успели догадаться, кто сыграл эту небольшую комедию с вашим бывшим патроном Джакомо Грелли?

— Сударь, — отвечал Гай Брентлей, — я еще не в силах опомниться. Это слишком похоже на сон. И строить догадки о том, кто вы такой, я не берусь. Согласитесь, синьор, что не часто случается говорить с человеком, чью могилу вы сами забрасывали землей. А кроме того, отличительной чертой знаменитого корсара Бернардито Луиса было отсутствие одного глаза.

— Прошу простить мне, синьор Брентлей, не совсем деликатный способ, избранный нами для вашего спасения. Что касается второго глаза, то это произведение негритянского искусства служит мне уже тринадцать лет... Итак, вы действительно видите перед собою Бернардито Луиса, который, с вашего позволения, не только не думал ложиться в землю пятнадцать лет назад, но весьма желал бы избежать этой постели еще и на будущие пятнадцать лет.

Старый капитан обратился к другому спасенному:

— А вы, мистер Джордж Бингль, не в обиде ли за ночлег в карцере и путешествие в кандалах?

— Капитан, по странной случайности имя ваше стояло на клинке, подаренном мне Леопардом Грелли. Я много расспрашивал о вас бывшего трактирщика Вудро Крейга и моряков из его таверны. В тюрьме я не раз вспоминал этот клинок с вашим именем, ибо хотел бы обладать вашей непреклонностью и силой. Только... цели борьбы у нас с вами разные, синьор Бернардито.

— Позвольте спросить, какую же цель вы поставили себе в жизни, мистер Бингль? В чем различие, о котором вы говорите?

— Синьор, все силы вашего характера были отданы единому помышлению о расплате с многочисленными врагами. Вы платили злом за зло, причиненное вам, но этим лишь множили несчастия в нашем несправедливо устроенном мире.

— А вы, мистер Джордж Бингль, разве придумали иной способ, чтобы устранять несправедливости? Не думаете ли вы, что зло, насытясь своими жертвами, свернется, как удав, и уснет? Разве лев, убивающий леопарда, не делает благого дела и для кроликов?

— Тогда кролики пойдут в пищу не леопарду, а льву.

— Чем же вы хотите помочь кроликам? Неужто вы

верите, что леопарда можно сделать постником одними проповедями?

— Нет, синьор, я знаю, что против леопарда помогает только добрая пуля. Но люди должны быть людьми, а не леопардами и кроликами. В тюрьме я годами читал сочинения мудрецов. Они учат, как люди должны жить между собой; они показывают путь к Солнцу без обездоленных и страдальцев. Этим путем я мечтаю идти; за это я готов бороться с леопардами, и для этого я хотел бы обладать силой вашего характера, капитан Бернардито.

— Благодарю вас, мистер Бингль! Я вижу по глазам Чарльза — нашего «синьора Алонзо», — что ваши помыслы уже успели повлиять и на него... Ну, мой мальчик, дорого мог бы обойтись вам этот ваш самостоятельный рейс на «Трех идальго»! Грелли поймал вас, как пескарей на простую муху! Я думал, что после моей школы вы окажетесь осмотрительнее. Не разгадать такой бесхитростной ловушки!.. Теперь расскажи мне, мой маленький Ли, какие впечатления ты вынес о добром старом Бультоне?

— Отец, самое сильное из моих тамошних впечатлений — это синьорита Изабелла Райленд.

Капитан Бернардито потупился и сурово сдвинул брови. Томас Бингль — «синьор Маттео Вельмонтес» — в смущении отвернулся. Антони Ченни смотрел на Чарльза с тревогой и состраданием... В каюте сделалось очень тихо.

— Чарльз, — заговорил наконец Бернардито, — настал час, чтобы посвятить тебя в важную тайну. Когда я выпускал вас — троих моих любимых сынов, Диего, Томми и тебя, — в море, чтобы подстеречь работорговые суда Джакомо Грелли, то ни я, ни Антони, которого я послал с вами как более зрелого вашего товарища, не могли предполагать, что судьба сведет тебя лицом к лицу с самим владельцем этих судов... Скажи мне, мальчик, довелось ли тебе в эти дни увидеть Джакомо Грелли или говорить с ним?

— Мельком я видел его перед дверью нашего каземата. Сперва я взглянул сквозь дверной глазок на Грелли, а потом Грелли, через тот же глазок, разглядывал нас.

— И оба вы, глядя друг на друга, не ведали, не подозревали, что в ваших жилах течет одна кровь... Мы, твоя мать и я, долго утаивали истину, но пришла пора

раскрыть ее перед тобою, потому что с каждым днем приближается последняя схватка с Леопардом. Знай же, что ты — не мой родной сын. Джакомо Грелли, ненасытный паук, работорговец и кровопийца, — вот кто твой родной отец!

На бледном лице Чарльза выразилась такая мука, и голова его так низко склонилась, что старый капитан с отеческой нежностью обнял молодого человека. Бернáрдито гладил его опущенные плечи и длинные завитки шелковистых кудрей и старался заглянуть в глаза своему питомцу.

— Лучше мне было умереть, ничего не зная об этом, — произнес юноша с усилием. — Это хуже, чем быть просто сиротою... Не хочу даже в мыслях называть Леопарда словом о т е ц...

Бернардито поцеловал юношу в лоб. Чарльз прижал к сердцу руку старика:

— Всю жизнь ты звал меня сыном и воистину был мне отцом. Скажи, позволишь ли ты по-прежнему называть тебя этим именем?

— Мальчик, пусть сам всевышний слышит мои слова. Нет в моем сердце различия между тобою и Диего! Твоя мать стала моей женой. Ты достался мне трехлетним младенцем, скрасил мою старость и не расставался со мною дольше, чем на несколько недель. Могу ли я не видеть в тебе родного сына?

Капитан отпустил Чарльза и протянул руку Томасу Бинглю:

— Не хмурься и ты, мой ревнивый идальго Маттео Вельмонтес! Подойди ко мне, Томми, я обниму тебя! Разве я могу забыть, чем обязан тебе Диего, мой кровный сын? В годы его малолетства ты спасал его жизнь от злодейских рук. Теперь и для нас с Диего и Антони пришел черед спешить на выручку синьору Вельмонтесу!.. Друзья мои, судьба была милостива ко мне: на старости лет она послала мне не одного, а трех сыновей — Диего, Чарли и Томаса, моих благородных «трех идальго»!

— Братья! — воскликнул Томас. — Прочь печаль! Мы снова вместе, снова на свободе. И попробуйте-ка представить себе, какое сейчас выражение у Леопарда Грелли!

Вымолвив эти слова, Том осекся и в смущении взглянул на Чарльза Райленда. Тот уловил его взгляд, вы-

прямился и, тряхнув кудрями, сказал решительно и твердо:

— Мой отец — вот он, здесь, со мной. Леопард, обесчестивший мою мать, остается для меня таким же ненавистным врагом, как и для всех честных людей. Я не намерен опускать шпагу, друзья!

— Хорошо сказано, сын! Голос чести должен быть громче голоса крови. Но не забывай этого второго голоса по отношению к твоей сестре Изабелле. Эту гордую, прекрасную синьориту ждут тяжелые испытания. Но, теряя отца, она должна обрести любящего, нежного брата. А... нежного рыцаря она как будто уже обрела? Наш кавалер де Кресси что-то слишком часто оглядывается на английские берега!

Молодому кавалеру пришлось смутиться и покраснеть. Чарльз порывисто обнял юношу, а капитан Брентлей, глядя на «старшего офицера» комиссии, силился припомнить, чьи же знакомые черты повторены в молодом привлекательном лице кавалера... Он как будто похож на... островитянина Мюррея! Только лицо его еще юношески нежное, лицо человека, не закаленного в упорной жизненной борьбе...

Однако размышления Брентлея были прерваны Бернардито Луисом.

— Теперь, господа Брентлей и Джордж Бингль, извольте поближе познакомиться с двумя важными джентльменами — милордом королевским прокурором и чиновником при первом лорде адмиралтейства... С этой минуты оба «милорда» слагают с себя свои государственные полномочия, но сам Джакомо Грелли едва ли станет отрицать, что мои ученики сыграли свои роли не хуже, чем это сделали бы актеры театра Друри-Лейн! Итак, разрешите просить вас, мистер Брентлей, более пристально взглянуть на милорда прокурора, в котором даже вы до сих пор не смогли узнать своего старого друга!..

В глубине полутемной каютки поднялся из кресла почтенного вида джентльмен в пышном парике с огромными буклями; щетинистые баки и седые брови придавали ему суровый вид. Под слоем пудры и румян лицо его было малоподвижным. Золотые очки украшали переносицу джентльмена, а на пуговице камзола висел еще и лорнет... Брентлею хорошо запомнился взгляд прокурора в следственной камере через этот лорнет... Но в данную минуту обладатель золотого лорнета отвесил

капитану Брентлею церемонный поклон, а затем стал неторопливо стирать с лица толстый слой пудры и румян, которыми обычно пользовались франтоватые старики... Под пудрой и румянами обнажилась загорелая кожа щек, еще отнюдь не старческих... Вот с лица исчезли очки, баки, седые брови... Сверкнула знакомая улыбка... Отброшен в сторону пышный парик...

— Матерь божия, да это... мистер Эдуард Уэнт! Эдди, мой помощник с «Ориона», начинал у меня мичманом... Вот это встреча!..

Ошеломленный старик еще не успел освободиться из дружеских объятий своего бывшего помощника, как Бернардито Луис подвел к ним и «чиновника адмиралтейства».

— Ну, капитан Брентлей, второй деятель нашей «комиссии» вам неизвестен. Это Джемс Кольгрев. Во всем этом предприятии он сперва оказал нам важные услуги как первоклассный гравер и каллиграф, а затем недурно справился с ролью мистера Бленнерда. Шестнадцать лет назад Кольгрев стал матросом капера «Окрыленный», но при захвате мною этого корабля осенью 1779 года бедный парень пережил сильный испуг и, как видите, совсем поседел. Наружность Кольгрева настолько изменилась, что даже Вудро Крейг и Джозеф Лорн, хорошо знавшие прежде Джемса Кольгрева в лицо, ничуть не заподозрили обмана.

— Но скажите, синьор Бернардито, каким чудом вы подоспели нам на выручку?

— Это чудо называется яхтой «Толоса». Капитан Брентлей, вы узнаете наш корабль?

— Он напоминает погибшую яхту «Элли», но как будто тяжелее и с более высокой кормой.

— Это и есть яхта «Элли», поднятая с подводной мели и перестроенная наново моряками с «Окрыленного». Мои мальчики дали ей имя «Толоса» — это название моего первого маленького корабля. Команда яхты состоит из остатков прежнего экипажа «Окрыленного», взятого нами в плен в 1779 году. Они сами выразили желание остаться на острове, в нашей маленькой свободной колонии «Буэно-Рио». Вам известно, капитан Брентлей, что в течение последних лет наш крейсер, переделанный из «Окрыленного», изредка тревожил спокойный сон милорда-адмирала. При этом я сам руководил боями, всегда оставаясь в тени.

Когда мои мальчики оперились и привыкли к морю,

я пустил их в самостоятельный рейс, наказав по-прежнему щадить из всех кораблей Грелли только ваш бриг «Орион». Антони Ченни пошел в этот рейс старшим артиллеристом, а Дик Миллс — штурманом. Чем кончилось это плавание, вам хорошо известно.

Отпуская их в море, я сам тоже отправился в путь; с грузом золота, добытого на приисках нашего острова, я ушел в Америку на яхте «Толоса» с целью навестить в Филадельфии моего старого друга Альфреда Мюррея. Голубую долину он покинул. Его постигло горькое разочарование насчет миролюбия и гуманности американских колонистов: в том же 1779 году, когда обманутые индейцы напали на поселок Голубой долины, а потом отпустили с миром своих пленников, убедившись с моей помощью в их невиновности, в индейские земли был послан из Пенсильвании карательный корпус генерала Селливана. Индейские деревни на большой территории были выжжены, посевы кукурузы вытоптаны, яблони вырублены, скот перебит... Тогда погибли тысячи индейцев. Можно сказать, был уничтожен целый народ ирокезов. Все это было проделано столь бесчеловечно, что потрясенный Мюррей не смог остаться в некогда основанном им поселке и переехал с семьей в Филадельфию. Там он приобрел новых друзей, мистера Джефферсона и мистера Франклина, знаменитого ученого. С ними он возобновил некоторые научные занятия, которые начал еще в молодости, живя в Индии. Мистер Мюррей стал членом конгресса, страстным аболиционистом[1]. Он мог бы еще многое сделать, но силы его сдали — он умер за месяц до моего приезда. Обилие народа, шедшего за его гробом, воочию показало, сколь великую любовь он снискал у простых людей, и сам президент Соединенных Штатов Георг Вашингтон высказал сожаление о смерти такого крупного общественного деятеля. Вот так и вышло, что в Филадельфии я застал только миссис Эмили и ее детей, а также семейство Уэнтов, которое тоже покинуло Голубую долину. После смерти Мюррея мистер Уэнт затосковал по морю, и миссис Мери Уэнт ждет его теперь из плавания: мистер Уэнт намеревался поискать счастья на нашем островном золотом прииске.

Но не с одним мистером Уэнтом я вернулся на остров из Филадельфии. Вдова мистера Альфреда Мюррея, ле-

---

[1] Аболиционист — сторонник освобождения негров от рабства в Америке.

ди Эмили, отпустила со мной своего сына Реджинальда. Позвольте представить вам моего старшего офицера «кавалера де Кресси» под его настоящим именем. Мистер Брентлей, перед вами — Реджинальд Мюррей, сын Альфреда Мюррея. Поглядите на этого кавалера, капитан, и вы поверите мне, что бедная миссис Эмили не слишком охотно расставалась с Реджи, отдавая его под опеку старого бродяги Бернардито. Но на этом настоял сам Реджинальд. Он знает историю своего отца и горит желанием вступить в решительную схватку с Леопардом, чтобы смыть позор с прежнего отцовского имени, запятнанного наглым самозванцем.

Когда мы с Уэнтом и Реджинальдом прибыли на остров, оказалось, что мои три идальго не возвратились из своего похода, и это встревожило меня: я ожидал прибытия капера к началу октября. Переждав еще неделю, очень обеспокоенный, я вместе с Уэнтом и Реджинальдом вышел в море на розыски. В трехстах милях от острова мы встретили подбитый капер и узнали от Диего и Антони о судьбе доверчивых парламентеров.

Я поручил Джону Бутби, бывшему боцману с «Окрыленного», довести «Трех идальго» до нашей островной бухты и приготовить остров к обороне на случай высадки врагов. Диего, Антони, Дика Миллса, Уэнта и Кольгрева я взял на борт «Толосы» и пустился догонять эскадру Грелли. В Капштадте мы застали два подбитых судна этой эскадры — бриг «Орион» и фрегат «Король Георг III». Мы узнали, что наши доверчивые парламентеры отправлены в Англию на фрегате «Адмирал Ченсфильд». В Плимуте, куда мы пришли за фрегатом, нам удалось установить, что «Адмирал» проследовал в Бультон. Газеты уже поместили подробности боя эскадры с «пиратским крейсером» и сообщили, что король повелел назначить в помощь лорду Ченсфильду целую комиссию для ускорения суда и следствия по делу преступного Брентлея и злодейских пиратов. По сведениям газет, комиссию возглавил новый канцлерский прокурор сэр Голенштедт, лишь недавно прибывший в Лондон после двадцатилетней службы в Индии. Это означало, что никто в Бультоне, в том числе и лже-Райленд, не знал этого господина в лицо...

Об остальном, я полагаю, вы уже догадываетесь. Говоря коротко, я решил, что моя «комиссия» должна непременно поспеть в Бультон раньше королевской. Мы шли на крупный риск, тем более, что и сами не имели

даже представления, как выглядит прокурор Голенштедт.

Я привел свою яхту «Толоса» в укромную бухту Старого Короля близ Ченсфильда. А моя «комиссия» послала «из Лондона» письма начальнику бультонской тюрьмы и коменданту гарнизона и на другой день прибыла в Бультон. Кольгрев изготовил такие документы, что, глядя на них, сам преисполнялся к ним почтением. Бультонцы же пали перед «комиссией» в прах, потому что у большинства из них — нечистая совесть.

— Позвольте, — изумился Брентлей, — как же вам удалось пересадить нас на «Толосу», не возбудив подозрения тюремного конвоя?

— О, это было несложно, когда весь Бультон уже трепетал перед «жрецами правосудия» и ни у кого не возникло даже малейшего подозрения... Майор Древверс и «сэр Голенштедт» получили «из Лондона» дополнительное секретное указание, в котором комиссия извещалась, что сообщники пиратов готовятся в пути напасть на кортеж и освободить узников. Поэтому в целях конспирации «предписывалось» отправить в Шрусбери пустую тюремную карету и сильный конвой, а узников тайно перевести на борт специального «полицейского судна». Благодаря Джорджу Бинглю мы вовремя узнали о стараниях Грелли склонить узников к побегу. Было ясно, что Грелли задумал под этим предлогом убийство пленников. Поэтому мы заранее взяли под наблюдение дорогу, а в тюрьме обезопасили узников, заточив их в карцер.

Во время следования в Шрусбери тюремного кортежа «комиссия» добросовестно выполнила «секретное указание»; кареты остановились у ченсфильдской рощи, свернули к бухте и ссадили узников и «джентльменов» прямо на борт «полицейского судна». Если бы конвой что-нибудь заподозрил, он был бы мгновенно уничтожен на пустынном берегу. Но все прошло гладко и чисто. Когда узники уже находились на борту, «сэр Голенштедт» предупредил Древверса, Бартольда и мэра, чтобы они осмотрительно вели себя при подъезде к Терпин-бриджу, так как, наблюдая под видом крестьян-прохожих за бультонским трактом, мы обнаружили подготовку к взрыву. Был ли наш совет принят во внимание, мы с вами не знаем. По вспышке над лесом видно, что взрыв произошел, но кто именно пал жертвой Грелли, выяснится позднее...

— Куда же мы держим путь, синьор Бернардито?

— Яхта зайдет в испанские воды и высадит в Кадиксе маленький десант. Дику Миллсу, братьям Бингль и Антони Ченни придется совершить путешествие в Италию. Джордж открыл нам удивительные вещи о происках некоего Кремпфлоу.

— Алекса Кремпфлоу? Совладельца «Белого медведя»? Приспешника лжемилорда?

— Похоже, синьор Брентлей, что это слуга двух господ, как говорится в одной доброй старой комедии... В Италии мои мальчики сядут ему на хвост... А «Толоса» возьмет курс на известный вам остров. Там, в моем доме, синьора Доротея с радостью окажет вам гостеприимство, капитан. Меня, Чарльза и Реджинальда ожидает потом дальняя дорога, и мистер Уэнт, махнув рукой на приисковое золото, намерен проделать ее вместе с нами: мы выжмем из «Толосы» все ее двадцать узлов, чтобы побывать в Калькутте и летом вернуться в Бультон.

— А... ваш сын, синьор Диего?..

— Диего вернется на командный мостик «Трех идальго». Мальчик найдет этому кораблю доброе применение во Франции, где народ поднялся против тиранов. Вымпел корабля украсится девизом восставшего народа: «Свобода! Равенство! Братство!»

6

Ночная катастрофа на Терпин-бридже вызвала смятение в Бультоне. Граждане гадали о личности нового Гая Фокса. Иные проповедники усмотрели в этом событии новые происки Вельзевула, под чьим черным знаком протекал весь конец мятежного, богомерзкого века. Другие голоса не возводили напраслины на черта с его устаревшим арсеналом козней. Эти голоса по-иному толковали все происшествие: кто-то, мол, побряцал увесистой мошной, чтобы обратить в прах лондонских инспекторов...

За истекшие две недели после взрыва граф Ченсфильд всего один раз покидал поместье: чтобы почтить своим присутствием похороны погибших. Бультонцев поразила страшная перемена в его облике. Прихрамывая, он пешком проследовал за гробами от собора до кладбища. Команда «Адмирала» почтила похороны своего капитана пушечным залпом. Он грянул с фрегата в ту

скорбную минуту, когда граф Ченсфильд бросил первую горсть песка в могилу Джозефа Лорна. При звуке залпа лорд-адмирал вздрогнул... После возвращения с похорон потянулись дни затворничества. Изредка милорд прогуливался пешком по парку. В эти минуты никто не смел приближаться к нему. Лицо графа сделалось изжелта-бледным, взгляд — горящим и злым; он стал сильно сутулиться и на ходу смотрел не вперед, а в землю...

В конце второй недели после сочельника, перед самым днем «Трех святых королей», бультонцы зашептались о прибытии из Лондона полковника Хауэрстона, начальника секретной канцелярии при военном министре.

...Граф Ченсфильд, ссутулясь, сидел у огня и слушал ветер в трубе. Груда нечитаных газет валялась на столе и уже покрывалась пылью и трубочным пеплом. Владелец поместья гнал из кабинета прислугу, избегал расспросов дочери. Блюда камердинер приносил в кабинет; уносил он их почти нетронутыми.

На столике около камина лежала длинная глиняная трубка. Граф потянулся за нею и нечаянно расплескал вино из серебряной чаши. Красный свет углей падал на пролитую жидкость... Зрачки лорда Ченсфильда расширились. Несколько мгновений он тупо смотрел на пятно. Ему казалось, что оно растет и что под ним не белая скатерть, а почернелый от копоти снег...

Голос камердинера вывел графа из задумчивости.

— Полковник Эмери Хауэрстон, сэр.

— Что такое?

— Угодно ли вашей милости принять полковника Хауэрстона?

— Хорошо. Проси. Стой! Убери эту проклятую скатерть...

Лорд-адмирал подошел к письменному столу и открыл ящик; маленький двуствольный пистолет молниеносно перекочевал оттуда в карман сюртука...

Полковник, входя, по-военному отдал честь, а затем сердечным, дружеским жестом протянул обе руки навстречу хозяину.

— Граф, позвольте выразить вам мое глубокое соболезнование. Сколько горестных утрат! Его величество скорбит вместе с вами, милорд! Наконец, эта неслыханная по наглости история с лондонской комиссией...

— На действия комиссии я буду жаловаться его ве-

личеству, прося заступничества против низкой и возмутительной клеветы, сбором которой эта ваша комиссия занималась в Бультоне!

— Да помилуйте, милорд, ни один член нашей комиссии не покидал Лондона. Вся история с комиссией — это же чистейшая мистификация! Тайные злоумышленники, очевидно, сообщники арестованных пиратов, обманули весь город и освободили пленников.

Граф Ченсфильд, ошеломленный, не устоял на ногах. Он почти упал в кресло. Мозг его был еще не в силах охватить случившееся. Он, лорд-адмирал Ченсфильд, одурачен!.. Напрасно погублены ближайшие друзья. Он одурачен! Но кем же, кем?..

Лицо собеседника расплывалось в глазах Грелли. Сохранять самообладание почти не было сил! Полковник пожал плечами:

— Ни одно судно в тот вечер не покидало Бультонского порта. Кортеж выехал из города и был взорван на Терпин-бридже. Где же узники и их сообщники из мнимой комиссии или, по меньшей мере, их трупы? На небо они вознеслись, что ли?

Владелец Ченсфильда ничего больше не слышал. Он задыхался и готов был рвать на себе одежду. Трубка, задетая его локтем, упала и разбилась.

— Поверьте мне, милорд, сколь велико всеобщее сочувствие вам...—продолжал полковник. — Перед лицом революционных потрясений во Франции... Милостивое расположение к вам его величества и сэра Питта... Боже мой, сэр, позвольте поддержать вас! Люди! Слуги! Эй, кто там! Скорее сюда!

Камердинер вбежал в кабинет.

— За доктором, быстрее! Мне кажется, у милорда удар!

Изабелла сидела у постели больного. Ее батюшка выздоравливал, но левая сторона его лица и левая рука отнялись. Консилиум врачей из Голландии и Англии предписал больному полный покой, успокоительное чтение вслух, а затем продолжительное лечение на водах. Изабелла сама посвящала все вечера успокоительному чтению для больного.

— Папа, хочешь, я прочту тебе хорошую детскую сказочку про зверей? Ее напечатал «Бультонс Адвертайзер» в своем рождественском приложении. Она очень смешная, немножко страшная и совсем не длинная.

— Читай, девочка, — покорно согласился больной.

Изабелла развернула цветное рождественское приложение и прочла заглавие занимательной новеллы:

— «Сказка про кита, который раньше был леопардом, а потом сделался гиеной»... Папа, да что с тобой?

Изабелла выронила газету и опрометью бросилась за леди Райленд.

— Ему опять хуже! — закричала Изабелла в испуге. — У него опять перекосилось лицо!..

Глава двадцать первая

ПАСТЫРЬ И АГНЕЦ

1

Около памятника герцогу Фернандо Медичи близ Ливорнского порта на скамье, предназначенной для отдыха пешеходов, развалился пожилой иностранец в коричневом плаще. Поза его была небрежной, физиономия, чуть-чуть обрюзгшая, выражала скуку и недовольство. Рыжую широкополую шляпу с пером он насадил на собственное колено, подставив лысеющее темя февральскому солнцу. Трость, довольно массивную, с набалдашником в виде головы борзой собаки, иностранец прислонил к скамье.

Всякий раз, когда к его скамье приближался торговец фруктами или просто беспечный ротозей из уличных мальчишек, владелец трости брался за нее с таким сердитым видом, что зевака сразу ускорял шаги и уже издали опасливо оглядывался на свирепого синьора. Зато при виде каждой дамы, проходившей даже на самой дальней дистанции, иностранец на скамье приосанивался и победительно подкручивал усы, уже и без того напоминающие своей формой венецианскую гондолу с высоко поднятым носом и кормой. Искусственному черному колеру этих усов мог бы позавидовать любой из четырех бронзовых мавров, украшающих ливорнский памятник.

Башенные часы на площади пробили два; этим они, по-видимому, положили конец продолжительному отдохновению усатого иностранца. Он надел шляпу, сунул трость под мышку и отправился к отелю «Ливорно».

Нищий старик в рваном плаще, взывавший к милосердию прохожих только молчаливыми поклонами, по-

глядел вслед удаляющемуся господину. Когда тот пересек площадь, старик взвалил на плечи котомку и покинул свое место за памятником с четырьмя маврами.

Позади усатого господина двигалась в одном с ним направлении кучка французских матросов. Они не спеша шли от набережной и присматривали себе местечко, где бы скоротать время до вечера. Нищий старик догнал матросов и побрел следом за ними, время от времени поглядывая через матросские плечи вперед, на рыжую шляпу иностранца.

Вскоре шляпа скрылась в подъезде отеля, а нищий старик, отстав от матросов, завернул во двор какого-то торгового дома. Выбрав укромный уголок между ящиками и тюками, нищий снял с плеч поместительную котомку, выложил из нее вещи и вывернул наизнанку, превратив нищенскую суму в очень приличный дорожный мешок, куда он спрятал свои отрепья и жалкое подобие шляпы. В числе извлеченных вещей оказался легкий синий плащ, берет, кружевной галстук и зеркало. В две-три минуты нищий преобразился в типичного старого артиста или художника. Он расчесал волосы, удалил с лица бороду и придирчиво освидетельствовал перед зеркалом свои баки, чтобы убедиться, надежно ли они приклеены. Наконец, взяв за кожаную ручку дорожный мешок, старик бодро зашагал к гостинице «Ливорно».

У хозяина отеля, восседавшего за конторкой, человек заказал себе на сутки номер, записав в книге приезжих свое имя: «Карло Морелли, художник. Верона».

Делая эту запись, гость пробежал глазами всю страницу с именами постояльцев прибывших в последние дни; в верху листа он нашел запись: «Томазо Буотти, доктор богословия, Венеция».

Против этой фамилии стояла цифра «12».

Веронский художник проговорил с подкупающей вежливостью:

— В прошлом году я жил у вас в двенадцатом номере. Меня пленил вид из окна. Я хотел бы занять снова именно этот номер.

— К сожалению, он освобождается только завтра. Но точно такой же вид вы могли бы иметь из соседнего, десятого, номера, синьор.

— Спокойные ли там соседи? Мне очень не хотелось бы попасть в соседство дам с детьми.

— Синьор, в таком случае — это наилучший выбор!

Номер двенадцатый, смежный с десятым, занят почтенным одиноким ученым. Сейчас у него находится первый посетитель за несколько дней. Лучшего соседа нельзя желать. Обычно мы сдаем оба номера вместе — они связаны между собою дверью, — но я ручаюсь вам, что это нисколько не нарушит вашего покоя, сударь.

— Отлично! Могу ли я уже занять свою комнату?

— Разумеется!

Оставив в руке хозяина серебряное скуди и удостоившись титула «эччеленца», художник из Вероны поднялся во второй этаж. В полутьме коридора он с большой осторожностью вставил ключ в замочную скважину своего покоя, опасаясь вызвать малейший шорох. Открыв дверь, он с такими же предосторожностями запер ее изнутри и огляделся. Слева в стене виднелась дверь, полускрытая за портьерой. Художник на цыпочках пересек номер, отогнул портьеру и приник ухом к замочной скважине.

В номере соседа-ученого шел негромкий разговор, и слова собеседников были отчетливо слышны веронцу, притаившемуся за портьерой.

— Мистер Кремпфлоу, — говорил кто-то по-французски очень приятным голосом, — часть задачи вы, несомненно, решили. Я готов просить моего покровителя о выплате вам одной четверти установленной премии. Однако главное еще впереди: во-первых, нужны неоспоримые доказательства гибели Джакомо Молла, или, как вы его называете, Джакомо Грелли, а во-вторых, еще не собраны надежные сведения о потомках этого лица.

— Детей у Грелли как будто не было, а сам он погиб, — отвечал сиплый голос с явным английским акцентом. — На разъезды по вашему делу я потратил полгода и порядком издержался, дакт.

— Синьор Кремпфлоу, повторяю, что после доклада моему покровителю я, вероятно, смогу вручить вам чек на две с половиной тысячи.

— Слушайте, дакт, давайте бросим эти недомолвки! «Мой покровитель»... Я давно знаю, кто этот покровитель. Это сам граф д'Эльяно, а Джакомо — его незаконный сын. Ну, что вы скажете? Можно водить за нос Алекса Кремпфлоу, а? Я скажу вам, дакт, что провести меня трудновато, будь проклята моя кровь!

— Прошу вас по-прежнему хранить в тайне цель розысков... Главное же — найдите либо потомков Грелли, либо несомненные доказательства его бездетнос-

ти. Что вами выяснено о связях Джакомо Грелли, синьор Кремпфлоу?

— У пирата могли быть любовные делишки во всех странах, но его невестой считалась Доротея Ченни, эта рыбачка-красавица, которую вы, дакт, знали девочкой. В Сорренто, в деревушке, где умерла ее мать Анжелика, поговаривают, будто бы у Доротеи за границей родился и погиб ребенок. Но черт же ее знает, чей это был младенец...

— Мистер Кремпфлоу, этими выражениями... применительно к лицам, близким синьору Джакомо, я... просил бы не злоупотреблять... Однако местопребывание Доротеи Ченни в годы 1769—1773 действительно очень важно выяснить! Возможно, что отцом ее ребенка и был синьор Молла.

Собеседники помолчали. Затем снова зазвучал первый голос:

— Какие подробности известны о потоплении шхуны «Черная стрела»? Можно ли считать несомненным, что Джакомо Грелли погиб?

— Гм!.. Известно, что французский корвет утопил шхуну со всей ее бандой в Индийском океане. Было это в апреле 1768 года... Мой компаньон мистер Крейг — вот знаток моря! Плавал он когда-то боцманом, видел, быть может, и «Черную стрелу», пожалуй, знает подробности гибели этой пиратской шхуны... Придется мне съездить в Англию, выяснить кое-что, а потом взяться за розыски наследников синьора Паоло... Обещанный вами гонорар я хотел взять с собою.

— Вам придется подождать, пока я вернусь из Венеции с чеком. Или же я перешлю деньги прямо в Бультон...

— Благодарю покорно! Мне вовсе не нужно, чтобы каждая бультонская собака знала, откуда и какие суммы я получаю. Сколько времени займет ваша поездка в Венецию?

— Боюсь, не меньше месяца... У меня много других неотложных дел.

Мистер Кремпфлоу, казалось, погрузился в раздумье.

— Месяц! Ну, месяц отдыха я могу еще себе позволить. Съезжу еще раз в Сорренто и на Капри. Здесь, в Ливорно, пороюсь еще в полицейских бумагах чиновника Молетти. Только... согласится ли граф д'Эльяно заплатить за известие, что сынок его сделался пиратом?

— Вы опять забываетесь, синьор! Скажите лучше,

каким образом вам удалось напасть на след Джакомо Молла?

— Э, дакт, вы желаете выпытать у меня профессиональную тайну! Но уж так и быть, скажу вам: фамилия Бартоломео Греллея, или Грелли, который стал отчимом Джакомо Молла, напомнила мне, что в Италии был пират с такой же фамилией. Оказалось, что этот разбойник носил имя Джакомо... Я ухватился за эту нить и нашел в старых полицейских актах приметы разбойника Грелли. Они совпали с тем, что было известно о наружности Джакомо Молла, воспитанника рыбака Родольфо Ченни...

— Прошу вас приложить все силы, чтобы проследить и другие связи Джакомо Грелли. Быть может, кроме семейства Ченни, то есть Анжелики, Доротеи и Антони...

Доктор Томазо Буотти не закончил своей фразы. Веронский художник услышал за портьерой звук отодвигаемого стула и шаги по комнате. Человек в тяжелых башмаках подошел к самой двери. Веронец смог уловить несколько слов, произнесенных англичанином про себя, будто в глубоком раздумье:

— Анжелика! Доротея, Антони... удивительное совпадение имен, черт побери! Ведь в Ченсфильде жили какие-то Доротея и Антони... Уехали в семьдесят третьем, после второго брака виконта! Говорят, поехали в Италию... к Анжелике Ченни... Гм! Приметы Джакомо Грелли... высок... горбонос... Мальчик с медальона... О, черт!

Англичанин за дверью повернулся на каблуках. Его вульгарный голос зазвучал торжеством:

— Послушайте, дакт! Везите мне чек на четверть премии — и я отчаливаю. По дороге заеду в Марсель, наведу некоторые справки. А через полгода готовьте всю остальную сумму чистым золотом... Я вернусь к вам с вестями, от которых вы обалдеете, будь проклята моя кровь!

...Веронский художник, не упустивший ни слова из этой беседы, простоял за портьерой до тех пор, пока мистер Кремпфлоу не удалился. Когда шаги его стихли на лестнице, художник подошел к столу, достал письменные принадлежности и написал письмо. Капнув на углы конверта горячим сургучом, он тщательно приложил к ним перстень с печаткой. На сургуче осталось крошечное изображение саламандры.

Спрятав письмо, веронец накинул свой синий плащ,

забросил его полу на плечо и вышел из гостиницы. Он долго шагал по улицам и очутился на городской окраине, когда солнце уже садилось и небо пылало. Извилистые улицы поднимались здесь вверх по склону холма и сходились на маленькой площади с каменным колодцем. Деревья палисадников свисали над щербатыми плитами пешеходных панелей. В углу площади стояла небогатая церквушка из серо-зеленого камня. Художник вошел в темный придел этого храма. Здесь царил многоцветный полусумрак, расцвеченный лучами заката сквозь красные и синие стекла.

В молельной было пусто. Только из ризницы доносились негромкие голоса. Оттуда выглянул толстый немолодой капеллан. При виде пришельца он сказал недовольно:

— Вы пришли слишком рано. Месса начнется только через час.

Пришелец нетерпеливо вскинул руку. Капеллан изменился в лице, поймал и облобызал протянутую руку и замер в низком поклоне:

— Ваше преподобие, простите, я не узнал вас в этом... облике!

— Брат Николо, где Луиджи Гринелли?

— Он помогает мне в ризнице, ваше преподобие.

Пришелец, сопровождаемый капелланом, проследовал в ризницу. Молодой монах, перевернув к себе тыльной стороной образ скорбящей девы, исправлял засорившийся механизм «слезоточения». Починка уже близилась к концу, и темноокой мадонне была возвращена способность неустанно проливать масляные слезы над веком революций, безбожья и ересей. Брат Николо, капеллан храма, был отвлечен приходом его преподобия от благочестивого перетряхивания сена в деревянном корытце. Капеллан заменил пыльные, изъеденные мышами былинки свежими, после чего «подлинные ясли Христовы» вновь приняли свой трогательный и уютный вид, способный умилять даже каменные сердца.

Луиджи Гринелли, служка домашней церкви графа д'Эльяно, тоже подошел под благословение.

— Брат Луиджи, — сказал человек в плаще, — возьми этот пакет. Ты отправишься с ним в Англию, не теряя ни часа. Ночью уходит судно в Тулон. Ты должен успеть к нему.

— Святой отец, я готов к отъезду.

— Из Тулона ты поскачешь в Марсель и возьмешь

нашего всегдашнего провожатого Жака Перше. Он проводит тебя до Кале. Ты переправишься через Ламанш и поедешь в Бультон. Этот пакет вручи отцу Бенедикту и доставь мне его ответ. В пути забудь об усталости и отдыхе: в твоем распоряжении только месяц. Сегодня четвертое февраля. Через месяц ты должен привезти мне сюда, в Ливорно, ответное письмо патера Морсини.

— Но, монсиньор, во Франции революция, дороги неспокойны... Возможны задержки, опоздания... Путь очень велик. Боюсь, что обернуться за один месяц невозможно.

Чело иезуита Фульвио ди Граччиолани нахмурилось.

— Брат Луиджи, для солдата ордена невозможного нет!

2

Двухэтажный дом на Ольдпорт-сквере, окруженный вековыми липами обширного сада, был построен прихожанами бультонского собора для своего духовного главы.

...Пасмурным вечером в конце февраля епископ Редлинг отдыхал в своем кабинете после утомительной соборной проповеди. Епископ тронул сердца паствы глубоко проникновенным истолкованием причин гибельных беспорядков во Франции, где грешный народ потрясает основы королевской власти, данной ему от господа. Епископская проповедь усматривала корни этих явлений в том, что дьяволу, врагу человеческому, удалось посеять семена безбожия, из коих возрос отравленный злак французского революционного вольнолюбия...

Фонари и луна очень скудно освещали пустынный Ольдпорт-сквер с его голыми каштанами; на дворе чуть-чуть морозило, и летали редкие сухие снежинки.

Заглянув в окно, епископ увидел портшез, несомый двумя носильщиками в суконных кепи и потертых плисовых куртках. Этим старомодным средством передвижения обычно пользовались в Бультоне престарелые леди, смешные пожилые франты, духовные особы и подагрические джентльмены. Портшез остановился перед крыльцом особняка. Через несколько минут секретарь епископа просунул в кабинет свою лисью мордочку:

— Ваше преосвященство, угодно ли вам принять отца Бенедикта Морсини?

Вопрос был бы способен озадачить любого прихожанина бультонского собора, с детства приученного видеть в «проклятых папистах» своих религиозных врагов и особенно ненавидеть католическое монашество.

Невысокая, сутулая фигура отца Бенедикта возникла на пороге кабинета. В отличие от пышущего здоровьем епископа, католический монах был худощав, бледен и как-то неприметен в комнате. В его черных глазах вспыхивал неспокойный блеск. Но голос, на редкость мягкий и низкий, ласкал слух и успокаивал душу. В полусумраке исповедален этот голос производил чарующее действие на кающихся.

Обладатель бархатных голосовых связок расположился в кресле. Епископ глядел на него выжидающе, с затаенным чувством беспокойства.

— Ваше преосвященство, меня привело к вам неотложное дело, которое одинаково затрагивает и мои и ваши интересы. Разрешите осведомиться, известен ли вам мистер Александр Кремпфлоу?

— Совладелец бультонского отеля «Белый медведь»? Это один из почетных прихожан собора. Правда, мужа сего едва ли можно назвать праведником, не прегрешая против истины, но услуги его благодетельны для спокойствия всех добрых граждан.

— Простите, не известно ли вашему преосвященству, каковы отношения между этим мистером Кремпфлоу и... интересующим нас лицом?

Епископ почел за благо ответить осторожно:

— Насколько мне известно, граф Ченсфильд покровительствовал покойному мистеру Крейгу. Разумеется, это покровительство распространяется и на его компаньона.

— А между тем мною только что получено сообщение от святого отца Фульвио ди Граччиолани, что этот Кремпфлоу, находящийся сейчас в Италии, усиленно занят розысками следов синьора Джакомо Молла уже в течение полугода.

Лицо епископа выразило удивление.

— Какая странная новость! Кто же поручил мистеру Кремпфлоу эти розыски?

— Некто доктор Томазо Буотти, хранитель научных коллекций и предметов искусства во дворце графа Па-

оло д'Эльяно. Он, несомненно, действует как лицо, уполномоченное самим графом Паоло.

— Какова цель розысков?

— Это должно быть вполне очевидно вашему преосвященству. Дело идет об огромном наследстве...

Сэр Томас Редлинг беспокойно задвигался в кресле. Монах посматривал на него недобрым взглядом.

— Если цепь розысков оборвется на гибели пирата Грелли в индийских водах, то усилия доктора Буотти и Алекса Кремпфлоу послужат нам лишь на пользу: граф д'Эльяно устранит оговорку из завещания, и святая римская церковь получит около пяти-шести миллионов. В этом случае наше давнишнее соглашение с вашим преосвященством сохранит свою силу: полмиллиона скуди поступят в распоряжение вашего преосвященства. Если же мистер Кремпфлоу добрался бы до истины, то... британский граф Ченсфильд может оказаться перед своеобразным выбором: либо сохранить свое нынешнее инкогнито, либо раскрыть свои карты за пять или шесть миллионов и итальянский графский титул в придачу. В этом последнем случае все усилия и ожидания церкви, работа десятков лет окажутся бесплодными.

— Господь с вами, отец Бенедикт! Это совершенно невозможно! Представьте себе размеры катастрофы, которая разразилась бы в Северном графстве...

— Согласен, ваше преосвященство, но признаюсь, что меня глубже волнуют размеры ущерба, угрожающего святой церкви. Позвольте мне поэтому обратиться с прямым вопросом: можем ли мы по-прежнему рассчитывать на помощь вашего преосвященства?

— То, что для меня посильно, я готов сделать для... общей пользы церкви Христовой, несмотря на наши... гм... разногласия в вопросах истинной веры.

— Аминь! — с облегчением вздохнул монах. — Я буду счастлив передать эту благую весть святому отцу. Праведник сей неусыпно бдит в ночи и не расстается со страннническим посохом во имя сего богоугодного дела. Святой отец просит ваше преосвященство высказать свое суждение по поводу возникшей угрозы.

— Я... право, затрудняюсь что-либо посоветовать. Но, на мой взгляд, мистер Кремпфлоу неминуемо раскроет истину, раз он уже стоит на верном пути.

— Мы всецело разделяем прозорливые опасения вашего преосвященства. Поэтому, святой отец, со своей

стороны, не считал бы особенно желательным, чтобы мистер Кремпфлоу возвратился в Англию.

— Боюсь, что такая утрата... явилась бы новым огорчением для милорда, отец Бенедикт; но, с другой стороны, действительно... гм...

— Можно понять так, что со стороны вашего преосвященства нет существенных возражений против... любого решения, какое мы найдем нужным принять, не так ли?

Епископ кивнул молча.

— И, наконец, отец Фульвио ди Граччиолани скорбит о тяжелых душевных потрясениях, выпавших на долю милорда. В его лице церковь Христова всегда имела могущественный оплот. Сей ливанский кедр, сей величественный муж ныне обессилен недугом и тяжкими утратами. Общество вашего преосвященства будет сладостным бальзамом для угнетенной души милорда. Его следует ограждать от нежелательных встреч, от... слухов, способных смутить скорбный дух... Полагаю, что пастырское бдение, столь благотворное для страждущего духа, вместе с тем, отвратит и возникшую угрозу... Не смею дольше отнимать драгоценное время у вашего преосвященства!

Полковник Эмери Хауэрстон и два штаб-офицера только в январе закончили расследование рождественских событий. Пока газеты и парламентские ораторы требовали новых ограничений въезда иностранцев и недвусмысленно советовали искать виновников злодеяния по ту сторону Ламанша, офицеры опросили большое число горожан и обследовали место происшествия. При участии бультонских полицейских властей лондонские офицеры установили, что взрыв на Терпин-бридже был произведен наиболее сильным сортом морского артиллерийского пороха. Для подрыва пороховой мины злоумышленники протянули проволоку к нескольким настороженным пистолетам. Происхождение пороха установить не удалось: ни один склад в Бультоне, ни одна корабельная крюйт-камера, ни одна воинская саперная часть не отгружала в течение последних недель такого количества взрывчатого вещества. Офицеры и полиция склонились к выводу, что взрыв осуществили те же неизвестные, которые так ловко разыграли роль чиновников из мнимой лондонской комиссии. Но каким образом они при взрыве предотвратили гибель своих

товарищей и куда скрылись спасенные пленники и их избавители, осталось неизвестным.

Лишь в середине февраля, недели через две после отъезда офицеров в Лондон доктор Грейсвелл разрешил больному милорду Ченсфильду первую прогулку по комнатам замка, а еще через три дня сам епископ Редлинг сопровождал выздоравливающего при его первом выезде из дому. В этот же день, вечерним дилижансом, прибыл в Ченсфильд курьер с письмом морского министра. В этом письме министр спешил известить лорда-адмирала, что его величество король повелел повысить премию за голову любого из главарей капера «Три идальго» до трех тысяч фунтов. Британскому флоту поручена поимка и уничтожение опасного капера. Вместе с тем, король изволил пожелать скорейшего выздоровления сэру Фредрику.

Отложив письмо, бультонский граф усмехнулся своей новой, кривой улыбкой паралитика и вытащил из письменного стола карту Средиземного моря. Доктор рекомендовал больному морское путешествие, и милорд задумался над маршрутом. Его цветной карандаш уткнулся в голубые просторы Адриатики и медленно пополз вдоль изломов итальянского побережья.

...Тем временем мисс Изабелла Райленд тоже читала письмо, и слезы досады дрожали на ее ресницах. Письмо не имело обратного адреса и пришло из-за границы через Лондон тем же дилижансом, с которым прибыл курьер от морского министра.

В небольшом нарядном конверте оказался надушенный листок со следующими строками:

«Прекрасная синьорита,
недалек час, когда вы почувствуете необходимость в поддержке преданных вам друзей.

Позвольте предостеречь вас против лукавого иезуита Бенедикта Морсини. Попытайтесь правильно истолковать смысл сказки, напечатанной в рождественском приложении «Адвертайзера». Вас окружают опасности и ожидают горести. Умоляем вас сохранить в тайне это обращение, посланное с целью заверить вас в братской привязанности и сердечной любви к вам ваших верных друзей

Алонзо де Лас Падоса
и Теодора де Кресси».

Изабелла никому не показала письма. В сердцах она разорвала его в клочки и швырнула их в корзинку. Однако по прошествии всего нескольких минут юная леди почувствовала немалое желание снова иметь перед глазами четкий почерк и твердые подписи обоих корреспондентов. Мисс Изабелла страшно рассердилась на самое себя, поборола преступное желание, уронила на руки кудрявую голову и проплакала чуть ли не до самого рассвета.

3

Иностранец с гондолообразными усами взял в Ливорно каюту до Ливерпуля на корабле «Эльмиона». По пути «Эльмионе» предстояла недельная остановка в Марселе...

Итальянский портовый город встречал весну — пленительную пору цветения апельсиновых и гранатовых деревьев, благоухания лавров, олив и розмаринов. Мартовский ветер с моря, ласковый и свежий, подхватывал в садах розовые лепестки и осыпал ими ливорнские мостовые. Но щедрость итальянской весны была ничем по сравнению с щедростью, проявленной усатым иностранцем в портовой таверне. На прощанье он показал «этим итальяшкам», на что способен джентльмен, завершающий свой отдых!

Пышное украшение над верхней губой мистера Кремпфлоу топорщилось победительно. Он был доволен собой: прошло тридцать два дня после его продолжительной беседы с доктором Буотти в гостиничном номере, и теперь мистер А. Кремпфлоу имел при себе внушительный мешок крупных итальянских ассигнаций, полученных по чеку в «Банко ди Ливорно». Чемоданы джентльмена уже находились на борту, а сам он был центром внимания всей таверны. Лицо его покраснело, и, расплачиваясь, он швырял монеты на мрамор столика с такой силой, что серебряные скуди могли расплющиться. Щедрость синьора дошла до того, что он напоил и нескольких портовых забулдыг, шумевших за соседними столиками, в том числе голодного, но чрезвычайно веселого малого с плутовским лицом, осыпанным веснушками.

Этот бывалый матрос, отставший от своего корабля и пропивший в таверне последние гроши, пустился провожать британского благодетеля до самого рейда. Они

сели в шлюпку, и матрос доставил мистера Кремпфлоу до борта «Эльмионы». По дороге матрос развлекал джентльмена юмористическими историями о своих житейских неудачах в Ливорно.

Когда последняя шлюпка пришвартовалась к трапу «Эльмионы», оказалось, что один из опытных матросов верхней команды не вернулся на борт корабля, вероятно, окончив свои дни в какой-нибудь портовой драке.

Капитан и боцман не подозревали, что на берегу два довольно почтенных джентльмена, говорившие по-итальянски с грубыми ошибками, долго убеждали этого матроса не возвращаться на корабль и в конце концов подкрепили свою просьбу весьма увесистым и звонким доводом. Матрос взял деньги, сунул руки в карманы и забыл об «Эльмионе». А веснушчатый провожатый мистера Кремпфлоу перед самым отходом судна обратился с поклоном к боцману и предложил ему свои услуги в качестве матроса верхней команды.

— Бумаги-то у тебя в порядке? — подозрительно осведомился боцман.

— В полном порядке, маат[1], добрые гамбургские бумаги. Удостоверяют мою беспорочную службу на корабле «Альтона».

— Фамилия?

— Таумель. Ханс Вилли Таумель, маат.

— Немец?

— Гамбуржец, маат.

— Давай бумаги.

Матрос достал из-за пазухи бумаги, и боцман, прочитав их, отправился к капитану.

Когда Кремпфлоу вышел из своей каюты, чтобы бросить прощальный взгляд на Ливорно, с высоты нижней реи фок-мачты ему подмигнул новый член экипажа— матрос верхней команды Ханс Вилли Таумель. Мистер Кремпфлоу, успевший уже освежиться на ветру и горько пожалеть о лишних скуди, истраченных в порыве напрасной щедрости, сердито отвернулся от веселого немца.

Вскоре к этому разбитному парню подошел рябой и сутулый кок, оказавшийся соотечественником Ханса. Он обратился к новому матросу на языке Шиллера и Гёте, но Ханс хлопнул кока ладонью по спине, оскалил белоснежные зубы и весело заявил, что в итальянских водах

---

[1] Маат — обычное обращение немецких моряков к боцману или старшему матросу.

он решительно намерен изъясняться только на языке прекрасных портовых мадонн этой страны.

— Успеем наговориться по-немецки в Альтоне, друг! — закончил он свою тираду. — «Эх, Гамбург-Альтона, последняя крона...» — запел он звонко, отходя от земляка на другой конец палубы.

Сдав свою вахту, Ханс поинтересовался у стюарда, нельзя ли пропустить маленький глоток чего-нибудь живительного. Стюард строго посмотрел на Таумеля и заявил, что матросу следовало бы «покончить с этим еще на суше».

— Впрочем, господин из четвертой каюты заказал себе бутылку вина. Снеси, может, счастье тебе улыбнется, — смягчившись, сказал стюард матросу.

Обрадованный матрос подхватил поднос с бутылкой и стаканами; ловко балансируя на гладких половицах коридора, он постучал в дверь. В каюте сидел унылого вида господин и двое его слуг.

Один из слуг приоткрыл дверь. При виде матроса лицо пассажира утратило свое унылое выражение. Он широко улыбнулся вошедшему. Матрос торопливо обнял его и сердечно пожал руки обоим «слугам».

— Мне нельзя задерживаться у вас... Все идет хорошо, Джордж. Но тебе обязательно нужно изменить лицо: Кремпфлоу может тебя узнать. Дика, слава богу, он не знает.

— Ни я, ни Антони не собираемся выходить из каюты. Наша работа начнется в Марселе, когда он высадится.

— Удалось ли тебе, Джордж, говорить с доктором Буотти?

— Да, мы с Антони были у него в гостинице. Он очень удручен, боится, что Кремпфлоу водит его за нос.

— А следят за Кремпфлоу люди доктора Буотти?

— Нет, представь себе, Томми, что нет. Он очень удивился, когда я рассказал ему, что кто-то тайно следит за Кремпфлоу. Но слуга доктора Буотти, Джиованни, дал нам нить. Старик убежден, что духовник графа, патер Фульвио ди Граччиолани, путает карты. У отца Фульвио есть служка, Луиджи Гринелли, молодой монах. Это худощавый человек с острым подбородком и крючковатым носом. Над левой бровью у него след от старого ожога. Короче говоря, замеченный нами крючконосый человек, который теперь следит за Кремпфлоу, —

это и есть Гринелли. Здесь, на корабле, у него отдельная каюта. Он сам идет нам в руки.

— А нищий старик, что наблюдал за Кремпфлоу у «Четырех мавров», тоже на корабле?

— Нет, старика я не заметил среди пассажиров.

— Ты, Джордж, назвал себя и Антони синьору Буотти?

— Меня он сам узнал сразу. Отнесся он к нам не особенно доверчиво. Я просил его никому не говорить о нашей встрече; сослался на свой побег из Англии. Он обещал молчать, поблагодарил за предостережение против Кремпфлоу, но держался сухо.

— Ты предложил ему наши услуги для розысков?

— Это было бы неосторожно. Буотти сбит с толку и склонен к подозрительности. Если бы я сделал ему такое предложение, он заподозрил бы в нас шайку мошенников...

— Я должен уходить. Скажите мне еще: в какой каюте Луиджи Гринелли?

— Вторая дверь справа от кают-компании. Каюта Кремпфлоу — почти напротив нее. Теперь беги, матрос Ханс Вилли Таумель!

Когда веснушчатый матрос доставил на подносе серебряную монету, корабельный буфетчик одобрительно посмотрел на Ханса Вилли Таумеля и осведомился, достался ли ему глоток.

— Не буду скрывать истины, синьор, — отвечал тот, смиренно потупляя взор, — глоток мне достался.

— Однако ты ловкий парень, — промолвил буфетчик, пряча монету. — Забегай ко мне в свободные от вахты часы и если поможешь мне держать в чистоте посуду, то не пожалеешь.

— О синьор, вы благородный человек! Это я давно понял по вашему лицу. Я растроган, ибо вижу, что вы сразу вознаграждаете добродетель, как только встречаете ее. Располагайте мною, и вы останетесь довольны, не будь я Хансом Вилли Таумелем.

— Первый раз встречаю такого расторопного немца! — пробормотал итальянец-буфетчик, глядя вслед удаляющемуся матросу.

В следующие дни медленного плавания и сложных маневров «Эльмионы» мистер Кремпфлоу редко показывался на палубе. Он изнывал в каюте от морской болезни и врачевал свой недуг коньяком и лимонным соком.

На закате четвертых суток плавания «Эльмиона» по-

кидала рейд Тулона. До Марселя оставалось менее сорока миль. В быстро густеющих сумерках мигал позади тулонский маяк. Вершина Монфарона[1] уже сливалась с небом. Море успокоилось, «Эльмиону» чуть-чуть покачивало. На мачтах горели сигнальные огни.

Поздним вечером матрос Ханс Таумель, сдав вахту, сидел в каморке стюарда. Хозяин вздремнул. Прислушиваясь к звукам в коридоре, чтобы не прозевать вызова в какую-нибудь из кают, матрос различил скрип открываемой двери. Пассажир второй каюты от салона вышел в тесный коридор. Там горели две свечи, и длинная тень человека легла на половицы. Ханс Вилли Таумель осторожно наклонил голову к оконцу для выдачи посуды и краем глаза разглядел характерный профиль Луиджи Гринелли. Пассажир на цыпочках подошел к первой от салона каюте, занимаемой мистером Кремпфлоу, склонился к замочной скважине и очень тихо постучался. Дверь открылась и впустила Луиджи. Изнутри дважды щелкнул замок.

Матрос Ханс Вилли Таумель подкрался к двери. Сквозь крошечную скважину замка он увидел огонек свечи, горевшей на столе. Луиджи стоял посреди каюты, Кремпфлоу слушал его, полулежа на койке.

Дрожащим от волнения голосом, заикаясь, пришелец говорил на дурном английском языке, заменяя неизвестные ему выражения французскими или итальянскими словами.

— Сударь, я простой флорентийский купец. Меня зовут Микель Альбанти. В дальний путь я отправился впервые. Господь сподобил меня заметить, что нам обоим, сударь, мне и вам, грозит страшная опасность. Ваш носильщик, тот проклятый немец, которого вы привели на корабль, сговорился со стюардом убить вас и меня.

Вопроса мистера Кремпфлоу матрос не разобрал. «Флорентийский купец» отвечал собеседнику:

— Клянусь вам, синьор, это не ложные страхи! Матрос и стюард давно следят за нами. Они проведали, что у вас и у меня есть с собою деньги. Сегодня ночью, перед прибытием в Марсель, они хотят ограбить нас.

— Однако это наглость! — пробормотал «проклятый немец».

---

[1] Монфарон — гора, у подошвы которой лежит город Тулон.

Он едва успел проскользнуть в каморку стюарда, как в дверях каюты снова щелкнул замок, и синьор Гринелли, только что назвавший себя купцом Микелем Альбанти, вернулся к себе. По прошествии пяти минут он перенес свой небольшой багаж в каюту мистера Кремпфлоу, и оба джентльмена вместе заняли оборону против ожидаемого нападения.

Ханс Вилли Таумель подождал, пока в коридоре все утихнет. Условным стуком он вызвал на палубу Дика Миллса. Далеко на горизонте уже виднелся отблеск огней Марсельского порта. Палуба была пустой.

— Затевается неладное, Дик. Похоже, что иезуит кое-что заподозрил и намерен от меня избавиться. Он решил, что корабельный стюард — мой сообщник.

— Томми, в Марселе ты должен сразу исчезнуть с корабля, чтобы тебе здесь не вырыли яму. С подложными бумагами ты в опасности. Постарайся улизнуть с первой шлюпкой. Я прослежу за Кремпфлоу, Антони и Джордж не выпустят из виду иезуита.

— Будьте и вы осторожны, чтобы этот Луиджи ничего не распознал раньше времени. На берегу я укроюсь в домике рыбака Александра Каридаса, марсельского родственника старика Георгия. Там я буду ожидать вестей от вас.

Матросу пора было возвращаться на свою койку в кубрике. Боцман неодобрительно относился к дружбе «немца» со стюардом. Ханс разбудил разоспавшегося буфетчика, спустился в кубрик и залег под одеяло.

Вскоре рассвело, и впереди по курсу корабля показались холмы, подковой окружающие Марсель.

Джордж Бингль, Антони Ченни и Дик Миллс прислушивались из своей каюты к звукам, доносившимся из коридора. Они различили, как Луиджи Гринелли тихо покинул каюту мистера Кремпфлоу и тяжелой походкой поднялся на палубу. Он имел при себе дорожный мешок.

Капитан уже приказал поднять на ноги всю команду. Судну предстояли сложные маневры при неблагоприятном ветре.

Матрос Ханс Таумель подошел к боцману:

— Маат, разреши мне съездить на берег и узнать, не здесь ли еще моя «Альтона».

— Проваливай, только без бумаг. Они останутся на корабле, — отвечал боцман.

К «Эльмионе» подошел катер. Таможенные чинов-

ники освидетельствовали грузы и просмотрели список пассажиров. По окончании формальностей катер пошел к берегу. На нем отправился и матрос Ханс Вилли Таумель. Боцман выразительно помахал линьком вслед катеру, напутствуя веселого матроса:

— Чтоб через три часа снова быть на борту, или ты заорешь у меня такой «майн готт», что в Германии слышно будет!

Вскоре от берега «Эльмионы» отошла и шлюпка с пассажирами. На ней находилось несколько богомольцев, два-три французских негоцианта, унылый ливорнский пассажир с одним из своих слуг и «флорентийский купец Микель Альбанти». Пассажиры благополучно миновали все таможенные строгости и покинули набережную. «Унылый пассажир» шепнул своему «слуге»:

— Синьор Ченни, вы лучше меня знаете итальянский, поэтому берите под наблюдение иезуита. Я здесь дождусь новостей от Дика. Нужно непременно сообщить ему, куда направится из Марселя крючконосая иезуитская змея Луиджи, этот «флорентийский купец Альбанти».

Тем временем «купец» подозвал носильщика с осликом. Он отчетливо произнес адрес гостиницы и зашагал следом за длинноухим осликом, не спуская глаз с увесистого мешка, навьюченного на спину животного.

— По крайней мере, я теперь знаю, где тебя не нужно будет разыскивать! — пробормотал Антони. — Мальчик, — позвал он черноглазого вертлявого подростка, торговавшего каштанами, — я куплю весь твой товар и дам тебе еще пару франков, если ты быстро принесешь мне адрес вон того купца, что шагает вслед за осликом. Ты найдешь меня в домике Александра Каридаса, в рыбачьем предместье.

И, сунув мальчишке деньги, Антони забрал у него весь ящик с лежалыми каштанами. Не торопясь он отправился к предместью и встретил радушный прием в маленьком домике, где Томас Бингль уже восседал, как важный гость, на самом почетном месте, ибо в этом доме отлично помнили «пирейского мальчика с обезьяной»...

После обеда в переулке застучали колеса фиакра. Джордж Бингль и Дик Миллс, весьма озабоченные и встревоженные, вошли в дворик Александра Каридаса.

— Томми, — заговорил Бингль-старший, — тебя разыскивает вся марсельская полиция. Алекс Кремпфлоу найден зарезанным в своей каюте, и на ручке ножа вырезаны буквы «Х. В. Т.» — Ханс Вилли Таумель.

— Марсельская полиция может искать сколько угодно этого интересного немца, — отвечал Том весьма хладнокровно. — Они могут отыскать только синьора Маттео Вельмонтеса, но и этот испанский синьор остережется от излишних встреч с полицией. Итак, отцы-иезуиты перерезали Алексу Кремпфлоу горло? Видимо, они здорово озабочены, чтобы наследники графа д'Эльяно не были обнаружены. Однако у этого патера Фульвио верные слуги, а добрый доктор Буотти ходит по очень тоненькой дощечке, не ведая, что под нею бездна.

— Нужно проследить за убийцей, — сказал Дик. — Вероятно, Луиджи Гринелли отправится из Марселя назад в Венецию. Свое дело он сделал и спрятал концы. Чистая работа!

В этот миг во двор заглянула смуглая востроглазая рожица. Мальчишка сунулся к окну и... разглядел на стенном гвозде матросскую шапочку Томаса с «Эльмионы». Антони Ченни наклонился к своему «посланцу» и тот торопливо зашептал:

— Дядя, адрес того купца — гостиница «Голубая Рона». Только он уже нанял верховых лошадей и провожатого на Север. Давайте мне мои франки, а сами вы... — Тут мальчишка еще понизил голос, притянул голову Антони к себе и, скосив глаза на шапочку, прошептал на ухо своему «заказчику»: — Сами вы мажьте пятки салом! Портовая полиция искала в таверне «Три апаша» матроса с «Эльмионы», который ночью зарезал богатого англичанина...

Томас Бингль тоже подошел к окну и слышал слова мальчугана. Он добродушно ущипнул паренька за ухо:

— У твоей матери есть один чертовски смышленый ребенок! И если он скажет нам, где можно побыстрее достать четырех добрых лошадей...

— Лошадьми торгует старый папаша Ридо, барышник. Это за две улицы отсюда... Слушай, дядя, тот флорентинец, купец, наверно, поедет по авиньонской дороге...

Снабдив мальчишку поощрительным подзатыльником вместе с дополнительной монетой, Томас Бингль предложил Джорджу, Дику и Антони, не теряя ни минуты, отправиться к барышнику за лошадьми...

...Ночью около деревянного креста на большой дороге между Марселем и Авиньоном четверо мужчин в полувоенных костюмах, треуголках и при шпагах, с нетерпением ждали восхода луны. Но тучи заволокли небо, и дорога была темна, точно она шла в подземелье. Чтобы оставаться незамеченными с дороги, не нужно было даже прятаться в кустах.

— Придется останавливать всех проезжих подряд, ребята, — шепнул Томас Бингль. — Хорошо, что вы достали фонарь со щитком. Кто-то едет, друзья!

К придорожному кресту приближался экипаж. Среди путешествующих в нем господ оказался один чиновник, который довольно подозрительно отнесся к «проверке документов»: французский язык Антони Ченни, а тем более обоих братьев Бингль был далек от совершенства, и только один Дик, обязанный своим произношением миссис Миллс, урожденной Камилле Леблан, мог с грехом пополам сойти за француза.

Следующая группа путешественников ехала верхом. Их было двое. Первый из опрошенных оказался марсельским крестьянином Жаком Перше, второй — купцом из Флоренции Микелем Альбанти.

«Офицер» в треуголке, Антони Ченни, ухватился за повод лошади, на которой сидел купец.

— Именем закона я арестую вас по подозрению в убийстве!

Купцу Микелю Альбанти осталось только покорно слезть с лошади; однако при этом он довольно громко выражал свое возмущение по поводу произвола местных властей.

«Полицейские» связали купцу руки и разрешили ему снова сесть на лошадь. «Патруль» повел задержанного купца и его провожатого по дороге в сторону Марселя. Один из патрульных держал в поводу четырех коней, принадлежавших «полицейским». Голос этого «патрульного» показался купцу подозрительно знакомым.

Во мраке, на расстоянии половины лье[1] впереди, уже замелькал фонарь придорожного трактира, когда луна проглянула сквозь просвет в облаках, позволив арестованному купцу отчетливо разглядеть физиономию матроса Ханса Вилли Таумеля.

Друзьям осталось неизвестным, узнал ли путешественник остальных соседей по «Эльмионе» или вид одного

[1] Лье—старинная французская мера длины, равна 4,5 километра.

Ханса Вилли вызвал у «купца» роковой прилив решимости, только все последующие события произошли почти мгновенно и заняли не больше полминуты.

«Флорентийский купец» сумел освободить на ходу свои скрученные руки и достать из переметной сумы запасной пистолет. Он выпрямился в седле, с силой пришпорил коня и дернул его в сторону. Добрая лошадь взвилась на дыбы, вырвала повод из рук Антони Ченни, перемахнула через придорожную канаву и сломала изгородь чьего-то виноградника. Оттуда грянул пистолетный выстрел, и Антони Ченни, охнув, стал клониться к земле. Дик Миллс, державший наготове пистолет с граненым стволом, наугад выстрелил в кусты и услышал впереди шум падения тела с лошади.

Тем временем Джордж Бингль стащил с коня второго всадника, Жака Перше. Тот не делал видимых попыток к бегству и был сильно напуган. Антони Ченни, раненный в ногу, лежал поперек дороги. Дик Миллс вышел из виноградника на дорогу.

— Кто из вас ранен? — спросил он, но уже сам различил распростертого на дороге Антони. — Нужно быстрее убираться.

Друзья перенесли Антони в кусты, помогли пленнику, у которого руки были связаны, перешагнуть канаву и спрятали коней в нескольких шагах от дороги.

— Что с тем? — спросил Том.

— Убит, — отвечал Дик.

Том и Дик осветили фонарем тело Луиджи Гринелли. На груди убитого оказалась сумка. В ней лежал запечатанный пакет, обернутый в тряпицу.

Не тронув печатей, друзья спрятали пакет. Усадив в седло раненого Антони и ведя пленного за собой, Дик Миллс и братья Бингль свернули с дороги и добрались до заброшенной каменоломни. Наступила очередь решить судьбу второго пленника, который, окончательно оробев, только шумно вздыхал и отдувался.

— Назови нам свое настоящее имя, — приказал Джордж Бингль.

— Сударь, меня решили назвать Жаком еще в мою бытность во чреве матери, а фамилия моя и моих отцов испокон веков была Перше.

— Кто ты?

— Крестьянин из пригорода Марселя, ваша милость. Пощадите меня, государи мои, я человек семейный, небогатый...

— Давно ли ты знаешь Луиджи Гринелли?

— Первый раз слышу это имя, сударь.

— Не хитри перед лицом смерти, Жак Перше, ибо за единое слово лжи я тебя убью! — грозно вмешался Томас Бингль.

— Разрази меня гром, сударь, если я хоть раз слышал это имя!

— С каких пор ты знаешь флорентийского купца Микеля Альбанти?

— Лет... шесть, государи мои, если не дольше.

— Часто ты совершал с ним такие ночные прогулки?

— Я сопровождаю его в третий раз.

— И всякий раз по лионской дороге?

— Это истинно так, ваша милость. Оба раза я провожал месье Альбанти до порта Кале.

— Когда вы совершали с ним такую поездку в последний раз?

— Около месяца назад, синьоры.

— Месяца? Ты лжешь, этого не может быть, Жак!

— Убей меня господь, если я лгу! Месяц назад мы доехали до Кале; он сел на корабль, а я остался ждать его. Через десять дней он воротился из Англии, и мы вернулись в Марсель. Мне еще в жизни не приходилось так спешить. Мы загнали четырех лошадей, но он хорошо заплатил.

— А что он обещал тебе теперь?

— Теперь он снова подрядился со мной до Кале и обещал заплатить еще лучше. Я в год не зарабатываю столько своим хозяйством, сколько мне платил синьор Микель Альбанти за одну такую поездку.

Джордж Бингль задумался. Несколько минут все молчали. Джордж положил крестьянину руку на плечо:

— Слушай, Жак Перше! Мы не грабители и убили не честного флорентийского купца, а хитрую иезуитскую змею, переодетого попа, слугу аристократов... Мы обезвредили паука, но нужно еще разорвать паутину. Если ты поможешь нам — сделаешь доброе дело для хороших людей и заработаешь еще больше, чем платил тебе иезуит... Согласен, Жак?

Крестьянин переминался с ноги на ногу, мял в руках свою суконную шапочку и недоверчиво отмалчивался. Он еще не отделался от испуга и теперь опасался угодить «из огня да в полымя».

— Не трусь, Жак! Получишь всех наших коней и

еще сотню франков золотом, — продолжал уговаривать его Джордж.

— Что же я должен за это сделать, господа?

— Мы не господа, мы такие же люди труда, как и ты... А может, ты сам тайный иезуит, Жак?

Хотя тон вопроса был шутливым, Жак сбросил с плеча руку Джорджа:

— Иезуит? Всей деревней мы топили их, проклятых, в монастырском пруду... Если бы я знал, что этот Микель Альбанти — переодетый поп, спихнул бы его по дороге в Рону!.. Чего же вам от меня надо, граждане?

— Жак, ты должен проводить до порта Кале... синьора Микеля Альбанти и его слугу.

— Что-то я в толк не возьму, государи мои... Он же мертв, этот Альбанти?

— Он жив, здоров и стоит перед тобой. Альбанти — это я. А вот этот человек — мой слуга. Понял ты мои слова, Жак Перше?

— Понял, сударь. Вы — синьор Микель Альбанти, и никто вас нынче не убивал. А вот этот, синьор Дик,— ваш слуга.

— Ты, кажется, неглупый парень, Жак. Пиши теперь письмо своей жене и вели ей приютить двух человек, Тома и Антони, пока старший из них не поправит свое здоровье. Если что-нибудь случится в твоем доме — получишь пулю, Жак, а от твоего хозяйства останутся одни головешки.

Марселец оказался человеком сообразительным. Ему дали перо, чернила и бумагу. Пока он, морща лоб и кряхтя, трудился над двумя строками письма к своей дочери, Мадлене Перше, Джордж Бингль рассматривал пакет, извлеченный из нагрудной сумки убитого.

— Попробую-ка я вскрыть это письмо, друзья, но так, чтобы не оставить следов... Разведите огонь и согрейте воды, пока я достану из мешка мой шпатель.

По прошествии получаса худые, узловатые пальцы Джорджа Бингля извлекли из вскрытого пакета исписанный листок. Письмо патера Фульвио ди Граччиолани было быстро скопировано, а затем Джордж восстановил первоначальный вид пакета столь искусно, что Дик и Томас ахнули от изумления.

— Вот это ловко! — воскликнул восхищенный Дик Миллс. — Но каков святой отец, а? Послушай, Антони, вот что венецианский иезуит Фульвио ди Граччиолани пишет патеру Бенедикту Морсини в Бультон:

«Если брату Луиджи не удастся устранить в пути агента наших врагов, англичанина Кремпфлоу, примите все меры, чтобы воспрепятствовать его встрече с Джакомо. Опасность возрастает. Буотти с помощью Кремпфлоу уже на грани раскрытия тайны Джакомо. Предосторожность требует, чтобы дочь Джакомо покинула отцовский дом бесследно. Будьте все время настороже, оберегайте тайну Джакомо. Без колебаний любыми средствами пресекайте все попытки врагов проникнуть в нее.

В случае успеха своего предприятия с Кремпфлоу, Луиджи вручит вам все деньги, которые обнаружит у англичанина. Сумма равна двум с половиной тысячам скуди. Ваш ответ незамедлительно вручите брату Луиджи.

Благословляю вас на труды и подвиги во имя общего дела.

Ф. д. Г.»

Томас Бингль вопрошающе взглянул на брата:

— Для чего ты намерен ехать в Кале, Джордж?.. Ведь не собираешься же ты переправиться в Англию и явиться с этим письмом к патеру Бенедикту вместо Луиджи Гринелли?

— Именно это я собираюсь сделать, друзья! Ростом и цветом волос я похож на Луиджи, а в остальном положусь на счастье! В Бультоне мне, конечно, придется работать осторожно... при дневном свете Морсини, разумеется, сразу обнаружил бы обман, значит, днем мне нельзя будет попадаться на глаза ни патеру, ни бультонским тюремщикам... Попытаюсь действовать ночью... Если удастся разведать планы патера Морсини, все карты отцов-иезуитов будут нам окончательно ясны.

Томас Бингль с сомнением покачал головой. Антони, морщась от боли в ноге, перебирал документы убитого. Ему попалась записная книжка. Джордж пристально вгляделся в характерные буквы чужого почерка.

— Стой! Смотрите, вот почерк Гринелли. Патер Морсини несомненно знает эту руку!.. Это сильно облегчает нам задачу, друзья!..

...За двое суток Джордж Бингль и Дик Миллс доскакали до Лиона, но здесь их постигла неудача, случайно их опознал на улице тот самый чиновник, которого мнимый «патруль» остановил на лионской дороге

близ Марселя. Друзья с трудом избежали ареста. Добродушный Жак Перше помог им бежать из Франции в Савойское герцогство, откуда они, длинным кружным путем, лишь через полтора месяца добрались до Дюнкерка. Переправившись в Дувр, «купец Микель Альбанти» и его «слуга» прибыли наконец лондонским дилижансом в Бультон.

4

Хельга Лунд, прежняя кормилица и нянька Изабеллы, убирала комнату своей молодой госпожи. Мисс Изабелла отправилась на верховую прогулку.

Из-под столика наследницы Ченсфильда Хельга извлекла плетеную соломенную корзинку, наполовину засыпанную обрывками бумаг, лоскутами шелковых ленточек, сломанными пуговицами, шпильками и прочим невинным хламом.

Хельга укоризненно покачала головой, вытряхнула содержимое корзинки прямо на пол и отправилась вниз за совком и ведерком.

Именно этой минутой удачно воспользовался духовный пастырь и наставник Изабеллы. Отец Бенедикт Морсини никогда не упускал случая «ненароком» заглянуть в девическую келью Изабеллы, когда хозяйка покидала ее.

Патер, войдя в пустую комнату, немедленно наклонился над кучкой мусора на полу и перебрал два-три смятых конверта. Расправив один из них, он не узнал почерка отправителя, притом почерка, по всем признакам, мужского. Это заинтересовало патера, ибо он достаточно подробно изучил руку всех корреспондентов Изабеллы. Тут же, среди мусора, патер заметил клочки бумаги, исписанные тем же почерком. Отец Морсини стал торопливо извлекать эти клочки из маленькой груды, что было нетрудно, так как рука, нервно разорвавшая письмо, столь же нервно скомкала клочки и швырнула их в корзину.

Когда Хельга Лунд вернулась в комнату, патер Бенедикт, которого шведка, кстати, не жаловала своим расположением, уже стоял у широкого подоконника и задумчиво глядел на голые прутья тополей под окнами...

Вечером, вернувшись домой, он сложил и распрямил листочки, нахмурился при виде двух подписей и принялся наклеивать разорванное письмо на листок бумаги.

На пасхальной неделе лорд Ченсфильд почувствовал себя настолько бодрым, что присутствовал с женой и дочерью на праздничном богослужении в бультонском соборе; на другой же день в Ченсфильде состоялся первый прием гостей, а в конце недели владелец поместья впервые после болезни сел в седло и совершил небольшую верховую поездку по своим угодьям.

Дочь милорда, тоже только что возвратившаяся с прогулки, вошла в кабинет розовая и свежая.

— Поскучай с больным стариком, Белла, — сказал отец, потрепав кудри девушки, — и помоги ему разобраться в этом скучнейшем бумажном хламе.

Отец откинулся в кресле, закрыл глаза и, казалось, погрузился в дремоту. Изабелла вскрывала конверт за конвертом и читала фамилии отправителей или названия фирм. В большинстве случаев отец, не открывая глаз, сразу делал отстраняющий жест ладонью, и письмо непрочитанным летело в большую папку для бумаг.

Изабелла взяла в руки большой серый пакет с тремя печатями и штампом «Калькутта». Обратный адрес гласил: «Ост-Индия, Бенгалия, порт Калькутта, юридическая контора Ноэль-Абрагамс и Мохандас Маджарами».

Сон довольно быстро слетел с графского чела, а его полузакрытые очи отверзлись не без удивления.

— Старинная фирма! — пробормотал он. — Любопытно, что им понадобилось. Прочти-ка мне письмо, Белла.

На плотной бумаге с витиеватой золотой каймой рукой писца-каллиграфа был выведен тушью следующий текст:

«Его светлости лорду-адмиралу графу Ченсфильду, эрлу Бультонскому.

Высокочтимый сэр Фредрик Райленд!

Льстя себя приятной надеждой, что наименование нашей скромной индийской конторы, к числу клиентов коей мы некогда имели честь причислять и вашу светлость, не совсем изгладилось из памяти вашей светлости, мы позволяем себе обратиться к вашей светлости с выражением глубочайшего уважения...»

— Пропусти эту болтовню, Белла, посмотри в конце, о чем они просят.

Изабелла перевернула страницу и в конце второго листка прочла:

«...не оставите без милостивого покровительства контору, некогда имевшую честь ввести вашу светлость в права наследства. Позволяем себе выразить надежду, что ваша светлость соизволит милостиво принять в Бультоне, где мы открываем филиал нашей конторы, нашего внука и внучатого племянника, которые сочтут для себя высокой честью и удовольствием лично засвидетельствовать вашей светлости свое уважение и преданность.

Готовые всегда к услугам вашей светлости

Заломон Ноэль-Абрагамс,
Мохандас Сами Маджарами».

— Значит, внуки этих индийских дельцов должны пожаловать к нам в Бультон и открыть филиал конторы? Уж не воображают ли они, что я стану ловить простачков для их лавчонки?

— Не горячись, папа. Ради бога, не горячись! Это послание такое смешное, смиренное и почтительное! Если эти индийские внуки явятся, я встречу их и отошлю к Мортону.

— Хорошо, Белла. Отнеси письмо старику и попроси его написать ответ. Как зовут их, этих калькуттских внуков?

Изабелла заглянула в письмо:

— Лео Ноэль-Абрагамс и Наль Рангор Маджарами. По-видимому, они уже в Лондоне и вскоре должны быть здесь. Наль Рангор Маджарами — это, наверное, настоящий индус? Это немножко таинственно. Я обязательно хочу посмотреть на него.

— Белла, если эти бумаги еще не надоели тебе, погляди, нет ли чего-нибудь интересного в газетах, — попросил отец.

В лондонском «Обсервере» коротко сообщалось, что синьор Диего Луис эль Горра, командир частного вольного крейсера «Три идальго», базирующегося где-то на Африканском побережье, обратился с письмом к Учредительному собранию Франции, предлагая свой корабль в распоряжение революционного народа. По словам газеты, маркиз Лафайет, участвовавший в войне за независимость Американских Штатов, вспомнил и высоко оценил заслуги экипажа этого корабля в боях против врагов американской революции и рекомендовал собра-

нию принять предложение молодого командира. В ближайшее время вольный корабль должен был вступить в строй военных судов революционной Франции.

Граф заставил перечесть эту короткую заметку дважды. От него не укрылось, что Изабелла при чтении краснела и бледнела. В заметке ничего не говорилось об остальных офицерах этого корабля, но и отец и дочь довольно ясно представляли себе лица на командном мостике «Трех идальго». Изабелла, опасавшаяся вызвать у отца новый приступ болезни, поторопилась отложить «Обсервер» и взять лондонскую «Газету».

Камердинер доложил о прибытии Уильяма Линса.

— Оставь нас, Белла... — приказал лорд-адмирал. — Какие новости вы привезли, Линс?

— Милорд, несчастья продолжают нас преследовать... Получено сообщение из Марселя... Мистер Алекс Кремпфлоу... Я опасаюсь, сэр, что новая весть может опять ухудшить ваше здоровье.

— К черту здоровье, Линс! Какую новость вы привезли мне про этого Алекса? Он мне не нравится, черт побери!

— Теперь это больше не имеет значения, сэр. Алекс Кремпфлоу ограблен и убит на борту корабля «Эльмиона». В убийстве подозревается матрос — немец Х. В. Таумель. Мистер Кремпфлоу погребен на марсельском кладбище... Это чертовски большая потеря, сэр.

— Нет, Линс, это не слишком большая потеря. Удалось ли вам выяснить что-нибудь о причинах его поездки в Италию?

— Полагаю, что удалось, сэр. Он поехал по важному частному делу. Оно было поручено ему синьором Томазо Буотти, хранителем домашнего музея венецианского вельможи, графа Паоло д'Эльяно.

Сэр Фредрик Райленд привскочил в кресле:

— Графа Паоло д'Эльяно, говорите вы? Что же поручил Алексу этот Томазо Буотти?

— Мне удалось это выяснить случайно. На днях я сидел за кружкой пива со старым Слипом. Он шестнадцать лет служил у покойного Вудро...

— К черту эти подробности, я знаю людей Вудро.

— Итак, Томазо Буотти явился в прошлом году. Кремпфлоу сразу послал Слипа за художником Бинглем, и тот скопировал с итальянской эмали портрет какой-то женщины с ребенком...

— Так вот откуда попала к Бинглю эта копия! Продолжайте, Линс, у вас на плечах — не кочан капусты, будь проклята моя кровь!

Польщенный сержант покрутил рыжеватые усы и приосанился.

— Сразу после беседы с Буотти Алекс Кремпфлоу собрался в дорогу. Через две недели после его отъезда Слип выслал копию портрета по адресу «Ливорно, до востребования, эсквайру Кремпфлоу». Все это Слип рассказал мне на днях за кружкой...

— Но как вы узнали, что этот Буотти служит у графа д'Эльяно?

— Доктор Буотти сначала явился ко мне и назвал свое имя и звание. Я сам послал его на Ольдермен-кросс.

— А характер поручения неизвестен?

— Он явно связан с поисками лиц, изображенных на портрете.

— И вы полагаете, что поручение разыскать эти лица исходит от самого графа д'Эльяно?

— Может ли в этом быть хоть малейшее сомнение, сэр?

— У вас хорошо проветривается чердак, Линс! Я сделаю вас наследником Крейга, черт побери! Слушайте, Линс, оставьте Слипа в «Чреве кита», а Джоуса — в «Белом медведе». Поезжайте в порт, дайте распоряжение капитану Ольберту приготовить «Южный Крест» к плаванию. Мы едем с вами в Италию. Это мне, черт побери, посоветовали врачи, понимаете, Линс! Через неделю поднимаем паруса!

Самым запущенным уголком в Ченсфильде стала усадьба престарелого управляющего поместьем, мистера Томаса Мортона. Формально владелец Ченсфильда не сместил старика с этой должности, но уже ни один человек не обращался к нему за хозяйственными распоряжениями. Старый Мортон доживал свой век. Половина коттеджа, где некогда свили свое первое гнездышко Эдуард и Мери Уэнт, была теперь заколочена досками.

Майским вечером хозяин поместья удостоил усадьбу Мортона поздним визитом. Мистер Мортон сидел у закрытого окна в сад. В комнате пахло остывшей золой и плесенью. Граф Ченсфильд смахнул шторой пыль с подоконника, отчего штора существенно не изменила своего цвета. Из окна виднелся пруд. Черная его поверхность уже успела зацвести ярко-зелеными пятна-

ми ряски. Над прудом и аллейками, поросшими травою, носилось множество летучих мышей.

Хозяин поместья расположился на подоконнике. Ничье присутствие не воскрешало в его памяти картин прошлого с такой силой, как присутствие Мортона. При нем лорд-адмирал становился самим собою — пиратом Джакомо Грелли. Эксцентрическая поза на подоконнике вполне соответствовала его необычному душевному состоянию. Его тянуло на мужскую откровенность. Причиной этому были вновь полученные вести. Грелли считал, что перед «старой рухлядью в кресле», как он именовал Мортона, можно не стесняться ни в позах, ни в выражениях. Тем не менее перед всеми своими серьезными начинаниями лорд-адмирал советовался и откровенничал со стариком, находя, что его мозг еще способен «высекать искру мысли».

— Послушайте, Мортон, вы всегда были добрым отцом и примерным семьянином. Но скажите, если бы у вас оказался незаконный сын, плод обманутой вами женщины, как бы вы отнеслись к нему?

— Право, не знаю, сударь. У меня не было... таких женщин.

— Но если бы вы узнали...

— Не будьте жестоким ко мне, сэр. Я и без того сурово взыскан господом. Моя дочь бросила меня... и, видит бог, виною тому — моя встреча с вами!

— У нас одна судьба, старик. Вы не забыли Чарльза? Послушайте: мой отец разыскивает меня.

— Ваш отец? Позвольте... Ах, этот венецианский патриций? Так он... еще не благословил земное? Кажется, имя его...

— Граф Паоло Витторио Альберто Джорджио д'Эльяно.

— Сколько же лет его сиятельству?

— Лет на пять больше, чем вам. Поздновато он вспомнил о маленьком Джакомо, сыне обманутой им певички, а, Мортон?

— Кто принес вам весть, что граф разыскивает вас? Уж не отец Бенедикт ли?

— Отец Бенедикт? Гм! Отец Бенедикт?.. Нет, не он. Я узнал это от Линса. В Англию приезжал человек, графский служащий, некий доктор Буотти, который по всей Европе ищет Джакомо Молла. И представьте себе, Мортон: этот Буотти нанял нашего Алекса Кремпфлоу; нанял, чтобы разыскивать Джакомо! Забавно, а?

— Значит, мистер Кремпфлоу с этой целью и отправился в Италию?

— Да, очевидно. Только... ему там не особенно повезло: его зарезали во время этих поисков.

За два с лишним десятилетия, прожитые Мортоном бок о бок с Грелли, мирный солиситор перестал вздрагивать при словах «зарезать», «застрелить». Известие о смерти Кремпфлоу старик принял равнодушно.

— Что вы думаете об этом убийстве, Мортон?

— О сударь, любой юрист, даже такой незначительный, как я, даст вам один ответ: ищите того, кому это было выгодно. Вероятно, у графа д'Эльяно есть наследники?

— Потомков у синьора не осталось. Отец Бенедикт, помнится, как-то говорил мне, что граф завещал свое имущество не то родному городу, не то какому-то монастырю, не то храму...

— Кстати, сударь, насколько я припоминаю ваш рассказ об Италии, отец Бенедикт принадлежал прежде к ордену Иисуса?

— Да, принадлежал и, надо полагать, принадлежит и сейчас. Что вы хотите сказать этим, Мортон?

— Решительно ничего, сударь. Об отцах-иезуитах предпочтительнее молчать.

Джакомо Грелли глубоко задумался. Майские сумерки медленно сгущались в саду. Лоскутья тумана неподвижно повисли над водой. Почти под самым окном находилась лужайка. На ее краю недавно сожгло молнией старый, высохший дуб. Мертвое дерево чернело среди молодых дубков.

— Я решил побывать в Италии, Мортон.

— С какой целью, сударь?

— Хочу взглянуть на своего отца.

— Раньше вы... не вспоминали о нем.

— Да, пока не знал, что он вспоминает обо мне.

— Велико ли его богатство, сударь?

— Его богатство? Пять-шесть миллионов. Это не окупит сиротских лет Джакомо Молла.

— Я плохо понимаю вас, сэр.

— Попробуйте поставить себя на мое место, Мортон! Кто же, по-вашему, превратил сына в приютского приемыша? Граф Паоло д'Эльяно! По чьей милости Джакомо подыхал бы сейчас в лачуге, в нищете, если бы сам не выбрался на свою дорогу и не научился де-

лать золото? Плевал я теперь на него! И я хочу швырнуть ему назад подачку, которой он надеется откупиться от нечистой совести.

Старый Мортон посмотрел в лицо Джакомо Грелли и тяжко вздохнул.

— Бог с вами обоими, сударь! — сказал он с укоризной. — Не мне судить, угоден ли богу такой поступок, но... вы успокоили бы им отцов-иезуитов!

Грелли искоса взглянул на старика и рассмеялся:

— Вы могли бы стать государственным человеком, Мортон, если бы ваша совиная мудрость не сочеталась с заячьей душой... Да, чуть не забыл: если сюда явятся с визитом эти два новых калькуттских юриста, что открывают контору в Бультоне, жена примет их. Сами вы отнеситесь к ним поласковее! Как ни говори, этой фирме я обязан Ченсфильдом.

— Но, сэр, не опасно ли...

— Опасно? Со дня гибели «Офейры» минуло двадцать два года, и Альфреда Мюррея уже нет в живых. Прошлое умерло, старик!

5

Портовый матрос, тащивший с пирса багаж двух пассажиров из Калькутты, уже изнемогал от усталости, когда слуга приезжих подъехал к пристани и помог матросу погрузить тяжелые чемоданы в кэб.

— Вероятно, господа остановятся в «Белом медведе»? — осведомился матрос, пряча в карман заработанную полукрону.

— Нет, мы уже выбрали частную квартиру. Кэбмен, Гарденрод, дом госпожи Таубе...

Наклейка о сдаче внаем уютного домика, некогда служившего квартирой мистеру Джеффри Мак-Райлю, появилась на окнах особняка лишь недавно, через полгода после гибели старого жильца. Она-то и привлекла внимание двух молодых иностранцев, совершавших первое путешествие по городу. Они учтиво осведомились у хозяйки об условиях и пришлись старой немке по душе. С этого майского утра приезжие адвокаты Лео Ноэль-Абрагамс и Наль Рангор Маджарами вместе с их стариком слугою сделались жильцами фрау Таубе.

Молодые юристы довольно быстро придали домику вид заправской конторы. Фрау Таубе с неудовольствием увидела, что ее домик оказался превращенным в учреж-

дение, но молодые люди успокоили старуху обещанием небольшого дополнения к установленной плате. Кроме того, она убедилась, что поток посетителей, которого она опасалась, оказался не столь уж бурным. За первую неделю существования молодого учреждения, уже зарегистрированного в мэрии под названием «Юридическая контора Абрагамс и Маджарами в Калькутте, Бультонское отделение», мистеры Лео и Рангор приняли одного-единственного посетителя, каковой оказался сборщиком королевских податей и налогов, явившимся для определения возможной прибыли казне от нового предприятия.

Вторая неделя дала некоторым бультонцам основание с известным одобрением поглядывать на эмалированную дощечку, столь недавно украсившую зеленые ворота особнячка на Гарденрод.

Мистер Лео, выступая перед специальным жюри в суде присяжных по делу старосты строительной артели, обвиненного в растрате порученных ему подрядчиком денег, проявил столь редкое красноречие и такое умение прибегать к хитроумным юридическим уловкам, что приговор оказался в пользу ответчика. Адвокатом истца выступал сам старый Томас Мортон, потерпевший поражение от калькуттского новичка. В результате первого успеха у новой конторы уже к концу второй недели стали появляться клиенты. И лишь после этого оба джентльмена послали свои визитные карточки в Ченсфильд.

В ответ они получили очень любезное приглашение от своего коллеги и недавнего противника на суде мистера Томаса Мортона. Оказалось, что сам владелец поместья неделю назад отплыл в Италию для поправления здоровья, но поручил мистеру Мортону, а также своей дочери, мисс Изабелле, заверить обоих молодых юристов в своем весьма благожелательном отношении к ним.

Оба джентльмена, явившись в Ченсфильд, были представлены леди Райленд и удостоились получасовой беседы с виконтессой, проявившей любознательность в вопросе об одеяниях индийских женщин. Мистер Рангор очень живо рассказал о некоторых обычаях своей родной страны. Леди была потрясена известием, что священные коровы без помех разгуливают по калькуттским тротуарам, и совсем невероятным показалось ей сообщение, что священные грифы, каковые в ее представлении были чисто геральдическими птицами, служат в

Калькутте мусорщиками, исправно очищающими город от помоев и отбросов.

Пока Наль Рангор Маджарами развлекал миледи этнографической беседой, мисс Изабелла показывала второму гостю, мистеру Лео, охотничий кабинет сэра Фредрика. В отличие от леди Райленд, сохранившей очень приятные воспоминания о беседе с образованным индусским гостем, мисс Изабелла осталась после отъезда джентльменов в странно угнетенном состоянии духа.

6

Патер Бенедикт Морсини жил в том самом домике на территории порта, где когда-то старый Эндрью Лоусон сдавал комнаты «респектабельным приезжим». Передняя часть дома была перестроена под католическую часовню. Узенькая дверь соединяла помещение капеллы с жилыми покоями монаха. В распоряжении отца Бенедикта оставался прежний слуга Лоусона, Грегори Вебст, и благодаря наблюдательности и разговорчивости этого прислужника патер был отлично осведомлен о делах лиц, вызывавших интерес любознательного монаха.

После превращения в капеллу домик Лоусона изменился до неузнаваемости На первый взгляд казалось, что серое здание часовни с цветными стеклами в узких оконцах никогда не предназначалось для иных целей, кроме чисто церковных. Среди унылых и неуютных портовых строений часовня патера Бенедикта выглядела как умилительное украшение, нежное и чистое.

В один из майских субботних вечеров мисс Изабелла Райленд приехала в капеллу отца Бенедикта.

— Я должна проститься с вами, святой отец, — сказала наследница Ченсфильда. — Завтра я уезжаю с мамой в Лондон. Теперь я не увижусь с вами до окончания моего пансиона. Я хочу проститься с нашей капеллой.

В молельной царила полумгла, озаряемая огоньками двух лампад перед ликами святых. Патер Бенедикт возжег свечи перед большим черным евангелием на алтаре и взглянул на Изабеллу очами, полными скорби.

— Не отвлекла ли я вас от благочестивых размышлений, святой отец? Мне кажется, вы огорчены чем-то.

— Я давно поджидал вас, дочь моя, — отвечал монах прочувствованным голосом. — Но вы правы. Иза-

белла, я скорблю, глубоко скорблю о горестной утрате.

— Быть может, я была бы в силах чем-нибудь смягчить вашу скорбь, святой отец?

Отец Бенедикт положил руку на золотые локоны девушки, с нежностью поцеловал ее чистый, высокий лоб и вздохнул еще горестнее:

— Это всецело в вашей власти и в ваших силах, Изабелла, ибо утрата, которую я оплакиваю, — это доверие моей духовной дочери. Я скорблю, что лишился его, вашего доверия, Изабелла.

— Но, святой отец, чем же я виновата перед вами?

— У нас, пастырей духовных, более прозорливые глаза, нежели у мирян, даже у родных отцов. С некоторых пор, Изабелла, я почувствовал, что в душе вашей появились тайны от меня, коих ранее не было. Я не могу постичь причин этого, но слишком хорошо знаю ваше сердце, чтобы не понимать, как далеко оно сейчас от искренности со мною.

Сильное смущение девушки, ее молчание и опущенные глаза лучше прямого признания подтвердили духовному лицу, что и она страдает под бременем некоей невысказанной тайны.

Вкрадчивый, бархатный голос, нежный и чуть-чуть зловещий, стал еще мягче и печальнее. Отблеск свечей и лампад падал на черную книгу, белый с золотом крест распятия и бронзовую бороду святого Франциска.

Глаза Изабеллы наполнились слезами, — так задушевно, так мило ее сердцу было это убежище от всех мирских горестей и скорбей.

— Святой отец, у меня на душе действительно лежит большая тайна... И я давно бы пришла к вам за советом, за разрешением от мучительного, тревожного сомнения, если бы... Если бы именно это, именно обращение к вам, не было прямо запрещено мне.

— То, что позволено господом, не может быть запрещено людьми. Только грех против духа святого не прощается даже в небесах. А неискренность перед богом или его служителем есть грех против духа святого, Белла.

— Отец мой, поймите меня: тайна принадлежит не мне одной. Ее разделяют несколько человек. Я не давала им никаких обязательств молчания, но я чувствую, что эти странные люди не хотят мне зла.

— Белла, подчас даже закоренелый преступник,

злодейский убийца, что подкрадывается с ножом к спящему, обходит встреченный цветок, чтобы не растоптать его, если он свеж и прекрасен... И никогда не думайте, что тайна, которую вы поведаете служителю бога, есть раскрытая тайна, ибо нет для священнослужителя более тяжкого греха, чем нарушение тайны исповеди. Вы не ведаете, дочь моя, какие сокровеннейшие дела человеческие покоятся на глубоком дне моей памяти и доверяются мною лишь единому богу... Облегчите свое сердце исповедью перед всевышним, Белла!

В молитвенном экстазе девушка опустилась на колени. Он ласково поднял ее, усадил на скамью и еще раз поцеловал в лоб. От движений его широких черных рукавов пламя свечей поколебалось, и лик пречистой девы будто ожил в игре смутных теней. На долю секунды Изабелле почудилось, будто костяная рука девы пошевелилась и подержала палец у губ. Изабелла подняла к лику девы заплаканные глаза. Узкое костяное лицо с выдолбленными неподвижными зрачками было безучастным, неживым, кукольным...

В наступившей тишине Изабелла различила звук капли воска, упавшей на каменную плиту пола. Прерывисто вздохнув, девушка обхватила обеими руками длинную кисть патера и зашептала:

— Отец, вы помните наше посещение тюрьмы? Вы помните узника — испанца дона Алонзо де Лас Падоса?

— Да, я помню этого человека. Продолжайте, моя дорогая дочь, — услышала она нежно-зловещий голос монаха.

— Он... не погиб при взрыве и скрылся.

— Сие мне известно, дочь моя...

— Сначала я получила его письмо, почтительное и нежное...

— И в нем он просил сохранить его обращение к вам в тайне, правда? И даже советовал скрыть его от меня, предостерегая мою дочь против ее духовного пастыря!

— Это правда. И я до сих пор молчала. Откуда вы все это знаете, отец?

— Очи духовные зорче простых человеческих глаз. Продолжайте свою исповедь, Белла!

— Третьего дня Ченсфильд посетили два молодых калькуттских юриста. Я познакомилась с ними, папа перед отъездом просил меня передать им сердечный

привет и пообещал содействовать их новому предприятию.

— Помощь ближним — христианнейшее из всех помышлений милорда, Белла.

— Это мистер Лео Ноэль-Абрагамс...

— ...крещеный иудей, насколько мне известно?

— Отец мой, он только принял облик крещеного иудея из Калькутты. Этот человек — Алонзо де Лас Падос.

Исповедуемая почувствовала, как дрогнула рука ее духовника, но голос, спокойный и ровный, как прежде, произнес:

— Я давно догадываюсь об этом, Изабелла!

— Боже, святой отец, и вы тоже... храните это в тайне от всех людей? Как заблуждается в вас этот несчастный! Он убежден, что в новом гриме остался никем не узнанным.

— Он беседовал с вами наедине, Изабелла?

— Да, святой отец, и он сказал мне то, от чего я до сих пор не могу опомниться. Он сказал мне, что его настоящее имя...

— Продолжай, дочь моя, ибо мне известно и это...

— О святой отец, он открыл мне — могу ли я верить? — что его зовут Чарльз и что он мой родной брат по отцу, мой брат, которого все считают погибшим в трехлетнем возрасте...

Тоненькая восковая свечка вдруг затрещала и наклонилась, готовая упасть. В капелле, сыроватой и прохладной, сделалось чуть темнее. Отец Бенедикт выпрямил свечу, снял нагар, и маленький огонек замерцал снова. Он тихо обнял девушку за талию и, увлекая ее из молельной, заговорил убедительным, ласковым тоном наставника:

— Белла, судить о том, с какими целями этот молодой человек, под угрозой разоблачения и смерти, явился в Бультон, нам с вами не дано. Не дано нам и знать, правду ли говорят его уста или же он просто хитрый самозванец, задумавший обмануть вашего отца.

— Но он ненавидит моего... то есть, по его словам, нашего отца! Он не хочет открывать ему свое имя. Он преисполнен вражды и ненависти к богатству и славе отца.

— Не будем судить его, Белла. У нас нет этого права. Вы исполнили свой долг перед всевышним, и он просветит ваш разум. Но ради сбережения сил вашего

отца, подорванных недугом, боже вас упаси сделать ему хотя бы малейший намек об этих открытиях. Не вздумайте написать ему в Италию про эти тайны. Скажите, больше никто о них не догадывается? И еще: кто же его спутник, этот индус Наль Рангор Маджарами?

Уже на пороге молельни Изабелла задержалась. Патер заметил румянец, выступивший у нее на лице.

— Этот человек тоже участвовал в той странной игре, в... обмане городских властей... Он выдавал себя за офицера королевских войск, кавалера де Кресси. Вы помните его, святой отец?

— Да вознаградит вас господь за вашу веру в его недостойного слугу! Остерегайтесь этих людей, Изабелла, ибо мы не знаем их намерений! Избегайте их. Пишите мне из Лондона обо всем, что будет тревожить и смущать вашу чистую душу.

И, осенив склоненную голову девушки крестным знамением, отец Бенедикт открыл дверь в свою приемную, где гувернантка Изабеллы мисс Тренборн уже начала проявлять признаки нетерпения.

Однако старая леди устыдилась этих чувств, взглянув своей воспитаннице в лицо. Оно было просветленным, и казалось, сама небесная благодать незримо снизошла на это детски-невинное лицо с большими правдивыми глазами.

Глава двадцать вторая

СТАРЫЙ РОЯЛИСТ

1

Лондонская почтовая карета высадила перед подъездом «Белого медведя» путешественника в потертом дорожном плаще и его слугу. В гостинице приезжий взял номер и стал подробно расспрашивать лакея о деятельности бультонских таверн, ресторанов и прочих заведений, промышляющих виноторговлей. В книге постояльцев приезжий записал свое имя и звание: Микель Альбанти, купец из Флоренции, со слугою; собственная виноторговая фирма, существует с 1677 года.

Купец открыл в номере бутылку опорто, не украшенную никакой наклейкой, но распространившую благоухание, способное в несколько минут лишить любое об-

щество трезвости всех его членов. Приезжий предложил лакею сделать глоток, и тот ощутил на нёбе нечто вроде дуновения живительного ветерка из розового сада. По словам купца, запас этого вина в шестьсот галлонов и побудил его предпринять путешествие в английский северный город, чтобы порадовать любителей доброго итальянского вина. Поговорив о ценах и возможных торговых конкурентах, купец закончил беседу вопросом, имеются ли в Бультоне жители итальянского, французского или испанского происхождения. Лакей отвечал приезжему утвердительно, назвав оперного тенора, двух представителей корабельных компаний, священнослужителя католической капеллы, две-три семьи французских эмигрантов-роялистов и одного ювелира. Затем тоном глубочайшего пренебрежения лакей добавил:

— Есть еще в порту итальянская шваль: грузчики, докеры и носильщики, но они предпочитают напиваться джином.

— Адреса названных вами синьоров, кроме докеров, разумеется, потрудитесь принести мне в номер вместе с заказанным обедом, — попросил иностранец.

Получив адреса и сунув довольно объемистую пачку своих итальянских кредиток в желтую кожаную сумку, синьор под вечер отправился в порт. За пирсами набережной, где с пришвартованных кораблей выгружались колониальные товары, виднелись суда на ближнем рейде, уже готовые к отплытию. Купец осведомился об их маршрутах и услышал, что датский бриг «Король Улаф» готовится после полуночи поднять якорь. Ближайший заход намечался в Кале.

Капитан «Короля Улафа» оказался как раз на берегу. Дымя трубкой прямо в лицо синьору Альбанти, он в ответ на очень вежливую просьбу купца предложил ему место на палубе. Будущий пассажир «Короля Улафа» выразил согласие, уплатил капитану вперед и пошел вдоль набережной, отыскивая глазами строение католической часовенки по приметам, сообщенным ему гостиничным слугою.

На западе сгустились темные дождевые тучи, и портовые фонари уже замигали расплывчатыми желтыми пятнами сквозь серую туманную мглу.

В задних оконцах часовни, еле заметных сквозь туман и темно-зеленую чащу садика, тоже затеплились огоньки. Это был отблеск свечей из жилых покоев капеллана. Решетчатые окна молельни оставались тем-

ными. Он обошел часовню и огляделся: поблизости не было ни души. Синьор Альбанти поднял горсть гравия и тихонько швырнул ее в освещенное окно. Он плотнее завернулся в плащ, накинул капюшон на голову и с минуту постоял под окном, косясь на занавеску. Заметив, что занавеска дрогнула, он повернулся и медленно пошел к выходу из порта.

В тишине вечера синьор Альбанти услыхал позади звук открываемой калитки. Смутно различимая фигура в большой шляпе и черном одеянии возникла у решетки садика, захлопнула за собой калитку и торопливой, семенящей поступью направилась к дальним воротам в портовой ограде, следом за человеком в капюшоне...

Купец замедлил шаги. Миновав фонарь, купец рассчитанно неторопливым жестом достал из-под плаща желтую плоскую сумку. Монах прошел мимо... Он узнал желтую сумку и знакомый плащ с капюшоном! Патер Бенедикт понял: перед ним был Луиджи Гринелли, тайный посланец отца Фульвио из Венеции.

Монах пошел тише; теперь он не торопился покинуть последний неосвещенный промежуток между фонарем и воротами на улицу. За спиной он услышал легкие, быстрые шаги. Рука его ощутила мимолетное прикосновение холодных пальцев, державших кожаную ручку сумки. Мгновенно и незаметно сумка исчезла под сутаной монаха, а человек в плаще быстро ушел вперед. Не оглядываясь, он миновал алебардщика у портовых ворот и скрылся в тумане.

Монах не изменил избранного направления и долго шагал по мрачной, безлюдной Чарджент-стрит, ощупывая под сутаной кожаную сумку. Он дошел до унылых корпусов Дома общественного призрения и постучал в дверь бокового флигеля. Сердитый прислужник открыл дверь и грубо спросил: «Чего надо?», но, узнав гостя в лицо, стал приветливее.

— А, святой отец, — сказал он благожелательно, — сироты вас заждались. Пожалуйте.

Обойдя дортуары приюта, добрый пастырь успел побеседовать со многими старшими воспитанниками, поиграть с маленькими и раздать целый мешочек лакомств тем и другим.

Молва широко разносила по всему Бультону эти пастырские подвиги милосердия. Приютское начальство из тщеславия охотно поддерживало слухи о «нашем свя-

том», ибо эти слухи поднимали репутацию сиротского дома, чьи питомцы выглядели бледнее и болезненнее костяных фигур католической капеллы.

Исполнив свои христианские обязанности, патер изъявил желание отдохнуть. Одна из дам-патронесс, супруга бультонского педагога, госпожа Чейзвик, пригласила патера наверх, где он смиренно уселся в уютной приемной. Монах извлек из-под полы желтую кожаную сумку, вытащил из нее наспех сунутую туда записку и прочел несколько карандашных строк, бегло начертанных по-итальянски:

«За мной следят. Прежний способ передачи опасен. Будьте с ответным письмом на второй скамейке справа от входа в Ольдпорт-сквер в 10 вечера. В письме подтвердите получение двух с половиной тысячи скуди. Обменять их на английские бумаги я не успел. Покидаю Бультон немедленно.

Брат Л. Г.».

Приоткрыв сумку, монах ощупал тугую пачку казначейских билетов и белый пакет с тремя печатями, хранящими оттиск крошечной саламандры; точно такой же символ украшал печатку его собственного перстня.

Часы в приемной показывали двадцать одну минуту девятого. Когда миссис Чейзвик снова появилась в приемной с чашкой душистого чая, патер извлек из кармана небольшой сверток, аскетически перевязанный шпагатом.

— Досточтимая леди, — сказал он своим проникновенным, грудным голосом, — мои прихожане снова возрадовали небеса посильными щедротами. Горе этих малюток наполняет мою душу скорбью, и я прошу вас, высокочтимая леди, принять взнос моих добрых прихожан на приютские расходы. Здесь, в этом свертке, шестнадцать фунтов, девять шиллингов и одиннадцать пенсов — все, что собралось в кружке за истекшую неделю благодаря щедротам паствы. А теперь прошу вас, досточтимая леди, оставить меня на короткое время в одиночестве, дабы с глазу на глаз с богом я мог вознести молитву о ниспослании благодати сему дому...

Миссис Чейзвик, принимая деньги, уронила две сле-

зы умиления. Сбежав по обеим сторонам ее острого носа, эти капли оросили дар святого отца.

Когда растроганная дама-патронесса удалилась, отец Бенедикт взрезал пакет тонким стилетом и прочел письмо патера Фульвио ди Граччиолани.

Морща и потирая лоб, патер глядел, как письмо и конверт с печатями истлели на угольях камина. Затем он уселся за стол, обрезал ножницами кончики двух гусиных перьев, придвинул сургуч, песочницу, склянку чернил и написал письмо. Разогрев сургуч на пламени свечи, он запечатал пакет перстнем с агатовой печаткой, сунул письмо в желтую сумку, извлек из нее пачку ассигнаций и порознь спрятал деньги и сумку с письмом в своих широчайших карманах.

Старуха в черной накидке и длинном салопе уныло плелась к Ольдпорт-скверу, позади темного фасада бультонского собора с его двумя остроконечными башнями. Пустынный сквер озаряли по углам четыре фонаря. Констебль медленно прохаживался по площади и скверу, с неодобрением посматривая на поздних прохожих. Бедная старуха, по-видимому, проделала долгий путь пешком, ибо она со вздохом опустилась на скамью, вторую справа от входа, и горестно перевела дух.

С высоты соборных башен раздалось десять ударов колокола, и на дорожке сквера показалась фигура католического монаха в черной сутане. Констебль равнодушно наблюдал, как монах, минуя скамью со старухой, окинул взглядом ее сгорбленные горем и годами плечи. Монах участливо покачал головой: вид чужого страдания, очевидно, никогда не оставлял его равнодушным.

Констебль, пересекая сквер, уже отдалялся, и до ушей его не донесся почти беззвучный шелест слов, произнесенный монахом:

— In nomini Jesu!

— Amen![1] — дохнуло в ответ.

Старуха еще ниже склонила лицо и прижала к глазам платок. Монах увидел клок седых волос, выбившихся из-под темной накидки, и синеватое пятно над левой бровью — след от старого ожога...

— Дочь моя, — произнес монах громче, и ноты христианского участия звучали в мелодичном, грудном го-

[1] «Во имя Иисуса!» — «Аминь!» (лат.).

лосе, — возьми этот небольшой кошелек. В нем содержится немного, но, быть может, эти гроши помогут тебе в твоей горькой нужде. Всегда обращайся к господу в часы скорби и отчаяния.

Старуха соскользнула со скамьи на колени и облобызала руку монаха. Тот вручил ей желтую сумку, участливо погладил ее плечи, помог занять прежнее место на скамье, вздохнул и пошел дальше своей дорогой, оставив женщину в сквере. Когда патер прошел мимо констебля, издали смотревшего на эту сцену, и взглянул ему прямо в лицо своим приветливым взором, полицейский поклонился священнослужителю и пробормотал растроганно:

— Хоть вы, не во гнев будь сказано, и папист, но сделали доброе дело, сэр. От этого можно даже прослезиться.

Оглянувшись на старуху, констебль подивился той прыти, с какой обрадованная женщина, прижимая к груди неожиданный подарок, вскочила со скамейки, пересекла площадь и скрылась за углом собора.

2

В одиннадцатом часу вечера, когда юридическая контора на Гарденрод оградилась от внешнего мира запорами, оконными ставнями и непроницаемым мраком, в задней комнате дома отдыхали за шахматами Рангор Маджарами и его старый слуга. В тот момент, когда молодой юрист объявил шах, кто-то постучал в закрытый ставень. Игроки переглянулись. Слуга накинул кафтан, обшитый кожаными валиками вместо галуна, и направился к заднему крылечку.

— Кто здесь? — спросил слуга.

Раздраженный голос ответил:

— Подмастерье портного Мейсона. Хозяин просит уплатить ваш долг сегодня, ибо завтра утром он должен внести налоги.

— Капитан, это, кажется, голос Джорджа Бингля,— прошептал мистер Маджарами на ухо своему слуге.

Дверь приоткрылась, и темная фигура, отдуваясь и кашляя, поднялась на ступеньки крыльца.

— Вы напрасно беспокоите господ в такой поздний час, — громко сказал слуга в темноту. — Молодые господа отдыхают. Мейсон мог бы быть повежливее...

Когда дверь заднего крыльца вновь оказалась запер-

той на все замки и засовы, составлявшие гордость фрау Таубе, вошедший шепотом спросил у слуги:

— Есть у вас посторонние на борту, капитан?

Слуга поднес свечу к лицу гостя, а затем с силой потряс его руку.

— Дома один Реджинальд. Какими судьбами, Джордж? Что нового ты привез из Италии?

— Важные новости, капитан Бернардито. Но в распоряжении у меня только полтора часа. В полночь я должен быть на борту «Короля Улафа».

Через пятнадцать минут Бернардито Луис и Реджинальд Мюррей знали все, что за последние недели произошло в Ливорно, Марселе и Бультоне, а также прочли копию инструкции, присланной из Венеции патеру Бенедикту. Затем Джордж извлек из желтой сумки пакет, опечатанный перстнем патера.

— Черт меня побери, если мои ученики не превзошли своего учителя! Сегодня вы совершили нечто бесподобное, мой дорогой Джордж. Провести за нос отцов-иезуитов! Мне еще в жизни не случалось делать этого! Теперь посмотрим, что же пишет патер Бенедикт своему главе, его преподобию Фульвио ди Грачиолани. Давай-ка пакет! Церемониться с ним уже нет нужды!

Бернардито вскрыл кинжалом обертку письма и начал читать итальянский текст послания вслух:

— «Святой отец! Ваши указания получены. Моя духовная дочь находится сейчас в лондонском пансионате. Ее последняя исповедь обогатила нас важнейшими подробностями. Открывшаяся недавно в Бультоне юридическая контора «Абрагамс и Маджарами» — обман. Это логово потивников Джакомо, тех же, что осуществили взрыв. Мнимый Лео Ноэль-Абрагамс признался моей духовной дочери, что он — спасшийся с необитаемого острова сын Джакомо, Чарльз. Во время недавних событий он именовался Алонзо де Лас Падос. Лицо, выдающее себя за его компаньона, — тоже участник мнимой «лондонской комиссии», выступавший под именем Теодора де Кресси. Кто он таков, мне еще не удалось установить...»

Лицо Бернардито сделалось страшным. Бумага чуть не вывалилась из его рук, и отборные проклятия посыпались, как дробь из вспоротого мешка. Слушателям казалось, что потолок чернеет на глазах и стены уже готовы рухнуть. Наконец, перебрав всех небожителей,

угодников, праведников и святых, все живое на суше, в воде и в воздухе, сочетав из зверей, рыб и пресмыкающихся самые чудовищные гибриды, капитан набрал воздуху, чтобы нанизать прекрасную половину рода человеческого на острие земной оси и затем повергнуть этот титанический вертел в океан кипящей смолы. Мгновенной паузой удачно воспользовался Реджинальд Мюррей.

— Читайте уж до конца, капитан, — произнес он очень мягко и при этом покраснел до корней волос.

— Тогда замолчите, щенки! — свирепо рявкнул Бернардито, хотя в наступившем молчании уже не раздавалось ни звука. — Полушки я не дам теперь за то, что мы выберемся отсюда! Будь прокляты бабьи языки! Я зашил бы ей рот, этой девчонке! Она утопила нас, как щенят в проруби! Каррамба! — Капитан перевел дух и снова поднес бумагу к единственному глазу. — «...еще не удалось установить. Джакомо — на пути в Италию. Пока эти подробности от него скрыты. Он наметил по возвращении из Италии совершить поход на необитаемый остров. Экспедиция будет насчитывать пять-шесть кораблей.

Ваше поручение об устранении наследницы я полагаю необходимым сочетать с устранением упомянутых «калькуттских юристов». Разумеется, одними своими силами я не в состоянии исполнить эту важнейшую задачу и посему принял следующий план действий: я окажу содействие бегству наследницы с обоими синьорами и наведу Джакомо на след, распалив его гнев, с тем, чтобы он сам одним ударом покончил с беглецами. При этом будет нетрудно принять в случае необходимости дополнительные меры. Благословите на сей подвиг вашего смиренного слугу, недостойного раба божия Б. М.».

Часы уже показывали начало двенадцатого. Каждая минута была на счету. Но капитан набил трубку, раскурил ее и окутался облаками, как вершина горы.

— Где Чарльз? — шепотом спросил Джордж Бингль у младшего товарища.

— У Мортона. Выцарапывает копию его рукописи.

Бернардито метнул из-под бровей молнию. Собеседники потупились и замолчали. Минут пять протекло в полной тишине. Бернардито взмахнул трубкой.

— Есть решение! — сказал он. — Пойдем снова на большой риск, но поставим все на свои места. Джордж, вам придется отправить в Марсель, к Антони и Томми,

вашего «слугу» Дика Миллса. Пусть они втроем поедут в Венецию, добьются тайной встречи с доктором Буотти и откроют ему все до конца. Поручи им от моего имени оберегать старого графа Паоло.

— А что вы поручаете мне, капитан Бернардито?

— Вам, Джорджи, предстоит переплыть Атлантический океан. В Кале вы найдете подходящее судно. Отправляйтесь в Филадельфию и разыщите там вдову Мюррея, миссис Эмили. Она должна вернуться в Европу вместе с вами, вы послужите для нее провожатым. И пусть приезжает с дочерью. Я пошлю ей дополнительное письмо отсюда. Теперь простимся, Джордж. Привет Дику Миллсу. Вам обоим нужно поскорее покинуть английскую почву.

...В первом часу ночи бриг «Король Улаф» поднял паруса. Минут за десять перед отплытием он принял на борт флорентийского купца Микеля Альбанти и его слугу.

Лакей в гостинице «Белый медведь» нашел на столе плату за номер, а под столом — несколько дорожных предметов, оставленных постояльцами. Он подивился, обнаружив среди этого брошенного хлама длиннополое женское платье, черную накидку и старомодный салоп, какие обычно носят почтенные особы, утратившие интерес к обновкам и модам не менее четверти века назад...

3

В последних числах июля 1790 года из порта Филадельфия вышел в плавание американский четырехмачтовый коммерческий корабль «Каролина». Он держал курс на восток, к берегам Великобритании.

Две каюты в кормовой части «Каролины» были заняты английским джентльменом средних лет, который путешествовал вместе с очаровательной юной леди, по-видимому, в качестве ее опекуна. Спутница его выделялась среди всех пассажиров легкостью и грацией движений, но было заметно, что она еще не совсем освоилась с модными туалетами, кружевами и оборками. Очаровательная девушка находилась под неусыпным попечением старенькой негритянки, тетушки Полли. Это была хлопотливая, добродушная, весьма разговорчивая особа, неизменно впадавшая в панику от каждого всплеска за бортом или содрогания корабельного корпуса.

Океанские волны, длинные, с широкими ложбинами, похожими на горные впадины, катились за кораблем, словно пытались догнать его. Уже отстали белые чайки, провожавшие «Каролину» от самого Американского материка... А над старыми пристанями Европы, по ту сторону океана, реяли другие стаи чаек, поджидая судно издалека.

Навстречу кораблю вставало солнце. Ветры чередовались с затишьем. Над тугими полотнищами парусов загорались и гасли созвездия, плыли, словно в раздумье, медлительные тучи; мгла и туман сменялись прозрачной синью. Изредка на краю этой неподвижной, вечно изменчивой пустыни возникал встречный корабль. Его встречали и провожали взглядом. Паруса чужого судна исчезали, и тогда снова оставались вокруг только размашистые гривы волн.

В пути Дженни Мюррей позировала Джорджу для большого поясного портрета. Он писал ее в легком платье, на фоне парусов и утреннего морского пейзажа. Портрет был почти закончен. Натура уже не нужна была мастеру. Художник вынес мольберт и установил его на палубе, под окнами своей каюты, чтобы поработать над фоном картины.

— О Джорджи, вы перенесли меня в необыкновенное царство!

Из полупрозрачной золотистой дымки фона выступали башни и дворцы сказочного города. Пронизанные солнечным светом, вздымались фантастические кроны деревьев, голубели заливы с пятнами парусов, угадывались поля цветов на горных склонах, реяли стаи белых птиц. И на этом золотисто-синем фоне нежно выступал образ юной девушки, живой и в то же время глубоко символический. Зримо ощущалось движение корабля, который нес ее к берегам сказочной страны. Платье девушки трепетало на морском ветру; взгляд ее летел вперед, к приближающимся светлым берегам.

— Скажите, Джорджи, разве есть где-нибудь на свете такой счастливый край?

— Это Город Солнца, — очень серьезно ответил Джордж, — и если его еще нет, то нужно непременно помочь людям создать его. Создали же древние свой акрополь на голой, безводной и бесплодной скале. И это сделали рабы под беспощадными бичами, жалкие рабы с колодками на ногах. А Город Солнца должен быть заложен и воздвигнут руками свободных творцов, рука-

ми людей, которые добровольно объединятся в братскую общину.

— Вы верите, что это возможно, Джорджи?

— Я живу ради того, чтобы сделать это возможным!

— Джорджи, милый, боюсь, что мечта увидеть людей счастливыми навсегда обречена остаться только мечтою. Мой отец тоже мечтал о Городе Голубой Долины. Он вложил в него всю душу, отдал ему все свои силы, но... очень редко испытывал радость. Под конец мы даже покинули созданный им город, ибо он стал таким же царством несправедливости и жестокости, как любой другой молодой город Америки. Где же, в какой части света, в какой стране вы надеетесь осуществить свою мечту?

— Мисс Дженни, не знаю, выпадет ли мне радость полностью воплотить мою мечту; не знаю, увижу ли я Город Солнца окончательно завершенным, но он будет заложен! Пройдет, быть может, много времени, но этот город справедливости и свободы возникнет! И это не в легендарной Утопии, не в стране мечты...

— Где же, Джорджи?

— В далеком Индийском океане, на Солнечном острове.

4

Десять просторных нижних залов Мраморного палаццо, некогда служивших графу д'Эльяно для торжественных приемов и празднеств, были превращены синьором Буотти в дворцовый музей. Картины, статуи, гравюры, драгоценные изделия средневековых оружейников, ковры, фарфор, коллекции камней и эмалей — все эти сокровища, извлеченные из подвалов и тайников палаццо, стали доступными обозрению знатоков и любителей искусства. Редкий путешественник уезжал из Венеции, не осмотрев нижнюю анфиладу залов Мраморного палаццо. Посетителей-знатоков встречал сам хранитель собрания доктор Буотти, а студентов, праздношатающихся туристов и зевак-земляков провожал по десяти залам старый Джиованни Полеста.

...Два гостя, назвавшие свои английские фамилии, показались служителю достойными особого внимания. Старик пожалел, что синьор Буотти покинул с вечера дворец, обязав своего слугу и помощника никому не сообщать о его отсутствии. Джиованни уже начал пе-

ред важными посетителями свое обычное предисловие, что дворец, собственно, является частным жилищем, как вдруг тишина нарушилась: по ступеням парадной лестницы пробежал слуга в бархатном камзоле. На ходу он торопливо сказал что-то Джиованни, а затем на верху лестницы появился высокий седовласый старик.

Полеста метнул на посетителей молниеносный предостерегающий взгляд и с возгласом: «Эччеленца!» — кинулся навстречу седовласому господину, чтобы успеть поправить отогнувшийся край ковра, куда старик должен был ступить, сойдя с лестницы. Следом за старым синьором спустился по лестнице высокий монах в черной шелковой сутане.

Величественный старик взглянул на обоих туристов, стоявших у запертых дверей зала, ответил на молчаливый поклон гостей и приветливо сказал по-французски:

— Я вижу, что вы приезжие и намереваетесь осмотреть мой дом. Если вы любите искусство, то среди всевозможной пачкотни вы найдете в этих комнатах две-три сносные картины.

Тем временем слуга в бархатном камзоле вышел на улицу и окликнул гондольера, дремавшего на носу большой черной гондолы, которую он машинально удерживал багром за бронзовое кольцо, вделанное в гранитную стенку канала. Гондольер перебрался на корму и схватил весло, а слуга приподнял балдахин над низкой кабиной гондолы.

Старший из гостей, так неожиданно встретивших в вестибюле самого владельца палаццо, учтиво поклонился и, слегка грассируя, заговорил на чистом итальянском языке:

— Еще в Англии я слышал о восхитительном собрании предметов искусства в Мраморном дворце графов д'Эльяно и счастлив видеть ваше сиятельство лично. Позвольте представиться: английский моряк Фредрик Райленд.

— Сэр Фредрик Райленд? Лорд Ченсфильд? Адмирал флота? — спросил изумленный синьор. — Милорд, ваше блестящее знание моего родного языка делает беседу с вами еще более отрадной. Я непременно отложил бы сейчас мой отъезд, если бы не срочный вызов к дожу. Умоляю вас оказать честь моему дому повторным визитом. Простите мне прямой вопрос: где вы изволили остановиться в нашем городе, лорд Ченсфильд?

— В венецианской лагуне, ваше сиятельство.

— Вы прибыли на корабле? Долго ли он останется в наших водах?

— Это моя собственная убогая ладья, граф.

— Уж не британская ли яхта «Южный Крест», что привела в восхищение всех наших знатоков мореплавания?

— Да, синьор, таково название моего суденышка.

— О боже! Вы заставляете меня мучительно краснеть за этот прием в вестибюле у запертых дверей! Умоляю вас, дорогой лорд, распоряжайтесь этим домом, как своим собственным. Отец Фульвио, я прошу вас остаться с милордом. Прошу вас, отец Фульвио, задержите милорда хотя бы до моего возвращения. Увы, я уже рискую опоздать!

С этими словами старый вельможа сердечно пожал сухие пальцы лорда-адмирала и в сопровождении верного слуги уселся в гондолу.

— Отроду не видал более обязательного джентльмена! — пробормотал рыжеусый спутник лорда-адмирала.

Его преподобие Фульвио ди Граччиолани, мягко овладев рукою гостя, повел его по анфиладе парадных залов. Заканчивая осмотр, милорд остановился перед портретом покойной графини Беатрисы. Британский гость пристально взглянул на ее сверкающие плечи, на черные глаза, полные жизни и ума, отвернулся с безразличным видом и вслед за патером проследовал своей хромающей походкой к выходу из парадных залов. Отец Фульвио увлек милорда в один из покоев второго этажа. У накрытого стола уже хлопотал молодой проворный слуга. Усадив гостя за стол, иезуит незаметно снял с указательного пальца перстень с агатовой печаткой. Уверенным движением длинных белых пальцев он отвернул камень и нащупал под ним крошечный тайничок...

Слуга сервировал вина и стаканы. Два одинаковых резных бокала из больших цельных кусков горного хрусталя привели гостя в восхищение. Граф Ченсфильд поднял один из них и подержал его против света. Искусный узор стоил венецианскому гранильщику долгого, кропотливого труда! Патер Фульвио, не сводя с лица гостя пристального взгляда, молниеносным движением наклонил над вторым бокалом перстень; из него выпала прозрачная крупица.

Струя столетнего вина, душистая и густая, наполнила оба сосуда до краев.

— Лафкадио, — сказал патер слуге, — отодвиньте этот поднос. Пусть вино немного отстоится и осадок опустится на дно. Нас еще не было на свете, милорд, — добавил он мечтательно, — когда трудолюбивый виноградарь собрал сей благовонный сок и укрыл бочонок в глубоком подвале... Сбор 1699 года! Я прошу вас, синьор, осушить бокал и принять его в дар на память о посещении нашего дома.

Гость поклонился:

— Мне приходится сожалеть, святой отец, что обязанности уже зовут меня назад... С большой охотой я провел бы еще месяц на Средиземном море, но, увы, во Франции якобинцы грозят трону новыми потрясениями. Фландрия охвачена бунтом, и над отечеством моим сгущаются тучи. Английскому воину пора вернуться к своему боевому коню! Нынче я покидаю Венецию.

— Но просьба графа, синьор? Он не простит мне поспешного отъезда вашего лордства! Он, несомненно, пожелает сам показать вам свой дом и собрание.

— Я посредственный знаток искусства. Из всего собрания мне запомнился только портрет графини д'Эльяно.

— Вам известна ее судьба, синьор? — спросил иезуит вкрадчиво.

— Я слышал о ней. Она была убита артисткой Франческой Молла. Но смерть графини была не единственной жертвой...

— Кого вы еще изволите иметь в виду, синьор?

— Гибель сына артистки Молла, синьора Джакомо, презренного пирата, который бесславно пал в морском сражении, можно сказать, на моих глазах. Его историю я слышал... Вероятно, граф д'Эльяно никогда не вспоминает о своем несчастном отпрыске?

— Нет, граф долго разыскивал Джакомо Молла.

— Вот как? Известна ли ему плачевная участь сына?

— Мы... скрываем от него истинную судьбу Джакомо Молла, дабы уберечь сердце графа от потрясения.

Монах взял с подноса свой бокал и, заглядывая гостю в глаза, подвинул ему второй бокал. Голос его был ровен, в нем звучала грусть.

— Но граф Паоло еще не потерял надежды отыскать

потомков погибшего синьора Джакомо; их ожидало бы огромное наследство...

У лорда Ченсфильда зажегся в глазах дьявольский зеленый огонь.

— Ручаюсь вам, святой отец, что вы нигде в мире не сыщете этих потомков! Джакомо Молла унес в свою могилу память о сиротском приюте, куда граф д'Эльяно без колебаний позволил поместить этого ребенка. Дальнейшая судьба Джакомо Молла после этих трех злополучных лет была бурной, но он создал ее сам, без отцовской помощи. Золото, машины, рабы — вот его вера, любовь и утешение! Графа д'Эльяно постигла кара — он умрет бездетным. Я понимаю тяжесть этой участи, ибо сам лишился единственного сына, Чарльза Райленда... Сходство наших судеб, моей и графа д'Эльяно, давно занимало мои мысли, и я рад, что встретился лицом к лицу с таким же злополучным одиноким стариком, как я...

— Не судите, да не судимы будете! — Слова графского духовника прозвучали торжественно и веско. Свой бокал он снова поставил на поднос.

Зеленый блеск в глазах милорда стал похожим на мерцание зрачков раненого леопарда. Медленно, глядя прямо в глаза иезуиту, он сказал, отчеканивая слова:

— Граф д'Эльяно навеки потерял право называть Джакомо своим сыном. Синьор Паоло не оставит потомков: это приговор мстящей судьбы! Amen!.. Однако, святой отец, меня давно привлекает это чудесное вино! Кажется, осадок уже осел. За ваше здоровье, и за продление дней нашего очаровательного хозяина!

Граф Ченсфильд протянул руку к бокалу и уже притронулся к его граням, как вдруг лицо патера Фульвио ди Граччиолани приняло озабоченное выражение:

— Мой дорогой гость, пока мы беседовали, в ваш бокал угодила соринка... Лафкадио, наполните другой бокал синьору, а тот сполосните хорошенько: милорд окажет нам честь принять его в память нынешней встречи!

Доктор Томазо Буотти, потрясенный до ошеломления и еще неспособный до конца осознать все услышанное, беспомощно переводил взгляд с одного собеседника на другого и молчал. Доктор Буотти провел бессонную

ночь в обществе трех молодых синьоров. Встреча происходила в частном венецианском доме, избранном синьорами в качестве штаб-квартиры.

Антони Ченни распахнул окно. Табачный дым устремился из комнаты в синеву июльского утра.

— Итак, наше повествование окончено, синьор Буотти. Мы не могли посвятить вас раньше в эти подробности, ибо до сего времени нам не хватало доказательств. Теперь перед вами документы: вот письмо Фернандо Диаса к леди Райленд, вот копия записки патера Фульвио к его бультонскому агенту, отцу Бенедикту Морсини, и вот, наконец, подлинный ответ отца Бенедикта своему духовному главе... Корабль преступного Джакомо Грелли, как вы знаете, сейчас находится в водах венецианской лагуны, и, вероятно, злодей навестит дом своего отца. Его намерений по отношению к старому графу мы пока в точности не знаем, это скоро выяснится. Родной сын Джакомо, Чарльз Райленд, сейчас находится в Бультоне и готовится к последней схватке с ченсфильдским извергом и тамошним крестовым пауком в сутане. Рука возмездия настигла Гринелли близ Марселя. Этот иезуит Луиджи в каюте «Эльмионы» убил нанятого вами сыщика Кремпфлоу. Ваши деньги, отданные Кремпфлоу, пошли на благо очковой змее, патеру Бенедикту, который, несомненно, отравил мою несчастную мать, Анжелику Ченни, а сейчас готовится умертвить Изабеллу Райленд. Мы ждем вашего решения, синьор Буотти!

Томас Бингль взглянул на часы.

— Друзья, уже десять часов! Третий день яхта Грелли стоит в лагуне. Его визит в Венецию не может быть случайным. Один из нас должен взять под наблюдение корабль, а затем лететь в Англию, к старику, чтобы известить его о событиях. Итак, доктор, удалось ли нам убедить вас? Согласны ли вы действовать по нашему плану?

— Синьоры, все мои силы — к вашим услугам!

— Доктор Томазо, в таком случае, нужно оставить здесь, в Мраморном палаццо, синьора Антони Ченни под видом нового служителя музея, чтобы наблюдать за иезуитами, а вам — без промедления отправиться в Лондон. Генерал Хауэрстон должен отнестись к вам с доверием.

— Я готов к отъезду хоть нынче, друзья мои!

5

Генерал Хауэрстон, начальник тайной военной канцелярии, принимал в своем лондонском кабинете гостя из Италии. Беседа уже близилась к концу. Генерал сидел в кресле с невозмутимым лицом, подносил время от времени сигару к губам и озабоченно следил за тем, чтобы с кончика длинной гаваны не упал пепел. Доктор Томазо Буотти не мог прочесть по лицу англичанина, серьезно ли он относится к услышанному.

Наконец пепел сигары обвалился на бумаги, разложенные перед генералом.

— Благодарю вас за эти необычайные сведения, доктор, однако представленные вами документы, равно как и изложенные вами факты, требуют, согласитесь сами, тщательной проверки.

— Но те смелые люди, решившие разоблачить злодея, нуждаются в вашей поддержке, генерал. Они подвергают себя смертельному риску во имя защиты своих справедливых прав. Целая цепь тайных злодеяний тянется к мрачному замку этого Цезаря Борджиа наших дней: банкир Сэмюэль Ленди, адвокат Ричард Томпсон, сэр Генри Блентхилл, граф Эльсвик, не говоря уже о кровавой трагедии в Голубой долине и о жертвах Терпин-бриджа. Мои друзья осуществляют смелый план разоблачения преступного самозванца, но без поддержки властей, хотя бы тайной, им невозможно будет восстановить попранную справедливость. С этой целью я и доставил вам все нужные документальные доказательства.

Генерал стряхнул пепел с бумаг и вновь перебрал их одну за другой.

— Ну-с, посмотрим, чем мы располагаем!.. Письмо пирата Фернандо Диаса — он же Роджерс, Ханслоу и Поттер, — адресованное леди Райленд; это подлинник... Копия записки Мери Уэнт ее отцу... Копия письма Фульвио ди Граччиолани патеру Бенедикту... Подлинник ответа патера Бенедикта... Записка с подписью «Ч», скопированная Бинглем... адресовано капитану Бернсу. Две копии художественных миниатюр: Джакомо Молла с матерью — датировано 1743 годом, и виконт Ченсфильд с сыном Чарльзом — датировано 1772 годом. Портрет сэра Фредрика Джонатана Райленда, исполненный в Калькутте и датированный 1767 годом... Портрет американского сенатора мистера Альфреда Мюррея, ис-

полненный в Филадельфии в 1787 году, за два года до его смерти... Портрет Томаса Мортона... Портрет мисс Эмили Гарди... Гм! Синьор Буотти, говорю вам откровенно, все это не лишено... как бы сказать... загадочности, но еще далеко не достаточно, чтобы доказать присвоение пиратом Грелли титула и имущества сэра Райленда!

— О, господин генерал, — воскликнул доктор Буотти, — мои смелые друзья немало потрудились над тем, чтобы неопровержимо доказать свою правоту! Все подготовлено таким образом, чтобы вы могли схватить за руку убийцу и его тайных сообщников прямо на месте нового покушения. Чтобы убедить вас поддержать смелый замысел капитана Луиса, мы не ограничились только вышеперечисленными документами. У нас есть еще один веский аргумент: из Калькутты нами приглашен престарелый индусский юрист Мохандас Маджарами. Позвольте заметить, что он никогда не видел обоих портретов сэра Райленда, которые лежат перед вами. Мистер Маджарами ожидает в гостинице вашего приглашения. Угодно ли вам послать за ним?

Генерал вызвал своего помощника, майора Бредда, и представил ему итальянского богослова.

— Господин майор, потрудитесь послать мой экипаж за мистером Маджарами, по адресу Темпль, гостиница «Золотой сокол».

В ожидании этого свидетеля генерал внимательно перечитал все представленные ему документы. При этом он все более сосредоточенно жевал потухшую сигару и морщил лоб. Синьор Буотти провел довольно томительный час в созерцании стен и потолка генеральского служебного кабинета. Наконец майор Бредд доложил, что мистер Маджарами, калькуттский юрист, находится в приемной.

— Просите, — приказал Хауэрстон.

В кабинет вошел высокий, худой старик в головном уборе, похожем на митру, и в длиннополом одеянии, напоминающем рясу священнослужителя. Он скрестил руки на груди и низко поклонился британскому офицеру. Генерал назвал свое имя и должность.

— Прошу извинить за столь позднее приглашение, мистер Маджарами. Позвольте задать вам несколько деловых вопросов. Вы — владелец юридической конторы в Калькутте и ваше имя Мохандас Сами Маджарами?

— Да, саиб. — Старик поклонился еще ниже.

— С какого года существует ваша контора в Калькутте?

— С 1736 года, саиб.

— Ее основателем явились вы?

— Да, саиб, соединив наши усилия с усилиями господина Заломона Ноэль-Абрагамса, мы совместно с ним положили начало существующей ныне юридической конторе.

— Какую роль в ней играл мистер Мортон?

— Саиб, мистер Томас Мортон не был одарен богатством способностей и до конца своей службы в нашей конторе оставался в ней простым солиситором.

— Бультонский филиал фирмы — подлинно ваш филиал?

— Саиб, нас убедили помочь правому делу, не посвящая в подробности.

— Благодарю вас. Вы знавали сэра Райленда лично?

— Весьма хорошо, саиб! И я полагаю себя вправе утверждать, что сэр Фредрик Райленд некогда питал ко мне расположение. Я знал его почти со дня рождения.

— Мистер Маджарами, будучи лицом, стоящим на страже законности, прошу вас во имя справедливости давать мне правдивые показания, вне зависимости от ваших личных взглядов и интересов.

Индусский гость выразил согласие и был приведен к присяге. Генерал продолжал свои вопросы.

— Скажите, после вступления сэра Фредрика в права наследства вы не встречались с ним больше?

— Нет, обстоятельства этому препятствовали. До моего нынешнего путешествия в Европу я не покидал Индии, а милорд никогда не возвращался под родной небосклон.

— Извольте взглянуть на этот портрет. Вы узнаете, кто на нем изображен?

— Это мистер Томас Мортон, саиб.

— А это?

Генерал взял со стола портрет мужчины с орлиным носом и короткими бакенбардами.

— Саиб, я уже имел честь заверить вас, что очень хорошо знал сэра Фредрика Джонатана Райленда в годы его молодости. Это его изображение.

Генерал крякнул и предложил старику взглянуть на портрет виконта Ченсфильда, сделанный в 1772 году.

— Не скажете ли вы нам, чье это изображение?

Старик долго держал портрет перед глазами, пристально всматривался в него и наконец покачал головой:

— Этого господина я не имею чести знать, саиб!

Доктор Буотти искоса бросил на генерала взгляд, полный скрытого торжества.

Поздно ночью в гостиницу «Золотой сокол» явился офицер. Он осведомился, находится ли дома итальянский доктор богословия синьор Томазо Буотти, и попросил разрешения наведаться к нему.

Слуга проводил посетителя наверх и показал двери номера. Доктор еще работал за письменным столом.

— Господин майор Бредд? От генерала? Так поздно?

— Синьор Буотти, — сказал ночной посетитель, прикрывая дверь, — генерал принял решение оказать содействие вашим друзьям. Мне и лейтенанту Бруксону поручено приняться за ченсфильдское дело. Обоих нас в Ченсфильде видели зимой. Поэтому нам, обоим офицерам тайной канцелярии, придется действовать под маской простых слуг. Решено придерживаться рискованного плана, который предложен вашими друзьями, чтобы поймать Грелли и преступного иезуита с поличным... Считаете ли вы, что дочери и сыну Грелли грозит реальная опасность?

— О, мистер Бредд, я вижу в этих молодых людях не детей преступного Грелли, а внуков моего покровителя, графа д'Эльяно. Им обоим несомненно грозит крайняя опасность, ибо только они имеют законное право на венецианское наследство, от которого из страха перед тайным орденом отказался сам Грелли. Иезуиты пустят в ход любые средства, чтобы устранить обоих молодых людей — эту реальную «живую» опасность давно взлелеянным планам ордена.

— Ну что ж, синьор богослов, это все придется проверить. Если ваши предположения основательны, промедление опасно. Я отправлюсь в Ченсфильд заранее, Бруксон, мой помощник, — попозже. Он послужит лондонским «гонцом от агента»... Не советую и вам мешкать с выездом на поле сражения, если вы принимаете столь близко к сердцу судьбу детей лжемилорда. Итак, до скорой встречи в Ченсфильде, синьор!

6

В конце лета, когда яблоки в английских садиках порозовели и стали сладкими, яхта «Южный Крест» вернулась в Лондон. В августе корабль стал на якоре в устье Темзы. Лорд Ченсфильд застал жену и дочь в сборах: миледи пожелала провести конец августа и сентябрь на лоне ченсфильдской природы. Неотложные дела удержали милорда на некоторое время в столице, и леди Эллен отправилась в Ченсфильд в обществе дочери и нескольких слуг.

В Шрусбери, во дворе гостиницы «Северный олень», кареты леди Райленд и ее челяди остановились, чтобы в последний раз переменить лошадей.

В ожидании карет леди Эллен, госпожа Тренборн и мисс Изабелла проследовали в зал гостиницы. Утро было прохладным; дождевые капли с налета ударяли в оконные стекла и разбивались в пыль. В камине пылал огонь, и какой-то старый господин, очень почтенного вида, похожий на путешествующего иностранца, собственноручно помешивал горящие угли. Увидев трех дам, иностранец церемонно раскланялся и предложил миледи свое место у огня.

Господин оказался старым французским роялистом, нормандским бароном Бернаром де Бриньи, вынужденным покинуть свою страну, где «взбунтовались эти канальи», как барон выразился по адресу французских крестьян. Старый барон направлялся в Бультон для некоторых встреч с роялистами-эмигрантами, нашедшими приют на английском Севере. Он довольно бегло изъяснялся и по-английски. Леди Ченсфильд назвала свое имя, но гость оказался мало осведомленным в аристократической генеалогии островной империи, и благородное имя миледи прозвучало для него, по-видимому, как новое.

После того, как дорожное знакомство завязалось и упрочилось, старый барон намекнул, что в его миссии заинтересован французский двор, сама королева Мария Антуанетта и ее августейший брат, австрийский император Леопольд II...

— Но и в вашей стране не должно оставаться безучастных к нашим страданиям, — проникновенно говорил старый французский аристократ, — ибо и у вас начинает распространяться опасный заговор, имеющий целью уничтожить вековые права знати и поставить на

их место теорию прав человека. Ваше правительство, закон, собственность, религия и все другие учреждения, дорогие британцам, находятся в опасности и могут быть сметены, как это уже произошло в моей Франции... Дух якобинства проникает и к вам!..

Однако, заметив, что собеседницу пугает и расстраивает беседа о политике, галантный барон поспешил переменить тему и заговорил о достопримечательностях Бультона.

— Простите, господин барон, где вы предполагаете остановиться в Бультоне? — осведомилась миледи.

— Где придется, — отвечал жизнерадостный старый француз. — Вероятно, в этом старом городе нет недостатка в гостиницах.

Глядя на барона со стороны, Изабелла заметила, что его левый глаз отличается странной мертвенной неподвижностью, представляющей резкий контраст с живым блеском правого ока.

— Не угодно ли вам воспользоваться нашим домом? — предложила графиня. — Он, правда, в двенадцати милях от Бультона, но вам было бы у нас удобнее, чем в гостинице. Через несколько дней в Ченсфильд должен прибыть и мой супруг, чтобы подготовить свои корабли к новому военному походу в Индийский океан.

Предложенное гостеприимство явно обрадовало и тронуло французского дворянина. Он рассыпался в изъявлениях благодарности.

Для слуги барона, немолодого долговязого человека, по имени Франсуа Буше, нашлась запасная верховая лошадь, а весь багаж уместился на запятках второго экипажа. Из своей кареты графиня выпроводила камеристку, и господин барон занял ее место. Благодаря живой и увлекательной беседе с гостем заключительная часть путешествия пролетела незаметно. В Ченсфильде тайному поверенному Марии Антуанетты были отведены две удобные комнаты во втором этаже. В первой из них, небольшой приемной, поместился слуга Франсуа.

За ужином в замке господин барон де Бриньи был несколько менее оживлен, жаловался на головную боль и слегка покашливал. Своего слугу он послал в порт, чтобы осведомиться о прибывших кораблях. Вернулся тот с известием, что к бультонским водам приближается американский корабль «Каролина» из Филадельфии.

Вскоре после ужина весь ченсфильдский дом погрузился в сон, тишину и мрак.

Утром, когда миледи Эллен спустилась к завтраку, слуга старого француза подошел к ней с озабоченным лицом и осведомился, имеется ли в Ченсфильде врач: господин барон в дороге простудился и не в состоянии покинуть постель. Графиня встревожилась, приказала заложить карету и послать ее в Бультон за доктором Рандольфом Грейсвеллом.

После полудня больному стало хуже, и слуга Франсуа Буше сообщил хозяйке дома, что положение старика внушает серьезные опасения, ибо налицо все признаки воспаления легких и горячки. Месье де Бриньи, по-видимому, и сам отдавал себе отчет в своем положении, ибо передал графине через Франсуа покорнейшую просьбу уведомить о его болезни местного католического священника. Очень скоро легонькая двуколка доставила в Ченсфильд священника портовой капеллы патера Бенедикта Морсини. Слуга барона провел монаха к ложу больного. Старый роялист лежал с полузакрытыми глазами, дышал прерывисто и тяжело. Он увидел незнакомого монаха в сутане и глазами сделал слуге знак удалиться.

— Наклонитесь ко мне, святой отец, — прошептал он чуть слышно.

Священник вопросительно взирал на больного. Тот выпростал руку из-под одеяла, и монах увидел на указательном пальце больного перстень с печаткой. Это украшение походило на перстень с саламандрой, находящийся в обладании самого патера! Неужели новый посланец отца Фульвио ди Граччиолани?..

— Ad majorem dei gloriam![1] — многозначительно прошептал больной.

— Amen! — отвечал монах, склоняясь еще ниже к изголовью.

— Недавно я посетил Венецию и беседовал с отцом Фульвио. — Голос больного был слаб. Он задыхался и делал большие усилия, чтобы говорить отчетливо. — Лорд Ченсфильд навестил Мраморное палаццо и был принят графом Паоло д'Эльяно. Сюда направляется доктор Буотти. Я прибыл раньше, чтобы предупредить вас об этих событиях. Святой отец благословляет задуманные вами начинания и просит не медлить ни часа...

---

[1] «К вящей славе божией» — девиз ордена иезуитов.

— Простите, ваше превосходительство, отец Фульвио не вручил вам письма для меня?

— Условия нашей встречи исключали такую возможность. Он вручил мне вместо пароля и письма этот перстень... Промедление грозит крушением нашего святого дела... Он просил вас позаботиться не только о судьбе вашей духовной дочери, но и не забывать... юридической конторы Ноэль-Абрагамс и Маджарами. Насколько я понял, патер Фульвио считает нужным, чтобы Лео Ноэль-Абрагамс разделил судьбу наследницы...

— Ваше превосходительство, вы утомились... Не утруждает ли вас долгая беседа?

— Брат Бенедикт, я стою в преддверии... Прошу вас, брат мой, известить отца Фульвио, что Бернар де Бриньи исполнил перед кончиной свой долг!..

Поздно вечером в Ченсфильд прибыл доктор Рандольф Грейсвелл. Он был очень утомлен и не слишком обрадован перспективой провести бессонную ночь у одра умирающего чужестранца. Слуга барона проводил врача в покой. В свете ночника виднелся полог, свисающий над постелью больного. Врач подошел к постели.

— Дайте сюда больше свечей,— приказал он отрывисто и отвел полог в сторону.

К немалому изумлению врача, постель оказалась пустой; в то же мгновение на плечо доктора Грейсвелла тяжело опустилась из-за полога чья-то рука.

Сощурив близорукие глаза, доктор всматривался в лицо высокого седого старика. Человек стоял в небольшой стенной нише, за пологом, рядом с постелью. Он был в ночном одеянии и халате.

— Доктор Грейсвелл, — заговорил этот странный больной, — я вызвал вас сюда под предлогом моей болезни. Приношу тысячи извинений за причиненное вам беспокойство, но дело не терпит отлагательства. Речь идет о важной тайне.

— Кто вы? — Доктор испытывал нечто весьма похожее на испуг.

Его собеседник поднял ночник и приблизил свое лицо к глазам врача.

— Доктор! Вы видите перед собою капитана Бернардито Луиса эль Горра.

От неожиданности доктор Грейсвелл чуть не сел мимо стула.

— Синьор Грейсвелл, — продолжал Бернардито,—

вы должны понять, что я не открыл бы вам своего настоящего имени, если бы замыслил нанести тайный вред законным владельцам этого дома. Садитесь в это кресло, зажгите сигару и выслушайте, что привело меня сюда под именем французского роялиста... А вы, майор Бредд, — повернулся «барон» к своему мнимому слуге, — оставайтесь у двери и следите, чтобы нас никто не вздумал подслушать...

...Через три часа доктор Грейсвелл вошел в будуар хозяйки дома.

— Миледи Райленд, — сказал он бесстрастным врачебным тоном, — у вашего гостя барона де Бриньи тяжелая форма воспаления легких. Обстоятельства не позволяют мне остаться в Ченсфильде, но больной так плох, что нуждается в заботливом уходе. Я пришлю из Бультона сиделку, но она сможет приехать только утром. Не смогла бы мисс Изабелла взять на себя труд немного побыть у постели страждущего? Это знатный дворянин, а ваша дочь хорошо умеет ухаживать за больными.

Леди Эллен послала за дочерью, и доктор повторил ей свою просьбу. Мисс Изабелла покорно отправилась в покой к больному французу. Мисс Тренборн обещала сменить свою воспитанницу через два часа.

В ченсфильдском доме у патера Бенедикта Морсини имелась как бы временная резиденция, которая по традиции сохранялась за патером с тех пор, когда он еще давал уроки латыни малолетней наследнице поместья. Некогда в той комнате со стрельчатыми оконцами, занимавшей самый верх левой замковой башенки, жил и трудился над своими рисунками юный живописец Эдуард Мойнс... Бывая в Ченсфильде, патер всегда останавливался в этом уединенном покое, куда вела крутая железная лесенка. Слуги замка так и прозвали эту комнату «кельей» и редко туда заглядывали.

Здесь, в своей «келье», отец Бенедикт ожидал теперь отъезда доктора Грейсвелла, чтобы отправиться с ним в Бультон в одной карете. Ему не терпелось услышать врачебный приговор над своим знатным французским единоверцем. Сойдя вниз, в столовую, он услышал от миледи, что положение больного является угрожающим и что временно роль сиделки приняла на себя мисс Изабелла. Патер отыскал доктора в вестибюле; врач дожидался кареты.

— Достопочтенный мистер Грейсвелл, — обратился иезуит к врачу столь вкрадчивым голосом, будто он просачивался сквозь щели запертых дверей, — вы позволите мне разделить с вами место в карете?

— Пожалуйста, — ответил врач безразличным тоном. — Надеюсь, ваши сборы не будут слишком долгими? Карету скоро подадут.

Монах торопливо поднялся наверх. Но отправился он не в свою «келью», а в покои больного француза. Прошмыгнув через переднюю, где дремал слуга Франсуа Буше, патер приоткрыл дверь в опочивальню барона.

На столике у постели горела лампа, свет ее падал на лицо добровольной сиделки, мисс Изабеллы Райленд.

Патер Бенедикт никогда еще не видел Изабеллу в состоянии такой глубокой душевной подавленности. На побледневшем, осунувшемся лице наследницы Ченсфильда появилось новое выражение горечи, тревоги и скрытого гнева. Покрасневшие веки отяжелели, глаза потеряли блеск и задор. Даже губы, еще недавно полудетские и пухлые, как у веселых ангелов с полотен итальянских мастеров, стали как будто тоньше и суше. Эти сжатые губы сделали все лицо Изабеллы более взрослым, зрелым; в нем ничего не осталось от шаловливой ребяческой беспечности.

Бенедикт Морсини почувствовал сразу, что причина этой перемены не имеет никакого касательства к близкой кончине старого француза. Изабелла боязливо покосилась на постель и знаком попросила монаха отойти в дальний угол.

Патер покачал головой, ибо не считал необходимым остерегаться ушей месье де Бриньи.

— Говорите спокойно, дочь моя. Душа этого человека — около врат царства. Земное уже недоступно ей.

— Святой отец, я в страшной тревоге. Мне представлены неопровержимые доказательства, что человек, называвший себя Алонзо де Лас Падосом, а ныне зовущийся Лео Ноэль-Абрагамсом, — действительно мой родной брат Чарльз Райленд.

— Белла, я догадываюсь: вы были у них в этой... мнимой юридической конторе?

— Да, отец мой, я вчера виделась с братом... Боже мой, я теперь жизни своей не рада! День ото дня все

страшнее, все непонятнее... Вчера Чарльз показал мне свой медальон. Сомнений нет: человек этот — родной мой брат. Мы подошли с ним к зеркалу... Господи! Он гораздо лучше меня, но у нас одни и те же черты! Мне хочется спрятаться от людей... Я не могу больше!

Изабелла отвернулась и зарыдала. Больной пошевелился в постели и глубоко, тяжко вздохнул. Слова девушки были сбивчивы, но патер Бенедикт уловил их смысл. Он ласково тронул ее за плечо, и мисс Райленд повернула к нему измученное лицо.

— Скажите мне, моя возлюбленная дщерь во Христе, знает ли ваш брат, что вы... ничего не утаили на исповеди от служителя бога?

— Да, святой отец, Чарльз это знает, и он устыдился своего прежнего недоверия к вам. Он понял, как глубоко было его заблуждение, ибо иначе он давно был бы схвачен... А его намерения... Боже мой, я не могу повторить его страшные слова...

— Что предлагает вам брат, Изабелла?

— Чарльз умоляет меня покинуть этот дом. Если верить Чарльзу, наш отец — величайший злодей, уголовный преступник, убийца, вор, укравший чужое имя. Мой брат задумал разоблачить его стародавний обман. Он уже послал письмо в Лондон.

— Письмо в Лондон? И он раскрыл в нем свое настоящее имя? Кому он послал это письмо?

— Он послал его генералу Хауэрстону, но в письме назвался юристом Лео Ноэль-Абрагамсом и обещал генералу важные разоблачения. Доверить их бумаге он не мог. Хауэрстон, вероятно, приедет в Ченсфильд. Чарльз убежден, что наш отец не пощадит никого и ничего вокруг, когда правосудие потребует его к ответу.

— Изабелла, если в Ченсфильде должны разыграться столь грозные события, я готов согласиться с вашим братом: вам следует покинуть этот дом. Но как же Чарльз намерен устроить ваш отъезд?

— Сопровождать меня должен Наль Рангор Маджарами, то есть кавалер де Кресси, как он назвался, когда первый раз прибыл в Бультон.

— Скажите мне, Белла, ваш брат открыл вам настоящее имя этого кавалера?

— Его имя... Реджинальд Мюррей. Это сын мистера Альфреда Мюррея, человека, которого мой отец лишил

всего — подлинного имени, имущества, невесты — и которого бросил умирающим на необитаемом острове. Чарльз намерен восстановить права Реджинальда на все, что потерял его отец.

— Дочь моя, но каковы же дальнейшие планы вашего брата? Неужели он откажется от своей доли Ченсфильда? Может быть, он рассчитывает на... чье-нибудь другое богатство?

— Нет, святой отец, Чарльз поклялся восстановить права Реджинальда на титул и поместье единственно во имя справедливости. Сам он хочет вернуться на далекий остров в Индийском океане и создать там новое поселение. У него есть очень умный, начитанный друг — Джордж. Они вместе задумали создать какой-то Город Солнца для обездоленных людей... Этот город должен стать царством света, справедливости и братства. Все богатства там должны быть разделены между людьми поровну...

— Это опасные помыслы, дочь моя. Господь не создал своих детей равными и освятил разделение людей на бедных и богатых.

— Я боюсь, что Чарльз не тверд в вере, святой отец!.. Но, святой отец, больной дышит все тяжелее.

— Вероятно, его час близится... Белла, благословляю ваше решение покинуть Ченсфильд. Вероятно, Реджинальд Мюррей намерен бежать с вами на каком-нибудь корабле?

— Святой отец, не произносите этого имени... Пусть даже стены слышат только имена: Лео Ноэль-Абрагамс и Наль Рангор Маджарами... Да, вы, как во всем, прозорливы. Брат и его друг предлагают мне бежать на португальском судне «Санта-Роза». Оно должно уйти из Бультона в воскресенье.

— В воскресенье? Через двое суток? Когда же вы должны покинуть отчий кров и где вы намерены ожидать отплытия корабля?

— Где-нибудь в порту. Я должна буду надеть мужское платье и завтра, в субботу, встретиться с Реджинальдом.

— Белла, я помогу вам. План вашего брата наивен. Он не знает, что весь порт кишит соглядатаями. Вас немедленно схватят, и гнев вашего отца обрушится на обоих молодых людей, которые, насколько я понимаю, уже сделались близки вашему сердцу. Я укрою вас до

отхода корабля в моей капелле. Там никто не станет вас разыскивать. Я заранее подготовлю ко всему своего служку, Грегори. В ночь на воскресенье он незаметно доставит вас в лодке на борт португальского корабля... Но я слышу во дворе карету... Доктор Грейсвелл уезжает, он обещал довезти меня до города!.. Мисс Райленд, да благословит вас всевышний за вашу христианскую помощь больному!.. Завтра утром я вернусь сюда...

Когда патер спустился во двор, доктор Грейсвелл уже садился в карету. Но не успел этот экипаж тронуться с места, как в открытые для него ворота медленно въехала пропыленная наемная коляска. Оба экипажа разминулись на подъездной аллее. В окно кареты доктор Грейсвелл и патер Бенедикт разглядели незнакомого приезжего, который сошел с подножки коляски на каменные ступени подъезда. В свете двух фонарей над крыльцом отъезжающие увидели невысокого полного человека в обычной одежде ученых итальянских богословов.

Патер Бенедикт понял: в Ченсфильд прибыл доктор Томазо Буотти! Медлить дальше невозможно! Судьба наследницы Ченсфильда и ее брата решена бесповоротно: оба должны немедленно... исчезнуть!

Субботним вечером мистер Грегори Вебст, прислужник бультонской католической капеллы в порту, прохаживался у дверей этого маленького храма. Двери капеллы стояли открытыми, но прихожанам на этот раз пришлось довольствоваться лишь преклонением колен перед статуей девы, ибо, по разъяснениям Грегори, болезнь отца Бенедикта помешала патеру отслужить обычную вечернюю мессу.

Грегори уже собирался запереть двери и погасить лишние свечи, чтобы завтра пустить их снова в коммерческий оборот. Служитель подошел к дверям и прикрыл одну створку.

В этот миг два молодых итальянца робко заглянули в часовню. Вошедший первым был высок ростом, крепкого телосложения и глядел на божий свет большими очами редкостного темно-синего цвета, похожего на утреннюю морскую даль. Второй юноша отличался изяществом, стройностью, чрезвычайно нежным,

тонким лицом и кудрявыми локонами, стянутыми красной косынкой; одет он был в бархатную блузу, какие часто носят художники.

Мистер Грегори, видимо, ожидал прихода этих молодых людей, ибо он торопливо запер изнутри двери на засов и засуетился у чугунной плиты, служившей как бы широким подножием к порогу. Грегори приподнял кольцо, вделанное в металл, просунул в него железный ломик и с усилием сдвинул плиту с места. Заметив его старания, рослый молодой человек взял из рук прислужника ломик, поднажал на него коленом, и чугунная плита наполовину отошла в сторону, открыв доступ в черный люк. В отблеске свечей стала видимой верхняя ступенька железной лестницы, ведущей в подземелье.

— Все ваши вещи уже там, — прошептал Грегори.— Возьмите по свече и спускайтесь. Там сыро и холодно, поэтому теплее укутывайтесь в плащи. Внизу вы найдете дверь.

Молодые люди не раздумывая спустились по лестнице, освещая подземелье свечами. Ступени оканчивались против узкой металлической двери с засовом. Рослый синьор, спустившийся первым, отодвинул засов и ввел своего юного спутника в подземный тайник под часовней.

Широкая скамья, заранее покрытая суконным пледом, стояла вдоль длинной стены, и под нею, на каменном полу, были сложены два небольших, аккуратно перевязанных ремнями тюка.

Рослый молодой человек сразу распаковал один из тюков, заботливо усадил своего спутника на скамью, укутал его с головы до ног плащом, придвинул к скамье небольшой стол, стоявший рядом с распятием, и, выпростав из-под плаща обе руки юноши, принялся усердно растирать их и гладить.

— Завтра я доставлю вас на борт «Санта-Роза» с помощью ялика, который принадлежит отцу Бенедикту, — пояснил служитель из-за двери. При этом он загремел наружным засовом.

— Грегори! — крикнул ему спутник Изабеллы. — Зачем вы запираете дверь?

— Так приказал святой отец, чтобы полиция, если ей вздумается заглянуть сюда, нашла дверь вашего тайника запертой. А я уж сумею убедить чиновников, будто дверь не открывалась много лет.

Глава двадцать третья

ОХОТНИКИ ЗА ЛЕОПАРДОМ

1

Карета с отдыхающим львом на гнутой дверце уже миновала мост через Ченси и приближалась к «Веселому бульдогу». Лошади шли рысью, железные шины однообразно и надоедливо гремели по булыжнику.

— Сверни на луговую дорожку, мне осточертела эта тряска от самого Лондона, — приказал кучеру владелец поместья Ченсфильд.

Левое окно кареты было опущено. Граф Ченсфильд вглядывался в очертания обеих башен своего дома, серевших вдали, на фоне вечернего неба.

В этот миг какой-то всадник обогнал карету. Она съехала с булыжной мостовой и уже катилась по чуть приметным колеям проселка, служившего для вывоза сена с лугов. Обскакав карету, верховой придержал потного коня, поравнялся с экипажем и наклонился к открытому оконцу. Лорд-адмирал не узнал всадника. Тот назвался слугою мистера Кленча, лондонского агента его светлости.

— Срочное известие от мистера Кленча, ваша милость. Мистер Кленч велел непременно догнать вас в дороге!

— Скачите вперед, предупредите привратника, — сказал виконт, откидываясь на подушку.

В карете было темно, и прочесть письмо сразу он не смог. Как любой другой смертный, лорд-адмирал ощутил неприятный холодок тревоги: видно, письмо содержало немаловажные вести, если лондонскому агенту понадобилось отрядить следом за каретой специального гонца.

Небосклон посинел. Дом и парк вдали стали черными и слились вместе. Над шпилями обеих башен замерцали звезды. Кое-где в окнах второго этажа виднелись огни. Нижние залы не были освещены или же ставни не пропускали света наружу.

У главных ворот, распахнутых настежь, стоял седой привратник. Старик низко поклонился хозяину, когда четверка лошадей промчала экипаж по полукругу подъездной аллеи. Граф Ченсфильд глядел в окошко кареты, но не видел никого на ступенях главного подъезда.

В полутемном вестибюле старик мажордом едва успел зажечь две свечи в стенных бра, в дополнение к тусклому огарку, который чадил над гардеробной стойкой. Он принял у хозяина шляпу и плащ.

Удивленный и раздосадованный оказанным приемом, лорд Ченсфильд коротко спросил, здорова ли миледи. В ту же минуту она сама появилась на пороге. Супруг сразу заметил, что она рассержена и озабочена.

— Ты не слишком торжественно обставила встречу мужа, Нелль, — проговорил он громко. — Черт побери, я не узнаю...

— Тише, бога ради тише, Фредди! — прервала его леди Эллен.— Дом полон посторонних... У нас гости и...

— Какие, к черту, гости?

— Фредди, у нас остановился французский барон... К несчастью, он тяжело заболел и, кажется, умирает... Только вчера вечером прямо из Италии прибыл еще какой-то ученый богослов, доктор Томазо Буотти. Он говорит, что послан к тебе графом Паоло д'Эльяно, венецианским патрицием, у которого ты побывал в гостях. Впрочем, это все маловажно. У нас есть забота посерьезнее...

Миледи увлекла супруга в его охотничий кабинет, где камердинер уже успел засветить свечи в настольном шандале. Граф, хмуря брови, смотрел в глаза леди Эллен. Она заговорила торопливым шепотом.

— Фредди, сегодня днем Изабелла не вернулась с верховой прогулки. Мисс Тренборн уже несколько дней находила Беллу в каком-то странно угнетенном состоянии духа. Перед сегодняшней поездкой она была как будто взволнована, озабочена и бледна. Поехала она, как всегда, в сопровождении грума. В ченсфильдской роще ее встретил какой-то всадник; очевидно, он заранее поджидал ее. Грум видел его впервые. Изабелла отослала грума домой, а сама не вернулась в замок.

— Так, черт побери, нужно обыскать окрестности! Может быть, с девочкой что-нибудь случилось? Почему этот болван грум...

— Тише, Фредди, в доме посторонние... Грума я сразу послала назад в рощу, но он уже не застал там ни Изабеллы, ни ее кавалера. По их следам грум определил, что они выехали на шоссе и пустились в сторону города.

— Это что еще за новости! Чего смотрит старая дура Тренборн, черт ее побери? Ты послала в Бультон?

— Ты сам разрешил дочери сумасбродные верховые поездки... В Бультон я никого не посылала.

— Почему?

— Это настойчиво отсоветовал мне патер Бенедикт.

— Вот как? Где он?

— У больного барона, наверху.

— Зачем тебе понадобился этот барон? Откуда он свалился нам на голову?

— Это придворный французской королевы, Фредди, очень влиятельный старик. Я познакомилась с ним в пути и не могла не предложить ему гостеприимства. Болезнь его явилась неожиданностью. Но слушай, Изабелла оставила в своей комнате записку. Полюбуйся, что пишет тебе твоя дочь.

Лорд-адмирал схватил письмо, уже вскрытое его супругой.

«Дорогой отец!

Несколько дней я провела в большом горе и решила покинуть твой дом, пока ты не докажешь свои права на это владение, а также подлинность твоего имени.

Мне представлены доказательства темных и страшных поступков, совершенных тобою против законных владельцев титула и поместья. Тебе предстоит доказать ложность этих тяжелых обвинений или навсегда лишиться уважения твоей несчастной дочери.

Изабелла».

Бормоча проклятия, владелец Ченсфильда скомкал бумагу и швырнул ее в холодный камин.

— Где иезуитская змея? — прошипел он, сам похожий на удава, готового проглотить дюжину кроликов.— Постой, покажи-ка ты мне сперва этого француза, этого «умирающего француза», будь проклята моя кровь! Уж не данайского ли коня ты привела ко мне в дом?

Хромая, милорд стремительно взбежал по лестнице. Миледи Эллен семенила за мужем, шелестя юбками. В нижней столовой зале часы отзвонили одиннадцать. Супруг злым полушепотом нетерпеливо проговорил на ходу:

— Ступай в столовую, Нелль, позови Буотти к ужи-

ну и не выпускай его из виду. Это, вероятно, тоже гость не случайный!

Дверь в первую из комнат, отведенных барону, он открыл без стука. Слуга господина барона Франсуа Буше всхлипывал, держа у глаз большой фуляровый платок. При виде милорда он привскочил с растерянным видом. Владелец поместья бросил на слугу сумрачный взгляд и прямо направился к дверям второго покоя. Франсуа Буше сделал было движение, чтобы удержать его от неосторожного вторжения к больному, но хозяин дома уже распахнул дверь.

Тяжелый запах камфары, мяты и спирта еще с порога ударил в нос милорду. Юная сиделка вздрогнула от неожиданности при виде злого, дергающегося лица вошедшего. С колен сиделки скатился под постель больного клубок белой шерсти, и вязанье выпало у нее из рук. На ночном столике у постели, среди пузырьков и склянок, горела одна свеча. В самой глубине комнаты от стены отделилась невысокая черная фигура: патер Бенедикт сделал шаг навстречу графу, но, заметив выражение его лица, замер на месте.

Вошедший схватил подсвечник и резко отодвинул полог над постелью. Он увидел недвижное лицо старика с остекленевшим глазом. Лоб и другой глаз были прикрыты пузырем со льдом. Прерывистое дыхание вырывалось из полураскрытого рта. Сухие пальцы рук обирали одеяло. Человек явно умирал. Священник приблизился к постели, перекрестил больного и осторожно поправил полог, прикрывая лицо старика от света.

— Отец Бенедикт, благоволите сойти со мною вниз,— проговорил милорд, с трудом соблюдая пониженный тон.

Той же стремительной, прихрамывающей походкой он пересек приемную и, не оглядываясь, пошел по коридору. Позади него смиренно поспешал монах, широко развевая черные полы и рукава сутаны.

В нижних залах, около буфетной, навстречу графу попался лондонский посланец агента Кленча. Этот слуга был в пропыленном дорожном камзоле, и только при виде этого человека хозяин дома вспомнил о пакете, оставшемся в кармане плаща. Почти втолкнув отца-иезуита в охотничий кабинет, граф послал камердинера за пакетом и угрожающе взглянул патеру в лицо. Оно выражало скорбь и смирение. Милорд был готов схватить монаха за горло.

— Почему вы помешали жене вернуть Изабеллу? —

произнес он свирепо. Бровь его плясала, рот кривился, глаза были страшны. — Уж не сами ли вы дали ей совет тайком удрать из дому?

— Я поддержал ее в этом намерении, сын мой.

Рука милорда вцепилась в плечо монаха с такой силой, что пригнула его вниз.

— Патер! Видит бог, вы готовите себе злую участь!

— Я служу богу, и жизнь моя — в его руках, равно как и жизнь вашей дочери. Мне, грешному, удалось предотвратить попытку вашей дочери покончить с собою, и я почел за благо предоставить ей тайный временный приют. Там душа ее успокоится под моим пастырским оком, и дочь вернется к вам, когда вы, милорд, успеете расправиться с вашими врагами.

Слова монаха прозвучали так проникновенно, что граф отпустил его плечо.

— Врагами? Какими врагами?

— Сын мой, вас окружают сети коварства. Враги крадутся в ночи, но клянусь вам именем святого Игнатия, у вас нет сейчас более верного помощника и друга, чем я, смиренный служитель божий. Так повелел мне не только долг христианина, но и мой высокий духовный глава.

— Скажите мне, кто этот умирающий француз?

— Синьор, вы один достойны знать сию величайшую тайну. Бернар де Бриньи — сын тайного ордена, такой же, как и я, но могущественнее и знатнее. Это посланец его преподобия Фульвио ди Граччиолани. Даже близость смерти не помешала этому воину Христову выполнить важнейшие поручения святого отца. Минуты его жизни сочтены, и душа его мучительно долго расстается с телом.

— Простите мне мою резкость, отец Бенедикт. До сих пор я не имел причин сожалеть об оказанной вам поддержке. Сейчас я выслушаю вас, но сначала должен прочесть одно срочное письмо.

Разорвав помятый конверт, милорд прочел письмо, принесенное в кабинет камердинером.

«Дорогой сэр!

Посылаю к вам гонцом своего слугу Каринджа, дабы срочно уведомить, что следом за вами выехал дилижансом в Бультон генерал Хауэрстон. Его сопровождают два офицера. Отъезд их был

весьма поспешен. Если они не догонят вас в пути, то прибудут через несколько часов после вас.

Генерал Хауэрстон на днях принимал тайного посланца из Ченсфильда.

Кленч, лондонский агент «Северобританской компании».

— А, черт! — в сердцах сказал владелец поместья.— Похоже, что вы правы, патер: здесь действуют мои враги. Бегство Изабеллы, приезд Буотти, выезд в Бультон офицеров тайной канцелярии...

— Вы изволили забыть еще... открытие в Бультоне подозрительной юридической конторы и приезд калькуттских юристов, сын мой!

— Да, целый заговор... Недаром Мортону эти юристы сразу показались опасными... Просчет! Но, патер, мы сильнее их, черт побери! И если снова одним ударом покончить со всем этим клубком...

Патер Бенедикт хихикнул угодливо и трусливо:

— Я счастлив, ваше сиятельство, что вы преодолели тягостные чувства и вернули себе всегдашнюю решительность воина...

— Постойте, их план мне не совсем ясен... Что вы успели разузнать?

— Все, сын мой, решительно все! Искренность вашей дочери помогла раскрыть весь заговор ваших злокозненных супостатов. Вот, милорд, взгляните на это письмо...

Патер достал из кармана листок с наклеенными на нем обрывками письма, адресованного двумя кавалерами наследнице Ченсфильда мисс Изабелле. Владелец поместья прочел текст письма. Бровь его снова задергалась.

— Спокойствие, ради бога, спокойствие, синьор! — умоляющим тоном прошептал патер. — Вы сокрушите врагов могучей десницей, если не отдадитесь во власть справедливому гневу... Это послание, милорд, было первым звеном в цепи заговора. А остальные звенья помогла раскрыть все та же искренность вашей дочери со мной, смиренным служителем бога. Эти молодые люди, Алонзо де Лас Падос и Теодор де Кресси, потом приняли облик калькуттских юристов Лео Ноэль-Абрагамса и Наля Рангора Маджарами.

— А на самом деле, кто же они, эти молодые люди?

Ответ иезуита был хорошо продуман. Гнев взбешен-

ного милорда нужно было направить против... его собственного сына. Для этого нужно было хитро обмануть отца, выдав Чарльза за другое лицо, ненавистное лжемилорду.

— На самом деле... это ваши злейшие враги, милорд! Они-то и вызвали в Ченсфильд генерала Хауэрстона. Лео Ноэль-Абрагамс — это Диего Луис, сын пирата Бернардито Луиса, вашего старого врага. А сообщник его, называющий себя Налем Рангором Маджарами, — это отпрыск другого вашего врага, Альфреда Мюррея.

— Так вот где собака зарыта! Значит, мертвецы Бернардито и Мюррей объявили мне тайную войну... Ну, падре, вы вовремя раскрыли мне глаза. Когда мы расправимся с ними, я озолочу вас, вы станете моим вторым Вудро... Что же они могут представить Хауэрстону?

— У них в руках некоторые документы, старые портреты, письмо Фернандо Диаса... Но враг знает, что все эти документы несостоятельны против вашей несокрушимой защиты. И потому они вступили в сговор с этим венецианским доктором Буотти. Они побудили доктора прибегнуть к чудовищной хитрости: Буотти должен склонить вас принять наследство от графа д'Эльяно, дабы вам не пришлось сожалеть о потере прав британского милорда.

Лорд Ченсфильд сощурил глаза и несколько минут собирался с мыслями. Лицо его делалось все более асимметричным, и внезапно весь он затрясся от взрыва бешеного хохота:

— Ха-ха-ха! Недурно! Вы хороший следователь, падре! Теперь-то мне понятны ваши старания, мой черный друг! Ха-ха-ха! Да, патер Морсини, в вашем лице я поистине имею лучшего из союзников, ибо вы больше всего опасаетесь, как бы наследство графа д'Эльяно не проплыло мимо рук его преподобия Фульвио ди Грачиолани!

— Синьор, — лепетал обескураженный монах, — не ради сребролюбия, но единственно во имя святой церкви...

— Молчите, падре! Вот теперь мне действительно понятно все до конца. Больше всего, скажу вам откровенно, меня смущала ваша «бескорыстная любовь» ко мне, патер Морсини. Я не верю в праведников и еще не встречал в жизни ни единого бессребреника. Теперь ваши «бескорыстные» побуждения ясны мне, и я знаю,

что воистину вы верный союзник... милорда Ченсфильда... Ха-ха-ха!

Вошедший камердинер доложил, что для прибывших накрыт стол к ужину. Граф злобно топнул ногой. Камердинер попятился в страхе.

— Что прикажете доложить миледи, сэр?

— Доложите, что через четверть часа милорд будет иметь удовольствие вкусить трапезу в обществе миледи, мистера Мортона и доктора Буотти, — торопливо сказал патер, выпроваживая слугу из кабинета.

Милорд уже взялся за ручку двери. Патер Морсини зашуршал сутаной следом за хозяином дома. В дверях граф Ченсфильд резко остановился:

— Стойте! Вы так и не сказали мне, патер: где же вы спрятали Изабеллу?

— В моей капелле, сын мой!

— Ловко! Она там одна?

— Ее оберегает Грегори, мой служитель, и...

— Договаривайте, падре! Кого вы спрятали вместе с Изабеллой?

— Синьор, я лишь... предоставил беглецам убежище, дабы... они не успели попасть на борт португальского судна «Санта-Роза». Но склонил вашу дочь к побегу не кто иной, как тот же... Реджинальд Мюррей в обличии калькуттского юриста Наля Рангора Маджарами. Изабелла открыла мне...

— Святой отец, мое терпение не безгранично! Договаривайте, черт вас побери!

— Изабелла призналась мне, что она — невеста Реджинальда. Он сам просил меня... обвенчать их.

Джакомо Грелли чуть не задохнулся от бешенства.

— Сын мой, сын мой, ради бога! Ради бога, не теряйте власти над собою! Изабелла в безопасности, ибо можно не сомневаться в... джентльменском поведении мнимого Наля Рангора Маджарами по отношению к своей невесте.

— К своей невесте! Невесте Реджинальда Мюррея! Ну, хорошо же! Мы сыграем ему свадьбу, падре! Ступайте вперед, нас ожидают к столу...

....За ужином итальянский богослов сухо и коротко изложил цель своего приезда в Ченсфильд. Оказалось, что граф Паоло д'Эльяно все еще медлил с подписанием завещания. Плохое состояние здоровья побудило старика обратиться к милорду Ченсфильду с покорней-

шей просьбой прислать письменное документальное свидетельство для венецианских душеприказчиков о гибели последнего прямого потомка графа, пирата Джакомо Грелли, при катастрофе шхуны «Черная стрела» в Индийском океане. С получением в Венеции этого документа миллионное графское наследие шло в руки церкви...

Через час после ужина в кабинет милорда был приглашен Томас Мортон. Вместе с патером Бенедиктом они составили документ, за которым прибыл доктор Буотти.

Владелец поместья пробежал глазами заготовленную бумагу и вопросительно взглянул на патера.

— Скажите, падре, почему же Буотти даже не попытался осуществить свое намерение — уговорить меня принять венецианское наследство взамен... Ченсфильда?

— О, это так очевидно, сын мой! Он понял, что посланец святой церкви, господин барон, уже опередил его! Он ясно увидел вашу благостную решимость не отступиться от Ченсфильда и не идти против интересов могущественного тайного ордена! Смею вас заверить, сын мой, получи Буотти другой документ... он едва ли вернулся бы в Италию!

Милорд передернул плечами. Патер понизил голос и оглянулся на безучастного Мортона, который, окончив свой труд над составлением документа, дремал в кресле.

— Сын мой! Буотти уже отказался от попытки перехитрить орден. Вам остается лишь покончить с его бывшими сообщниками. Милорд, ведь этот приготовленный документ необходимо еще юридически засвидетельствовать и заверить... Прекрасный случай, чтобы пригласить сюда этого «юриста» Лео Ноэль-Абрагамса!..

— Пригласить сюда? Ах, так... Пригласить... и... исправить нашу старую пирейскую неудачу?

— Поистине так, сын мой! Ведь лондонский дилижанс с генералом проследует... через несколько часов.

— Хорошо! — отрывисто проговорил милорд. — Но как вызвать сюда Диего Луиса из Бультона, не возбуждая у него подозрений? Единственный из моих приближенных, кто ухитрился усыпить их подозрительность и войти к ним в доверие, это вы, падре: иначе Реджинальд Мюррей не прятался бы у вас в капелле!

— Это истинно так, сын мой. Поэтому поручите вашему смиренному слуге быстро и незаметно доставить сюда мнимого Лео Ноэль-Абрагамса.

— Ну что ж, отлично. Сначала заезжайте в таверну «Чрево кита» и пошлите сюда мистера Уильяма Линса.

— О, рука сего воителя не дрогнет! Это поистине наилучший выбор...

— Берите на конюшне пару любых коней — для себя и для этого Лео Ноэль-Абрагамса... Слушайте, падре, а Реджинальд Мюррей, спрятанный у вас в капелле... Он, полагаю, тоже... не покинет ее стен?

— Предоставьте сие... промыслу божьему, милорд!

Владелец поместья криво усмехнулся.

— Вы, падре Бенедикт, были бы настоящим кладом для шайки покойного Бернардито, ибо обладаете тремя способностями сразу: творите грехи, отпускаете их и отправляете души грешников прямо в рай! Желаю успеха!.. В седле-то вы умеете держаться?

— Сын мой, во имя святой цели солдат ордена должен уметь все!

2

Доскакав до Бультона, всадник в черной монашеской одежде направился сразу на улицу Портового Маяка. Спешился всадник во дворе таверны «Чрево кита». Здесь, в заднем, самом дальнем углу двора, рядом с большими воротами конюшни, находилась отдельная дверь, ведущая к стойлу древней водовозной клячи, скотины смиренной и почти столь же флегматичной, как сам водовоз таверны, горький пьянчуга Флетчер. Когда-то служивший кучером у адвоката Томпсона, этот полуслепой старик доживал свой век в «Чреве кита» почти из милости. Спешившийся всадник увидел, как два незнакомых джентльмена, в которых можно было за милю угадать помощников шерифа, усаживали старого Флетчера в тележку. Рядом с тележкой стоял владелец таверны, бывший сержант Уильям Линс.

Монах юркнул в дверь черного хода и взбежал по лестнице. В полутемном коридоре навстречу ему попался трактирный слуга. Патер попросил слугу вызвать со двора мистера Линса.

Несколько минут он пробыл в одиночестве, прислушиваясь к пьяным выкрикам из-за стены, женскому визгу и хохоту, обрывкам матросских песен и звону посуды. Патер различил шум проехавшей по двору тележки и вскоре увидел перед собою мистера Линса. Усы бывшего сержанта имели несколько запущенный вид, а выражение лица было не из приветливых.

— Что там у вас стряслось, патер? Вы из Ченсфильда, что ли?

— Прямо от милорда, мистер Линс. Неотложное дело... Слушайте внимательно...

Через четверть часа хмурый и сумрачный Линс уже сидел в седле. За пазухой у бывшего сержанта тихонько позвякивали... инструменты его профессии! Доверенный милорда мистер Уильям Линс спешил по вызову своего патрона, но выражение лица у бывшего сержанта отнюдь не было геройским. Оно отражало крайнее неудовольствие и озабоченность.

Между тем черный всадник в сутане и широкополой шляпе, держа в поводу вторую лошадь, уже успел добраться до уютного особнячка фрау Таубе на Гарденрод. Привязав обеих лошадей к прутьям ограды, монах вошел в палисадник. За одной из ставен он разглядел полоску света и постучал в это окно. Через минуту дверь домика приоткрылась, молодой человек в одежде, обычной для адвокатов, вышел на крыльцо. Монах поднялся к нему по ступенькам и смиренно поклонился.

— Патер Бенедикт? — прошептал человек в дверях. — В такой час? Боже мой, что с Изабеллой?

— Мистер Чарльз Райленд. — шепотом заговорил монах, — не извольте тревожиться о вашей сестре, она в безопасности, спрятана в моей капелле, под охраной вашего друга Реджинальда Мюррея.

— Что же случилось, патер Бенедикт?

— Сэр, в Ченсфильде немедленно требуется юридически засвидетельствовать и заверить один важнейший документ.

— Почему этого не может сделать мистер Мортон?

— Он сам подписал эту бумагу как свидетель. Поэтому и его подпись должна быть заверена. Главное же, дорогой мистер Чарльз, я просто хочу дать вам возможность... прочесть эту важнейшую бумагу.

— Ах, вот как! Благодарю вас, патер Бенедикт. Мы можем отправиться тотчас же.

— А разве вы не хотите предупредить слугу, что выезжаете за город, Чарльз?

— Патер Бенедикт, предосторожности ради называйте меня только Лео Ноэль-Абрагамсом... Дома сейчас я один. Слугу я отослал в порт.

— Что ж, тогда не будем медлить! Не забудьте ва-

ших печатей и гербовой бумаги. Юриста мистера Лео Ноэль-Абрагамса ждет с нетерпением весь Ченсфильд!

Молодой человек удалился в дом. В темной прихожей он зашептал на ухо другому человеку:

— Мистер Эдуард Уэнт! Я еду в Ченсфильд. Вы слышали мою беседу с иезуитом?

— Слышал, Чарльз! Видно, события в Ченсфильде идут к развязке. Передайте там привет нашему капитану... и... держитесь молодцом, Чарльз!..

Молодой человек сошел с крыльца, держа в руках мешок для бумаг. Патер уже отвязал лошадей. Молодой человек легко вскочил в седло.

— Вы поедете со мной, патер?

— Нет, сын мой, у меня есть еще неотложное дело — нужно соборовать умирающего единоверца. Поезжайте один, эта добрая лошадь домчит вас в Ченсфильд к рассвету... К утру документ должен быть оформлен, ибо он уйдет нынче же с кораблем в Италию! Счастливого пути, сын мой! Утром и я прибуду в Ченсфильд.

— Что ж, до скорой встречи, святой отец! Ободрите Изабеллу и Реджинальда!

— Не тревожьтесь о них. Через несколько часов они уже будут... далеко, сын мой!

Монах неторопливо затрусил к своей капелле. В порту все спало. Рассвет брезжил, в сизо-сиреневом сумраке стали чуть различимы очертания кораблей на рейде и у причалов. Патер отыскал глазами место, где покачивалось на волне судно «Санта-Роза», и насмешливо улыбнулся... Нет, этот корабль не зачислит в список пассажиров ни Изабеллы, ни Реджинальда...

Патер ввел лошадь в ограду садика и тихонько окликнул своего служителя, Грегори Вебста. Тот позаботился о лошади и следом за своим хозяином прошел в молельню. Здесь стояла обычная тишина. Все было спокойно. Патер указал взглядом на подполье:

— Они... там?

Грегори кивнул молча.

— Что они делали и говорили, Грегори?

— Они шептались... Мисс много плакала, и он... целовал ее.

— Идем к ним. Утро близится...

Засовы загремели, дверь тайника раскрылась и впустила в подземелье патера Бенедикта. Грегори оставался на ступеньках в ожидании приказаний.

— Дети мои, — проникновенно проговорил монах,—

я только что из Ченсфильда. Там буря, друзья мои. Чарльз умоляет вас уехать сегодня. Тверды ли вы в этом намерении, синьорита?

За Изабеллу ответил Реджинальд Мюррей:

— Решение мисс Изабеллы окончательное. Когда «Санта-Роза» поднимет паруса?

— Нынче в полдень, дети мои. Мисс Изабелла, — обратился монах к переодетой наследнице Ченсфильда, — здесь очень холодно. Не угодно ли вам глоточек вина? Это согрело бы вас и подкрепило бы ваши силы.— И, не ожидая ответа Изабеллы, патер обернулся к служителю: — Грегори, принесите вина и какой-нибудь еды для мисс Райленд. И побыстрее: эти молодые люди сделали много миль верхом от бультонского шоссе до ньюкасльского и немало прошли пешком, не так ли, дети мои?

Служитель удалился и вернулся из покоев капеллана с пузатым графинчиком красного церковного вина, двумя стаканами и тарелкой сендвичей. Он поставил все эти запасы на стол и удалился. Патер Бенедикт ободряюще кивнул молодым людям и последовал за своим служкой. Тяжелый засов он задвинул сам и, выбравшись из люка, вместе с Грегори водворил на место чугунную плиту.

В подземном тайнике молодой человек осмотрел оба стакана и наполнил их вином. Но воспользовался он не графином патера Бенедикта. Пока патер и служитель возились с тяжелой чугунной плитой, молодой человек выплеснул под скамью половину вина из пузатого графина; в стакан Изабеллы он вылил содержимое плоской фляги, извлеченной им из кармана вместе с яблоком, а собственный стакан оставил пустым. Графин, принесенный Грегори с остатком вина, он отодвинул на самый дальний краешек стола.

— Мисс Райленд, — сказал он, поднося стакан прямо к губам Изабеллы, — вы непременно должны выпить это вино. Так мне приказано, и я умоляю вас делать все, чтобы облегчить Чарльзу и вашим друзьям их задачу. Они все находятся сейчас в смертельной опасности.

Изабелла покорно осушила до дна небольшой стаканчик. Не прошло и десяти минут, как веки наследницы Ченсфильда стали тяжелеть. Она успела бросить на своего спутника грустный, удивленный взгляд. Голова ее стала клониться. Девушка подняла руку ко лбу

для крестного знамения, застонала и откинулась назад. Охваченная непреоборимым сном, похожим на глубокий обморок, девушка уже не слышала, как Реджинальд укутал ее вторым плащом и подложил ей под голову свернутый плед.

В эту минуту наверху утихла возня с чугунной плитой. Реджинальд торопливо задул одну свечку, а вторую спрятал под стол и прикрыл ее свет. Внимательно всматриваясь в темный потолок, он вдруг обнаружил в нем, прямо над собою, узенькую полоску света. Она чуть-чуть расширилась; оттуда донесся неуловимый шорох... Молодой человек схватил свечу и поднес ее к лицу Изабеллы.

— Боже мой, патер Бенедикт! — простонал он тоном насмерть перепуганного человека. — Скорее на помощь, Грегори! Патер!

Ни звука не раздалось ему в ответ. Он бросился к двери и ударил по ней кулаком с такой силой, что все здание часовни наполнилось гулким металлическим звоном. Полоска света на потолке померкла, но края ее были различимы... Наблюдатели, очевидно, легли на пол и приложили глаза к потайной щели.

— Отец Бенедикт! — вопил человек в подземелье.— Да откройте же двери! Мисс Изабелле дурно! Пусть все идет к черту, нужно спасти ее! Зовите врача!

Мертвая тишина царила наверху. Голос человека в подземелье глушили каменные гробоподобные своды, наверх проникал только слабый металлический гул от сотрясаемой двери... Внезапно сам Реджинальд схватился за сердце и медленно опустился на пол у входа.

Ни один актер в мире не потрясал толпу зрителей таким мастерством исполнения роли Ромео в склепе у тела бездыханной Джульетты, с каким Реджинальд Мюррей разыгрывал подобную же роль перед своими двумя зрителями! Эти зрители, лежавшие на плитах пола перед алтарем, пристально наблюдали сквозь щель за агонией второй жертвы: стоя на коленях перед скамьей, Реджинальд поник головой на грудь бездыханной Изабеллы, замер в этой позе на несколько секунд, а затем, потеряв последние силы, грузно осел на пол, между столом и скамьей...

Подземный тайник стал могильным склепом обоих отравленных! Под столом еще горела свеча, и в отблеске ее огонька иезуит и его сообщник смогли различить неподвижные тела Изабеллы Райленд и ее верного рыцаря.

Патер Бенедикт чувствовал сильнейшую усталость, но сознание свершенного долга поддерживало его силы! В успехе миссии мистера Линса он не сомневался, а Изабелла уже мертва! Устранена грозная опасность святому делу, ибо патер отлично сознавал, что один взгляд эччеленца Паоло на свою внучку или внука или даже на их портреты поставил бы под угрозу весь замысел отца Фульвио! Теперь эта угроза миновала окончательно...

Монах решил, несмотря на утомление, все же вернуться в Ченсфильд. Он отдал Грегори все необходимые распоряжения, касающиеся инсценировки самоубийства обеих жертв, а сам с легким сердцем вышел из капеллы. Застоявшийся конь заржал и нетерпеливо ударил копытом. Грегори подтянул подпругу и помог патеру сесть в седло...

Дома, заперев часовню изнутри на все запоры, Грегори вновь отодвинул чугунную плиту и спустился в люк. Откинув засов, он вошел в тайный склеп.

Служитель поправил светильник, разжег его, осмотрелся, достал из кармана готовую записку и бросил ее на стол. Поверх записки он положил маленький карандашик. Затем он налил из пузатого графина немного вина в оба стакана, а сам графин взял за горлышко с большой осторожностью, чтобы не замочить пальцев. Держа этот сосуд в одной руке, он прихватил один из светильников, еще раз тщательно окинул взором стол, скамью, лежащие тела, а затем торопливо повернулся к выходу... Очень спокойный голос скомандовал ему из-под стола.

— Руки вверх, отравитель! Стой и не шевелись!

Графин выпал из руки Вебста и разбился вдребезги. Служитель, вобрав голову в плечи, метнулся к двери, но пистолетный выстрел наполнил дымом все подземелье. Грегори выронил свечу и повалился на ступеньку открытого потайного хода. Реджинальд Мюррей выбрался из-под стола, взглянул на раненого и прежде всего перезарядил свое оружие.

3

Над Ченсфильдом занималась утренняя заря. Осенний парк загорался золотом и багрянцем. Ветерок шевелил увядающую листву; этот слабый шорох смешивался с отдаленным шумом морского прибоя.

Калькуттский юрист мистер Лео Ноэль-Абрагам уже выполнил все, что от него потребовали Мортон и Буотти. Юрист засвидетельствовал подлинность подписей на составленном документе, заверил его печатью конторы «Ноэль-Абрагамс и Маджарами» и удалился после свершения всех формальностей в угловую башенку, где нашел временный приют в «келье» отца Бенедикта. Не раздеваясь, молодой человек лежал на койке в ожидании лондонского дилижанса.

Тем временем владелец поместья с тревогой расспрашивал Уильяма Линса о последних событиях в Бультоне. Цепь неожиданностей все росла!

— Не пойму, что творится в Бультоне, — разводил руками экс-сержант. — Нынче ночью шериф приказал арестовать Дженкинса, совладельца конторы «Мортон и Дженкинс». У него сделали обыск и... вскрыли чулан во дворе. Вся партия французских бумажек... попала в руки помощника шерифа.

Милорд чертыхнулся.

— Как это случилось?

— Дурак он, ваша милость, этот Дженкинс! Решил попытать счастья: обменял на бирже... несколько своих бумажек, приготовленных для Леглуа по вашему приказанию. Делает он это, может быть, и не первый раз. Раньше сходило, вчера влопался.

— Есть у вас еще что-нибудь, Линс?

— Да, есть. Мой водовоз Флетчер... Помните его, милорд?

— Флетчер? Ах, этот... пьяница, что служил...

— ...кучером у Ричарда Томпсона, ваша милость. Он арестован нынче ночью тем же помощником шерифа.

— Гм! Действительно странно... Какая-то цепь... Впрочем, все это не слишком опасно. О бумажках для Леглуа известно высоким лицам в Лондоне! Что касается кучера Флетчера... то он ведь знал только Вудро Крейга да еще этого... как его... Алекса Кремпфлоу... С них обоих теперь взятки гладки, как говорится. А вот то дело, ради которого вы прибыли сюда, мистер Линс, действительно спешно и важно. Вы... готовы?

— Готов, милорд. Где он, этот калькуттский юрист?

— В левой башне... Кто там еще приехал? Я слышу топот.

Уильям Линс подошел к окну кабинета.

— Это патер Бенедикт вернулся из Бультона.

— Позовите его сюда, в кабинет.

Патер вошел, пошатываясь от усталости.

— Вы прибыли кстати, падре... Все ли благополучно в капелле?

— Дочь ваша сильно угнетена, милорд...

— Ничего, образумится. Не сбежал бы только этот... ее спутник, Реджинальд Мюррей!

— О, милорд, о нем не тревожьтесь! Он за такими засовами, что с ними не справился бы и Самсон!

— Остается, значит, один Диего... Вы, падре, мастер на золотые советы, и, если к ним прибавить еще и... умелые руки мистера Линса, хлопот будет немного... Ступайте-ка вдвоем, да поторапливайтесь: не почтовый ли рожок слышен вдали!

Оба вышли из кабинета в прилегающий зал. Патер прошептал экс-сержанту:

— Он, наверно, уснул... Идите туда, в башню, а потом... я помогу вам убрать... следы. Сначала я должен посетить больного барона. Быть может, он еще возрадуется перед кончиной! А вы, мистер Линс, торопитесь, пока в доме еще все спят. Утренний сон сладок, никто вам не помешает!

...Патер Бенедикт, миновав комнату со спящим слугою барона, вошел на цыпочках в покой больного и приблизился к ложу. Юная сиделка, уронив голову на столик, спала, отвернувшись от лампы. Завешенные окна не пропускали дневного света. Патер приподнял полог. Больной пошевелился и сразу открыл глаза. Он не только дышал ровнее, он оживал! Исчезла мертвенная бледность, пузырь со льдом лежал на подушке, и в комнате пахло не ладаном, а... табаком!

Чудесное исцеление тайного посланца отца Фульвио наполнило новой радостью сердце патера Бенедикта. Он счел это добрым предзнаменованием. Склонившись к ложу больного и озираясь на спящую девушку, монах зашептал барону об исполнении всех заданий ордена. Больной слушал патера с ясным, вполне осмысленным взглядом. Затем окрепшим голосом он спросил:

— Итак, если мне доведется снова встретить отца Фульвио ди Граччиолани, я могу передать ему, что вы, как верный ученик Игнатия Лойолы, направили руку Джакомо Грелли против его собственного сына, уверив Грелли, будто в лице калькуттского юриста он убивает синьора Диего Луиса, сына корсара Бернардито?

— Сие свершится во имя высшей цели, брат мой.

— И это должно произойти...
— ...через несколько минут, брат мой.
— А дочь Грелли, вы говорите, уже...
— ...покончила с собой в минуту... грешного отчаяния.

Больной барон приподнялся на ложе. Юная сиделка повернула к свету свою хорошенькую головку. В то же мгновение отворилась дверь, и слуга барона Франсуа Буше вошел в комнату...

По крутым ступенькам железной лестницы экс-сержант Линс поднялся к уединенной келье в левой башенке. Дверь он нашел запертой. Потоптавшись у порога, он заглянул в замочную скважину. Молодой юрист спал одетым на койке.

Уильям Линс осторожно потянул за ручку двери. Сквозь дверную щель стал заметен железный крючок, которым дверь была заложена изнутри. Экс-сержант достал из-за пояса узкий стилет и просунул его в щель. Клинком приподняв крючок, Линс приоткрыл дверь и переступил порог. Спящий не пробудился...

Помедлив мгновение, Линс взял стилет в левую руку, а правую опустил в карман и продел пальцы в отверстия тяжелого кастета... Он коротко размахнулся, нацеливаясь в висок жертвы, и... обомлел: из стенной ниши, завешенной простыней, выступил какой-то незнакомец в пропыленном дорожном камзоле слуги, а на пороге кельи выросла, будто из-под земли, высокая фигура незнакомого монаха с накинутым на голову черным капюшоном сутаны. Это... не патер Бенедикт!.. Несколько сильных рук скрутили локти бывшего сержанта.

4

Лорд-адмирал Ченсфильд один бодрствовал в своем охотничьем кабинете. Шелест ветра в саду был слышен через каминную трубу. Издали, с бультонского тракта, неслись звуки почтового рожка. Завешенные окна пропускали мало утреннего света. Он бликами лежал на полу, оставляя внутренность покоя в полумраке. Этот слабый голубой отсвет из окон мешался с желтым блеском двух свечей на письменном столе. Полосы табачного дыма поэтому казались то сизыми, то изжелта-серыми. В кресле перед потухшим камином спал Мортон.

Осторожные шаги послышались в зале, примыкавшем к охотничьему кабинету. Милорд прислушался.

Леди Райленд в легком ночном пеньюаре и чепце с лентами без стука вошла в кабинет и с удивлением взглянула на спящего Мортона. Глаза старика были полураскрыты, как у мертвеца, и из-под полуопущенных ресниц виднелись белки с желтыми прожилками.

— Фредди, вы узнали что-нибудь о вашей дочери? — спросила графиня холодным и недовольным тоном, словно забота о наследнице была делом одного хозяина дома.

— Мне сейчас не до нее. Пройдет время — найду и накажу девчонку. Пора ее выдать замуж. Отдам ее за Уильяма Блентхилла. Придурковат, но покладист.

— Вы ничего не имеете сказать мне, мой друг?

— Приготовься к встрече гостя, Нелль. Генерал Хауэрстон может пожаловать с минуты на минуту. Дилижанс уже у «Веселого бульдога»... Помер наконец твой француз там, наверху?

— Фредди, я бы предпочла другой тон нашей беседы. Почему мистер Мортон здесь? Вы могли бы предупредить меня, по крайней мере, что здесь находится постороннее лицо... Видите, я не одета.

— Я не приглашал тебя сюда, Нелль.

Миледи, уязвленная невежливостью супруга, не нашла достойного ответа, закусила губу и повернулась к двери. В этот миг кто-то постучал настойчиво и резко. Человек за дверью, не ожидая приглашения, распахнул дверную стойку и переступил порог. Это был монах в черной сутане. Голову его скрывал поднятый капюшон, и по этой причине милорду представилось, будто рост патера Бенедикта заметно увеличился. Черноризец так низко наклонил голову, что хозяин дома не мог видеть его лица. Монах приблизился к столу, сжимая в кулаке какой-то маленький предмет. Не поднимая головы, он метнул взгляд из-под капюшона в сторону миледи. Рассерженная дама, уловив нетерпеливый жест супруга, вышла из кабинета и захлопнула дверь.

— Вы покончили с делом, падре? — спросил лорд Ченсфильд, поворачиваясь к монаху.

У того еще ниже опустился черный капюшон.

— Он уже мертв,— произнес монах глухо.— А эту ладанку я снял с его груди.— С этими словами монах подошел к окну и отдернул штору.

Яркий голубой свет залил комнату.

Лорд-адмирал схватил овальный золотой медальон. Тонкая золотая цепочка обвилась вокруг его пальцев.

С силой надавив на вделанный сбоку синий сапфир, он раскрыл медальон...

Два портрета на эмали, его собственный, слева, и... кудрявая головка Чарльза Райленда, маленького виконта Ченсфильда, глянули на него со створок медальона.

— Что это.. что это такое? — хрипло выговорил владелец Ченсфильда.

— Это... расплата, Джакомо Грелли!

Только теперь голос монаха показался лжемилорду чужим и в то же время отдаленно знакомым. Лорд-адмирал вскочил и вцепился в капюшон сутаны мрачного собеседника...

Две сильные руки стиснули его запястья. Монах рывком откинул назад черное покрывало с головы. Серебряно-белые пряди его волос упали на отворот капюшона. Узкое морщинистое лицо наискось пересекала черная тряпица, прикрывая левый глаз человека в сутане. Сверлящее единственное око вперилось прямо в обезумевшие, как у дикой кошки, зрачки лжемилорда.

— Бернардито! — отступая, произнес владелец поместья. На миг его руки оказались свободными, и он упал бы навзничь мимо кресла, если бы черный гость не удержал его, схватив за кружевное жабо.

— Здорово, помощник! — раскатисто загремел голос человека в сутане, как некогда он гремел с мостика «Черной стрелы».— Вижу, ты будто и не рад встрече с капитаном?

— Будь ты... проклят, Одноглазый Дьявол! Уйди отсюда... Рассыпься... Сгинь в свою преисподнюю!..

— В преисподнюю ты хотел послать моего сына Диего, а отправил туда... своего Чарльза, гиена!

— Пусти меня, дьявол... Эй, люди! Сюда! Ко мне! На помощь!..

— Кого ты кличешь, Гиена Грелли? Уж не своих ли дружков, Черного Вудро и Джузеппе Лорано? Ты свернул им шеи на Терпин-бридже, хромой припадочный пес, и на помощь тебе они не подымутся из могилы... Стой, не вертись, помощник!.. От меня тебе не вырваться, моя хватка крепче!

— Пощады, синьор Бернардито! Пусти меня взглянуть на Чарльза, капитан! Пощады!..

— Поздно, Джакомо Грелли! Пощады проси у сатаны, кому продался и служил... Приспешники твои предали тебя так же, как ты сам предавал и убивал их.

Дочь твоя тоже мертва! Иезуит отравил ее за венецианские миллионы... Теперь пришел час и вашего пиратского лордства, каррамба! Генерал Хауэрстон держит тебя за глотку, и виселица тебе готова. Спасать тебя от нее больше некому, ад и молния! В твоем замке уже распоряжается генеральская свита!

Старый Мортон, разбуженный этой пиратской схваткой у стола, в ужасе наблюдал за двумя главарями «Черной стрелы». Едва черный гость произнес последние слова, Мортон услышал странный нарастающий звук, исходивший словно из глубины тигриного горла. Сам Бернардито непроизвольно отступил назад и отпустил жабо под горлом своего врага. Как раненный насмерть бык, пригнув голову, Джакомо Грелли рванулся вперед, едва не сбив Бернардито с ног. От страшного толчка плечом обе половины двери, чуть не сорванные с петель, распахнулись в зал. Со звериным воем, не разбирая ничего перед собой, хромой пират Леопард Грелли, бывший помощник с «Черной стрелы», ринулся в коридоры ченсфильдского замка.

Несколько человек уже выбежали из разных комнат, преследуя обезумевшего лжемилорда, но в сутолоке они потеряли его среди лабиринта коридоров и ходов. Он ускользнул от преследователей в неприметную дверцу подпольного коридора, который начинался под лестницей вестибюля и вел в подземелье замка.

Сбежавшиеся в вестибюль челядинцы и остальные преследователи услышали голос безумца уже из-под пола. Странные крики доносились оттуда, из глубины нижнего потайного коридора:

— Джузеппе! Вудро! Бейте королевских егерей! Осторожней с проволокой, Вудро! Подавай «Черную стрелу» к бухте, капитан! Я прыгну на борт с утеса...

Вдруг по всем закоулкам старого дома разнесся истерический женский вопль:

— Схватите, схватите его! Он бежит к пороховому складу под замком!

Кричала леди Райленд. С растрепанными волосами, в ночной одежде, она выбежала на площадку лестницы и опрометью бросилась к выходу. Кто-то схватил ее за руки и увлек назад, в вестибюль. Она билась, стонала и вырывалась с бешенством отчаяния, пытаясь достичь выходной двери.

Внизу, под полом, гулко бухнул выстрел, за ним второй, третий... Леди Райленд пронзительно вскрик-

нула. Высокий монах в черной сутане подхватил бесчувственную даму за талию и усадил на скамью. Леди Эллен открыла глаза и увидела перед собою одноглазого человека в монашеской сутане. Это был не патер Бенедикт! Горящий глаз незнакомого монаха, казалось, был способен прожигать камень.

— Покажите мне вход в подземелье,— грозным тоном приказал он виконтессе.

— Это уже излишне, капитан,— прозвучал чей-то уверенный и хладнокровный голос.— Я предусмотрел попытку взрыва. Но даже моего вмешательства не потребовалось: сама смерть остановила руку злодея.

Под лестницей стояли два человека в камзолах слуг. Они только что выбрались из дверцы потайного хода и стряхивали пыль со своих рукавов. Это были Франсуа Буше, пожилой слуга французского барона, и Кариндж, «посланец лондонского агента Кленча».

— Кто же стрелял внизу, господин майор? — спросил Бернардито старшего из них, Франсуа.

— Это вы сейчас узнаете, синьор. Драма окончилась! — И, обернувшись к оторопевшим слугам, мнимый Франсуа Буше приказал им покинуть вестибюль.— Только вы останьтесь здесь,— сказал он Каринджу.

Когда растерянные слуги удалились, переодетый майор подошел к миледи. Она походила на безумную леди Макбет. На глазах у дамы мнимый слуга снял парик и фальшивые седые брови.

— Сударыня, я вынужден арестовать вас,— произнес он тихо.— Имею честь спросить, угодно ли вам узнать меня?

— Майор Бредд! Боже мой, что все это значит?

— Вынужден просить извинение за себя и лейтенанта Бруксона, извольте простить нам, сударыня, маскарадные костюмы слуг. Потрудитесь теперь удалиться к себе и не покидать вашей комнаты. Я буду иметь удовольствие пригласить вас позднее для... небольшой беседы. Вас, капитан Бернардито, прошу вниз в подземелье. Там вас ожидает не особенно приятное зрелище.

Дверца под лестницей оставалась открытой. Бернардито взял свечу и последовал за майором в потайной коридор. Этот узкий, извилистый ход, постепенно понижаясь, привел к подвалу. Перед входом в подвал коридор расширялся. Тяжелая металлическая дверь подвала стояла распахнутой настежь. У порога лежал

ничком, раскинув руки, владелец замка. Рядом валялись три старинных турецких пистолета с закопченными стволами. Запах порохового дыма еще не успел рассеяться в сыром воздухе подвала. На полке рядом с дверью горела свеча в медном шандале. При ее свете Бернардито увидел, что владелец замка убит выстрелом в висок.

Капитан заглянул в подвал.

— Осторожнее со свечой, синьор Бернардито Луис! — предостерег его майор Бредд.

Около тридцати пороховых бочонков, уложенных боком один на другом, громоздились вдоль двух стен подвала, почти достигая потолка. Десятка два вощеных пороховых фитилей вились по полу. Концы шнуров были вделаны в пробки бочонков.

— Как вы догадались о существовании этого подвала, майор? — спросил Бернардито.

— Лейтенант Бруксон, сыгравший роль слуги Кленча, обследуя замок, заметил потайную дверь под лестницей. Ночью я обнаружил этот пороховой запас. Шнуры сильно запылились — значит, замок давно приготовлен к взрыву. А на полке перед дверью, рядом с приготовленной свечой, я сразу заметил эти три старинных заряженных пистолета: хозяин явно припас их на тот случай, если бы ему взбрело на ум разом покончить и с собою и с за́мком.

Бернардито зябко передернул плечами... Оказывается, все живое в Ченсфильде поистине сидело на пороховой бочке!

— Как же вам удалось помешать синьору Грелли... отправить всех нас в поднебесье?

— Мне пришлось все время быть начеку. Ключ от этой двери был в замочной скважине. Когда, связав попа Бенедикта и обезвредив Линса, вы отправились в поповской сутане в кабинет Грелли, я спустился в подвал и заперся в погребе изнутри: было нетрудно предвидеть, что Грелли решится на свой последний роковой шаг. Расчет был верен: Грелли стал ломиться в металлическую дверь. Он бился об нее, но, разумеется, железная дверь не поддалась напору. Вскоре следом за Грелли в подземелье бросился и лейтенант Бруксон. Лжемилорд схватил два пистолета и выстрелил из обоих по своему преследователю, но, к счастью, промахнулся. Обезумев от ужасной развязки своей ченс-

фильдской эпопеи, Грелли осознал все же, что партию... пора сдавать! Он это и сделал... последним выстрелом в висок!.. А вот и лейтенант Бруксон идет сюда. До прибытия властей ему придется побыть здесь, внизу. Будем надеяться, что и в капелле паписта все обстоит благополучно. Сейчас же пошлите карету за мистером Реджинальдом Мюрреем и мисс Изабеллой.

...Выйдя из подземелья, Бернардито увидел, как два дюжих челядинца несут к карете связанного и спеленатого патера Бенедикта. Черты его лица были искажены злобой и страхом. На подушках кареты кое-как усадили монаха рядом с притихшим, будто пришибленным Уильямом Линсом. Доктор Томазо Буотти, мисс Дженни Мюррей, освободившаяся от обязанностей сиделки и свидетельницы, доктор Грейсвелл и престарелый Томас Мортон смотрели вслед разоблаченным приспешникам Грелли.

Вечером того же воскресного дня погода испортилась. Закатные солнечные блики погасли в зеркале ченсфильдского озера, с моря наползли тучи. Однако в замке все окна стояли распахнутыми настежь, словно жители этого дома задались целью дать побольше простора освежающему морскому ветру. Притихшая прислуга безропотно подчинялась майору Бредду и седому одноглазому капитану. Из Бультона уже прибыли шериф с помощником. Полицейские вынесли тело хозяина-самоубийцы в бильярдную и взяли под охрану пороховой подвал.

6

Ночь с воскресенья на понедельник прошла в Ченсфильде незаметно. По всем углам старого дома шелестел шепот, раздавался тревожный приглушенный говор. Шушукались горничные, лакеи, личные слуги. Никто не выходил из дому. Многих слуг вызывали и опрашивали прибывшие из города джентльмены. Камердинер Мерч бродил по замку, как безглагольная тень; при его приближении шепот слуг смолкал, но лишь только камердинер отдалялся, шушуканье возобновлялось и достигало силы осеннего ветра в листве.

Утром майор Бредд уехал в Лондон, а лейтенант Бруксон, вежливый и бесстрастный, уже заканчивал допрос старого Мортона. Беседа велась в охотничьем

кабинете, в присутствии капитана Бернардито и доктора Буотти. Испуганный старик, так неожиданно утративший свою надежную опору, раскрывал теперь факт за фактом, событие за событием всю историю Джакомо Грелли. Доктору Буотти чудилось, что он присутствует при операции злокачественного нарыва, вскрытого скальпелем хирурга.

— Только ваш возраст, мистер Мортон, избавляет вас от участи быть заключенным в тюрьму в качестве сообщника пирата и злодея... Но если бы вы пожелали искупить хоть часть вашей вины, то... случай вам вскоре, быть может, представится. Ступайте, вы свободны.

Голос офицера был холоден, сух и суров. Мортон с усилием поднялся; он еще подыскивал какие-то слова оправдания, но лейтенант уже не глядел на него. Буотти поддержал старика под локоть.

— Я помогу вам добраться до дому,— проговорил итальянский богослов и вывел Мортона из кабинета.

Они прошли мимо высокого констебля в парадных дверях и, сославшись на позволение лейтенанта, спустились с крыльца.

На дворе было светло и свежо. В садах и парках Ченсфильда, расцвеченных красками увядания, стояла особенная, осенняя тишина. Листья быстро желтели. Лес, еще недавно полный жизни и летней свежести, теперь алел багряными тонами осени. Едва приметные льняные кудельки вянущего мха, отцветший вереск, рыжие, высохшие полоски нескошенных луговин придавали августовскому пейзажу грустный, нежный и чисто английский оттенок. Тихие, словно отгоревшие в розовом пламени утренние облака на востоке, летающая в воздухе паутина, похолодевшая голубизна озерных вод предвещали скорое наступление ненастья и заморозков.

— Что же побуждало вас, мистер Мортон, так долго и стойко поддерживать обман и помогать коварству? — спросил доктор Буотти.

Мортон уловил в его голосе ноту сострадания.

— Любовь к моей дочери, сударь, и убеждение, что, пользуясь поддержкой столь возвеличенного человека, она никогда не узнает нужды, холода и унизительной заботы о куске хлеба.

— Но если вы сами так сильно чувствуете отчую любовь, как же вы смогли, не колеблясь, отнять у

другого старца последнюю надежду отыскать потомков?

Мортон еще ниже опустил голову:

— Вы подразумеваете документ для графа д'Эльяно?

Синьор Буотти молча кивнул.

— Сударь, я просто выполнил приказание. Ведь это могла быть очередная уловка. Впрочем... Грелли так и не простил своего отца. Бог ему судья!

— Позвольте спросить, мистер Мортон, сколько вам лет?

— Семьдесят два, господин доктор. Я намного пережил свою дочь.

— Позвольте, разве вы считаете свою дочь умершей?

— Моя дочь погибла. Грелли признался мне, что в числе жертв индейского налета на Голубую долину была и моя Мери.

— Грелли обманул вас, мистер Мортон. Джордж Бингль привез вам из Филадельфии письмо от вашей дочери.

— Как! Письмо от Мери?.. Мне?.. Грех вам, синьор, испытывать меня напрасной надеждой!

— Мистер Мортон, разрешите вручить вам этот пакет.

— Бога ради, позвольте мне ваши очки, доктор! Свои я, наверно, забыл в кабинете. О господи, какой день!

Синьор Томазо Буотти протянул Мортону вместо очков сильную лупу. Старик надорвал узкий голубой конверт, напряг зрение до предела и увидел сквозь линзу строки родного почерка.

«Эсквайру Томасу Мортону
Ченсфильд, Бультон

Милостивый государь,

хорошо известные вам причины, некогда побудившие меня решиться на весьма тягостный разрыв, снова дают мне повод обратиться к вам после пятнадцатилетней разлуки. Обстоятельства открывают вам возможность искупить тяжелую вину перед людьми, которых Грелли при вашей помощи лишил имущества и фамильного имени. Если вы поможете этим людям выполнить принятую ими на себя миссию, я готова предать забвению прошлое и уничтожить разделяющую нас пропасть.

Мери».

Кое-как прочитав письмо, Мортон уронил и лупу и бумагу. Доктор Буотти поднял эти предметы с влажной травы. Собеседники стояли под старым вязом в усадьбе Мортона. У старого стряпчего подкашивались ноги. Он оперся о ствол дерева.

— Говорите скорее, синьор, что вам угодно потребовать от меня.

— Содержание письма вашей дочери известно мне. Угодно ли вам, мистер Мортон, совершить со мною путешествие в Венецию и...— Тут доктор Буотти оглядел по сторонам, убедился, что кругом нет никого, и прошептал Мортону несколько фраз на ухо.

Мортон вытер пот со лба:

— Это тяжелая обязанность, сударь!

— После исполнения этой задачи вы отправились бы в Америку и прожили бы остаток жизни в счастливой семье вашей дочери... Вы увидели бы ваших внуков...

— Но, сударь, будет ли мне дозволен выезд из Англии?

— Хауэрстон готов посмотреть сквозь пальцы на ваш тайный выезд в Венецию, и лейтенант об этом осведомлен.

— Хорошо, господин доктор, ради встречи с дочерью я готов исполнить ваше поручение.

— О, вы снимете все грехи с ваших плеч, мистер Мортон! И чтобы обрадовать вас еще больше, я открою вам: яхтой «Толоса», на которой мы немедленно отбудем в Венецию, командует не кто иной, как... супруг вашей дочери, мистер Эдуард Уэнт. Из Венеции вы оба вернетесь к вашей Мери в Филадельфию!

Вскоре после отплытия из Бультона на яхте «Толоса» доктора Буотти и старого Мортона Изабелла Райленд, привезенная в Ченсфильд, проснулась от долгого сна. Открыв глаза, она увидела рядом с собой мисс Тренборн и Хельгу Лунд. При первом же движении Изабеллы гувернантка и кормилица всхлипнули в один голос и закапали очнувшееся чадо слезами умиления и радости.

Изабелла узнала затемненный шторами, сумрачный покой «больного француза». Она с трудом приподнялась на локте и стала напряженно восстанавливать в памяти все совершившееся. В ее прояснившемся сознании воскресли подробности бегства из родительского

дома и зловещая обстановка подземного тайника в часовне. Голова ее сильно болела; чувствовала она себя не освеженной сном, а разбитой и больной. Медленно, как туча, уплывающая с горизонта, таяло сонное забытье, но вместе с этим в сердце Изабеллы возрождалось чувство тревоги и неуверенности. В ту же минуту открылась дверь и синеглазый «кавалер де Кресси» стремительно вторгся в обитель тишины и покоя. Реджинальд едва не опрокинул стулья с сиделками, опустился на колени перед ложем девушки и прижал к губам ее руку.

— Скажите мне, где мой отец? — выговорила наконец Изабелла, приподнимаясь на ложе.

Мисс Тренборн мгновенно сделалась пегой от пятен румянца, а Хельга Лунд беспомощно воззрилась на Реджинальда.

Обеих сиделок вывело из крайнего затруднения появление в том же покое двух новых лиц: капитан Бернардито и его названый сын Чарльз приблизились к ложу Изабеллы. Капитан слышал вопрос девушки. Он положил брату и сестре руки на плечи и проговорил ободряюще:

— Не тревожьтесь, дети, и знайте, что все опасности миновали. Вас ожидает счастливое будущее в окружении преданных друзей и любящих сердец. Поцелуй сестру, мой маленький Ли, а вы, синьорита, гордитесь таким братом. Он заменит вам отца, ибо Джакомо Грелли нет больше в живых! Теперь, господа, прошу вас, оставьте нашу «воскресшую» наедине с братом. У них есть о чем поговорить друг с другом!

Глава двадцать четвертая

СОЛНЕЧНЫЙ ОСТРОВ

1

Началась уже третья неделя со дня отъезда в Лондон майора Бредда. Тело Джакомо Грелли, заключенное в свинцовый гроб, покоилось в подземелье ченсфильдского дома. В город начали просачиваться первые слухи о смерти лорда-адмирала, но лейтенант Бруксон решительно отклонил все просьбы журналистов дать в печать какие-нибудь сведения о кончине

милорда. Ченсфильд по-прежнему жил замкнутой жизнью, его обитатели не показывались за пределами поместья, никто извне не допускался в его усадьбы и фермы. Таково было приказание властей.

Утром 15 сентября 1790 года капитан Бернардито отправился в трактир «Веселый бульдог» к почтовому экипажу из Лондона: отсутствие вестей из столицы уже тревожило всех «охотников за леопардом».

Когда громоздкий экипаж, гремя железными шинами и оглашая окрестности кондукторским рожком, подкатился к трактиру, Бернардито увидел в окне дилижанса офицерскую треуголку майора. На империале восседали шестеро солдат в красных мундирах и долговязый сержант. С первых же слов Бредда капитан понял, что вести из Лондона плохи.

— Ведите солдат к замку, сержант,— приказал майор Бредд,— и доложите лейтенанту Бруксону, что вы прибыли с командой сменить его на посту охранителя владений Ченсфильд.

Солдаты построились в «походный порядок» и затопали к замку. Бредд проводил их взглядом и предложил капитану выпить по кружке эля в трактире. Они уселись за уединенным столиком.

— Я прислан сюда генералом Хауэрстоном, чтобы усилить охрану владений покойного милорда Ченсфильда...

Бернардито в недоумении взглянул на собеседника. Тот с невозмутимым видом рассматривал напиток в кружке. Сделав глоток, майор продолжал:

— Следом за мною уже выехали из Лондона сам генерал Хауэрстон, директор «Северобританской компании» мистер Норвард и правительственный чиновник с полномочиями от лорда-канцлера. Это мистер Бленнерд, на сей раз... подлинный! — Сделав это добавление, майор невесело усмехнулся.

— С какой же целью едут сюда эти господа? — спросил Бернардито, сразу почуяв недоброе.

— Принести соболезнования безутешной вдове, ввести ее в права наследства и... загладить ошибки, совершенные бестактным и неумным майором Бреддом! Завтра торжественные похороны графа Ченсфильда, мистер Бернардито Луис!

Оттолкнув пустую кружку, Бернардито кивком указал Бредду в окно, на башенки Ченсфильда:

— Я плохо понимаю вас, господин майор! А... как же законные наследники этого дома?

— Кого вы изволите иметь в виду, капитан?

— Как — кого! Разумеется, Реджинальда Мюррея и его сестру Джен.

— Видите ли, капитан, в наши тревожные дни революционных потрясений на континенте лорд-канцлер, с одобрения его величества, принял решение не волновать умы граждан оглашением тех тайн, над раскрытием которых мы с вами потрудились с излишним рвением... Никаких разоблачений относительно прошлого Джакомо Грел... я хочу сказать, покойного лорда адмирала, сделано не будет. В случае появления в печати каких-либо инсинуаций соответствующие номера подлежат запрещению. На одной из площадей Бультона покойному будет воздвигнут бронзовый памятник.

— Значит, присылка сюда этих солдат...

— Это мера, чтобы обезопасить владения милорда и миледи Райленд от... подозрительных и нежелательных иностранцев. Надеюсь, вам ясно, кого генерал Хауэрстон имеет в виду?

— Кажется, ясно. Очевидно, меня и...

— ...и ваших друзей. Неужто вы, капитан, человек столь проницательный, все еще не догадываетесь, ради чего я постарался прибыть раньше остальных членов комиссии?

— Сударь, законные наследники с надеждой ожидали вашего возвращения!

— Эти надежды не оправдались. Единственное, что в моих силах, — это предостеречь вас, то есть исполнить долг честного союзника по трудной борьбе. Приездом своим я этот союзнический долг по отношению к вам исполнил. Теперь... вы поняли меня, капитан?

Бернардито поднялся и посмотрел Бредду в глаза:

— Угодно ли вам будет переговорить и с самими... наследниками, сударь?

— Хорошо. Идемте в замок. Я покажу им некоторые выписки из протокола комиссии канцелярского суда. Это рассеет ваши сомнения, и вы сможете тогда поступать по собственному усмотрению.

...В охотничьем кабинете Ченсфильда, у пыльных шкафов и полок с ружьями, собрались в тесный кружок все «победители леопарда». Майор Бредд увидел себя в обществе старого капитана, обоих наследников— Реджинальда и Дженни Мюррей,— мисс Изабеллы

Райленд, мистера Джорджа Бингля и стройного синьора Чарльза.

Бредд достал из сумки несколько листов бумаги, бегло исписанных канцелярской скорописью. Бернардито, Чарльз и Джордж Бингль склонились над бумагой. Минуя скучные юридические формулы и ссылки на статьи и параграфы, Джордж Бингль, лучше других разбиравший почерк канцеляриста, стал читать вслух самые примечательные места этого документа:

— «...В наши дни всеобщих потрясений...» так... «высочайше утвержденная тайная комиссия канцлерского суда...» так... «приняла решение не волновать умы британских граждан...» Вот-вот, слушайте, друзья: «Его величество изволил предложить комиссии тщательно взвесить права нынешних претендентов на титул и владения покойного... Комиссия же по рассмотрению всех обстоятельств самоубийства милорда категорически отказывает сыну Альфреда Мюррея в признании прав наследника, ибо мистер Альфред Мюррей юридически подтвердил на борту брига «Орион» 31 декабря 1772 года свою непричастность к титулу и имуществу виконтов Ченсфильд, а впоследствии вел в Америке военные действия против вооруженных сил британской короны, став тем самым ее врагом и способствовав отторжению от Соединенного Королевства его западных колониальных владений. А посему никакие имущественные претензии со стороны самого Мюррея или его потомков не могут быть приняты во внимание».

Догадайся майор Бредд взглянуть на Реджинальда, он удивился бы отнюдь не горькой улыбке на лице человека, теряющего свои наследственные права. Но майор глядел в сторону и не видел, как мисс Изабелла незаметно протянула руку развенчанному наследнику.

— Реджи! — прошептала она очень нежно.— Милый! Теперь Ченсфильд стал мне совсем чужим! И если вы должны его покинуть... я тоже не хочу этого наследства... И я могу теперь дать ответ, которого вы... давно ждете, Реджи!

Тут остальные оглянулись на них. Изабелла покраснела и смолкла. Реджинальд глядел на нее с восхищением, а Джордж Бингль продолжал быстро бормотать выдержки из протокола:

— «Со смертью лица, носившего титул графа и лорда Ченсфильда, эрла Бультонского и адмирала британского флота, таковой титул перестает существо-

вать, все владения же покойного, как-то: поместье, замок, банк, верфь, промышленные предприятия, городские дома в Бультоне, Лондоне и других городах, сельскохозяйственные фермы, сданные в аренду, морские суда и все движимое имущество, равно как и капиталы, находящиеся в ценных бумагах и золоте, а также удобные земли на острове в Индийском океане, передаются по праву наследства вдове покойного, высокочтимой и глубоконравственной миледи Эллен Райленд, графине Ченсфильд, известной своей благотворительностью и заслужившей неизменную благосклонность королевской семьи за ее всегдашнюю преданность трону. Комиссия канцелярского суда просит сию высокорожденную знатную даму временно сохранить управление всеми указанными владениями и средствами в руках досточтимого мистера Норварда, который пользовался доверием покойного милорда и готов содействовать дальнейшему процветанию фирмы и предприятий, созданных трудами покойного. Представитель комиссии мистер Бленнерд назначается временным губернатором острова Чарльза в Индийском океане. В целях установления на этой земле нормального колониального режима и поддержания там порядка мистеру Бленнерду надлежит после похорон снарядить экспедицию из трех военных кораблей и утвердить на острове законную британскую власть решительными мерами. Комиссия выражает надежду, что миледи Райленд окажет материальное покровительство этому начинанию, исполняя волю покойного супруга...»

— Посмотри-ка, Джордж, нет ли там чего-нибудь поинтереснее! — со злобой проговорил Бернардито.— Читайте быстрее, похоже, что нам всем больше нечего делать в этом гнезде дьявола!

— «...Выслушав в секретном заседании сообщение офицера тайной канцелярии мистера Бредда,,. предложить американским гражданам Реджинальду и Дженни Мюррей, а также французскому подданному Бернардито Луису эль Горра в суточный срок покинуть пределы Соединенного Королевства. В случае отказа подвергнуть аресту и высылке...» А вот тут и про тебя, Чарли, и... про меня, друзья! «Что касается Чарльза Райленда, то таковой считается умершим во младенчестве и погребенным на острове, носящем его имя, а лицо, называющее себя ныне Лео Ноэль-Абрагамсом или

Чарльзом Чембеем, равно как и опасный социалист и якобинец Джордж Бингль подлежат немедленному аресту и доставке в Лондон...» Ну, братцы, кажется достаточно! Все ясно! — громко объявил «якобинец» Джордж и возвратил бумагу в руки майора Бредда.

— Постойте, майор, а что же будет со всей шайкой? — вмешался Бернардито. — Что ждет попа-отравителя, трактирщика-убийцу Уильяма Линса, всех этих Флетчеров, Грегори, Дженкинсов и прочих пауков в сутанах и камзолах?

— Пожизненная тюрьма,— ответил майор.— Эта участь могла бы миновать одного Дженкинса, если бы он не рискнул на злоупотребление в корыстных личных целях. Поймав его за изготовлением французских ассигнаций, я, признаться, не подозревал, что сей фальшивых дел мастер выполнял, так сказать, государственный заказ из Лондона... Заказ был передан через покойного милорда. Правительство, видимо, заинтересовано в этом деле...

— Скажите, мистер Бредд, а сами вы считаете справедливым все это решение комиссии? — спросила у офицера Дженни Мюррей.

— Сударыня, я подаю в отставку, и его величеству было угодно известить меня через генерала, что моя отставка будет принята. После окончания дела в Ченсфильде и торжественных похорон милорда моя служебная карьера окончится.

— И поводом к вашей отставке...

— ...послужило то крайнее неудовольствие, с которым его величество встретил, даже не желая вникать в них, разоблачительные материалы. По мнению его величества, столь преданное служение короне, каким отличался покойный, делало его достойным участия даже в совете «королевских друзей»... Но у нас остается мало времени, господа. Комиссия может прибыть с часу на час.

...В тот же вечер небольшая команда, навербованная из докеров-итальянцев, уже готовила в путь яхту «Южный Крест». Тем временем мисс Изабелла Райленд сухо прощалась со своей матушкой, пораженной новостями отнюдь не меньше законных наследников...

— Вы оставляете меня одну, дочь моя? — холодно спросила миледи.— Быть может, вы не отдаете себе отчета, что теряете право на богатство и на доброе имя родителей?

— От позорного и преступного родительского богатства я отрекаюсь навсегда, а честное имя надеюсь заслужить в семье будущего супруга! — твердо отвечала Изабелла.

2

Утром 14 сентября под неярким осенним солнцем яхта «Южный Крест» покинула бультонский рейд. Команда, навербованная за одну ночь из числа итальянских докеров и праздношатающихся матросов в порту, насчитывала девять человек. У штурвала стояли капитан Бернардито и Чарльз Райленд.

Когда солнце поднялось выше, яхта развернулась по ветру и взяла курс на юг. Пассажиры стояли на палубе. Скалистое побережье уже скрывало от них глубокий вырез бультонской бухты, островерхие городские крыши, серые башни собора, холм с крепостью и путаницу корабельных снастей у портовых причальных пирсов.

Со стороны покинутого порта вслед кораблю неслись мерные, заунывные удары обоих соборных колоколов. Похоронный звон то замирал, когда звук относило ветром, то становился слышнее.

Простым глазом можно было различить с яхты черные людские потоки, запрудившие улицы предместья. Огромные толпы народа двигались из Бультона по направлению к холмам Ченсфильда. Было объявлено, что лорд-адмирал скончался, и по этому прискорбному случаю весь город отправился провожать останки своего знатного земляка к его фамильному склепу.

— Наша миссия здесь, в Бультоне, окончилась, сынок, — говорил капитан Бернардито. — У нас есть добрый корабль «Три идальго», и мы еще подеремся за молодую Францию. Согласен ли ты принять мое имя, имя старого бродяги и изгнанника, врага королей? Я хочу видеть тебя счастливым, сынок!

— Отец мой, вы предлагаете мне то, что заслуживал бы самый любящий родной сын. Но ведь истинное счастье человека заключается в том, чтобы помогать другим людям тоже стать счастливыми. Меня захватила идея Джорджа о Солнечном острове. Он будет действительно счастливым, потому что солнце там должно светить одинаково для всех. Там люди будут

жить справедливой жизнью, трудиться сообща, поровну делить плоды своего труда, сами выбирать себе руководителей для разных видов работ, сами строить свой Город Солнца...

— Стой, замолчи! Я плохо разбираюсь в красивых мечтах, но убей меня бог, если святая церковь не объявит тебя еретиком за эти помыслы, мой мальчик! Где же это видано, чтобы один человек не завидовал другому, не обманывал другого, не пытался бы подчинить себе другого? Но даже если бы это и было возможно, то разве позволят земные владыки, чтобы где-нибудь выросла такая колония? Вас объявили бы опасными безумцами и поторопились бы стереть с лица земли вместе с вашим Городом Солнца.

— Но, отец, мы потому и избрали остров в Индийском океане, что там некому мешать нам. Там мы будем вдалеке от королей, пап и губернаторов. И там не пустыня, там живут деятельные люди. Там многое уже подготовлено к тому, чтобы Город Солнца вырос очень быстро. Мы с Джорджем...

— Сынок, ты слышал, что сказал генерал Хауэрстон про военную экспедицию на остров Чарльза? Одной той причины достаточно, чтобы отбросить мысль о «справедливой» колонии на этом острове. Нашим людям придется оттуда уходить. Увидишь: через год вместо города вашей мечты там будут английские невольничьи плантации и каторжные рудники.

— Скажи, отец, разве не может население острова выдержать осаду? За счастье нужно бороться. Ты с шестью неграми победил экипажи двух разбойничьих работорговых кораблей! Мы... прогоним оттуда этого английского губернатора.

— Мы? Чарли и Джорджи, да? Эх вы, мои братья-мстители! Наши островитяне — народ более благоразумный, они-то знают, что у гидры вместо одной отрубленной головы вырастают три новые... Но я знаю, Чарльз, как трудно бывает расстаться с давно взлелеянной мечтой. Разочаровывать я тебя не хочу, мальчик! После Италии мы отправимся на остров и посмотрим, как жители примут весть о скором приезде губернатора. Если люди цепко держатся за свою землю и свободу — может, они и впрямь пойдут за нее на смерть. Если так, не отстану от вас и я, хоть и не больно я верю в ваш Город Солнца. Тебя-то я не оставлю в минуту опасности.

3

Отец Фульвио ди Граччиолани пребывал в глубоком раздумье уже не первый месяц. Неизменное покровительство, которым удостаивали его кардинал, папский нунций[1] в Венеции, и епископ, глава тайного трибунала святейшей инквизиции в республике, уступило место весьма ощутимому «похолоданию». Оба прелата имели достаточно поводов быть недовольными деятельностью подпольного воинства, подчиненного отцу Фульвио. Это рассеянное по всем темным углам воинство занималось мелким шпионажем, редело от тайных интриг и не вполне оправдывало возлагаемые на него надежды. В народе множились ереси, распространялись атеистические учения.

Приток цехинов и гульденов в церковные кассы ослабевал.

Чело иезуита было пасмурным и отражало озабоченность. От отца Бенедикта из Бультона давно не было никаких вестей. Посланный к нему Луиджи Гринелли ожидался в июне-июле, но отец Фульвио напрасно прождал своего верного служку до осени. Исчезновение брата Луиджи не на шутку тревожило патера: тайные братья не прощали измены!

В пятницу 5 октября в венецианской лагуне стало на якорь небольшое судно.

Судя по узелкам на снастях и почерневшему дереву бортов, эта легкая быстроходная шхуна или яхта оставила за кормой не одну тысячу миль. Скромный вид судна и отдаленный уголок, избранный его капитаном в качестве места для якорной стоянки, отсутствие на борту любителей платить деньги за сувениры или за подвиги ныряльщиков,— все это привело к тому, что даже портовые мальчишки и торгаши очень скоро перестали обращать внимание на маленькую «Толосу».

На другой день после прихода судна в Венецию перед фасадом Мраморного палаццо неуклюже выбрался из гондолы какой-то плохо выбритый иностранец в нескладном парике и коротком плаще, открывавшем для всеобщего обозрения пару чулок, черных гетр и тяжелых ботинок с бульдожьими носами.

---

[1] Нунций — папский посол.

«Бакалавр искусств» синьор Антони Ченни, которого доктор Буотти принял на службу в домашний музей под именем Антонио Карильо, находился в небольшой комнатке, отведенной ему рядом с первым парадным залом. Он вышел было навстречу иностранцу, но, когда тот вступил во дворец и, отдуваясь, приподнял перед зеркалом свой парик, чтобы вытереть вспотевшую лысину, синьор Антонио, наблюдавший отраженные зеркалом движения иностранца, вдруг переменился в лице и чуть не поскользнулся на вощеном паркете.

— Будет ли позволено мне, как дальнему путешественнику, осмотреть музейное собрание этого дворца? — спросил гость скрипучим голосом по-английски.

Ни одного человека, владеющего английским языком, не оказалось в вестибюле, кроме самого синьора Антонио, который знал язык Альбиона. Синьор Антонио сделал, однако, движение, чтобы ускользнуть в свою комнату. Это удалось бы ему, если бы вездесущий Лафкадио, служка отца Фульвио, не появился в этот миг около иностранца.

— Антонио Карильо! — крикнул он укоризненным тоном.— Разве вы не слышите, что синьор просит показать ему музей?

Служителю не осталось ничего другого, как приблизиться к иностранцу и открыть перед ним дверь в первый зал. Монотонным голосом он начал объяснения. Иностранец проявил к ним редкостное равнодушие. Кроме того, глаза его были так слабы, что он с явным трудом вглядывался в полотна.

— Ваше имя, кажется, Антонио Карильо? — прошептал гость.

— Да, синьор.

— Послушайте, мне известно, кто вы... да и в лицо я узнаю вас, синьор Ченни. Не усматривайте во мне врага... Потом, позднее, вы все поймете. А пока спрячьте скорее это письмо. Оно от синьора Томазо Буотти. Прочтите его так, чтобы отец Фульвио ничего не узнал о нем.

Антонио Карильо торопливо спрятал письмо.

— Послушайте, мой друг, — шепотом продолжал иностранец,— постарайтесь скорее окончить этот осмотр. Искусство меня совершенно не интересует. Мне необходимо, будто ненароком, повстречать здесь патера Фульвио.

Антонио Карильо заметил на руке чужестранца пер-

стень с большой агатовой печаткой. Он посмотрел на своего собеседника подозрительно и удивленно, но, услышав в соседнем зале шелковый шелест сутаны, мгновенно возобновил свои пояснения.

— Вот эта картина, синьор, принадлежит кисти Чимабуэ[1]. Сюжет ее взят из...

Иностранец обернулся и нарочито медленным движением поднял ко лбу руку с перстнем, словно осеняя себя знамением креста. Фульвио ди Граччиолани сказал, обращаясь к служителю:

— Сын мой, вкусите отдых. Я сам продолжу объяснения. Итак, вы остановились перед полотном Чимабуэ, синьор. Кисть его, подобно бессмертному искусству Гирландайо, чьи творения украшали дворец Джезу[2] в Риме, усердно прославляла благие деяния творца.

Антонио Карильо выскользнул из дверей и, замкнувшись в своей комнате, разорвал пакет, врученный ему иностранным туристом. Этого туриста синьор Карильо узнал еще в вестибюле: в Мраморное палаццо пожаловал... престарелый атерни Томас Мортон.

Патер Фульвио давно не получал столь успокоительных известий. Тайные тревоги, заботы и треволнения последних месяцев уступили место чувству глубокого удовлетворения. Долг свершен! Из Ченсфильда доставлен некий важный документ. Графские миллионы вскоре заполнят пустующую орденскую кассу и упрочат положение Христовой церкви. Брат Бенедикт Морсини обрел перед тайным орденом великую заслугу!

Беседа отца Фульвио с иностранным гостем, начатая в музее перед полотном Чимабуэ, продолжалась в личных покоях священника.

Испытующим взором монах глядел в водянистые, бесцветные глаза приезжего. Томас Мортон выдержал этот пристальный взгляд, молча снял с пальца перстень с печаткой и положил его на стол перед священником. Перстень отца Бенедикта! Тайный опознавательный знак, которым бультонский капеллан снабдил своего посланца — Томаса Мортона.

— Позвольте спросить, доставленный вами доку-

---

[1] Чимабуэ — итальянский художник эпохи Возрождения.

[2] Дворец Джезу в Риме являлся штаб-квартирой ордена иезуитов. Дворец был украшен полотнами итальянского художника-мистика Гирландайо.

мент находится при вас, синьор? — осведомился духовник графа.

— Он здесь, ваше преподобие, зашит в моем жилете. Мой друг отец Бенедикт пожелал, чтобы я принял эту маленькую меру предосторожности.

Мистер Мортон с усилием стал освобождаться от своего старомодного фрака, напоминающего по цвету табачную пыль.

— Лафкадио! — позвал патер.

Молодой служка явился мгновенно. По единому взгляду иезуита он понял свою задачу и весьма ловко и быстро помог мистеру Мортону снять фрак, расстегнуть жилет и обнажить свежий шов, под которым слабо похрустывала бумага. Через десять минут вспоротый шов был аккуратно вскрыт, и на столе перед патером появился слегка помятый пакет.

Спрятав перстень и письмо, Фульвио ди Граччиолани осведомился, какую квартиру избрал себе в Венеции мистер Мортон. Английский адвокат отвечал, что намеревается отдохнуть недели две в одной гостинице на Риальто[1], после чего ему предстоит обратная дорога в добрый старый Бультон.

Священник проводил гостя до самой гондолы, вернулся в кабинет и вскрыл письмо. В пакете, кроме присланного документа за подписями Фредрика Райленда, Томаса Мортона и юриста Лео Ноэль-Абрагамса, находился еще и чистый лист плотной белой бумаги, сложенной вчетверо. В нижнем левом углу листа иезуит обнаружил неприметный крестик. Это был, очевидно, знак, что бумага вложена неспроста!

Повертев ее в руках, монах на ощупь определил, что поверхность листа подвергалась какой-то обработке. Фульвио ди Граччиолани запер двери, зажег свечу и подержал бумагу над пламенем. По всему листу стали отчетливо проступать темно-коричневые строки тайного письма, написанного молоком. Текст послания был на латинском языке.

«In nomini Dei![2]

Сим извещаю ваше преподобие о свершении мною, недостойным служителем бога, возложенного на меня поручения. Опасность, грозившая на-

---

[1] Риальто — улица и район в Венеции.

[2] «Во имя бога!» (лат.)

шему святому делу, устранена. Злокозненные тайные враги милорда, готовившие его разоблачение, повергнуты во прах, но в единоборстве с оными змиями пал и сам милорд. Перед смертью он, по наитию свыше и наущению вашего смиренного брата во Христе, подписал приложенный при сем документ, который является формальным, юридически заверенным свидетельством о гибели незаконного графского отпрыска пирата Джакомо Грелли и об отсутствии у означенного Грелли прямых потомков. Сын милорда, Чарльз, враждебно настроенный против своего отца, покинул земную юдоль, не успев открыть своего настоящего имени никому, кроме собственной сестры Изабеллы. Она же в отчаянии отравила себя ядом. Ее судьбу разделил и Реджинальд Мюррей, неправедный, но опасный претендент на титул. Тайна милорда умерла с этими лицами. Да простит господь все прегрешения малых сих, и да войдут души их в царствие небесное! Ave Maria![1]

Напрасно прождав очередного прибытия ко мне брата Луиджи, постоянного курьера вашего преподобия, я, движимый единым побуждением ускорить отсылку сих вестей, почел за благо самостоятельно изыскать надежного посланца к вам. В неразумии своем я принял во внимание преклонный возраст и недуги нашего сиятельного завещателя, что и побудило меня поспешить с доставкой по назначению сего важного документа. Посему я уговорил мистера Томаса Мортона, как ближайшего сподвижника своего усопшего благодетеля, совершить путешествие в Венецию, дабы вручить настоящий пакет в собственные руки вашего преподобия. Приложенный документ должен устранить все последние сомнения и грешные колебания завещателя.
Amen!

Смиренный брат ваш во Христе
Бенедикт.

29 августа 1790 года. Город Бультон».

---

[1] «Славься, Мария!» (лат.)

Патер перекрестился и спрятал документ в своей тетрадочке. Он послал слугу наверх, в графские покои, чтобы пригласить эччеленца Паоло к вечерней субботней мессе.

Лафкадио застал графа вкушающим сон после продолжительной прогулки в гондоле на взморье, предпринятой графом до полудня. Превозмогая усталость, дряхлый граф спустился в молельную. Во время мессы он сидел на скамеечке, поддерживаемый новым дворцовым служителем, Антонио Карильо. За последние недели старый синьор с особенной охотой обращался к Антонио за такого рода услугами, ибо молодой человек оказывал их без тени раболепия и угодливости. Дворцовую челядь изумляло умение молодого служителя ободрять и развлекать дряхлого, разбитого немощами вельможу.

После короткой мессы священник поднялся вместе с графом Паоло в его покои. Гондола, спешно посланная патером Фульвио, доставила во дворец несколько должностных лиц — главного нотариуса графа д'Эльяно с его помощниками и писцами, а также душеприказчиков, назначенных по воле самого эччеленца Паоло. Фульвио ди Граччиолани встретил синьоров в вестибюле, проводил в графские покои и пояснил, что их приглашение во дворец вызвано необходимостью устранить, по воле эччеленца, известную им оговорку в графском завещании. Некий полученный из Англии документ отнял у завещателя последнюю надежду разыскать и обеспечить потомков.

Граф Паоло был глубоко удручен этой вестью.

В присутствии отца Фульвио прибывшие синьоры исправили текст завещания.

Ночью нотариус со свитой покинул Мраморное палаццо, а патер Фульвио по отъезде душеприказчиков и юристов отправился во дворец кардинала. В сей поздний час одна высокая духовная особа спешила к другой с благими вестями.

4

Шла вторая неделя после вызова душеприказчиков к эччеленца Паоло д'Эльяно. За это время он редко покидал свои покои, находился в глубокой задумчивости, иногда утрачивал нить разговора, засыпал во время трапез и томился бессонницей на ложе. Граф Паоло с трудом передвигал отекшие ноги, был раздражителен и

очень страдал от одиночества. Однако беседы с отцом Фульвио утомляли его, и духовник графа не докучал ими старику. Зато дворцового служителя Антонио Карильо граф по-прежнему охотно допускал к своей особе. У синьора Антонио был приятный голос; он целыми часами читал больному его любимых поэтов — Данте и Петрарку.

Лишь одну посетительницу принял за эти дни старый граф Паоло — престарелую синьору Эстреллу Луис эль Горра. Она высадилась с французского военного корабля «Три идальго», которым командует ее внук. В Тулоне престарелая синьора ступила на землю Европы. Она не смогла отказать себе в удовольствии заехать в Венецию, чтобы навестить старого друга — графа д'Эльяно. Патер Фульвио мельком видел ее в вестибюле и даже вздохнул вместе с нею о быстротечности струй в реке времен.

Иезуит не ведал, что после отъезда синьоры граф Паоло с волнением читал следующую записку:

«Эччеленца, если повторное путешествие в гондоле не утомит вас, я вновь буду ожидать вас на борту известного вам судна. Затем мы должны совершить поездку на «Виллу цветов», где некая, давно обещанная вам счастливая встреча заставит вас позабыть все душевные и телесные недуги. Глубоко преданный вам *Буотти*».

Граф оделся с помощью двух камердинеров и, опираясь на плечо синьора Антонио, дошел до гондолы. В кабине, устланной ковром, во множестве громоздились мягкие подушки. «Плавучая карета» служила своему хозяину уже много лет. Ароматы духов и восточных благовоний перемешивались в кабине с запахом стоячей воды, старой штофной обивки и подгнившего дерева.

Антонио опустил шторы и уселся напротив старика. Гондола закачалась. Кормчий и второй гондольер вывели свое судно на Большой канал.

День был безоблачно голубым и теплым. На встречных гондолах гребцы распевали песни.

Когда графская «плавучая карета» подошла к водам лагуны, эччеленца Паоло приподнял штору. В чистом, изумительно прозрачном воздухе четко виднелись мачты и реи судов, отраженные в зеркале Венециан-

ской гавани. Пока граф окидывал взором толчею лодок в устье канала, дворцы, залитые светом, флажки, вымпелы, людные уличные панели и далекие силуэты торговых кораблей, Антонио Карильо внимательно смотрел назад, за корму гондолы. Как он и ожидал, ни одна лодка не кралась за ними следом: по-видимому, недреманное око патера Фульвио, успокоенное исправленным завещанием, отвратило свой взор от синьора Паоло.

В одном из дальних уголков лагуны стояло на причале маленькое, неприметное судно. Паруса на его высоких мачтах были туго скатаны. На палубе ходил вахтенный матрос, а у самого носового трапа виднелась фигура полнотелого пассажира в длинном платье, похожем на монашеское, и черной докторской шапочке. Гондольер медленно подвел свою ладью к трапу. Перед Антонио блеснули золотом выпуклые буквы надписи: «Толоса». Полнотелый синьор в докторской шапочке спустился с палубы в гондолу. Балансируя с трудом, корабельный пассажир нырнул в кабину и... угодил прямо в объятия графа Паоло, распростертые ему навстречу.

— «Вилла дей Фиори!» — крикнул доктор Буотти гондольерам.

Черная ладья понесла своих пассажиров на взморье, к загородной вилле графа д'Эльяно. Она славилась своим садом, где цветы, кусты, деревья и травы были подобраны так искусно, что, отражаясь в прудах или фонтанах, они как бы окрашивали воду: с одного берега вода в пруде отливала тонами малахитовой зелени, с другого казалась голубой или нежно-лиловой. В этой сложной игре света и красок оживали мраморные фигуры наяд. Чудилось, что эти нагие красавицы лишь на мгновение замерли в своих стыдливых движениях и готовы ускользнуть от нескромного взгляда в густую прибрежную зелень. А живые лебеди на воде будто застывали и казались изваяниями из камня Каррары.

По дороге к вилле граф горько жаловался синьору Буотти на свои старческие немощи.

— Последние дни вынужденного одиночества и тревожного ожидания были для меня особенно тягостными, мой друг,— говорил старик.— Я еще боюсь верить в ваш успех. Мне все казалось, что я не доживу до нынешнего дня и что вы понапрасну лишали меня вашего общества.

— Сегодня вы убедитесь, эччеленца, как ошибочна была вся ваша «восточная философия». Я всегда верил в свои предчувствия, и, к счастью, самые смелые надежды оправдались! Теперь, когда синьора Луис эль Горра окончательно убедила вас, что Чарльз и Изабелла являются вашими родными внуками...

Взволнованный этими словами, синьор Паоло задышал чаще, и Антонио Карильо знаком предостерег богослова, чтобы тот не подвергал ослабевшее старческое сердце чересчур сильным испытаниям.

Наконец гондола причалила, и небольшой остаток пути до виллы граф проделал на носилках. Одолеть восемь пологих мраморных ступеней крыльца синьору Паоло было труднее, чем Сципиону[1] овладеть стенами Карфагена, но старик поднялся по лестнице сам, отвергнув даже помощь Антонио Карильо.

В средней гостиной, выдержанной в янтарных тонах сиенского мрамора, доктор Буотти усадил графа в кресло. Антонио Карильо укрыл пледом ноги старика. Томазо Буотти попросил разрешения на несколько минут удалить синьора Антонио из гостиной.

— Нет, нет, пусть Антонио останется здесь, со мной. Не вы ли сами, мой друг, поручили меня заботам этого милого молодого человека? Он был так терпелив, так приветлив и весел, что стоил один целой сотни докторов медицины.

— Эччеленца! Простите нам, мне и Антонио, один непродолжительный обман. Он был вынужденным, ибо я решил с научной тщательностью проверить все открытия и догадки, прежде чем сообщить вам истину...

Голос Буотти был так торжественно-приподнят и отражал столь сильное душевное волнение, что у старика затряслись руки.

— Не останавливайтесь на полпути, мои друзья,— произнес граф умоляюще.— Какова же истина, которую вы хотите открыть мне, мой дорогой доктор Буотти?

— Синьор Паоло, вы видите перед собою молодого человека, который родился, можно сказать, на моих глазах, в той семье, где вырос и воспитался ваш сын, Джакомо Молла. Перед вами — синьор Антони Ченни! Он близко знал синьора Джакомо. А в продолжение последних тревожных недель он втайне оберегал вас от иезуитских козней.

---

[1] Сципион — древнеримский полководец. В Третьей пунической войне овладел Карфагеном и разрушил его.

— Антони Ченни? — медленно переспросил старый граф.— Сын рыбака Родольфо с Капри? Мальчик мой, помнишь ли ты моего Джакомо?

— Я помню его, синьор Паоло,— отвечал Антони,— только...

— Договаривай, мой мальчик! Скажи мне, вспоминал ли Джакомо когда-нибудь о своем... отце? Или сердце его было всегда полно ненависти ко мне? Неужели мне суждено умереть без прощения единственного сына?

У Антони сжалось сердце. Он поцеловал старческую руку, но спасительница-ложь никак не шла ему на помощь.

— Ваши внуки от всей души прощают вам стародавний грех против их родителя,— проговорил за Антони доктор Буотти.— Сейчас вы обнимете их, синьор.

— Поспешите, друзья мои, ибо силы мои кончаются! Внуки мои... где они... я боюсь умереть...

Доктор Буотти открыл двери в соседний зал. Там, за дверью, несколько человек, затаив дыхание, прислушивались к происходящему в гостиной. Граф Паоло различал осторожные шаги.

— Эччеленца! — прозвучал голос Буотти.— О, как вы счастливы в вашем потомстве! Превозмогите недуг, соберитесь с силами! Смотрите, синьор, вот ваше бессмертие!

У самого доктора Буотти стояли в глазах слезы, крупные, как виноградины. Он повернулся к дверям.

— Входите все, друзья, входите, синьор Карлос д'Эльяно, и вы, синьорита Изабелла. Эччеленца, перед вами брат и сестра, Карлос и Изабелла, родной сын и родная дочь синьора Джакомо. Обнимите ваших внуков, эччеленца, они достойны, чтобы вы гордились ими!

В радостном приливе животворных сил старик приподнялся в кресле, встал на ноги и сделал шаг навстречу своим внукам. Он оперся на плечо доктора и смотрел на Изабеллу и Чарльза прояснившимся, не отуманенным взором.

Чуть склонив головы, стояли перед ним юноша и девушка редкостной, чистой красоты. Уже не нужно было ни юристов, ни доказательств, ни медальонов! Два живых лица видел перед собой старый Паоло д'Эльяно, и в обоих сквозили и повторялись черты маленького Джакомо Молла, его несчастной матери

Франчески и... самого синьора Паоло!.. Одинокий старик, жертва стародавнего обмана, вдруг увидел себя в кругу тех, о встрече с которыми думал всю жизнь, не смея даже надеяться! И эти родные, совсем юные люди, эти взрослые дети, вдобавок прекрасны! У них светлые лица, в них нет ни тени корысти, раболепия, ожидания подачки... Счастливая минута, самая счастливая за все последние десятилетия!

Одного за другим старик обнял и перекрестил обоих своих внуков. Он клал им руки на плечи, заглядывал в глаза и целовал их нежным поцелуем первой встречи...

Наконец, вспомнив о том, кому он обязан этой встречей, старик обернулся к Буотти, хотел произнести какие-то новые слова благодарности вернейшему из друзей... и не успел. Волнение старика оказалось чрезмерным, дряхлое сердце не выдержало! Минута первой встречи стала и минутой последнего прощания внуков с их дедом.

Когда умирающего подняли и перенесли на диван, рука его еще поднялась для крестного знамения, а губы разжались, чтобы прошептать последние слова:

— Я прощен и умираю счастливым! Дети, не забывайте меня!

Люди молча склонились над его ложем. Он еще дышал, но лицо его уже становилось прозрачным и белым. Исчезла старческая расплывчатость черт. Они обострились и стали четкими. Удивительное сходство Чарльза и Изабеллы с их дедом обозначилось еще резче, когда седая голова графа Паоло неподвижно замерла на подушке, как гипсовая маска.

Еще два человека, торопливо крестясь, приблизились к ложу. Синьора Эстрелла Луис опустилась на колени у изголовья, когда пальцы Изабеллы уже легли на неподвижные полуопущенные веки покойного. Старая синьора прошептала слова молитвы. Ее сын, капитан Бернардито, молча поцеловал скрещенные руки графа Паоло и тихо вышел из обители смерти.

Весть о кончине графа д'Эльяно повергла в горе многих обитателей Мраморного палаццо.

Гроб с телом графа, доставленный во дворец, стоял на высоком постаменте в самом большом из залов нижней дворцовой анфилады. Все предметы искусства были вынесены, и лишь портреты графини Беатрисы и

самого графа д'Эльяно украшали две противоположные стены.

Людской поток в залах был нескончаем. В течение двух дней вся Венеция прощалась с прахом одного из своих старых меценатов. В величественной скорби стоял у гроба, плотно сжав тонкие губы, патер Фульвио ди Граччиолани. Многие венецианцы узнали и доброго доктора Томазо Буотти, о котором говорили, что он попал на похороны прямо с корабля.

Огромная толпа народа запрудила берега канала, когда погребальная процессия проследовала на гондолах к площади Святого Марка. Сам дож Венеции возложил в соборе венок на гроб с прахом старого вельможи и произнес траурную речь. В тот же день тридцать священников во главе с кардиналом опустили гроб синьора Паоло в фамильный склеп и установили его рядом с мраморным саркофагом графини Беатрисы.

После похорон, ранним вечером, в Мраморное палаццо стали собираться люди, получившие приглашение присутствовать при вскрытии завещания. В том зале, где паркет еще хранил следы вынесенного постамента, слуги установили кафедру.

Душеприказчики графа разослали более ста приглашений. Не меньшее число гостей прибыло во дворец по приглашениям патера Фульвио и доктора Буотти. Среди этого множества светских и духовных лиц, важных сановников и красивых дам находилось немало простых смертных, проникших в палаццо из любопытства. Эти «малозначащие» гости ухитрились воспользоваться протекцией дворцовых слуг, чтобы впоследствии с важностью рассказывать домочадцам о своем участии в ареопаге первых имен республики.

Блестящее собрание возрастало с каждой минутой. В нижней анфиладе залов дворца запах ладана, хвои и свечей уже смешался с ароматом духов и легким дымком итальянских сигарет. В залах мелькали расшитые мундиры, пышные эполеты, перья, ленты и перевязи. Присутствовал папский нунций и высшие должностные лица. Служитель Джиованни Полеста проводил к одному из почетных кресел престарелую синьору Эстреллу Луис, прибывшую по приглашению душеприказчиков.

Позади пяти рядов бархатных кресел стояли стулья, обитые красным плюшем; предназначались они для «господ попроще». И, наконец, притиснутые уже почти

к самой дальней стене, тянулись ряды простых жестких стульев, доставшихся в удел вовсе «малозначащим» гостям. Между этими последними рядами стульев почти отсутствовали проходы, и люди, разместившиеся здесь, лишались возможности двигаться.

В крайнем ряду этих жестких стульев, в самом дальнем уголке залы, прижатая вплотную к мраморному бюсту графа Паоло, сидела небольшая группа иностранцев, одетых весьма скромно. Синьор Буотти мимоходом пояснил патеру Фульвио, что эти иностранцы являются пассажирами корабля, на котором доктор вернулся в Венецию. Днем эти дорожные знакомые доктора присутствовали на похоронах.

Когда в зал вошли юристы, писцы и седовласый графский нотариус, разговоры смолкли. Только невежливые иностранцы еще продолжали шушукаться в своем углу.

— Посмотри-ка на патера Фульвио,— шепнул Бернардито своему названому сыну, которого величал теперь не иначе, как доном Карлосом.— Видит бог, я не вспоминал о графских миллионах, когда наблюдал из-за дверей за вами и добрым синьором Паоло, но сейчас я испытываю досаду. Дорого нам стоило уберечь сердце графа от последнего потрясения!

— Бог с ними, с этими миллионами, отец! Иезуиты получили документ британского лжемилорда, и старик не узнал, как насмеялся над ним его Джакомо! Он поверил, наш бедный отец Паоло, что Грелли давно погиб. Перед концом он утешился, и слава богу!

— Смотри, смотри,— не унимался Бернардито,— у святых отцов даже искры в глазах прыгают от жадности. Шесть миллионов, подумать только! Не уйти ли нам отсюда, мальчик? Я боюсь, что не выдержу! Меня так и тянет на старое... Эх, влепить бы этому Фульвио одну горячую в переносицу — и паруса на реи!

— Тише! — пронеслось по залу.— Тс-сс!

Огромный пакет, опечатанный пятью красными сургучными печатями, был извлечен из шелкового платка. Нотариус с поклоном вручил пакет духовнику графа. В зале стало так тихо, что даже шорох кусочков сургуча, упавших на пол, разнесся до самых крайних уголков анфилады.

Фульвио ди Граччиолани надменно взглянул на очень бледного доктора Буотти, смиренно стоявшего в стороне, в одной группе с нотариусом и писцами. Раздал-

ся треск разрываемой обертки, и в руках у патера Фульвио оказался большой голубоватый лист гербовой бумаги, с пространным текстом, несколькими подписями и печатями.

Люстра, сиявшая девятью десятками свечей, висела прямо над кафедрой. Чтобы не застилать бумаги тенью собственной головы, патер Фульвио сделал шаг назад и начал читать размеренным, торжественным голосом:

— «Я, наследственный и потомственный дворянин Венецианской республики, член Большого Совета, граф Паоло Витторио Альберто Джорджио д'Эльяно, находясь в здравом уме и твердой памяти, движимый чувством раскаяния в своих прегрешениях перед господом и людьми, любовию к своему дорогому отечеству и стремлением к справедливости, выражаю настоящим свою волю касательно судьбы всего моего движимого и недвижимого имущества после моей, уже недалекой, кончины.

Я завещаю принадлежащий мне в Венеции Мраморный дворец со всеми его художественными и научными собраниями моему родному городу Венеции, с тем чтобы управление дворцом-музеем до тех пор осталось в руках нынешнего хранителя собрания, высокоученого доктора Томазо Буотти, пока он сам не пожелает снять с себя эту должность».

При чтении этого места чело патера Фульвио ди Граччиолани омрачила легкая тень, но он отыскал глазами доктора Буотти и изобразил на лице сладчайшую из улыбок. Буотти, в свою очередь, отвечал очень вежливым поклоном.

— «Все мое остальное движимое и недвижимое имущество, за вычетом указанных ниже статей единовременного или постоянного расхода, я распределяю следующим образом:

Земли и поместья, расположенные на юге Франции, в Ломбардии, Генуе и самой Венеции, кроме Мраморного палаццо и «Виллы дей Фиори», и мои денежные средства, помещенные в ценные бумаги на сумму два миллиона скуди, я оставляю моему внуку графу Карлосу д'Эльяно, воспитаннику испанского синьора Бернардито Луиса, носившему доселе условные имена Алонзо де Лас Падос и Чарльз Чембей».

Парики, тонзуры и прически дам, видимые залу над спинками кресел перед кафедрой, пришли в движение.

В зале зашелестел приглушенный шепот. Глаза патера Фульвио беспокойно забегали по всему листу. Группа иностранцев в углу, около бюста графа Паоло, пришла в волнение. Старый синьор в морском камзоле энергично жестикулировал, шептался с соседями и потрясал трубкой, зажатой в кулаке.

— «Сокровища потайного подвала Мраморного палаццо, содержащего драгоценные каменья и фамильное серебро, общей стоимостью в полмиллиона скуди, передаю моей внучке Изабелле в виде свадебного подарка ко дню ее бракосочетания с виргинским эсквайром мистером Реджинальдом Мюрреем.

Введение в права наследства моих внуков, Карлоса и Изабеллы, я поручаю стародавнему доверенному лицу моей семьи синьоре Эстрелле Луис эль Горра и совместно с нею моему другу и благодетелю синьору Томазо Буотти, коим завещаю: первой, то есть синьоре Луис, сумму в сто тысяч скуди, а второму — мою венецианскую пригородную виллу, именуемую «Вилла дей Фиори»...

По мере того как патер Фульвио ди Граччиолани оглашал этот документ, голос его становился все более глухим и хриплым. Епископ, глава тайного трибунала святейшей инквизиции в республике, застыл в кресле. На епископских губах окостенела улыбка, похожая на оскал черепа... О, как хорошо понимал духовник графа, сколь мало добра сулит ему эта улыбка инквизитора!..

Патер Фульвио с огромным трудом сохранял присутствие духа. Он мельком пробежал глазами остаток текста. Буквы прыгали, будто повинуясь ритму его пульса. Они исполняли дикий балет отчаяния, чудовищный танец смерти! Усилия многих десятилетий рушились... Лоб чтеца покрылся блестящими капельками испарины. Прыгающие буквы сложились наконец в некое длинное имя... Оно мелькнуло в следующем абзаце текста. Это было имя самого патера Фульвио...

Священник вгляделся в бумагу... Нет, продолжать размеренное чтение он был уже не в состоянии. Произошла томительная пауза, во время которой патер Фульвио ди Граччиолани делал жесты, как бы отыскивая очки...

Старший из душеприказчиков, синьор Умберто Гротто, заметил затруднительное положение графского духовника и приблизился к кафедре под люстрой.

— Зрение несколько изменяет мне,— пробормотал патер Фульвио.

Бумага едва держалась в его руках. Он, не глядя, сунул ее старшему душеприказчику. Тот с поклоном принял документ. Иезуит сошел с кафедры и окинул зал невидящим взором. Двинуться к дверям он не мог— плотная толпа слуг загораживала выход из залы. Второй душеприказчик подвел священника к пустующему креслу, и патер Фульвио тяжело плюхнулся на бархатное сиденье, спиной к притихшей аудитории. Старший душеприказчик оглашал дальнейший текст:

— «Сумму в пятьсот скуди оставляю моему духовному отцу, патеру Фульвио ди Граччиолани, для покрытия расходов, связанных с его переездом в прежнее легатство, откуда он некогда прибыл в наш дом».

От неслыханного оскорбления иезуит содрогнулся. Даже видимая залу лысина патера приобрела лиловый оттенок.

— Пятьсот скуди, чтобы убраться к черту! — шепнул Чарльзу восхищенный Бернардито.— Сынок! Этот доктор Буотти вдвое хитрее меня! А каким добродушным простаком он глядит, черт побери мою душу! Как он обтяпал все это дельце! Каррамба!

Потрясенные наследники с трудом слушали чтеца, еле-еле улавливая заключительные волеизъявления завещателя.

Сто тысяч скуди граф оставил в пользу сирот приюта святой Маддалены во францисканском монастыре близ Ливорно. Наконец, следовали небольшие пожертвования церквам и благотворительным заведениям Венеции.

Когда весь текст завещания был оглашен, зал загудел, как потревоженный в улье пчелиный рой. Патер Фульвио покинул зал, как только замолк голос чтеца и посторонились слуги в дверях. Кардинал удалился, еле кивнув душеприказчикам. За ним последовал и епископ.

Длинные вереницы гондол, носилок и пешеходов потянулись во всех направлениях по прилегающим каналам, уличкам и мостикам.

В залах Мраморного палаццо стало тихо. Слуги гасили парадные люстры. Патер Фульвио затворился один в своей опочивальне.

Усталый Джиованни запер наружные двери парадного вестибюля, а синьор Томазо Буотти впустил с чер-

ного хода четырех дюжих полицейских стражников. Доктор шепнул им несколько слов и многозначительно кивнул на запертую дверь личных покоев графского духовника. Обезопасив таким образом дворец, ставший общественным музеем, от всякого рода неожиданностей, доктор Буотти вернулся к своим друзьям.

— Эччеленца Карлос и синьорита Изабелла,— сказал он весело,— позвольте поздравить вас, друзья мои!

Доктор держал в каждой руке по бокалу шампанского. Друзья выпили их, уже не опасаясь белых крупинок патера Фульвио ди Граччиолани.

Когда отзвучали первые краткие застольные речи, весьма торжественные и весьма прочувствованные, капитан Вернардито повернулся к своему соседу, доктору Буотти. Эти два лица занимали самые почетные места за столом — честь, которую охотно уступили им молодые наследники.

— Бога ради, объясните же мне скорее, синьор Буотти, как вам удалось сыграть такую злую шутку с отцами-иезуитами? Никто не ожидал подобного исхода! Ведь граф исправил завещание и устранил оговорку. Иезуиты были уверены, что все достанется им одним!

— Видите ли, успокоив «тайным письмом», привезенным в Венецию Мортоном, опасения иезуитов, я встретился с графом, которого через Антони известил о своем приезде. Во время прогулки графа на взморье я сообщил ему, что через две недели в Венецию прибудет старый друг графа Паоло д'Эльяно, синьора Эстрелла Луис, чтобы убедительно подтвердить синьору Паоло полный успех розысков. «А вскоре,— сказал я графу,— вы обнимете ваших внуков — Чарльза и Изабеллу, которые прибудут с кораблем из-за границы».

Мне пришлось солгать графу Паоло лишь относительно фамилии и возраста Чарльза и Изабеллы, чтобы не упоминать имени милорда Ченсфильда. Старик мог не вынести известия о жестокости Джакомо... После беседы с доньей Эстреллой граф вручил синьоре официальное распоряжение для нотариуса уничтожить прежнее завещание и срочно составить второе. Она проследила, чтобы это было немедленно исполнено. Согласно высокому профессиональному долгу, душеприказчики, оформив этот документ, сохранили его в тайне. Вот и все! Из всех нас только одна синьора

Эстрелла Луис знала о последней воле завещателя. Предлагаю тост за здоровье вашей матушки, капитан!

В этот миг Джиованни Полеста подошел к столу и тихо сообщил что-то синьору Буотти. Доктор пригласил капитана Бернардито, Чарльза и Антони в сад, к окнам опочивальни патера Фульвио ди Грачциолани. За отогнувшимся краем портьеры они различили на письменном столе оплывшую свечу. Ее отблеск слабо озарял неподвижную фигуру человека в кресле.

— Он сидит так уже часа три,— прошептал Джиованни.

Дверь опочивальни была заперта изнутри.

— Ломайте! — приказал доктор Буотти.

Тяжелая дверь долго не поддавалась. Пока стражники ломали замок, ни один звук не донесся из опочивальни.

Когда люди вошли наконец в покои графского духовника, они застали его уже холодным. Со сложенными на груди руками он сидел в кресле; перстень с отвинченной печаткой валялся на полу, а стакан со следами красного вина упал на открытую страницу книги.

Доктор Буотти сразу узнал черный фолиант «Истории деяний ордена Иисуса» из графской библиотеки.

5

Через два месяца после всех этих знаменательных событий в Мраморном палаццо легкокрылое морское суденышко «Южный Крест» приближалось к берегам Америки. На причале в Филадельфии эту яхту давно ожидала красивая дама, державшая за руку хорошенькую девочку. Когда «Южный Крест» на всех парусах подлетел к внешнему рейду, дама замахала платочком, а еще через полчаса здесь же, на причале Филадельфийского порта, произошла еще одна счастливая встреча престарелого отца со своими потомками: семья Эдуарда Уэнта встретила не только своего главу — самого капитана Уэнта, но вместе с ним эта семья вернула в свое лоно и старого отца миссис Мери. Бывший калькуттский солиситор, раскаявшийся и прощенный агент Джакомо Грелли, со слезами обнимал на филадельфийском причале свою дочь и внучку...

Тем временем другая яхта, с надписью «Толоса» на почерневших боках, летела к острову Чарльза. В пос-

ледних числах января 1791 года корабль достиг полосы подводных рифов к северу от острова. Капитан яхты дон Бернардито Луис эль Горра имел все причины торопиться к острову: по выходе из Гибралтара яхта обогнала эскадру кораблей британского военно-морского флота, державшую курс на юг. В ближайшем из марокканских портов, Рабайте, капитан Бернардито выведал, что эскадра в составе фрегатов «Виндзор», «Адмирал Ченсфильд» и «Король Георг III» шла в африканские воды Индийского океана. На борту «Виндзора» находился правительственный чиновник мистер Бленнерд. Получив эти сведения, Бернардито приказал идти под всеми парусами, чтобы далеко опередить эскадру быстроходных боевых судов. Когда яхта достигла подводной гряды к северу от острова, эскадра отстала от них суток на пять-шесть пути.

До острова оставалось восемьдесят миль. Перед наступлением темноты яхта преодолела гряду подводных рифов и вновь полетела полным ходом. Была сильная, январская жара, но дымка испарений застилала горизонт. Лунный свет ее пробивался сквозь облачную мглу. Бернардито и Дик Миллс стояли на мостике. Моряки нетерпеливо всматривались в ночной мрак.

— Заждались наши островитянки,— сказал Бернардито своему штурману.— Черт побери! Моей синьоре Доротее и во сне небось не грезится, что ее сын сделался наследником венецианского графа! Что ты скажешь, Дик?

Дик Миллс, тоже предвкушавший счастливую встречу со своей Камиллой, сверился с курсом и указал капитану на светло-серую гряду облаков, выползавших на юге.

— Гроза будет или шторм,— сказал Бернардито.— Вероятно, балет начнется еще до рассвета! Похоже, что это будет славная джига!

Томас Бингль вышел на палубу «Толосы».

— Сынок! — подозвал его Бернардито.

Молодой человек был в испанском берете и при шпаге. Он поднялся на мостик и отвесил капитану рыцарский поклон.

— Ты один остался теперь со мною,— сказал Бернардито.— Твой брат Джордж собирается строить свою колонию на острове, если удастся его отстоять. Чарльз должен распорядиться огромным богатством. Реджи-

нальд с Изабеллой вернутся в Голубую долину. А куда денемся мы с тобой, сынок?

— О, мы найдем себе дело на вашей новой родине, капитан. Едва ли синьор Диего Луис, командир «Трех идальго», выйдет в море сражаться за будущую французскую республику без своего помощника Маттео Вельмонтеса. И у них будет славный военный наставник, не так ли, синьор капитан?..

...У бушприта яхты Чарльз и Антони беседовали с Джорджем Бинглем.

— Счастливые люди,— рассуждал Джордж, сидя на массивном бревне утлегари,— становятся, как правило, эгоистами. Вы, синьор Карлос, стали богачом и, верно, вскоре женитесь на какой-нибудь красавице вроде Дженни Мюррей. Скажите мне откровенно: разве теперь ваши взгляды и ваша жизненная цель не изменились?

— Нет, Джордж! Философы говорят: «Человек — это сложная машина». Но случалось ли вам замечать, Джорджи, что эта машина только тогда способна ткать счастье, когда она работает не на самого себя? Человек похож на пчелу: она не выпивает весь мед, который накоплен ею в сотах. Она питает им и себя и других. Нет, моя жизненная цель не изменилась, но стала выше. Я обрел нечто гораздо более важное, чем графское наследство.

— О чем вы говорите, Чарли?

— Я обрел родину. Самым тягостным в моей прошлой жизни была моя неприкаянность в мире. Я был человеком без отечества, без национальности, даже без имени. Горько мне было спрашивать себя: «Кто я? Англичанин? Испанец? Итальянец? Где мое отечество?» Его у меня не было! Я был листком, оторванным от ветки. Любой ветер гнал меня куда хотел. Поэтому я так горячо принял к сердцу вашу мечту о Солнечном острове, Джорджи! Я хотел создать родину для бесприютных, обездоленных людей, таких же, каким был я сам. Теперь же я всем сердцем почувствовал себя итальянцем. Вы понимаете, что это счастье, Джорджи!

— Что вы намерены делать на родине, синьор?

— Она стонет, моя прекрасная страна! Великий народ задавлен, измучен. Когда его терпение истощается, он, как раненый зверь, бросается на своих мучителей, и его снова усмиряют дубиной и усыпляют религией. Родина истерзана раздорами, порабощена чужеземца-

ми, опустошена нищетой. Я отдам все свои силы освобождению и счастью Италии.

— Как же вы намерены осуществить эту цель?

— Мы с моим дядей Антони Ченни решили действовать сообща. Мое неожиданное «графство» поможет нам, сыну и брату неаполитанской рыбачки,— ведь у нас теперь будут большие средства! Будем исподволь готовить силы, оружие, тайно собирать молодежь, чтобы выгнать из отечества иноземных поработителей. И тогда, в свободной стране...

— ...возникнет Город Солнца?

— Да, возникнет, и не один.

— Но даже в «свободной Италии» останутся герцоги, тюремщики и попы! Я по-прежнему стою за Солнечный остров! Нужно, чтобы несколько сотен честных свободных людей соединились вместе и чтобы никто не смог помешать им построить справедливую жизнь.

— Сдается мне,— сказал Антони,— что бороться за народное счастье нужно все-таки со всем народом. Колония, даже самая справедливая,— это малая горстка людей, а народ — он ведь как этот океан: ни конца ему нет, ни края, сокрушает он самые твердые скалы!.. Настанет час — он сметет поработителей...

— Капитан! — раздался голос штурмана Дика Миллса.— Зарево на горизонте, прямо по курсу!

Луна, пробиваясь сквозь мглистую дымку, давала мало света, и в этом неясном освещении океан имел необыкновенный вид.

На закате солнца ветер не превышал трех баллов. После полуночи он усилился; белые гребни стали возникать на волнах, но эти волны не были похожи на обычные океанские волны, длинные и величаво-медлительные. В эту ночь волна была мельче, и она не «катилась», а будто вставала на месте, переламывалась и проваливалась. Бернардито хмурился, глядя на этот странный танец воды.

Теперь и он различал впереди, далеко на юге, багрово-красный отблеск по всему нижнему краю туч. Отблеск то усиливался, то почти исчезал. Время уже близилось к рассвету.

Капитан вызвал наверх всю небольшую команду, приказал убавить парусов и пояснил, что где-то поблизости происходит землетрясение, вероятно, подводное.

Небо все более чернело, ветер крепчал и становился

порывистым. Северо-восточный край небосвода заалел, и этот рассветный отблеск почти смешался с темным заревом на юге.

Когда команда выполнила маневр с парусами, до слуха моряков долетел отдаленный грохот, а на южной части горизонта появилась темная удлиненная полоса. Казалось, что это низкая туча или длинная гряда невысоких гор, невесть откуда взявшихся среди океана.

Бернардито вцепился в поручни мостика и стиснул зубы. Он первым понял, что темная гряда — это не туча и не горы, а исполинская волна, поднятая из океанских недр подземным толчком или взрывом. Она занимала полгоризонта. Очевидно, под огромной толщей на миг разверзлась пропасть провала и мгновенно сомкнулась вновь, вытолкнув устремившиеся в нее воды океана. С глухим ревом, похожим на шум сотен ниагарских водопадов, морское чудовище валило навстречу кораблю.

Все потемнело вокруг, словно в глубоком ущелье. Застилая небо ревущим гребнем, черная гора накатилась на «Толосу». В следующий миг яхта уже взбиралась на страшную кручу, и, хотя взлет длился секунды, каждый из моряков припомнил за этот миг всю свою жизнь и приготовился к смерти.

На взлете яхта со всеми парусами и снастями погрузилась в кипящий водоворот гребня, а вынырнув, стрелой полетела в глубину провала, скользя по черной спине водяного чудовища.

Четырех матросов не досчитался капитан Бернардито — они были смыты с палубы гребнем волны. Следом за первой прошли еще три водяные горы, но они были меньшего размера и не переламывались.

Много дней спустя старый Бернардито признался сыну, что за всю свою жизнь не испытывал такого чувства ужаса, как в минуты приближения волны-исполина.

При сером утреннем свете Бернардито искал остров и не находил знакомых очертаний Скалистого пика. Там, где моряки привыкли узнавать этот пик, стоял черный столб дыма, похожий на гигантскую пинию. Ее плоская крона раскинулась на полнеба. Иногда этот черный гриб озарялся снизу багровой вспышкой, и к небу вздымались облака белого пара. Затем сквозь пар и дым прорывались искры: огненные потоки ползли по

долинам. В подзорную трубу можно было видеть взлетающие вверх каменные глыбы.

Сквозь плеск воды у бортов и шум ветра в снастях яхты моряки отчетливо слышали глухие громовые раскаты: на острове действовал вулкан, открылись два новых кратера, и раскаленная лава текла по склонам в виде нескольких огненных рек. Извержение вулкана сопровождалось подземными толчками и гулом. Ожил ший островной вулкан представлял собою центр землетрясения, и сила извержения была такова, что все живое на острове превращалось в пепел и прах, а скальное основание острова разрушалось. Преодолевая волну, «Толоса» сохраняла прежний курс. К морским запахам еще примешивалась едкая серная вонь, а клочья пепла все гуще оседали на корабельных палубах. Ветер непрестанно менялся. Его беспорядочные порывы то помогали движению корабля, то гнали ему навстречу черные облака дыма.

Томас Бингль первым заметил с мостика «Толосы» темное, вытянутое в длину пятнышко на воде. Оно ныряло в волнах на расстоянии пяти миль от «Толосы» к востоку от основного курса.

Капитан Бернардито определил, что это большой плот, и повел «Толосу» на сближение с ним. Через полчаса моряки с яхты смогли простым глазом разглядеть бревенчатый плот, усыпанный людьми. Посреди плота возвышались мачты, укрепленные распорками. На мачтах была натянута парусина. Плот, связанный в виде отдельных звеньев, колыхался на волнах, напоминая движение мочального хвоста у детского змея. Несколько десятков людей действовали веслами.

В подзорную трубу капитан «Толосы» узнал старика Брентлея в его треугольной шляпе и морском мундире. Бернардито повел «Толосу» к плоту.

Принять людей с плота на корабль при сильной качке было делом нелегким. Связанные канатами звенья колыхались, повторяя все колебания морской зыби, а легкая яхта то ныряла в провалы, то выскакивала из воды, обнажая днище чуть ли не до киля. Матросы спустили кранцы, чтобы уберечь борт от пролома, и приготовили багры. Люди на плоту приняли швартовы с корабля. По пляшущим штормтрапам, хватаясь за услужливо предлагаемые линьки, спасенные карабкались на борт. Из рук в руки люди передавали кричащих детей, завернутых в одеяла и просты-

ни. Наконец все пассажиры с плота благополучно перебрались на корабль.

Облака дыма и пара целиком укрыли остров и далеко разостлались над водой. Очень сильные толчки вновь всколыхнули поверхность океана, вызвав появление новых водяных гор. Поднялся вихрь. Он срывал пену с гребней и крутил целые тучи оседающего пепла.

Когда корабль лег на обратный курс, вокруг него сделалось темно: взвихренный пепел застлал горизонт, словно над морем разгулялась небывалая черная метель.

До самого вечера корабль не решался приблизиться к подводной гряде, после землетрясения здесь могли возникнуть новые рифы. Океан еще волновался, но тучи утратили свой багровый оттенок; огненные реки на острове померкли.

Из-за морских гребней поднялось солнце, малиново-красное сквозь дымовые облака. Ветер принял прежнее юго-западное направление и развеял удушливый серный запах. Волнение ослабело.

Среди людей, спасенных «Толосой», была и жена Бернардито. Чарльз и Антони встретили ее у трапа. Пока Доротея крестила и целовала сына и брата, Бернардито стоял в стороне и улыбался. Капитан Брентлей рассказал, что подземные толчки начались ночью третьего дня и уже через сутки разразилось катастрофическое землетрясение. После первых грозных толчков Брентлей собрал все население острова на песчаной отмели. В его распоряжении имелось всего несколько мужчин-негров, так как почти все мужское население поселка «Буэно-Рио» ушло с капером «Три идальго» во Францию. Брентлей заставил жителей разобрать на берегу несколько бревенчатых построек и связать плот. Опытный старый моряк велел сделать его в виде связанных друг с другом поплавков, и благодаря его предусмотрительности этот гибкий плот устоял против волн-исполинов. Но гребнем первой волны смело за борт половину островитян и часть припасов. Несколько человек погибли на самом острове: они провалились в трещины или заживо сгорели. Жена Дика, Камилла Миллс, была тоже спасена только благодаря мужеству и хладнокровию Брентлея.

Грозная катастрофа окончилась. Четыре древние стихии — воздух, вода, земля и огонь — успокоились, и

капитану Бернардито захотелось поближе рассмотреть свой остров.

Свежий ветер разогнал тучи дыма, пепла и тумана. Капитан долго всматривался в трубу, затем развернул яхту и приблизился к острову на десяток миль. Антони и Чарльз стояли рядом с капитаном. Все трое молча взирали на беспорядочные, сплошь покрытые пеплом каменные груды и остроконечные рифы. Из моря вставали замысловатые арки и ворота, образованные застывшей лавой. Волны перекатывались через голые, почерневшие глыбы, лизали нагромождения изверженных пород. Это было все, что осталось от цветущего острова Чарльза и поселка «Буэно-Рио». Над развалинами кружились стаи птиц; они тоже не могли узнать свои скалы и гнездовья.

Острова Чарльза больше не было.

— Бьюсь об заклад,— сказал наконец капитан Бернардито,— что мистер Бленнерд, вновь назначенный губернатор острова, не допустит и мысли о землетрясении. Всем старым лордам в парламенте и адмиралтействе он с великим негодованием расскажет, как пират Бернардито Луис выкрал у него из-под носа целый британский остров!

6

Ночью корабль достиг гряды подводных рифов. Луна поднялась, и пассажиры яхты высыпали на палубу. На корабле сделалось очень тесно, люди разместились в глубине трюмов, но они уже приходили в себя после пережитых потрясений. Островитяне узнали, что они пойдут пока в Италию, где молодой синьор д'Эльяно поможет им устроить новую жизнь. Кое-где на палубах уже раздавался смех, звенела гитара и несмело рождалась первая песня.

Корабль стал на якоре перед полосою подводных скал. Ночь была теплая. Под луной матово чернели острия новых рифов, голые и скользкие. Судорога, сотрясшая земные недра, выдвинула на поверхность океана эти каменья, и они торчали над водой, похожие на оскал хищной пасти.

Чарльз сидел на корме «Толосы» вместе с матерью. Он рассказывал Доротее последнюю страницу ченсфильдской хроники, ту мрачную страницу, которой завершилась старая детская сказка про Леопарда.

С восходом солнца люди подняли якорь и двинулись в путь, навстречу своим новым парусам. Далеко на севере скрылись белые паруса, и воды погибшего острова опустели.

Посреди океанской пустыни остались громады мертвого, опаленного камня. Много лет прошло, прежде чем на нем снова зазеленели травы и свили гнезда птицы. Самый бурный из океанов по-прежнему мерно чередовал под созвездием Южного Креста свои приливы и отливы, сотрясая штормами твердь, и прибой превращал острые обломки камня в круглую, обточенную гальку...

...А на летящем вперед суденышке под белыми парусами смелые люди, испытанные в боях с невзгодами, до самой ночи говорили и пели о новой жизни. Звезды, океан и ветер слышали их слова. Не об одних близких думали они, но и про то, какой дорогой люди должны идти в будущее. В светлых и смелых мечтах своих они продолжали верить, что среди мира насилия и рабства им удастся заложить первый Город Солнца. Но они понимали, что воздвигнуть Город Солнца для всей огромной семьи человечества смогут лишь новые поколения отважных людей на вольных просторах земли, освобожденной от страшной власти золота. Они надеялись, что это будет скоро!..

...Сыны песен ушли на покой...
Мой голос остался, как ветер,
Что ревет одиноко на скале,
окруженной морем,
После того, как буря стихла[1].

[1] Джемс Макферсон. «Поэмы Оссиана».

РОМАН РОМАНОВ, ИЛИ НАСЛЕДНИК ДАВНЕЙ ТРАДИЦИИ

Ореол загадочного приключенческого героя окружает этот роман в представлениях тысяч и тысяч читателей, о нем ходят слухи и слагаются легенды, его упоминают в критических и теоретических статьях, но сам он стал стойким библиографическим невидимкой, вроде похождений Казановы или, пуще того, Рокамболя, за которого букинисты с готовностью отдают тыщи рублей по каталогу, да все тщетно.

Зачем, однако, соблазнять читателя репутацией романа, лежащего перед ним сейчас на столе? Не проще ли и — заодно — не полезней ли остановиться на самом этом явлении — приключенческая литература. Ибо «Наследник из Калькутты» — ее объективное зеркало, отражающее объект со стопроцентной добросовестностью.

Произведение Р. Штильмарка и впрямь самое обыкновенное из всех обыкновенных.

И — по-своему — самое необыкновенное из всех необыкновенных.

В чем «обыкновенность» «Наследника из Калькутты»? Прежде всего, в широком использовании традиционных ситуаций и перипетий жанра, из числа которых лишь немногие могут — на повторном-то заходе — сойти за оригинальные, яркие и прочее, зато очень многие угрожающе смахивают на подержанную схему, чьи синонимы уж и вовсе далеки от респектабельности: шаблоны, трафареты, клише; чего уж тут хорошего?

Бертольд Брехт однажды заметил, что детектив бессмысленно критиковал за его приверженность схеме, она является оптимальной формой раскрытия художественной правды в рамках этого жанра. Уверен: постулат Брехта имеет куда большую сферу действия, нежели декларировано самим автором, управляя по сути дела всей приключенческой литературой — авантюрным романом тоже, «путешествиями» тоже, фантастикой тоже. Если согласиться с Брехтом, можно будет сквозь пальцы посмотреть на многие перепевы старых флибустьерско-д'артаньянских мотивов в «Наследнике из Калькутты», а то и вовсе простить автору кое-какие замаскированные цитаты из написанного ранее — на то классика и классика, чтобы ей подражать.

Нет, я отнюдь не собираюсь ратовать за вторичную литературу, я лишь говорю о закономерностях жанра, каковые обязан принимать — по меньшей мере, принимать во внимание — каждый вступающий во владения «приключений»: и автор, и читатель.

Перелистайте — парадокса ради — «Правдивую историю» Лукиана, этого «Вольтера древности», ядовитую пародию на античный роман путешествий, а следом за «Вольтером древности» возьмите себе в собеседники сэра Артура Конан Дойла, практически—нашего современника. И совершенно неожиданно окажется, что у обоих ав-

торов на поверхности схожие приемы, принципиально важные как признак авантюрного жанра. Так, например, с особым интересом герой «Правдивой истории» всматривается в следы, попадающиеся ему на глаза в лесу. А теперь обратитесь к «Собаке Баскервилей» — как внимательно расспрашивает своих собеседников о следах в саду мистер Шерлок Холмс, какую затевает вокруг них ритуальную суету! Как будто впрямь важнее этих следов ничего на свете нет! Но оно-то ведь и всерьез так: для сыщика в детективе со следов все начинается — и следами, только уже расшифрованными, разгаданными — все кончается.

Важны не только с л е д ы, отпечатавшиеся броским пятном на изобразительном фоне обоих сюжетов — даже не столько с л е д ы, сколько их позиция в авторской трактовке произведения. Человек видит с л е д ы, он их, как утверждает Конан Дойл, о б с л е д у е т, он затевает с л е д с т в и е, р а с с л е д о в а н и е. И конечный результат всей этой событийной цепочки может быть обозначен как п о с л е д с т в и я.

Не правда ли, корневое слово «с л е д» обозначает в этой мимолетной характеристике приключенческого сюжета (что древнего, что современного) определенную, стойкую тенденцию. Пока она существует в устоявшейся классике и в «Наследнике из Калькутты» — ее нужно принимать как данность.

Обратимся для полноты картины к другим аналогиям, более близким нынешнему читателю, чем этот весьма почтенный, но все-таки чересчур уж античный Лукиан. Стивенсон, например! Насколько он оригинален? Конечно же, Стивенсон превосходен, но — повторяю — насколько он оригинален? Авторские признания на сей счет, весьма откровенные, никаких лазеек кривотолкам не оставляют. Стивенсон помнил, придумывая свой «Остров сокровищ», замечательный рассказ Эдгара По «Золотой жук». Он опирался на прославленный роман Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». Он учитывал наследие Ирвинга, Купера и Майн Рида. Он включал в систему своих ориентиров «Мичмана Изи» Фредерика Марриета. Причем относился к отношениям с классикой, как моряк — к необходимости поглядывать на компас да на карту, сверяясь от времени до времени с лоцией...

Еще один пример—Рафаэль Сабатини. Автор «Приключений капитана Блада», «Одиссеи капитана Блада» и так далее и тому подобное. Разве не каждому читателю заметна его зависимость от Стивенсона?!

Сыщик Эркюль Пуаро — главный герой «королевы детектива» Агаты Кристи. Бельгийское происхождение героя и английское произношение писательницы прячут от нас то неоспоримое обстоятельство, что он приходится тезкой самому Гераклу. Случайно ли? Я счел бы, что случайно, кабы на каком-то очередном году своей литературной деятельности писательница не выпустила сборник рассказов под названием «Подвиги Геракла», обыграв в нем поочередно все славные деяния античного полубога. Выходит, совпадение имен было заранее запрограммировано — как основа контраста между маленьким человечком с огромными усами, физически слабым, тщедушным — и всемогущим героем. И компонентом образа стала эта реминисценция, повторяющееся напоминание о мифе — проблеск иронической насмешки над мускулами, которые не выдерживают конкуренции с острым умом, с дисциплинированным логическим мышлением.

Попробуйте теперь сказать, что Агата Кристи вышла просто-напросто из современного ей детектива. Вам вполне резонно возразят: она, подобно Афине Палладе, возникла на уровне куда более высоком, в недрах большой литературы, прославленной именами Гомера, Софокла, Еврипида да Аристофана.

Даже неодушевленные детали приключенческой литературы норовят обзавестись более или менее почтенной родословной. И кто может поручиться, что заурядная энтомологическая находка Леграна, золотой жук, не состоит в родстве со священными древнеегипетскими скарабеями, а голубой алмаз, играющий столь большую роль на страницах «Наследника из Калькутты» и, казалось бы, взятый напрокат в «Лунном камне» Уилки Коллинза, — с сокровищами Нибелунгов?!

Традиционный путь мировой приключенческой литературы, обретающей себя в постоянном осмыслении и переосмыслении опыта — собственного или подсмотренного «на стороне», в серьезной словесности, — повторят и наши авторы, мастера остросюжетного романа... Советские Жюль Верны и Майн Риды, Стивенсоны и Буссенары, Уэллсы и Конан Дойлы будут широко применять рецепты авантюрной классики со всеми ее нескончаемыми потасовками, неостановимыми путешествиями, непрекращающимся поиском. Но этот событийный репертуар поступит на службу новым идеям и идеалам. Хотя его использование приобретет в некоторых случаях вульгарно-социалистический крен, в целом процесс ассимиляции традиционного применительно к революционной действительности пойдет успешно, что и засвидетельствуют «Красные дьяволята» П. Бляхина, повести А. Гайдара, творения А. Беляева и многое-многое другое.

Резко усилится писательский упор на познавательные потенциалы жанра. Советские литераторы обратят «приключения» в трибуну (здесь лучше сказать, кафедру) общественных, точных, природоведческих знаний. Насыщенность этой литературы достоверной фактической информацией и теоретическими концепциями сделает ее преуспевающим конкурентом научно-популярной брошюры и даже учебника. И впрямь — кто возьмет на себя сегодня смелость утверждать, что об истории мировой культуры солидные трактаты рассказали читателям больше, подробнее и откровенней, чем увлекательные, не претендующие на академизм приключенческие романы? То же самое можно заявить и о физических основах мироздания. Теорию относительности и структуру вселенной молодежь нередко получает преимущественно «с подачи» приключенческих жанров, не на школьном уроке.

Крепнет воспитательный пафос приключенческой литературы. С ее трибуны (здесь слово «трибуна» уместнее) провозглашаются актуальные политические программы нашего дня — и этические лозунги, наработавшие себе прочную славу общечеловеческих нравственных заповедей. И на страницах головокружительного романа назидания не воспринимаются как скучная нотация.

Но эпигонство — тупиковая ветвь литературы, в том числе и приключенческой. На сознании этого объективного обстоятельства (против коего не попрешь: оно объективное) вызревает противостояние творческого начала подражательному. Начинается конфликт между заимствованной формой и актуальным, злободневным содержанием. И проявляется он, этот конфликт, в пародийных интонациях и ситуациях.

Старым теперь нередко жонглируют и манипулируют, словно

бы подчеркивая его «несерьезность», легковесность. В «Зеленых яблоках» Н. Борисова отрывки из прославленных авантюрных авторов сшиты в единый сюжет, который своими гиперболами перемахивает «планку» допустимого и обращается в пародию.

Пародирование классических «приключений» продолжается в коллективных романах типа «Больших пожаров», сочинявшихся двадцатью пятью писателями — глава за главой. Впрочем, и писатели-одиночки не пренебрегают пародией. Как, например, Валентин Катаев, у которого в «Повелителе железа» главный герой насмешливо подражает капитану Немо, а функции сыщика исполняет бестолковый брат Шерлока Холмса.

Очень остроумны пародии несправедливо забытого в наше время Сергея Заяицкого, особенно его «Красавица с острова Люлю». Там есть много положений и персонажей, чуть ли не в самом деле приглашенных из Стивенсона и Жюля Верна на гастроли. И выполнена эта дипломатическая операция с таким неподдельным комизмом и тактом, что остается только приветствовать веселую писательскую затею одобрительными аплодисментами.

Перечисляю эти факты из истории мировой и советской приключенческой литературы отнюдь не ради просветительства, а с тем, чтобы помочь читателям правильно оценить замысел Р. Штильмарка, автора романа «Наследник из Калькутты». Конечно же, у них то в одном месте, то в другом появится чувство, какое в приключенческих романах обычно изображается в таком роде: «Проснувшись, я испытал загадочное волнение. С одной стороны, я готов поклясться, что никогда в этой пещере не бывал. А с другой — и опять-таки я готов побиться об заклад — все здесь знакомо мне до мельчайшей подробности, как будто я вышел отсюда позавчера! Что бы это могло значить!?»

Разумеется, знакомясь с романом, припоминаешь разное: здесь — Александра Дюма, там — Стивенсона, и к теням Купера, Коллинза, Твена, Хаггарда, Буссенара тоже не раз мысленно обращаешься, выясняя, не потревожены ли они посягательством на их бесспорные авторские права. Что ж, полагаю, все они ответят единогласно, что, мол, не потревожены. Потому что творческое предприятие Р. Штильмарка дозволено, одобрено и даже, быть может, благословлено правилами игры. Той самой игры, в которую и они сами играли.

Так что в некотором смысле «Наследник из Калькутты» — роман романов, пространный дайджест приключенческих мотивов девятнадцатого века. Но роман романов — не значит песня песней, оценочный момент из этого определения исключен. Хотя, конечно, роман романов безусловно перенимает многие достоинства исходного материала, замечательных произведений, вошедших в золотую книгу человеческой культуры. «Наследник из Калькутты» — их законный наследник.

Перечитывать остросюжетный роман, помня все его перипетии, все повороты действия, все завязки и развязки, не всегда—согласитесь — захочется. Прочитать «Наследника из Калькутты» — все равно что заново перечитать всю приключенческую литературу, читая ее как бы по первому разу. В романе присутствуют все признаки, все родовые черты этого «большого жанра», объединяющего в прочном конгломерате авантюру, детектив, «путешествия», фантастику. Вот только фантастики в «Наследнике из Калькутты» маловато — если не считать саму историю его появления на свет.

Приключенческая литература для своего любителя, такого, как Штильмарк, — это особая, заповедная зона мышления, своеобразный «второй мир», где экспериментально проверяются законы «главного мира», первого и единственного. Эта зона внутренне цельна, бесконечна, взаимосвязана и загадочна, как сказочный фольклор.

Между отдельными сюжетами нет границ, но их персонажи свободно прогуливаются взад-вперед, обмениваясь собеседниками, партнерами, географиями и судьбами, выходят в жизнь и возвращаются обратно. Приключенческое мышление подобно огромному готическому замку, с подземными переходами, тронными залами, мрачными подземельями, секретными дверьми, камерами для заключенных, рвами, внутренними двориками, укромными комнатами для фрейлин и тайными закулисными каморками для заговорщиков (или для добрых фей)... И оно подобно бескрайнему океану, с ураганами, островами, шхунами, пиратами, абордажами, сокровищами, пленниками. Поистине «Наследник из Калькутты».

Архитектура приключенческого романа (в частности «Наследника из Калькутты») сочиняется пестрым коллективом зодчих, среди которых и Фантазия, и Игра, и Чудо, и Реалистическая Правда, и Поток Информации, и Рациональная Мотивировка, и Назидание, и Случайное Совпадение, и Динамика. А сочинитель просто пишет под их диктовку.

Детство дарит нам магию нераскрытой тайны. Не только сказочной — реальной. Сколько их, таких тайн, навсегда похоронено за порогом непреодолимой стены, на которой начертано: «Что было, того не вернешь!» Замершие на чьих-то устах слова, какие-то роковые люди, непонятные волнения и радости взрослых. Все это мы пытались когда-то разгадать и — зачастую тщетно, тщетно. И вдруг оно повстречалось нам опять — в «Наследнике из Калькутты», — и оно здесь, кажется, досказано, доведено до логического конца.

Восхищаясь «Наследником из Калькутты» за его славную литературную генеалогию, мы словно закрывали глаза на то, что многие его, казалось бы, положительные персонажи эгоистичны, что они не стесняются малопривлекательных, по нашим меркам, ролей: пиратов, обманщиков, льстецов, взирая на мир по самому беспринципному принципу: «все здесь относительно, а потому на каждое явление можно посмотреть и так, и этак, и еще как-нибудь...» Такой герой нам давно знаком по прошлым деяниям. Это благородный жулик. Выходец из плутовского романа, закоренелый плебей, Санчо Панса, он мало-помалу набирается аристократизма, беззаботный проказник обращается в озабоченного исследователя и карателя, обыкновенный жулик — в жулика б л а г о р о д н о г о, а под конец и просто б л а г о р о д н о г о, безо всякого «жулик». Ну, впрямь — рыцарь без страха и упрека, новоявленный Дон Кихот, покончивший, впрочем, со своей былой опрометчивостью и прямолинейностью. Теперь он допускает компромиссы. Париж стоит, с его точки зрения, мессы, и обман уместен, если в конечном счете ведет к торжеству справедливости.

Наиболее известную реализацию этой концепции образа являет собой, конечно, д'Артаньян, сочетающий Дон Кихота и Санчо Пансу в динамичных колеблющихся пропорциях. А наиболее последовательную — граф Монте-Кристо, детектив-мститель, и остепенившийся разбойник Рокамболь. На поприще новой литературы благородного жулика с наибольшим успехом воплощают герои О'Генри

или Честертона, прекрасно играющие на различиях между авантюрой и пародией на авантюру.

Сегодня мы можем приписать к этому перечню героев Р. Штильмарка.

Главное в фигуре благородного жулика, как она прочитывается историей мировой литературы, — преодоление прошлого. В отличие от десятков, от сотен и тысяч изначально б л а г о р о д н ы х, которые твердят со страниц несчетных романов и повестей: «Ах, мы знавали лучшие времена!», благородный протестант исповедует совсем другую веру и, соответственно, другое отношение к жизни: он знавал худшие времена. И с этой позиции полон решимости освободить настоящее от прошлого. Отсюда его неразборчивость в средствах, нежелание «мелочиться». Отсюда его милосердие, доходящее не только до элементарной чувствительности — до сентиментальности. Отсюда — безоговорочный протест против лжи, фальши. Отсюда — бикфордовы шнуры мистификаций, подводимые под цитадели всяческого старья.

Вот и все о романе Штильмарка как о самом обыкновенном из обыкновенных. Пускай в этой обыкновенности наблюдалось кое-что не совсем обыкновенное, на фоне последующих абзацев оно должно смиренно помалкивать. Потому что — и сне уже было заявлено — «Наследник из Калькутты» — феномен незаурядный, а может быть, и уникальный.

Создавался он в заполярной тайге. По словам автора, «в экспедиционно-полевой обстановке». «Наш коллектив, — продолжает Р. Штильмарк, — принес с собой в Заполярье... привычку разумно тратить золотое время как на работе, так и на отдыхе...

И вот однажды зашла речь о том, как же раньше, в другие времена, в других странах осваивались новые земли, как возникали поселения людей, приходивших из-за моря на другие материки, кто были эти люди, как они себя вели в чужих лесах и снегах, какие цели ставили перед собою. Вот тогда-то и возник замысел романа, ибо готовой литературы, освещающей эту тему, не оказалось.

...Вместе с технической специальностью геодезиста автор принес с собой в этот коллектив некоторый литературный опыт, любовь к исторической теме, острую ненависть к живучему мифу о «добром старом времени» капитализма. И он решил попробовать свои силы на поприще устного «самостоятельного» творчества в качестве романиста-рассказчика у костра».

Потом появились перо, бумага и чернила, выткались из небытия помощники и советчики, мало-помалу сотворилась рукопись, которую таскали за собой в рюкзаке. Но все это было уже потом. А сначала был одинокий бард, принявший на себя тяжелое бремя творчества.

Вот этим-то и уникален «Наследник из Калькутты». Не своей зависимостью от чужих сюжетов — подумаешь эка заслуга, в шпаргалки заглядывал и Шекспир. Не своей сюжетной пестротой, чередованиями взлетов и падений, внезапностей и предвкушений, бед и побед — на поприще событийной, сюжетной эквилибристики куда больше преуспела классика, да хоть тот же Дюма-отец (или любой тренированный американский детективщик, мнящий, будто он и есть Дюма — дух святой)... Нет, «Наследник из Калькутты» уникален прежде всего силой человеческого духа, способного сохранить верность детству, верность сказке (а через нее — вере и надежде) в

самых отчаянных обстоятельствах, в условиях тяжких, экстраординарных, на пороге, отделяющем жизнь от смерти, выносимое от невыносимого.

Может быть, процитированные чуть выше слова автора — только приключенческая метафора. Но важно другое — для истории и для нас, ныне живущих: надо было много мужества, чтобы подняться над конкретикой трудностей — и воспарить в приключениях. По сути дела, «Наследник из Калькутты» — аналог того романа Джека Лондона, где герой спасается от тюрьмы мысленными путешествиями во времени. А разве не такой же путь к свободе личности изыскивает один историк из знаменитого произведения М. Булгакова — человек, устремляющийся на крыльях своего романа в библейскую старину!? «Наследник из Калькутты» — тоже опыт по проблеме переселения душ.

Вот как бывает! Не будучи великой, приключенческая литература разделяет миссию великой, а иногда там, где великая молчит, перенимает ее дело, подхватывает, спасает — порою даже воспламеняет — ее факел. И несет, несет вперед!.. И этот факел, и душу, в порыв, и желание жить дальше.

Совсем недавно одного человека при мне убеждали, что он очень молодо выглядит. И он, по-моему, с каждой минутой все больше чувствовал, как он стар... Здесь самое место повторить: «Наследник из Калькутты» — увлекательный роман. Но я воздержусь от этой, пожалуй, излишней похвалы.

Так уж устроена жизнь приключенческого героя: кирпич, якобы нависающий над всяким смертным, угрожает свалиться на голову именно ему. Когда меня попросили написать о «Наследнике из Калькутты», я грешным делом подумал, покосившись на огромный том: «Ну вот, наконец и я дождался своего кирпича». Прочитав роман, я раскаялся: под видом кирпича на нас сваливается иногда настоящее удовольствие, чистая, неподдельная радость!

Меня тешит надежда, что читатель разделит эту мою радость.

А. Вулис

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление. Джентльмен и слуга 4

Часть I

В ДОБРОМ СТАРОМ БУЛЬТОНЕ

Глава первая. Рукопись мистера Мортона . . 20
Глава вторая. Люди, нужные королевству . . 48
Глава третья. Островитяне 75
Глава четвертая. Крестники Нептуна . . . 92
Глава пятая. Леопард и шакалы 111
Глава шестая. Постоялец миссис Бингль . . 145
Глава седьмая. Клинок и кольчуга 170
Глава восьмая. Костер на ветру 194
Глава девятая. Пасынок святой Маддалены . 225
Глава десятая. Могила на острове 262

Часть II

БРАТСТВО КАПИТАНА БЕРНАРДИТО

Глава одиннадцатая. Сказки об Одноглазом Дьяволе 282
Глава двенадцатая. В Голубой долине . . . 322
Глава тринадцатая. Семена небесной благодати 346
Глава четырнадцатая. Секретарь виконта . . 372
Глава пятнадцатая. По дороге, ведущей вверх 404
Глава шестнадцатая. Уроки мистера О'Хири . 437
Глава семнадцатая. «Летучий голландец» . . 475
Глава восемнадцатая. Всевидящее око . . . 512

Часть III

СОЛНЕЧНЫЙ ОСТРОВ

Глава девятнадцатая. «Три идальго» . . . 566
Глава двадцатая. Терпин-бридж 604
Глава двадцать первая. Пастырь и агнец . . 646
Глава двадцать вторая. Старый роялист . . 683
Глава двадцать третья. Охотники за Леопардом 713
Глава двадцать четвертая. Солнечный остров . 740

Роман романов, или Наследник давней традиции.
А. Вулис 774

Литературно-художественное издание

Роберт Александрович Штильмарк

НАСЛЕДНИК ИЗ КАЛЬКУТТЫ

Роман

Печатается по изданию: Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты. Казахское государственное учебно-педагогическое издательство. Алма-Ата, 1959.

Ответственный за выпуск Л. Казакова
Художник В. Будаев
Художественный редактор А. И. Кива
Технический редактор Т. Смирнова
Корректор Л. Кумехова

ИБ № 4168

Сдано в набор 08. 02. 88. Подписано в печать 27. 07. 88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2 Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 41,16. Усл. кр.-оттисков 41,16. Уч.-изд. л. 45,19. Тираж 240000. Заказ № 16. Цена 5 р. Договор № 5—88.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано в типографии издательства «Таврида», 333700, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.
Отпечатано в тип. № 2 ТПО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Янгиюль, ул. Самаркандская, 44.

Штильмарк Р.

Наследник из Калькутты: Роман. — Т.: Изд-во лит. и искусства, 1989. — 784 с.

Свой роман Р. А. Штильмарк (1909—1985) создавал в Заполярье в послевоенные годы, в обстоятельствах сложных, подчас трагических. Написанный от руки, вариант романа попал в Москву, где едва не затерялся, а затем стал основой книги, которая впервые была опубликована в 1958 году.

Автор выбрал для романа необычно противоречивую, бурную пору конца XVIII века, в качестве фона для развития фабулы — Англию. Используя занимательный, авантюрный сюжет, Р. Штильмарк стремился показать прогрессивную борьбу ее колоний за независимость, и в то же время жестокость колониального режима там, куда проникал молодой капитализм.

Р2